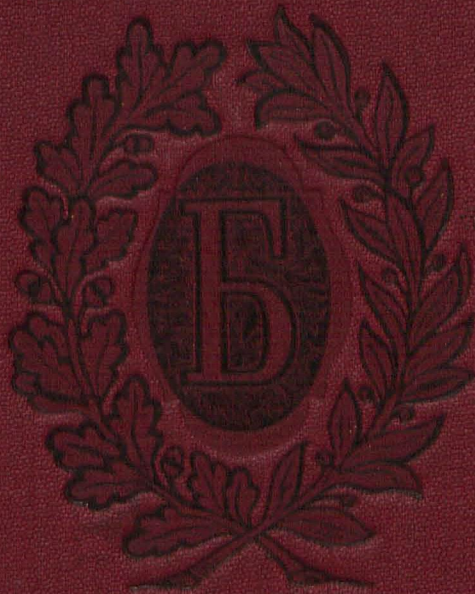

M

69
56

T.5

М 69 [18611]
56

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

„ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ“

А. Э. БРЭМА

СО МНОЖЕСТВОМ ПОЛИТИПАЖЕЙ И ХРОМОЛИТОГРАФИЯМИ

ВЪ ДЕСЯТИ ТОМАХЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ 3-го НѢМЕЦКАГО ИСПРАВЛЕННАГО И ДОПОЛНЕННАГО ИЗДАВІЯ

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ МАГИСТРА ЗООЛОГІИ К. К. СЕНТЬ-ИЛЕРА.

Томъ V.

П Т И Ц Ы.

Курукуйки. — Пилоносы. — Удодовыя. — Зимородки. — Кукушковые. — Совиныя. — Козодой. — Сиворакиши. — Попугаи. — Голубиные. — Куриныя. — Водяныя курочки. — Журавлиныя.

7921

931-8471

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАВІЕ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“ И К^О.
БОЛЬШАЯ ПОДЪЯЧЕСКАЯ, 89.

1894.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 31 января 1894 г.

2011136643

Оглавление V-го тома

Иллюстрированной „Жизни Животныхъ“ А. Э. Брэма.

Отрядъ I: Древесныя птицы (продолженіе).

	Стр.		Стр.
XXXV-е Сем. Зубоклювыя. Trogonidae.	1	2-й родъ. Ночныя шурки. <i>Nyctior-nis</i>	50
1-й родъ. Огненная курукуйка. <i>Naipactes</i>	2	Зангрокъ. <i>N. athertoni</i>	50
Полосатая курукуйка. <i>N. fasciatus</i>	2	XXXIX-ое Сем. Зимородковыя. Alcedinidae	52
2-й родъ. Настоящія курукуйки. <i>Trogon</i>	3	Зимородки-рыболовы. <i>Alcedininae</i>	53
Нарина. <i>T. narina</i>	3	1-й родъ. Зимородки. <i>Alcedo</i>	55
Настоящая курукуйка. <i>T. surucua</i>	5	Обыкновенный зимородокъ. <i>A. isipida</i>	55
Помпей. <i>T. viridis</i>	5	2-й родъ. Сѣрые зимородки. <i>Ceryle</i>	63
Токоро. <i>T. tennurus</i>	7	Сѣрый зимородокъ <i>C. rudis</i>	63
3-й родъ. Павлиньи курукуйки. <i>Salpurgus</i>	8	Алціоновыя. <i>Halcyoninae</i>	66
Квеазаль. <i>S. resplendens</i>	8	3-й родъ. Древесныя алціоны. <i>Halcyon</i>	68
XXXVI-е Сем. Птицы-носороги. Bucconidae.	10	Древесная алціона. <i>H. semioe-guleus</i>	68
1-й родъ. Токи. <i>Rhynchoceros</i>	12	Гигантская алціона. <i>H. giganteus</i>	70
Токъ. <i>Rh. erythrorhynchus</i>	12	4-й родъ. Райскія алціоны. <i>Tanysip-tera</i>	74
2-й родъ. Шлемоносныя калао. <i>Buc-ceros</i>	15	Райская алціона. <i>T. galatea</i>	74
Двурогій калао. <i>B. bicornis</i>	15	XI-ое Сем. Плоскоклювыя. Todidae.	74
Джуланъ. <i>B. plicatus</i>	22	1-й родъ. Плоскоклювы. <i>Todus</i>	75
Индійскій калао. <i>B. subruficollis</i>	22	Тоди. <i>T. viridis</i>	75
3-й родъ. Абагамбы. <i>Tmetoceros</i>	25	Пестрый тоди. <i>T. multicolor</i>	75
Абагамба. <i>T. abyssinicus</i>	25	XII-ое Сем. Пилоракиши. Prionitidae.	78
XXXVII-ое Сем. Удодовыя. Uropidae.	31	1-й родъ. Момоты. <i>Prionites</i>	79
1-й родъ. Удоды. <i>Urupa</i>	31	Момоть. <i>P. brasiliensis</i>	79
Обыкновенный удодъ. <i>U. erops</i>	31	XIII-ое Сем. Кукушковыя. Cuculidae.	82
2-й родъ. Древесныя удоды. <i>Jrrior.</i>	35	Древесныя кукушки. <i>Cuculinae</i>	82
Древесный удодъ. <i>I. erythorhynchus</i>	35	1-й родъ. Кукушки. <i>Cuculus</i>	83
XXXVIII-ое Сем. Щурковыя. Meropidae.	38	Обыкновенная кукушка. <i>C. sa-pogus</i>	83
1-й родъ. Щурки. <i>Merops</i>	38	2-й родъ. Золотистыя кукушки. <i>Chrysococcyx</i>	103
Золотистая щурка. <i>M. apiaster</i>	40	Золотистая кукушка. <i>Ch. sup-reus</i>	103
Египетская щурка. <i>M. aegyptius</i>	41	Тукановыя кукушки. <i>Coccy-stinae</i>	106
Пурпуровая щурка. <i>M. nubicus</i>	47	3-й родъ. Исполинскія кукушки. <i>Scythrops</i>	107
Австралійская щурка. <i>M. ornatus</i>	49		

	Стр.		Стр.
Исполинская кукушка. <i>S. novae-hollandiae</i>	107	Соколиная сова. <i>N. funerea</i>	177
4-й родъ. Кукилы. <i>Eudynamis</i>	109	4-й родъ. Сычи. <i>Nyctala</i>	183
Кукиль. <i>E. nigra</i>	109	Обыкновенный сычъ. <i>N. tengmalmi</i>	183
5-й родъ. Высоконогоя кукушки. <i>Coccyzus</i>	112	5-й родъ. Сирины. <i>Carine</i>	186
Желтоклювая кукушка. <i>C. americanus</i>	112	Сиринъ домовый. <i>C. noctua</i>	186
6-й родъ. Сойковыя кукушки. <i>Coccyzus</i>	116	Сиринъ пустынный. <i>C. glaucus</i>	186
Хохлатая кукушка <i>C. glandarius</i>	117	Сиринъ воробьиный. <i>C. passerina</i>	189
Кустовыя кукушки. <i>Zanctostominae</i>	122	6-й родъ. Пещерныя совы. <i>Speotyto</i>	193
7-й родъ. Настоящія кустовыя кукушки. <i>Zanctostomus</i>	122	Кроликовая сова. <i>S. cucularia</i>	193
Банъ-Кокиль. <i>Z. tristis</i>	122	Подземная сова. <i>S. hypogaea</i>	193
8-й родъ. Ящеричныя кукушки. <i>Saurothera</i>	123	7-й родъ. Филины. <i>Bubo</i>	197
Ящеричная кукушка. <i>S. vetula</i>	123	Филинъ-пугачъ. <i>B. ignavus</i>	197
9-й родъ. Земляныя кукушки. <i>Geococcyx</i>	125	Бѣдный филинъ. <i>B. turcomanus</i>	199
Кукушка-пѣтушокъ. <i>G. californianus</i>	125	Фараоновъ филинъ. <i>B. ascalaphus</i>	199
10-й родъ. Шпорцевыя кукушки. <i>Centropus</i>	128	8-й родъ. Ушастыя совы. <i>Asio</i>	202
Сенегальскій кукаль. <i>C. senegalensis</i>	129	Ушастая сова. <i>A. otus</i>	202
Фазановая кукушка. <i>C. phasianus</i>	130	Болотная сова. <i>A. accipitrinus</i>	209
Клещеядныя кукушки. <i>Crotophaginae</i>	132	9-й родъ. Карликовыя совы. <i>Pisogrhina</i>	212
11-й родъ. Клещеяды. <i>Crotophaga</i>	132	Сплюшка. <i>P. scops</i>	212
Ани. <i>C. minor</i>	133	10-й родъ. Водяныя совы. <i>Smilodux</i>	214
XIII-е Сем. Банановдовыя. Musopha- gidae	138	Водяная сова. <i>S. ceylonensis</i>	214
1-й родъ. Турако. <i>Corythaeolus</i>	139	XLVII-ое Сем. Козодоевыя. Caprimul- gidae	216
Исполинскій турако. <i>C. cristatus</i>	139	1-й родъ. Козодой. <i>Caprimulgus</i>	220
2-ой родъ. Банановды. <i>Musopha- ga</i>	141	Обыкновенный козодой. <i>C. euro- paeus</i>	220
Фиолетовый турако. <i>M. violacea</i>	142	Рыжеобый козодой. <i>C. ruficollis</i>	222
Южный банановдъ. <i>M. rossae</i>	142	Жалобный козодой. <i>C. vociferus</i>	223
3-ий родъ. Шлемоносныя турако. <i>Corythaix</i>	143	2-й родъ. Длиннохвостые козо- дой. <i>Scotornis</i>	224
Бѣлошей турко. <i>C. leucotis</i>	143	Длиннохвостый козодой. <i>S. longi- caudatus</i>	224
Турако-хохлячъ. <i>C. persa</i>	145	3-й родъ. Водные козодой. <i>Nyctoporsalis</i>	225
4-й родъ. Крикливый турако. <i>Schizo- rnis</i>	147	Лирохвостый козодой. <i>N. forcipa- tus</i>	225
Гугука. <i>Sch. zonurus</i>	147	4-й родъ. Вымпеловыя козодой. <i>Cosmetornis</i>	226
XLIV-ое Сем. Влестяжковыя. Galbuli- dae	149	Вымпеловый козодой. <i>C. vexilla- rius</i>	226
1-й родъ. Жакамары. <i>Galbula</i>	150	5-й родъ. Четырехкрылыя козо- дой. <i>Macrodipteryx</i>	227
Жакамаръ. <i>G. viridis</i>	150	Четырехкрылый козодой. <i>M. lon- gipennis</i>	227
XLV-ое Сем. Лявныя. Bucconidae	151	6-й родъ. Почныя соколы. <i>Chordei- les</i>	239
1-й родъ. Трапписты. <i>Monastes</i>	152	Почной соколъ. <i>Ch. virginianus</i>	239
Траппистъ. <i>M. fusca</i>	152	7-й родъ. Исполинскіе козодой. <i>Nyctibius</i>	242
XLVI-ое Сем. Совиныя. Strigidae	154	Ибихау. <i>N. grandis</i>	243
1-й родъ. Сипухи. <i>Strix</i>	160	XLVIII-ое Сем. Жирныя козодой. Stea- tornithidae	247
Сипуха обыкновенная. <i>S. flammea</i>	160	1-й родъ. Гуахаро. <i>Steatornis</i>	247
2-й родъ. Пеленыти. <i>Syrnium</i>	165	Гуахаро. <i>S. caripensis</i>	247
Сѣрая сова. <i>S. aluco</i>	165	XLIX-ое Сем. Подарговыя. Podargidae	254
Уральская сова. <i>S. uralense</i>	169	1-й родъ. Бѣлоноги. <i>Podargus</i>	254
Лапландская сова. <i>S. lapponicum</i>	171	Исполинскій бѣлоногъ. <i>P. australis</i>	254
Пепельная сова. <i>S. cinereum</i>	172	2-й родъ. Лягушечныя бѣлоноги. <i>Batrachostomus</i>	258
3-й родъ. Снѣжныя совы. <i>Nyctea</i>	174	Ушастый бѣлоногъ. <i>B. auritus</i>	258
Сова бѣланка. <i>N. scandiaca</i>	174	3-й родъ. Карликовыя бѣлоноги. <i>Aegotheles</i>	260
Летребиная сова. <i>N. ulula</i>	177		

	Стр.		Стр.
Карликовый бѣлоногъ. <i>Ae. novaehollandiae</i>	260	Азиатскій широкоротъ. <i>E. orientalis</i>	271
I-ое Сем. Сиворакии. <i>Coraciidae</i>	262	II-ое Сем. Буроловныя. <i>Leptosomidae</i>	273
1-й родъ. Сиворожки. <i>Coracia</i>	262	1-й родъ. Буролы. <i>Leptosomus</i>	273
Сиворовонка. <i>C. garrula</i>	265	Куролъ. <i>L. afer</i>	273
2-й родъ. Широкороты. <i>Eurystomus</i>	271		

Отрядъ II Попугаи. (Psittacornithes).

	Стр.		Стр.
I-ое Сем. Короткохвостые попугаи. <i>Pioninae</i>	302	Многоцвѣтный лори. <i>T. novaehollandiae</i>	369
1-й родъ. Вѣрные попугаи. <i>Deopteryx</i>	302	VI-ое Сем. Карликовые попугаи. <i>Micropsittacinae</i>	371
Вѣрный попугай. <i>D. accipitrinus</i>	302	1-й родъ. Дятловые попугайчики. <i>Nasiterna</i>	371
2-й родъ. Амазонскіе попугаи. <i>Androglossa</i>	305	Карликовый зеленый попугайчикъ. <i>N. rugosa</i>	372
Амазонскій попугай. <i>A. amazonica</i>	305	VII-ое Сем. Широкохвостые попугаи. <i>Platysercinae</i>	373
II-ое Сем. Клинохвостые попугаи. <i>Conurinae</i>	309	1-й родъ. Настоящіе широкохвостые попугаи. <i>Platysercus</i>	373
1-й родъ. Толстоклювые попугаи. <i>Bolborhynchus</i>	309	Розелла. <i>P. eximius</i>	375
Калита. <i>B. monachus</i>	309	2-й родъ. Луговые попугаи. <i>Eurhema</i>	376
2-й родъ. Узкоклювые попугаи. <i>Brotoperyx</i>	315	Лаурный попугай. <i>E. pulchella</i>	377
Тирика. <i>B. viridissima</i>	316	3-й родъ. Нимфы. <i>Callipsittacus</i>	378
3-й родъ. Длинноклювые попугаи. <i>Henicognathus</i>	318	Корелла. <i>C. novaehollandiae</i>	378
Длинноклювый попугай. <i>H. lertorhynchus</i>	318	4-й родъ. Волнистые попугайчики. <i>Melopsittacus</i>	380
4-й родъ. Настоящіе клинохвостые попугаи. <i>Conurus</i>	321	Волнистый попугайчикъ. <i>M. undulatus</i>	380
Каролинскій попугай. <i>C. carolinensis</i>	322	VIII-ое Сем. Какаду. <i>Plissolophinae</i>	390
5-й родъ. Арары. <i>Sittace</i>	329	1-й родъ. Черные какаду. <i>Microglossus</i>	396
Гиадинтовый ара. <i>S. hyacinthina</i>	330	Черный какаду. <i>M. aterrimus</i>	396
Араканга. <i>S. soccinea</i>	330	2-й родъ. Вороновые какаду. <i>Calyptrorhynchus</i>	400
Зеленокрылый ара. <i>S. chloroptera</i>	331	Красноголовый какаду. <i>C. galeatus</i>	400
Арауана. <i>S. caerulea</i>	331	Банковъй какаду. <i>C. banksii</i>	402
III-ье Сем. Сѣрые попугаи. <i>Psittacinae</i>	337	3-й родъ. Настоящіе какаду. <i>Plissolophus</i>	404
1-й родъ. Сѣрые попугаи. <i>Psittacus</i>	337	Молукскій какаду. <i>P. moluccensis</i>	405
Сѣрый попугай. <i>P. erithacus</i>	337	Инка. <i>P. leadbeateri</i>	407
IV-ое Сем. Попугайчиковыя. <i>Palaeorhithinae</i>	348	4-й родъ. Посатые какаду. <i>Licmetis</i>	408
1-й родъ. Перазлучные. <i>Agarornis</i>	348	Посатый какаду. <i>L. nasicus</i>	408
Красношейный попугайчикъ. <i>A. roseicollis</i>	348	Сребрущий какаду. <i>L. pastinator</i>	408
2-й родъ. Новогвинейскіе попугаи. <i>Ecolictus</i>	352	5-й родъ. Несторы. <i>Nestor</i>	409
Зеленокрасный попугай. <i>E. rectoralis</i>	352	Кака. <i>N. meridionalis</i>	410
1-й родъ. Попугайчики. <i>Palaornis</i>	354	Каа. <i>N. notabilis</i>	410
Ожереловый попугай. <i>P. torquatus</i>	355	IX-ое Сем. Совинные попугаи. <i>Stringopinae</i>	416
V-ое Сем. Попугаи-лори. <i>Trichoglossinae</i>	361	1-й родъ. Земляные попугаи. <i>Pezoporopus</i>	416
1-й родъ. Попугаи-непопуги. <i>Coryllis</i>	361	Земляной попугай. <i>P. formosus</i>	416
Серендакъ. <i>C. galgulus</i>	362	2-й родъ. Какапо. <i>Stringops</i>	418
2-й родъ. Дамскіе лори. <i>Domicella</i>	264	Какапо. <i>St. habroptilus</i>	418
Дамскій лори. <i>D. atricapilla</i>	265		
3-й родъ. Клинохвостые лори. <i>Trichoglossus</i>	367		

Отрядъ III: Голубиные. (Peliornithes).

	Стр.		Стр.
I-ое Сем. Голуби. Columbidae	429	7-й родъ. Пикобарскіе голуби. <i>Colo-</i>	463
1-й родъ. Хвостатые голуби.		Никобарскій голубь. <i>C. nicobarica</i>	463
<i>Ectopistes</i>	429	8-й родъ. Вѣнценосные голуби. <i>Me-</i>	
Странствующій голубь. <i>E. migra-</i>		<i>garelia</i>	465
<i>torius</i>	429	Вѣроносный голубь. <i>M. coronata</i> .	465
2-й родъ. Лѣсные голуби. <i>Columba</i>	436	Вѣнценосный голубь. <i>M. victoriae</i> .	465
Вяхирь. <i>C. balumbus</i>	436	9-й родъ. Шипконосные голуби.	
Бѣлошейный голубь. <i>C. trocaz</i> ...	440	<i>Alectroenas</i>	468
Клинтухъ. <i>C. oenas</i>	440	Шипконосный голубь. <i>A. pulcher-</i>	
Дикій полевой голубь. <i>C. livia</i> ...	442	<i>rimus</i>	468
3-й родъ. Малые голуби. <i>Peristera</i> .	446	10-й родъ. Ваали. <i>Trogon</i>	469
Голубь-малютка. <i>P. agra</i>	446	Ваали. <i>T. vaalia</i>	469
4-й родъ. Горлицы. <i>Turtur</i>	448	11-й родъ. Зубчатые голуби. <i>Didun-</i>	
Горлица обыкновенная. <i>T. commu-</i>		<i>culus</i>	472
<i>nis</i>	448	Зубчатый голубь. <i>D. strigirostris</i> .	472
Восточная горлица. <i>T. rupicolus</i> .	448	II-е Сем. Рябки. Pteroclididae	475
Гимри. <i>T. senegalensis</i>	448	1-й родъ. Степная курочка. <i>Syrharp-</i>	
Египетскій голубь. <i>T. risorius</i> ...	452	<i>tes</i>	477
5-й родъ. Зеркальные голуби. <i>Phaps</i> .	455	Саджа. <i>S. paradoxus</i>	478
Хохлатый голубь. <i>P. lophotes</i> ...	455	2-й родъ. Собственно рябки. <i>Ptero-</i>	
Бронзовый голубь. <i>Ph. chalcoptera</i>	456	<i>cles</i>	490
6-й родъ. Земляные голуби. <i>Geotry-</i>		Ганга. <i>P. arenarius</i>	490
<i>gon</i>	458	Кхата. <i>P. alchata</i>	491
Рябичковъ голубь. <i>G. cyapose-</i>		Сенегальскій рябокъ. <i>P. exustus</i> .	491
<i>phala</i>	458	Рябокъ Лихтенштейна. <i>P. lichten-</i>	
Кривой голубь. <i>G. cruentata</i> ...	460	<i>steinii</i>	494

Отрядъ IV: Куриные. (Alectoridornithes).

	Стр.		Стр.
I-е Сем. Тетеревиныя. Tetraoninae ...	506	Сѣрая куропатка. <i>P. cinerea</i> ...	578
1-й родъ. Тетерева. <i>Tetrao</i>	508	3-й родъ. Франколинны. <i>Pternistes</i> .	583
Глухарь. <i>T. urogallus</i>	508	Туратъ. <i>P. vulgaris</i>	585
Сибирскій глухарь. <i>T. urogalloides</i>	509	4-й родъ. Горныя индѣйки. <i>Mega-</i>	
Косачъ. <i>T. tetrix</i>	524	<i>lorperdix</i>	587
Тетеревъ-чернышъ. <i>T. mlokosie-</i>		Кавкасская горная индѣйка <i>M.</i>	
<i>wiczii</i>	525	<i>caucasica</i>	587
Тетеревъ-межнякъ. <i>T. urogallo-</i>		Зюнгарская куропатка. <i>M. hima-</i>	
<i>tetrix</i>	534	<i>layensis</i>	590
Рябчикъ. <i>T. bonasia</i>	538	5-й родъ. Перепела. <i>Coturnix</i>	596
Луговой тетеревъ. <i>T. cupido</i> ...	544	Перепелка. <i>C. communis</i>	596
2-й родъ. Бѣлыя куропатки. <i>Lago-</i>		6-й родъ. Странусовые перепела.	
<i>rus</i>	549	Скрытчикъ.....	602
Бѣлая куропатка. <i>L. albus</i>	552	Рулуть. <i>C. cristatus</i>	602
Шотландскій тетеревъ. <i>L. scoticus</i>	554	III-е Сем. Древесныя куры. Odonto-	
Бѣлый межнякъ. <i>L. lagopoides</i> ..	559	<i>phoridae</i>	604
Горный тетеревъ. <i>L. mutus</i>	560	1-й родъ. Древесныя перепела.	
II-е Сем. Куропатковыя. Perdrianae.	567	<i>Ortux</i>	605
1-й родъ. Горныя куропатки.		Виргинская перепелка. <i>O. virgi-</i>	
<i>Sassabis</i>	568	<i>nianus</i>	605
Каменная куропатка. <i>C. saxatilis</i> .	568	2-й родъ. Хохлатые перепела.	
Греческая куропатка. <i>C. graeca</i> .	568	<i>Callipepla</i>	608
Чукаръ. <i>C. chukar</i>	568	Калифорнскій перепелъ. <i>C. cali-</i>	
Красная куропатка. <i>C. rufa</i> ...	572	<i>formica</i>	608
Западная куропатка. <i>C. petrosa</i> ...	577	Хохлатый перепелъ. <i>C. gambeli</i> .	608
2-й родъ. Сѣрыя куропатки. <i>Per-</i>		IV-е Сем. Фазановыя. Phasianinae ...	613
<i>dix</i>	578	1-й родъ. Пѣтухи. <i>Gallus</i>	615

	Стр.		Стр.
Банкивский пѣтухъ <i>G. ferrugineus</i>	616	Индюкъ <i>M. galloravo</i>	652
Гангскій пѣтухъ <i>G. varius</i>	615	Павлинй индюкъ <i>M. ocellata</i>	652
Джунглевый пѣтухъ <i>G. stanleyi</i>	616	VIII-е Сем. Цесарковыя. Numidinae.	659
Каркающий пѣтухъ <i>G. sonnerati</i>	616	1-й родъ. Цесарки. <i>Numida</i>	659
2-й родъ. Фазановыя куры. <i>Euplocomus</i>	617	Грифова цесарка. <i>N. vulturina</i>	659
Кирричь. <i>E. melanotus</i>	618	Кавга <i>N. pulcherani</i>	660
Келичь. <i>E. albocristatus</i>	618	Обыкновенная цесарка. <i>N. meleagris</i>	661
Серебряный фазанъ. <i>E. uythemerus</i>	620	Хохлатая цесарка. <i>N. cristata</i>	662
3-й родъ. Ушастые фазаны. <i>Crossoptilon</i>	622	Кистевая цесарка. <i>N. ptilorhyncha</i>	662
Синій фазанъ. <i>C. auritus</i>	622	IX-е Сем. Гокко. Caccidae.	667
Манджурскій фазанъ. <i>C. manschuricus</i>	622	1-й родъ. Настоящие гокко. <i>Crax</i>	667
4-й родъ. Настоящие фазаны. <i>Phasianus</i>	625	Гокко. <i>C. alector</i>	668
Обыкновенный фазанъ. <i>Ph. colchicus</i>	626	Мутунгъ. <i>C. sarunculata</i>	670
Королевскій фазанъ. <i>Ph. reevesii</i>	626	2-й родъ. Пенелопы. <i>Penelope</i>	674
Пестрый фазанъ. <i>Ph. versicolor</i>	630	Шакупемба. <i>P. superciliaris</i>	675
Золотистый фазанъ. <i>Ph. pictus</i>	631	X-е Сем. Большеногія куры. Megapodiidae	677
Алмазный фазанъ. <i>Ph. amherstiae</i>	632	1-й родъ. Большеноги. <i>Megapodius</i>	677
V-е Сем. Павлиновыя. Pavoinae	632	Большеногъ. <i>M. tumulus</i>	678
1-й родъ. Павлины <i>Pavo</i>	632	2-й родъ. Молотковые большеноги. <i>Cathartus</i>	680
Обыкновенный павлинь <i>P. cristatus</i>	635	Молотковый большеногъ. <i>C. rubripes</i>	680
2-й родъ. Лофофоры. <i>Lophophorus</i>	639	Кустовая курица. <i>C. lathamii</i>	682
Монаулъ. <i>L. impayanus</i>	640	XI-е Сем. Хохлатыя куры. Opisthocomidae	686
3-й родъ. Сатирь. <i>Ceratomis</i>	643	1-й родъ. Хохлатая курица. <i>Opisthocomus</i>	686
Сатирь. <i>C. satyra</i>	643	Цыганская курица. <i>O. cristatus</i>	686
Рогатый фазанъ. <i>C. temminckii</i>	643	XII-е Сем. Скрытохвостыя куры. Crypturiformes	687
Еварь. <i>C. melanoccephala</i>	644	1-й родъ. Скрытохвостая курица. <i>Rhynchotus</i>	689
4-й родъ. Шпорники. <i>Polyplectron</i>	647	Ивамбу. <i>Rh. rufescens</i>	689
Чинкисъ. <i>P. chinquis</i>	648	XIII-е Сем. Безкрыловыя. Apterygiformes	690
VI Сем. Аргусовыя. Arginae.	649	1-й родъ. Безкрылы. <i>Apteryx</i>	691
1-й родъ. Аргусы. <i>Argus</i>	650	Безкрыль. <i>A. australis</i>	691
Аргусъ. <i>A. giganteus</i>	650	Киви. <i>A. mantelli</i>	691
VII-е Сем. Индюковыя. Meleagrinae.	651		
1-й родъ. Индюки. <i>Meleagris</i>	651		

Отрядъ V: Водяныя курочки. (Phalaridornithes).

	Стр.		Стр.
I-е Сем. Лысуховыя. Gallinulinae	695	Погоньшъ. <i>O. porzana</i>	706
1-й родъ. Водяныя курочки. <i>Fulica</i>	696	Малая болотная курочка. <i>O. parva</i>	708
Лысуха. <i>F. atra</i>	696	Курочка-крошка. <i>O. pusilla</i>	708
Испанская лысуха. <i>F. cristata</i>	696	2-й родъ. Коростели <i>Crex</i>	710
2-й родъ. Камышиница. <i>Gallinula</i>	699	Дергачъ. <i>C. pratensis</i>	710
Камышиница зеленоногая <i>G. chloropus</i>	699	3-й родъ. Пастушки <i>Rallus</i>	713
3-й родъ. Порфироски. <i>Porphyrio</i>	702	Водяной пастушокъ. <i>R. aquaticus</i>	713
Султанская курочка. <i>P. hyacinthinus</i>	702	III-е Сем. Ныряющія курочки Helionithidae	776
Египетская порфироска. <i>P. smaragdnotus</i>	704	1-й родъ. Ныряющаа курочка. <i>Heliornis</i>	716
Маленькая порфироска. <i>P. aleni</i>	704	Пякопара. <i>H. fusca</i>	716
II-е Сем. Болотныя курочки. Rallinae	706	IV-е Сем. Триперстковыя. Turnicidae	717
1-й родъ. Болотная курочка. <i>Ortygometra</i>	706	1-й родъ. Триперстки. <i>Turnix</i>	717
		Триперстка драчливая <i>T. pugnax</i>	718
		Триперстка африканская. <i>T. sylvatica</i>	719

Отрядъ VI: Журавлиныя (Geranornithes).

	Стр.		Стр.
1-е Сем. Настоящие журавли. Gruidae	722	1-й родъ. Серимы. Dicholophus	734
1-й родъ. Журавли. <i>Grus</i>	722	Серима. <i>D. cristatus</i>	734
Журавль сѣрый. <i>G. communis</i> .	724	IV Сем. Солнечныя цапли. Eurypu-	
Стерхъ. <i>G. leucogeranus</i>	724	gidae	738
Журавль даурскій. <i>G. antigone</i> .	724	1-й родъ. Солнечная цапля. <i>Eury-</i>	
Красавка. <i>G. virgo</i>	724	pyga	738
Журавль павлиный. <i>G. pavonina</i> .	729	Солнечная цапля. <i>E. helias</i>	738
II-е Сем. Трубачи. Psophidae	731	V-е Сем. Кагу. Rhinocetidae	741
1-й родъ. Трубачь. <i>Psophia</i>	731	1-й родъ. Кагу. <i>Rhinocetus</i>	741
Агамп. <i>P. crepitans</i>	732	Кагу. <i>Rh. jubatus</i> ..	741
III-е Сем. Серимовыя. Dicholophidae.	734		

ОГЛАВЛЕНИЕ РИСУНКОВЪ.

ОТДѢЛЬНЫЕ РИСУНКИ.

	Стр.		Стр.
Квезаль (хромолитогр.)	8	Вѣроносный голубь (хромолитогр.)...	464
Сѣрый зимородокъ (хромолитогр.).....	64	Саджа.....	488
Гуахаро.....	248	Глухарь (хромолитогр.).....	512
Исполинскій бѣлоногъ.....	256	Тетеревъ.....	528
Арары (хромолитогр.)	328	Сѣрая куропатка.....	576
Попугай-нимфы (хромолитогр.).....	378	Золотой фазанъ (хромолитогр.).....	632
Носатый и вороновый какаду.....	400	Аргусъ.....	648
Какаду инка (хромолитогр.).....	408	Безкрыль.....	688
Попугай несторъ (хромолитогр.).....	416	Малый и Павлиннй журавль.....	720

РИСУНКИ ВЪ ТЕКСТѢ.

	Стр.		Стр.
Нарпва.....	4	Гугука.....	148
Токъ.....	13	Жакамаръ.....	151
Двурогій калао.....	16	Траппистъ.....	153
Джуланъ.....	23	Силуха обыкновенная.....	161
Аббагамба.....	26	Сѣрая сова.....	165
Удодъ.....	32	Бѣлая сова.....	173
Древесный удодъ.....	36	Ястребиная сова.....	178
Обыкновенная шурка.....	42	Сычъ.....	184
Пурпуровая шурка.....	47	Сиринъ домовый.....	187
Австрайлйская шурка.....	50	Кроликовая сова.....	194
Ночная шурка.....	51	Филинъ-пугачъ.....	198
Зимородокъ.....	56	Сплюшка.....	203
Древесная алціона.....	69	Болотная сова.....	210
Гигантская алціона.....	71	Водяная сова.....	215
Тоди.....	76	Козодой.....	221
Момоть.....	80	Жалобный козодой.....	223
Кукушка.....	84	Длрхвостый козодой.....	225
Золотистая кукушка.....	104	Вымпеловый козодой.....	227
Исполинская кукушка.....	107	Почной соколъ.....	240
Кукиль.....	109	Ибнхау.....	244
Желтоклювая кукушка.....	113	Ушастый бѣлоногъ.....	259
Хохлатая кукушка.....	118	Карликовый бѣлоногъ.....	261
Банъ-Кокиль.....	123	Сивоворонка.....	265
Кукушка-пѣтушокъ.....	126	Азіатскій широкоротъ.....	272
Сенегальскій кукаль.....	128	Куроль.....	274
Фазановая кукушка.....	131	Вѣрный попугай.....	303
Ани.....	134	Амазонскій попугай.....	306
Исполинскій турако.....	140	Калита.....	310
Фиолетовый турако.....	142	Тирика.....	317
Шлемоносный турако.....	144	Длинноклювый попугай.....	319

	Стр.		Стр.
Карликовый попугай	323	Тетеревъ-межнякъ	535
Гіацинтовый ара	331	Рябчикъ	539
Сѣрый попугай	338	Луговой тетеревъ	545
Красношейный попугайчикъ	349	Бѣлая куропатка въ лѣтнемъ опереніи	552
Зеленокрасный попугай	353	Бѣлая куропатка въ зимнемъ опереніи	553
Ожереловый попугай	356	Горный тетеревъ въ лѣтнемъ опереніи	561
Серендакъ	361	Горный тетеревъ въ зимнемъ опереніи	562
Дамскій лори	365	Красная куропатка	573
Многоцвѣтный лори	370	Перепелка	597
Карликовый зеленый попугайчикъ	372	Рулужъ	603
Розелла	375	Калифорнскій перепель	609
Лазурный попугай	377	Фазановый пѣтухъ	618
Волнистый попугайчикъ	381	Серебряный фазанъ	621
Черный какаду	397	Манджурскій фазанъ	623
Красноголовый какаду	401	Обыкновенный фазанъ	625
Молукскій какаду	406	Королевскій фазанъ	627
Земляной попугай	417	Алмазный фазанъ	632
Какапо	419	Павлинь обыкновенный	635
Странствующій голубь	430	Сатиръ	645
Вахиръ и Клиптухъ	437	Чинкисъ	648
Дикій полевой голубь	443	Павлиній индюкъ	653
Горлица обыкновенная	450	Грифовая цесарка	660
Египетскій голубь и голубь малютка	453	Хохлатая цесарка и обыкновен. цесарка	661
Хохлатый голубь и бронзовый голубь	456	Токко	669
Рябчиковый голубь	459	Молотковый большеногъ	681
Кровавый голубь	462	Австраійская кустовая курица	684
Пикобарскій голубь	464	Инамбу	690
Вѣровосный голубь	466	Султанская курочка	703
Шишкоклювый голубь	468	Триперстка африканская	720
Ваали	470	Агами	732
Зубчатый голубь	473	Серима	735
Кхата	490	Солнечная цапля	739
Сенегальскій рябокъ	493		

Отрядъ I.

Древесныя птицы (Coracornithes).

(Продолженіе).

Зубоклювые или **Курукуйки** (Trogonidae. Nageschnäbler. Trogons) представляют собой птицъ меланхолическаго темперамента, у которыхъ однако спокойный и вялый образъ жизни соединяется съ замѣчательной красотой оперенія. Это семейство обнимаетъ собой около 60 видовъ, распространенныхъ по всѣмъ тропическимъ странамъ Стараго и Новаго Свѣта. Они всѣ относятся къ одному роду того-же имени (Trogones) и одному подотряду (Trogoniformes). Характерными признаками этихъ птицъ будутъ слѣдующіе: тѣло вытянутое, но густо оперенное; клювъ очень короткій, широкій, трехгранный, сильно согнутый, съ рѣжущимъ концомъ и краями расщепленными сзади выпуклыми; послѣдніе часто бываютъ зазубренными. Ноги очень маленькія, слабыя, съ короткой плюсной, почти совершенно закрытой перьями бедеръ, тонкія и короткопалыя; внутренній и задній пальцы ихъ обращены назадъ. Крылья короткія и сильно округленныя; маховыя перья ихъ узкія, заостренныя, съ твердыми стержнями и серповидно согнутыя. Хвостъ длинный, двѣнадцатиперый; три наружныхъ пера его съ каждой стороны укорачиваются, тогда какъ шесть среднихъ приблизительно равной длины. Опереніе очень мягкое, весьма пушистое, имѣетъ чудный металлическій блескъ, и переходитъ у основанія клюва въ щетинки. По своей внутренней организаціи курукуйки стоятъ между воробьиными и сивоворонками.

Чудная красота оперенія этихъ удивительныхъ птицъ издавна обращала вниманіе натуралистовъ и простыхъ людей, тогда какъ ихъ образъ жизни не представляетъ собой ничего, что-бы заслуживало вниманія. Курукуйки напоминаютъ козодоевъ не только своимъ широкорасщепленнымъ клювомъ и чрезвычайно маленькими ногами, но и мягкостью ихъ кожи и оперенія. Въ особенности замѣтно это сходство обѣихъ группъ на молодыхъ птицахъ. Ихъ также нужно разсматривать какъ сумеречныхъ птицъ, хотя онѣ и днемъ не бездѣтельны, такъ какъ немногія изъ нихъ покидаютъ тѣнистые, густые лѣса, которые не пропускаютъ сквозь свою листву лучей даже высокостоящаго солнца. Здѣсь въ нижнихъ частяхъ верхушекъ деревьевъ, эти птицы проводятъ свое время одиноко или парами. Чѣмъ богаче, чѣмъ гуще лѣсъ, тѣмъ чаще онѣ живутъ въ немъ. Однако онѣ ни въ какомъ случаѣ не ограничиваются низменными областями, но забираются въ горы на значительную высоту.

Лѣниво и задумчиво сидятъ онѣ на какомъ-нибудь сучкѣ и посматриваютъ вокругъ. Пролетающее насекомое заставляеть ихъ слетѣть; онѣ преслѣдуютъ добычу съ большимъ проворствомъ, ловятъ ее весьма ловко и затѣмъ снова возвращаются на мѣсто своего отдыха. Однако пищей имъ служатъ не только насекомыя, но и плоды; нѣкоторыя даже, повидимому, питаются исключительно растительной пищей и при этомъ прибѣгаютъ къ тому-же способу, какъ при ловлѣ летящей добычи: слетаютъ со своего мѣста къ какому-нибудь плоду или ягодѣ, срываютъ ее, проглатываютъ и вновь возвращаются на прежнее мѣсто.

Относительно размноженія курукуекъ существуетъ немного наблюдений, притомъ совершенно несогласныхъ между собой. Однако намъ вполне извѣстно, что всѣ виды, гнѣздованіе которыхъ было доступно изслѣдованію, пользуются для этого дуплами деревьевъ или вырываютъ на крутыхъ обрывахъ плоскія углубленія и внутри такихъ помѣщеній для гнѣзда кладутъ 2—4 весьма круглыхъ, слабо окрашенныхъ или бѣлыхъ яичекъ.

Странно, что до сихъ поръ никто не дѣлалъ серьезныхъ попытокъ держать курукуекъ въ неволѣ. Лѣнивость жителей Южной Америки, ихъ равнодушіе къ окружающему ихъ богатому животному міру, по крайней мѣрѣ къ тѣмъ животнымъ, которыя не приносятъ имъ непосредственнаго вреда, и неудобство содержать пойманныхъ птицъ—можетъ быть являются главными причинами того, что эти красивыя птицы не попадаютъ въ наши клѣтки. Непрочность чрезвычайно нѣжнаго оперенія также представляетъ свои неудобства для содержанія въ неволѣ этихъ птицъ. Держать у себя кукуруекъ однако ни въ какомъ случаѣ не невозможно, даже весьма вѣроятно, что при заботливомъ уходѣ онѣ могутъ выжить въ клѣткѣ дольше, чѣмъ многія другія птицы, которыхъ воспитываютъ и присылаютъ даже къ намъ.

Достойно вниманія еще и то, что красота оперенія, описать которую словами невозможно, менѣе прочна, чѣмъ у всѣхъ другихъ птицъ. Цвѣтъ перьевъ чрезвычайно непроченъ: онъ пропадаетъ на чучелахъ уже по прошествіи короткаго времени, если послѣднихъ выставить на свѣтъ.

Одна изъ самыхъ извѣстныхъ южно-азиатскихъ курукуекъ—**Полосатая курукука**, **Курна** индусовъ (*Harpactes fasciatus*, *Trogon fasciatus*, *malabaricus*, *ceylonensis*, *Nahalurus malabaricus*, *Pyrotrogon fasciatus*. *Bindentrogon*. *Couroucous de Ceylon*). Родъ **Огненныхъ курукуекъ** (*Harpactes*. *Feuersurukus*. *Couroucous flamboyants*), къ которому она принадлежитъ, характеризуется сильно согнутымъ клювомъ съ плоскими краями, полуоперенными ногами, т. е. на плюснѣ замѣчаются висячія перья, называемыя также штанишками; крылья короткія, хвостъ длинный; наружныя перья его широкія и удлиняются, начиная съ самыхъ наружныхъ до половины хвоста. У самца верхняя сторона окрашена въ каштаново-бурый цвѣтъ, голова и шея аспидно-черныя, горло и зобъ свѣтло-аспидно-сѣрые, кроющія перья крыльевъ исчерчены черными и бѣлыми полосками. Грудь и нижняя часть тѣла пурпурово-красныя. Зобъ отдѣляется отъ груди ослѣнительно бѣлой полосой. Кольцо, начинающееся отъ уха и идущее по затылку, такого-же краснаго цвѣта, какъ и грудь. Небольшое обнаженное мѣсто у глаза голубого цвѣта эмали. Среднія перья хвоста того-же цвѣта, какъ и спина, наружныя-же чернаго и бѣлаго цвѣтовъ. Глаза темно-бурые, клювъ темно-синій, ноги свѣтло-зеленовато-голубого цвѣта. У самки на головѣ нѣтъ темнаго рисунка. Верхнія малыя маховыя и кроющія перья ея снабжены нѣжными черными и бурными поперечными полосками, а нижняя часть

тѣла вмѣсто краснаго цвѣта имѣеть охрово-желтую окраску. Длина птицы достигаетъ 31 см., размахъ крыльевъ 41, длина крыла 13, а хвоста 15 см.

По Жердону, курна живетъ въ Малабарскихъ лѣсахъ отъ крайняго юга до Гатскихъ горъ, а также въ нѣкоторыхъ лѣсахъ средней Индіи и Цейлона до 1000 м. надъ уровнемъ моря. Она предпочитаетъ высокіе пояса, начиная приблизительно съ 600 м. и держится всегда въ самыхъ густыхъ чащахъ лѣсовъ. Ее часто видишь неподвижно сидящей на вѣткѣ дерева; если за ней наблюдать подольше, то можно убѣдиться, что она, при случаѣ, слетаетъ, чтобы словить какое-нибудь насѣкомое. Иногда она возвращается на то-же мѣсто, чаще же перелетаетъ на другое и такимъ образомъ облетаетъ довольно значительный участокъ лѣса. Обыкновенно курукуйки эти живутъ одиночками, иногда парочками. Однако Жердонъ видѣлъ ихъ по четыре и по пяти вмѣстѣ; Лайярдъ также говоритъ, что полосатыя курукуйки соединяются въ небольшія общества изъ трехъ или четырехъ птицъ. Пища ихъ состоитъ изъ разныхъ насѣкомыхъ, преимущественно изъ пауковъ, а, по словамъ Лайярда, изъ богомолковъ (Mantis) и пауковъ. Жердонъ не помнитъ, чтобы онъ слышалъ какой-нибудь крикъ ихъ и, насколько извѣстно, эти курукуйки принадлежатъ къ числу самыхъ тихихъ изъ всѣхъ птицъ; напротивъ, Тиккель увѣряетъ, что онѣ издаютъ тихій, жалобный крикъ, напоминающій мяуканье кошекъ.

Жердонъ говоритъ также, что онъ добылъ два бѣлыхъ круглыхъ яйца одного родственнаго вида, которыя были положены въ душлѣ на разрыхленномъ гнильѣ.

* * *

Тѣ виды, которые рассматриваются какъ главные представители семейства и называются **Настоящими курукуйками** (Trogoni. Trogons. Coucoucou), отличаются слѣдующими признаками: широкій и высокій клювъ съ выпукло-округлой верхней половинкой, которая на концѣ лишь незначительно загнута крючкомъ и имѣеть подвернутые края; крылья короткія и тупыя; хвостъ средней длины, съ боковъ ступенчатый, какъ у индійскихъ видовъ; опереніе мягкое съ крупными перьями.

У единственнаго вида этого семейства, который до сихъ поръ находили въ Африкѣ, края клюва зазубрены, а укорачивающіяся съ боковъ хвостовыя перья постепенно суживаются. На этомъ незначительномъ различіи основывается отдѣленіе ихъ въ особый подродъ **Цвѣтистыхъ нурунуень** (Paralodermae. Blumenurukus). Единственную представительницу этого подрода Левальиъ назвалъ въ честь одной красивой готтентотки—**Нариной**; нарина-же значитъ цвѣтокъ, чѣмъ и объясняется нѣмецкое названіе этихъ птицъ.

Самецъ **Нарины** (Trogon narina, Paraloderma narina, Apaloderma narina. Narina. Coucoucou narina) имѣеть слѣдующіе признаки: вся верхняя часть его, включая малыя кроющія перья крыльевъ и среднія рулевыя хвоста, горло и шея—роскошнаго, блестящаго золотисто-зеленаго цвѣта. Нижняя часть груди и брюхо—темно-розово-краснаго. Большія кроющія перья крыльевъ сѣрыя съ черноватыми поперечными полосами. Маховыя перья черныя съ бѣлыми стержнями. Самыя крайнія хвостовыя перья имѣють бѣлыя наружныя опахала; внутреннія-же опахала ихъ черноватыя. У самки всѣ цвѣта мутные, лобъ и горло буро-красныя, маховыя перья буро-черныя.

Левальиъ открылъ нарину въ лѣсахъ южной Африки; позднѣе Рюшель нащелъ ее въ лѣсистой полосѣ вдоль береговъ Абиссиніи, Гейглишъ—въ горной странѣ Фазогль и на Бѣломъ Шилѣ, Рисъ—въ Агвапимѣ, Дю-Шалью—на бере-

*

гахъ Муни, Киркъ—на югѣ Мозамбикскаго пролива, Монтейро—въ Бенгуэлѣ. Мнѣ посчастливилось видѣть эту роскошную птицу всего одинъ только разъ, а именно въ долинѣ Мензы въ нѣсколькихъ километрахъ отъ береговъ Краснаго

Нарина. *Trogon parina*. $\frac{2}{3}$ вост. вел.

моря, но, по моему мнѣнію, она тамъ не такъ рѣдка, какъ полагають путешественники, такъ какъ наблюдать эту птицу въ высшей степени затруднительно, благодаря тому, что она держится на горныхъ откосахъ, на одномъ изъ которыхъ я и замѣтилъ нарину. Какое-нибудь ущелье, пролетаемое ими въ нѣсколько мгновений, отвѣсная скала, по которой онѣ лазають на высоту 50 м.,—являются для наблюдателя непреодолимыми препятствіями. Жюль Верро говоритъ, что онъ находилъ нарину въ южной Африкѣ, преимущественно въ большихъ лѣсахъ, къ востоку отъ предгорій мыса Доброй Надежды. Здѣсь онѣ спокойно живутъ одиноч-

ками на высочайшихъ деревьяхъ, отправляясь на добычу только въ утренніе и вечерніе часы и пугливо улетая при приближеніи человѣка.

Въ жизни и поведеніи этихъ птицъ столько оригинальнаго, что ихъ невозможно не замѣтить. Сидя, онѣ держатся совершенно прямо, прижавъ голову къ плечамъ и свободно опустивъ хвостъ книзу. Полетъ ихъ плавень и безшумень, взмахи крыльевъ мягкіе и, насколько я могъ замѣтить, на лету онѣ не дѣлають никакихъ поворотовъ. «Въ пору любви», говоритъ Левальянь, «нарины-самцы издають какъ-бы болѣзненный крикъ; въ остальное время года они молчаливы.» Верро подтверждаетъ это и называетъ голосъ ихъ звонкимъ и протяжнымъ крикомъ. Однако, кромѣ этого крика, птицы издають и другой звукъ, а именно глухой, напоминающій голосъ чревоушчателей. Перѣдко ихъ голосъ слышится какъ бы вдаль, тогда

какъ птица сидитъ совсемъ близко. Это сообщеніе я могу подтвердить, такъ какъ я ясно слышалъ эти глухіе звуки, не понимая сначала ихъ происхожденія. Левальянь увѣряетъ, что нарину можно приманить, если подражать крику совы, или свистѣть, приложивъ къ губамъ листъ, а эти звуки похожи на тѣ, которые наблюдались натуралистами у южно-американскихъ видовъ. Птица нарина со-

стоитъ преимущественно изъ бабочекъ, богомоловъ и мухъ. Впрочемъ Верро находилъ, хотя и очень рѣдко, въ желудкахъ убитыхъ имъ птицъ остатки жуковъ. По словамъ Левальяна, нарина гнѣздится въ дуплистыхъ деревьяхъ и кладетъ четыре почти круглыхъ яйца бѣлаго цвѣта, но пока изъ послѣднихъ не выпущено содержимое, они кажутся красноватыми. По словамъ Верро, число яицъ бываетъ 2, рѣдко 3. Для высиживанія необходимо 20 дней. Приблизительно во столько-же дней вырастаютъ птенцы. Но по вылетѣ изъ гнѣзда послѣдніе еще довольно долгое время остаются со стариками.

* * *

Объ американскихъ курукуйкахъ мы имѣемъ болѣе точныя свѣдѣнія. Многіе виды, населяющіе западное полушаріе, въ послѣднее время раздѣлены на нѣсколько родовъ, но отличительныя признаки этихъ мнимыхъ родовъ очень незначительны.

Азара первый описалъ **Настоящую курукуйку** (*Trogon suricua, leucurus. Suricua. Coucoucou coucoucou*), птицу, длина которой достигаетъ 26 см., размахъ крыльевъ 38, длина крыла 12 и хвоста 9 см. Самцы окрашены поистинѣ въ роскошныя цвѣта. Голова и шея ихъ вплоть до груди сине-черныя; спина зеленая, брюхо кроваво-красное. Перья головы, шеи и спины имѣютъ металлическій блескъ. Стороны головы стального синяго или фіолетоваго цвѣта; перья спины зеленоватыя, синеватыя или золотистыя. Кроющія перья крыльевъ съ нѣжнымъ волнистымъ чернымъ или бѣлымъ рисункомъ, съ узкими оторочками на внѣшнихъ опахалахъ и широкими—на внутреннихъ. Среднія рулевья перья синія съ черными кончиками, ближайшіе къ нимъ—черныя съ сине-зелеными внѣшними опахалами; четвертое и пятое перо съ каждой стороны бѣлыя на концѣ, самыя же крайнія такого цвѣта сплошь по всему наружному опахалу. Глаза темно-красныя, голые края вѣкъ оранжеваго цвѣта. Клювъ бѣловатый; ноги черно-сѣрыя. У самокъ верхняя сторона сѣрая, нижняя сторона тѣла розово-красная.

Помпей (*Trogon viridis, cayennensis, strigilatus, violaceus, melanopterus, albi-ventris, laevigatus. Pompeo. Coucoucou Pompee*) характеризуется слѣдующими признаками: его лобъ, щеки, горло и передняя половина—черныя; темя, затылокъ и бока шеи и верхняя часть груди роскошнаго стального синяго цвѣта съ зеленымъ отливомъ. Спина, плечи и самыя верхнія кроющія перья крыльевъ цвѣта ярь-мѣдianки, переходящаго на надхвостьѣ въ синеватый. Брюшко и гузка яркаго желтаго цвѣта. Крайнія кроющія перья крыльевъ и маховыя—черныя; послѣднія съ бѣлыми краями. Среднія хвостовыя перья зеленыя съ черными каймами на концахъ; смежныя съ ними—черныя, съ каймами мѣдно-зеленаго цвѣта; три наружныхъ съ каждой стороны имѣютъ внѣшнія опахала и кончики бѣлыя. У самокъ верхняя сторона темно-сѣрая, брюхо блѣдно-желтое, кроющія перья крыльевъ—съ нѣжными бѣлыми поперечными каймами. Глаза бурые; клювъ блѣдно-зеленовато-бѣлый; ноги черно-сѣрыя. Длина птицы достигаетъ 33 см., размахъ крыльевъ 48, длина крыла 15, а хвоста 13 см.

Настоящія курукуйки населяютъ дѣвственные лѣса южной Бразиліи и сѣвернаго Парагвая; помпей распространенъ по сѣверной Бразиліи и Гвианѣ. Какъ тотъ, такъ и другой видъ тамъ, гдѣ они встрѣчаются, не представляютъ изъ себя рѣдкихъ птицъ. Помпей даже принадлежитъ къ самымъ обыкновеннымъ птицамъ дѣвствен-

ныхъ лѣсовъ, которые посѣтилъ принцъ фонъ-Видъ. Онъ охотно живетъ какъ въ плоскихъ, такъ и въ гористыхъ областяхъ, а также и на берегахъ океана, гдѣ они покрыты дѣвственнымъ лѣсомъ. «Эти птицы», говоритъ принцъ фонъ-Видъ, «распространены повсюду одинаково, какъ въ пампасахъ и внутреннихъ сухихъ и опаленныхъ солнцемъ рощахъ, такъ и въ высокихъ, темныхъ, роскошныхъ береговыхъ лѣсахъ, которые красотой и своимъ высокимъ и величественнымъ видомъ далеко превосходятъ лѣса внутреннихъ областей Бразиліи. Но, повидному, эти птицы многочисленнѣе въ береговыхъ областяхъ, нежели въ кустарникахъ вышележащихъ областей.» Крикъ помпея слышится повсюду; это—однозвучный, довольно короткий, часто повторяемый свистъ, мало по малу понижающійся съ верхнихъ нотъ на нижнія, имѣющій сходство съ призывнымъ крикомъ индѣйскаго пѣтуха или, по словамъ Шомбургка, звучащій вродѣ: «ву ву». Въ пору спариванія курукуйка также не молчитъ и тогда слышится часто повторяемый призывной крикъ, похожій на слога «піо піо». Этихъ птицъ можно видѣть повсюду, такъ какъ онѣ отнюдь не пугливы и позволяютъ человѣку подойти къ нимъ совсемъ близко. Азара видѣлъ, какъ одна курукуйка была палкой сбита съ вѣтки, на которой сидѣла, а принцъ фонъ-Видъ считаетъ возможнымъ сдѣлать то же и съ помпеемъ. Какъ та, такъ и другая птица часами просиживаютъ гдѣ-нибудь въ открытомъ мѣстѣ на довольно высокомъ сучкѣ неподвижно или, какъ выражается Шомбургкъ, даже беззаботно, и, поджавъ голову и свободно опустивъ хвостъ, подстерегаютъ наскочныхъ. Обыкновенно этихъ птицъ видятъ одиночками и самое большее парами, однако Бэтсъ говоритъ, что онъ видѣлъ ихъ небольшими обществами штукъ изъ шести. «Онѣ просиживаютъ почти безъ движенія часъ или два и на нижнихъ вѣткахъ деревьевъ, и только слегка вытягиваютъ голову, если увидятъ летящее наскочное.» Стоитъ только наскочному приблизиться къ нимъ, онѣ снимаются тихимъ, мягкимъ, подобнымъ совиному и отнюдь не стремительнымъ полетомъ, ловить добычу и возвращаются обратно на то же мѣсто. По словамъ Шомбургка, ихъ видятъ обыкновенно въ сообществѣ съ ампелидами на фиговыхъ деревьяхъ, плоды которыхъ онѣ ѣдятъ, повидному, охотно. Паттереръ также находилъ сѣмена и плоды въ желудкахъ помпеевъ. Всего дѣятельнѣе троегоны въ утренніе часы, въ особенности сейчасъ послѣ восхода солнца. Въ это время лѣсъ оглашается ихъ звонкими криками.

Кукуруйки гнѣздятся въ углубленіяхъ, которыя онѣ выкапываютъ въ помѣщающихся на деревьяхъ термитовыхъ постройкахъ. «Я видѣлъ,» говоритъ Азара, «самца, прицѣпившагося къ такому гнѣзду, подобно дятлу, и занятого разрываніемъ его помощью своего клюва, въ то время какъ самка спокойно сидѣла на сосѣднемъ деревѣ и, казалось, взглядомъ побуждала самца». Въ сентябрѣ гнѣздо уже готово и тогда самка кладетъ свои 2—4 бѣлыхъ яйца. О птенцовой порѣ помпея мы имѣемъ свѣдѣнія отъ Шомбургка, но я считаю ихъ ошибочными. Помпей, говорятъ, строитъ свое гнѣздо между вѣтвями деревьевъ; оно похоже на гнѣздо дикаго голубя. Если это вѣрно, то птица существенно отличается въ этомъ случаѣ отъ большинства своихъ сородичей.

Убить ту или другую кукукуйку не трудно, такъ какъ ее можно добыть даже и тогда, когда ее не видишь по близости: она подманивается легко подражаемымъ призывнымъ крикомъ и садится очень близко отъ охотника. Бразилцы прибѣгаютъ къ такому маневру, когда они чувствуютъ недостатокъ въ пропитаніи, что очень часто случается въ безлюдныхъ лѣсахъ. Мясо этой птицы, говорятъ, вкусно. Убитая кукукуйка причиняетъ натуралисту много затрудненій. «Ни одна птица», говоритъ Шомбургкъ, «не требовала отъ меня столько труда для препарированія,

какъ помпей, такъ какъ при величайшей осторожности едва удается снять шкурку, не попоривъ ее. Шкурка эта настолько нѣжна, что препарированіе становится невозможнымъ, если убитая птица при паденіи съ дерева задѣнетъ за вѣтку или упадетъ на твердую почву.»

* *
*

Острову Кубѣ свойственъ одинъ видъ курукуекъ, за которымъ мы оставимъ его мѣстное названіе **Токоро**. Видъ этотъ отличается отъ всѣхъ остальныхъ своеобразнымъ хвостомъ. Клювъ его простой, т. е. незазубренный, ноги обычнаго склада, крылья средней длины, но хвостъ срѣзанъ довольно странно. Именно, всѣ перья хвоста расширяются къ концамъ, благодаря удлинению онахаль съ обѣихъ сторонъ, такъ что концы рулевыхъ перьевъ кажутся полудунно вырѣзанными. Вслѣдствіе этого отличія, птицу разсматриваютъ, какъ представительницу особаго рода или подрода **Лунохвостыхъ нурукуенъ** (*Priotelus. Mondschwanztrogons*).

Токоро (*Trogon temnurus, Priotelus temnurus, Temnurus silens, albicollis* Токогого. *Cooucou temnure*) пестрѣ большинства остальныхъ видовъ этого семейства. Верхняя часть головы его, затылокъ, спина и малыя кроющія перья крыльевъ—металлическаго зеленаго цвѣта. Стороны верхней части головы—синія, передняя часть шеи и верхняя часть груди блѣдно-пепельно-сѣрая; нижнія части тѣла краснаго цвѣта киновари. Маховыя перья бурья съ бѣлыми полосами; большія кроющія перья крыльевъ стального синяго цвѣта съ бѣлымъ зеркальцемъ; среднія рулевыя — темно зеленаго цвѣта мѣдянки; смежныя съ ними буро-зеленыя; три наружныя съ бѣлыми кончиками. Глаза ярко-красныя; клювъ черно-бураго цвѣта, у угловъ рта и на нижней сторонѣ кораллово-красный; ноги простого черно-бураго цвѣта. Длина птицы достигаетъ 26 см., размахъ крыльевъ 39, длина крыла 13, хвоста также 13 см.

Токоро очень обыкновененъ на подходящихъ мѣстностяхъ острова Кубы. Объ его образѣ жизни сообщаютъ д'Орбиньи и Гундлахъ; особенно послѣднему наблюдателю мы благодарны за сообщеніе его превосходныхъ наблюденій. Токоро живетъ только въ лѣсахъ и не держится ни въ густыхъ кустарникахъ, ни въ садахъ, ни въ кофейныхъ плантаціяхъ, но, если ему случится попасть внѣ густого лѣса, то всегда и исключительно садится лишь на ближайшія деревья. Онъ въ полномъ смыслѣ слова осѣдлая птица, остающаяся изъ году въ годъ все на тѣхъ же мѣстахъ; какъ и его собратья по семейству. онъ нисколько не боится человѣка, остается сидѣть, если онъ къ нему приближается и даже часто садится близъ спокойно стоящихъ людей. Положеніе, принимаемое имъ, всегда одно и то же, т. е. онъ держится очень прямо, слеживъ шею и направивъ хвостъ немного впередъ, такъ что линія, проведенная по головѣ и спинѣ до кончика хвоста, образуетъ полукругъ. Онъ никогда не прыгаетъ съ сучка на сучекъ, но сидитъ спокойно на какой-нибудь горизонтальной вѣткѣ или ползучемъ растеніи и отсюда слетаетъ или на другое мѣсто или къ ягодѣ и къ цвѣтку, составляющимъ, на-ряду съ насѣкомыми, его пищу. Сидя въ такой покойной позѣ и потряхивая хвостомъ, онъ издаетъ свой крикъ, похожій на слогъ «то-ко-ро», повторенный дважды или нѣсколько разъ, откуда и получилось его мѣстное названіе. Кромѣ этого звонкаго призывнаго крика, онъ издаетъ еще одинъ тихій, неслышимый издали звукъ, который отчасти похожъ на «туі-у». Полетъ его быстрый, но короткій, причѣмъ птица производитъ слабый шумъ.

Для гнѣзда токороро выскиваетъ жилье дятла и въ такое дупло, лишенное мягкой подстилки, кладетъ 3—4 весьма гладкихъ, бѣлыхъ, отсвѣчивающихъ голу-

боватымъ цвѣтомъ яйца, 29 m.m. и 23 m.m. въ поперечникѣ на самомъ широкомъ мѣстѣ. Въ пору любви опереніе его издаетъ мускусный запахъ.

Токороро почти никогда не держатъ въ клѣткахъ, такъ какъ кормленіе его представляетъ затрудненіе: онъ въ клѣткахъ отказывается отъ фды, не поестъ, не выказываетъ никакой оживленности и также скоро портитъ свои перья. Опереніе такъ рыхло прикрѣплено къ тѣлу, что оно выпадаетъ съ большой легкостью и, чтобы получить хорошій экземпляръ, нужно убить много птицъ, такъ какъ при паденіи, перья мѣстами выпадаютъ.

* *

Самыми крупными птицами этого отряда оказываются **Павлины курукуйки** (*Calurus. Pflautrogons. Calures*). Отличительными признаками ихъ будутъ: сравнительно широкая и плоская голова; низкій, узкій, замѣтно сжатый къ концу и сильно и остро согнутый клювъ и въ особенности сильно развитое опереніе крыльевъ и надхвостья, такъ что птицы эти роскошью превосходятъ всѣхъ остальныхъ курукоекъ и почти не имѣютъ равныхъ себѣ во всемъ классѣ.

Квезаль (*Calurus resplendens, Pharomacrus mocinno, Trogon paradiseus, resplendens, Calurus paradiseus. Quesal. Phacomacre resplendissant*)—самый красивый изъ всѣхъ птицъ этого рода. Онъ характеризуется пышнымъ, состоящимъ изъ расчлененныхъ перьевъ, сжатымъ съ боковъ, высокимъ полушаровиднымъ шлемомъ и необыкновенно развитыми кроющими перьями, которыя волнами виспадаютъ съ крыльевъ и хвоста. Преобладающая окраска оперенія — блестящая смарагдово-золотисто-зеленая. Грудь и остальные нижнія части яркаго пурпурово-краснаго цвѣта; маховыя перья и ихъ кроющія, а равно и четыре среднихъ хвостовыхъ пера—черныя; остальные рулевые перья бѣлыя. Первый рядъ верхнихъ кроющихъ перьевъ крыла замѣтно удлиненъ, состоитъ изъ узкихъ, острыхъ, въ общемъ напоминающихъ пальмовый листокъ, перьевъ и окрашенъ въ золотисто-зеленый цвѣтъ, какъ и верхнія необыкновенно развитыя кроющія перья хвоста, у котораго оба среднихъ пера могутъ достигать 80 см. въ длину. Глаза темнаго орѣхово-бураго цвѣта; вѣки черныя; клювъ желтый, у основанія оливково-бурый; ноги бурожелтыя. Самка отличается лишь слабо развитымъ хохломъ и гораздо менѣе длинными кроющими перьями, которыя однако далеко превосходятъ длину рулевыхъ перьевъ. Длина птицы достигаетъ 42 см., длина крыла 21, а хвоста 22 см. Самыя длинныя кроющія перья хвоста длиннѣе рулевыхъ перьевъ на 65 см.

Еще такъ давно мы знали только, что квезаль находится въ Мексикѣ и средней Америкѣ и живетъ тамъ въ лѣсистыхъ горахъ, теперь же изслѣдованія Сальвина и Овена даютъ намъ свѣдѣнія объ образѣ жизни этихъ птицъ. «Своимъ мѣстопребываніемъ», говоритъ первый, «эти птицы выбираютъ поясъ приблизительно на 2000 м. высоты. Здѣсь онѣ встрѣчаются, повидимому, во всѣхъ лѣсахъ, однако только въ такихъ, которые состоятъ изъ высочайшихъ деревьевъ. Среднія вѣтви такихъ деревьевъ, т. е. такія, которыя находятся приблизительно во второй трети высоты дерева, предпочтительно служатъ имъ сторожевыми пунктами. Здѣсь ихъ видишь неподвижно сидящими, такъ какъ онѣ самое большее, что тихо вытягиваютъ голову то въ одну, то въ другую сторону или то распускаютъ, то складываютъ почти отвѣсно опущенный хвостъ; однако иногда онѣ его поднимаютъ и тогда тихо приводятъ въ движеніе виспадающія космы ихъ покровнаго оперенія. Если квезаль увидитъ спѣлый плодъ, то слетаетъ съ вѣтки, держится нѣсколько мгновений на воздухѣ, трепещетъ крыльями, срываетъ ягоду и возвращается обратно на ту-же вѣтку. Подобный полетъ свершается съ такимъ изяществомъ, которое трудно

ЛИТ. ШТАДЕРЪ И ПАТРИНОТЪ С. П. Б.

К В Е З А Л Ъ .

1

описать словами. Я часто слышалъ, что люди, увидавшіе чучелки колибри, восторженно говорили: «какъ роскошны должны быть эти созданія, когда они порхаютъ!» Это заблужденіе. Представьте себѣ колибри на разстояніи 20 м. и вы не увидите ихъ красивыхъ цвѣтовъ, или замѣтите ихъ только тогда, когда будете въ наивыгоднѣйшихъ для того условіяхъ. Совершенно иное представляютъ кwezалы. Роскошь ихъ оперенія остается все такою-же, каково-бы ни было положеніе; этимъ они поневолѣ приковываютъ взоръ. Ни одна птица Новаго Свѣта не имѣетъ такого красиваго оперенія, ни одна птица Стараго Свѣта не превосходитъ его по великолѣпію. Таковы были мои мысли, когда я впервые увидѣлъ этихъ птицъ живыми. Полетъ ихъ быстръ и направляется по прямой линіи. Длинные кроющія перья хвоста, которыя, повидимому, совсѣмъ не мѣшаютъ ихъ полету, тянутся позади. Голоса, издаваемые ими, бываютъ различны. Ихъ призывной голосъ есть повторенный крикъ, нѣсколько похожій на «віу-віу». Птица начинаетъ съ тихаго свиста и постепенно усиливаетъ его до громкаго, но не очень звонкаго крика. Часто она растягиваетъ этотъ крикъ, начинаетъ его тихо, усиливаетъ и затѣмъ снова постепенно ослабляетъ и замолкаетъ. Обοимъ звукамъ легко подражать. Другіе крики кwezаловъ грубы и неблагозвучны, и имъ можно подражать только при помощи листа. Пища этихъ птицъ состоитъ преимущественно изъ плодовъ; но случается, что въ ихъ желудкахъ находятъ полевого сверчка».

О выводѣ птенцовъ кой-что сообщаетъ Овенъ. «Во время одной охотничьей экскурсіи на гору Санта-Круцъ, одинъ изъ моихъ охотниковъ разсказалъ мнѣ, что онъ видѣлъ въ милѣ отъ Чиласко гнѣздо кwezала и вызвался убить самку и принести мнѣ яйцо, если я дамъ кого-нибудь ему на подмогу. Само собою разумѣется, что я согласился на это и человекъ вернулся съ самкой и двумя яйцами. По его увѣреніямъ, гнѣздо находилось на высотѣ 8 м. отъ земли въ дуплѣ полузасохшаго дерева. Въ дупло вело входное отверстіе, достаточное, чтобы птицѣ можно было пролѣзть. Внутри было настолько тѣсно, что птица едва могла повернуться. Кромѣ рыхлаго гнилья не было никакой подстилки. Другіе горные жители разсказываютъ, что кwezаль охотно пользуется покинутыми дуплами дятловъ».—«Я думаю», прибавляетъ къ этому Сальвинъ, «что эти данныя достаточно характеризуютъ гнѣздованіе кwezала. По моему мнѣнію, самецъ не принимаетъ участія въ высиживаніи яицъ, но всецѣло предоставляетъ эту заботу самкѣ. Разсказы о томъ, что кwezалы устраиваютъ свои гнѣзда только въ сквозныхъ дуплахъ, основаны, безъ сомнѣнія, на невозможности представить себѣ такое гнѣздо, гдѣ-бы длинныя хвостовыя перья самцовъ не подвергались никакому риску. Такимъ образомъ нужно себѣ представить, что птица выбираетъ себѣ такое дупло, въ которое-бы она влетала въ одно отверстіе, а вылетала въ другое. Что такое мнѣніе установилось въ Гватемалѣ, для меня нѣтъ никакого сомнѣнія: мнѣ часто описывали такія гнѣзда, однако никто на самомъ дѣлѣ ихъ не видалъ. Охота за кwezалами проста для того, кто умѣетъ подражать ихъ голосу. Охотникъ, желающій добыть эту красивую птицу, идетъ спокойно по лѣсу и подражаетъ призывному голосу самца. Лишь только одинъ изъ самцовъ услышитъ его, онъ отвѣчаетъ охотнику. Послѣдній останавливается и повторяетъ различные крики, пока птица не покажется передъ нимъ на ближайшемъ деревѣ. Сальвинъ говоритъ съ увѣренностью, что ему рѣдко приходилось выжидать продолжительное время. Обыкновенно прежде всего прилетаетъ самка и садится совсѣмъ близко надъ охотникомъ. Послѣдній не обращаетъ на нее вниманія и продолжаетъ подзывать самца, пока таковой не явится. Иногда только охотники за кwezалами убиваютъ и самокъ.

Между дятло-воробьиными, тоди и сивораками по своеобразной внутренней организации занимают место те древесные птицы, которые образуют подотряд **Зимородновых** (Halcyoniformes. Sitzfüßler. Alcyoniformes), распадающийся на три группы пилоносовъ, зимородковъ и щурокъ.

На первомъ мѣстѣ Фюрбрингеръ ставитъ **Пилоносовъ** (Bucerotes. Fangschnäbler. Bucerotidés), обнимающихъ собой два семейства носороговыхъ и удоновыхъ, которые по формѣ клюва и способу питанія представляютъ нѣкоторое сходство.

Птицъ-носороговъ (Bucerotidae. Hornvögel. Calaos) охарактеризовать весьма нетрудно: клювъ у нихъ длинный, очень толстый, болѣе или менѣе согнутый и снабженный большою частью странными наростами, такъ называемыми рогами, какъ бы различно онъ ни былъ устроенъ. Этотъ клювъ является такимъ отличительнымъ признакомъ, что птицъ этихъ нельзя смѣшать съ другими. Но и въ остальномъ онѣ довольно странно устроены. Тѣло ихъ сильно вытянуто, шея средней длины или довольно длинная, голова сравнительно маленькая, десятиперый хвостъ средней длины или очень длинный, крылья короткія и сильно округленные, ноги низкія, короткія, съ цѣпкими пальцами, опереніе верхнихъ частей тѣла состоитъ изъ довольно мелкихъ перышекъ, опереніе нижнихъ частей волосисто разсучено. У многихъ видовъ горло и область глаза остаются голыми и на верхнемъ вѣѣ находятся толстыя волосистыя рѣсницы. Между птицами этого семейства замѣчается чрезвычайное разнообразіе: почти каждый видъ могъ-бы разсматриваться какъ представитель особаго рода и каждый видъ кромѣ того бываетъ не одинаковъ въ разныхъ возрастахъ жизни.

При изслѣдованіи внутренней организации первое, что бросается въ глаза, это легкость костей. Не только огромный клювъ, но даже самыя большія кости состоятъ изъ очень большихъ, тонкостѣнныхъ и воздухоносныхъ клѣточекъ. Грудная кость удлинняется сзади и имѣетъ съ боковъ неглубокія выемки. Очень маленькая дужка не соединяется съ грудной костью. Пищеводъ ихъ длинный, желудокъ мускулистый, кишечный каналъ очень короткій, слѣпой кишки нѣтъ. У многихъ, а можетъ быть и у всѣхъ видовъ способность вдыханія простирается до пространства подъ кожей, которая только слабо прикрѣплена къ тѣлу и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, повидимому, совсѣмъ не связана съ нимъ и снабжена многочисленными воздухоносными клѣтками.

Родиной птицъ-носороговъ служатъ южная Азія, Малайскіе острова, средняя и южная Африка. Ихъ извѣстно около 50 видовъ, очень похожихъ другъ на друга сложениемъ, окраской, образомъ жизни и привычками. Азія, повидимому, является центральнымъ пунктомъ области ихъ распространенія, однако и въ Африкѣ онѣ встрѣчаются въ количествѣ многихъ видовъ. Онѣ живутъ, начиная отъ береговъ моря и до высоты 3000 м., всегда въ густыхъ и высокоствольныхъ лѣсахъ; только мелкіе виды залетаютъ временами въ низкіе кустарники. Всѣ виды живутъ парами, но не прочь и отъ сообщества, почему часто присоединяются къ своимъ собратьямъ или родственнымъ, или даже къ совершенно чуждымъ видамъ, если только таковыя ведутъ тотъ-же образъ жизни. Подобно тукаламъ, онѣ проводятъ большую часть своей жизни на деревьяхъ и те виды, которые держатся на землѣ, представляютъ собой исключенія. Большинство имѣетъ въ высшей степени неуклюжую походку, однако въ вѣтвяхъ деревьевъ онѣ двигаются съ замѣтной ловкостью. Полетъ у всѣхъ видовъ лучше, чѣмъ то можно было-бы думать; но онъ рѣдко бываетъ продолжительнымъ въ одинъ конецъ, хотя нельзя сказать,

чтобы онъ утомлялъ птицу, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ по получасу парятъ и кружатся въ воздушной выси. У большинства видовъ крылья производятъ такой сильный шумъ, что летящую птицу-носорога слышишь раньше, чѣмъ видишь, а извѣстные виды, по согласнымъ увѣреніямъ опытныхъ наблюдателей, даже можно услышать на разстояніи англійской мили.

Органы чувствъ этихъ птицъ, въ особенности зрѣніе и слухъ, хорошо развиты, остальные по меньшей мѣрѣ не слишкомъ слабы. Для опредѣленія ихъ душевныхъ свойствъ у насъ недостаетъ удовлетворительныхъ изслѣдованій, но, насколько намъ извѣстно, почти все онѣ должны быть причислены къ осторожнымъ, пугливымъ, наблюдательнымъ, однимъ словомъ—умнымъ птицамъ. Голосъ ихъ—болѣе или менѣе глухой, одно- или двусложный крикъ, издаваемый птицами очень часто и значительно оживляющій лѣсъ. Тѣмъ страннѣе должно казаться то, что сообщаетъ Айрэсъ: онъ увѣряетъ, что слышалъ, къ своему крайнему изумленію, одну птицу-носорога, пріятно пѣвущую, какъ дроздъ. Сначала, когда онъ слышалъ это пѣніе, онъ не хотѣлъ вѣрить своимъ ушамъ, но, наблюдая долгое время сидѣвшую на верхнихъ высокаго дерева птицу, долженъ былъ убѣдиться, что голосъ этотъ издавался ею, такъ какъ, когда этотъ странный пѣвецъ улетѣлъ, лѣсъ сталъ попрежнему безмолвнымъ.

Яйца птицъ-носороговъ самая смѣшанная. Большинство этихъ птицъ ловятъ мелкихъ позвоночныхъ и насѣкомыхъ и являются особенно опасными врагами для маленькихъ птичекъ, съ которыми онѣ живутъ въ одной кѣлѣкѣ. Въ лѣсу онѣ вѣроятно принадлежатъ къ числу разорителей гнѣздъ, не гнушаются падалью и все, безъ исключенія, ѣдятъ всевозможныя ягоды, плоды и зерна. Нѣкоторыя являются всеядными въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова.

Весьма своеобразенъ способъ ихъ размноженія. Все виды, о гнѣздованіи которыхъ имѣются достовѣрныя и соответствующія свѣдѣнія, гнѣздятся въ просторныхъ дуплахъ деревьевъ, но при такихъ условіяхъ, которыя не встрѣчаются ни у какихъ другихъ птицъ. Сидящая на яйцахъ самка, совершенно замуравливается въ дуплѣ; остается только маленькое круглое отверстіе, черезъ которое самецъ, кормя самку, бросаетъ внутрь помещенія обильный кормъ. Такое замуравленное дупло является въ полномъ смыслѣ тюрьмой, и въ ней самка должна пробыть все то время, пока птенцы не вылупятся или не выучатся летать. Между тѣмъ самка линяетъ, но крайней мѣрѣ теряетъ совершенно свои перья, такъ что на время она дѣлается неспособной летать. Самецъ-же неустанно заботится о пропитаніи подруги и птенцовъ и при этомъ настолько усердствуетъ, что къ концу птенцовой поры онъ превращается въ «исхудалый остовъ». Нельзя увѣрить положительно, чтобы все птицы-носороги поступали такъ, какъ наблюдавшіеся до сихъ поръ, но предполагать это можно съ большою достовѣрностью.

Свободно живущія птицы-носороги, въ особенности крупныя виды, имѣютъ немного враговъ, такъ какъ большинство хищныхъ благоразумно боятся сильного клюва этихъ птицъ, которыя сами преслѣдуютъ и дразнятъ хищниковъ. Даже человѣкъ большею частью оставляетъ ихъ въ покоѣ и нѣкоторыхъ считаетъ за священныхъ птицъ. Несмотря на это, онѣ всюду, повидимому, видятъ въ немъ своего большого врага и старательно избѣгаютъ его. Но, какъ все умныя и осторожныя животныя, будучи пойманными, онѣ скоро ручнѣютъ и выказываютъ такую глубокую привязанность къ своему воспитателю, что послѣдній смѣло можетъ позволить имъ летать на волѣ, тѣмъ болѣе, что онѣ лишь въ исключительныхъ случаяхъ злоупотребляютъ данною имъ свободой.

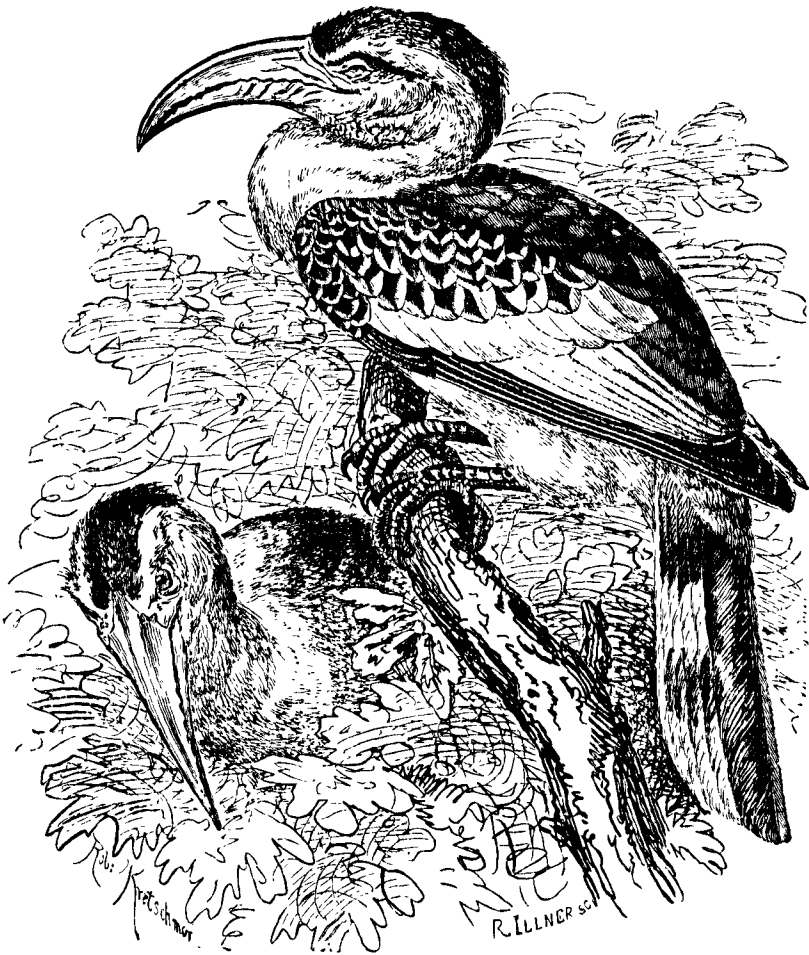
Клювъ, въ особенности-же наросты на немъ, у птицъ-носороговъ бываетъ такъ разнообразенъ, что птицъ, принадлежащихъ къ одному семейству и очень похожихъ другъ на друга всѣмъ остальнымъ, раздѣлили на многочисленныя группы. Говорить обо всѣхъ не входитъ въ мою задачу, и мнѣ будетъ совершенно достаточно рассмотреть только нѣкоторыхъ. Такъ, въ отдѣльный родъ соединяютъ самыя маленькіе виды подъ именемъ **Токовъ** или **Плоскорогихъ калао** (*Rhynchaceros. Glatthornvögel. Calaos sans casque*). Ихъ клювъ сравнительно малъ, хотя все таки еще очень великъ, согнутъ и сверху и снизу, по краямъ болѣе или менѣе зазубренъ, съ небольшимъ возвышеніемъ по острой спинкѣ, съ боковъ-же имѣетъ плоскій желобокъ, но безъ всякаго признака рогообразнаго придатка. Ноги короткія и слабыя, крылья средней длины, четвертое или пятое маховыя перья ихъ самыя длинныя; хвостъ довольно длинный.

При первомъ взглядѣ плоскорогіе калао похожи на нашихъ воронъ. Это—любопытныя и внимательныя созданія. Если убита какал-нибудь дичь, они обыкновенно прилетаютъ, даже садятся близко на дерево и крикомъ оповѣщаютъ всѣхъ обитателей лѣса о случившемся. Гораздо чаще они предупреждаютъ о появленіи опаснаго животнаго, на примѣръ, змѣи или хищнаго звѣря. Они нападаютъ на нихъ, подобно тому, какъ наши вороны на филина, сообщаютъ другимъ животнымъ о крадущемся леопардѣ, поргяты все дѣло медуказчикамъ и оповѣщаютъ всѣмъ своимъ сородичамъ объ открытой имъ змѣѣ или другомъ подозрительномъ животномъ. При этомъ не только птицы, но даже млекопитающія обращаютъ вниманіе на ихъ поведеніе, такъ какъ они приобрѣли извѣстное уваженіе у всѣхъ животныхъ. Раздается ихъ крикъ,—горный скакунъ насторожитъ уши, отдыхавшая аяилопа поднимется со своего ложа, быстрыя птицы пролетятъ туда, однимъ словомъ -- всѣ животныя лѣса встрепенутся и насторожатся.

Въ желудкахъ убитыхъ мной плоскорогихъ калао я находилъ плоды, сѣмяна и насѣкомыхъ, однако-же я не сомнѣваюсь, что токъ не преминетъ ограбить найденное птичье гнѣздо, словить неловкую птицу или маленькаго млекопитающаго, ящерицу и т. д. Пойманные токы также мало внушаютъ довѣрія, какъ и болѣе крупныя ихъ сородичи едва-ли пропустятъ счастливый случай скупать подвернувшуюся имъ иташку. Андерсонъ часто видѣлъ токовъ, искавшихъ на землѣ пищу, чего ни Гейглинъ, ни я никогда не видали; онъ совершенно вѣрно пишетъ, что они передъ проглатываніемъ бросаютъ куски кверху и ловятъ ихъ кончикомъ клюва.

Начиная отъ 17 градуса сѣверной широты къ югу по большей части Африки распространены **Токъ** (*Rhynchaceros erythrorhynchus, melanoleucus, Buceros erythrorhynchus, nasutus, leucopareus, Alopius, Tockus erythrorhynchus. Tok. Calao-Tock*). Это одинъ изъ самыхъ маленькихъ видовъ семейства; его легко отличить, но не легко описать въ короткихъ словахъ. Вся середина его головы—темно-бурая; область уха буроватаго цвѣта; широкія полосы по сторонамъ шеи черно-бурыя, между ними и верхомъ головы другія полосы — бѣлыя. Верхнія части черно-бурыя съ рисункомъ изъ бѣлыхъ клиновидныхъ концевыхъ пятенъ на малыхъ и большихъ кроющихъ перьяхъ крыла. Большія маховыя перья чернаго цвѣта, первыя шесть изъ нихъ снабжены большими яйцевидными бѣлыми пятнами по срединѣ внутренняго опахала, на второмъ изъ остальныхъ до пятаго такія же пятна находятся и на наружномъ опахалѣ. Малыя маховыя бѣлаго цвѣта, за исключеніемъ трехъ первыхъ и послѣднихъ, которыя, подобно большимъ маховымъ, снабжены пятнами и кромѣ того бѣлыми каймами, послѣднія же, какъ и болѣе длинныя изъ плечевыхъ кроющихъ перьевъ, темно-бурыя въ основной-же половинѣ бѣлыя. Большія крою-

щія перья одноцвѣтныхъ бѣлыхъ маховыхъ также бѣлыя; оба среднихъ пера хвоста однообразнаго темно-бурого цвѣта, остальные въ основной половинѣ—черныя, въ конечной—бѣлыя, но при этомъ снабжены одной черной поперечной полоской, которая на самыхъ наружныхъ перьяхъ кажется пятномъ. Глаза темно-бурые; клювъ, за исключеніемъ темнаго пятна у основанія нижней части клюва, кроваво-краснаго цвѣта; ноги буро-сѣроватыя. Длина птицы достигаетъ 46 см., размахъ

Токъ. *Rynchaceros erythrorhynchus*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

крыльевъ 57, длина крыла 17, хвоста 19,5 см. Одинаково окрашенныя самки значительно меньшихъ размѣровъ.

Во всѣхъ лѣсахъ Абиссиніи, Восточнаго Судана и Кордофана, а также во всѣхъ соответствующихъ областяхъ средней, восточной и южной Африки, токъ принадлежитъ къ числу тѣхъ птицъ, которыхъ можно видѣть и слышать изо дня въ день. Его встрѣчаютъ, хотя рѣже, въ негустыхъ рощахъ степей и постоянно, мѣстами очень часто, въ прирѣчныхъ низменностяхъ, гдѣ лѣсъ состоитъ изъ высокихъ деревьевъ. Въ горы, по наблюденіямъ Гейглина, онъ залетаетъ до 2000 м. высоты. Онъ не представляетъ собою перелетной птицы, хотя часто, въ обществѣ съ близкими ему сородичами, далеко кочуетъ по странѣ и въ это время, по

словамъ Гейглина, посѣщаетъ скотные загороди и дворы, которыхъ въ другое время избѣгаетъ.

Какъ большинство птицъ - носороговъ, токъ является вполне древесной птицей, лишь очень неохотно спускающейся на землю, можетъ быть даже только тогда, когда вынужденъ искать тамъ пропитанія при недостаткѣ ягодъ и древесныхъ плодовъ. Его любимымъ мѣстопребываніемъ являются извѣстные деревья области; на нихъ онъ и его сородичи, съ которыми онъ охотно смѣшивается, появляются съ большой регулярностью. Онъ любитъ держать себя открыто и садится для этого возможно выше на кончикахъ верхушекъ самыхъ верхнихъ вѣтвей. Положеніе, которое онъ принимаетъ при сидѣніи, не можетъ назваться некрасивымъ, хотя онъ подтягиваетъ сложенную широкимъ S шею, отчего голова его ложится на плечи, самъ же онъ почти ложится тѣломъ на сучекъ и опускаетъ хвостъ отвѣсно. Съ вѣтки на вѣтку онъ прыгаетъ довольно неуклюже, но по одному и тому же сучку онъ бѣгаетъ ловко. Его полетъ напоминаетъ отчасти полетъ нашего дятла, но настолько своеобразенъ, что тока можно узнать еще издали. Нѣсколько быстрыхъ взмаховъ крыльями уносятъ птицу на извѣстную высоту, съ которой она опускается по очень крутой дугѣ, опустивъ книзу свой клювъ; затѣмъ она снова взвивается и снова несется внизъ. При этомъ хвостъ ея попеременно то расширяется, то складывается. Названіе птицы есть подражаніе ея голосу, такъ какъ онъ состоитъ изъ единственнаго громкаго крика, повторяемаго часто и отрывисто нѣсколько разъ одинъ за другимъ, такъ что въ общемъ все это можетъ длиться съ минутой. Каждый отдѣльный звукъ сопровождается кивкомъ головы, но къ концу крикъ становится учащеннѣе, и птица должна прилагать много старанія, чтобы не забыть скрѣпить кивками всѣ отдѣльные тоны, что она и исполняетъ добросовѣстно. Гейглинъ изображаетъ голосъ тока слогами «тлудіу тлудіу дутлу» со всевозможными перестановками и повышеніями, и замѣчаетъ, что иногда птицы, будучи испуганными, въ однихъ случаяхъ издають глухое, короткое «шарр», въ другихъ оживленное стрекотаніе. Я долженъ сказать, что обыкновенный крикъ тока казался мнѣ всегда односложнымъ и похожимъ на монотонный призывной крикъ живущихъ въ той же области голубей.

О гнѣздованіи тока далъ превосходныя свѣдѣнія Ливингстонъ, и сообщенное имъ было полностью подтверждено Киркомъ и Андерсономъ. «Намъ нужно было», такъ рассказываетъ знаменитый путешественникъ, «пересѣчь большіе мопановые лѣса, и мои люди наловили много птицъ, называемыхъ **Корвэ**, прямо съ ихъ гнѣздъ, которыя находились въ дуплахъ мопановыхъ деревьевъ. 19 февраля мы натолкнулись на гнѣздо одной корвэ, которое какъ разъ должно было быть занято самкой. Дупло оказалось замазаннымъ съ обѣихъ сторонъ глиной, но оставлено было сердцевидное отверстие какъ разъ такой величины, чтобы пропустить тѣло птицы. Внутреннее помѣщеніе постоянно имѣло довольно обширное продолженіе кверху, куда птица и пробовала спастись, когда мы ее хотѣли поймать. Въ одномъ изъ гнѣздъ мы нашли бѣлое, похожее на голубиное, яйцо, а второе птица снесла уже, будучи въ нашихъ рукахъ. Въ яйцеводѣ я открылъ кромѣ того еще четыре оплодотворенныхъ яйца».

«Въ первый разъ я увидѣлъ эту птицу во время рубки одного лѣса въ Колобенгѣ. Одинъ изъ сопровождавшихъ меня туземцевъ вдругъ крикнулъ: «вонъ гнѣздо корвэ!» Я ничего не увидѣлъ, кромѣ трещины небольшого дупла въ стволѣ; она имѣла приблизительно 1 см. въ ширину и 7—10 см. въ длину. Думая, что слово корвэ обозначаетъ какое-нибудь маленькое млекопитающее, я съ напряженнымъ вниманіемъ ждалъ, что вытащить оттуда туземецъ. Онъ разломалъ твердую,

окружавшую трещину глину, запустилъ руку и вытащилъ взрослога тока. Онъ разсказалъ мнѣ тутъ же, что самка, забравшись въ гнѣздо, должна тамъ сидѣть очень долго, пока насиживаетъ. Самецъ замуравливаетъ входъ и оставляетъ одно только небольшое отверстіе, черезъ которое запертая птица просовываетъ клювъ, чтобы брать доставляемый ей самцомъ кормъ. Самка выкладываетъ гнѣздо собственными перьями, кладетъ яйца, высиживаетъ ихъ и остается съ молодыми, пока они не стануть на взлетѣ. Въ продолженіи всего этого времени, длящагося 2—3 мѣсяца, самецъ ревностно занятъ кормленіемъ своей подруги и птенцовъ. Обыкновенно послѣдніе отъ этого становятся очень жирными, почему являются лакомымъ блюдомъ для туземцевъ, бѣдный же самецъ становится жалкимъ и исхудалымъ часто до такой степени, что при внезапномъ наступленіи дождливой погоды отъ слабости падаетъ съ дерева и умираетъ. Я не имѣлъ случая узнать точный срокъ такого плѣненія. Когда, спустя 8 дней, я опять увидѣлъ то же дерево, отверстіе было уже снова замуравлено; оказалось, что несчастный вдовецъ нашелъ утѣшеніе съ новой подругою. Мы оставили въ покоѣ обоихъ. Судьбѣ было угодно, чтобы я больше не былъ на томъ мѣстѣ.

«Самки закладываютъ свои гнѣзда въ февралѣ. Мы много видѣли такихъ гнѣздъ, и исполнѣ готовыхъ, и неоконченныхъ. Здѣсь, въ португальскихъ владѣніяхъ у Мозамбикскаго пролива, какъ и въ Колобонгѣ, туземцы единогласно заявляютъ, что замуравленная птица получаетъ свободу только тогда, когда птенцы будутъ на взлетѣ, именно ко времени созрѣванія плодовъ. Такъ какъ оно совпадаетъ съ концомъ апрѣля, то слѣдовательно срокъ плѣна самокъ длится между 2—3 мѣсяцами. Кромѣ того самка несетъ дважды, и вторые птенцы вылупляются къ тому времени, когда первые уже умѣютъ летать. Тогда самка, вмѣстѣ съ двумя первыми птенцами, оставляетъ гнѣздо, и оба родителя, съизнова, замуравивъ отверстіе, начинаютъ кормить обоихъ оставшихся птенцовъ. Я много разъ наблюдалъ одинъ сукъ, на которомъ видѣлись ясные слѣды того, что на немъ очень часто сидѣлъ самецъ корва, кормя свою самку». Въ совершенно безлѣсной странѣ Гереро, въ небольшой разсѣлинѣ скалы у Иоканды, Пехуаль-Леше нашелъ гнѣздо тока, входъ въ которое былъ задѣланъ не землей, а коровьимъ пометомъ.

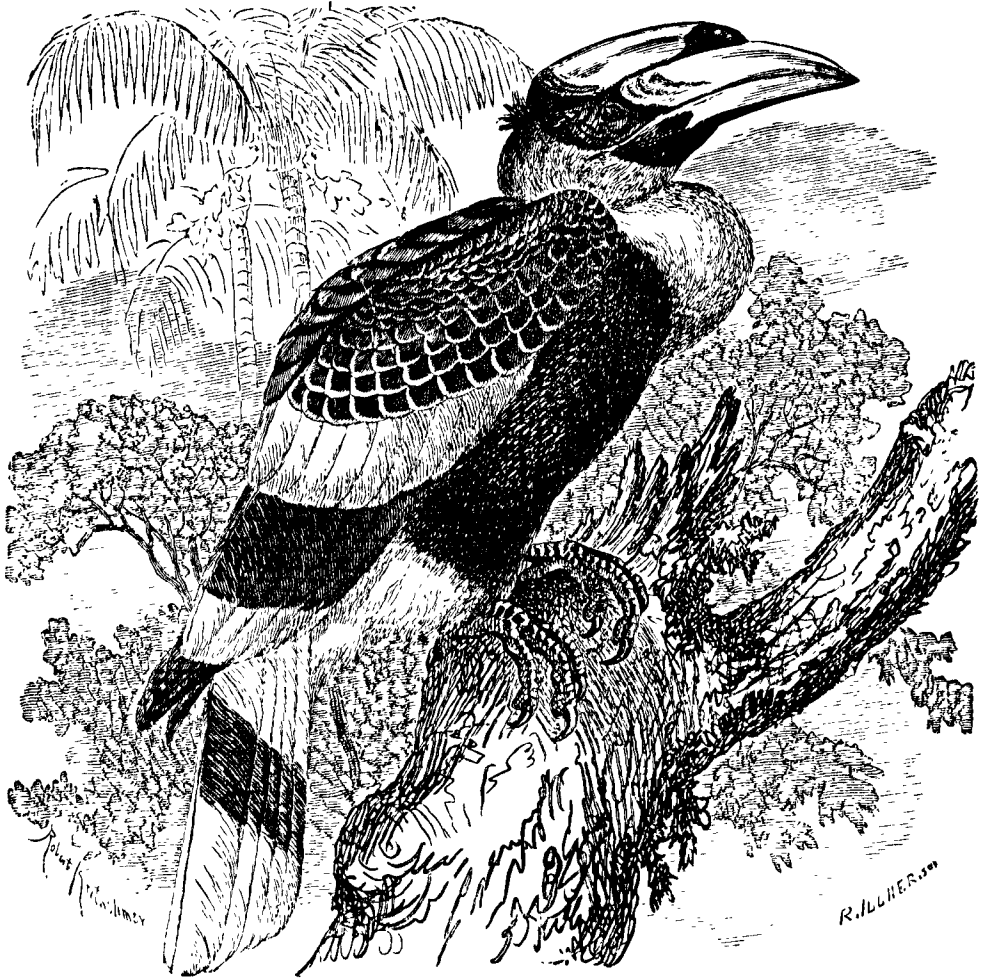
Токи не разъ привозились въ Европу. Я видѣлъ и по долгу наблюдалъ ихъ въ различныхъ зоологическихъ садахъ. Они не причисляются къ особенно привлекательнымъ птицамъ, мало подвижны, лишь рѣдко подають голосъ, никогда не кричатъ такъ возбужденно, какъ въ пору размноженія на свободѣ въ лѣсу, и по всему этому почти не даютъ представленія о томъ, какими удивительными существами они являются на самомъ дѣлѣ.

* * *

Какъ представителя индѣйскихъ видовъ этого семейства, первымъ нужно упомянуть **Двурогого калао**. Родъ **Шлемоносныхъ калао** (*Buceros. Doppelhornvögel. Calaos à casque*), представителемъ котораго онъ является, наиболѣе богатъ видами изъ всего семейства.

Названія: **Гомрай** или **Гомрай**—у непальцевъ, **Гаруда**—у лѣсныхъ жителей южной Индіи, **Мала-морайкей** (лѣсной запѣвало) и **Буронгъ-унданъ**—у малайцевъ даны **Двурогому калао** (*Buceros bicornis, cavatus, cristatus, homrai, Dichoceros, Homraius bicornis. Doppelhornvogel. Calao bicolore*). Опереніе его главнымъ образомъ чернаго цвѣта. Шея, концы верхнихъ кроющихъ перьевъ хвоста, брюхо и нижнія кроющія перья хвоста, пятна на крыльяхъ, основанія большихъ маховыхъ перьевъ,

концы всѣхъ маховыхъ вообще и наконецъ рулевья перья, за исключеніемъ широкой черной перевязи передъ концомъ,—все это болѣе или менѣе чистаго бѣлаго цвѣта. Нерѣдко шейныя и крыловыя перья выглядятъ желтоватыми вслѣдствіе сильнаго окрашиванія жиромъ копчиковой железы. Глаза пурпурово-красныя. Верхняя половина клюва, включая наростъ,—краснаго цвѣта, переходящаго въ желтый восковой; нижняя половина желтая, на концѣ красная; пространство между наростомъ и клювомъ, если смотрѣть спереди, черноватое, а отъ него кверху на спин-

Двурогій калао. *Buceros bico nis*. $\frac{1}{5}$ наст. вел.

ку идетъ темно-бурое пятно; основаніе клюва блѣдно-черное, голая кожа у глазъ черная; ноги темно-бурыя. Длина птицы достигаетъ 1,2 м., длина крыла 50—52 см., длина хвоста 44, клюва 26 см.; отъ задняго края роста до конца клюва 34 см., наростъ-же 20 см. въ длину и 8,5 въ ширину.

Гомрай распространенъ по высокимъ лѣсистымъ мѣстностямъ Индіи, отъ крайняго юга до Гиммалаевъ и отъ Малабарскихъ береговъ до Ассама, Аракана, Тенассерима, Бирмы и Малайскаго полуострова, впрочемъ встрѣчается и на Суматрѣ. По словамъ Жердона, онъ живетъ въ Индіи на горныхъ склонахъ до 1500

т. надъ уровнемъ моря, большею частью парами, рѣже небольшими стаями; по Ходжсону, которому принадлежитъ мастерское по формѣ и содержанію описаніе мѣсто-нахожденія и образа жизни этой птицы, онъ населяетъ въ Непалѣ всѣ горныя цѣпи между Харидваромъ на западѣ и Ассамомъ на востокѣ, однако проникаетъ, слѣдуя по бассейнамъ рѣкъ, далеко вглубь горъ, но въ такихъ случаяхъ держится исключительно въ долинахъ и никогда не забирается на голыя вершины со-сѣднихъ горъ. Туземцы, которые могли хорошо познакомиться съ этой птицей и ея образомъ жизни, увѣряли Ходжсона, что онъ въ такихъ мѣстахъ только пере-зимовываетъ, съ наступленіемъ же теплаго времени, къ концу февраля, переко-чевываетъ въ горы на сѣверъ. Однако Ходжсонъ сомнѣвается въ достовѣрности этого сообщенія и склоненъ думать, что въ дѣйствительности двурогій калао не перелетаетъ, а просто кочуетъ по извѣстной опредѣленной области, смотря по теп-лу или холоду; созрѣваніе плодовъ и гнѣздовая пора удерживаютъ его въ извѣст-номъ районѣ, если таковой покажется ему особенно удобнымъ.

Художественно и сжато описываетъ Ходжсонъ мѣстожителство и образъ жизни гомрая. Птица эта преимущественно выбираетъ для своего мѣстопробыванія открытыя и заросшія чащи, если таковыя находятся среди лѣсовъ по близости рѣкъ. Она живетъ общественно и настолько же характерна своими спокойны-ми привычками и движеніями, какъ и самоувѣренностью и достоинствомъ. На вершинкѣ какого-нибудь высокаго дерева фантастической формы видишь крупныхъ, удивительныхъ и полныхъ сознанія собственнаго достоинства птицъ, сидящихъ по часу неподвижно, подогнувъ и почти спрятавъ между крыльями свою шею и прижавши животъ къ самымъ пяткамъ. При случаѣ одна изъ нихъ слетаетъ, обыкновенно въ сопровожденіи одного или двухъ товарищей и, пролетѣвъ корот-кое разстояніе, садится на другое высокое дерево. Насколько могъ наблюдать Ходжсонъ, эти калао никогда не спускаются на землю и не садятся хотя бы на низкое дерево. Обыкновенно 20 или 30 такихъ птицъ сидятъ въ непосред-ственной близости, 6 или 8 на одномъ и томъ же деревѣ, конечно, если оно велико, и здѣсь онѣ проводятъ по часу съ невозмутимостью и достоинствомъ судей, вре-мя отъ времени издавая полуподавленный крикъ, столь же странный, какъ ихъ фи-гура и манеры. Эти крики напоминаютъ кваканье огромной лягушки, и лишь не-много громче его. Если же неумолимый охотникъ, встрѣтивъ такое торжественное собраніе, собьетъ одну изъ птицъ съ дерева, не убивъ ее наповалъ, то отчаянный крикъ раненаго гомрая приводитъ его въ величайшее изумленіе, такъ какъ этотъ громкій крикъ нельзя сравнить ни съ чѣмъ другимъ, какъ съ крикомъ осла. Звукъ его необычайно громкій вслѣдствіе необыкновенной трубчатости костей и устрой-ства гортани.

Всѣ остальные наблюдатели въ существенныхъ чертахъ согласны съ этимъ описаніемъ; однако Жердонъ замѣчаетъ, что онъ никогда не видѣлъ, ни въ юж-ной Индіи, ни въ Сиккимѣ, стай болѣе, чѣмъ изъ 5 и 6 штукъ, да и самихъ птицъ видѣлъ только изрѣдка. Онъ характеризуетъ двурогаго калао вообще какъ спокой-ное существо, которое лишь время отъ времени испускаетъ низкое, но негром-кое карканье, при этомъ прибавляетъ, что въ томъ случаѣ, когда птицы сидятъ компаніей, онъ вовсе не слышалъ, чтобы онѣ издавали грубые и неприятныя звуки. «Крикъ этого калао», говоритъ Тиккель, «вызываетъ сильное эхо, и новичекъ съ трудомъ повѣритъ, чтобы птица могла издавать подобный звукъ. Какъ и осталь-ные виды, они испускаютъ крикъ, какъ втягивая, такъ и выпуская воздухъ». По моимъ наблюденіямъ надъ пойманными калао, отдѣльный отрывистый звукъ ихъ всего лучше сравнить съ тивканьемъ средней величины собаки и отчасти передать

слогами «карок» или «крок» При каждом таком звукѣ птица приподнимает шею и голову, такъ что клювъ становится почти вертикально и снова откидывается внизъ.

«Гомрай», продолжаетъ Ходжсонъ, «летитъ съ вытянутой шеей и поджатыми ногами, и держитъ хвостъ горизонтально и слегка расширивъ. Его тяжелый полетъ идетъ по прямой линіи и поддерживается сильными, равномерными, но быстро слѣдующими одинъ за другимъ взмахами крыльевъ, которыя, хотя и довольно велики, но, повидимому, сравнительно не имѣютъ большой силы, вѣроятно вслѣдствіе большой подвижности отдѣльных частей позвоночного столба». Всякій взмахъ крыльевъ сопровождается громкимъ свистящимъ шумомъ, который, по словамъ Жердона, слышенъ бываетъ еще на разстояніи одной англійской мили. Хотя двурогій калао и не совсѣмъ чуждъ землѣ, но на ней движется очень неуклюже. Его ноги не устроены для хожденія, зато удивительно приспособлены для лазанія по толстымъ вѣтвямъ. Да и деревья, какъ упоминаетъ Ходжсонъ, предоставляютъ птицѣ все, что нужно для ея жизни—пищу и покой на одномъ и томъ-же мѣстѣ, такъ что ей не представляется никакой надобности спускаться на землю. На пойманныхъ экземплярахъ я убѣдился, что это сообщеніе столь наблюдательнаго натуралиста не совсѣмъ вѣрно. Время отъ времени, какъ мы увидимъ, гомраю все-таки случается покидать вѣтку и слетать на землю.

Ходжсонъ полагаетъ, что гомраю можно считать исключительно плодоядной птицей. «Что онъ бываетъ таковымъ по крайней мѣрѣ въ извѣстное время», говоритъ этотъ авторъ, «это внѣ всякаго сомнѣнія, такъ какъ желудки 6 или 8 птицъ, которыхъ я убилъ и изслѣдовалъ въ январѣ или февралѣ, заключали въ себѣ исключительно плоды священныхъ смоковницъ. Всѣ наблюдатели замѣтили, что калао питается плодами этого дерева и фигами вообще, какъ дикими, такъ и растущими въ садахъ, предпочитая эту пищу всякой другой. Однако они не ограничиваются только фигами, но при случаѣ ѣдятъ и другіе плоды». Для плодовыхъ садовъ, по словамъ Гюрнея, калао иногда бываютъ очень вредны. Въ 1867 году сады упомянутаго автора были настолько часто посѣщаемы гомраями, что пришлось убить съ дюжину этихъ птицъ. Онѣ появились на деревьяхъ, лазали по нимъ, почти какъ попугаи, съ помощью своего клюва, и очищали верхушки отъ всѣхъ висящихъ на нихъ плодовъ. Въ этомъ саду стояли апельсиновые деревья, отягощенные крупными, сладкими, вкусными на видъ плодами; Гюрней часто находилъ ихъ съ виду нетронутыми и спокойно висѣвшими на вѣтвяхъ, тогда какъ внутри они были совершенно пусты. Ясно, что, на основаніи такихъ данныхъ, гомраю считаютъ исключительно плодоядною птицею, однако наблюденія надъ пойманными экземплярами существенно измѣняютъ этотъ взглядъ. Въ неволѣ двурогіе калао также предпочитаютъ всякаго рода плоды другой пищѣ, а нѣкоторые сорта плодовъ ѣдятъ даже съ такой жадностью, что эту пищу нужно считать ихъ самымъ лакомымъ блюдомъ; но кромѣ растительной пищи они нуждаются въ животной. Нѣкоторыя изъ этихъ птицъ выказываютъ себя настоящими хищниками, нападающими и уничтожающими всякое живое и слабое существо, которое они найдутъ по близости. Они въ самый короткій срокъ уничтожаютъ всѣхъ мелкихъ птицъ, съ которыми ихъ посадятъ. Несмотря на свою кажущуюся неуклюжесть, они умѣютъ скоро завладѣть своими сожителями, выжидаютъ, спокойно сяди на своемъ мѣстѣ, неосторожную птицу, подошедшую близко къ нимъ, быстрымъ движеніемъ клюва ловятъ ее, когда она сидитъ, или на лету, нѣсколько разъ ударяютъ ее о землю, затѣмъ становятся ногами на удачно заполученную добычу и сѣдаютъ ее съ такимъ очевиднымъ наслажденіемъ, что трудно видѣть въ этомъ что-либо несвойственное имъ или прихоть, приобрѣ-

тенную уже въ неволѣ. Каждый кусокъ, который они берутъ, сначала подбрасывается на воздухъ и снова подхватывается клювомъ. Ихъ ловкость въ этомъ занятіи настолько велика и, благодаря упражненіемъ, такъ совершенствуется, что они ловятъ бросаемыя имъ лакомства почти безъ промаха, съ какой бы стороны ихъ ни бросали. Помимо этого пойманные гомраи подтверждаютъ все сообщенное Ходжсономъ, по крайней мѣрѣ, до известной степени. Они не совсѣмъ отказываются отъ воды, какъ утверждаетъ вышеупомянутый натуралистъ, но дѣйствительно пьютъ чрезвычайно рѣдко: при кормленіи исключительно фруктами—только черезъ каждые 14 дней, при смѣшанномъ кормѣ, напротивъ, разъ въ 3—4 дня.

Объ ихъ гнѣздованіи существуетъ много наблюденій. «Когда самка», говоритъ Масонъ, «положить свои 5—6 яицъ, самецъ такъ плотно замуравливаетъ ее, что она можетъ просунуть въ отверстіе только свой клювъ. Такъ проводитъ она птенцовую пору и можетъ поплатиться своею жизнью, если вздумаетъ ломать свою тюрьму. Чтобы вознаградить ее за потерю свободы, самецъ усердно доставляетъ ей плоды и приноситъ всѣ кушанья цѣликомъ, такъ какъ самка не дотронется до обкусаннаго плода». Едва-ли слѣдуетъ прибавлять, что послѣдняя часть сообщенія Масона основывается на выдумкахъ или на довѣріи къ баснословнымъ рассказамъ туземцевъ; первая-же часть сказаннаго имъ совершенно вѣрна. Тиккель дополняетъ сообщенное Масономъ. «16 февраля», рассказываетъ онъ, «я узналъ отъ жителей селенія Каранъ, что въ дуплѣ одного сосѣдняго дерева устроилъ гнѣздо большой двурогій калао и что уже нѣсколько лѣтъ пара гнѣздится все на томъ-же мѣстѣ. Я посѣтилъ это гнѣздовье и замѣтилъ, что дупло находилось въ почти прямомъ стволѣ дерева, лишенномъ сучковъ метровъ на 15 отъ земли. Дупло было замуравлено глиной такъ, что оставалось лишь маленькое отверстіе, черезъ которое самка просовывала клювъ и могла брать отъ самца кормъ. Одинъ изъ сельчанъ съ большимъ трудомъ взобрался на дерево, вколачивая въ стволъ бамбуковыя палочки, и началъ разламывать глиняную замазку. Во время этого занятія самецъ испускалъ громкіе, хриплые звуки, порхалъ вокругъ и подлеталъ почти вплотъ къ намъ. Туземцы, повидимому, испугались и увѣрили, что онъ можетъ напасть на нихъ, такъ что мнѣ стоило большого труда уговорить ихъ не убивать птицы. Когда дупло было достаточно раскрыто, взлѣзшій туземецъ просунулъ внутрь свою руку, но былъ такъ сильно укушенъ птицей, что быстро вытащилъ руку обратно и чуть не упалъ съ дерева. Обернувъ руку нѣсколькими тряпками, ему удалось вытащить птицу: это было поистинѣ жалкое существо, отвратительное и грязное. Снесенная внизъ и пущенная свободно по землѣ, птица прыгала по ней, не имѣя возможности летѣть, и пугала окружающихъ людей своимъ клювомъ. Наконецъ она залѣзла на маленькое деревцо и осталась тамъ сидѣть, такъ какъ была слишкомъ беспомощна, чтобы употребить въ дѣло крылья и присоединиться къ самцу. Въ глубинѣ дупла, приблизительно на 1 м. ниже входа, на рыхломъ гнилѣ, кусочкахъ коры и перьяхъ лежало единственное, грязное, свѣтло-буроватое яйцо. Кромѣ того дупло было наполнено массой гнилыхъ ягодъ. Отъ жира своей кончиковой железы самка приналя желтую окраску».

Въ другомъ мѣстѣ Тиккель увѣряетъ, что видѣлъ собственными глазами, какъ самецъ замуравливалъ глиной самку. По новѣйшимъ наблюденіямъ Гюрнея оказывается, что и эти данныя требуютъ еще одной поправки въ томъ смыслѣ, что не самецъ, а самка закрываетъ дупло. Гюрнею удалось воспользоваться счастливымъ случаемъ для наблюденія за птицами при самой постройкѣ гнѣзда, «Въ апрѣлѣ 1868 года», рассказываетъ онъ, «я получилъ извѣстіе о двухъ гнѣздахъ, устроенныхъ въ дуплистыхъ хлопчато-бумажныхъ деревьяхъ. Птицы выгребли рыхлыя гни-

лушки съ помощью своего клюва и расширили дупло до желаемыхъ размѣровъ. Въ обонхъ случаяхъ я получилъ по три яйца; и то, и другое гнѣзда были замуравлены коровьимъ пометомъ или какой-то похожей на него массой. Я не могъ этого точно опредѣлить, вслѣдствіе большой высотѣ, на которой помѣщались гнѣзда и, такъ какъ мнѣ приходилось каждый разъ проходить 6—8 англійскихъ миль, то я и не имѣлъ случая прослѣдить всего хода работы. Птица, которую я велѣлъ вытащить изъ одного гнѣзда, потеряла много перьевъ, и безъ того рыхло сидящихъ въ кожѣ, и была въ очень плачевномъ состояніи. Къ концу того-же мѣсяца я былъ гораздо счастливѣе. На полянкѣ, очень близко отъ моей веранды, окруженное другими деревьями, стояло большое дерево съ дупломъ въ первой развилинѣ сучьевъ, за обладаніе которымъ попугаи и сивоворонки вели продолжительные споры и ссоры. Мнѣ очень хотѣлось, чтобы это дупло было замѣчено двурогими калао, и былъ очень обрадованъ, когда, при безконечномъ крикѣ сивоворонокъ и пронзительномъ карканіи попугаевъ, 18 апрѣля парочка такихъ калао приготовилась занять это дупло, предварительно осмотрѣвъ его нѣсколько разъ и обсудивъ тщательно это дѣло. Дупло имѣло приблизительно 30 см. глубины и было внутри достаточно просторно. 29 апрѣля самка спряталась внутри дупла и болѣе наружу не показывалась. Въ немъ было какъ разъ столько мѣста, чтобы закрыть и ея голову, если-бы она имѣла намѣреніе спрятаться или выкидывать снизу соръ. Дупло помѣщалось на 3 м. надъ землей и какъ разъ противъ моей веранды, такъ что я съ помощью подзорной трубы могъ хорошо наблюдать за всѣмъ происходящимъ. Когда самка спряталась внутри, самецъ казался очень занятымъ ея кормленіемъ и обыкновенно приносилъ ей маленькій плодъ священной смоковницы. 30 апрѣля самка старательно принялась за укупорку, употребляя для этого преимущественно собственный пометъ, который она вытаскивала снизу, прилепывала направо и налево и приглаживала плоской стороной своего клюва, какъ лопаточкой штукатурка. Самца-же я никогда не видѣлъ за другой работой, кромѣ доставленія корма; точно также я никогда не замѣчалъ выброшенныхъ на землю плодовъ, помета-же очень мало, причѣмъ послѣдній, послѣ того, какъ гнѣздо было замуравлено, выбрасывался, по-видимому, самой самкой. Самецъ появлялся по близости дерева, подлеталъ къ дуплу, крѣпко прицѣплялся когтями къ корѣ и стучалъ клювомъ. По этому знаку появлялась самка, брала плодъ, послѣ чего самецъ снова улеталъ. Отверстіе, бывшее сначала приблизительно 15 см. вышины и 3 или 4 см. ширины, въ концѣ было задѣлано настолько узко, что въ самомъ широкомъ мѣстѣ можно было просунуть только мизинецъ. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что клювъ птицы при раскрываніи занимаетъ не менѣе 8—10 см., и потому отверстие имѣло форму продольной щели. Замазываніе наружнаго отверстия потребовало 2 или 3 дня. Послѣ этого пометъ самки, употреблявшійся ею до сихъ поръ главнымъ образомъ для замазки, сталъ выбрасываться вонъ. Третья птица - носорогъ, летавшая по близости, внимательно слѣдила за ходомъ работы, время отъ времени вступала въ драку съ избраннымъ самцомъ, но никогда не носила плодовъ самкѣ. 7 мая, когда, по моимъ соображеніямъ, самка уже имѣла достаточно времени для кладки яицъ, я влѣзъ съ помощью лѣстницы на дерево, раскупорилъ гнѣздо и вытащилъ съ нѣкоторымъ трудомъ самку, находившуюся въ прекрасномъ состояніи, чтобы заполучить три желанныхъ яйца. Сначала она совсѣмъ не могла летать, но скоро оправилась. Туземцы, хорошо знающіе привычки этой птицы, рассказывали мнѣ, что самка проламываетъ стѣну тогда, когда вылупившіеся птенцы начинаютъ требовать корма, и это сообщеніе въ дѣйствительности должно быть вѣрнымъ».

Уоллесъ также могъ собрать свѣдѣнія о гнѣздованіи двурогаго калао. Его

охотники принесли ему крупнаго, красиваго самца, который, по увѣренію одного изъ нихъ, былъ убитъ имъ въ то время, когда галао кормилъ самку. «Я часто читалъ», рассказываетъ путешественникъ, «о странномъ способѣ гнѣздованія этой птицы, и тотчасъ-же отправился на мѣсто, въ сопровожденіи нѣсколькихъ туземцевъ. За рѣчкой и болотомъ мы нашли большое, склонившееся надъ водой дерево, и на его нижней сторонѣ, на высотѣ около 6 м., замѣтили маленькое отверстіе посреди массы, похожей на грязь, которая, какъ мнѣ сказали, служитъ для замуравливанія длиннаго входа въ дупло. По прошествіи нѣкотораго времени мы услышали внутри глухой крикъ птицы и могли видѣть, какъ она высунула бѣлый кончикъ своего клюва. Я предложилъ рупію, если кто-нибудь влѣзетъ на дерево и вынетъ оттуда птицу и яйца. Но всѣ заявили, что это очень трудно и боялись. Я ушелъ очень сердитый. По прошествіи около часа, къ моему изумленію, я услышалъ вблизи себя громкое и отчаянное карканье. Мнѣ несли самку съ птенцомъ, найденную въ дуплѣ. Этотъ послѣдній былъ въ высшей степени страннымъ существомъ, величиной съ голубя, но безъ единаго перышка, притомъ чрезвычайно мясистъ, слабъ, съ просвѣчивающей кожей, такъ что птица скорѣе была похожа на кусокъ студня, чѣмъ на настоящую птицу. Оригинальное обыкновеніе самца замуравливать свою самку и кормить ее въ продолженіи гнѣздовой поры и до взлета птенцовъ—одно изъ тѣхъ явленій въ природѣ, которыя гораздо страннѣе всего того, что можно себѣ представить».

Дальнѣйшее развитіе молодыхъ двурогихъ калао, оказывается, также протекаетъ медленно; по крайней мѣрѣ, Ходжсонъ увѣряетъ, что они достигаютъ полнаго развитія только на четвертомъ или пятомъ году. Блайтъ, напротивъ, на основаніи наблюденій надъ пойманными двурогими калао, говоритъ, что достаточно трехъ лѣтъ для полнаго развитія этого калао.

О жизни этой птицы въ неволѣ Тиккель сообщаетъ слѣдующее. «Гомрай, будучи воспитанъ смолоду, становится очень ручнымъ, но всегда остается смѣлымъ и угрожаетъ всѣмъ, кого не знаетъ, своимъ огромнымъ и опаснымъ клювомъ. Одинъ изъ нихъ не позволялъ никому ласкать себя, какъ это дѣлаютъ мелкіе виды семейства. Онъ леталъ по саду, держался здѣсь на большихъ деревьяхъ или на крышѣ дома, рѣдко спускался на землю, прыгалъ по ней неровными скачками, при этомъ случалось, что падалъ на кистевое сочлененіе и собиралъ въ травѣ кормъ. Однажды видѣли, какъ онъ поймалъ лягушку, но, попробовавъ ее, бросилъ. Во время своихъ утреннихъ прогулокъ, онъ часто мочилъ свои перья, тогда съ появленіемъ солнца онъ обыкновенно спокойно сидѣлъ съ распростертыми крыльями, чтобы обсушить свое опереніе. Впрочемъ, два другихъ пойманныхъ калао, по видимому, доказывали, что мокрота совсѣмъ имъ не неприятна, такъ какъ они по часу высиживали подъ проливнымъ дождемъ и промокали совершенно. Громкихъ криковъ онъ никогда не издавалъ, но одно только слабое ворчливое хрюканье. Его жадность была очень велика: онъ могъ безъ затрудненія разомъ проглотить цѣлую райскую фигу». Я также нерѣдко видѣлъ, какъ въ просторныхъ клѣткахъ гомрай опускался на землю. По ней онъ двигается въ высшей степени неуклюже. Онъ сидитъ на пяткахъ, а не на пальцахъ, причѣмъ долженъ еще подпираться хвостомъ, чтобы удержать равновѣсіе и можетъ подвигаться впередъ только неуклюжими прыжками, одновременно подскакивая обѣими ногами. Такимъ образомъ онъ нерѣдко проскакиваетъ довольно большое разстояніе. Въ вѣтвяхъ положенія, принимаемыя имъ, весьма разнообразны. Обыкновенно онъ держится почти горизонтально, какъ увѣряетъ Ходжсонъ, но въ случаѣ болѣе продолжительнаго покоя, онъ опускаетъ хвостъ отвѣсно. Если онъ долгое время былъ лишень солнечнаго свѣта и на него снова

упадалъ первый лучъ солнца, то онъ начиналъ принимать необычныя позы: ерошился и вытягивался, распускалъ одно крыло за другимъ, медленно поднималъ его какъ можно выше, вертѣлся и вытягивался во всѣ стороны, чтобы выставить на солнце попеременно то одну, то другую сторону тѣла. Если ему очень жарко, онъ сильно вытягиваетъ шею и въ это время развѣваетъ клювъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ въ сильный зной вороны и другія европейскія птицы.

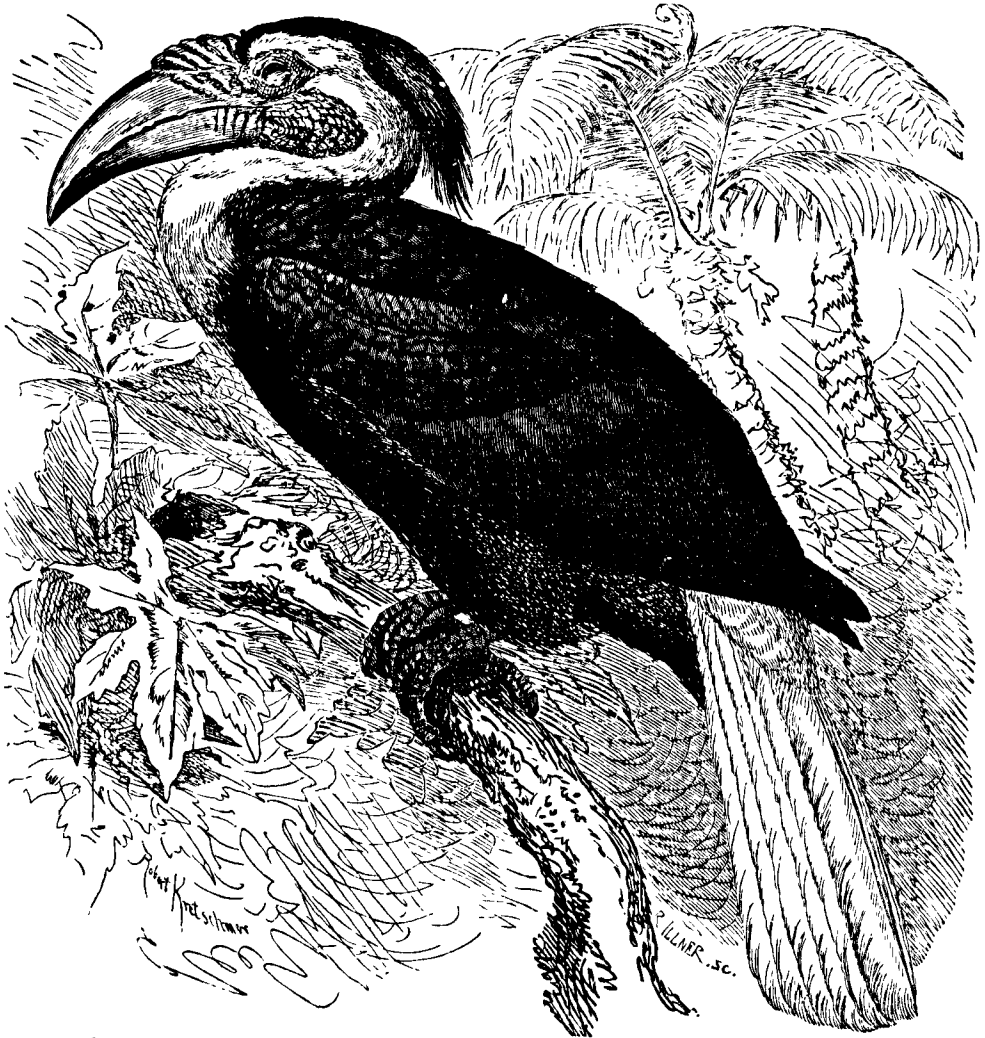
Время отъ времени двурогіе калао попадаютъ въ наши зоологическіе сады. При соответствующемъ уходѣ они годами живутъ въ неволѣ и, повидимому, чувствуютъ себя въ клѣткахъ прекрасно. Они настолько-же мирно живутъ между собой, насколько враждебно относятся къ другимъ мелкимъ птицамъ. Одинъ изъ наблюдавшихся мной пойманныхъ гомраевъ схватилъ доверчиво летѣвшаго мимо него тукана, убилъ и съѣлъ его; но между различными птицами-носорогами никогда не происходило никакихъ крупныхъ споровъ и раздоровъ, по крайней мѣрѣ между равными по величинѣ, и самое большее, если допускались шаловливыя единоборства, весьма забавныя для глазъ. Иногда подобныя игры, казалось, принимали серьезный характеръ, но всегда можно было замѣтить, что это было ничто иное, какъ только игра. Птицы-носороги разныхъ видовъ признаютъ другъ друга уже по крайней мѣрѣ тѣмъ, что отвѣчаютъ на призывные крики своихъ родичей.

* *

Въ дополненіе ко всему предыдущему слѣдуетъ привести здѣсь превосходное описаніе Бернштейна образа жизни **Джулана** (*Viceros plicatus*. Jahrvogel. Calao de la Nouvelle Guinée). Этотъ калао главнымъ образомъ характеризуется тѣмъ, что вмѣсто верхней половины рога онъ имѣетъ мясистое морщинистое возвышеніе. Его маховыя перья средней величины, хвостъ довольно сильно закругленъ, ноги короткія и сильныя. Опереніе черное, за исключеніемъ охрово-желтой головы и шеи, но хвостъ бѣлый, клювъ свѣтлаго рогового цвѣта, голое горло и голыя мѣста у глазъ свѣтло-голубыя. У молодыхъ птицъ нѣтъ складчатого нароста, такъ какъ онъ развивается только съ полнымъ возрастомъ. Такъ какъ глубокія поперечныя борозды нароста не у всѣхъ птицъ одинаковы по числу, то прежде думали, что каждый годъ вырастаетъ новая складка и по ихъ числу можно опредѣлить возрастъ птицы. Это обстоятельство дало поводъ къ названію, данному ему европейцами той страны (*Jahrvogel*. Годовая птица). У жителей Зондскихъ острововъ онъ зовется **Джуланъ**, **Гоге** и **Бобозанъ**.

Джуланъ живетъ въ Новой Гвинее и сосѣднихъ островныхъ группахъ, а въ восточномъ полуостровѣ Индіи живетъ близкій къ нему видъ **Индійскій калао** (*Viceros subgracillus*. Indischer Jahrvogel. Calao des Indes), отличающійся каштаново-бурымъ цвѣтомъ верхней части головы и затылка. «Обычнымъ мѣстопребываніемъ его», говоритъ Бернштейнъ, «служатъ спокойныя, широкіе лѣса жаркихъ низменностей и предгорія около 1000 м. высоты. Въ болѣе высоко расположенныхъ лѣсахъ онъ или не встрѣчается вовсе или рѣдко, вѣроятно потому, что тамъ не попадаются извѣстныя породы деревьевъ, плодами которыхъ онъ питается. Часто за этими плодами онъ летаетъ далеко вокругъ и джулановъ нерѣдко можно видѣть парами, въ особенности раннимъ утромъ, летящими на значительной высотѣ надъ исполынскими деревьями лѣса и направляющимися по прямой линіи въ тѣ мѣста, гдѣ плодоносныя деревья обѣщаютъ имъ обильный кормъ. Во время полета они сильно вытягиваютъ шею и голову съ огромнымъ клювомъ. Замѣчательнъ своеобразный свистящій, то громкій, то болѣе слабый шумъ, сопровождающій полетъ этихъ

птиць, а можетъ быть и всѣхъ птицъ-носороговъ; онъ слышенъ на довольно далекомъ разстояніи. Причина этого свиста, происходящаго, какъ я могъ замѣтить, въ особенности при опусканіи крыльевъ при каждомъ взмахѣ, еще не дознана, насколько мнѣ извѣстно. Если махнуть крыломъ этой птицы по воздуху, получится также извѣстный свистъ, но онъ нисколько не похожъ на тотъ, который издаетъ летающая

Джуланъ. *Buceros plicatus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

птица. Нѣсколькихъ джулановъ, жившихъ въ одномъ просторномъ помѣщеніи, заставляли иногда дѣлать движенія крыльями, сидя на жердочкѣ, но при этомъ не слышно было того свиста, о которомъ идетъ рѣчь; однако эти взмахи крыльевъ были далеко не такіе сильные, какъ тѣ, которые птица дѣлаетъ при летаніи. Я склоненъ думать, что тутъ играетъ главную роль необыкновенное развитіе воздушныхъ полостей, которыя, какъ извѣстно, распространены между кожей и мускулами до самыхъ бедеръ, оконечностей крыльевъ и области горла, а въ связи съ ними и способность кожи воспринимать большое количество воздуха. Безъ сомнѣнія, этой спо-

способности нужно приписать высокой и легкой полет птицы, так как крылья ее сравнительно не велики. Во время полета, при переменном и сильном действии мускулов, заключенные между ними и кожей воздушные скопления, необходимо должны претерпевать различное надавливание и нажимание, и этому обстоятельству, по крайней мере отчасти, я приписал бы происхождение вышеупомянутого свиста.

«Джуланы всегда, даже послѣ птенцовой поры, живутъ парами; я никогда не встрѣчалъ ихъ маленькими обществами или семьями. Ихъ пищу составляютъ различные древесные плоды, и, насколько замѣчено, они часто далеко летаютъ за ними. Многихъ джулановъ я долгое время выкармливалъ варенымъ рисомъ, картофелемъ, пизангами и другими плодами, и такіе, т. е. воспитанные смолоду, стали столь ручными, что я могъ свободно пускать ихъ въ садъ, подрѣзавъ имъ крылья. Пойманные старые птицы часто отказываются принимать какую-бы то ни было пищу и умираютъ черезъ нѣсколько дней отъ голода. Я еще ни разу не слышалъ крика этой птицы на свободѣ; впрочемъ, она настолько пуглива, что трудно подойти къ ней близко. Пойманные, будучи раздраженными, испускали своеобразный крикъ, напоминающій визгъ разсерженной или зарѣзываемой свиньи. Кто слышитъ такой крикъ впервые, тотъ принимаетъ его за ревъ хищнаго звѣря. Клювъ джулановъ имѣетъ значительную силу, хотя этого нельзя было бы предположить; судя по его полой конструкціи и отнюдь не сильнымъ челюстнымъ мышцамъ. Джуланы очень чувствительно щиплются. Одинъ пойманный старый джуланъ въ своемъ помѣщеніи, сплетенномъ изъ бамбука, продолбилъ дыру, а когда я задѣлалъ ее дощечкой, толщиной въ сантиметръ, то и въ ней очень скоро продѣлалъ большую трещину, такъ что приходилось зорко слѣдить, чтобы птица не улетѣла. Джуланъ можетъ надуть и расширить голый горловой мѣшокъ, такъ какъ онъ находится въ соединеніи съ груднымъ воздуховоднымъ мѣшкомъ, и черезъ это значительно увеличивается въ объемѣ. Онъ это дѣлаетъ въ особенности при спокойномъ сидѣніи.

«Исторія размноженія этихъ птицъ въ высшей степени замѣчательна. Свои гнѣздо онѣ устраиваютъ въ густѣйшихъ лѣсахъ въ дуплистомъ деревѣ и на довольно значительной высотѣ надъ землей. Въ такихъ мѣстностяхъ найти гнѣздо вдвойнѣ трудно, такъ какъ, покрытые густыми лѣсами горные склоны образуютъ узкіе, крутые хребты, пересѣкаемые глубокими долинами, и все пространство между стволами исполинскихъ деревьевъ заплетено непроницаемой сѣтью и чащей изъ папоротниковъ, ползучихъ растений, дикихъ пизанговъ и т. п., черезъ которыя съ трудомъ можно пробираться даже съ топоромъ въ рукахъ. Во первыхъ, будучи устроено въ дуплистомъ деревѣ, гнѣздо мало или едва замѣтно для глаза, а во вторыхъ даже въ томъ случаѣ, если имѣютъ основаніе предполагать его существованіе въ той или другой мѣстности, пробраться къ нему часто бываетъ очень трудно, въ виду вышеприведенныхъ причинъ. Если же это достигнуто, нужно еще осмотрѣть каждое изъ исполинскихъ деревьевъ, не виднѣется ли гдѣ-нибудь на верхушкѣ трещины, образующей входъ въ гнѣздо. Иногда гнѣздо выдаетъ прилетающій самецъ; единственное гнѣздо, которое я наблюдалъ, и было отыскано такимъ образомъ. Оно помѣщалось въ дуплистомъ деревѣ на высотѣ почти 20 м., и дало мнѣ случай подтвердить сообщенное уже Горсефильдомъ. Какъ скоро выбранное для гнѣзда дупло, расширить которое птицѣ помогаетъ ее сильный клювъ, приведено въ порядокъ и самка приступаетъ къ кладкѣ,—самецъ замуравливаетъ входъ массой, состоящей изъ гнилушекъ и земли, смѣшанной, весьма вѣроятно, со слюной птицы, оставшая одно только маленькое отверстіе, черезъ которое самка можетъ просовывать свой клювъ. Во все время вывода птенцовъ самецъ обильно снабжаетъ ее пло-

дами, для чего онъ иногда бываетъ вынужденъ отправляться въ населенныя и сравнительно безлѣсныя мѣстности. Такъ, напримѣръ, въ здѣшней, почти сплошь воздѣланной мѣстности одинъ самецъ былъ убитъ въ соседнемъ саду.

«Но къ чему служить это замуравливаніе самки? Что, по словамъ Горсфильда, это дѣлается въ защиту отъ обезьянъ, мнѣ кажется невѣроятнымъ, такъ какъ по крайней мѣрѣ яванскія обезьяны сами должны остерегаться такого сильнаго оружія, какъ клювъ джулана. Скорѣе для нихъ могутъ быть опасными крупные виды бѣлокъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ извѣстенъ случай, когда одна пойманная летяга тотчасъ же бросилась на внесеннаго въ ту-же комнату сокола, несмотря на сопротивление, убила его и даже отчасти съѣла. Слѣдуетъ, повидному, особенно обратить вниманіе на то обстоятельство, что въ наблюдавшемся мною случаѣ самка потеряла большую часть своихъ маховыхъ и хвостовыхъ перьевъ; изъ маховыхъ перьевъ перваго порядка остались только два первыхъ, изъ маховыхъ втораго порядка—на одномъ крылѣ было еще шесть, на другомъ только четыре, а изъ девяти остальныхъ перьевъ только четверть достигла половины нормальной длины. Нигдѣ нельзя было найти слѣдовъ, чтобы перья были хоть немного откушены; странно было и то, что на туловищѣ птицы не видно было ни старыхъ стержней, ни молодыхъ перьевъ. Вслѣдствіе такого неудовлетворительнаго состоянія своихъ крыльевъ, птица не могла подняться даже на 20 см. отъ земли и, разъ вывалившись изъ гнѣзда, она никакимъ образомъ не была въ состояніи попасть въ него обратно. Таковы мои наблюденія. Туземецъ, нашедшій вышеупомянутое гнѣздо и приведшій меня къ нему, увѣрялъ меня, что самка во время вывода птенцовъ всегда замуравливается самцомъ вышеприведеннымъ образомъ, что въ это время она смѣняетъ свои маховыя перья, оказывается вполне неспособной летать и возможность летать пріобрѣтается ею только ко времени взлета молодыхъ. Такимъ образомъ это замуравливаніе совершается только изъ предосторожности, чтобы предотвратить паденіе самки изъ гнѣзда. Дальнѣйшія наблюденія должны это выяснить».

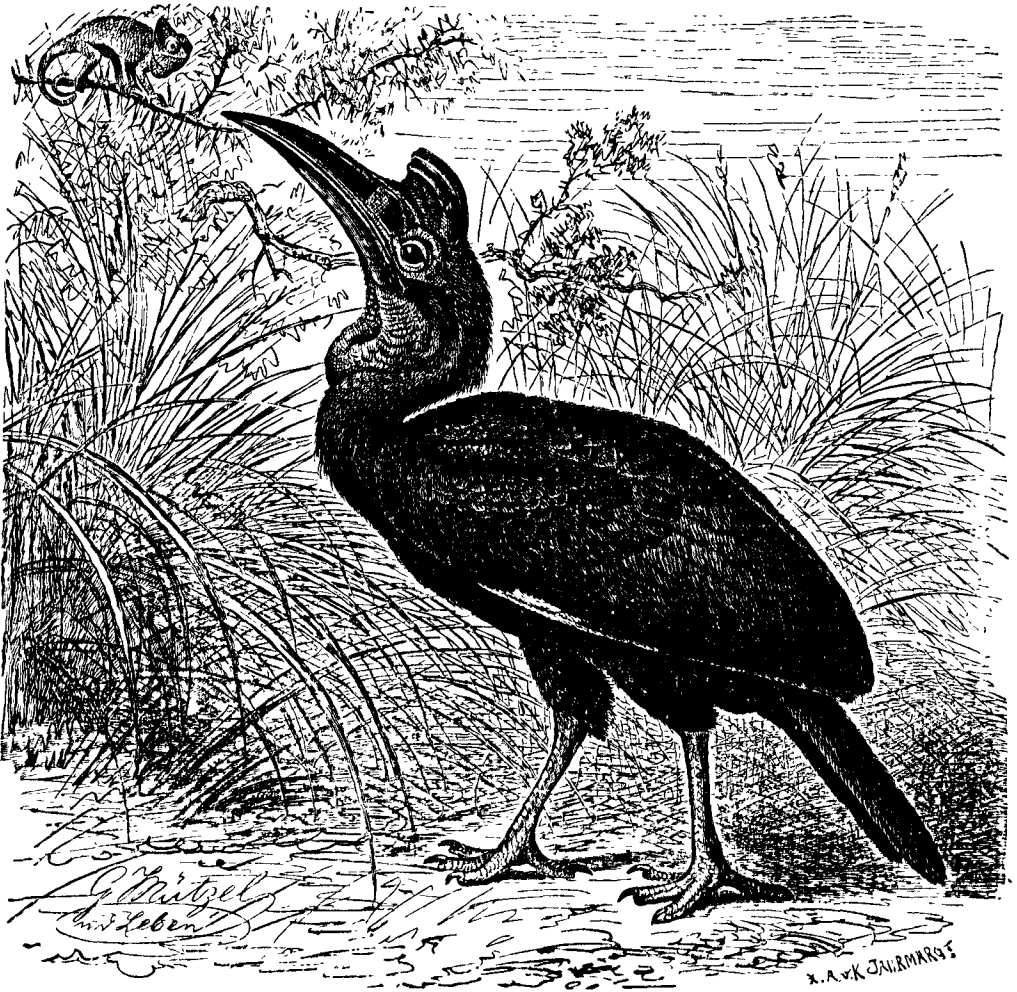
Горсфильдъ передаетъ другіе рассказы туземцевъ. Они увѣряютъ, что самецъ ревниво сторожитъ самку и наказываетъ её за проступки. Если самецъ замѣтитъ, что во время его отлучекъ къ гнѣзду приближается другой самецъ, то онъ, въ припадкѣ ревности и раздраженія, совсѣмъ замуравливаетъ самку, и, заключенная такимъ образомъ, она должна въ концѣ концовъ околѣть.

Описанное Бернштейномъ гнѣздо состояло изъ простой жесткой подстилки изъ немногихъ прутиковъ и щепочекъ. «Въ немъ лежало рядомъ съ только что вылупившемся еще слѣпымъ птенцомъ только одно сильно насиженное яйцо, довольно небольшихъ размѣровъ сравнительно съ величиной птицы: его длинный діаметръ равнялся 64 м.м., поперечный-же въ самомъ широкомъ мѣстѣ 43 м.м. Оно было слегка удлинненной формы и имѣло довольно грубо-зернистую бѣлую скорлупу, на которой то тамъ, то сямъ находились малозамѣтные для глазъ волнистые рисунки и пятна блѣдно-розоваго и буроваго цвѣта».

* *

Самый прославленный изъ всѣхъ африканскихъ птицъ-посороговъ—**Аббагамба** или **Эрнумъ** абиссинцевъ, **Абугарнъ** суданцевъ (*Tmetoceros abyssinicus*, *Buceros abyssinicus*, *leadbeateri*, *Tragopan*, *Bucorvus*, *Bucorax abyssinicus*, *Hornrabe*, *Bucorve d'Abyssinie*), являющійся вмѣстѣ съ двумя другими родственными видами представителемъ рода того-же имени (*Tmetoceros*). Онъ принадлежитъ къ числу самыхъ крупныхъ видовъ семейства, крѣпко сложенъ, съ короткими крыльями и хвостомъ, но съ довольно высокими ногами. Его клювъ очень большой, слабо со-

гнутой, сплюсненной съ боковъ, съ тупымъ концомъ, съ несмыкающимися по срединѣ половинками клюва и украшенный только однимъ, хотя довольно высокимъ наростомъ надъ основаніемъ верхней половинки клюва. Этотъ наростъ начинается на срединѣ темени и продолжается приблизительно до первой трети всей длины клюва, спереди бываетъ или открытый, и продолжается дальше въ формѣ трубки, или-же закрытый, и имѣетъ видъ направленного впередъ шлема, у котораго

Аббагамба. *Tmetoceros abyssinicus*. $\frac{1}{5}$ наст. вел.

болѣе широкая и плоская верхняя часть отдѣляется продольнымъ возвышеніемъ отъ боковыхъ, слабо округленныхъ частей, идущихъ дугою книзу и соединяющихся съ основаніемъ клюва. Очень сильныя ноги отличаются отъ ногъ другихъ птицъ-носороговъ высотой плюсны, превышающей въ два раза длину средняго пальца, и весьма толстыми пальцами, изъ которыхъ наружный и средній срослись въ послѣднемъ суставѣ, а внутренній и средній соединены въ предпослѣднемъ суставѣ перепонкой. Конечъ крыла, шестое маховое перо котораго самое длинное, лишь немного длиннѣе малыхъ маховыхъ перьевъ. Наружныя перья хвоста, длина ко-

торого приблизительно равна половинѣ длины крыла, незначительно укорачиваются. Глаза и область горла—голые и очень ярко окрашенные. Опереніе, кромѣ десяти желтовато-бѣлыхъ маховыхъ перьевъ, блестящаго чернаго цвѣта. Глаза темно-бурые; клювъ черный, за исключеніемъ пятна на верхней половинкѣ, которая въ задней части—краснаго цвѣта, а спереди желтаго; глазной ободокъ, какъ и горло, темно-свинцово-сѣрые, послѣднее съ ярко-красной каймой. Самка отличается главнымъ образомъ немного меньшей величиной и менѣ развитымъ голымъ пятномъ на горлѣ. Длина птицы по моимъ собственнымъ измѣреніямъ достигаетъ 1,13 м., размахъ крыльевъ 1,83 м., длина крыла 47 см., а хвоста 35 см.

Аббагамба живетъ въ сѣверо-восточной и сѣверо-западной Африкѣ. Онъ вездѣ встрѣчается одинаково часто и больше живетъ въ лѣсистыхъ степяхъ и горахъ, чѣмъ въ настоящихъ дѣвственныхъ лѣсахъ или безлѣсныхъ областяхъ. Въ Абиссиніи, по Гейглину, онъ заходитъ въ горы до 4000 м. высоты, но чаще попадается въ поясѣ между 1000 и 2000 м. По окончаніи птенцовой поры аббагамбы собираются иногда многими парами съ ихъ птенцами и иногда можно видѣть ихъ летающими стаей въ 10—12 штукъ. По словамъ Монтейро, внутри Нижней Гвинеи мѣстные виды аббагамбъ (*T. rufighops*) сбиваются даже въ стаи изъ сотни птицъ, но, конечно, это случается лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Обыкновенно же они живутъ парами и не присоединяются къ своимъ сородичамъ; кромѣ того они не представляютъ собою древесныхъ птицъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, но ходятъ по землѣ подобно воронамъ, ища на ней свою пищу и взлетаютъ на деревья, только будучи спугнуты или избирая ихъ мѣстомъ отдыха. По словамъ Гейглина, для такихъ мѣстъ они предпочитаютъ одиноко стоящія густолиственные, высокія деревья на полянахъ, лугахъ или долинахъ, представляющихъ возможность далеко видѣть вокругъ. Но въ случаѣ необходимости аббагамбы довольствуются и скалой или утесомъ, гдѣ для нихъ возможенъ большой кругозоръ. «Если», говоритъ Гейглицъ, «приближается опасность, которую скоро открываетъ спокойный глазъ птицы, то она убѣгаетъ по возможности за камни, за кусты или въ кустарники или съ трудомъ поднимается на воздухъ, взлетаетъ на небольшую высоту, пролетаетъ по прямой линіи значительное разстояніе, коротко, сильно и шумно хлопая крыльями, и опускается обыкновенно на какое-нибудь возвышенное мѣсто почвы—на скалу или твердый сукъ, чтобы наблюдать за врагомъ. При такихъ бѣгствахъ аббагамба большею частью улетаетъ на противоположный склонъ той долины, гдѣ прежде сидѣла.

Эта птица такъ замѣтна, что ее знаетъ каждый туземецъ и повсюду она заслужила извѣстное уваженіе. Въ возбужденномъ состояніи, въ особенности самцы, ведутъ себя очень странно, распускаютъ и складываютъ свой хвостъ совершенно такъ, какъ это дѣлаютъ индѣйскіе пѣтухи, надуваютъ свой горловой мѣшокъ, волочатъ по землѣ свои крылья и вообще принимаютъ грозный видъ. Походка этихъ птицъ похожа на походку воронъ, но слегка переваливающаяся, полетъ отнюдь не слабый, какъ утверждаютъ нѣкоторые, напротивъ—легкій и красивый, а когда птица поднимается на извѣстную высоту, становится парящимъ. Однако аббагамба не любитъ за одинъ разъ пролетать большія разстоянія и, будучи спугнутымъ, скоро снова садится. Обыкновенно, если по близости находятся деревья, онъ прежде всего летитъ къ нимъ, чтобы съ вершины ихъ посмотрѣть вокругъ. Если ему покажется что-либо подозрительнымъ, онъ высоко приподнимается на ногахъ и, раскрывъ клювъ, сердито смотритъ на подходящаго. Первый крикъ, поданный однимъ изъ нихъ, служитъ сигналомъ къ общему бѣгству. Во всякомъ случаѣ онъ остается пугливымъ и осторожнымъ, поэтому и подойти къ нему близко очень трудно. Даже

въ поискахъ за кормомъ, онъ выбираетъ такія мѣста, которыя даютъ возможность видѣть все вокругъ.

Въ желудкѣ одного убитого мной самца аббагамбы я нашелъ среди навозныхъ жуковъ и кузнечиковъ нѣсколько червей и довольно большого хамелеона. Гюрней полагаетъ, что аббагамба питается улитками, ящерицами, лягушками, крысами, мышами, различными кузнечиками, жуками и другими насѣкомыми; Монтейро же думаетъ, что онъ ѣстъ гадювъ, птицъ, яйца, жуковъ, маниоковые корни и земляные орѣхи. «Онъ занимается охотой», говоритъ Гюрней, «всего охотнѣе тамъ, гдѣ трава выжжена, стучитъ своимъ сильнымъ клювомъ по твердой почвѣ, успѣшно переворачиваетъ комки земли, такъ что съ нихъ летитъ пыль, хватается пойманное насѣкомое, бросаетъ его на воздухъ, ловитъ его снова и препровождаетъ его въ горло. Большихъ змѣй птица убиваетъ слѣдующимъ образомъ: когда какая-нибудь изъ такихъ птицъ нашла подобное пресмыкающееся, она приходитъ съ двумя—тремя другими товарищами, приближается сбоку, растопыривъ маховыя перья и дразнить этимъ змѣю, но во время мгновенно поворачивается назадъ, наноситъ змѣѣ сильный ударъ клювомъ и снова выставляетъ передъ собой свой оперенный щитъ. Такія нападенія повторяются до тѣхъ поръ, пока змѣя не будетъ убита. Если-же послѣдняя начнетъ нападать сама, аббагамба раскрываетъ оба крыла и защищаетъ ими голову и наиболѣе опасныя для уязвленія части.» Маркизь Антинори считаетъ эту птицу, на основаніи наблюденій и изслѣдованій ея желудка, всеядной въ обширномъ смыслѣ этого слова и говоритъ, что она не только вырываетъ изъ земли всевозможныя растенія, но охотится и за различными животными. Такъ, этотъ ученый извлекъ разъ изъ желудка убитого имъ самца суслика съ кожей и шерстью и притомъ въ такомъ хорошемъ состояніи, что самый видъ его говорилъ за то, что птица должна была поймать его живымъ. Кто знаетъ острые зубы этого грызуна, величиной превосходящаго нашу бѣлку, тотъ долженъ сознаться, что такая охота дѣлаетъ честь смѣлости аббагамбы. По наблюденіямъ Гейглина, аббагамбы являются на степные пожары, чтобы ѣсть всѣхъ, опаленныхъ огнемъ, мелкихъ животныхъ.

Голосъ этихъ птицъ есть глухой крикъ, звучащій вродѣ «бу» или «гу». «Когда самецъ перекликается съ самкой», говоритъ Гейглинъ, «то одинъ, вѣроятно самецъ, издаетъ вышеупомянутый, далеко слышащійся крикъ, а другая птица ему отвѣчаетъ такимъ же, но на октаву выше. Это перекликаніе самца съ самкою, почти неразлучныхъ другъ съ другомъ, длится часто безъ перерыву съ четверть часа, пока ему не помѣшаетъ какой-нибудь посторонній шумъ». Гюрней говоритъ то же самое, но прибавляетъ, что первымъ начинаетъ кричать непременно самецъ и увѣряетъ, что этотъ крикъ можно слышать почти за двѣ англійскія мили. Въ пору спариванія, которая въ Суданѣ приходится на мѣсяцы, соотвѣтствующія нашей осени, аббагамбы кричатъ чаще и возбужденнѣе, чѣмъ въ другое время, и при этомъ продѣлываютъ такія своеобразныя движенія, что Гейглинъ говоритъ, что они токують, какъ тетерева. «Самцы и самки, съ явнымъ возбужденіемъ надувъ горловые мѣшки и фыркая, гоняются другъ за другомъ на возвышенномъ мѣстѣ какой-нибудь поляны и испускаютъ звуки, какъ бы идущіе изъ большой пустой бочки».

По собственнымъ изслѣдованіямъ я знаю, что аббагамба гнѣздится въ дуплистыхъ деревьяхъ, а отъ Гейглина—что самка кладетъ маленькія, круглыя, бѣлыя яйца съ шероховатой скорлупой. О томъ, изъ одного-ли или изъ нѣсколькихъ яицъ состоитъ кладка и замуравливается-ли самка, насколько мнѣ извѣстно, еще вовсе нѣтъ свѣдѣній. Найденное мною дупло дерева не носило на себѣ никакихъ слѣдовъ подобной работы и заключало въ себѣ только одного птенца. Послѣдній былъ почти

на взлетѣ и окрашенъ въ черный цвѣтъ вплоть до средней части маховыхъ перьевъ. У основанія клюва не было еще никакихъ слѣдовъ рога. Мы хотѣли подстрѣлить стариковъ у гнѣзда, для чего опять положили въ гнѣздо вынутаго птенца, но ни одинъ изъ напуганныхъ родителей не появился. Птенецъ былъ выкормленъ сырымъ мясомъ и скоро сдѣлался очень довѣрчивымъ. На нашемъ суднѣ онъ не былъ привязанъ и могъ гулять сколько ему угодно, но онъ скоро избралъ себѣ определенное мѣсто и при всѣхъ случаяхъ возвращался на него. О странной дружбѣ, которую онъ свелъ съ одной мартышкой, я уже упоминалъ въ первомъ томѣ этого сочиненія (стр. 141) и прибавлю здѣсь только то, что аббагамба впоследствии самъ поддерживалъ эту дружбу. Въ Хартумѣ аббагамба могъ гулять и дѣлать, что ему было угодно, и пользовался своей свободой для всевозможныхъ цѣлей, но никогда не забывалъ время отъ времени возвращаться къ своему другу. Иногда онъ проводилъ въ обществѣ обезьянки цѣлые часы, хотя она въ полномъ смыслѣ слова надоѣдала ему и всячески мучила. На дворѣ было много обезьянъ на привязи, но аббагамба зналъ своего друга очень хорошо и подходилъ всегда къ нему и никогда къ другимъ. Впрочемъ, птица иногда развлекалась другимъ. Она преслѣдовала нашихъ ручныхъ ибисовъ, охотилась за воробьями и безъ всякой надобности препотѣшнымъ образомъ рысцой бѣгала по двору то туда, то сюда, иногда подпрыгивала съ земли, выдѣлывала удивительныя движенія и т. д. Перѣдко она залѣзала на наши походныя кровати, усталая ложилась на нихъ, распускала свои крылья и прятала свою голову или подъ брюхо, или подъ крыло. По отношенію къ намъ она не выказывала ни малѣйшей злобы: позволяла себя гладить, поднимать, носить, осматривать и обыскивать, ни разу не приходила въ гнѣвъ и не пускала въ ходъ своего ужаснаго клюва.

Маркизь Антинори получилъ также одного вынутаго изъ гнѣзда птенца аббагамбы, выкормилъ его такимъ-же образомъ, какъ и мы, преимущественно маленькими кусочками мяса и мышами, и въ короткое время такъ приучилъ его къ себѣ, что онъ всегда прибѣгалъ на крикнутое имя «аббагамба», чтобы получить свой кормъ. Привыкнувъ къ мѣсту, онъ свободно бѣгалъ кругомъ, отлеталъ иногда на 200—300 шаговъ, но позволялъ маленькому мальчику пригонять себя обратно и пропрыгивалъ назадъ маленькими скачками разстояніе, которое онъ раньше пролетѣлъ. Легкость содержанія и прирученія его, по мнѣнію маркиза Антинори, достаточно, чтобы считать его достойнымъ другомъ дома. Ловлей мышей и другихъ вредныхъ животныхъ онъ, очевидно, окажетъ немалую услугу.

Что не всѣ пойманныя аббагамбы бываютъ такъ привлекательны, какъ этотъ, воспитанный смолоду птенецъ, ясно изъ слѣдующаго сообщенія Бодинуса: «Ты считаешь меня счастливымъ обладателемъ аббагамбы, я же себя таковымъ не считаю. Я долженъ сказать, что птица эта—необыкновенно скучное существо; хотя наружность ея и бросается въ глаза. Когда птица прибыла ко мнѣ, я отвелъ ей особенное помѣщеніе въ моей общей клѣткѣ, въ которой случайно находился домашній голубь съ подбитымъ крыломъ и никакого другого живаго существа. Первымъ дѣломъ аббагамбы, который пугливо ежился при выниманіи его изъ пересылочной клѣтки, какъ только онъ рѣшилъ, что за нимъ не наблюдаютъ,—было броситься тотчасъ-же на голубя, убить его и наполовину съѣсть. Когда я былъ далеко или прятался, онъ прохаживался, шагая подобно голенастой птицѣ, по своему отдѣленію; онъ алчно поглядывалъ на всѣхъ сосѣднихъ птицъ и навѣрное убилъ бы ихъ, если-бы онъ не былъ отдѣленъ отъ него надежною проволочною стѣнкой. Если кто-нибудь приближался къ птицѣ, она тотчасъ-же забивалась въ уголъ и сидѣла настолько спокойно, что

ее можно было-бы принять за чучело, если-бы только она не ворочала своими большими живыми глазами. Стоило на секунду отвернуться, как она стрѣлой проскальзывала въ свой домикъ и старалась скрыться отъ всякаго взора. Затѣмъ, мало-по-малу, она снова поднималась и, тихо крадучись, озиралась кругомъ, все-ли спокойно. Если результаты осмотра были успокоительны, она шла мѣрными шагами дальше и, полупрыгая, полуплетая, забиралась на жердочку, или, охотнѣе всего, на верхушку маленькой елки, склонявшейся подъ тяжестью птицы. Здѣсь она сидѣла совершенно спокойно, хотя для меня было непостижимо, какъ она могла держаться своими короткими пальцами на этомъ колеблющемся сидѣннѣ. Однако она всегда со страхомъ осматривалась, не приближается-ли къ ней еще кто-нибудь. Подходя къ ней на близкое разстояніе, нужно было остерегаться ея мощнаго клюва. Слѣдя глазами за каждымъ движеніемъ приближающагося къ ней человѣка, она раскрывала свой клювъ, и стрѣлой направляла его въ протянутую руку, а щипки ея были необыкновенно сильны и чувствительно больны. Края ея клюва очень остры, и попавшій между ними палецъ въ сильной степени рискуетъ быть на половину откушеннымъ, въ чемъ я, къ моей немалой досадѣ, убѣдился собственнымъ опытомъ. Несмотря на это, схватить птицу легко, такъ какъ для этого нужно только одной рукой держать передъ нею какой-нибудь предметъ, на которомъ она сосредоточиваетъ свое вниманіе, и тогда быстрымъ движеніемъ другой руки ее можно взять за шею.

«Мой плѣнникъ отказывался отъ всякой другой пищи, кромѣ мяса: ни хлѣбъ, ни плоды онъ не трогалъ. Охотнѣе всего онъ ѣлъ мышей, проглатывая одну за другой 6—8 штукъ; точно также по вкусу ему были и птицы. Мыши съѣдались съ шерстью, птицы — со всѣми перьями. Одного укуса было достаточно, чтобы убить бѣднаго воробья, схваченнаго съ быстротой молніи. Дождевые черви были также изысканнымъ блюдомъ моей птицы. Но, повидному, и всѣ эти кушанья не были свойственной этой птицѣ пищей, и я готовъ утверждать, что на водѣ она главнымъ образомъ питается гадами. Несмотря на заботливый уходъ и обильный кормъ, мой плѣнникъ очень похудѣлъ, мясистая часть горла, бывшая вначалѣ совершенно плотною, выглядѣла дряблою и мягкой и походила на складку кожи. Птицу нельзя было назвать больной: она ѣла и переваривала хорошо, перья прилегли плотно къ ея тѣлу, но усиливающееся изнуреніе при этихъ условіяхъ было яснымъ признакомъ, что птица не чувствовала себя хорошо и ей чего-то недоставало. Однажды утромъ я нашелъ ее въ клѣткѣ мертвой.

«Я больше никогда не куплю аббагамбы, такъ какъ и этотъ всегда сердилъ меня своей пугливостью. Никакихъ наблюденій я не могъ сдѣлать и ни съ кѣмъ птица не свела дружбы.»

Подобное-же мы узнаемъ и отъ Монтейро. Одинъ питомецъ этого натуралиста получалъ смѣшанный кормъ и чувствовалъ себя хорошо. Однажды ему были брошены рыбы и, повидному, онѣ пришлись ему по вкусу. Когда онъ былъ свободно пущенъ на куриный дворъ, онъ тотчасъ-же бросился на цыплятъ, въ одно мгновеніе передушилъ шестерыхъ изъ нихъ и завершилъ свой завтракъ нѣсколькими яйцами, которыя онъ могъ достать.

Своеобразное поведеніе нѣсколько разъ наблюдалъ Гааке у одного аббагамбы Франкфуртскаго зоологическаго сада, живущаго тамъ съ 1874 года и регулярно получающаго вмѣстѣ съ другимъ кормомъ и рыбъ. Эта птица беретъ иногда кусокъ корма кончикомъ клюва и держитъ его передъ ближайшей къ нему проволоочной стѣнкой, отдѣляющей его отъ клѣтки съ попугаями, или для того, чтобы накормить ихъ, или для того, чтобы ударить. Одинъ туканъ, котораго онъ такимъ образомъ приманилъ, былъ посаженъ вмѣстѣ съ нимъ, но остался нетропнутымъ. Двѣ поса-

женныхъ къ нему гигантскія алціоны (*Halcyon giganteus*) столько-же беспокоили его, сколько и онъ ихъ.

Туземцы Африки не преслѣдуютъ аббагамбъ, такъ какъ они не ѣдятъ ихъ мяса, да и вообще ничѣмъ отъ нихъ не пользуются. Въ этомъ случаѣ, насколько мнѣ извѣстно, жители Шоа представляютъ исключеніе, такъ какъ у нихъ, по словамъ Гейглина, перья этихъ птицъ служатъ изысканнымъ украшеніемъ храбрыхъ воиновъ и носятя тѣми, кто убилъ врага или большого хищнаго звѣря. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ птицу считаютъ священной, въ Абисиніи-же, напротивъ, по словамъ Лефевра, ее причисляютъ къ числу нечистыхъ животныхъ. Весьма своеобразна охота на нее въ Кордофанѣ. «Чтобы добыть аббагамбъ живыми», говоритъ Рюшпель, «за ними всегда гонялись верхомъ до тѣхъ поръ, пока отъ сильнаго утомленія они больше не могли взлетать.»

Менѣе богато видами, чѣмъ семейство птицъ-носороговъ, родственное ему семейство **Удодовыхъ** (*Upupidae*. Норве. *Huppes*), заключающее въ себѣ около 20 видовъ, изъ которыхъ одинъ встрѣчается у насъ, два въ южной Азіи, остальные-же— въ Африкѣ.

Представителемъ семейства можетъ считаться нашъ **Обыкновенный удоць**, **Потатуйка**, или **Лѣсной пастушекъ** (*Upupa epops, vulgaris, bifasciata, maculigera, exilis, brachyrhynchus, macrorhynchus, major, senegalensis*. Wiedehopf. *Upupa commune*); онъ характеризуется слѣдующими признаками: тѣло вытянутое; клювъ очень длинный, слегка согнутый, тонкій, сжатый съ боковъ, заостренный; ноги довольно сильныя съ короткими плюснами и тупыми когтями. Крылья большія и широкія, сильно округленныя; четвертое маховое перо ихъ равно пятому и образуетъ конецъ крыла. Хвостъ средней длины, широкоперый, на концѣ ровно срѣзанный. Опереніе мягкое, рыхлое и на головѣ удлинено въ хохолокъ. Позвоночникъ состоитъ изъ 14 шейныхъ, 7—8 грудныхъ и 6 хвостовыхъ позвонковъ; 6 позвонковъ несутъ настоящія ребра и 1 или 2 такъ называемыя ложныя ребра. Черепъ имѣетъ своеобразное строеніе; грудная кость похожа на таковую у пѣвчихъ птицъ. Черепъ, позвонки, грудная кость, тазъ, плечевыя кости и даже верхнія бедра кости имѣютъ воздушныя полости. Мало развитый языкъ имѣетъ трехгранную форму, сзади одинаковой длины и ширины, обтянутъ одной только мягкой кожицей, спереди закругленъ, на заднемъ краю и на заднихъ углахъ съ маленькими зубчиками. Горанныхъ мускуловъ нѣтъ и слѣда. Пищеводъ не расширяется въ зобъ: передній отдѣлъ желудка характеренъ толстыми железистыми стѣнками, второй желудокъ слабо-мускулистый. Опереніе верхнихъ частей глинистаго цвѣта; середина спины, плечи и крылья снабжены черными и бѣлыми поперечными полосами. Перистый хохолокъ темнаго ржаво-желтаго цвѣта; каждое отдѣльное перо его съ чернымъ кончикомъ. Нижнія части яркаго глинистаго цвѣта, бока брюха съ длинными продольными черными пятнами. Хвостъ черный съ бѣлой перевязью около середины. У самки всѣ цвѣта немного грязнѣе, чѣмъ у самца; у молодыхъ хохолокъ меньше. Глаза темно-бурые; клювъ черного роговаго цвѣта; ноги свинцово-сѣрыя. Длина птицы достигаетъ 29 см., размахъ крыльевъ 45, длина крыла 14, а хвоста 10 см.

Удоць живетъ въ средней и южной Европѣ, по всей Сибири и Китаю, въ западной Азіи и сѣверной Африкѣ, очень обыкновененъ въ Германіи, рѣдкій гость для Англии, но залетаетъ иногда на сѣверъ Скандинавіи и на Шпицбергенъ. Въ Германіи онъ является перелетной птицей, прилетающей по-одиночкѣ или парочками

въ послѣднихъ числахъ марта и медленно перекочевывающей въ концѣ августа и началѣ сентября обратно на югъ. Но уже въ сѣверной Африкѣ удожь перестаетъ быть перелетной птицей и самое большее, что кочуетъ по странѣ. Однако зимой его встрѣчаютъ по всей Африкѣ, точно также онъ принадлежитъ къ регулярнымъ зимнимъ гостямъ Индіи. У насъ онъ предпочитаетъ равнины, болѣе или менѣе густо поросшія деревьями. Особенно любитъ онъ мѣстности, въ которыхъ поля и

Удожь. Упура еропс. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

луга идутъ въ перемежку съ рощами, или такія, гдѣ по межахъ полей стоятъ одинокія высокія деревья. Въ южной Европѣ онъ держится преимущественно въ виноградникахъ; въ Африкѣ его можно видѣть въ каждомъ селеніи и даже въ центрѣ города. Здѣсь онъ находитъ все то, что его душѣ угодно. Пищу этой нечистой птицы здѣсь доставляетъ не скотъ, а самъ человекъ. Какъ-бы усердны ни были грифы, они не могутъ удалить изъ городовъ все нечистоты и ихъ довольно остается на долю тѣхъ птицъ, которыя, какъ всѣмъ извѣстный и прославленный

во многихъ мѣстахъ Гудгудъ, видятъ въ навозныхъ кучахъ свою усладу. Безцеремонность туземцевъ превращаетъ каждый уголь въ мѣсто съ обильнымъ для него кормомъ, а добродушіе или вѣрнѣе равнодушіе людей даетъ ему возможность безъ помѣхи совершать свою работу. Не обращая вниманія на человѣка, который служитъ ему службу, доставляя ему навозныхъ жуковъ и мухъ, птица бродитъ возлѣ прекрасно знакомыхъ ей нечистотъ, такъ какъ знаетъ образъ жизни ея главнѣйшаго кормильца такъ хорошо, что поселяется у самаго его жилья и выводитъ въ какой-нибудь стѣнной дырѣ свое вонючее потомство. Стоитъ только посмотрѣть изъ окна на дворъ или садъ или пройти по селу—всюду слышится навстрѣчу его «гуд гуд»: съ домовъ, съ вершинъ деревьевъ, съ полуразрушенной глинобитной стѣны или съ гадкаго вонючаго земляного холма позади стѣны, стоящей нѣсколько поотдалъ отъ общихъ взоромъ.

Поведеніе удода своеобразное, но не непріятное. Въ нашей странѣ онъ остороженъ и пугливъ, за частую тщательно избѣгаетъ человѣка и довѣрчивъ собственно только къ пастухамъ, стада которыхъ доставляютъ ему кормъ. На югѣ-же онъ тѣсно сдружился съ человѣкомъ и продѣлываетъ свои штуки тутъ-же передъ его глазами. Но и въ этомъ случаѣ ясно замѣтна основная черта его характера—безграничная трусливость. Птица настолько умна, что чувствуетъ себя вполне безопасной, если видитъ человѣка или обыкновенное домашнее животное, но уже собака кажется ей подозрительной, кошка заставляетъ быть на сторожѣ, летящая мимо ворона внушаетъ опасеніе, а коршунъ или вовсе нестранный грифъ приводятъ ее въ неописуемый ужасъ. Удодъ мгновенно прижимается тогда къ землѣ, расширяетъ крылья и хвостъ кружкомъ, откидываетъ голову назадъ, поднимаетъ клювъ кверху и пребываетъ въ этомъ положеніи, съ цѣлю обмануть хищника, пока не минуетъ опасность. Науманъ утверждаетъ, что удода пугаетъ каждой ласточки, быстро пролетающей около него, что онъ при этомъ вздрагиваетъ и быстро распускаетъ хохолокъ. Въ Египтѣ я никогда не замѣчалъ за нимъ такой большой пугливости, хотя во всемъ остальномъ онъ ведетъ себя тамъ совершенно такъ-же, какъ и въ Германіи. «Необыкновенно интересно», говоритъ Науманъ, «незамѣтно наблюдать за этой пугливой птицей вблизи. Она пугается каждое мгновение, и не успѣешь оглянуться, какъ она уже спасается въ густолиственныхъ вѣтвяхъ ближайшаго дерева; въ безпокойствѣ или улетая, она издаетъ хриплый крикъ и при этомъ продѣлываетъ весьма странныя движенія. Обыкновенно удода не распускаетъ своего хохолка, а держитъ его кончикомъ назадъ, но двигаетъ имъ взадъ и впередъ, когда сердится, и расширяетъ его, когда спитъ, отдыхая, на деревѣ или когда издаетъ свой крикъ. Въ пору спариванія онъ играетъ хохолокомъ и тогда, когда бѣгаетъ по землѣ, а иногда даже и налету распускаетъ и складываетъ его, какъ это дѣлаютъ, играя вѣромъ. «Онъ ходитъ по землѣ ловко шагая, а не прыгая; напротивъ, въ вѣтвяхъ онъ двигается мало и самое большее, что бѣгаетъ взадъ и впередъ по горизонтальнымъ сучкамъ. На лету онъ попеременно то быстро, то медленно машетъ крыльями, отчего его полетъ кажется пугливымъ, и онъ какъ будто движется толчками. Передъ опусканіемъ онъ нѣсколько мгновений паритъ и при этомъ расправляетъ свой хохолокъ. Призывной крикъ удода хрипкое «эръ», звучащее иногда какъ «швэр»; въ хорошемъ расположеніи духа онъ издаетъ глухое «квег квег»; крикъ любви есть глухо звучащее «хуп хуп». Весною самецъ издаетъ этотъ крикъ непрерывно, но уже къ концу іюля онъ больше не кричитъ. Когда въ началѣ любовной поры два самца ссорятся изъ за самки, они кричатъ безъ умолку и прибавляютъ тогда къ своему «хуп» еще глухое, хрипкое «лу».

Хотя въ благопріятныхъ мѣстахъ одна пара удодовъ живетъ совсѣмъ рядомъ съ другой, но настоящее дружественное расположеніе замѣчается только у птицъ.

одной семьи: сосѣди постоянно ссорятся между собой. Но дѣло между ними рѣдко доходитъ до насилія, зато они гнѣвно гоняются другъ за другомъ то туда, то сюда и ведутъ себя такимъ образомъ, что въ недоброжелательствѣ ихъ другъ къ другу нельзя сомнѣваться. Съ другими птицами удожь не вступаетъ ни въ какія дружескія сношенія. Однихъ онъ боится, къ другимъ, видимо, относится равнодушно. Но птица эта, повидимому, столь мало склонная къ привязанности, если смолоду съ ней хорошо обращались, привыкаетъ къ своему воспитателю, и относится къ нему съ необыкновенной вѣжностью; поэтому ручной удожь принадлежитъ къ самымъ занимательнымъ и милымъ домашнимъ птицамъ, какіхъ можно себѣ представить. Его продѣлки забавляютъ, его привязанность и довѣрчивость приводятъ всѣхъ въ восторгъ. Онъ становится ручнымъ, какъ собака, является на зовъ, беретъ кормъ изъ рукъ своего хозяина, слѣдуетъ за нимъ по всѣмъ комнатамъ въ домѣ, по двору, по саду, на волѣ, не думая улетать. Чѣмъ больше съ нимъ занимаются, тѣмъ онъ становится обходительнѣе, подъ конецъ позволяетъ даже шутки, которыя прежде, очевидно, были ему неприятны. При соотвѣтствующемъ уходѣ онъ размножается и въ клѣткѣ.

Пищу удода составляютъ различнаго рода насѣкомыя, которыхъ онъ собираетъ на землѣ и вытаскиваетъ или вытягиваетъ изъ дыръ съ помощью своего длиннаго языка. Навозныхъ и трупныхъ жуковъ, мясныхъ мухъ, личинокъ и другихъ навозныхъ насѣкомыхъ онъ, повидимому, предпочитаетъ и не отказывается также отъ майскихъ и юньскихъ жуковъ, бронзовокъ, кузнечиковъ, сверчковъ, муравьиныхъ яицъ, гусеницъ и т. п. Свою добычу онъ вытаскиваетъ съ большою ловкостью изъ укромныхъ уголковъ, добываетъ ихъ часто съ большимъ трудомъ, долбя и стуча подобно дятлу. «На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ обыскалъ пометъ стада или дикахъ животныхъ», говоритъ Пауманъ, «или гдѣ онъ нѣкоторое время ловилъ майскихъ жуковъ,—видно много маленькихъ дырочекъ, просверленныхъ въ землѣ его мягкимъ клювомъ. Тотъ-же клювъ служитъ ему для убиванія большихъ жуковъ и для отрыванія ихъ жесткихъ подкрылій, ногъ и брюшныхъ щитковъ. Онъ до тѣхъ поръ клювомъ ударяетъ жука о землю, пока эти части не отлетятъ, а затѣмъ отправляетъ обработанное такимъ образомъ насѣкомое въ глотку». Клювъ удода очень удобенъ для схватыванія, но для того, чтобы проглотить схваченную добычу, птицѣ необходимо подбросить ее кверху и затѣмъ уже ловить. Молодымъ удодамъ, которыхъ желаютъ выростить, необходимо пищу проталкивать въ горло, въ противномъ случаѣ они умрутъ съ голоду, такъ какъ буквально не бываютъ въ состояніи проглотить схваченную пищу. Последнему они научаются только со временемъ.

Въ Европѣ для помѣщенія своего гнѣзда удода чаще всего выбираютъ дупла деревьевъ, хотя не пропускаютъ безъ вниманія какую-нибудь дыру въ стѣнѣ или трещину скалы, кажущіяся имъ подходящими. Въ Египтѣ они гнѣздятся почти всегда въ стѣнныхъ трещинахъ и очень часто въ подходящихъ углубленіяхъ обитаемыхъ построекъ. Вообще они не затрудняются выборомъ мѣста для своего гнѣзда. Въ нашихъ краяхъ они довольствуются въ случаѣ нужды какимъ-нибудь потаеннымъ мѣстечкомъ прямо на землѣ; въ степныхъ областяхъ они кладутъ, свои яйца даже между костями падали: Палласъ нашелъ однажды гнѣздо съ семью птенцами въ грудной клѣткѣ человѣческаго скелета. Дупло дерева обыкновенно не выкладывается ничѣмъ, но иногда кой-какими стебельками и корешками, а также и коровьимъ навозомъ; гнѣзда, помѣщенные на землѣ, выстилаются и устраиваются изъ всевозможныхъ сухихъ стебельковъ, вѣжныхъ корешковъ и прутиковъ и точно также украшаются навозомъ. Кладка состоитъ изъ 4—7 сравнительно ма-

ленькихъ, приблизительно 25 м.м. длины, 17 м.м. толщины, весьма продолговатыхъ яичекъ съ чрезвычайно нѣжными бѣлыми точечками по гризному бѣло-зеленому или желтовато-сѣрому фону; иногда пятенъ вовсе нѣтъ и вообще яйца очень разнообразны по окраскѣ. До начала мая рѣдко найдешь полную кладку, такъ какъ удода кладетъ яйца только разъ въ году. Яйца высиживаются съ чрезвычайно самоотверженіемъ одной самкой, въ продолженіи 16 дней; о птенцахъ заботливо пекутся оба родителя, выкармливаютъ ихъ личинками и жуками и руководятъ, направляютъ, учатъ и предостерегаютъ ихъ еще долгое время послѣ вылета.

Нѣмцы называютъ удода «вонючей птицей», и дѣйствительно, въ птенцовую пору удода вполне оправдываетъ это народное прозвище, такъ какъ онъ и птенцы его въ это время воняютъ невыносимымъ образомъ. Родители не въ состояніи убирать помета птенцовъ, благодаря чему они сидятъ, по выраженію Наумана, «по горло въ собственныхъ нечистотахъ» и послѣдніа, разлагаясь, распространяютъ отвратительный запахъ. Сидящая на яйцахъ самка рѣдко беретъ на себя трудъ выкинуть собственный пометъ, а гнѣздо съ птенцами никогда не вычищается. Вонь привлекаетъ мухъ, которыя кладутъ свои яички въ навозъ, и такимъ образомъ гнѣздо въ концѣ концовъ кишитъ личинками. Само собою разумѣется, хуже всего воняютъ птенцы, однако и родители мало уступаютъ имъ, и только много недѣль спустя послѣ вылета изъ гнѣзда какъ тѣ, такъ и другіе теряютъ пропитавшій ихъ запахъ. Когда птенцы совершенно выростутъ, изъ этого запаха такъ мало остается, что ихъ, какъ и ихъ родителей, можно ѣсть безъ отвращенія. Въ это время они очень жирны и необыкновенно вкусны. Послѣдователямъ Моисеева закона подобное кушанье запрещено, магометане точно также ими брезгаютъ: въ ихъ глазахъ «гудгуд», какъ-бы его ни уважали во всемъ другомъ, считается нечистымъ животнымъ.

* *

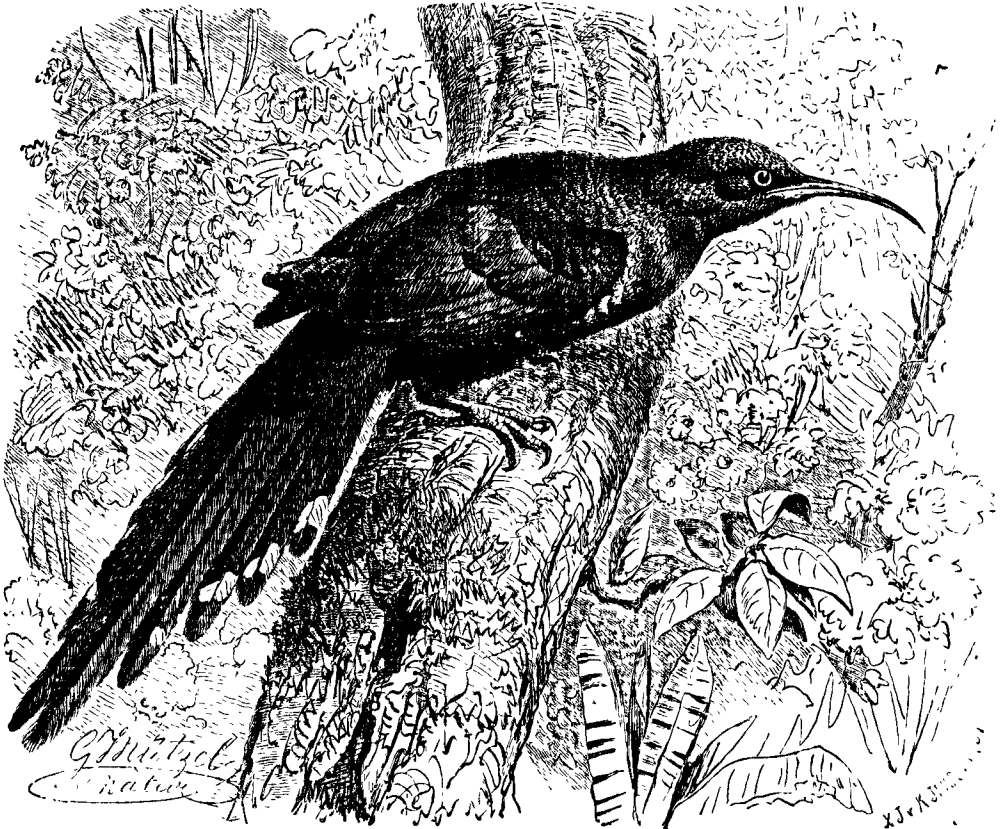
Древесные удоды (*Irrisores*. *Baumhopfe*. *Promegops*) лѣсныя птицы, живущія только въ Африкѣ,—имѣютъ вытянутое туловище, длинный клювъ, короткія ноги и крылья и длинный хвостъ. Клювъ ихъ слегка согнутъ, съ килеватой спинкой и сжатый съ боковъ. Толстая плюсна ихъ короче средняго пальца, который, какъ и всѣ остальные, вооруженъ длинными кривыми когтями. Крылья округленныя, четвертое и пятое маховыя перья ихъ самыя длинныя. Хвостъ широкій и сильно притупленный. 12 видовъ этого рода присущи Африкѣ и Мадагаскару.

Самымъ привлекательнымъ изъ тѣхъ видовъ, которыхъ я могъ изучить, слѣдуетъ считать, безъ сомнѣнія, **Древеснаго удода** (*Irrisor erythrorhynchus*, *capensis*, *senegalensis*, *melanorhynchus*, *blythi*, *Upupa erythrorhyncha*, *viridis*, *Nectarinia erythrorhyncha*, *melanorhyncha*, *Falcinellus erythrorhynchus*, *senegalensis*, *Promegops erythrorhynchus*, *melanorhynchus*, *senegalensis*, *Epimachus erythrorhynchus*, *melanorhynchus*, *Rhynopomastes cyanoleucus*, *Baumhopf. Promegope*). Основной цвѣтъ его оперенія—прекрасный металлически-блестящій синій, освѣчивающій то темно-зеленымъ, то пурпуровымъ отблескомъ. На внутреннемъ опахалѣ первыхъ трехъ маховыхъ перьевъ его находится по одному бѣлому пятну, на шести слѣдующихъ перьяхъ по два, одно пятно на наружномъ опахалѣ, другое нѣсколько глубже на внутреннемъ. Такое-же украшеніе и на хвостовыхъ перьяхъ: у нихъ также около концовъ находятся бѣлыя крестообразныя пятна. Глаза бурые, клювъ и ноги кораллово-красныя. Самка меньшихъ размѣровъ и опереніе ея менѣе блестяще. Птенцы—темно-зеленаго цвѣта, ближе къ черному и почти совершенно лишены блеска; ихъ клювъ красновато-чернаго цвѣта. Длина древесныхъ удоदывъ

*

достигаетъ 45—47 см., размахъ крыльевъ 48, длина крыла 16, а хвоста 24 см.

По моимъ изслѣдованіямъ, древесный удоць живетъ въ сѣверо-восточной Африкѣ не сѣвернѣе 16 градуса, но къ югу отъ этой параллели находится повсюду въ высокоствольныхъ лѣсахъ. Кромѣ того его находили по всему протяженію восточнаго берега до мыса Доброй Надежды, затѣмъ повсюду въ средней Африкѣ, куда проникли европейцы и наконецъ даже въ западной Африкѣ. Онъ принадлежитъ къ числу обитателей лѣса и самое большее, если показывается на полянахъ, однако и тутъ не покидаетъ деревьевъ. Въ безлѣсныхъ равнинахъ его никогда не

Древесный удоць. *Irrisor erythrorhynchus*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

встрѣчаютъ, такъ какъ онъ только въ рѣдкихъ случаяхъ слетаетъ на землю. Съ крикомъ и шумомъ шмыгаетъ, летаетъ и лазаетъ по лѣсу компанія этихъ красивыхъ птицъ, рѣдко состоящая менѣе чѣмъ изъ 4 и болѣе чѣмъ изъ 10 штукъ. Спикъ, впрочемъ, говоритъ о стаяхъ изъ 15—20 штукъ. Стайка живетъ очень дружно. Что начнетъ дѣлать одинъ, то перенимаютъ другіе. При отлетѣ все общество кричитъ, перебивая другъ друга, такъ что становится невозможнымъ различить отдѣльныхъ звуковъ. Левальянъ пробуетъ передать горловой звукъ, произносимый птицей съ удивительной скоростью, посредствомъ «га-га-га-га».

Пока общество ничѣмъ не встревожено, оно перелетаетъ съ одного дерева на другое и съ куста на кустъ. Кто-нибудь изъ нихъ прицѣпится внизу къ шероховатой корѣ какого-нибудь ствола и лѣзетъ по ней кверху, другой слѣдуетъ за

нимъ и вскорѣ вся стая такимъ образомъ оказывается на одномъ и томъ-же стволѣ. По косому стволу древесный удода лазаетъ, если и не съ ловкостью дятла, то съ неутомимостью многихъ лазящихъ птицъ, на отвѣсномъ стволѣ держится по крайней мѣрѣ нѣкоторое время, уцѣпившись за кору, и при всемъ этомъ, всовывая въ каждую трещину свой нѣжный и изящный клювъ, обыскиваетъ всѣ потаенные уголки насѣкомыхъ. Хвостъ не служитъ ему опорой при лазаніи; но отъ лазанія скоро изнашивается, поэтому-же и опахала перьевъ рѣдко выглядятъ гладкими. На нашего обыкновеннаго удода древесный похожъ тѣмъ, что часто ѣсть навозныхъ и трупныхъ жуковъ, а на дятла—тѣмъ, что онъ особенно любитъ разныхъ муравьевъ. Гюрней нашель, что онъ ѣсть и клоповъ; къ пицѣ древеснаго удода Монтейро причисляетъ гусеницъ и маленькихъ жуковъ; по моимъ наблюденіямъ, онъ въ извѣстное время питается исключительно муравьями и въ особенности крылатыми. Благодаря своей пицѣ, онъ приобретаетъ въ высшей степени неприятный запахъ, который мѣняется, смотря по роду пищи. Обыкновенно онъ пахнетъ муравьями, но совсѣмъ нерѣдко, подобно нашему обыкновенному удоду, воняетъ навозомъ, а иногда отъ него несетъ очень неприятнымъ запахомъ мускуса. Движенія древеснаго удода сравнительно ловки. Несмотря на короткія ноги, птица бѣгаетъ вовсе не такъ плохо, какъ можно было бы ожидать, а въ лазаніи она довольно искусна. Полетъ древеснаго удода состоитъ изъ нѣсколькихъ быстрыхъ взмаховъ крыльями и слѣдующемъ за ними плавномъ движеніи: нерѣдко на лету онъ описываетъ дуги.

Я мало знаю другихъ птицъ, которыя жили-бы такъ дружно между собой, какъ древесные удоды. Охотникъ, удачно приблизившійся къ нимъ, можетъ перебить всю стаю. Какъ только одинъ изъ нихъ падаетъ, всѣ товарищи его прилетаютъ къ нему, садятся или подвѣшаваются на сучкѣ или стволѣ близъ стоящаго дерева надъ убитымъ, жалбно кричатъ, хлопаютъ крылышками и съ ужасомъ смотрятъ на убитаго. Раздается второй выстрѣлъ, но и онъ не дѣлаетъ ихъ осторожными, нисколько не пугаетъ ихъ, но лишь усиливаетъ ихъ жалобный крикъ. Самое большее, если стайка раздѣляется, и въ то время, какъ одни остаются надъ первымъ убитымъ, другіе собираются вокругъ втораго. Такимъ образомъ ихъ рады можно убавлять по желанію, — и послѣдній все еще носится возлѣ убитыхъ товарищей.

Относительно ихъ гнѣздованія Левальянъ сообщаетъ, что самка кладетъ 6—8 синевато-зеленыхъ яицъ въ дуплѣ дерева на рыхлое гнилье, высиживаетъ ихъ попеременно съ самцомъ и еще долгое время возвращается въ то же дупло вмѣстѣ съ вылетѣвшими птенцами. Стоитъ только вечеромъ слѣдить за ихъ громкими криками, и легко найдешь этихъ любопытныхъ, мало пугливыхъ птичекъ, и можно видѣть, какъ вся семья возвращается въ свое ночное убѣжище. Левальянъ зatkнулъ одну такую дыру въ деревѣ и на другое утро вытащилъ оттуда пойманное такимъ образомъ общество. Какъ только свѣтъ началъ немножко проникать въ дупло, удоды, одинъ за другимъ, подходили къ отверстию и Левальянъ быстро схватывалъ ихъ за клювъ. Повторивъ это нѣсколько разъ, этотъ натуралистъ добылъ 62 самца, 45 самокъ и 11 птенцовъ различныхъ возрастовъ.

Кромѣ этого Левальянъ еще сообщаетъ, что древесные удоды иногда собираются около человѣка, собаки или какаго-нибудь другаго животнаго и съ громкими криками слѣдуютъ за ними съ дерева на дерево. Стоитъ постоять нѣсколько секундъ спокойно, и всѣ они усаживаются на ближайшее дерево, нагибаются на поджатія ноги и начинаютъ покачиваться тѣломъ изъ стороны въ сторону.

Къ числу красивѣйшихъ птицъ Старога Свѣта причисляютъ различные виды рода **Щурокъ** или **Пчелоядовъ** (Merops. Bienenfresser. Guêpiers). Это достойные представители подотряда, столь-же своеобразно сложенные, какъ и красиво окрашенные. Они образуютъ семейство **Щурковыхъ** (Meropidae), насчитывающее около 40 видовъ, въ существенныхъ чертахъ такъ похожихъ другъ на друга во всемъ, что сказанное объ одномъ изъ нихъ будетъ относиться, съ немногими измѣненіями, и къ другимъ. Не узнать ихъ или смѣшать съ другими невозможно. Ихъ тѣло очень вытянуто; клювъ длиннѣе головы, довольно крѣпкій у основанія, заостренный, слегка согнутый сверху и снизу, съ острой спинкой и острыми чуть вдавленными краями и немного болѣе длинной, но не загибающейся верхней половинкой, безъ выемки у конца. Ноги ихъ очень малы и коротки; изъ трехъ обращенныхъ впередъ пальцевъ наружный сростся съ среднимъ до второго сустава, а послѣдній съ внутреннимъ до перваго сустава, почему и подошва оказывается широкой. Когти довольно длинные, согнутые, острые и съ внутренней стороны снабжены слегка выступающими рѣзущими краями. Крылья длинные и острые, изъ маховыхъ перьевъ ихъ второе самое длинное. Хвостъ длинный, ровно срѣзанный или болѣе или менѣе развилыстый или-же слегка закругленный; оба среднихъ пера его у многихъ видовъ удлиняются до двойной длины остальныхъ рулевыхъ перьевъ. Опереніе короткое, отчасти плотное, окраска его почти безъ исключенія роскошная и пестрая, хотя отдѣльные цвѣта обыкновенно образуютъ большіе участки. Оба пола почти не разнятся въ окраскѣ, и болѣе простой нарядъ молодыхъ уже на второмъ году переходить въ одежду родителей.

Область распространенія щурокъ—теплыя страны Старога Свѣта и только единственный видъ живетъ въ Австраліи. Онѣ населяютъ весьма разнообразныя мѣстности, но никогда не живутъ въ такихъ, гдѣ совершенно отсутствуютъ деревья. Начиная отъ береговъ моря, онѣ встрѣчаются до высоты 2000 м. и, по видимому, нельзя сказать, чтобы одни виды предпочитали низменности, другіе возвышенныя мѣста. Щурки, живущія ближе къ сѣверу, совершаютъ правильные перелеты, южныя виды живутъ осѣдно или кочуютъ. Уже въ Египтѣ живетъ одинъ видъ, который изъ году въ годъ держится на одномъ и томъ-же мѣстѣ и, видя дважды въ годъ пролетающихъ сородичей, не слѣдуетъ ихъ примѣру; напротивъ того, виды, живущіе во внутренней Африкѣ, кочуютъ, смотря по времени года: они появляются на мѣстахъ своего гнѣздованія съ началомъ періода дождей и снова покидаютъ родину, когда наступать тропическая зимняя засуха. Всѣ виды, безъ исключенія, въ высшей степени общественныя и необыкновенно миролюбивыя птицы. Отдѣльные виды не только соединяются съ подобными себѣ, но даже съ родственными видами, въ особенности во время перелетовъ. Они образуютъ тогда общія стаи и такъ перемѣшиваются, что нѣтъ возможности различить разные виды. Нѣкоторые особенныя обстоятельства также соединяютъ часто на продолжительное время щурокъ разныхъ видовъ.

Своимъ образомъ жизни эти красивыя птицы походятъ на ласточекъ, но во многомъ также и на мухоловокъ. Въ хорошую погоду видишь ихъ, или по крайней мѣрѣ наиболѣе крупныя виды семейства, летающими далеко въ вышинѣ, въ поискахъ за добычей; въ пасмурную погоду, а также въ птенцовую пору они обыкновенно сидятъ на выдающихся вѣтвяхъ деревьевъ и отсюда занимаются своей охотой. На землю щурки садятся рѣдко, самое большее въ томъ случаѣ, если думаютъ поймать замѣченное насекомое; напротивъ, онѣ часто пролетаютъ у самой поверхности воды, какъ это дѣлаютъ ласточки. Почь онѣ проводятъ въ вѣтвяхъ густыхъ древесныхъ вершинъ, а въ гнѣздовую пору въ своихъ гнѣздахъ.

Щурокъ просмотрѣть невозможно. Онѣ умѣютъ оживить мѣстность. Едва-ли можетъ быть что-либо красивѣе этихъ птицъ, носящихся по воздуху то соколомъ, то ласточкой. Онѣ постоянно приковываютъ къ себѣ взоръ, находятся-ли онѣ въ движеніи, сидятъ ли послѣ своего граціознаго полета гдѣ-нибудь на вѣткѣ или на землѣ. Въ послѣднемъ случаѣ или когда онѣ носятся передъ глазами наблюдателя, ихъ роскошное опереніе одинаково выказывается въ полной красѣ. Когда онѣ, что иногда случается, сотнями и тысячами тѣсной гурьбой садутъ на одно дерево, кустъ или на землю, то мѣстность удивительно украшается ихъ присутствіемъ. Но все-таки больше всего приковываетъ взоръ ихъ чудный полетъ. Спокойно и непрерывно, легко и красиво, безъ всякаго видимаго усилія носится щурка на любой высотѣ. Мгновенно и съ значительной высоты, стремглавъ, падаетъ одна изъ нихъ отвѣсно на землю, чтобы схватить пролетающее мимо насѣкомое, замѣченное ея зоркимъ глазомъ; нѣсколько мгновений спустя она снова взвилась на прежнюю высоту и съ громкимъ и частымъ «гуэп гуэп», — крикомъ, общимъ для всѣхъ видовъ, — летаетъ уже съ остальными подругами. За нѣсколькими сильными ударами слѣдуетъ плавное движеніе съ полураспущенными крыльями, причемъ однако птица подвигается впередъ съ такою большою скоростью, что напоминаетъ пущенную стрѣлу. Не менѣе пріятельны бывають эти миловидныя созданія и тамъ, гдѣ они живутъ осѣдло и подпускають къ себѣ на близкое разстояніе. Ихъ видишь сидящими парочками на выдающихся низкихъ сучкахъ. Время отъ времени самецъ и самка нѣжно перекликаются; одна изъ щурокъ вдругъ слетаетъ и во время быстрого и короткаго полета ловить пролетающее мимо насѣкомое. Въ то время, какъ одна отправилась на добычу, другая спокойно сидитъ, дожидаясь ея возвращенія. Я никогда не видѣлъ, чтобы двѣ щурки ссорились изъ-за добычи, никогда не замѣчалъ, чтобы между ними происходила борьба по какому бы то ни было поводу. Миръ и согласіе царятъ между ними во всѣхъ случаяхъ, даже если ихъ соберется большое множество.

Пища щурокъ состоитъ исключительно изъ насѣкомыхъ, которыхъ онѣ обыкновенно ловятъ на лету, но въ исключительныхъ случаяхъ и съ легко доступныхъ листьевъ и даже прямо съ земли. Удивительно то, что щурки ѣдятъ и ядовитыхъ насѣкомыхъ. Произведенные опыты достаточно доказали, что уколъ пчелы или осы смертоносенъ для большинства птицъ; точными наблюденіями дознано, что почти всѣ птицы, ловящія такихъ насѣкомыхъ, отрываютъ ихъ жало передъ тѣмъ, какъ съѣсть ихъ; щурки-же, напротивъ, глотаютъ свою опасную добычу безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій.

Всѣ щурки гнѣздятся общественно и притомъ въ норахъ, глубоко вырытыхъ въ горизонтальномъ направленіи въ крутыхъ земляныхъ обрывахъ. Всѣ виды и въ гнѣздовую пору любятъ сообщество себѣ подобныхъ, почему гнѣздовья почти безъ исключенія образуютъ весьма заселенныя колоніи. Собственно помѣщеніе для гнѣзда имѣетъ видъ котловидно расширеннаго пространства въ заднемъ концѣ хода. Самое гнѣздо не обдѣлывается и кладка, состоящая изъ 4—7 чисто бѣлыхъ яичекъ, большею частью лежитъ прямо на нескѣ. Только изъ откусанныхъ крыльевъ насѣкомыхъ или отрыгнутыхъ погадокъ мало-по-малу образуется нѣчто въ родѣ подстилки, такъ сказать, подушечки для птенцовъ.

Въ день Рождества Христова 1850 года я подплылъ на своей лодкѣ къ самой многочисленной колоніи щурокъ, которыхъ я изучалъ. По меньшей мѣрѣ 60 парочекъ *Усатыхъ щурокъ* (*Merops frenatus*, Zaunspint. Guêpier à moustaches.) выбрали для своего гнѣздовья гладкую, крѣпкую глинистую стѣну на берегу Голубого Пила и вырыли здѣсь свои норки. Все поселеніе заняло площадь въ 3—4 кв.

метровъ; на этомъ пространствѣ одна норка помѣщалась настолько близко къ другой, что разстояніе между ними было самое большее въ 10—15 см. Входы въ эти норки имѣли въ поперечникѣ 3 см. и шли внутрь въ горизонтальномъ направленіи; затѣмъ они расширялись въ гнѣздовую камеру, пространствомъ въ 15—20 см. длины, 10—15 см. ширины и 6—8 см. вышины. Ни въ одномъ изъ обыкновенныхъ нами гнѣздъ мы не нашли строительнаго матерьяла, ни въ одномъ рѣшительно — яицъ или птенцовъ; несмотря на это, птички непрерывно шмыгали въ свои норки и обратно.

Ихъ хлопотливое поведеніе представляло собой чрезвычайно привлекательную картину. Ближайшія деревья были разукрашены фигурками этихъ роскошныхъ птичекъ; на каждой подходящей вѣткѣ сидѣла рядышкомъ парочка, то одинъ, то другой изъ супруговъ слеталъ въ погоню за добычей, возвращался, сдѣлавъ нѣсколько зигзаговъ назадъ или-же влеталъ въ одну изъ норокъ, пицалъ въ ней и вылеталъ изъ нея послѣ нѣкотораго времени, но что онъ тамъ дѣлалъ — мы видѣть не могли. Совершенно непонятнымъ казалось для насъ, какъ могла каждая щурка отличить свою норку отъ норки другой парочки. Передъ норками часто происходила картина, напоминавшая ичелиный улей. Нѣкоторое время можно было видѣть, какъ цѣлый рой усатыхъ щурокъ леталъ вверхъ и внизъ у самыхъ норокъ; если же онѣ хотѣли попасть внутрь, то никогда не искали своего гнѣзда, а, остановившись на секунду, быстро шмыгали внутрь, такъ что было вполне ясно, что онѣ влетали каждая въ свою норку. Къ вечеру все стало спокойнѣе, а съ наступленіемъ ночи вся эта оживленная стайка смолкла и скрылась: всѣ или большая часть парочекъ пріютилась въ своихъ норкахъ. Это обстоятельство возбудило рвеніе въ коллекторѣ. Я рѣшилъ устроить ловлю этихъ еще рѣдкихъ въ то время птицъ. Была принесена сѣть, намазанная птичьимъ клеемъ, и спущена сверху настолько, что она висѣла какъ разъ передъ норками. Когда я вернулся въ ближайшее утро послѣ перваго вылета щурокъ на охоту, 50 безобидныхъ созданій, запутавшихся при вылетаніи въ мелкихъ петляхъ сѣти, сдѣлались жертвою моего коварства. Такимъ способомъ я получилъ довольно порядочное количество этихъ роскошныхъ птичекъ. Но и по настоящее время я дѣлаю себѣ упрекъ за такой способъ охоты.

Содержать въ неволѣ старыхъ щурокъ чрезвычайно трудно; пойманныхъ молодыми, напротивъ, воспитывать легче, чѣмъ то можно было бы думать, имѣя въ виду потерю ими свободы, узкія клѣтки и непривычный кормъ; но вначалѣ онѣ, конечно, требуютъ болѣе заботливаго ухода, чѣмъ всѣ остальные птенцовыя птицы. Позднѣе также имъ необходимъ болѣе изысканный кормъ, чѣмъ для большинства пріобрѣтаемыхъ нами пернатыхъ друзей дома.

* * *

Въ Европѣ, въ качествѣ регулярнаго лѣтняго гостя, живетъ только одинъ видъ этого семейства—**Золотистая щурка, Шуръ, Щурикъ, Золотушникъ, Золотушка** (*Merops apiaster*. Bienenfresser. Guêpier commun). Этотъ видъ принадлежитъ къ самымъ крупнымъ въ семействѣ. Длина птицы достигаетъ 26 см., размахъ крыльевъ 45, длина крыла 14, хвоста 10—11 см. Опереніе лба бѣлаго цвѣта; передняя часть головы и полоска, проходящая черезъ глазъ, голубого цвѣта мори съ зеленымъ отливомъ; узкая полоска, идущая надъ уздечкой, чересъкая глазъ, до области уха, отороченная другой каемкой узкой, бѣлой и переходящей въ голубой цвѣтъ,—окрашена въ черный цвѣтъ. Участокъ, захватывающій подбородокъ и горло, и ограниченный снизу узкой черной поперечной полосой,—ярко-желтаго цвѣта. Верхъ

головы и затылокъ темно-каштановые, задняя часть шеи и кроющія перья крыльевъ, такія же, но свѣтлѣе. Плечи, переднія спинныя перья и надхвостье переходятъ въ коричнево-ржаво-желтый оттѣнокъ. Нижняя часть тѣла окрашена въ прекрасный зеленовато-синій цвѣтъ. Верхнія кроющія перья хвоста голубовато-зеленыя, за исключеніемъ обоихъ удлинненныхъ, сгуживающихся къ концу, черныхъ среднихъ перьевъ. Большія маховыя перья зелено-синія, на концѣ черныя; малыя же маховыя коричнево-каштаново-бурая, передъ широкимъ чернымъ концомъ зелено-синія, какъ и предыдущія; малыя кроющія перья крылового сгиба темно-зеленыя; нижнія кроющія перья крыльевъ блѣдно-ржаво-темнаго цвѣта. Самка почти такая-же, какъ и самецъ; молодые отличаются отъ стариковъ желтымъ налетомъ на лбу, болѣе блѣдною окраской, маленькой поперечной полоской подъ желтымъ горломъ, зеленоватымъ верхомъ и голубымъ цвѣтомъ нижнихъ частей тѣла. Глаза щурокъ роскошно карминово-краснаго цвѣта; клювъ черный; ноги красноватыя.

На югѣ Европы то тамъ, то сямъ къ обыкновенной щуркѣ присоединяется другой видъ этого семейства—*Египетская щурка* (*Merops aegypticus, persicus, savignii, vaillanti*. В'auwangenspint. Guèpier d' Egypte). Опереніе ея темно-гравянисто-зеленое, кажущееся снизу больше малахитово-зеленымъ, иногда съ голубымъ налетомъ, сверху-же оливково-бурымъ, а на верхней части головы и на затылкѣ—болѣе или менѣе бурымъ. Лобъ бѣлый съ желтоватымъ оттѣнкомъ; передъ головы, широкая глазная полоска и другія полоски подъ черной полосой уздечки—красиваго голубого цвѣта; подбородокъ желтый, а середина горла украшена краснымъ каштаново-бурымъ пятномъ. Маховыя и рулевыя перья имѣютъ зеленую, отсвѣчивающую синимъ окраску, первыя ктому же имѣютъ черные концы и коричнево-бурая внутреннія опахала; оба среднихъ рулевыхъ пера характерны своими далеко выдающимися краями. Величиной, цвѣтомъ глазъ, клювомъ и ногами египетская щурка сходна съ обыкновенной.

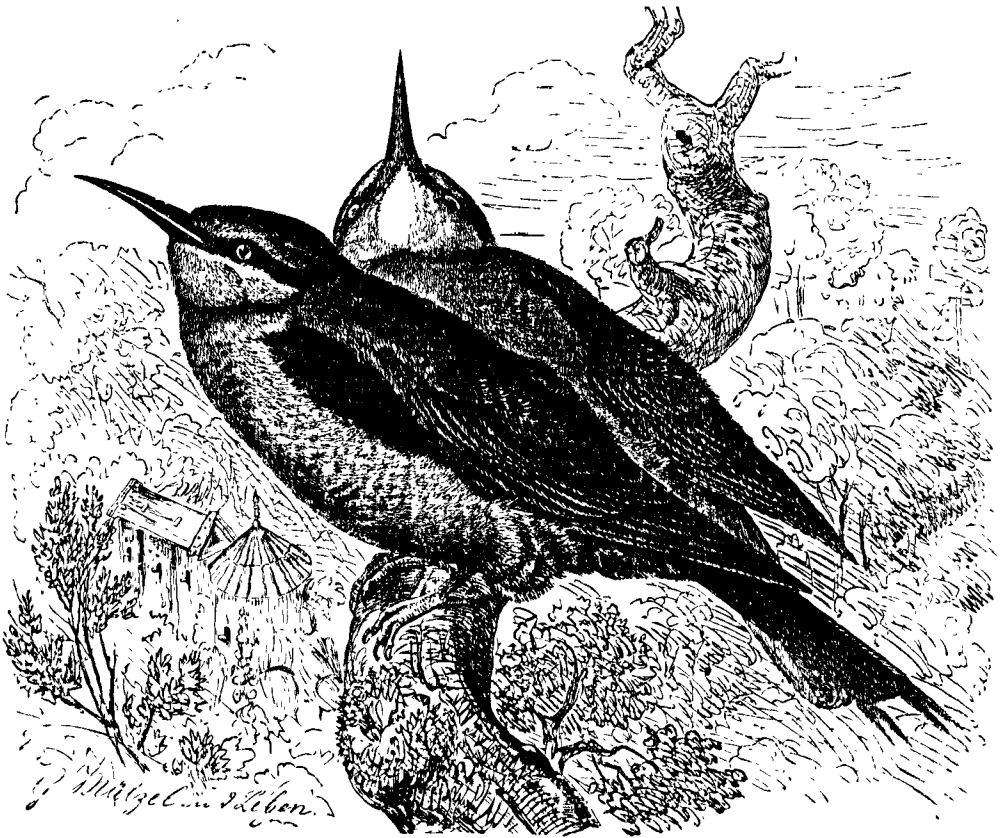
Область гнѣздованія этой птицы тянется отъ Каспійскаго моря по Персіи, Малой Азійи и сѣверной Африкѣ, область же распространенія, напротивъ, слѣдуя полосѣ лѣсовъ, идетъ черезъ всю Африку. Одинъ очень близкій родичъ ея, который можно было бы разсматривать какъ разновидность, живетъ на Мадагаскарѣ.

Движенія и привычки, обычай и пища, кочевки, гнѣздованіе, короче—весь образъ жизни обѣихъ европейскихъ щурокъ такъ похожъ одинъ на другого, что я никогда не могъ найти никакой разницы между ними. Поэтому совершенно будетъ достаточно, если я ограничусь описаніемъ образа жизни первой изъ нихъ, т. е. обыкновенной щурки.

Обыкновенная щурка съ полнымъ правомъ можетъ быть причислена къ числу птицъ Германіи, такъ какъ не только часто появляется въ нашей странѣ, но даже и гнѣздится въ ней. Во всякомъ случаѣ появленіе ея не регулярно, но опять-таки и не рѣдко и въ особенности легко наблюдать эту оригинальную и легко узнаваемую птицу въ южныхъ частяхъ Германіи. Мы имѣемъ нѣсколько свѣдѣній о появленіи ея въ мѣстностяхъ, лежащихъ много сѣвернѣе ея области распространенія. Ее встрѣчали не только въ средней и сѣверной Германіи, но и въ Даніи и Швеціи и даже въ Финляндіи. Иногда щурки появляются довольно многочисленными стаями, и тогда онѣ всегда привлекаютъ къ себѣ вниманіе. Такъ разсказывается въ Лейпцигской хроникѣ «Рѣдкія птицы». Аппо 1517. «Въ день св. Филиппа и Якова были видны и добыты въ окрестностяхъ Лейпцига неизвѣстныя у насъ птицы, величиной съ ласточекъ, съ длинными клювами; верхнія части головы, шея и спины были темно-бурыя, крылья темно-синія, туловище чер-

ное, горло желтое. Онѣ имѣли короткія ноги и приносили большой вредъ пчеламъ и рыбамъ». Старый Геснеръ, давшій не очень ясное, но узнаваемое изображеніе щурокъ, говоритъ, что онѣ получили этотъ рисунокъ отъ одного живописца изъ Страсбурга, гдѣ, хотя изрѣдка, птицу эту можно видѣть. Съ тѣхъ поръ (въ серединѣ XVI столѣтія), т. е. со времени перваго историческаго показанія объ этихъ птицахъ, щурки стали часто прилетать въ Германію, а нѣкоторыя мѣстности нашего отечества онѣ посѣщаютъ хотя и не ежегодно, но каждое десятилѣтіе.

Гораздо рѣже случается, чтобы та или другая парочка щурокъ гнѣздилась сѣвернѣе Пиренеевъ и Альпъ, но и подобные случаи, какъ было замѣчено, имѣ-

Обыкновенная щурка. *Merops apiaster*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

ли мѣсто. «Южную Европу, какъ древнѣйшую культурную часть этой части свѣта», говоритъ В. Маршалъ, «щурки населили уже давно и отсюда проникли до Валлиса. Вторымъ путемъ, по которому онѣ подвигались и который является излюбленной дорогой восточныхъ и даже южныхъ птицъ, была долина рѣки Дуная. Слѣдуя ей направленію, онѣ довольно часто появлялись въ окрестностяхъ Вѣны, на примѣръ, въ 1873 году—у Бибераузена, въ 1834—у Мундеркингена на Дунаѣ въ 4 часахъ ѣзды выше Ульма. Очень вѣроятно, что тѣ парочки, которыя гнѣздились на кладбищѣ Праги, затѣмъ въ богемскомъ помѣстьѣ Пардубицѣ, точно также какъ въ 1855 г. у Рандесакера, недалеко отъ Вюрцбурга, а въ тридцатыхъ годахъ въ песчаныхъ, совершенно степныхъ окрестностяхъ Нюрнберга, отдѣлились

въ сторону отъ этого пролетнаго пути, тогда какъ другія щурки, гнѣздившіяся въ 1872 г. на рѣкѣ Олау у Бреславля, вѣроятно слѣдовали по теченію Одера. Весьма интересенъ тотъ фактъ, что въ началѣ семидесятыхъ годовъ одна колонія щурокъ избрала для своего гнѣздовья каменоломню въ горахъ Кейзерштуль въ южномъ Баденѣ. Эта неудавшаяся попытка щурокъ поселиться въ бассейнѣ Рейна замѣчательна во 1-хъ тѣмъ, что въ ней участвовало большое число птицъ, а во 2-хъ и тѣмъ, что онѣ проникли сюда по другому, также излюбленному птицами пути, именно вверхъ по Ронѣ, затѣмъ по Саонѣ и Дубсу, и наконецъ внизъ по теченію Рейна.

Подробнымъ изложеніемъ вышеприведеннаго случая мы обязаны Шиллингу, изслѣдованія котораго, произведенныя на мѣстѣ дѣйствія, представили намъ довольно ясную картину прилета къ намъ щурокъ. Согласно его показанію, въ концѣ мая семидесятаго года въ горахъ Кейзерштуль появилось 50 штукъ щурокъ, которыя поселились здѣсь непосредственно позади села Биркензоль, въ выходящей на югъ, маленькой плодородной долинкѣ; птицы остались здѣсь жить, устроили гнѣзда въ крутой стѣнѣ брошенной долеритовой каменоломни. Однако злонамѣренные люди уничтожили всѣ яйца и такъ негостеприимно, чтобы не сказать враждебно, встрѣтили самихъ пернатыхъ колонистовъ, что уже въ серединѣ іюля не было видно больше ни одной «африканской ласточки». Крестьяне, убившіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, продавали ихъ въ Кольмарѣ и Нейбрейзахѣ по 5 франковъ за штуку, и высокая цѣна побудила охотниковъ къ беспощадному преслѣдованію этихъ птицъ.

Почти то-же происходитъ со щурками повсюду въ Германіи, и это должно явиться главной причиною, почему до сихъ поръ онѣ не стали здѣсь постоянными лѣтними и гнѣздящими птицами. Такими онѣ являются, начиная только съ южной Европы. Въ Испаніи, Италіи, Греціи и на всѣхъ островахъ Средиземнаго моря, въ Турціи, Венгріи и на югѣ Россіи, мѣстами меньше, мѣстами больше—онѣ принадлежатъ къ числу самыхъ обыкновенныхъ птицъ. Но щурка живетъ не только въ Европѣ, но распространена и далеко по Азіи. Въ Палестинѣ, Малой Азіи и Персіи она такъ же обыкновенна, какъ и въ южной Европѣ. Въ степяхъ сѣвернаго Туркестана встрѣчали ее мы, въ такихъ-же степяхъ южнаго Туркестана—Сѣверцовъ и другіе натуралисты, хотя и не столь часто. Адамсъ видѣлъ ихъ въ большомъ числѣ въ горахъ Кашемира; въ Китаѣ онѣ также ужились. Во время своихъ зимнихъ странствованій, онѣ, повидимому, перелетаютъ по Азіи и всю Африку. Въ Индіи зимой ихъ наблюдаютъ повсюду въ соответствующихъ мѣстностяхъ; въ Африкѣ я ихъ весьма правильно видѣлъ во время пролета: онѣ появлялись, направляясь изъ Европы, въ началѣ сентября и летѣли надъ нами до середины октября; обратный пролетъ начался въ началѣ апрѣля и длился до середины мая. Ни въ одной изъ посѣщенныхъ мною областей Африки, щурки не дѣлали своихъ зимнихъ стоянокъ. Сообщение Шелли, что въ Египтѣ щурокъ можно видѣть въ теченіи всего года—неверно. Онѣ ни разу не перезимовывали въ сѣверной половинѣ Африки, но постоянно улетали на крайній юго-западъ и югъ этой части свѣта. Вблизи Капштадта Левальянъ встрѣтили ихъ въ такомъ числѣ, что въ теченіи двухъ дней онъ могъ убить ихъ болѣе 300 штукъ. Птицы садились тысячами на большія деревья и занимали своими стаями большую площадь. Левальянъ утверждаетъ правда, что щурки гнѣздятся и въ южной Африкѣ, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что это сообщеніе ошибочно, такъ какъ, по моимъ наблюденіямъ, ни одна перелетная птица не гнѣздится на мѣстахъ своего зимняго мѣстопробыванія. Лайярдъ и Андерсонъ также одинаково выяснили, первыи для Капской земли, второй для юго-восточной Африки, что щурки появляются тамъ только во время

своих перелетовъ и довольно широко распространяются въ своемъ зимнемъ мѣсто-пребываніи. Время прибытія Лайярдъ даетъ довольно раннее, августъ, тогда какъ Андерсонъ просто опредѣляетъ его періодомъ дождей. Въ дѣйствительности-же перелетныя стаи щурокъ не должны прилетать на свои зимнія стоянки равнѣ конца сентября, а покидаютъ ихъ, вѣроятно, уже въ мартѣ. Въ 1885 г. Пехуаль-Леше замѣтилъ первыя стаи въ странѣ Хереро, 3 октября въ Окахандіи; въ серединѣ октября птицы были обыкновенны у Отимбингуэ.

Кстати замѣчу, что обыкновенныя щурки, если не всегда, то очень часто, кочуютъ вмѣстѣ съ вышеописанными египетскими щурками, именно въ общей съ ними стаѣ. Гейглинъ оспариваетъ это, но я могу подтвердить это сообщеніе потому, что самъ убивалъ птицъ обоихъ видовъ изъ одной и той-же стаи.

На мѣста своего гнѣздованія, щурки прилетаютъ въ концѣ апрѣля или началъ мая, въ Грецію-же, по сообщенію Линдермайера, мало вѣроятному для меня, уже въ концѣ марта. Самымъ раннимъ временемъ прилета для Греціи Крюперъ, по личнымъ многолѣтнимъ наблюденіямъ, приводитъ 2-ое, Друммъ для Корфу 5-ое апрѣля; первый, кромѣ того, замѣчаетъ, что время кладки начинается въ концѣ мая и началѣ юня. Въ окрестностяхъ Пизы въ первыхъ числахъ мая Гильони видѣлъ большія стаи обыкновенныхъ щурокъ, летѣвшихъ къ сѣверу; въ Сардиніи Брукъ замѣтилъ ихъ только съ 17 апрѣля. Но первыя пришельцы летѣли дальше къ сѣверу и только спустя цѣлую недѣлю другіе остановились на островѣ для гнѣздованія. Въ серединѣ мая стаи нѣсколько раздѣляются на части, однако столь-же часто бываетъ, что многія стаи соединяются вмѣстѣ, чтобы устроить общее гнѣздовье, гдѣ можно насчитать 50—60 паръ птицъ. Какъ то, такъ и другое находится въ зависимости отъ мѣстности. Если найдется высокая, отвѣсно спускающаяся стѣна и имѣетъ достаточную площадь для многихъ гнѣздъ, нѣсколько стай щурокъ соединяются вмѣстѣ; если-же этого нѣтъ, то каждая старается устроиться, какъ ей удобнѣе.

По близости такихъ поселеній проявляется обычная лѣтняя жизнь нашихъ щурокъ. Между тѣмъ, какъ мелкіе виды семейства лишь въ исключительныхъ случаяхъ на долго покидаютъ окрестности своихъ сторожевыхъ постовъ, эти щурки въ хорошую погоду, въ особенности въ утренніе и вечерніе часы, по долгу выются высоко на воздухѣ. Стая не разъединяется, но нельзя сказать, чтобы она была тѣсно сплочена, такъ какъ отдѣльныя птицы отлетаютъ на далекое разстояніе, внимательно сохраняя только направленіе и все время перекликаясь. Такимъ образомъ онѣ, не разлетаясь, облетаютъ пространство въ нѣсколько квадратныхъ километровъ. Онѣ перекликаются все время безпрестанно своимъ вѣчно повторяющимся призывнымъ крикомъ, звонкимъ «шюрр шюрр» или «гуэп гуэп». Къ закату солнца всѣ онѣ появляются по близости своего поселенія, раздѣляются на пары и до наступленія сумерекъ ловятъ еще насѣкомыхъ, поджидая ихъ на сучкахъ. Какъ только ихъ гнѣздовые норки готовы, онѣ проводятъ ночь, конечно, исключительно въ нихъ, а до того времени ночуютъ, плотно прижавшись другъ къ другу, на сучкахъ низкихъ кустарниковъ, на которые онѣ иногда насаживаются такой кучей, что можно дюжину изъ нихъ убить однимъ выстрѣломъ. Послѣ вылета птенцовъ, щурки соединяются еще въ болѣе значительныя стаи и, когда такія стаи, какъ это иногда случается, садутъ на песчаную почву, то онѣ превращаютъ это пространство въ цвѣтущій дугъ. Охотой онѣ занимаются больше на открытыхъ мѣстахъ, поросшихъ верескомъ, и притомъ выбираютъ эти мѣста по той простой причинѣ, что они больше всего привлекаютъ перепончатокрылыхъ, а щурки вслѣдствіе этого находятъ тамъ обильнѣйшую добычу. Пока стоитъ хорошая погода, онѣ рѣдко или

никогда не появляются вблизи селеній. Съ переменной погоды онѣ измѣняютъ и способъ и манеру своей охоты. Лишь только небо заволоклось или начнетъ накрапывать дождь, онѣ не поднимаются высоко на воздухъ, какъ это дѣлаютъ ласточки или еще чаще стрижи, но охотятся съ сучковъ, охотно появляются также совсѣмъ близко около человѣческаго жилища и собираютъ ощутительную дань съ пчелиныхъ ульевъ. Въ такихъ случаяхъ ихъ видятъ сидящими на подходящихъ вѣтвяхъ ближайшаго дерева или даже на самыхъ входныхъ дощечкахъ улья, откуда онѣ ловятъ вылетающихъ пчелъ.

Жалящія насѣкомыя, повидимому, являются излюбленной пищей щурокъ, такъ какъ онѣ одинаково собираютъ контрибуцію съ пчелиныхъ ульевъ и грабятъ гнѣзда осъ, шмелей и шершней. Многіе наблюдали, какъ щурка опускается по возможности ближе къ осиному гнѣзду и мало-по-малу перелавливаетъ всѣхъ обитателей его. Но она не отказывается и отъ кузнечиковъ, цикадъ, стрекозъ, оводовъ, комаровъ, мухъ и жуковъ, склевываетъ послѣднихъ даже съ кустовъ и цвѣтовъ, хотя обыкновенно охотится только за летающей добычей и хватаетъ каждое летящее мимо и замѣченное ею насѣкомое, само собой разумѣется, если она можетъ его проглотить. Непереваримыя надкрылія и другія жесткія части добычи она отрыгаетъ въ видѣ погадокъ.

Птенцовая пора начинается въ концѣ мая. Для устройства своего гнѣзда, обыкновенная щурка охотѣе всего избираетъ песчаный или глинистый берегъ рѣки. Здѣсь она начинаетъ рыть круглую дыру отъ 5 до 6 см. въ діаметрѣ. Эта дыра идетъ въ горизонтальномъ или слегка косомъ вверхъ направленіи и образуетъ въ общемъ нору, которая можетъ быть 1—2 м. глубиной. Конецъ хода расширяется въ камеру 20—25 см. длины, 10—15 см. ширины и 8—10 см. вышины, на днѣ которой въ юнѣ мѣсяцѣ самка кладетъ свои 5—8 круглыхъ, блестящихъ бѣлыхъ яичекъ. Иногда, по словамъ Сальвина, вырывается еще одна камера позади первой, соединяясь съ ней ходомъ около 30 см. длиной. Если въ данной мѣстности вѣтъ отвѣсныхъ земляныхъ стѣнъ, щурки, худо-ли, хорошо-ли, рѣшаются рыть косые ходы на плоской почвѣ. Такія норы Гейглинъ нашелъ въ каменистой почвѣ Аравіи и средняго Египта, Тристрамъ — въ Палестинѣ и Саундерсъ — въ южной Испаніи. Старыя прошлогоднія гнѣздовые норы, повидимому, вновь не употребляются въ дѣло, можетъ быть потому, что позднѣе онѣ служатъ жилищемъ для ящерицъ и другихъ неприятныхъ для щурокъ гостей.

Вырываніе гнѣздовыхъ норъ очень вѣроятно производится ими, какъ и зимородкомъ, исключительно съ помощью клюва, а маленькія слабыя ножки служатъ самое большее для того, чтобы выбрасывать нарытую землю. На это предположеніе возражаетъ Линдермайеръ, который, на основаніи изученія ногъ щурокъ, скорѣе выводитъ заключеніе, что птица дѣйствуетъ ими какъ лопатками, выкидывая подъ брюхо, и такимъ образомъ мало-по-малу изъ норки легко сцарапывающійся песокъ. Насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не было ни одного наблюдателя, который видѣлъ-бы щурку во время вырыванія ея норы, поэтому все основывается на однихъ предположеніяхъ; примѣръ зимородка говоритъ больше за мой взглядъ, нежели за предположеніе Линдермайера. Нѣкоторые наблюдатели находили въ гнѣздахъ щурокъ подстилку изъ мха и прутиковъ; съ своей стороны я могу увѣрить, что во всѣхъ гнѣздахъ, которые обыскивалъ, я не находилъ и слѣда гнѣздового матерьяла. Изъ надкрыльевъ, ногъ и т. п., которыхъ птенцы не ѣдятъ и которые отрыгаются также высиживающими стариками, внутри гнѣздовой камеры мало-по-малу образуется нѣчто въ родѣ ложа, такъ что птенцы по крайней мѣрѣ не совсѣмъ лишены подстилки. Одна-ли самка высиживаетъ яйца или ея смѣняетъ самецъ, до сихъ поръ

не могло быть установлено; достоверно известно только, что оба родителя принимают участие в воспитании дѣтенышей и усердно носят имъ кормъ. Уже въ концѣ іюня видишь птенцовъ, летающихъ вмѣстѣ со стариками, которые кормятъ ихъ. Сначала семья, по всей вѣроятности, возвращается въ свою гнѣздовую норку (по крайней мѣрѣ Полисъ наблюдалъ, какъ три или четыре щурки влетали въ одну и ту-же норку); немного недѣль спустя молодые уже ведутъ себя, какъ старыя, а ко времени отлета поведеніемъ своимъ они ни въ чемъ не отличаются отъ взрослыхъ.

Прежніе писатели рассказывали о гнѣздованіи щурокъ совсѣмъ инныя вещи. «Птица эта», пишетъ Геснеръ, говоря о нихъ, «настолько хитра, что перетаскиваетъ птенцовъ съ одного мѣста на другое, чтобы предотвратить ихъ похищеніе. Сама она также мѣняетъ мѣсто, чтобы не быть пойманной, такъ что невозможно выслѣдить, гдѣ она воспитываетъ птенцовъ. Говорятъ, что эта птица, подобно аисту, помогаетъ своимъ родителямъ не только въ старости, но когда они вообще нуждаются въ ея помощи или находятся въ нуждѣ, не позволяеть имъ вылетать изъ гнѣзда, но всякую пищу носитъ имъ туда, а также таскаетъ ихъ на своей спинѣ».

Очевидно, что на щурокъ не вездѣ смотрятъ благосклонно. Грабежъ, который онѣ позволяютъ себѣ, возбуждаетъ гнѣвъ пчеловодовъ и вызываетъ съ ихъ стороны беспощадное преслѣдованіе. Щурка рѣдко выказываетъ пугливость, и, по крайней мѣрѣ въблизи добычливаго мѣста, ее нелегко отогнать даже выстрѣлами. Только частыя преслѣдованія дѣлаютъ ее осторожнѣе и затрудняютъ охоту на нее. Въ Греціи въ послѣдніе мѣсяцы лѣта, по словамъ Линдермайера, графа фонъ деръ Мюле, Крюлера и другихъ, убивается необыкновенно много щурокъ, считающихся особенно вкуснымъ и лакомымъ блюдомъ. Въ южной Испаніи, особенно въ Севильѣ и Кордовѣ, осенью на рынки также приносятся десятками и мѣшками убитыя и пойманныя щурки, предназначенныя для ѣды. Въ Кандіи ихъ ловятъ на удочки способомъ, о которомъ писалъ уже Геснеръ. «Красота этихъ птицъ до того прельщаетъ мальчиковъ острова Крита, что они ловятъ ихъ, какъ ласточекъ. Такъ—они насаживаютъ на крючекъ кузнечика и привязываютъ къ крючку длинную нитку, которую держатъ за одинъ конецъ, предоставляя насаженному на другомъ концѣ прыгать и летать. Птица, завидя его, проглатываетъ и такимъ образомъ бываетъ поймана».

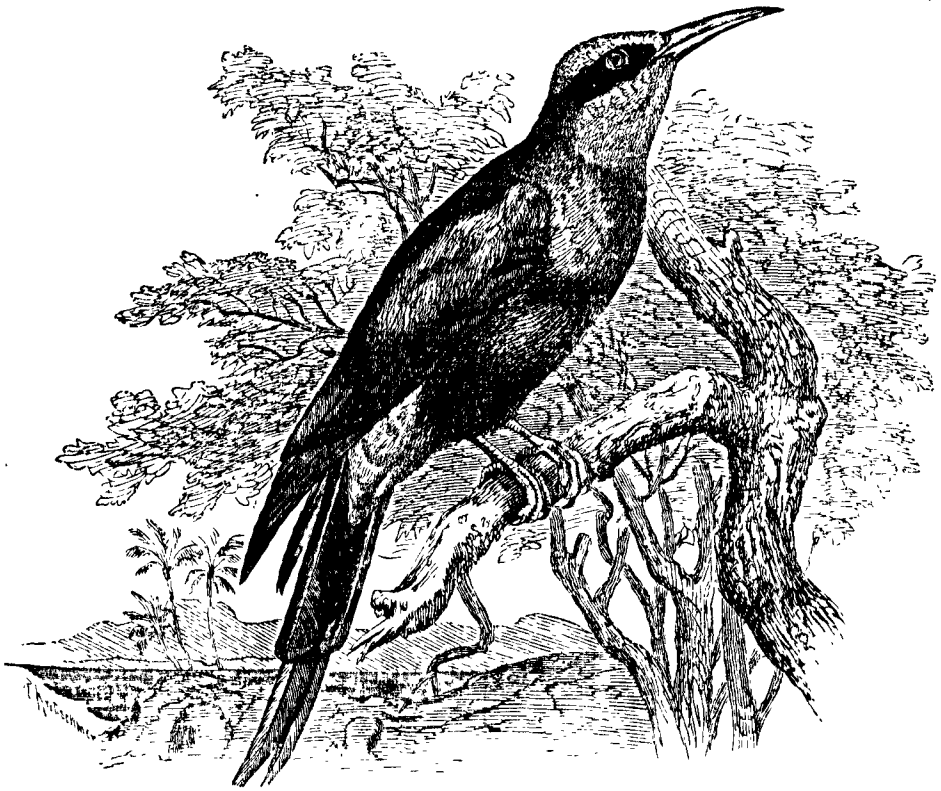
По мнѣнію Геснера, мясо щурокъ не представляетъ собой пріятнаго кушанья, но является хорошимъ медицинскимъ средствомъ. «Щурокъ не употребляютъ въ пищу, такъ какъ мясо ихъ грубо, плохо переваримо и вредно, но оно очень полезно при сильномъ пученіи живота. Желчь этихъ птицъ, смѣшанная съ масломъ изъ незрѣлыхъ оливокъ, чернить волосы».

Въ прежніе годы щурокъ не удавалось содержать въ клѣткахъ, но въ новѣйшее время были сдѣланы вновь попытки къ этому, которыя привели къ прекраснымъ результатамъ: птицы выживали въ клѣткахъ лучше, чѣмъ то можно было бы предположить. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже старыя птицы успѣшно брали предлагаемый имъ кормъ, но требовали при этомъ такого, который они добываютъ на свободѣ; отъ другой же пищи онѣ упорно отказываются. Количество, которое онѣ съѣдаютъ, превышаетъ всякое представленіе. Вѣсъ съѣденнаго ими въ два раза превосходитъ ихъ собственный вѣсъ, такъ что кормленіе ихъ становится довольно дорогимъ. Воспитанныя-же смолоду, хотя вначалѣ нуждаются въ проталкиваніи пищи въ ихъ ротъ, но вскорѣ привыкаютъ къ клѣткѣ и клѣточному корму, становятся ручными, дружатся со своимъ воспитателемъ, привѣтствуютъ

его приближеніе, искусно берутъ кормъ изъ его рукъ и доставляютъ много радости и удовольствія. Это описаніе основано на наблюденіяхъ надъ тѣми щурками, которыхъ воспитывалъ я самъ.

* * *

Между африканскими видами особеннаго упоминанія заслуживаетъ **Пурпуровая щурка** (*Merops nubicus, superbus, coerulescephalus, Melittotheres nubicus. Scharlachspint. Guèrier de Nubie*), такъ какъ она столь-же характерна по своей окраскѣ, какъ и по образу жизни. Преобладающая окраска этой щурки — темно-пурпурово-красная, болѣе темная на маховыхъ перьяхъ и хвостѣ и болѣе свѣтлая на головѣ и груди. Надхвостье, верхнія и нижнія кроющія перья хвоста ея — ярко-

Пурпуровая щурка. *Merops nubicus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел

бирюзово-голубья. Нижняя часть горла смѣшаннаго голубовато-зеленаго цвѣта; широкая полоса, идущая надъ уздечкой до области уха, черная. Маховыя перья снабжены широкими черными концами; первыя большія маховыя перья имѣютъ передъ концомъ болѣе темную голубовато-зеленую полосу; всѣ же маховыя перья на внутреннемъ опахалѣ снабжены коричнево-ржавою каймою. Глаза, какъ и у другихъ щурокъ, яркаго карминово-краснаго цвѣта; клювъ черный; ноги буро-зеленыя. Длина птицы достигаетъ 34 см., длина крыла 15, обоихъ среднихъ перьевъ хвоста 19, остальныхъ рулевыхъ 11,5 см.

Пурпуровая щурка наблюдалась въ различныхъ странахъ восточнаго берега Африки, иногда очень часто, иногда только въ одиночныхъ экземплярахъ. Въ Восточномъ Суданѣ я зналъ ее какъ кочевую или пролетную птицу. Въ посѣщенныхъ мною областяхъ, южнѣе 15 градуса сѣверной широты, она появлялась съ началомъ

періода дождей и оставалась тамъ приблизительно до марта, но показывалась тамъ не такъ правильно, какъ въ Абиссиніи, Такѣ, Кордофанѣ и по теченію Бѣлаго Нила. Въ Абиссиніи Гейглинъ имѣлъ болѣе удобный случай, чѣмъ я, наблюдать ее, какъ обитательницу всѣхъ теплыхъ странъ, какъ въ низменныхъ долинахъ, такъ и на высотѣ до 2000 м., иногда тысячными стаями. Ея образъ жизни, какъ совершенно справедливо заключаетъ только что упомянутый натуралистъ, гораздо оживленнѣе и шумливѣе, чѣмъ у остальныхъ ея сородичей, съ которыми она, впрочемъ, сходна, какъ способомъ полета, такъ и всѣми своими привычками. Въ знойную пору эти шурки ищутъ защиты на деревьяхъ и кустахъ и покрываютъ ихъ тогда въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Такая густо насѣвшая стая представляетъ собой чудную картину.

Гнѣздовая пора падаетъ на начало лѣтнихъ дождей, въ странахъ Бѣлаго Нила наступаетъ уже въ мартѣ и апрѣлѣ, а въ Восточномъ Суданѣ — въ іюнѣ и августѣ. Ихъ гнѣздовья колоніи находятъ какъ по берегамъ, такъ и на полянахъ лѣсного пояса, даже въ степи, но здѣсь гнѣздовья эти не такъ тѣсно скучены, а иногда состоятъ только изъ нѣсколькихъ паръ. Птица вырываетъ для себя глубокую, большею частью прямую норку, идущую въ землю, смотря по мѣсту, или горизонтально или косо. Собственно гнѣздовая камера слегка расширена и содержитъ въ себѣ рыхлую подстилку изъ сухихъ травяныхъ стеблей (?). 3—5 притупленной формы яичекъ имѣютъ нѣжную, гладкую скорлупу и чисто-бѣлый цвѣтъ, который кажется розово-краснымъ, благодаря просвѣчивающему желтку. Гартманъ утверждаетъ, что въ одномъ крутомъ глинистомъ береговомъ откосѣ выше Сенаара онъ видѣлъ «многое множество такихъ вполне недоступныхъ гнѣздъ» этихъ шурокъ и цѣлыя облака птицъ.

По окончаніи итенцовой поры пурпуровыя шурки снова соединяются въ большія стаи и летятъ къ сѣверу до 16 градуса сѣверной широты, въ особенности черезъ широкія степи, которыя доставляютъ имъ обильную добычу. Самымъ раннимъ утромъ съ кустовъ и деревьевъ, гдѣ онѣ провели ночь, уже слышится ихъ громкій крикъ, нѣсколько похожій на клокотаніе. Затѣмъ все общество поднимается на воздухъ, съ шумомъ летаетъ нѣкоторое время, пока не обсохнетъ роса на вѣтвяхъ и травѣ, и начинается охота за насѣкомыми въ высокой травѣ вдоль водныхъ пространствъ. Пока все безлѣсное пространство Судана, покрытое травой, изобилуетъ насѣкомыми, шурки, а съ ними и многія другія птицы, легко находятъ въ нихъ свое пропитаніе, такъ какъ въ это время онѣ почти исключительно питаются кузнечиками. «Въ Кордофанѣ», рассказываетъ Гейглинъ, «мы видѣли часто шурокъ, садившихся на рогатый скотъ, ословъ и т. п., иногда даже на важно шагавшихъ въ высокой травѣ степей аистовъ, слетая съ которыхъ онѣ охотились за кузнечиками, спугнутыми ихъ оригинальными верховыми лошадьми. Онѣ схватывали свою добычу на лету и снова возвращались на свое старое мѣсто». Я не помню, чтобы былъ когда-либо свидѣтелемъ такого интереснаго зрѣлища; но, подобно Гартману, я наблюдалъ, какъ пурпуровыя шурки схватывали насѣкомыхъ съ земли и даже извлекали изъ разѣлинъ растрескавшейся отъ солнечнаго зноя почвы; точно также я, какъ и Гейглинъ, замѣтилъ, что степные пожары привлекаютъ собой, вмѣстѣ съ соколами, питающихся пресмыкающимися и насѣкомыми, и шурокъ. Горящая степь является величественнымъ зрѣлищемъ даже и для того, кого не интересуетъ жизнь этой птицы, на натуралиста-же степной пожаръ дѣйствуетъ особеннымъ образомъ. Несмотря на рискъ повториться, я и здѣсь хочу сказать кое-что объ этихъ степныхъ пожарахъ, такъ какъ пурпуровыя шурки играютъ въ этомъ случаѣ значительную роль.

Когда губительный зной убьетъ всю растительную жизнь, и степи, представляющія въ пору дождей настоящій рай, превратятся въ печальную пустыню, номады въ сильный вѣтеръ поджигаютъ въ опредѣленномъ направленіи этотъ лѣсъ травъ. То быстрыми порывами, то медленно распространяется огонь все дальше и дальше, губя и опалиая на цѣлыя мили заросшія пространства и посылая къ небу облака искръ, дыму и темнаго пламени! Съ всепожирающей быстротой уничтожаетъ онъ иссохшую траву, жадно взвиваясь своими языками даже по деревьямъ и находя пищу себѣ въ сухихъ ползучихъ растеніяхъ! Нерѣдко онъ достигаетъ дѣвственнаго лѣса и обугливаетъ стволы его деревъ, опустошивъ ихъ листву; нерѣдко онъ добирается до селенія и мечется своими огненными стрѣлами по соломеннымъ хижинамъ.

Хотя такой степной пожаръ, несмотря на обиліе горючаго матерьяла и легкую его воспламеняемость, никогда не можетъ быть губителенъ для быстроногихъ животныхъ. онъ все-таки приводитъ въ ужасъ весь животный міръ, такъ какъ гонитъ все живое, скрывавшееся въ высокой травѣ. Всѣ животныя степей въ ужасѣ бѣгутъ при приближеніи огня; живущія въ норахъ прячутся въ надежные уголки ихъ и даютъ огню пронестись надъ ними. Только ползающія и крылатыя насѣкомыя не уничтожаются имъ, но змѣи не могутъ избѣжать налетающаго пламени, а скорпіоны, тарантулы и многоножки настигаются имъ еще безпощаднѣе. Но не одинъ только огонь губитъ ихъ: онъ привлекаетъ собой еще новыхъ враговъ. Стаями прилетаютъ сюда хищныя птицы, чтобы, носясь и летая передъ огненной линіей, ловить свою добычу, а вмѣстѣ съ ними совершаютъ свое дѣло стрижи и въ особенности пурпуровыя щурки. Всѣ они знаютъ, что пламя пожара гонитъ имъ добычу и всѣ прекрасно пользуются этимъ счастливымъ случаемъ. Смѣлость этихъ птицъ удивительна и въ особенности поразительна храбрость наиболѣе маленькихъ изъ нихъ, именно напихъ щурокъ. Онѣ стремглавъ, нимало не думая, летитъ съ высоты, сквозь густѣйшій дымъ смѣло носятся надъ языками огненной линіи, взвиваются вверхъ, проглатываютъ схваченную добычу и снова исчезаютъ въ облакѣ дыма; Гейглинь говоритъ, что та или другая изъ нихъ нерѣдко опаливаетъ свои маховыя или рулевыя перья. И этого никогда не видѣлъ, но могу вполне подтвердить, что птицы носятся необыкновенно близко отъ огненныхъ языковъ, какъ сверху, такъ и снизу, и что каждый разъ невольно удивляешься, видя ихъ, послѣ смѣлыхъ движеній, снова взлетающихъ здоровыми и невредимыми.

* *
*

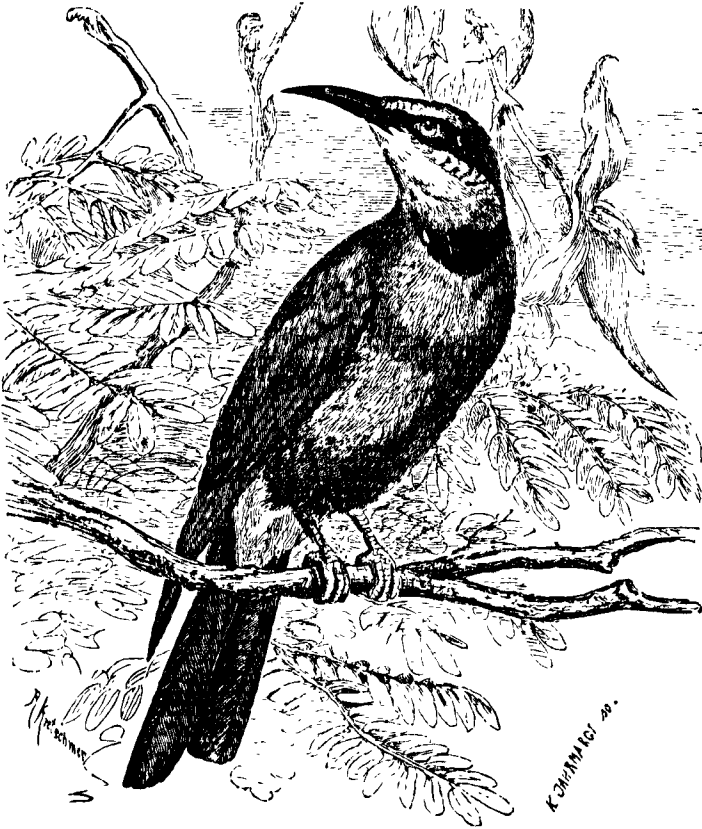
Австралія даетъ пріютъ, насколько до сихъ поръ извѣстно, только единственному виду этихъ птицъ. **Австралійской щуркѣ** (*Merops ornatus, melanurus, Phileton, Melittophagus, Cosmaerops ornatus. Schmuckspint. Guêpier orné*). Верхнія части ея илжно-зеленаго цвѣта; верхъ головы, затылокъ и маховыя перья — краснобурья; верхъ спины и надхвостье бирюзово-голубыя; нижнія части тѣла бериллово-зеленыя; горло ярко-желтаго цвѣта и отдѣляется отъ груди темной черной полосой. Губка голубая; уздечка бархатисто-черная съ лазуревой оторочкой снизу. Длина птицы достигаетъ 20 см., длина крыла 11, хвоста 8 см.

Объ образѣ жизни этой щурки сообщаетъ Гульдъ. Онъ нашелъ ее на югѣ Австраліи и въ Новомъ Южномъ Валлисѣ. Въ этихъ мѣстахъ и на Лебяжьей рѣкѣ она очень обыкновенна. Она предпочитаетъ открытые, сухіе и рѣдкіе лѣса, садится почти безъ исключенія на сухой, лишенной листве вѣткѣ и съ нея охотится за насѣкомыми. Къ вечеру эти щурки собираются по берегамъ рѣкъ обществами изъ сотенъ птицъ. Ихъ поведение имѣетъ столько привлекательнаго, что

въ Австраліи онѣ заслужили всеобщую любовь: Онѣ особенно замѣтны, благодаря необыкновенной красотѣ оперенія, изящнымъ формамъ и миловидному полету. Ктому-же онѣ являются предвозвѣстниками весны: въ Новомъ Южномъ Валлисѣ онѣ появляются въ августѣ и остаются до марта; затѣмъ онѣ поворачиваютъ на сѣверъ и большими массами пролетаютъ всѣ области сѣверной Австраліи, а также и сосѣдніе острова; отдѣльныя парочки даже должны тамъ выводить птенцовъ. Гааке встрѣтилъ ихъ въ концѣ сентября внутри Новой Гвинеи. Гнѣздованіемъ онѣ не отличаются отъ другихъ видовъ щурокъ.

* *
*

Въ Индіи живутъ не только многочисленные родичи вышеописанныхъ щу-

Австралійская щурка. *Merops ornatus*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

рокъ, но даже два отдѣльныхъ рода, которые существенно отличаются отъ выше-приведеннаго описанія щурокъ. Характерными признаками **Ночныхъ щурокъ** (*Nyctiorhynchus*, *Nachtspiinte*, *Alcemeropes*) слѣдуетъ считать: средней величины, сильный, согнутый клювъ; средней величины крылья, четвертое маховое перо которыхъ самое длинное; длинный почти ровно сръзанный хвостъ и довольно густое, мягкое опереніе, удлиняющееся въ области шеи и груди въ своеобразныя, твердыя перистыя образованія.

Зангрокъ (*Nyctiorhynchus* *athertoni*, *coeruleus*, *Merops* *athertoni*, *amherstiae*, *cyanogularis*, *paleazureus*, *assamensis*, *Napophila* *athertoni*, *meropina*, *Bucia* *athertoni*,

nipalensis, *Alcemerops athertoni*, *Nachtspint*, *Alcemerope d' Atherton*) достигаетъ величины нашей сивоворонки. Длина ея равна 37 см., размахъ крыльевъ 47, длина крыла 14, наконецъ — хвоста 16 см. Преобладающая окраска оперенія — прекрасный темно-зеленый травяной цвѣтъ, переходящій на нижнихъ кроющихъ перьяхъ хвоста и крыльевъ въ однообразный ржаво-желтый, а на затылкѣ въ красивый голубой. Некоторые, сильно удлиненные перья, отдѣляющіяся отъ горлового участка — темно-синія, свѣтлѣе вокругъ краевъ; тѣ же, которые выступаютъ на груди и на остальныхъ нижнихъ частяхъ — ржаво-желтыя, продольно исчерченные. Широкие внутренне края маховыхъ и хвостовыхъ перьевъ, а потому и самыя маховыя и рулевыя перья имѣютъ ржавую блѣдно-желтую окраску, если на нихъ смотрѣть

Почная щурка. *Nyctiornis athertoni*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

снизу. Радужина темно-желтая; клювь свинцово-сѣрый, на концѣ черный; ноги темно-зеленоватыя.

Въ первый разъ эту щурку послалъ натуралисту Джердину Атертонъ, сообщая, что птицы эти живутъ одиночками въ бамбуковыхъ лѣсахъ внутренней Индіи и ведутъ ночной образъ жизни. На этомъ сообщеніи и основано было страшное и, какъ показали позднѣйшія изслѣдованія, невѣрное названіе, данное птицѣ (ночная щурка). Теперь, благодаря изслѣдованіямъ Ходжсона и Жердона, мы знаемъ, что почная щурка живетъ въ большихъ, привольныхъ лѣсахъ Индіи, начиная съ долинъ и до 1000 м. высоты. По сообщеніямъ Ходжсона, она нигдѣ не бываетъ обыкновенна и является единственнымъ существомъ, которое ищетъ самыя тѣнистыя мѣста лѣса и оттуда, сидя спокойно на высокомъ деревѣ, высматриваетъ добычу, ловитъ на лету тѣмъ же способомъ, какъ и ея родичи, и снова возвращается на свою вѣтку. Она никогда не покидаетъ тѣнистаго лѣса и такому мѣстопребыванію вполне соответствуетъ ея спокойный, тихій, чтобы не сказать меланхолическій образъ

жизни. Жердонъ утверждаетъ, что онъ никогда не слышалъ отъ нея ни одного звука; Бюэтиусъ, напротивъ, приписываетъ ей своеобразный дикій крикъ. Пища ея состоитъ изъ пчелъ и родственныхъ имъ насѣкомыхъ, которыхъ она ловитъ большими массами, кромѣ того изъ жуковъ и имъ подобныхъ и по всей вѣроятности изъ всѣхъ тѣхъ насѣкомыхъ, которыя пролетаютъ по обитаемому ею лѣсу и приходится по ея не слишкомъ разборчивому вкусу. О способѣ ея размноженія до сихъ поръ ничего опредѣленнаго еще неизвѣстно. Туземцы увѣряютъ, что она гнѣздится въ дуплахъ деревьевъ.

Бюэтиусъ утверждаетъ, что къ этой шуркѣ подойти очень трудно, не потому, чтобы она была пуглива и осторожна, а потому, что лѣсъ, который она избираетъ мѣстопребываніемъ, населенъ всякаго рода хищными звѣрами. Этимъ можно объяснить рѣдкость нахождения этой птицы въ различныхъ коллекціяхъ. Въ противоположность этому, по словамъ Ходжсона, эту шурку весьма нерѣдко ловятъ живою во время охоты, предпринимаемыхъ раджами, такъ какъ шумъ, производимый большимъ числомъ охотниковъ, положительно сбиваетъ ее съ толку, и ловець можетъ подойти къ ней такъ близко, что въ состояніи схватить рукой.

Этими немногими данными ограничиваются всѣ имѣющіяся свѣдѣнія объ этой столь же красивой, какъ и рѣдкой птицѣ.

По имени одной изъ самыхъ красивѣйшихъ птицъ нашего полушарія, которую сильно прославили въ разныхъ сказкахъ и преданіяхъ, дали совсѣмъ неподходящее названіе одному многочисленному, насчитывающему до 125 видовъ семейству, именно **Зимородковыхъ** (Alcedinidae. Eisevogel. Alcedinidés), такъ какъ большинство относящихся сюда птицъ живутъ въ жаркомъ поясѣ земного шара и не имѣютъ понятія о зимѣ. Зимородки, составляющіе только одинъ родъ (Halcyones), характеризуются слѣдующими признаками: тѣло ихъ плотное, шея короткая, голова крупная, крылья короткія или средней величины, хвостъ самое большее средней величины, клювъ—длинный, сильный, прямой, угловатый, острый. Ноги очень малы трехъ и четырехпалыя; опереніе гладкое, большею частью ярко окрашенное, почти одинаковое у самцовъ и самокъ и мало отличающееся у птицъ разныхъ возрастовъ.

Что касается до внутренней организаціи зимородковъ, то Питтнгъ, на основаніи изслѣдованія европейскихъ видовъ, пришелъ къ слѣдующимъ интереснымъ выводамъ: «Черепной аппаратъ во всемъ имѣетъ хотя и поверхностное, но очевидное сходство съ таковымъ у цапели. Спинка клюва и лобъ находятся почти на одной прямой линіи. Позвоночникъ состоитъ изъ 11 шейныхъ, 8 спинныхъ и 7 хвостовыхъ позвонковъ. Изъ реберъ только 5 послѣднихъ снабжены поперечными отростками. Грудная кость похожа на грудную кость дятла. Въ заднихъ конечностяхъ въ особенности бросаются въ глаза короткія плюсны. Языкъ своей значительной величиной находится въ странномъ несоотвѣтствіи съ клювомъ. Длина его немного больше ширины, форма почти трехугольная, но боковые края его выгнуты кнаружи, а задній во внутрь. Подъязычная кость характерна малой величиной основанія ея и шириной тѣла. Пищеводъ длинный, но не расширяется въ зобъ. Передній желудокъ очень короткій, второй желудокъ кожистый и растяжимый. Слепая кишка нѣтъ».

Зимородки—космополиты и распространены довольно равномерно во всѣхъ частяхъ свѣта, хотя въ настоящее время это семейство богаче всего видами только въ тепломъ поясѣ. Многіе виды этого семейства предпочитаютъ селиться по сосѣд-

ству большихъ или маленькихъ водныхъ пространствъ, но не всё виды тяготеютъ къ водѣ; напротивъ, не мало, можетъ быть даже большинство, являются лѣсными птицами въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и образъ жизни ихъ имѣетъ мало схожаго съ образомъ жизни зимородковъ, любящихъ воду. Само собою понятно, что съ одной стороны такое несходство находится въ тѣсной связи съ своеобразной организаціей, а съ другой—выражается въ свойствѣ оперенія; потому семейство это совершенно правильно подраздѣляется на двѣ группы, изъ которыхъ одну будутъ составлять зимородки-рыболовы, другую-же—наземные зимородки или алціоны.

Подсемейство **Зимородковъ-рыболововъ** (Alcedinidae. Wassereisvögel. Martins pêcheurs) особенно характеризуется длиннымъ, прямымъ, узкимъ, съ прямой спинкой, слегка сжатымъ съ боковъ клювомъ и всегда очень гладкимъ, плотно прилегающимъ жирнымъ оперениемъ. Всѣ виды селятся по близости воды и, слѣдуя воднымъ пространствомъ, забираются съ одной стороны на высокія горы до тѣхъ мѣстъ, гдѣ еще есть рыба, съ другой—до береговъ моря. Возлѣ воды они живутъ по-одиночкѣ и самое большее парочками; какъ и всѣ птицы-рыболовы они являются тихими, угрюмыми, завистливыми созданіями, которыя избѣгаютъ, насколько возможно, общенія съ подобными себѣ или другими птицами и въ каждомъ живомъ существѣ видятъ, если не врага, то помѣху ихъ рыбному промыслу. Они остаются на одномъ мѣстѣ лишь постольку, поскольку ихъ вынуждаютъ къ тому заботы о потомствѣ; въ остальное время они постоянно летаютъ, занимаясь ловлей рыбы, слѣдуя воднымъ бассейнамъ, и нѣкоторые виды такимъ образомъ облетаютъ значительныя пространства.

Способности ихъ весьма своеобразны. Ходить они почти не умѣютъ, летаютъ также не искусно и только въ водѣ выказываютъ себя весьма ловкими: они удивительнымъ образомъ ныряютъ и умѣютъ немного плавать. Между органами чувствъ лучше всего у нихъ развито зрѣніе, почти такъ-же развитъ слухъ; о другихъ органахъ чувствъ мы ничего не знаемъ. Умственные способности ихъ на низкой ступени развитія. Самая выдающаяся характерная черта ихъ—безграничная недовѣрчивость. Умными ихъ назвать нельзя, но они не лишены и достоинствъ, такъ какъ по крайней мѣрѣ проявляютъ большую привязанность къ своимъ птенцамъ.

Пищу зимородковъ-рыболововъ составляютъ рыбы, насекомыя, раки и т. п.; голыхъ гадовъ, пресмыкающихся и другихъ позвоночныхъ, часто служащихъ кормомъ родственнымъ имъ алціонамъ, они никогда не ловятъ. Сидя спокойно и тихо на какой-нибудь удобной вѣткѣ надъ водой, или, подобно крачкамъ-рыболовамъ и чайкамъ, летая надъ водой то вверхъ, то внизъ, они смотрятъ въ глубину и внезапно съ большей или меньшей силой бросаются на замѣченную рыбу, при этомъ обыкновенно исчезаютъ подъ поверхностью воды, сильными взмахами крыльевъ выплываютъ наружу и возвращаются на старое или подобное ему мѣсто. Здѣсь они ждутъ, пока схваченная ими рыбка уснетъ, или ускоряютъ ея смерть, ударяя ею по суку и проглатываютъ ее съ головы всю цѣликомъ. Послѣ этого они продолжаютъ свою ловлю.

Размноженіе зимородковъ довольно значительно, такъ какъ всѣ виды выводятъ многочисленное потомство. Для гнѣздъ они выбираютъ отвѣсные обрывы, въ которыхъ они вырываютъ глубокія норки, расширяя задній конецъ такой норки въ собственно гнѣздовую камеру. Гнѣздъ они не строятъ, но мало-по-малу отрыгаютъ такое количество погадокъ, состоящихъ главнымъ образомъ изъ рыбныхъ косточекъ, что со временемъ въ гнѣздѣ образуется подстилка.

Человѣку зимородки не приносятъ никакой пользы, но зато и никакого вреда. Въ богатыхъ рыбою мѣстностяхъ масса пищи, которая требуется для нихъ, не имѣетъ никакого значенія, а видъ, живущій у насъ, такъ малъ, что едва-ли можно говорить о какомъ-либо убыткѣ, приносимомъ имъ человѣку.

Геснеръ пишетъ объ этой птицѣ слѣдующее. «Алціона—морская птица, хотя она живетъ и на рѣкахъ. Она названа греками такъ потому, что родится на морѣ. Итъ ничего удивительнаго, что ее знаютъ немногіе, такъ какъ ее можно видѣть очень рѣдко и только въ апрѣлѣ или во время весенняго равноденствія. Какъ только она залетитъ на землю или облетитъ корабль, она тотчасъ улетаетъ прочь, такъ что болѣе ея и не видятъ. Самецъ этой птицы зовется также Церилюсъ или Цейкъсъ. Плутархъ говоритъ, что эта алціона—самое умное и почтенное изъ всѣхъ морскихъ животныхъ. Такъ онъ говоритъ: съ какимъ соловьемъ сравнимъ мы ея пѣніе, съ какой ласточкой—ея быстроту, съ какимъ голубемъ—любовь, которую она питаетъ къ своей самкѣ, съ какой пчелкой сравнимъ ея прилежаніе? И дальше: что-же касается до ея ума и искусства, выказываемаго при постройкѣ гнѣзда, то онъ достоинъ удивленія. Алціона устраиваетъ свое гнѣздо единственнымъ орудіемъ—своимъ клювомъ; она устраиваетъ его на подобіе кораблика, такъ какъ оно такъ сложено, что волны не могутъ его ни потопить, ни перевернуть. Она сплетаетъ изъ маленькихъ рыбьихъ косточекъ родъ ткани, такъ что однѣ кости лежатъ прямо какъ основа, а другія, какъ у токъ, пролетаются насквозь; ткань эту она сгибаетъ, образуя округленные бока и дѣлаетъ гнѣздо продолговатымъ, точь въ точь какъ военный корабль. Когда-же она все такимъ образомъ устроитъ, то гнѣздо плотно прикрѣпляется къ берегу и волны ударяютъ въ него, колеблютъ и даже захлестываютъ его, а птица прикрѣпляетъ гнѣздо еще крѣпче, такъ что его нелегко ни разломать, ни оторвать камнемъ или желѣзомъ. Самое замѣчательное въ немъ это дверцы, такъ устроенныя и установленныя, что птица только сама можетъ войти въ нихъ, для другихъ-же дверцы незамѣтны и неизвѣстны. Черезъ нихъ ничто не можетъ проникнуть, даже вода, такъ какъ входъ въ гнѣздо сдѣланъ изъ набухающей, какъ губка, матеріи. Разбухая, эта масса запираетъ входъ, и ничто не можетъ проникнуть въ гнѣздо. Эту массу птица, когда хочетъ войти, выжимаетъ, и вытекшая вода открываетъ ей доступъ. Аристотель говоритъ, что гнѣздо алціоны выглядитъ вродѣ морского шара, сплетеннаго изъ морскихъ цвѣтовъ (актиній) и различныхъ водорослей, что оно свѣтло-краснаго цвѣта и похоже на ковшикъ съ длинной шейкой. Самое большое изъ такихъ гнѣздъ больше греческой губки; оно задѣлано и заклеено отовсюду и имѣетъ видъ губки, наполненной водой; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно цѣльное, въ другихъ съ отверстіями, но при этомъ оно способно противустоять всякому острому орудію настолько, что его едва можно разрубить. Находится подъ сомнѣніемъ—изъ чего дѣлается такое гнѣздо, но предполагаютъ, что оно устраивается изъ острыхъ рыбьихъ косточекъ, такъ какъ алціоны питаются рыбой. Онѣ кладутъ пять яицъ; гнѣздо устраиваютъ въ семь первыхъ дней, въ семь-же слѣдующихъ кладутъ яйца, высиживаютъ ихъ и выводятъ птенцовъ. Самка настолько любитъ своего самца, что живетъ съ нимъ вмѣстѣ не только въ одно извѣстное время въ году, какъ другія птицы, но неразлучна съ нимъ всегда изъ-за дружбы, супружеской обязанности и любви. Когда-же самецъ отъ старости дѣлается безильнымъ и едва можетъ двигаться, она беретъ на себя заботы о немъ, кормитъ его, ухаживаетъ за нимъ съ такимъ усердіемъ, что никогда не оставляетъ его, даже носить его съ собой на своей спинѣ, помогаетъ ему во всемъ и полезна ему до самой смерти. Когда-же самецъ умираетъ, самка больше уже не ѣстъ и не пьетъ, но долгое время носитъ въ себѣ

свое горе, отчего и сама скоро погибаетъ, а передъ смертью поетъ свою прощальную жалобную пѣснь «ценкъсь, ценкъсь». Эти звуки она повторяетъ часто и громко, а затѣмъ прекращаетъ. Но я не желалъ-бы, чтобы мнѣ или кому-нибудь другому привелось слышать этотъ крикъ, такъ какъ онъ предвѣщаетъ заботы, несчастье и даже самую смерть. Алціона, какъ и птенцы ея, обладаетъ очень приятнымъ запахомъ, очень похожимъ на приятный запахъ мускуса. Мясо-же ихъ не гниетъ даже послѣ ихъ смерти. Полагаютъ, что она сама снимаетъ съ себя кожу или вынимаетъ оттуда внутренности ежегодно, какъ-бы линяя еще при жизни. Купцы, продающіе сукно, кладутъ въ него кожу алціоны, чтобы оно имѣло способность противустоять моли. Гдѣ-бы ни лежало такое гнѣздо, въ комнатѣ или въ домѣ, вездѣ проявляется это свойство его; мнѣ это рассказывали нѣкоторые люди, испытававшіе его на дѣлѣ, хотя я тому мало вѣрю. Нѣкоторые говорятъ, что молнія не ударяетъ въ тотъ домъ, гдѣ будетъ находиться ихъ гнѣздо. Если-же такое гнѣздо положить возлѣ сокровищъ, оно умножаетъ ихъ и гонитъ отъ людей нищету».

Такъ рассказываетъ довѣрчивый Геснеръ, сопоставляя удивительныя и невѣроятныя сообщенія древнихъ. Замѣчательнѣе-же всего то, что такія сказки удержались и до новѣйшаго времени, и имъ вѣрили по крайней мѣрѣ отчасти, такъ какъ и въ наши дни многіе народы рассказываютъ про зимородковъ почти такія-же басни. Какъ въ свое время предки наши вѣрили, что эта чудесная птица, будучи даже мертвой, защищаетъ отъ молніи, увеличиваетъ спрятанныя сокровища, всякаго, носящаго ея кожу, одаряетъ красотой, миловидностью, приноситъ въ домъ миръ и безвѣтріе на морѣ, привлекаетъ къ себѣ рыбъ и потому улучшаетъ рыболовство,—такъ въ наше время у нѣкоторыхъ азіатскихъ народовъ, у татаръ и остяковъ, изъ устъ въ уста передаются чудесныя исторіи про этихъ птицъ. Вышеупомянутыя племена приписываютъ перьямъ зимородковъ свойство привораживать любовь, а клюву—цѣлительную силу. Въ нашихъ глазахъ подобныя сказки, конечно, ровно ничего не значатъ, но птица, которую онѣ прославляютъ, тѣмъ не менѣе заслуживаетъ всеобщаго вниманія.

* *
*

Палеъ Зимородокъ, Иванокъ, Лединникъ, Алкидъ, Алкіонъ, Мартынокъ (*Alcedo ispada, subispida, advena* и *pullasii*. *Eisvogel*. *Martin pêcheur d'Europe*) отличается слѣдующими признаками: клювъ длинный, тонкій, прямой, постепенно суживающийся отъ мощнаго основанія къ концу; кончикъ его клиновидный или нѣсколько сжатый, съ острыми краями, немного втянутыми внутрь. Ноги очень маленькія и короткія: изъ трехъ переднихъ пальцевъ—средній сросся до второго сустава съ почти такимъ-же длиннымъ наружнымъ, а съ болѣе короткимъ внутреннимъ пальцемъ—до перваго сустава; задній палецъ очень маленькій. Въ короткомъ и довольно тупомъ крылѣ третье маховое перо превосходитъ длиною остальные. Хвостъ состоитъ изъ 12-ти маленькхъ, короткихъ перьевъ. Опереніе густое, не плотно прилегающее, расученное, но твердое, великолѣпно окрашенное, сверху съ металлическимъ, снизу съ шелковистымъ блескомъ. Перья на затылкѣ удлиняются въ маленькій хохолокъ. Верхняя часть головы и затылокъ окрашены по темно-зеленоватому черному фону узкими голубыми, частыми поперечными линіями; плечи, надкрылья и наружная часть опахала буро-черныхъ маховыхъ перьевъ—темно-зеленаго цвѣта; покровныя перья крыла украшены на кончикахъ кругловатыми голубыми пятнышками. Среднія части верхней стороны тѣла — красиваго бирюзоваго цвѣта; полоса, проходящая черезъ темную уздечку, и продолговатое пятно на нижнемъ краю глаза и расширяющееся за область уха, а также и вся нижняя часть тѣла и нижнія покровныя перья хвоста и крыльевъ—ярко-ржаво-кыр-

пичнаго цвѣта; подбородокъ и горло ржаво-желтовато-бѣлые; широкая полоса, направляющаяся внизъ отъ основанія клюва и проходящая подъ пятномъ кирпичнаго цвѣта въ области уха, концы верхнихъ перьевъ на бокахъ груди, боковыя покровныя перья хвоста и хвостовыя перья на концѣ — темно-голубого цвѣта. Радужина темно-карая, клювъ черный, основаніе нижней челюсти клюва красное; маленькія ноги сургучно-красныя. Длина 17, размахъ крыльевъ 27—28, длина крыла 7, хвоста 4 см. Зимородка нельзя смѣшать ни съ какой другой европейской птицей, но возможно смѣшать съ иноземными видами этого семейства.

Зимородокъ. *Alcedo ispida*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

Вся Европа, отъ Ютландіи, Даніи, Лифляндіи и Эстляндіи до юга, а также и западная часть Средней Азіи составляютъ родину зимородка. Въ Испаніи, Греціи и на греческихъ островахъ онъ встрѣчается еще часто; на Иорданѣ, по наблюденіямъ Тристрама, онъ обыкновененъ, а на Мальтѣ уже довольно рѣдокъ. Въ восточной Азіи онъ замѣняется родственнымъ ему видомъ, на который нѣкоторые изслѣдователи смотрятъ какъ на разновидность. Въ сѣверо-западной Америкѣ онъ, вѣроятно, также встрѣчается какъ гнѣздящая птица; онъ аккуратно посѣщаетъ сѣверо-восточную Африку въ зимнюю пору, но однако тамъ не гнѣз-

дится. То-же самое можно сказать, насколько это до сихъ поръ установлено, и про Канарскіе острова. Даже и въ Греціи ни одного раза не находили до настоящаго времени гнѣзда и яицъ этой птицы, несмотря на то, что здѣсь она также часто встрѣчается въ зимніе мѣсяцы. Изъ этихъ временныхъ появленій на югѣ ея области распространенія можно вывести заключеніе, что значительная, по всей вѣроятности даже большая часть сѣверныхъ зимородковъ странствуетъ, можетъ быть даже совершаетъ правильные перелеты. На Корфу зимородокъ появляется уже къ концу августа и встрѣчается массами на берегахъ моря во время зимы, исчезаетъ къ началу апрѣля, и совершенно пропадаетъ лѣтомъ. Въ Египтѣ должно происходить то-же самое; въ Испаніи, наоборотъ, онъ живетъ постоянно изъ году въ годъ.

Въ Германіи вездѣ встрѣчается эта великолѣпная птица, но всегда только по одиночкѣ. Она бросается въ глаза какъ своимъ красивымъ опереніемъ, такъ и своимъ страннымъ образомъ жизни, и поэтому хорошо извѣстна, несмотря на то, что съ своей стороны она старается по возможности укрыться отъ человѣческихъ глазъ. Охотнѣе всего она живетъ около мелкихъ рѣчекъ и ручьевъ съ прозрачной водой, и ради нихъ она подымается высоко въ горы: въ Альпахъ, какъ говоритъ Чуди, до 1800 м. высоты. Около мутныхъ водъ она большею частью, хотя и не всегда, отсутствуетъ. Рѣчки и ручьи, которые текутъ черезъ лѣса или которые по крайней мѣрѣ заросли по обоимъ берегамъ ивнякомъ, доставляютъ ей мѣста для жительства, которыя она предпочитаетъ всѣмъ другимъ, и на которыхъ она остается и въ трудную зиму, если теченіе воды настолько быстро, что она по крайней мѣрѣ не всюду замерзаетъ. Если обстоятельства не такъ благоприятны, то она должна по неволѣ рѣшиться на перекочевку, и именно по случаю этого залетаетъ до сѣверной Африки.

Обыкновенно зимородка видишь только тогда, когда онъ съ быстротой стрѣлы летаетъ надъ поверхностью воды; только очень опытный глазъ можетъ замѣтить его сидящимъ. Именно по близости населенныхъ мѣстъ или вообще оживленной мѣстности, онъ выбираетъ себѣ всегда по возможности скрытыя мѣстечки и уголки для отдыха, выказываетъ въ этомъ большую ловкость, и, повидимому, очень хлопотеть, пока не найдетъ подходящаго сторожевого пункта. Что избираемые мѣста дѣйствительно удобны, слѣдуетъ уже изъ того, что всѣ зимородки, посѣщающіе рѣку, всегда выбираютъ себѣ одни тѣ-же убѣжища для сидѣнія. «Такихъ общеизлюбленныхъ мѣстечекъ», говоритъ Науманъ, «встрѣчается всегда нѣсколько въ извѣстной области, но часто они находятся на довольно большомъ разстояніи другъ отъ друга. Они находятся всегда очень низко, рѣдко выше 60 см. надъ поверхностью воды и всегда въ уединенныхъ мѣстахъ. Но въ безлюдныхъ, отъ человѣческихъ жилищъ весьма отдаленныхъ мѣстностяхъ, зимородокъ выбираетъ себѣ также часто болѣе открытыя мѣста, на которыхъ его можно замѣтить уже издалека. На болѣе-же высокіе, свободные сучки, или даже на верхушки высокихъ деревьевъ взлетаетъ онъ только тогда, когда наступаетъ время спариванія». Почъ онъ проводитъ подъ нависшимъ берегомъ или даже въ норѣ. Каждый отдѣльный зимородокъ, или по крайней мѣрѣ каждая пара, завладѣваютъ, впрочемъ, извѣстною областью и защищаютъ ее съ упорствомъ: въ крайнемъ случаѣ птица допускаетъ сообщество оляпки и трясогузки.

Если какая-нибудь птица можетъ быть названа «сидячей птицей», то это именно зимородокъ. Онъ сидитъ буквально половину дня неподвижно на одномъ мѣстѣ, всегда тихо, со взоромъ, устремленнымъ на воду, спокойно дожидаясь добычи «хладнокровный до самаго сердца», какъ настоящій рыболовъ. «Его маленькія ножки», говоритъ Науманъ, «годны, повидимому, только для сидѣнія, а не для

ходьбы, потому что онъ ходитъ очень рѣдко, и въ этомъ случаѣ дѣлаетъ только нѣсколько шажковъ развѣ по небольшой плоскости камня или лня, но никогда не по землѣ». Если ему не мѣшаютъ, онъ только тогда перемѣняетъ свое мѣсто, когда отчаявается съ него поймать что-нибудь. Если счастье ему благоприятствуетъ, то онъ большую часть дня проводитъ на одномъ и томъ-же сторожевомъ постѣ. Если терпѣливо его наблюдать, то видишь, что онъ вдругъ вытягиваетъ шею, пригибается впередъ, такъ что его клювъ направленъ почти вертикально внизъ и вдругъ, какъ лягушка, или вѣрнѣе, какъ стрѣла бросается въ воду, не употребляя при этомъ въ дѣло крыльевъ. Обыкновенно онъ совсѣмъ исчезаетъ подъ водою, но вскорѣ, сдѣлавъ нѣсколько ударовъ крыльями, опять поднимается на поверхность воды, снова летитъ назадъ на свое мѣсто, отряхиваетъ перышки отъ воды, пожалуй чиститъ ихъ немножко, и принимаетъ прежнее положеніе. Если онъ напрасно нѣсколько разъ старался поймать добычу, или если онъ просто не видитъ никакой рыбки, онъ наконецъ рѣшается перемѣнить мѣсто. Полетъ, какъ кажется, требуетъ отъ зимородка напряжения всѣхъ его силъ, потому что короткія крылья еле могутъ поддержать тяжелое тѣло и птица должна такъ скоро ими двигать, что нельзя различить отдѣльныхъ движеній. Несмотря на это, или можетъ-быть именно поэтому, полетъ зимородка порывисто быстръ, но также и весьма однообразенъ. Зимородокъ несется пока можетъ, по прямой линіи, всегда одинаково высоко надъ водою, а поворачивается и измѣняетъ направление только, слѣдуя изгибамъ рѣчки; по крайней мѣрѣ онъ очень неохотно рѣшается покинуть рѣку или ручей. Такой полетъ съ трудомъ простирается дальше 500 или 600 шаговъ: если зимородку не мѣшать, онъ никогда не летитъ дальше, какъ до ближайшаго излюбленнаго мѣста сидѣнія. Но голодь или необходимость принуждаютъ его иногда къ такимъ подвигамъ въ летательномъ искусствѣ, къ которымъ онъ кажется вовсе неспособнымъ. Иногда видишь, какъ онъ подымается надъ водою, вдругъ останавливается, порхая или паря, внимательно смотритъ внизъ и вдругъ бросается съ этой высоты въ глубину. Такія штуки, обычные и для другихъ членовъ этого семейства, выкидываетъ онъ особенно надъ большими водными пространствами, берега которыхъ не представляютъ ему удобныхъ сторожевыхъ пунктовъ, и особенно тогда, когда дѣло идетъ о кормленіи многочисленныхъ птенцовъ. Это, повидимому, составляетъ въ нѣкоторой степени послѣднее средство, употребляемое имъ для добыванія пищи. Когда любовь пробуждается въ немъ, то онъ дѣлаетъ еще болѣе разнообразное употребленіе изъ своихъ летательныхъ способностей.

Пища его состоитъ предпочтительно изъ мелкихъ рыбокъ и раковъ, но также и изъ насѣкомыхъ, которыми преимущественно выкармливаются птенцы. Зимородокъ обжорливъ и нуждается для своего насыщенія больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Если вполнѣ удовлетворить потребностямъ его желудка, то ежедневно отъ 10—12 рыбокъ -- съ палецъ длиной каждая -- должны сдѣлаться его жертвами. Относительно видовъ рыбы онъ неразборчивъ, скорѣе ловитъ каждую, которую можетъ поймать, и даже умѣетъ справиться съ довольно большой добычей. Послѣднюю онъ подстерегаетъ, по выраженію Паумана, какъ кошка -- мышь. Онъ ловитъ только клювомъ; поэтому часто промахивается и долженъ иногда очень стараться, прежде чѣмъ поймать добычу. Манера и способъ его ловли требуютъ разсудительности въ выборѣ мѣсть, потому что вода, гдѣ онъ ловитъ, не должна быть слишкомъ мелка, иначе онъ могъ-бы ушибиться вслѣдствіе силы своего толчка, но также и не слишкомъ глубока, потому что тогда охота его была бы часто неудачная. «Около Гиршберга на верхней Заалѣ», пишетъ мнѣ Либс, «зимородки охотно живутъ, несмотря на то, что они здѣсь имѣютъ

мало удобствъ для размноженія. Заала часто имѣеть крутые, высокіе, скалистые берега, которые дѣлають невозможнымъ существованіе тропинки вдоль берега. Она течетъ быстро и широко по дну, усѣянному множествомъ камней, между скалами, и здѣсь именно встрѣчается большое количество мелкихъ рыбокъ. Эти птицы сидятъ тутъ на вѣткѣхъ или на камнѣхъ, озираясь кругомъ; и на извѣстныхъ камняхъ можно всегда найти погадку. Здѣсь я также видѣлъ, что онѣ охотно ѣдятъ раковъ. Несмотря на то, что, какъ я уже говорилъ, тутъ есть масса мелкихъ рыбокъ, зимородки все-таки часто вытаскиваютъ маленькихъ раковъ, несутъ ихъ на камень и готовятъ ихъ для поглощенія, сильно ударяя ихъ по нѣскольку разъ о камень, при чемъ это отнюдь не совершается боковымъ движеніемъ головы. Здѣсь раки стали, кажется, ихъ столь излюбленной пищей, что погадки часто состоятъ исключительно только изъ ихъ остатковъ. «Продолжительный дождь, мутящій воду, заставляетъ зимородка испытывать нужду, даже доводить до гибели; зима также нерѣдко оказывается роковой для него, такъ какъ его охота прекращается, какъ только онъ не можетъ больше видѣть рыбу. Зимой онъ долженъ довольствоваться немногими открытыми мѣстами, которыя встрѣчаются на замерзшей поверхности воды; но и тогда онъ подвергается опасности попасть подъ ледъ и не найти больше отверстія. Такимъ образомъ погибаетъ не одинъ зимородокъ. Иногда даже удачная ловля губительна для него: онъ пытается проглотить слишкомъ большую рыбу и при этомъ давится. Рыбныя косточки, чешую и другія жесткія части своей нищи онъ выбрасываетъ опять въ видѣ погадокъ.»

«Во время размноженія зимородокъ также чрезвычайно возбужденъ. Онъ издаетъ тогда часто свой крикъ, состоящій изъ быстро повторяемыхъ, высокихъ, рѣзкихъ слоговъ «тит тит» или «зи зи», которые въ обыкновенное время слышатся рѣдко, большею частью только отъ разсерженной птицы; къ обыкновеннымъ звукамъ онъ еще присоединяетъ особенные и держитъ себя совсѣмъ своеобразно. «Самецъ», говоритъ мой отецъ, «садится тогда на кустъ или дерево, часто очень высоко, и издаетъ громкій свистящій зовъ, отличный отъ обыкновеннаго крика. На зовъ подлетаетъ самка, дразнить самца и летитъ дальше. Самецъ ее преслѣдуетъ, садится на другое дерево, и кричитъ снова до тѣхъ поръ, пока самка опять не приблизится. Во время этого преслѣдованія, которое я наблюдалъ только утромъ, обѣ птицы отдаляются отъ воды на 200—300 шаговъ, и сидятъ высоко выпрямившись на полевыхъ деревьяхъ, чего онѣ въ другое время никогда не дѣлають.»

Размноженіе зимородка стало впервые извѣстнымъ наблюденіями Лейслера моего отца; Бехштейнъ на этотъ счетъ еще не зналъ ничего. «Какъ только зимородокъ спарился въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля», продолжаетъ мой отецъ, «онъ отыскиваетъ себѣ мѣсто для гнѣзда. Для этого онъ выбираетъ всегда сухой, отвѣспый, совершенно лишенный травы берегъ, на который ни водяная крыса, ни ласка, никакой другой хищникъ не могутъ взобраться. На этомъ берегу, похожемъ на вертикальную стѣну, зимородки выдалбливаютъ на разстояніи отъ 30—60 см. отъ верхняго края круглое углубленіе, имѣющее обыкновенно 5 см. въ діаметрѣ и 0,5—1 м. глубины, которое идетъ нѣсколько приподнимаясь и имѣетъ у выхода двѣ бороздки. Къ заднему концу это отверстіе расширяется и образуетъ въ видѣ печурки — кругловатую пору, которая имѣетъ 8—10 см. въ вышину и 10—13 см. въ ширину. Эта нора выстлана, какъ будто вымощена, внизу рыбными косточками, неглубока, суха и гладка сверху, какъ и у выхода. На рыбныхъ косточкахъ лежатъ 6—7 большихъ, почти круглыхъ, блестяще-бѣлыхъ яицъ, которыя кажутся красно-желтыми влѣдствію просвѣчивающаго желтка. Эти яйца самыя красивыя изъ всѣхъ, которыхъ я знаю, и такъ гладки, такъ бле-

стящи, а если вылить содержимое, такъ бѣлы, что похожи на самую прекрасную амаль. По величинѣ они почти равняются яйцу пѣвчаго дрозда, такъ что я рѣшительно не понимаю, какимъ образомъ зимородокъ можетъ ихъ всѣхъ покрыть и согрѣть своими короткими и жесткими перьями.

«Когда зимородокъ при выдалбливаніи норы, на что онъ употребляетъ отъ 2—3 недѣль, натывается на камни, то онъ старается вынуть ихъ. Если это не удастся, то онъ ихъ оставляетъ и обходитъ вокругъ, такъ что камни иногда до половины выступаютъ въ каналъ. Вслѣдствіе такихъ камешковъ входной каналъ гнѣзда дѣлается часто извилистымъ. Если же ихъ слишкомъ много, то птица покидаетъ это мѣсто и недалеко отъ него выдалбливаетъ себѣ другую нору. Относительно постройки гнѣзда зимородокъ поступаетъ какъ настоящій дятель, только съ тою разницей, что послѣдній строитъ свое гнѣздо въ гниломъ деревѣ, а первый въ сухой землѣ. Такою порою зимородокъ пользуется въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, если его не тревожитъ; если-же отверстіе гнѣзда расширили, то онъ никогда больше не положить въ него яицъ. Очень легко узнать, что одно и то-же гнѣздо употреблялось нѣсколько разъ по множеству головокъ и крылышекъ коромыселъ, перемѣшанныхъ съ рыбьими костями, и по огромному количеству этихъ костей, которыхъ обыкновенно бываетъ гораздо меньше въ свѣжемъ гнѣздѣ, при чемъ до появленія птенцовъ онѣ никогда не бывають перемѣшаны съ остатками коромыселъ. Чтобы узнать, живеть-ли зимородокъ въ своей норѣ, которую легко съ перваго-же взгляда отличить отъ норъ водяныхъ крысъ или другихъ млекопитающихъ, стоитъ только понюхать ее: если слышенъ рыбный запахъ, то можно твердо быть увѣреннымъ, что имѣешь передъ собою свѣжее гнѣздо.»

«Замѣчательно, какъ усердно высиживающій зимородокъ сидитъ на яйцахъ или голыхъ птенцахъ. Можно сколько угодно колотить по берегу, онъ не вылетитъ; онъ остается на яйцахъ даже тогда, когда начинаешь расширять дыру, и только тогда покидаетъ свое потомство, когда опасность совсѣмъ надъ головою. Я находилъ яйца въ срединѣ мая и въ началѣ іюня. Самецъ выбираетъ себѣ довольно далеко, на разстояніи отъ 100 — 300 шаговъ отъ гнѣзда, мѣсто для сидѣнія, на которомъ онъ проводитъ ночь, а также и часть дня.»

Науманъ говоритъ, что въ нѣкоторыхъ гнѣздахъ находятъ до 11 яицъ, и сообщаетъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія на счетъ юношеской жизни этихъ птицъ. «Самка», говоритъ онъ, «высиживаетъ одна и самецъ приноситъ ей, пока она почти непрерывно сидитъ на яйцахъ въ теченіи 14—16 дней, не только рыбокъ для пищи, но уноситъ при томъ также и ея пометъ изъ гнѣзда, что впоследствии оба родителя продѣлываютъ также съ погадками птенцовъ. Птенцы, недавно вылупившіеся изъ яицъ,—довольно безобразныя существа. Они совершенно голы, въ теченіи нѣсколькихъ дней слѣпы и такой различной величины, что бывали случаи, когда ростъ послѣдняго изъ высиженныхъ птенцовъ едва доходилъ до половины роста остальныхъ. Ихъ голова большая, но клювъ еще очень короткій и нижняя часть его обыкновенно на двѣ линіи длиннѣе верхвей. Они въ высшей степени безпомощны, голова у нихъ часто дрожитъ, иногда они открываютъ огромную пасть, тихо шипятъ, когда голодны или во время кормленія и переползають другъ черезъ друга какъ черви. Въ это время старики ихъ выкармливають личинками насѣкомыхъ и особенно коромыслами, у которыхъ они сначала отбивають голову и крылья. Позже птенцы также получаютъ мелкихъ рыбокъ, и когда у нихъ мало-по-малу вырастають крылья, то кажется, будто они всюду покрыты сине-черными комочками, потому что перья заключены въ очень длинныя чехолки, которые не скоро лопаются. Вообще они долго

сидятъ въ гнѣздѣ, пока не станутъ способны летать, и ихъ кормленіе доставляетъ старикамъ много труда, вслѣдствіе чего они въ это время необычайно живы и дѣятельны. Вылетѣвшіе птенцы провожаются въ самые тихіе уголки берега, особенно въ кусты, заросли или между подмытыми водою корнями деревъ въ стоящихъ на берегу, такъ что все семейство располагается въ маленькомъ мѣстечкѣ, недалеко одинъ отъ другого, и всѣ такъ спрятаны, что ихъ не легко замѣтить съ берега. Старики выдаютъ ихъ присутствіе, когда къ нимъ случайно подходишь, боязливыми перелетами туда и сюда, на небольшомъ пространствѣ и жалобными криками въ то время, какъ птенцы сидятъ совершенно смиренно и спокойно. Если выгнать ихъ изъ убѣжища, то они разлетаются во всѣ стороны, и старики съ жалобнымъ крикомъ слѣдуютъ то за однимъ, то за другимъ. Проходитъ долгое время, пока они выучиваются ловить рыбу.»

Какъ нѣжно родители любятъ своихъ птенцовъ, видно изъ одного наблюденія Наумана. Онъ рѣшился добыть гнѣздо съ птенцами и поэтому отправился на то мѣсто, гдѣ онъ зналъ, что находится гнѣздо; убѣдился при помощи обонянія въ присутствіи птенцовъ и началъ работать, разрушая нору. «Я не былъ одинъ и мы не только много говорили, но даже порядочно топтали ногами сверху на дернѣ надъ гнѣздомъ. Поэтому я немало удивился, когда, всунувъ въ гнѣздо тонкій пруть, встревожилъ взрослого зимородка, который тогда, покинувъ молодыхъ, налетѣлъ на мнѣ почти прямо на лицо. Такъ какъ гибель семейства была рѣшена, то и одинъ изъ родичей долженъ былъ раздѣлить эту участь; но такъ какъ мы въ этотъ день не имѣли подъ рукой нужнаго оружія, то и отложили дѣло на завтра, а входъ окружили петлями. Всѣ эти причиненныя нами крупныя безпокойства не помѣшали несчастной матери отважиться на попытку добраться до своихъ милыхъ птенцовъ, и на слѣдующее утро она висѣла мертвая въ петлѣ передъ гнѣздомъ, въ то время какъ самецъ нѣсколько разъ близко пролеталъ мимо насъ съ криками, а мы выкапывали птенцовъ».

Свѣдѣнія, собранныя послѣ опубликованія сообщеній моего отца и Наумана, доказали, что время размноженія зимородка не ограничивается упомянутыми мѣсяцами. Такъ, Вальтеръ получилъ разъ полную кладку уже 6 апрѣля, а въ другой разъ въ серединѣ этого мѣсяца. Различныя обстоятельства могутъ также замедлить размноженіе. Если весна наступаетъ поздно, если рѣки или ручьи долгое время не входятъ въ свои берега, если выводокъ украденъ или норы были разрушены и т. д., зимородокъ долженъ дожидаться болѣе благоприятнаго времени, и такимъ образомъ можетъ случиться, что еще въ сентябрѣ находишь въ норахъ молодыхъ птенцовъ. По наблюденіямъ Куттера, который въ теченіи трехъ лѣтъ могъ изслѣдовать не менѣе 30 гнѣздъ, изъ которыхъ почти всѣ были заняты, это послѣднее обстоятельство имѣетъ мѣсто только въ томъ случаѣ, если первый выводокъ былъ уничтоженъ, такъ какъ если его не тревожатъ, зимородокъ гнѣздится только одинъ разъ въ годъ. Справедливость такого сообщенія Куттеръ убѣдительно могъ доказать, такъ какъ онъ мѣтилъ найденныхъ имъ на гнѣздѣ зимородковъ, выпиливая черточку на клювѣ, и такимъ образомъ могъ узнать ихъ впослѣдствіи. Изъ его старательно написанныхъ наблюденій оказывается такимъ образомъ слѣдующее: каналъ гнѣзда всегда вырытъ въ отвѣсно падающей или нависшей, гладкой стѣнѣ берега; но стѣна не должна быть непременно омываема водою. Высота, на которой каналъ устроенъ надъ водою, мѣняется съ высотой каждой стѣны, и только на такихъ мѣстахъ находится близко отъ края берега, какъ это было выше сказано, гдѣ свойство даннаго мѣста этого требуетъ. На высокыхъ стѣнахъ ихъ также часто находишь въ серединѣ стѣны или немного ниже. Только при самой уже кладкѣ яицъ

птица начинает набивать отверстие косточками и чешуей съеденных рыбь, выкинутыми в видѣ погадки. Готовыя новыя углубленія безъ яицъ не пмѣютъ и слѣда этихъ строительныхъ матерьяловъ, которые мало-по-малу набираются в теченіи кладки яицъ и высыживания, и наконецъ образуютъ очень равномернo раздѣленный, вышиною почти в одинъ сантиметръ, слой. Насиженные яйца никогда не находятся на голой землѣ, но всегда лежатъ на вышеупомянутой подстилкѣ, которая, в качествѣ плохого проводника теплоты, предохраняетъ яйца отъ вреднаго охлаждения. Среднее число всѣхъ найденныхъ Куттеромъ яицъ, в полной кладкѣ—было 7, никогда не больше, в рѣдкомъ случаѣ меньше. Сожительства колоніями нѣсколькихъ зимородковъ Куттеръ никогда не наблюдалъ. Тамъ, гдѣ нѣсколько норъ вырыты в непосредственномъ сосѣдствѣ, всегда только одна изъ нихъ в настоящее время занята, и самое малое разстояніе между двумя занятыми норами имѣетъ приблизительно 50 шаговъ. Выкапываніе норъ оканчивается в сравнительно короткое время, несмотря на то, что это кажется огромной работой для такой маленькой птички. В отдѣльныхъ случаяхъ Куттеръ могъ доказать, что для этого нужна была почти одна недѣля. Такое усердное долбленіе и копаніе, частью в грубомъ каменистомъ пескѣ, замѣтнымъ образомъ повреждаетъ клювъ. Особенно верхняя челюсть, на которую налагается вся тяжесть работы, нерѣдко укорачается на полцентиметра.

Для большей полноты вышесказаннаго можно упомянуть объ одномъ сообщеніи, которымъ я обязанъ любезности Либе. «Нѣсколько лѣтъ подъ рядъ зимородки гнѣздились в глинистой стѣнѣ одного земляного обрыва и представили мнѣ прекрасный случай для наблюденій. Этотъ обвалъ, представлявшій яму съ глубокой, холодной водой, в которой не ютилась ни одна рыба, а только немногія насѣкомыя, окруженный рѣдкимъ кустарникомъ, лежитъ в непосредственной близости отъ одного, весьма часто посѣщаемаго гулинья, и отдаленъ приблизительно на 1000 шаговъ отъ рѣки Эльстеръ, которая, конечно, здѣсь обсажена густымъ кустарникомъ и довольно безлюдна. Зимородки должны были летать 1000 шаговъ далеко надъ лугами и полями, чтобы доставить нищу для птенцовъ и ихъ часто беспокоили прохожіе и полевые рабочіе. Несмотря на это, они часто возвращались на эту глинистую стѣну, чтобы тамъ спать и гнѣздиться. Разъ мнѣ удалось подкараулить одну самку, которая выбрала для мѣста жительства дыру в сгнившемъ корнѣ дерева. Я слышалъ, какъ какіе-то маленькіе предметы безпрестанно падали в воду, и открылъ наконецъ, что это были комочки земли, которые все в большемъ количествѣ падали изъ этой узкой дыры. Наконецъ птичка вылѣзла задомъ напередъ, продолжая рыться съ трудно узнаваемыми, странными движеніями, и при этомъ выбросила цѣлую массу земли в воду. Какъ только она меня увидала, то отлетѣла, но черезъ четверть часа была опять в каналѣ и выползала изъ него такимъ-же образомъ задомъ напередъ. Позже, когда вѣроятно входъ и задняя котловинка были достаточно расширены, я никогда не видалъ этихъ животныхъ, выходящихъ иначе, какъ головой впередъ».

Неизвѣстно, преслѣдуетъ-ли зимородка какой-нибудь хищникъ. Взрослый спасается отъ многихъ преслѣдованій, которымъ подвержены другія птицы, своимъ образомъ жизни, и гнѣзда ихъ в рѣдкихъ случаяхъ расположены такъ, чтобы ласка или водяная крыса могли в нихъ забраться. В общемъ человекъ также мало преслѣдуетъ нашего рыболова, не изъ добродушія и любви къ животнымъ, а потому, что этотъ пугливый малый остерегается каждаго, и охота на него слишкомъ затруднительна для мало опытныхъ стрѣлковъ. Свѣдущій человекъ, который знаетъ его привычки, убиваетъ его безъ особеннаго труда и умѣетъ также овладѣть и жи-

вой птицей. Не всегда удается приучить къ неволѣ это красивое существо. Зимородковъ, взятыхъ изъ гнѣзда птенцами, можно выкормить мясомъ и рыбой, и въ такомъ случаѣ они живутъ долгое время; пойманные взрослыми, они буйны и боязливы, часто пренебрегаютъ пищей и скоро умираютъ. Но и тутъ нѣтъ недостатка въ исключеніяхъ. По крайней мѣрѣ мнѣ удавалось не одинъ разъ приучать пойманныхъ уже взрослыми зимородковъ и заставить ихъ жить долгое время. Я терялъ ихъ всегда только вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ. Старые зимородки, если ихъ поймали вмѣстѣ съ молодыми, безъ всякихъ колебаній принимаются за пищу. Изъ любви къ птенцамъ они забываютъ о потерѣ свободы, съ перваго-же часа усердно ловятъ рыбу, привыкаютъ сами и приучаютъ своихъ птенцовъ къ клѣткѣ и къ предлагаемой имъ пищѣ. По такимъ невольникамъ съ удивленіемъ видишь, насколько они обжорливы. Если ихъ наконецъ приучить, и если будешь въ состояніи дать имъ подходящее мѣстожительство, они дѣлаются на самомъ дѣлѣ предествными. Въ Лондонскомъ зоологическомъ саду существуютъ для зимородковъ и другихъ водяныхъ птицъ особенно приготовленныя мѣста. Тамъ устроена большая клѣтка, дно которой частью образуетъ глубокій бассейнъ, а ея стѣнки представляютъ всѣ удобства, необходимыя рыболовамъ. Бассейнъ кишитъ рыбками, и надъ нимъ расположены удобныя жердочки: однимъ словомъ, все устроено такъ хорошо, какъ это только возможно. Зимородки, живущіе въ такой клѣткѣ, чувствуютъ себя прекрасно. Тутъ они могутъ почти такъ же распоряжаться, какъ и на своихъ ручьяхъ, но крайней мѣрѣ ловятъ рыбу совершенно такимъ-же образомъ, какъ и на свободѣ. Я могу смѣло утверждать, что эта птичка, которую я здѣсь видѣлъ въ первый разъ въ неволѣ, привлекала меня болѣе, чѣмъ всякое другое животное этой необыкновенно богатой коллекціи.

* *

Стрые зимородки (*Ceryle. Stossfischer. Ceryles*) отличаются отъ предыдущаго вида главнымъ образомъ сложеніемъ крыльевъ и хвоста. Крылья, въ которыхъ второе маховое перо равняется длиной третьему, значительно длиннѣе и острѣе, чѣмъ у обыкновенныхъ зимородковъ; хвостъ довольно длинный и соразмѣрно широкой: такимъ образомъ органы летанія гораздо болѣе развиты, чѣмъ у первыхъ. Клювъ длинный, прямой, острый и сжатый съ боковъ. Опереніе густое и гладко прилегающее, но окрашено уже гораздо проще, почти лишено блеска, и, смотря по полу, болѣе или менѣе различно. Этотъ родъ имѣетъ большое число представителей въ Америкѣ, но не отсутствуетъ также и въ Африкѣ и Азій; одинъ изъ его членовъ нѣсколько разъ встрѣчался въ Европѣ, и поэтому получилъ здѣсь права гражданства. Этотъ родъ обнимаетъ собой самыхъ сильныхъ, ловкихъ и поэтому также и самыхъ кровожадныхъ птицъ семейства. Кабанисъ называлъ нѣкоторыхъ изъ нихъ «рыбьими тиграми».

Изъ этого рода намъ лучше всего знакомъ **Стрый зимородокъ** (*Ceryle rudis, varia, bicincta* и *leucomelanura, Alcedo rudis, Ispida rudis, bitorquata* и *bicincta. Graufischer. Ceryle pie*), тотъ самый, который изъ Египта и Сиріи нѣсколько разъ залеталъ въ Европу. Цвѣтъ его очень скромный; опереніе на верхней части тѣла черное, съ бѣлыми пятнами, на нижней-же части тѣла чисто-бѣлое, за исключеніемъ одной или двухъ полосокъ на груди и нѣсколькихъ темныхъ пятенъ на клювѣ. Черныя перья верхней части головы и затылка имѣютъ узкія бѣлыя боковыя каемки; плечевыя перья, надхвостье и кроющія перья крыльевъ имѣютъ широкіе бѣлые края. Бѣлый цвѣтъ на головѣ и бокахъ шеи

прерванъ широкой черной полосой, начинающейся у ротового угла, проходящей через область уха и идущей вниз по бокамъ шеи. Большія маховыя перья и ихъ покровныя перья—черныя, въ основной половинѣ—бѣлыя, на концѣ и по краю первыя четыре пера окаймлены такимъ-же образомъ. Малыя маховыя перья, напротивъ, бѣлыя, а на концѣ наружной части опахала черныя, но отмѣчены на серединѣ бѣлымъ пятномъ; перья хвоста на концѣ бѣлыя и украшены широкой, черной поперечной линіей, на которой въ свою очередь замѣчается на наружной части опахала большое пятно на краю. Глаза темно-каріе, клювъ черный, ноги бурыя. Длина 26, размахъ крыльевъ 47, длина крыла 18, а хвоста 8 см. Самка безошибочно отличается отъ самца тѣмъ, что имѣетъ только одну полосу на груди, въ то время, какъ самецъ имѣетъ двѣ полосы. Эта разница побудила Свайнсона описать оба пола, какъ два различныхъ вида.

Сѣрый зимородокъ очень распространенная птица. Онъ встрѣчается вообще почти во всѣхъ странахъ Африки, въ Сириі, Палестинѣ, Персіи, а также и въ Индіи и южной Азіи. Въ Европѣ-же его нѣсколько разъ наблюдали, какъ уже было сказано, и насколько я знаю, только въ Греціи и Далмаціи. Вѣроятно здѣсь онъ встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ думали до сихъ поръ. Онъ обыкновененъ въ Нильскихъ странахъ и поэтому я могъ познакомиться съ нимъ лично.

Я еще хорошо помню то удивленіе, которое готовилъ мнѣ сѣрый зимородокъ, какъ я только успѣлъ ступить на Африканскую землю. Уже въ каналѣ Махмудіе, соединяющемъ Александрію съ Ниломъ, я нѣсколько разъ замѣчалъ большую птицу, похожую по полету на пустельгу, которая летала, трепеща крыльями на воздухѣ или сидѣла на длинныхъ жердяхъ водокачальныхъ машинъ, и не могъ себѣ объяснить, къ какому виду она могла принадлежать. Удачный выстрѣлъ разъяснилъ мнѣ эту загадку, и я съ настоящимъ восхищеніемъ осмотрѣлъ добытаго сѣраго зимородка, который въ то время въ моихъ глазахъ былъ большою рѣдкостью. Но этотъ взглядъ очень скоро измѣнился, такъ какъ въ теченіи слѣдующихъ дней я увѣрился, что сѣрый зимородокъ, если и не принадлежалъ къ самымъ обыкновеннымъ птицамъ страны, то все-таки причислялся къ тѣмъ, которыхъ вездѣ и во всякое время можно видѣть и безъ труда убить въ какомъ угодно количествѣ.

Обыкновенно этотъ зимородокъ сидитъ на упомянутыхъ жердяхъ водокачальныхъ машинъ, обративъ свою бѣлую грудь къ рѣкѣ. Если непосредственно у берега Пила стоитъ пальма или мимоза съ удобными для сидѣнія вѣтками, то онъ и здѣсь отдыхаетъ, а также охотно опускается на жерди водочерпальныхъ колесъ, которыя двигаются быками, производя сплошь извѣстную и ненавистную всѣмъ путешественникамъ «нильскую музыку». Сѣрый зимородокъ не раздѣляетъ робости своего красиваго европейскаго родича. Онъ чувствуетъ себя въ безопасности на своей родинѣ, потому что знаетъ, что онъ можетъ довѣриться египтянину, и что ему нечего его бояться. Сѣрый зимородокъ показываетъ много странностей, которыя удивляютъ новичка, но самое замѣчательное—это его довѣрчивость къ человѣку. Непосредственно надъ мальчикомъ, который погоняетъ кнутомъ быковъ на водокачалномъ колесѣ, и буквально въ предѣлахъ удара кнута, онъ сидитъ такъ спокойно, какъ будто прирученъ и выдрессированъ мальчикомъ, въ которомъ видитъ своего повелителя и защитника; онъ такъ близко летаетъ около женщинъ, приходящихъ за водой, что, кажется, какъ будто онъ хочетъ ихъ отогнать отъ рѣки. Сравнительно съ привычками нашего зимородка, это—уживчивая, выносливая птица, т. е. она не такъ завистлива на счетъ корма, и скорѣе очень общительна. Парочки постоянно держатся вмѣстѣ, и тамъ, гдѣ сидитъ одинъ, обыкновенно отдыхаетъ и его подруга. Обыкновенно обѣ птицы сидятъ высматривая,

СЪРЫЙ ЗИМОРОДОКЪ.

прижавшись другъ къ другу на одномъ сучкѣ: если-бы Свайнсонъ путешествовалъ по Египту, онъ узналъ-бы съ удивленіемъ, что его *Ceryla bicincta*, оказываетъ всѣ любовныя услуги, которыя только вообще можетъ оказать самецъ своей самкѣ *Ceryle rudis*, такъ какъ онъ безъ затрудненія-бы могъ подойти къ птицамъ такъ близко, что отличительные признаки обѣихъ стали-бы ему ясны.

Свою рыбную ловлю эта птица ведетъ такъ же правильно, какъ и нашъ зимородокъ, когда обычные приемы его оказываются недостаточными, другими словами, не съ высокаго мѣста, но паря надъ водою и бросаясь въ нее съ высоты. Полетъ сѣраго зимородка совершенно отличенъ отъ полета нашего зимородка. Хотя онъ двигаетъ также быстро крыльями, но онъ не трепещетъ ими, и можно легко отличить ихъ отдѣльные удары. Поэтому самый полетъ хотя и не такъ быстръ, какъ у нашего зимородка, но гораздо болѣе ловокъ, т. е. разнообразнѣе. Нашъ зимородокъ мчится точно спущенная стрѣла, сѣрый-же зимородокъ летитъ почти какъ соколъ, качается и поворачивается по желанію, держится, паря, по цѣлымъ минутамъ, отлетаетъ опять дальше, если во время своей остановки не замѣчаетъ никакой добычи, и тамъ снова начинаетъ парить. Когда онъ бросается на добычу, то плотно прижимаетъ крылья къ тѣлу и кидается по нѣсколько косому направленію съ быстротой стрѣлы въ воду, исчезаетъ въ волнахъ и послѣ нѣкотораго времени опять появляется, сильно ударя крыльями. Пирсонъ говоритъ объ индѣйскомъ зимородкѣ, что онъ такъ долго остается подъ водою, что круги, образованные его паденіемъ, успѣваютъ сгладиться; Жердонъ сомнѣвается въ этомъ показаніи, и я долженъ исполнѣ съ нимъ согласиться, такъ какъ не думаю, чтобы этотъ зимородокъ когда-нибудь оставался подъ водою до 15—20 секундъ. Но нѣрѣдко также и во время полета, слѣдовательно подъ очень малымъ угломъ, онъ бросается въ воду, и затѣмъ такъ скоро опять подымается, что кажется, какъ будто онъ отскочилъ отъ поверхности воды. Жердонъ утверждаетъ, что онъ никогда не видалъ ни одного зимородка, который-бы возвратился изъ воды безъ добычи; я-же могу увѣрить, что это все-таки случается очень часто. Весьма вѣроятно и притомъ очень понятно, что сѣрый зимородокъ ловче нашего зимородка; несмотря на это, онъ часто промахивается, потому что онъ также часто ошибается относительно глубины воды, въ которой плаваетъ замѣченная имъ рыба. Если ловля была удачна, то онъ тотчасъ-же летитъ къ своему обыкновенному мѣсту отдыха и здѣсь проглатываетъ пойманную добычу, часто послѣ того, какъ онъ ее нѣсколько разъ ударитъ о сучекъ, какъ дѣлаютъ другіе его родичи. Когда онъ вылетаетъ не на охоту, то летитъ, равномерно ударя крыльями, довольно низко надъ водою, по возможности по прямой линіи, ко второму излюбленному пункту, по близости котораго онъ вдругъ взвизгиваетъ. Днемъ онъ обыкновенно тихъ, а къ вечеру дѣлается болѣе живымъ, выказываетъ даже нѣкоторое желаніе играть и тогда также часто слышится его голосъ, громкій, крикливый, много разъ повторяемый крикъ, котораго я не могу изобразить буквами.

Когда вода въ Нилѣ очень подымается, сѣрый зимородокъ принужденъ покинуть свою любимую рѣку, потому что тогда ея вода дѣлается такой мутной, что онъ не можетъ больше видѣть въ ней рыбу. Впрочемъ, многіе каналы Египта въ этихъ случаяхъ достаточно замѣняютъ ему рѣку. Въ нихъ вода уже до нѣкоторой степени очистилась и рыбная ловля идетъ такъ же успѣшно, какъ и на другомъ мѣстѣ. Этимъ-то я и объясняю себѣ, что эта птица гораздо чаще встрѣчается въ Дельтѣ, гдѣ пропасть каналовъ, чѣмъ въ Верхнемъ Египтѣ и Нубіи, гдѣ она болѣе или менѣе вынуждена ограничиться рѣкой. По сообщенію Тристрама, мы узнаемъ, что сѣрый зимородокъ встрѣчается и на берегу моря и при этомъ даже дюжинами, «паря

надъ водой приблизительно на разстояніи 100 м. отъ берега». Въ ноябрѣ и декабрѣ этотъ изслѣдователь видѣлъ его въ «безчисленномъ количествѣ» вдоль береговъ Палестины, занятымъ или рыбной ловлей или просто сидящимъ на скалѣ. Пехуэль-Леше замѣчалъ его неоднократно въ западной Африкѣ передъ устьями рѣкъ и на тихихъ береговыхъ бухтахъ, гдѣ мангровыя рожи доходятъ почти вплоть до берега.

Періодъ размноженія зимородка начинается въ Египтѣ приблизительно во время наибольшаго пониженія Нила, т. е. въ мартѣ или апрѣлѣ. Адамсъ находилъ гнѣзда въ декабрѣ, вѣроятно, въ такой мѣстности, на которую уровень нильскихъ водъ только мало вліяетъ. И только одинъ разъ получилъ яйцо, на которое указывали какъ на яйцо этого зимородка; но я сомнѣваюсь теперь въ вѣрности этого предположенія съ тѣхъ поръ, какъ я прочиталъ сообщенія Тристрама. Этотъ наблюдатель замѣчалъ, что сѣрый зимородокъ образуетъ въ Палестинѣ цѣлыя поселенія для вывода семейства. Одно изъ этихъ поселеній находилось на отвѣсной земляной стѣнѣ при впаденіи ручья Мудавара въ Генисаретское озеро. Входы въ норы были вырыты приблизительно только на высотѣ 10 см. надъ поверхностью воды и къ нимъ можно было приблизиться только вплавъ. Каждый каналъ углублялся почти на 1 м. и расширялся сбоку въ видѣ простой норы. Ни въ одномъ гнѣздѣ не находилось рыбныхъ косточекъ между яйцами, но легко можно было опредѣлить, содержало-ли гнѣздо птенцовъ, по присутствію въ передней части норы гниющей кучи рыбьихъ костей и кала. Выстилкою для гнѣзда служила куча травы и зелени. Барглетъ вынулъ 28 апрѣля 4 и 6 яицъ изъ двухъ гнѣздъ; Тристрамъ нашель, когда онъ посѣтилъ тотъ-же самый поселокъ 22 мая, что большое количество птенцовъ уже вылетѣло, много еще оставалось въ норахъ, но также 5 гнѣздъ были еще со свѣжими яйцами, между ними одно въ той норѣ, изъ которой Барглетъ уже вынулъ одну кладку. Форма яицъ различная: большинство изъ нихъ продолговато-округленныя, многія-же весьма удлинены. Тристрамъ ничего не говоритъ относительно цвѣта яицъ, и поэтому я долженъ полагать, что они чисто-бѣлыя, несмотря на то, что я помню, что яйцо, на которое мнѣ указывали, какъ на принадлежащее сѣрому зимородку, имѣло темныя отмѣтины по свѣтлому фону.

Старики сидѣли во время этого непрошеннаго визита на кустахъ олеандра на берегу или боязливо летали взадъ и впередъ съ жалобными криками. Изъ одной норы, потревоженной Тристрамомъ, выбѣжала крыса съ шестью крысятами. Я не могу сказать, какихъ враговъ имѣетъ сѣрый зимородокъ кромѣ натуралистовъ. Я никогда не видалъ, чтобы хищная птица пыталась напасть на зимородка, и не знаю никакого другого хищнаго животнаго, которое могло-бы быть ему опасно.

Алціоновыя (Halcyoninae. Lieste. Alcyonidés) отличаются отъ зимородковъ-рыболововъ болѣе сильнымъ развитіемъ летательнаго аппарата, который у отдѣльныхъ представителей даже очень совершенный. Клювъ, который въ общемъ похожъ на клювъ другихъ зимородковъ, постоянно гораздо шире, а ноги также обыкновенно сильнѣе и съ болѣе высокой плюсной. Опереніе рыхлое и не имѣетъ жирнаго лоску, какъ у зимородковъ, но блеститъ все-таки также живыми цвѣтами: нѣкоторые виды принадлежатъ къ великолѣпнѣйшимъ изъ всѣхъ птицъ.

Африка, югъ Азіи и Австралія вмѣстѣ съ островами, лежащими между этими двумя материками, составляютъ родину этого подсемейства, богатаго видами и формами. Но эти птицы совершенно отсутствуютъ въ Америкѣ и Европѣ. Алціо-

новья являются болѣе или менѣе лѣсными птицами, и только немногія изъ нихъ оказываютъ предпочтеніе водѣ. Нѣкоторыя, вѣроятно, все-таки ловятъ рыбу болѣе или менѣе по способу зимородковъ, но большинство относительно образа жизни скорѣе походить на бородачей. Многіе виды живутъ совершенно независимо отъ воды и населяютъ самыя сухія страны, конечно, если онѣ только не лишены деревьевъ, такъ какъ деревья, повидимому, совершенно необходимы для ихъ удобства.

Вслѣдствіе хорошо развитаго летательнаго аппарата, алціоновыя гораздо подвижнѣе зимородковъ-рыболововъ; онѣ превосходятъ даже самыхъ способныхъ летуновъ между послѣдними легкостью, граціею и ловкостью своего полета, который напоминаетъ полетъ щурокъ. Съ возвышеннаго мѣста онѣ осматриваютъ окрестности внимательнымъ взглядомъ, летятъ, какъ только подмѣчаютъ добычу, на нее или за ней и опять возвращаются на старое мѣсто. «Онѣ охотно держатся на извѣстномъ мѣстѣ въ саваннахъ», рассказываетъ Пехуэль-Леше, «и, проворно летая взадъ и впередъ, бросаются на насѣкомыхъ, и только въ исключительныхъ случаяхъ парятъ надъ травой. При полетѣ онѣ дѣлаютъ колебательныя движенія въ прямомъ направленіи, но не могутъ дѣлать рѣзкихъ поворотовъ въ сторону. Черный охотникъ, который до этого внимательнымъ взглядомъ осматривалъ свою маленькую область въ кампинахъ, съ невысокаго, тѣнистаго мѣста на краю роши или кустарника, вдругъ летитъ веселый, и сияющій своими яркими красками, въ освѣщенное солнцемъ пространство, хватая свою добычу, и, довольный, возвращается обратно на свою вѣтку. Но, какъ только садится на дерево, онъ подмѣчаетъ тотчасъ-же новую жертву и бросается снова впередъ. Такимъ образомъ охота непрерывно продолжается лишь съ маленькимъ интерваломъ въ полдень. Я находилъ въ теченіи цѣлыхъ мѣсяцевъ особенно обильныя насѣкомыми мѣста въ саваннахъ населенными, вѣроятно, однѣми и тѣми-же птицами. Всюду можно наблюдать этихъ великолѣпно-окрашенныхъ охотниковъ весьма близко, такъ какъ они почти не обнаруживаютъ никакого страха передъ спокойно двигающимся наблюдателемъ. Несмотря на это, ихъ вовсе нельзя назвать глупо доврчивыми и равнодушными: ихъ свѣтлые блестящіе глаза всегда поворачиваются къ наблюдателю испытующе и, такъ сказать, съ довольнымъ и лукавымъ, или даже съ смысленнымъ выраженіемъ». Эти птицы чуждаются земли. Въ искусствѣ ловить добычу изъ воды, онѣ далеко отстаютъ отъ зимородковъ: мнѣ даже кажется вѣроятнымъ, что только нѣкоторыя изъ нихъ, да и то въ исключительныхъ случаяхъ, достаютъ рыбу и другихъ водяныхъ животныхъ прямо изъ воды. Ихъ голосъ звонокъ и страненъ и трудно передается словами. На счетъ умственныхъ способностей я не рѣшаюсь судить вообще. Тѣ виды, жизнь которыхъ я могъ наблюдать, казались мнѣ въ этомъ отношеніи мало одаренными: они выказывали полное довѣріе къ человѣку и неуклюжесть, которая не служила доказательствомъ большой понятливости; но я долженъ прибавить къ этому, что встрѣчалъ и исключенія.

Пища большинства этихъ птицъ состоитъ изъ насѣкомыхъ всевозможныхъ видовъ, преимущественно изъ кузнечиковъ и большихъ жуковъ; но самыя сильныя виды семейства хватаютъ также краббовъ и мелкихъ позвоночныхъ всѣхъ классовъ. Нѣкоторыя изъ алціоновыхъ пользуются уваженіемъ, потому что преслѣдуютъ змѣй; другія говорятъ, что онѣ злыя разорительницы гнѣздъ. Въ отношеніи кровожадности онѣ совершенно похожи на зимородковъ.

Образъ размноженія алціоновыхъ также отличаетъ ихъ отъ ихъ родственниковъ. Большинство видовъ гнѣздится въ дуплахъ, нѣкоторыя въ естественныхъ земляныхъ и каменныхъ норахъ, и всѣ строятъ болѣе или менѣе совершенное гнѣздо. Кладка не слишкомъ большая. Яйца чисто бѣлыя и блестятъ, какъ яйца зимородковъ.

Алціоновыя легко и въ теченіи долгаго времени переносятъ неволю, потому что онѣ скоро привыкаютъ къ перемѣнѣ пищи. Про нихъ можно сказать скорѣе, что онѣ бросаются въ глаза, нежели, что онѣ привлекательны, но не должно при этомъ забывать, что онѣ могутъ вступать съ человѣкомъ въ искреннюю дружбу, и могутъ приучиться встрѣчать своего хозяина съ большою любезностью и показывать ему горячую привязанность.

* * *

Мы называемъ **Древесными алціонами** (*Halcyon. Baumlieste. Alcyons des bois*) виды съ длиннымъ, прямымъ и широкимъ клювомъ, который у нѣкоторыхъ нѣсколько загибается вверхъ; ноги у нихъ коротки, но не слишкомъ слабы, крылья средней длины и округленны, въ нихъ третье маховое перо самое длинное, но превосходящее длиной четвертое и пятое только немного, хвостъ относительно короткій и закругленный.

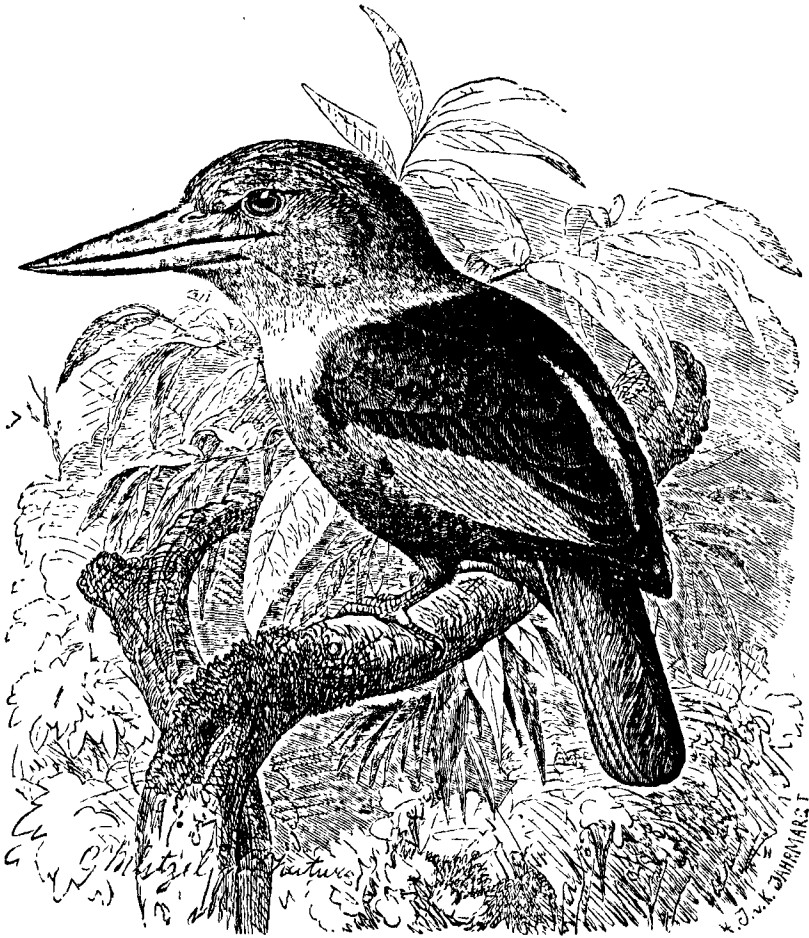
Древесная алціона (*Halcyon semicoeruleus. erythrogaster, swainsonii* и *rufiventris, Alcedo semicoerulea, senegalensis* и *sancrophaga. Dacelo actaeon* и *jagoensis. Baumlist. Alcyon à ventre rouge*) по величинѣ только немного уступаетъ сѣрому зимородку: ея длина 22 см., длина крыла 10, хвоста 6,5 см. Опереніе хотя и отличается меньшимъ блескомъ и красотой, чѣмъ у многихъ родственныхъ видовъ, но все-таки достаточно ярко и красиво. Верхняя часть головы и затылокъ блѣдно-буроватые, а задняя часть шеи свѣтлѣе, бока шеи и переднія части тѣла до груди бѣлыя, остальные нижнія части тѣла темно-кирпично-красно-бурыя; переднія спинныя перья, плечи и покровныя перья, какъ и маховыя—черныя; послѣднія, на наружной части опахала, покровныя перья предплечья и угловыя перья, надхвостье и хвостъ—блестяще-эмалеваго-голубого цвѣта. Глаза каріе, клювъ и ноги красныя. Древесныя алціоны съ острововъ Зеленаго мыса отличаются отъ алціонъ материка тѣмъ, что верхняя часть головы у нихъ почти такая-же бѣлая, какъ и затылокъ, и поэтому нѣкоторые изслѣдователи смотрятъ на нихъ, какъ на особый видъ.

Открыли эту птицу въ западной Африкѣ, но позже и на островахъ Зеленаго мыса, а также и по всей средней Африкѣ до Абиссиніи. Гейглингъ считаетъ мѣстомъ жительства древесной алціоны, изъ тѣхъ странъ, по которымъ мнѣ случалось путешествовать,—берега Краснаго моря, плоскогоріе Абиссиніи до 2000 м. высоты и Голубой и Бѣлый Нилъ къ западу до Джюра. Я часто встрѣчалъ эту птицу въ лѣсахъ Голубого и Бѣлаго Нила, но не встрѣчалъ ни на берегахъ Краснаго моря, ни въ странѣ Богосовъ.

Насколько помнится, я обыкновенно видѣлъ эту странную птицу всегда въ одиночку, но все-таки иногда стаями въ предѣлахъ небольшого раіона. Обыкновенно она встрѣчалась чаще въ низовьяхъ рѣчекъ, нежели въ болѣе скудныхъ лѣсомъ степныхъ мѣстностяхъ; во время дождей можно было ее встрѣтить повсюду также и въ этихъ мѣстностяхъ. Въ извѣстное время я не видалъ ни одной изъ нихъ, и поэтому я предполагаю, что онѣ перелетныя птицы, которыя не гнѣздятся въ Суданѣ, а показываются тамъ только временно, линяютъ при обильной пищѣ, и потомъ опять отправляются въ путь. Въ серединѣ сентября всѣ, которыхъ я застрѣлилъ, были въ состояніи полного линянія.

По образу жизни древесная алціона похожа на щурокъ и на мухоловокъ. Она цѣлый день перелетаетъ съ вѣтки на вѣтку, пока она съ этого сторожевого пункта можетъ доставать добычу и пока ее не потревожатъ. Но эта настойчивость отнюдь не основывается на неспособности, а только на лѣни и равнодушіи. Она не обнаруживаетъ ни малѣйшаго страха относительно человѣка. Она смотритъ съ

душевному спокойствію на европейца, который обращает на себя вниманіе большинства остальныхъ птицъ, и поэтому она можетъ быть безъ всякаго труда убита съ дерева. Даже если промахнешься, она не измѣняетъ своего поведенія, въ крайнемъ случаѣ летитъ на слѣдующее дерево и опять долго сидитъ на немъ. Пища, повидимому, состоитъ почти исключительно изъ кузнечиковъ; по крайней мѣрѣ въ извѣстное время эти насѣкомыя навѣрное составляютъ ея исключительную пищу. Но она все-таки обращаетъ нѣкоторое вниманіе и на жуковъ, которые жужжатъ вокругъ цвѣтущихъ мимозъ, а иногда также пробуетъ ловить и бабочекъ,

Древесная аліціона. *Hirundo semicollaris*. ³/₄, наст. вел.

которыя порхаютъ около нея. Гейглингъ говоритъ, что эта птица скорѣе является рыбоѣдомъ, нежели охотникомъ до кузнечиковъ и жуковъ; я долженъ замѣтить, что никогда не наблюдалъ ее ловящей рыбу, даже не видалъ ее по близости воды, въ которой водится рыба. Боле нашелъ въ зобу одного родственнаго вида кусокъ ящерицы, и повтому можно заключить, что эта птичка также охотится и за такого рода дичью.

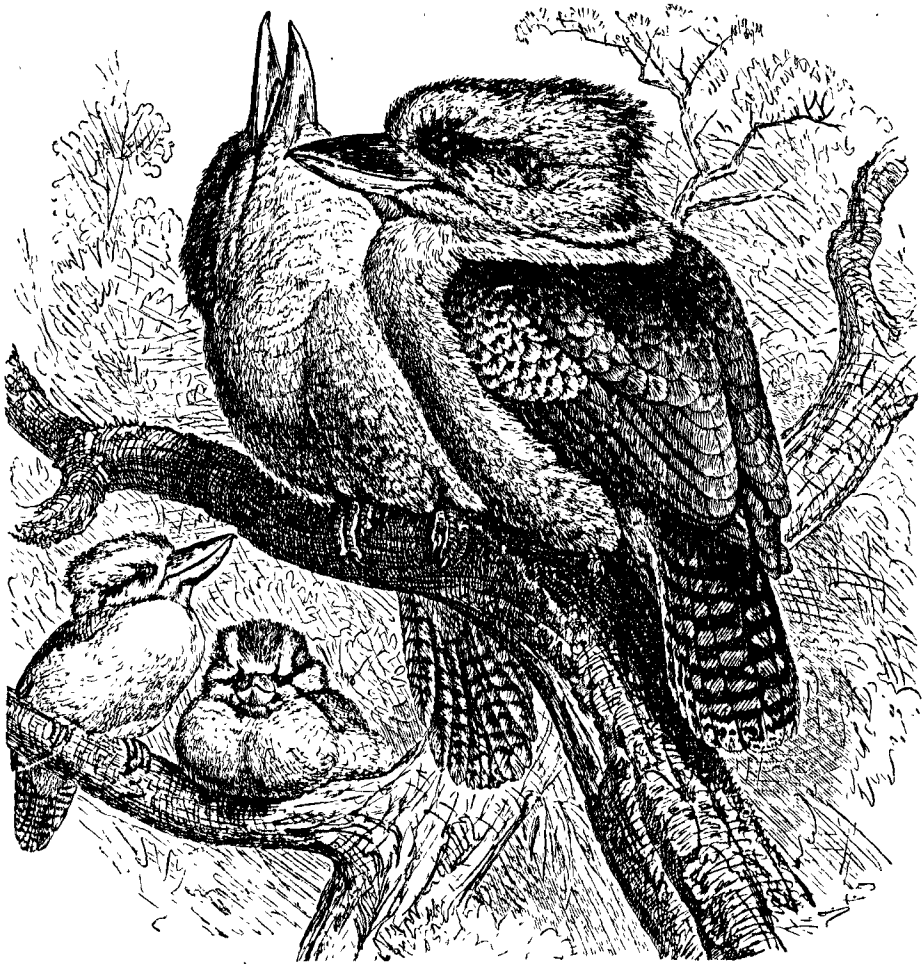
Верро сообщаетъ нѣчто о размноженіи древесной аліціоны. Правда, что его наблюденія касались одного родственнаго вида, но это конечно можетъ относиться и къ нашему виду. Время размноженія падаетъ на октябрь и

ноябрь. Гнѣздо находится въ древесномъ дуплѣ и содержитъ три шарообразныхъ, блестящихъ бѣлыхъ яйца. Оба пола высидываютъ поочередно; но когда птенцы высижены, кажется, что одинъ самецъ заботится о прокормленіи семьи.

Между австралійскими сочленами этого рода самый извѣстный — **Гигантская аліона** (*Halcyon giganteus*, *Paralcyon gigas*, *Alcedo gigas*, *gigantea*, *fusca* и *undulata*, *Dace'o gigas* и *undulatus*. *Jägerliest* или *Riesenfischer*. *Alcyon géant*), такъ какъ эта птица не только лично знакома каждому европейцу, который побываетъ въ Австраліи, но въ новѣйшее время такъ часто привозилась въ Европу, что теперь ее можно найти во всякомъ зоологическомъ саду. Ея голова, шея и всѣ нижнія части тѣла — бѣлесовато-сѣро-желтаго полинялаго цвѣта; лобъ и передняя часть головы темно-бурая, бока бедеръ очень неясно окаймлены поперечной и полинялой полосой; уздечка и широкая полоса надъ областью уха, широкое срединное пятно на темени и затылкѣ, переднія спинныя перья, плечи и кроющія перья крыла — бурая; послѣднія, по крайней мѣрѣ среднія изъ нихъ, тонко окаймлены на концѣ бериллово-голубымъ цвѣтомъ; надхвостье и верхняя область его покрыты по грязно-бѣлому фону тусклыми темными поперечными линіями; красно-бурая верхнія кроющія перья хвоста и хвостовыя перья вообще покрыты широкими черными поперечными линіями, а красноватая рулевая перья украшены широкой бѣлой каймой на концахъ. Радужина темно-карая, верхняя часть клюва черная, нижняя часть клюва блѣдно-желтая, ноги темно-бурыя. У самки цвѣта не такъ ярки, какъ у самца, и менѣе рѣзки, а бурый цвѣтъ на срединѣ темени и на уздечкѣ — блѣднѣе. Длина птицы 45 - 47 см., размахъ крыльевъ 65, длина крыла 21, а хвоста 16 см.

Гигантская аліона была замѣчена уже первыми путешественниками и изслѣдователями, которые посѣтили Австралію, но стала извѣстной только благодаря новымъ изслѣдованіямъ, а именно наблюденіямъ Гульда. «Съ этой птицей», говоритъ Гульдъ, «долженъ познакомиться каждый житель Нового Южнаго Валлиса или каждый путешественникъ, такъ какъ не только ея величина бросается въ глаза, но и ея необыкновенный голосъ привлекаетъ вниманіе. Ктому-же она нисколько не боится людей, напротивъ, если какой-либо предметъ возбуждаетъ ея любопытство, она приближается, чтобы разслѣдовать его. Такъ, она часто появляется на сухомъ сучкѣ ближайшаго дерева, подъ которымъ расположились путешественники, и наблюдаетъ съ большимъ вниманіемъ, какъ разводитъ огонь, или какъ готовятъ обѣдъ. Впрочемъ ея присутствіе рѣдко замѣчается прежде, чѣмъ она издастъ свой горловой смѣхъ, который вызываетъ у слушателей восклицаніе: «Ахъ, смотрите, вотъ нашъ старый другъ, смѣющийся Гансъ». Тонъ, которые она издаетъ, такъ замѣчательны, что каждый натуралистъ, писавшій объ Австраліи, упоминаетъ о нихъ. Келли говоритъ, что слышишь ея громкій крикъ и ходотъ на значительномъ разстояніи, и что именно поэтому, вѣроятно, она и получила свою кличку. Крикъ этой птицы, увѣряетъ капитанъ Стюартъ, звучитъ какъ хоръ дикихъ духовъ и пугаетъ путешественника, который воображаетъ себя въ опасности, въ то время какъ виновница страха уже язвительно хохочетъ и смѣется надъ нимъ. Этотъ странно звучащій смѣхъ, говоритъ Беннетъ, начинается тихо и усиливается до высокыхъ и громкихъ тоновъ и часто слышится во всѣхъ частяхъ поселенія. Его слышно въ сумерки и вечеромъ, когда солнце опускается на западъ, точно пожеланіе доброй ночи для всѣхъ, которые хотятъ это слышать. Болѣе подробно на этотъ счетъ высказывается «Старый бунименъ» въ своихъ «Странствованіяхъ Патуралиста». «За часъ до разсвѣта охотника будятъ дикіе звуки, которые раздаются такъ громко, какъ будто

стая злыхъ духовъ бушуетъ вокругъ него, каркая, крича и хохоча. Эти звуки — утренняя пѣсня «смѣющагося Ганса», который извѣщаетъ своихъ пернатыхъ товарищей о наступленіи дня. Къ полдню слышится опять тотъ-же самый дикій хохоть, и когда солнце опускается на западъ, онъ — опять доносится черезъ лѣсъ. Я никогда не забуду первую ночь, которую я провелъ въ Австраліи въ открытомъ кустарникѣ. Послѣ безпокойнаго сна я проснулся съ началомъ зари, но нуждался въ нѣкоторомъ времени, чтобы опомниться, гдѣ я находился, до такой степени сильно

Гигантская алціона. *Pelecanus giganteus*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

было впечатлѣніе, произведенное на меня необычайными звуками. Адскій хохоть гигантской алціоны соединялся съ болѣе слабымъ, похожимъ на флейту тономъ австралійской сороки, хриплымъ гоготаніемъ кустовыхъ курицъ (*Cathethurus Lathamii*), рѣзкимъ крикомъ тысячи поугаевъ и различными голосами другихъ птицъ — въ такое удивительное цѣлое, подобнаго чему я никогда ничего не слыжалъ. Съ тѣхъ поръ я это слышалъ сто разъ, но первое впечатлѣніе никогда уже болѣе не повторилось. Смѣющийся Гансъ служитъ часами для бушмена. Эта алціона нисколько не робка, наоборотъ, любитъ общество, и въ нѣкоторой степени дѣлается

товарищем походной палатки, а поэтому, и еще больше по своей враждѣ къ змѣямъ, почитается бушменами какъ святая птица».

Гигантская алціона не встрѣчается въ Тасманіи или въ западной Австраліи, и, кажется, исключительно принадлежит юго-восточной части этого материка. Она нисколько не привязывается къ извѣстной мѣстности, но посѣщаетъ каждую, какъ густые кусты вдоль берега, такъ и рѣдкіе лѣса высотъ. Обыкновенной, впрочемъ, ее нельзя назвать нигдѣ. Она находится вездѣ, но всегда только по одиночкѣ. Ея пища смѣшанная и всегда животная. Пресмыкающіяся и насѣкомыя, а также и краббы, кажется, ею предпочитаются. Она быстро бросается на ящерицъ, и вовсе не рѣдкость видѣть ее летящей къ своему мѣсту съ змѣей въ клювъ. «Разъ», говоритъ «Старый бушмень», «я видѣлъ пару алціонъ, сидящихъ на сухомъ сучкѣ одного стараго, сѣраго дерева, и отсюда, отъ времени до времени, слетавшихъ на землю. Какъ это выяснилось при тщательномъ осмотрѣ, они убили змѣю и показывали свою живую радость, болтая и смѣясь. Ъдятъ-ли эти птицы змѣй, я сказать не могу, такъ какъ единственные пресмыкающіяся, которыхъ я находилъ въ ихъ желудкѣ, были маленькія ящерицы». Однако эта птица похищаетъ также мелкихъ млекопитающихъ: Гульдъ однажды убилъ птицу этого вида только для того, чтобы рассмотреть, что она несла въ клювъ, и нашелъ, что она поймала рѣдкую двуутробку. Должно думать, что она не шадитъ и молодыхъ птицъ, а именно можетъ-быть опасной для гнѣздъ. Въ водѣ гигантская алціона, повидимому, не нуждается; находятъ на свободѣ живущую птицу, какъ уже сказано, даже въ самыхъ густыхъ лѣсахъ, а пойманные не оказываютъ особенной склонности къ водѣ ни ради питья, ни ради купанья.

Время размноженія падаетъ на августъ и сентябрь. Пара отыскиваетъ тогда себѣ подходящее дупло въ большомъ камедномъ деревѣ и кладетъ здѣсь великолѣпныя, жемчужно-бѣлыя яйца на труху въ глубинѣ этого дупла. Когда птенцы вылупились, старики храбро и безстрашно защищаютъ свое гнѣздо и буквально нападаютъ на того, который хочетъ похитить выводокъ, нанося ему довольно серьезные удары клювомъ.

«Первое, что мнѣ попало на глаза при моемъ посѣщеніи Лондона», заключаетъ «Старый бушмень», «былъ смѣющійся Гансъ, который сидѣлъ взаперти въ узкой клѣткѣ. Я никогда не видѣлъ болѣе несчастнаго; жалкаго существа, чѣмъ моего бѣднаго, стараго друга, который долженъ былъ промѣнять свои веселые лѣса на густой туманъ современнаго Вавилона». «Старый бушмень», можетъ быть, правъ въ своей жалобѣ, потому что дѣйствительно пойманные птицы являются къ намъ изъ Австраліи въ очень печальномъ видѣ; но все-таки ихъ дальнѣйшая судьба не такъ плоха, какъ это ему кажется, и самые плѣнники доказываютъ это достаточно убѣдительно. Онѣ на самомъ дѣлѣ не принадлежатъ къ прихотливымъ птицамъ. Напротивъ того, онѣ довольствуются очень простой пищей, а именно грубо разрѣзанными кусочками мяса, мышами и рыбами, и уже поэтому, можетъ-быть, перестаютъ тосковать о потерянной свободѣ. Если имъ дать просторную клѣтку, то веселость скорѣ опять возвращается къ нимъ и онѣ держатъ себя совершенно такъ-же, какъ и на родинѣ. Обыкновенно эти птицы смиренно сидятъ на болѣе подходящемъ мѣстѣ, плотно прижавшись другъ къ другу, если только онѣ содержатся парами. Шея при этомъ такъ вытягивается, что голова лежитъ непосредственно на плечахъ, а перья содержатся въ беспорядкѣ. Для разнообразія та или другая такъ нахохливаетъ головныя перья, что голова кажется вдвое больше обыкновеннаго, и получаетъ очень серьезное выраженіе; иногда онѣ машутъ хвостомъ. Несмотря на эти движенія, гигантская алціона кажется лѣнливой, сердитой и сонной; но это только такъ ка-

жется. Кто хочетъ знать, какое имѣетъ передъ собой существо, долженъ наблюдать его спокойно движущіеся, хитро блестящіе глаза; по крайней мѣрѣ зритель приходитъ тогда къ убѣжденію, что эта птица все время разсматриваетъ все окружающее и замѣчаетъ все, что происходитъ.

Гигантская алціона показываетъ въ клѣткѣ такое-же знаніе времени, какъ и въ австралійскихъ кустарникахъ: она кричитъ обыкновенно на самомъ дѣлѣ только въ вышеупомянутое время. Впрочемъ, она обращаетъ вниманіе на особенныя происшествія, встрѣчаетъ, напримѣръ, крикомъ обращенное къ ней и понятное для нея привѣтствіе. Подружившись однажды тѣсно со своимъ хозяиномъ, она его привѣтствуетъ даже, если и не вызвана на это. Самыя ручныя гигантскія алціоны, которыхъ я видѣлъ, жили въ Дрезденскомъ зоологическомъ саду. Солиный покой, въ которомъ имъ было пріятно находиться, смѣнялся мгновенно самымъ оживленнымъ возбужденіемъ, когда приближался ихъ хозяинъ. «Какъ только я показываюсь», рассказывала мнѣ Шепфъ, «птицы встрѣчаютъ меня громкими криками; если я вхожу въ клѣтку, то онѣ летятъ мнѣ на плечи и на руки, и я долженъ отстранять ихъ силою, если хочу отъ нихъ освободиться, потому что добровольно онѣ меня не покидаютъ. Даже тогда, когда я хожу взадъ и впередъ передъ клѣткой, онѣ летятъ за мною, хотя я дѣлаю видъ, что не забочусь о нихъ». Для доказательства правдивости своего рассказа, Шепфъ свелъ меня къ этой клѣткѣ, и тутъ я самъ имѣлъ случай восхищаться прирученностью этихъ птицъ. Гигантскія алціоны живутъ въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ съ серебрястыми и ночными цаплями, султанскими курочками и ибисами, но, повидимому, мало заботятся о своихъ товарищахъ, и гораздо болѣе заняты только сами собою. Съ мелкими-же птичками онѣ busyлились съ трудомъ, такъ какъ кровожадность слишкомъ преобладаетъ въ нихъ. Несколько дружны птицы одной пары, настолько оказываются онѣ сварливыми, когда пробуждается ихъ кровожадность. Тогда каждая хочетъ быть первой. Онѣ злобно бросаются на живую мышъ, схватываютъ ее и быстро нѣсколько разъ подъ рядъ колотятъ ее о сучекъ; убитая подвергается такому-же обращенію. Затѣмъ обѣ хватаютъ жертву и нестолово теребятъ ее туда и сюда, нахохливаютъ головныя перья, и бросаютъ другъ на друга свирѣпыя взгляды, пока наконецъ одна изъ нихъ не завладѣетъ добычею, т. е. не спрячетъ ее въ своей глоткѣ отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій соперницы.

Насколько гигантскія алціоны жадны до животныхъ, покрытыхъ перьями, чешуей или волосами, можно замѣтить, если, хотя только издали, показать имъ таковыхъ. Повидимому, онѣ охотно довольствуются обыкновенно предлагаемыми имъ кусками мяса, и, судя по наружности, нельзя замѣтить, чтобы онѣ отъ этого страдали; но какъ только онѣ завидятъ одного изъ упомянутыхъ животныхъ, все ихъ существо совершенно измѣняется. Перья головы приподнимаются, глаза блестятъ свѣтлѣе, и хвостъ нѣсколько разъ подъ рядъ сильно встряхивается; затѣмъ гигантская алціона быстро бросается на желанную добычу, и какъ только она ее схватила, издаетъ громкій крикъ для выраженія своей радости, на который товарищъ ея всегда отвѣчаетъ. Въ высшей степени забавное зрѣлище наблюдается, если бросить птицамъ большую, живую змѣю. Гигантская алціона, не долго думая, нападаетъ на нее, схватываетъ ее съ такою-же жадностью, какъ и мышъ, и чтобы ее убить, поступаетъ съ ней такъ-же, какъ и съ мышью. Но живучесть жертвы причиняетъ ей затрудненія, и ликующій хохотъ превращается въ боевую пѣснь. Но все-таки, рано или поздно, она осиливаетъ свою жертву и съѣдаетъ ее, если не разомъ, то частями. Несмотря на то, что не въ состояніи этого доказать, я все-таки нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что гигантская алціона и съ болѣе мелкими ядо-

витыми змѣями такъ-же мало перемонится, какъ и со змѣями, лишенными яда. Я еще считаю долгомъ упомянуть, какъ достойное замѣчанія, что эти птицы обыкновенно совсѣмъ пренебрегаютъ рыбой. Это лѣсной охотникъ, а не рыболовъ, какъ его родственники того-же семейства, предпочитающіе жить около воды. Несмотря на это, нѣкоторыя привыкаютъ ѣсть и рыбу, которая, какъ сообщаетъ Гааке, составляетъ ежедневно главную часть пищи франкфуртскихъ гигантскихъ алціонъ.

Замѣчательно еще то, что эта птица размножается также и въ клѣткахъ. Плѣнники Берлинскаго зоологическаго сада нѣсколько разъ клали яйца и высиживали ихъ очень усердно, но все-таки не могли вырастить птенцовъ.

*
* *

Характерныя птицы для острововъ, лежащихъ между Азіей и Австраліей—**Райскія алціоны** (*Tanysiptera*), которые отличаются отъ древесныхъ алціонъ ступенчатымъ хвостомъ, съ двумя очень длинными и узкими срединными перьями, расширенными на концѣ въ видѣ лопатки. Виды этого рода, числомъ приблизительно около 12-ти, обнаруживаютъ нѣкоторое сходство между собой въ окраскѣ перьевъ, которая бываетъ сверху голубая, снизу бѣлая, и въ красномъ цвѣтѣ клюва. Райскія алціоны принадлежатъ къ самымъ красивымъ видамъ семейства.

Райская алціона (*Tanysiptera ga'atea*. Seidenliest. *Alcyon bleu*) одна изъ самыхъ великолѣпныхъ между ними. Ея верхняя часть головы, изгибъ крыльевъ и оба среднихъ пера хвоста—блестяще свѣтло-голубыя, а зашеекъ, перья плечъ, крылья и широкая линія надъ боковыми частями головы—темно-синевато-черныя; спина, надхвостье, вся нижняя часть тѣла, расширенные концы обоихъ среднихъ перьевъ и остальные перья хвоста—бѣлыя, послѣднія съ узкой свѣтло-голубой каймой. Клювъ ярко-кораллово-краснаго цвѣта. Эта птица, приблизительно величиной съ нашего средняго дятла, и какъ остальные виды этого рода, живетъ въ Новой Гвинее и на сосѣднихъ островахъ.

«Райская алціона», пишетъ Гааке, «была единственная птица, которую я встрѣтилъ на рѣкахъ Флей и Штрикландъ въ Новой Гвинее, отъ берега вверхъ до подножія большихъ Среднихъ горъ этого острова. Здѣсь она составляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ кустахъ высокихъ и печальныхъ дѣвственныхъ лѣсовъ. Она терпѣливо сидитъ, какъ другіе представители этого семейства, на выдающемся сучкѣ, обыкновенно отъ земли на разстояніи, не превышающемъ человѣческой роста, и высматриваетъ летящихъ мимо насѣкомыхъ, нисколько, повидимому, не обращая вниманія на живущихъ въ ея опереніи и питающихся ея кровью кровососокъ, которыя также иногда летаютъ. Райская алціона даетъ подойти на разстояніе немногихъ шаговъ; я не помню, чтобы хоть одна изъ нихъ спаслась когда-либо отъ моего ружья. Подстрѣленная сильно защищалась и чувствительно клевала мнѣ пальцы. Я никогда не видалъ райскую алціону на берегахъ рѣки, а только въ глубинѣ дѣвственныхъ лѣсовъ, и всегда—только какъ одиночную птицу. Птенцы имѣютъ не бросающееся въ глаза, мраморно-бурое опереніе, съ едва удлиненными средними перьями хвоста; къ сожалѣнію, я гнѣздъ не находилъ».

Плоскоклювыя (*Todidae*. *Plattschnäbler*. *Tordiers*), благодаря строенію своего клюва, принадлежатъ къ самымъ замѣчательнымъ изъ извѣстныхъ намъ птицъ. Семейство это включаетъ въ себѣ единственный родъ, который насчитываетъ не больше пяти видовъ; область распространенія ихъ ограничивается только западной Индіей.

Плоскоклювы (*Todus. Plattschnäbler. Tordier*) маленькія, деликатно сложенные, съ плоскимъ клювомъ, короткокрылыя и короткохвостыя птички. Клювъ средней длины и такъ сплюсненъ, что, строго говоря, онъ состоитъ только изъ двухъ тонкихъ тупыхъ пластинокъ, такъ какъ спинка верхней челюсти едва замѣтна. Если смотрѣть на клювъ сверху, онъ является длинно вытянутымъ, спереди срѣзаннымъ треугольникомъ. Кончикъ верхней челюсти прямой, т. е. не согнутый книзу, нижняя челюсть тупо обрѣзана; края снаружи съ мелкими зубцами; ротовая щель простирается до глазъ. Ноги красивыя и ихъ плюсна едва превосходить длиной средней палець; пальцы, которые не связаны между собой соединительной кожей, необыкновенно тонки и длинны, коготки короткіе, тонкіе, довольно сильно загнутые и острые. Въ коротко округленныхъ крыльяхъ, четвертое, пятое и шестое маховыя перья превосходятъ длину остальныхъ. Хвостъ средней длины, широкій и неглубоко вырѣзанный. Опереніе, которое бываетъ одинаково красиво у обоихъ половъ, состоитъ изъ мягкихъ, гладко прилегающихъ перьевъ; у основанія клюва торчатъ щетинки. Языкъ при основаніи мясистый, въ остальной-же части похожъ на роговую пластинку и прозрачный, «совершенно, какъ кусокъ стержня пера.»

У **Тоди** (*Todus viridis. Todi. Tordier vert*) всѣ верхнія части тѣла, включая бока головы и шею, также и хвостъ, равно какъ и наружныя части опахала черныхъ маховыхъ перьевъ — окрашены въ великолѣпно-блестящій зеленый цвѣтъ, а на нижнемъ краю глазъ имѣется очень узкая красная кайма. Перья подбородка и горла — ярко-пунцово-краснаго цвѣта, а на концѣ окаймлены весьма узкой полосой серебристо-бѣлаго цвѣта; все горловое пятно окаймлено по бокамъ продолговатой, сначала бѣлой, въ нижней-же половинѣ нѣжно-сѣро-голубой полоской, которая начинается отъ ротового угла; снизу-же пятно ограничено другимъ бѣлымъ пятномъ. Бока зоба и груди — зеленоватые, бока бедеръ, нижнія покровныя перья хвоста — блѣдно-желтоватыя; грудь и середина живота — желтовато-бѣлыя, наконецъ нѣсколько перьевъ, образующихъ лучекъ по сторонамъ брюшка, на концѣ — нѣжнаго розово-краснаго цвѣта. Глаза блѣдно-сѣрые, клювъ ротового красноватаго цвѣта, нижняя челюсть желтоватая, ноги буро-красныя или цвѣта мяса. Длина птицы 12 см., размахъ крыльевъ 17, длина крыла 4,5, а хвоста 3,8 см. Область распространенія ограничивается островомъ Ямайкой.

На островѣ Кубѣ вышеописанный видъ замѣщается **Пестрымъ Тоди** (*Todus multicolor* и *portoricensis. Bunttodi. Tordier multicolore*). Эта птица по росту и окраскѣ въ главныхъ чертахъ походитъ на тоди, но отличается отъ него тѣмъ, что продолговатая полоска, которая ограничиваетъ по сторонамъ красное горловое пятно, книзу переходитъ изъ бѣлаго въ зелено-голубой цвѣтъ, и такимъ образомъ на бокахъ шеи образуется ясное голубое пятно.

Относительно образа жизни этихъ чрезвычайно красивыхъ и замѣчательныхъ птицъ мы до настоящаго времени имѣемъ очень мало свѣдѣній, и познакомились съ ними только благодаря Гессе и Гундлаху. Всѣ виды по поведенію и повадкамъ, нравамъ и привычкамъ такъ совершенно сходны между собой, что извѣстное или предполагаемое про одинъ видъ, можно также отнести и къ другому. Несмотря на это, и хочу предоставить Гессе описаніе перваго упомянутаго плоскоклюва, а Гундлаху — послѣдняго.

«Во всѣхъ мѣстностяхъ Ямайки, которыя я объѣхалъ», говоритъ Гессе, «тоди

оказывается очень обыкновенной птицей. Онъ встрѣчается вездѣ на вершинахъ Блюфильдскихъ горъ, на высотѣ приблизительно 1000 м. и особенно тамъ, гдѣ почти непроходимыя чащи покрываютъ землю. Его блестящее, зеленое одѣяніе и бархатисто-красное горло скоро привлекаютъ къ нему вниманіе, и онъ позволяетъ каждому приблизиться къ себѣ, такъ какъ это необыкновенно ручная птичка, хотя, какъ

Тоди. *Todus viridis*. Част. вел.

кажется, скорѣе по своему равнодушію, чѣмъ по большой довѣрчивости. Если его спугнуть, то онъ летитъ въ крайнемъ случаѣ не далѣе слѣдующаго сучка. Мы его очень часто ловили нашими сѣтками для насѣкомыхъ, или сбивали его на землю палкой; даже очень нерѣдко мальчики схватывали его рукой. Вслѣдствіе этой довѣрчивости онъ вообще очень любимъ и получилъ массу лѣтивныхъ названій.

«Я никогда не видалъ плоскоклюва на землѣ. Онъ прыгаетъ между вѣтками и листьями, ищетъ здѣсь маленькихъ насѣкомыхъ, и при случаѣ издаетъ свой жалобный или шипящій крикъ. Еще чаще его можно видѣть сидящимъ спокойно на сучкѣ съ вытянутой головой, клювомъ, направленнымъ кверху, и съ нахохленными перьями, вслѣдствіе чего онъ кажется гораздо больше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ; въ

такимъ положеніи онъ кажется до крайности глупымъ; но это болѣе кажется, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, такъ какъ если наблюдать его вблизи, скоро замѣчаешь, что его свѣтло-блестящіе глаза поворачиваются то туда, то сюда, и что отъ времени до времени онъ не надолго взлетаетъ, схватываетъ что-то въ воздухъ и возвращается опять на свой сучекъ, чтобы здѣсь проглотить пойманное. Ему не хватаетъ силъ летать за насѣкомыми; но онъ ждетъ до тѣхъ поръ, пока они не влетятъ въ предѣлы извѣстной области, и тогда онъ безъ промаха ловить ихъ. Я никогда не видалъ, чтобы плоскоклювъ питался растительною пищею, хотя мнѣ иногда и случалось находить въ его желудкѣ маленькія сѣмена между жуками и перепончатокрылыми. Одинъ тоди, жившій у меня въ клѣткѣ, съ неразумной жадностью хваталъ червей, сильно колотилъ ихъ о жердочки, чтобы раздѣлить ихъ на куски, и затѣмъ глоталъ ихъ; другой, котораго я поймалъ сѣткою и пустилъ свободно летать по комнатѣ, тотчасъ-же началъ охотиться за мухами и другими маленькими насѣкомыми, и продолжалъ это занятіе съ такимъ-же терпѣніемъ, какъ и усѣхомъ, съ ранняго утра до сумерекъ. Съ угла стола, съ косо натянутыхъ веревокъ, или съ карнизовъ онъ иногда взлеталъ на воздухъ и послѣ того, какъ шелканіе его клюва возвѣщало о поимкѣ добычи, возвращался опять назадъ на свое мѣсто. Онъ осматривалъ всѣ углы и закоулки, заглядывалъ даже подъ столы, съ намѣреніемъ вытащить маленькихъ паучковъ изъ ихъ паутинь. Такую-же добычу онъ собиралъ съ потолка и со стѣнъ, и всегда находилъ что-нибудь. По моему расчету плоскоклювъ этотъ каждую минуту ловилъ что-нибудь; и это можетъ дать понятіе о необыкновенномъ количествѣ насѣкомыхъ, которыхъ онъ истребляетъ. Въ комнатѣ, въ которой онъ жилъ, стояла вода въ чашкѣ; но я никогда не видалъ, чтобы онъ пилъ, несмотря на то, что онъ иногда садился на край этой чашки; онъ даже и тогда не пилъ, когда всовывалъ свой клювъ въ воду. Насколько онъ усердно отдавался своимъ собственнымъ занятіямъ, настолько онъ мало заботился о нашемъ присутствіи; иногда онъ добровольно садился намъ на голову, на плечи или на пальцы, и, сидя такимъ образомъ, позволялъ накрывать себя другой рукой или снимать несмотря на то, что это ему казалось неприятнымъ, потому что онъ упирался и старался освободиться. Казалось, что онъ легко переносилъ неволю, но, къ сожалѣнію, онъ погибъ вслѣдствіе несчастнаго случая.

«Въ Ямайкѣ не привыкли приручать туземныхъ птицъ, иначе плоскоклювъ уже давно-бы сдѣлался любимую комнатною птицею. Впрочемъ, и при жизни на свободѣ онъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе даже самаго равнодушнаго человѣка, и каждый европеецъ радуется, какъ только его завидитъ. Когда онъ сидитъ между зелеными листьями, его едва можно отличить отъ послѣднихъ, такъ какъ онъ самъ похожъ на листокъ; но какъ только онъ измѣняетъ свое положеніе и поворачиваетъ свое горлышко къ солнцу, оно блеститъ, какъ горящій уголь, особенно тогда, когда птица его раздуваетъ».

«Плоскоклювъ гнѣздится въ земляныхъ норахъ, какъ и зимородки; мнѣ показывали такія норы, но самъ я никогда не могъ изслѣдовать гнѣзда и яицъ, и поэтому долженъ здѣсь передать наблюденія моего друга Гилля. Послѣ нѣсколькихъ сообщеній на счетъ своеобразнаго вида этой птицы, Гилль рассказываетъ, что при помощи своего клюва и своихъ ногъ, онъ выкапываетъ себѣ пору въ вертикальныхъ обвалахъ земли. Эта пора вначалѣ извивается и простирается приблизительно на 20 или 30 ст. въ глубину, а сзади расширяется въ углубленіе, имѣющее форму хлѣбной печки, которая довольно аккуратно выложена корешками, сухимъ мхомъ или растительными волокнами. Кладка состоитъ изъ 4 или 5 сѣрыхъ яицъ, съ бурными пятнышками. Птенцы остаются въ норѣ, пока не оперятся».

«Пестрый тоди живеть», говоритъ Гундлахъ, «въ лѣсахъ и кустахъ, особенно на отлогихъ мѣстахъ; на такихъ мѣстахъ онъ очень обыкновененъ; его не всегда легко замѣтить, когда онъ сидитъ смирно, если только не услышишь его крикъ и не пойдешь по этому направлеию и такимъ образомъ не найдешь птицы. Этотъ крикъ, за который птица и получила свое названіе, звучитъ какъ «то то то»; кромѣ того, когда птичка перелетитъ съ сучка на сучекъ, слышится еще странный шумъ, происходящій, вѣроятно, отъ полета, и похожій на урчаніе въ животѣ, почему тоди получилъ названіе Pedogrego (пердунъ). Эта миленькая птичка никогда не прыгаетъ на манеръ пѣвчей птицы, но всегда сидитъ, вытянувши кверху клювъ и высматриваетъ насѣкомыхъ, которыхъ оно тогда схватываетъ на лету. Тоди нисколько не пугливъ, и поэтому можно къ нему подойти на близкое растояніе, и даже поймать его сѣткой для бабочекъ. Онъ никогда не измѣняетъ своего положенія, и всегда садится на горизонтальный сучекъ, или-же на вьющееся растеніе, выставляетъ боковыя перья въ видѣ подпорокъ для крыльевъ и иногда киваетъ головкой. Онъ ловитъ мухъ, какъ мухоловки. Его нельзя держать въ маленькой клѣткѣ, но необходима большая, украшенная зелеными деревьями. Но и здѣсь онъ выживаетъ только короткое время».

На счетъ гнѣздованія, благодаря Гундлаху, мы имѣемъ самыя вѣрныя свѣдѣнія. Весной, а именно въ маѣ, птичка начинаетъ строить свое гнѣздо. Гундлахъ видѣлъ, какъ одна изъ этихъ птичекъ летала къ земляной стѣнѣ въ лощинѣ, и работала клювомъ при выкапываніи норы. Приблизительно послѣ двухъ недѣль онъ нашелъ гнѣздо оконченнымъ. Нора простиралась приблизительно на 10 ст. глубины по прямой линіи внутрь, потомъ поворачивалась и расширялась для помѣщенія собственно гнѣзда. Въ одномъ гнѣздѣ находилось 3 яйца, въ другомъ 4, чисто-бѣлаго цвѣта и имѣющихъ 16 мм. длины и 13 ширины. Впрочемъ, по недостатку удобнаго мѣста, плоскоклювы гнѣздятся также и въ дуплахъ деревьевъ: это сообщаетъ Гундлахъ согласно съ Госсе. Гилль имѣлъ весьма удобный случай наблюдать размноженіе этой птицы. Парочка тоди выбрала себѣ для гнѣздованія очень странное мѣсто, а именно ящикъ, предназначенный для сѣянія сѣмянъ и наполненный землей; отверстіе, образованное вынавшимъ сучкомъ въ одной изъ стѣнъ этого ящика, вѣроятно опредѣлило этотъ выборъ; это отверстіе служило входомъ въ нору, которая была вырыта внутри ящика, т. е. въ наполнявшей его землѣ. Несмотря на то, что птички привлекали на себя вниманіе и ихъ часто беспокоили, онѣ все-таки продолжали свое занятіе безъ всякаго стѣсненія и счастливо выростили птенцовъ. Онѣ, повидимому, очень старались скрывать отъ человѣка мѣстонахожденіе ихъ гнѣзда, для чего выскальзывали и проскальзывали въ гнѣздо всегда въ такой моментъ, когда вниманіе наблюдателя было чѣмъ-нибудь отвлечено отъ нихъ. Когда семья вылетѣла, то подробно изслѣдовали ящикъ и нашли въ его землѣ многократно извитый ходъ, шедшій до середины и превращавшійся здѣсь въ нору для гнѣзда.

Ближайшіе родственники плоскоклювовъ, которыхъ мы называемъ **Пилоракшами** (Ptilonitidae), причисляются нами къ той же группѣ, какъ особенное семейство. Онѣ похожи на сивоворонокъ, а еще больше на зимородковъ. Клювъ ихъ слабо согнутъ, довольно остръ, безъ конечнаго крючка, сжатый съ боковъ и на обоихъ краяхъ челюстей съ болѣе или менѣе правильными зубцами. Лишенные гибкости, но не очень длинныя, щетинистыя перышки окружаютъ края ротового отверстія. Крылья довольно короткія и нѣсколько закругленныя; въ

нихъ четвертое и пятое маховыя перья самыя длинныя. Сильный и клиновидный хвостъ состоитъ у нѣкоторыхъ видовъ изъ 10, у другихъ-же изъ 12 перьевъ, которыя имѣютъ попарно одинаковую длину. Среднія перья превосходятъ длину остальныхъ, но обыкновенно, частью на концѣ, частью на нѣкоторомъ разстояніи отъ него обтрепаны. Опереніе мягкое, густое, крупноперое, и въ глубокихъ частяхъ очень пушистое, у обоихъ половъ одинаково окрашено; возрастныя измѣненія едва замѣтны. Внутренняя организація представляетъ много особенностей. Скелетъ состоитъ изъ 13-ти шейныхъ, 8-ми спинныхъ и 8-ми хвостовыхъ позвонковъ; грудная кость короткая и широкая; дужка не соединяется съ гребнемъ грудины; ключицы и лопатки длинныя, но тонкія и узкія. Изъ внутреннихъ органовъ языкъ представляетъ извѣстное сходство съ языкомъ перцеяда, хотя онъ не такъ длиненъ, какъ у послѣдняго, и хотя подъязычная кость очень маленькая. Онъ оканчивается плоскимъ расширеніемъ, роговиднымъ, перисто-рассученнымъ, съ двумя глубокими расщепами, имѣетъ форму широкаго ланцета, и выполняетъ почти всю нижнюю челюсть клюва.

Пилоракиши, изъ которыхъ извѣстны 17 видовъ, южно-американскія лѣсные птицы, которыя всюду встрѣчаются, но не появляются нигдѣ въ значительномъ числѣ, а скорѣе живутъ въ одиночку или парами, и обыкновенно держатся далеко отъ жилищъ человѣка. Онѣ сидятъ неподвижно на низкомъ сучкѣ, охотно по близости маленькихъ рѣчекъ, и отсюда высматриваютъ добычу. Онѣ кажутся глухими и дерзкими, и спокойно дозволяютъ человѣку приблизиться къ себѣ. Даже опытъ не научаетъ ихъ и даже тамъ, гдѣ ихъ преслѣдуютъ изъ за ихъ красиваго оперенія, онѣ такъ мало пугливы, что въ Костаикѣ народный голосъ называетъ ихъ глухими птицами. Онѣ не могутъ пѣть, но въ высшей степени крикливы. Утромъ и вечеромъ слышится ихъ крикъ, который похожъ на простое свистаніе на флейтѣ. Онѣ ѣдятъ насѣкомыхъ, которыхъ преимущественно отыскиваютъ на землѣ. Нѣкоторые путешественники утверждаютъ, что онѣ ловятъ насѣкомыхъ на лету, а другіе это отрицаютъ. Кромѣ насѣкомыхъ, которыя, вѣроятно, составляютъ ихъ главную пищу, онѣ хватаютъ также и мелкихъ позвоночныхъ, совершенно такъ, какъ наши сивоворонки. Особенно онѣ охотно ѣдятъ пресмыкающихся, но питаются также и плодами. Въ неволѣ онѣ питаются смѣсью изъ хлѣба, говядины и различныхъ растительныхъ веществъ, но требуютъ разнообразія, и съ жадностью бросаются на мышей, птичекъ, ящерицъ, маленькихъ змѣй, и т. п., хватаютъ такого рода жертву клювомъ и сначала сильно колотятъ ее о полъ, чтобы убить, а потомъ сѣдаютъ, размельчая ее. Въ мѣсяцахъ, соответствующихъ нашей веснѣ, онѣ кладутъ въ норы 3—4 матовыхъ молочнаго цвѣта яицъ.

* * *

Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ видовъ этого семейства **Момотъ, Хуту** туземцевъ. (*Prionites brasiliensis* и *momota*, *Rhamphastus momota*, *Baryphonus cyanocephalus* Momot). Край лба, уздечка и область глаза, какъ и круглое пятно на темени—черныя; край лба спереди небесно-голубого, сзади-же темно-ультрамариноваго цвѣта; пятно на ухѣ сверху и снизу окаймлено узкой голубой полоской; зашеекъ и нижняя часть тѣла зеленые, съ ржаво-коричневымъ оттѣнкомъ; красно-бурыя перья затылка составляютъ поперечное пятно; нѣсколько удлинненныхъ, широкихъ, черныхъ перьевъ на серединѣ горла окаймлены узкой небесно-голубого цвѣта полоской; спина, крылья и хвостъ—темно-зеленыя; маховыя перья внутри—черныя; большія маховыя перья снаружи—зеленовато-голубыя; перья хвоста на концѣ съ широкой темно-синей каймой; оба среднихъ пера въ своей широкой, выдающейся ко-

Момоть. *Prionites brasiliensis*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

нечной части съ болѣе яркой каймой и чернымъ краемъ на концѣ. Глаза красно-бурые, клювъ черный, ноги буровато-сѣраго рогового цвѣта. Длина птицы 50 см., длина крыла 17, длина хвоста 28 см.

По словамъ Бурмейстера, момоть населяетъ лѣсистыя области сѣверной части Бразиліи и здѣсь общеизвѣстенъ. Шомбургкъ находилъ его часто въ Гвианѣ, и имѣлъ случай долго наблюдать его. «Уже до восхода солнца», говоритъ онъ, «раздается изъ дремучаго, первобытнаго лѣса жалобный и печальный, но при этомъ отчетливый «гуту гуту» момота и извѣщаетъ дремлющую природу о наступленіи дня. Эта замѣчательная птица избѣгаетъ каждаго свѣтлаго мѣста въ первобытномъ лѣсу и никогда не долетаетъ до его опушки, хотя момоть нисколько не пугливъ. Онъ дозволяетъ каждому наблюдателю подойти вплоть къ себѣ, прежде нежели слетитъ на одинъ изъ нижнихъ сучковъ, составляющихъ его излюбленныя мѣста сидѣнія. Какъ только онъ усѣлся, то издаетъ свой грустный «гуту гуту», при первомъ звукѣ поднимая хвостъ къверху, и опять опуская его при второмъ. Эти движенія очень похожи на движенія нашей трясогузки, которой только не достаетъ серьезности и размѣренности пилоракши.

«Такъ какъ уже во время моего перваго короткаго сожительства съ коренными жителями Гвианы, оказалось несомнѣннымъ, что по всѣмъ вопросамъ, касающимся образа жизни животныхъ, лучше всего обращаться къ туземцамъ, то я и теперь спросилъ дружественнаго намъ родоначальника Кабарелли, почему хвостовыя перья момота не устроены такъ, какъ у другихъ птицъ. «Человѣкъ съ другой стороны большого моря, завтра

наго намъ родоначальника Кабарелли, почему хвостовыя перья момота не устроены такъ, какъ у другихъ птицъ. «Человѣкъ съ другой стороны большого моря, завтра

ты увидишь это!» отвѣчалъ онъ. На слѣдующее утро онъ повелъ меня въ лѣсъ. Такъ какъ періодъ размноженія какъ разъ насталъ, то опытный Кабарелли скоро нашелъ гнѣздо съ высиживающей птицей, пригласилъ меня укрыться за близко стоящимъ деревомъ и стоять смирно.

«Для постройки гнѣзда мототъ отыскиваетъ круглое или яйцевидное углубленіе, на склонѣ холма или на другой возвышенности. Самецъ и самка правильно смѣняють другъ друга при высиживаніи, но какъ ни умѣренна и ни серьезна эта птица во всѣхъ своихъ движеніяхъ, все-таки-же время сидѣнья на гнѣздѣ кажется ей довольно долгимъ и, просидѣвъ на яйцахъ смирно едва 3—4 минуты она начинаетъ вертѣться кругомъ, затѣмъ опять успокаивается на время, и потомъ вновь начинаетъ свои повороты. Вслѣдствіе этого постоянного движенія и вертлявости бородки обоихъ длинныхъ хвостовыхъ перьевъ путаются и стираются о края углубленія. Едва только подлетитъ смѣняющей ее супругъ, какъ освобожденная птица, заботящаяся больше всего о чистотѣ и красотѣ своего оперенія, летитъ на ближайшій сучекъ, чтобы опять привести въ порядокъ запутанныя бородки; но это ей, конечно, удастся большею частью только при полномъ уничтоженіи самихъ бородокъ. Вслѣдствіе этого и замѣчается то пустое пространство, которое подало поводъ къ столь многимъ предположеніямъ, и которое каждый разъ указываетъ на возрастъ птицы, смотря по своей большей или меньшей длинѣ. У совсемъ старыхъ птицъ это голое мѣсто ствола простирается до самаго конца, въ то время, какъ молодая, годовая птица, еще не высиживавшая, имѣетъ на всемъ протяженіи неповрежденныя и невытертыя опахала».

Какъ ни мало достовѣрнымъ кажется мнѣ это сообщеніе Шомбургка, оно все-таки въ главныхъ чертахъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Въ новѣйшее время Сальвина подтверждаетъ сообщеніе названнаго путешественника, по наблюденіямъ надъ плѣнными птицами, а также и Барглетъ увѣряетъ, что видѣлъ, какъ мототъ откусывалъ опахала среднихъ перьевъ хвоста. Послѣдній собралъ даже остатки опахала въ клѣткѣ наблюдаемой птицы. Разрушеніе хвостовыхъ перьевъ окончилось только тогда, когда клювъ мотота, какъ это нерѣдко случается у пойманныхъ птицъ, потерялъ свой первоначальный видъ. Но даже послѣ сообщеній Сальвина и Барглетта причина этого страннаго явленія остается загадочной.

На счетъ самаго высиживанія Овенъ сообщаетъ наблюденія надъ родственнымъ видомъ. Эта птица кладетъ 4 чисто-бѣлыхъ яйца на еще лишенное подстилки дно своей норы, высиживаетъ ихъ усердно, и также, кусаясь, защищаетъ ихъ отъ каждаго нарушителя его спокойствія, но на разрушеніе гнѣзда внимательно, хотя вполнѣ равнодушно смотритъ съ ближайшаго сучка.

Жизнь пилоракшъ въ неволѣ извѣстна намъ по наблюденіямъ и описаніямъ Азары, у котораго были три такихъ птицы, которыхъ онъ пустилъ свободно бѣгать по дому. Онъ говоритъ, что онѣ были пугливы и недовѣрчивы, хотя и любознательны. Плѣнники были неуклюжи и тяжеловаты во всѣхъ своихъ движеніяхъ, впрочемъ, довольно красиво кивали головой сверху внизъ, или двигали ее со стороны въ сторону. Они прыгали скоро, прямо и вкось съ растопыренными ногами, какъ перцеяды. Они только тогда спускались съ своего мѣста, когда хотѣли ѣсть, и желаніе это они выражали часто повторяемымъ «ху» или «ту». Эти птицы ѣли хлѣбъ, а еще охотнѣе сырое мясо, которое онѣ нѣсколько разъ ударили о землю, прежде чѣмъ проглотить, какъ будто желая сначала убить схваченную добычу. Маленькія птички, которыхъ онѣ долго преслѣдовали, и наконецъ убивали такимъ же образомъ, были имъ очень по вкусу. Онѣ также преслѣдовали мышей, но не трогали большихъ птицъ. Иногда онѣ также ѣли арбузы и апельсины, но

не любили кукурузы. Слишкомъ большіе куски онѣ не принимали и никогда не схватывали кормъ когтями. Въ новѣйшее время иногда и въ наши клѣтки попадаетъ живая пиларакша, но все-таки принадлежитъ еще къ самымъ рѣдкимъ животнымъ въ зоологическихъ садахъ.

Семейство бананоѣдовъ и кукушекъ Фюрбрингеръ соединяетъ въ группу **Кукушиновыхъ** (*Coccyges*), которое можетъ составить особенный подотрядъ древесныхъ птицъ (*Coccygiformes*).

Изъ всего подотряда только однѣ **Кукуши** (*Cuculidae*. Kuckucke. Coucou) имѣютъ одного представителя въ нашихъ странахъ; все семейство раздѣляется на 4 подсемейства.

Дрезесныя или **Настоящія Кукуши** (*Cuculinae*. Baumkuckucke), которыя составляютъ первое подсемейство, отличаются слегка согнутымъ, обыкновенно довольно тонкимъ и расширеннымъ у основанія клювомъ, одинаковой длины съ головой; короткими или иногда средней длины, парнопальными ногами, длинными, узкими и острыми крыльями, въ которыхъ третье маховое перо обыкновенно самое длинное; длиннымъ, округленнымъ или клиновиднымъ, заостреннымъ, десятиперымъ хвостомъ, и наконецъ густымъ, хотя не особенно крупноперымъ опереніемъ, сидящемъ въ кожѣ довольно слабо. Относительно окраски, полы обыкновенно мало отличаются другъ отъ друга, но молодые замѣтно отличаются отъ старыхъ.

По изслѣдованіямъ Питша, внутреннее строеніе нашей кукушки отличается слѣдующими главными признаками. Позвоночный столбъ состоитъ изъ 12-ти шейныхъ, 7-ми спинныхъ и 7 хвостовыхъ позвонковъ. Изъ 7-ми паръ реберъ, 5 паръ имѣютъ реберные отростки; заднія части грудной кости отогнуты кнаружи, дужка соединяется настоящимъ суставомъ съ гребнемъ грудной кости; добавочныхъ лопатокъ нѣтъ; тазъ короткій. За исключеніемъ бедренныхъ костей, всѣ остальные пневматичны. Роговой языкъ средней длины, довольно равномерной ширины и острый по краямъ и спереди; пищеводъ широкій и лишенъ зоба; передній желудокъ усаженъ множествомъ слизистыхъ железъ; перепончатый желудокъ способенъ къ значительному расширенію, обѣ лопасти печени разной величины; селезенка чрезвычайно мала.

Виды этого семейства, приблизительно числомъ около 80, распространены по Старому Свѣту и Австраліи. Они особенно многочисленны въ Индіи и Африкѣ, на сѣверѣ-же живетъ всего одинъ видъ. Всѣ, безъ исключенія, живутъ въ лѣсахъ, и отдаляются отъ лѣсистыхъ мѣстностей только по временамъ. Они встрѣчаются всюду, гдѣ только существуетъ лѣсъ: безлѣсныхъ же пространствъ они, напротивъ, совершенно избѣгаютъ. Сѣверные виды странствуютъ, южные-же въ крайнемъ случаѣ перелетаютъ съ мѣста на мѣсто въ извѣстномъ районѣ. Это безпкойныя, буйныя, живыя и пугливыя птицы, которыя избѣгаютъ общества себѣ подобныхъ и вообще не любятъ имѣть общенія съ другими птицами. Онѣ быстро пролетаютъ довольно большую область, изслѣдуютъ деревья, слетаютъ съ нихъ на подмѣченную добычу даже до земли, но, впрочемъ, никогда не садятся на нее; такимъ образомъ перелетая, онѣ кочуютъ съ мѣста на мѣсто въ своей области, поѣдая добычу и крича. Пицца ихъ состоитъ почти исключительно изъ насѣкомыхъ и особенно изъ ихъ личинокъ, но преимущественно изъ мохнатыхъ гусеницъ, которыми пренебрегаютъ остальные птицы. Волоски этихъ гусеницъ при пищевареніи такъ крѣпко втыкаются въ стѣн-

ки желудка, что послѣднія кажутся волосатыми, что и дало поводъ къ ложнымъ заключеніямъ. Про крупныя виды этого семейства говорятъ, что они не пренебрегаютъ мелкими позвоночными, напримѣръ ящерицами, и всѣ они, можетъ быть не совсѣмъ напрасно, считаются грабителями гнѣздъ, при чемъ не только уносятъ яйца, но и съѣдаютъ ихъ. Такая въ нѣкоторой степени замѣчательная разбойничья привычка объясняется способомъ размноженія кукушекъ. Всѣ виды подсемейства не только не занимаются сами высиживаніемъ своихъ яицъ, но навязываютъ уходъ за своимъ потомствомъ другимъ птицамъ, кладя свои яйца въ ихъ гнѣзда. При этомъ кукушки обыкновенно вынимаютъ одно яйцо изъ гнѣзда избранныхъ приемныхъ родителей и часто при случаѣ и съѣдаютъ его. Этотъ фактъ часто отрицали, но онъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, вслѣдствіе многихъ имѣющихся наблюденій. Относительно причины, почему кукушка не высиживаетъ сама яицъ, заявляли и пытались доказать весьма различныя мнѣнія, но до сихъ поръ не могли найти ни одной убѣдительной причины.

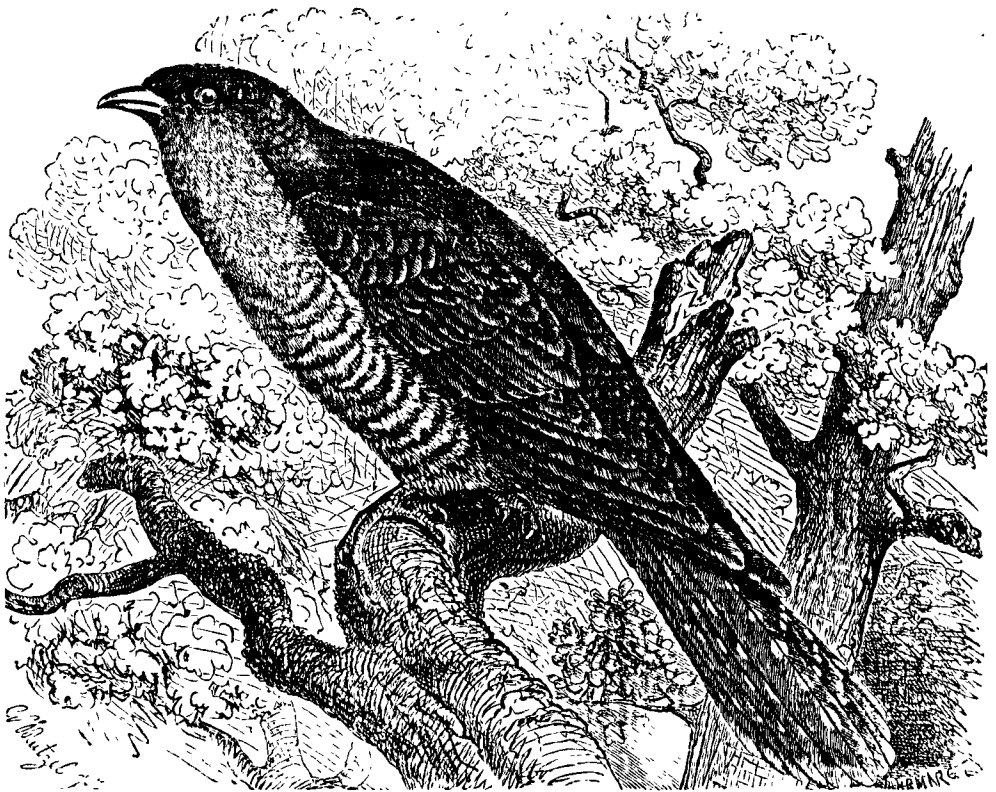
Для многихъ подлежитъ сомнѣнію, должны-ли мы смотрѣть на кукушекъ, какъ на полезныхъ или какъ на вредныхъ птицъ. Онѣ безспорно оказываютъ большія услуги, поѣдая волосатыхъ гусеницъ, не подверженныхъ нападенію другихъ птицъ; но также несомнѣнно, что онѣ причиняютъ нѣкоторый вредъ подкладываніемъ своихъ яицъ, такъ какъ воспитаніе молодой кукушки у тѣхъ видовъ, которые кладутъ свои яйца въ гнѣзда болѣе маленькихъ птицъ, всегда ведетъ за собою гибель семейства своихъ воспитателей. Конечно на это можно возразить, что одна кукушка больше истребитъ насѣкомыхъ, чѣмъ 5 или 6 маленькихъ пѣвчихъ птичекъ, и такимъ образомъ будетъ справедливѣе, если мы будемъ покровительствовать кукушкамъ.

* *

Наша Кукушка (*Cuculus canorus, cinereus, vulgaris, hepaticus, leptodetus, rufus, borealis, indicus, telephonus, gularis, lineatus*. Куккук. Coucou) отличается стройнымъ тѣломъ, маленькимъ, слабымъ, слегка загнутымъ клювомъ, длинными острыми крыльями, очень длиннымъ, округленнымъ хвостомъ, короткими, частью покрытыми перьями ногами, и довольно мягкимъ, темнымъ опереніемъ. Самецъ на верхней сторонѣ тѣла пепельно-голубой или темно-сѣрый; на нижней сторонѣ тѣла сѣро-бѣлый, съ черноватыми, поперечными волнистыми полосками; горло, щеки, зобъ и бока шеи, внизъ до груди, чисто-пепельныя; маховыя перья свинцово-черныя, рулевыя перья черныя съ бѣлыми пятнышками. Глаза ярко-желтые, клювъ черныи, желтоватый при основаніи; ноги желтыя. Старая самка похожа на самца, но имѣетъ на затылкѣ и на бокахъ нижней части шеи мало замѣтныя красноватыя линіи. Молодыя птицы имѣютъ сверху и снизу поперечныя волны. Молодыя самки на верхней частитѣла имѣютъ иногда въ южныхъ странахъ рѣзко выдѣляющіяся черныя поперечныя полоски по ржаво-бурому фону. Длина птицы 37 см., размахъ крыльевъ 64, ширина 19, длина хвоста 17 см. Самка на 2—3 см. короче и уже.

Въ Европѣ, Азіи и Африкѣ мало мѣстностей или странъ, въ которыхъ-бы не встрѣчались кукушки. Какъ гнѣздящая птица, она населяетъ сѣверъ Стараго Свѣта, отъ Китая и Приамурскаго края, до береговъ Португаліи, и отъ Нордкапа до Сиріи, Палестины и Алжира, или до Средне-азиатскихъ степей и горъ, а также и до Персіи. Отсюда она странствуетъ на югъ; изъ Сибири черезъ Китай и всю Индію до Зондскихъ острововъ и до Цейлона, а изъ Европы до Южной Африки. Во всѣхъ странахъ Восточнаго Судана, по которымъ я путешествовалъ, я видѣлъ кукушекъ, но нигдѣ не видалъ, чтобы онѣ располагались на нѣкоторое время на зимнихъ квартирахъ. Кабанисъ, разумѣется, считаетъ живущихъ въ Си-

бири и убитыхъ въ средней и южной Африкѣ кукушекъ, за особенные виды; но я все-таки долженъ сказать, опираясь на мои собственные наблюденія надъ жизнью этихъ птицъ, что въ обоихъ случаяхъ я другого мнѣнія. Для меня не подлежитъ никакому сомнѣнью, что кукушка Западной Сибири не отличается отъ нашей. Я также не думаю, чтобы въ южной Нубіи убивали когда-нибудь другую кукушку, а не нашу; я долженъ смотрѣть на экземпляры, привезенные въ нашу коллекцію изъ южной Африки, какъ на здѣшнюю кукушку. Не должно удивляться, что такой прекрасный летунъ, какъ кукушка, пролетаетъ столь-же большія

Кукушка. *Cuculus canorus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

пространства, какъ и другія перелетныя птицы, далеко не такъ хорошо одаренныя летательными способностями. По моимъ и всѣмъ остальнымъ наблюденіямъ, кукушка путешествуетъ скоро, по крайней мѣрѣ она вовсе не показывается значительно раньше въ сѣверной Африкѣ или Сириі, а также и въ южной Европѣ, чѣмъ въ Германію, и замедляетъ уже ближе къ сѣверу, по легко понятнымъ причинамъ, свое дальнѣйшее путешествіе. Въ средней Германіи она обыкновенно показывается въ серединѣ апрѣля: «18-го она прилетитъ, 19-го она должна быть на мѣстѣ», говорится въ народѣ. Въ исключительныхъ случаяхъ она появляется также еще раньше, а, смотря по обстоятельствамъ, уже въ началѣ этого мѣсяца, одинаково при благоприятной или неблагоприятной погодѣ. Такъ, Шахтъ, во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный наблюдатель, въ 1875 году слышалъ ея голосъ уже 5-го апрѣля, «когда лѣсъ стоялъ еще голый, и когда даже березы не имѣли листьевъ. Утромъ часто еще

снѣжное покрывало лежало на лѣсахъ и поляхъ, но кукушка пробивалась изо дня въ день; но когда солнце просвѣчивало сквозь тучи, тогда она громко издавала свое «куку», хотя всегда только одинъ разъ: знакъ, что у нея все-таки не совсѣмъ было легко на сердцѣ». По наблюденіямъ Закса, она и въ Вестервальдѣ также нерѣдко появляется въ первой трети апрѣля. Такъ, этотъ наблюдатель слышалъ ее въ 1863 году 10-го, а 1871 г. 8 апрѣля. Въ Эстляндіи Гюне слышалъ ея голосъ 3-го мая; въ сѣверной Норвегіи, напротивъ, она не показывается, по словамъ Гельдена, до конца мая, и тамошній крестьянинъ думаетъ, что если слышно кукушку, когда снѣгъ еще не растаялъ съ полей и когда деревья не начинаютъ распускаться, то это дурной признакъ для данного года. Въ Германіи, какъ и въ Скандинавіи, она остается только до начала сентября, и я уже встрѣчалъ ее 11-го числа этого мѣсяца въ южной Пубіи. Въ исключительныхъ случаяхъ я встрѣчалъ ее въ видѣ странствующей птицы уже 14-го іюля у Александріи. Кажется, что все это совершенно иначе происходитъ въ юго-западной Азіи. По наблюденіямъ Блэнфорда и Сень-Джона въ восточной Персіи она довольно распространена, мѣстами даже обыкновенна; она также размножается тамъ, но вѣроятно не покидаетъ страны. Блэнфордъ слышалъ ея крикъ уже 18-го февраля, Сень Джонъ даже 25-го января, къ тому-же самому времени, когда вылетѣвшая изъ своей сѣверной родины птица находится еще въ самой глубинѣ внутренней Африки.

Въ Германіи кукушка обще-распространенная птица; въ южной Европѣ она встрѣчается гораздо рѣже, но все-же какъ гнѣздящая птица. Въ южной Португаліи ее слышалъ Рей въ теченіи нѣсколькихъ дней послѣ 13 апрѣля; позже она перестала кричать, и потому онъ думаетъ, что она не гнѣздится въ этой странѣ. Я же, напротивъ, наблюдаю ея лѣтомъ въ Испаніи, и поэтому сомнѣваюсь въ вѣрности сообщенія Рея. Къ сѣверу она встрѣчается чаще; въ Скандинавіи она принадлежитъ къ самымъ обыкновеннымъ птицамъ страны; по крайней мѣрѣ я не помню, что-бы гдѣ-нибудь я видѣлъ такъ много кукушекъ, какъ въ Норвегіи и Лапландіи. Въ горахъ она долетаетъ до снѣжной границы; въ нашихъ Альпахъ она еще каждое лѣто населяетъ плоскогорія въ 1500 м. вышиною и взлетаетъ даже на 600—700 м. выше, какъ допускаетъ Бальдамусъ на основаніи своихъ наблюденій. Въ Алтайскихъ горахъ я слышалъ ея крикъ еще выше границы древесной растительности, и не сомнѣваюсь, что она и здѣсь посѣщаетъ самыя высокія мѣстности между 1800—2300 м.

Несмотря на то, что кукушка древесная птица, она все-таки не живетъ исключительно въ лѣсу, а также мало руководится въ выборѣ своего жительства деревьями, растущими въ лѣсу. Она не такъ часто встрѣчается въ голой мѣстности, какъ въ мѣстности, поросшей деревьями, или по крайней мѣрѣ кустарникомъ, но все-таки не отсутствуетъ на этихъ мѣстахъ совершенно, какъ и на лишенныхъ деревьевъ островахъ, какъ на примѣръ Силтъъ и Боркумъ, а иногда даже встрѣчается и въ степяхъ южной Сибири и на имѣющемъ скудную древесную растительность высокомъ плоскогоріи восточной Персіи, или-же въ нашихъ высокіхъ Альпахъ, выше границы лѣсовъ. По моимъ наблюденіямъ, собраннымъ въ трехъ частяхъ свѣта съ особеннымъ стараніемъ, видно, что мѣстожительство кукушки опредѣляется главнымъ образомъ изобиліемъ мелкихъ птичекъ, которыя могли бы служить будущими пріемными родителями птенцовъ. Если она видитъ, что это условіе существуетъ, то она довольствуется очень немногими деревьями, низкими кустами, зарослями и тростниками; если даже и послѣдніе отсутствуютъ, то она сидитъ на глыбѣ земли и отсюда подаетъ свой голосъ. Въ исключительныхъ случаяхъ при выборѣ мѣста, на нее иногда влияетъ и особенно обильный кормъ;

по обыкновенно ее нельзя выманить во время размноженія изъ той области, которая особенно благоприятствуетъ ей сумасбродному способу размноженія. Всегда находишь, что число кукушекъ растетъ въ одинаковомъ отношеніи съ числомъ выбираемыхъ ими воспитателей, и тѣмъ больше растетъ, чѣмъ изобильнѣе одинъ изъ видовъ послѣднихъ гнѣздится въ извѣстной области. Поэтому кукушка больше любитъ смѣшанные лѣса, чѣмъ лѣса, гдѣ преобладаютъ деревья одного вида, и поэтому такъ же она чаще встрѣчается по близости тонкихъ мѣстъ, болотъ и вообще сырыхъ низменностей, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ. Тотъ, кто знаетъ кукушку, не станетъ утверждать, что она является характерною птицею ольховыхъ лѣсовъ, или что она показываетъ вообще особенное предпочтеніе лѣсамъ; но тотъ, который посѣтитъ лѣса на берегу Шпрее, состоящіе почти исключительно изъ ольхи, сначала удивится необыкновенному числу кукушекъ, и только тогда объяснитъ себѣ ихъ огромное число, когда узнаетъ, что здѣсь безчисленные малиновки, цеврицы, желтыя плиски и трясогузки представляютъ имъ большія удобства для помѣщенія своихъ яицъ.

Каждый самецъ кукушки выбираетъ себѣ довольно обширную область и упорно защищаетъ ее отъ какого-нибудь соперника. Если кукушку выгнать, то она поселяется по близости побѣдителя, и тогда почти ежедневно затѣваетъ съ нимъ драку. Науманъ доказалъ опытами, что каждая кукушка прилетаетъ опять на свое прошлогоднее мѣстожительство: онъ зналъ одну кукушку, которая отличалась отъ остальныхъ своихъ сородичей замѣчательнымъ голосомъ, и дозналъ, что она въ теченіи 32 лѣтъ каждую весну являлась въ той-же области. То-же самое почти можно сказать и про самку, по наблюденіямъ Вальтера, такъ какъ странно окрашенные яйца, отличныя отъ другихъ, каждый годъ находятъ въ одной и той-же области, и въ гнѣздахъ однихъ и тѣхъ-же видовъ птицъ. Область, въ которой самка снесла свое первое яйцо, становится для нея настоящей родиной; но несмотря на это, она въ ней всегда остается болѣе короткое время, чѣмъ самецъ. Послѣдній непрерывно летаетъ въ своей области, и поэтому онъ появляется съ нѣкоторой аккуратностью на извѣстныхъ деревьяхъ нѣсколько разъ въ день. Но по собственному наблюденію, я положительно имѣю право думать, что самки держатъ себя иначе.

Мои передразниванія криковъ кукушекъ, которыя я повторяю каждую весну и при каждомъ удобномъ случаѣ, сдѣлали для меня яснымъ, что число самокъ гораздо меньше числа самцовъ. Въ среднемъ числѣ на каждую самку приходится по крайней мѣрѣ по два самца. Въ то время, какъ послѣдніе всегда остаются въ предѣлахъ извѣстной области и перелетаютъ въ ея предѣлахъ выше-описаннымъ образомъ, самка не обращаетъ вниманія ни на какія границы, а пролетаетъ въ теченіи всего лѣта, или по крайней мѣрѣ во время періода спариванія безъ всякой правильности черезъ области различныхъ самцовъ, не связываетъ себя ни съ однимъ изъ нихъ, скорѣе отдается каждому, который ей пріятенъ, не заставляя себя искать, но сама съ своей стороны ищетъ любовныхъ приключеній, и послѣ того, какъ удовлетворила свои желанія, она болѣе не заботится о любовникѣ, котораго только что выбрала. Одна самка, которую можно было узнать по вышибленному выстрѣломъ хвостовому перу, и которую я наблюдалъ въ окрестностяхъ Берлина, посѣщала, насколько я могъ въ этомъ увѣриться, области не менѣе пяти самцовъ и несмотря на это, вѣроятно распространяла свои полеты еще дальше. Каждая другая самка, безъ сомнѣнія, поступаетъ такимъ-же образомъ, какъ это почти безусловно доказываютъ другія наблюденія. «Я часто видѣлъ», замѣчаетъ Вальтеръ, «какъ самка, сопровождаемая однимъ самцомъ въ

своихъ перелетахъ въ дальнѣйшую область, напримѣръ черезъ большое озеро, вдругъ была оставлена самцомъ, который возвращался въ свою собственную область, сначала образуя широкую дугу, а потомъ по прямому направленію. Если самка уже снесла яйцо въ этой области, то она возвращалась въ нее, хотя только на другой день. Только въ томъ случаѣ, если она не могла найти другого гнѣзда по близости перваго, которымъ воспользовалась, она отсутствовала дольше, и исчезала иногда на нѣсколько дней». Напротивъ того, другія самки постоянно пролетаютъ эту-же самую область, и такимъ образомъ тотъ или другой самецъ приобретаетъ страстно желаемую любовную награду, если не отъ каждой, то по крайней мѣрѣ отъ какой-нибудь самки. Самецъ не лишается также вполнѣ и радостей сожителства: иногда поздно вечеромъ, когда заря на западѣ уже почти потухла, если самка находится случайно въ его области, то она украдкой подлетаетъ поближе къ дереву, съ котораго онъ выкрикиваетъ свое вечернее привѣтствіе, и отвѣчаетъ ему неожиданно громкимъ и многообѣщающимъ крикомъ. Эта невоздержанность и непостоянство самки разъясняетъ по моему мнѣнію, самымъ простымъ и удовлетворительнымъ образомъ, многое, до сихъ поръ загадочное при кладкѣ яицъ.

Между извѣстными мнѣ видами наша кукушка самая быстрая, безпокойная и живая птица. Она находится въ движеніи съ утра до вечера, въ Скандинавіи даже въ теченіи большей части ночи. Странное впечатлѣніе производилъ на меня, во время моихъ ночныхъ охотъ крикъ кукушки послѣ 11-ти часовъ вечера, и еще до перваго часа утра. Гольцъ увѣряетъ, что слышалъ его на островѣ Готландѣ еще въ полночь, въ перемежку съ совой, и можетъ легко случиться, что она даже и въ это время не отдыхаетъ; я же все-таки всегда находилъ во время моихъ частыхъ путешествій на крайній сѣверъ, что въ настоящую полночь, приблизительно отъ 11½ до 12ч, часовъ она молчитъ, значитъ, вѣроятно, предается сну. Во время своихъ кочевокъ она безпрестанно ѣсть, такъ какъ столь-же прожорлива, какъ подвижна и криклива. Она летаетъ легко и красиво, какъ соколъ, но все-таки не можетъ сравниться съ нимъ по быстротѣ, не будучи даже въ состояніи соперничать въ этомъ отношеніи съ горлицей; полетавши, она садится на вѣтку и высматриваетъ добычу. Если она подмѣтила ее, то спѣшитъ къ ней двумя ловкими взмахами крыльевъ, хватаетъ ее и возвращается на прежнее мѣсто, или летитъ на другое дерево и повторяетъ тутъ то-же самое. Въ Скандинавіи она особенно охотно садится на заборы, отдѣляющіе дороги отъ полей, и вообще здѣсь живетъ гораздо больше по близости селеній, чѣмъ у насъ.

Впрочемъ кукушка ловка только на лету, а во всемъ остальномъ неуклюжа. Она вовсе не умѣетъ лазать, но и въ ходѣ она чрезвычайно медленна, вообще можетъ двигаться по плоской землѣ только прыжками. Она ловче въ вѣтвяхъ, несмотря на то, что и здѣсь только неохотно покидаетъ однажды избранное мѣсто и дѣлаетъ это только улетаю. Весною она никогда не забываетъ издать много разъ подъ рядъ свой громкій крикъ послѣ того, какъ усѣлась, а когда въ ней пробуждается любовь, то она злоупотребляетъ даже своимъ голосомъ, такъ что подъ конецъ буквально хрипитъ. Почти на всѣхъ языкахъ ея имя является подражаніемъ этого крика, несмотря на то, что послѣдній обыкновенно передается очень невѣрно. Какъ многимъ другимъ птичьимъ голосамъ, такъ и крику кукушки свойственны нѣкоторые побочные звуки, какъ это могли опредѣлить собранные въ маѣ въ 1891 году во Франкфуртѣ германскіе орнитологи, по громкому и часто повторяющемуся крику одного экземпляра тамошняго зоологическаго сада. Крикъ звучитъ почти какъ «кукук» и его первый слогъ издается рѣзче, чѣмъ второй; мы слышимъ отчетливое К или Г, а второе растянутое У, кажется, дополняется, какъ

вперед, такъ и на концѣ, звуками Г или К. Тотъ, который, какъ я, подманивалъ каждую кричащую кукушку подражаніемъ ея голоса, хорошо знаетъ, что ни одна не приблизится на крикъ «кукук». Пауманъ говоритъ, что можно обманчивымъ образомъ подражать крику кукушки на флейтѣ тонами фа-дизъ и ре на средней октавѣ; я слышалъ эти два тона и долженъ согласиться, что они похожи на крикъ кукушки, но я все-таки нахожу, что тембръ флейты совершенно другой, чѣмъ тембръ голоса этой птицы, и очень сомнѣваюсь, чтобы при помощи ихъ можно было подманить кукушку. Я могу съ достовѣрностью предположить, что этого крика нельзя изобразить на инструментѣ, и что онъ не можетъ издаваться вѣрно часами съ кукушками, хотя-бы старались довольно удачно воспользоваться для этой цѣли двумя различными дудками.

Вначалѣ ея пребыванія кукушка рѣдко когда кричитъ усердно; настоящій крикъ начинается только тогда раздаваться, когда она уже насладила любовными радостями. Во время спариванія, которое, конечно, продолжается немного дольше того періода, въ который слышится ея крикъ, она не только поетъ послѣ того, какъ сѣла на дерево, но также и во время летанія, а усерднѣе всего въ утренніе и вечерніе часы, также непосредственно передъ дождемъ и послѣ него, и кромѣ того и во всѣ часы дня, причемъ всегда отзывается, когда ее раздражаютъ подражаніемъ ея крику. Пока кричитъ, она нѣсколько опускаетъ расширенныя крылья, но зато поднимаетъ немного выше горизонтальной линіи свой хвостъ, надуваетъ горло, выкрикиваетъ свое «ку ку» и вертится туда и сюда на сучкѣ, пока она не издастъ его 15, 20, 30, 40, даже 60 разъ и больше, одинъ за другимъ; обыкновенно она еще нѣсколько разъ перевертывается и такимъ образомъ выкрикиваетъ свой крикъ и имя, ворочаясь, какъ флюгеръ, на всѣ стороны. Если она особенно взволнована соперникомъ, то удваиваетъ первый, самый высокій тонъ, и тогда весь крикъ звучитъ вродѣ «гугугу». Если во время пѣнія ее дразнятъ маленькія птички, а именно, если одна изъ нихъ толкнетъ ее, когда она сидитъ надувшись на сучкѣ, то она вдругъ прерываетъ свои крики и каждый разъ отбрасываетъ послѣдній слогъ. Если показывается самка, то самецъ повторяетъ два раза тройной крикъ или удваиваетъ его, значить повторяетъ 4 раза другъ за другомъ, и почти всегда присоединяетъ къ нему почти неизмѣнно хриплые звуки, которые можно-бы передать слогами «куавава» и «хагхагхагхаг», но которые на самомъ дѣлѣ нельзя передать и которымъ нельзя подражать. Если его злитъ соперникъ, котораго онъ еще не можетъ видѣть, то онъ издаетъ послѣ того, какъ сѣлъ на дерево и до этого, такой-же хриплый и подавленный звукъ, но издаетъ его отдѣльно, хотя и повторяетъ его отъ двухъ до четырехъ разъ; этотъ крикъ похожъ на трещаніе прудовой лягушки и можетъ быть переданъ звуками «кворр» или «кворрг». Если поддразниваніе мелкихъ птичекъ становится ему невыносимымъ, и если онъ не можетъ избавиться отъ нихъ ударами клюва, то слышится наконецъ еще болѣе хриплое, звучащее приблизительно какъ «зэррр», шипѣніе, которое онъ издаетъ уже на лету. Но преобладающимъ все-таки всегда остается звукъ «ку ку». Онъ повторяется при продолжительномъ пѣніи каждыя 5 секундъ 4 раза, а иногда больше, 20, 30 разъ непосредственно одинъ за другимъ, такъ какъ въ каждой большой фразѣ наступаютъ, короткія, паузы, которыя продолжаются на одну или полторы секунды дольше, нежели обыкновенная пауза между окончаніемъ пераго крика и началомъ слѣдующаго. Послѣ первой приготовительной части всего пѣнія наступаетъ, можетъ быть, едва замѣтная невнимательному уху пауза, вѣроятно только для того, чтобы прислушаться на мгновеніе, не отвѣчаетъ-ли другой этому зову; затѣмъ часто слѣдуетъ крикъ, отдѣленный отъ слѣдующаго такой-же паузой, а иногда и еще другой; и только послѣ этого начи-

нается вторая часть пѣнія, которая, по вышеописанному способу, можетъ быть нѣсколько разъ прервана, пока наконецъ эта трудная работа не потребуеть долгаго отдыха.

Кукушку обезславили какъ очень сварливую птицу, однако я никакъ не могу согласиться съ этимъ. Ссоры и драки она заводитъ только съ другими птицами своего вида; ко всѣмъ остальнымъ птицамъ она относится равнодушно, если только дѣло не касается того, чтобы защищаться отъ ихъ нападеній, или-же чтобы навязать свое яйцо перелетной птичкѣ. Пѣвныя кукушки, живущія вмѣстѣ съ мелкими птичками, превосходно уживаются со всѣми своими товарищами и не думаютъ съ ними драться или ссориться. Но, конечно, самцы кукушки колятъ другъ другу глаза своимъ присутствіемъ. Насколько эта птица лѣнива по отношенію къ заботѣ о потомствѣ, настолько она влюблива. Несмотря на то, что она встрѣчаетъ взаимность, любовь, повидимому, совершенно сводитъ ее съ ума. Она буквально доходитъ до изступленія во все время спариванія и такъ непрерывно кричить, что теряетъ голосъ, безпрестанно летаетъ по всей своей области и въ каждомъ другомъ самцѣ видитъ соперника и злѣйшаго противника.

Для того, кто на самомъ дѣлѣ наблюдалъ самца кукушки, не будетъ подлежать никакому сомнѣнію, что между двумя самцами, которые слышатъ другъ друга, существуетъ самая явная ревность, которая проявляется при каждомъ удобномъ случаѣ. Каждая кукушка, которая до этого времени безобидно кричала на весь свѣтъ свое красиво звучащее имя, начинаетъ волноваться, какъ только слышитъ настоящій или поддѣльный голосъ соперника. Въ такіе моменты ея движенія становятся живѣе и отдѣльные возгласы и фразы непрерывно слѣдуютъ другъ за другомъ. Съ внимательнымъ взоромъ и прислушиваясь, птица эта болѣе, чѣмъ обыкновенно нагибается впередъ и при каждомъ отдѣльномъ крикѣ поворачивается то направо, то налево, чтобы самымъ точнымъ образомъ узнать направленіе, по которому доносятся до нея столь ненавистные звуки. Она не покидаетъ тотчасъ своего мѣста, но, напротивъ, повидимому, хочетъ дожидаться, не одушевлено-ли сердце врага такой-же отвагой, какъ и ея; еще нѣсколько разъ протяжно кричитъ, а затѣмъ вглядывается и прислушивается снова. Если соперникъ ея не показывается, то она рѣшается его отыскать. Вѣрность, съ которой она умѣетъ опредѣлить направленіе и разстояніе, на самомъ дѣлѣ изумительна. Когда я измѣняю мѣсто, поддразнивая ее, то кукушка, въ которой я возбудилъ ревность, никогда не ошибаясь, показывается именно на томъ мѣстѣ, съ котораго я издалъ свой первый зовъ; но все-таки она почти никогда не приближается по прямому направленію, а всегда описываетъ далекую дугу, повидимому, съ цѣлью увидать мнимаго соперника. Тутъ она садится снова и кричитъ громче и усерднѣе, чѣмъ прежде. Если она не видитъ другой кукушки, то за звучными тонами слѣдуютъ отдѣльные хриплые, безошибочный знакъ ея досады. Разъ она возбуждена, то слѣдуетъ за мнимымъ соперникомъ на протяженіи 1—2 килом. и цѣлые полчаса проводить вблизи его. Если приближается вторая, такимъ-же образомъ обманутая кукушка, то битва начинается тотчасъ-же. Шауманъ говорить съ полнѣйшимъ правомъ, что кукушка не терпитъ другого самца въ своей области или по близости своей самки и старается его выгнать сильными ударами клюва. Впрочемъ я не видѣлъ, чтобы они дѣлали послѣднее, но всегда только замѣчалъ, что оба соперника преслѣдуютъ другъ друга, быстро летая и бросаясь одинъ на другого; потомъ они опять опускаются, снова начинаютъ кричать и затѣмъ опять начинаютъ такое-же преслѣдованіе; но драки эти подтверждаются и другими наблюдателями.

«Въ 1848 году, въ концѣ іюля», пишетъ мнѣ Либе, «я видѣлъ, какъ два

самца кукушекъ, послѣ того, какъ они взволнованно кричали въ кустахъ, раздѣленныхъ на двѣ части маленькой полянкой, полетѣли другъ на друга и бѣшено стали драться посреди поляны. Они сначала спускались медленно, а потомъ быстро на землю, не переставая драться, и были такъ озлоблены, что я могъ приблизиться на 15 шаговъ, не вызвавъ прекращенія битвы. Я видѣлъ при этомъ, что они клювомъ дергали другъ друга за плечи и били одинъ другого свободными крыльями, совершенно такъ-же, какъ это дѣлаютъ голуби, только не столь сильно порывистыми ударами. Наконецъ одинъ изъ нихъ отлетѣлъ; другой-же старался сдѣлать то-же самое, но напрасно: его плечо было переломлено, вѣроятно при паденіи на землю».

Крикъ кукушки, какъ это мнѣ позволяютъ съ вѣрностью предполагать мои наблюденія, прежде всего имѣетъ цѣлью приманить самку. Думаю, что я безчисленное количество разъ содѣйствовалъ ея приближенію. Если она пролетаетъ черезъ область самца, задумавъ важныя дѣла, то, повидимому, не обращаетъ никакого вниманія на его любовные взгляды, но прокрадывается черезъ вѣтки, обращаясь то къ одному дереву или кусту, то къ другому. Если-же, напротивъ, она удачно пристроила свое яйцо, и если она сама ищетъ любовныхъ приключеній, то отвѣчаетъ самцу, подлетаетъ къ нему какъ можно ближе, издавая свой стройный, звучный, хихикающій или смѣющійся призывной крикъ. Послѣдній состоитъ изъ очень быстро слѣдующихъ другъ за другомъ звуковъ «икикикик», которые такъ же звучатъ, какъ «квиквиквик». Они походятъ на рѣзкую трель и начинаются очень тихимъ скрипнѣемъ, которое можно слышать только по близости. Этотъ соблазнительный и много обѣщающій зовъ дѣйствуетъ на самца самымъ волшебнымъ образомъ. Онъ мгновенно оставляетъ свое мѣсто, кричитъ «гугу гугугу гугугу», удваиваетъ крикъ и къ этому выраженію сильнѣйшаго волненія прибавляетъ «квававава» и гонится за самкой. Послѣдняя повторяетъ приглашеніе, влюбленный самецъ снова отвѣчаетъ, и всѣ самцы, находящіеся на разстояніи, которое позволяетъ слышать это приглашеніе, также подлетаютъ, и начинается безумное преслѣдованіе. Не рѣдкость, что за одной самкой слѣдуютъ два, три, даже четыре самца. Она разжигаетъ поклонниковъ еще своимъ хихиканіемъ, и наконецъ приводитъ ихъ въ любовное изступленіе. Она летитъ, дѣлая многочисленные повороты между верхушками деревьевъ и кустовъ, имѣя одного изъ самцовъ близко позади себя; второй-же слѣдуетъ за первымъ на различномъ разстояніи, каждый полонъ страсти и самый близкій, повидимому, также и самый счастливый. Каждый забываетъ о провожающихъ и дразнящихъ подобное свадебное шествіе мелкихъ птичекъ, забываетъ даже обычныхъ дуэли или-же случайно нѣсколько разъ ударить ненавистнаго противника; каждый стремится не потерять времени. Самка не менѣе возбуждена, чѣмъ ея свита, и, конечно, самый усердный поклонникъ ей самый пріятный; ея притворное жеманство есть только стремленіе еще больше воспламенить своихъ обожателей. Она отдается добровольно и безъ сопротивленія каждому самцу; она не знаетъ ограниченій, налагаемыхъ супружествомъ.

Спариваніе совершается обыкновенно на сухомъ сучкѣ вершины дерева или на какомъ-либо другомъ открытомъ и высокомъ мѣстѣ, а въ степяхъ Туркестана на плоской землѣ, всегда съ большимъ шумомъ, повторяемыми криками и хихиканьемъ. Я еще не наблюдалъ, чтобы при этомъ одинъ самецъ мѣшалъ другому, да онъ и не имѣетъ къ этому никакого повода. «Въ 1870 году», пишетъ мнѣ дальше Либс, «я услышалъ въ одномъ ущельѣ, недалеко отъ Геры, хихиканье самки кукушки и крикъ самца. Будучи совершенно прикрытымъ низкой сосновой чащей, я проползъ внизъ по скату и увидалъ, какъ одинъ самецъ улеталъ къ западу,

между тѣмъ какъ самка сидѣла открыто на одномъ сучкѣ. Спустя короткое время прилетѣлъ другой самецъ съ востока, сначала усердно кричалъ въ сосѣднемъ кустарникѣ, а потомъ безъ дальнѣйшихъ разговоровъ налетѣлъ на самку. Едва свершилось спариванье, какъ съ востока показался третій самецъ, и, прогнавъ второго, предложилъ самкѣ свои услуги, на что послѣдняя, хихикая, тотчасъ-же согласилась». Этотъ фактъ, описанный во всѣхъ отношеніяхъ надежнымъ и опытнымъ наблюдателемъ, конечно, не требуетъ никакихъ комментарій.

Если самка поздно вечеромъ показывается на мѣстѣ отдыха самца, то она и тутъ не пропускаетъ случая увѣдомить о себѣ и даже теперь приводитъ самца въ любовное волненіе. Но на этотъ разъ они обоюдно ограничиваются лишь любезностями. Ни самецъ, ни самка не покидаютъ избраннаго мѣста послѣ сумерекъ, но на слѣдующій день, еще до разсвѣта, летаютъ вокругъ него. На приглашеніе, сдѣланное кокеткой, онъ отвѣчаетъ обычнымъ образомъ, она ему также, и такимъ образомъ зовы и хихиканье продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока не начинается шнырять козодой, а иногда и еще дольше. Наконецъ все утихаетъ; оба, вѣроятно, сговорились встрѣтиться завтра.

Кто сомнѣвается въ томъ, что кукушка живетъ въ полиандрии, долженъ только посѣтить нѣсколько разъ такія мѣста отдыха. Иныче слышится голосъ самки и горлічія любезности самца, завтра-же только крикъ послѣдняго, ибо самка въ это время осчастлививаетъ сосѣда, а можетъ быть и совершенно другого обожателя. Именно поэтому становится такъ трудно получить ясную картину сумасбродной любовной жизни нашей кукушки. Я ее наблюдалъ въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, присоединялъ одно наблюденіе къ другому, многія сотни разъ подзывалъ птицу, но нѣсколько дней почти исключительно занимался кукушками и все-таки мнѣ удалось изслѣдовать только нѣкоторую часть ея жизни.

Уже древнимъ было извѣстно, что кукушка кладетъ свои яйца въ чужія гнѣзда. «Высиживаніе яйца кукушки и выращиваніе вылупившагося изъ него птенца», говоритъ Аристотель, «совершается той птицей, въ гнѣздо которой положено яйцо. Приемный родитель, какъ говорятъ, выкидываетъ своихъ собственныхъ птенцовъ изъ гнѣзда и даетъ имъ умереть съ голода, въ то время, какъ выращиваетъ молодую кукушку. Другіе рассказываютъ, что онъ убиваетъ своихъ дѣтей, чтобы ими кормить кукушку; такъ какъ этотъ птенецъ въ своей молодости до того хорошъ, что махиха ради него презираетъ собственныхъ дѣтей. Большую часть сообщаемаго здѣсь видѣли, какъ говорятъ, собственными глазами; только рассказы о томъ, какимъ образомъ погибаютъ птенцы высиживающей птицы, не всегда согласуются: одни говорятъ, что старая кукушка возвращается назадъ и сѣдаетъ птенцовъ гостепріимной птицы, другіе утверждаютъ, что, такъ какъ молодая кукушка превосходитъ величиною своихъ собратьевъ, то она все у нихъ выхватываетъ, и потому они должны умереть съ голода; наконецъ третьи думаютъ, что она, какъ самая сильная, сѣдаетъ ихъ сама. Кукушка, конечно, хорошо дѣлаетъ, что такимъ образомъ устраиваетъ своихъ дѣтей, потому что она отлично сознаетъ свою трусость, вслѣдствіе которой не можетъ защищать своихъ птенцовъ. Она настолько труслива, что всѣмъ маленькимъ птичкамъ доставляетъ удовольствіе ее щипать и гонять». Мы увидимъ, что описаніе это во многихъ отношеніяхъ справедливо, но я сначала долженъ признаться, что намъ я до сихъ поръ еще не вполнѣ извѣстна жизнь кукушекъ.

Фактическія, т. е. добытыя положительными наблюденіями, свѣдѣнія относительно размноженія этой птицы заключаются въ слѣдующемъ: кукушка поручаетъ свои яйца для высиживанія множеству различныхъ пѣвчихъ птицъ. Уже въ нас-

тоящее время мы знаемъ приблизительно 70 видовъ пріемныхъ родителей, но не подлежитъ сомнѣнію, что число это при ближайшемъ изслѣдованіи всей области распространенія этой удивительной птицы еще существенно увеличится. Насколько мнѣ извѣстно, и не считая азіатскихъ воспитателей, кукушкины яйца находили въ гнѣздахъ снѣгири, зяблика, горного зяблика, коноплянки, чечетки, зеленушки, воробья, обыкновенной, тростниковой и луговой овсянокъ, просянки, завирушки, хохлатого, степного, полевого жаворонковъ, сороки, сойки, сорокопуга и жулана, соловья, варакушки, малиновки, домашней и садовой горихвостокъ, лугового и чернохвостаго чекканчиковъ, ушастой и черногорлой каменокъ, каменного, пѣвчаго и черного дроздовъ, пестрогрудки, черноголовки, садовой славки, мельничка, говорунчика, трешетки, обыкновенной и горной пѣночекъ, тѣньковки, пересмѣшки, дроздовидной камышевки, прудовой, болотной и береговой камышевокъ, полевого и рѣчного сверчковъ, реполова, лугового, красногрудаго, лѣсного, водяного, берегового, степного и шпорцеваго коньковъ, бѣлой и горной трясогузокъ, желтой плиски, обоихъ видовъ корольковъ, древолаза и мухоловки, большой синицы, горлицы, вихря, даже гагары. Между этими птицами камышевки, трясогузки, славки и щеврицы предпочитаютъ, а гнѣздами другихъ пользуются только въ крайней нуждѣ, можетъ быть даже по ошибкѣ. При перечисленіи воспитателей кукушекъ, мнѣ хочется высказать одну мысль. Мнѣ кажется, что нельзя установить съ полной увѣренностью, что всѣ яйца, приписанныя кукушкамъ, на самомъ дѣлѣ ихъ яйца. Легко можетъ случиться, что даже знающіе и опытные собиратели яицъ ошибаются; эти ошибки возможны, даже вѣроятны.

Яйца кукушки, въ сравненіи съ ея величиной, необыкновенно малы, едва больше воробьиныхъ, мало различны по формѣ, кончики ихъ неодинаковы, такъ что ихъ большій діаметръ лежитъ ближе къ полого-округленному толстому концу, тогда какъ тонкій круто усѣченъ; они имѣютъ нѣжную, хрупкую и блестящую скорлупу, поры которой нельзя замѣтить простымъ глазомъ, и когда они свѣжи, имѣютъ болѣе или менѣе яркій желто-зеленый фонъ; по этому фону пестрятъ фіолетово-сѣрыя или матово-зеленоватые пятна, а по нимъ бурныя, рѣзко очерченныя крапинки. Яйца бываютъ то больше, то меньше, и вообще такого различнаго вида и такъ различно окрашены и разрисованы, какъ ни у одной другой птицы, образъ размноженія которой намъ извѣстенъ. Смотря по различнымъ мѣстностямъ, преобладаетъ то одинъ, то другой цвѣтъ. Каждая самка кладетъ только по одному яйцу въ одно и то-же гнѣздо, и обыкновенно только тогда, когда уже въ немъ находятся яйца воспитателей. Вѣроятно она кладетъ яйца въ гнѣзда только одного вида, а въ гнѣзда другихъ птицъ только въ случаѣ крайней нужды. Бальдамусъ впервые разъяснилъ этотъ фактъ.

Не подлежитъ почти никакому сомнѣнію, что самка кукушки по возможности всегда выбираетъ гнѣзда тѣхъ-же самыхъ перелетныхъ птицъ, и по крайней мѣрѣ кажется весьма вѣроятнымъ, что она отыскиваетъ гнѣзда тѣхъ птицъ, въ которыхъ сама выросла. «Самки», замѣчаетъ Вальтеръ, «осмотрѣли свое родное гнѣздо со всѣхъ сторонъ, когда онѣ уже были способны летать, но все-таки оставались еще съ недѣлю въ уютномъ гнѣздѣ, выучились также узнавать своихъ воспитателей и отличать ихъ отъ другихъ птицъ. Въ теченіи послѣдней недѣли ихъ пребыванія въ гнѣздѣ ихъ понятливость такъ-же развила, какъ и ихъ тѣло, и тѣ, которыя, напримеръ, счастливо вылетѣли изъ гнѣзда королька, не имѣютъ, конечно, основанія въ слѣдующемъ году поручить свое яйцо другой птицѣ. Уютное гнѣздышко королька навѣрное защитило птенца отъ бури и града, когда въ началѣ іюня разразилась непогода, опустошившая всѣ окрестности. По отношенію къ падавшему граду гнѣз-

дышко оказалось непроницаемымъ. Вполнѣ цѣлымъ оказалось оно и на другое утро, тогда какъ кругомъ я нашелъ гнѣзда другихъ птицъ разбитыми градомъ и разорванными бурей, между тѣмъ какъ недавно найденная мною молодая кукушка съ большимъ удовольствіемъ выглядывала изъ кругллага окошечка своего жилища». Изъ дальнѣйшихъ наблюденій этого натуралиста можно заключить, что это относится болѣе или менѣе и ко всѣмъ другимъ кукушкамъ. Такимъ образомъ Вальтеръ нашелъ одинаково окрашенные кукушкины яйца только въ гнѣздахъ береговой камышевки, другія опять у болотной камышевки, а еще другія исключительно въ гнѣздахъ садовой славки, несмотря на то, что всюду было очень много гнѣздъ родственныхъ видовъ. Данная кукушка такимъ образомъ, кажется, точно знаетъ разницу между различными гнѣздами, и именно это позволяетъ смотрѣть на предыдущія предположенія, какъ на достовѣрныя. Не слишкомъ рѣдко находятъ нѣсколько кукушкиныхъ яицъ различно или одинаково окрашенныхъ, состояніе развитія которыхъ одинаково, въ предѣлахъ ограниченной области, даже по двое, по трое. въ одномъ гнѣздѣ, очевидно происходящія отъ различныхъ самокъ. Такъ, въ 1876 году, Вальтеръ нашелъ въ одинъ день 4 совершенно свѣжія кукушкины яйца на площади, не превосходящей четвертую часть одного гектара, и совершенно вѣрно поэтому заключаетъ, что здѣсь находились по крайней мѣрѣ четыре кукушечьи самки.

Еще ранѣе, чѣмъ яйцо созрѣетъ для кладки, самка летаетъ, чтобы отыскать гнѣздо. При этомъ она не сопровождается самцомъ, такъ какъ послѣдній вообще кажется не очень то заботится о своемъ потомствѣ. Отыскиваніе гнѣздъ совершается очень различнымъ манеромъ: или самка присматриваетъ гнѣзда летая, или лазая въ кустахъ, или наконецъ, наблюдая птичку, которой хочетъ сдѣлать честь, еще во время постройки гнѣзда. «Два раза въ этомъ году, разъ въ прошломъ», рассказываетъ Вальтеръ, «я имѣлъ возможность подсмотреть кукушку во время отыскиванія гнѣзда. Первый разъ я видѣлъ, стоя незамѣтно на берегу воды, какъ одна кукушка перелетала съ другого берега на этотъ, и какъ на этой сторонѣ она сѣла на высокій черный тополь. Оттуда она скоро слетѣла въ ближайшій ивнякъ, и уже на лету была настойчиво преслѣдуема одной камышевкой, такъ настойчиво, что она, движеніями въ сторону, старалась увернуться отъ налетовъ ея. Я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на дерзкое нападеніе маленькаго пѣвуна, который и тогда не бросилъ своего преслѣдованія, когда кукушка проскользнула черезъ первый, а потомъ черезъ второй кустъ. Пять минутъ спустя кукушка поднялась и исчезла въ пространствѣ. Тогда я тщательно осмотрѣлъ первый и второй кусты, и нашелъ въ послѣднемъ гнѣздо камышевки съ двумя яйцами. Послѣ того, какъ я тутъ-же записалъ о происшедшемъ, я продолжалъ свой путь, и на другой день, въ 9 часовъ утра отыскалъ опять то же самое мѣсто. Въ гнѣздѣ лежали два яйца камышевки и яйцо кукушки, и на непосредственно передъ гнѣздомъ висащей травѣ—приплюснутое съ одного бока яйцо камышевки, очевидно выброшенное кукушкой. Второе свое наблюденіе я сдѣлалъ на лугу. Я смотрѣлъ на птицу, которая собирала въ травѣ матерьялы для строенія гнѣзда, и потомъ съ ними улетѣла дальше въ поле. Какъ только я собрался идти къ тому мѣсту, гдѣ птичка опустилась, меня предупредила кукушка, которая гуляла по такимъ-же дѣламъ, какъ и я, а именно съ цѣлю отыскать гнѣздо луговой щеврицы. Она вылетѣла изъ ближайшаго дѣса по прямому направленію къ тому мѣсту, гдѣ скрылась луговая щеврица, здѣсь начала парить, какъ я этого до того времени еще не замѣчалъ у кукушки, на высотѣ нѣсколькихъ метровъ надъ лугомъ, опустилась, но тотчасъ опять поднялась, чтобы нѣсколько шаговъ дальше снова начать парить. Сейчасъ-же вслѣдъ за этимъ оттуда подвиглась щеврица, а кукушка спустилась на покинутое мѣсто. Она

на мгновеніе оставалась въ травѣ, и потомъ опять поспѣшила къ лѣсу. Мои поиски гнѣзда сначала были безуспѣшны. Но когда послѣ получаса щеврица еще разъ взлетѣла на мѣсто, посѣщенное кукушкой, я нашелъ почти отстроенное и очень хорошо спрятанное гнѣздо, благодаря тому, что я очень скоро подошелъ къ тому мѣсту, такъ что щеврица взлетѣла совсѣмъ близко отъ меня. Къ несчастью, мои дѣла не позволили мнѣ сходить на это мѣсто на другой или на слѣдующіе дни, чтобы убѣдиться въ присутствіи кукушкинаго яйца. Но все-таки находженіе этого гнѣзда удалось кукушкѣ, благодаря ея наблюдательности, а не вслѣдствіе продолжительнаго собственно отыскиванія».

Въ противоположность своей обыкновенной робости, эта птица въ такихъ случаяхъ залетаетъ очень часто совсѣмъ близко къ жилищамъ, даже во внутренность зданій, напримѣръ, въ овины и сараи. Время кладки не опредѣлено. Въ большинствѣ случаевъ оно, вѣроятно, падаетъ на утренніе часы; но имѣются также достовѣрные наблюденія, что самка кукушки кладетъ свои яйца только послѣ полудня или къ вечеру. Если-же мѣсто находженія или постройки гнѣзда это позволяютъ, то несущаяся самка садится на гнѣздо; если это невозможно, то она кладетъ свое яйцо на землю, беретъ его въ клювъ и несетъ къ гнѣзду. Въ пользу этого показанія имѣются различныя, почти согласныя между собой наблюденія, и между ними одно, сдѣланное Либе: «Въ 1871 году», такъ пишетъ онъ мнѣ, «я увидѣлъ на очень удобномъ для наблюденія мѣстѣ, какъ одна кукушка самка сидѣла на землѣ съ нахохленными перьями, потомъ, взлетѣвши, что-то подняла, и снесла это въ сосѣдній сосновый кустъ, обшипанный баранами. Въ немъ находилось, какъ я тотчасъ-же въ этомъ увѣрился, гнѣздо славки, въ которомъ лежало рядомъ съ тремя яйцами этого пѣвуна, свѣжее, теплое кукушкино яйцо. По видимому эта птица снесла яйцо на землѣ, а потомъ въ клювъ перенесла его въ гнѣздо, несмотря на то, что гнѣздо находилось въ своего рода натуральной нишѣ, и что она прекрасно-бы могла снести яйцо прямо въ него. Впрочемъ, гнѣздо было брошено, и, послѣ двухъ недѣль, я нашелъ яйца нетронутыми и холодными».

Миллеръ также ясно видѣлъ вооруженнымъ глазомъ, какъ кукушка, по близости гнѣзда трясогузки, съ странными движеніями, киваніемъ головы и ударами крыльевъ и хвоста, прыгала почти на одномъ мѣстѣ, потомъ вдругъ начала дрожать, опустила немного расширенныя крылья, прижалась на нѣсколько секундъ къ землѣ, и въ этомъ положеніи снесла яйцо; потомъ она тотчасъ-же подняла его широко открытымъ клювомъ, держа немного въ бокъ голову, наклоненную къ землѣ, и понесла его, съ прежними движеніями головы, къ гнѣзду воспитателей. Что самка кукушки кладетъ свое яйцо на землю, подтверждается другимъ наблюденіемъ Либе. «Въ 1873 году», замѣчаетъ онъ дальше, «я увидалъ рано утромъ, въ 5½ часовъ, большую птицу, сидящую на кучѣ камней на улицѣ; она такъ нахохлила свои перья, что я не могъ ее опредѣлить, несмотря на зрительную трубу. Когда я подошелъ къ ней, приблизительно на полтора шаговъ, она улетѣла и оказалась самкой кукушки. Подойдя къ кучѣ камней, я увидалъ, что на поверхности камня лежало разбитое кукушкино яйцо, которое очевидно было только что снесено, такъ какъ отъ содержимаго поднимался еще легкой паръ въ холодномъ утреннемъ воздухѣ». Бальдамусъ также видѣлъ, что самка кладетъ свои яйца на землю. Это совершилось разъ, даже во внутреннемъ дворѣ жилища нидерландскаго обер-егермейстера Ферстера въ Нордъвикѣ, около Лейдена. Одинъ охотникъ нашелъ по его мнѣнію, больную и умиращую кукушку въ капажѣ двора, поднялъ ее и спесъ съ кабинетъ своего господина, который взялъ ее въ руки. Спусти нѣсколько минутъ Ферстеръ почувствовалъ что-то теплое въ своей рукѣ: это было

яйцо кукушки, которая теперь, свѣжая и веселая, вылетѣла черезъ открытое окно передъ глазами Вальдамуса и Ферстера. Яйцо, скорлупа котораго нѣсколько была обломана, спрятала Вальдамусъ. Не слишкомъ рѣдко случается, что самка кукушки, имѣющая потребность нестись, проскальзываетъ въ норы, черезъ проходъ которыхъ она только съ большимъ трудомъ можетъ протиснуться; нѣкоторыя въ этихъ случаяхъ были словлены, потому что не могли освободиться.

Послѣ того, какъ самка снесла свое яйцо, она все еще смотритъ на гнѣздо, нѣсколько разъ возвращается къ нему, и выкидываетъ изъ него яйца, даже птенцовъ, кромѣ своихъ собственныхъ. Вальтеръ отрицаетъ эти показанія. «Кукушка», говоритъ онъ, «имѣетъ репутацію разорителя гнѣздъ, который не только выкидываетъ изъ гнѣзда яйца, но также при случаѣ одно, другое и проглатываетъ. Если же изслѣдовать это основательно, то она вовсе не является тѣмъ варваромъ, которымъ она кажется. Она не поступаетъ иначе, чѣмъ другія птицы. Каждая птица при постройкѣ гнѣзда кружится, чтобы придавить неровности и округлить гнѣздо, и дѣлаетъ это еще не задолго до кладки яицъ. Тоже дѣлаетъ и кукушка. Чужія яйца, лежація въ гнѣздѣ, составляютъ для нея только неровности, не относящіяся до ея гнѣзда. Она вертится въ немъ кругомъ съ сжатымъ тѣломъ, и этимъ круженіемъ выкидываетъ яйца или втискиваетъ ихъ въ дно гнѣзда, предполагая, что она вообще можетъ въ немъ повернуться. Если она не можетъ этого сдѣлать, то она удаляетъ яйца клювомъ, такъ-же, какъ и другія птицы выбросили-бы нѣчто, не принадлежащее къ гнѣзду. Яйца мелкихъ птицъ очень хрупки, и если кукушка ужъ и свои собственные яйца иногда разбиваетъ, перенося ихъ въ гнѣздо, то это еще легче случается съ хрупкими чужими яйцами, которыя она ктому-же не обязана беречь. Если она разбиваетъ яйцо, и если содержимое выливается ей въ клювъ, то она это, конечно, проглатываетъ». Вальтеръ приводитъ цѣлый рядъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія. Какъ и другіе, онъ нѣсколько разъ находилъ въ гнѣздахъ, содержавшихъ кукушкино яйцо и отличавшихся рыхлой и глубокой выстилкой, яйцо высиживающей птицы, вдавленное въ дно гнѣзда; онъ по крайней мѣрѣ одинъ разъ наблюдалъ верченіе и поворачиваніе кукушки, а также видѣлъ, какъ послѣдняя разбила свое собственное яйцо, приподнимая его клювомъ. Пэссельеръ-же и другіе утверждаютъ, напротивъ, что видѣли, какъ самка кукушки каждый день выкидываетъ по одному яйцу воспитателей изъ гнѣзда, а позже уноситъ вылупившихся изъ яйца птенцовъ. На это Вальтеръ очень справедливо возражаетъ, что въ гнѣздѣ не можетъ быть вылупившихся птенцовъ и что они слѣдовательно не могутъ быть унесены, если самка кукушки изо дня въ день аккуратно посѣщала гнѣздо и удаляла яйца, а дальше—что если кукушка нѣсколько разъ возвращается къ гнѣзду, чтобы украсть яйцо, то ихъ число должно уменьшаться, что однако, какъ это доказываетъ опытъ, вовсе не случается. «Я еще никогда не замѣчалъ», говоритъ онъ, «при послѣдующихъ посѣщеніяхъ гнѣзда, содержавшаго кукушкино яйцо, уменьшенія въ числѣ яицъ, а часто даже увеличеніе. Обыкновенно птицы не кладутъ полного числа яицъ, когда кукушка положить свое яйцо въ гнѣздо, потому что чужое яйцо и безъ того слишкомъ переполняетъ его. Но все-таки я каждый годъ находилъ одну или двѣ полныя кладки. Обыкновенно онѣ кладутъ послѣ того, какъ было положено яйцо кукушки, т. е. въ томъ случаѣ, если кукушка еще не нашла яицъ въ гнѣздѣ, еще три яйца, и тогда только начинаютъ высиживать». Вальдамусъ, который просматривалъ для провѣрки мое описаніе кукушки, также придерживается мнѣнія Вальтера, а именно, что самка кукушки вовсе не удаляетъ ежедневно изъ гнѣзда по яйцу воспитателя, по крайней мѣрѣ не дѣлаетъ этого

намѣренно; но все-таки онъ думаетъ, что вслѣдствіе постоянного безпокойства хозяевъ гнѣзда, одно или нѣсколько яицъ повреждаются, и тогда выкидываются изъ гнѣзда кукушкой-самкой. Разбитое яйцо можетъ встрѣтиться лишь въ покинутомъ гнѣздѣ.

Если уже здѣсь выказывается у кукушки-самки извѣстная забота о своемъ потомствѣ, то она еще лучше доказывается опредѣленными наблюденіями Бальдамуса. Онъ ссылается при этомъ на два недавнія наблюденія, которыя онъ уже разсказалъ въ своей необыкновенно милой книжкѣ «Vogelmärchen». Въ концѣ іюня, въ 6 часовъ вечера, Бальдамусъ находился недалеко отъ Галле на лѣвомъ берегу Заалы, когда, спрятавшись подъ старой ивой, онъ увидалъ, какъ съ праваго берега, близко къ водѣ, къ крутому глинистому берегу летѣла кукушка, и здѣсь опустилась. Бальдамусъ аккуратно замѣтилъ мѣсто, проскользнувъ ближе за кустарникомъ берега, осторожно нагнулся черезъ него, и увидалъ близко отъ себя тогда кукушку съ нахохленными перьями и закрытыми глазами, сидящую, повидимому, въ большихъ страданіяхъ на гнѣздѣ. Спустя нѣсколько минутъ ей опереніе сгладилось, она открыла глаза, увидала непосредственно надъ собой пару другихъ кукушекъ, поднялась, полетѣла назадъ на другой берегъ и исчезла въ кустахъ. Въ оконченномъ гнѣздѣ трясогузки лежало еще теплое, прозрачное кукушкино яйцо, до обмана похожее на яйцо гнѣздовладѣльцевъ. Послѣ короткаго раздумья, сберечь-ли яйцо, или-же воспользоваться этимъ необыкновенно удобнымъ случаемъ для дальнѣйшихъ наблюденій, это послѣднее соображеніе взяло верхъ. Бальдамусъ положилъ хорошенькое яичко обратно въ гнѣздо, спрятался такимъ образомъ, чтобы не выпускать его изъ виду, и къ своей радости уже спустя нѣсколько минутъ увидалъ возвращающуюся кукушку; она вынула клювомъ яйцо и перенесла его на тотъ берегъ. Слѣдующій фактъ не менѣе доказываетъ заботы матерей-кукушекъ въ пользу своего потомства. Въ 1867 году Бальдамусъ находился уже въ концѣ мая въ верхнемъ Енгадинѣ для собиранія новыхъ наблюденій. 6 іюня одинъ лѣсничій въ Сильвапланѣ сказалъ ему, что онъ нашелъ въ гнѣздѣ щеврицы только что вылупившуюся кукушку и что гнѣздо находится въ нѣсколькихъ шагахъ отъ каменнаго шалаша, у подножія скалистой вершины Пицъ-Монтерачъ, на маленькомъ непокрытомъ снѣгомъ мѣстечкѣ, поросшемъ длинной, прошлогодней травой. Бальдамусъ отправился къ указанному мѣсту, безуспѣшно искалъ гнѣзда, и зашелъ тогда въ назначенный шалашъ. Но вскорѣ послѣ этого слетѣла со стоявшей подъ горою елки кукушка и опустилась на указанное мѣсто. Съ помощью своей сильной зрительной трубы, наблюдатель увидѣлъ тогда очень ясно, какъ кукушка нѣсколько разъ нагибала голову и очень усердно что-то дѣлала. Потомъ кукушка опять полетѣла внизъ къ елкѣ къ самцу, который въ это время непрерывно кричалъ. Когда-же Бальдамусъ подошелъ на этотъ разъ къ открытому гнѣзду, онъ нашелъ въ немъ кукушечку не старше 24 часовъ отъ роду, три цѣлыхъ яйца альпійской щеврицы, а по близости гнѣзда и четвертое, лежавшее въ травѣ. Всѣ яйца, изъ которыхъ были вырѣзаны птенцы, очень близкіе къ вылупленію, находятся въ коллекціи Бальдамуса какъ доказательство этого случая.

Послѣ такихъ наблюденій, исключаящихъ всякое сомнѣніе, едва-ли можно еще оспаривать упомянутую заботу матерей кукушекъ. Но поступаютъ-ли онѣ такъ всегда, это другой вопросъ. То обстоятельство, что онѣ кладутъ иногда яйца въ гнѣзда, не предназначенныя къ высидыванію или уже покинутыя, не говоритъ въ пользу безусловной материнской заботы. Почти всѣ внимательные наблюдатели орнитологи находили кукушкины яйца въ покинутыхъ или нестроено-

ныхъ гнѣздахъ. Но кромѣ Либѣ между прочими также и Пасслеръ находилъ ихъ въ гнѣздѣ каменки, покинутомъ этими птицами, а также и Вальтеръ въ совершенно неупотреблявшихся гнѣздахъ, назначенныхъ только для сна, которые строятъ себѣ крапивники рядомъ съ гнѣздами для потомства. Сообщение такого опытнаго наблюдателя, какъ Ад. Мюллеръ, который наблюдалъ даже кукушку, которая сама высиживала, сидя на гнѣздѣ, было встрѣчено очень недовѣрчиво.

Періодъ размноженія кукушки продолжается во все время, пока она кричитъ, т. е. мѣняется не только по преобладающей въ данномъ году погодѣ, но и по положенію мѣстности, напримѣръ, на сѣверѣ или въ высокихъ горахъ, оно начинается позже, но зато также дольше продолжается, чѣмъ на югѣ или въ долинахъ. Размноженіе кукушки, какъ и вся ея жизнь, приравливается къ гнѣздованію мелкихъ птицъ. Съ нѣкоторымъ удивленіемъ услышалъ я на вершинѣ Исполиновыхъ горъ голосъ кукушки еще въ концѣ іюля, который 600 или 800 м. ниже уже давно пересталъ звучать. Но наверху, на голой высотѣ, покрытой только кустами, водяныя щеврицы еще занимались выводкой второго семейства, и это было достаточнымъ основаніемъ для кукушки, чтобы она поселилась на высотахъ, тогда какъ въ прежніе мѣсяцы, она ихъ, если и не совсѣмъ избѣгала, то все-таки гораздо рѣже посѣщала, чѣмъ теперь. Я смѣю заключить изъ этого наблюденія, что во время кладки яицъ кукушка въ необходимомъ случаѣ странствуетъ, чтобы найти новыя, подходящія для нея гнѣзда.

На счетъ продолжительности времени, необходимаго для созрѣванія яицъ кукушки, имѣются различныя мнѣнія. Тогда какъ большинство считаетъ, что между кладкою каждаго яйца проходитъ отъ 6—8 дней, Вальтеръ увѣряетъ, что онъ совершенно достовѣрно убѣдился на двухъ кукушкахъ, что онѣ клали по крайней мѣрѣ по два яйца въ недѣлю и прибавляетъ къ этому другія наблюденія, кажушіяся очень доказательными. Но этотъ-же самый наблюдатель узналъ, что самка иногда нуждается въ 6-ти дняхъ, чтобы положить второе яйцо, слѣдующее за первымъ, и заключаетъ изъ этого, что зоологи наблюдали вѣрно, когда опредѣляли промежуточное время въ 6—8 дней. Но онъ все-таки думаетъ, что долгое время обозначаетъ истощеніе, которое мы замѣчаемъ у всѣхъ несущихся птицъ. Если бы можно было доказать, что самка кукушки на самомъ дѣлѣ каждые 3—4 дня кладетъ по яйцу, то оказалось-бы, что она во время своего размноженія сноситъ необыкновенно большое число, приблизительно 20—24 яицъ.

«Замѣчательно», говоритъ Бехштейнъ, «съ какимъ удовольствіемъ птички видятъ приближеніе кукушки къ своимъ гнѣздамъ. Въмѣсто того, чтобы оставлять свои яйца, какъ онѣ это дѣлаютъ, когда къ ихъ гнѣзду слишкомъ близко подходитъ человекъ или какое-либо другое существо, или отъ горести падать на землю, точно мертвая, онѣ, напротивъ того, совершенно виѣ себя отъ радости. Напримѣръ, самка королька, высиживающая свои собственныя яйца, тотчасъ-же слетаетъ съ нихъ, когда кукушка приближается къ ея гнѣзду и оставляетъ ей мѣсто, чтобы она по возможности удобно могла положить свое яйцо, при чемъ сама въ это время прыгаетъ вокругъ нея и призываетъ веселыми звуками самца, чтобы и онъ подлетѣлъ и принялъ участіе въ радости и чести, которыя имъ принесла эта большая птица». Въ другомъ мѣстѣ Бехштейнъ прибавляетъ слѣдующее: «Судя по полному согласію между настоящими родителями и пріемными, т. е. птичками, необходимыми для воспитанія потомства кукушекъ, крики, испускаемые маленькими птичками при видѣ кукушки, скорѣе можно принять за крики радости. Можетъ быть онѣ даже хотятъ приманить кукушку, чтобы она и имъ поручила воспитаніе одного птенца. Тотъ, кто понимаетъ птичій языкъ, найдетъ,

можетъ быть, это объясненіе основательнѣе и вѣрнѣе; между тѣмъ многія хотятъ объяснить эти крики страхомъ, происходящимъ отъ того, что при первомъ взглядѣ принимаютъ кукушку за ястреба, такъ какъ она имѣетъ крылья и полетъ этой птицы, которую эти маленькія птички ужасно боятся».

Это, положимъ, очень поэтично, но, къ сожалѣнію, невѣрно. Всѣ птицы, на долю которыхъ выпадаетъ сомнительная честь выращивать кукушекъ, напротивъ того, неоспоримымъ образомъ выказываютъ свой страхъ и изо всѣхъ силъ стараются отогнать кукушку. Онѣ очень хорошо знаютъ ея привычку и нисколько не ошибаются въ своихъ сужденіяхъ. Ни одна изъ нихъ не принимаетъ ее за ястреба. Это становится очевиднымъ для самаго простаго и неопытнаго взгляда, при нѣсколько осмотрительномъ и безпристрастномъ наблюденіи. Насколько мелкія птички дразнятъ соколовъ, насколько съ явно боязливими и шумвыми криками нѣкоторыя изъ нихъ преслѣдуютъ даже ястреба, настолько-же различно держатъ онѣ себя при своихъ нападеніяхъ на кукушку. Какъ я очень часто наблюдалъ, онѣ преслѣдуютъ кукушку не только на лету, но также и тогда, когда она смирно сидитъ и кричитъ на своемъ деревѣ. Онѣ показываются около нея, безъ сомнѣнія, привлекаемыя хорошо извѣстнымъ имъ крикомъ и стараются на лету столкнуть ее, держатся даже около нея, трепеща крыльями, какъ это онѣ дѣлаютъ съ совами, но никогда не съ ястребами. Это совершается съ полной увѣренностью въ безопасности, съ такой дерзостью и продолжительностью, что онѣ не только мѣшаютъ кричать кукушкѣ и заставляютъ ее оборвать свой голосъ, но буквально принуждаютъ ее защищаться. Она это дѣлаетъ, кусая ихъ и издавая свои вышеописанные, хрипло звучащія, какъ «зерр» звуки; но ея защита рѣдко увѣнчивается желаннымъ успѣхомъ, такъ какъ маленькія птички снова бросаются на нежеланнаго гостя и подъ конецъ все-таки принуждаютъ его покинуть свое мѣсто, послѣ чего только и начинается настоящая охота. Если-же кукушка приближается къ гнѣзду, то его владѣльцы криками и беспокойствомъ, которые всѣмъ вполне понятны, извѣщаютъ о своемъ большомъ страхѣ, относительно опасности, угрожающей ихъ потомству. Кукушка также вовсе не любитъ власть свое яйцо въ присутствіи будущихъ пріемныхъ родителей. Она прилетаетъ—какъ воръ, большею частью ночью, справляетъ свое дѣло и быстро улетаетъ, какъ только она его окончила. Но замѣчательнымъ кажется то, что тѣ самыя птицы, которыя ненавидятъ всякое беспокойство и перестаютъ высидывать, если кто нибудь тронетъ ихъ яйца, не выкидываютъ кукушкино яйцо изъ гнѣзда, но продолжаютъ нестись. Онѣ ненавидятъ самку-кукушку, но все-таки не отказываются отъ заботъ объ ея яйцѣхъ и потомствѣ.

Молодая кукушка выходитъ изъ яйца въ очень безпомощномъ видѣ, и, какъ говоритъ Науманъ, «она очень замѣтна по своей уродливо толстой головѣ съ большими глазами. Сначала она растетъ скоро, и все время, пока изъ черноватой кожи показываются пеньки, она на самомъ дѣлѣ очень некрасива. Мнѣ нѣсколько разъ рассказывали, что, случайно проходя мимо, на первый взглядъ принимали ее за сидящую въ гнѣздѣ большую жабу». Молодая кукушка, которую нашелъ Пэслеръ, въ три дня выросла вдвое и была покрыта синевато-черными стволками и пеньками, но была еще слѣпа. На 11-й день она заняла собою все гнѣздо, а голова и шея, какъ и гузка, даже выдавались за края гнѣзда. Глаза были открыты. Она имѣла на крыльяхъ бурья покровныя перья и синевато-черные стволы перьевъ съ такими-же короткими перышками; животъ былъ еще совершенно голый. 16-го она уже вылетѣла. Развитіе идетъ, какъ это легко можно понять, не одинаковымъ образомъ у всѣхъ кукушекъ. Одна сидитъ дольше, другая меньше въ гнѣздѣ, и одна можетъ быть еще отвратительнѣе другой; но въ общемъ преди-

дуція показанія Наумана и Пэслера совершенно вѣрны. Насколько беспомощна только что вылупившаяся птица, настолько она и прожорлива. Она требуетъ больше пищи, чѣмъ могутъ ее добыть воспитатели, и она ее сильно выхватываетъ, если еще въ это время находятся въ гнѣздѣ ея названные братья, у нихъ передъ самымъ клювомъ, и наконецъ выкидываетъ ихъ изъ гнѣзда, если они не умираютъ съ голоду, или-же, если кукушка не уберетъ или не убьетъ ихъ. Отсюда ясно, что въ гнѣздѣ всегда находились только одну, уже довольно большую кукушку.

Въ томъ фактѣ, что эта назойливая птица нарочно или на самомъ дѣлѣ выкидываетъ своихъ собратьевъ изъ гнѣзда, Фридрихъ могъ убѣдиться обстоятельными опытами. Первый случай относился къ почти голой молодой кукушкѣ, которая имѣла не болѣе трехъ дней. Наблюдатель присоединилъ къ ней восьмидневныхъ канареекъ, потому что она въ гнѣздѣ уже находилась одна. Молодой разбойникъ съ этой минуты не могъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока онъ, сильно ворочаясь и подпихивая головой, не перевернулъ на спину одну изъ нихъ, потомъ быстро и сильно выпрямился, сталъ двигаться назадъ и такимъ образомъ выкинулъ изъ гнѣзда положенную туда молодую канарейку. Совершенно такъ-же онъ обошелся и съ другими. Въмѣсто молодыхъ птицъ Фридрихъ взялъ скомканныя бумажки, положилъ ихъ въ гнѣздо и могъ наблюдать, какъ и онѣ были такимъ-же образомъ выкинуты черезъ его край. Позднѣйшіе опыты съ нѣсколькими болѣе взрослыми кукушками давали всегда тѣ-же результаты. Вальтеръ повторилъ въ болѣе совершенной формѣ опыты Фридриха. Онъ положилъ яйцо въ гнѣздо королька, въ которомъ сидѣла молодая кукушка, но, къ его удивленію, она его не выкинула, какъ и бумажные шарики, положенные имъ позже. Когда кукушкѣ минуло 7 дней, Вальтеръ принесъ къ ней нѣсколько дней назадъ вылупившагося, еще голаго сорокопуга. Кукушка до этого момента смотрѣла головой внутрь гнѣзда, но тотчасъ-же перевернулась, подпихнула заднюю часть своего тѣла подъ задъ сорокопуга и ловко выкинула его изъ гнѣзда». Повторенные опыты показали, что на яйца, положенныя въ гнѣздо, не обращалось вниманія, а птенцы всегда безцеремонно выкидывались. Если въ одно и то-же время двѣ кукушки высидиваются въ одномъ гнѣздѣ то самая слабая изъ нихъ терпитъ ту-же самую участь, какъ и другіе птенцы.

Замѣчательно одно наблюденіе Бруклахера. Этотъ изслѣдователь посадилъ молодую, уже оперившуюся кукушку, какъ только ее получилъ, въ уголь широкаго оконнаго карниза, на которомъ напротивъ, нѣсколько наискось, находилось гнѣздо съ четырьмя снигирями, оставленными на племя и имѣвшими 12 дней. Кукушка въ теченіи половины дня сидѣла совершенно спокойно въ своемъ углу, и ее тамъ и кормили; но вдругъ она попробовала двигаться, переваливаясь продвинулась впередъ, повернула по прямой линіи къ гнѣзду снигирей, и, подойди къ нему, стала въ него влѣзать; потомъ крѣпко усьлась на край, и, протискиваясь грудью впередъ, послѣ приблизительно двухъ часовой работы, на самомъ дѣлѣ овладѣла гнѣздомъ, несмотря на сопротивленія владѣльцевъ. При этомъ она не дѣлала другихъ движеній, и только, плотно прижавшись грудью къ гнѣзду, взмахивала крыльями, такъ что отстраняла молодыхъ снигирей и прижимала ихъ къ сторонамъ, пока послѣдніе не очутились на краяхъ гнѣзда, и несмотря на то, что здѣсь они держались еще нѣкоторое время, мало-по-малу попадали чрезъ край. Послѣ того, какъ кукушка счастливо завоевала гнѣздо, она въ немъ и осталась. «Какъ-бы ни былъ грубъ и непростителенъ такой образъ дѣйствій», заключаетъ Бруклахеръ, «я все-таки долженъ сказать, что она выпроводила гнѣздовладѣльцевъ изъ ихъ жилища самымъ цѣлесообразнымъ образомъ».

Милосердіе мелкихъ птичекъ, которое обнаруживается и въ этомъ случаѣ,

выказывается въ яркихъ краскахъ при выкармливаніи молодой кукушки. Съ трогательнымъ усердіемъ онѣ несутъ этому прожорливому уроду, оставшемуся на мѣстѣ погибшихъ ихъ собственныхъ птенцовъ, пищу въ изобиліи, приносятъ ему жучковъ, мухъ, комаровъ, маленькихъ гусеницъ, червей, и мучатся съ утра до вечера, не имѣя возможности набить ей рта и заставить замолкнуть ея вѣчное, хрипкое «циз цизис». Послѣ вылета онѣ также цѣлыми днями слѣдуютъ за ней, такъ какъ она не позволяетъ себя водить, но летаетъ, куда ей вздумается, и вѣрные воспитатели должны за ней слѣдовать. Иногда случается, что кукушка не въ состояніи протискаться черезъ узкое отверстіе древеснаго дупла; тогда ея пріемные родители остаются для нея даже до поздней осени, и кормятъ ее непрерывно. Наблюдались самки трясогузки, которыя еще кормили своихъ воспитанниковъ въ то время, когда всѣ ихъ родичи уже пустились въ странствованіе къ югу. Но дѣло однако не доходить такъ далеко, какъ это рассказываетъ Бехштейнъ. «Когда кукушка вылетитъ, то она садится на близко стоящее дерево, нѣсколько разъ потягивается, проводитъ клювомъ по перьямъ, и въ первый разъ издаетъ свой хриплый, трещащій голосъ. Какъ только это хрипкое крикливое «гиррке» нѣсколько разъ прозвучало въ извѣстной мѣстности, такъ всѣ мелкія птички—малиновки, славки, пѣночки, тѣнчиковки, пересмѣшники и ольшанки—слетаются вмѣстѣ, летаютъ вокругъ нея, привѣтствуютъ ее, осматриваютъ ее со всѣхъ сторонъ, радуются на нее, и тотчасъ-же изо всѣхъ силъ стараются доставить ей пищу. Она не успѣваетъ достаточно быстро открывать клювъ, такъ часто ей приносятъ кормъ. Доставляетъ большое удовольствіе смотрѣть, какъ каждая птица хочетъ имѣть преимущество угодить этому незнакомцу. Когда-же кукушка перелетаетъ на другое дерево, что бы наострится въ летаніи, то и тутъ птички слѣдуютъ за ней, и кормятъ ее до тѣхъ поръ, пока она не получитъ возможности обходиться безъ ихъ помощи». Къ несчастью и это утвержденіе Бехштейна невѣрно. Мой отецъ посадилъ очень голодную молодую кукушку на крышу дома. Трясогузки и горихвостки прыгали по крышѣ; онѣ осматривали ее, но ничего не принесли ей съѣстнаго. Высадили на эту-же самую крышу другую молодую кукушку, которую кормили очень мало, такъ что она постоянно кричала. Но никакой пѣвунъ, ни одна трясогузка не скалились надъ ней. «Чтобы убѣдиться окончательно», говорить мой отецъ, «я снялъ ее съ моей крыши и вынесъ ее на волю, въ одну долину, въ кустахъ которой находилось много пѣвчихъ птицъ. Здѣсь я посадилъ ее на сучекъ дерева, не привизывая ее, такъ какъ она могла летать только недалеко. Я долго ждалъ, пока кукушка изо всего горла не закричала. Наконецъ прилетѣла трешетка, которая недалеко отъ этого мѣста имѣла птенцовъ, съ насѣкомымъ въ клювъ, подлетѣла къ кукушкѣ, осмотрѣла ее—и понесла пищу своимъ птенцамъ. Никакая другая пѣвчая птица не приблизилась». Грустно за хорошенькіе рассказы Бехштейна!

Молодыя кукушки, вынутыя изъ гнѣзда, выкармливаются легко, довольствуются каждой подходящей пищей, и лишь требуютъ ее въ достаточномъ количествѣ. Но онѣ не составляютъ пріятныхъ комнатныхъ птицъ. Ихъ прожорливость портитъ воспитателю всякое удовольствіе. Птенцы, вынутые изъ гнѣзда въ самой первой молодости, очень скоро дѣлаются ручными; болѣе-же старыя, пугаясь приближающагося къ нимъ человѣка, поднимаютъ крылья, какъ хищныя птицы, и даже хватаютъ клювомъ руку, приносящую имъ пищу. Бехштейнъ, а послѣ него и другіе наблюдатели, называютъ поэтому молодую кукушку очень злобной птицей, но оказываютъ этимъ ей положительную несправедливость. Мой отецъ очень вѣрно замѣчаетъ, «что она, конечно, открываетъ ротъ, поспѣшно выдвигаетъ голову, но это она дѣлаетъ только для того, чтобы испугать врага, а также когда она го-

лодна; а голодна она всегда». Я долженъ подтвердить, что тѣ кукушки, которыя были у меня въ плѣну, нисколько не были злобны; я даже здѣсь долженъ точно повторить, что я не могъ наблюдать ничего такого, что говорило бы объ ихъ неуживчивости съ другими птицами, о чемъ упоминаетъ Науманъ. Мои плѣнники жили съ попугаями, дубоносами, кардиналами, горными и степными жаворонками, удодами, различными пѣвчими птицами, турако, голубями и т. д., были также нѣкоторое время въ одной клѣткѣ съ маленькими западно-африканскими зябликами, но, насколько мы могли замѣтить, они не обидѣли ни одной изъ этихъ птицъ. Кукушки, пойманныя даже взрослыми, иногда очень скоро приручаются. Самка, пойманная Дене, шла на встрѣчу уже на третій день, когда ея хозяинъ протягивалъ ей пищу. Замѣчательно то, что пойманная кукушка рѣдко кричитъ въ клѣткѣ. Изъ всѣхъ, за которыми я ухаживалъ, а ихъ было не малое число, ни одна не издавала ни одного звука; но Бруклахеръ, напротивъ, замѣчаетъ, что его ручная кукушка хотя только всегда одинъ разъ, а не нѣсколько разъ подъ рядъ, издавала извѣстный крикъ «куку». Но, по словамъ Гааке, кукушка, живущая во Франкфуртскомъ зоологическомъ саду, очень усердно и ясно издаетъ свое «куку», какъ уже было упомянуто выше.

Взрослая кукушка имѣетъ мало враговъ. Ловкость ея полета спасаетъ ее отъ преслѣдованій большинства соколовъ, а отъ лазящихъ хищниковъ она, вѣроятно, всегда уходитъ. Она терпитъ отъ преслѣдованій мелкихъ птицъ, и не только отъ тѣхъ видовъ, которымъ она аккуратно поручаетъ свое потомство, но также и отъ другихъ. На первомъ планѣ, какъ и должно ожидать, возятся съ нею храбрыя трясогузки. Всѣ три здѣшнихъ вида преслѣдуютъ ее уже описаннымъ образомъ какъ только она показывается. Кромѣ нихъ я видѣлъ; какъ иволга, наши сорокопуты, большая мухоловка, пѣночки, пересмѣшки и наконецъ славки нападали на нее. По наблюденіямъ Вальтера, ее обижаетъ и зеленый дятель, и во всякомъ случаѣ гораздо серьезнѣе, нежели вышеназванныя птицы. Этотъ бурный летунъ скоро настигаетъ улетающую кукушку, и такъ ее пугаетъ, что она подъ конецъ отъ страха не знаетъ, что дѣлать. Кукушка, преслѣдуемая зеленымъ дятломъ, которую наблюдалъ Вальтеръ, воспользовалась единственнымъ деревомъ, находившимся на дорогѣ, чтобы укрыться въ тонкихъ вѣточкахъ его верхушки. Но и здѣсь дятель поползъ за ней и привудилъ ее къ новому побѣгу къ лѣсу, стоящему по крайней мѣрѣ въ 50 шагахъ отъ того дерева. Уже послѣ того, какъ кукушка перелетѣла разстояніе, приблизительно около 20 шаговъ, дятель ее опять догналъ и такъ сильно сталъ ее тѣснить и толкать, что, вопреки своей привычкѣ, она опустилась на голое поле. Но и сюда за ней послѣдовалъ дятель, и Вальтеръ, точному наблюденію котораго, къ сожалѣнію, препятствовалъ кустъ терновника, видѣлъ на землѣ только какой-то комокъ. Когда онъ обошелъ кустъ терновника, обѣ птицы исчезли. Кромѣ такихъ враговъ и различныхъ мучащихъ ее паразитовъ, взрослая кукушка терпитъ еще отъ самыхъ ловкихъ хищныхъ птицъ, но все-таки рѣже, чѣмъ кажется сначала. Но зато, когда она еще находится въ гнѣздѣ, она подвергается нападеніямъ многихъ враговъ. Лисицы, кошки, кунницы, ласки, вороны, сойки и другіе разорители гнѣздъ еще легче подмѣчаютъ эту большую птицу, чѣмъ законное населеніе такого гнѣзда, и уносятъ ее, какъ лакомую добычу. Также и члвкъ кое-гдѣ присоединяется къ названнымъ врагамъ кукушки, по незнанію и заблужденію. По понятію народа, кукушка зимой превращается въ ястреба, потому истребленіе ея кажется скорѣе подвигомъ, чѣмъ проступкомъ. Только тогда, когда эта озорница счастливо вылетѣла изъ гнѣзда и сдѣлалась самостоятельной, она ведетъ довольно обезпеченное существованіе. Обыкновенно тогда она остерегается че-

ловѣка, и тому, кто не сумѣетъ точно подражать ея голосу, бываетъ трудно къ ней приблизиться. Еще труднѣе поймать живьемъ взрослую кукушку. Я не знаю ни одного способа ловли, который-бы вѣрно велъ къ этой цѣли. Но все-таки такіе способы должны имѣться, такъ какъ въ Греціи, гдѣ кукушекъ ѣдятъ, и гдѣ на нихъ смотрять, какъ на лакомый кусокъ, приносятъ въ концѣ іюля на базары жирныхъ кукушекъ, которыя ловятся же какимъ-нибудь способомъ.

Я съ нѣкоторымъ правомъ прошу у всѣхъ пощады для кукушки. Лѣса обойтись безъ нея не могутъ, потому что она способствуетъ не только къ ихъ оживленію, но также и къ ихъ сохраненію. Мы привыкли думать, что весна начинается только съ крикомъ кукушки, а разумъ говоритъ намъ, что этотъ звучный крикъ имѣетъ еще совершенно другое, болѣе серьезное значеніе. «Какое человѣческое сердце, если оно не закоренѣло въ постыдномъ эгоизмѣ», говоритъ Гомейеръ, «не чувствуетъ себя одушевленнымъ, когда первый зовъ кукушки звучитъ весной? Молодые и старые, бѣдные и богатые слушаютъ съ одинаковымъ удовольствіемъ ея звучный голосъ. Если-бы можно было считать кукушку только за настоящую предвѣстницу весны, то уже только по этому она была-бы достойна пользоваться защитою человѣка. Кромѣ этого она самая главная истребительница многихъ вредныхъ насѣкомыхъ, которыя, кромѣ ея, не имѣютъ другихъ враговъ».

Зовъ кукушки обозначаетъ прилетъ одного изъ самыхъ вѣрныхъ хранителей лѣса. Главную пищу этой птицы составляютъ всевозможныя насѣкомыя, и только въ видѣ исключенія она ѣстъ ягоды; она съѣдаетъ также такихъ насѣкомыхъ, которыхъ не трогаютъ другія птицы, а именно волосатыхъ гусеницъ. Конечно, она предпочитаетъ волосатымъ и большимъ гусеницамъ гладкихъ и средней величины, какъ это наблюдалъ Либс, но при ея ненасытномъ обжорствѣ ей рѣдко случается быть очень разборчивой. «Поэтому она съѣдаетъ длинноволосыхъ паразитовъ обыкновенно безъ всякаго раздумья, но много издерживаетъ времени и старанія на каждое приготовленіе такого куска. Какъ и другія различныя насѣкомоядныя, она сжимаетъ клювомъ гусеницъ, очень ловко пропуская ихъ взадъ и впередъ поперекъ клюва, чтобы удобнѣе проглотить кусокъ. Большихъ гусеницъ она кидаетъ такимъ страннымъ образомъ, что при первомъ взглядѣ, движеніе, происходящее отъ этого, можно было-бы назвать неповоротливымъ и беспомощнымъ. Но эта привычка имѣетъ, безъ сомнѣнія, свою цѣль. Она далеко и горизонтально вытягиваетъ шею, схватываетъ гусеницу за задній конецъ, и не колотитъ ее о землю или о сучекъ, на которомъ сидитъ, а бьетъ ею по воздуху, описывая при этомъ клювомъ такую линію, которая точно соотвѣтствуетъ дугѣ, описанной рукой, когда ударяешь кнутомъ справа на лѣво. Этимъ она имѣетъ цѣлью не только полное растяженіе и смерть гусеницы, но также и удаленіе водянистаго ея содержимаго. Эта манера отбиваетъ охоту къ слишкомъ близкому наблюденію надъ илѣнной кукушкой, такъ какъ птица брызгаетъ жидкостью въ лицо и на платье. Но самое себя кукушка этимъ нисколько не пачкаетъ, такъ какъ держитъ и двигаетъ голову очень ловко. 10—15 разъ она протискиваетъ гусеницу черезъ клювъ и бьетъ ею по воздуху, прежде чѣмъ ее проглотить». Несмотря на аккуратность и на продолжительность такого приготовленія, она сравнительно съѣдаетъ очень много и поэтому очень полезна. Достаточно извѣстно, что именно между волосатыми гусеницами находятся самые ужасные истребители лѣса, а также, что онѣ часто размножаются въ ужасномъ количествѣ. Оклеветанная кукушка въ этомъ отношеніи оказываетъ большія, неизмѣримыя услуги. Ея ненасытный желудокъ становится благодарнымъ для лѣса, ея прожорливость-же самымъ его лучшимъ украшеніемъ, по крайней мѣрѣ въ глазахъ умнаго лѣсничаго. Кукушка больше въ состояніи сдѣлать для истребленія

предныхъ насѣкомыхъ, чѣмъ человѣкъ. Одно наблюдение Гомейера можетъ это доказать.

Въ началѣ юля 1848 года въ одномъ сосновомъ лѣсу, занимающемъ приблизительно 30 магдебургскихъ моргеновъ, показались нѣсколько кукушекъ. Когда Гомейеръ, послѣ нѣсколькихъ дней, опять зашелъ въ лѣсъ, число птицъ такъ явно возросло, что это происшествіе возбудило его любопытство до крайней степени. По приблизительной оцѣнкѣ въ лѣсу находилось, около 100 кукушекъ. Причина этого необычайнаго скопления скоро выяснилась, а именно лѣсъ посѣтила въ громадномъ количествѣ гусеница неразборчиваго шелкопряда. (*Liparis monacha*). Кукушки находили здѣсь изобиліе пищи, и прекратили только что начавшееся странствованіе, чтобы воспользоваться обильнымъ кормомъ. Каждая была усердно занята поисками своей пищи: одна птица часто въ одну минуту проглатывала больше десяти гусеницъ. «Если положить», говоритъ Гомейеръ «въ минуту на каждую птицу только по двѣ гусеницы, то это составитъ на сотню птицъ въ день, считая его (въ юль) въ 16 часовъ—192,000 гусеницъ, а въ 15 дней (такъ долго продолжалось пребываніе кукушекъ массамаи)—2,880,000 гусеницъ. Вслѣдствіе этого число гусеницъ неоспоримо и замѣтно стало уменьшаться, можно даже было подумать, что кукушки ихъ совсѣмъ истребили, такъ какъ позже на самомъ дѣлѣ отъ нихъ не осталось и слѣда.»

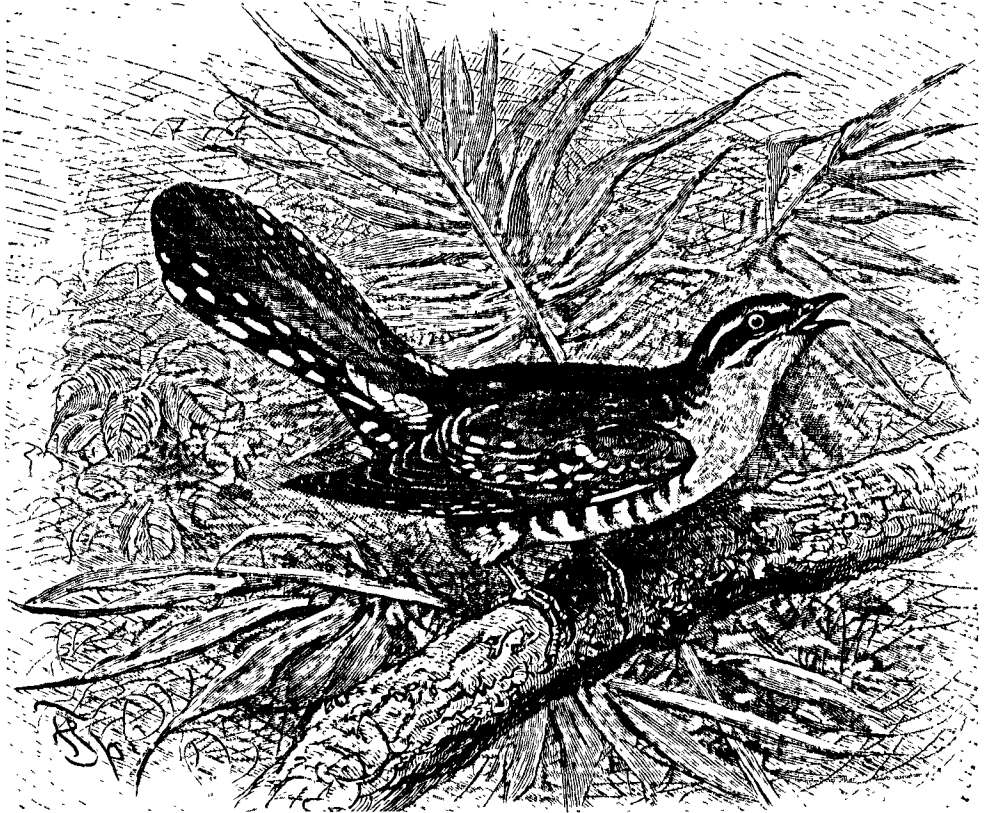
Это наблюдение прекраснаго изслѣдователя нисколько не составляетъ исключенія. Кто основательно наблюдалъ лѣсъ, обвѣденный гусеницами, тотъ всегда замѣтитъ, что кукушки, незанятая въ это время размноженіемъ, изъ далекихъ и близкихъ мѣстностей прилетаютъ къ этому лѣсу, чтобы у этой богатой трапезы удовлетворить свой почти ненасытный голодь. Разъ этотъ бичъ появляется, конечно и кукушки не могутъ ему воспрепятствовать; но онѣ ограничиваютъ и уменьшаютъ его вліяніе, можетъ быть даже не дозволяютъ ему развиться, и это исполняютъ очень хорошо. А потому—сохранить насколько возможно лѣсу его защитника, намъ—вѣстника весны, защитить его и заботиться о немъ, составляетъ долгъ каждаго умнаго человѣка, и мы должны выступать вездѣ и всегда противъ слѣпнаго заблужденія тѣхъ, которые думаютъ, что эта птица можетъ принести намъ вредъ.

* *
* *

Самыя вѣликолѣпныя кукушки населяютъ экваторіальныя страны Африки, Азии и Новой Голландіи. Названіе **Золотистыхъ кукушекъ** (*Chrysococcyx Goldkuckucke*. *Coccyzus dorés*) еще недостаточно обозначаетъ ихъ красоту, потому что ихъ опереніе блеститъ такими великолѣпными красками, какихъ не могутъ произвести сочетанія металловъ. Эта роскошь цвѣтовъ—одна изъ ихъ главныхъ примѣтъ, можетъ быть самая главная изъ всѣхъ. Онѣ очень маленькія, вытянутыя, длинокрылыя и длиннохвостыя птички. Клювъ средней длины, довольно слабый и въ общемъ такъ же устроенъ, какъ и у нашей кукушки; ноги имѣютъ короткую плюсну и длинные пальцы; крылья довольно острыя, а въ нихъ третье маховое перо самое длинное; хвостъ длиннѣе средней длины, нѣсколько округленъ съ боковъ; опереніе гладкое, но крупное.

Золотистая кукушка или **Дидрикъ** (*Chrysococcyx superus* или *auratus*, *Cuculus superus*, *auratus* и *chalcosephalus*, *Lampromorpha chalcosephala*, *Calcites auratus*, *Lamprococcyx auratus* и *chrysochlorus*. *Goldkuckuck*. *Coccyu doré*) на всей верхней части тѣла, за исключеніемъ нѣкоторыхъ свѣтлыхъ мѣстъ — блестяще золотисто-зеленаго цвѣта, съ мѣднымъ отблескомъ; но многія перья имѣютъ также

голубоватый отблеск на своих краяхъ и одно или два такихъ-же пятна. Вдоль середины темени, спереди и сзади глаза проходитъ бѣлая полоса; другая, окаймленная золотисто-зеленымъ цвѣтомъ, отходитъ отъ ротового угла. Вся нижняя часть—свѣтло-бурая или желтовато-бѣлая, но этотъ цвѣтъ здѣсь такъ ибѣженъ, что въ полной красѣ онъ бываетъ только непосредственно послѣ линьки, но при солнцѣ все-таки и у живой птицы выцвѣтаетъ въ бѣлый цвѣтъ. Боковыя, хвостовыя и нижнія кроющія перья крыльевъ—зеленоватыя, первыя большія и малыя маховыя перья,

Золотистая кукушка. *Chrysococcyx curpeus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

а также и наружныя рулевыя имѣютъ по темно-зеленому фону бѣлыя полосы. Глаза ярко-желто-бурого цвѣта, а у самца во время спариванія карминово-красныя; вѣки красно-коралловыя, клювъ темно-синій, ноги свѣтло-сѣро-голубыя. Длина птицы 19,5 см., размахъ крыльевъ 33, длина крыла 11, а хвоста 8,5 см. Самка немножко меньше, не такъ красива и легко отличается отъ самца своими пятнистыми нижними частями тѣла. Одѣяніе птенцовъ очень похоже на опереніе старыхъ птицъ, но у нихъ нижняя часть тѣла имѣетъ желтый отблескъ, грудь и горло металлически-зеленыя, съ перьями, похожими на чешуйки, перья верхнихъ частей съ ржаво-желтой каймой, а маховыя перья имѣютъ ржаво-желтыя пятнышки.

Левальянъ первый сообщил кое-что объ образѣ жизни золотистой кукушки. «Я ее встрѣчалъ», говоритъ онъ, «въ большей части южной Африки, отъ Слоновой рѣки до страны маленькихъ Намаковъ, и даже въ такомъ множествѣ, что я-бы

могъ убитъ тысячи ихъ. Я вижу изъ своей записной книжки, что я и мой вѣрный Клаасъ убили 210 самцовъ, 113 самокъ и 103 птенца.» Въ средней Африкѣ, гдѣ эту птицу наблюдали Рюппель, Гейглинъ, маркизъ Антинори и я, она далеко не такъ распространена. Насколько я помню, я ее встрѣчалъ всегда только въ первобытномъ лѣсу. Въ моихъ путевыхъ запискахъ ясно замѣчено, что она встрѣчается только въ самыхъ высокихъ и густыхъ деревьяхъ лѣса. Гейглинъ наблюдалъ ее на Бѣломъ и Голубомъ Нилѣ и въ Абиссиніи, нерѣдко и въ непосредственной близости человѣческихъ жилищъ или по сосѣдству загоновъ для стада. По показаніямъ того-же самого наблюдателя, она показывается въ этой послѣдней странѣ вначалѣ дождливаго періода и покидаетъ свои мѣста жительства съ вылетѣвшими птенцами въ сентябрѣ или октябрѣ. Антинори говоритъ, что кукушка прилетаетъ въ страну Богосовъ въ серединѣ іюня и всегда въ сопровожденіи своей самки. Она выбираетъ мѣстожительство въ горахъ на лѣсистыхъ и солнечныхъ скалахъ между 300 и 2000 м. надъ уровнемъ моря. Ее нетрудно отыскать, потому что самецъ легко замѣчается или благодаря своему крику или благодаря своимъ ссорамъ съ другими представителями своего вида. Его призывной крикъ — громкій, лохотящій на звукъ флейты свистъ, который Левальянъ выражаетъ слогами «дида-дидидрикъ», Гейглинъ — «уидудидуди», Фишеръ — «тютютю.» Тейсцъ, который эту птицу наблюдалъ особенно въ западной части Конго, просто говоритъ объ ея криковомъ свистѣ, который ясно звучитъ въ тихихъ, всегда довольно безмолвныхъ лѣсахъ и кустарникахъ. Самка, повидимому, издаетъ только тихій тонъ, звучащій, какъ «виквиъ»: имъ-же она отвѣчаетъ влюбленному самцу и приманиваетъ его. Въ любовное время самцы, число которыхъ, повидимому, едва замѣтно превышаетъ численность самокъ, почти такъ-же ревнивы и драчливы, какъ и самцы нашей кукушки. «Если самецъ гдѣ-нибудь издаетъ свой далеко звучащій голосъ», говоритъ Гейглинъ, «то тотчасъ-же другой голосъ отвѣчаетъ по близости, и нерѣдко видишь, какъ два или три самца упорно дерутся съ громкими криками. Вообще время спариванія во всѣхъ отношеніяхъ увеличиваетъ живость этой птицы. Такъ, Фишеръ говоритъ, что золотистая кукушка дѣлается очень замѣтной только въ серединѣ апрѣля, а раньше живетъ одиноко и смирно и поэтому только изрѣдка можно было ее видѣть на кокосовыхъ пальмахъ. Напротивъ, послѣ означеннаго времени, ее можно было почти всюду встрѣтить парами. Она, какъ и всѣ кукушки вообще — очень беспокойная птица, показывается то здѣсь, то тамъ, сначала свободно сидящею на верхушкѣ манговаго дерева, потомъ, болѣе спрятанная, въ кустахъ болота, и наконецъ въ садахъ, близко надъ землею. Какъ и всѣ ея родичи, она очень ловко летаетъ, и ея полетъ тѣмъ отличается, что она описываетъ сильно изогнутыя книзу линіи, въ видѣ дуги: нѣкоторые наблюдатели поэтому не безъ основанія сравниваютъ ея полетъ съ полетомъ трясогузки.

Въ желудкахъ птицъ, изслѣдованныхъ Фишеромъ, находились довольно большія волосатыя гусеницы, изъ чего такимъ образомъ можно заключить, что эта кукушка въ этомъ отношеніи похожа на своего европейскаго родича.

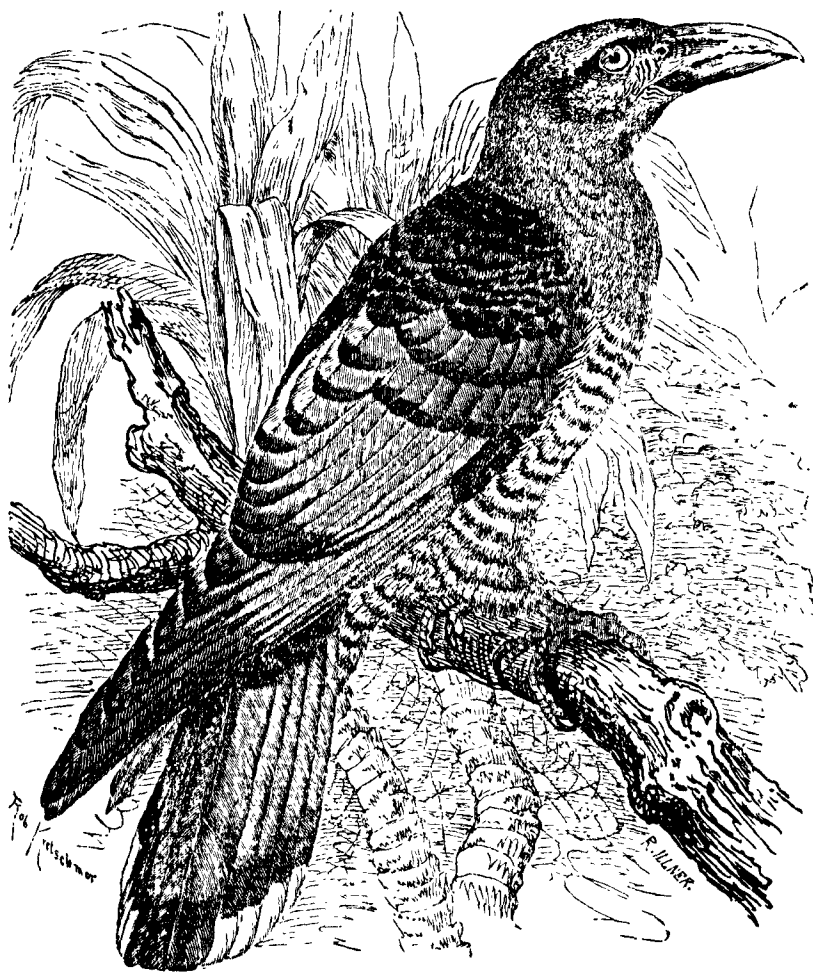
Какъ Левальянъ показываетъ, онъ нашелъ 83 яйца золотистой кукушки въ гнѣздахъ насѣкомоядныхъ птицъ, и увѣряетъ, что наблюдалъ, будто самка также несетъ въ клювъ свое яйцо въ гнѣзда птицъ, выбранныхъ ею для воспитанія ея потомства. По его показанію, онъ сдѣлалъ это открытіе случайно, когда захотѣлъ впахнуть пробку въ ротъ одной убитой имъ самки, чтобы помѣшать вытекающей крови испачкать опереніе, и онъ совершенно вѣрно заключаетъ, что всѣ остальные кукушки, должно-быть, поступаютъ такъ же. Яйцо блестяще-бѣлое. Гейглинъ нашелъ

въ яичникѣхъ вскрытыхъ ихъ самокъ въ іюлѣ и сентябрѣ почти зрѣлыя яйца, и замѣтилъ, что значительное число изъ нихъ было оплодотворено.

Считаю долгомъ замѣтить, что мы также получили на счетъ образа размноженія этой кукушки различныя, не согласныя между собой свѣдѣнія. Въ то время, когда Левальянъ и Айрѣсъ сообщаютъ, хотя только въ немногихъ словахъ, что она не высиживаетъ, Гейглинъ, маркизъ Антинори и Фишеръ скорѣе думаютъ наоборотъ. Гейглинъ замѣчаетъ, что онъ не могъ узнать ничего достовѣрнаго на счетъ того, высиживаютъ-ли золотистыя кукушки и ихъ ближайшіе родственники сами или нѣтъ? «Въ первомъ случаѣ», думаетъ онъ, «по моимъ наблюденіямъ старыя кукушки снова заботятся о полуоперившихся птенцахъ, такъ какъ я нѣсколько разъ видѣлъ въ октябрѣ 1861 г. около Керена, какъ одна золотистая кукушка, уже почти способная летать, сидѣла и кричала на верхушкѣ низкихъ кустовъ и изгородей и получала кормъ отъ взрослыхъ, по всей вѣроятности отъ своихъ настоящихъ родителей. Одинъ разъ даже два птенца сидѣли вмѣстѣ, но очевидно различнаго возраста.» Антинори не могъ собрать такого рода наблюденій, но получилъ одно показаніе отъ слуги — эфіопа Мунцингера, которое говоритъ въ пользу предположенія, что эти птицы высиживаютъ сами. Разъ поймали золотистую кукушку въ одномъ зданіи, служившемъ тогда Мунцингеру конюшнею, и слуга-эфіопъ, на которомъ лежала обязанность ходить за животными, увѣрялъ Антинори, что въ предыдущихъ годахъ парочка этихъ кукушекъ, можетъ быть тѣ-же самыя птицы, выстроили гнѣздо во внутренности упомянутого строенія, а именно въ соломѣ крыши. Съ этими двумя показаніями согласуется и сообщеніе Фишера. Послѣ того, какъ золотистая кукушка своими криками выдала себя и привлекла на себя вниманіе Фишера, послѣдній получилъ возможность тщательно наблюдать за ней. Парочка поселилась именно въ очень маленькомъ, т. е. величиною съ комнату, окруженномъ стѣнами садикѣ, который находился въ серединѣ города; она посѣщала это мѣсто сначала ежедневно, а позже выстроила свое гнѣздо между немногими дынными деревьями (*Carica rарауа*) и густымъ кустарникомъ, составляющими растительность сада. Самка, которая оставалась при гнѣздѣ, каждый разъ криками встрѣчала самца, когда онъ прилеталъ къ гнѣзду. «Гнѣздо», такъ пишетъ Фишеръ отъ 4 мая 1877 г., «въ настоящее время закончено, и я надѣюсь такимъ образомъ, если владѣлецъ сада дастъ мнѣ на это позволеніе, послать вамъ гнѣздо и яйца кукушки этого вида.» Это было-бы доказательствомъ, что золотистая кукушка высиживаетъ сама.

Туановыя кукушки (*Coccytinae*) составляютъ второе подсемейство, самый крупный представитель котораго живетъ въ Австраліи. Клювъ, вслѣдствіе котораго эта птица считается соединительнымъ звеномъ между кукушками и перцеядными, длиннѣе головы, большой, толстый и сильный, довольно высокій и широкій при основаніи, сжатый съ боковъ, сильно согнутъ по спинкѣ, также на концѣ крючкомъ внизъ, причемъ нижняя половинка также отогнута книзу. Смотря по возрасту птицы, на верхней половинкѣ показывается большее или меньшее число продольныхъ морщинъ, которыя оканчиваются на краяхъ челюсти слабыми, похожими на зубцы выемками. Ноги сильныя и съ короткой плюсвой, ихъ пальцы толстыя, но не особенно длинныя. Крыло, въ которомъ третье маховое перо самое длинное, достигаетъ приблизительно середины сравнительно короткаго, закругленнаго хвоста, который, какъ обыкновенно, состоитъ изъ 10 перьевъ. Опереніе довольно густое, въ окраскѣ не лишенное сходства съ опереніемъ нашей кукушки. Уздечка и область вѣкъ — голыя.

Исполинская нуношна (*Scythrops novae-hollandiae*, *australis*, *australasiae* и *goerang*, *Riesenkuckuk*, *Scytrope géant*.), которая составляетъ единственный видъ этого рода, на головѣ и шеѣ красиваго пепельнаго цвѣта; верхняя часть тѣла, съ крыльями и хвостомъ включительно—сѣро-бурая; каждое перо верхней части спины, плечъ, надхвостья и верхнихъ кроющихъ перьевъ хвоста—съ широкими, бу-

Исполинская кукушка. *Scythrops novae-hollandiae*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

рыми каймами; нижняя часть тѣла свѣтло-пепельная; брюшко, бедра и нижнія кроющія перья хвоста—сѣровато-бѣлыя, съ темными, идущими наискось полосками. Маховыя перья имѣютъ на концѣ широкую черно-бурюю полосу; хвостовыя перья, внутреннія опахала которыхъ имѣютъ семь черныхъ линий по ржавому, желтовато-бѣлому фону, имѣютъ такую-же полосу передъ широкой, бѣлой оконечностью хвоста. Глаза каріе, голое кольцо около глазъ пурпурово-красное, клювъ желтовато-рогового цвѣта, ноги оливково-бурыя. Самка отличается отъ самца нѣсколько меньшей величиной. Длина птицы 65 см., длина крыла 34, а хвоста 26 см.

По письменному сообщенію Розенберга, исполинская кукушка не только на-

селяетъ одну Австралію, но находится также и въ Новой Гвинее, на Целебесѣ, Тернатѣ, Церамѣ и островахъ Ару. Гульдъ видѣлъ ее въ Новомъ Южномъ Валлисѣ, гдѣ она является какъ перелетная птица, прилетающая въ октябрѣ и улетая опять въ январѣ. Латамъ говоритъ, что обыкновенно ее можно видѣть рано утромъ и вечеромъ, иногда маленькими стаями въ 7—8 штукъ, но чаще попарно. Ея поведеніе и привычки, движенія, образъ кормленія и способъ размноженія доказываютъ существеннымъ образомъ ея принадлежность къ кукушкамъ. Когда она сидитъ, то кажется очень красивой, потому что она часто распускаетъ свой длинный хвостъ въ видѣ вѣера; когда она летитъ, то часто сильно напоминаетъ большого сокола. Первую исполинскую кукушку, которую Беннетъ убилъ въ ботаническомъ саду Сиднея, онъ принялъ сначала за сокола. Какъ и послѣдній, она высоко летала кругами, иногда прерывала это движеніе, чтобы парить, потомъ медленно опускалась, продолжала летать близко надъ верхушками высокихъ камедныхъ деревьевъ и казуарниковъ, а также облетала вокругъ этихъ деревьевъ, иногда описывая полные круги, иногда же перелетая отъ вѣтки до вѣтки и около нихъ приостанавливаясь, чтобы отыскивать кузнечиковъ и другихъ большихъ насѣкомыхъ. Она нѣсколько разъ нападала на нихъ, хватала ихъ съ листьевъ, или даже со стволовъ деревьевъ, при случаѣ громко и пронзительно крича, и паря съ распушенными крыльями передъ выдающимися вѣтками; все это дѣлалось совершенно такъ, какъ это дѣлаютъ обыкновенно соколы. Только послѣ того, какъ она продѣлала самыя различныя упражненія такого рода и обезпечила себѣ свой утренній кормъ, она опустилась на очень высокой сучекъ, съ котораго и была убита. Упомянутый пронзительный крикъ она издаетъ также сидя, какъ это она дѣлаетъ и на лету, но особенно тогда, когда соколъ или другой хищникъ показываются ей на глаза. Эльзей, который наблюдалъ эту птицу на сѣверѣ Австраліи, говоритъ, что она иногда издаетъ свой жалобный крикъ въ теченіи пяти минутъ. «Она иногда нисколько не заботилась о нашемъ присутствіи, но обыкновенно была очень пуглива. Она никогда не спускалась на землю; я всегда ее видѣлъ только на верхушкахъ самыхъ высокихъ деревьевъ». Желудокъ птицы, о которой упоминаетъ Беннетъ, содержалъ массу золотистыхъ жуковъ и большихъ кузнечиковъ. Въ желудкахъ другихъ исполинскихъ кукушекъ были найдены, кромѣ насѣкомыхъ, также плоды и сѣмена; особенно сѣмена красного камеднаго и перечнаго деревьевъ.

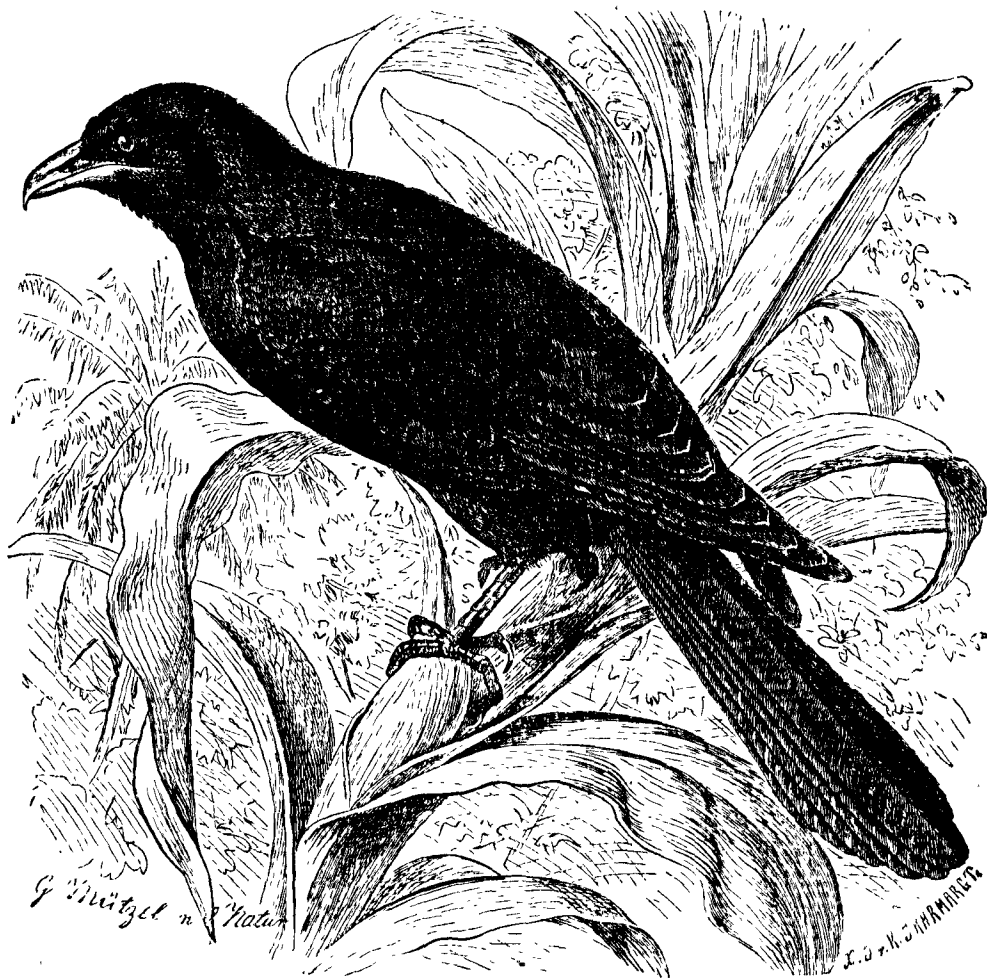
На счетъ размноженія подробныхъ свѣдѣній пока нѣтъ, но, повидимому можно все-таки предполагать, что и исполинская кукушка ввѣряетъ свои яйца чужимъ родителямъ. Гульдъ получилъ одну кукушку, которая, повидимому, была выкормлена двумя другими чужими птицами. Штранге нашель въ яйцеводѣ одной убитой имъ самки зрѣлое яйцо, которое было разрисовано по сѣро-розовому фону красновато-бурыми пятнышками и крапинками.

Молодая исполинская кукушка была пересажена въ клѣтку, въ которой до того времени содержалась гигантская алціона, и здѣсь надъ нею Беннетъ дѣлалъ наблюденія. Тотчасъ по прибытіи, повидимому голодный новичекъ открылъ клювъ и вдругъ гигантская алціона сжалилась надъ сиротой. Она добродушно взяла кусочекъ мяса, начала его разжевывать своимъ клювомъ до тѣхъ поръ, пока онъ ей не показался достаточно мягкимъ, и осторожно всунула его въ клювъ своего питомца. Она продолжала это воспитаніе до тѣхъ поръ, пока молодая кукушка не была сама въ состояніи питаться. «Когда я ее увидалъ», пишетъ Беннетъ, «она сидѣла на самомъ высокомъ мѣстѣ клѣтки, иногда приподнималась, хлопала крыльями и снова садилась, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые соколы, съ которыми она вообще имѣетъ сходство. Когда утромъ ей приносили кормъ, она слетала внизъ, но тотчасъ-же возвращалась

къ своему высокому мѣсту сидѣнія. Изъ того, что я видѣлъ, я готовъ сдѣлать заключеніе, что въ неволѣ она можетъ сдѣлаться очень ручной».

* * *

На южно-азиатскихъ островахъ и въ Полинезій живеть еще немногочисленный родъ тукановыхъ кукушекъ, которыхъ назвали **Мелкими тукановыми кукушками**. Ихъ

Кукиль. *Eudynamis nigra*. Молодой самецъ. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

признаки—толстый, сильный, очень зубчатый клювъ, сильно согнутый на спинкѣ, нижняя половина котораго почти прямая; у нихъ сильныя ноги, среднейдлины крылья, въ которыхъ четвертое маховое перо самое длинное; длинный, закругленный хвостъ, и довольно рыхлое, очень однообразно окрашенное опереніе, а именно болѣе мелкій самецъ обыкновенно черный, а самка болѣе или менѣе черная съ бѣлыми пятнышками.

* * *

Кукиль или Куиль индусовъ, Кога сингалезцевъ, Кузиль малайцевъ, Тугу или Чули яванцевъ (*Eudynamis nigra*, *Cuculus niger*, *variegatus*, *panayanus*)

maculatus, honoratus, scolopaceus, indicus, orientalis и crassirostris, Eudynamis chinensis и ceylonensis. Koel. Coucou noir). Самец блестящего зеленовато-черного цвета, самка блестящего темно-зеленого, с белыми крапинками на верхней части тела; крылья и хвост окаймлены белым; снизу они белые с черными пятнышками, которые в области шеи имеют продолговатую форму, а в грудной области — сердцевидную. Глаза пурпурово-красные, клюв бледно-зеленоватый, ноги аспидно-синего цвета. Длина самца 41 см., длина самки 46, размах крыльев самца 60, самки 63, длина крыла 19 и 21 см., длина хвоста столько же.

«Эта хорошо известная птица», замечает Жердонъ, «встречается во всей Индии, от Цейлона до Бирмы, и кроме того еще на Малайскихъ и Филиппинскихъ островахъ. Она населяетъ сады, рощи, аллеи и редкіе лѣса, ѣсть почти исключительно различные плоды, а именно фиги, бананы и т. п. и держится все-таки иногда маленькими стаями, несмотря на то, что необщительна. Она несколько не пуглива, но придерживается намъ уже известнаго спокойнаго, скромнаго образа жизни обыкновенной кукушки, пока находится въ вѣтвяхъ, и начинаетъ громко кричать, какъ только полетитъ. Ея полетъ отличается отъ полета кукушки, такъ какъ онъ не такъ покоенъ и ровенъ, и требуетъ большаго числа ударовъ крыльевъ. Во время размноженія кукиль становится шумнымъ, и его можно услышать во всякое время, даже посреди ночи, когда онъ издаетъ непрерывно свой хорошо известный крикъ «каэл каэл», который становится постепенно громче и громче. Впрочемъ, самецъ имѣетъ еще другой звукъ, звучащій какъ «хувиху» или «хоэхо», а когда онъ летитъ, издаетъ еще третій крикъ, который нѣсколько звучнѣе.

Блайтъ рассказываетъ объ этой птицѣ подробно. Кукиль хотя вообще похожъ на кукушку по своимъ движеніямъ, а также тѣмъ, что онъ обыкновенно перелетаетъ съ дерева на дерево, однако не особенно пугливъ и вообще позволяетъ приблизиться человѣку, сиди спокойно и не обращая ни на что вниманія, особенно во время ѣды. Когда становишься подъ дерево, покрытое плодами, можно убить такое количество кукиловъ, что едва хватаетъ времени, чтобы зарядить ружье. Смотря по тѣмъ или другимъ посѣвающимъ плодамъ, онъ держится больше на одномъ или другомъ деревѣ. Въ другое время онъ питается различными ягодами, которыя проглатываетъ цѣликомъ, а большія косточки которыхъ изрыгаетъ. Когда кукилы ѣдятъ, то можно видѣть нѣсколько птицъ близко другъ отъ друга; но у нихъ нѣтъ никакихъ товарищескихъ сношеній, и каждый самостоятельно занимается своимъ дѣломъ, какъ это наблюдается, повидному, у всѣхъ остальныхъ кукушекъ. Но когда приближается время спариванія, то всѣ привычки этой птицы измѣняются. Тогда кукиль превращается въ почти невыносимаго крикуна, громкіе зовы котораго слышатся непрерывно. Различныя народныя наименованія его, какъ и можно ожидать, подражаютъ его крику, похожему на крикъ кукушки, и если его слушать изъ нѣкотораго отдаленія, то онъ радуетъ слухъ своимъ безконечными повтореніями во всѣ часы дня или ночи, но подъ-конецъ онъ надоедаетъ всѣмъ европейцамъ. Туземцы думаютъ иначе. Они восхищаются этой птицей преимущественно изъ-за ея голоса, поэтому постоянно содержатъ ее въ клеткахъ и наслаждаются ею такъ-же, какъ мы самими хорошими пѣвунами. Вслѣдствіе этого плѣнный кукиль теряетъ скоро всякую робость и не сидитъ молчаливо и надувшись, какъ наша кукушка, а издаетъ свой громкій голосъ въ неволѣ такъ-же усердно, какъ и на свободѣ.

«Самка этой, столь известной въ Индии птицы», продолжаетъ Блайтъ, «кладетъ, повидному, свое яйцо исключительно въ гнѣзда обоихъ индійскихъ видовъ воронъ (*Corvus splendens* и *Corvus culminatus*). Яйца ея составляютъ такое обык-

новенное явленіе, что одинъ человѣкъ принесъ намъ заразъ 5—6 кукиловыхъ яицъ, изъ которыхъ каждое лежало въ особомъ гнѣздѣ. Очень часто находятъ въ гнѣздахъ воронъ только по одному яйцу этого паразита, и есть нѣкоторое основаніе думать, что кукиль разбиваетъ яйца вороны, въ гнѣздо которой онъ хочетъ положить свое собственное. Но еще остается недоказаннымъ, имѣеть-ли молодой кукиль «инстинктъ» выкидывать изъ гнѣзда могущихъ въ немъ быть сожителей. Я сильно сомнѣваюсь въ этомъ. Фритшъ, опытности котораго я придаю большое значеніе, увѣряетъ, что никогда не находилъ болѣе одного яйца кукила въ каждомъ гнѣздѣ, а также и никогда въ другихъ гнѣздахъ, кромѣ вышеозначенныхъ двухъ воронъ. Онъ часто наблюдалъ, какъ самка вороны выгоняла изъ своего сосѣдства самку кукила, и видѣлъ разъ, какъ послѣдняя, стараясь избавиться отъ преслѣдованія, съ такою силою налетѣла на стекло одного зданія, что тотчасъ упала на землю съ разбитымъ черепомъ». Маіоръ Давидсонъ рассказываетъ: «Съ веранды моего бунгало, я вдругъ услышалъ громкіе крики въ травѣ, и подбѣжалъ къ этому мѣсту, думая, что молодая ворона выпала изъ гнѣзда. вмѣсто ея, къ своему изумленію, нашелъ молодого кукила. Я приблизился на нѣсколько шаговъ и увидалъ, какъ птенецъ получалъ пищу изъ клюва вороны, и при этомъ дрожалъ и распускалъ крылья». Одинъ туземецъ, который здѣсь присутствовалъ, увѣрялъ, что кукиль всегда выкармливается своей приемной матерью, и что этотъ уходъ продолжается до того времени, пока чужая птица не окажется способной заботиться сама о себѣ. «Яйцо кукила», говоритъ дальше Блайтъ, «имѣетъ 30 м.м. длины и 18—22 м.м. ширины, по своей формѣ оно очень похоже на яйцо странствующей сороки (*Dendrocitta rufa*), но его цвѣтъ ярче и оно покрыто по оливковому фону равномерно густыми красновато-бурыми пятнами, которыя расположены чаще къ тупому концу яйца. Для глаза зоолога это яйцо имѣетъ замѣтно кукушечій видъ.

Въ противоположность сообщеннымъ Давидсономъ фактамъ, Филиппъ рассказываетъ, что онъ самъ и одинъ образованный туземецъ, очень опытный въ наблюденіяхъ и совершенно надежный, видѣли, что самка кукила, послѣ того, какъ снесла свое яйцо гнѣздо вороны, часто наблюдала за нимъ, сидя на нѣкоторомъ разстояніи, чтобы узнать, не выбросятъ-ли и ея птенца. Это случается, какъ только онъ получаетъ въ свое юношеское опереніе, а именно, какъ только становится способнымъ летать, и тотчасъ настоящая мать начинаетъ заботиться о кормленіи все еще безпомощнаго дѣтеныша. Онъ наблюдалъ это нѣсколько разъ во время своего пребыванія въ Гваліорѣ. Онъ самъ видѣлъ, что мать кукила кормила своего птенца. Птенецъ былъ почти выросъ и смирно сидѣлъ на деревѣ, въ то время какъ старая, прилетая и улетая, приносила ему плоды. «Кажется что дѣло происходитъ такъ», заключаетъ Блайтъ, «кукиль кладетъ другъ за другомъ нѣсколько яицъ, въ промежутки приблизительно 2—3 дней, какъ и европейская кукушка, а кромѣ того, когда чужой птенецъ бываетъ выкинутъ приемными родителями изъ гнѣзда, настоящая мать кормитъ его въ теченіи одного или нѣсколькихъ дней». Блайтъ сожалѣетъ, что не имѣлъ случая сдѣлать собственныхъ наблюденій въ этомъ отношеніи, и этимъ онъ хочетъ сказать, по крайней мѣрѣ я это такъ понимаю, что сообщенія Филиппа требуютъ подтвержденія.

Здѣсь Жердонъ прибавляетъ еще слѣдующее: «Самка кукила, какъ это давно извѣстно въ Индіи, кладетъ свои яйца почти исключительно въ гнѣзда блестящей вороны и гораздо рѣже въ гнѣзда другого вида воронъ. Обыкновенно она кладетъ только по одному яйцу въ каждое гнѣздо, и чаще всего, хотя и не всегда, разбиваетъ въ это время и одно изъ вороньихъ яицъ. Въ Индіи имѣется народное

преданіе, что ворона замѣчаетъ этотъ обманъ, когда молодой кукиль уже почти выростетъ, и тогда выпихиваетъ его изъ гнѣзда. Но на самомъ дѣлѣ это не всегда такъ бываетъ, такъ какъ я самъ видѣлъ, что вороны кормили птенца, послѣ того, какъ онъ уже покинулъ гнѣздо. Впрочемъ кажется, что вороны очень хорошо замѣчаютъ, когда кукиль имъ подсовываетъ свое яйцо». Мы узнаемъ изъ наблюдений Свинхоэ, что кукиль нисколько не ограничивается въ выборѣ воспитателей своихъ дѣтей птицами, названными упомянутыми выше изслѣдователями, но кладетъ свои яйца также и въ гнѣзда другихъ птицъ, хотя все-таки отдаленныхъ родственниковъ вороны, особенно въ гнѣзда мейны. Одинъ кукиль летѣлъ передъ глазами Свинхоэ къ дереву, и тамъ его привѣтствовала самка, которая возилась по близости гнѣзда одной мейны. Когда законный владѣлецъ гнѣзда возвратился съ прогулки, онъ бросился на пролазъ, но былъ ими побѣжденъ и принужденъ къ бѣгству.

Къ моей радости, при моемъ посѣщеніи Лондонскаго зоологическаго сада, я увидалъ одного изъ кукилокъ, подаренныхъ этому учрежденію остъ-индскимъ любителемъ птицъ—Бабу Раджендра Муликъ. Эта птица тогда уже два года находилась въ Лондонѣ, и была такъ здорова, что съ полнымъ правомъ можно было полагать, что она проживетъ еще нѣсколько лѣтъ. Ея пища въ плѣну состояла изъ варенаго риса и различныхъ плодовъ и ягодъ, свѣжихъ или сушеныхъ. Къ несчастью зоологическія богатства сада такъ меня увлекли, что я не могъ найти времени для основательнаго наблюденія этой замѣчательной птицы. Впрочемъ, мнѣ показалось, что кукиль отличается въ неволѣ большой живостью, и этимъ въ значительной степени, къ своей выгодѣ, отличается отъ нашей кукушки.

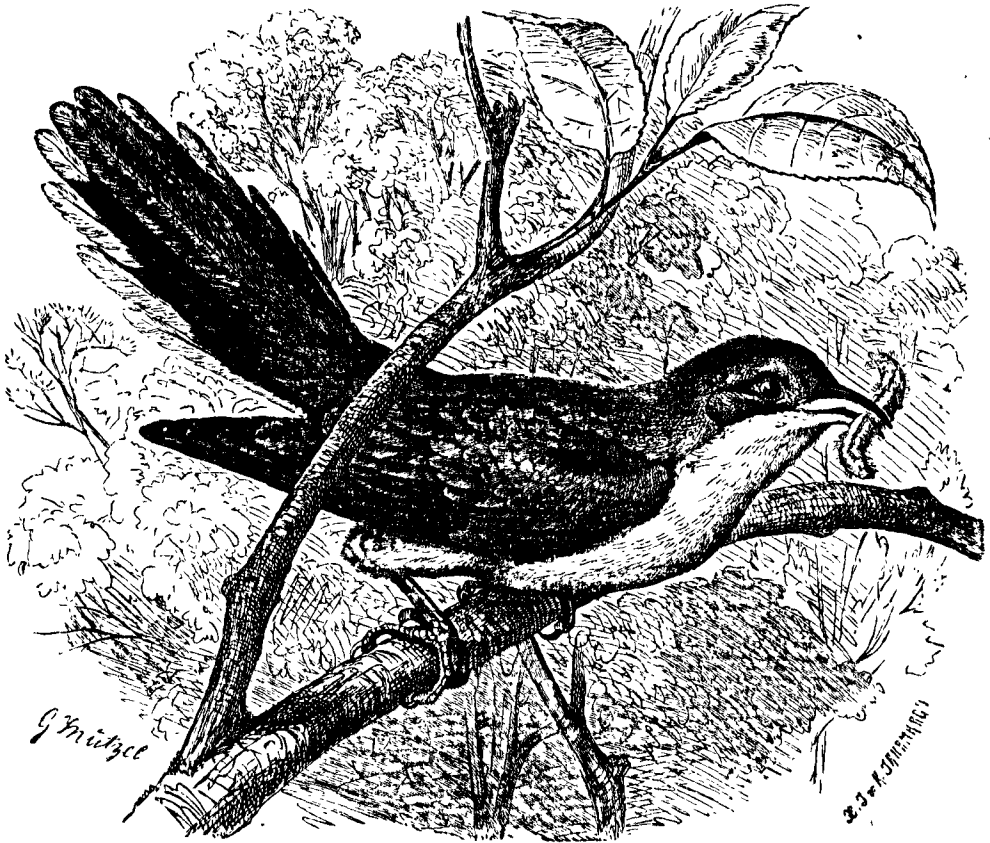
* *
*

Тукановыя кукушки, живущія въ Новомъ Свѣтѣ, называются **Высоконогими кукушками** (*Coccygus. Fersenkuckucke. Couas*). Онѣ отличаются сравнительно сильнымъ тѣломъ, болѣе или менѣе короткими крыльями, часто очень длиннымъ хвостомъ, состоящимъ изъ 10, а въ исключительныхъ случаяхъ изъ 12 перьевъ; довольно толстымъ клювомъ и ногами съ относительно высокою плюсною, которая у нѣкоторыхъ такъ развита, что даетъ возможность этой птицѣ иногда спускаться на землю. Опереніе отличается необыкновенною мягкостью. Самка почти всегда больше самца, но все-таки похожа на него по окраскѣ оперенія. Птенцы также едва отличаются отъ взрослыхъ.

Высоконогія кукушки распространены въ числѣ 10 видовъ въ тропическихъ странахъ Америки, но особенно въ южной части этого материка. Онѣ имѣютъ нѣкоторое сходство по нраву съ кукушками Стараго Свѣта, держатся въ лѣсахъ или заросляхъ, пугливы, любятъ одиночество, обыкновенно живутъ въ самыхъ густыхъ частяхъ кустовъ, здѣсь ловко проскальзываютъ между вѣтвей, и при случаѣ, вѣрнѣе, сходятъ и на землю. Пища ихъ состоитъ изъ насѣкомыхъ и плодовъ, но преимущественно изъ волосатыхъ гусеницъ нѣкоторыхъ бабочекъ. Кромѣ того, онѣ разоряютъ гнѣзда болѣе мелкихъ птичекъ, по крайней мѣрѣ проглатываютъ ихъ яйца, и поэтому могутъ сдѣлаться вредными. Но зато онѣ не уничтожаютъ потомства другихъ птицъ подкладываніемъ своихъ собственныхъ яицъ; онѣ обыкновенно высиживаютъ сами, и, повидимому, только въ исключительныхъ случаяхъ, можетъ быть въ крайней нуждѣ, подкладываютъ одно изъ своихъ яицъ чужимъ птицамъ.

Одинъ видъ этого рода, **Желтоклювая кукушка** (*Coccygus americanus, bairdii. и julieni, Cuculus americanus, carolinensis, dominicus и cinerosus, Coccygus, Erith-*

gophrys и *Circus americanus*. Regenkuckuck. *Soua american*) стала намъ известна по наблюдениямъ Вильсона, Одюбона, Нутталля, Ньютона, Бревера, Кауса и другихъ изслѣдователей. Опереніе верхней части тѣла, а также кроющія перья крыльевъ и оба среднихъ хвостовыхъ пера—свѣтло-сѣро-бурая съ слабымъ оттѣнкомъ; не очень замѣтная линия, проходящая черезъ ухо—болѣе темная: вся нижняя часть тѣла, съ боками шеи включительно—молочно-бѣлая съ нѣжнымъ сѣроватымъ оттѣнкомъ; маховыя перья, отъ третьяго до седьмого, въ основной половинѣ—коричнево-красноватыя; остальные снаружи и на концѣ бурыя, какъ и спина; хвостовыя перья, за исключеніемъ среднихъ черныхъ—бѣлыя на концѣ; наружныя-

Желтоклювая кукушка. *Coccyzus americanus*. 1/2 наст. вел.

же также бѣлыя на наружной части опахала. Глаза темно-каріе, клювъ сверху буро-черный, нижняя половина желтая, ноги сѣро-голубыя. Длина 33, размахъ крыльевъ 42, длина крыла 15, а хвоста 17,5 см.

«Иностранецъ», говоритъ Вильсонъ, «посѣщающій Соединенные Штаты, и въ май и юнѣ проходящій черезъ лѣса, слышитъ иногда низкіе горловые тоны, похожіе приблизительно на слоги «каукау»; они сначала издаются медленно, потомъ скорѣе, и такъ быстро оканчиваются, что звуки сливаются. Онъ можетъ эти тоны слышать часто, не замѣчая птицы, которая ихъ производитъ, потому что она пуглива и любитъ одиночество, и всегда отыскиваетъ себѣ для мѣстожительства самыя густыя кусты. Это и есть желтоклювая кукушка, лѣтняя птица Соединенныхъ Штатовъ, которая обыкновенно прилетаетъ въ серединѣ, или же, дальше къ сѣверу, въ концѣ

апрѣля, даже въ началѣ мая; она остается здѣсь до половины сентября, и тогда перелетаетъ въ среднюю Америку большими стаями, чтобы тамъ перезимовать». Эта птица распространена въ Соединенныхъ Штатахъ отъ Канады до Флориды, и отъ береговъ Атлантическаго до береговъ Тихаго океана, а также встрѣчается и даже часто является гнѣздящей птицею въ юго-западномъ Техасѣ и на всѣхъ главныхъ островахъ Вестъ-Индіи. Ньютонъ нашелъ эту птицу высиживающей въ Сентъ-Круа, Госсе—на Ямайкѣ, Гундлахъ и Лембей на Кубѣ, Сальвинъ въ средней Америкѣ. Ея область размноженія такимъ образомъ распространяется отъ Канады и Миннезота до Флориды и отъ Новаго Брауншвейга до Техаса. Въ южныхъ частяхъ этой области эти кукушки, вѣроятно, принадлежатъ къ кочующимъ птицамъ, а на сѣверѣ онѣ относятся къ перелетнымъ. Стаи, которыя образуются въ случаѣ странствованія, далеко растягиваются, но отдѣльныя особи ихъ не имѣютъ собственно между собой связи, несмотря на то, что одна птица этого общества слѣдуетъ за другой. Если эти странствующія стаи настигаются бурями, то можетъ случиться, что онѣ спасаются на маленькія острова Антильскаго моря, и тогда буквально переполняютъ большія пространства. Такое путешествующее общество видѣлъ Гурдисъ въ октябрѣ на Бермудскихъ островахъ. Стая, состоящая изъ нѣсколькихъ тысячъ птицъ, прилетѣла послѣ сильнаго юго-западнаго вѣтра съ дождемъ, и спустилась между кустами можжевельника на южномъ берегу, но уже на слѣдующій день продолжала свое путешествіе.

Скоро послѣ своего прилета весной можно вездѣ въ Сѣверной Америкѣ услышать желтоклювую кукушку, и если знать ея привычки, то дѣлается легко ее и наблюдать, такъ какъ она нигдѣ не составляетъ рѣдкости, а въ подходящихъ мѣстахъ встрѣчается даже часто. Большинство паръ поселяется конечно въ лѣсу, но очень многія прискиваютъ убѣжище также въ непосредственной близости жилищъ, напримѣръ въ садовыхъ деревьяхъ, и здѣсь самецъ скоро выдаетъ себя горловымъ крикомъ «кау кау» или «кук»; въ теплые дни, какъ замѣчаетъ Путталль, онъ кричитъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ безпрерывно, и даже въ теченіи ночи. Каусъ сравниваетъ этотъ крикъ съ крикомъ пенцеровой совы, и увѣряетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, очень легко ошибиться, и, слыша голосъ одной птицы, принять ее за другую. По наблюденіямъ Купера, этотъ крикъ также походитъ на голосъ жабы.

Желтоклювая кукушка—лазящая, а не бѣгающая птица. Въ вѣтвяхъ деревьевъ она движется съ ловкостью синицы, а на землю спускается рѣдко, и когда она здѣсь начинаетъ прыгать, то дѣлаетъ это необыкновенно неуклюже. Ея полетъ быстръ и безшуменъ, но все-таки рѣдко простирается далеко, чаще-же прерывается у перваго удобнаго дерева, такъ какъ эта птица, повидимому, чувствуетъ себя болѣе всего въ безопасности среди густыхъ верхушекъ деревьевъ. Когда она прокладываетъ себѣ путь черезъ вѣтви, она показываетъ, какъ говорить Одубонъ, то верхнюю, то нижнюю часть тѣла.

Ея пища состоитъ изъ насѣкомыхъ и плодовъ, а именно изъ бабочекъ, кузнечиковъ, волосатыхъ гусеницъ бабочекъ и т. п., а осенью изъ различныхъ ягодъ. Вѣроятно не безъ основанія подозреваютъ, что она разоряетъ гнѣзда болѣе мелкихъ птичекъ.

Каусъ описываетъ эту кукушку какъ дугливую и необщительную птицу, которая всего охотнѣе живетъ въ лѣсахъ, состоящихъ изъ высокихъ деревьевъ, и кромѣ этого встрѣчается также и въ большихъ паркахъ, даже расположенныхъ среди городовъ; но она обыкновенно всегда причется въ вѣтвяхъ. Только тогда, когда она преслѣдуетъ въ воздухѣ летящее насѣкомое, она становится замѣт-

ной, потому что тогда металлически-оливковый цвѣтъ верхней части ея тѣла блеститъ на солнцѣ и ярко отличается отъ бѣлоснѣжной нижней части тѣла. Обыкновенно ее можно слышать гораздо чаще, чѣмъ видѣть, и даже тогда, когда она перелетаетъ съ дерева на дерево, она дѣлаетъ это скрытнымъ образомъ. Когда она кричитъ, то сидитъ неподвижно, какъ статуя, на одномъ мѣстѣ, и также держитъ себя смирно, когда замѣтитъ какой-нибудь подозрительный предметъ. Нельзя сказать, повидимому, что она не любопытна; по крайней мѣрѣ часто можно наблюдать, какъ она съ испытующимъ взоромъ выглядываетъ изъ густыхъ вѣтвей, чтобы точнѣе разглядѣть какой-нибудь кажущійся ей необыкновеннымъ предметъ. Разоряя птичьи гнѣзда, она внушаетъ къ себѣ ненависть мелкихъ пернатыхъ, и какъ только она показывается, ее также усердно и настойчиво преслѣдуютъ, какъ и нашу кукушку.

Способъ размноженія представляетъ нѣчто удивительное въ томъ отношеніи, что эта птица все-таки не можетъ совсѣмъ отречься отъ своей кукушечьей натуры, и по крайней мѣрѣ иногда кладетъ свои яйца въ гнѣзда другихъ птицъ. Еще замѣчательно то, что самка тотчасъ-же начинаетъ высиживать яйца, какъ только она ихъ снесла, и что птенцы не вылупляются одновременно. Гнѣздо состоитъ изъ немногихъ сухихъ сучковъ и травы, весьма простое, плоское, похожее на гнѣздо обыкновенныхъ голубей и также прикрѣплено на горизонтальной вѣткѣ, часто не выше человѣческаго роста отъ земли. Яйца, въ числѣ 4—5, продолговатыя и ярко-зеленаго цвѣта. «Когда я находился», говоритъ Одюбонъ, «въ 1857 году въ началѣ юня въ Чарльстонѣ, я былъ приглашенъ однимъ господиномъ придти къ нему въ садъ, чтобы тамъ увидать гнѣздо странной птицы. Оно находилось приблизительно на серединѣ одного дерева умѣренной высоты, и сынъ названнаго господина легко добрался до него. Одна изъ старыхъ кукушекъ, сидѣвшая на немъ, покинула свое мѣсто только тогда, когда мальчикъ приблизился къ ней на нѣсколько сантиметровъ; тутъ она безшумно полетѣла къ другому дереву. Двѣ молодыя кукушки, которыя уже почти были въ состояніи летать, поспѣшно покинули свою колыбель и поползли между сучками, но здѣсь вскорѣ были пойманы. Гнѣздо содержало еще трехъ кукушекъ, но каждый птенецъ былъ различной величины. Самый маленькій изъ нихъ, повидимому, только-что вылупился; слѣдующій навѣрно имѣлъ также только два дня, тогда какъ самый большой изъ нихъ, уже довольно оперившійся, могъ-бы вылетѣть по истеченіи одной недѣли. Рядомъ съ этими птенцами лежало также еще два яйца въ гнѣздѣ; одно уже содержало птенца, а другое было еще свѣжее, значитъ только недавно снесенное. Когда мы стали разсматривать всѣхъ молодыхъ кукушекъ, одну рядомъ съ другой, мы увидѣли, къ нашему большому удивленію, что между ними не было даже двухъ одинаковой величины. Онѣ, вѣроятно, вылупились въ разное время, и самыя большія были на цѣлыя три недѣли старше остальныхъ. Ретъ увѣрялъ меня, что наблюдалъ то-же самое и въ другомъ гнѣздѣ, и рассказывалъ, что въ немъ высиживалось и выращивалось другъ за другомъ 11 молодыхъ кукушекъ, въ теченіи одного періода размноженія». Открытіе Одюбона подтверждалось позже наблюденіями Бревера. «Самка», пишетъ послѣдній своему другу, «повидимому, начинаетъ высиживать, какъ только она снесла первое яйцо. Я нашелъ въ гнѣздѣ еще свѣжее яйцо тогда, когда изъ другого только что готовъ былъ вылупиться птенецъ, а также я вынималъ яйца, созрѣвшія для вылупленія, въ то время, какъ въ томъ-же самомъ гнѣздѣ сидѣли не только маленькіе, но и готовые къ вылету птенцы.

По довольно подробнымъ наблюденіямъ Путталля, желтоклювая кукушка обы-

новенно покидаетъ свои яйца, если до нихъ дотрогивались прежде, нежели она начала ихъ высиживать, но выказываетъ самую нѣжную любовь къ своимъ птенцамъ и такъ близко подлетаетъ къ человѣку, безпокоющему гнѣздо, что ее можно поймать рукой. Какъ и у многихъ другихъ птицъ, въ такомъ случаѣ тотъ или другой изъ родителей припадаетъ къ землѣ, порхаетъ, шатается, представляется разслабленнымъ и употребляетъ обыкновенныя хитрости, чтобы отманить нарушителя спокойствія отъ гнѣзда. Въ этихъ случаяхъ желтоклювая кукушка также издаетъ слабые горловые звуки, которыхъ въ обыкновенное время неслышно. Пока самка высиживаетъ, самецъ остается вблизи ея, вѣрно караулитъ ее и предостерегаетъ самку отъ каждаго приближающагося врага. Послѣ вылупленія птенцовъ оба родителя соединяются и до самопожертвованія усердствуютъ, чтобы выростить свое прожорливое потомство. Ньютонъ подтверждаетъ показанія Нутталля; онъ наблюдалъ также одинъ случай супружеской вѣрности, о которомъ стоитъ упомянуть. Послѣ того, какъ онъ убилъ самца, который къ крикомъ упалъ на землю, мгновенно появилась самка и начала представляться, порхать надъ землею, какъ будто ея птенцы находились въ опасности. Гнѣздо, которое нашелъ Ньютонъ, лежало плохо спрятаннымъ на низкой вѣткѣ и было такъ мало, что въ немъ хватало мѣста только для трехъ яицъ и оно не помѣщало даже высиживающей самки. Последняя поднялась только тогда, когда Ньютонъ остановилъ свою верховую лошадь подъ гнѣздомъ и почти дотронулся хлыстомъ до высиживающей птицы. Нутталль думаетъ, что желтоклювая кукушка несется болѣе одного разъ въ году, по крайней мѣрѣ, онъ находилъ яйца еще въ концѣ августа. Замѣчательное наблюдение, что желтоклювая кукушка также иногда кладетъ свои яйца въ гнѣзда другихъ птицъ, принадлежитъ Нутталлю. Одно яйцо, по его словамъ, было найдено въ гнѣздѣ птицы-кошки, а другое въ гнѣздѣ странствующаго дрозда. Но этого не замѣчалъ ни одинъ другой наблюдатель.

Въ Америкѣ желтоклювая кукушка рѣдко преслѣдуется, и это объясняетъ ея непугливость. Впрочемъ, она скоро замѣчаетъ, хотять-ли ей добра или зла: опытъ научаетъ и ее. Одюбонъ говоритъ, что она часто дѣлается жертвою кречета.

* *

Въ началѣ этого столѣтія въ Люббенѣ, въ долинѣ Шпрэ, купца Мюллера извѣстили, что по близости его мѣстожителства въ болотистомъ лѣсочкѣ летали двѣ очень странныя птицы. Купецъ отправился съ своимъ ружьемъ къ указанному мѣсту и убѣдился, что сдѣланное ему сообщеніе было вѣрно. Онъ нашелъ двухъ необыкновенно пугливыхъ, похожихъ на кукушку птицъ, которыя безпрестанно летали отъ одного дерева къ другому и при этомъ громко кричали. Эти крики не имѣли сходства съ криками нашей кукушки, но скорѣе походили на смѣющійся зовъ дятла. Съ трудомъ удалось охотнику убить одну изъ нихъ. Послѣ выстрѣла, который заставилъ одну изъ птицъ упасть на землю, другая стала еще больше пугливой и, несмотря на всѣ старанія, не могла быть захвачена. Убитая птица позже попала въ коллекцію моего отца и послѣдній описалъ ее подъ названіемъ долгохвостой кукушки. Впослѣдствіи, конечно, выяснилось, что эта чужеземка была уже извѣстна орнитологамъ, благодаря Линнею, и была названа *Cuculus glandarius*; но во всякомъ случаѣ мой отецъ былъ первымъ, который извѣстилъ о появленіи этой птицы въ Германіи и по замѣчательному случаю мнѣ, сыну, пришлось первому объяснить натуралистамъ способъ размноженія этой птицы.

Родъ **Сойковыхъ кунушекъ** (*Coccytes. Häherkuckucke. Courols*) отличается

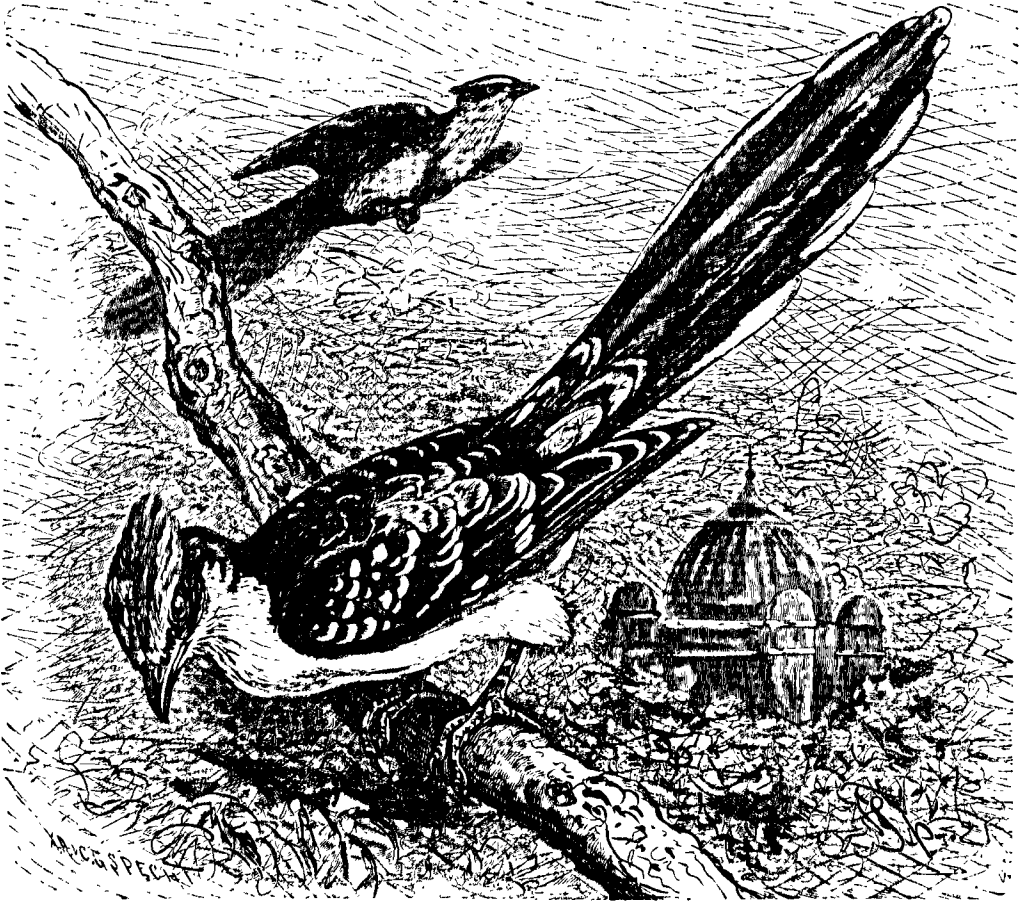
вытянутымъ тѣломъ, клювомъ длиною почти равнымъ головѣ, толстымъ и замѣтно широкимъ при основаніи, очень сжатымъ съ боковъ и согнутымъ; сильными и относительно длинными ногами, покрытыми перьями спереди ниже пяточного сочлененія, но сзади совершенно лишенными перьевъ; средней длины крыльями, въ которыхъ третье маховое перо самое длинное; клиновиднымъ хвостомъ, который длиннѣе тѣла, съ узкими перьями, между которыми наружныя приблизительно на половину короче среднихъ, и плотно лежащимъ опереніемъ, на головѣ образующимъ хохолокъ, одинаковый у обоихъ половъ, но нѣсколько различный, смотря по возрасту. Глогеръ, который установилъ этотъ родъ, причисляетъ къ нему еще многіе другіе виды, которыхъ въ наше время больше не признаютъ за близкихъ родственниковъ хохлатой кукушки. Несмотря на это, эта группа все еще принадлежитъ къ самымъ многочисленнымъ этого семейства, и именно въ Африкѣ имѣетъ много представителей.

Хохлатая нукуша (*Coccytes glandarius*, *Cuculus glandarius*, *macrurus*, *pirampus*, *phaiopterus*, *gracilis* и *andalusiae*, *Oxylophus* и *Edolius glandarius*. *Strausskuckuck*. *Courol à longue queue*) пепельнаго цвѣта на головѣ, бурая на спинѣ, сѣровато-бѣлая на нижней части тѣла; горло, бока шеи и передняя часть груди красновато-сѣро-желтыя, покровныя перья крыльевъ и малыя маховыя перья оканчиваются большими, широкими, трехугольными бѣлыми пятнами. Глаза темно-каріе, клювъ пурпурово-роговой, снизу свѣтлѣе, ноги сѣро-зеленоватыя. Длина приблизительно 40, размахъ крыльевъ 21, длина хвоста 22,5 см. Къ несчастью, я не могу дать точныхъ измѣреній, хотя я тщательно измѣрялъ нѣсколько паръ.

Африку должно считать настоящей родиной хохлатой кукушки. Въ Египтѣ и Суданѣ она, смотря по мѣстности, обыкновенна, а также и въ западной Африкѣ, въ сосѣдней Аравіи и Палестинѣ нерѣдко встрѣчается; въ нѣкоторые годы она очень распространена въ Персіи, а въ другіе очень рѣдко попадаетъ; въ Алжирѣ она также встрѣчается, и отсюда она болѣе или менѣе правильно перелетаетъ въ Европу. Въ Испаніи она является какъ гнѣздящая птица; въ Греціи она, кажется, встрѣчается рѣже, и по наблюденіямъ, имѣющимся до сихъ поръ, попадаетъ тамъ только случайно; въ Италіи ее также часто наблюдали. Вѣроятно ее можно видѣть во всей южной Европѣ почти ежегодно на удобныхъ мѣстностяхъ; по крайней мѣрѣ, по моимъ наблюденіямъ, она показывалась постоянно около Александріи, во время перелета, гдѣ обыкновенно не встрѣчалась. Она, вѣроятно, очень рѣдко залетаетъ въ Германію; но кромѣ вышеупомянутаго случая, извѣстенъ еще одинъ случай, что ее здѣсь убили. Она простираетъ свое зимнее путешествіе до Восточнаго Судана: я ее часто тамъ убивалъ и принималъ ее за перелетную птицу. Впрочемъ, безъ сомнѣнія, странствуютъ такъ далеко на югъ только тѣ, которыя поселились въ Европѣ, такъ какъ въ Египтѣ живущія птицы не покидаютъ своей родины въ мѣсяцы, соответствующіе нашей зимѣ.

Въ Египтѣ хохлатая кукушка рѣшительно предпочитаетъ небольшія роци мимозъ, которыя кое-гдѣ попадаются въ Пильской долині. Очень часто роцица, которую легко можно обойти въ четверть часа, даетъ пріютъ отъ 8—10 парочкамъ или по крайней мѣрѣ самцамъ, между тѣмъ какъ обыкновенно можно пройти или проѣхать большія пространства, не встрѣтивъ ни одной хохлатой кукушки. Въ Палестинѣ, гдѣ эта птица не менѣе часто встрѣчается, чѣмъ въ Египтѣ, она населяетъ, по словамъ Тристрама, преимущественно пегустыя лѣсныя насажденія, особенно дубовыя роци, появляется въ нихъ около конца февраля и покидаетъ ихъ

постоянно въ серединѣ осени. Подобныя-же мѣстности даютъ ей пріютъ и въ Испаніи; въ средней части сѣверной Африки, а именно на Газелевой рѣкѣ хохлатая кукушка, по словамъ Гейглина, населяютъ пространныя равнины, покрытыя густою травой, и пастбища, на которыхъ растетъ низкій кустарникъ. Въ Нижней Гвинее онѣ живутъ, по наблюденіямъ членовъ Гюсфельдской экспедиціи, на Доанго, въ саваннѣ, среди мелкихъ лѣсочковъ и кустовъ. Онѣ особенно замѣтны, когда, подобно соколу, быстро и ловко пролетаютъ между верхушекъ деревьевъ. По

Хохлатая кукушка. *Coccyzus glandarius*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

весьма понятнымъ причинамъ, хохлатая кукушка избѣгаетъ пустынь и высокихъ горъ и не любитъ безлѣсныхъ степей. Въ противоположность нашей кукушкѣ, хохлатую рѣдко можно встрѣтить въ одиночествѣ. Имѣтъ-ли время кладки какое-нибудь вліяніе на ея общественность—я не въ состояніи сказать; могу только сообщить, что именно во время кладки я встрѣчалъ хохлатыхъ кукушекъ въ сообществѣ ей подобныхъ, но птицы жили вовсе не мирно между собою. Алленъ, который вслѣдъ за мной путешествовалъ по Египту, говоритъ, что эти птицы всегда живутъ парами, Гейглинъ, — что видалъ ихъ по одиночкѣ; я-же утверждаю, что хохлатая кукушка вообще живетъ въ обществѣ и только въ исключительныхъ случаяхъ—въ одиночку.

Въ своемъ образѣ жизни и нравахъ хохлатая кукушка весьма мало имѣетъ сходства съ нашей. Полетъ ея, правда, нѣсколько напоминаетъ полетъ нашей кукушки, но во всемъ прочемъ обѣ птицы существенно отличаются другъ отъ друга. Онѣ обѣ очень подвижныя птицы, но хохлатая кукушка довольствуется, какъ уже замѣчено нами выше, гораздо меньшимъ пространствомъ, чѣмъ европейская. Она такъ-же непостоянна, какъ послѣдняя, однако чаще возвращается на старое мѣсто; она ревнива, но далеко не доходитъ до такой слѣпой ярости, какъ обыкновенная кукушка, у которой это чувство доходитъ до безумія. Само собою разумѣется, что влюбленные самцы запальчиво преслѣдуютъ другъ друга, при чемъ сильно кричатъ и борятся между собою; но все-же она ведетъ себя, по крайней мѣрѣ, болѣе прилично, чѣмъ обыкновенныя кукушки.

Полетъ хохлатой кукушки чрезвычайно быстрый и ловкій, такъ какъ птица несется, съ проворствомъ ястреба, сквозь самыя густыя чащи, не останавливаясь ни на одно мгновеніе. Она обыкновенно не пролетаетъ заразъ большія пространства, а только съ одного дерева на другое; только въ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ самецъ гонится за другимъ, они пролетаютъ, не останавливаясь, довольно далеко. На землю она спускается чрезвычайно рѣдко; я, по крайней мѣрѣ, никогда не видалъ ее на землѣ, но наблюдалъ, какъ она на лету ловитъ насѣкомыхъ. Спугнутая съ мѣста, она спасается на другое дерево, проникаетъ въ чашу его верхушки и тамъ выжидаетъ приближенія преслѣдователя. Замѣтивъ опасность, она незамѣтно проскальзываетъ между вѣтокъ, покидаетъ дерево съ противоположной стороны и направляется къ другому дереву. Она такимъ образомъ долго можетъ дурачить охотника. Ея голосъ, вовсе не похожій на голосъ нашихъ кукушекъ, напоминаетъ крикъ сороки; Алленъ старается воспроизвести его звуками: «kiaу kiaу». Сторожевой крикъ, котораго я, впрочемъ, никогда не слышалъ, звучитъ, какъ говорятъ, вродѣ «керк керк». Пѣніе ея состоитъ изъ правильно и часто повторяющихся одинъ за другимъ громкихъ звуковъ, которыхъ нельзя смѣшать съ голосомъ другой птицы, и которые слышны на далекомъ разстояніи.

Въ желудкѣ убитыхъ нами хохлатыхъ кукушекъ мы находили разнаго рода насѣкомыхъ и гусеницъ, а Алленъ и его спутники, напротивъ того, преимущественно сверчковъ. Гейглингъ говоритъ, что бабочки, гусеницы, пауки, кузнечики и жуки составляютъ обыкновенную пищу этихъ птицъ и замѣчаетъ, что желудки ихъ, такъ-же часто, какъ и у нашихъ кукушекъ, бывають набиты гусеничнымъ пухомъ.

Весьма важное значеніе придаемъ мы вопросу: вьетъ-ли хохлатая кукушка сама себѣ гнѣздо или подкладываетъ свои яйца для высиживания другимъ птицамъ? Поэтому мнѣ было чрезвычайно важно разъяснить это обстоятельство на мѣстѣ, но, несмотря на мое многолѣтнее пребываніе въ Африкѣ, мнѣ долго не удавалось узнать что-нибудь положительное объ этомъ предметѣ. Наконецъ 5 марта 1850 года мы нашли первую точку опоры для дальнѣйшихъ изслѣдованій: въ этотъ день намъ удалось убить семь хохлатыхъ кукушекъ въ рощицѣ мимозъ, около Сіута; между ними была одна самка, въ яйцеводѣ которой находилось одно совсѣмъ готовое яйцо; къ сожалѣнію, оно оказалось раздробленнымъ выстрѣломъ, такъ что намъ пришлось изслѣдовать одни осколки; однако этихъ изслѣдованій было достаточно для опредѣленія, до какой степени яйцо этой птицы разнится отъ яйца нашей кукушки. Важнѣе всего для насъ было узнать время кладки хохлатой кукушки, такъ какъ оно въ Африкѣ не связано съ опредѣленными мѣсяцамъ. Но прошли еще два года, прежде чѣмъ я узналъ что-нибудь положительное о размноженіи этихъ птицъ.

2-го марта 1852 года я довольно долгое время преслѣдовалъ хохлатую кукушку въ одномъ саду около Оивъ, въ Верхнемъ Египтѣ. Она дразнила меня своимъ обычнымъ образомъ и заставила меня цѣлые полчаса бѣгать за ней. Наконецъ я увидалъ, какъ она проскользнула въ большое гнѣздо, находившееся на особенно высокомъ деревѣ. Само собою разумѣется, что съ той минуты я старался не тревожить птицы. Четверть часа спустя она опять вылетѣла изъ гнѣзда и совсѣмъ удалилась изъ той мѣстности. Я влѣзъ на дерево и увидалъ, что то было гнѣздо сѣрой вороны, въ которомъ лежало шесть яицъ; одно изъ нихъ оказалось раздавленнымъ. Между ними я замѣтилъ съ перваго взгляда два меньшихъ по величинѣ яйца, которыхъ нельзя было принять за вороньи, хотя они по величинѣ и цвѣту очень подходили къ нимъ. Вынутыя изъ гнѣзда яйца были съ большими предосторожностями отнесены къ баркѣ, гдѣ мы ихъ сличили съ тщательно сохраненными осколками перваго яйца кукушки. Къ моей великой радости я нашелъ, что они совершенно ему соответствовали. По величинѣ они почти равнялись сорочьимъ яйцамъ, а по формѣ кукушечьимъ. «Цвѣтъ ихъ», какъ описываетъ Бедкеръ, «свѣтло-голубовато-зеленый, рисунокъ же состоитъ изъ пепельно-сѣрыхъ, коричневато-сѣрыхъ, очень частыхъ пятнышекъ, которыя къ тупому концу образуютъ какъ-бы вѣнчикъ. Кромѣ этого основного рисунка на нихъ встрѣчаются еще нѣсколько темно-коричневыхъ точекъ. Съ вороньими или сорочьими яйцами сравнить, а тѣмъ болѣе смѣшать, ихъ нельзя, такъ какъ форма, поверхность скорлупы, рисунокъ и даже зеленоватый основной цвѣтъ ихъ производятъ на первый взглядъ совершенно другое впечатлѣніе, чѣмъ послѣднія».

Одно это наблюденіе уже достаточно опредѣлило-бы способъ размноженія хохлатой кукушки; но 12-го марта мнѣ посчастливилось сдѣлать второе открытіе, которое придало еще болѣе первый. Въ одномъ деревенскомъ саду, въ которомъ, какъ обыкновенно бываетъ въ Египтѣ, густо росли деревья, я былъ вызванъ однажды на охоту громкимъ и неприятнымъ крикомъ старой кукушки «кѣк-кѣк-кѣк-кѣк». Я застрѣлилъ обоихъ родителей, но скоро замѣтилъ еще одну хохлатую кукушку, не совсѣмъ еще оперившагося птенца, котораго кормили и защищали двѣ сѣрыя вороны. Съ той поры я приказалъ изслѣдовать всѣ вороньи гнѣзда и былъ дѣйствительно такъ счастливъ, что въ одномъ изъ нихъ, 19-го марта, нашелъ еще одно кукушкино яйцо.

Позднѣе, въ Испаніи, я получилъ еще лучшее подтвержденіе моихъ наблюденій. Само собою разумѣется, что тотчасъ по прибытіи въ Мадридъ я познакомился со всѣми зоологами столицы, въ кружкахъ которыхъ говорилось, конечно, очень много о томъ или другомъ животномъ. Тамъ спросилъ меня однажды очень усердный собиратель коллекцій: знаю-ли я хохлатую кукушку? Я отвѣтилъ утвердительно. «Но знаете-ли вы что-нибудь о размноженіи этой птицы?» Я опять отвѣчалъ утвердительно.—«Не можетъ быть, синьоръ, такъ какъ я считаю себя первымъ чело-вѣкомъ, изучившимъ это дѣло. Что вы знаете?» Я былъ достаточно знакомъ съ пернатнымъ міромъ Испаніи, чтобы, съ величайшей правдоподобностью, назвать пріемныхъ родителей хохлатой кукушки. Грачи появляются въ средней Испаніи только во время перелета, а черныхъ и сѣрыхъ воронъ тамъ совсѣмъ не бываетъ. Такимъ образомъ, слѣдуя своимъ наблюденіямъ въ Египтѣ, я могъ въ одной нашей сорокѣ предположить воспитательный истинникъ и смѣло назвалъ эту птицу воспитательницей молодыхъ кукушекъ.—«Вы правы», сказалъ мой другъ, «но откуда вы это знаете?» Тутъ я сообщилъ ему свои наблюденія, а онъ, въ свою очередь, далъ мнѣ краткій отчетъ о своихъ открытіяхъ. Замѣтивъ въ гнѣздѣ сороки нѣсколько яицъ немного меньшаго размѣра, чѣмъ прочія, онъ вошелъ въ сноше-

нѣ съ опытными охотниками и узналъ отъ нихъ, что эти яйца положены туда кукушкой; но это показалось ему не совсѣмъ правдоподобнымъ, тѣмъ болѣе, что найденныя имъ яйца значительно отличались отъ яицъ обыкновенной кукушки. Поэтому онъ сталъ наблюдать самъ и замѣтилъ, что чужія яйца были положены въ сорочьѣ гнѣздо хохлатой кукушкой.

Однако открытіе все-таки не принадлежало всецѣло моему другу. Гораздо раньше его одинъ старый нѣмецкій наблюдатель, по имени Мигъ, замѣтилъ, что молодыхъ хохлатыхъ кукушекъ вскармливаютъ и воспитываютъ сороки; но такъ какъ Мигъ сообщилъ свои наблюденія только въ тѣсномъ кругу знакомыхъ, то мой другъ могъ приписать себѣ первенство открытія въ этомъ дѣлѣ.

Въ настоящее время этотъ вопросъ рѣшенъ окончательно. Нѣсколько лѣтъ послѣ моего путешествія по Испаніи, англійскій пасторъ Тристрамъ, прекрасный орнитологъ и опытный наблюдатель, сдѣлалъ по этому предмету изслѣдованія въ Алжирѣ и досталъ тамъ яйца хохлатой кукушки, очень похожія на яйца мавританской сороки (*Pica mauritanica*), но пришелъ къ убѣжденію, что хохлатая кукушка, хотя и кладетъ свои яйца въ сорочьи гнѣзда, но высиживаетъ ихъ сама. Этотъ, вообще серьезный наблюдатель, былъ очевидно введенъ въ заблужденіе тѣмъ обстоятельствомъ, что въ гнѣздахъ сорокъ были найдены одни только кукушкины яйца, сорочьихъ-же совсѣмъ не было, и что въ одномъ гнѣздѣ, изъ котораго вылетѣла хохлатая кукушка, лежали два сильно насиженныхъ яйца этой птицы. Вслѣдствіе этого онъ сталъ разспрашивать арабовъ, которые, имѣя, по врожденной ихъ учтивости, обыкновеніе поддакивать чужимъ словамъ, утвердили его въ однажды принятомъ имъ мнѣніи. Но не одинъ только Тристрамъ нашелъ послѣ меня яйца хохлатой кукушки: зимою 1861—62 годовъ Алленъ и Кохране объѣздили весь Египетъ, и такъ какъ воспитатели нашей птицы были уже всѣмъ знакомы, то этимъ наблюдателямъ было уже не трудно найти въ гнѣздахъ сѣрыхъ воронъ нѣсколько яицъ и птенцовъ хохлатой кукушки. Алленъ нашелъ, правда, только два яйца, но зато трехъ птенцовъ, и изъ нихъ двое сидѣло въ одномъ гнѣздѣ; но болѣе счастливый Кохране добылъ себѣ, тоже изъ вороньихъ гнѣздъ, до 12 птенцовъ и 13 яицъ. Въ трехъ гнѣздахъ лежало всего по два яйца и въ одномъ два птенца хохлатой кукушки.

Изъ наблюденій Аллена можно, слѣдовательно, заключить, что молодые кукушки развиваются раньше своихъ сводныхъ братьевъ: онѣ были уже совсѣмъ почти оперившимися въ то время, какъ молодые вороны были почти безъ перьевъ, изъ чего можно вывести заключеніе, что кукушки вылупляются изъ яицъ раньше воронъ, такъ какъ, по моимъ собственнымъ наблюденіямъ, предположенія Аллена, будто самка кукушки всегда выбираетъ вороньѣ гнѣздо съ неоконченной еще кладкой, оказывается не совсѣмъ вѣрнымъ. «Нужно предполагать», говоритъ Алленъ, «что хохлатая кукушка выбираетъ только гнѣзда въ мимозовыхъ рощахъ, такъ какъ я никогда не находилъ яицъ въ гнѣздахъ, расположенныхъ на отдѣльныхъ деревьяхъ.» Тристрамъ сообщаетъ далѣе, что онъ въ Палестинѣ встрѣтился съ тѣмъ-же обстоятельствомъ. «Въ этихъ странахъ», говоритъ онъ, «мы находили воронъ, сидящихъ на яичахъ, какъ на высокихъ деревьяхъ, такъ и на скалахъ и въ старыхъ развалинахъ, и здѣсь же встрѣчали хохлатую кукушку, которая кладетъ свои яйца въ ихъ гнѣзда. Такихъ яицъ мы достали множество. Воюсъ, что одному изъ подобныхъ подкидышей нелегко жилось на свѣтѣ, такъ какъ вороньи яйца въ томъ гнѣздѣ были уже близки къ вылупленію, между тѣмъ какъ яйцо кукушки было только слегка насижено. Мнѣ было пріятно найти здѣсь, въ рунцахъ Рабать-Аммона, новое подтвержденіе наблюденій Брэма, Кохране и Аллена, ко-

торыя находили въ Египтѣ яйца нашей птицы исключительно въ гнѣздахъ сѣрыхъ воронъ, между тѣмъ какъ въ Испаніи лордъ Лильфордъ, напротивъ того, видѣлъ ихъ въ гнѣздахъ сороки, а добытыя нами въ Алжирѣ яйца найдены были исключительно въ гнѣздахъ живущей тамъ мавританской сороки.» Если я ко всему вышеуказанному присовокуплю, что Лильфордъ въ Испаніи нашелъ одно яйцо въ гнѣздѣ вороны, а Рей въ Португаліи — четыре яйца въ столькихъ-же гнѣздахъ синей сороки, что Сень-Джонъ, наконецъ, въ собранныхъ имъ въ Персіи наблюденіяхъ, указываетъ на сороку, какъ на обыкновенную воспитательницу хохлатой кукушки, то не только перечислю всѣхъ приемныхъ родителей этой птицы, но и приведу лучшія доказательства тому факту, что кукушка не сама высиживаетъ свои яйца, а подкладываетъ ихъ различнымъ птицамъ вороньей породы.

Отъ Аллена мы узнаемъ, что хохлатая кукушка легко переноситъ неволю. Одинъ изъ птенцовъ, которыхъ онъ воспитывалъ, тотчасъ-же принялся за предложенную ему пищу, поѣдалъ огромное количество мяса, постоянно кричалъ, какъ голодный, требуя новой пищи, и при этомъ чувствовалъ себя такъ отлично, что доѣхалъ здоровымъ и невредимымъ въ Англію. Долго-ли онъ тамъ выжилъ — мнѣ не удалось узнать; но Алленъ замѣчаетъ, что его темное опереніе со временемъ стало свѣтлѣе, изъ чего можно вывести заключеніе, что птѣнникъ, по крайней мѣрѣ нѣсколько мѣсяцевъ, прожилъ въ вождедѣнномъ здравіи. Въ одномъ изъ нашихъ европейскихкихъ зоологическихъ садовъ (въ которомъ именно, не помню) видѣлъ я хохлатую кукушку, которую вскармливали обыкновеннымъ мѣсивомъ изъ мяса, молочной булки, моркови, муравьиныхъ яицъ и другихъ подобныхъ веществъ, и которая, повидимому, чувствовала себя отлично. Всѣми этими наблюденіями, по моему мнѣнію, вполне доказано, что хохлатую кукушку такъ-же легко держать въ неволѣ, какъ и ея нѣмецкаго сородича.

Третье подсемейство кукушковыхъ образуютъ **Кустовыя кукушки** (*Zanclostominae*. *Buschkuckucke*. *Malcohas*), которыя опять распадаются на двѣ группы. Собственно **Кустовыя кукушки** (*Zanclostomi*) имѣютъ вытянутое туловище, длинный хвостъ, короткія ноги и крылья; онѣ кромѣ того отличаются не очень длиннымъ, но очень крѣпкимъ клювомъ, голымъ кольцомъ около глазъ и великолѣпнымъ расчученнымъ, какъ-бы волосянымъ опереніемъ.

Эта группа очень многочисленна въ Индіи и сосѣднихъ ей островахъ, но одинъ родъ ея имѣетъ представителей и въ Африкѣ. Объ ихъ образѣ жизни еще очень мало извѣстно; мы знаемъ только, что принадлежащія сюда птицы ведутъ уединенный образъ жизни въ самыхъ густыхъ лѣсахъ, вдали отъ человѣческихъ жилищъ, боязливо прячутся отъ людей, питаются плодами и насекомыми и, по всей вѣроятности, сами высиживаютъ свои яйца.

* *

Объ одномъ индѣйскомъ видѣ кукушекъ, **Банъ-Кокилъ** (*Zanclostomus tristis*, *Phoenicophaës*, *Melias* и *Rhopodytes tristis*, *Phoenicophaeus longicaudus*, *montanus* и *monticulus*. *Bankokil*. *Malcoha triste*) сообщаетъ намъ Жердонъ. Отличительные признаки этой птицы слѣдующіе: сильно сжатый, вверху и внизу изогнутый клювъ, средней величины ноги съ короткими пальцами, снабженными острыми когтями, короткія крылья, на которыхъ четвертое, пятое и шестое маховыя перья почти равны между собою, но длиннѣе другихъ, и наконецъ очень длинный ступенчатый хвостъ. Банъ-кокиль съ верхней стороны темно-сѣро-зеленый, голова и затылокъ сѣрые, маховыя перья и хвостъ блестяще-зеленые, каждое маховое перо на

концѣ бѣлое; подбородокъ и горло пепельно-сѣрые съ черными черточками; передняя часть шеи и грудь блѣдно-сѣрыя, нижняя часть груди и окружность голаго глазного кольца,—бѣлыя. Это бѣлое кольцо окаймлено сверху узкой черной полоской съ бѣлыми и черными точками; наконецъ уздечка чернаго цвѣта. Глаза темно-каріе, кольцо около глазъ ярко-красное. Клювъ прекраснаго яблочно-зеленаго цвѣта, ноги зеленовато-аспидно-синія. Длина тѣла достигаетъ 60 см., длина крыла 17,5, а хвоста 42 см.

«Эта хорошенькая птица», говоритъ Жердонъ, «водится въ Бенгалии, средней Индіи, въ теплыхъ долинахъ Гиммалайскихъ горъ, также въ Ассамѣ, Бирмѣ и на Малаккскомъ полуостровѣ, гдѣ она встрѣчается въ большомъ количествѣ. Я ихъ обыкновенно встрѣчалъ по-одиночкѣ и видѣлъ, какъ онѣ носятъ по лѣсамъ

Банъ-Кокилъ. *Zanclostomus tristis* ¹/₂, наст. вел за стрекозами, кузнечиками и тому подобными насѣкомыми. Въ Сиккимѣ встрѣчаются онѣ только въ теплыхъ долинахъ, около 1000 м. надъ уровнемъ моря. Мнѣ однажды принесли два продолговато-круглыхъ, чисто бѣлыхъ яйца, но самаго гнѣзда, которое, какъ мнѣ говорили, состоитъ изъ кучи вѣтвей и кореньевъ, я никогда не видалъ. Третье яйцо я вынулъ изъ яйцевода убитой мною самки». Блайтъ замѣчаетъ, что птица выдаетъ свое присутствие однозвучнымъ, нѣсколько разъ повтореннымъ звукомъ «чук». Нѣкоторые естествоиспытатели утверждаютъ, что эти кукушки ѣдятъ тоже плоды, но Жердонъ рѣшительно заявляетъ, что онѣ никогда этого не видалъ. Вотъ почти все, что мы можемъ сообщить относительно образа жизни этихъ красивыхъ птицъ; потому я считаю излишнимъ упомянуть здѣсь о другихъ видахъ того-же рода.

* * *

На Ямайкѣ представительницей этой группы служитъ Ящеричная кувушка, которая тамъ называется тоже Дождевой птицей (*Saurothera vetula* и *jamaicensis*, *Cuculus vetulus*. Eidechsenkuckuck. Coua de la Jamaïque); клювъ у нея длиннѣе

головы, почти прямой, тонкой, сжатый с боковъ, а на концѣ загнуть крючкомъ; ноги короткія и стройныя, с длинными гибкими пальцами; на довольно длинныхъ крыльямъ четвертое, пятое и шестое маховыя перья длиннѣе другихъ; сильно ступенчатый с боковъ, довольно длинный хвостъ состоитъ изъ десяти округленныхъ снизу перьевъ. Опереніе верхней части головы и затылка прекраснаго коричневаго цвѣта, остальная верхняя часть тѣла коричневатопепельно-сѣрая; нижняя часть тѣла, за исключеніемъ бѣлаго, с блѣдно-сѣроватымъ отливомъ горла и бурыхъ боковъ шеи, красиваго коричневатожелтаго цвѣта. Маховыя перья темно-каштановобурья, на концѣ оливково-бурья, такъ-же, какъ оба среднихъ рулевыхъ пера; послѣднія, впрочемъ, отличаются стальнымъ блескомъ и широкими бѣлыми каймами на концахъ. Глаза орѣховаго цвѣта, кольцо вокругъ глазъ ярко-красное, клювъ черноватый, ноги голубовато-черныя. Самка и самецъ совершенно одинаково окрашены. Длина достигаетъ 40 см., размахъ крыльевъ 36, длина крыла 12, длина хвоста 17 см.

«Одинъ или два дня послѣ моего прибытія на Ямайку», говоритъ Госсе, «я отправился въ сопровожденіи знакомаго мнѣ маленькаго мальчика на прогулку, по направленію къ одному холмику, частью покрытому почти непроницаемой чащей. Проникнувъ въ нее, мы замѣтили въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ странную птицу, которая, повидимому, разсматривала насъ съ величайшимъ интересомъ. Мой маленькій другъ сообщилъ мнѣ, что это дождевая птица, которую за ея глупое любопытство прозвали «**Омка-дуракъ**». Вслѣдъ затѣмъ мальчикъ, не теряя времени, схватилъ камень и съ такою мѣткостью швырнулъ его въ любознательную птицу, что уложилъ ее на мѣстѣ, чѣмъ и доставилъ мнѣ первый экземпляръ въ мою коллекцію.

«Съ тѣхъ поръ мнѣ нѣсколько разъ случалось видѣть «**Омку-дурака**»; птица всегда одинаковымъ образомъ перескакивала съ вѣтки на вѣтку, или взбиралась на деревья по тонкимъ побѣгамъ, причемъ пристально разсматривала приближающагося человѣка. Слугнутая съ мѣста, она отлетаетъ только шага на два и опять останавливается, чтобы, вытаращивъ глаза, посмотреть на проходящаго. Ящеричную кукушку можно встрѣтить вездѣ, гдѣ только на низменностяхъ растетъ лѣсъ. Благодаря своимъ короткимъ и вогнутымъ крыльямъ, ящеричная кукушка летаетъ рѣдко; большею частью она только перелазитъ съ дерева на дерево. Гораздо чаще можно видѣть, какъ она проскальзываетъ и пролѣзаетъ сквозь вѣтки деревьевъ. На лету она какъ-бы скользитъ по прямой линіи, почти не взмахивая крыльями. Часто я видалъ ее сидящею на вѣткѣ въ весьма странной позѣ, съ головой, наклоненной ниже ногъ и опущеннымъ почти отвѣсно хвостомъ. Во время покоя она испускаетъ, отъ времени до времени, громкое гоготанье, звуки котораго всегда одинаковы, но произносятся, одинъ за другимъ, съ различною скоростью, при замѣтно раскрытомъ клювѣ; звуки эти могутъ быть переданы слогами «тики тики тики», произнесенными съ наивозможной скоростью. Эти звуки раздаются иногда и во время короткаго перелета птицы съ одного дерева на другое. Ящеричную кукушку часто можно видѣть на землѣ, гдѣ она движется скачками съ низко опущенной головой и приподнятымъ кверху хвостомъ».

Пища ея состоитъ не только изъ всевозможныхъ насѣкомыхъ, но также изъ многихъ позвоночныхъ животныхъ, какъ мышей, ящерицъ и т. п. Робинзонъ нашелъ въ желудкѣ убитой имъ ящеричной кукушки ящерицу въ 20 см. длины, тѣло которой было такъ скрючено, что голова пресмыкающагося была пригнута къ серединѣ туловища. Птица, говорятъ, прежде всего раздробляетъ голову ящерицы, а потомъ проглатываетъ ее цѣликомъ, головой впередъ.

Госсе нашелъ однажды на развилкѣ вѣтки гнѣздо, состоящее изъ корешковъ, волоконъ, мха и листьевъ, въ которомъ лежало яйцо, покрытое по свѣтлому фону болѣе темными пятнами. Этотъ-же наблюдатель слышалъ отъ Гесселя, что передъ спариваніемъ самецъ объясняется въ любви самкѣ посредствомъ разныхъ привлекательныхъ тѣлодвиженій: распускаетъ хвостъ и крылья, топорщить перья на тѣлѣ и т. д.

Пойманныя птицы, принадлежавшія Гиллю, жили у него по нѣсколько недѣль и питались насѣкомыми и кусочками мяса. Въ первое время онѣ сердито кричали, страшно злились и пробовали кусаться, широко раскрывая клювъ. По словамъ Госсе, онѣ необыкновенно живучи: стоило большого труда покончить съ ранеными птицами.

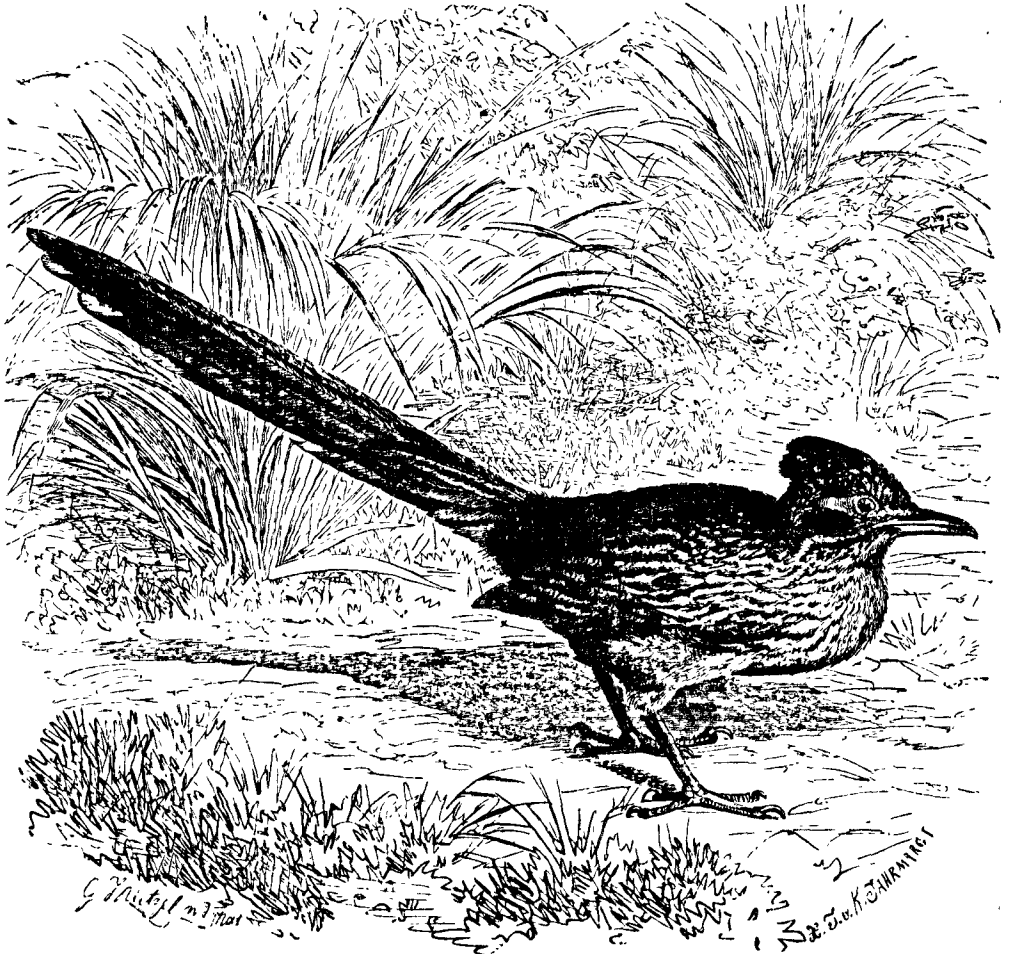
* *

Земляная кукушка (*Geococcyges. Erdkuckucke. Couas terrestres*) принадлежатъ къ самымъ своеобразнымъ птицамъ этого семейства. Это весьма малочисленная группа, встрѣчающаяся только на югѣ Сѣверной Америки. Онѣ отличаются, кромѣ своей значительной величины, длиннымъ, крѣпкимъ клювомъ, который всегда длиннѣе головы, съ боковъ сжать, а на кончикѣ загнуть крючкомъ, и высокими плюснами, короткіе пальцы которыхъ снабжены большими когтями. Ноги спереди покрыты мелкими щитовидными пластинками; крылья необыкновенно коротки и вогнуты, пятое, шестое и седьмое маховыя перья равны между собою, но длиннѣе прочихъ; хвостъ состоитъ изъ длинныхъ, сильно ступенчатыхъ перьевъ, обильное и рыхлое опереніе на затылкѣ удлиняется въ видѣ короткаго хохла, а около основанія клюва превращается въ щетинки.

Кукушка-пѣтушокъ (*Geococcyx californianus, maximus* и *variegatus, Cuculus viaticus, Saurothera californiana* и *bottae, Leptosoma longicauda. Hahnkuckuck. Coucou*) принадлежитъ къ самымъ большимъ видамъ этого семейства; общая длина 50—60 см., изъ которыхъ отъ 31—35 приходятся на хвостъ; крылья-же достигаютъ только 17 см. длины. Опереніе пестрое, но не яркое. Верхъ головы черный, каждое перо широко окаймлено ржавою каймою; брови, образующіяся изъ грязно-бѣлыхъ кончиковъ перьевъ, довольно свѣтлы, но не очень замѣтны; нижнія шейныя перья черныя, при чемъ каждое перо съ боку окаймлено ржавою каймою; бока головы бѣловатые; около ушей неясная темная полоска; нижняя часть тѣла спереди ржаво-красная, каждое перышко имѣетъ узкую каемку, остальная нижняя часть бѣловатая; надхвостье сѣровато-бурое. Черныя маховыя перья отливаютъ стальнымъ зеленымъ цвѣтомъ, а заднія маховыя перья такъ-же, какъ верхнія кроющія перья крыльевъ, украшены сбоку широкими бѣловатыми каймами; наружное опахало маховыхъ перьевъ по срединѣ и на концѣ и кончики верхнихъ маховыхъ перьевъ широко окаймлены бѣлымъ цвѣтомъ, вслѣдствіе чего образуются на крыльяхъ три свѣтлыя поперечныя полоски. Перья хвоста голубовато-фіолетоваго цвѣта съ бѣлыми каймами, но два среднихъ пера стального зеленоватаго цвѣта съ бѣлой боковой каймою. Глаза каріе; голое кольцо около глазъ желтое; клювъ и ноги свѣтло-голубоватыя.

Кукушка-пѣтушокъ распространена вездѣ, начиная отъ южной Калифорніи и Техаса до самой Мексики и повсюду хорошо извѣстна, благодаря своей оригинальной наружности и своеобразному образу жизни. Какъ туземцы, такъ и переселенцы даютъ ей множество названій: въ Мексикѣ она называется «Мужичекъ» или «Подорожникъ», въ Техасѣ «Степной пѣтухъ», въ Калифорніи, наконецъ, ее зовутъ «Земляной кукушкой», не говоря уже о другихъ названіяхъ, данныхъ ей туземными племенами. Она водится во множествѣ во всей сѣверной Мексикѣ, Техасѣ и

Калифорніи, а особенно часто въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Аризонѣ и Новой Мексикѣ. Ея короткія крылья не позволяютъ ей совершать большіе перелеты, а благодаря своимъ длиннымъ ногамъ, она необычайно скоро движется по землѣ. Поэтому кукушка-пѣтушокъ принадлежитъ къ осѣдлымъ птицамъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, и только въ крайнихъ случаяхъ мѣняетъ однажды избранное ею мѣстожительство на другое. Птицы эти очень необщительны: каждая изъ нихъ живетъ отдѣльно, и по возможности тихо и скрытно, совсѣмъ почти не уда-

Кукушка пѣтушокъ. *Geococcyx californianus*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

ляясь отъ своего мѣстожительства. Здѣсь можно видѣть, какъ она спокойно и невозмутимо бродитъ, приподнявъ хвостъ и слегка наклонивъ переднюю часть тѣла; впрочемъ поза ея иногда измѣняется. Совершенно иначе движется эта птица въ минуты опасности. На бѣгу она не уступитъ ни одной бѣговой лошади; по крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи, съ ней не можетъ сравниться ни одна птица Сѣверной Америки. Она въ состояніи, прыгая, приподняться надъ землею на 3 м. и хотя для поддержанія въ воздухѣ своего тѣла, она только на минуту распускаетъ крылья, но переносится такимъ образомъ черезъ огромныя пространства. Она можетъ и довольно скоро летать, хотя, вслѣдствіе своихъ короткихъ крыльевъ не въ состояніи

держаться выше двухъ метровъ надъ поверхностью земли. Этотъ своеобразный способъ передвиженія побуждаетъ иногда мексиканцевъ на травлю, которая предпринимается, конечно, не столько ради мясакукушки, сколько съ цѣлью выказать искусство ѣздока въ погонѣ за столь быстрой птицей. Полковникъ Макъ-Калль рассказываетъ, что онъ однажды на дорогѣ замѣтилъ эту кукушку и ради удовольствія помчался за нею. Птица находилась передъ его лошадыю на разстояннн ста шаговъ и тотчасъ пустилась бѣжать, когда увидѣла за собою погоню. Болѣе 400 шаговъ преслѣдовалъ Макъ-Калль кукушку по узкой дорогѣ, по которой она неслась прыжками, вытянувъ шею и слегка раскрывъ свои коротенькня крылья; но догнать ее онъ все-таки не могъ, и когда она наконецъ скрылась въ чащѣ лѣса, охотникъ уже находился отъ нея въ 50-ти шагахъ. Дрессеръ увѣряетъ, что онъ тоже часто гнался за этой птицей, но никогда не видалъ, чтобы она, даже при самомъ послѣднемъ бѣгствѣ, пускала въ ходъ свои крылья.

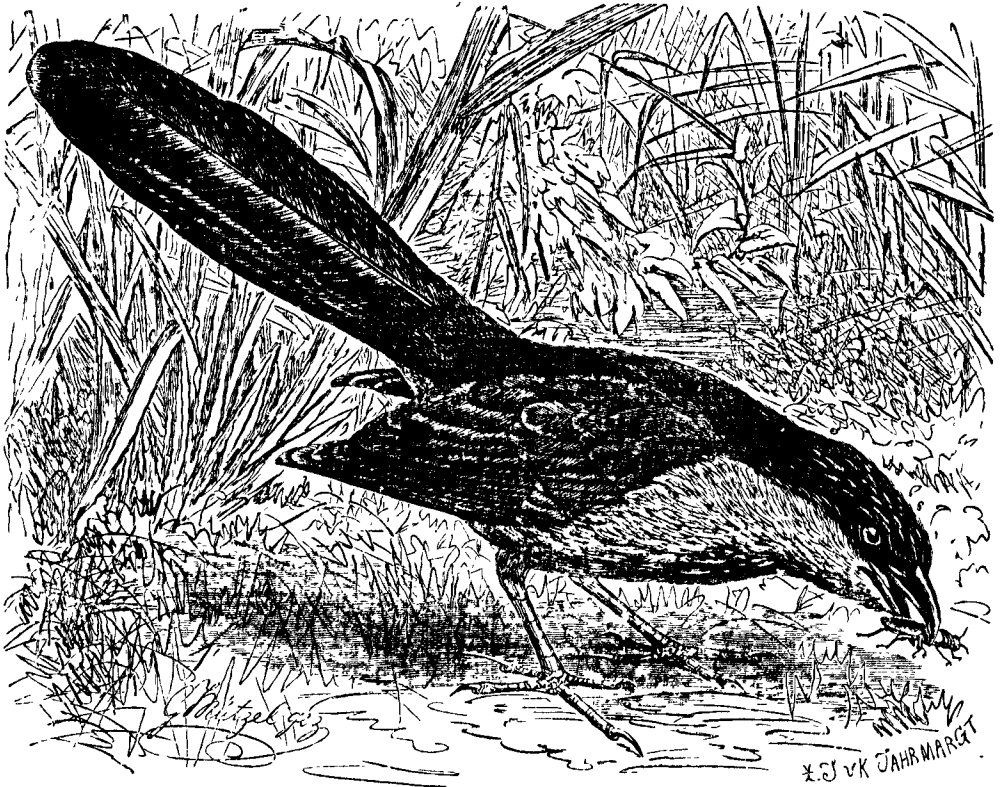
Всевозможныя насѣкомыя и мягкотѣлыя, а въ особенности улитки, составляютъ обыкновенную пищу кукушки-пѣтушка. Улитокъ она обыкновенно очищаетъ отъ раковины на открытыхъ мѣстахъ, такъ что въ лѣсахъ, населенныхъ этими кукушками, часто находятъ остатки ея обѣда. Кромѣ вышеупомянутыхъ животныхъ, эта кукушка нападаетъ и на позвоночныхъ и въ особенности на пресмыкающихся, и считается у мексиканцевъ самой главной истребительницей страшной и ненавистой имъ гремучей змѣи, съ дѣтенышами которой она справляется, говорятъ, легко. Благодаря своему искусству въ прыганьѣ, эта кукушка не упускаетъ и крылатой добычи, и вообще въ прожорствѣ и хищности такъ-же, какъ и ловкости при добываннн добычи, ни малѣйшимъ образомъ не уступаетъ другимъ членамъ своего семейства. Единственные звуки, которые намъ до сихъ поръ удалось услышать отъ земляныхъ кукушекъ—слабый, рѣдко испускаемый крикъ или воркованье, совершенно схожее съ воркованьемъ голубей и сопровождаемое приподнятемъ хохла и хвоста.

О способѣ размноженія этой птицы мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣннй. Германъ нашель гнѣздо, искусно сплетенное изъ вѣтвей между листьями кактуса, въ которомъ находились два большихъ бѣлыхъ яйца.

Расположенне, которымъ пользуется земляная кукушка у мексиканцевъ, объясняется той легкостью, съ которой она превращается въ полудомашнюю птицу. Ее часто держатъ въ неволѣ, и она въ короткое время такъ привыкаетъ къ измѣнившимся обстоятельствамъ, что ей можно не только позволить свободно ходить по дому, но даже и гулять по двору и саду. Привыкнувъ однажды къ дому, она становится скоро совсѣмъ ручной и оказываетъ дѣйствительныя услуги, поѣдая мышей, маленькихъ змѣй и другихъ пресмыкающихся такъ-же, какъ и жуковъ и другихъ вредныхъ животныхъ. Мясо-же ея приноситъ болѣе мнимую, чѣмъ дѣйствительную пользу, такъ какъ оно употребляется мексиканцами какъ цѣлебное средство противъ разныхъ болѣзней. Это мнѣнне хотя доставляетъ земляной кукушкѣ почетное званнне домашней птицы, но часто стоитъ ей жизни. Замѣтили тоже, что нѣкоторыя кукушки, подобно конкамъ, довольно долго играютъ пойманной добычей, а потомъ проглатываютъ ее цѣликомъ.

Пойманную земляную кукушку, которую воспитывалъ Дрессеръ, невозможно было впоследствии оставлять безъ присмотра, такъ какъ она утаскивала всевозможныя вещи, или, играя, портила ихъ. Она выказывала сильнѣйшее отвращеннне къ ручному попугаю, нахохливалась, какъ только его выпускали на свободу, страшно злилась и наконецъ убѣгала къ одному изъ сосѣдей ея хозяина или на верхушку крыши, которая служила ей любимымъ мѣстомъ отдыха.

Въ Африкѣ, Остѣ-Индіи, Австраліи и на Малайскихъ островахъ живутъ особаго рода кукушки, которыхъ зовутъ Кукалами или Шпорцевыми кукушками (*Centropus Sphenocercus*, *Coucals*). Видомъ онѣ еще напоминаютъ другихъ кукушекъ, но клювъ ихъ очень крѣпкій, короткій, сильно загнутый и сжатый съ боковъ; ноги съ высокими плюснами и относительно короткими пальцами; задній палецъ обыкновенно вооруженъ болѣе или менѣе длинной, почти прямой острой шпорой. Крылья очень короткія и округленныя; хвостъ, состоящій изъ десяти перьевъ, бываетъ то средней величины, то очень длинный и всегда ступенчатый. Опереніе замѣчательно жесткое, такъ какъ всѣ перья имѣютъ болѣе или менѣе жесткіе стержни и бородки. Окраска обоихъ половъ одинаковая, но молодыя кукушки сильно отличаются отъ

Сенегальскій кукалъ. *Centropus senegalensis*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

родителей и, повидимому, только къ третьему году одѣваются въ свое настоящее опереніе.

Главное мѣстопребываніе ихъ составляютъ кусты, заросли камыша и даже густая трава. Здѣсь онѣ бѣгаютъ по землѣ, пролѣзаютъ съ ловкостью мыши сквозь самыя густыя степныя растенія, взбираются по стеблямъ камыша или вѣткамъ кустовъ, проскальзываютъ и изслѣдуютъ самую чащу кустовъ, почти недоступную другимъ птицамъ, охотятся за большими насѣкомыми, тысяченожками, скорпіонами и даже за ящерицами и змѣями, разоряютъ птичьи гнѣзда и вообще не брезгаютъ никакой живой добычей, но, повидимому, не домогаются до растительныхъ веществъ. Летаютъ онѣ плохо, вслѣдствіе чего рѣдко пользуются крыльями. Голосъ ихъ состоитъ изъ своеобразныхъ глухихъ, какъ-бы чревоущательныхъ звуковъ. «Шпорцевая кукушка», пишетъ Пехуэль-Леше, наблюдавшій

ихъ въ Нижней Гвинееѣ, «особенно красно-бурые виды, *Centropus senegalensis* и *C. superciliosus*, летаютъ относительно плохо, но зато ловко бѣгаютъ, ползаютъ и лазаютъ; ихъ часто можно видѣть въ саваннахъ, какъ онѣ выглядываютъ изъ чащъ, осматриваютъ окрестность съ вершины вѣтки и потомъ опять исчезаютъ. Еще чаще слышится ихъ призывной звукъ, котораго нельзя смѣшать ни съ какимъ другимъ крикомъ и который у большого *Centropus anelli* превращается въ глухой ревъ и слышится иногда и послѣ заката солнца. Этотъ крикъ состоитъ изъ часто и скоро произнесенныхъ одинъ за другимъ: «ку ку ку ку», высота звука которыхъ съ удивительной правильностью понижается до половины гаммы, между тѣмъ какъ въ то же время они все медленнѣе слѣдуютъ одинъ за другимъ; подъ конецъ звуки эти становятся все слабѣе и слабѣе, пока наконецъ не превращаются въ стонъ, бормотанье или ворчанье. Своеобразный крикъ вышеупомянутаго вида (*Centropus anelli*) обладаетъ такой силой и полнотою, что его легко можно приписать большому животному; тотъ, кто въ первый разъ услышитъ его, когда въ сумерки расположится отдохнуть у опушки лѣса, можетъ быть даже довольно неприятно имъ пораженъ». Гнѣзда онѣ строятъ въ самыхъ густыхъ кустахъ, камышахъ или въ травѣ, не употребляя слишкомъ большихъ трудовъ на ихъ постройку. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ нихъ сооружаютъ себѣ гнѣзда, которыя тѣмъ замѣчательны, что покрыты сводомъ и снабжены двумя отверстіями, изъ которыхъ одно служитъ для выхода, другое для входа. Кладка состоитъ изъ 3—5 бѣлыхъ яицъ, которыя оба родителя высиживаютъ поочередно. Молодые кукушки очень странны на видъ, такъ какъ ихъ черная кожа покрыта торчащими перышками, а кончикъ краснаго языка черный. Бернштейнъ былъ не мало удивленъ, найдши первое гнѣздо кукушекъ индѣйскаго вида съ птенцами, и эти черные звѣрки протянули ему свои огненно-красные языки изъ широко раскрытой пасти.

* * *

Во время моего пребыванія въ Африкѣ я часто встрѣчалъ тамъ одинъ видъ этихъ кукушекъ, **Сенегальскаго кукала** (*Centropus senegalensis*, *Cuculus senegalensis*, *aegyptius*, *houhou* и *pyrrholecus*, *Corydonix*, *Centropus* и *Polophilus aegyptius*, *Sprotenkuckuck*, *Coucal du Sénégal*). Онъ принадлежитъ къ видамъ, съ сравнительно короткимъ хвостомъ и большею частью красновато-бурымъ опереніемъ. Верхняя часть головы, затылокъ, задняя часть шеи и бока головы черные. Нижнія шейныя, малыя маховыя перья и крылья—прекраснаго красно-бурого цвѣта; маховыя перья на концѣ блѣдно-темно-бурыя; нижнія части тѣла ржаво-желтыя, на брюшкѣ и бокахъ немного темнѣе; верхнія хвостовыя и рулевыя перья—черныя съ зеленоватымъ металлическимъ отблескомъ; нижнія кроющія перья хвоста темно-бурыя. Стержни перьевъ, цвѣтъ которыхъ всегда соотвѣтствуетъ окружающей ихъ окраскѣ, отличаются необыкновеннымъ блескомъ. Глаза великолѣпнаго пурпурово-краснаго цвѣта. Клювъ черный; ноги темно-сѣро-бурыя. Длина равняется 37 см., размахъ крыльевъ 43, длина крыла 14, а хвоста 19,5 см.; размѣры эти, впрочемъ, не всегда одинаковы.

Въ удобныхъ мѣстностяхъ сѣверной и западной Африки сенегальскій кукалъ встрѣчается довольно часто, и въ особенности въ Египтѣ и Нижней Гвинееѣ онъ представляетъ даже весьма обыкновенное явленіе. Здѣсь онъ живетъ почти исключительно въ большихъ камышевыхъ заросляхъ; въ Суданѣ живетъ онъ (или очень близкій ему видъ) съ самыхъ непроходимыхъ чащахъ, такъ какъ можетъ, подобно крысѣ, пролѣзть сквозь самыя, повидимому, непроницаемыя кусты, не обращая вниманія на шипы, которыми иногда они бываютъ устьяны. Онъ лазаеъ и проскальзываетъ, пробирается и протѣсняется сквозь самую густую чащу, точно мы-

шанка, отъ времени до времени опять появляется наружу, приподымается на известную высоту, гдѣ почти неподвижно сидитъ нѣкоторое время, осматриваясь кругомъ, потомъ исчезаетъ опять въ кустахъ или медленно летитъ, паря и скользя по воздуху, и почти не шевелитъ крыльями, отъ одного куста къ другому, если, впрочемъ, не предпочтетъ пробѣжать этотъ путь на ногахъ. Сенегальскій кукалъ имѣетъ въ своемъ образѣ жизни мало сходства съ обыкновенными кукушками, такъ какъ любитъ уединеніе, старается остаться незамѣченнымъ и всѣ свои дѣла ведетъ по возможности тайкомъ. Его пища состоитъ изъ разныхъ насѣкомыхъ, преимущественно муравьевъ, которыми онъ иногда отвратительно пахнетъ. Впрочемъ, не маловажную часть его добычи составляютъ улитки и другія мягкотѣлыя, такъ какъ всѣ кукушки очень жадны до такого рода пищи. Гейглингъ, правда, увѣряетъ, что никогда не находилъ мягкотѣлыхъ въ желудкѣ этого вида кукушекъ, хотя въ мѣстностяхъ, населенныхъ кукалами, улитки встрѣчаются въ изобиліи; но Швейнфуртъ рѣшительно заявляетъ, что сенегальскій кукалъ весьма охотно употребляетъ въ пищу два вида улитокъ.

Подобно всѣмъ видамъ этого семейства сенегальскій кукалъ живетъ парами; когда увидишь одну птицу, можно быть увѣреннымъ, что другая покажется въ скоромъ времени. Только молодыя птицы кочуютъ одиноко долгое время, можетъ быть даже цѣлый годъ. Гнѣздо мнѣ удалось найти только разъ на Дельтѣ, въ густой вершинѣ оливковаго дерева. Оно состояло почти исключительно изъ плодовыхъ оболочекъ початковъ маиса и содержало (въ концѣ юля) четырехъ полувзрослыхъ птенцовъ, изъ которыхъ мы одного довольно долго держали въ неволѣ на самой обыкновенной пищѣ. Съ яицами я совсѣмъ незнакомъ.

Въ сѣверной Африкѣ никто не думаетъ преслѣдовать кукала; къ нему относятся съ такимъ-же равнодушіемъ, какъ и вообще къ другимъ птицамъ. Говорятъ, что въ восточной Африкѣ на него (или на одного изъ его родичей) смотрятъ весьма неблагосклонно, вѣроятно вслѣдствіе того, что его вонючее мясо нельзя употреблять въ пищу. Каковы враги этой птицы—я сказать не могу; только я никогда не видѣлъ, чтобы соколъ ее преслѣдовалъ. Лучшей ея защитой служатъ тѣ колючіе кусты, въ которыхъ она живетъ.

Насколько я могу припомнить, мнѣ только разъ, и то на короткое время, удалось продержать кукала въ клѣткѣ. Однако лучшимъ доказательствомъ того, что онъ легко привыкаетъ къ неволѣ, служатъ плѣнники различныхъ зоологическихъ садовъ, которыхъ вскармливали сырымъ мясомъ. Конечно, въ клѣткѣ онъ не можетъ выказывать особенностей своего характера, но тѣмъ не менѣе онъ привлекаетъ вниманіе знатоковъ своею осанкой и ловкостью, съ которой бѣгаетъ, прыгаетъ и лазаетъ. Въ сравненіи съ нимъ наша кукушка кажется весьма скучнымъ существомъ.

* *

Фазановая кукушка (*Centropus phasianus*, *Cuculus phasianus* и *giganteus*, *Polophilus variegatus*, *gigas*, *leucogaster*, *melanurus* и *macrurus*, *Corydonix phasianus*. Australischer Fasankuckuck. *Centropus faisán*) преимущественно окрашена въ черный цвѣтъ и отличается особенно ярко блестящими стволами перьевъ. Крылья покрыты по ржаво-бурому фону ржаво-бѣловатыми пятнами, отороченными узкимъ чернымъ бортикомъ, отчего образуются ломанныя поперечныя полосы. По нижней половинѣ маховыхъ перьевъ, внутреннія бородки которыхъ ржаво-краснаго цвѣта, проходятъ черныя полосы; по верхнимъ кроющимъ перьямъ хвоста и обѣимъ среднимъ рулевымъ перьямъ по черному фону—ржаво-красныя и ржаво-бѣловатыя полосы; наконецъ, по наружнымъ рулевымъ перьямъ—блѣдно ржаво-бурныя по-

перечныя полоски съ грязно-бѣловатымъ крапомъ. Глаза красныя; клювъ черный; ноги свинцоваго цвѣта. Самка, которая больше самца, не отличается отъ него цвѣтомъ оперенія. У молодыхъ кукушекъ опереніе съ верхней стороны красноватобурое, съ нижней—блѣдно-сѣрое. Длина тѣла равняется 63 см., длина крыла 26, а хвоста—37 см.

Образъ жизни ихъ описанъ Гульдомъ. Фазановая кукушка водится въ боло-

Фазановая кукушка. *Centropus phasianus*.
1/3 наст. вел.

тистыхъ странахъ, густо поросшихъ кустарникомъ, травой и камышемъ, и держится тамъ почти постоянно на землѣ, по которой бѣгаетъ съ необычайною легкостью. Только въ крайнемъ случаѣ она взлетаетъ на высокія деревья, и то вначалѣ на нижнія вѣтки и только мало по малу взбирается, перепрыгивая, съ одной вѣтки на другую, на самыя верхніе сучья. Достигнувши верхушки дерева, она лѣниво перелетаетъ на другое дерево.

Большое гнѣздо располагается среди кустовъ травы, иногда между листьями пандануса; оно состоитъ изъ сухихъ травъ, покрыто сводомъ и снабжено двумя отверстиями, изъ которыхъ самка во время высидыванья высовываетъ хвостъ и голову. 3 — 5 яицъ, составляющія кладку, грязно-бѣлаго цвѣта, почти круглыя и шероховаты на ощупь. Фазановая кукушка тоже легко привыкаетъ къ неволѣ

и къ обыкновенной смѣшанной пищѣ; она безъ труда переноситъ далекія морскія путешествія, такъ что уже нѣсколько разъ доѣзжала живою до Европы и преимущественно до Англїи.

* *

Чрезвычайно своеобразными кукушками являются **Клещеядныя нукушки** (*Crotophaginae. Madenfresser. Crotophages*), весьма немногочисленные виды которыхъ водятся только въ Южной и средней Америкѣ. Онѣ отличаются стройнымъ тѣломъ, крѣпкимъ клювомъ, спинка котораго образуетъ острое ребро, сильными парнопалыми ногами, наружный палецъ которыхъ обращенъ назадъ, средней длины крыльями и длиннымъ, широкимъ, округленнымъ внизу хвостомъ, состоящимъ только изъ восьми перьевъ. Опереніе жесткое, но мелкое, болѣе или менѣе ярко окрашенное; около основанія клюва оно образуетъ щетинки и совершенно отсутствуетъ около глазъ и уздечки. Внутренность верхней челюсти клюва совершенно полая и сама роговая масса состоитъ изъ очень тонкихъ ячеекъ, почти какъ у перцеядовъ и птицъ — носороговъ. Первыхъ изъ нихъ клещеяды напоминаютъ еще своимъ гладкимъ опереніемъ, которое придаетъ имъ очень худощавый видъ.

Образъ жизни этихъ птицъ очень странный: клещеяды живутъ не такъ, какъ прочіе виды кукушекъ, но скорѣе какъ наши сороки и вороны и вмѣстѣ съ тѣмъ походятъ и на перцеядовъ. Ихъ всегда можно видѣть цѣлыми обществами вблизи человѣческихъ жилищъ или среди степныхъ рощъ; любимымъ ихъ мѣстопребываніемъ служатъ сырые луга, на днѣ глубокихъ долинъ, гдѣ онѣ постоянно присоединяются къ стадамъ домашнихъ животныхъ. Онѣ вовсе не избѣгаютъ людей, напротивъ того, выказываютъ иногда nepocтнжнмю дерзость. Ихъ способъ размноженія такъ-же странный, какъ онѣ сами. Клещеядныя кукушки не только сидятъ на яицахъ цѣлыми обществами, но даже въ одномъ и томъ-же гнѣздѣ, куда нѣсколько самокъ кладутъ свои яица, вмѣстѣ высидиваютъ ихъ и вмѣстѣ выкармливаютъ. Благодаря ихъ распространенности, живости и громкому крику, онѣ бросаются въ глаза всякому, и потому мы имѣемъ множество наблюденій надъ ними, какъ напримѣръ Азары, А. фонъ Гумбольдта, принца фонъ Видъ, Шомбургка, д'Орбиньи, Госсе, Бурмейстера, Ньютона, Эйлера, Гундлаха и др. Изъ сообщеній этихъ естествоиспытателей явствуетъ, что образъ жизни различныхъ видовъ до того одинаковъ, что можно, почти не опасаясь ошибокъ, замѣченное объ одномъ видѣ перенести и на другой. Это по крайней мѣрѣ относится къ тѣмъ представителямъ рода клещеядовъ, по которымъ дано названіе всему подсемейству.

* *

Настоящїе клещеяды (*Crotophaga. Madenfresser. Anis*) представляютъ своимъ видомъ отдаленное сходство съ нашей сорокой. Тѣло ихъ очень стройное, голова маленькая, крылья короткія, хвостъ длинный и ноги высокія; клювъ, длиною съ голову, высокъ, такъ какъ спинка его, начиная съ самаго корня, образуетъ острое ребро и продолжается частью по лбу, кончикъ клюва частью загнутъ внизъ, края челюстей гладкіе; ноги высокія и сильныя, крайній передній палецъ на нихъ почти вдвое длинѣе внутренняго и обращенъ назадъ; наружный палецъ почти такъ-же длиненъ, какъ и задній. Крылья простираются по крайней мѣрѣ ниже основанія хвоста; въ нихъ четвертое маховое перо самое длинное, хвостъ приблизительно такой-же длины, какъ все туловище, но оба наружныхъ пера нѣсколько укорочены.

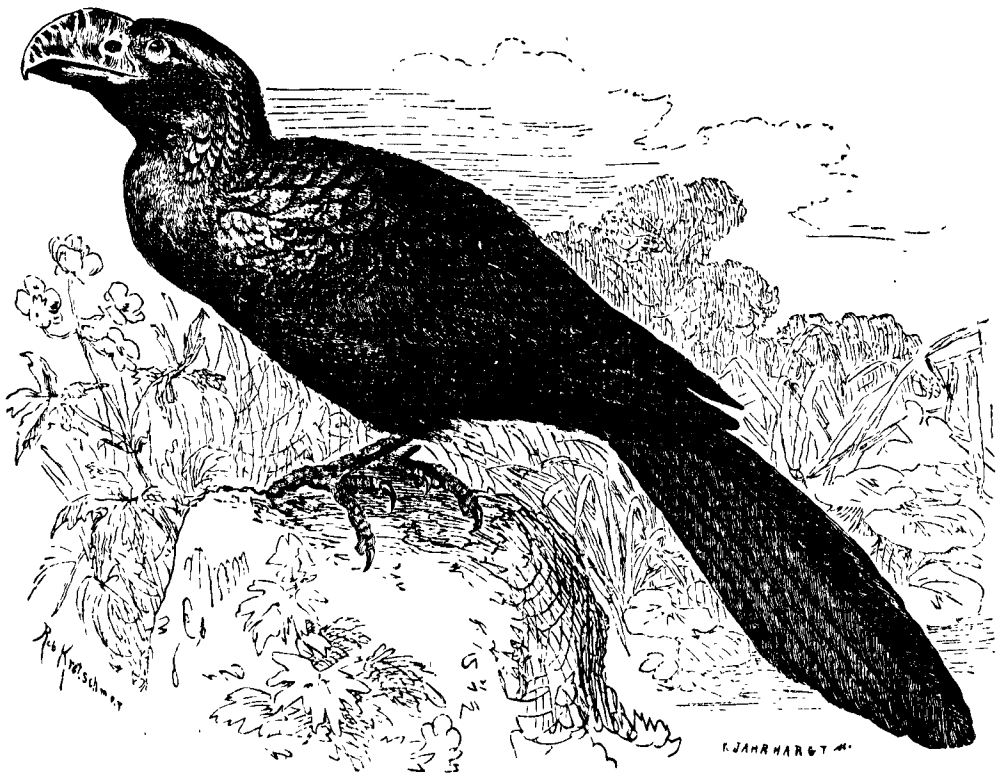
Три вида клещеядовъ, населяющихъ преимущественно Южную Америку и Бразилію, въ особенности различаются между собой своей величиной и строеніемъ клюва.

Самый извѣстный и распространенный видъ этого рода и подсемейства составляетъ Ани бразильцевъ (*Crotophaga minor, rugirostris, laevirostris* и *ani. Ani*). Длина его равняется 35 см., размахъ крыльевъ—40, длина крыльевъ—13, хвоста—17 см.; слѣдовательно ани, несмотря на свой длинный хвостъ, по величинѣ едва равняется нашей кукушкѣ. Очень черныя перья крыльевъ и хвоста имѣютъ стальной отливъ, перья головы и шея оканчиваются широкими мѣдно-бурыми краями, нижнія шейныя перья, плечевыя, зобныя и грудныя—широкими синевато-черными краями. Клювъ отъ самаго корня снабженъ высокимъ, острымъ ребромъ съ легкой выемкой передъ кончикомъ, по бокамъ гладкій и безъ продольныхъ полосокъ; цвѣтъ клюва, какъ и ногъ—черный, цвѣтъ глазъ—сѣровато-бурый.

Ани распространены въ большей части Южной Америки, къ востоку отъ Андской горной цѣпи. Область его жительства простирается отъ востока Бразиліи до средней Америки, включая Вестъ-Индію и Антильскіе острова. Случайно онъ встрѣчается въ южныхъ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Въ Бразиліи онъ живетъ вездѣ, гдѣ открытыя пастбища чередуются съ кустарникомъ и мелкимъ лѣсомъ, но рѣшительно избѣгаетъ большихъ лѣсовъ; въ Гвіанѣ его хриплый крикъ встрѣчаетъ путешественника при выѣздѣ изъ селенія; на Ямайкѣ его можно видѣть во всѣхъ равнинахъ, въ особенности въ тѣхъ степяхъ и пастбищахъ, которыя посѣщаются стадами лошадей и рогатаго скота, и даже такъ часто, что Госсе считаетъ его самой обыкновенной птицей всего острова. Также въ Санта-Круцѣ онъ часто встрѣчается и всѣмъ извѣстенъ, благодаря своей поразительной наружности.

Нравъ его довольно пріятенъ. «Ани», говоритъ Гилль, «одинъ изъ моихъ любимцевъ. Другія птицы появляются только въ извѣстное время года, клещедлы-же постоянные обитатели полей и ихъ можно видѣть цѣлый годъ. Вездѣ, гдѣ только есть открытое мѣсто, пастбище, обнесенное деревьями или кустарникомъ, навѣрное можно найти эту общительную птицу. Дерзкіе и, повидимому, небоязливые, ани никогда не пропускаютъ появленія человѣка, не возвѣстивъ о немъ громкимъ крикомъ. По окончаніи грозы, они первые покидаютъ чащу, чтобы обсушить свои перышки и снова затѣмъ появиться въ открытомъ полѣ; даже всегда готовый пѣть пересмѣшникъ не появляется раньше ихъ. «Кви-еч, кви-еч», раздается изъ ближняго куста, и маленькая стая клещедловъ показывается съ далеко вытянутымъ хвостомъ, спѣша къ тому мѣсту, гдѣ свѣжесть и сырость земли вызвали наружу насѣкомыхъ. Солнце бросаетъ на равнину свои косые лучи, морской вѣтеръ распространяетъ свою свѣжесть, и болязливо повторяемое «кви-еч, кви-еч» раздается снова. Соколы безшумно крадутся по краю кустарника, а иногда парятъ надъ саванной, но сторожевой крикъ черныхъ птицъ уже давно извѣстивъ объ опасности все населеніе полей; не раздастся болѣе ни одного звука, не шевелятся ни одно крыло. Въ очень жаркіе дни, когда даже роса не падаетъ на землю и растенія какъ-бы изнемогаютъ отъ зноя, можно видѣть клещедловъ, стремящихся въ послѣполуденный часъ къ рѣкамъ и раздѣляющимся тамъ на маленькія общества. Отыскавъ такое мѣсто, гдѣ вырванное съ корнемъ дерево упало въ воду, они, сѣдя въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ и поднявъ вверхъ хвостъ, пьютъ съ вѣточекъ или тихо и глубокомысленно чистятъ свои перья и занимаются еще чѣмъ-нибудь на пескѣ у берега. Здѣсь они остаются до солнечнаго заката, затѣмъ, промѣшкавъ еще немного, улетаютъ оттуда всѣ, по знаку, данному однимъ изъ нихъ, что пора отправляться на покой». Другіе наблюдатели выражаются о нихъ въ томъ-же родѣ. «Это въ высшей степени привлекательныя

создания», пишет Шомбургк, «за вечно-хлопотливой жизнью которых можно наблюдать цѣлыми часами. Торопливо прыгают они вокруг стада или шныряют по травѣ, разыскивая кузнечиковъ и другихъ насѣкомыхъ. Когда же дѣло доходит до бѣгства, то проворство покидаютъ ихъ, потому-что мышцы крыльевъ у нихъ недостаточно сильны и скоро отказываются имъ служить. Чаще всего они встрѣчаются около льсовъ и въ кустарникахъ, растущихъ вдоль рѣкъ въ саваннахъ, гдѣ они, съ дикимъ шумомъ, перелетаютъ съ одного куста на другой; рѣже—въ открытыхъ саваннахъ или лѣсной чащѣ.» Госсе прибавляетъ къ вышесказанному еще кое-что. «Они любятъ утромъ грѣться на солнцѣ, сидя съ распушенными крыльями на низкихъ деревьяхъ и въ этомъ положеніи остаются иногда долгое время со-

Ани. *Crotophaga minor*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

верненно неподвижно. Въ дневной зной можно видѣть многихъ изъ нихъ въ глубокихъ долинахъ, сидящими на заборахъ и изгородяхъ, съ открытыми клювами, какъ будто вбирая въ себя воздухъ. Въ это время они, кажется, совершенно теряютъ свою обычную болтливость и осторожность. Иногда двое или трое изъ нихъ играютъ въ густомъ, обвитомъ ползучими растениями кустарникѣ, и вдругъ испускаютъ своеобразный крикъ, какъ будто съ намѣреніемъ вызвать другихъ на поиски за ними.» Гундлахъ, который наблюдалъ ани на Кубѣ, указываетъ тоже на склонность ихъ къ общественной жизни и замѣчаетъ, что они семействами перелетаютъ съ одного мѣста на другое, хотя и остаются постоянно въ предѣлахъ известной области. Такъ какъ ихъ много живетъ вмѣстѣ, то одинъ изъ членовъ общества всегда можетъ увидѣть приближающуюся опасность и испустить во время сторожевой крикъ, которому всѣ другіе вторятъ, улетаая; отъ этого и происходитъ

ихъ почти безпрестанный крикъ. Этотъ послѣдній можетъ казаться и очень забавнымъ, но часто также сильно сердить охотника, потому-что крикъ этой сторожевой птицы предупреждаетъ дичь объ опасности, и она удаляется отъ охотника.

Ихъ движенія ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать неловкими. По землѣ они обыкновенно прыгаютъ, поднимая заразъ обѣ ноги; случается видѣть ихъ и бѣгающими, причѣмъ они широко выставляютъ попеременно одну ногу передъ другою. По вѣткамъ они лазаютъ одинаково скоро вверхъ и внизъ головой. Спустившись на кончикъ одной изъ главныхъ вѣтокъ, они легко достигаютъ середины вершины, быстро пробѣгая по вѣткѣ, тщательно обыскивая дерево, ища тамъ насѣкомыхъ, и улетаютъ съ противоположной стороны или по-одиночкѣ въ томъ-же порядкѣ, или вдругъ всѣ вмѣстѣ съ громкимъ крикомъ. Полетъ ихъ тяжелый, медленный и неровный; летящій ани выглядитъ очень странно, потому что прямо вытягиваетъ свое тонкое туловище съ длиннымъ хвостомъ, большой головой и сильнымъ клювомъ, и едва шевелитъ крыльями, такъ что, по словамъ Госсе, болѣе похожъ на рыбу, нежели на птицу.

Ани и воробьиный соколъ, по словамъ Ньютона, больше всего должны страдать отъ нападенія одного вида тиранновъ. Трудно сказать, ани или тираннъ доставляетъ наблюдателю больше удовольствія. Когда дуетъ свѣжій морской вѣтеръ, ани, благодаря своему длинному хвосту и короткимъ крыльямъ, становится совсѣмъ беспомощнымъ, совершенно теряетъ присутствіе духа и летитъ по вѣтру, между тѣмъ, какъ лучше-бы было сдѣлать обратное. Тогда появляется тираннъ и наноситъ ему такіе удары, что ани остается только броситься въ терновую изгородь или траву. Вслѣдствіе этихъ происшествій перья ани, особенно въ хвостѣ, бывають сильно испорчены, и дѣйствительно, трудно найти хоть одну птицу этого вида, у которой рулевья перья были-бы въ хорошемъ состояніи.

Особенный призывной крикъ, который слышится ежеминутно, звучитъ какъ имя самой птицы, произнесенное въ носъ; по мнѣнію Киттлица,—какъ «тру-и», по словамъ Азары—«квоои», или «аани», принца фонъ Вида—«ани» или «ан», по Гундлаху—«іу-діо»; звукъ, безъ сомнѣнія, неприятный, почему поселенцы, по словамъ Шомбургка, называютъ обыкновенно эту птицу «старой вѣдьмой». Во время высиживанья, по словамъ Гундлаха, можно услышать другіе звуки, которые образуютъ родъ пѣнія, по крайней мѣрѣ нѣчто похожее на него, когда нѣсколько птицъ лютъ въ одно время. Это—звуки горловые и бывають слышны только на небольшомъ разстояніи.

Пища ихъ смѣшанная. Пресмыкающіяся, насѣкомыя и черви, вѣроятно, составляютъ главную пищу клещеядовъ, по временамъ-же они придерживаются исключительно плодовъ. Натуралисты находили въ желудкахъ убитыхъ клещеядовъ остатки разныхъ насѣкомыхъ, именно стрекозъ, бабочекъ, мухъ и тому подобныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и различныя ягоды и плоды. Съ коровъ они снимають паразитовъ, поэтому-то и встрѣчаются часто на пастбищахъ. Ихъ можно видѣть бѣгающими по спинѣ животнаго, причѣмъ послѣдніе не выражаютъ никакого не удовольствія; иногда даже нѣсколько птицъ сидятъ одновременно на быкѣ, все равно, лежитъ-ли онъ смиренно или передвигается съ мѣста на мѣсто. Принцу фонъ Видю случалось видѣть ихъ сидящими въ обществѣ халкофановъ и бѣлыхъ каракаръ на спинѣ какого-нибудь домашняго животнаго. Госсе наблюдалъ за тѣмъ, какъ дѣятельно они освобождали корову отъ ея мучителей; другіе путешественники тоже подтверждаютъ дружбу ихъ съ рогатымъ скотомъ. Впрочемъ, они страшны не только бѣгающимъ насѣкомымъ, а преслѣдуютъ также и летающихъ. «Въ декабрѣ», говоритъ Госсе, «я видѣлъ, какъ маленькія общества ани слетали съ

вѣтокъ, безъ сомнѣнія для того, чтобы ловить летающихъ насекомыхъ. Однажды въ мартѣ и въ май мое вниманіе было привлечено нѣсколькими клещеядами, которые преслѣдовали большую бабочку, а еще разъ я видѣлъ одного ани, несшаго въ клювъ стрекозу. Я замѣчалъ также, что иногда они преслѣдуютъ и маленькихъ ящерицъ.»

О способѣ размноженія этихъ птицъ мы имѣемъ подробныя, но не совсѣмъ согласныя между собой свѣдѣнія. Азара утверждаетъ, что изъ всѣхъ видовъ этой группы только одинъ ани гнѣздится обществами; Шомбургъ говоритъ обратное, а д'Орбиньи подтверждаетъ мнѣніе Шомбургка. Гнѣздо ани, по словамъ Бурмейстера, въ лѣсной области Бразиліи, можно найти вездѣ, даже вблизи человѣческихъ поселеній, въ низкомъ кустарникѣ. «Птицы, которыя держатся парами, большею частью выдаютъ очень скоро присутствіе гнѣзда, безпрестанно летая около него. Можетъ быть, вслѣдствіе частой опасности, которой онѣ здѣсь подвергаются, различныя пары не строятъ большого общаго гнѣзда; чаще всего постройка ихъ очень умеренныхъ размѣровъ: она заключаетъ въ большинствѣ случаевъ не болѣе 5—6 яицъ. Можетъ быть упомянутая Азарою общественная жизнь этихъ птицъ поселеніями встрѣчается еще въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ человѣкъ ихъ не беспокоитъ, но въ Бразиліи это явленіе неизвѣстно; ни отъ одного бразильца я о немъ не слышалъ, хотя люди обыкновенно очень хорошо знаютъ именно такія особенности туземныхъ животныхъ и тотчасъ о нихъ рассказываютъ, когда ихъ спрашиваютъ объ образѣ жизни послѣднихъ». Съ этимъ согласуется и указаніе Шомбургка. «Индѣйцы», говоритъ онъ, «утверждаютъ, что только одинъ видъ этихъ птицъ строитъ общее гнѣздо, тогда какъ другіе два вида не раздѣляютъ съ нимъ этого свойства, такъ какъ каждая парочка имѣетъ свое собственное гнѣздо.»

Госсе, наоборотъ, сообщаетъ намъ слѣдующее: «Фактъ, что ани гнѣздятся обществами и строятъ необыкновенно большое общее гнѣздо изъ вѣтокъ, подтверждается всѣми поселенцами. Обыкновенно для основанія его выбирается очень высокое дерево». Гилль, указанія котораго совершенно достовѣрны, замѣчаетъ: «Съ подюжины ихъ строятъ только одно гнѣздо. Последнее велико и настолько обширно, что можетъ дать пріютъ всѣмъ имъ со всѣми ихъ птенцами. Они высиживаютъ яйца съ большимъ самоотверженіемъ и во все время высиживания никогда не оставляютъ гнѣзда, не прикрывъ яйца листьями. Въ июлѣ нашелъ я однажды гнѣздо этой птицы. Оно состояло изъ массы сплетенныхъ вѣточекъ, выложенныхъ листьями. Въ немъ лежало 8 яицъ, но въ то-же время около нихъ и подъ деревомъ было много скорлупокъ отъ разбитыхъ яицъ». Гундлахъ также не сомнѣвается въ совмѣстномъ сидѣніи на яйцахъ нѣсколькихъ самокъ, такъ какъ говоритъ, что видѣлъ гнѣзда со множествомъ яицъ, и между ними находились и такія, въ которыхъ ряды яицъ отдѣлены были другъ отъ друга новымъ матеріаломъ, потому-что прибывающія самки приносятъ все новый и новый матеріалъ для постройки гнѣзда. Постройка эта или время спариванья продолжается на Кубѣ, по наблюденіямъ Гундлаха, отъ апрѣля до октября. Гнѣздо устраивается среди густыхъ вѣтокъ деревьевъ или бамбука и между плотно сплетающимися ползучими растеніями; оно состоитъ изъ маленькихъ вѣточекъ и сухихъ растеній.

«Мои шесть яицъ ани», продолжаетъ Бурмейстеръ, «приблизительно равнялись по величинѣ обыкновеннымъ голубинымъ яйцамъ. Только что спесенныя, они имѣли чистый бѣлый цвѣтъ и были похожи на мѣлъ, сквозь который просвѣчивалъ зеленоватый оттѣнокъ. Поверхность ихъ прорѣзывалась мѣстами полосками и черточками, сквозь которыя проглядывалъ красивый блѣдно-зеленый цвѣтъ. Всякое соприкосновеніе ихъ съ какимъ-либо твердымъ предметомъ разрушало бѣлый покровъ»

и обнаруживало нижній зеленый слой; такъ, когда я поскоблилъ яйцо ножомъ, верхній известковый слой совсѣмъ сошелъ. Я считаю этотъ слой особеннымъ выдѣленіемъ, которымъ покрывается яйцо въ то время, какъ оно находится еще въ клоакѣ; скорѣе всего я могъ-бы сравнить его съ известковымъ веществомъ мочи, которымъ бываетъ обыкновенно покрытъ пометь этихъ птицъ. Если удалить этотъ верхній слой, то бывшее до того совсѣмъ матовымъ мѣловымъ, яйцо приобретаетъ легкій глянецъ и очень тонкую, пористую поверхность. Цвѣтъ яицъ дѣлается тогда голубовато-зеленымъ или цвѣта морской волны». Гундахъ видѣлъ почти на всѣхъ яйцахъ упомянутыя Бурмейстеромъ полоски и черточки и не сомнѣвается, что онѣ происходятъ отъ когтей птицъ, которыми онѣ ихъ царапаютъ во время сидѣнья на яйцахъ, потому-что только черезъ нѣсколько дней замѣчаются эти царапины на известковомъ налетѣ, вслѣдствіе котораго голубовато-зеленое, по настоящему, яйцо кажется бѣлымъ. Ньютонъ нашелъ въ юнѣ такого рода гнѣздо. «Я увидѣлъ двухъ птицъ, сидѣвшихъ бокъ-о-бокъ и, какъ оказалось послѣ, на гнѣздѣ, которое было прислонено къ стволу и поддерживалось нѣсколькими молодыми отростками, на высотѣ приблизительно 1,5 м. надъ землею. Это была грубая постройка изъ палокъ и вѣтокъ, большая и глубокая, частью наполненная сухими листьями, среди которыхъ я нашелъ 14 яицъ. Гнѣздо было очевидно общественною собственностью. Обыкновенно въ немъ сидѣло двѣ или три, плотно прижавшія другъ къ другу птицы, и отъ 4 или 5 и болѣе, надъ ними, на вершинѣ дерева; онѣ не переставали кричать все время, пока я находился вблизи ихъ». Птенцы оставляютъ гнѣздо, по словамъ Шомбургка, раньше, чѣмъ выучиваются летать и прыгаютъ съ вѣтки на вѣтку въ обществѣ своихъ родителей съ одинаковой съ ними ловкостью. Какъ только приближается опасность, родители поднимаются съ дикимъ крикомъ, и тогда птенцы скорыми прыжками стараются спрыгнуть съ кустовъ или деревьевъ на землю, и исчезаютъ въ травѣ.

Относительно человѣка ани ведутъ себя различно. Передъ всадниками они или вовсе не обращаются въ бѣгство или улетаютъ только при значительномъ ихъ приближеніи, въ особенности, если всадникъ придержитъ лошадь; къ пѣшеходамъ они имѣютъ меньше довѣрія. Тамъ, гдѣ они имѣютъ мало сношеній съ людьми, смѣлость ихъ становится почти невѣроятной. «Подобно многимъ птицамъ этихъ пустынь», передаетъ А. фонъ-Гумбольдтъ, «они такъ мало боятся людей, что дѣти часто ловятъ ихъ руками. Въ долинахъ Арагуа, гдѣ ихъ очень много, птицы эти среди бѣла дня садились на наши гамаки въ то время, когда мы въ нихъ лежали». Только свиста, какъ увѣряетъ Шомбургкъ, они не могутъ выносить; по крайней мѣрѣ они улетаютъ мгновенно, какъ только услышатъ свистъ. На ани обыкновенно не охотятся, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ жителей Кубы, которые ѣдятъ ихъ мясо, несмотря на его особенный запахъ, и даже прописываютъ его выздоравливающимъ, какъ цѣлебное и возбуждающее аппетитъ средство; иногда же случается, что разсерженный ихъ предательскимъ крикомъ охотникъ убиваетъ ихъ со злости. Подстрѣленные на деревьяхъ птицы не всегда попадаютъ во власть охотника, потому что ихъ живучесть удивительно велика. «Если клещаядъ не прострѣленъ въ голову или въ сердце», говоритъ Шомбургкъ, «то охотникъ можетъ быть увѣренъ, что не овладѣетъ имъ. Съ баснословной скоростью убѣгаетъ подстрѣленная птица въ кусты или траву, и изъ 10—12 раненыхъ мною однимъ выстрѣломъ, я находилъ большею частью только одну или двухъ, когда приходилъ къ тому мѣсту, гдѣ онѣ упали. На другой день послѣ моего прибытія въ Цурума, я подстрѣлилъ на деревѣ одного ани; оказалось, что пуля изорвала ему брюшко такъ, что кишки вышли наружу и все-таки мнѣ не удалось-бы пой-

мать убѣгавшую птицу, если-бы одинъ индѣецъ, болѣе чѣмъ въ 200 шагахъ отъ того мѣста, гдѣ произошелъ выстрѣлъ, не нашелъ ее зацѣпившейся за кустъ внутренностями, и не принесъ ее мнѣ.

Членовъ второго семейства кукушковыхъ, въ которомъ насчитывается только 20 видовъ. называемъ мы **Бананоѣдами** (*Musophagidae*. *Pisangfresser*. *Musophages*), несмотря на то, что это имя, кажется, весьма мало подходитъ къ названнымъ птицамъ, такъ какъ онѣ едва-ли могутъ питаться бананами. Средство ихъ съ кукушками во всякомъ случаѣ замѣтнѣе, чѣмъ съ другими птицами, къ которымъ ихъ причисляли до сихъ поръ. По величинѣ бананоѣды занимаютъ среднее мѣсто между вороной и нашей сойкой. Тѣло у нихъ вытянутое, шея короткая, голова средней величины, клювъ короткий, крѣпкій и широкій, у верхняго края рѣзко загнутый, у нижняго слегка отогнутъ книзу, у расщепе зазубренъ. Средней длины крылья сильно закруглены, четвертое или пятое маховыя перья длиннѣе другихъ. Хвостъ довольно длинный и округленный, ноги сильныя, относительно высокія и, непарнопалыя: три пальца обращены впередъ, одинъ назадъ, наружный палецъ только немного вывернуть въ сторону и выворачивается назадъ только набивателями чучель. Перья мягкія, у нѣкоторыхъ видовъ съ расчученными бородками и иногда окрашены великолѣпными цвѣтами. Отечествомъ бананоѣдовъ служатъ большіе, сплошные лѣса и узкія полосы лѣсовъ, растущимъ по берегамъ рѣкъ въ средней и южной Африкѣ. Въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ ихъ совѣтъ не видно. Они живутъ обществами, т. е. маленькими стаями, которыя, по моимъ собственнымъ наблюденіямъ, простираются отъ трехъ до пятнадцати штукъ. Держатся они по большей части на вѣткахъ деревьевъ, но спускаются иногда и на землю. Нѣкоторые изъ нихъ, съ извѣстной правильностью, облетаютъ довольно большія пространства, но путешествія эти имѣютъ какой-то суетливый, безпокойный характеръ и сопровождаются ужаснымъ шумомъ и крикомъ. Летаютъ они не особенно красиво, но, судя по короткимъ крыльямъ, могутъ дѣлать разнообразныя повороты въ воздухѣ. Движенія ихъ среди вѣтвей деревьевъ очень ловкія. Объ ихъ умственныхъ способностяхъ трудно судить; одно только можно сказать навѣрное, что къ глупымъ птицамъ ихъ причислить нельзя. Внимательно наблюдая за всѣмъ, что происходитъ вокругъ, они выказываютъ большую осторожность, а если замѣчаютъ преслѣдованіе, то становятся даже робкими. Они очень мало обращаютъ вниманія на птицъ другихъ видовъ, но съ сородичами ихъ постоянно можно видѣть вмѣстѣ. Однако-же случается, что родственные виды одного рода сходятся на короткое время между собой. Растительныя вещества составляютъ ихъ главную, если не исключительную пищу. Они ѣдятъ почки листьевъ, плоды, ягоды и зерна, которые собираютъ въ верхушкахъ деревьевъ, въ кустахъ и на землѣ. Само собой разумѣется, что этой пищей обуславливается и ихъ мѣстопробываніе. Они преимущественно населяютъ страны, богатыя водой и плодами. Благодаря этой пищѣ, они легко привыкаютъ къ неволѣ и при извѣстномъ уходѣ живутъ у насъ годами. Нѣкоторые виды ихъ принадлежатъ къ самымъ пріятнымъ компаньямъ птицамъ и нравятся великолѣпіемъ своего оперенія и своимъ веселымъ и непритязательнымъ нравомъ.

Относительно ихъ размноженія до сихъ поръ нѣтъ точныхъ наблюденій. О нѣкоторыхъ видахъ мы знаемъ, что они кладутъ бѣлыя яйца и строятъ гнѣзда вѣроятнo въ дуплахъ деревьевъ. По ихъ общительности можно заключить, что птенцы долго остаются при родителяхъ и заботливо ими оберегаются.

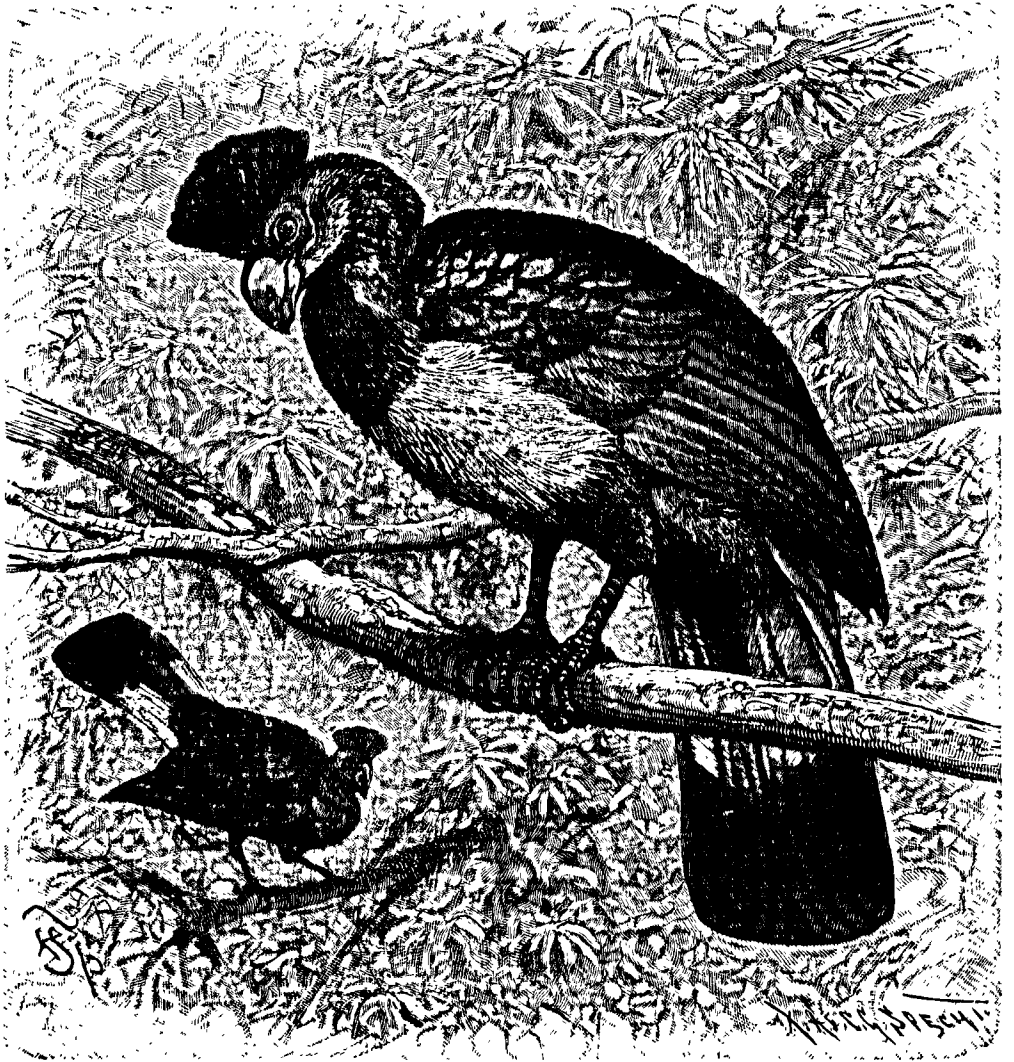
Въ ближайшихъ къ экватору мѣстностяхъ западной Африки живетъ **Исполнинскій турако** или, какъ его зовутъ жители Лоанго—**Коко** (*Corythaeolus cristatus* и *gigas*, *Turacus cristatus*. *Riesenturaco*. *Touraco géant*), какъ единственный представитель рода **Турако** (*Corythaeolus*). Птица эта величиной съ фазана, общая величина ея 65—75 см., а длина крыльевъ 35—40 см. Ея красивое, блестящее опереніе на спинѣ и шеѣ ярко-лазуреваго и синяго цвѣта, на груди зеленовато-желтаго; брюшко, бедра и гузка окрашены въ ржаво-красный цвѣтъ. Смотри по освѣщенію особенно ярко выступаетъ красота ея красокъ, которыя послѣ смерти птицы очень тускнѣютъ, какъ вообще значительно пропадаетъ густота и яркость всего оперенія. Перья хвоста въ общемъ голубыя, но на концахъ черныя съ голубыми каймами. Средина крайнихъ перьевъ хвоста украшена широкой зеленовато-желтой полосой. Желтый клювъ сжатъ съ боковъ, на спинкѣ острый съ круглыми, расположенными по срединѣ его позднями. Уздечка и кольцо около глазъ голыя.

Птица эта, замѣчательная, какъ красотой своей, такъ и нравомъ и голосомъ, живетъ въ обширныхъ лѣсахъ, въ горахъ и долинахъ; иногда она залетаетъ въ саванны, гдѣ растутъ деревья, когда тамъ поспѣваютъ плоды и ягоды. Изъ письменныхъ сообщеній мы узнаемъ, что эту птицу наблюдали Штаудингеръ на Нигерѣ и Бинуэ до Локо, а Клингъ въ мѣстностяхъ, лежащихъ за Того, въ Аноссо и въ Адели до 8-го градуса 30 минутъ сѣв. шир. Бюттикоферъ сообщаетъ намъ объ ея жизни въ Либеріи; Гансъ Мейеръ видѣлъ ее даже на Килиманджаро, на высотѣ 1800 м. надъ уровнемъ моря. «Нигдѣ», пишетъ Пехуэль-Леше, «насколько я его наблюдалъ въ западной Африкѣ, коко не живетъ по берегу моря, но спускается внизъ по рѣкамъ не дальше мангровыхъ лѣсовъ. Особенно распространенъ онъ въ сѣверныхъ частяхъ Лоанго между берегомъ и горами; у Банія я видѣлъ его еще во множествѣ, у болѣе-же сѣверныхъ водъ, какъ Габунъ и Камерунъ, уже гораздо рѣже, а въ дельтѣ Нигера слышалъ его только нѣсколько разъ. Въ долинѣ Конго онъ попадаетъ еще довольно часто, но, кажется, южнѣе не появляется, а въ цѣли горъ Конго онъ совсѣмъ рѣдкая птица.

«Свое присутствіе онъ выдаетъ чрезвычайно громкимъ и раскатистымъ крикомъ, доставившимъ ему среди туземцевъ имя «коко». Этотъ крикъ состоитъ изъ двухъ частей, которыя онъ издаетъ еще сидя на мѣстѣ, тогда какъ, во время полета, онъ повторяетъ только послѣдній звукъ. Первая часть напоминаетъ крикъ павлина, но благозвучнѣе и протяжнѣе идетъ нисходящей гаммой. Его можно отчасти передать звуками: «куру». Вторая часть этого крика звучитъ «кок кок кок», произнесеннымъ быстро, но раздѣльно 8 или 10 разъ подъ рядъ. Именно это «кок», раздающееся постоянно съ одинаковой звучностью и силой, слышится на далекое пространство. Гораздо раньше, чѣмъ я узналъ эту птицу, слышалъ я въ тихіе вечера съ холмовъ за нашимъ поселеніемъ этотъ крикъ, раздававшійся съ противоположнаго берега лагуны Чисамбо, на разстояніи приблизительно 6—8 килом. Ближе къ Чинчочо турако болѣе уже не встрѣчается. Позднѣе я часто его наблюдалъ и убивалъ.

«Жизнь этихъ красивыхъ и пріятныхъ птицъ доставляетъ наблюдателю много удовольствія. Шумно ударяя своими проворными крыльями, онѣ направляются по прямой линіи надъ водою отъ одного лѣсистаго берега къ другому или бѣгаютъ необыкновенно ловко, кокетливо танцуя вдоль вѣтокъ деревьевъ, прыгаютъ по нимъ вверхъ и внизъ и находятся въ постоянномъ движеніи. Днемъ можно видѣть, какъ онѣ, въ одиночку или попарно, отыскиваютъ себѣ пищу, которая, повидимому, состоитъ изъ однихъ почекъ листьевъ и ягодъ; при этомъ постоянно раздается ихъ крикъ. Послѣ заката солнца онѣ любятъ собираться вмѣстѣ. Вскорѣ одинъ изъ турако по-

даеть голосъ, сидя на вершинѣ высокаго дерева близъ воды или лѣсной поляны и по окрестности раздается его «куруіу куриу — кок кок кок». Прочіе вторятъ ему; загѣвало подлетаетъ къ нимъ или все остальное общество собирается вокругъ него. Крики не умолкаютъ, а между тѣмъ къ первому загѣвалу присоединяется второй, третій, четвертый, а иногда также и по двое заразъ, пока ихъ соберется

Исполинскій турако. *Corythaeolus cristatus*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

на вершинѣ дерева штукъ 10—15. Они бѣгаютъ взадъ и впередъ, преслѣдуя другъ друга до самыхъ концовъ вѣтокъ или тихо сидятъ, доверчиво прижавшись другъ къ другу. Случается, что все общество разомъ поднимается съ мѣста, испуская громкое «кок кок», перелетаетъ къ другому дереву и потомъ сейчасъ-же летитъ дальше. Такимъ образомъ они до самой ночи находятся въ постоянномъ движеніи, даже и въ то время, когда другія птицы уже спятъ; и часто слышится еще часъ спустя, съ вершины избраннаго ими пристанища, тихое и одинокое «куруіу».

«Просыпаются они на зарѣ, разлетаются и опять начинаютъ носиться по лѣсу взадъ и впередъ. Они предпочитаютъ садиться на верхушки деревьевъ; а рѣдко ихъ видѣлъ на нижнихъ вѣткахъ, а на землѣ — никогда. Голосъ ихъ слышится во всякое время дня, но чаще всего вечеромъ.

«Коко не только подвижныя, но и осторожныя и бдительныя птицы, поэтому ихъ очень трудно подстеречь, развѣ только утромъ, когда они, голодные, отыскиваютъ себѣ пищу въ лѣсу; поэтому ихъ болѣею частью подстерегаютъ и убиваютъ во время ихъ случайнаго перелета черезъ рѣки. Это еще легче удастся вслѣдствіе того, что они не могутъ дѣлать быстрыхъ поворотовъ на лету, и такимъ образомъ не могутъ ловко избѣгать даже явной опасности. Лучше ихъ подпускать къ себѣ ближе, такъ какъ ихъ можетъ убить только очень сильный зарядъ. Во время ночного покоя они сидятъ слишкомъ высоко и въ нихъ невозможно попасть удачно дробью. Мясо у нихъ сухое и жесткое, но изъ него можно варить вкусный бульонъ.

«Насколько намъ до сихъ поръ извѣстно, коко питаются исключительно растительными веществами, а именно всякаго рода ягодами, но предпочитаютъ плоды вьющейся пальмы и драцены. Хорошо знакомые съ лѣсомъ туземцы говорятъ, что они вьютъ свои гнѣзда въ дуплахъ деревьевъ. Но еще вѣроятнѣе рассказъ нѣкоторыхъ охотниковъ, будто они прикрѣпляютъ свои гнѣзда къ концамъ раздвоенныхъ вѣтокъ самыхъ высокихъ деревьевъ.

«Двѣ попытки приручить этихъ великолѣпныхъ птицъ не удались: въ обоихъ случаяхъ турако скоро умирали вслѣдствіе недостатка подходящей пищи, которую не могли имъ доставлять въ надлежащемъ количествѣ. Однажды Филиппъ велѣлъ вытащить изъ воды коко, который, перелетая черезъ Конго въ виду его факторіи, упалъ какимъ-то образомъ въ воду. Совершенно, повидимому, здоровую и великолѣпно оперенную плѣнницу мы безуспѣшно старались приучить ко всевозможной пищѣ. Птица эта принимала только немного обычной своей лѣсной пищи, отъ всякой другой упорно отказывалась, и недѣлю спустя мы нашли ее мертвой на землѣ. Туземцы увѣряютъ, что всѣ коко также быстро погибаютъ въ неволѣ, потому что не могутъ перенести потерю свободы».

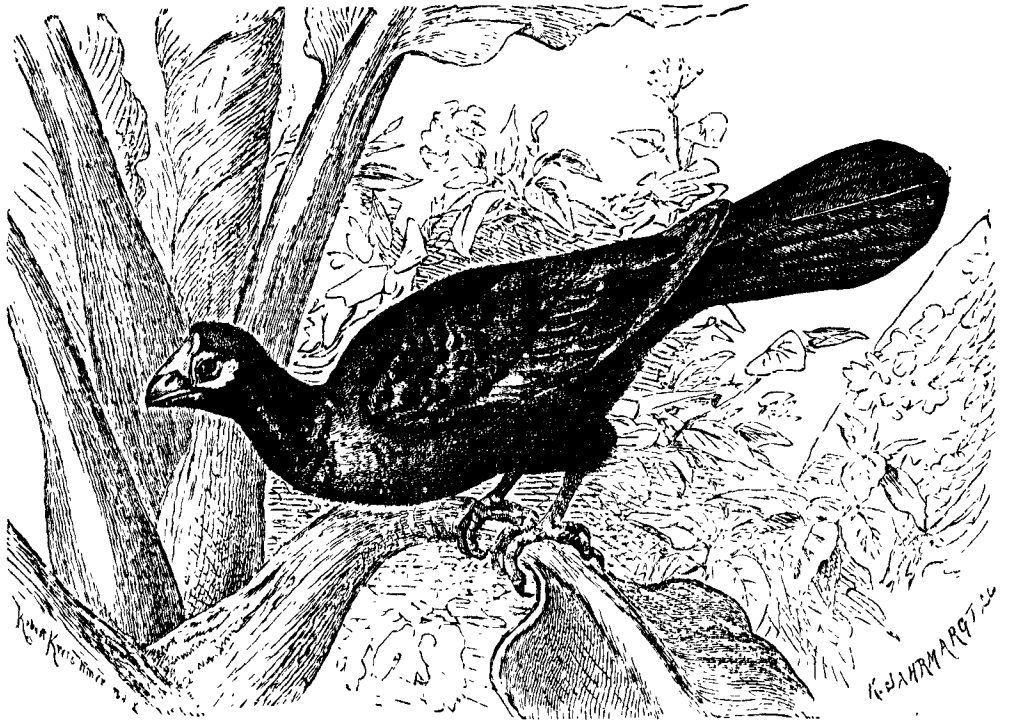
* * *

Въ лѣсахъ Агры, на Золотомъ берегу, нѣмецкій натуралистъ Изертъ открылъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, перваго представителя новаго рода, который мы и назовемъ за нимъ **Настоящими бананоѣдами** (*Musophaga. Bananenfresser.*) Родъ этотъ, состоящій изъ двухъ видовъ, отличается отъ прочихъ своихъ родичей главнымъ образомъ строеніемъ клюва: спинка верхней челюсти непосредственно переходитъ въ роговую пластинку, которая покрываетъ большую часть лба и спускается отсюда отлогимъ сводомъ до самаго кончика клюва, который крючкомъ загибается надъ слабо развитою нижнею челюстью, вслѣдствіе чего клювъ кажется очень выпуклымъ. Края его зазубрены; ноздри лежатъ совершенно свободно на передней части верхней половинки клюва. Уздечка и кольцо вокругъ глазъ не покрыты перьями. Ноги короткія, но сильныя, крылья средней длины, малыя маховыя перья нѣсколько короче большихъ маховыхъ. Хвостъ относительно короткій, широкій и на концѣ закругленъ.

«Можетъ показаться преувеличеніемъ», говоритъ Свайнсонъ, «если я настоящего бананоѣда назову княземъ пернататаго міра. Другія птицы красивы, изящны, блестящи, но окраска перьевъ настоящего бананоѣда—просто царская. Преобладающій блестящій пурпурово-черный цвѣтъ замѣчательно выигрываетъ

рядомъ съ великолѣпнымъ ярко-краснымъ цвѣтомъ крыльевъ. Клювъ, хотя и довольно большой, но кажется умѣреннымъ, потому что не устроенъ такъ фантастически, какъ у птицъ-носороговъ, ни такъ чудовищно великъ, какъ у перцеядовъ; темно-желтый, переходящій въ ярко-красный цвѣтъ клюва только вышаетъ красоту оперенія этой птицы».

Длина **Фиолетоваго турако** (*Musophaga violacea*, *Cuculus regius*, *Phimna violacea*, *Bananenfresser*, *Touraco violet*) простирается приблизительно до 50 см.; длина крыльевъ 22 см., длина хвоста такая-же. Нижняя и мягкія перья, покрывающія темя, великолѣпнаго красного цвѣта, блестятъ, какъ бархатъ; остальные

Фиолетовый турако. *Musophaga violacea*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

перья темно-фиолетовыя, почти черныя, за исключеніемъ нижней стороны туловища, которая при свѣтѣ отливаеъ великолѣпнымъ темнымъ зеленовато-стальнымъ цвѣтомъ. Маховыя перья ярко-красныя съ лиловымъ отливомъ, на концахъ переходятъ въ темно-фиолетовый цвѣтъ. Непокрытое перьями мѣсто вокругъ глазъ карминово-краснаго цвѣта, подъ нимъ блестящая бѣлая полоса, кончикъ клюва тоже карминово-краснаго цвѣта; ноги черныя; глаза каріе. У молодыхъ птицъ нѣтъ бархатистыхъ красныхъ перьевъ на темени; въ остальномъ онѣ сходны со старыми. Фиолетовый турако водится въ Верхней и частью въ Нижней Гвинее; въ Анголѣ и Венгуалѣ ему соответствуетъ **Южный бананоѣдъ** (*M. rossae*, *Pisangfresser*).

Еще и теперь настоящій бананоѣдъ принадлежитъ къ рѣдкостямъ въ музеяхъ, но въ послѣднее время, не только чучелы его, но и живыя птицы этого вида попадали въ Европу. Сообщенія объ его жизни на свободѣ очень скудны. По

словамъ путешественниковъ, въ противоположность шлемоноснымъ турако, они живутъ постоянно парами, и только послѣ вывода птенцовъ—маленькими обществами, состоящими изъ родителей и дѣтей. Такое общество нашелъ однажды Ушеръ на Золотомъ берегу; Рейхеновъ, напротивъ, утверждаетъ, что настоящіи бананоѣдъ, въ противоположность своимъ сородичамъ, шлемоноснымъ турако, встрѣчается по-одиночкѣ или парами, и чаще въ густомъ низкомъ кустарникѣ и на опушкѣ лѣсовъ, нежели на высокихъ деревьяхъ дѣвственныхъ лѣсовъ. Здѣсь живетъ онъ тихо и скрытно, но если его однажды замѣтятъ, то ему уже не удается отвлечь отъ себя вниманіе охотника, такъ какъ его великолѣпные цвѣта ярко выдѣляются на однообразной зелени деревьевъ. Въ своемъ нравѣ, движеніяхъ и пищѣ онъ, кажется, мало отличается отъ своихъ сородичей, что можно заключить по тѣмъ изъ птицъ, которыя отъ времени до времени попадаютъ въ неволю.

* *
* *

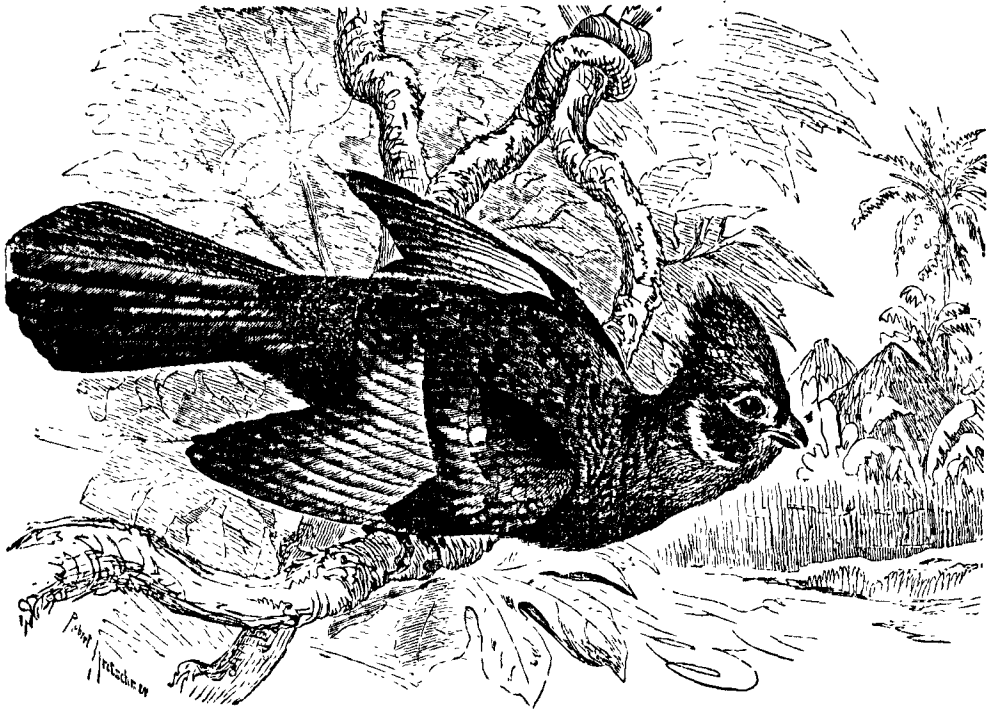
Болѣе точныя свѣдѣнія, чѣмъ о бананоѣдахъ имѣемъ мы о **Шлемоносныхъ турако** (*Corythaix. Helmvoegel. Touraco à casque*). Они составляютъ какъ-бы ядро этого семейства и распространены во всѣхъ частяхъ вышеупомянутой области, гдѣ появляются чаще, чѣмъ ихъ сородичи и не могутъ остаться тамъ незамѣченными. Ихъ отличительные признаки составляютъ: маленькій, короткій, трехугольный клювъ, верхняя челюсть котораго едва замѣтно перегибается черезъ нижнюю, ноздри, отчасти закрытыя перьями лба, короткія закругленныя крылья, въ которыхъ пятое маховое перо самое длинное, не очень длинный, закругленный хвостъ, а также маленькій, голый, иногда покрытый мясистыми бородавками кругъ около глазъ. Опереніе его густое, на головѣ перья удлиняются на подобіе шлема, съ преобладающимъ зеленымъ цвѣтомъ, тогда какъ маховыя перья всегда великолѣпнаго пурпурово-краснаго цвѣта. Различныя виды отличаются другъ отъ друга какъ цвѣтомъ, такъ и образомъ жизни.

Въ Абиссиніи живетъ **Бѣлощеній турако** (*Corythaix leucotis. Musophaga и Turacus leucotis. Weisswangiger Helmvoegel. Touraco à collier*). Шлемъ его состоитъ изъ широкаго, наклоненнаго назадъ и сзади прямо обрѣзаннаго пучка перьевъ темно-зеленаго цвѣта; остальная часть головы, верхнія и нижнія шейныя перья и часть туловища до брюшка прекраснаго зеленаго цвѣта; брюшко и остальная нижняя сторона туловища темнаго пепельно-сѣраго цвѣта; остальныя части спины голубовато-шифернаго съ зеленовато-стальнымъ отливомъ; рулевныя перья черныя съ такимъ-же отливомъ, маховыя перья, за исключеніемъ послѣдняго малаго маховаго пера темнаго карминово-краснаго цвѣта, большія маховыя перья снаружи, по краямъ и на концахъ окаймлены темно-бурой полосой; наконецъ — пятно передъ глазомъ и другое, идущее почти отвѣсно внизъ отъ уха къ шеѣ, чисто-бѣлаго цвѣта. Кругомъ глаза замѣчается кольцо, состоящее изъ маленькихъ бородавокъ киноварно-краснаго цвѣта. Клювъ на концѣ кроваво-красный, а на концѣ верхней его челюсти до поздрей зеленаго; ноги зеленовато-бурныя. Длина доходитъ до 45 см., размахъ крыльевъ 57, длина крыльевъ 17,5, а хвоста 21,5 см. Самка на 1 см. короче и размахъ крыльевъ на 2 см. меньше, въ остальномъ-же ничѣмъ не отличается отъ самца.

Во время моей охотничьей поѣздки по Абиссиніи я нѣсколько разъ имѣлъ случай наблюдать шлемоноснаго турако. Онъ встрѣчается только довольно высоко на горахъ, едва-ли когда-нибудь ниже 600 м. высоты, а иногда даже на 2600 м. въ богатыхъ лѣсомъ и водою долинахъ, гдѣ растеть кандеабровый молочай. Жи-

вуть они стаями или маленькими семействами, на подобіе нашихъ соекъ. Этотъ турако неутомимъ и безпоеенъ, днемъ постоянно летаетъ взадъ и впередъ, но всегда довольно правильно возвращается къ извѣстнымъ деревьямъ той-же области, именно сикоморамъ или тамариндамъ, которыя бывають окружены мелкими деревьями. Такія деревья служатъ нѣкоторымъ образомъ мѣстомъ свиданія цѣлаго общества: здѣсь собираются птицы одной группы, которыя временно разсѣялись для добыванія пищи.

Если замѣтить такое дерево и встать подъ нимъ въ полдень или подъ вечеръ, то нетрудно наблюдать за этими восхитительными птицами. Вновь прибывающихъ очень скоро можно замѣтить, когда онѣ перескакиваютъ съ вѣтки на вѣтку или, какъ-бы приплясывая, бѣгаютъ вдоль сучьевъ и испускають своеобраз-

Шлемоносный турако *Corythaix leucotis*. $\frac{3}{5}$ наст. вел.

ный, глухой крикъ. Этотъ звукъ трудно передать. Онъ похожъ на голосъ чревоушца и вначалѣ заставляетъ наблюдателя ошибиться относительно разстоянія, на которомъ кричитъ птица. Я пробовалъ передать его звуками: «яхухаага гуга», которые испускаются связно одинъ за другимъ.

Шлемоносный турако проводитъ большую часть своей жизни въ вѣтвяхъ деревьевъ. Только на минуту спускается онъ на землю, обыкновенно тамъ, гдѣ низкіе молочаи покрываютъ всѣ выступы. Здѣсь остается онъ нѣсколько минутъ, чтобы схватить какую-нибудь пищу. Затѣмъ онъ быстро поднимается и спѣшитъ къ сосѣднему дереву, остается тутъ нѣсколько времени и затѣмъ летитъ дальше къ слѣдующему дереву, или опять на землю. Вся стая дѣлаетъ то же, но не одновременно, а совершенно на подобіе нашихъ соекъ. Одинъ за другимъ покидаютъ они дерево безъ звука и безъ шума, но всѣ точно слѣдуютъ за первымъ и быстро собираются снова. На вершинахъ деревьевъ этотъ турако замѣчательно

ловокъ. Онъ очень скоро перепрыгиваетъ съ вѣтки на вѣтку, часто помогая себѣ при этомъ и крыльями, или, какъ уже и было замѣчено, бѣгаетъ по одной и той-же вѣткѣ до самаго ея конца. Достигнувъ его, онъ осторожно оглядывается кругомъ и летитъ къ другому низкому дереву или-же возвращается къ вершинѣ перваго. Полетъ его напоминаетъ полетъ нашей сойки или дятла. Онъ совершается по дугообразной линіи, но не очень вогнутой. Нѣсколько быстрыхъ, почти трепещущихъ взмаховъ крыльями, поднимаютъ шлемоноснаго турако до верха дуги; затѣмъ онъ, раскрывъ на одно мгновеніе крылья и выставляя на показъ всю красоту своего оперенія, довольно круто спускается и снова поднимается. При этомъ онъ вытягиваетъ шею, поднимаетъ голову, а хвостъ то распускаетъ, то складываетъ, смотря по тому, спускается или поднимается.

Въ желудкѣ убитыхъ мною шлемоносныхъ турако я находилъ только растительныя вещества, именно ягоды и сѣмена. Къ нѣкоторымъ кустарникамъ, на которыхъ только-что созрѣли ягоды, турако часто слетали, но оставались на нихъ очень короткое время. Они очевидно только лакомились плодами и затѣмъ спѣшили укрыться въ своихъ безопасныхъ древесныхъ убѣжищахъ. Лефевръ находилъ въ желудкахъ убитыхъ имъ шлемоносныхъ турако маленькихъ прѣсноводныхъ улитокъ, а Гейглинъ считаетъ гусеницъ и насѣкомыхъ вообще главною пищею ихъ.

Изъ яйцевода убитой мною самки въ апрѣлѣ я вырѣзалъ вполне готовое яйцо чисто-бѣлаго цвѣта, по величинѣ и формѣ сходное съ яйцомъ нашего домашнего голубя, но отличающееся отъ него тонкостью скорлупы и большимъ блескомъ. Гнѣзда я, къ сожалѣнію, не нашелъ, но не сомнѣваюсь, что оно строится въ дуплахъ деревьевъ. Я могу достовѣрно сказать, что даже во время насидиванія большая часть шлемоносныхъ турако, которыхъ я находилъ, жили стаями, а не семействами.

Объ опасности, которой подвергаются на свободѣ турако, я не могъ собрать никакихъ наблюденій. Можно предположить, что разные кобчики и благородные соколы его родины гоняются за нимъ: на это указываетъ по крайней мѣрѣ его большая осторожность, стараніе спрятаться въ густыхъ вѣткахъ, его полетъ въ одиночку и боязливое, непродолжительное пребываніе на землѣ. Но ничего болѣе вѣрнаго объ этомъ я узнать не могъ. Абиссинцы не преслѣдуютъ шлемоносныхъ турако и еще менѣе приходитъ имъ въ голову держать ихъ въ неволѣ. Быть можетъ вслѣдствіе этого шлемоносный турако обыкновенно не боится европейцевъ. Но онъ становится пугливымъ, какъ только замѣтитъ преслѣдованіе. Его неутомимая подвижность тоже затрудняетъ охоту за нимъ. Цѣлое стадо дразнить, такъ сказать, охотника и ускользаетъ отъ него обыкновенно очень скоро тамъ, гдѣ мѣстность представляетъ хотя какое-нибудь препятствіе. Лучше всего подкарауливать ихъ подъ деревьями. Тутъ почти навѣрное можно рассчитывать на добычу. «Достоиную удивленія ловкость», говоритъ Гейглинъ, «выказываетъ эта птица при лазаніи. Упавъ на землю съ прострѣленнымъ крыломъ, она быстро перебѣгаетъ къ ближайшему дереву, взбѣгаетъ, подобно шпорцевой кукушкѣ, по стволу наверхъ и въ одинъ мигъ исчезаетъ въ листьѣ или въ ползучихъ растеніяхъ».

Жизнь шлемоносныхъ турако въ неволѣ стала намъ извѣстна со времени устройства зоологическихъ садовъ, по у насъ есть и еще болѣе давнія наблюденія. Западно-африканскій **Турано-хохлачъ** (*Corythaix persa*. Hollentourgaso. Tourgaso hurré) не принадлежитъ къ числу рѣдкихъ птицъ въ зоологическихъ садахъ. О немъ разсказывалъ Плоссъ еще за нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. «Мой плѣнный

турако», говоритъ онъ, «бодрая, веселая птица, которая почти весь день прогидитъ въ движеніи, поворачиваетъ голову то направо, то налѣво, при каждомъ глоткѣ раскрываетъ крылья и хвостъ и киваетъ головой. Онъ такой ручной, что ѣсть у меня съ руки и бѣгаетъ по комнатѣ. Часто онъ дѣлаетъ широкіе скачки, помогая себѣ своими распущенными крыльями, но не хлопая ими, и далеко вытягивая шею впередъ. Послѣ прыжка онъ пробѣгаетъ нѣсколько шаговъ въ томъ-же положеніи. Походка у него очень ловкая и быстрая, но лазать онъ не умѣетъ и съ трудомъ держится на прутьяхъ своей клѣтки. Его призывной звукъ состоитъ изъ тихой воркотни, которую онъ иногда, преимущественно когда видитъ издали незнакомый предметъ, повторяетъ отрывисто разъ 8 - 10 и постепенно такъ повышаетъ голосъ, что его можно слышать за нѣсколькими закрытыми дверьми. Обыкновенно послѣ того онъ улетаетъ на нѣкоторое разстояніе отъ того мѣста, гдѣ сидѣлъ. Когда я подхожу къ нему, шевеля при этомъ губами, онъ вытягивается вверхъ, падуваетъ зобъ и горло и выбрасываетъ что-нибудь изъ принятой имъ пищи, желая меня покормить, какъ птенца своего. Хохолъ свой онъ всегда держитъ поднятымъ вверхъ, и только ночью, или, когда его гладятъ, опускаетъ его. Я кормлю его смоченнымъ въ водѣ бѣлымъ хлѣбомъ, тертой желтой рѣпой и мелко нарязанными плодами, смотря по времени года: зимою—яблоками и грушами, въ другое время земляникой, сладкими вишнями, малиной, сливами, виноградомъ и тому подобнымъ. Плоды ему необходимы для здоровья. Песокъ и маленькіе камешки онъ глотаетъ въ порядочномъ количествѣ. Онъ охотно купается и при этомъ очень сильно промокаетъ. Въ общемъ держать эту птицу легко; она прекрасно живетъ у меня вотъ уже четыре года. 17 іюня 1825 г. она положила въ посуду, изъ которой ѣла, первое яйцо, за которымъ послѣдовало второе 5 іюля. Она не хотѣла пользоваться открытымъ, назначеннымъ для нея гнѣздомъ египетскаго голубя, но передъ кладкой яицъ забиралась въ самый темный уголь, изъ чего я заключаю, что въ неволѣ она гнѣздится въ дуплахъ или норахъ. Кладка яицъ очень разстраивала ея здоровье. Она была сильно больна и пила чрезвычайно много воды. Личка у нея бываетъ одинъ разъ въ году».

Воспитанные мною шлемоносные турако доказали мнѣ, что всѣ вышеупомянутыя наблюденія справедливы, но я думаю, что могу прибавить къ нимъ еще нѣкоторыя подробности. Я много разъ ухаживалъ за турако и причисляю ихъ къ самымъ пріятнымъ комнатнымъ птицамъ, доставляемымъ намъ тропическими странами. За исключеніемъ полдня, они обыкновенно находятся въ движеніи, обнаруживая при этомъ красоту своихъ перьевъ, и могутъ служить украшеніемъ всякаго птичьего садка. Они кажутся особенно красивыми въ стоящихъ на открытомъ воздухѣ просторныхъ клѣткахъ. Оживленіе всего они бываютъ рано утромъ или вечеромъ; при сильномъ дневномъ свѣтѣ они прячутся въ тѣни древесной листвы или въ мѣстахъ, защищенныхъ отъ солнечныхъ лучей. Солнца они избѣгаютъ, такъ-же, какъ и сильныхъ ливней, которые такъ смачиваютъ ихъ сухія перья, что дѣлаютъ ихъ почти неспособными къ полету. Со своими сожителями по клѣткѣ турако уживаются отлично, или вѣрнѣе они нисколько не обращаютъ на нихъ вниманія. Я держалъ ихъ въ одной клѣткѣ съ самыми разнообразными птицами и никогда не замѣчалъ, чтобы они затѣвали ссору съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ товарищей. Незлобивость ихъ не измѣняла имъ и тогда, когда кто-нибудь изъ другихъ птицъ усаживался рядомъ, или даже прямо прижимался къ нимъ.

Ихъ пища въ неволѣ очень проста, она главнымъ образомъ состоитъ изъ варенаго риса, смѣшаннаго съ разной зеленью и нѣкоторыми плодами. Имъ нужно много пищи, но они очень непритязательны. Голосъ ихъ рѣдко слышенъ. Обы-

повенно они издають скрипъ, но при особенномъ возбужденіи они громко и отрывисто кричатъ «круук круук круук»; другихъ звуковъ отъ нихъ я не слыхалъ.

Верро открылъ, что 12 или 14 перьевъ въ ихъ крыльяхъ, замѣчательныхъ своею пурпурово-фіолетовой окраской, теряють свою красоту, когда они смочены, и даже линяють, если ихъ трогать и тереть пальцами въ этомъ состояніи. Этотъ фактъ поражалъ съ тѣхъ поръ всѣхъ, кто держалъ этихъ турако и ставилъ имъ для купанья воду въ чистомъ сосудѣ, напримѣръ въ бѣлыхъ фарфоровыхъ чашкахъ. Одна парочка, за которой наблюдалъ Эндерсъ, окрашивала во время своего купанья воду въ довольно большомъ сосудѣ такъ сильно, что она походила на блѣдно-красныя чернила; каждый день они купались нѣсколько разъ и соотвѣтственно тому теряли порядочное количество своего красильнаго вещества. Пока перья оставались мокрыми, ихъ пурпуровая краска сильно переходила въ синюю, но когда они высыхали, они были такія-же великолѣпно-пурпуровыя, какъ и прежде. Во время линьки они далеко не такъ сильно выцвѣтали, какъ до нея. Тоже самое замѣчалъ я у всѣхъ воспитанныхъ мною турако. Послѣ смерти птицы уменьшается выдѣленіе красильнаго вещества; такъ по крайней мѣрѣ замѣтили Вестерманъ и Шлегель. Въ зоологическомъ саду въ Амстердамѣ съ однимъ племенистымъ турако сдѣлались судороги и, какъ всегда въ подобномъ случаѣ, его облили холодной водой. Птица осталась лежать въ томъ-же положеніи, въ какомъ упала, прожила еще нѣсколько часовъ и наконецъ околѣла. Тогда оказалось, что верхняя сторона ея тѣла уже высохла, а нижняя, т. е. обращенная къ землѣ, осталась мокрой, и красный цвѣтъ еще не высохшаго лѣваго крыла обратился въ синій, тогда какъ красный цвѣтъ праваго крыла сохранилъ всю свою красоту. На сухихъ чучель обливаніе водой не производитъ ни малѣйшаго вліянія и только, если чучело пролежить въ нашатырномъ спиртѣ или мыльной водѣ, можно замѣтить, что крылья теряють свой цвѣтъ. Въ краскѣ ихъ найдены слѣды мѣди.

* *

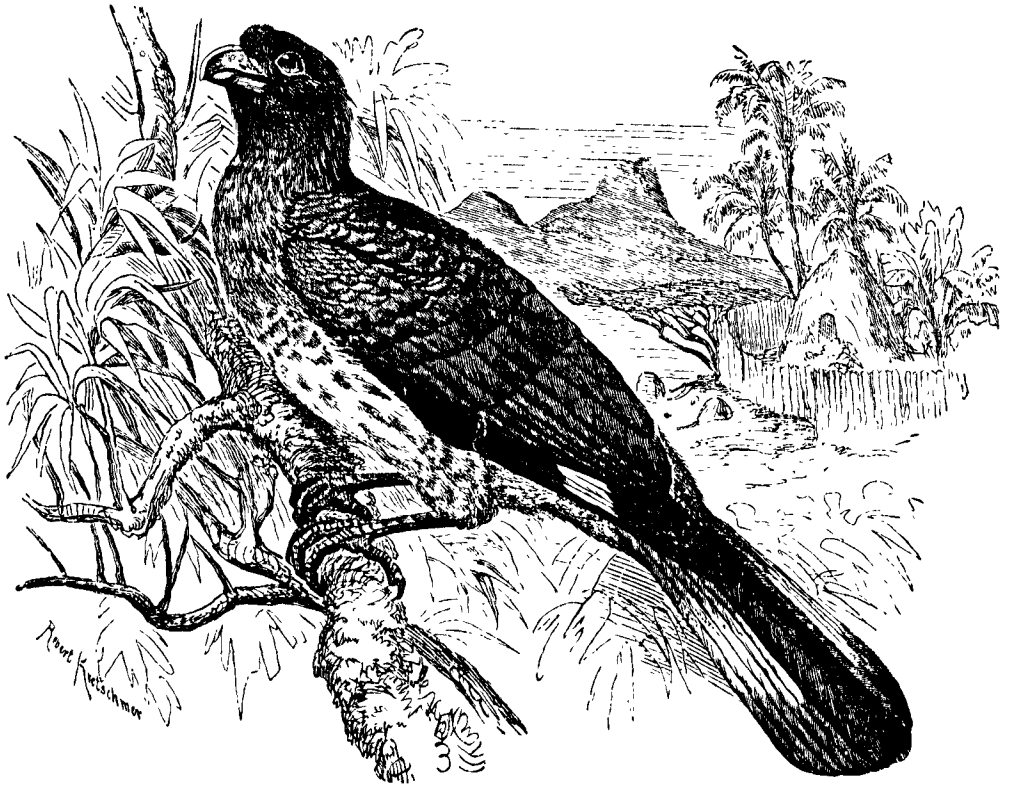
Отъ перечисленныхъ уже до сихъ поръ видовъ бананоѣдовъ, **Крикливые турако** (*Schizorhis Lärmvögel*, *Touracos criards*) отличаются вытянутымъ туловищемъ, относительно длинными крыльями, въ которыхъ четвертое маховое перо самое длинное, толстымъ, сильнымъ клювомъ, высота котораго почти не больше ширины; спинка его сильно изогнута, а края расщепла сильно зазубрены. Они отличаются еще опереніемъ головы и болѣе темной окраской оперенія.

Въ послѣднюю повѣзку въ Абиссинію я встрѣтилъ **Гугуну** абиссинцевъ (*Schizorhis Zonura*, *Musorgaha* и *Chizaerhis Zonura*, *Gurtellärmvogel*, *Gougou*) въ ея родныхъ лѣсахъ. Длина ея доходитъ до 51 см., размахъ крыльевъ—73 см., длина крыльевъ, такъ-же какъ и хвоста—25 см. Самка немного больше самца, въ остальномъ совершенно одинаковаго съ нимъ сложенія и также точно окрашена. Вся верхняя сторона туловища почти равнаго темно-бураго цвѣта; нижняя сторона, начиная отъ верхней части груди—свѣтло-пепельная съ буроватыми полосами вдоль стержней перьевъ. Удлиненныя и заостренныя перья затылка, всегда взъерошенныя, имѣють бѣлые края: перья спины, до того мѣста, гдѣ они прикрыты верхними перьями, синевато-сѣрыя; маховыя перья—черновато-бурыя, на внутренней бородкѣ украшены большими бѣлыми четырехугольными пятнами, которыхъ нѣтъ только на первомъ перѣ; перья хвоста свѣтло-бурыя, изъ нихъ четыре наружныхъ пера того-же цвѣта у острія, затѣмъ бѣлыя, на концѣ съ широкими рыжевато-черными полосами. Глаза сѣровато-каріе, тол-

*

стый, крѣпкій и широкій клювъ, который довольно сильно загибается и на расщепѣ едва зазубренъ,—зеленовато-желтый; ноги темно-пепельнаго цвѣта.

Гугука, кажется, очень распространенная птица. Рюппель находилъ ее во многихъ провинціяхъ Абиссиніи, я довольно часто встрѣчалъ ее въ странѣ Богосовъ; другіе путешественники встрѣчали ее на верхнемъ теченіи Голубаго Нила. Гейглинъ наконецъ, который познакомился съ нею у истоковъ Бѣлаго Нила, указываетъ на нее, какъ на самаго обыкновеннаго бананоѣда сѣверо-восточной Африки, и говоритъ, что она живетъ преимущественно въ лѣсной полосѣ на высотѣ 600—2000 м. надъ уровнемъ моря, а въ этой полосѣ—именно на высокихъ

Гугука. *Schizorhis Zonura*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

деревьяхъ вдоль береговъ я находилъ ее также и вблизи маленькихъ ручейковъ, сбѣгающихъ въ море съ горныхъ хребтовъ.

Тогда какъ бѣлощеікій турако кричитъ тихо, какъ чревоѣщатель, гугука старается какъ будто перекричать даже обезьянъ. Крикъ ея сбиваетъ съ толку иногда даже и опытнаго охотника, заставляя его предполагать, что дѣлая стая марышекъ замѣтила что-нибудь ужасное и возвѣщаетъ о томъ всему свѣту. Ея голосъ очень похожъ на оригинальные горловые звуки, испускаемые вышеупомянутыми обезьянами. Онъ звучитъ громко и пронзительно, вродѣ «гу-гу-гук-ги-гак-га-гирр-гирр-гу-ги-ге-гу», но такъ какъ всѣ кричатъ вмѣстѣ, то звуки эти такъ сливаются, что обращаются въ настоящій вой. Я дѣлалъ попытку записать на мѣстѣ эти звуки и могу ручаться за вѣрную ихъ передачу, насколько она возможна; но вижу изъ произведеній другихъ естествоиспытателей, что ни одному изъ нихъ они не показались такими-же, какъ мнѣ. Однако Гейглинъ болѣе другихъ согла-

шается со мной въ существенномъ. Онъ тоже обозначаетъ голосъ гугуки далеко раздающимся, очень разнообразнымъ крикомъ и хохотомъ, часто очень напоминающимъ хриплый лай собаки или крикъ маленькой обезьяны, но вмѣстѣ съ тѣмъ похожъ и на токованье глухаря или франколиновъ; но при этомъ онъ замѣчаетъ еще, что гугука часто воркуетъ и хохочетъ, какъ египетскій голубь. Маркизъ Антинори справедливо называетъ ее самой крикливой птицей восточной Африки. Если идти въ лѣсу на эти замѣчательные крики, то можно увидѣть крикливыхъ бананоѣдовъ на одномъ изъ высочайшихъ деревьевъ горнаго хребта, сидящихъ вмѣстѣ съ самками; иногда-же они сидятъ маленькими семействами, но и въ нихъ все-таки замѣтны отдѣльныя пары. Если поближе подойти къ нимъ, то такое общество легко наблюдать. Пехуэль-Ленше, наблюдавшій много разъ сородичей ея, **Сърыхъ гугукъ** (*S. consolor*) въ Гереро, видѣлъ ихъ только парами и слышалъ отъ нихъ только одинъ звукъ: очень громкій, протяжный «ia-a» съ замѣчательно отчетливымъ удареніемъ.

Въ своемъ образѣ жизни гугука имѣетъ много общаго съ шпорцевой кукушкой и калао. Она летаетъ совсѣмъ такъ же, какъ и послѣдняя, именно обрывисто, но не любитъ летѣть далеко, большею частью съ одного высокаго дерева къ другому, садится высоко въ ихъ вершинахъ, держась очень прямо, начинаетъ вилять хвостомъ и вдругъ вскрикиваетъ такъ, что крикъ этотъ раздается по всему горному хребту. По словамъ Гейглина, члены одного семейства постоянно играютъ и спорятъ между собой и преслѣдуютъ другъ друга съ одного дерева на другое, какъ-бы бранясь и хихикая. Рѣдко можно увидѣть гугуку, спокойно сидящей на деревѣ; большею частью она постоянно находится въ движеніи, часто и очень ловко бѣгаетъ по вѣткамъ назадъ и впередъ, присѣдая и кивая головой, съѣдая на ходу что-нибудь попавшееся по дорогѣ, и не болѣе одного мгновенія отдыхая отъ своей бѣшеной суетни. Гейглинъ говоритъ, что обыкновенно она не робка; я замѣчалъ обратное, и нахожу ее очень осторожной, такъ что нужно употребить много труда, чтобы ею овладѣть. Только непосредственно около селеній, гугука дѣлается менѣ робкой; тамъ она уже привыкла къ человѣку и его правамъ. Пища ея состоитъ изъ ягодъ всякаго рода, и за этими-то ягодами и слетаетъ она къ низкимъ кустарникамъ въ ранній утренній или поздній вечерній часъ. Остальную часть дня она проводитъ на всякаго рода деревьяхъ, а именно въ полдень отыскиваетъ самыя тѣнистыя изъ нихъ и просиживаетъ въ ихъ листьѣ самую жаркую часть дня. Антинори видѣлъ нѣсколько разъ, какъ ихъ окружали маленькія птицы, дразнившія и преслѣдовавшія ихъ вродѣ того, какъ гугуки это дѣлаютъ съ совами и кукушками.

Фюрбрингеръ видитъ въ Ново-Свѣтскихъ Блестянкахъ и Бородачахъ только отдаленныхъ родичей кукушекъ и соединяетъ обѣ группы въ одинъ родъ (*Galbulae*), который мы, съ своей стороны, будемъ считать за подотрядъ (*Galbuliformes*). Они какъ-бы служатъ соединительнымъ звеномъ между кукушками и дятло-воробьиными, однако уступаютъ имъ по совершенству развитія.

Отличительными признаками Блестянонь (*Galbulidae*. *Glanzvögel*. *Galbulides*) считаются: вытянутое тѣло, длинный, большею частью прямой, высокій шиловидный клювъ съ острыми краями; ножки небольшія, слабыя, нѣжныя, парнопалыя, рѣдко трехпалыя; крылья короткія и едва прикрываютъ начало хвоста, четвертое

или пятое маховое перо длиннѣе другихъ; хвостъ длинный, ступенчатый и состоитъ изъ десяти или двѣнадцати округленныхъ снизу перьевъ; опереніе мягкое, рыхлое, великолѣпнаго блестящаго золотистаго цвѣта, а у основанія клюва превращается въ щетинки. Отъ бородачей блестянки преимущественно отличаются нѣжною кожей, въ которой широкія, мягкія, тонкоствольныя перья сидятъ весьма слабо, между тѣмъ какъ по строенію тѣла онѣ, въ общихъ чертахъ, напоминаютъ кукушекъ.

Блестянки, которыхъ до сихъ поръ насчитываютъ до 20 извѣстныхъ видовъ, населяютъ Южную Америку, однако-же не появляются уже въ западныхъ частяхъ Андъ, такъ что ихъ область распространенія весьма ограничена. Но и въ ней селятся онѣ не вездѣ: избѣгаютъ открытыхъ пространствъ, а живутъ если не исключительно, то по крайней мѣрѣ преимущественно въ сырыхъ дѣвственныхъ лѣсахъ. Образъ жизни ихъ, повидимому, очень однообразный и скучный, такъ какъ натуралисты весьма мало сообщаютъ намъ о нихъ. Блестянки, по единодушному отзыву всѣхъ свѣдущихъ людей, глупыя, лѣнныя, равнодушныя существа, которыя, съ полнымъ правомъ носятъ, относящуюся тоже и къ нимъ, бразильскую кличку «Ванька-дуракъ.»

Для насъ было-бы совершенно бесполезно подробно разсматривать различные роды, на которые распадается это семейство. Отличающіе ихъ другъ отъ друга признаки совсѣмъ незначительны и ограничиваются главнымъ образомъ въ прямомъ или загнутомъ клювѣ и парнопалыхъ или трехпалыхъ ногахъ.

* *
*

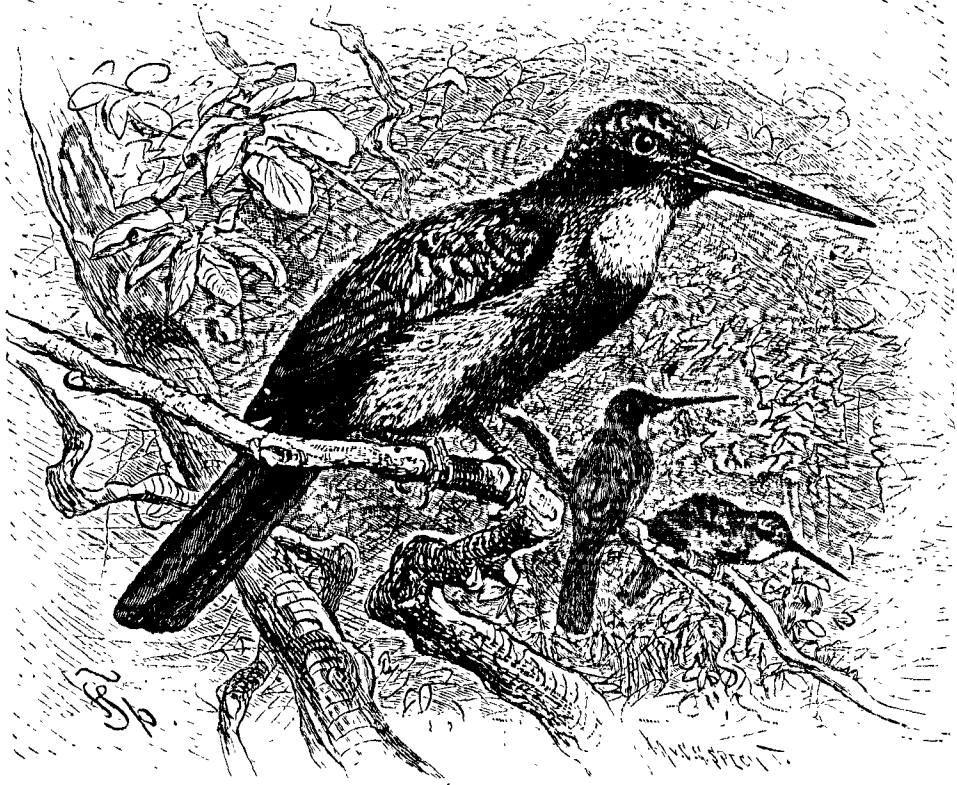
Жакамары (*Galbula. Jakamaçs*) отличаются длиннымъ, тонкимъ, высокимъ, слегка загнутымъ клювомъ, съ острыми краями, сравнительно длинными крыльями, четвертое и пятое перья которыхъ самыя длинныя, крѣпкимъ, длиннымъ, ступенчатымъ хвостомъ, всѣ двѣнадцать перьевъ котораго остро закруглены на концѣ, а наружныя перья гораздо короче среднихъ; короткими нѣжными ножками, оба передніе пальца которыхъ обыкновенно срослись между собою и только въ концѣ разъединяются. Задніе пальцы очень коротки. Опереніе мягкое, рыхлое и разсученное.

У **Жакамара** (*Galbula viridis* и *viridicauda*; *Alcedo galbula. Jakamar. Jacamar*) верхніе части тѣла и грудь превосходнаго золотисто-зеленаго цвѣта, остальныя нижнія части тѣла ржаво-краснаго цвѣта, боковыя перья хвоста ржаво-красныя съ зелеными концами, горло у самцовъ бѣлое, у самокъ ржаво-желтое. Глаза каріе, длинный тонкій клювъ, уздечка и голое кольцо около глазъ — черныя, ноги буровато-тѣлеснаго цвѣта. Длина, согласно измѣреніямъ принца фонъ-Видъ, достигаетъ 21,5 см., длина крыла 8, а хвоста 9 см.

Жакамаръ населяетъ лѣса всего побережья Бразиліи и встрѣчается вездѣ довольно часто. По мнѣнію принца фонъ-Видъ, эта красивая птица имѣетъ во многихъ отношеніяхъ большое сходство съ колибри, и это сходство сознается даже грубыми ботокудами, которые прозвали жакамара «большимъ колибри». Онъ живетъ, подобно своимъ сородичамъ, одиноко и тихо въ сырыхъ мѣстахъ, поросшихъ лѣсомъ и тѣнистымъ кустарникомъ; сидитъ онъ обыкновенно у воды на самыхъ нижнихъ вѣткахъ, летаетъ быстро, но не далеко, и вообще скучная, тихая и лѣнвая птица, которая, повидимому, избѣгаетъ всякаго передвиженія. Терпѣливо ждетъ онъ приближенія насѣкомаго, быстро набрасывается и ловитъ его на лету, а потомъ также быстро возвращается на старое мѣсто. По увѣренію Шомбургка, жа-

камаръ въ состояніи цѣлыми часами просиживать, не двигаясь, въ лѣнливомъ покоѣ; голосъ его громкій, звонкій, часто повторенный звукъ, но вовсе не пріятное пѣніе, какъ думалъ Бюффонъ. Гнѣздо жакамары и ихъ родичи устраиваютъ въ круглыхъ береговыхъ норахъ. Такъ по крайней мѣрѣ утверждаетъ принцъ фонъ-Видъ, который, впрочемъ, самъ никогда не находилъ подобныхъ гнѣздъ.

Вотъ приблизительно почти все, что до сихъ поръ сообщено намъ объ образѣ жизни блестянокъ. Пеппигъ прибавляетъ еще, что въ первобытныхъ лѣсахъ легко найти мѣсто, избранное жакамаромъ для своего любимого пребыванія, такъ какъ почва на нѣсколько шаговъ вокругъ него покрыта крыльями самыхъ боль-

Жакамаръ. *Galbula viridis* $\frac{2}{3}$ наст. вел.

шихъ и великолѣпныхъ бабочекъ, одно тѣло которыхъ пожирается птицами. Это, можетъ быть, и вѣрно, но довольно сомнительно или, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ понятно другое сообщеніе, будто птица однимъ прыжкомъ или нѣсколькими ударами крыльевъ настигаетъ пролетающее мимо насѣкомое, своимъ острымъ клювомъ пробуравливаетъ его и потомъ доѣдаетъ его уже въ сидячемъ положеніи. Что означаетъ это «пробуравливанье», я совсѣмъ не понимаю, такъ какъ могу только допустить, что блестянка точно такъ-же ловятъ насѣкомыхъ, какъ и другіе его родичи, т. е. открывая клювъ.

Лѣнники (*Bucconidae*. Faulvögel. Barbus) весьма лѣнливыя и скучныя существа; онѣ составляютъ не очень многочисленную, но и не очень бѣдную группу, принадлежащую исключительно къ экваторіальнымъ странамъ Южной Америки. От-

личительные признаки этих птиц следующие: сильное, толстое тѣло, очень большая голова; не всегда одинаково длинный клювъ, загнутый или съ самой вершины или только въ концѣ, а иногда просто крючковатый, и во всякомъ случаѣ безъ бороздокъ и зазубринъ; слабыя ноги, первый и четвертый палецъ которыхъ обращены назадъ, а два среднихъ впередъ; крылья короткія или средней длины съ многочисленными и большими кроющими перьями; короткій или средней длины хвостъ, состоящій изъ двѣнадцати перьевъ, и, наконецъ, чрезвычайно рыхлое, мягкое и слабо сидящее въ кожѣ опереніе мрачныхъ цвѣтовъ, которое вокругъ клюва обращается въ щетинки.

Всѣ лѣнники живутъ въ лѣсахъ въ одиночку или парами и рѣдко только на время соединяются небольшими обществами. Онѣ неохотно селятся около человѣческихъ жилищъ, а посягаютъ взадъ и впередъ по уединеннымъ лѣсамъ. Правыхъ не представляютъ ничего интереснаго, такъ какъ вялость, лѣнь и глупость—самыя выдающіяся черты ихъ характера. Тихо и одиноко сидятъ онѣ на сухихъ вѣткахъ подъ самой вершиной деревьевъ, неподвижно поджидая пролетающую мимо добычу. Не двигая ни однимъ мускуломъ и вообще ничѣмъ не выказывая своего волненія, онѣ близко подпускаютъ къ себѣ наблюдателя, и только, когда дотронуется до ближайшихъ къ нимъ вѣтокъ, онѣ перелетаютъ на сосѣднее дерево, чтобы принять тамъ прежнюю унылую позу. Пища ихъ состоитъ изъ насекомыхъ, которыхъ онѣ умѣютъ ловить, не сходя съ вѣтки. Нѣкоторые виды любятъ сидѣть высоко на деревьяхъ, другіе близко къ землѣ, но на самую землю спускаются онѣ рѣдко. Однако, говорятъ, что нѣкоторые виды гнѣздятся въ порахъ, выкопанныхъ ими самими въ землѣ.

Для жизни въ неволѣ птицы эти едва-ли годятся: кормить ихъ очень трудно, и кромѣ того онѣ ничѣмъ не вознаграждаютъ потраченныхъ на нихъ заботъ; поэтому ихъ преслѣдуютъ только ради ихъ мяса, которое славится своимъ хорошимъ вкусомъ. За ихъ важный, степенный видъ, народное остроуміе португальцевъ окрестило лѣнниковъ именемъ «лѣсныхъ судей».

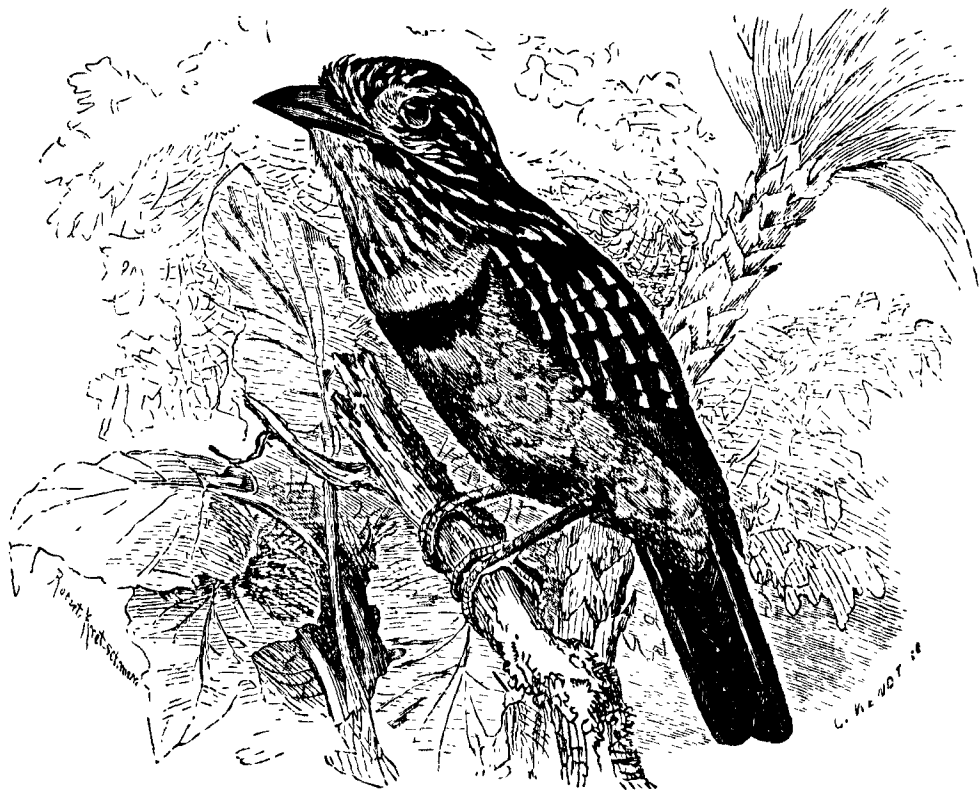
* * *

Трапписты (Monastes. Trappisten. Trappistes) отличаются сравнительно небольшимъ, утончающимся къ кончику, слабымъ, слегка загнутымъ, но не крючковатымъ клювомъ, стройными ногами, довольно длинными и остроконечными крыльями, средней длины узкоперымъ хвостомъ и мягкимъ, какъ-бы шерстистымъ опереніемъ. Глаза окружены голымъ кольцомъ.

Траппистъ (Monastes fusca, Bucco fuscus и striatus, Lypornix torquata, Monasta и Monasta fusca, Capito fuscus. Trappiste.) имѣетъ голову и спину темно-бурья, съ ржаво-желтыми полосами; нижняя часть тѣла блѣдно-сѣрая, большое серповидное пятно на нижней части шеи—чисто-бѣлаго цвѣта, широкая грудная полоска подъ нимъ,—черная, маховыя и рулевыя перья темно-сѣровато-бурья; у первыхъ наружныя бороздки имѣютъ ржаво-бурья каймы. Глаза красновато-карие; клювъ и ноги черныя. Молодые птицы отличаются отъ старыхъ болѣе мутными цвѣтами и не очень рѣзкими полосками на стволахъ перьевъ, а серповидное пятно на шеѣ имѣетъ свѣтло-желтый налетъ. Длина достигаетъ 20 см., размахъ крыльевъ 31, длина крыла 8,5, а хвоста 8,5 см.

«Эти лѣнники», говоритъ принцъ фонъ Видъ, «самыя обыкновенныя обитательницы лѣсовъ юго-западной Бразиліи. Я находилъ трапписта уже около Рио Жапейро во всѣхъ густыхъ лѣсахъ и тѣнистыхъ кустарникахъ, даже около самыхъ

жилицъ; онъ смирно сидѣлъ или подпрыгивалъ на низкихъ вѣткахъ или на землѣ, подкарауливая себѣ добычу. Я постоянно видѣлъ эту печальную птицу, почти неподвижно сидящую на мѣстѣ и никогда не слыхалъ ея голоса». «Онъ появляется», прибавляетъ Бурмейстеръ, «даже въ деревенскихъ садахъ, гдѣ сидитъ около дорожекъ, весною парами, не двигаясь и не выказывая никакого вниманія къ окружающимъ его предметамъ. Впечатлѣнiе, производимое этой необыкновенной птицей, очень странное. Ея бѣлое горловое пятно свѣтится еще издали среди лѣсной чащи, а когда подойдешь поближе, то увидишь, что птица сидитъ неподвижно, точно сонная, но вмѣстѣ съ тѣмъ огромными вытаращенными глазами, какъ-бы въ недоумѣнiи разсматриваетъ путешественника. Глупость и равнодушiе такъ ясно

Трапистъ. *Monastes fusca*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

выказываются во всемъ ихъ поведенiи, что никому не приходитъ въ голову удивляться данной имъ бразильцами кличкѣ: «Joao doido» (Ванька-дуракъ). Для орнитолога онъ интересенъ, такъ какъ соединяетъ въ себѣ сложенiе смѣлыхъ, подвижныхъ, шумныхъ кукушекъ и темное оперенiе ихъ, съ лѣнливымъ нравомъ козодоевъ—явленiе во всякомъ случаѣ замѣчательное. Мнѣ не случилось видѣть гнѣзда этой птицы. Принцъ фонъ Видъ тоже ничего о немъ не сообщаетъ. Въ желудкѣ ея я нашелъ, кромѣ остатковъ другихъ маленькихъ животныхъ, большую дневную бабочку, которая, свернувшись, наполняла почти весь желудокъ».

Совы, Бѣлоноги и Сивораки составляютъ, по мнѣнiю Фюрбрингера, подотрядъ Ракшевидныхъ (*Coraciiformes. Rakenvögel*) и вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ послѣдними

представителями древесныхъ птицъ. Онъ разсматриваетъ ракшевидныхъ, какъ первобытныхъ древесныхъ птицъ, которыя лучше всего соединяютъ самыя высокостоящія отряды птицъ съ менѣ развитыми.

Послѣ тщательнаго обсужденія труднаго вопроса, слѣдуетъ-ли семейство **Совиныхъ** (*Strigides. Eulen. Oiseaux de proie nocturnes*) отдѣлить отъ соколовъ и ястребовъ и присоединять къ бѣлоногамъ и сиворакшамъ, Фюрбингеръ пришелъ къ заключенію, что приобщеніе совиныхъ къ вышеупомянутымъ хищнымъ птицамъ вызвано единственно ихъ образомъ жизни, между тѣмъ какъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онѣ оказываются близкими сородичами козодоевъ и сивоворонокъ. Тотъ, кто приучилъ себя, посредствомъ сравненія животныхъ между собою, узнавать близкое ихъ сродство, долженъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Совы образуютъ одно семейство, которое должно считать наилучше развитою группою ракшевидныхъ птицъ.

Созы (*Strigidae. Eulen. Hiboux*) образуютъ строго ограниченное семейство. Онѣ отличаются своимъ, повидимому, очень толстымъ, но въ сущности очень стройнымъ, тонкимъ и совсѣмъ не мясистымъ тѣломъ, необыкновенно большой, къ затылку постепенно расширяющейся головою, густо обросшею перьями; очень большими глазами, смотрящими прямо впередъ и окруженными лучистымъ кольцомъ изъ перьевъ (лицевой вѣничикъ), широкими и длинными вогнутыми крыльями и большею частью короткимъ хвостомъ. Клювъ съ самаго основанія сильно загнутъ книзу, оканчивается короткимъ крючкомъ и не имѣетъ никакихъ зазубринъ. Восковица короткая и всегда прикрыта длинными щетинистыми перьями, окружающими основаніе клюва. Средней величины ноги обыкновенно оперены почти до самыхъ когтей; пальцы сравнительно коротки и почти равны между собою по длинѣ, однако задній прикрѣпляется немного выше, чѣмъ прочіе; наружный-же палецъ вращательный, т. е. свободно можетъ обращаться то впередъ, то назадъ. Когти большіе, длинные, сильно загнутые, очень острые и въ поперечномъ разрѣзѣ почти круглыя. Отдѣльныя перья велики, длинны, широки, къ концу закруглены, очень тонко разсучены, почему очень мягки и гибки, при прикосновеніи издають легкой трескъ; перья лица меньше и жестче; они образуютъ, вокругъ глазъ, какъ-бы вѣничикъ, состоящій изъ пяти рядовъ перьевъ, что и придаетъ головѣ совы большое сходство съ кошачьей. Маховыя перья довольно широки, на концахъ закруглены и пригнуты къ тѣлу. Наружная часть опахала перваго, втораго и третьаго маховыхъ перьевъ у настоящихъ дневныхъ совъ—бахромиста или съ пилообразными вырѣзками; внутреннее опахало маховыхъ перьевъ, напротивъ того, вслѣдствіе мягкости ея бородокъ становится шелковистымъ или шерстистымъ. Первое маховое перо короткое, второе немного длиннѣе; третье и четвертое длиннѣе прочихъ. Хвостовыя перья, которыя, на подобіе маховыхъ, загибаются внизъ, обыкновенно одинаковой длины, къ концу прямо обрѣзаны, въ исключительныхъ случаяхъ однако ступенчаты и къ серединѣ удлинены. Обыкновенно тусклое, но въ исключительныхъ случаяхъ довольно яркое, даже ослѣпительное опереніе, почти всегда очень близко подходитъ къ цвѣту окружающей среды и къ корѣ деревьевъ, однако рисунокъ бываетъ иногда очень изящный и разнообразный. Въ скелетѣ замѣчательны соединительныя кости нижней челюсти, которыя, кромѣ обыкновенныхъ суставныхъ поверхностей, имѣютъ еще третье сочлененіе съ внутренней стороны, соединяющееся съ клиновиднымъ отросткомъ или основаніемъ черепа. Грудная кость у большей части ви-

довъ имѣеть съ каждой стороны по двѣ выемки, затынутыя перепонкою, доходящія до самаго нижняго края. Позвоночный столбъ состоитъ изъ 11 шейныхъ, 8 спинныхъ и 8 хвостовыхъ позвонковъ. Зѣвъ очень широкъ, пищеводъ не образуетъ зоба, настоящій желудокъ перепончатъ и очень растяжимъ, селезенка кругловатая, печень раздѣлена на двѣ равныя и одинаковой формы части; слѣпныя кишки очень длинны и широки.

Органы чувствъ у совъ заслуживаютъ особеннаго вниманія. Глаза необыкновенно велики и такъ выпуклы, что образуютъ полушарія; края роговой оболочки глаза, насколько они соединены съ костянымъ кольцомъ, необыкновенно удлинены. Самый глазъ внутри чрезвычайно подвиженъ, такъ какъ зрачекъ расширяется и суживается при всякомъ вдыханіи. Наружное отверстіе уха у большей части совъ окружено складкой кожи, которая сбоку окружаетъ глазъ и можетъ быть приподнята и опущена. Вслѣдствіе этого образуется широкая раковина, увеличенная еще окружающими ее лучистыми перьями. «У нѣкоторыхъ видовъ», замѣчаетъ мой отецъ, «какъ, напримѣръ, у большей части ушастыхъ совъ, сѣрой совы, сыча и другихъ, эта раковина такъ широко раскрывается, что, приподнявъ складки, можно видѣть большую часть глазного яблока.»

Совы, которыхъ до сихъ поръ извѣстно до 150 видовъ, живутъ во всѣхъ частяхъ свѣта и населяютъ всѣ пояса, страны и мѣстности, отъ холодныхъ странъ ледовитаго полюса до самаго экватора и отъ морскаго берега до 5000 м. высоты надъ уровнемъ моря. На югѣ ихъ живетъ большое число видовъ, но и на сѣверѣ ихъ тоже не малое количество. Настоящимъ мѣстопробываніемъ совъ служатъ лѣса, но онѣ живутъ и въ степяхъ, пустыняхъ и безлѣсныхъ горахъ, населенныхъ мѣстностяхъ и городахъ. Ихъ зовутъ ночными хищниками, но это выраженіе требуетъ нѣкотораго поясненія. Безъ сомнѣнія, большая часть изъ нихъ начинаетъ свою охоту только въ сумерки, однако онѣ и днемъ довольно подвижны, и даже въ самый полдень отправляются за добычей. Зрѣніе ихъ, чрезвычайно острое на небольшихъ разстояніяхъ, необыкновенно тонкій слухъ и мягкое опереніе даютъ возможность совѣ успешно охотиться и послѣ наступленія темноты. Беззвучно несетъ она невысоко надъ землею, такъ что шумъ ея собственныхъ движеній не мѣшаетъ ей прислушиваться къ малѣйшему шороху, и видѣть, несмотря на темноту, малѣйшее млекопитающее. «Мнѣ случалось», говоритъ мой отецъ, «дѣлать опыты надъ крѣпостью сна жившихъ у меня ручныхъ совъ въ то время, какъ глаза у нихъ были закрыты, такъ что онѣ навѣрно спали. и я былъ удивленъ, замѣтивъ, какъ онѣ быстро просыпались и готовились къ полету при самомъ ничтожномъ шумѣ. Я видѣлъ въ довольно темныя ночи, какъ совы высоко поднимались въ воздухѣ, а въ совершенно темныя ночи слышалъ тамъ и самъ ихъ крикъ; я даже былъ свидѣтелемъ, какъ однажды сычъ, къ которому одинъ мой очень зоркій пріятель осторожно подкрадывался въ темнотѣ, чтобъ подстрѣлить его съ ели, на которой онъ сидѣлъ, тотчасъ-же улетѣлъ, какъ только мой пріятель вышелъ на открытую полянку».

Глаза совъ не такъ чувствительны къ дневному свѣту, какъ оно можетъ показаться съ перваго взгляда. Нѣкоторые виды совъ дѣйствительно закрываютъ глаза на половину и болѣе при яркомъ свѣтѣ; но это дѣлается скорѣе, чтобъ выразить удивленіе, и, можетъ быть, чтобы представиться спящей, чѣмъ вслѣдствіе слишкомъ большой свѣтобоязни. Во всякомъ случаѣ мнѣніе, что онѣ ничего не видятъ днемъ, лишено всякаго основанія. «Онѣ въ состояніи», продолжаетъ мой отецъ, «летѣть, при яркомъ дневномъ свѣтѣ не только по открытому полю, но даже пробираться сквозь самыя густыя деревья, не наталкиваясь на вѣтки. Я это на-

блюдалъ почти у всѣхъ нѣмецкихъ совиныхъ видовъ. Въ самый яркій полдень подлѣтъ ко мнѣ однажды двѣ старыя ушастыя совы въ ту минуту, какъ я собрался вынуть ихъ птенцовъ изъ гнѣзда. Въ такое-же время съ Альтенбургской башни слетѣлъ сычъ и утащилъ воробья, клевавшаго на дворѣ зерна вмѣстѣ съ курами, и унесъ его въ свое убѣжище». Я могу еще прибавить, что филинъ днемъ отлично узнаетъ cadaго дневного хищника, если даже летитъ на огромномъ отъ него разстояніи.

Я считаю весьма вѣроятнымъ, что совы, при видѣ человѣка, закрываютъ глаза, въ надеждѣ обмануть нарушителя ихъ спокойствія. «Если сѣрая сова», говоритъ Вальтеръ, «сидитъ въ безопасномъ мѣстѣ, напримѣръ въ пустомъ дуплѣ, изъ отверстія котораго высовывается только ея голова, то она вовсе не закрываетъ глазъ, а прямо тарашитъ ихъ на охотника. Но выгнанная изъ своего убѣжища мѣтко брошеннымъ въ нее камнемъ, она спѣшитъ скрыться въ густой листьѣ дерева, подпускаетъ къ себѣ близко человѣка и оттуда уже разсматриваетъ его прищуренными глазами. Нужно полагать, что въ дуплѣ она чувствуетъ себя въ безопасности и не считаетъ нужнымъ прибѣгать къ хитрости; подъ листовымъ-же покровомъ она еще не увѣрена въ своей безопасности, но не желая покинуть избраннаго мѣста, изъ боязни услышать несносный ей крикъ мелкихъ птишекъ, старается вывести себя изъ затрудненія хоть хитростью. Совы, не закрывающія глазъ, прибѣгаютъ къ другого рода притворству, принимая положеніе, которое обманываетъ даже глазъ самаго опытнаго охотника. Однимъ сильнымъ обратнымъ движеніемъ онѣ прижимаютъ все свое опереніе къ тѣлу, которое становится отъ этого вдвое тоньше, вытягиваютъ переднюю часть головы, суживаютъ ее и скашиваютъ на сторону; въ то-же время вытягиваютъ, насколько возможно, уши и все тѣло въ длину, прижимаютъ кромѣ того одно крыло къ тѣлу, другое-же поднимаютъ подъ прямымъ угломъ, такъ что кончики крыльевъ, ноги и хвостъ совершенно сливаются между собою, и въ этомъ положеніи становятся похожими на покрытый мхомъ и лишаями сукъ дерева. Въ такомъ положеніи онѣ выстаиваютъ по долгу; но если сова рѣшается спастись бѣгствомъ (т. е. быть совой, а не сучкомъ), то она не принимаетъ такого положенія, а улетаетъ еще послѣпнѣе, чѣмъ всѣ прочія совиныя».

Странное строеніе крыльевъ и мягкое опереніе ихъ заставляеть предполагать у нихъ и нѣкоторую особенность въ способѣ летанія. Безшумный полетъ ихъ сравнительно медленный и представляетъ нѣчто среднее между пареніемъ и порханіемъ, но нѣкоторыя дневныя совы то поднимаются, то опускаются, описывая въ воздухѣ дуги на манеръ дятловъ. Полетъ этотъ весьма быстро подвигаетъ ихъ впередъ, но, повидимому, скоро утомляетъ, почему и не можетъ долго продолжаться. Только во время большихъ перелетовъ совы поднимаются метровъ на сто надъ землею и движутся, сильно ударяя крыльями, или паря въ воздухѣ. На землѣ онѣ большею частью очень неловки; но длинноногія совы такъ хорошо ходятъ, что даже могутъ, конечно съ помощью крыльевъ, на бѣгу ловить добычу. Среди вѣтвей деревьевъ всѣ совы очень ловки: нѣкоторыя лазаютъ, страннымъ образомъ прыгая и перескакивая съ вѣтки на вѣтку. Онѣ любятъ принимать самыя разнообразныя позы, то съеживаться, то вытягиваться, двигаютъ, наклоняютъ и поворачиваютъ голову самымъ удивительнымъ и забавнымъ для зрителя образомъ, и, подобно лѣнливцамъ, могутъ поворачивать лицо совершенно назадъ.

Голосъ ихъ обыкновенно громкій, но рѣдко пріятный. Сердитое хлопанье или щелканье клювомъ или хриплое фырканье служатъ обыкновеннымъ выраженіемъ ихъ душевнаго состоянія; настоящій голосъ ихъ можно слышать

мышей съ большою легкостью. Если схваченныя въ клювъ животныя слишкомъ велики, чтобы пройти сквозь пасть, то совы выбрасываютъ ихъ обратно, сжимаютъ и стискиваютъ ихъ клювомъ и лапами и работаютъ надъ ними до тѣхъ поръ, пока ихъ можно пропихать въ глотку. Я думаю, что совы, при проглатываньи большихъ кусковъ, могутъ дать нѣкоторое понятіе объ отвратительномъ пожираниіи пищи змѣями. У очень большихъ животныхъ совы пожираютъ мясо на груди и мозгъ, остальное прячутъ про запасъ. Филинъ выѣдаетъ мясо изъ подъ кожи, затѣмъ свертываетъ ее и тѣмъ сохраняетъ оставшееся еще мясо отъ высыханія. Но подъ конецъ проглатываетъ онъ и кожу». Я могу, впрочемъ, къ этому прибавить, что совы иногда ѣдятъ не такимъ отвратительнымъ образомъ. Такъ, напримѣръ, одна ушастая сова, жившая у Вальтера, постоянно отрывала прежде голову мыши и сперва проглатывала ее, потомъ съѣдала легкія, печень и сердце, послѣ того одну переднюю ногу за другой, отламывала одно ребро за другимъ и проглатывала ихъ, и наконецъ, отбросивши желудокъ, поѣдала и остальное. Но такихъ благовоспитанныхъ совъ мнѣ самому не случалось видѣть. На сотняхъ же совъ, за которыми я наблюдалъ, постоянно подтверждались наблюденія моего отца. Однако сообщеніе Вальтера подтверждаются и другими натуралистами, такъ что мы должны допустить, что вѣбннія обстоятельства иногда заставляютъ совъ ѣсть то однимъ, то другимъ образомъ.

Большая часть совъ можетъ цѣлыми мѣсяцами жить безъ воды, вѣроятно вслѣдствіе того, что онѣ довольствуются кровью своихъ жертвъ. Однако онѣ все-таки пьютъ охотно, и нуждаются въ водѣ для купанья. Пищевареніе совершается очень быстро; острый желудочный сокъ разлагаетъ всякую пищу въ очень короткое время. Кости, волосы и перья скатываются въ желудкѣ въ круглые комки, которые птица потомъ извергаетъ съ помощью чрезвычайно потѣшныхъ тѣлодвиженій: она страшно раскрываетъ клювъ, низко опускаетъ голову, переступаетъ съ ноги на ногу, щурится, давится, трясется всѣмъ тѣломъ и извергаетъ наконецъ вышеупомянутый комокъ или погадку. Альтумъ изслѣдовалъ множество подобныхъ погадокъ и нашелъ, что нѣмецкія совы питаются преимущественно мышами и землеройками, но въ исключительныхъ случаяхъ и крысами, кротами, ласками, птицами и жуками. Въ 706 погадкахъ синухи онъ нашелъ остатки 16 летучихъ мышей, 240 домашнихъ мышей, 693 полевыхъ мышей, 1580 землероекъ, 1 крота и 22 мелкихъ птичекъ. Въ 210 погадкахъ сѣрой совы остатки 1 горноста, 48 мышей, 296 полевыхъ мышей, 1 бѣлки, 33 землероекъ, 48 кротовъ, 18 мелкихъ птицъ и 48 разныхъ жуковъ, не говоря уже о безчисленномъ количествѣ майскихъ. Въ 25 погадкахъ ушастой совы нашлись остатки 6 мышей, 35 полевыхъ мышей и 2 птицъ; въ 10 погадкахъ неясыти—10 полевыхъ мышей, 1 землеройки и 11 жуковъ. Подобные же результаты имѣли и другія изслѣдованія. Такъ, напримѣръ, въ послѣднее время Екель нашелъ въ 65 погадкахъ только остатки 93 мышей разныхъ видовъ, а Видеманъ въ 250 погадкахъ остатки 625 мышей, 1 землеройки, 1 крота и двухъ маленькихъ птицъ. Эти цифры служатъ лучшимъ доказательствомъ пользы, приносимой совами. Большіе виды совъ грѣшатъ дѣйствительно тѣмъ, что охотятся за зайцами, куропатками и другою дичью, а малые виды, гоняясь за полезными землеройками, но польза, приносимая ими, далеко превышаетъ вредъ, изъ чего слѣдуетъ, что эти хищныя птицы должны быть тщательно оберегаемы. «Въ сравненіи съ ушастыми совами», пишетъ Вальтеръ, «прочіе виды совъ, какъ напримѣръ, сѣрая сова и синуха, приносятъ небольшую пользу, хотя и ихъ можно причислить къ полезнымъ птицамъ. Оба послѣдніе вида не брезгаютъ иногда и птицами, если терпѣть недостатокъ въ мышахъ; землероекъ-же и кротовъ поѣдаютъ они весьма охотно».

Многіе виды совъ гнѣздятся въ дуплахъ, другіе въ расщелинахъ скалъ или отверстіяхъ стѣнъ, иные устраиваются въ подземныхъ норахъ различныхъ млекопитающихъ или въ покинутыхъ гнѣздахъ соколовъ и воронъ. Сюда, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, сносится какой-нибудь строительный матеріалъ; но обыкновенно гнѣздящаяся сова не трудится надъ улучшеніемъ подстилки, но кладетъ яйца прямо на дно найденнаго гнѣзда. Число яицъ колеблется между 2 и 10; въ исключительныхъ случаяхъ находятъ въ гнѣздѣ только одно яйцо. Самыя яйца очень схожи между собою; всѣ онѣ кругловатыя, съ мелкозернистой скорлупой бѣлаго цвѣта. До сихъ поръ намъ извѣстенъ только одинъ видъ совъ, у котораго яйца высиживаются обоими родителями попеременно; какъ происходитъ высиживанье у другихъ видовъ,—сказать не могу. Дѣятельность совъ, по словамъ моего отца, почти постоянно проявляется въ сумеркахъ, вслѣдствіе чего почти недоступна изслѣдованію натуралиста. «Я могу только сказать, что днемъ, на всѣхъ гнѣздахъ, которые мы имѣли случай изслѣдовать, мы постоянно находили на яйцахъ самку». Однако не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ выкармливаніи птенцовъ принимаетъ участіе и самецъ. Въ коллекціи моего отца находились два филина, изъ которыхъ самка, прилетавшая къ нарочно привязаннымъ къ калкану птенцамъ, прежде всего попала туда; тогда самецъ такъ усердно заботился о сиротахъ, что самъ подвергся той-же участи, какъ и его самка. У другихъ, а именно у сѣрыхъ совъ, синухъ и домовыхъ сиринговъ наблюдалъ мой отецъ то-же самое. Во всякомъ случаѣ всѣ виды совъ выказываютъ сильную любовь къ своему потомству, защищая его отъ всякихъ враговъ съ замѣчательнымъ мужествомъ. Молодые птицы долго сидятъ въ гнѣздахъ и ночью оглашаютъ окрестности своимъ неприятнымъ крикомъ. Крикъ этотъ особенно часто слышится въ то время, какъ онѣ уже начинаютъ вылетать изъ гнѣзда и порхать кругомъ его. Мнѣніе моего отца, что онѣ этимъ крикомъ постоянно подаютъ голосъ родителямъ, кажется мнѣ вполне справедливымъ.

Къ сожалѣнію, совы имѣютъ много враговъ. Всѣ дневныя птицы ненавидятъ ихъ и какъ будто желаютъ отомстить этимъ ночнымъ разбойникамъ за тѣ нападенія, которыя дѣлаются ими ночью во время сна. Почти всѣ дневныя хищныя птицы мечутся, какъ сумасшедшія, при видѣ большой совы. Такое-же точно возбужденіе выказываютъ и малыя птицы, выражая это громкимъ чиликаньемъ и крикомъ, которыя, повидимому, должно принять за брань и ругань. Весь лѣсъ приходитъ въ волненіе, какъ только гдѣ-нибудь замѣтятъ присутствіе совы. Одна птица подаетъ голосъ другой и бѣдной ночной птицѣ приходится плохо, такъ какъ сильныя дневныя птицы сердито нападаютъ на нее. Человѣкъ съ своей стороны слишкомъ часто примыкаетъ къ ихъ врагамъ, хотя одни остяки и гельголандцы находятъ мясо совъ вкуснымъ; многіе нѣмцы, считающіе себя образованными, думаютъ совершить геройскій подвигъ, убивая совъ во время ихъ сна, и рѣдко случается, чтобы кто-нибудь оказалъ имъ покровительство. Лѣсоводъ и сельскій хозяинъ поступить весьма благоразумно, если примкнетъ къ защитникамъ совъ и станетъ оберегать ихъ отъ враговъ, какъ будто-бы онѣ принадлежали къ священнымъ птицамъ.

Въ клѣткѣ дѣйствительно ручными становятся лишь тѣ совы, которыхъ вынимаютъ изъ гнѣзда въ очень ранней молодости, выкармливаютъ и ласково съ ними обращаются. Я держалъ такихъ совъ, и у меня завязывалась тѣсная дружба съ этими вообще не особенно любезными птицами. Пойманныя въ болѣе зрѣломъ возрастѣ или оказываются равнодушными, или ведутъ себя такъ, что могутъ почти испугать робкихъ людей, но не особенно боязливыхъ онѣ могутъ лишь насмѣшить. Особенно неистовствуютъ большіе виды, какъ-бы враждуя со всѣмъ свѣтомъ и въ

каждомъ другомъ существѣ чужаго врага. Онѣ яростно ворочаютъ своими большими глазами, если къ нимъ приближаться, свирѣпо щелкаютъ клювомъ и злобно фыркаютъ по кошачья. Напротивъ, маленькія совы принадлежатъ къ числу самыхъ забавныхъ и милыхъ комнатныхъ птицъ. При надлежащемъ уходѣ какъ тѣ, такъ и другія могутъ въ клеткахъ размножаться.

Одинъ изъ наиболѣе характерныхъ родовъ этого семейства обнимаетъ **Сипуху** (*Strix. Schleierkäuze. Effraies*), которая по своеобразному строенію считается также представителями особаго подсемейства. Эти совы съ вытянутымъ туловищемъ, большой, широкой головою, очень большими крыльями, хвостомъ средней длины, высокими ногами и мягкимъ, какъ шелкъ, болѣе или менѣе ярко-окрашеннымъ опереніемъ. Клювъ нѣсколько вытянутый съ легкой выемкой у верхушки нижней челюсти. Глаза относительно малы и болѣе выпуклы, чѣмъ у другихъ совъ, но ушные раковины, соотвѣтственно съ очень развитыми перьями, окаймляющими лицо, необыкновенно велики. Лицевой вѣнчикъ существенно отличается отъ такого-же образованія у другихъ совъ тѣмъ, что имѣетъ не круглую, а сердцевидную форму. Въ крыльяхъ первое маховое перо такой-же длины, какъ второе илишь немного короче третьяго, которое длиннѣе всѣхъ. Тонкія и длинныя ноги скудно оперены, на нижней трети одѣты лишь тонкими щетинистыми перьями, пальцы почти голые, когти длинные, тонкіе и острые.

Папа Обыкновенная сипуха (*Strix flammea, alba, guttata, adpersa, margaritata, vulgaris, obscura, splendens, paradoxa, maculata, kirchhoffii, pratincola* и *aluco, Hybris, Ulu-la, Eustrinx* и *Stridula flammea. Schleierkauz. Effraie commune*) замѣняется въ другихъ странахъ свѣта, особенно въ Азіи и Америкѣ настолько близкими къ ней родичами, что нѣкоторые орнитологи склонны считать всѣхъ сипухъ, принадлежащими къ одному виду. У сипухи, живущей въ Германіи, верхняя часть тѣла на темно-пепельно-сѣромъ, по бокамъ задней части головы и затылка на красно-желтоватомъ фонѣ, разрисована крайне маленькими черными и бѣлыми продольными пятнами; верхнія кроющія перья крыльевъ темнаго пепельно-сѣраго цвѣта съ болѣе свѣтлыми волнистыми полосками и украшены черными и бѣлыми продольными крапинками; нижняя сторона крыльевъ на темно-ржаво-желтомъ фонѣ испещрена бурными и бѣлыми пятнами. Лицевой вѣнчикъ ржаваго цвѣта или ржаваго цвѣта въ верхней половинѣ и ржаво-бѣлаго въ нижней. Маховыя перья ржаваго цвѣта, на внутренней бородкѣ бѣловатаго, съ тремя или четырьмя болѣе темными поперечными полосками, а на наружной бородкѣ съ темными пятнами. Ржаво-желтыя хвостовыя перья имѣютъ три или четыре черноватыхъ поперечныхъ полосы и широкую темно-пепельную полосу съ бѣлымъ неяснымъ рисункомъ на кончикѣ. Глаза темно-бурые; клювъ и восковица красновато-бѣлые, голая часть ногъ гризнаго голубовато-сѣраго цвѣта. Самка окрашена обыкновенно нѣсколько тусклѣе, чѣмъ самецъ. Длина равна 32, размахъ крыльевъ 90, длина крыла 28, а хвоста 12 см.

Церковныя башни, замки, старыя постройки и крѣпости составляютъ, какъ въ Германіи, такъ и въ остальной Европѣ любимое, если не исключительное мѣстопробываніе сипухи, которая первоначально селлась на скалахъ и въ дуплахъ деревьевъ; птица эта распространена по всей средней и южной Европѣ, Малой Азіи и сѣверной Африкѣ. Начиная съ крайняго сѣвера нашей части свѣта, ее не встрѣтишь лишь въ болѣе значительныхъ горныхъ лѣсахъ; точно также она избѣгаетъ и высокихъ горъ выше пояса растительности. Это осѣдая птица въ полномъ смыслѣ этого

слова, которая даже не кочуетъ. Тамъ, гдѣ мы теперь находимъ сипухъ, онѣ жили съ незапамятныхъ временъ. Только болѣе молодыя птицы показываются иногда внѣ охотничьей области старыхъ; онѣ должны устроить себѣ еще постоянное жилище и для этой цѣли предпринимаютъ болѣе значительныя экскурси. Днемъ онѣ спокойно сидятъ въ темномъ углу зданія, на балкахъ башенъ или колоколенъ, въ нишахъ стѣнъ, голубятняхъ и тому подобныхъ мѣстахъ. Звуки колоколовъ въ непосредственной близости отъ того мѣста, гдѣ онѣ спятъ, влетаніе и

Сипуха обыкновенная. *Strix flammea*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

вылетаніе голубей той голубятни, въ которой онѣ поселились, нисколько не беспокоитъ ихъ; онѣ такъ-же хорошо привыкли къ людямъ и ихъ дѣятельности, какъ къ шуму голубей, съ которыми онѣ живутъ въ самой лучшей дружбѣ. Когда онѣ сидятъ, то похожи на другихъ совъ, но бросаются каждому въ глаза своимъ тонкимъ, высокимъ сложеніемъ и особенно неподдающимся описанію сердцевиднымъ лицомъ, которое способно къ самымъ удивительнымъ гримасамъ.

На основаніи наблюденій надъ сипухами въ неволѣ мы знаемъ, что сонъ ихъ очень легокъ. Человѣку никогда не удастся застать сипуху врасплохъ: самый незначительный шумъ достаточенъ уже, чтобы разбудить ее. При видѣ на-

блюдателя сипухи обыкновенно высоко приподнимаются и начинают тихонько покачиваться на ногахъ вправо и влѣво. Дѣло не обходится и безъ нѣсколькихъ гримасъ, но всѣ движенія продолжительнѣе и медленнѣе, чѣмъ у большинства остальныхъ совъ. Если предполагаемая опасность слишкомъ приближается къ нимъ, то онѣ улетаютъ, причемъ обнаруживаютъ, что и днемъ могутъ видѣть очень хорошо. Послѣ солнечнаго заката онѣ оставляютъ зданія черезъ опредѣленное, хорошо известное имъ отверстіе, которое онѣ умѣютъ безошибочно находить и днемъ и которыми умѣютъ ловко пользоваться, и тихо, какъ привидѣнія, начинаютъ носиться низко надъ землею своимъ колеблющимся полетомъ. Хриплый пискъ, который Шауманъ называетъ самымъ противнымъ изъ всѣхъ птичьихъ голосовъ Германии, возникаетъ о приближенія сипухи; крикъ этотъ можетъ внушать большой страхъ суевѣрнымъ людямъ. Если обратить вниманіе въ ту сторону, откуда раздается пискъ, то навѣрное увидишь и самое блѣдную птицу, такъ какъ она безстрашно летаетъ вокругъ гуляющаго вечеромъ человѣка и часто, какъ тѣнь, пролетаетъ около самой головы его. Въ ясныя лунныя ночи сипухи непрерывно летаютъ до самаго восхода солнца, отдыхая отъ времени до времени на зданіяхъ, и затѣмъ продолжая ревностно охотиться; въ болѣе темныя ночи онѣ разбойничаютъ лишь вечеромъ и къ утру.

Мыши, крысы, землеройки, кроты, мелкія птицы и большія насѣкомыя составляютъ пищу сипухи. Ее обвиняли часто въ томъ, что она будто-бы производитъ безчинства въ голубятняхъ, но этому противорѣчитъ равнодушіе голубей по отношенію къ ихъ странному товарищу. «Я очень часто видѣлъ», говоритъ Шауманъ, «какъ сипуха вылетала и влетала между моими голубями. Голуби скоро привыкли къ этому гостю и не заботились о немъ; ни яйца ихъ, ни птенцы никогда не подвергались нападеніямъ сипухи; точно также никогда не находилъ я ни малѣйшаго слѣда нападенія сипухи на взрослого голубя. Часто случалось весною видѣть пару ихъ много вечеровъ сряду на моемъ дворѣ; повидимому, онѣ хотѣли выводить птенцовъ на голубятнѣ. Когда къ вечеру начинало смеркаться, онѣ, играя, вылетали и влетали почти непрерывно, издавали то въ самой голубятнѣ, то около нея свою зловѣщую ночную музыку и—ни одинъ голубь не трогался съ мѣста. Когда тихо поднялись днемъ на голубятню, можно было видѣть, какъ совы спокойно и довѣрчиво сидѣли и спали среди голубей на жерди или въ углу, а около нихъ лежала часто кучка мышей; дѣло въ томъ, что въ случаѣ хорошей охоты, а можетъ быть также предчувствуя дурную погоду, онѣ собираютъ запасы, чтобы не страдать отъ голода въ слишкомъ темныя и бурныя ночи, когда онѣ не могутъ охотиться. Мой отецъ поймалъ даже разъ руками одну изъ этихъ совъ, которая была погружена въ такой глубокой сонъ, что не проснулась отъ хлопанья крыльевъ улетающаго голубя. Что онѣ поѣдаютъ голубинья и куриныя яйца, кажется мнѣ также невѣроятнымъ, хотя нѣкоторые и утверждаютъ это и мнѣ рассказывали даже разъ, будто-бы сипуха была застрѣлена на лету съ куринымъ яйцомъ въ когтяхъ. Предразудокъ слишкомъ часто заставляеть людей высказываться противъ неповинныхъ совъ и потому нельзя вѣрить всему, что на нихъ наговариваютъ, по большей части лишь изъ необъяснимой ненависти. Какъ упомянуто выше, я никогда не видѣлъ, чтобы онѣ дѣлали что-нибудь дурное въ моей голубятнѣ; часто соблазнять я также моихъ ручныхъ сипухъ цѣлыми или разбитыми куриными яйцами и яйцами другихъ птицъ; но онѣ никогда ихъ не трогали. На мелкихъ птицъ онѣ однако нападаютъ, когда тѣ спятъ; въ городахъ онѣ нерѣдко душатъ вислицъ въ клѣткахъ передъ окнами жаворонковъ, соловьевъ, зябликовъ, дроздовъ и т. д.; иногда онѣ уносятъ также пойманныхъ птицъ изъ силковъ и петель сосѣдняго охотничьяго мѣста.

Нѣкоторыя изъ нихъ очень кротки, другія, напротивъ, кровожадны. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ досталъ разъ сипуху, которая была въ неволѣ приблизительно дней 8, посадилъ ее въ очень темную комнату и поспѣшилъ принести огня. На это понадобилась едва минута и тѣмъ не менѣе, войдя съ огнемъ въ комнату, онъ увидѣлъ къ своей досадѣ, что сова унесла уже его славку-черноголовку съ того мѣста, гдѣ она сидѣла за печью, умертвила и уже наполовину съѣла ее. Сова ѣла часто по 15 полевыхъ мышей въ одну ночь. Въ случаѣ нужды сипуха не брезгаетъ и падалью».

Кнауते тоже убѣдился за три года, что сипуха вполне мирный обитатель голубятни. «Весною 1884 года,» пишетъ Кнауते, «мы замѣтили, что наши голуби провели двѣ ночи не въ голубятнѣ, какъ обыкновенно, а на гребнѣ нашей крыши но, начиная съ третьей, снова стали всѣ влетать вечеромъ на отведенный имъ чердакъ». Нарушителями покоя были двѣ сипухи, «зловѣщая ночная музыка» которыхъ напугала голубей. Однако съ третьяго дня онѣ вполне приобрѣли уже право гражданства среди моихъ питомцевъ. Если я днемъ приближался очень тихо и осторожно къ голубятнѣ, то могъ видѣть, какъ совы мирно сидѣли между голубями въ самомъ темномъ углу. Здѣсь лежали также, особенно незадолго до наступленія дождливой и бурной погоды, мертвыя мыши, воробьи, зяблики и другія убитыя животныя, собранныя въ видѣ запаса, но никогда сипухи не нападали на моихъ голубей, хотя нѣсколько паръ гнѣздились въ непосредственной близости отъ нихъ. Въ теченіи этихъ трехъ лѣтъ я много разъ аккуратно пересчитывалъ всѣ яйца молодыхъ и старыхъ голубей и никогда не замѣчалъ отсутствія хотя-бы одного. Крайне безобразныя молодыя совы тоже выкармливались лишь мышами и мелкими птицами, которыхъ родители приносили часто издали, хотя едва въ 30 см. отъ совиного гнѣзда находилось нѣсколько голубиныхъ гнѣздъ съ полувзрослыми птенцами. Несмотря на ужасные крики молодыхъ совъ, старые голуби спокойно продолжали кормить своихъ птенцовъ. Частое тщательное осматриваніе мѣстъ вывода птенцовъ какъ въ голубятнѣ, такъ и подъ крышей нашей церкви убѣдило меня въ обоснованности мнѣнія, что сипуха воруетъ яйца голубей, похищаетъ куриныя яйца и уноситъ ихъ въ когтяхъ въ гнѣздо. Когда птенцы оперились, старыя совы покинули вмѣстѣ съ ними голубятню, чтобы возвратиться туда лишь весною слѣдующаго года».

Въ Испаніи сипуха подвергается тяжкому подозрѣнію, будто-бы она выпиваетъ масло въ неугасимыхъ лампадахъ въ церквахъ. Достоверно то, что весьма годное для употребленія оливковое масло часто исчезаетъ изъ упомянутыхъ лампадъ, но установить, кто именно въ этомъ виноватъ, до сихъ поръ не удалось; только молва утверждаетъ, что виновенъ тутъ дьячекъ, а не совы. Съ этимъ недоразумѣніемъ, падающимъ на сипухъ, связано въ Испаніи любимое пользованіе этою птицею для медицинскихъ цѣлей. Убиваютъ сипуху, варятъ ее цѣликомъ въ маслѣ и получаютъ такимъ образомъ великолѣпно дѣйствующее лѣкарство противъ разныхъ болѣзней. Его, правда, рѣдко прописываютъ врачи, хотя оно есть, или по крайней мѣрѣ должно быть въ каждой аптекѣ, тѣмъ не менѣе оно очень употребительно въ народѣ.

Относительно размноженія сипухи сдѣланы очень замѣчательныя наблюденія. Въ болѣе старыхъ естественныхъ исторіяхъ говорится, что время размноженія падаетъ на апрѣль и май; это правило имѣетъ однако исключенія. Именно неоднократно находили молодыхъ сипухъ также въ октябрѣ и ноябрѣ, находили даже въ это время яйца, которые очень ревностно высиживала самка. Любовь возбуждаетъ даже сипуху и воодушевляетъ ее къ оживленному крику. Обѣ птицы, играя, гоняются другъ за другомъ съ башни на башню. Сипухи не устраиваютъ настоя-

щаго гнѣзда; 6—9 продолговатыхъ, покрытыхъ шероховатой скорлупою, неблестящихъ яицъ, длиною 40 м.м. и шириною 30 м.м., лежать безъ всякой подстилки въ удобномъ углу на мусорѣ и обломкахъ. Птенцы сипухъ, какъ и всѣхъ ихъ родичей, сначала чрезвычайно безобразны, но родители необыкновенно любятъ ихъ и обильно снабжаютъ мышами. Если желаютъ сберечь трудъ ихъ воспитанія въ неволѣ, то надо лишь запереть ихъ въ клѣтку съ рѣдкой рѣшеткой: старики непрерывно кормятъ ихъ здѣсь въ теченіи нѣсколькихъ недѣль и даже мѣсяцевъ. Если за ними ходить самому, то онѣ скоро становятся въ высшей степени ручными, позволяютъ безъ сопротивленія трогать себя, носить на рукѣ и даже приучаются вылетать и снова влетать въ клѣтку.

Дене говорить, что сипуху, вспугнутую зимою, можно схватить руками въ снѣгу, такъ какъ свѣтъ ослѣпляетъ ее. Я не пробовалъ этого рода ловли, а предпочиталъ затыкать замѣченное летное отверстіе гнѣзда сипухи и ловить ее затѣмъ съ помощью особыхъ, для сего принаровленныхъ щипцовъ. По моему мнѣнію, эти красивыя и добродушныя птицы принадлежатъ къ самымъ пріятнымъ совамъ, какихъ только можно держать въ клѣткѣ. Ихъ гримасы забавляютъ всякаго; онѣ такъ часто корчатъ свой лицевой вѣнчикъ, что изображаютъ собою, какъ говоритъ мой отецъ, настоящую каррикутуру человѣческаго лица.

Такъ какъ сипуху безусловно слѣдуетъ причислять къ самымъ полезнымъ птицамъ, то приглашеніе Ленца заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія всѣхъ разсудительныхъ людей. «Для сипухи и домоваго сыча слѣдовало-бы всюду на крышахъ деревенскихъ и городскихъ домовъ дѣлать особыя приспособленія къ устройству гнѣздъ и жительства. На каждой вершинѣ фронтона на моихъ постройкахъ есть отверстіе, достаточное по величинѣ для голубя. Оно ведетъ въ придѣланный внутри ящикъ, въ которомъ справа и слѣва имѣется по мѣсту для гнѣзда. На него не долженъ падать свѣтъ отъ входа; птица поэтому должна пройти отъ входа на полметра въ глубину ящика по досчатому ходу, повернуть тамъ направо или налево, и такимъ образомъ добраться до одного или другого гнѣзда; входъ въ каждое гнѣздо слѣдовательно защищенъ отъ свѣта. Со стороны, обращенной внутрь дома, весь ящикъ крѣпко сбить гвоздями, чтобы кто-нибудь не могъ открыть его и нарушить покойную жизнь маленькаго питомника. Если вмѣсто совъ тамъ поселятся голуби, то и это не бѣда; ящикъ открываютъ, когда его надо вычистить и потомъ снова закрываютъ. Въ каждой верхушкѣ фронтона большихъ амбаровъ въ Голштиніи находится обыкновенно по отверстію, черезъ которое удобно можетъ пробраться сипуха. По изслѣдованіямъ Клаудіуса, голштинскій крестьянинъ никогда умышленно не нарушаетъ покоя своей совы и защищаетъ ее отъ преслѣдованія. Птицы по желанію влетаютъ и вылетаютъ, весело охотятся за мышами внутри и вѣдъ амбара, отлично уживаются съ кошками и строятъ гнѣздо въ темномъ помѣщеніи.

Во многихъ мѣстностяхъ народъ думаетъ, къ сожалѣнію, иначе: это полезное животное—для него птица, предвѣщающая несчастіе; если она влетаетъ въ домъ и вылетаетъ изъ него или издаетъ свой голосъ съ вершины крыши, то навѣрное возвѣщаетъ этимъ смерть одного изъ обитателей.

Неясытями (Syrniinae. Käuze. Chats-huants) называютъ всѣхъ совъ съ большою, круглой головой безъ пучковъ перьевъ въ видѣ ушей, но съ чрезвычайно большими ушными отверстіями и соответствующими имъ явственнымъ вѣнчиками около глазъ. Клювъ относительно длиненъ, ноги высокія или низкія, густо или слабо усажены

перьями, крылья обыкновенно закруглены, хвостъ коротокъ или длинень, прямо усѣченъ или закруглень.

* * *

Изъ этого рода почти повсюду встрѣчается въ Германіи **Страя сова**, **Обыкновенная сова** или **Неясыть** (*Syrnium aluco*, *stridulum*, *aedum* и *ululans*, *Strix aluco*, *tridula*, *sylvatica*, *alba* и *rufa*, *Ulula aluco*. Waldkauz. Chat-huant). Голова чрез-

Страя сова. *Syrnium aluco*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

вычайно велика, ушное отверстие менѣе велико, чѣмъ у другихъ видовъ этого семейства. Шея толста, тѣло плотное, большой клювъ, лишенный зубцовъ, крѣпокъ и сильно согнутъ; сильныя, густо усаженныя перьями короткопалыя ноги средней длины; въ крыльяхъ четвертое маховое перо длиннѣе остальныхъ; хвостъ коротокъ. Основной цвѣтъ оперенія темно-сѣрый или свѣтлый ржаво-бурый; спина, какъ обыкновенно, окрашена темнѣе, чѣмъ нижняя сторона, крылья разрисованы правильно расположенными свѣтлыми пятнами. У ржаво-рыжеватой разновидности каждое перо у корня пепельно-желтоватое, къ концу очень свѣтло-ржаво-бурое съ темными

крапинками и темно-бурыми продольными черточками, крылья съ темно-бурыми и красноватыми волнистыми полосками, хвостъ, за исключеніемъ среднихъ перьевъ, съ бурными полосками; затылокъ, область уха и лицо пепельно-сѣрые. Клювъ свищово-сѣрый, глаза темно-бураго цвѣта, край вѣкъ мясо-красный. Длина равна 40—48 см., размахъ крыльевъ около 100, длина крыла 29, а хвоста 18 см.

Область распространенія сѣрой совы простирается отъ 67 градуса сѣверной широты до Палестины. Чаще всего встрѣчается она въ средней Европѣ, рѣже въ восточной, южной и западной. Въ Италіи, особенно на западѣ и въ средней части страны она еще обыкновенна, въ Греціи, а также и въ Испаніи она представляетъ крайне рѣдкое явленіе. Въ Сибири, насколько до сихъ поръ извѣстно, ея вовсе нѣтъ; въ Палестинѣ, особенно на ливанскихъ кедрахъ, Тристрамъ встрѣчалъ ее постоянно. Въ Германіи она живетъ преимущественно въ лѣсахъ, но также и въ постройкахъ. Лѣтомъ она сидитъ, тѣсно прижавшись къ стволу, на покрытыхъ листьями верхушкахъ деревьевъ; зимою она предпочитаетъ прятаться въ дуплахъ деревьевъ, а потому избѣгаетъ лѣсовъ, состоящихъ изъ молодыхъ и не дуплистыхъ деревьевъ. Сѣрая сова такъ упорно держится высокаго дерева, которое окажется подходящимъ для нея, что, по словамъ Альтума, ее можно при каждой прогулкѣ вспугнуть, стуча по дереву; нѣкоторые такіа деревья на столько привлекаютъ ихъ къ себѣ, что если застрѣлить сову, живущую на немъ, то каждый разъ черезъ нѣкоторое время другая сѣрая сова поселится въ томъ же убѣжищѣ. Такія совинья деревья стоятъ какъ среди лѣса, такъ и на опушкѣ его, даже въ мѣстахъ, прилегающихъ къ дорогамъ, по которымъ много ѣздятъ. Рѣшающее значеніе при выборѣ мѣстопробыванія имѣетъ, кромѣ того большее, или меньшее обиліе подходящей добычи. Гдѣ есть мыши; тамъ сѣрая сова навѣрно поселится, если только обстоятельства до нѣкоторой степени благоприятствуютъ этому; гдѣ мышей мало, тамъ она или вовсе не живетъ или, проживши, выселяется. Людей она не боится и потому селится даже въ жилыхъ постройкахъ, и если одна пара избрала разъ такое жилище, то примѣръ этотъ навѣрно найдетъ подражателей. Тогда можно видѣть, какъ сѣрая сова сидитъ ночью на гребняхъ крышъ, трубахъ, изгородяхъ садовъ и т. п. и осматриваетъ съ нихъ свою охотничью область.

Сѣрая сова, которая кажется птицей, наиболѣе боящейся свѣта изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ ночныхъ хищниковъ, умѣетъ однако такъ отлично управляться и среди бѣла дня, что, познакомившись съ нею ближе, переимѣняешь предвзятое мнѣніе. «Я не разъ», говоритъ мой отецъ, «видѣлъ ее днемъ въ чащахъ, но каждый разъ она такъ быстро взлетала и такъ ловко летѣла между деревьями, что я никогда не могъ убить ее. Ей вовсе не свойственны шутковскія движенія маленькихъ совъ и дневныхъ сычей; каждое изъ ея движеній неуклюже и медленно; полетъ, при которомъ она дѣлаетъ сильныя движенія крыльями, хотя и легокъ, но неровенъ и вовсе не быстръ. Голосъ ея громкое, далеко раздающееся по лѣсу «ху ху ху», которое иногда повторяется такъ часто, что становится похожимъ на воющій хохотъ; кромѣ того она издаетъ рѣзкое «рай» или благозвучное «кувитт». Что и сѣрая сова принимаетъ участіе въ «дикой, волшебной охотѣ», о которой рассказываютъ старые вѣмецкіе охотники, не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію, и путникъ, съ которымъ случится то, что однажды случилось съ Шахтомъ, готовъ будетъ поклясться, что самъ «дикій охотникъ» напалъ на него. «Однажды», рассказываетъ онъ, «сѣрая сова немало напугала меня своимъ появленіемъ. Это было вечеромъ въ январѣ; спокойно стоя въ засадѣ на снѣгу съ ружьемъ, я вдругъ почувствовалъ вѣяніе мягкихъ ударовъ крыльями, точно передо мною явились духи. Но въ то же мгновеніе большая птица взлетѣла на мою низко надвинутую на лицо

шляпу и расположилась на ней. Это была большая сѣрая сова, которая выбрала себя для сидѣнія шляпу человѣка, чтобы отсюда осмотрѣться, нѣтъ ли гдѣ добычи. Я стоялъ, какъ изваяніе и явственно чувствовалъ, какъ ночная птица эта нѣсколько разъ перемѣняла мѣсто и улетѣла лишь тогда, когда я попытался схватить ее за лапы въ наказаніе за эту странную симпатію ко мнѣ.

Сѣрая сова ѣсть почти исключительно мышей. Науманъ наблюдалъ, правда, что одна изъ этихъ птицъ напала ночью на сарыча, такъ что этотъ послѣдній долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ; онъ узналъ далѣе, что другая сѣрая сова на глазахъ у его отца унесла изъ петли свиристеля, и мы знаемъ наконецъ, что сѣрая сова не щадитъ молодыхъ голубей въ голубятняхъ, которыя она отъ времени до времени посѣщаетъ, а также спящихъ на землѣ или высиживающихъ птицъ, но мыши и именно главнымъ образомъ полевые и лѣсные мыши, точно такъ, какъ и землеройки, остаются все же ея главной пищей. Мартинъ нашелъ въ желудкѣ изслѣдованной имъ сѣрой совы 75 большихъ гусеницъ соснового шелкопряда. «Разъ вечеромъ», рассказываетъ Альтумъ, «я находился около Винбурга, въ получасѣ отъ Мюнстера. Одноэтажный домъ, гдѣ я остановился, былъ отчасти окруженъ садами, открытыми мѣстами и службами. На чердакѣ находилось гнѣздо сѣрой совы съ птенцами. Западная сторона неба была еще ярко освѣщена лучами закатившагося солнца, когда старая сова показалась на гребнѣ дома. Немедленно вслѣдъ за нею другая садится на трубу. Онѣ сидятъ неподвижно, но головы ихъ порывисто поворачиваются то въ одну сторону, то въ другую. Вдругъ одна изъ нихъ соскальзываетъ съ мѣста, перелетаетъ черезъ широкій дворъ и почти вертикально падаетъ на землю по ту сторону двора у опушки лѣса, чтобы тотчасъ же перелетѣть обратно со своею добычей, длиннохвостой, слѣдовательно лѣсной, мышью. Едва она исчезла подъ крышей, какъ вторая сова также соскальзываетъ съ мѣста и тотчасъ возвращается съ добычей. Начиная съ этого времени, онѣ такъ были заняты своей охотой, что въ среднемъ проходило едва двѣ минуты между принесеніемъ двухъ новыхъ мышей. Часто онѣ едва занимали свое сторожевое мѣсто, какъ снова вылетали на охоту, и я никогда не видѣлъ, чтобы онѣ хоть разъ охотились неудачно. Наконецъ возрастающая темнота заставила прекратить наблюденія». Характерно для сѣрой совы, какъ указываетъ Либс и какъ наблюдалъ и я, что она всегда отыскиваетъ определенное мѣсто, напримѣръ известное дерево, чтобы выбрасывать погадки. Чаще всего ихъ находятъ по близости полянъ, далеко вдающихся въ глубь лѣса и открывающихся въ поле; на этихъ полянахъ птицы преимущественно держатся ночью. Но погадки попадаютъ также среди молодого лѣса, идущаго на жерди, далеко отъ всякаго открытаго мѣста, а также, прибавляю я, подъ отдѣльными лѣсными деревьями, далеко отстоящими отъ остального лѣса. Вѣроятно сѣрая сова выбрасываетъ погадки преимущественно ночью, когда отдыхаетъ короткое время послѣ охоты на особенно правящемся ей, спокойномъ мѣстечкѣ. Весною, въ то время, когда тянутъ вальдшнепы, слѣдовательно въ серединѣ марта, можно слышать въ лѣсу, какъ говоритъ Науманъ, «воюющій извѣтельный смѣхъ» нашей сѣрой совы; лѣсъ становится въ это время шумнымъ и оживленнымъ, такъ какъ сова проявляетъ свое возбужденіе даже днемъ. Смотря по состоянію погоды и по количеству пищи, пара приступаетъ къ размноженію раньше или позднѣе, въ прирейнскихъ странахъ иногда уже въ февралѣ, въ средней Германіи по большей части въ мартѣ, а при неблагоприятной погодѣ здѣсь, а также въ Венгріи лишь въ апрѣлѣ и даже въ началѣ мая. Для кладки эти птицы предпочитаютъ дупло дерева, легко доступное высиживающей птицѣ и защищающее ее отъ дождя, но не пренебрегаютъ также

удобными мѣстами въ стѣнѣ или подъ крышей жилыхъ строеній или гнѣздомъ хищной птицы, вороны или сороки. Въ гнѣздѣ находится иногда нѣкоторое количество волосъ, шерсти и т. п., но основа его всегда та, какую птица нашла уже готовой. Кладка состоитъ изъ 2-хъ — 3-хъ округленныхъ и продолговатыхъ яицъ, съ шероховатой скорлупою бѣлаго цвѣта. Самка, повидимому, высидываетъ одна и притомъ, какъ полагаетъ Пасслеръ, начинаетъ высидывать тотчасъ, какъ положить первое яйцо. Самецъ помогаетъ при выкармливаніи птенцовъ, по отношенію къ которымъ оба родителя обнаруживаютъ величайшую любовь. Какъ скоро птенцы достигли полной самостоятельности, они начинаютъ странствовать въ данной мѣстности, а если она бѣдна мышами, то всѣ покидаютъ ее, въ чемъ можно, по словамъ Либе, убѣдиться вѣрнѣ всего по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ совы выбрасываютъ погадки; по удаленіи птенцовъ на всѣхъ старыхъ мѣстахъ видны свѣжія погадки, а на новыхъ ихъ вовсе нѣтъ.

Пикакой другой совѣ не приходится тамъ много терпѣть отъ мелкихъ птицъ, какъ сѣрой. Все, что имѣетъ крылья, порхаетъ вокругъ замѣчнаго страшилища все, что можетъ лѣтъ или кричать—издаетъ голосъ. Пѣвчіе и черные дрозды, мухоловки, пѣночки, зяблики, завирушки, королики и всѣ другія живущія и летающія въ лѣсу птицы, носятся вокругъ совы то съ жалобными криками, то съ насмѣшливымъ пѣніемъ, пока она наконецъ не поднимется и не улетитъ.

Пойманныя сѣрыя совы могутъ сдѣлаться очень ручными. Какъ убѣдился Либе, сѣрая сова изъ всѣхъ видовъ совъ наиболѣе пригодна для воспитанія. Она такъ мало боится свѣта, что выбираетъ себѣ въ полдень теплое, освѣщаемое солнцемъ мѣстечко, и здѣсь, дѣлая различныя забавныя гримасы, представляетъ солнечнымъ лучамъ падать сквозь нахохленные перья на самую кожу. Общество чловѣка поддерживаетъ ее цѣлый день въ бодромъ состояніи, особенно если потрудиться играть съ нею, за что она, по крайней мѣрѣ въ первые годы жизни, бываетъ видимо благодарна. Если ее вынули изъ гнѣзда молодою и во время воспитанія ежедневно по два раза кормили, сажая на кулакъ, такъ что она должна брать пищу клювомъ изъ руки, то она скоро такъ привыкаетъ къ своему воспитателю, что всячески ласкаетъ его, причѣмъ моргаетъ, строитъ гримасы и издаетъ легкій пискъ. Либе настолько приручилъ совъ, что онѣ прилетали на его зовъ, сажались на кулакъ и чесали ему голову своимъ кривымъ клювомъ. «Благодаря маленькимъ мускуламъ, прикрѣпленнымъ къ корнямъ головныхъ перьевъ», пишетъ мнѣ только что названный превосходный наблюдатель, «большая часть этихъ птицъ способна къ извѣстной мимикѣ, которая сильнѣе всего обнаруживается въ теченіи времени спариванія, которое ихъ сильно возбуждаетъ. Нѣкоторыя доводятъ эту мимику до такого искусства, что положительно строятъ гримасы. Выраженіе лица у совы тоже въ высшей степени переменчиво, смотря по настроенію, и сѣрая сова можетъ складывать лицо въ такія необыкновенныя складки, что ее едва можно узнать. Въ дурномъ расположеніи духа она, направляя верхнія лицевыя перья вверхъ, а нижнія внизъ, и оттягивая перья надъ глазами, дѣлаетъ дѣйствительно раздосадованное лицо, значеніе котораго не укроется ни на мгновеніе даже и для незнаюка. Если она находится въ нѣжномъ настроеніи, то, направляя впередъ среднія и боковыя перья лица, придаетъ своему лицу выраженіе, которое, по ея мнѣнію, должно быть нѣжнымъ, но благодаря сопровождающему его миганію вѣками или мигательной перепонкой, получаетъ чрезвычайно комичное выраженіе. Съ другими совами она ведетъ себя отлично и въ неволѣ; особенно одновременно воспитанные птенцы, взятые изъ одного гнѣзда, не ссорятся даже и тогда, если двое одновременно схватятъ одну и ту-же мышъ. Правда, въ такомъ случаѣ они

дергають туда и сюда спорную добычу, издавая рѣзкій крикъ, пока она не до-
станется наконецъ одному изъ нихъ, но не дерутся между собою клювомъ или
когтями. Уживчивость ихъ выражается ласками, которыя онѣ оказываютъ другъ
другу, тихонько почесывая сосѣду клювомъ затылокъ или позади уха».

Совершенно подобныя наблюденія я произвелъ на своихъ питомцахъ. Разъ
я держалъ ихъ семь въ одной клѣткѣ. Здѣсь онѣ жили два года въ глубочайшемъ
мирѣ и между ними не замѣчалось зависти по отношенію къ пищѣ, хотя я вовсе
не особенно много занимался ихъ воспитаніемъ. Если одна изъ нихъ ѣла, то осталь-
ныя хотя и внимательно, но очень спокойно смотрѣли на это, и настоящихъ битвъ
изъ за пищи никогда не случалось. Иначе вели онѣ себя по отношенію къ мерт-
вой или больной совѣ того же вида. Первыхъ онѣ съѣдали безъ колебанія, по-
слѣднихъ жестоко умерщвляли. Самка клала 4 яйца и высиживала ихъ долго при
помощи своего самца и двухъ другихъ товарищей по клѣткѣ.

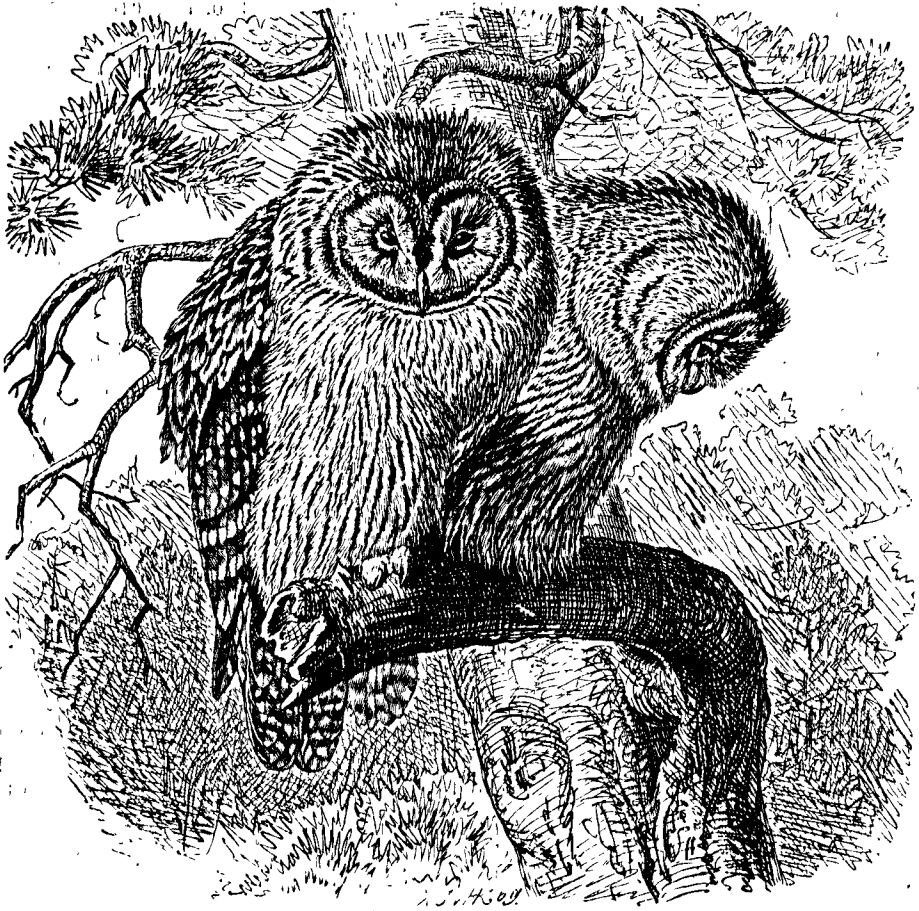
* *
* *

Кромѣ вышеописаннаго вида Европа имѣетъ еще двухъ неясытей, которыя
должны быть описаны, такъ какъ обѣихъ убивали въ Германіи, а одна изъ нихъ
даже выводитъ птенцовъ въ предѣлахъ ея.

Этотъ видъ—**Уральская сова, Уральская неясыть** (*Syrnium uralense* и *macrocephalum*, *Strix uralensis*, *liturata*, *macrura*, и *macrocephala*, *Ulula* и *Ptynx uralensis* и *liturata*, *Surnia*, *Noctua* и *Scotiaptex uralensis*. *Habichtseule*. *Cheveche de l'Oural*) одна изъ самыхъ крупныхъ неясытей. Длина ея равна 65—68 см., раз-
махъ крыльевъ около 120, длина крыла 40, а хвоста 32 см. На основномъ тус-
кло-сѣровато-бѣломъ фонѣ выдѣляются на верхней сторонѣ темно-бурыя продоль-
ныя полоски, такъ какъ на всѣхъ перьяхъ имѣются посрединѣ бурныя продольныя
расширяющіяся книзу пятна, которыя еще болѣе выдѣляются, благодаря черно-
бурымъ стержневымъ полоскамъ. Пятна эти уже въ области плечъ, шире на
кроющихъ перьяхъ крыльевъ, а на самыхъ большихъ испещрены болѣе свѣтлымъ
бурымъ цвѣтомъ; маховыя перья съ буровато-бѣлыми кончиками и разрисованы
свѣтло-бурыми, снаружи сѣровато-бѣлыми поперечными полосками, состоящими изъ
пятенъ. Верхнія кроющія перья хвоста блѣдно-бурыя, неправильно испещренныя
сѣрымъ цвѣтомъ; хвостовыя перья тускло-бурыя, украшенныя шестью непрерыв-
ными, широкими, буровато-сѣрыми поперечными полосками. Окаймленное вѣнчи-
комъ изъ перьевъ лицо представляетъ на сѣровато-бѣломъ фонѣ крайне тонкія,
черноватая черточки, вѣерообразно расходящіяся отъ глаза; вѣнчикъ состоитъ изъ
бѣлыхъ перьевъ, кончикъ которыхъ черный, и потому кажется испещреннымъ бѣ-
лыми и черными пятнами. Нижняя сторона разрисована на желтовато-бѣломъ
фонѣ узкими бурыми стержневыми пятнами; наконецъ опереніе ногъ равномер-
но грязно-бѣлое. Между самцомъ и самкой нѣтъ никакого различія, о которомъ стоило
бы упомянуть; напротивъ, встрѣчаются темныя, то свѣтло, то черно-бурыя разно-
видности, а сибирскія птицы обыкновенно окрашены замѣтно свѣтлѣе. Относи-
тельно большіе глаза темно-бурого цвѣта, вѣки темнаго вишнево-краснаго, клювъ
воскового желтаго.

Палласъ открылъ уральскую сову на Уралѣ; позднѣйшіе изслѣдователи на-
ходили ее почти во всей восточной Европѣ, а также въ Средней Азіи, отъ
Урала до Тихаго Океана. Ее не разъ убивали въ Германіи. 4-го апрѣля 1878 г.
въ округѣ Кранихбрухъ въ Восточной Пруссіи убили даже уральскую сову съ
сильно развитою насѣдною плѣнью на животѣ, а слѣдовательно, вѣроятно, близъ

мѣста высиживания. Такъ какъ доказано, что она живетъ и выводитъ птенцовъ во всѣхъ коронныхъ земляхъ Австро-Венгрии, а ближе всего къ нашей границѣ въ Богемскомъ лѣсу и на Карпатахъ, а кромѣ того болѣе или менѣе правильно встрѣчается въ Польшѣ и Россіи, то послѣднее указаніе не должно казаться удивительнымъ, тѣмъ болѣе, что въ Восточной Пруссіи каждую зиму убиваютъ, или по крайней мѣрѣ, видятъ уральскихъ совъ. Вѣроятно она встрѣчается вообще не такъ рѣдко, какъ полагали до настоящаго времени; скорѣе можно думать, что она тихо и незамѣтно живетъ въ обширныхъ лѣсахъ недалеко отъ указанныхъ гра-

Уральская сова. *Syrnium uralense* $\frac{1}{2}$ наст. вел.

ницъ нашего отечества, или, что ее смѣшиваютъ съ сѣрой совою и потому не замѣчаютъ ея присутствія. Въ Австріи, Венгрии, Польшѣ, Россіи и Финляндіи она не очень рѣдка въ удобныхъ мѣстахъ; въ Трансильваніи она тоже настолько часто встрѣчается, что опытные охотники нерѣдко видятъ ее въ лѣсу.

Такъ какъ мы еще мало знаемъ эту сову, то не можемъ парисовать полной картины ея жизни. Извѣстно, что она живетъ какъ на скалахъ, такъ и въ старыхъ высокоствольныхъ лѣсахъ и, несмотря на громкій, далеко раздающійся голосъ, ведетъ здѣсь довольно скрытую жизнь, а осенью чаще наблюдается на ранинахъ, въ маленькихъ рощахъ, или даже на открытомъ полѣ. Извѣстно далѣе, что она превосходно видитъ даже днемъ и, въ противоположность родственной

ей сѣрой совѣ, иногда занимается охотой въ это время. Мы знаемъ также, что она очень не любитъ, чтобы ее беспокоили, и, если предполагаетъ опасность, то тотчасъ-же мѣняетъ мѣстопробываніе. Наконецъ наблюденіе, сдѣланное братомъ Наумана, заставляетъ предполагать, что она по смѣлости едва-ли уступаетъ дневнымъ совамъ. Последнее поразительнымъ образомъ доказала сова, которую названный наблюдатель видѣлъ летящей въ 1819 г. въ Ангальтскомъ герцогствѣ. Сначала она преслѣдовала обыкновеннаго сарыча и безпрестанно бросалась на него, пока оба не скрылись въ лѣсу. Вскорѣ затѣмъ наблюдатель увидѣлъ изъ лѣсу, что она снова вылетѣла на поле и напала на цаплю. Последняя съ жалобнымъ крикомъ искала спасенія въ бѣгствѣ, но счастливо отражала клювомъ сильныя быстро повторяемые удары совы. Сова все кидалась на цаплю съ высоты около 3 м. въ косвенномъ направленіи и гнала ее такимъ образомъ добрую четверть часа. Поведеніе ея походило до извѣстной степени на поведеніе сарыча, съ которымъ она сходна и въ томъ отношеніи, что летаетъ съ шумомъ и по временамъ паритъ. Битва между нею и цаплей происходила, когда солнце трѣкко что зашло. Оба бойца скрылись наконецъ вдали; но еще долго послѣ того наблюдатель могъ слышать хриплые крики цапли. Отсюда можно заключать, что уральская сова не ограничивается охотою на мышей и другихъ мелкихъ грызуновъ, но также распространяетъ ее на болѣе крупныхъ млекопитающихъ и птицъ, какъ то: зайцевъ, кроликовъ, рябчиковъ и бѣлыхъ куропатокъ.

На мѣстахъ вывода птенцовъ, именно растрескавшихся скалахъ или высоко лежащихъ буковыхъ лѣсахъ она является, по словамъ Чузи, которому принадлежатъ важныя заслуги по установленію границъ ея распространенія въ Австріи, самое позднее—въ апрѣлѣ. Любовь возбуждаетъ и ее, и теперь можно слышать ея далеко раздающійся крикъ, который нѣкоторыми сравнивается съ блянѣемъ козы, на основаніи чего она и получила названіе «Habergeis». По мнѣнію другихъ, именно графа Водзицкаго, крикъ ея представляетъ, напротивъ, громкій вой и смѣсь крика филина и сѣрой совы, а иногда напоминаетъ воркованье вихири. Последній изслѣдователь нашелъ весною два гнѣзда, изъ которыхъ одно заключало два продолговатыхъ бѣлыхъ яйца, другое — двухъ птенцовъ, покрытыхъ сѣрымъ пухомъ. Когда одинъ изъ лѣсниковъ замѣтилъ птенцовъ, глубоко лежащихъ въ дуплѣ дерева, онъ сталъ рубить топоромъ основаніе ствола, чтобы достать птенцовъ; но прежде онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ назадъ, а дерево за него караулила маленькая собачка, которая его сопровождала. Одна изъ совъ бросилась тогда на собаку, схватила ее и подняла до половины высоты дерева, приблизительно на 6 м. вверхъ, и несомнѣнно унесла-бы ее совѣмъ, если-бы ей не помѣшала охотникъ.

Въ неволѣ я видѣлъ уральскую сову только разъ и именно въ Берлинскомъ зоологическомъ саду, но не сдѣлалъ никакихъ сколько-нибудь замѣчательныхъ наблюденій надъ обѣими содержавшимися здѣсь птицами. Нордманъ, который самъ держалъ ее, замѣчаетъ, что она въ неволѣ принимаетъ такія-же забавныя позы, какъ сиринъ воробьиный, всегда бросается на пищу, которую ей даютъ, сильнымъ прыжкомъ и во всѣхъ движеніяхъ проявляетъ большую силу, чѣмъ находящаяся одновременно съ нею въ неволѣ бѣлая сова.

* *

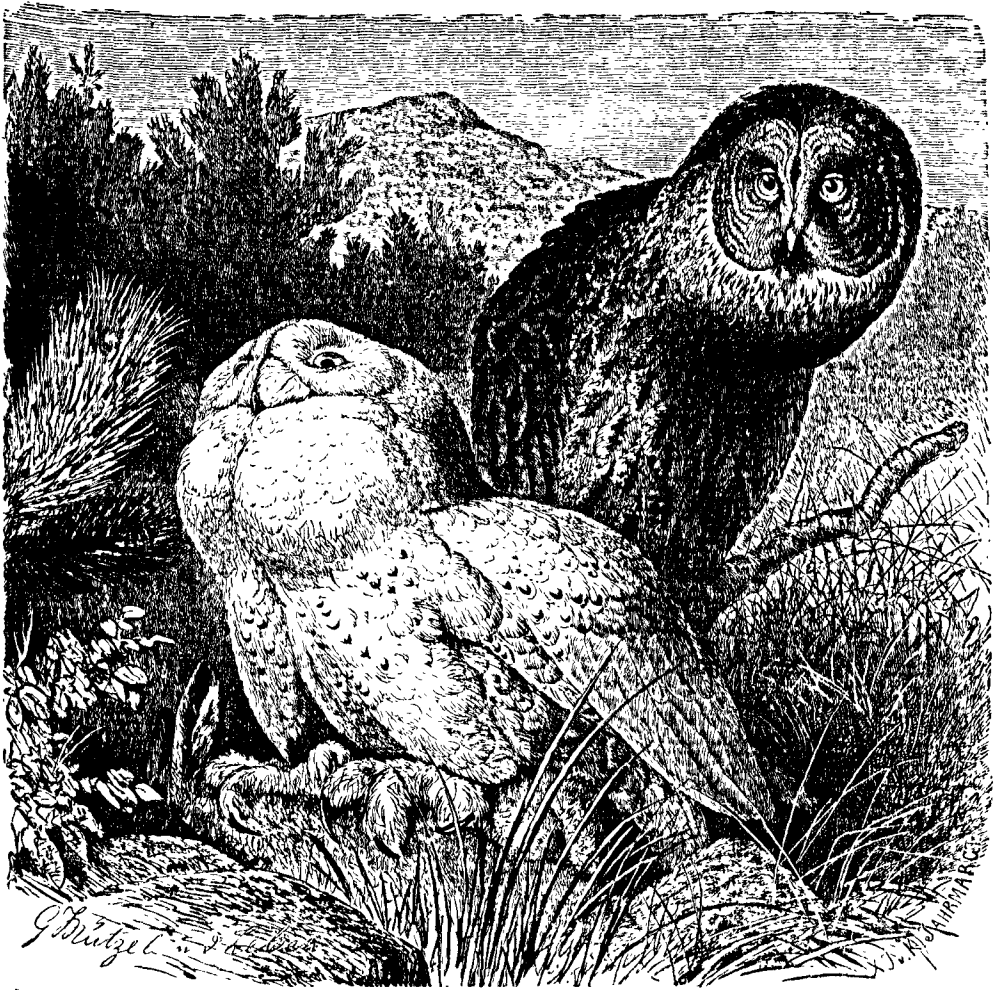
Третій видъ, о которомъ надо еще упомянуть здѣсь, — Лапландская сова (*Syrnium lapponicum, barbatum, cinereum* и *microphthalmum, Ulula barbata, cinerea* и *lapponica, Strix lapponica, barbata, fuliginosa, microphthalmos. Laplands-*

seule. Chevesche de Laronie), одна из самых крупных совъ. Длина равняется 70 см., размахъ крыльевъ 140, длина крыла 48, ахвоста 28 см. Она такого-же сложения, какъ наша сѣрая сова, но стройнѣе и съ относительно болѣе длиннымъ хвостомъ, а особенно отличается густымъ оперениемъ и большимъ округлымъ вѣнчикомъ съ правильнымъ рисункомъ. Преобладающій цвѣтъ оперенія верхней стороны тусклый сѣро-бурый, каждое перо испещрено темно-бурными зубчатыми стержневыми пятнами и бѣловатыми, прямыми или червеобразно изогнутыми поперечными полосками; цвѣтъ нижней стороны болѣе или менѣе свѣтло-сѣрый съ легкимъ красноватымъ налетомъ; область зоба разрисована темно-сѣрыми продольными пятнами, а бока груди и ноги узкими поперечными полосками. Вѣнчикъ, состоящій изъ разсученныхъ, сѣровато-бѣлыхъ перьевъ, мѣстами съ ржаво-желтымъ налетомъ и съ черноватыми полосками, представляетъ на сѣровато-бѣломъ фонѣ 8—10 очень правильно концентрическихъ, окружающихъ глазъ матово-черныхъ круговъ; область горла имѣетъ одноцвѣтное черное пятно въ видѣ бородки, которое еще болѣе выдѣляется, благодаря бѣлому цвѣту по бокамъ его. Большія маховыя перья покрыты на темно-буромъ фонѣ бѣловато-бурными поперечными полосками; внутренняя бородка ихъ буроватая и кромѣ того разрисована тонкими зигзагообразными или червеобразными полосками. Малыя маховыя перья окрашены такимъ-же образомъ; хвостовыя перья сѣровато-бурныя, къ концу темнѣе и пересѣкаются пятю неопредѣленными, болѣе свѣтлыми полосками. Относительно маленкіе глаза имѣютъ блестящую ярко-желтую радужную оболочку и красно-буроватые вѣки; клювъ воскового желтаго цвѣта. Молодыя птицы похожи на старыхъ.

Область распространенія лапландской совы простирается по крайнему сѣверу Стараго Свѣта, особенно по Лапландіи, Финляндіи, сѣверной Россіи и Сибири до Охотскаго моря, но не заходитъ, какъ указывали прежде, на сѣверъ Америки; по крайней мѣрѣ встрѣчающаяся тамъ Пепельная сова (*Syrnium cinereum*. Graukauz. Chevesche grise) въ послѣднее время отдѣлена отъ нея въ особый видъ. Въ Германіи эту, какъ кажется, всюду рѣдкую птицу до сихъ поръ убивали только въ Восточной Пруссіи и въ Силезіи. Въ южной Скандинавіи она встрѣчается чаще; въ Лапландіи, Финляндіи и сѣверной Россіи, а также наконецъ во всей сѣверной Сибири она выводитъ птенцовъ.

Относительно образа жизни ея недостаетъ наблюденій; почти всѣ указанія, которыя находятся въ относящихся сюда сочиненіяхъ, касаются сѣверо-американскихъ родичей. Только Валленгрень, Нильсонъ, Левеніальмъ и Уоллей даютъ скудныя свѣдѣнія. Въ Скандинавіи лапландская сова тоже слѣдуетъ за передвиженіемъ пеструшекъ и не слишкомъ рѣдко достигаетъ при этомъ до середины страны и въ отдѣльные годы встрѣчается чаще или рѣже соответственно большому или меньшему обилію ея любимой дичи. Какъ она живетъ, какъ охотится, какъ ведетъ себя по отношенію къ другимъ животнымъ, неизвѣстно. По словамъ Лундборга, одна изъ нихъ была убита въ Далекардіи при своеобразныхъ обстоятельствахъ. Она напала на работника, который занимался рытьемъ на большомъ торфяномъ болотѣ, и пыталась схватить его за спину. Работникъ освободился отъ нея, а сова продолжала смирно сидѣть около, и онъ пошелъ домой, чтобы принести ружье. Возвратившись, онъ сначала промахнулся, опять пошелъ домой, чтобы снова зарядить ружье и убилъ затѣмъ упрямую птицу вторымъ выстрѣломъ. Сова была самка и очень тощая, а слѣдовательно и чрезвычайно голодная, что, вѣроятно, и объясняетъ ея странное поведеніе. Одно гнѣздо было найдено Уленіусомъ въ началѣ іюня въ Лапландіи, причемъ была убита высижи-

вающая самка. Гнѣздо находилось въ сосновомъ лѣсу на древесномъ пнѣ, вышиною въ 3 м., въ которомъ, благодаря гниенію, образовалось дупло. Одно бѣлое яйцо, величиною съ яйцо филина, лежало въ гнѣздѣ, другое, неповрежденное, лежало внизу у корней дерева, на которомъ находилось гнѣздо. Другія гнѣзда находили Уоллей и именно или на высокихъ деревьяхъ, или въ дуплахъ деревьевъ. Они заключали 3 и 4 яйца, чрезвычайно малыхъ, по сравненію съ кажущейся величиной птицы; они замѣтно уступали по величинѣ яйцамъ филина и бѣлой совы.

Бѣлая сова. *Nyctea scandiaca* и Лапландская сова. *Syrnium lapponicum*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

Мы сами видѣли во время нашего путешествія по Сибири на нижней Оби двѣ пойманныхъ лапландскихъ совы, принадлежавшихъ нѣсколькимъ остякамъ, которые говорили, что нашли этихъ птицъ въ свободно стоявшемъ на деревѣ плоскомъ гнѣздѣ въ сосѣдней ивовой заросли, и кормили ихъ рыбой. Эти птицы во всѣхъ отношеніяхъ напоминали мнѣ нашу обыкновенную сову, имѣли, если не обращать вниманія на ихъ желтые глаза, то же добродушное выраженіе, были такими-же кроткими и ручными, двигались и гримасничали совершенно такъ-же, какъ и она. Къ сожа-

лѣнію, я не могъ сдѣлать подробныхъ наблюдений, такъ какъ обѣ были назначены для коллекціи и черезъ короткое время умерщвлены.

Сова бѣлѣнка, Бѣлая сова, Бѣлый улуъ (*Nyctea scandiaca*, *nivea*, *erminea* *p. candida*. *Strix nyctea*, *scandiaca*, *arctica*, *candida*, *nivea* и *varacuthu*. *Noctua nyctea* и *nivea*, *Syrnium*, *Syrnia* и *Surnia nyctea*. *Aegolius scandiaca*. *Schneeeule*. *Cheveche blanche*) бываетъ длиною въ 68—71 см., размахъ крыльевъ 146—156 см.; длина крыла равна 45, а хвоста 26 см. Цвѣтъ различенъ, смотря по возрасту. Очень старыя птицы бѣлыя, иногда почти безъ пятенъ или развѣ съ поперечнымъ рядомъ бурыхъ пятнышекъ на передней части головы и отдѣльными пятнами на большихъ маховыхъ перьяхъ. Птицы средняго возраста разрисованы болѣе или менѣе на бѣломъ фонѣ бурыми поперечными, а на головѣ такими-же продольными пятнами, болѣе молодыя птицы еще сильнѣе покрыты пятнами и совершенно пестры, какъ сверху, такъ и снизу. Глаза великолѣпнаго желтаго, клювъ рогового чернаго цвѣта. Бѣлая сова самый характерный представитель рода **Снѣжныхъ совъ** (*Nyctea*. *Schneekäuze*), отличающагося крайне густымъ опереніемъ плюсны и пальцевъ.

Вмѣсто подробнаго указанія всѣхъ мѣстностей и странъ, въ которыхъ живетъ бѣлая сова, мнѣ достаточно сказать, что она обитательница тундры, но многократно наблюдалась и далѣе на сѣверѣ, насколько проникали къ полюсу путешественники. По Мальмгрену, Гейглину, Коксену и другимъ, она встрѣчается на сѣверо-западномъ и южномъ берегахъ Шницбергена, но Пальмень полагаетъ, что она попадаетъ туда, можетъ быть, лишь случайно; Кюкенталь и Вальтеръ не замѣчали уже ее болѣе на восточномъ берегу этого острова. Хэденстремъ сообщаетъ, что она встрѣчается на Ново-Сибирскихъ островахъ. Въ тундрѣ она вовсе не вездѣ живетъ въ одинаковомъ количествѣ, а присутствіе ея находится въ зависимости отъ обилія или относительной рѣдкости пеструшекъ. Затѣмъ она больше всего любитъ покой и одиночество, и потому избѣгаетъ мѣстностей, часто посѣщаемыхъ ея злѣйшимъ врагомъ, человѣкомъ. Поэтому она чаще встрѣчается въ Америкѣ, Лапландіи и сѣверо-западной Россіи, чѣмъ въ сѣверо-восточной Россіи и Сибири, гдѣ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, по которымъ мы проѣхали, за нею ревностно охотятся изъ за ея мяса. Въ теченіи лѣта она главнымъ образомъ держится на сѣверныхъ горахъ; зимою спускается въ ниже лежащія мѣстности и, если снѣгъ выпадаетъ на ея родинѣ очень обильно и пищи становится мало, то она переселяется на югъ. На возвышенныхъ таурскихъ степяхъ, по словамъ Раде, появляются сначала самки и именно уже къ концу сентября; самцы слѣдуютъ за ними гораздо позже. Въ Скандинавіи она спускается въ долины лишь при наступленіи зимы. Правильнѣе, чѣмъ ястребиная сова, появляется она въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ, особенно въ Германіи. Въ Восточной Пруссіи, а особенно въ Литвѣ, она встрѣчается почти каждую зиму; западную Пруссію, Познань и Померанію она тоже посѣщаетъ очень правильно, а также и въ Далии она является не слишкомъ рѣдко, хотя обыкновенно останавливается на пути уже въ южной Скандинавіи. Въ Великобританію она залетаетъ зимою, вѣроятно, съ обѣихъ сторонъ, именно изъ Скандинавіи и изъ Гренландіи; южную Россію, степи южной Сибири и Монголіи, Китай и Японію она посѣщаетъ, переселяясь изъ Сибирской тундры и наконецъ югъ Соединенныхъ Штатовъ, среднюю Америку и даже Вестъ-Индію—съ крайняго сѣвера Америки. При извѣстныхъ обстоятельствахъ она остается въ видѣ исключенія и въ теченіи лѣта въ чужой странѣ, чтобы выводить здѣсь птенцовъ. Такъ, въ 1843 г. въ Кимкшенской пустошѣ въ

Рангитскомъ округѣ Восточной Пруссіи владѣлецъ помѣстья, Пиперь, нашелъ около Духова дня на кучѣ камней гнѣздо бѣлой совы съ яйцами, и точно также Юмъ полагаетъ, что эта птица гнѣздится, можетъ быть, иногда въ Индіи, на рѣкѣ Кабуль.

Бѣлая сова представляетъ въ тундрѣ красивое явленіе. Во время нашего путешествія черезъ Самоѣдскій полуостровъ, мы не разъ имѣли случай видѣть эту великолѣпную птицу. Хотя она здѣсь и менѣе обыкновенна, чѣмъ должно было бы ожидать, судя по перьямъ, которыя находишь на всѣхъ стоянкахъ остяковъ, но встрѣчается во всей области въ качествѣ птицы, выводящей птенцовъ. Отъ другихъ совъ, а особенно отъ очень обыкновенной въ тундрѣ болотной совы, ее можно отличить тотчасъ и вообще ее можно узнать на всякомъ разстояніи. Помимо ослѣпительнаго цвѣта ея, который особенно бросается въ глаза днемъ, и значительной величины, ее можно также отличить по короткимъ, широкимъ, сильно закругленнымъ крыльямъ, и вообще узнать ее очень легко. Она летаетъ днемъ, какъ ночью, и бываетъ иногда живѣе въ послѣобѣденныя часы, чѣмъ въ утренніе или вечернія сумерки. Въ качествѣ сторожевого пункта она выбираетъ вершины горъ или холмы, сидя на которыхъ она часто издаетъ свой далеко слышимый гогочащій голосъ, похожій на крикъ морского орла. Здѣсь она остается иногда по часу, затѣмъ улетаетъ, попеременно ударяя крыльями и паря, поднимается, если хочетъ перелетѣть далеко, по винтовой линіи на значительную высоту и затѣмъ опускается къ другому холму, чтобы снова съ него осмотрѣть окрестности. Область, въ которой она живетъ и охотится, повидимому не очень обширна, такъ какъ мы могли наблюдать ее въ теченіи цѣлаго дня почти на однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ. Одна бѣлая сова, которую я убилъ, была самецъ изъ пары, которая держалась въ одной и той-же области. Хотя тундра самоѣдскаго полуострова населена крайне скудно и потому по ней лишь очень рѣдко проходятъ остяки и самоѣды, но бѣлая сова все-же оказывается крайне боязливой, но крайней мѣрѣ она не подпускаетъ европейца на разстояніе выстрѣла. Къ той, о которой я говорилъ, я могъ приблизиться лишь благодаря тому, что подѣхалъ къ ней на саяхъ, въ которыя были запряжены олени. Ту-же боязливость она сохраняетъ, какъ я знаю со словъ своихъ товарищей-охотниковъ изъ Восточной Пруссіи, и на чужбинѣ. И здѣсь она совершенно избѣгаетъ лѣсовъ и держится преимущественно на кучахъ камней, собранныхъ на поляхъ, или на ивахъ, окаймляющихъ дороги, но всегда крайне осторожна. Смѣлостью и дерзостью она, по видимому, превосходитъ остальныхъ совъ. На собакъ она, по наблюденію Шрадера, нападаетъ бѣшено и бросается на нихъ, какъ соколъ. Убитый мною самецъ упалъ, не владѣя крыльями, но тотчасъ велѣдъ затѣмъ приготовился къ нападенію и сталъ отчаянно защищаться, когда я хотѣлъ поднять его. Онъ встрѣтилъ меня хрипло фыркая и сильно щелкая клювомъ, и когда я хотѣлъ протянуть къ нему руку, онъ сталъ бить вокругъ себя не только когтями, но и клювомъ, такъ что я долженъ былъ раздавить ему грудь ружейнымъ прикладомъ. Но и тогда онъ выпустилъ сапогъ, въ который вѣшнлся клювомъ, лишь когда испустилъ духъ.

Мелкіе грызуны, прежде всего неструшки, а кромѣ того бѣлки, пищухи, ондатры и т. п. составляютъ пищу бѣлой совы; но она убиваетъ также животныхъ, величиною съ зайца. «Разъ утромъ въ началѣ апрѣля 1869 г.», пишетъ мнѣ Пиперь, «я увидѣлъ на большомъ разстояніи бѣлую сову, которая сидѣла на кучѣ камней, и чтобы подойти къ ней на выстрѣлъ, сталъ кружить вокругъ нея уже испытаннымъ мною образомъ. Идя по жнивю, я всунулъ молодого зайца, величиною съ кошку, и онъ случайно побѣжалъ прямо на бѣлую сову. Хотя

я находился лишь въ 150 шагахъ отъ этой послѣдней, она безъ колебанія бросилась на зайца, пробѣгавшаго мимо нея на разстояніи около 30 шаговъ, свалила его со второго удара, понесла надъ самой землею шаговъ на 100 далѣе и усѣлась, чтобы съѣсть его. Когда я подошелъ приблизительно на 60 шаговъ, она хотѣла улетѣть съ добычей, но я убилъ ее въ летъ. Заяцъ имѣлъ раны съ обѣихъ сторонъ выше середины тѣла и былъ уже мертвъ». Собранныя стаями, бѣлыя совы слѣдуютъ за переселяющимися пеструшками; парами или по одиночкѣ онѣ угрожаютъ пернатой дичи всякаго рода. Бѣлыхъ куропатокъ бѣлая сова преслѣдуетъ со страстью, вытаскиваетъ подстрѣленныхъ на глазахъ у охотника даже изъ ягдташа; тетерева, утки и дикіе голуби также не находятся въ безопасности отъ ея нападений, рыбы тоже не защищены отъ нея. «Разъ утромъ», рассказываетъ Одобонъ, «я сидѣлъ по близости водопадовъ Огіо въ засадѣ, чтобы стрѣлять дикихъ гусей, и имѣлъ при этомъ случай видѣть, какъ бѣлая сова ловить рыбу. Она лежала, подкарауливая, на скалѣ, обративъ къ водѣ низко опущенную голову, такъ спокойно, что можно было бы счесть ее за спящую. Но въ то мгновеніе, какъ рыба неосторожно поднималась на поверхность воды, она съ быстротою молніи погружала лапу въ воду и всегда вытаскивала на сушу удачно схваченную рыбу. Съ нею она удалялась затѣмъ на нѣсколько метровъ, съѣдала ее и возвращалась на прежній сторожевой пунктъ. Добывъ болѣе крупную рыбу, она схватывала ее обѣими лапами и отлетала съ нею далѣе обыкновеннаго. Иногда ихъ соединялось двѣ, чтобы съѣсть добычу; обыкновенно это бывало въ томъ случаѣ, когда рыба, пойманная одною изъ нихъ, была велика». Во время охоты она подлетаетъ къ каждому предмету, который увидитъ въ воздухѣ. «Я заставилъ», рассказываетъ Гольбель, «однажды такую сову слѣдовать за мною на протяжении почти четверти мили при лунномъ свѣтѣ, бросая отъ времени до времени на воздухъ свою шапку».

Размноженіе бѣлой совы бываетъ лѣтомъ. Въ іюнѣ находятъ яйца, которыхъ она кладетъ больше, чѣмъ какая-либо другая сова. Не разъ находили по 7 штукъ въ одномъ гнѣздѣ, но допари единственно утверждаютъ, что бѣлая сова кладетъ и по 8 - 10 яицъ. Коллеттъ подтверждаетъ послѣднее указаніе и замѣчаетъ, что и размноженіе бѣлой совы, какъ и вся ея жизнь, соответствуетъ количеству пеструшекъ, такъ что она не только выводитъ обыкновенно птенцовъ тамъ, гдѣ эти грызуны особенно размножились, но также кладетъ больше яицъ въ тѣ годы, когда пеструшекъ много. Какъ кажется, самка начинаетъ уже высидывать въ то время, когда не кончила кладку, такъ какъ въ нѣкоторыхъ гнѣздахъ находятъ птенцовъ замѣтно различной величины. Яйца, длиною около 55 м.м., толщиною 45 м.м., грязно-бѣлаго цвѣта. Гнѣздо представляетъ плоское углубленіе въ землѣ, выстланное небольшимъ количествомъ сухой травы и нѣсколькими перьями, принадлежащими самой высидывающей птицѣ. Самка крѣпко сидитъ на яйцахъ и очень близко подпускаетъ къ себѣ человѣка, котораго въ другое время осторожно избѣгаетъ, и избѣгаетъ даже къ притворству, бросаясь на землю, какъ подстрѣленная и немогущая летать, и остается лежать здѣсь нѣкоторое время, какъ мертвая, съ растопыренными крыльями. Пока самка высидываетъ, самецъ, сидя по близости на удобномъ сторожевомъ пунктѣ, зорко озирается и предостерегаетъ подругу при малѣйшемъ признакѣ опасности громкимъ крикомъ; услышавъ этотъ крикъ, самка оставляетъ гнѣздо и вмѣстѣ съ самцомъ, подобно ему не переставая кричать, цѣлыя часы летаетъ вокругъ гнѣзда. При этомъ самецъ проявляетъ всю свою смѣлость, бѣшено бросается на пришельца и еще яростнѣе на сопровождающую его собаку и его съ трудомъ можно отогнать; напротивъ, самка рѣдко рискуетъ

жизнью, подобно ему. Въ Европѣ серьезную опасность для бѣлой совы представляютъ лишь естествоиспытатели и охотники, которымъ доставляетъ особенное удовольствие убить такую большую птицу; напротивъ, въ тундрѣ Самоѣдскаго полуострова остяки и самоѣды правильно преслѣдуютъ ее, ловя съ помощью гигантскихъ силковъ и съ удовольствіемъ ѣдятъ ея мясо.

Бѣлыя совы въ клѣткѣ принадлежатъ къ числу рѣдкостей и лишь въ видѣ исключенія выживаютъ въ неволѣ 4—6 лѣтъ. По сравненію съ другими родичами онѣ бодрѣе и даже днемъ живѣе, чѣмъ другіе виды такой-же величины, охотно летаютъ вверхъ и внизъ по клѣткѣ и выносятъ взглядъ наблюдателя, не злясь особенно изъ за этого. Правда, если ихъ дразнить, то и онѣ очень сердятся и такъ-же яростно фыркаютъ и шелкаютъ, какъ и другіе представители этой группы. Одинъ любитель заперъ бѣлыхъ совъ вмѣстѣ съ орлами и замѣтилъ, что эти естественные враги хорошо уживались.

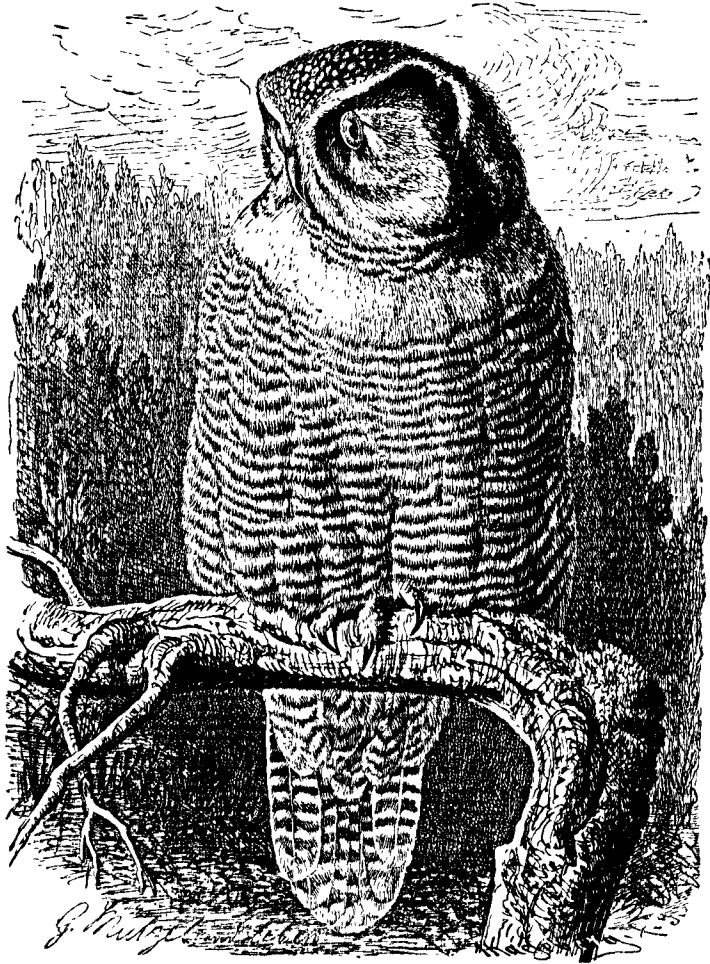
* * *

Въ сѣверныхъ странахъ Старога Свѣта живетъ **Ястребиная сова, Сиринъ ястребиный, Горный сыч** (*Nyctea ulula*, *Surnia* и *Aegolius ulula*, *Strix ulula*, *nisoria* и *doliata*, *Noctua nisoria*, *Sperbereule*, *Chouette-épervier*). Она отличается широкой, низкой головой съ плоскимъ лбомъ и узкимъ лицомъ, безъ настоящего вѣнчика и кружка перьевъ вокругъ глазъ, довольно большими, относительно острыми крыльями, въ которыхъ третье маховое перо самое длинное, и длиннымъ клиновиднымъ хвостомъ. Клювъ коротокъ, крѣпокъ, больше въ вышину, чѣмъ въ ширину, согнутъ, начиная отъ основанія, крючекъ загнутъ внизъ надъ нижней половиной клюва приблизительно на 9 м.м., расщепъ клюва нѣсколько выемчатъ, кончикъ нижней челюсти съ глубокой вырѣзкой. Голени оперены до пальцевъ; эти послѣдніе коротки и вооружены острыми когтями. Глаза велики, уши снабжены продолговатой яйцевиднымъ отверстіемъ, вышиною въ 16 м.м. и хорошо развитымъ клапаномъ, напоминающимъ ушной клапанъ синухи. Опереніе густое, мягкое и блестящее, но прилегаетъ гораздо плотнѣе, чѣмъ у большинства ночныхъ совъ. У птицы, получившей уже окончательную окраску, бѣловато-сѣрое лицо, полоска передъ ухомъ и другая позади уха, которая въ видѣ полумѣсяца спускается по обѣимъ сторонамъ головы, — чернаго цвѣта, темя черновато-бурое, каждое перо украшено круглымъ бѣлымъ пятномъ, которое въ области затылка становится больше и дѣлаетъ свѣтлый цвѣтъ преобладающимъ; затылокъ, какъ и пятно позади уха, чисто бѣлые. Верхняя сторона тѣла бурая съ бѣлыми пятнами, каждое отдѣльное перо бѣлое, на концѣ съ бурой каймою и съ поперечными черточками, горло бѣлое, верхняя часть груди украшена неясной поперечной полоской. Нижняя сторона тѣла бѣлая, на нижней части груди, брюхѣ и бокахъ исчерчена узкими черно-бурыми поперечными линиями или испещрена крапинками; маховыя и хвостовыя перья мышино-сѣраго цвѣта съ бѣловатыми полосками; въ хвостѣ, кромѣ каемки на концѣ, можно насчитать девять бѣлыхъ поперечныхъ полосъ. Глаза темно-сѣрно-желтые, клювъ грязно-воскового желтаго цвѣта, на концѣ рогового чернаго. Молодые птицы мало отличаются отъ старыхъ, но эти послѣднія могутъ представлять различныя уклоненія, причѣмъ однако общій характеръ рисунка мало измѣняется. Длина равняется 39—42 см., размахъ крыльевъ 76—81, длина крыла 23, длина хвоста 16 см.

На сѣверѣ Америки ястребиная сова замѣняется очень близкой къ ней **Солониной совой** (*Nyctea funerea*, *Surnia funerea*, *canadensis* и *borealis*, *Strix funerea*, *canadensis*, *hudsonia* и *sarapoch*, *Aegolius*, *Syrnia* и *Noctua funerea*, *Falken-*

eule. Chouette-fauson.), которая отличается отъ своей родственницы, живущей въ Старомъ Свѣтѣ, болѣе темной верхней стороною тѣла и широкими, болѣе или менѣе ярко-бурыми крапинками на нижней сторонѣ. По изслѣдованіямъ Дрессера именно ее, а не ястребиную сову, убивали до сихъ поръ въ Великобританіи.

Область распространенія ястребиной совы простирается на всѣ сѣверныя страны Старога Свѣта, а область распространенія соболиной совы на соответству-

Ястребинная сова. *Nyctea ulula*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

юція страны Новаго. Первая, описаніемъ которой я ограничусь въ нижеслѣдующемъ изложеніи, встрѣчается въ качествѣ птицы, правильно выводящей птенцовъ, какъ доказано, въ сѣверной Скандинавіи, сѣверной и средней Россіи, а также въ Сибири отъ Урала до Охотскаго моря и отъ сѣверной границы лѣсовъ до области степей на югъ отъ пояса лѣсовъ, но еще на найдена въ Китаѣ. Какъ и большинство сѣверныхъ совъ, онѣ встрѣчаются въ большемъ или меньшемъ количествѣ, соответственно количеству пеструшекъ въ данное время. Если эти послѣднія размножатся послѣ мягкой зимы болѣе, чѣмъ обыкновенно, то ястребинная сова ради нихъ поселяется и въ такихъ мѣстностяхъ, въ которыхъ она вообще не

выводить птенцовъ. Можно считать правиломъ, что она предпочитаетъ березовые лѣса всѣмъ остальнымъ и соответственно этому встрѣчается въ Скандинавіи, лишь начиная съ тѣхъ высотъ, гдѣ преобладаетъ береза. На тѣсную связь этой совы съ названнымъ деревомъ указываетъ цвѣтъ и рисунокъ ея оперенія. Случается, что она выводитъ птенцовъ въ еловыхъ или сосновыхъ лѣсахъ; но если она имѣетъ достаточно пищи въ березовыхъ лѣсахъ, то навѣрное не покинетъ ихъ. Обильное выпаденіе снѣга, быть можетъ еще болѣе недостатокъ въ пеструшкахъ, принуждаетъ ее покидать къ зимѣ ея любимое мѣстопробываніе и переселяться или просто по направленію къ низменностямъ, или въ болѣе южныя страны. При этомъ она вѣроятно каждую зиму появляется въ остзейскихъ губерніяхъ и въ Даніи, не слишкомъ рѣдко и въ Германіи, гдѣ ее очень часто убивали въ восточной и западной Пруссіи, нѣсколько рѣже въ Познани и Силезіи, Помераніи, Бранденбургѣ, а также, хотя и очень изрѣдка, въ Оберлаузицѣ, Тюрингенѣ, Ганноверѣ и Вестфалии и даже въ Эльзасѣ. Она посѣщаетъ обыкновенно также Польшу, Моравію, Галицію, Венгрію и нижнюю Австрію, южную Россію, всю южную Сибирь и горы сѣвернаго Туркестана. Нѣсколько паръ остается при особенно благоприятныхъ обстоятельствахъ и жить на чужбинѣ; по крайней мѣрѣ по отношенію къ Германіи вовсе не невѣроятно, что эта сова неразъ гнѣздилась въ восточной и западной Пруссіи. Уже Леффлеръ упоминаетъ объ одномъ такомъ случаѣ; о другомъ рассказывалъ мнѣ Эмке въ Данцигѣ. «Въ началѣ іюля 1866 года я купилъ на рынкѣ молодую сову, которая привлекла мое вниманіе своимъ своеобразнымъ видомъ. При обильной пищѣ она росла быстро и около середины августа ее можно было считать взрослой. Покупая ее, я не зналъ, съ какимъ видомъ имѣю дѣло; но наблюденія надъ ея поведеніемъ заставили меня убѣдиться, что она могла быть лишь дневной совою, а когда она наконецъ сбросила свое птенцовое опереніе и одѣлась въ опереніе молодой птицы, я узналъ въ ней ястребиную сову».

Объ образѣ жизни, поведеніи, пищѣ и размноженіи ястребиной совы существуетъ нѣсколько рассказовъ; но самыя подробныя и лучшія наблюденія были произведены не естествоиспытателями, которые видѣли ястребиную сову на ея роднѣ, а моимъ отцомъ въ Германіи. Самъ я, къ сожалѣнію, не могъ ближе наблюдать эту сову, вовсе не рѣдную на крайнемъ сѣверѣ. Я могу сказать лишь кое что объ ея полетѣ, о чемъ не говорится въ другихъ мѣстахъ. Она летаетъ не такъ, какъ другія извѣстныя мнѣ совы, а какъ дунь; надо даже хорошенько вематриваться, если хочешь отличить ее на большомъ разстояніи отъ лугового дуня. Увидѣвъ ее нѣсколько разъ, ее можно узнать не только по болѣе толстой головѣ, но также, и еще вѣрнѣе, по ея полету, который все-таки опредѣленно отличается отъ полета дуня. Она не качается, наклоняясь то въ одну, то въ другую сторону, паря поднимаетъ выше крылья и при этомъ чаще махаетъ ими. Полетъ ея отличается мягкостью и менѣе выносливъ, въ общемъ замѣтно медленнѣе, чѣмъ полетъ дуня; наконецъ она очень часто встряхивается и часто садится отдыхать во время охоты.

Сообщенія Валленгрена, Коллетта, Вильрайта и Уоллея передаютъ намъ въ совокуности приблизительно слѣдующее. Въ тѣ годы, когда пеструшекъ много, ястребиная сова не оставляетъ той мѣстности, гдѣ выводила птенцовъ; развѣ только молодцы предпринимаютъ переселенія въ болѣе южныя страны, и тогда можно видѣть ее и въ такихъ мѣстностяхъ, которыя мало соответствуютъ обычному мѣстопробыванію, какъ напримѣръ, въ безлѣсныхъ странахъ. По своему поведенію она очень напоминаетъ соколовъ. Дневная птица, подобно имъ, она соединяетъ съ безшумнымъ, хотя и быстрымъ полетомъ совы живость и мужество соколовъ и похожа

на нихъ и крикомъ. Часто можно видѣть ее сидящей на вершинѣ сухой сосны и высматривающей добычу. Приближеніе человѣка почти не тревожитъ ее въ это время. Она спокойно и пристально смотритъ на все своими свѣтло-желтыми глазами и взглядъ ея производитъ впечатлѣніе нѣсколько смущеннаго лукавства; но она не смотритъ прямо въ глаза самому опасному изъ своихъ противниковъ. Она ведетъ себя такъ, какъ будто-бы считала ниже своего достоинства дѣлать это; даже при видѣ угрожающаго ей стрѣлка она часто, не торопясь, поворачиваетъ голову въ другую сторону, какъ будто-бы умышленно не желая обращать на него вниманія. Совершенно иначе ведетъ она себя по отношенію къ добычѣ или одному изъ пернатыхъ враговъ, а также по отношенію къ тому, кто угрожаетъ ея гнѣзду. Почти ни одна лѣсная птица не обезпечена отъ ея нападений. Вильрайтъ видѣлъ, какъ она убила на лету несчастную сойку, свою обыкновенную сосѣдку, и не разъ заставляла ее пожирающей бѣлую куропатку, вѣсъ которой почти вдвое превышаетъ ея собственный. Различныя птицы, пеструшки и лѣсныя мыши, а также и насекомыя составляютъ ея обыкновенную пищу. Она бросается внизъ, какъ соколъ, съ своего высокаго сидѣнія, чтобы напасть на одного изъ мелкихъ грызуновъ, крѣпко схватываетъ его, пронзаетъ или душитъ своими острыми когтями и переноситъ затѣмъ на удобное сидѣніе, часто долго выбирая его, чтобы съѣсть здѣсь добычу. Если лѣсныя птицы, особенно сойки, вороны, синицы, дразнятъ ее, то она часто долго выноситъ это, но затѣмъ внезапно бросается въ середину противниковъ и схватываетъ одного изъ нихъ. Только противъ сорокъ, которыя съ громкимъ крикомъ окружаютъ и дразнятъ ее, она, повидимому, ничего не можетъ подѣлать. Доведенная до крайности, напримѣръ если ей выстрѣломъ перебьютъ крыло, она ложится на спину и защищается самымъ отчаяннымъ образомъ.

Въ началѣ мая, а иногда уже въ апрѣлѣ, она приступаетъ къ размноженію. Для гнѣздовья она выбираетъ или дупло дерева, или ящикъ для гнѣзда, какіе вѣшаютъ въ Лапландіи на деревья для большихъ крахалей, иногда старое воронье гнѣздо, а сама также строитъ себѣ на высокихъ деревьяхъ плоское гнѣздо, состоящее главнымъ образомъ изъ сучьевъ и хвороста, выстланное листьями и мхомъ, и кладетъ въ него 6—8 закругленныхъ, чисто бѣлыхъ яицъ, которыя нѣсколько меньше, чѣмъ у сѣрой совы: длиною они 35—45, толщиною 29—31 м.м. Сидя на верхушкѣ сухого дерева по возможности ближе къ гнѣзду, самецъ заботливо сторожитъ; при приближеніи къ гнѣзду какого-либо живого существа онъ поднимаетъ голову и хвостъ, издаетъ рѣзкій крикъ, похожій на крикъ пустельги и бѣшено кидается на нарушителя спокойствія. Лѣсной сторожъ Вильрайта такъ боялся ястребиной совы, что не рѣшался взлѣзть къ ея гнѣзду, такъ какъ ему пришлось однажды, вынимая птенцовъ изъ гнѣзда, подвергнуться самому жаркому нападению стараго самца, изъ той пары, гнѣзду которой онъ угрожалъ, и кромѣ панки лишился и нѣсколькихъ пучковъ волосъ. Охотничья собака не только въ періодъ размноженія, но и во всѣ мѣсяцы года подвергается самому энергическому нападению. Достоинно вниманія, что по наблюденіямъ послѣдняго изслѣдователя, самецъ смѣняетъ самку во время высиживанія. Еще прежде, чѣмъ птенцы станутъ способны летать, у старыхъ птицъ наступаетъ линяніе и когда первые вполнѣ оперятся, послѣднія тоже одѣты уже новымъ покровомъ.

Подробнѣе, чѣмъ послѣдніе изслѣдователи, взятыя вмѣстѣ, описываетъ нравы и образъ жизни ястребиной совы мой отецъ, которому уже почти 60 лѣтъ тому назадъ удалось наблюдать въ Тюрингенѣ эту птицу. «Меня особенно радуетъ», говоритъ онъ, «что я могу сказать кое-что о поведеніи этой рѣдкой птицы. Я досталъ живую самку. Одинъ мальчикъ увидѣлъ ее подъ вечеръ сидящей на изгороди въ

лѣсу и до тѣхъ поръ бросалъ въ нее камнями, пока она не упала оттуда, получивъ ударъ въ голову, послѣ чего ее удалось схватить. Я оставилъ ее въ комнатѣ на свободѣ и нацѣль въ ея поведеніи много своеобразнаго. Другія совы по большей части закрываютъ глаза и поспѣшно ищутъ самаго темнаго угла, чтобы спрятаться въ немъ, а эта ястребинная сова тотчасъ полетѣла съ совершенно открытыми глазами къ окну и такъ сильно ударилась о него, что упала на землю, какъ мертвая, и навѣрное разбила-бы одно изъ оконныхъ стеколъ, если-бы снова стала биться въ окно. Ее перенесли въ другое помѣщеніе и, хотя она постоянно держалась на самомъ свѣтломъ мѣстѣ, но уже съ самаго начала была такъ мало боязлива, что спокойно позволяла брать себя въ руки, хватала клювомъ мышъ, которую ей протягивали, и мгновенно переключивала ее въ лапы. Посадка ея была весьма различная. На землѣ она держала тѣло почти горизонтально, сильно вытягивала ноги, складывала и поднимала хвостъ; на высокихъ предметахъ она сидѣла, держа тѣло почти вертикально, втягивала ноги такъ, что выдавались наружу только пальцы, часто расширяла и всегда свѣшивала прямо внизъ хвостъ и складывала надъ крыльями шейныя и плечевыя перья. Въ этой позѣ она выказывала всю свою красоту и имѣла великолѣпный видъ. При всѣхъ положеніяхъ у этой совы боковыя перья головы были нахохлены, а лобныя перья гладко прижаты къ головѣ, такъ что лицо ея походило на лицо сокола и голова шириною мало уступала или вовсе не уступала тѣлу. Всѣ движенія ея были быстры и ловки, но по землѣ она прыгала неохотно. Крикъ ея, который она издавала особенно въ томъ случаѣ, если на нее нападали, звучалъ сходно съ боязливымъ крикомъ пустельги, а также напоминалъ и рѣзкій крикъ домашней курицы, когда ее несутъ въ рукахъ. Въ большой ярости она громко щелкала клювомъ, какъ и другія совы, если-же она была лишь немного зла, то терла кончикъ нижней челюсти о кончикъ верхней, пока не успокаивалась. При этомъ она вытягивала нижнюю челюсть далеко впередъ и скребла ею верхнюю половинку клюва, какъ дѣлаютъ попугаи, когда хотятъ что-нибудь разгрызть. Это производило продолжительный, слабо слышимый трескъ, такъ что я думалъ сначала, что у нея сломана какал-нибудь кость и издаетъ этотъ звукъ при сильныхъ движеніяхъ, которыя дѣлала сова. Въ послѣполуденные часы она была особенно бодра до самаго наступленія ночи.

«Черезъ нѣкоторое время она, благодаря несчастному случаю, вырвалась на свободу. Я велѣлъ искать ее всюду въ нашихъ лѣсахъ и искалъ самъ, но безъ успѣха. Черезъ нѣсколько дней мнѣ сообщили, что она находится снова тамъ-же въ лѣсу, на томъ-же вырубленномъ мѣстѣ и даже на той-же самой изгороди, гдѣ была прежде. Хотя это мѣсто и отстояло отъ моего жилища на разстояніи часа пути, но она отыскала, вѣроятно, его въ тотъ-же самый день, какъ улетѣла отъ меня, и предпочла его всѣмъ другимъ. Это обстоятельство было для меня тѣмъ пріятнѣе, что я не только надѣялся снова овладѣть этой рѣдкой птицей, но также и наблюдать ее на свободѣ. Эта надежда оправдалась самымъ лучшимъ образомъ».

«Въ предобѣденные часы ея никогда не было видно; она держалась тогда въ густыхъ еляхъ и соснахъ, которыя росли недалеко отъ упомянутаго, уже вырубленного мѣста. Она такъ искусно пряталась, что можно было десять разъ пройти мимо и не увидеть ее. Послѣ полудня, обыкновенно около часу, она вылетала и садилась на верхушку невысокаго дерева, на низкую боковую вѣтвь или на шалаши. Иногда она снималась съ такихъ деревьевъ, которыя казались вовсе не пригодными для того, чтобы спрятаться и гдѣ раньше ее вовсе нельзя было замѣтить. Если она сидѣла на открытомъ мѣстѣ, то всегда пристально смотрѣла внизъ на землю и поворачивалась въ ту сторону, откуда къ ней приближались. Съ шалаша

она могла обозрѣвать значительную часть вырубленного мѣста; поэтому она постоянно сидѣла на немъ, и такъ сверху примяла его, что ни одна соломина не торчала къверху. Если къ совѣ хотѣли подойти сзади, когда она тамъ сидѣла, то она не улетала, но и не переставала слѣдить за приближающимся человѣкомъ и тотчасъ поворачивалась. Она подпускала къ себѣ шаговъ на 10, даже на 6, и очень мало обращала вниманія, если въ нее бросали камнями, только съ удивленіемъ поглядывала на пролетавшіе мимо камни; когда въ нее разъ попали, она подлетѣла вверхъ метра на два и снова усѣлась на мѣсто. Все это, кажется, ясно доказываетъ, что ея настоящее мѣстожителство находится въ совершенно необитаемыхъ странахъ, такъ какъ она вовсе не знакома съ главнымъ врагомъ всѣхъ животныхъ и не знаетъ, что онъ способенъ причинить вредъ даже издалека. Мы никогда не попадались птица, которая такъ мало боялась бы человѣка, будучи совершенно здоровой и бойрой, какъ эта сова.

«Если ей удастся поймать одну или двѣ мыши, то она отправляется на покой и поэтому ея не видно уже болѣе до наступленія вечернихъ сумерекъ; но если ей не посчастливилось на охотѣ, то она подкарауливаетъ добычу до самаго наступленія ночи и даже позднѣе. Меня удивляло, что я находилъ иногда на порубкѣ ея пометъ, но не около шалаша; между тѣмъ она просиживала на немъ ежедневно по нѣскольку часовъ. Я предполагаю, что она нарочно не испражняется въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ подкарауливаетъ мышей, чтобы не спугнуть ихъ. Полетъ ея легкій и быстрый, очень похожъ на полетъ перепелятника. Подобно ему она поочередно то быстро машетъ крыльями, то паритъ, вовсе не двигая ими. Однако она держитъ ихъ такъ-же, какъ и другія совы, и уже издали въ ней можно признать сову по толстой головѣ. Если ее преслѣдуютъ, то она рѣдко летаетъ далеко, часто лишь шаговъ на 50, 60, 100; я видѣлъ, какъ она отлетала шаговъ на 300—400 только въ томъ случаѣ, если на нее сильно напали вороны. Когда вороны клевали ее, она издавала громкое долгое «эх», вродѣ мяуканья и тотчасъ обращалась въ бѣгство. Въ короткое время она настолько опережала преслѣдователей, что тѣ прекращали погоню. Вѣроятно она живетъ лѣтомъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ вовсе нѣтъ вороны; иначе, если бы она среди бѣла дня грѣлась на открытомъ мѣстѣ, онѣ бы не дали-бы ей покою и ей пришлось-бы вовсе бросить охоту.

«Ястребиная сова отливается отъ многихъ другихъ представителей того же рода уже тѣмъ, что не отыскиваетъ добычу, т. е. не старается схватить ее, пролетая низко надъ землею. Напротивъ, она, подобно различнымъ видамъ сорокопутовъ, поджидаетъ ее, сидя на мѣстѣ. Поэтому она должна была поселиться въ такихъ мѣстахъ, гдѣ мышей очень много. Это то и было на упомянутой выше порубкѣ. Всѣ кочки были тамъ до того изрыты мышинными норами, что стали похожи на рѣшето. Другаго такого мѣста въ нашихъ лѣсахъ я не знаю, и это совершенно объясняетъ замѣчательную и упорную привязанность совы къ этой порубкѣ и находящемуся тамъ шалашу. Она выбираетъ слѣдовательно невысокіе предметы, съ которыхъ можетъ свободно видѣть значительное пространство вокругъ себя, чтобы тотчасъ замѣтить и схватить вылетающую мышъ. Разъ мы наблюдали, какъ она охотилась. Ее спугнули съ шалаша, который служилъ ей конечно самымъ лучшимъ наблюдательнымъ пунктомъ, и она усѣлась на верхушку ели, вышиною около 15 м. Оттуда сова вдругъ бросалась внизъ на землю, и по писку мышши мы узнали, какъ ловко она схватила свою добычу; тотчасъ вслѣдъ затѣмъ она поднялась съ комомъ травы въ лапахъ и понесла пойманную мышъ къ близко стоявшимъ высокимъ соснамъ, гдѣ и скрылась отъ глазъ. Безъ сомнѣнія, она съѣла тамъ свою добычу. Такъ какъ она, подобно своимъ родичамъ, глотаетъ ее почти цѣликомъ, то

ей незачѣмъ дѣлать это на землѣ. Я увѣренъ, что на охотѣ она столько-же пользуется своимъ тонкимъ слухомъ, какъ острымъ зрѣніемъ. Мышь, которую она схватила у насъ на глазахъ, находилась отъ нея на разстояніи по крайней мѣрѣ 25 шаговъ и была скрыта въ высокой травѣ. Очевидно она сначала услышала незначительный шорохъ, когда мышь бѣжала въ сухой травѣ, и тогда только обратила свой взглядъ въ эту сторону и замѣтила добычу».

Въ неволѣ этой совѣ давали въ пищу домашнихъ мышей. Она сначала откусывала имъ голову и сѣдала ее, а затѣмъ проглатывала все остальное. Охотнѣе всего она ѣла на такихъ мѣстахъ, гдѣ ея хвостъ могъ свободно свѣшиваться; однако она ѣла свою пищу и сидя на землѣ. Ночью она выбрасывала кости и волоса въ видѣ погадокъ.

«Ястребинная сова», заканчиваетъ мой отецъ, «бьется сильной вьюги. 14-го декабря 1820 г. шель очень большой снѣгъ при сильномъ вѣтрѣ; тѣмъ не менѣе остальные птицы отирались отыскивать пищу. Зимующіе здѣсь виды дроздовъ были въ движеніи, воробьи, горные вьюрки, чижи и стернатики, синицы, поползни и пищухи искали пищи, даже одинъ полевой жаворонокъ бѣгалъ и леталъ по сжатымъ полямъ. Но наша сова показала лишь послѣ 12 часовъ, сѣла на низкую боковую вѣтвь, увидѣла, что погода ужасна, и снова спряталась въ густой ели. Послѣ 2-хъ часовъ снѣгъ пересталъ идти; красивая птица снова показалась, сѣла на верхушку ели и хотѣла начать охоту. Я застрѣлилъ ее, такъ какъ успѣлъ уже достаточно сдѣлать надъ нею наблюденій и боялся, что она скоро покинетъ наши мѣста. Я нашелъ, что голова ея была покрыта снѣгомъ, который примерзъ сосульками къ темнымъ перьямъ».

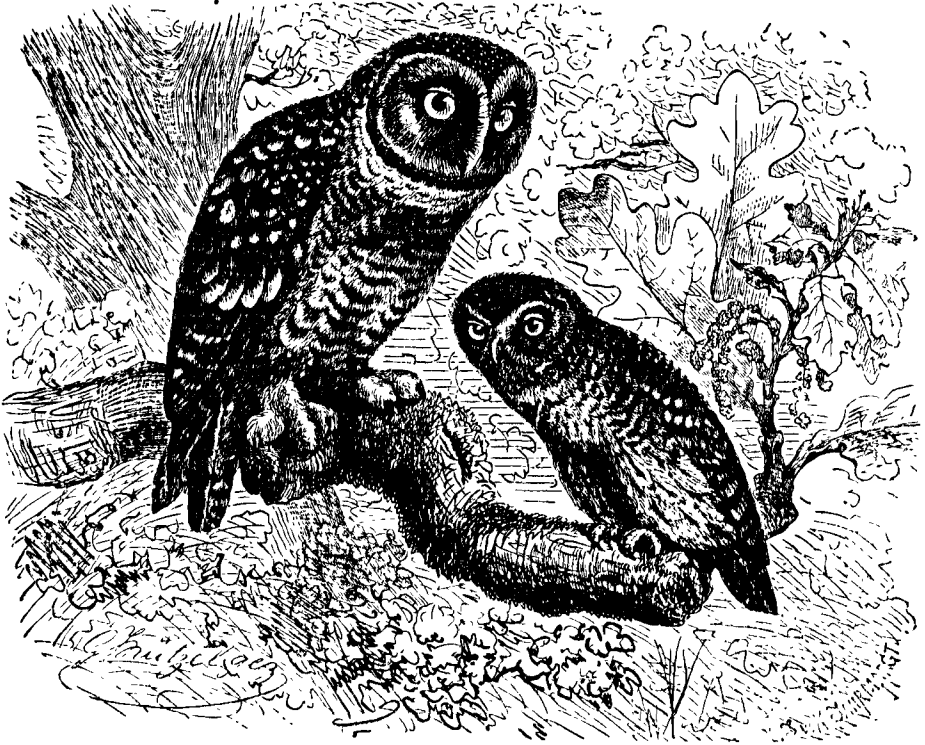
* *

Обыкновенный **Сычъ**, (*Nyctala tengmalmi, dasypus, richardsoni, baedeckeri, kirtlandi, albifrons, pinetorum, abietum, planiceps, frontalis* и *minor, Strix tengmalmi, albifrons, dasypus* и *frontalis, Ulula funerea, Aegolius, Athene, Noctua* и *Syrnium tengmalmi. Rauchfusskaucz. Cheveche perlée*), котораго находятъ въ Германіи повсюду, но который нигдѣ часто не встрѣчается, такъ похожъ на домашнего сырина, что легко смѣшать обѣихъ этихъ птицъ. Отличительными признаками его служатъ: очень широкая голова съ чрезвычайно большими ушными отверстиями и полнымъ вѣнчикомъ перьевъ на лицѣ, закругленные крылья, довольно длинный хвостъ, короткія ноги, покрытыя необыкновенно густыми и длинными перьями, и мягкое, щедковистое опереніе. Вѣнчикъ бѣловато-сѣрый съ черной тушевкой, верхняя сторона тѣла мышино-сѣраго цвѣта и разрисована большими бѣловатыми пятнами, нижняя сторона бѣлая съ ясными и затушеванными мышино-бурыми поперечными пятнами. Маховыя и хвостовыя перья мышино-сѣрыя съ бѣлыми разорванными поперечными полосками, 5—6 которыхъ находятся на рулевыхъ перьяхъ. Клювъ рогового желтаго цвѣта, глаза ярко-золотисто-желтаго. Молодые птицы одноцвѣтные кофейно-бураго цвѣта, на крыльяхъ и хвостѣ съ бѣловатыми пятнами. Длина равна 23—25 см., размахъ крыльевъ 56, длина крыла 18, а хвоста 11 см.

Сѣверная и средняя Европа, сѣверо-западная Азія и Сѣверная Америка отъ Невольничьяго озера до сѣверной границы Соединенныхъ Штатовъ составляютъ, насколько извѣстно до настоящаго времени, область распространенія сыча; но такъ какъ кромѣ того его находили въ Непалѣ, то можно принять, что онъ гораздо шире распространенъ въ Азіи, чѣмъ можно было установить до сихъ поръ, и вѣроятно встрѣчается во всѣхъ болѣе значительныхъ лѣсахъ средней Европы, Азіи и Сѣверной Америки. Въ Германіи онъ живетъ въ каждомъ болѣе значительномъ горномъ лѣсу, но нигдѣ не замѣчается часто и потому всегда принадлежитъ въ кол-

лекціяхъ къ числу рѣдкостей. Насколько извѣстно до сихъ поръ, и онъ оставляетъ лѣсъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Удобное древесное дупло становится центральнымъ пунктомъ его области и парочка очень упорно держится его.

«Это», говоритъ мой отецъ, «одинокая, пугливая птица, боящаяся свѣта и людей, которая заботливо прячется днемъ. Къ дневному свѣту она очень чувствительна. Я держалъ нѣкоторое время живую одну самку, которая была найдена зимою въ лѣсу въ истощенномъ состояніи. Она всегда отыскивала самыя темныя мѣста въ комнатѣ и даже здѣсь открывала глаза лишь немного. Если ее выносили на полный дневной свѣтъ, то она почти совершенно закрывала глаза и когда ее отпускали, она тотчасъ стремилась неуклюжими прыжками къ своему убѣжищу. Она

Сычъ. *Nyctala tengmalmi*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

щелкала клювомъ, какъ другія совы, но не была ни дика, ни свирѣпа. Одинъ изъ моихъ друзей долгое время держалъ живого сыча, который, судя по его разсказу, былъ очень пріятной птицей. Онъ сдѣлался скоро ручнымъ, но щелкалъ клювомъ, если его дразнили, нахохливалъ при этомъ перья и нѣсколько приподнималъ крылья; однако онъ далеко не прижимался такъ низко къ землѣ, какъ филинъ. Мелкихъ мышей онъ проглатывалъ цѣликомъ, но днемъ неохотно; болѣе крупныхъ онъ расклеивалъ, но съѣдалъ и кожу, и выплевывалъ ее обратно въ видѣ погадокъ вмѣстѣ съ запутанными въ ней костями. Двухъ мышей ему было достаточно на день. Сидѣлъ онъ, подобно моему, по большей части нѣсколько втянувъ пятки и съ нѣсколькими разрыхленными перьями».

Мой отецъ имѣлъ случай наблюдать на свободѣ пару, которая гнѣздилась въ темной лѣсной лощинѣ. «Едва начинало смеркаться», разсказываетъ онъ, «какъ птенцы поднимали крикъ. Если къ нимъ приближались, то они замолкали и начи-

нали снова двигаться лишь послѣ того, какъ все успокаивалось и они поэтому не боялись болѣе никакой опасности. Когда они снова начали кричать, я застрѣлилъ одного; онъ сидѣлъ довольно низко около ствола на сухой вѣтви. Старая самка тотчасъ прилетѣла и стала жалобнымъ крикомъ побуждать остальныхъ къ бѣгству. Теперь они молчали долго; наконецъ снова прозвучало ихъ долгое «пип». Я снова подкрался и второй выстрѣлъ убилъ еще одного птенца. Теперь у насъ была пара, но убить третьяго было невозможно: послѣ втораго выстрѣла они далеко улетѣли и молчали такъ долго, что ночная темнота вполне наступила и сдѣлала бесполезнымъ всякое дальнѣйшее преслѣдованіе и охоту. Очень замѣчательно было поведение старой самки. Замѣтивъ опасность, она прижималась всей нижней стороной тѣла къ вѣтви, такъ что ее почти вовсе нельзя было видѣть ни стрѣлять въ нее, такъ какъ вѣтвь достаточно защищала ее отъ выстрѣла. При этомъ она издавала жалобные крики, которые звучали какъ «ви ви ви ви» и были очень похожи на отдаленные стоны человѣка. Мы посѣщали это мѣсто нѣсколько вечеровъ сряду, чтобы застрѣлить остальныхъ птенцовъ или старую самку, но, несмотря на всѣ поиски, не могли снова найти птенцовъ и съ тѣхъ поръ не встрѣчали въ той мѣстности также ни одного взрослого сына».

Впослѣдствіи моему отцу посчастливилось продержатъ нѣсколько недѣль въ неволѣ пойманнаго сына. Эта птица скоро привыкла къ людямъ, но проводила, пока еще находилась въ комнатѣ, почти весь день въ самомъ темномъ углу и выходила оттуда лишь вечеромъ. Въ это время сычъ прыгалъ и порхалъ по своему помѣщенію и былъ крайне бодръ. Сначала онъ ѣлъ лишь ночью, но когда потомъ его стали кормить только днемъ, онъ привыкъ къ свѣту, который прежде былъ ему столь ненавистенъ, а подъ конецъ вовсе и не искалъ болѣе своей темной клѣтки. Онъ бралъ предлагаемую пищу у моего отца изъ рукъ обыкновенно лапами, рѣдко клювомъ, уносилъ добычу въ уголь и покрывалъ ее собою, при чемъ нахохливалъ всѣ перья. Онъ тоже пилъ лишь немного, но часто купался, въ теплую погоду почти ежедневно. Въ сильный холодъ онъ мерзъ и охотно садился тогда на землю, пригнувъ ноги къ тѣлу, чтобы согрѣться. Его голось, звучащій какъ слабій собачій лай «ва ва ва», слышался главнымъ образомъ въ утреннія и вечернія сумерки.

Сычъ тоже гнѣздится въ дуплахъ деревьевъ и кладетъ въ апрѣлѣ или маѣ 3—4 яйца, которыя меньше и имѣютъ болѣе нѣжную скорлупу, чѣмъ яйца домоваго сирена, имѣющаго приблизительно тотъ-же ростъ, какъ и сычъ.

Мыши составляютъ и для сына любимую дичь: между прочимъ онъ ловитъ и землероекъ, и насѣкомыхъ, а при случаѣ также мелкихъ птицъ и летучихъ мышей. Что онъ не вытаскиваетъ послѣднихъ изъ ихъ убѣжищъ, какъ полагаетъ Науманъ, а ловитъ ихъ на лету, можно считать доказаннымъ на основаніи наблюденій, сдѣланныхъ мною надъ другой совой, именно сплюшкой (*Pisoghina scops*).

Ричардсонъ говоритъ, что свѣтъ такъ ослѣпляетъ сына, что его можно взять руками, а Гадамеръ увѣряетъ, что одному сычу, котораго нашли днемъ, легко надѣли петлю съ помощью палки. Я оставляю нерѣшеннымъ, можно ли буквально принимать эти указанія; вѣрно одно — что слычей вовсе не такъ легко добыть. Обыкновенно даже капканы и прутья, намазанные клеемъ, поставленные передъ входомъ въ гнѣздо, не достигаютъ цѣли. Изъ ружья, конечно, легче убить эту птицу, если посчастливится увидѣть ее. Кромѣ человѣка лишь немногія животныя могутъ становиться опасными для него, именно ласка и другіе грабители гнѣздъ — для молодыхъ, а болѣе крупныя совы, быть можетъ, и для старыхъ птицъ. Мелкія птицы ненавидятъ и дразнятъ также и его.

Птицей Минервы былъ сиринъ и именно домовый сиринъ, хотя и не тотъ, который живетъ у насъ, а одинъ изъ многихъ родичей этой птицы, одинъ изъ наиболѣе близкихъ къ нему видовъ, который необыкновенно часто встрѣчается въ Греціи. **Сирины** (*Carine*, *Steinkäuze*, *Chouettes*)—маленькія совы съ головою средней величины, короткимъ, сжатымъ съ боковъ, сильно согнутымъ отъ основанія клювомъ съ довольно короткимъ крючкомъ и безъ зубцовъ, довольно длинными ногами, толстыми и сильно вооруженными пальцами, короткими, закругленными крыльями, которыя достаютъ развѣ до второй трети тоже короткаго, на концѣ прямо усѣченнаго хвоста, и въ которыхъ третье маховое перо самое длинное. Ушное отверстие мало, вѣнчикъ поэтому менѣе явственъ, хотя и замѣтнѣе, чѣмъ у другихъ дневныхъ совъ. Опереніе прилегаютъ довольно плотно къ тѣлу, и ноги скудно оперены: пальцы покрыты даже лишь перышками, похожими на волоса.

Нашъ **Сиринъ домовый**, **Сычъ домовый** (*Carine noctua*, *Athene noctua*, *Strix noctua* и *psilodactyla*, *Surnia noctua*, *Surnia psilodactyla*, *Steinkauz*, *Chouette commune*) птица привлекательная, но тѣмъ не менѣе пользующаяся очень дурною славой, принадлежитъ къ числу болѣе мелкихъ совъ нашего отечества. Длина его равна 21—22, размахъ крыльевъ 52—55, длина крыла 14, а хвоста 8 см. Верхняя сторона тѣла темнаго мышино-сѣро-бураго цвѣта съ неправильными бѣлыми пятнами, лицо сѣровато-бѣлое; нижняя сторона бѣловатая, съ бурными продольными пятнами до заднепроходнаго отверстія; маховыя и хвостовыя перья, которыя одного цвѣта, съ верхней стороны испещрены ржаво-желтовато-бѣлыми пятнами, благодаря чему на хвостѣ образуется пять неясныхъ поперечныхъ полосъ. Глаза сѣрно-желтаго цвѣта, клювъ зеленовато-желтаго, ноги желтовато-сѣраго. Молодыя птицы темнѣе старыхъ.

На югѣ Европы къ нему присоединяется, а въ Палестинѣ, Аравіи, Персіи и всей сѣверной Африкѣ замѣняетъ его **Сиринъ пустынный** (*Carine glaux* и *meridionalis*, *Athene glaux*, *indigena*, *meridionalis* и *persica*, *Strix persica*, *numida*, *nilotica*, *pharaonis*, *Noctua glaux*, *meridionalis* и *veterum*, *Wüstenkauz*, *Chouette glauque*), который отличается отъ него нѣсколько меньшей величиной, болѣе блѣдной, какъ бы выцвѣтшей окраской и неясными, иногда почти совершенно исчезающими пятнами, а потому и считается нѣкоторыми орнитологами лишь за разновидность.

Начиная съ южной Швеціи, сиринъ распространенъ по всей Европѣ и большей части Азіи до Восточной Сибири. Онъ населяетъ всю Германію, Данію, Голландію, Бельгію, Францію, Испанію, Австро-Венгрію, южную Россію, страны по Дунайской низменности и Турцію, а также южную Сибирь и Туркестанъ, встрѣчается не вездѣ въ одинаковомъ количествѣ, но чѣмъ дальше на югъ, тѣмъ чаще, и принадлежитъ на всѣхъ трехъ южныхъ полуостровахъ Европы къ самымъ обыкновеннымъ хищнымъ птицамъ. На испанскихъ горахъ онъ поднимается до 2000 ш., но спускается ниже при наступленіи зимы. Въ Германіи онъ не принадлежитъ къ числу рѣдкихъ птицъ. Тамъ, гдѣ плодовые сады съ высокими деревьями окружаютъ деревни, онъ встрѣчается почти всегда, но онъ селится и среди города, на башняхъ и чердакахъ, въ подвалахъ, склепахъ и другихъ удобныхъ мѣстахъ. Внутри большихъ лѣсовъ онъ не селится, хвойные лѣса онъ тоже не любитъ, напротивъ, роицы очень нравятся ему. Людей и ихъ движенія онъ не боится. День онъ проводитъ, спрятавшись въ своемъ убѣжищѣ, а ночью человѣкъ, несмотря на наше просвѣщеніе, часто боится сына больше, чѣмъ этотъ послѣдній человѣкъ. Въ высшей степени смѣшно, что мы и теперь еще не ушли дальше нѣкоторыхъ индѣйскихъ

племень, которыя видятъ въ сычѣ сверхъестественное существо и благодаря этому часто позволяютъ обманывать себя болѣе умнымъ людямъ. Во многихъ мѣстностяхъ Германіи эта дѣйствительно очень привлекательная птица считается существомъ, предвѣщающимъ несчастье. Многіе не даютъ себѣ труда испытать сами, а вѣрятъ тому, что рассказываютъ глупыя бабы. Онѣ, видите, своими глазами видѣли, какъ сычъ подлеталъ ночью къ окну комнаты больныхъ, и слышали собственными ушами, какъ онъ приглашалъ больныхъ явиться на кладбище, понятно, въ видѣ труповъ. Основательно и вѣрно то, что эта безобидная птица, привлеченная свѣтомъ, подлетаетъ къ освѣщеннымъ комнатамъ, усаживается изъ любопытства на подоконникъ и, быть можетъ, издаетъ при этомъ даже и свой неприятный крикъ. Такъ какъ сирина кричитъ то тихо и какъ бы въ полголоса «бу бу», то громко

Сиринъ домовый. *Scapine postua*. 2/3 наст. вел.

и рѣзко «квев квев кебель кебель», то наконецъ «кувитт кувитт», то народъ переводитъ себѣ эти звуки, и именно послѣдніе, по своему и совершенно ясно слынить въ нихъ «komm mit, komm mit auf den Kirchhof, hof, hof» (пойдемъ вмѣстѣ на кладбище) или «komm mit, komm mit, bring Schipr und Spaten mit» (пойдемъ вмѣстѣ, пойдемъ вмѣстѣ, принеси съ собою заступъ и лопату) и это достаточное основаніе для того, чтобы относиться къ сычу съ отвращеніемъ. Уже въ южной Европѣ никому не приходитъ въ голову смотрѣть на сыча неблагосклонно. Онъ тамъ такъ обыкновененъ, что съ нимъ познакомились, а благодаря этому онъ сталъ тамъ любимцемъ и старого и малаго. Въ Италіи всѣ его любятъ и даже заботятся о немъ, въ Греціи онъ еще и теперь считается высоко одаренной птицей и пользуется тамъ такимъ почетомъ, что королю Оттону при его первомъ приѣздѣ вручили живого сирина въ качествѣ привѣтственнаго подарка. Не менѣе цѣнятъ

его въ Палестинѣ, гдѣ его считаютъ птицей, предвѣщающей счастье, никогда не преслѣдуютъ, а напротивъ охраняютъ и заботятся о немъ.

Домовый сиринъ заслуживаетъ симпатіи человѣка. Это очень милое созданіе. Его нельзя считать настоящей дневной совою, но онъ не такъ боится свѣта, какъ другія совы, и умѣетъ очень хорошо управляться днемъ. Онъ никогда не спитъ такъ крѣпко, чтобы его можно было застать врасплохъ; самый незначительный шорохъ будитъ его, а такъ какъ онъ и днемъ превосходно видитъ, то заблаговременно обращается въ бѣгство. Полетъ его состоитъ изъ ряда дугъ, какъ у дятла, но быстръ и позволяетъ сычу съ величайшей ловкостью пролетать сквозь густыя вѣтви. Сидитъ онъ обыкновенно скорчившись, но, увидѣвъ что-нибудь подозрительное, высоко приподнимается, вытягивается, насколько можетъ, дѣлаетъ поклоны, внимательно вглядывается въ интересующій его предметъ и при этомъ кривляется самымъ страннымъ образомъ. Въ его взглядѣ замѣтно что-то хитрое, лукавое, но не злое, а даже привлекательное. Тотъ, кто знаетъ его, пойметъ, что греки могли видѣть въ немъ любимую птицу богини мудрости. Душевные его способности дѣйствительно не ничтожны; его можно считать одною изъ самыхъ умныхъ совъ. Притомъ же онъ уживчивъ по отношенію къ другимъ представителямъ того же вида. Въ южной Европѣ или въ сѣверной Африкѣ его часто встрѣчаютъ обществами.

Уже до заката солнца онъ начинаетъ кричать; при наступленіи сумерекъ онъ обыкновенно принимается за охоту. Въ ясныя ночи можно видѣть его до самаго утра въ почти непрерывномъ движеніи или по крайней мѣрѣ слышать его голосъ. Онъ странствуетъ при этомъ по небольшой области, приближается ко всему, что возбудитъ его вниманіе, охотно облетаетъ костеръ одинокаго охотника или путника или приближается у насъ къ ярко освѣщеннымъ окнамъ и въ такомъ случаѣ страшно пугаетъ суевѣрныхъ людей. Охотится онъ главнымъ образомъ за мелкими млекопитающими, птицами и насѣкомыми. Онъ ловитъ летучихъ мышей, землероекъ и мышей, жаворонковъ, вьюрковъ, кузнечиковъ, жуковъ и т. п. Главной его добычей остаются во всякомъ случаѣ мыши.

Въ апрѣлѣ или маѣ сычъ приступаетъ къ размноженію. Въ это время онъ особенно безпокоенъ, много кричитъ и шумитъ, даже днемъ, какъ бы усердно пригласывая всякаго за нимъ слѣдовать. Настоящаго гнѣзда онъ не строитъ, а выбираетъ подходящее углубленіе въ скалахъ, подъ камнями, въ старыхъ зданіяхъ, деревьяхъ, при недостаткѣ мѣстъ, удобныхъ для гнѣздовья, даже нору кролика, у насъ часто въ непосредственной близости отъ людскихъ жилищъ, на югѣ Европы даже въ самыхъ жилищахъ и кладетъ здѣсь свои 4—7 почти круглыхъ яицъ прямо на землю. Затѣмъ онъ въ теченіи 14—16 дней насиживаетъ такъ усердно, что его едва можно прогнать съ гнѣзда. Науманъ упоминаетъ, что онъ могъ гладить одну высидѣвшую самку и даже вынуть изъ подъ нея одно яйцо и она не взлетѣла. Птенцы выкармливаются мышами, мелкими птицами и насѣкомыми. Какъ скоро птенцы оперились и въ состояніи оставить гнѣздо, ихъ родители отлетаютъ, по словамъ Робсона, каждый вечеръ на нѣкоторое разстояніе къ какому-нибудь высокому мѣсту, на которомъ можно сидѣть, и кричать громко и рѣзко, вродѣ черныхъ дроздовъ. Они дѣлаютъ это до тѣхъ поръ, пока ихъ птенцы не вылетятъ изъ гнѣзда и не подлетятъ къ нимъ. Тогда они ведутъ ихъ съ собою на волю, если возможно на горы, чтобы приучать ихъ къ самостоятельности, но всегда возвращаются вмѣстѣ съ ними къ утру обратно въ гнѣздо, пока наконецъ молодежь не удалится отъ родителей и не пойдетъ своимъ путемъ.

Тетереvятникъ и перепелятникъ душатъ сирину, когда могутъ его поймать:

ласка таскает его яйца; вороны, сороки, сойки и всѣ мелкія птицы преслѣдуютъ его съ яростнымъ крикомъ. На этомъ основанъ одинъ способъ ловли птицъ, который примѣняется часто въ Италіи. Выставляютъ привязаннаго сирина, а вокругъ него прутья, намазанные клеемъ, на которые во множествѣ ловятся мелкія птицы. «Чтобы не имѣть недостатка въ сиринахъ», разсказываетъ Ленцъ, «итальянцы заботятся о хорошихъ, темныхъ мѣстахъ для высиживанія подѣ крышами своихъ домовъ и объ удобномъ доступѣ къ нимъ. Изъ гнѣздъ берутъ и воспитываютъ лишь столько птенцовъ, сколько нужно для дома или для продажи на рынкѣ; остальныхъ оставляютъ въ покоѣ. Ручные сычи представляютъ собою истинныхъ домашнихъ друзей итальянцевъ, часто свободно ходятъ съ подрѣзанными крыльями по дому, двору и саду, ловятъ всюду мышей; особенно охотно ихъ садятъ въ хорошо огороженные сады, гдѣ они истребляютъ улитокъ и другихъ докучливыхъ животныхъ, не принося съ своей стороны ни малѣйшаго вреда. Если, согласно тамошнимъ нравамъ, сапожникъ, портной, гончарь или другой ремесленникъ работаетъ на улицѣ, то, какъ мнѣ часто случалось видѣть, онъ очень охотно привязываетъ своихъ любимцевъ, 2—4 сычей, около себя къ палкѣ и какъ можно чаще обмѣнивается съ ними нѣжными взглядами. Такъ какъ онъ не всегда можетъ достать мяса для этихъ благонаправныхъ обжоръ, то онъ приучаетъ ихъ при недостаткѣ въ немъ довольствоваться полентой».

Въ Австріи часто употребляютъ сирина («Wichtl», какъ его тамъ называютъ) для охоты и говорятъ, что достигаютъ съ нимъ самыхъ лучшихъ результатовъ. Сиринъ оказываетъ тѣ же услуги при ловлѣ мелкихъ птицъ, какъ филинъ при охотѣ на соколовъ. Каждая птица, которая сознаетъ въ себѣ достаточную ловкость, навѣрное явится около ненавистнаго существа, чтобы дразнить его и издѣваться надъ нимъ. Сойки и сорокопуты задѣваютъ его часто очень чувствительно. Последніе, при видѣ его забываютъ весь страхъ, прилетаютъ одинъ за другимъ часто издали и не улетаютъ даже тогда, когда увидятъ что тотъ или иной изъ товарищей испыталъ печальную участь. Прежніе голландскіе соколятники добывали сорокопутовъ, необходимыхъ для ловли соколовъ, всегда съ помощью сыча.

Самая изящная и привлекательная изъ нашихъ совъ, — **Сова—малютка, Сычь воробей, Сычь—малютка, Сиринъ воробинный** (*Carine passerina*, *Glaucidium passerinum*, *pygmaeum* и *microrhynchum*, *Strix passerina*, *pusilla*, *pygmaea* и *acadica*, *Athene*, *Surnia*, *Noctua* и *Microptynx passerina*. *Zwergeule*. *Cheveche rousse*). Это милостивое животное отличается прежде всего своей очень малой величиною. Тѣло вытянуто, голова мала, клювъ большой, сильно согнутый, съ зубцомъ и выемкой на краю верхней челюсти, ноги короткія и густо оперены, крылья короткія, третье и четвертое маховыя перья длиннѣе другихъ, хвостъ средней длины, опереніе менѣе мягко, чѣмъ у другихъ совъ, вѣнчикъ перьевъ на лицѣ не явственный. По измѣреніямъ моего отца длина самца равна 17 см., размахъ крыльевъ 41, длина крыла 9, длина хвоста до 6 см.; самка приблизительно на 2 см. длиннѣе и размахъ крыльевъ на 4 см. больше. Опереніе на верхней сторонѣ мышино-сѣраго цвѣта съ бѣлыми пятнами, на нижней сторонѣ бѣлое и испещрено бурными продольными пятнами; лицо бѣловато-сѣрое и, какъ выражается мой отецъ, «оттушено болѣе темнымъ цвѣтомъ». Хвостъ разрисованъ четырьмя, крылья многими бѣлыми поперечными полосками; радужная оболочка ярко-желтая, клювъ рогового желтаго цвѣта. Самка нѣсколько длиннѣе самца и отличается двумя болѣе темными дугообразными линіями подѣ глазами. У птенцовъ преобладаетъ буршій цвѣтъ.

Сова-малютка тоже обыкновеннѣе на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ; но область распространенія ея простирается отъ Норвегіи до Восточной Сибири и отъ сѣверной границы лѣсовъ до широты сѣверной Италіи. Она не рѣдка въ горныхъ лѣсахъ Скандинавіи, а въ лѣсахъ Россіи даже обыкновенна, но живетъ постоянно и вѣроятно вовсе не такъ рѣдко, какъ принимаютъ, и въ Германіи, именно ее не разъ убивали; а также ловили въ восточной и западной Пруссіи, Помераніи, Силезіи, Саксоніи, Тюрингіи, Ганноверѣ, Баваріи и Вюртембергѣ. Кромѣ того ее находили въ Швейцарскихъ, Штирійскихъ и Итальянскихъ Альпахъ, на Кавказѣ и въ горахъ Малаго Хингана на берегахъ Амура.

Въ Скандинавіи она иногда часто показывается на низменностяхъ. Глубокій снѣгъ прогоняетъ ее изъ лѣсовъ и заставляетъ приблизиться къ деревьямъ. Гадамеръ во множествѣ видѣлъ ее зимою 1843 г. въ южномъ Шоненѣ; Коллеттъ считаетъ ее послѣ сѣрой совы самой обыкновенной совою въ окрестностяхъ Христианіи. Въ теченіи лѣта ее встрѣчаютъ и уъ лиственныхъ, и въ хвойныхъ лѣсахъ; зимою, напротивъ, она охотно держится по близости селеній и, если въ это время года идти вечеромъ черезъ дворцовый садъ въ Христианіи, то можно часто слышать ея короткое, рѣзкое «исс», похожее на зовъ дрозда, и замѣтить, что съ одного изъ ближайшихъ деревьевъ раздается отвѣтъ. Въ Остерготтии она населяетъ обширные лѣса въ такомъ значительномъ количествѣ, что Лундбергъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ видѣлъ болѣе 100 штукъ убитыхъ совъ этого вида. Всѣ жители лѣсовъ знаютъ по крайней мѣрѣ ея зовъ, свистящій звукъ, похожій на «хи» или «хо», который доставилъ ей названія *grippen* или *уключина* и *hjulealen* или *подшипникъ*, такъ какъ ея свистъ сравниваютъ со скрипомъ весла или немазаннаго колеса. Кромѣ этого однозвучнаго голоса сова-малютка издаетъ также слоги «хи ху ху ху»; послѣдніе можно услышать лишь очень близко; она кричитъ также, особенно въ утренніе и вечерніе сумерки, «хи хи хи хи», равномерно растягивая всѣ слоги, или, «тивют тивют тивют тивют». Зимою можно слышать ея крикъ уже передъ сумерками, но не послѣ наступленія дня. Какъ и другихъ совъ, ее можно приманить, подражая ея голосу, и заставить такимъ образомъ слѣдовать за передразнивающимъ ее человѣкомъ на разстояніи 1000 шаговъ и болѣе. Полетъ ея такъ беззвученъ и она такъ быстро садится на вѣтвь, что часто долго летаетъ вокругъ человѣка, прежде чѣмъ онъ замѣтитъ ее. Въ серединѣ лѣта она охотится лишь ночью, не ранѣе 4 часовъ пополудни, и всего усерднѣе въ сумерки. По отношенію къ своей малой величинѣ она энергическая, столь-же ловкая, какъ и смѣлая хищная птица. Она убиваетъ мышей, пеструшекъ, летучихъ мышей и другихъ мелкихъ млекопитающихъ, а прежде всего птицъ даже такой-же величины, какъ она сама, ловитъ летающую или бѣгающую, а также и сидящую добычу и преслѣдуетъ воробьевъ часто до самыхъ сѣней жилыхъ зданій. Человѣка она мало боится, поэтому ее легко застрѣлять, когда она сидитъ, или поймать во всякаго рода ловушку съ приманкой.

Поведеніе ея наглядно описываетъ Рейхеновъ въ письмѣ ко мнѣ: «Въ солнечные, хорошіе дни я слышу иногда на опушкахъ и въ лѣсахъ окрестностей Мисбаха протяжный птичій крикъ, который можно приблизительно передать словомъ »внит«. Уже въ первый разъ, когда я услышалъ этотъ голосъ, онъ возбудилъ мое вниманіе, такъ какъ я не могъ приписать его ни одной изъ дневныхъ птицъ; сходство его съ извѣстнымъ «кувит» слыча заставляло меня думать, что онъ принадлежитъ совѣ; но лишь спустя долгое время мнѣ удалось ясно видѣть эту птицу и наблюдать ея поведеніе. Въ одинъ прекрасный ноябрьскій день я замѣтилъ маленькую сову на высокой вѣтви дуба, стоящаго посреди лѣсной поляны, заросшей низкимъ кустарникомъ, недалеко отъ окраины луга. Она сидѣла тамъ вертикально,

наохливъ перья, спокойно грѣясь на солнцѣ и всовывая то тутъ, то тамъ свою изщипанную головку съ ясными соколиными глазками въ перья, чтобы привести ихъ въ порядокъ. Охотничье чувство побѣдило во мнѣ удовольствіе наблюдать, я прицѣлился изъ своего ружья, заряженнаго средней дробью, выстрѣлилъ и промахнулся. Сова поднялась правда тотчасъ послѣ выстрѣла, но лишь затѣмъ, чтобы перемѣститься на стоявшій едва въ 30 шагахъ оттуда букъ: полетъ ея походилъ на соколинный. Здѣсь она стала пресмѣшно поворачиваться во всѣ стороны, дѣлая поклоны, постоянно быстрыми размахами высоко поднимая вверхъ и опуская внизъ свой короткій хвостъ, точно такъ, какъ дѣлаетъ веселая горихвостка. Продѣлавъ различныя движенія, которыя можно было-бы скорѣе приписать попугаю, чѣмъ совѣ, напримѣръ, смѣшно и совершенно безцѣльно побѣгавъ бокомъ вправо и влѣво по горизонтальной вѣтви, короче, проявивъ величайшую живость, она вдругъ соскользнула съ мѣста и сѣла на верхушку, лишеннаго вѣтвей, сухого дубоваго ствола, вышиною около 8 м., сломаннаго ударомъ молніи. Здѣсь она приняла для разнообразія совершенно иное положеніе, чѣмъ прежде; она очень плотно прижала перья къ тѣлу, но такъ сильно раздула шею и лицо, что голова ея приняла почти четырехугольную форму; она внимательно, какъ казалось, осматривалась во всѣ стороны, наохливала и снова плотно прижимала головныя перья, но почти вовсе не обращала вниманія на мое присутствіе, и все косилась внизъ на землю. Вдругъ она неслышно поднялась и, какъ лунь, скользнула надъ землею; нѣсколько секундъ спустя запищала полевая мышь и маленькій хищникъ съ настоящимъ торжествующимъ крикомъ «дахитт хитт хитт» перелетѣлъ, держа мышь въ лапахъ, къ близкой вѣтви молодого дуба, возвышавшейся приблизительно на 3 м. надъ землею; тамъ онъ окончательно умертвилъ свою жертву ударами клюва. Затѣмъ сова сѣла надъ добычей, полураспустивъ крылья и опустивъ ихъ книзу, и наохливъ перья, причѣмъ казалась почти вдвое больше, чѣмъ прежде, и навѣрное безъ страха проглотила бы ее у меня на глазахъ, если-бы я во время не застрѣлилъ ее».

Вслѣдствіе нападеній на мелкихъ птицъ сова-малютка, гдѣ она показывается, служитъ, по словамъ Глогера, предметомъ любопытства и вмѣстѣ ненависти, но также и страха для всѣхъ болѣе мелкихъ птицъ. Каждое движеніе маленькаго врага обращаетъ ихъ тотчасъ въ послѣднее бѣгство. «Воробьиная сова соединяетъ», продолжая словами того-же естествоиспытателя, «красивую посадку, ловкость, рѣшительный, смѣлый характеръ и всѣ болѣе главныя черты характера дневной совы съ удивительнымъ шутовствомъ и кривляньемъ ночной».

Въ то время, когда происходитъ тяга вальдиннеповъ, сова-малютка приступаетъ къ размноженію. Она гнѣздится въ древесныхъ дуплахъ и именно въ отверстіяхъ, выдолбленныхъ дятлами. Изслѣдованное моимъ отцомъ гнѣздо было, къ сожалѣнію, покинуто, устроено въ дуплѣ бука и состояло изъ мха и нѣсколькихъ сухихъ буковыхъ листьевъ, уложенныхъ лучше, чѣмъ въ другихъ совиныхъ гнѣздахъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ воробьиный сиринъ выводилъ птенцовъ два лѣта сряду на очень старомъ грушевомъ деревѣ въ саду, окружавшемъ родной домъ Либе; гнѣздо помѣщалось въ срединѣ ствола въ маленькомъ отверстіи, въ вѣтвей прикрѣпленія вѣтви, между тѣмъ какъ выше въ болѣе крупныхъ дуплахъ вѣтвей жили два семейства скворцовъ. Кромѣ того сова-малютка гнѣздилась въ Обердла около Альтенбурга и такимъ образомъ для одной восточной Тюрингіи извѣстны три случая вывода птенцовъ этой птицей. Что ее можно причислить къ птицамъ, выводящимъ птенцовъ и въ другихъ мѣстностяхъ Германіи, не подлежитъ сомнѣнію. Бѣлыя яйца ея длиною 31 м.м., шириною 25 м.м., продолговато-округлы, очень вздуты, имѣютъ мелкія поры, толстую и гладкую скорлупу.

Съ тѣхъ поръ, какъ я знаю описаніе жизни въ неволѣ совы-малютки, сдѣланное моимъ отцомъ, моимъ сердечнымъ желаніемъ было держать въ неволѣ одну изъ этихъ хорошенькихъ птицъ, но, къ сожалѣнію, мнѣ это не удалось. Сова-малютка, жившая у моего отца, была помѣщена въ обширномъ, но хорошо запертомъ чердакѣ. «Входя туда», говоритъ мой отецъ, «я никогда не видѣлъ ее сразу и долженъ былъ долго искать прежде, чѣмъ находилъ ее. Обыкновенно она сидѣла въ углу или тамъ, гдѣ прибитыя одна на другую доски образовали у фронтона углубленія; она такъ втискивалась въ нихъ, что ее едва можно было найти. Она стояла при этомъ совершенно прямо, облокотившись спиною къ стѣнѣ; приближая всѣ перья къ тѣлу, она дѣлала его очень тонкимъ, и нахохливалась при этомъ боковыя перья головы, такъ что она казалась шире тѣла, и держалась такъ спокойно, что надо было очень тщательно всматриваться, чтобы замѣтить ее. Она сильнѣе расширяла зрачки, чѣмъ сычъ, и всегда пристально устремляла ихъ на того, кто входилъ въ ея помѣщеніе. Если къ ней приближались, она нахохливалась всѣ перья, что придавало очень странный видъ этой маленькой птицѣ, и въ значительной степени напоминало лягушку, которая въ баснѣ хотѣла поравняться съ воломъ. При этомъ она отъ времени до времени щелкала клювомъ и кривлялась такъ смѣшно, что на нее нельзя было смотрѣть безъ смѣха. Если ее брали въ руки, то она не бѣсновалась и не наносила ранъ лапами, но кусала клювомъ, что, впрочемъ, было едва чувствительно. Цѣлый день она вела себя совершенно спокойно; но какъ только солнце заходило, она становилась очень бодрой и начинала кричать. Голосъ ея былъ очень похожъ на голосъ другихъ молодыхъ совъ и звучалъ почти какъ долгое, но очень тихое «гих» или «пип», слышное лишь приблизительно на разстояніи 30—40 шаговъ. Днемъ она не ѣла никогда, а только вечеромъ и ночью. Ей было совершенно достаточно на ночь одной большой или двухъ маленькихъ мышей или одной птицы, величиною съ воробья. Это маленькое животное доставляло мнѣ необыкновенно много удовольствія; но такъ какъ я получилъ сову очень исхудалой и истомленной, то даже при самой обильной пищѣ (она получала только мышей и птицъ) мнѣ не удалось сохранить ее живою. Мой другъ Пургольдъ держалъ сову-малютку цѣлый годъ въ своей спальнѣ и рассказывалъ мнѣ слѣдующее. Пока она была еще мала, то кричала и вела себя такъ-же, какъ моя. Она сидѣла весь день подъ кроватью, чтобы не видѣть дневного свѣта, и вела себя совершенно спокойно. Когда она влиняла и, слѣдовательно, сдѣлалась вполнѣ взрослою, то начала очень громко кричать вечеромъ «дажит дажит» и сѣдала предложенную ей пищу, мышей и воробьевъ; у послѣднихъ она выщипывала всѣ большія перья, раздирала ихъ на куски, какъ мышей, начиная съ головы, и проглатывала кусокъ за кускомъ. Всю ночь она снова была спокойна, но крайней мѣрѣ если ей дали вечеромъ поѣсть; но къ утру, еще прежде чѣмъ наступали сумерки, крикъ возобновлялся и такъ сильно, что мой другъ уже не могъ долѣе спать. Такимъ образомъ эта птица была его будильникомъ, который никогда не ошибался и не позволялъ Пургольду прозѣвать утреннюю охоту на глухарей или другую дичь. Эта сова-малютка также выбрасывала обратно волосы, перья и кости въ видѣ погадокъ.»

О третьей совѣ-малюткѣ, которую держали въ неволѣ, рассказываетъ Гадамеръ. «Это беспокойная птица и въ этомъ отношеніи вовсе не сказывается ея совиная природа: цѣлый день она въ движеніи, лазая по клѣткѣ, какъ попугай, съ помощью клюва и ногъ. Она становится очень ручной, беретъ изъ рукъ маленькихъ застрѣленныхъ птицъ и поѣдаетъ ихъ, даже если стоять около нея. Если она видитъ собакъ или кошекъ, то нахохливается перья, и тогда надъ глазами у нея показываются также маленькія щетинистыя перья или возвышенія». Четвертая,

которую держаль Сиверсъ, уже черезъ 14 дней стала на столько ручной, что позволяла гладить и брать себя въ руки, не дѣлая и попытки улетѣть. «Птицу или мышь, которую ей даютъ,» пишетъ мнѣ названное лицо, «она беретъ изъ руки, но съ возможной поспѣшностью уноситъ добычу въ снабженный отверстіемъ обрѣзокъ древеснаго ствола, который я поставилъ ей въ клѣтку. Она кривляется крайне смѣшнымъ образомъ, если я поверну этотъ обрѣзокъ ствола отверстіемъ отъ нея и затѣмъ дамъ ей мышь. Дѣлая непрерывно поклоны, она поворачиваетъ голову во всѣ стороны, чтобы найти отверстіе; счастливо найдя его наконецъ, она быстро влетаетъ туда и, если къ ней заглядываютъ сверху, то щелкаетъ клювомъ въ сознаніи своей безопасности, но скоро успокаивается и принимается за ѣду.» Пятая, о которой мнѣ сообщаетъ Бемъ, жила отлично, правильно получая въ пищу мышей и воробьевъ, тоже скоро освоилась въ клѣткѣ, прыгала, правда нѣсколько неловко, но бодро по жердочкамъ, скоро стала ѣсть въ присутствіи своего хозяина. Но при приближеніи незнакомаго забивалась въ самый темный уголь клѣтки и пристально слѣдила оттуда за каждымъ движеніемъ незнакомца. Она охотно съѣдала въ день нѣсколько воробьевъ, начинала всегда ѣсть съ головы и оставляла лишь маховыя и рулевыя перья. Когда Бемъ сажалъ ей въ клѣтку живыхъ воробьевъ, она оставалась сначала спокойной и неподвижной, очевидно сознавая, что ей мѣшаетъ тѣснота; этимъ она успокаивала воробьевъ и когда тѣ мирно сажались около нея на жердь или на полъ клѣтки, внезапно бросалась на ничего не подозревавшую жертву, хватала ее лапами и быстро убивала ее ударами клюва.

* * *

Пещерныя совы (*Speotyto. Hohleneulen. Chouettes des terriers*), близкіе родичи домовыхъ сиряновъ, едва больше ихъ и отличаются отъ нихъ особенно очень высокими, короткопалыми ногами. Голова средней величины и круглая, глаза большіе, клювъ нѣсколько вытянутъ, слегка выпуклый по спинкѣ, съ крючкомъ средней величины и нижней челюстью съ тупымъ концомъ и небольшою выемкой съ обѣихъ сторонъ передъ кончикомъ. Крылья сильныя и длинныя, но закругленныя; четвертое маховое перо самое длинное; хвостъ короткій и прямо усѣченный; плюсны высокія и тонкія, оперенныя лишь очень скудно и только спереди, между тѣмъ какъ стороны ихъ и подошва покрыты гладкой кожей. Ноги покрыты неровными чешуйками, усажены отдѣльными щетинкообразными перьями и вооружены слабо согнутыми когтями. Опереніе прилегаетъ довольно плотно, состоитъ изъ мелкихъ перьевъ, но мягко и шелковисто. Вѣнчикъ перьевъ на лицѣ малъ и слабо развитъ, кольцо вокругъ глаза развито лишь назадъ и внизу.

Въ Южной Америкѣ живетъ **Куруйе** бразильцевъ или **Кроликовая сова** (*Speotyto cunicularia, Strix cunicularia и grallaria, Noctua cunicularia, grallaria и urucurea, Athene cunicularia и dominicensis, Nyctipetes и Pholeoptynx cunicularia. Kainicheneule. Chouette lapin*). Опереніе ея на верхней сторонѣ красновато-сѣро-бурое и испещрено предолговато-округлыми бѣлыми крапинами; подбородокъ и брови бѣлыя; нижняя часть шеи красновато-желтая съ сѣро-бурыми пятнами, грудь сѣро-бурая съ желтыми пятнами, нижняя часть брюха желтовато-бѣлая безъ пятенъ. Глаза желтыя, клювъ блѣдно-зеленовато-сѣрый, ноги тоже блѣдно-зеленовато-сѣрыя, но подошва пальцевъ желтоватая. Длина равна 23 см., размахъ крыльевъ 58, длина крыла 16, а хвоста 7 см.

Сѣверо-американская представительница, **Подземная сова** (*Speotyto hypogaea*)

и *socialis*, *Strix hypogaea* и *californica*. *Prairieneule*. *Chouette des prairies*) настолько сходна съ только что описаннымъ видомъ, что лишь очень подробное описаніе обѣихъ можетъ выяснитъ незначительныя различія между ними. Мы тѣмъ болѣе можемъ обойтись безъ такого описанія, что и сами американскіе изслѣдователи не согласны между собою относительно-видового единства или различія подземной и кроликовой совъ. По образу жизни и нравамъ обѣ настолько сходны, что можно одинаково хорошо отнести къ той и другой данныя, приводимыя различными авторами. Въ послѣдующемъ изложеніи я потому опишу кроликовую сову, что одинъ наблюдатель писалъ о ней очень подробно.

Пещерныя совы принадлежатъ къ числу птицъ, характеризующихъ Америку.

Кроликовая сова. *Speotyto cunicularia*. 2/3 наст. вел.

Онѣ населяютъ пампасы и льяносы на югѣ и преріи на сѣверѣ. Тамъ, гдѣ онѣ встрѣчаются и не подвергаются преслѣдованію, онѣ бываютъ очень обыкновенны. Путешественникъ, вступающій на лишенные деревьевъ равнины, видитъ стаяхъ замѣчательныхъ птицъ, сидящихъ попарно на землѣ, обыкновенно на холмикахъ, образовавшихся изъ земли, вырытой млекопитающими при устройствѣ норъ. Эти норы и служатъ настоящимъ жилищемъ совы, и довольно часто она живетъ въ нихъ вмѣстѣ съ законнымъ хозяиномъ, или-же и со своими страшнѣйшими врагами—ядовитыми змѣями. По близости отъ Буэносъ-Айреса пещерная сова живетъ, по Дарвину, исключительно въ норахъ вискаши, въ Бразиліи она гнѣздится въ норахъ муравьѣдовъ и броненосцевъ, въ Сѣверной Америкѣ она встрѣчается въ такъ называемыхъ селеніяхъ луговой собачки. Норы, въ которыхъ еще жи-

вуть роющія млекопитающія, отличаются отъ обитаемыхъ совами своею опрятностью и порядкомъ, между тѣмъ какъ сова часто и даже почти всегда встрѣчается въ заброшенныхъ постройкахъ этого рода. Но случается видѣть, какъ луговныя собачки, совы и гремучія змѣи выходятъ и входятъ черезъ одно и то же отверстие, и достоверно извѣстно, что отношенія между млекопитающими и птицами совершенно мирныя.

Изъ всѣхъ описаній жизни пещерныхъ совъ я ставлю гораздо выше остальныхъ то, которымъ мы обязаны Гудзону. Оно относится къ кроликовой совѣ. «Въ Аргентинскихъ штатахъ», говоритъ послѣдній, «эта хорошенькая сова встрѣчается всюду въ открытыхъ мѣстностяхъ, такъ какъ она избѣгаетъ лѣсовъ и даже мѣстностей, гдѣ часто попадаются рощи. Она видитъ превосходно даже днемъ и вовсе не боится дневного шума. Если кто-нибудь къ ней приближается, то она пристально смотритъ ему въ лицо, слѣдитъ за нимъ глазами, куда-бы онъ ни повернулся, и при этомъ поворачиваетъ свое лицо, въ случаѣ надобности даже на спину. Если къ ней приблизиться на нѣсколько шаговъ, то она горбится, точно играя, издаетъ нѣсколько разъ короткій крикъ, за которымъ слѣдуютъ три отрывистыхъ звука, и поднимается, но отлетаетъ самое большее на 15—20 м., чтобы снова опуститься, обратившись лицомъ къ пришельцу. Какъ только она усядется, она повторяетъ свои поклоны и крикъ, но затѣмъ выпрямляется, приподнимается и дѣлаетъ такія гримасы, какъ будто-бы была чрезмѣрно удивлена, что ее обезпекнули. Днемъ она летаетъ, не переставая ударять крыльями, надъ самой землею, но прежде, чѣмъ садиться, неизмѣнно круто поднимается вверхъ, чтобы затѣмъ еще круче опуститься на землю. Если ей приходится снова и снова взлетать, то это скоро до такой степени утомляетъ ее, что она избѣгаетъ къ своимъ проворнымъ ногамъ. Поэтому веркомъ на лошади ее можно догнать и поймать минутъ въ 15—20. Каждая пара весь годъ живетъ неизмѣнно вмѣстѣ и днемъ сидитъ обыкновенно у входа въ нору вискаши, причемъ самецъ и самка сидятъ такъ близко, что почти касаются другъ друга. Если ихъ испугать, то или взлетаютъ оба, или-же поднимается лишь самецъ, а самка скрывается въ норѣ.

«По близости всѣхъ поселеній, гдѣ живутъ европейцы, кроликовая сова крайне обыкновенна и въ высшей степени довѣрчива; но во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ охотится индѣецъ, это во всѣхъ отношеніяхъ другая птица. Здѣсь она уже издали поднимается при появленіи человѣка съ такимъ-же страхомъ и осторожностью, какъ всякая пернатая дичь, которую много преслѣдовали, всегда взлетаетъ на значительную высоту и улетаетъ часто на такое разстояніе, что совершенно скрывается изъ глазъ путешественника, прежде чѣмъ снова опустится на землю. Такое поведение ея — несомнѣнно слѣдствіе сильной ненависти къ ней всѣхъ племенъ, населяющихъ пампасы; по отношенію къ этой совѣ индѣйцы держатся всѣхъ суевѣрій, которыя вообще такъ широко распространены здѣсь. «Сестра злого духа» — одно изъ именъ, которыя они даютъ этой хорошенькой птицѣ. Когда только могутъ, они преслѣдуютъ кроликовую сову, пока не убьютъ ее. Уже одного присутствія этой безобидной птицы достаточно, чтобы испугать ихъ, и ни-когда индѣецъ не расположится на ночлегъ тамъ, гдѣ, видѣвъ, что сидѣла сова. Какъ скоро равнины заселяются бѣлыми, наша сова оставляетъ всякій страхъ и осторожность и скоро становится настолько-же довѣрчивой, насколько прежде была подозрительной. Превращеніе той мѣстности, гдѣ она живетъ, въ поле и лугъ мало безпокоитъ ее. Если плугъ засылетъ входъ въ нору, то сова вырываетъ себѣ новую на окраинѣ поля или на межахъ, а если не находитъ здѣсь мѣста, то роетъ по сторонамъ дороги, все равно, происходитъ-ли по ней большое движеніе или

нѣтъ. Здѣсь она становится настолько ручною, что всадникъ легко могъ-бы убить ее кнутомъ. Нѣсколько паръ живутъ по близости моего дома; если кто-нибудь изъ насъ выѣзжаетъ изъ дому верхомъ, то всѣ онѣ продолжаютъ сидѣть передъ своими норами, пока не окажутся на разстояніи 3—4 м. отъ копытъ лошади, самое большее—щелкаютъ клювомъ, пожалуй топорчатъ свое опереніе, но и не думаютъ улетать.

«Иногда случается видѣть, какъ эти совы охотятся и днемъ; это бываетъ именно въ томъ случаѣ, если какая-нибудь добыча пролетаетъ близко мимо ихъ и подаетъ надежду на легкій ловъ. Я часто забавлялся, катая близко мимо ихъ норъ комки земли; онѣ тотчасъ-же бросаются за такимъ предметомъ и убѣждаются въ своей ошибкѣ лишь тогда, когда уже крѣпко схватили комокъ земли или камень. Во время вывода птенцовъ, особенно, когда эти послѣдніе подростаютъ, эти совы, быть можетъ, настолько-же дѣятельны днемъ, какъ и ночью. Въ жаркіе ноябрьскіе дни здѣсь появляются въ безчисленномъ множествѣ два навозныхъ жука и побуждаютъ къ преслѣдованію какъ своимъ обиліемъ, такъ и громкимъ жужжаніемъ на лету. Въ это время всюду можно видѣть, какъ кроликовыя совы ревностно охотятся, но при этомъ нерѣдко неуклюже падаютъ на землю, такъ какъ онѣ, подобно всѣмъ совамъ, имѣютъ привычку схватывать добычу по возможности обѣими лапами и должны помогать себѣ крыльями, чтобы сохранить равновѣсіе; послѣднее однако часто не удается имъ, и онѣ, шатаясь, падаютъ тогда въ траву. Если счастливо схваченная добыча мала, то, немного погодя, онѣ съѣдаютъ ее тутъ-же; если же она велика, то онѣ поднимаются, часто не безъ усилія, съ земли и отлетаютъ со своею жертвою на нѣкоторое разстояніе, какъ будто затѣмъ, чтобы имѣть по дорогѣ время умертвить схваченное животное.

«Къ заходу солнца кроликовая сова начинаетъ издавать свой голосъ. За короткимъ звукомъ слѣдуетъ болѣе длинный; но оба повторяются такъ часто, что пауза между ними едва равняется секундѣ. Крикъ этотъ не звучитъ ни страшно, ни торжественно, а скорѣе мягко и печально, напоминая до нѣкоторой степени низкіе тоны флейты. Весною всѣ эти совы кричатъ и каждая птица отвѣчаетъ на крикъ ближайшей къ ней. Когда наступаетъ ночь, онѣ поднимаются одна за другой на воздухъ и тогда видно повсюду, какъ эти хорошенькія совы, покачиваясь, парятъ надъ землею на высотѣ около 40 м. Увидѣвъ добычу, онѣ вертикально падаютъ толчками внизъ, причемъ, точно раненныя, покачиваются и порхаютъ, пока не достигнутъ высоты приблизительно 10 м. надъ землею, еще разъ всматриваются въ добычу, снова покачиваются нѣсколько секундъ и затѣмъ скользятъ косвенно внизу. Онѣ охотятся за каждымъ живымъ существомъ, которое надѣются одолѣть. Если добыча обильная, то онѣ оставляютъ нетронутыми голову, хвостъ и ноги пойманной мыши, точно также, какъ онѣ во всякомъ случаѣ пренебрегаютъ задними частями лягушки или жабы, хотя это самыя сочныя и мясистыя части. Змѣй, длиною до 50 см., онѣ убиваютъ ударами клюва, причемъ мужественно бросаются на нихъ, пока не умертвятъ своей жертвы; отъ ядовитыхъ змѣй онѣ, повидимому, защищаются во время такихъ нападеній, протягивая впередъ крылья. Немногія изъ нихъ, поселившіяся около фермъ, становятся опасными для домашней птицы и уносятъ днемъ щиплять. Если добыча въ изобиліи, онѣ убиваютъ больше, чѣмъ потребляютъ, напротивъ, въ суровые зимніе дни имъ приходится терпѣть нужду. Въ это время онѣ часто появляются около жилищъ и охотно довольствуются каждымъ кусочкомъ мяса, который находятъ, хотя-бы онъ былъ старъ и сухъ, какъ пергаментъ».

«Хотя эти совы въ большинствѣ случаевъ пользуются норами вискашей, однако онѣ вырываютъ ихъ себѣ и сами. Нора, длина которой колеблется отъ 1

до 4 м., изогнута и расширена на заднемъ концѣ. Здѣсь находится гнѣздо, состоящее изъ сухой травы и шерсти, а нерѣдко и исключительно изъ лошадиного навоза. Кладка состоитъ изъ 5-ти почти круглыхъ яицъ бѣлаго цвѣта. Даже послѣ того, какъ самка начала класть яйца, она продолжаетъ приносить въ нору лошадиный навозъ, пока не покроетъ имъ плотно весь полъ норы и нѣкоторое пространство передъ вѣю. На слѣдующую весну сова выскребываетъ всю свободную землю и приводитъ снова въ порядокъ нору, которая служитъ гнѣздомъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Нора всегда грязна и въ безпорядкѣ, а всего больше во время вывода птенцовъ или когда добыча бываетъ въ изобиліи. Въ это время полъ норы и нѣкоторое пространство передъ входомъ покрыты не только пометомъ и погадами, но также остатками кожи и костей, надкрыльями жуковъ, перьями, задними ногами лягушекъ во всѣхъ стадіяхъ гніенія, большими волосистыми пауками павсаговъ, остатками наполовину съѣденныхъ змѣй и другихъ непривлекательныхъ животныхъ. Но вся эта падаля внутри отвратительнаго жилища нашей совы и передъ нимъ достаточно ясно говоритъ о той важной роли, которую она играетъ въ природѣ. Молодые птицы оставляютъ норы прежде, чѣмъ научатся летать; они грѣются на солнцѣ и получаютъ пищу отъ родителей. Если къ нимъ приблизиться, то онѣ обнаруживаютъ крайнее возбужденіе, щелкаютъ клювомъ и, повидимому, лишь неохотно удаляются наконецъ въ нору. Лишь только онѣ научатся летать, онѣ въ такихъ случаяхъ пускаютъ въ дѣло крылья, чтобы избавиться отъ опасности. Старыя и молодыя птицы живутъ часто вмѣстѣ 4—5 мѣсяцевъ».

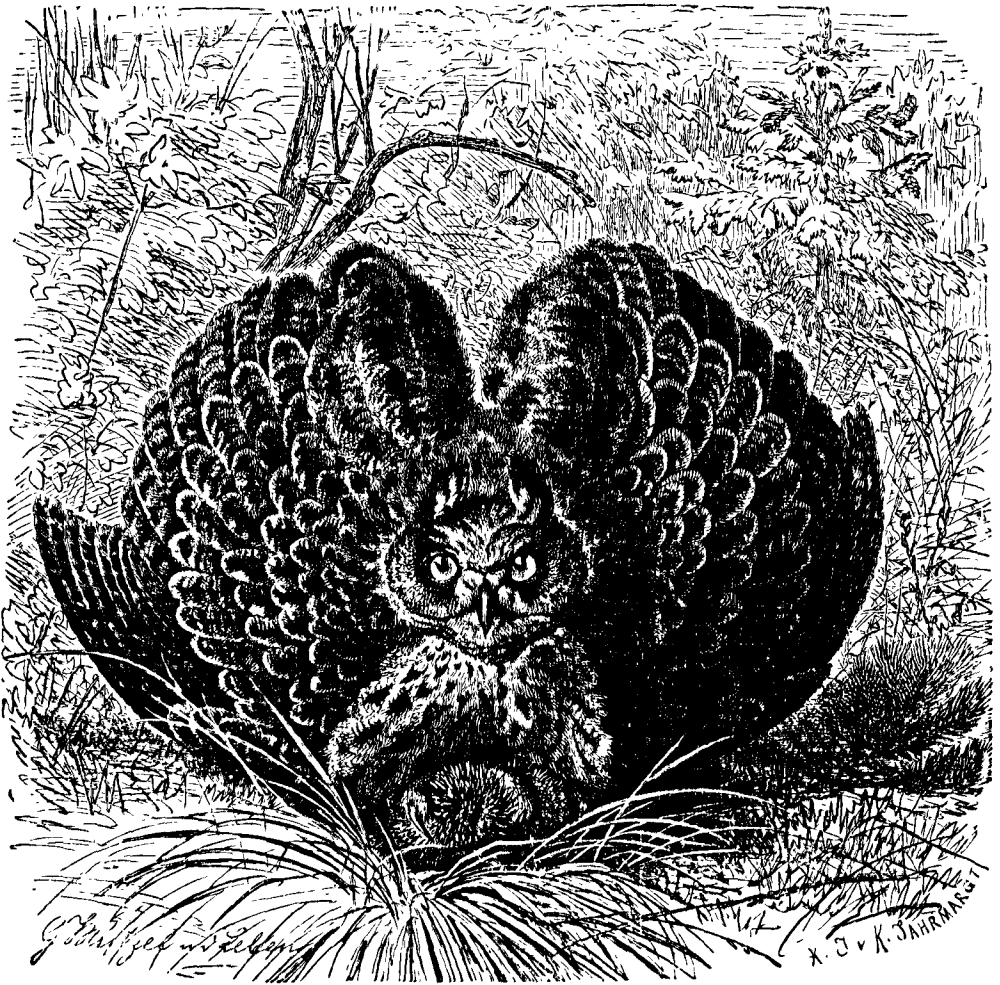
Замѣчательно, по словамъ Гудзона, какъ различно поступаютъ кроликовья совы, когда роютъ норы. Нѣкоторыя пары начинаютъ рыть за нѣсколько мѣсяцевъ до вывода птенцовъ; другія лишь тогда, когда самка хочетъ уже класть яйца. Въ одной норѣ работаютъ самымъ ревностнымъ образомъ обѣ птицы, въ другой это дѣлается очень вяло, въ третьей роетъ только самка. Одна пара вырываетъ себѣ правильную глубокую нору, другая начинаетъ рыть 5—6 норъ, работаетъ надъ одной норой недѣли 3—4 и тѣмъ не менѣе бросаетъ ее. Но безразлично, принадлежитъ она или лѣнива,—каждая пара въ сентябрѣ оканчиваетъ уже свое жилище.

Третья хорошо обособленная группа совъ, которую считаютъ отдѣльнымъ подсемействомъ, отличается главнымъ образомъ пучкомъ торчащихъ перьевъ надъ каждымъ ухомъ. Голова **Филиновъ** (*Bubonidae*. *Ohreulen*. *Ducs*) обыкновенно велика, широка и плоска, и украшена болѣе или менѣе значительными ушными пучками, которые могутъ приподниматься; вѣнчикъ изъ перьевъ, напротивъ, неполный, клювъ сильный, почти вздутый, мало согнутый по сгибкѣ и снабженный короткимъ крючкомъ; ноги сильныя, высокія или средней вышины; пальцы очень толстые и вооружены большими кривыми когтями; крылья средней длины, но тупыя; хвостъ короткій, на концѣ почти прямо усѣченный; опереніе очень густое и рыхлое. Изъ органовъ чувствъ глаза обращаютъ на себя вниманіе величиною и плоской формою, а обыкновенно и яркимъ золотисто-желтымъ цвѣтомъ.

* * *

Самымъ типическимъ филиномъ можно считать хорошо извѣстнаго, упоминаемаго въ различныхъ сказаніяхъ «короля ночи», **Филина** или **Пугача** (*Bubo ignavus*, *microcephalus*, *maximus*, *europaeus*, *germanicus*, *sibiricus*, *scandiacus*, *pallidus*, *melanotus*, *grandis* и *septentrionalis*, *Strix bubo* и *turcomana*. *Uhu*. *Grand due*). Длина его равна 63—77 см., размахъ крыльевъ отъ 150 до 176, длина крыла

45, а хвоста 25—28 см. Очень обильное и густое оперение испещрено на верхней сторонѣ темнымъ ржаво-желтымъ и чернымъ цвѣтомъ, горло желтовато-бѣлое, нижняя сторона тѣла ржаво-желтая съ черными продольными полосками; ушные пучки перьевъ черные съ желтой каймой на внутренней сторонѣ; маховыя и хвостовыя перья разрисованы чередующимися бурными и желтоватыми пятнами съ болѣе темнымъ неяснымъ рисункомъ. Собственно въ опереніи перемѣшаны лишь два

Филинь-пугачъ. *Bubo ignavus*. $\frac{3}{4}$ наст. вел.

цвѣта: болѣе или менѣе яркій красновато-сѣрый и черный. Каждое перо съ чернымъ стержнемъ и такими же поперечными полосками, волнистыми линиями и кончиками. На верхней сторонѣ особенно выступаютъ болѣе темные кончики, на нижней сторонѣ и главнымъ образомъ на груди—стержневья полоски, на брюхѣ же выдѣляются поперечныя полоски. Клювъ темный, голубовато-сѣрый, голые ножныя щитки свѣтло-голубовато-сѣрые, глаза великолѣпнаго золотисто-желтаго цвѣта, на паружномъ краю красноватаго. Самка отличается лишь болѣе значительной величиной. Молодыя птицы обыкновенно болѣе желтоватаго цвѣта. Въ сѣверной Азій, но также и въ Испаніи оперение филина болѣе свѣтлое. Изъ Китая я получилъ

живого филина, который былъ нѣсколько меньше и темнѣе, чѣмъ водящійся у насъ. Подобныя уклоненія, хотя-бы было доказано ихъ постоянство, едва-ли дають намъ право считать этихъ птицъ за особые виды.

Область распространенія филина пугача простирается по всей сѣверной части Старога Свѣта, насколько она, по направленію къ сѣверу, покрыта лѣсомъ, а на югѣ гориста. Въ Германіи онъ, хотя и истребленъ во многихъ мѣстностяхъ, но встрѣчается еще въ Баварскихъ и во всѣхъ средне-германскихъ горахъ, а также въ обширныхъ и сплошныхъ лѣсахъ всѣхъ странъ и провинцій за единственнымъ исключеніемъ нѣкоторыхъ мелкихъ государствъ. Онъ встрѣчается довольно часто въ Восточной Пруссіи, особенно въ Ибенгорстскомъ лѣсу, въ Западной Пруссіи и Познани, вдоль польской границы и въ Помераніи; рѣже въ Мекленбургѣ, Бранденбургѣ, Брауншвейгѣ и Ганноверѣ, по одиночкѣ въ западной Тюрингіи, Гессенѣ, Баденѣ и Вюртембергѣ, мѣстами также въ прирейнскихъ странахъ, даже въ сильно населенныхъ мѣстностяхъ. Въ гораздо большемъ числѣ населяетъ онъ всѣ коронныя земли Австро-Венгріи, Скандинавію, всю Россію, Дунайскія низменности, Турцію и Грецію, Италію, Испанію и южную Францію; его нельзя однако называть обыкновеннымъ гдѣ-бы то ни было. Онъ рѣже въ Бельгіи и Даніи и почти истребленъ въ Великобританіи. Въ Африкѣ область, въ которой онъ живетъ, ограничивается Атласомъ, хотя въ видѣ исключенія онъ встрѣчается и въ Египтѣ. Напротивъ, въ Азіи онъ, или по крайней мѣрѣ **Блѣдный филинъ** (*Bubo turcomanus*, *Blassuhu*), котораго едва-ли можно отдѣлять въ особый видъ, водится, начиная съ Малой Азіи и Персіи, до Китая и отъ сѣверной границы лѣсовъ до Гималайскихъ горъ, не избѣгая степей, во всѣхъ странахъ и равнинахъ, фауна которыхъ намъ точнѣе извѣстна. Объ этомъ филинѣ въ Закаспійскомъ краѣ Вальтеръ рассказываетъ слѣдующее: «Въ одной лавкѣ въ Красноводскѣ мы нашли въ февралѣ 1886 года восемь шкурокъ филина. Два мертвыхъ экземпляра, которыхъ мы случайно нашли въ Голодной степи, были тоже очень свѣтлы. Филинъ-пугачъ гораздо чаще живетъ въ горахъ, особенно на Куба-дагѣ около Красноводска мы часто встрѣчали его; точно также его много разъ видали въ ущельи Сульфигарь. На равнинѣ, гдѣ онъ встрѣчается несравненно рѣже, его находили мертвымъ около Чикишляра на морскомъ берегу и при Дортъ-кую въ глубокомъ пескѣ. Въ развалинахъ Старога Мерва онъ былъ не рѣдокъ». Онъ не странствуетъ, и остается изъ года въ годъ на мѣстѣ вывода птенцовъ; иногда, впрочемъ, онъ, пока не спарился, кочуетъ безцѣльно и неправильно по странѣ.

Въ сѣверной Африкѣ и Малой Азіи живетъ родичъ нашего нѣмецкаго филина, **Фараоновъ филинъ**, какъ я буду его называть (*Bubo ascalaphus*, *Strix ascalaphus*, *Ascalaphia savignyi*, *Pharaonenuhu*, *Duc d' Egypte*), который потому заслуживаетъ особаго упоминанія, что встрѣчается и въ Греціи и можетъ быть даже постоянно. Онъ замѣтно меньше пугача; длина его равняется лишь 51—55 см., длина крыла 35—38, длина хвоста 18 см. Опереніе покрыто сверху на желтовато-буромъ фонѣ черновато-бурыми и бѣловатыми полосками и пятнами, на подбородкѣ и груди бѣлое, на остальной нижней сторонѣ буровато-желтое, въ области зоба разрисовано широкими темно-бурыми продольными и болѣе узкими поперечными полосками, на груди и брюхѣ покрыто мелкими красноватыми крапинками; маховыя и рулевыя перья съ широкими бурыми поперечными полосками, плюсны одноцвѣтныя, желтовато-бурыя. Радужная оболочка — яркаго золотисто-желтаго цвѣта, клювъ черный.

Пугачъ, которымъ я хочу ограничиться въ дальнѣйшемъ изложеніи, пред-

почитаешь гористыя мѣстности, такъ какъ онѣ доставляютъ ему самыя лучшія укромныя уголки; онѣ встрѣчается однако также и на равнинахъ, преимущественно тамъ, гдѣ есть большіе лѣса. Лѣса съ крутыми скалами особенно нравятся ему, и въ нѣкоторыхъ удобныхъ мѣстностяхъ онѣ живетъ съ незапамятныхъ временъ. Можетъ случиться, что его истребятъ, и въ данной области пугачей не замѣчается цѣлые годы; затѣмъ вдругъ оказывается, что здѣсь опять поселилась пара, обыкновенно на томъ-же самомъ мѣстѣ, и остается здѣсь, пока позволятъ люди. Не слишкомъ рѣдко случается, что пара селится въ непосредственной близости населенныхъ мѣстъ. Такъ, мы нашли одну пару, гнѣздившуюся передъ самой наружной стѣною испанскаго города Хативы. Ленць получилъ молодыхъ пугачей, которые были выведены на чердакѣ фабрики, расположенной глубоко въ лѣсу. Тѣмъ не менѣе пугачъ всегда остороженъ. Днемъ его рѣдко можно видѣть, такъ какъ его цвѣтъ превосходно соотвѣтствуетъ цвѣту скалъ, а также и корѣ деревьевъ; однако случается, что его открываетъ какаля-нибудь маленькая пѣвчая птица, крикомъ сообщаетъ объ этомъ всему населенію лѣса, привлекаетъ другихъ крикуновъ и такимъ образомъ выдаетъ его. Ночью его замѣчаешь чаще, а весною въ пору любви онѣ становится очень замѣтнымъ, благодаря своему замѣчательному и далеко раздающемуся крику.

Его охотничья жизнь начинается лишь тогда, когда ночь совершенно наступила. Днемъ онѣ сидитъ неподвижно въ пещерѣ скалы или на верхушкѣ дерева, обыкновенно гладко прижавъ къ тѣлу перья и нѣсколько заложивъ назадъ перистыя уши, болѣе или менѣе, но рѣдко совсѣмъ закрывъ глаза и предаваясь полудремотѣ. Достаточно самага ничтожнаго шума, чтобы разбудить его. Онѣ принимаетъ тогда свои пучки перьевъ, поворачиваетъ голову, то въ ту, то въ другую сторону, то приподнимается, то наклоняется впередъ и моргаетъ въ ту сторону, гдѣ замѣтилъ что-нибудь подозрительное. Если онѣ боится опасности, то мгновенно улетаетъ и пытается найти болѣе скрытое убѣжище. Если день прошелъ безъ всякой тревоги, то онѣ оживляется къ закату солнца, тихо слетаетъ, по большей части направляясь сначала къ скалѣ или высокому дереву, и издаетъ здѣсь обыкновенно весною свое глухое, но далеко слышное «буху». Въ ясныя лунныя ночи онѣ кричитъ чаще, чѣмъ въ болѣе темныя, а передъ временемъ спариванія почти непрерывно пѣютъ ночь. Крикъ его страшно отдается въ лѣсу, такъ что, по выраженію Ленца, «у суевѣрныхъ людей волосы становятся дыбомъ». Едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что онѣ послужилъ причиною сказанія о дикомъ охотникѣ, что его голосъ могъ и можетъ казаться боязливымъ людямъ лаемъ псовъ самага злого духа или проклятаго рыцаря. Крикъ этотъ даетъ знать, что филинѣ дѣятеленъ и летаетъ въ теченіи всей ночи. Онѣ слышенъ въ лѣсу то здѣсь, то тамъ до утра. Это—зовъ и любовная пѣснь; напротивъ, бѣшеное хихиканье, громкій визгъ, сопровождаемый энергическимъ фырканьемъ и щелканьемъ клювомъ, выражаетъ злобу и досаду. Во время спариванія можетъ случиться, что два пугача самца горячо спорятъ изъ-за любви самки и тогда можно слышать всѣ описанные звуки въ перемежку.

Охотится пугачъ за самыми различными позвоночными, большими и малыми. Ночью онѣ настолько-же ловокъ, какъ силенъ и мужественъ, и потому вовсе не боится испытать свою силу и на болѣе крупныхъ существахъ. Пара такъ-же тихо, какъ и его родители, онѣ носится обыкновенно низко надъ землею, но съ легкостью поднимается также на значительныя высоты и движется такъ быстро, что обыкновенно можетъ поймать разбуженную и вспугнутую птицу. Что онѣ нападаетъ на зайцевъ, кроликовъ, глухарей, тетеревовъ, рябчиковъ и куропатокъ, утокъ и гусей, а потому приноситъ вредъ, что онѣ не щадитъ ни слабыхъ дневныхъ хищныхъ

птиць, вороновъ и воронъ, ни болѣе слабые виды своего семейства и вовсе не боится иголь ежа — это несомнѣнно. Въ высшей степени вѣроятно, что онъ сначала вспугиваетъ и обращаетъ въ бѣгство спящихъ птицъ, хлопая крыльями или щелкая клювомъ и затѣмъ легко ловить ихъ на лету. Однако большой вопросъ, дѣйствительно-ли онъ болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ. Мыши и крысы могутъ считаться тою дичью, которую и онъ преслѣдуетъ всего ревностнѣе.

Въ первые мѣсяцы года, обыкновенно въ мартѣ, нашъ пугачъ приступаетъ къ размноженію. Онъ настолько-же вѣрный, насколько нѣжный супругъ. Гнѣздо находится или въ пещерахъ скалъ, въ углубленіяхъ въ землѣ, въ старыхъ зданіяхъ, на деревьяхъ или даже на ровной землѣ или въ камышѣ; пара пугачей, гнѣздо которыхъ видаль весной 1878 г. кронпринцъ эрцгерцога Рудольфъ, выбрала даже себѣ для гнѣзда прикрытое сверху дупло толстой, выгнившей дубовой вѣтви. Если только возможно, онъ селится въ старомъ гнѣздѣ и въ такомъ случаѣ едва даетъ себѣ трудъ немного поправить его; если ему не посчастливилось въ этомъ отношеніи, то онъ натаскиваетъ нѣсколько вѣтвей и хворосту, немного выстилаетъ ихъ, довольно впрочемъ, плохо, сухими листьями и вѣтками или-же и вовсе не обременяетъ себя подобными работами, а просто кладетъ на землю свои 2 — 3 округленныхъ бѣлыхъ яйца съ шероховатой скорлупою. Самка высидиваетъ очень усердно и, пока она сидитъ на яйцахъ, ее кормитъ самецъ. Оба родителя приносятъ птенцамъ столько пищи, что они не только никогда не терпятъ нужды, а, напротивъ, всегда снабжены ею болѣе, чѣмъ въ избыткѣ. Графъ Водницкій посѣтилъ одно гнѣздо филиновъ, которое было устроено въ камышѣ среди болота и служило для одного крестьянскаго семейства обильнымъ источникомъ мяса. Вокругъ гнѣзда лежали массой остатки зайцевъ, утокъ, водяныхъ курочекъ и крысъ, мышей и т. п. и крестьянинъ увѣрялъ, что онъ уже цѣлые недѣли изо-дня въ день приходилъ сюда, собиралъ все съѣдобное, и это было для него очень выгодно. Въ случаѣ опасности родители защищаютъ своихъ птенцовъ самымъ мужественнымъ образомъ и сильно нападаютъ на всѣхъ хищныхъ животныхъ, а также и на людей, если они приближаются къ нимъ. Кромѣ того замѣчали, что старые филины переносили своихъ птенцовъ въ другія гнѣзда, если замѣчали, что первое гнѣздо не представляетъ достаточной безопасности.

Очень хорошій рассказъ сообщаетъ Визе: «Одинъ старшій лѣсничій въ Помераніи держитъ уже давно ручного филина на дворѣ въ темной загородкѣ. Разъ весной, когда эти птицы приступаютъ къ размноженію, на дворѣ дома лѣсничаго, который лежитъ совершенно уединенно среди хвойнаго лѣса, сталъ слышаться крикъ дакаго филина. Въ первыхъ числахъ апрѣля лѣсничій высадилъ своего филина, привязавъ его за обѣ лапы. Дикій филинъ, самецъ, очень скоро подружился съ ручнымъ, и вотъ что произошло: онъ кормилъ привязаннаго регулярно каждую ночь, что во первыхъ было видно по остаткамъ и погадкамъ, а затѣмъ ясно изъ того, что хозяинъ не кормилъ своего филина въ теченіи почти четырехъ недѣль. Если приближались днемъ къ ручному филину, то въ лежачемъ напротивъ ссновомъ лѣсу дикій тотчасъ издавалъ свое «уху» или «буху» и замолкала лишь тогда, когда отъ ручнаго давно уже отошли. Въ теченіи четырехъ недѣль дикій филинъ доставилъ 3 зайцевъ, 1 водяную крысу, безчисленное количество другихъ крысъ и мышей, 1 сороку, 2 дрозда, 1 удода, 2 куропатокъ, 1 чибиса, 2 водяныхъ курочекъ и 1 дикую утку. Неразъ наблюдали, что старые пугачи, птенцовъ которыхъ брали и заирали въ клѣтку, выкармливали ихъ вполнѣ. Графъ Водницкій слышалъ, что одинъ молодой филинъ, который былъ привязанъ однимъ лѣсничимъ, получалъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ пищу

отъ своихъ родителей. Когда спустя нѣсколько недѣль послѣ того, какъ одинъ птенецъ былъ привязанъ, свободный птенецъ научился летать, онъ сталъ тоже помогать родителямъ кормить своего брата, лишеннаго свободы. Одинъ изъ охотниковъ графа Шиммельмана держалъ въ теченіи многихъ лѣтъ въ неволѣ пару филиновъ и въ началѣ пятидесятихъ годовъ неразъ выращивалъ птенцовъ. Уже поздней осенью птицы вынимались изъ ихъ обыкновенной клѣтки и помѣщались въ обширную загородку амбара, одинъ уголокъ которой былъ приспособленъ для вывода птенцовъ. Обыкновенно яйца клались уже около Рождества. Графъ Шиммельманъ, за правдивость котораго я самъ готовъ всячески ручаться, наблюдалъ какъ высиживающихъ взрослыхъ, такъ и высиженныхъ птенцовъ, которыхъ родители охраняли съ величайшей любовью и защищали обычнымъ образомъ отъ всякаго пришельца. То же случалось также въ Швейцаріи и Бельгіи. Въ зоологическомъ саду въ Карлсруэ самка филина клала 6 лѣтъ сряду по 4 яйца, начиная высиживать, какъ только было положено первое и продолжала затѣмъ усердно сидѣть на нихъ. Неймейеръ, которому мы обязаны этими свѣдѣніями, позволилъ себѣ въ первый годъ слѣдующую шутку: онъ подложилъ подъ нее, вмѣсто положенныхъ ею яицъ, 4 яйца домашней утки. Она съ обычнымъ усердіемъ высиживала полныхъ 28 дней и имѣла счастье видѣть, какъ изъ яицъ вышли 4 утенка. Но какъ только они начинали двигаться, она брала одного за другимъ, душила и съѣдала ихъ. Всѣ старанія спарить съ нею самца оказались тщетными изъ за ея неуживчивости.

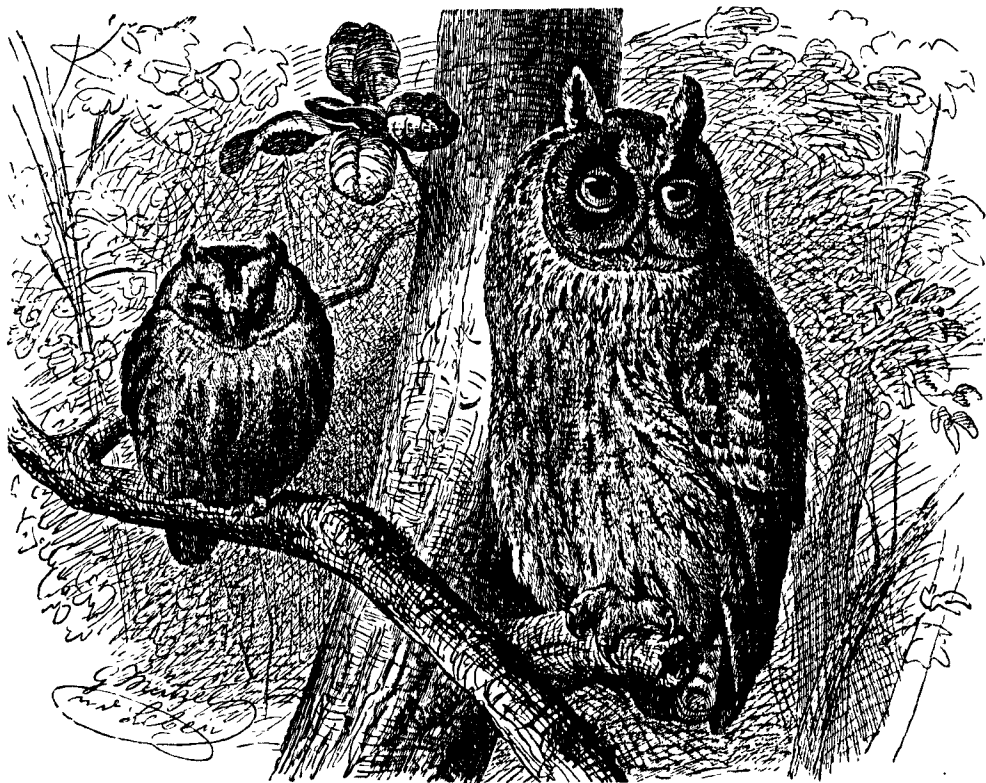
Ни одна изъ нашихъ нѣмецкихъ совъ не возбуждаетъ такой общей ненависти, какъ филинъ. Почти всѣ дневныя птицы и даже нѣкоторыя совы дразнятъ его и издѣваются надъ нимъ, лишь только его увидятъ. Дневныя хищныя, какъ уже было рассказано, увидѣвъ филина, увлекаются до того, что позволяютъ себѣ различныя неосторожности, а вороны постоянно слѣдуютъ за ними. Однако всѣ эти враги, кромѣ человѣка, едва-ли могутъ быть опасны для филина. Какъ узналъ Вальтеръ, «перья блѣднаго филина пользуются почетомъ у киргизовъ и охотно покупаются. Пухомъ и грудными перьями они украшаютъ свои чепраки».

Въ неволѣ филинъ выживаетъ при надлежащемъ уходѣ многіе годы. Обыкновенно онъ и по отношенію къ тому, кто ежедневно даетъ ему кормъ, остается такимъ-же злобнымъ и бѣшенымъ, какъ и относительно всякаго другого, кто приближается къ его клѣткѣ; однако все-же возможно приручить филиновъ, вынутыхъ изъ гнѣзда очень рано, если ими много заниматься. Я довелъ одного мягкимъ обращеніемъ до того, что могъ носить его на рукѣ, гладить, брать за клювъ и вообще возиться съ нимъ, не подвергаясь никакой опасности. У Мевеса въ Стокгольмѣ я видѣлъ другого филина, который не только позволялъ себя брать и гладить, но также слушался, когда его звали по имени, отвѣчалъ и приходилъ на зовъ; его можно было даже выпускать на свободу, такъ какъ онъ хотя и предпринималъ маленькія экскурсіи, но никогда не улеталъ, а всегда добровольно возвращался къ своему хозяину. Съ себѣ подобными взрослыми филинъ живетъ въ неволѣ мирно; на болѣе слабыхъ онъ нападаетъ, душитъ ихъ и затѣмъ съѣдаетъ съ величайшимъ душевнымъ спокойствіемъ.

* *

Наша Ушастая сова (*Asio otus* и *italicus*, *Otus vulgaris*, *albicollis*, *italicus*, *asio*, *europaeus*, *auritus*, *communis*, *sylvestris*, *arboreus*, *gracilis*, *major*, *minor*, *assimilis* и *verus*, *Strix*, *Bubo* и *Aegolius otus*. *Waldohreule*. *Moyen duc*) есть пугачъ въ маломъ видѣ, но отличается отъ него болѣе тонкимъ туловищемъ, болѣе длинными крыльями, въ которыхъ второе маховое перо длиннѣе другихъ, болѣе короткими ногами, болѣе длинными перистыми ушами и очень развитыми ушными раковинами.

а также очень яснымъ вѣнчикомъ. По цвѣту ушастая сова очень сходна съ филиномъ, но ея опереніе свѣтлѣе, такъ какъ ржаво-желтый основной цвѣтъ менѣе закрытъ черными стержневыми черточками и поперечными полосками на перьяхъ; верхняя сторона на мутномъ ржаво-желтоватомъ фонѣ покрыта темными сѣро-бурыми пятнами, точками, волнами и поперечными полосками; болѣе свѣтлая нижняя сторона разрисована темно-бурыми, въ области груди поперечно развѣтвленными продольными пятнами, ушная раковина на концѣ и на наружной сторонѣ черная, на внутренней бѣловатая, лицевой кругъ сѣровато-ржаво-желтый. Маховыя и хвостовыя перья съ поперечными полосками. Клювъ черноватый, глаза ярко-желтые.

Сплюшка. *Pisochina scops* и Ушастая сова. *Asio otus*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

Самки нѣсколько темнѣе, молодые окрашены менѣе ярко, чѣмъ самецъ. Длина равна 34—35, размахъ крыльевъ 91—98, длина крыла 29, а хвоста 15 см.

Начиная съ 64 градуса сѣверной широты, ушастая сова распространена по всей Европѣ, а также начиная отъ сѣвернаго края пояса лѣсовъ по Средней Азій отъ Урала до Японіи. Къ югу она становится рѣже, а сѣверо-восточную Африку, Канарскіе острова и сѣверо-западную Индію она посѣщаетъ, вѣроятно, лишь на перелетѣ; напротивъ, на Мадейрѣ она еще гнѣздится. Можно не приводить болѣе точныхъ данныхъ, такъ какъ въ указанныхъ границахъ она встрѣчается всюду въ удобныхъ мѣстахъ. Она заслуживаетъ свое нѣмецкое названіе (*Waldohreule*—лѣсная ушастая сова), такъ какъ обыкновенно встрѣчается лишь въ лѣсу. Почью она, правда, появляется и около живыхъ мѣстъ, во время своихъ скитаній укрывается днемъ также и въ густо заросшемъ плодовомъ саду или даже на открытомъ полѣ,

но это—исключенія. Трудно сказать, любить-ли она болѣе хвойный или лиственный лѣсъ; ее одинаково часто можно встрѣтить и тамъ, и тутъ.

По образу жизни и поведенію ушастая сова существенно отличается отъ филина-пугача. Днемъ она, конечно, ведетъ себя совершенно такъ-же, какъ онъ, приблизительно въ то же время и такимъ-же образомъ вылетаетъ на охоту, но она гораздо общительнѣе и не такая сердитая, какъ ея большой родичъ, а также рѣдко бываетъ боязлива. Если она сидитъ днемъ на деревѣ, то позволяетъ подойти къ себѣ, не думая о бѣгствѣ; случалось даже, что я могъ заставить ее взлетѣть, лишь тряся дерево. Только во время вывода птенцовъ она держится парами; какъ скоро птенцы выросли, она соединяется съ другими птицами того-же вида въ стаи, которыя иногда могутъ быть очень многочисленными. Къ осени эти общества начинаютъ кочевать по странѣ туда и сюда и въ это время ушастыхъ совъ встрѣчаютъ иногда въ удобныхъ мѣстахъ очень часто. Я видѣлъ стаи по двадцати и болѣе штукъ, которыя располагались почти на одномъ и томъ-же деревѣ. Еще болѣе многочисленныя общества собираются далѣе на югъ, напримѣръ въ Австріи и Венгріи. «На поляхъ пшеницы Австріи», пишетъ мнѣ кронпринцъ эрцгерцога Рудольфа, «я встрѣчалъ иногда во время охоты за зайцами въ ноябрѣ цѣлыя стаи ушастыхъ совъ, которыя неподвижно сидѣли, какъ колышки между комьями земли среди полей и лишь когда стрѣлки подходили совсѣмъ близко, медленно отлетали немного далѣе, чтобы затѣмъ снова опуститься, но наконецъ, послѣ того какъ ихъ нѣсколько разъ вспугивали, онѣ поднимались спирально вверхъ на значительную высоту, дѣлая все болѣе и болѣе широкіе круги, и перелетали черезъ линію стрѣлковъ обратно на свое первое мѣсто. Въ Венгріи я въ то-же время встрѣчалъ какъ въ низкихъ сосновыхъ лѣсахъ, такъ и въ рѣдкихъ лиственныхъ крайне многочисленныя стаи птицъ этого вида. Онѣ, конечно, не кочуютъ, какъ стадо куропатокъ или стая скворцовъ близко другъ около друга, а обнаруживаютъ свою связь лишь тѣмъ, что очень часто сидятъ близъ другъ друга на относительно маломъ пространствѣ. Въ одномъ сосновомъ лѣсу, который лежитъ одиноко среди полей и песчаныхъ холмовъ, на охотахъ загономъ всегда появлялись на линіи стрѣлковъ сначала 5—6 этихъ совъ; но при послѣднемъ загонѣ, который шелъ черезъ замѣчательно густой сосновый лѣсъ, часто являлось на линію стрѣлковъ отъ 40 до 50 ушастыхъ совъ, въ началѣ гона лишь по-одиночкѣ, къ концу -- непрерывно другъ за другомъ, но не всѣ на одномъ мѣстѣ, а равномерно по всей линіи. Замѣчательнымъ казалось мнѣ то, что ушастая сова встрѣчается такъ сказать стаями въ рѣдкихъ дубовыхъ заросляхъ одного большого лѣса по близости Геделле. Здѣсь я во время охоты на оленей часто видѣлъ въ значительномъ количествѣ именно этихъ совъ, которыя стояли вытянувшись прямо другъ около друга. По большей части около 30—40 деревъ было густо усажено ушастыми совами. Съ любопытствомъ смотря на меня, онѣ обыкновенно подпускали меня на нѣсколько шаговъ, прежде чѣмъ соскальзывали со своихъ мѣстъ. Когда поднималась первая вспугнутая сова, то черезъ небольшіе промежутки времени улетали всѣ, но въ различныхъ направленіяхъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ удавалось обыкновенно снова найти все стадо собравшимся вмѣстѣ на разстояніи нѣсколькихъ сотенъ шаговъ. Въ молодыхъ чащахъ лиственныхъ деревьевъ едва выше человѣческаго роста я также часто встрѣчалъ такія кочующія стаи, но никогда не раньше конца ноября и не долѣе, какъ до середины зимы.»

Для меня не подлежитъ никакому сомнѣнію, что не только общительность, но также обильно встрѣчающаяся въ данной мѣстности пища заставляетъ ушастыхъ совъ собираться въ такія многочисленныя стаи. На мѣстахъ вывода птен-

цовъ онѣ тоже встрѣчаются то въ болѣе значительномъ числѣ, то лишь парами, смотря по тому, много-ли въ этомъ году мышей. Охотятся онѣ главнымъ образомъ за мелкими млекопитающими, именно прежде всего за лѣсными и полевыми мышами, а также за землеройками. Не падать онѣ и зазѣвавшейся птички, а при случаѣ схватываютъ и большую или утомленную куропатку, но эти исключительные случаи едва-ли заслуживаютъ упоминанія. Вальтеръ сомнѣвается, чтобы ушастая сова ѣла землероекъ, такъ какъ одна, которую онъ держалъ, хотя и брала ихъ, но тотчасъ бросала, если трогала ихъ языкомъ. Тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться въ этомъ фактѣ, такъ какъ Альгумъ нашель остатки землероекъ въ погадкахъ ушастыхъ совъ. За мышами ушастая сова охотится главнымъ образомъ на лѣсныхъ опушкахъ или полянахъ, но иногда рѣшается и на болѣе далекіе вылеты на осѣднія поля.

Если видишь ушастую сову днемъ въ самой густой тѣни лѣса, то, конечно, придешь къ заключенію, что она боится свѣта и что солнце ослѣпляетъ ее настолько, что мѣшаетъ ей видѣть: она сидитъ на вѣтви, крѣпко прижавшись къ стволу и высоко поднявшись, плотно прижавъ къ тѣлу всѣ перья и немного приоткрывъ оба глаза или лишь одинъ, чтобы, мигая, смотрѣть внизъ на подозрительнаго пришельца; кромѣ того легко убѣдиться путемъ наблюденія, что эта сова всегда отправляется на охоту лишь послѣ наступленія сумерекъ. Такой выводъ однако вовсе не соответствуетъ дѣйствительности. Хотя кажется, что она боится свѣта, но на самомъ дѣлѣ она нуждается въ немъ: она погибаетъ, если въ неволѣ ее совершенно лишитъ солнца. «Когда послѣ полудня солнечные лучи падаютъ на ея клѣтку», пишетъ мнѣ Вальтеръ, «она смотритъ широко открытыми глазами, поднявъ голову, выпятивъ и повернувъ къ солнцу грудь, прямо на дневное свѣтило и расширяетъ крылья и хвостъ, чтобы доставить всѣмъ членамъ благодѣтельную солнечную теплоту. Если нѣсколько дней сряду была пасмурная погода и солнца не было видно, то она соскакиваетъ на песокъ и сидитъ въ той-же позѣ, какъ обыкновенно, долгое время на томъ мѣстѣ, которое было ранѣе освѣщено солнцемъ. Забавно было видѣть, какъ эта сова, когда стали зажигать рождественскую елку, соскочила съ жерди, на которой сидѣла, внизъ на песокъ и тамъ скрючилась такимъ-же образомъ, оставаясь безъ движенія, неподвижно втянувъ голову между плечъ и обративъ лицо къ освѣщенному дереву. Она очевидно приняла необыкновенно сильный свѣтъ свѣчей за солнечный. Если я вечеромъ работаю, то моя лампа стоитъ около самой клѣтки совы, и она въ такомъ случаѣ прижимается такъ плотно къ палочкамъ клѣтки, что между нею и пламенемъ остается разстояніе едва въ 15 см. На этомъ мѣстѣ она остается часто цѣлые часы. Какъ прекрасно она видитъ днемъ, я убѣдился по слѣдующему случаю. Однажды около часу дня, когда солнце освѣщало мою комнату черезъ окно, я замѣтилъ, что ушастая сова очень внимательно всматривается въ одну точку на потолкѣ прямо надо мною, выражая поворачиваніемъ головы, что очень интересуется этою точкой. Прослѣдивъ за направлеиемъ ея взглядовъ, я увидѣлъ съ своего мѣста надъ собою паука, сидѣвшаго на потолкѣ; онъ былъ меньше мухи. Такъ какъ сова то равнодушно смотрѣла въ другомъ направленіи, то снова смотрѣла на паука съ живѣйшимъ вниманіемъ, то я всталъ на стулъ, чтобы наблюдать паука и замѣтилъ, что онъ, не перемѣняя положенія, иногда работая ногами надъ своею тканью, иногда-же снова неподвижно сидѣлъ на своей сѣти. Если онъ переставалъ работать, сова равнодушно отворачивалась; когда онъ начиналъ мотать ногами, не двигая тѣла, сова самымъ внимательнымъ образомъ слѣдила за нимъ. Хотя я вижу очень хорошо, но для меня было невозможно различить движенія паука

съ того мѣста. гдѣ я сидѣлъ: сова-же находилась гораздо дальше, однако самымъ точнымъ образомъ замѣчала всѣ его движенія. Я думаю поэтому, что она закрываетъ глаза не столько затѣмъ, чтобы защититься отъ солнечнаго свѣта, какъ затѣмъ, чтобы дѣлать видъ, будто-бы нисколько не обращаетъ вниманія на опасное существо».

Позднѣе Вальтеръ замѣтилъ въ дополненіе къ сказанному еще слѣдующее: «Если очень темно, то совы не видятъ ничего. Когда я выпускалъ свою сову вечеромъ изъ клѣтки, то иногда случалось, что она пролетала надъ лампою, причеиъ лампа гасла. Въ такомъ случаѣ она каждый разъ налетала на стѣну и соскальзывала внизъ, такъ какъ не могла ничего распознать. Каждый разъ она должна была сидѣть на томъ мѣстѣ, куда соскользнула, пока не зажгали снова лампу».

Старыя оставленныя гнѣзда вороны, вахиры, бѣлки или дневной хищной птицы служатъ ушастой совѣ колыбелью для птенцовъ. Объ улучшеніи найденнаго гнѣзда она не думаетъ. Она кладетъ въ маргѣ свои четыре круглыхъ бѣлыхъ яйца безъ всякаго приготовленія на дно найденнаго гнѣзда и насиживаетъ ихъ очень усердно въ теченіи трехъ недѣль; въ это время ее кормитъ самецъ. Этотъ послѣдній выражаетъ свое любовное одушевленіе громкимъ крикомъ, который можно сравнить со слогомъ «уй уй» или «вумп», а также хлопаньемъ крыльями; онъ держится, пока самка высиживаетъ, по близости ея, вѣрно сторожить и начинаетъ кричать, если врагъ приближается къ гнѣзду. «Я часто удивлялся», говоритъ мой отецъ, «его мужеству, когда онъ громкимъ «вау вау» возвѣщалъ приближеніе опасности и съ видимымъ презрѣніемъ къ смерти леталъ вокругъ врага. Если я убивалъ самокъ, то самцы усердно старались замѣнить отсутствующую мать и въ такомъ случаѣ я почти всегда легко убивалъ ихъ, между тѣмъ какъ раньше они держались обыкновенно внѣ выстрѣла». Птенцы требуютъ много пищи, постоянно кричатъ и пищатъ, какъ будто-бы они всегда голодны, и побуждаютъ нѣжныхъ родителей къ непрерывной охотѣ за мышами. Къ сожалѣнію, они слишкомъ часто выдаютъ себя своимъ крикомъ злымъ и глупымъ людямъ и въ такомъ случаѣ погибаютъ часто жалкой смертью. Если взять ихъ изъ гнѣзда, когда они покрыты еще пухомъ, и много заниматься ими, то они скоро становятся необыкновенно ручными и очень забавляютъ своихъ хозяевъ.

Упомянутая уже ручная ушастая сова прожила 17 лѣтъ въ домѣ Вальтера. Этотъ авторъ нашелъ 1 августа 1869 г. гнѣздо съ четырьмя молодыми ушастыми совами очень различной величины; самую маленькую, которая была едва больше домашняго воробья, онъ взялъ съ собою и держалъ ее до 13 апрѣля 1876 г., когда она околѣла. Мы приводимъ здѣсь рядъ отрывковъ изъ даннаго Вальтеромъ описанія жизни его любимицы въ неволѣ. «Едва-ли можно представить себѣ болѣе смѣшную фигуру, чѣмъ такая ушастая сова дней восьми отъ роду. Она похожа на бѣловатый комокъ шерсти, на которомъ покоится безобразно толстая голова съ кошачьимъ лицомъ. Большие глаза съ оранжево-желтой радужной оболочкою окружены чернымъ пухомъ, все остальное до самыхъ пальцевъ — бѣлый пухъ, а наверху на головѣ вмѣсто будущихъ перистыхъ ушей стоятъ два круглыхъ, бѣлыхъ, шерстистыхъ пучка. Еще забавнѣе кажется птица, когда она движется: почти каждую минуту она покачиваетъ туда и сюда своею толстой головою и верхней частью тѣла или поднимаетъ и опускаетъ голову, описывая въ то же время круги».

«Когда сова научилась летать, поведение ея измѣнилось; она оставалась, правда, попрежнему довѣрчивой по отношенію ко мнѣ и моей женѣ и не боялась насъ, а также не относилась недружелюбно и къ прислугѣ, но выказывала злобу по отношенію къ чужимъ. Когда въ это время меня посѣтилъ Рейхеновъ изъ Берлинскаго

музея, и я ввель его въ комнату, въ которой находилась сова, то она тотчасъ полетѣла къ его головъ, ударила на лету когтями одной лапы по лбу, такъ что пошла кровь, и усѣлась за тѣмъ на печь, не дѣлая дальнѣйшихъ нападеній. На одного мальчика изъ булочной, который собирался нести хлѣбъ въ лавочку, находившуюся подъ моей квартирой, она тоже захотѣла напасть и при этомъ такъ сильно ударила на лету объ оконное стекло, что разбила его почти въ дребезги.

«Но въ то же время она стала очень занимательной, благодаря своимъ играмъ, и цѣлыя часы занималась ими, если я выпускалъ ее изъ клѣтки, не дѣлая ни малѣйшаго различія, было-ли это среди бѣла дня или вечеромъ. Величайшее удовольствіе ея заключалось до самой ея смерти въ томъ, чтобы разрывать на мелкіе кусочки бумажныя полоски и шарики. Я повторяю здѣсь вкратцѣ то, что писалъ объ ея забавныхъ выходкахъ въ одной газетѣ 10 лѣтъ тому назадъ. Тамъ въ статьѣ объ «играхъ и забавахъ птицъ» написано слѣдующее. Если я выпускаю сову изъ клѣтки и даю ей летать по комнатѣ, то она выражаетъ свою радость поворачиваніемъ головы, покачиваніемъ тѣла и пользуется для игры всѣмъ, что ей попадетъ. Она хватаетъ носовые платки, салфетки, одѣяла, чтобы прятать ихъ. Съ носовымъ платкомъ въ когтяхъ она облетаетъ нѣсколько разъ комнату, затѣмъ относитъ его всегда на диванъ и глубоко засовываетъ его клювомъ въ уголокъ, что, впрочемъ, удается ей лишь послѣ долгихъ стараній, такъ какъ она наступаетъ при этомъ на платокъ. Какъ ни прилежно она занята этой работой, но тотчасъ оставляетъ ее, если я бросаю въ комнату комокъ бумаги. Быстрымъ и легкимъ полетомъ она бросается за нимъ, схватываетъ его на лету, не касаясь земли, и красивой дугою подлетаетъ къ какому-нибудь высокому предмету, но второй шарикъ, брошенный моей рукою, удерживаетъ ее отъ того, чтобы сѣсть; она бросается и за нимъ, схватываетъ его другой лапою и начинаетъ летать по комнатѣ съ обоими шариками до тѣхъ поръ, пока не свалится внизъ отъ утомленія, такъ какъ, благодаря шарикамъ въ лапахъ, она нигдѣ не можетъ усѣсться. Разорвавъ затѣмъ шарики на мелкіе кусочки, она проситъ обыкновенно новыхъ, т. е. приближается ко мнѣ, или садится мнѣ на колѣна и пристально смотритъ на меня. Замѣчу при этомъ, что всѣ совы уносятъ то, что остается лакомага отъ ихъ обѣда въ какое-нибудь темное мѣсто, прижимаютъ тамъ клювомъ и прячутъ. Съ игрою было слѣдовательно связано упражненіе въ прятаніи.

«Когда клѣтку посыпаютъ свѣжимъ пескомъ, птица спускается съ жерди, обходитъ полъ нѣсколько разъ, тихо ступая и внимательно всматриваясь въ песокъ, и вдругъ вцѣпляется въ песокъ обѣими лапами, которыя она необыкновенно быстро движетъ взадъ и впередъ, совершенно ясно подражая охотѣ за мышами. Если я укрѣпляю прочіе жердочки, служащія для сидѣнія, или перемѣняю веревочки, которыми онѣ привязаны, то сова тотчасъ же является помогать мнѣ, и я долженъ всегда очень торопиться, если хочу управиться съ этимъ дѣломъ. Оттолкнуть ее я не хочу и избѣгаю опасности повредить ей клювъ, что могло-бы случиться, если-бы позволилъ ей работать вмѣстѣ со мною.

«Очень забавную игру производила моя сова—самецъ, начиная со второго года своей жизни, впрочемъ, только въ весенніе мѣсяцы. Позднѣе выяснилось, что эта игра была извѣстнаго рода токованіемъ. Она относилась лишь къ моей женѣ и происходила лишь въ ея присутствіи.

«Я долженъ предварительно замѣтить, что моя сова точно узнавала людей по походкѣ; приближался-ли къ комнатѣ кто-нибудь изъ обитателей дома или чужой, она всегда указывала это мнѣ своимъ поведеніемъ, вздерошивая или прижимая перья, поднимая, опуская или поворачивая перистыя уши. Если всею моею женою

входила въ сосѣдную комнату и направлялась къ комнатѣ совы, то птица тотчасъ-же соскакивала съ жердочки на землю, обѣгала сначала, низко опустивъ голову, вокругъ клѣтки и пряталась за сигарный ящикъ, стоявшій въ клѣткѣ, причемъ, какъ кошка, прижималась къ землѣ. Если моя жена не входила и снова удалялась отъ двери, то сова вставала и выходила впередъ, но снова быстро пряталась за ящикъ, какъ скоро шаги моей жены становились яснѣе. Если она открывала дверь, то сова выскакивала изъ-за ящика, становилась на середину пола клѣтки, топала ногами и кричала, наклонивъ голову къ землѣ, но поднимая глаза вверхъ на мою жену, глухое, продолжительное «хухуху». При этомъ она хлопала крыльями.

«Что этими приемами сова старалась добиться расположенія моей жены, ясно обнаружилось въ слѣдующіе годы. Для меня остается только удивительнымъ, какимъ образомъ сова узнавала въ моей женѣ женщину, а во мнѣ мужчину; можетъ быть по голосу? Она видѣла во мнѣ, какъ будетъ указано ниже, соперника и преслѣдовала меня съ величайшей ревностью. Хотя вообще она была болѣе предана мнѣ, чѣмъ моей женѣ (она получала пищу главнымъ образомъ отъ меня и я вообще болѣе занимался ею, чѣмъ моя жена), но съ наступленіемъ весны она становилась по отношенію ко мнѣ настолько-же злобной, насколько любящей по отношенію къ моей женѣ, приходила даже въ бѣшенство, если я отвѣчалъ на ея крикъ. Я часто долженъ былъ звать жену, чтобы она успокоила сову своимъ появленіемъ. Нѣжность къ моей женѣ увеличивалась съ годами, и именно лишь въ весеннее время. Ея свиное сердце давно уже принадлежало моей женѣ и побуждало отдать ей самое дорогое, что только она могла дать: именно кусочки бараньяго сердца, которыми ее обыкновенно кормили, если не было мышей; часто лишь только моя жена входила, сова прыгивала съ жерди, гладко прикладывая уши къ головѣ, схватывала клювомъ столько размельченнаго бараньяго сердца, лежавшаго на блюдечкѣ, сколько могла захватить, и несла на встрѣчу моей женѣ, слѣдуя за нею, куда она шла. Если сердце было, какъ обыкновенно, совершенно свѣжее и чистое, то моя жена доставляла совѣ величайшее удовольствіе, какое только могла—она подходила къ клѣткѣ и прикладывала голову къ рѣшеткѣ. Сова тотчасъ подходила и съ величайшимъ стараніемъ клала моей женѣ на губы размельченное сердце. Теперь она успокаивалась, хотя большая часть кусочковъ и падала внизъ, но самое позднее черезъ часъ кормленіе начиналось снова.

«Большое удивленіе возбуждало во мнѣ всегда то, что сова точно знала, что ротъ у человѣка соответствуетъ клюву птицы. Хотя оба первые раза, принося кусочки мяса, она сначала и касалась нѣсколько разъ носа моей жены, прежде чѣмъ распознала ротъ, но это можно ей простить: вѣдь у ней нѣ клювъ соединены ротъ и носъ; это однако было лишь въ первый и второй разъ.

«Мою сову можно было побудить къ игрѣ, какъ кошекъ, двигая пальцами подъ какой-нибудь салфеткой; она хватала ихъ, если могла достать. Также занимало ее, если я, стоя передъ ея клѣткой въ мягкихъ туфляхъ, двигалъ въ туфлѣ пальцами. Она напряженно смотрѣла нѣкоторое время, наклонивъ голову, на мою ногу, затѣмъ быстро поднимала голову и смотрѣла мнѣ въ глаза. Тѣмъ же самымъ быстрымъ движеніемъ головы внизъ она снова начинала смотреть на туфлю и это продолжалось нѣсколько минутъ; въ это время для нея не существовало ничего, кромѣ моей головы и ноги. Это забавное подниманіе и опусканіе головы живо напоминало подобныя движенія обезьянъ и показывало, что сова отлично знала, что настоящаго виновника движенія пальцевъ надо было искать въ головѣ, и что нога служить лишь лишеннымъ воли орудіемъ головы.

«Я могу еще кое-что сказать о голосѣ моей ушастой совы. Крикъ ея слышенъ чаще всего во время, соотвѣтствующее времени спариванія, такъ-же часто днемъ, какъ и ночью. Онъ звучитъ «ху ху» и состоитъ изъ медленно слѣдующихъ другъ за другомъ звуковъ, причѣмъ клювъ не открытъ, а область зоба очень вздута. Кромѣ этого крика слышится, хотя и не часто, но во всякое время года довольно громкій, короткій лай, похожій на лай собаки, но звучащій не какъ «вау вау» у собаки, а какъ «ва ва». Онъ служитъ знакомъ того, что она слышитъ на дальнемъ разстоянїи, напримѣръ на улицѣ, необыкновенный для нея шумъ. Издавая эти звуки, она не бываетъ возбуждена. Свою симпатїю къ хозяину она выражаетъ негромкимъ, прїятно звучащимъ, похожимъ на трели свистомъ, который она издавала всегда, когда я протягивалъ ей руку. Нѣсколько громче и продолжительнѣе былъ этотъ крикъ, когда я утромъ въ первый разъ входилъ къ ней въ комнату. Въ такомъ случаѣ она прямо требовала, чтобы я подошелъ къ ней и становилась тихой и довольной лишь послѣ нѣсколькихъ дружескихъ словъ съ моей стороны. Иногда, когда я былъ сильно занятъ, я утромъ не вспоминалъ тотчасъ о совѣ и пропускалъ мимо ушей ея свистъ; въ такомъ случаѣ она продолжала непрерывно кричать, пока моя жена, которая слышала лучше меня, не кричала мнѣ изъ сосѣдней комнаты, дверь которой была открыта: «сова уже давно зоветъ тебя!» И тогда подходилъ къ ней».

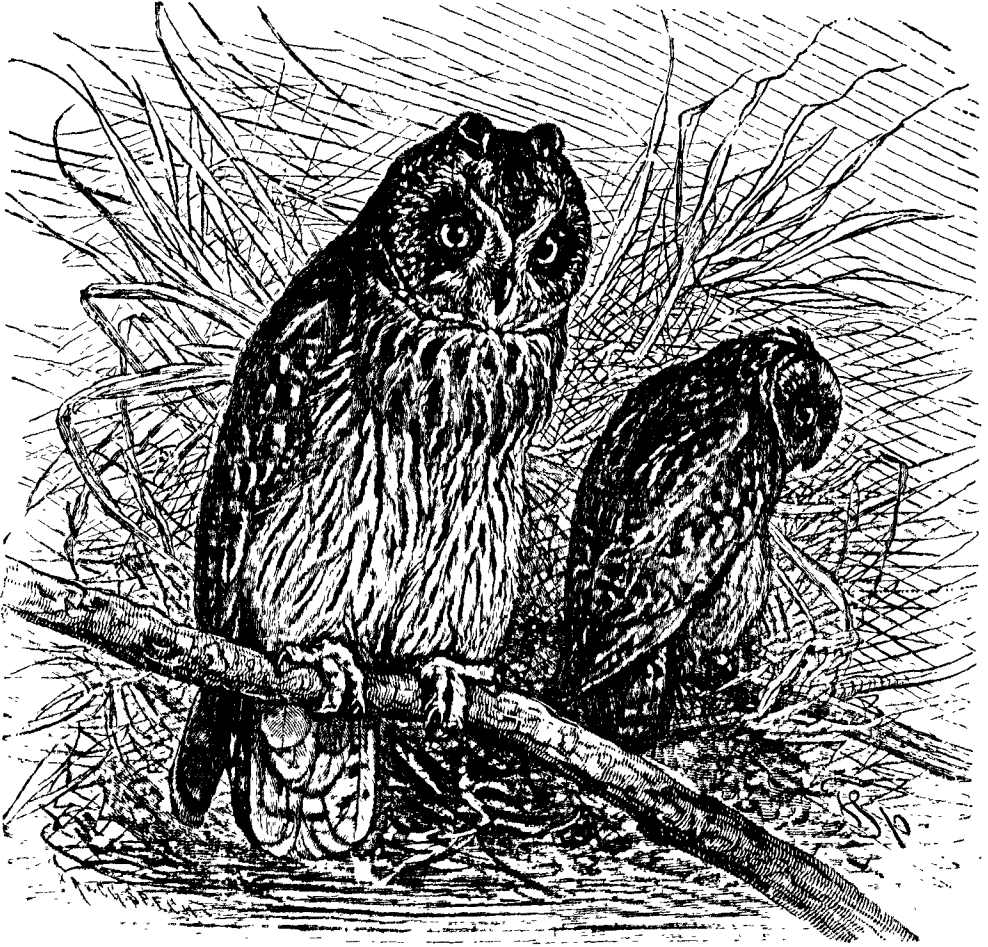
Ушастая сова тоже очень ненавистна всѣмъ дневнымъ птицамъ и ее дразнить, какъ только она покажется. Разумный человекъ не трогаетъ ее и поступаетъ хорошо, такъ какъ всякое покровительство, оказываемое ей — полезно лѣсу; напротивъ, безразсудный охотникъ-мальчишка убиваетъ ее, лишь только увидитъ на деревѣ, прибавляетъ гвоздями къ воротамъ въ знакъ своей глупости и, пожалуй, хвалится еще своимъ геройствомъ. Ему можно сказать, что ушастая сова полезна до тѣхъ поръ, пока жива. Потребность въ пищѣ у нея, правда, незначительна, но голодна ли она или нѣтъ, — она все-таки не можетъ, увидѣвъ мышъ, не броситься на нее, а потому и ловить мышей больше, чѣмъ съѣдаетъ. Въ случаѣ удачи она относитъ мышей въ скрытое мѣстечко и достаетъ ихъ оттуда, если ей не посчастливится на охотѣ. Лишь въ случаѣ очень сильнаго голода она тотчасъ съѣдаетъ убитую мышъ; обыкновенно она отрываетъ ей голову и уноситъ остальное. Хотя бы на короткое время, въ укромное мѣсто. Но если парамѣтъ птенцовъ, то приноситъ столько мышей, сколько только можетъ наловить, обкладываетъ ими все гнѣздо, послѣ того какъ птенцы насытятся, и такимъ образомъ проявляетъ изумительную дѣятельность по сравненію съ своей величиною.

* *

Болотная сова (*Asio accipitrinus, ulula, brachyotus* и *sandvicensis*, *Otus brachyotus, palustris, microcephalus* и *agrarius*, *Strix brachyotus, arctica, palustris, tripennis, caspia, brachyura, sandwichensis, accipitrina* и *aegolius, Noctua minor, Brachyotus palustris, aegolius, agrarius, leucopsis* и *cassini*, *Ulula* и *Aegolius brachyotus*. Sumpfeule. Moyen duc à huppes courtes) настолько похожа на ушастую сову, что ее часто смѣшивали съ нею. Голова ея однако меньше или по крайней мѣрѣ кажется меньше; короткія перистыя уши состоятъ лишь изъ 2—4 перьевъ; крылья относительно длинны и выдаются гораздо дальше хвоста. Основной цвѣтъ прїятный блѣдно-желтый, вѣнчикъ бѣловато-сѣрый, перья головы и тѣла разрисованы черными стержневыми черточками, которыя достигаютъ внизъ до груди, а на брюхѣ становятся уже и длиннѣе; кроющія перья крыла на наружной сторонѣ желтыя, на внутренней и на концѣ чернаго цвѣта; маховыя и хвостовыя

перья съ сѣро-бурыми поперечными полосками. Глаза не темно, а блѣдно-желтые; клювъ рогового чернаго цвѣта. Молодые птицы темнѣе старыхъ. Длина равна 36 см., размахъ крыльевъ приблизительно 98, длина крыла 28, а хвоста 15 см.

Болотная сова, первоначально обитательница тундры, въ буквальномъ смыслѣ слова космополитка. Принужденная каждую осень покидать эти пустынные мѣста и предпринимать странствованія, она посѣщаетъ прежде всего всѣ три сѣверныхъ части свѣта, пересѣкаетъ при этомъ всю Европу и Азію, перелетаетъ изъ нихъ въ

Болотная сова. *Asio accipitrinus*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

Африку и вѣроятно изъ Азіи на Сандвичевы острова и кочуетъ также по Америкѣ отъ крайняго сѣвера до южной оконечности ея. Правда, въ этихъ предѣлахъ ее видали не вездѣ, напримѣръ не наблюдали ни въ Австраліи, ни въ южной Африкѣ, но можно съ вѣроятностью предположить, что она и здѣсь окажется. Бурмейстеръ наблюдалъ одну изъ этихъ совъ въ открытомъ морѣ къ западу отъ острововъ Зеленаго мыса; я встрѣчалъ ее въ стенахъ по верхнему Шилу; Жердонъ упоминаетъ, что она каждую зиму въ большомъ числѣ является въ Индію, и различные наблюдатели сообщаютъ, что она въ октябрѣ является въ странахъ, лежащихъ у южной оконечности Америки, а въ мартѣ снова исчезаетъ.

Въ тундрѣ случается иногда вспугнуть болотную сову и днемъ, но обыкновенно ее замѣчаютъ не ранѣе, чѣмъ наступитъ ночь. Она не боится, правда, летать и днемъ, но дѣлаетъ это лишь въ видѣ исключенія, между тѣмъ какъ въ вечерніе и ночные часы она обыкновенно занимается охотою. Благодаря тому, что въ серединѣ лѣта сѣверная ночь почти такая-же свѣтлая, какъ день, болотная сова охотится иначе, чѣмъ большинство совъ, именно на гораздо болѣе значительной высотѣ надъ землею, почти какъ нашъ сарычъ, съ тою лишь разницею, что чаще и иначе трепещетъ крыльями, когда держится на одномъ мѣстѣ. Она летаетъ, дѣлая крыльями широкіе взмахи, и сохраняетъ этотъ родъ движенія и въ то время, когда трепещетъ на лету, торопливо подвигается впередъ на нѣкоторое разстояніе удивительно быстрымъ полетомъ, снова останавливается, паря на одномъ мѣстѣ, самымъ точнымъ образомъ изслѣдуетъ при этомъ лежащую подъ нею охотничью область и бросается въ нѣсколько пріемовъ внизъ къ землѣ, чтобы схватить пеструшку, свою обыкновенную добычу. Въ Германію она является обыкновенно въ серединѣ сентября и кочуетъ до конца октября, а въ мартѣ медленно возвращается. Во время своего странствованія она хотя и ищетъ пріюта на всякихъ равнинахъ, лишенныхъ лѣса или мало лѣсистыхъ, но предпочитаетъ болотистыя мѣстности, держится днемъ въ травѣ и камышѣ на землѣ, въ случаѣ опасности прижимается къ землѣ, какъ куропатка, близко подпускаетъ къ себѣ врага, но взлетаетъ еще заблаговременно и летитъ тихо, покачиваясь, низко и довольно медленно, какъ это дѣлаютъ луни, хотя иногда поднимается и на болѣе значительную высоту. У насъ она занимается болѣе всего охотой за мышами и лишь въ исключительныхъ случаяхъ нападаетъ на болѣе крупныхъ животныхъ, хотя, понятно, не пренебрегаетъ и мелкими птицами, а также схватываетъ кротовъ въ то время, какъ они выбрасываютъ изъ норъ землю, или нападаетъ на еще слабого зайца или кролика. Въ случаѣ нужды она довольствуется насѣкомыми или лягушками.

Болотная сова не всегда возвращается на свою родину на крайній сѣверъ, напротивъ, особенно обильная пища побуждаетъ ее иногда поселиться на лѣто и въ такихъ мѣстностяхъ, которыя лежатъ внѣ области ея распространенія. Если, напримеръ, въ Скандинавіи пеструшки встрѣчаются въ большомъ числѣ на южныхъ фіельдахъ, какъ было, по словамъ Коллетта, въ 1872 году, то она не упускаетъ случая поселиться тамъ и вывести птенцовъ. То же происходитъ и у насъ въ тѣхъ случаяхъ, когда бываетъ много мышей. Въ богатомъ мышами 1857 году, по словамъ Блазіуса и Бальдамуса, на тростниковыхъ болотахъ между Эльбой и Заалой при ихъ сляніи выводили птенцовъ не менѣе, чѣмъ приблизительно 200 паръ вѣтхихъ совъ; Альтумъ встрѣтилъ въ 1872 г. около Виттенберга нѣсколько паръ болотныхъ совъ, выводившихъ птенцовъ; наконецъ, я узналъ, что въ нѣкоторые годы онѣ встрѣчаются лѣтомъ въ Шпревальдѣ очень часто. Гнѣздо находится обыкновенно на землѣ, по возможности скрыто въ травѣ, представляетъ крайне безпорядочную постройку и заключаетъ въ маѣ 6—10 чисто бѣлыхъ яицъ, длиною отъ 40 до 47 м.м., шириною 24—26 м.м., которыя отлчаются отъ яицъ ушастой совы лишь болѣе удлиненной формой, меньшей величиною, болѣе тонкой и гладкой скорлупою и менѣе замѣтными порами. Высиживаютъ-ли оба пола, или только самка, я не могу сказать; но мы знаемъ, что и болотная сова у гнѣзда чрезвычайно смѣла и готова къ нападенію. Каждая приближающаяся хищная птица подвергается яростному нападенію одной изъ птицъ, вѣроятно самца, безразлично днемъ или ночью; каждую ворону совы также прогоняютъ. Даже и болѣе крупный соколы, повидимому, приходитъ въ полное смущеніе при появленіи совы. То же бываетъ и съ человекомъ,

который хочет похитить птенцовъ; одинъ изъ моихъ знакомыхъ въ Шпревальдѣ подвергался въ подобномъ случаѣ очень серьезной опасности и долженъ былъ сильно защищаться, чтобы спасти лицо и глаза отъ смѣло нападающей птицы.

Хотя болотная сова и позволяетъ себѣ иногда нападенія на человѣка и полезныхъ животныхъ, но все-же слѣдуетъ считать ее крайне полезною птицею и радоваться ея появленію, а не преслѣдовать ее. Можно извинить, если иной охотникъ убьетъ незнакомую хищную птицу просто затѣмъ, чтобы рассмотреть ее; но ничто не оправдываетъ массоваго избіенія этой полезной птицы. Шахтъ узналъ, на примѣръ, что нѣкоторые охотники при появленіи болотной совы устраиваютъ настоящую охоту на нее, поднимаютъ ее собаками, стрѣляютъ ее въ легъ, какъ пернатую дичь, затѣмъ хвастаются своимъ геройствомъ.

Иногда случается видѣть въ неволѣ и болотную сову, понятно, во всякомъ случаѣ рѣже, чѣмъ ушастую. Я не разъ держалъ ее, но не могъ замѣтить въ ея поведеніи какихъ-либо особенностей, достойныхъ вниманія.

* *
* *

Самыя маленькія совы, именно **Карликовая** (*Pisorhina*) имѣютъ тонкое тѣло съ довольно большой головою и сильно согнутымъ клювомъ, длинныя крылья, въ которыхъ второе маховое перо выдается дальше другихъ, короткій, слабо закругленный хвостъ и высокія, покрытыя рѣдкими перьями ноги, пальцы которыхъ голые. Опереніе у нихъ довольно гладко прилегаетъ къ тѣлу и пестро окрашено, ушные пучки толстыя, короткіе; вѣнчикъ изъ перьевъ на лицѣ мало замѣтный, такъ какъ и ушные отверстия малы.

Представительницей этого рода служитъ **Сплюшка**, **Зорька**, **Сычъ-канюхъ** (*Pisorhina scops*, *Asio scops*, *Scops carniolica*, *zorca*, *giu*, *ephialtes*, *asio*, *aldrovandi*, *minuta*, *europaea*, *senegalensis*, *vera*, *minor*, *rupestris*, *rufescens*, *pygmaea* и *longipennis*, *Strix scops*, *giu*, *zorca*, *carniolica* и *pulchella*, *Ephialtes scops* и *zorca*, *Bubo scops*. *Zwergohreule*. *Petit duc*). Длина этой птицы 15—18 см., размахъ крыльевъ 46—51, длина крыла 14, а хвоста 7 см. На верхней сторонѣ преобладаетъ красно-бурый цвѣтъ съ пепельно-сѣрымъ оттѣнкомъ; на этомъ основномъ цвѣтѣ замѣтны черноватые разводы и продольныя черточки, на крыльяхъ замѣтны какъ бы чешуйки съ бѣлыми каемками, а на плечахъ—съ красноватыми; цвѣтъ нижней стороны можно назвать беспорядочною смѣсью буровато-ржаво-желтаго и сѣробѣлаго. Вѣнчикъ неявственный, перистыя уши средней длины. Клювъ голубовато-сѣрый, ноги темно-свинцово-сѣрыя, глаза свѣтлаго сѣрно-желтаго цвѣта. Самца и самку едва можно различить; молодые окрашены нѣсколько тусклѣе и менѣе пестро разрисованы, чѣмъ старыя птицы.

Сплюшка представляетъ обыкновенное явленіе лишь начиная съ южной Германіи; въ сѣверную и среднюю Германію или Великобританію она попадаетъ лишь изрѣдка, заблудившись. Отдѣльныя гнѣздящіяся пары попадаютъ на Рейнъ и въ области Альпъ, именно въ Штири, Каринтіи, Крайнѣ, Тиролѣ и Кроаціи, но уже чаще въ южной Франціи и очень часто во всей южной Европѣ; кромѣ того она встрѣчается болѣе или менѣе правильно въ Средней Азии, на востокъ до Туркестана. Въ Европѣ это перелетная птица, которая появляется довольно рано, въ послѣдніе дни марта или первые апрѣля, но уже довольно скоро, именно въ сентябрѣ и самое позднее въ началѣ октябрия снова улетаетъ. Странствованія ея простираются до самой внутренности Африки. Я никогда не находилъ ее въ странахъ по верхнему

Нилу парами, а всегда многочисленными обществами, которыя несомнѣнно совершали въ то время перелетъ.

Въ Испаніи сплюшка держится въ ровныхъ мѣстностяхъ, поросшихъ одѣльными деревьями, именно на поляхъ и въ виноградникахъ, въ садахъ и на бульварахъ. Встрѣчается-ли она въ настоящемъ лѣсу, я не могу сказать, но никогда я не находилъ ее тамъ. Она не боится человѣка и селится въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нимъ, очень часто живетъ, напримѣръ, на деревьяхъ въ самыхъ оживленныхъ мѣстахъ гуляній въ Мадридѣ. Однако ее нелегко найти. Она тоже держится днемъ совершенно спокойно, тѣсно прижавшись къ стволу дерева, или-же спрятавшись подъ листьями винограда; сидитъ она низко надъ землею и, несмотря на свой пестрый рисунокъ, такъ хорошо подходитъ къ цвѣту коры или такъ совершенно теряется въ листьѣ, что увидѣть ее можно только случайно. Лишь послѣ солнечнаго заката можно видѣть, какъ она носится, охотясь, низко надъ землею быстрымъ полетомъ, который болѣе похожъ на полетъ сокола, чѣмъ на полетъ совы. Голосъ ея, котораго я, что весьма замѣчательно, никогда не слышалъ, есть далеко слышный звукъ, подражаніе которому представляютъ итальянскія народныя названія этой птицы: «хіу, чіу и чіуи». Молодыя сплюшки издаютъ своеобразный шепотъ.

По сравненію съ ея незначительной величиною, сплюшка довольно опасный хищникъ. Охотится она главнымъ образомъ за мелкими позвоночными, но не за насѣкомыми, какъ можно-бы подумать. Въ желудкѣ убитыхъ я находилъ главнымъ образомъ мышей, но тѣ, которыхъ я держалъ въ неволѣ, нападали и на маленькихъ птицъ и убивали ихъ, а одна изъ нихъ, которую я пустилъ свободно летать по комнатѣ, съ большою быстротою и ловкостью поймала у меня на глазахъ летучую мышъ, которая влетѣла черезъ открытую дверь, и мгновенно задушила ее.

Гнѣзда, по увѣренію всѣхъ испанцевъ, которые могли сообщить мнѣ свѣдѣнія объ этомъ, находятся въ дуплахъ деревьевъ и заключаютъ не ранѣе, чѣмъ къ концу мая, маленькія, круглыя бѣлыя яйца, которыхъ длина равна 31, а ширина 26 м. м. Въ первыхъ числахъ іюля мы достали еще одного слѣплого птенца, нѣсколько дней спустя—трехъ; мы заботливо ухаживали за ними и они, послѣ непродолжительнаго пребыванія въ неволѣ, стали чрезвычайно ручными. Они не только позволяли трогать себя, но даже носить на пальцѣ по комнатѣ, не улетая, брали предлагаемую пищу изъ рукъ и чрезвычайно забавляли насъ своимъ веселымъ шаловливымъ характеромъ. Свирѣпаго фырканыя я не слышалъ никогда, слабое щелканье клювомъ—лишь въ началѣ неволи. По понемногу эти маленькія птицы становились самостоятельными и одна за другою улетали на волю, несмотря на заботливый присмотръ. Объ одной сплюшкѣ, воспитанной въ неволѣ, мой братъ пишетъ мнѣ, что она составляетъ любимѣйшую игрушку его ребенка.

Въ неволѣ совы этого вида сидятъ днемъ въ самыхъ различныхъ позахъ на удобныхъ мѣстахъ въ своей клѣткѣ, одна гладко прижавъ перья, другая нахохлившись такъ, что похожа на комокъ перьевъ. Одна закладываетъ назадъ одно перистое ухо и поднимаетъ другое, другая поднимаетъ оба кверху и необыкновенно комично моргаетъ на зрителя, который можетъ совсѣмъ подойти къ ней, причемъ она и не тронется. Въ клѣткѣ каждая отыскиваетъ себѣ мѣстечко и умѣетъ такъ превосходно прятаться, что часто приходится долго искать, прежде чѣмъ найдешь ее. Опереніе ея совершенно сливается съ окружающей обстановкою: не разъ случалось, что одна изъ нихъ сидѣла близко передо мною, а я не видалъ ее. Содержаніе ихъ въ неволѣ не представляетъ никакой трудности. Я не сомнѣваюсь, что удастся получить птенцовъ отъ сплюшекъ, содержащихся въ неволѣ. Двое изъ моихъ птен-

цовъ выросли большими, спаридись и положили три яйца. Самка усердно высиживала, но, къ сожалѣнію, околѣла раньше, чѣмъ птенцы вылупились.

* * *

Въ Индіи и Малайскихъ странахъ живутъ **Водяныя совы** (*Smilonyx. Fisch-eulen. Hibous aquatiques*), которыя отличаются отъ всѣхъ остальныхъ и своимъ видомъ, и образомъ жизни. Это—птицы значительной величины, съ большими ушными пучками, но относительно малыми ушными отверстиями; клювъ крѣпкій, сильный, средней длины, прямой при основаніи, затѣмъ равномерно согнутый, сжатый съ боковъ, начиная отъ восковицы и загнутый небольшимъ крючкомъ; ноги длинныя и очень сильныя; лапы, вооруженныя сильными когтями, не покрыты перьями; крылья такъ коротки, что не достигаютъ конца хвоста, который средней длины; четвертое маховое перо самое длинное; кроющія перья довольно жидкія.

Водяная сова, называемая въ Индіи **Улу** и **Утумъ** (*Smilonyx ceylonensis, Ketupa ceylonensis, leschenaultii, Strix ceylonensis, dumeticola, leschenaultii и hardwickii, Cultrunguis nigripes и leschenaultii. Fischeule. Hibou aquatique*) мало уступаетъ по величинѣ филину-пугачу; длина ея равна 60 см., размахъ крыльевъ 120, длина крыла 42, а хвоста 21 см. Опереніе сверху винно-красновато-ржавое; перья головы и затылка, а также ушные пучки—съ продольными темно-бурыми полосками, спинныя перья и кроющія перья крыла окрашены смѣсью бурога и блѣдно-желтаго цвѣта, такъ какъ каждое перо на блѣдно-буромъ фонѣ представляетъ темно-бурую полосу, которая прерывается блѣдными, неясными поперечными полосками; маховыя перья бурья съ чалыми поперечными полосками и винно-краснымъ или желтоватымъ наружнымъ опахаломъ и блѣднымъ съ бѣлыми пятнами внутреннимъ. Хвостовыя перья бурья съ тремя или четырьмя блѣдно-буроватыми поперечными полосками и такъ-же окрашенной поперечной полоской на концѣ; лицо бурое съ темно-бурыми полосками, щетинистое опереніе окрашено смѣсью чернаго и бѣлаго цвѣтовъ; подбородокъ бѣлый, отчасти съ бурыми черточками; остальное опереніе винно-красновато-бурога цвѣта, каждое перо съ узкой, темно-бурой стержневой чертой и многочисленными поперечными полосками. Глаза оранжево-желтые, вѣки малиново-бурыя, клювъ блѣднаго рогового желтаго цвѣта; ноги грязно-желтаго.

Водяная сова встрѣчается во всей Индіи, а также обыкновенна на Цейлонѣ, но очевидно распространена гораздо шире, такъ какъ ее убивали и въ Китаѣ, и въ Палестинѣ. На Малайскихъ островахъ ее замѣняетъ родственный ей видъ. Она живетъ главнымъ образомъ въ группахъ деревьевъ и въ мелкомъ лѣсѣ, по близости селеній, по крайней мѣрѣ прячется здѣсь днемъ, сидя, подобно другимъ совамъ, у самаго ствола на верхушкѣ какого-нибудь дерева съ густой листвою. Тиккель встрѣчалъ ее чаще всего въ самыхъ густыхъ джунгляхъ, среди дикихъ скалъ или въ долинахъ съ крутыми скалами; Хольдсвортъ—на старыхъ деревьяхъ у береговъ стоячихъ водъ на Цейлонѣ, каждый день на одной и той-же вѣтви. Какъ ни сильно она ищетъ днемъ тѣни, но иногда охотно грѣется на солнцѣ и, если ее испугнуть, то летитъ, ничѣмъ не показывая, чтобы свѣтъ мѣшалъ ей, легко и прямо надъ подлѣскомъ и черезъ нѣкоторое время опускается внизъ головой въ чащу. Къ вечеру она является изъ своего убѣжища, подлетаетъ къ какому-нибудь высокому мѣсту, вершинѣ холма или верхней вѣтви дерева и высматриваетъ отсюда добычу. Яванскій видъ, по словамъ Бернштейна, особенно любитъ группы близко стоящихъ другъ около друга аренговыхъ пальмъ, листья которыхъ, похожіе на опахала, раз-

лично пересѣкаясь, образуютъ въ такихъ случаяхъ густую чашу, которая и доставляетъ совѣ желаемое убѣжище. Самыя жилища человѣка, въ непосредственной близости которыхъ эта сова встрѣчается, она, повидимому, не посѣщаетъ. Если ее испугнуть, она улетаетъ, какъ рассказываетъ Бернштейнъ, «по большей части на очень далекое дерево и смотритъ отсюда на своего врага широко открытыми глазами. Хотя она безъ нужды и не оставляетъ своего убѣжища раньше начала

Водяная сова. *Smilonyx ceylonensis*. $\frac{1}{6}$ наст. вел.

сумерекъ, но, повидимому, дневной свѣтъ такъ-же мало мѣшаетъ ей видѣть, какъ и ея родичамъ. По крайней мѣрѣ нѣсколько водяныхъ совъ, которыхъ я держалъ въ неволѣ, умѣли очень искусно ловить и днемъ ящерицъ, змѣй, крысъ и другихъ животныхъ, которые случайно попадали въ ихъ обширную и вовсе не темную тюрьму». Кромѣ этихъ животныхъ онѣ, по словамъ туземцевъ, охотятся на свободѣ также за курами и другими птицами. Напротивъ, Жердонъ говоритъ, что водяная сова направляется обыкновенно къ ближайшей водѣ, все равно прудъ-ли это, ручей, или рѣка. Здѣсь можно видѣть, какъ она сидитъ на свѣшивающейся надъ во-

дою скалѣ или на сухомъ деревѣ, и подкарауливаетъ рыбѣ. Ходжсонъ первый наблюдалъ, что она ѣсть рыбѣ; Жердонъ нашелъ, что она, быть можетъ, даже предпочитаетъ имъ краббовъ. Туземцы увѣряютъ, что она нападаетъ также на кошекъ и убиваетъ ихъ.

Ея грубый и глухой голосъ звучитъ часто какъ смѣхъ, отъ котораго волосы становятся дыбомъ: «ха хау хау хо», и всегда нагоняетъ страхъ на боязливыхъ людей, на которыхъ, можетъ быть, производить кромѣ того удручающее впечатлѣніе и самая мѣстность, избираемая водяною совою. Особенно во время спариванія она кричитъ часто и оживленно. Гнѣздо, которое изслѣдовалъ Бернштейнъ, находилось «на довольно значительной вышинѣ на вершинѣ стараго дерева, въ томъ мѣстѣ, гдѣ отъ ствола отдѣлялся толстый сучекъ, густо покрытый мхомъ, папоротниками, орхидеями и т. п. Въ этой подушкѣ, состоящей изъ паразитныхъ растений, птицы сдѣлали углубленіе или можетъ быть лишь нѣсколько углубили и увеличили бывшую раньше щель. Это углубленіе и составляло все гнѣздо, въ которомъ безъ какой-либо подстилки лежало матово-блестящее чисто бѣлое яйцо, которое, какъ обыкновенно у совъ, имѣло замѣчательно короткую, почти кругловатую форму. Въ другомъ гнѣздѣ одинъ изъ моихъ охотниковъ нашелъ уже вполне оперившагося птенца; судя по этому, кажется, что эта сова кладетъ обыкновенно лишь одно яйцо».

Сингалезцы часто держатъ въ неволѣ водяную сову, а потому она иногда попадаетъ и въ наши клѣтки, но все-таки принадлежитъ къ рѣдкостямъ.

Три семейства: козодоевъ, бѣлоноговъ и гуахаро Фюрбрингеръ соединяетъ въ группу **Козодоевыхъ** (*Caprimulgi. Schwalmvögel*). Всѣ козодоевыя — сумеречныя и ночныя птицы, которыя, кромѣ различныхъ особенностей, сохраняютъ и большую часть существенныхъ признаковъ ракъшевидныхъ. Съ этими дневными птицами вышеописанныя ночныя связаны и по отношенію къ образу жизни переходными формами.

Козодои (*Caprimulgidae. Nachtschwalben. Engoulevents*) столь замѣчательныя птицы, что ихъ никакъ нельзя не узнать или смѣшать съ другими родичами этого класса. Всюду, гдѣ встрѣчаются козодои, они всегда останавливали на себѣ вниманіе человѣка, всюду пріобрѣтали значеніе и подавали поводъ къ своеобразнымъ мнѣніямъ. На это указываетъ, между прочимъ, разнообразіе и значеніе названій, которыя носятъ эти птицы. Онѣ образуютъ весьма многочисленное семейство, состоящее болѣе, чѣмъ изъ 100 видовъ и рѣзко отграниченное отъ другихъ, хотя не всѣ натуралисты придерживаются одного и того-же раздѣленія. Ихъ обычное нѣмецкое названіе «ночныя ласточки» придумано недурно, хотя о сходствѣ между ними и ласточками можно говорить только относительно общихъ поверхностныхъ признаковъ: ближайшее-же сравненіе этихъ обѣихъ группъ приводитъ къ существеннымъ различіямъ. Какъ внѣшнее, такъ и внутреннее строеніе козодоевъ въ высшей степени своеобразно. Величина ихъ крайне неопредѣленна. Нѣкоторые виды величиною почти съ ворону, другіе-же ростомъ едва съ жаворонка. Туловище ихъ вытянутое, шея короткая, голова очень объемистая, широкая и плоская; глаза большіе и очень выпуклые; клювъ относительно маленькій, назади необыкновенно широкій, но очень короткій, спереди сильно суженный и крайне плоскій; челюсти, напротивъ того, чрезвычайно удлинены и потому ротъ у нихъ шире, чѣмъ у какой-либо другой птицы. Роговая часть клюва занимаетъ только кончикъ этого органа; она узка, но на верхней челюсти по сторонамъ выгнута; ея тупая

спинка не заходит далеко назадъ. Подлѣ нея, близко одна возлѣ другой, расположены позвры, обыкновенно трубкообразной формы. Ноги обыкновенно слабыя, съ короткими плюснами, которыя покрыты мозолистою кожею на задней сторонѣ; спереди плюсны покрыты щитками, вверху большею частью оперены, но иногда совсѣмъ голыя. Пальцы, за исключеніемъ очень развитаго средняго, короткіе и слабыя; внутренній и средній пальцы соединены обыкновенно у основанія перепонкою; задній палецъ обращенъ внутрь, но онъ можетъ поворачиваться также и впередъ. У всѣхъ видовъ одного подсемейства средній палецъ вооруженъ длиннымъ и зубчатымъ когтемъ. Маховыя перья длинныя, узкія и острыя; изъ нихъ самое длинное не первое, но обыкновенно второе, а часто также третье или четвертое. Хвостъ состоитъ изъ десяти перьевъ, имѣющихъ весьма различную форму. Опереніе вродѣ совиного—мягкое и длинное, узоръ его необыкновенно нѣжный и красивый, окраска-же темная и небросающаяся въ глаза; ее можно уподобить цвѣту древесной коры. Замѣчательны щетинки, окружающія ротъ, а также короткія, тонкія и густыя рѣсницы, защищающія глаза. У нѣкоторыхъ видовъ самцы имѣютъ особенное украшеніе: удлиненыя и большею частью весьма своеобразно устроенныя перья, которыя выходятъ не только изъ хвоста, какъ обыкновенно, но также и изъ крыльевъ, представляя такимъ образомъ преобразованныя маховыя перья.

Изъ изслѣдованій, сдѣланныхъ Нитшемъ надъ внутреннимъ строеніемъ тѣла средне-европейскаго вида, оказывается, что въ скелетѣ этой птицы особенно замѣчательны черепъ и ноги. Боковыя части верхней челюсти плоски, широки и, какъ всѣ кости черепа, имѣютъ воздухоносныя полости. Слезныя кости соединяются съ боковыми частями верхней челюсти. Небныя кости плоски и заднія ихъ стороны расширены; крыловыя отростки основной кости соединены съ клиновидными третьимъ сочлененіемъ; на квадратной кости вовсе нѣтъ задняго свободного отростка. Совершенно своеобразно у этихъ птицъ сочлененіе, лежащее посреди развѣтвленія нижней челюсти, такъ какъ эта послѣдняя состоитъ у козодоевъ изъ трехъ несросшихся между собою частей. Передняя двойная часть образуетъ маленькую нижнюю челюсть и передній отдѣлъ челюстной впадины; два другихъ парныхъ куска составляютъ челюстныя вѣтви и сочленяются сзади съ квадратною костью, а спереди по косому направленію съ переднею частью. Въ послѣдней вовсе нѣтъ воздушныхъ полостей, тогда какъ заднія части имѣютъ воздушныя камеры. Грудная кость въ своей задней части загибается книзу, вслѣдствіе чего желудокъ имѣетъ возможность расширяться и достигаетъ размѣровъ кукушкинаго. Отношенія между отдѣльными костями переднихъ конечностей не такъ необыкновенны, какъ у касатокъ. Содержащая воздухъ плечевая кость длиннѣе лопатки, предплечье хотя и немного длиннѣе плечевой кости, однако все-же не короче кисти. Узкій продолговатый языкъ характеризуется своею незначительною величиною, но главное зубчиками, расположенными какъ на поверхности его, такъ и по сторонамъ. Основаніе языка хрящевое, нижняя часть гортани приводится въ движеніе только одною парю мускуловъ. Пищеводъ у всѣхъ видовъ козодоевыхъ Стараго Свѣта безъ зоба или расширения; у нѣкоторыхъ-же американскихъ видовъ, напротивъ того, виситъ въ видѣ мѣшка. Передній желудокъ маленький, съ толстыми стѣнками; настоящій желудокъ кожистый, съ дряблыми стѣнками и очень растяжимый. Селезенка необыкновенно маленькая и продолговато-круглая. Почка такой-же формы, какъ у пѣвчихъ птицъ. Печень такая-же, какъ у кукушекъ.

Родиною козодоевъ служатъ всѣ страны земного шара, за исключеніемъ тѣхъ, которыя лежатъ въ холодномъ поясѣ. Въ Европѣ встрѣчаются только два вида, въ Сѣверной Америкѣ—болѣе четырехъ; но уже въ средней Америкѣ и въ Африкѣ

число видовъ значительно увеличивается. То же самое относится и къ соответствующимъ мѣстностямъ Азіи; Австралія тоже небѣдна этими птицами. Область распространѣнія отдѣльныхъ видовъ довольно обширна, но мѣстожителство ихъ ограничивается только нѣкоторыми благопріятными для нихъ мѣстностями. Большая часть всѣхъ козодоевъ живетъ въ лѣсу или, покрайней мѣрѣ, скрывается тамъ для отдыха; нѣкоторые-же виды, напротивъ, положительно предпочитаютъ степи, а другіе—даже пустыни или пустынные каменистыя отлогости и тому подобныя мѣстности. Въ горахъ тѣ виды, которые тамъ живутъ, поднимаются до значительныхъ высотъ: такъ, по Чуди, наши козодой поднимаются въ Альпахъ до 1800 м.; африканскіе, по Гейглину, въ Абиссиніи встрѣчаются на высотѣ до 4000 м.; въ горахъ Колорадо, по словамъ Аллена, козодой поднимаются болѣе, чѣмъ на 3000 м. надъ уровнемъ моря.

Какъ и слѣдовало ожидать, основная окраска оперенія козодоевъ стоитъ въ зависимости отъ того или другого мѣста ихъ жительства. Всѣ лѣсные козодой имѣютъ бурое опереніе, вполне подходящее къ цвѣту древесной коры; виды, живущіе въ пустыняхъ или степяхъ,—песочнаго цвѣта. Впрочемъ общій характеръ окраски каждаго вида почти одинаковъ и потому Свайнсонъ утверждаетъ, что кто видѣлъ одного козодоя, тотъ видѣлъ ихъ всѣхъ.

Осѣдлыми птицами можно, по всей вѣроятности, считать только тѣ виды, которые живутъ въ лѣсахъ экваторіальныхъ странъ. Всѣ прочіе принадлежатъ къ перелетнымъ, а всѣ сѣверные виды—къ регулярно странствующимъ. Они появляются на своей родинѣ довольно рано весною и пребываютъ тамъ до начала осени. Странствованія ихъ простираются до далекихъ предѣловъ: наши козодой залетаютъ даже во внутреннюю Африку. Только во время этихъ перелетовъ козодой и выказываютъ нѣкоторую общительность; на родинѣ-же каждая отдѣльная пара держится сама по себѣ и всякую другую выгоняетъ изъ своего участка. Впрочемъ, размѣры этихъ участковъ очень невелики, и тамъ, гдѣ эта птица водится, зачастую случается, что въ одномъ большомъ саду гнѣздятся нѣсколько паръ. Въ средней Европѣ козодой избѣгаютъ близости человѣка и если появляются въ деревняхъ, то исключительно лишь ночью; на югѣ-же совсѣмъ иначе:—здѣсь они селятся въ самыхъ деревняхъ или по близости ихъ и часто избираютъ своимъ обычнымъ мѣстожителствомъ большіе сады.

Большинство козодоевъ питаются исключительно разными насѣкомыми, но нѣкоторые виды къ этому роду пищи прибавляютъ всевозможныхъ мелкихъ позвоночныхъ. Всѣ виды въ высшей степени прожорливы и потому оказываютъ большую услугу нашимъ лѣсамъ. Съ ловкостью сокола или ласточки они летаютъ то низко, то высоко надъ свободнымъ пространствомъ, кустарникомъ или верхушками деревьевъ, кружатъ надъ ними, чрезвычайно граціозно колеблясь при этомъ на воздухѣ и во время полета схватываютъ подвернувшееся насѣкомое или подбираютъ тѣхъ, которыя спятъ на листьяхъ и стебелькахъ и даже тѣхъ, которыя просто сидятъ на землѣ. Ихъ широкій ротъ позволяетъ имъ проглатывать очень крупныхъ жуковъ, и потому они нападаютъ преимущественно на тѣ виды этихъ насѣкомыхъ, которыхъ щадятъ другія птицы. Наши козодой могутъ, напримѣръ, проглотить, одинъ зъ другимъ, до дюжины и болѣе майскихъ и іюньскихъ жуковъ и въ состояніи также схватить своимъ широкимъ ртомъ большихъ навозныхъ жуковъ, даже копровъ (Coprins), самыхъ крупныхъ ночныхъ бабочекъ, сверчковъ и кузнечиковъ. Бѣлоноги осиливаютъ даже маленькихъ позвоночныхъ, а испанскіе козодой проглатываютъ плоды, величиною со сливу. Для лучшаго пищеваренія нѣкоторые, по крайней мѣрѣ насѣкомоядные виды, глотаютъ мелкіе

камешки, которые они собираютъ въ кремнистыхъ мѣстахъ. Охота ихъ начинается обыкновенно съ наступленіемъ ночи, производится въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, затѣмъ прерывается, а на разсвѣтѣ снова возобновляется. Еще прежде, чѣмъ солнце покажется на небѣ, козодои отправляются на покой. Но и при этомъ бываютъ исключенія. Американскіе виды охотятся нерѣдко среди бѣлаго дня и не только въ темныхъ лѣсахъ, но даже и на открытыхъ мѣстахъ, при яркомъ солнечномъ свѣтѣ. Иные садятся днемъ на опрокинутыя деревья или прямо на землю, а также на выступы скалъ въ темныхъ пещерахъ, или, вѣрнѣе сказать, не садятся, а ложатся, такъ какъ они до того плотно прижимаются къ мѣсту, что кажутся гораздо больше въ ширину, чѣмъ въ вышину.

Всѣ козодои выказываютъ свою подвижность только на-лету; къ вѣтвямъ они просто прилѣпляются, а на землѣ скорѣе лежатъ, нежели сидятъ. Походка ихъ похожа на весьма жалкое припрыгиваніе, которое сильно утомляетъ ихъ и никогда не продолжается дальше одного метра разстоянія; полетъ-же, напротивъ, представляетъ собою нѣчто среднее между полетомъ ласточки и сокола, отличается легкостью и граціей, ловкостью и изяществомъ. На значительную высоту козодои взлетаютъ неохотно, не потому, что не въ состояніи этого сдѣлать, а по той причинѣ, что ниже надъ землею они скорѣе доставутъ себѣ добычу, нежели на значительной высотѣ. Но во время дальнихъ перелетовъ они, зачастую, держатся высоко надъ землею; тѣ виды, которые летаютъ днемъ, въ особенности любятъ охотиться въ верхнихъ слояхъ воздуха.

Между внѣшними чувствами первенствующее мѣсто занимаетъ зрѣніе, что можно заключить по большимъ глазамъ; послѣ зрѣнія болѣе всего развиты слухъ и осязаніе. Развито-ли у нихъ обоняніе,—мы съ достовѣрностью сказать не можемъ, но относительно вкуса имѣемъ полное основаніе утверждать, что онъ у нихъ долженъ быть плохъ.

Умственные способности ихъ незначительны, хотя, можетъ быть, и не въ такой степени, какъ обыкновенно думаютъ. Сонный козодой, котораго мы стали бы наблюдать днемъ, производитъ во всякомъ случаѣ непріятное впечатлѣніе. Попавши случайно въ неволю, онъ тоже ничѣмъ другимъ не умѣетъ выразить безпомощность, какъ только развѣваніемъ своего огромнаго рта и хриплымъ фырканьемъ; застигнутый-же въ бодрственномъ состояніи и въ полной дѣятельности, онъ выказываетъ себя совершенно съ другой стороны. Хотя онъ и проявляетъ обыкновенно самое нелѣпное любопытство и часто даже пагубную для себя довѣрчивость, тѣмъ не менѣе все-таки скоро научается узнавать своихъ враговъ и прибѣгаетъ даже къ хитрости, чтобы защитить себя или свое потомство отъ ихъ преслѣдованій.

Настоящаго гнѣзда козодои не строятъ. Они кладутъ свои яйца безъ всякой подстилки прямо на голую землю, и не заботятся даже выкопать для этого въ землѣ хотя небольшое углубленіе. Численность кладки обыкновенно весьма незначительна: большинство козодоевъ кладутъ только по два яйца, а многіе даже и по одному. Кенигъ-Вартгаузенъ въ своемъ прекрасномъ трудѣ относительно размноженія козодоевъ отмѣчаетъ четыре различныхъ сорта яицъ этихъ птицъ. Козодои сѣвернаго полушарія, въ особенности, которые живутъ въ умѣренномъ поясѣ Стараго Свѣта, кладутъ яйца съ довольно блестящею молочно-бѣлою или желтовато-бѣлою скорлупою, покрытою буроватыми или голубовато-пепельно-сѣрыми пятнышками; живущіе на сѣверѣ Новаго Свѣта несутъ яйца съ очень блестящею скорлупою зеленовато-сѣро-бѣлаго цвѣта, испещренною мелкими бурными или сѣрыми, плотно или рѣдко разсыпанными пятнышками, крапинами и черточками. Яйца козодоевъ, живущихъ на югѣ Новаго Свѣта, имѣютъ почти совершенно тусклую и

очень нѣжную скорлупу сине-красноватаго или блѣдно-желтаго, а иногда яркомаснаго цвѣта, покрытую желто-красными или фіолетово-сѣрыми крапинами, большею частью въ видѣ легкихъ разводовъ, рѣже въ видѣ грубыхъ пятнышекъ и черточекъ; наконецъ исполинскіе козодой и бѣлоноги кладутъ болѣе или менѣе чисто бѣлыя яйца безъ всякихъ пятенъ. Насиживаютъ, по всей вѣроятности, только самки, но оба родителя выказываютъ одинаково живое участіе къ своему потомству и защищаютъ его какъ только могутъ. Нѣкоторые весьма страннымъ образомъ оберегаютъ свои яйца; Одюбонъ сообщаетъ намъ, что они прячутъ ихъ въ своемъ громадномъ ртѣ и перетаскиваютъ въ другое, кажущееся имъ болѣе безопаснымъ, мѣсто въ лѣсу, гдѣ и продолжаютъ насиживаніе. Птенцы выдупляются изъ яицъ одѣтыми въ довольно густой пушокъ; сначала они выглядятъ очень некрасивыми, благодаря своей толстой головѣ и огромнымъ глазамъ, но скоро вырастаютъ и получаютъ опереніе своихъ родителей. Насколько намъ извѣстно, всѣ виды горячо любятъ своихъ дѣтенышей и защищаютъ ихъ всѣми силами.

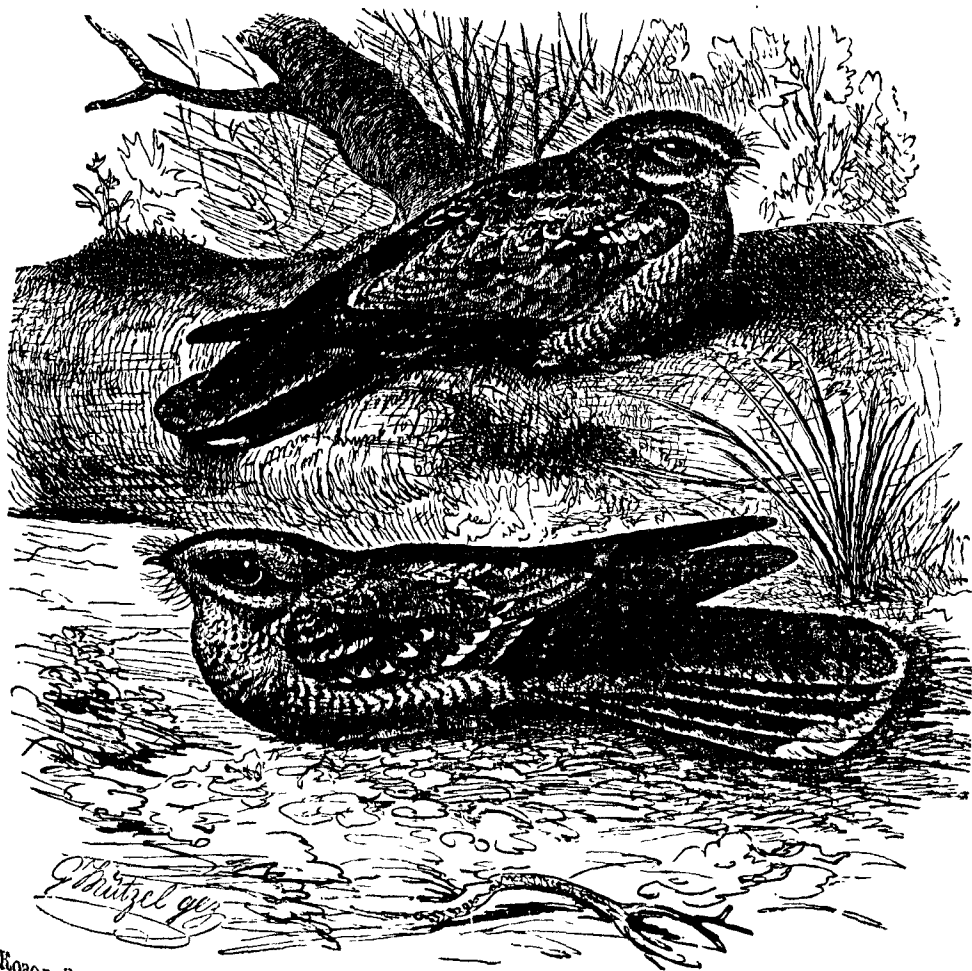
Для содержанія въ неволѣ годятся только немногіе виды козодоевъ; впрочемъ, при соответствующемъ уходѣ ихъ можно долгое время воспитывать въ комнатѣ или въ клѣткѣ, подѣ тѣмъ условіемъ, что птица должна быть взята изъ гнѣзда малымъ птенцомъ и вскормлена съ самаго начала. Особенно занимательными плѣнниками онѣ никогда не бываютъ, и интересны развѣ только для наблюденій натуралиста. Тѣ виды, которые пытаются не исключительно насѣкомыми, а также и мелкими позвоночными, держатся относительно легко и выживаютъ въ клѣткѣ по цѣлымъ годамъ.

Число враговъ, опасныхъ для козодоевъ, относительно невелико. Человѣкъ, знакомый съ ними, не преслѣдуетъ ихъ. Подобная пощада оказывается вовсе не потому, что за этими птицами признается польза, а скорѣе по той причинѣ, что въ козодояхъ видятъ крайне неприятную птицу, убіеніе которой можетъ повести за собою печальныя послѣдствія. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаютъ индусы, а также краснокожіе и негры, населяющіе среднюю Америку; съ ними согласны испанцы и многія африканскія племена. Простой народъ въ Германіи смотритъ на это безобидное созданіе положительно съ недоброжелательствомъ, такъ какъ держится того мнѣнія, что широкая пасть козодоевъ создана ни для чего другого, какъ для доенія козъ. Грубый людъ убиваетъ эту птицу часто изъ простой кровожадности. Наравнѣ съ человѣкомъ въ средней Европѣ козодоевъ преслѣдуютъ также хищные звѣри и птицы, а также большія змѣи; впрочемъ, вредъ, наносимый имъ всѣми этими животными, не имѣетъ большого значенія.

Пашъ Козодой, Полуночникъ, Ночникъ, Ночной голубокъ, Комонъ, Ночной ястребъ, Лилекъ, Чурилка, Дремлюга (*Caprimulgus europaeus, vulgaris, maculatus, punctatus* и *foliorum*. Ziegenmelker. Engoulevent d'Europe) служитъ представителемъ рода Настоящихъ козодоевъ (*Caprimulgus*), болѣе всего подходящихъ къ общему описанію, данному выше. Туловище у него вытянутое, шея очень короткая, голова большая и широкая, клювъ очень маленькій и короткий, но широкий, у основанія узкій, на концѣ у позреѣй выгнутый; крылья длинныя, узкія и острыя, второе маховое перо въ нихъ самое длинное; хвостъ прямо усѣченный, такъ какъ въ немъ только наружныя рулевья перья укорочены, всѣ-же остальные одинаковой длины. На маленькихъ, короткихъ ногахъ средній палецъ значительно выдается изъ другихъ и соединяется съ сосѣдними двумя пальцами перепонкою до перваго сустава; маленькій, внутрь обращенный задній палецъ свободный. Плюсна сверху до

Половины покрыта маленькими перышками, остальная ея часть занята однимъ щиткомъ. Туловище покрыто длинноперымъ, но очень рыхлымъ и чрезвычайно мягкимъ оперениемъ, которое не твердо сидитъ на кожѣ.

Длина козодоя достигаетъ 26 см., размахъ крыльевъ 55, длина крыла 19, а хвоста 12 см. Оперение на верхней части буровато-сѣрое съ мелкимъ свѣтлымъ или темнымъ крапомъ и кромѣ того съ очень узкими черными стержневыми полосками, которыя расширяются на верхней части головы и на нижнихъ шейныхъ перьяхъ; на на-

Козодой. *Saprimulgus europaeus* и Рыжезобый козодой. *Saprimulgus ruficollis*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

нужныхъ краяхъ имѣютъ ржаво-бурья ленточныя пятна; вдоль темени пробѣгаетъ одна темная долевая полоса, а по плечамъ—двѣ. Поперечная полоса на крыльяхъ образуется черезъ широкіе ржаво-желтые кончики среднихъ кроющихъ перьевъ крыла, которыя существенно отличаются отъ остальныхъ — черно-бурыхъ съ ржаво-буроватыми крапинами. Черная съ ржаво-бурими крапинами уздечка и ушная область съ нижней стороны ограничены ржаво-бѣловатою долевою полоскою; верхніи кроющія перья хвоста по сѣрому фону имѣютъ темныя зигзаги; нижнія, ржаваго цвѣта кроющія перья крыла имѣютъ темныя поперечныя полосы; подбородокъ, горло и стороны шеи ржаво-чалаго цвѣта съ черноватыми поперечными черточками,

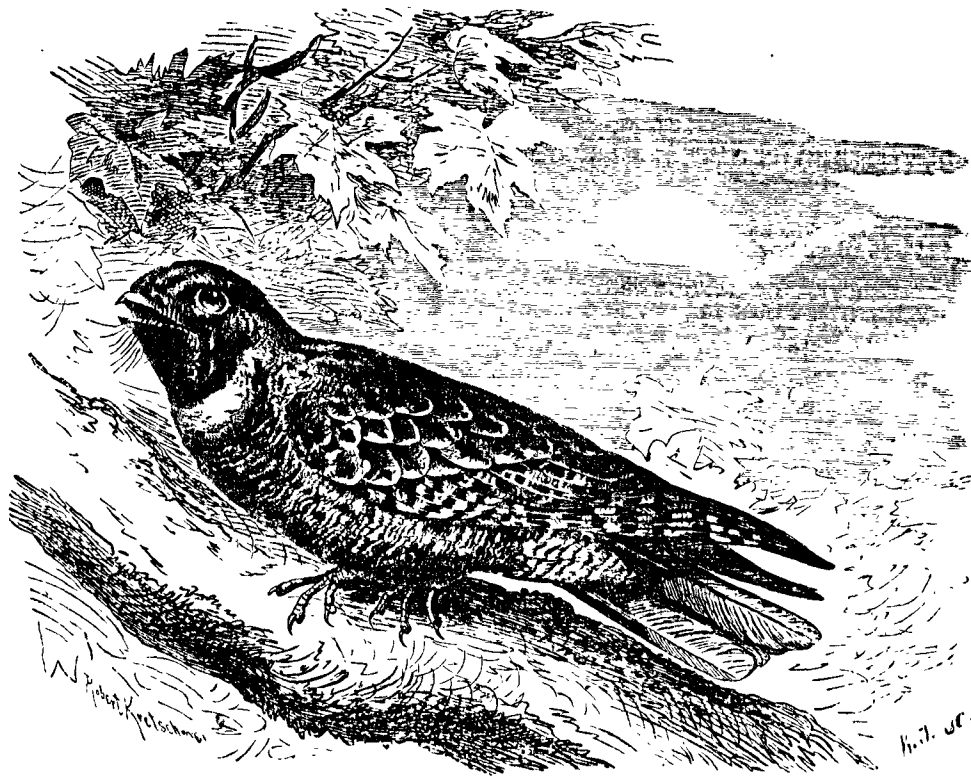
которыя на остальныхъ частяхъ нижней стороны становятся явственнѣе и шире и далеко расходятся на нижнихъ кроющихъ перьяхъ хвоста. Голова и грудь по черно-бурому фону окраплены мелкимъ сѣроватымъ крапомъ, а по сторонамъ украшены кругловатыми, крупными, бѣловатыми пятнами на концахъ перьевъ. Большое бѣло-сѣрое съ темными волнами поперечное пятно занимаетъ нижнюю часть горла. Отъ черно-бурыхъ маховыхъ перьевъ расходятся наружу шесть ржаво-желтыхъ съ темными мраморными разводами поперечныхъ пятенъ, и внутрь — ржаво-желтая поперечная полоса; первыя три маховыхъ пера имѣютъ кромѣ того на внутренней бородкѣ по большому бѣлому срединному пятну. Оба самыхъ среднихъ хвостовыхъ пера буровато-сѣрыя съ густыми черными разводами и съ девятью черными неправильными поперечными полосками; прочія рулевья перья украшены по черно-бурому фону 8—9 буровато-сѣрыми съ темными разводами пятнами, въ видѣ поперечныхъ полосъ; наконецъ оба крайнихъ рулевыхъ пера имѣютъ на концахъ широкія бѣлыя пятна. Глаза темно-каріе, вѣки красныя; клювъ, окруженный черными роговыми щетинками, черного рогового цвѣта; ноги красновато-бурыя. Болѣе тускло окрашенная самка отличается отъ самца тѣмъ, что первыя три маховыхъ пера на внутренней бородкѣ, равно какъ и оба самыхъ крайнихъ хвостовыхъ пера на концахъ имѣютъ вмѣсто бѣлага маленькія ржаво-желтыя пятнышки; опереніе птенцовъ разнится тѣмъ, что на немъ вовсе нѣтъ этихъ пятенъ.

Область распространенія козодоевъ простирается отъ средней Норвегіи черезъ всю Европу и западную Азію; зимою-же онъ посѣщаетъ всѣ страны Африки, такъ какъ отыскиваетъ себѣ зимнее пристанище, повидимому, на югѣ земного шара.

На юго-западѣ Европы, въ особенности въ Испаніи, нѣмецкій видъ замѣняется другимъ видомъ — **Рыжезобымъ козодоемъ** (*Caprimulgus ruficollis* и *rufitorquatus*. *Rothalsnachtschatten*. *Engoulevent à collier roux*). Онъ замѣтно больше своего нѣмецкаго родича: длина его 31 см., размахъ крыльевъ 61, длина крыла 20, а хвоста 16 см. Опереніе на верхней части головы нѣжнаго пепельно-сѣраго цвѣта съ чрезвычайно мелкимъ, темнымъ крапомъ, рядъ перьевъ вдоль середины украшенъ широкою черною, по сторонамъ съ ржаво-чалыми крапинами стержневыми полосками; уздечка и ушная область густого ржаво-бурого цвѣта, горло ржаво-красноватое, отдѣленное узкою ржаво-красноватою срединною полоскою по бокамъ отъ узкой бѣлой полоски по угламъ рта, а съ нижней стороны — отъ двухъ большихъ бѣлыхъ полосъ; нижняя его часть отграничена пятномъ съ черною каемкою; верхняя часть шеи украшена широкою ржаво-красною полоскою, перья которой немного затемнены благодаря узкимъ черноватымъ каемкамъ на кончикахъ и по краямъ ихъ; нижняя часть тѣла по сѣро-бурому фону окрашена въ высшей степени мелкимъ темнымъ и свѣтлымъ крапомъ и украшена черными узкими стержневыми полосками. Рядъ плечевыхъ перьевъ окаймленъ на внутренней бородкѣ около ствола широкою черною каймою, а на наружной бородкѣ широкою ржаво-желтою, отчего и происходитъ на плечахъ широкая черная и ржаво-желтая пятнистая долевая полоса; верхнія кроющія перья крыла ржаво-бурыя съ черными черточками и крапинами и съ большимъ, круглымъ, ржаво-красноватымъ пятномъ на концахъ; грудь по ржаво-красному фону испещрена сѣрыми крапинами, темными поперечными черточками и отдѣльнымъ большимъ ржаво-бѣловатымъ пятномъ; остальныя нижнія части туловища ржаво-желтыя; на брюшкѣ и по сторонамъ пестрѣютъ узкія темныя поперечныя черточки. Черныя маховыя перья украшены широкими ржаво-красными поперечными полосками; малыя маховыя перья имѣютъ ихъ четыре на наружной сторонѣ, а на внутренней сторонѣ большихъ онѣ выходятъ одна изъ

другой; первыя три маховыхъ пера имѣютъ внутри свойственныя многимъ козодоямъ большія бѣлыя пятна; оба самыхъ среднихъ хвостовыхъ пера по сѣро-буроватому съ темными разводами фону имѣютъ семь узкихъ поперечныхъ полосъ, образующихся изъ пятенъ; остальные рулевые перья по черно-бурому фону перерѣзаны восемью ржаво-красными съ темными разводами поперечными полосами; оба крайнихъ хвостовыхъ пера съ каждой стороны имѣютъ очень широкіе бѣлые концы, у третьяго этотъ бѣлый край уже. Глаза темно-каріе; клювъ черный; ноги грязно-черно-бурыя.

Область распространенія рыжезобаго козодоя, повидимому, довольно ограничена. Въ качествѣ осѣдлой птицы онъ живетъ на Пиренейскомъ полуостровѣ и

Жалобный козодой. *Caprimulgus vociferus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

въ сѣверо-западной Африкѣ, но во время своихъ странствованій залетаетъ также случайно на Мальту, въ южную Францію и встрѣчается даже въ Англии.

Если не самый обыкновенный, то во всякомъ случаѣ наиболѣе извѣстный въ Сѣверной Америкѣ видъ козодоевъ, это **Жалобный козодой**, **Whip-poor-will** американцевъ (*Caprimulgus vociferus* и *clamator*, *Antrostomus vociferus*. *Klagenachtschatten*. *Engoulevent criard*). Птица эта по величинѣ близко подходитъ къ нашему козодою. Опереніе ея крапчатое; по черно-бурому фону нестрѣютъ ржавыя и сѣроватыя крапины и узкія черныя стержневые пятнышки; которыя нѣсколько расширяются на верхней части головы; на затылкѣ и по сторонамъ шеи пробѣгаютъ черныя и ржавыя поперечныя черточки; на плечахъ и на кроющихъ перьяхъ крыла замѣчаются два неправильныхъ, ржавыхъ пятна на краяхъ перьевъ; уздечка и ушная область

густого ржаво-бураго цвѣта съ черными черточками; верхняя часть горла черная съ тонкими ржавыми поперечными черточками; нижняя часть ограничена бѣлою поперечною полоскою, доходящею почти до сторонъ шеи; верхняя часть груди покрыта черными и ржаво-бурыми поперечными полосками и кромѣ того украшена ржаво-бѣловатыми полосками на концахъ перьевъ; на остальной нижней части тѣла опереніе ржаво-желтоватаго цвѣта съ тонкими черными поперечными полосками. На черныхъ маховыхъ перьяхъ пестрѣютъ 6—7 ржавыхъ поперечныхъ каемочныхъ пятенъ; оба срединныхъ пера съ ржаво-сѣрымъ темнымъ крапомъ; на рулевыхъ перьяхъ девять черныхъ поперечныхъ пятенъ, происходящихъ оттого, что стержни перьевъ другого цвѣта, чѣмъ бородки; остальные перья украшены чернымъ, въ конечной своей половинѣ бѣлымъ, а у корня ржавымъ поперечнымъ пятномъ. Глаза темно-каріе; клювъ и длинныя щетинки у рта черныя; ноги блѣдно-бурыя. Самка отличается отъ самца ржаво-чалюю полоскою на горлѣ, семью ржавыми поперечными полосками на хвостовыхъ перьяхъ и ржаво-желтыми краями ихъ.

Эта общеизвѣстная въ Америкѣ птица распространяется по всей восточной части Соединенныхъ Штатовъ, а зимою залетаетъ также въ Мексику и Южную Америку.

* * *

Родъ **Длиннохвостыхъ козодоевъ** (*Scotornis*) отъ вышеописанныхъ родичей своихъ отличается клювомъ, который въ общемъ хотя имѣетъ и такую-же форму, какъ у другихъ козодоевъ, но обращаетъ вниманіе своимъ острымъ, сильнѣе изогнутымъ концомъ и сильно внизъ опущенными краями верхней части клюва; ротовая щель очень широка. Другой отличительный признакъ длиннохвостыхъ козодоевъ заключается въ очень длинномъ ступенчатомъ хвостѣ, въ которомъ сильно выступаютъ оба срединныхъ пера. Плюсна сверху оперена, въ остальной своей части покрыта четырьмя щитками. Въ длинныхъ крыльяхъ второе и третье маховыя перья длиннѣе прочихъ.

Представителемъ этого рода является **Длиннохвостый козодой** (*Scotornis longicaudus*, *Caprimulgus longicaudus*, *climacurus*, *furcatus*, *macrocerus*, *boreanii* и *viederspergii*. *Schleppennachtschwalbe*. *Engoulevent d' Afrique*); хотя онъ замѣтно меньше нашего козодоя, но зато гораздо длиннѣе его. Длина этой птицы 40 см., размахъ крыльевъ 52, длина крыла 14, а хвоста 25 см. Опереніе верхней части тѣла сѣро-бурое, обыкновенно съ чрезвычайно мелкимъ темнымъ или свѣтлымъ крапомъ; средній долею рядъ головныхъ перьевъ пестрѣетъ широкими черными стержневыми пятнами; по ржаво-желтоватому фону зашейка проходятъ черныя поперечныя черточки; плечи съ ржаво-желтыми и черными пятнами, происходящими оттого, что перья на краяхъ ржаво-желтаго цвѣта, а вдоль середины ствола черныя; срединныя верхнія кроющія перья крыла имѣютъ бѣлыя кончики, отчего образуется косая поперечная полоса; ржаво-бурый подбородокъ обведенъ узкою бѣлою полоскою, идущею отъ угла рта; на горлѣ красуется большой бѣлый щитокъ, ограниченный съ нижней стороны черною полоскою; ржаво-бурая верхняя часть груди и перья имѣютъ на концахъ сѣрыя пятна съ мелкимъ темнымъ крапомъ и одно большое бѣлое; остальная нижняя часть тѣла ржаво-желтаго цвѣта съ узкими темными поперечными черточками. По внутренней бородкѣ двухъ первыхъ и по обѣимъ бородкамъ третьяго и пятаго маховыхъ перьевъ проходитъ широкая бѣлая поперечная полоса, тогда какъ малыя маховыя перья украшены ржаво-желтыми пятнами въ видѣ поперечныхъ полосъ у бѣлыхъ краевъ кончиковъ. Оба среднихъ хвостовыхъ пера по сѣро-бурому фону окраплены густымъ темнымъ кра-

помъ; прочія-же перья по черному фону разрисованы ржаво-буроватыми съ морнымъ узоромъ пятнами въ видѣ поперечныхъ полосъ. Самое крайнее перо, съ ржаво-бѣловатою наружною бородкою, имѣетъ десять темныхъ поперечныхъ полосъ и заканчивается широкимъ бѣлымъ пятномъ; на второмъ рулевомъ перѣ такое-же пятно видно по обѣимъ сторонамъ только на наружной бородкѣ. Глаза каріе, клювъ, окруженный длинными щетинками, черный; ноги желто-буроватыя. Самка отличается отъ самца ржаво-сѣрою основною окраскою верхней части тѣла, ржаво-желтоватыми тусклыми маховыми перьями и широкою ржаво-желтою полосой на зашейкѣ и по сторонамъ шеи.

Насколько мы можемъ съ увѣренностью утверждать, длиннохвостый козодой живетъ исключительно въ Африкѣ, а именно на югъ отъ 19 градуса, въ большей части сѣверо-восточной, а также въ западной и во всей внутренней Африкѣ. Отдѣльные экземпляры залетаютъ также въ южную Европу, а потому этотъ видъ всѣми натуралистами занесенъ въ число европейскихъ птицъ.

* * *

У другихъ козодоевъ хвостъ у самца очень вилообразенъ, у самки-же менѣе; крылья длинныя и сильныя, переднее ихъ маховое перо на краю съзубриною, какъ у совъ; клювъ очень вытянутый, на концѣ относительно сильный; ноги тонкія и красивыя, сверху оперены, внизу покрыты щитками. Относящіеся сюда виды, встрѣчающіеся только въ Южной Америкѣ, названы **Водными козодоями** (*Hydropsalis*).

Лихохвостый козодой (*Hydropsalis forcipatus*, *limbatus* и *creagra*, *Caprimulgus forcipatus* и *megalurus*. *Leiernachtschwalbe*. *Engoulevent longipenne*) достигаетъ въ длину отъ 68 до 73 см., такъ какъ крайнія хвостовыя перья почти втрое длиннѣе туловища; длина крыльевъ 24, а хвоста 50—55 см. По Бурмейстеру,

Лихохвостый козодой. *Hydropsalis forcipatus*.
1/3 наст. вел.

основная окраска оперенія темно-бурая. Узоръ перьевъ на верхней части головы состоитъ изъ ржаво-желтыхъ поперечныхъ пятенъ на обѣихъ сторонахъ; въ глазной области эти пятна становятся блѣднѣе и шире и образуютъ свѣтлую полосу; на затылкѣ перья имѣютъ на концахъ широкія ржаво-желтыя каемки; по спинѣ проходятъ блѣдно-желтые поперечные волнистые зигзаги; переднія плечевыя перья покрыты широкими, желтыми, косыми пятнами и другъ противъ друга стоящими лцевидными зеркальцами; на горлѣ, шеѣ, груди и брюшкѣ перья имѣютъ ржаво-желтыя каемки, которыя на грудныхъ перьяхъ шире, чѣмъ на другихъ, а на серединѣ шеи образуютъ блѣдно-желтое круглое пятно. Большія сильныя маховыя перья бурого цвѣта, первыя съ внутренней стороны разрисованы ржаво-желтыми поперечными пятнами; на остальныхъ перьяхъ такія-же пятна выступаютъ и на наружной бородкѣ; хвостовыя перья бурія, крайнія изъ нихъ на внутренней бородкѣ съ бѣлыми каемками; слѣдующія у корня имѣютъ ржаво-красныя полоски и волнистость на бѣлыхъ каемкахъ; остальные перья испещрены мелкими зигзагами. Радужная оболочка глаза, клювъ и щетинки по краямъ рта черно-бурыя; ноги буромясного цвѣта.

По сообщеніямъ Бурмейстера, лирохвостые козодои живутъ одиноко въ густыхъ лѣсахъ и, повидимому, нигдѣ не бываютъ особенно многочисленны. По словамъ Азары, нѣкоторые виды иногда залетаютъ въ Парагвай, тамъ также держатся въ лѣсахъ и, подобно другимъ козодоямъ, любятъ летать низко надъ водою ручьевъ.

* *
*

Наконецъ намъ остается еще упомянуть о тѣхъ козодояхъ, у которыхъ нѣкоторыя перья крыльевъ развиты чрезвычайно своеобразно.

Вымпеловыми козодоями (*Cosmetornis*) называютъ виды съ очень слабымъ, окруженнымъ короткими щетинками клювомъ, съ довольно длинными ногами, у которыхъ плюсна голая, съ короткимъ, довольно тупо срѣзаннымъ хвостомъ и съ очень своеобразнаго устройства крыльями, въ которыхъ первыя пять маховыхъ перьевъ постепенно убавляются въ длину, шестое гораздо больше, седьмое равняется по длинѣ съ первымъ, восьмое почти въ длину всего крыла, а девятое значительно длиннѣе всѣхъ прочихъ.

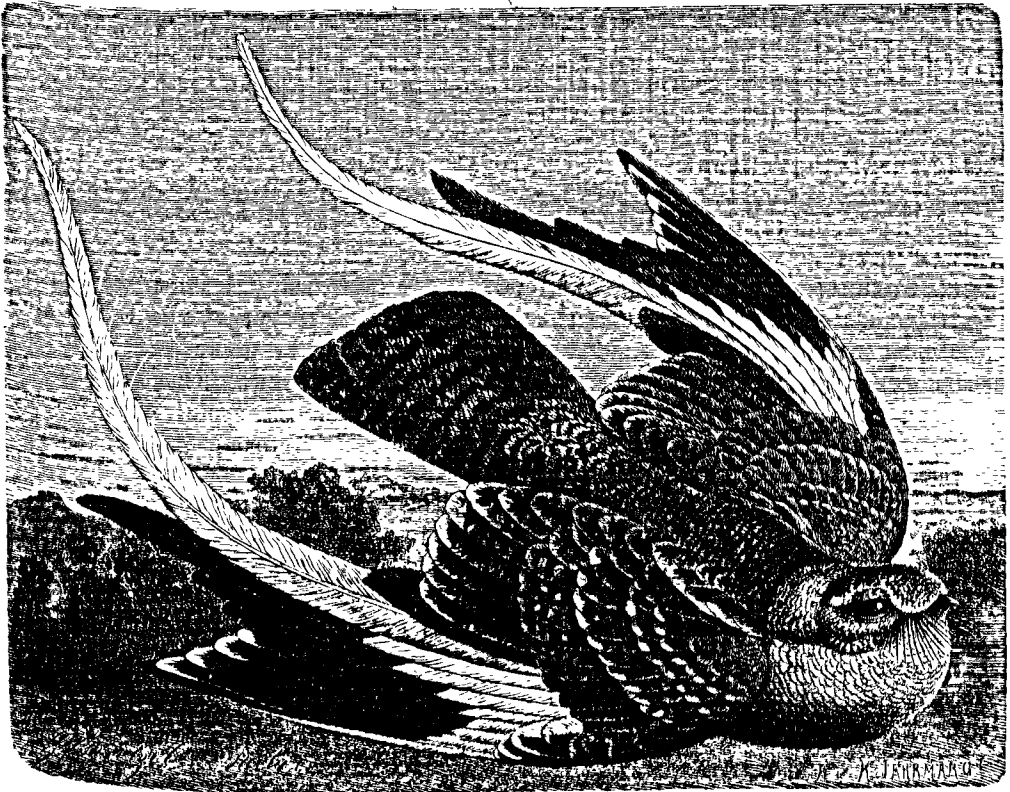
Вымпеловый козодой (*Cosmetornis vexillarius*, *Semeiphorus* и *Macrodipteryx vexillarius*, *Caprimulgus spekei*, *Flaggennachtschwalbe*, *Engoulevent à banderolles*) немного больше нашего козодоя. Опереніе верхней части тѣла черно-бурое съ мелкимъ ржаво-бурымъ крапомъ; на верхней части головы оно украшено черными стержневыми пятнами; на малыхъ маховыхъ перьяхъ передней и задней частей крыла, у самыхъ среднихъ и большихъ покровныхъ перьевъ, эти пятна замѣтно увеличиваются и какъ-бы выходятъ изъ ржаво-желтыхъ широкихъ пятенъ на концахъ перьевъ; по темнымъ сторонамъ головы пробѣгаютъ блѣдно-ржавыя поперечныя полоски и пятнышки; остальные бѣлыя нижнія части тѣла испещрены тонкими темными поперечными черточками. Маховыя перья черныя, у корня съ узкимъ бѣлымъ бортомъ; большія покровныя перья съ бѣлыми кончиками; 2-5 маховыя перья такія-же, шестое и седьмое одноцвѣтныя черныя, восьмое и девятое сѣровато-бурыя, снаружи темнѣе, стержень ихъ бѣлый; малыя маховыя перья черныя съ бѣлыми кончиками и ржаво-желтымъ основаніемъ, по которому проходятъ двѣ желтыя поперечныя полоски; рулевыя перья ржаво-желтыя съ черными разводами

и семью черными поперечными полосами. Радужная оболочка глаза темно-каряя; клювь черноватый; ноги светло-буроватая.

Этотъ видъ живетъ въ экваторіальныхъ странахъ внутренней Африки.

* *
*

Отсюда-же происходитъ родомъ самый замѣчательный изъ всѣхъ козодоевъ, **Четырехкрылый козодой** (*Macrodipteryx longipennis, africanus* и *condylopterus, Caprimulgus longipennis, macrodipteryx* и *africanus. Fahnennachtschwalbe. Ibijau african)*, представитель особаго рода, который по строенію клюва и ногъ мало

Вимеловый козодой. *Cosmetornis vexillarius*. 1/2 наст. вел.

отличается отъ остальныхъ видовъ семейства, но зато существенно разнится отъ всѣхъ устройствомъ своихъ крыльевъ и хвоста. Хвостъ поражаетъ своею малою длиною; крылья-же самца—однимъ своимъ наряднымъ перомъ. Это перо выходитъ между большими и малыми маховыми перьями, достигаетъ 47 см. длины, у корня вовсе не имѣетъ бородки; она начинается только на 16 см. отъ конца и идетъ по обѣимъ сторонамъ стержня въ видѣ довольно широкаго опахала. У самокъ этихъ перьевъ не бываетъ. Цвѣтъ оперенія довольно мрачный: верхняя сторона черно-бурая и сѣро-бурая, на верхней части головы съ ржаво-бурымъ крапомъ, на малыхъ маховыхъ перьяхъ передней части крыла и на верхнихъ покровныхъ перьяхъ большія ржаваго цвѣта пятна, которыя мѣстами выступаютъ ясне, мѣстами тусклѣе; подбородокъ и верхняя часть горла ржаво-желтые съ чернымъ поперечнымъ волнистымъ рисункомъ; зобъ и грудь черно-бурые съ сѣрымъ крапомъ и ржавыми

*

пятнами по стержню пера; остальные нижнія части ржавого цвѣта, съ темными поперечными полосками. Вокругъ шеи пробѣгаетъ широкая, темная ржаво-бурая полоса съ черными разводами. Черныя маховыя перья имѣютъ на внутренней бородкѣ пять свѣтлыхъ поперечныхъ полосокъ, а широкія опахала на концахъ обояхъ нарядныхъ перьевъ по черному фону украшены шестью широкими поперечными полосами съ сѣрымъ крапомъ; оба среднихъ сѣро-бурыхъ съ темными крапинами хвостовыхъ пера имѣютъ пять тонкихъ черныхъ поперечныхъ полосъ, состоящихъ изъ ряда пятенъ; остальные черно-бурыя рулевыя перья имѣютъ пять такихъ-же ржаво-бурыхъ полосъ съ темными разводами. Длина птицы всего 21 см., зато длина крыла 17 см., а хвоста 10 см. У самки нарядныхъ перьевъ нѣтъ.

Область распространенія четырехкрылаго козодоя обнимаетъ множество мѣстностей средней и западной Африки.

Описаніе жизни всѣхъ этихъ козодоевъ въ общемъ есть ничто иное, какъ повтореніе того, что нами было сообщено уже раньше о птицахъ этого семейства. Какъ уже сказано, большая часть всѣхъ козодоевъ принадлежитъ лѣсамъ, однако вовсе не заповѣднымъ, дремучимъ первобытнымъ лѣсамъ: они избираютъ для гнѣздованія такіе лѣса, гдѣ густо поросшія мѣста смѣняются большими прогалами. Степныя рощи Африки, въ которыхъ кое-гдѣ только разбѣяны деревья или кусты, остальное-же пространство заросло высокою травой, должны казаться козодоямъ настоящимъ раемъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ, по крайней мѣрѣ, необыкновенная скученность въ такихъ мѣстахъ этихъ птицъ. Южно-европейскіе лѣса, очень часто напоминающіе собою подобныя степныя рощи, нравятся имъ гораздо болѣе сѣверныхъ дремучихъ лѣсовъ; козодой пугливо избѣгаютъ нашихъ лиственныхъ лѣсовъ, хотя, безъ всякаго сомнѣнія, они гораздо богаче насѣкомыми, чѣмъ хвойные, въ которыхъ эта птица проводитъ лѣто. Во время пролета они появляются во всякихъ лѣсахъ и садахъ, но при гнѣздованіи на сѣверѣ держатся исключительно хвойныхъ лѣсовъ. Южно-европейскій видъ, рыжезобый козодой, отлично уживается на горныхъ утесахъ, гдѣ каменистыя мѣстности смѣняются скудною растительностью, но онъ гнѣздится также довольно часто и въ лѣсныхъ заросляхъ, особенно въ масличныхъ лѣсахъ. Египетскіе виды песочнаго цвѣта, именно **Степные козодой** (*Carpimulgus isabellinus*) прячутся въ кустахъ, покрывающихъ берегъ Нила въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ степь доходитъ до самой рѣки, или выискиваютъ себѣ подходящее убѣжище въ мѣстахъ, поросшихъ тростникомъ, чѣмъ напоминаютъ **Великолѣпнаго козодоя** (*Carpimulgus eximius*), живущаго исключительно въ высокой травѣ. Американскіе виды также оказываютъ видимое предпочтеніе подобнымъ мѣстностямъ; но путешественники сообщаютъ, что встрѣчали нѣкоторые виды также въ настоящихъ дѣвственныхъ лѣсахъ; днемъ они прячутся въ густолиственныхъ вершинахъ деревьевъ, а по ночамъ спуютъ по лѣснымъ тропинкамъ и въ прогалинахъ, или охотятся надъ вершинами деревьевъ.

Признано, что большая часть всѣхъ козодоевъ для отдыха садятся на землѣ и только въ видѣ исключенія на вѣтви деревьевъ. Всѣ виды предпочитаютъ садиться на деревья преимущественно ночью, хотя между ними есть такіе, что и день проводятъ на вѣтвяхъ. Причину такого предпочтенія земли передъ деревьями отгадать нетрудно. Козодой предъявляетъ особенныя требованія къ той вѣткѣ, на которую намѣренъ опуститься, такъ какъ ему нужно, чтобы избранное имъ мѣсто отдохновенія было во всѣхъ отношеніяхъ удобно. Какъ я уже замѣтилъ выше, ни одна изъ этихъ птицъ не садится, подобно другимъ видамъ, поперекъ вѣтки, а всегда вдоль ея, такъ что тѣло птицы приходится параллельно

съ вѣтвью и опирается на нее. Козодой садится на вѣтвь обыкновеннымъ образомъ, какъ другія птицы только тогда, когда его вспугнутъ, и онъ спасается на дерево; но подобное сидѣніе ему такъ неприятно, что онъ какъ можно скорѣе ищетъ себѣ другаго мѣста. Зазубренные когти среднихъ пальцевъ и обращенные внутрь задніе пальцы даютъ птицѣ возможность грѣпко держаться въ такомъ положеніи, но при этомъ все-таки требуется, чтобы вѣтка была довольно толстая, безъ сучковъ и въ нѣкоторой степени шершавая или развилістая; тогда только птица найдетъ ее для себя удобною.

«Такъ какъ», рассказываетъ Науманъ, «такое вполне подходящее мѣстечко попадаетъ не очень-то часто, то подобная вѣтка никогда не пустуетъ, и какъ только одну птицу собьютъ съ нея, тотчасъ-же ее занимаютъ другія. На одной изъ яблонь въ моемъ саду былъ горизонтально роспій сучекъ. Для сидѣнья козодоевъ онъ, собственно говоря, былъ слишкомъ тонокъ, но зато сучекъ удобно развѣтвлялся въ видѣ очень узкой вилки, зубцы которой, росшіе тоже въ горизонтальномъ направленіи, не превышали толщину пальца; такимъ образомъ, когда птица садилась вдоль этого сучка такъ, что каждая нога ея опиралась на отдѣльный зубецъ вилки, а задняя часть и хвостъ покоились на неразвоенной части сучка, то онъ представлялъ для нея весьма удобное сидѣнье. Эта вѣтка такъ нравилась козодоюмъ, что я нѣсколько лѣтъ подъ рядъ во время полета этихъ птицъ, постоянно находилъ ихъ на ней, такъ что однажды я въ три дня подстрѣлилъ здѣсь трехъ козодоевъ, по одному каждый разъ». Не менѣе охотно козодой избираютъ мѣстомъ своего отдохновенія также большой, сверху плоскій камень. На такомъ камнѣ, удовлетворяющемъ всѣмъ требованіямъ, и освѣщаемомъ по временамъ солнцемъ, всегда можно найти козодоя, если только хоть разъ видѣли тамъ одного изъ нихъ. Въ Африкѣ, а также во всѣхъ другихъ жаркихъ странахъ козодой настолько-же избѣгаютъ солнца, насколько у насъ, въ средней Европѣ, ищутъ его, и прячутся для сна гдѣ-нибудь за стволомъ дерева или куста. Во время сна козодой совершенно закрываетъ свои большіе глаза; очевидно его тонкій слухъ своевременно предупреждаетъ его о приближающейся опасности. Въ такомъ случаѣ онъ, подобно совамъ, смотритъ съвозъ полукрытыя рѣсницы, старается объяснить себѣ происходящее и затѣмъ уже или улетаетъ или еще плотнѣе прижимается къ землѣ, полагаясь на одноцвѣтность своего оперенія съ землею или со старою корю.

Науманъ утверждаетъ, что козодоевъ никогда нельзя видѣть ходящими, если не считать за хожденіе то движеніе, которое они дѣлаютъ, когда, вспугнутые чѣмъ-нибудь, снова садятся на дерево и, стараясь принять обычное положеніе, топчутся на одномъ мѣстѣ. Но это невѣрно; по крайней мѣрѣ я, лично, очень часто видѣлъ, какъ африканскій козодой выбѣгалъ изъ подъ тѣни куста, направляясь къ мѣсту своего сидѣнія и такимъ образомъ проходя въ припрыжку нѣсколько метровъ разстоянія. Нашъ козодой въ этомъ отношеніи нисколько не отсталъ отъ своего африканскаго родича. «Около дома, гдѣ я живу, окруженнаго густымъ соснякомъ», пишетъ мнѣ Филипъ, «козодой очень обыкновенны, такъ что мнѣ часто представляется случай наблюдать ихъ. Въ хорошій лѣтній вечеръ нѣкоторые изъ нихъ летаютъ тутъ-же по близости, на самомъ дворѣ, останавливаются, покачиваясь передъ другими сидящими, съ любопытствомъ разматриваютъ ихъ и безшумно исчезаютъ, чтобы черезъ минуту снова откуда-нибудь вынырнуть. Если въ это время соблюдать возможную осторожность и держаться неподвижно, то можно видѣть, какъ птица тутъ-же гдѣ-нибудь по близости усядется на камешекъ, плотно прижавъ тѣло къ землѣ; съ минуту она сидитъ неподвижно, словно кусокъ коры, и

осматриваетъ окружающее; найдя все въ порядкѣ, она начинаетъ мало по малу шевелиться и подбираетъ съ голой почвы то, что ей пригодно. Козодой припрыгиваетъ обыкновенно маленькими шажками и проходитъ безъ перерыва разстояніе въ 15, много что въ 20 центиметровъ; затѣмъ остановится, подниметъ что-нибудь съ земли, постоитъ съ минуту въ раздумьи и скачетъ дальше. Такимъ образомъ онъ колеситъ вдоль и поперекъ, зачастую въ продолженіи четверти часа, по очевидно прывящемуся ему песчаному мѣсту. Я часто наблюдалъ его, сидя на нижней ступени своей лѣстницы, когда онъ разгуливалъ тутъ-же на площадкѣ, имѣющей 4—6 ш. протяженія. Онъ снуетъ по этому пространству, перебѣгая съ одной стороны на другую и зачастую подходитъ ко мнѣ такъ близко, что я бы могъ достать его рукою. Если онъ отваживается пройти болѣе обширное пространство, тогда прибѣгаетъ къ помощи крыльевъ и, поднявъ ихъ довольно высоко, поддерживаетъ такимъ образомъ равновѣсіе. Иногда на него находитъ особенное рвеніе и тогда онъ обыскиваетъ подобное пространство относительно очень быстро. По въ такомъ случаѣ онъ, при каждомъ шагѣ, пускаетъ въ ходъ крылья, то поднимая ихъ, то снова складывая; ноги-же его не отрываются отъ земли.

Полетъ козодой необыкновенно разнообразенъ, смотри по времени дня и по возбужденію птицы. Днемъ онъ больше порхаетъ неуверенно и какъ будто неповоротливо, даже беспорядочно; можно думать, что это несется какой-то легкой предметъ, внезапно подхваченный вѣтромъ, гонимый имъ и снова брошенный на землю. Совершенно иначе летаетъ козодой ночью. Съ послѣдними лучами вечерней зари, угасающей на западъ, онъ отправляется на охоту. Передъ этимъ онъ уже приободрился, въ минуту привелъ въ порядокъ свои перья и оглядѣлся во всѣ стороны; летитъ онъ послѣ этого быстро, ловко, скользящимъ полетомъ, направляя его въ мѣстности съ рѣдкою лѣсною растительностью, или лети прямо надъ прогалинами. Во все время охоты полетъ козодой мѣняется, представляя собою то плавное пареніе въ воздухѣ на подобіе ласточки, когда крылья у него почти въ такомъ-же высокомъ положеніи, какъ у летящаго коршуна, то вдругъ, быстрыми взмахами крыльевъ стремительно бросаясь въ сторону. При этомъ козодой выдѣлываетъ въ воздухѣ всевозможныя эволюціи и почти съ такою-же ловкостью, какъ обыкновенная ласточка. При особенныхъ обстоятельствахъ онъ, трепеща крыльями, долго держится на одномъ мѣстѣ, когда, на примѣръ, что-либо особенное привлекаетъ его любопытство и побуждаетъ его внимательно присмотрѣться. Такимъ образомъ продолжается дѣло до тѣхъ поръ, пока спустившаяся ночь не заставитъ его прекратить охоту. Такъ какъ козодой проглатываетъ относительно громадные куски, на примѣръ, мѣйскихъ и крупныхъ навозныхъ жуковъ, огромныхъ ночныхъ бабочекъ и притомъ цѣлыми дюжинами, то желудокъ его наполняется очень скоро, и дальнѣйшая охота становится для него бесполезною, потому-что и желудокъ козодой наконецъ перестаетъ принимать пищу. Въ ожиданіи процесса пищеваренія птица нѣкоторое время сидитъ на вѣткѣ; но какъ только живьемъ проглоченныя и не такъ-то легко лишающіяся жизни насѣкомыя успокоятся навсегда, и тамъ очистится мѣсто для новой пищи, то козодой снова принимается за охоту и такимъ образомъ дѣло продолжается попеременно всю ночь, если только она не очень темная и бурная. Всего оживленнѣе козодой летаютъ на утренней и вечерней зарѣ; собственно по почамъ я никогда не видалъ и не слыхалъ ихъ, даже въ экваторіальныхъ странахъ, гдѣ почі очень теплыя.

Во время своихъ охотничьихъ занятій, козодой зачастую залетаетъ далеко отъ своего настоящаго жилья. Въ Тюрингіи, на примѣръ, случается, что изъ окрестныхъ лѣсовъ козодой попадають въ деревни или проносятся высоко надъ ними,

чтобы перелетѣть въ другой лѣсъ; въ Испаніи они изъ окрестныхъ садовъ пролетаютъ надъ большими городами: видали ихъ, напримѣръ, надъ Мадридомъ; въ средней Африкѣ изъ степей они залетаютъ въ людскія поселенія и проводятъ здѣсь часто половину ночи. Въ населенныхъ мѣстностяхъ, такъ же какъ и въ лѣсу, они, во время своихъ ночныхъ полетовъ, съ извѣстнымъ постоянствомъ посѣщаютъ опредѣленные мѣста, чтобы здѣсь охотиться за жужжащими насѣкомыми, или чтобы пролѣтѣть здѣсь свою своеобразную любовную пѣсенку. Одинъ козодой, котораго я наблюдалъ на своей родинѣ, въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, появлялся каждый вечеръ и почти постоянно въ одни и тѣ-же часы на одной изъ липъ, отстоящихъ отъ мѣста его гнѣздованія въ лѣсу по крайней мѣрѣ на одинъ километръ; онъ облеталъ вершину липы по винтовой линіи, дѣлая красивыя эволюціи, очевидно съ тою цѣлю, чтобы поймать сидѣвшее тамъ насѣкомое; отсюда, правильно каждый вечеръ, перелеталъ на вторую группу деревьевъ, затѣмъ на третью и послѣ этого снова возвращался къ себѣ въ лѣсъ. Кому желательно наблюдать козодоя, тому слѣдуетъ только разыскать мѣстечко, гдѣ садится эта птица, чтобы пѣть: въ теченіи вечера она навѣрно появится тамъ нѣсколько разъ. Если соблюдать при этомъ возможную тишину, то козодой, ни мало не смущаясь присутствіемъ человѣка, будетъ по прежнему не стѣсняться въ своихъ дѣйствіяхъ, или, замѣтивъ человѣка и, въ свою очередь заинтересованный имъ, онъ съ любопытствомъ станетъ разсматривать его. Нерѣдко случается, что любопытство козодоевъ возбуждается какими-нибудь особенными обстоятельствами: бѣгущая собака можетъ занять ихъ на цѣлую четверть часа; они бросаются тогда внизъ за собакой, точно соколы, и провожаютъ ее далеко за границы своего участка. Точно также они поступаютъ и съ людьми, которые случайно забредутъ въ ихъ владѣнія; козодой преслѣдуетъ человѣка, описывая надъ нимъ тѣсные круги, и провожаетъ его до опушки лѣса, а иногда и дальше. Маленькихъ птичекъ онъ не тревожитъ по той простой причинѣ, что, когда онъ показывается, тѣ ужъ давно на покой. Зато вначалѣ, хотя и не надолго, онъ приводитъ мелкихъ пернатыхъ въ большое смущеніе и тревогу. Въ Англии былъ случай, что козодой, спустившійся въ одномъ саду, навелъ такой ужасъ на лѣвчихъ птицъ, что онѣ всѣ разлетѣлись изъ сада. Черезъ два или три дня онѣ, впрочемъ, опять вернулись, такъ какъ распознали въ незнакомцѣ своего невиннаго собрата, котораго имъ нечего бояться.

Весильная любовь производитъ свое магическое дѣйствіе и на козодоевъ, кажущихся съ перваго взгляда тупоумными. Что два самца могутъ затѣять горячій споръ изъ за обладанія самкою и при этомъ, насколько хватитъ силъ, потрепать другъ друга, объ этомъ нечего и распространяться. По стоитъ обратить вниманіе на то, что всѣ козодой въ періодъ размноженія производятъ на воздухѣ особенныя эволюціи. Даже наши европейскіе козодой способны увеселять насъ своими играми на воздухѣ въ періодъ любви. Каждое движеніе ихъ въ это время дышитъ страстью и становится болѣе быстрымъ, отважнымъ и гордымъ. Не довольствуясь этимъ, козодой хлопаетъ еще крыльями, какъ влюбленный голубь, стремительно бросается внизъ съ извѣстной высоты, производя при этомъ особенный шорохъ, или кружится, скользя по воздуху, надъ спокойно сидящею самкою, щеголяя своимъ искуснымъ полетомъ. Каждый видъ сопровождаетъ свое любовное заигрыванье чѣмъ-нибудь особеннымъ, но поразительнѣе всѣхъ ведутъ себя въ этомъ случаѣ виды, живущіе въ средней Африкѣ и Южной Америкѣ, отличающіеся своеобразнымъ развитіемъ перьевъ. Я не знаю ни одного обстоятельнаго описанія полета лирохвостаго козодоя, но могу легко представить себѣ, что самцы этого вида должны въ самомъ дѣлѣ производить удивительное впечатлѣніе.

Я до сихъ поръ еще съ истиннымъ восторгомъ вспоминаю о тѣхъ весеннихъ вечерахъ въ средней Африкѣ, когда въ степи, въ деревнѣ или въ городѣ, передъ нашими восхищенными глазами появлялись длиннохвостые козодой въ разгарѣ своего любовнаго одушевленія. Не обращая вниманія на присутствіе людей, эти великолѣпныя птицы появлялись среди населенныхъ мѣстечекъ и кружились надъ деревьями съ такою граціей, красотою и ловкостью, что мы невольно приходили въ восторгъ. Свѣтлыя ночи тропическихъ странъ позволяли намъ ясно различать каждое движеніе птицы; мы могли разглядѣть каждый взмахъ крыла, каждое распусканіе и складываніе шлейфообразнаго хвоста; птицы какъ будто нарочно рисовались передъ нами, выказывая все искусство своего замѣчательнаго полета. Около костровъ въ степи эти птицы составляли также обычное явленіе и предметъ интереснаго развлеченія; казалось, какъ будто непривычный свѣтъ особенно возбуждалъ ихъ и онѣ выражали свои ощущенія поразительными движеніями.

Къ сожалѣнію, мнѣ ни разу не случилось видѣть самому четырехкрылаго козодоя, но изъ устъ всѣхъ арабовъ, которымъ знакома эта птица, мнѣ пришлось слышать тѣ-же самые восторженные рассказы, какіе и раньше передавались въ повѣствованіяхъ туземныхъ охотниковъ. До чего поразителенъ видъ летящаго четырехкрылаго козодоя, можно заключить изъ слѣдующихъ словъ Руссегера. «Еслибъ я былъ воспитанъ на востокѣ, въ гаремѣ, то легко могъ-бы повѣрить всякому чародѣйству и волшебству — до того поразительно было то явленіе, которое мы увидѣли на воздухѣ. Это была птица, которая, казалось, скорѣе катилась по воздуху, нежели летѣла. Я видѣлъ то четыре птицы, то три, то двѣ, то снова только одну; но у которой въ самомъ дѣлѣ было какъ будто четыре крыла и она вертѣлась, какъ веретено около своей оси, такъ что контуры ея спутывались въ глазахъ. Оба длинныхъ пера, вслѣдствіе нѣжности своихъ стержней, развѣваются при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра и этимъ съ одной стороны затрудняютъ полетъ птицы, а съ другой — своимъ колебаніемъ и развѣваніемъ по воздуху во время полета еще болѣе усиливаютъ сказочное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что четырехкрылый козодой, подобно всѣмъ видамъ своего семейства, летаетъ только при обманчивомъ свѣтѣ сумерекъ и обладаетъ въ высшей степени неправильнымъ и нетвердымъ полетомъ». Болѣе обстоятельно описанъ полетъ этой птицы Гейглиномъ. «Съ появленіемъ первой вечерней звѣзды на небѣ», говоритъ онъ, «четырекрылый козодой пускается въ свои воздушныя путешествія и на охоту. Онъ летитъ быстро и по прямой линіи, постоянно держась опредѣленнаго направленія, черезъ высокій лѣсъ, къ прогалинамъ, гдѣ охотится за кузнечиками, жуками, ночными бабочками и мухами; Онъ охотится большею частью довольно низко надъ землею, медленно и безшумно. Только при внезапныхъ остановкахъ или быстрыхъ поворотахъ слышится нѣкоторый шумъ, который можно сравнить съ шелестомъ, издаваемымъ при хлопаніи шелковымъ носовымъ платкомъ. Если бородки длинныхъ нарядныхъ перьевъ стерты и волосы остаются только на тонкихъ кончикахъ, то птица имѣетъ такой видъ, какъ будто ее преслѣдуютъ двѣ другія маленькія пташки, которыя съ правильными промежутками набрасываются на нее сверху.» Это послѣднее впечатлѣніе передавалось мнѣ также туземцами, когда я спрашивалъ ихъ объ этой птицѣ.

Голосъ козодоя весьма разнообразенъ. Нѣкоторые виды издають преимущественно какое-то мурлыканье, другіе-же—болѣе или менѣе благозвучныя тоны. Если днемъ неожиданно вспугнуть нашего козодоя, то можно слышать отъ него слабое, хриплое «дакдак»; при опасности онъ тихо и слабо фыркаетъ, подобно совѣ. Въ періодъ спариванія раздается его своеобразная любовная пѣсня; она состоитъ всего изъ двухъ звуковъ, которые правильнѣе было-бы назвать шурпаніемъ, по зато поется

съ удивительнымъ постоянствомъ. Можно предположить, что козодой производить эти звуки такимъ-же образомъ, какъ наша домашняя кошка свое извѣстное мурлыканье. Сидя на верхушкѣ дерева или на удобномъ сучкѣ, птица начинаетъ выдѣлывать свое далеко раздающееся «еррррр», за которымъ слѣдуетъ болѣе низкое «оерррр» или «оррр». Последнее производится очевидно при выдыханіи, первое-же— при выдыханіи, такъ какъ то продолжается приблизительно всего одну секунду, а это—четыре. Но когда козодой поетъ съ полнымъ увлеченіемъ, то продолжительность одного колѣна длится отъ 40 секундъ до 5 минутъ. Одинъ козодой, котораго я слушалъ съ часами въ рукахъ, мурлыкалъ безъ перерыва въ продолженіи 4 минутъ 45 секундъ, затѣмъ переждалъ 45 секундъ, воспользовавшись этимъ временемъ для перелета на другое дерево, откуда до меня донеслась его вторая пѣснь, продолжавшаяся 3 минуты 15 секундъ. Если мурлыкающая птица замѣшкается на одномъ мѣстѣ, которымъ обыкновенно бываетъ какой-нибудь удобный выступъ или толстый неразвѣтвленный сучекъ, то она старается раздѣлять главное колѣно своей пѣсни на нѣсколько короткихъ колѣнцевъ; такъ, послѣ непрерывнаго мурлыканья, продолжающагося одну или двѣ минуты, она устраиваетъ короткую паузу, самое большее въ 3 секунды, затѣмъ опять нѣсколько секундъ мурлычетъ, еще разъ на секунду прерываетъ себя и такимъ образомъ все болѣе и болѣе съ короткими промежутками доводитъ до конца свою своеобразную пѣснь. Если стоять близко подлѣ пѣвца, то можно слышать тихій звукъ, которымъ заканчивается главное колѣно; этотъ звукъ хотя и имѣетъ характеръ такого-же мурлыканья, однако существенно разнится отъ прежняго, такъ какъ производится посредствомъ выдыханія. Этотъ звукъ можно передать приблизительно слогами «кворре кворре кворре» и, по моему, онъ замѣчательно напоминаетъ сдержанную трескотню прудовой лягушки, слышную въ нѣкоторомъ отдаленіи. Самка мурлычетъ такъ-же, какъ самецъ, только гораздо рѣже и всегда очень тихо, такъ какъ у нея это является выраженіемъ нѣжности. На лету оба пола издають одинаковый призывной крикъ, звучащій слогами «хэйт хэйт».

Всѣ африканскіе козодой, которыхъ я слышалъ, мурлычатъ совершенно такимъ-же образомъ, какъ наши, но уже южно-европейскіе виды стараются вліять на сердце своей возлюбленной болѣе благозвучною, если не болѣе пріятною пѣсней; она состоитъ изъ двухъ попеременныхъ, повторяющихся звуковъ, которые можно передать слогами «клулк клулк клулк». Одинъ изъ нихъ поетъ ниже, другой выше, но различіе это никакъ нельзя выразить слогами. *Ютанскій козодой*, котораго Радде встрѣчалъ въ горахъ Малаго Хингана, обладаетъ, по описанію этого наблюдателя, хлопчущимъ призывнымъ голосомъ, который можно приблизительно выразить двумя слогами «дшог дшог», вслѣдствіе чего тунгузы и зовутъ эту птицу «дшогдшоггюнь». Одинъ индѣйскій козодой, котораго неоднократно смѣшивали съ нашимъ видомъ (*Carpodacus indicus*), кричитъ, по Жердону, звукомъ «тьюю». Эти данныя, которыя доказываютъ полнѣйшее различіе голосовъ столь родственныхъ между собою птицъ, вполне достаточны для того, чтобы считать названныхъ птицъ совершенно самостоятельными видами.

Въ особенности поразителенъ призывъ американскаго козодоя, такъ что онъ далъ поводъ не только индѣйцамъ, но и образованнымъ жителямъ этой части свѣта бояться этой птицы и обзывать ее разными страшными прозвищами. Шомбургкъ художественно описываетъ голоса, раздающіеся въ дѣвственномъ лѣсу особенно громко послѣ того, какъ смолкнутъ звонкія пѣсни и веселый смѣхъ краснокожихъ спутниковъ путешественника. «За громкимъ ликованіемъ слѣдовали низкіе жалобные стоны различнаго вида козодоевъ, которые сидѣли на сухихъ, навис-

шихъ надъ водою вѣтвяхъ прибрежныхъ деревьевъ и оглашали въ лунную ночь воздухъ своими стонущими воплями. Эти мрачные звуки въ самомъ дѣлѣ до того грустны и зловѣщи, что я нисколько не удивляюсь тому ощущенію страха и жуткости, которое внушаютъ эти птицы. Ни одинъ индѣецъ, негръ или прибрежный креоль не осмѣлится направить свой выстрѣлъ на эту птицу; индѣйцы видятъ въ ней слугу злого духа «Юмбо», а креолы—вѣрнаго предвѣстника смерти, о чемъ упоминаетъ даже Ватертонъ въ своихъ «Путешествіяхъ». То съ какого-нибудь дерева, то съ ближняго берега до меня вдругъ доносилось громкое «хо-ха-ха-ха-ха-ха», которое начиналось звонкими, полными звуками и постепенно спускалось до замирающаго вздоха; или тишина нарушалась произнесеннымъ съ пугливою торопливостью «Who-are-you, who-who-who-are-you». (Кто ты, кто, кто, кто ты?) или мрачнымъ приказомъ «Work-away-work-work-work-away» (Работать брось, работать, работать, работать брось!); въ слѣдующую затѣмъ минуту меня звалъ какой-то глухой замогильный голосъ: «Willy-come-go, Willy-Willy-Willy-come-go» (Вилли, пойдемъ, Вилли, Вилли, Вилли, пойдемъ), а еще кто-то жаловался: «Whip-roog-Will! Whip-whip-whip-whip-roog-Will!» (Хлещутъ бѣднаго Вилли, хлещутъ, хлещутъ, хлещутъ бѣднаго Вилли!) И эти стоны раздавались до тѣхъ поръ, пока ихъ не нарушилъ визгливый крикъ обезьяны, потревоженной во снѣ или попавшей въ когти ягуара.

То, что я говорилъ выше о душевныхъ способностяхъ козодоевъ, мнѣ хочется подтвердить здѣсь нѣкоторыми доказательствами. Ночь представляетъ для этой подвижной птицы гораздо менѣ случаевъ развитъ свой умъ, чѣмъ свѣтлый, изобилующій приключеніями день; ктому-же человекъ, этотъ общій врагъ всѣхъ животныхъ, очень рѣдко сталкивается съ этими существами. Этими я и объясняю себѣ любопытство козодоя. Все необычайное въ высшей степени возбуждаетъ его вниманіе, и онъ прилетаетъ издалека, чтобы хорошенько разглядѣть предметъ своего любопытства. Въ обширныхъ лѣсахъ онъ, какъ уже замѣчено, приближается къ заповдалому путнику, кружится около него или зачастую провожаетъ его въ продолженіи четверти часа съ единственною цѣлью выяснитъ себѣ это необычайное явленіе. Внезапное освѣщеніе поражаетъ его еще болѣе. Не только длиннохвостые козодои, но и всѣ вообще козодои привлекаются сторожевымъ огнемъ и кружатъ надъ нимъ самымъ страннымъ образомъ. Промакъ выстрѣла, направленнаго на нихъ, приводитъ ихъ въ полное смущеніе. Они сразу тогда останавливаютъ свой полетъ и, не вѣдая всей опасности огнестрѣльнаго оружія, трепеща крыльями, остаются на одномъ мѣстѣ, чтобы объяснить значеніе происшедшаго. Имъ вовсе не приходитъ въ голову, что такую неосторожностью они подвергаютъ себя опасности вторичнаго, уже смертельнаго выстрѣла; въ этомъ отношеніи у нихъ не хватаетъ опыта. Но если одного изъ пары убьютъ, то другой становится съ этого времени осторожнѣе: опытъ такимъ образомъ научаетъ и его. Нигдѣ такъ легко не ловятся козодои, какъ въ Африкѣ. Они летаютъ здѣсь, какъ я уже выше описывалъ, безъ всякой осторожности; къ осторожности они не привыкли, такъ какъ ни одинъ туземецъ никогда не только не преслѣдовалъ, но даже не вспугивалъ ихъ. Однако появленіе совы моментально измѣняетъ поведеніе козодоя: онъ узнаетъ въ ней хищника и немедленно обращается въ бѣгство. Объ умственныхъ способностяхъ птицы еще болѣе свидѣтельствуетъ одна хитрая уловка, къ которой прибѣгаютъ днемъ эти столь неуклюжія созданія. Испанцы называютъ козодоя «обманникомъ пастуховъ», на томъ справедливомъ основаніи, что пастухи чаще всего приходятъ съ нимъ въ столкновеніе. Пасущееся стадо привлекаетъ козодоевъ; летящая птица обращаетъ вниманіе пастуха, и тотъ направляется къ тому мѣсту, куда спустился козодой, въ самомъ дѣлѣ находитъ его, думаетъ безъ всякаго усилія завладѣть имъ, прибли-

жается къ сонной птицѣ почти на полметра разстоянія, протягиваетъ руку, чтобы схватить ее и — ловить только воздухъ. Козодой хорошо замѣтилъ своего неприятеля; его блестящіе глаза слѣдятъ за каждымъ его движеніемъ, но онъ нашелъ за лучшее притвориться спящимъ и навѣрно теперь отъ души радъ, что ему удалось еще разъ провести властителя земли.

Правдивость этого описанія вполне подтверждаютъ указанія Наумана. «Однажды», рассказываетъ этотъ опытный наблюдатель, «я помогаль своему отцу починять жаворонковую сѣть, которую мы растянули на дугу, какъ вдругъ случайно, совсѣмъ около себя, на стволѣ поваленнаго вѣтромъ дерева, я замѣтилъ козодоя, который, казалось, крѣпко спалъ. Тотчасъ-же было рѣшено поймать его; мы вмигъ притапили сѣть, привязали ее къ двумъ жердямъ и такъ натянули, что поваленное дерево со всѣми своими вѣтвями было покрыто сѣтью, причемъ нельзя сказать, чтобы работа эта была произведена совершенно безшумно. Закрывъ такимъ образомъ всякій выходъ для птицы, мы принялись шумѣть, чтобы согнать ее съ мѣста ея сидѣнія въ сѣть, гдѣ мы надѣялись легче схватить ее руками; но тутъ мы замѣтили, что хотя козодой былъ уже проснувшись, однако старался притвориться все еще спящимъ; поэтому я вынужденъ былъ подлѣзть подъ сѣтку, и птица тогда только слетѣла съ своего мѣста, когда я уже протянулъ за нею руку».

Всѣ виды этого подсемейства, живущіе на сѣверѣ земного шара, а также тѣ, которые населяютъ области, гдѣ бываетъ рѣзкій переходъ отъ одного времени года къ другому, въ неблагоприятное для ихъ питанія мѣсяцы покидаютъ мѣста своего гнѣздованія и съ большимъ или меньшимъ постоянствомъ перекочевываютъ въ другія области: такимъ образомъ нѣкоторые козодои могутъ считаться перелетными птицами. Соответственно роду и количеству потребляемой пищи нашъ козодой появляется на родинѣ довольно поздно, рѣдко въ серединѣ, большею частью въ концѣ апрѣля, а въ горныхъ странахъ или на сѣверѣ даже въ началѣ мая, и въ концѣ августа мало-по-малу снова покидаетъ насъ. Въ противоположность многимъ другимъ птицамъ, онъ странствуетъ медленно и съ извѣстнымъ удобствомъ, хотя, благодаря своей способности хорошо летать, онъ легко перелетаетъ дальнія разстоянія и даже моря, притомъ иногда, повидимому, безъ всякой существенной необходимости. Весною часто можно видѣть пролетныхъ козодоевъ большею частью поодиночно или, самое большее, парами; осенью-же они держатся болѣе или менѣе многочисленными стаями и, чѣмъ дальше къ югу, тѣмъ стаи все увеличиваются. Въ южной Европѣ, на сѣверѣ Африки или въ каменистой Аравіи такія стаи можно наблюдать уже въ концѣ августа и, начиная съ этого времени, въ продолженіи всего сентября и октября. Прежде всѣхъ отлетаютъ тѣ, которыхъ не задерживаютъ семейныя заботы; послѣдними-же покидаютъ мѣсто своего гнѣздованія тѣ, которые замѣшались выводомъ птенцовъ и не успѣли закончить ихъ воспитаніе, или-же тѣ, которыхъ задержала какая-нибудь слишкомъ заманчивая добыча на удобномъ мѣстѣ. По пути каждое мало-мальски обезпеченное прикрытіе служитъ имъ удобнымъ и пріятнымъ мѣстомъ дневнаго отдохновенія. Они предпочитаютъ и здѣсь лѣсистыя или по крайней мѣрѣ кустарниковыя поросли, хотя ни мало не колеблются въ случаѣ нужды опускаться также и на голые скалистые холмы или среди пустынь и степей. Если время не терпитъ или извѣстная мѣстность не въ состояніи доставить необходимаго пропитанія, то птицы летятъ также противъ своего обыкновенія и среди бѣлаго дня. Гейглингъ видѣлъ одного козодоя, который днемъ спустился на пароходъ съ цѣлью выискать себѣ здѣсь мѣстечко для продолжительнаго отдохновенія, и это нерѣдко случается съ козодоями, пролетающими надъ открытымъ моремъ. Въ сѣверной Африкѣ козодои держатся также пути, избираемаго

большинствомъ другихъ птицъ, а именно—теченія Нила, по наблюденіямъ Гейглина, также береговъ Краснаго моря, и результатомъ такого отступленія отъ ихъ обыкновенія является то, что во время своего пролета они блуждаютъ въ глубинѣ безлѣсныхъ степей. Въ сентябрѣ и октябрѣ Гейглинъ встрѣчалъ странствующихъ козодоевъ уже на берегахъ Данакиля и Сомали, въ странѣ Богосовъ, въ Абиссиніи и въ Кордофанѣ; я-же со своей стороны видѣлъ ихъ также въ дѣсахъ по обѣимъ сторонамъ главнаго теченія Нила. Они придерживаются здѣсь тѣхъ-же самыхъ мѣстностей, какъ и туземные виды, однако не вступаютъ съ ними въ общеніе, а равнодушно пролетаютъ мимо осѣдлыхъ птицъ. Какъ далеко простираются странствованія нашего козодоя, мы опредѣленно сказать не можемъ, но есть масса указаній на то, что въ южныхъ областяхъ Африки эта птица встрѣчается лишь очень рѣдко. На возвратномъ пути отдѣльные экземпляры козодоевъ попадаютъ уже въ концѣ марта, а цѣлыя стаи ихъ въ началѣ апрѣля въ Египтѣ, нѣсколько дней позже въ Греціи,—гдѣ они выводятъ птенцовъ такъ-же удачно, какъ въ Малой Азіи и въ Атласскихъ горахъ,— а еще черезъ нѣсколько дней, они уже появляются въ Германіи, такъ какъ за послѣднее время летятъ быстрѣе. Не только нашъ родной видъ, но также и другіе козодои при случаѣ залетаютъ далеко за границы области своего распространенія. Такимъ образомъ длиннохвостого козодоя встрѣчали въ Провансѣ, а степного—на Гельголандѣ.

Повидимому, всѣ козодои выводятъ птенцовъ только разъ въ году. Само собою разумѣется, что время размноженія ихъ различно, находясь въ зависимости отъ мѣстожителства того или другого вида; однако оно совпадаетъ обыкновенно съ весною соответствующей мѣстности. Самецъ ревностно старается завоевать любовь самки и пускаетъ въ ходъ все свое летательное искусство, чтобы понравиться ей. Мурлыканье или громкій призывъ есть ничто иное, какъ извѣстный любовный приемъ—пѣніе влюбленнаго самца. Послѣ того, какъ птицы спарятся и выберутъ себѣ отдѣльное мѣстожителство, самка кладетъ свои два яйца въ возможно укромномъ мѣстѣ, всего чаще подъ кустами, вѣтви которыхъ спускаются до самой земли, а впрочемъ также и на мшистомъ пшѣ, въ пучкахъ травы и въ тому подобнхъ мѣстахъ, но всегда прямо на землю, и постоянно тамъ, гдѣ никто никогда не сыщеть его. Нашъ козодой, повидимому, съ особенною любовью выбираетъ мѣстечко и складываетъ тамъ тонкіе стружки дерева или кусочки лыка, а также осыпавшіяся хвои и тому подобныя вещества. Настоящаго гнѣзда они никогда не строятъ и даже не заботятся о томъ, чтобы расчистить какъ слѣдуетъ мѣсто гнѣздованія. Оба пола проявляютъ горячую любовь къ потомству и, по всей вѣроятности, занимаются насиживаньемъ попеременно. При наступившей опасности насиживающій козодой прибѣгаетъ къ обыкновеннымъ хитрымъ уловкамъ болѣе слабыхъ птицъ: порхаешь, какъ будто подстрѣленный, надъ самою землею, подставляетъ себя мишенью для врага, заманиваетъ его все дальше и дальше отъ гнѣзда и внезапно, сильными взмахами крыльевъ, взлетаетъ въ высь, чтобы, сдѣлавъ крутой поворотъ, вернуться къ своему гнѣзду. Если оставаться спокойнымъ и по возможности стоять неподвижно по близости найденныхъ яицъ, то можно замѣтить, какъ самка по прошествіи довольно продолжительнаго времени возвращается, садится въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ яицъ и озабоченно, подозрительно озирается вокругъ. Наконецъ она замѣчаетъ и признаетъ подсматривающаго наблюдателя, еще разъ зорко всматривается въ него и, поразмысливъ съ минутку, трогается наконецъ съ мѣста. Припрыгивающею, переваливающеюся походкою она подходитъ все ближе и ближе, наконецъ совсѣмъ приближается къ гнѣзду и тогда начинаетъ надуваться и фыркать съ цѣлью напугать и прогнать нарушителя ихъ покоя. Эти поступки

до такой степени забавны и интересны, что Гомейеръ, которому я обязанъ этимъ сообщеніемъ, никогда не упускалъ случая свести своего добраго пріятеля въ садъ, къ тому мѣсту, гдѣ его козодой положилъ яйца, и показать ему это восхитительное зрѣлище.

Какъ велика должна быть въ этой птицѣ материнская любовь, воодушевляющая столь малое существо къ противодѣйствию человѣку, который, къ сожалѣнію, очень часто поступаетъ относительно этой птицы необдуманно, а также и жестоко! Если ночью приблизиться къ гнѣзду, то самка страшно пугается и кричитъ, призывая на помощь самца. Но у нихъ существуютъ еще другія средства, чтобы спасти высмотрѣнное непріателемъ гнѣздо отъ гибели. Одубонъ, какъ я уже говорилъ, замѣтилъ, что козодой одного вида переносятъ не только свои яйца, но даже и птенцовъ въ другое мѣсто въ лѣсу, если прежнее гнѣздо ихъ открыто кѣмъ-нибудь; нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что и другіе виды козодоевъ поступаютъ такимъ-же образомъ. «Я», говоритъ этотъ превосходный наблюдатель, «потратилъ много времени на то, чтобы узнать, какъ поступаетъ козодой, когда желаетъ припрятать свои яйца и птенцовъ, и наконецъ, съ помощью одной отличной собаки нашелъ, что птица никогда не уноситъ далеко этотъ залогъ своей любви. Негры, умѣющіе хорошо изучать нравы животныхъ, увѣрили меня, что козодой подтачиваетъ яйца или птенцовъ клювомъ и такимъ образомъ катитъ ихъ прямо по землѣ. Фермеры, съ которыми я бесѣдовалъ на эту тему, другого мнѣнія: они предполагаютъ, что козодой берутъ своихъ птенцовъ подъ крылья и такимъ образомъ переносятъ ихъ. Мнѣніе негровъ показалось мнѣ правдоподобнѣе, и съ этихъ поръ я задался цѣлью добиться истины. Результатъ моихъ изслѣдованій получился такой: если кто-нибудь изъ пары козодоевъ, самецъ или самка, узнаютъ, что яйца ихъ трогали, то онъ нахохливаетъ перья и въ продолженіи одной или двухъ минутъ проявляетъ большое уныніе. Послѣ того онъ издаетъ тихій мурлыкающій крикъ, на который прилетаетъ другая птица этой пары, паря при этомъ такъ низко надъ землею, что ноги ея, какъ мнѣ казалось, почти касались ея. Послѣ нѣсколькихъ тихихъ звуковъ и движеній, свидѣтельствующихъ о сильномъ горѣ, одна изъ птицъ беретъ яйцо въ свой широкій ротъ, другая слѣдуетъ его примѣру, и затѣмъ оба очень медленно и съ большой осторожностью летятъ надъ самой землею и исчезаютъ въ вѣтвяхъ деревьевъ. Впрочемъ перенесеніе яицъ происходитъ лишь въ томъ случаѣ, если человѣкъ дотрогивался до нихъ; если-же онъ только замѣтилъ гнѣздо и прошелъ мимо, не трогая яицъ, то птица остается спокойно сидѣть на томъ-же мѣстѣ».

Вылупившіеся птенцы въ продолженіи цѣлаго дня сидятъ подъ крыльями родителей. Мой отецъ видѣлъ, что одинъ изъ родителей сидѣлъ на птенцахъ даже тогда, когда птенцы почти уже могли летать. Весьма понятно, что кормленіе выводка происходитъ только ночью. Вначалѣ птенцы получаютъ нѣжныхъ насѣкомыхъ, именно—большихъ комаровъ и ночныхъ бабочекъ; впоследствии имъ даютъ болѣе грубую пищу, и, наконецъ, они сами должны вести охоту подъ присмотромъ и руководствомъ родителей.

Взятыхъ изъ гнѣзда молодыхъ козодоевъ воспитать хотя и очень трудно, но все-таки возможно. Мой отецъ не разъ пробовалъ это, и ему удавалось взростить птичекъ только тогда, когда онъ кормилъ ихъ исключительно ночными бабочками и жуками, тогда какъ кормленіе одними мухами приводило ихъ къ скорой смерти. Птенецъ, воспитанный моимъ отцомъ, съѣдалъ ежедневно отъ 360 до 480 штукъ комматныхъ мухъ. При обильномъ кормленіи птички и въ неволѣ растутъ необыкновенно быстро. Онѣ очень рано начинаютъ обнаруживать привычки своихъ

родителей, неожиданно прижимаются къ землѣ, когда завидятъ человѣка, и фыркаютъ, когда ихъ разсердятъ. Онѣ очень любятъ тепло, но никакъ не солнечный свѣтъ; и если только ихъ сажали на окно подъ солнечные лучи, онѣ тотчасъ-же уползали въ тѣнь, бросаемую оконной рамой, и здѣсь прижимались. Козодой, воспитанный Чуди, поступалъ такимъ-же образомъ. «Въ то время, какъ я пишу эти строки», говоритъ швейцарскій изслѣдователь, «по моей рабочей комнатѣ прыгаетъ прелестная самочка-козодой. Она живетъ у насъ уже довольно давно, и мы каждый день насильно пичкаемъ ее червями и насѣкомыми. Добровольно она ничего не ѣстъ. Хотя это и ночная птица, однако наша самочка довольно подвижна и днемъ; она постоянно при солнечномъ свѣтѣ выходитъ изъ своего угла и садится подлѣ насъ на полу, выбирая преимущественно самое теплое мѣстечко, причеиъ вѣерообразно расширяетъ хвостъ и дремлетъ съ полузакрытыми глазами. Когда солнце спрячется изъ окна, тогда она опять тихонько направляется въ свой уголъ и ложится обыкновенно плашмя на брюшко. Летаеть она очень неохотно, а прыгаетъ такъ неловко, что постоянно валится на сторону, гдѣ и остается безпомощно лежать, ожидая, когда ее поднимутъ, хотя она совершенно здорова и въ полной силѣ. При видѣ чужого она мурлычетъ, слегка прикаркивая; въ общемъ-же очень ручна, любитъ сидѣть, распутившись, на теплой ладони, причеиъ довѣрчиво смотритъ на людей своими большими, черными глазами; это положеиъ тельно любимица всего нашего дома».

Въ послѣдніе года я самъ не разъ воспитывалъ козодоевъ, а также ознакомился съ ихъ жизнью въ неволѣ и изъ другихъ болѣе или менѣе обстоятельныхъ указаній. Настоящею ручною комнатною птицею козодой никогда не бываетъ, но онъ въ высшей степени своеобразенъ, а потому достоинъ полного вниманія. Для того, кто привыкъ обращаться съ неповоротливыми птицами, уходъ за козодоими не представляетъ никакихъ затрудненій. Само собою разумѣется, птенцовъ надо пичкать насильно, а также и подросшихъ козодоевъ заботливо кормить, поднося имъ пищу; впрочемъ нѣкоторыхъ удается такъ приучить, что они сами охотятся въ отведенномъ имъ пространствѣ за летающею добычею и ѣдятъ самостоятельно. Фридрихъ рассказываетъ объ одной пойманной птицѣ этого вида весьма трогательную исторію. Козодой, взятый изъ гнѣзда птенцомъ и вскормленный дома, становится необыкновенно ручнымъ. Но такъ какъ кормленіе его представляло для воспитателя нѣкоторыя затрудненія, то, желая приучить птенца къ вылету изъ клѣтки и дать ему такимъ образомъ нѣкоторую свободу, онъ сталъ отворять дверцу его клѣтки. Но видя, что птица не пользуется открытымъ выходомъ, Фридрихъ однажды вечеромъ самъ вынулъ ее изъ клѣтки и пустилъ на свободу. Сначала она полетѣла, но не позже какъ черезъ четверть часа опять возвратилась. Опытъ былъ повторенъ, и такимъ образомъ козодой приучился по желанію вылетать и снова прилетать, такъ что раннимъ утромъ всегда уже былъ на своемъ старомъ мѣстѣ. Желая передъ временемъ отлета еще основательнѣе приучить его къ свободѣ и воспрепятствовать его возвращенію, Фридрихъ отнесъ его въ очень отдаленное мѣсто. Когда-же въ слѣдующемъ году стали чистить чуланъ, въ которомъ помѣщалась птица, то тамъ, въ углу, нашли бѣднаго козодоя мертвымъ отъ голода и высохшимъ какъ мумія.

Только въ южной Европѣ, гдѣ утилизируются для желудка почти всѣ живныя, по крайней мѣрѣ всѣ съѣдобныя существа, козодоя ловятъ для кухни. Въ Германіи, кромѣ натуралистовъ, его преслѣдуютъ, но счастью, одни только мальчишки. И этому нельзя не порадоваться, такъ какъ не только нашъ козодой, но и всѣ виды козодоевъ приносятъ для хозяйства одну лишь пользу и ни малѣйшаго вреда, вслѣдствіе чего и заслуживаютъ всеобщаго покровительства. Всякій, кто

по личному опыту ознакомится съ жизнью и привычками этой птицы, долженъ полюбить ее, и нужно быть полнѣйшимъ невѣждой и суевѣромъ, чтобы повѣрить хотя одному слову изъ всѣхъ тѣхъ сказокъ, которыя есть порожденіе досушей фантазіи такихъ-же невѣждъ. Здѣсь, какъ и всегда, непостижимое возбуждаетъ воображеніе глупцовъ и заставляетъ ихъ сочинять нелѣпыя исторіи, которыя принимаются за чистую монету другими такими-же глупцами. Какъ это ни смѣшно, однако находятся еще и въ настоящее время люди, которые понимаютъ нѣмецкое названіе козодоя (*Nachtschatten*) въ буквальномъ смыслѣ слова и считаютъ его дѣйствительно «тѣнью ночи» или какого-нибудь другого волшебнаго, необъяснимаго существа. Но кто, подобно мнѣ, почти каждую ночь наблюдалъ козодоевъ во внутренней Африкѣ и былъ даже радъ, когда они слетались къ ночному костру, разведенному въ пустынѣ, кто съ удовольствіемъ привѣтствовалъ ихъ мурлыканье и крики въ то-время, какъ спустившіяся сумерки заставляли умолгать голоса всѣхъ дневныхъ птицъ,—тотъ, конечно, можетъ вспомнить о козодояхъ съ теплымъ чувствомъ любви и долженъ оберегать ихъ отъ всякихъ нападковъ и нелѣпыхъ нареканій. Для этихъ беззащитныхъ и полезныхъ птицъ довольно ужъ и того, что въ Греціи и Италиі, гдѣ онѣ считаются за вкуснѣйшихъ изъ всѣхъ птицъ, ихъ ревностно преслѣдуютъ во время пролета, а у насъ, въ средней Европѣ, имъ приходится много терпѣть отъ различныхъ хищниковъ, какъ среди млекопитающихъ, такъ и птицъ!

* *
*

Отъ только что описаннаго рода и видовъ семейства довольно существенно отличаются **Ночные соколы** (*Chordeiles. Dämmerungsschwalben. Chordeiles*), въ особенности своихъ образомъ жизни. Само собою разумѣется, что это различіе въ образѣ жизни стоитъ въ зависимости отъ строенія птицы. Различіе между ночными соколами и козодоями такъ велико, что нѣкоторые натуралисты возводили ночныхъ соколовъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми ихъ родичами, въ особое подсемейство. Отличительными признаками этихъ птицъ являются: маленькій, почти совершенно спрятанный въ головномъ опереніи клювъ и сильно развитыя щетинны вокругъ рта; очень слабыя короткопалыя ноги, плюсна которыхъ оперена на всей задней сторонѣ; очень длинныя и острыя крылья, среди маховыхъ перьевъ которыхъ второе чуть-чуть выступаетъ изъ-за перваго; средней длины, съ легкой выемкой хвостъ, состоящій изъ грубыхъ перьевъ, и относительно твердое короткое опереніе.

Самый извѣстный представитель этого рода есть **Ночной соколъ американцевъ** (*Chordeiles virginianus, Caprimulgus porotus, americanus* и *virginianus. Nachtfalke. Chordeiles de Virginie*), который по величинѣ приблизительно равенъ нашему козодою. Длина его 22 см., размахъ крыльевъ 55, длина крыла 20, а хвоста 11 см. Опереніе съ обѣихъ сторонъ буро-черное, на верхней части головы и плечахъ перья имѣютъ ржавыя каемки; височныя и покровныя перья разрисованы чало-желтыми поперечными полосами; уздечка, голова и стороны шеи ржаво-красныя съ черными стержневыми пятнами; уголь между двумя половинками нижней челюсти и горло по ржавому фону испещрены черными поперечными пятнами; зобъ и грудь буро-черныя съ ржавыми стержневыми пятнами; остальные нижнія части ржавыя съ черными поперечными полосками; горло, какъ обыкновенно, украшено бѣлымъ, суживающимся къ сторонамъ шеи пяткомъ. Первое и второе изъ черныхъ маховыхъ перьевъ на внутренней бороздѣ, а 3—5 на обѣихъ сторонахъ опахала имѣютъ по серединѣ бѣлыя поперечныя полоски; малыя маховыя перья съ

внутренней стороны тускло-ржавая; черныя рулевыя перья имѣютъ шесть буровато-сѣрыхъ поперечныхъ пятнистыхъ полосокъ, которыя на обоихъ среднихъ перьяхъ становятся шире и темнѣе, чѣмъ на остальныхъ, тогда какъ крайнія въ своей конечной трети одноцвѣтно-черныя; рулевыя перья на внутреннихъ бордкахъ имѣютъ по бѣлой поперечной полосѣ. Радужная оболочка глаза бурая; клювъ черный; край рта желтый; ноги рогового-желтоватаго цвѣта.

Вильсонъ, Одюбонъ, принцъ фонъ-Видъ, Риджвай и другіе очень подробно описали жизнь ночного сокола. «Около перваго апрѣля», говоритъ Одюбонъ, «въ Луизианѣ появляется птица, направляющая свой перелетъ къ востоку, такъ какъ ни одна изъ нихъ не выводитъ птенцовъ ни въ упомянутомъ штатѣ, ни въ штатѣ Миссисипи. Она пролетаетъ такъ быстро, что уже черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ показалась первая, не видно больше ни одной, тогда какъ во время своего осенняго пролета она часто по цѣлымъ недѣлямъ задерживается въ южныхъ шта-

Почной соколъ *Chordeiles virginianus*. $\frac{2}{3}$ насг. вел.

тахъ, и ее можно наблюдать тамъ съ 15 августа до октября. Случайно, во время своего странствованія ее можно видѣть пролетающею черезъ наши города и деревни; иногда также она садится на деревья нашихъ улицъ или даже на дымовыя трубы, причѣмъ нерѣдко слышатся ея рѣзкіе крики, на удивленіе всѣхъ тѣхъ, кто не привыкъ къ нимъ». Со времени изслѣдованій Одюбона птица существенно измѣнила свои привычки, такъ какъ водворилась даже въ большихъ городахъ. По Риджваю, численность живущихъ въ Бостонѣ ночныхъ соколовъ становится годъ отъ году больше, и въ продолженіи іюня и іюля ихъ можно видѣть во всѣ часы дня; въ особенности же послѣ полудня они любятъ носиться на воздухѣ за добычею, какъ стрижи. Обиліе насѣкомыхъ, распространеніе которыхъ въ окрестностяхъ большихъ городовъ, обуславливается, по увѣренію названнаго наблюдателя, множествомъ садовъ, а также плоскія крыши домовъ значительно способствуютъ привлеченію этихъ питомцевъ лѣса къ водворенію въ городахъ.

Уже Одюбонъ зналъ, что ночные соколы залетаютъ далеко на сѣверъ, такъ какъ онъ самъ встрѣчалъ ихъ въ Новомъ Брауншвейгѣ и въ Новой Шотландіи.

По изслѣдованіямъ другихъ американскихъ натуралистовъ, со рвеніемъ посвятившихъ себя наукѣ, стало извѣстно, что эта птица населяетъ всѣ Соединенные Штаты, отъ Флориды и Техаса до самаго крайняго сѣвера и отъ береговъ Атлантическаго океана до береговъ Тихаго; равнымъ образомъ она выводитъ птенцовъ въ Вестъ-Индіи, а во время своего пролета посѣщаетъ также и Южную Америку. Въ штатахъ средней Америки ночной соколъ появляется около перваго мая, въ сѣверныхъ-же рѣдко до начала іюня и покидаетъ мѣсто своего гнѣздованія также довольно рано, большею частью уже къ началу сентября, наипозднее въ концѣ этого мѣсяца. На Кубѣ, пролетомъ съ юга, онъ, по словамъ Гундлаха, встрѣчается въ апрѣлѣ и съ этихъ поръ во множествѣ населяетъ всѣ пустоши; но въ августѣ или въ началѣ сентября снова незамѣтно исчезаетъ; въ Ямайкѣ-же онъ остается зимовать. Мѣстомъ своего пребыванія онъ избираетъ различныя мѣстности: области, покрытыя рѣдкимъ лѣсомъ, степи, пустоши или города и села; низменности ему одинаково любы, какъ и возвышенности, на которыхъ онъ поднимается до высоты 3500 м. надъ уровнемъ моря.

Различіе въ образѣ жизни ночныхъ соколовъ и козодоевъ до такой степени значительно, что Риджвай высказываетъ даже удивленіе по поводу того, какъ тѣхъ и другихъ можно соединять въ одно семейство. Ночной соколъ вовсе не оправдываетъ въ сильной степени своего названія, потому что онъ не столько ночная, сколько сумеречная птица, которая своими дѣйствіями и поступками напоминаетъ скорѣе стрижа, чѣмъ козодоя. Охотится онъ въ утренніе и вечерніе часы и притомъ совершенно за другою добычею, чѣмъ козодой. Какъ только сумерки окончательно перейдутъ въ ночную темноту, охота ночного сокола оканчивается и онъ отправляется на покой. Такія-же указанія, хотя безъ подобныхъ выводовъ, были сдѣланы уже Одюбономъ. «Ночной соколъ,» говоритъ онъ дальше, «обладаетъ вѣрнымъ, легкимъ и продолжительнымъ полетомъ. Въ пасмурную погоду онъ дѣятеленъ въ продолженіи цѣлаго дня. Движенія его крыльевъ въ высшей степени изящны, а игривость, которую онъ обнаруживаетъ при полетѣ, привлекаетъ каждаго. Птица скользитъ по воздуху съ невѣроятною быстротою, стремительно поднимается въ высоту или, трепеща крыльями, останавливается на извѣстной высотѣ, какъ-бы на мѣреваясь нечаянно броситься на добычу, а затѣмъ снова принимаетъ прежнее направленіе. Такимъ образомъ ночной соколъ кружится по воздуху, испуская громкіе крики при каждомъ неожиданномъ оборотѣ, или стремительно опускается внизъ, то снова взлетаетъ на верхъ, то опять опускается, то летитъ надъ самою поверхностью воды, то взвѣется надъ самыми высокими деревьями или вершиною горы. Въ пору любви полетъ его становится еще привлекательнѣе. Своими удивительными эволюціями, отличающимися замѣчательною граціей и быстротою, самецъ старается выразить избранной подругѣ свою любовь, или ловкостью своею затмить какого-нибудь соперника. Часто онъ поднимается на 100 м. надъ землею; тогда его крикъ становится тѣмъ громче и учащеннѣе, чѣмъ выше онъ взвѣвается; затѣмъ онъ снова стремительно бросается по косому направленію внизъ съ полуразвернутыми крыльями и хвостомъ и при этомъ съ такою невѣроятною быстротою, что ожидаешь увидѣть его разбившимся о землю; однако какъ разъ во-время, иногда всего на нѣсколько метровъ разстоянія отъ земли онъ успѣетъ распушить крылья и хвостъ и продолжаетъ летѣть дальше обыкновеннымъ способомъ.»

При этомъ низверженіи съ высоты замѣчается особенный шумъ, производимый, по мнѣнію Гундлаха, совершенно такимъ-же способомъ, какъ извѣстное блеваніе бекаса, именно посредствомъ сотрясенія маховыхъ и рулевыхъ перьевъ. «Иногда,» продолжаетъ Одюбонъ, «когда нѣсколько самцовъ гоняются за одною и тою

же самкою, зрѣлище становится чрезвычайно занимательнымъ. Игра однако скоро прекращается: какъ только самка сдѣлала свой выборъ, счастливый избранникъ немедленно прогоняетъ своихъ противниковъ. Въ вѣтряную погоду и при наступающихъ сумеркахъ ночной соколъ летаетъ ниже, быстрее и неправильнѣе, и тогда въ продолженіи долгаго времени преслѣдуетъ на своемъ пути насѣкомыхъ, высматривая ихъ издалека. Когда наступаетъ полнѣйшая темнота, онъ опускается на домъ или на дерево и остается здѣсь на всю ночь, издавая время отъ времени свои крики. Крикъ его звучитъ какъ «претекетек». Пища состоитъ главнымъ образомъ изъ очень мелкихъ насѣкомыхъ, именно изъ различнаго рода комаровъ, которыхъ онъ истребляетъ несмѣтное количество. «Когда застрѣлишь эту птицу,» говоритъ принцъ фонъ Видъ, «то въ ея широкой пасти найдешь тѣстоподобную массу, въ видѣ толстой подушки, состоящую исключительно изъ комаровъ.» Въ этомъ отношеніи, какъ и по способу своей охоты, ночной соколъ совершенно похожъ на стрижа; его переходное положеніе между этими послѣдними и козодоями выражается такимъ образомъ не только въ строеніи, но и въ образѣ жизни.

Размноженіе происходитъ въ послѣднихъ числахъ мая; два сѣрыхъ съ зелено-бурыми и фіолетово-сѣрыми крапинками яйца кладутся безъ всякой подстилки прямо на землю. Въ открытыхъ мѣстахъ самка выбираетъ себѣ гдѣ-нибудь удобное мѣстечко, въ полѣ, на зеленомъ лугу, въ лѣсу и т. п.; въ городахъ-же она кладетъ яйца прямо на плоскихъ крышахъ, по возможности на уединенныхъ постройкахъ. Во время насиживанія самка, при опасности, проявляетъ не только настоящее мужество, но также и извѣстную хитрость, съ цѣлью отвлечь врага отъ любимаго выводка притворною хромотою. Птенцы выходятъ на свѣтъ въ темно-буromъ пуху и вскармливаются обоими родителями. Когда они подрастутъ, вся семья сидитъ вмѣстѣ, рядомъ, но такъ тихо и неподвижно, что даже самому лучшему ихъ другу и покровителю очень трудно бываетъ отличить ихъ отъ одноцвѣтной съ ихъ опереніемъ земли.

Мало по малу и въ Америкѣ распространяется убѣжденіе, что ночной соколъ со всеми своими родичами принадлежитъ къ полезнѣйшимъ птицамъ, а потому несправедливо его преслѣдовать. Если его еще преслѣдуютъ, то исключительно изъ забавы, съ цѣлью упражняться въ стрѣльбѣ въ летъ, а не для того, чтобы воспользоваться самой убитой птицей. Одубовъ удостовѣряетъ, что мясо ночного сокола вполне съѣдобно; оно бываетъ особенно вкусно осенью, когда птица отъѣлась и сдѣлается жирною; но все-же охота на него вовсе не въ состояніи вознаграждать потраченный трудъ и издержки. Кромѣ человека этой умной и быстролетной птицѣ вредятъ болѣе ловкіе обыкновенные соколы.

* * *

Въ Южной Америкѣ живутъ **Исполинскіе козодои** (*Nyctibius*), которые вслѣдствіе своего очень сильнаго крючковатаго клюва и плотныхъ ногъ, средніе пальцы которыхъ лишены зубчатаго когтя, ближе стоятъ къ бѣлоногамъ, чѣмъ другіе козодои. Образующій ими родъ **Исполинскихъ козодоевъ** (*Nyctibius. Riesenachtschwalben*) обладаетъ слѣдующими отличительными признаками: тѣло у нихъ плотное, голова необыкновенно большая, крылья, въ которыхъ четвертое маховое перо выступаетъ изъ другихъ, длинныя и острыя, хвостъ относительно длинный и слегка закругленный, опереніе обильное, мягкое и рыхлое. Все это признаки, свойственныя другимъ козодоямъ. Главное отличіе заключается въ клювѣ; сверху онъ толкъ выглядитъ треугольнымъ, у основанія чрезвычайно широкъ, къ носдриамъ постепенно суживается и отсюда принимаетъ форму тонкаго кругловатаго когтя, кото-

рый слегка изгибается дугою надъ нижней половиной, загибая вмѣстѣ съ тѣмъ и кончикъ ея, хотя этотъ кончикъ имѣеть выдолбленную форму и потому значительно короче верхней половинки. Острый край рта снабженъ зубцомъ въ одну линію длиною, выступающимъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается крючекъ; ротовая щель открывается до самаго уха, вслѣдствіе чего отверстіе рта изумительно велико. Роговая часть клюва видна очень немного, потому-что большая часть его покрыта перьями, верхняя половина до ноздрей, а нижняя до самаго кончика. Многія перья у основанія клюва представляютъ собою тонкія щетинки. Ноги короткія, пальцы ихъ гибкіе, ногти умѣренной длины и слегка изогнуты, коготь средняго пальца имѣеть остро выдающійся край.

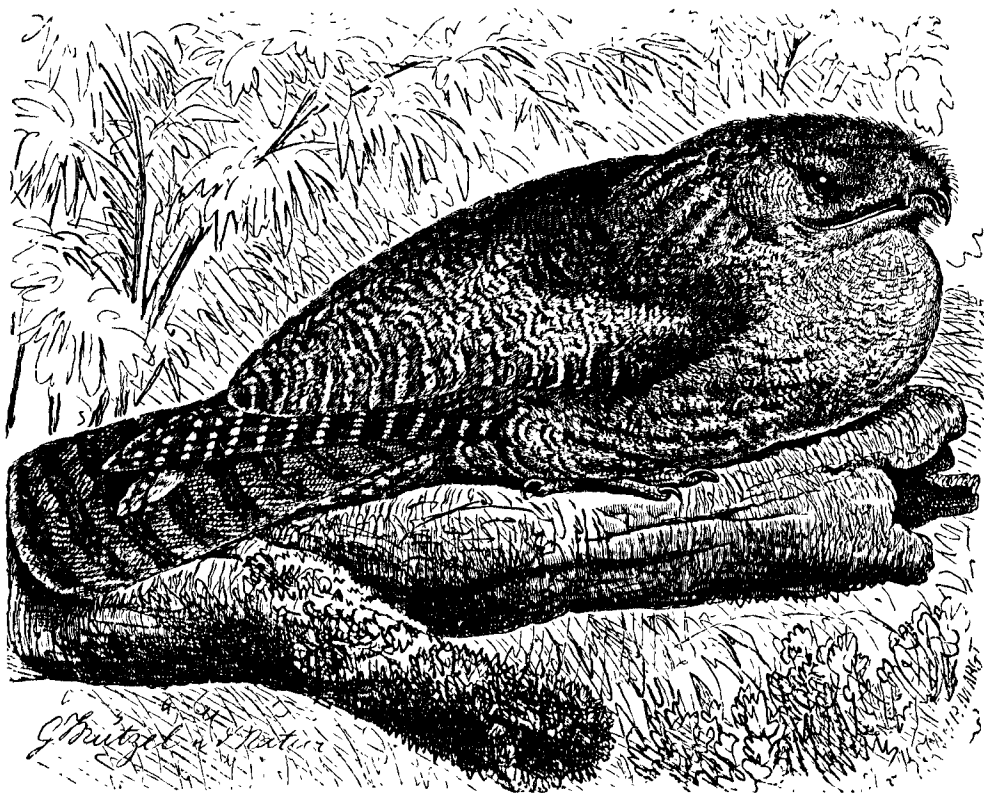
* *
*

Самый большой видъ этого рода названъ гуаранами **Ибихау** (землеѣдь) (*Nyctibius grandis*. Riesenschw. Ibijau géant), и это названіе перешло въ наши учебники. Длина этой птицы, по измѣренію принца фонъ Видъ, достигаетъ 55 см., размахъ крыльевъ 125, длина крыла 40, а хвоста 27 см. Опереніе верхней части тѣла по чало-бѣлому фону испещрено очень тонкими темными поперечными черточками въ видѣ зигзаговъ, ржаво-бурыми каемками на концахъ перьевъ и темными стержневыми полосами; лобородокъ и горло ржаво-красно-бурое съ узкими черными поперечными черточками; кромѣ того горло, а также середина груди неправильно окрашены буро-черными острокопечными пятнышками; нижнія кроющія перья хвоста бѣлыя съ тонкими длинными поперечными зигзагами; верхнія кроющія перья крыла вдоль предплечья красно-бурія съ частыми черными поперечными полосками, а нижнія кроющія перья крыла черныя съ чало-бѣлыми такими-же полосками; буро-черныя большія маховыя перья и ихъ покровныя имѣють снаружи буровато-сѣрыя частыя поперечныя полоски, а съ внутренней стороны неясныя пятнышки, которыя у остраго конца сливаются въ двѣ или три широкія серебристо-сѣрыя съ темнымъ крапомъ поперечныя полоски; серебристо-сѣрыя малыя маховыя и рулевыя перья ржаво-бурія съ черными мраморными краями и черными поперечными полосками, составленными изъ пятнышекъ. Клювъ желтовато-рогового сѣраго цвѣта; глаза темно-каріе; ноги желтовато-сѣрыя.

Ибихау встрѣчается, повидимому, во всѣхъ лѣсахъ Южной Америки: его ловили какъ въ Кайеннѣ, такъ и въ Парагваѣ. По всей вѣроятности онъ не такъ рѣдокъ, какъ привыкли думать; однако все-же его трудно найти днемъ, да и ночью наблюдать нелегко. Принцъ фонъ Видъ и Бурмейстеръ единогласно утверждаютъ, что днемъ онъ постоянно сидитъ на густолиственныхъ верхушкахъ высочайшихъ деревьевъ, прижавшись, по способу другихъ козодоевъ, вдоль крѣпкаго сука. Его опереніе, сходное съ цвѣтомъ древесной коры, служитъ ему надежнѣйшей защитой противъ зоркаго глаза охотника или какого-либо другаго врага, а его неподвижность еще болѣе затрудняетъ нахожденіе его. Азара описываетъ подъ названіемъ «Уругау» родственный видъ козодоевъ и говоритъ, что онъ избираетъ мѣстомъ своего сидѣнія конецъ засохнаго сука; при этомъ онъ садится такъ, что голова его свѣшивается за конецъ сука, вслѣдствіе чего тотъ кажется длиннѣе, и, несмотря на это, птицу все-таки крайне трудно замѣтить. Но разъ это удалось, то достать сонную птицу не представляетъ уже никакого труда, если только она избрала мѣсто своего отдохновенія не слишкомъ высоко. О другомъ видѣ принцъ фонъ Видъ разсказываетъ, что его люди однажды убили такую птицу палкою и подтверждаетъ этимъ указанія Азары, который говоритъ, что парагвайскіе охотники ходятъ въ полдень на ибихау и, набрасывая ему черезъ голову петлю, сталкиваютъ его такимъ образомъ съ дерева. Бурмейстеръ слышалъ то-же самос. Онъ замѣтилъ одного

*

ибихау, сидящего на верхушкѣ высочайшаго дерева и нѣсколько разъ выстрѣлилъ по немъ, но никакъ не могъ заставить птицу слетѣть съ дерева. Госсѣ досталъ одного ибихау или, какъ эту птицу называютъ на Ямайкѣ, одного «поту», который былъ сбитъ съ мѣста своего сидѣнія просто камнемъ; а нѣсколько позже—еще другого, который съ такимъ упорствомъ держался на разъ избранномъ мѣстѣ отдохновенія, что его нельзя было прогнать съ него не только спугиваніемъ, но даже выстрѣломъ, взерошившимъ его перья. Послѣ усиленныхъ нападеній, онъ, наконецъ, каркая, слетѣлъ съ мѣста и направился въ лѣсъ, но на слѣдующій вечеръ

Ибихау. *Nyctibius grandis*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

снова преспокойно усѣлся на излюбленное мѣстечко и зато палъ отъ мѣткаго выстрѣла, какъ жертва своего упрямства.

Совершенно иначе держитъ себя птица въ сумерки. Въ это время она сравнительно такъ-же ловка и подвижна, какъ и прочіе козодои. Подробное описаніе ея образа жизни мнѣ неизвѣстно, но я нѣсколько не затрудняюсь примѣнить къ ибихау описаніе, сдѣланное прицемъ фонъ Видъ по отношенію одного близко родственнаго ему вида. «Безподобныя, не поддающіяся никакому описанію лунныя ночи жаркихъ странъ до такой степени свѣтлы, что даютъ охотнику возможность довольно хорошо видѣть на далекомъ разстояніи. Въ такія ночи можно видѣть ибихау, парящимъ, подобно орлу, на значительной высотѣ, перелетающимъ большія разстоянія и занимающимся ловлею большихъ почныхъ и сумеречныхъ бабочекъ. Въ Бразиліи водится много очень большихъ бабочекъ, которыхъ въ силахъ одолѣть только такая громадная пасть; эти-то бабочки имѣютъ въ исполицскихъ

рением схватить его, онъ тотчасъ-же раскрывалъ глаза и пасть одновременно, насколько только могъ широко. Госсэ держалъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней одного поту, найденнаго въ лѣсистой трясинѣ. Птица всегда оставалась сидѣть тамъ, гдѣ ее сажали, на рукѣ-ли или на палкѣ; при этомъ она никогда не принимала извѣстнаго долевого положенія всѣхъ козодоевъ, а садилась скорѣе въ поперечномъ направленіи и приподнималась такъ высоко, что голова ея и хвостъ приходились почти на отвѣсной линіи. Въ такомъ положеніи она сидѣла съ чуть-чуть взъерошенными перьями, вытянутой головой и закрытыми глазами. Если ее толкали, она разгибала шею, чтобы поддержать равновѣсіе и открывала свои большіе блестящіе желтые глаза, вълѣдствіе чего разомъ принимала совсѣмъ другой видъ. Днемъ она держалась обыкновенно такъ, какъ будто была совершенно слѣпа, но крайней мѣрѣ передвиженіе передъ ея глазами какого-нибудь предмета даже тогда, когда она сидѣла съ открытыми вѣками, не производило на нее достаточнаго впечатлѣнія. Однако разъ или два Госсэ замѣтилъ, что если быстро махать рукою передъ глазами птицы, то зрачекъ, большею частью сильно увеличенный послѣ частаго миганья, сразу сжимался почти на цѣлую четверть. Впослѣдствіи этотъ наблюдатель имѣлъ случай изучить вліяніе зажженной свѣчки на расширеніе зрачка и на необыкновенную подвижность глаза поту. Если зажженную свѣчку держали на разстояніи приблизительно одного метра отъ глаза, то зрачекъ его расширился до 2-хъ см. и занималъ собою всю видимую орбиту глаза, такъ что радужная оболочка представлялась въ видѣ чуть замѣтнаго кольца. Когда-же свѣчку подносили совсѣмъ вплотную къ глазамъ птицы, то зрачекъ сокращался до 5 м.м. въ діаметрѣ, съ такою-же быстрою, съ какою произошло передвиженіе свѣчки.

«Съ наступленіемъ ночи», рассказываетъ далѣе Госсэ, «я ожидалъ, что птица прибодрится; но она не только не шевелилась, но даже ничѣмъ не проявляла ни малѣйшаго жизненнаго возбужденія. Я дождался полныхъ сумерекъ и въ теченіи вечера нѣсколько разъ подходилъ наблюдать ее, но вплоть до 10 часовъ вечера не замѣтилъ въ птицѣ ни малѣйшаго движенія. Въ 3 часа утра я снова пришелъ къ ней со свѣчей въ рукахъ; она сидѣла все на томъ-же самомъ мѣстѣ; наконецъ когда уже забрезжило утро, я опять взглянулъ и опять увидѣлъ ее неподвижно сидящею на прежнемъ мѣстѣ, такъ что слѣдуетъ предположить, что она не шевелилась въ продолженіи всей ночи. Въ такомъ-же положеніи оставалась она весь слѣдующій день. Я ткнулъ ее клювомъ въ воду и брызнулъ на нее нѣсколько капель, но птица отказалась пить. Послѣ этого мною было поймано для нея нѣсколько жуковъ и таракановъ, но она не обратила на нихъ никакого вниманія; тогда я раскрылъ ей клювъ и насильно закинулъ насѣкомыхъ въ ея широкій слизкій ротъ; она моментально откинулась назадъ, сердито потряхивая головою. Однако къ вечеру она неожиданно оживилась, слетала нѣсколько разъ съ мѣста и снова садилась на землю или на свое прежнее мѣсто. Различныя мелкія насѣкомыя летали вокругъ моихъ препарированныхъ птичьихъ шкурочекъ, и я полагаю, что она отлично могла поймать нѣкоторыхъ изъ нихъ, такъ какъ ея глаза время отъ времени бросали быстрый взоръ на тотъ или другой предметъ, и она оглядывалась, какъ будто хотѣла прослѣдить за полетомъ насѣкомыхъ. Мнѣніе Кювье, что строеніе исполнискаго козодоя дѣлаютъ его совершенно неспособнымъ подниматься съ ровной земли, на моихъ глазахъ было опровергнуто, такъ какъ мой козодой, несмотря на свои короткія ступни, безъ всякаго затрудненія поднимался прямо съ полу. Когда онъ сидѣлъ на полу, то крылья его были обыкновенно немного распушены, когда-же встѣвалъ на ступеньку, то онъ доходилъ приблизительно до конца хвоста. Если основывать свои мнѣнія на тѣхъ немногихъ наблюденіяхъ, которыя я могъ сдѣлать надъ привычками

свободныхъ поту и моего плѣнника, то я могу сообщить, что эта птица, несмотря на свои сильныя крылья, летаетъ очень мало, ведетъ свою охоту большею частью съ какой-нибудь вышки и, покончивъ уловъ ночныхъ насѣкомыхъ, снова возвращается на мѣсто своего сидѣнія. Такъ какъ мой поту ничего не ѣлъ, то я порѣшилъ его убить для пополненія своей коллекціи. Лучше всего мнѣ казалось задушить его; съ этою цѣлью я сдавилъ ему дыхательное горло, но долженъ былъ придти къ тому заключенію, что въ пальцахъ моихъ не хватило силы на это дѣло. Поэтому я вынужденъ былъ, противъ своего желанія, нанести ему ударъ въ голову. Почувствовавъ боль, бѣдняга испустилъ короткое, сильное карканье. За этимъ единственнымъ исключеніемъ онъ все время былъ совершенно безгласнымъ. Всякому принужденію онъ поддавался вполне равнодушно и только, когда я его упорно раздражалъ, держа передъ нимъ какой-нибудь предметъ, онъ иногда раскрывалъ свою громадную пасть, имѣя очевидно этимъ въ виду только напугать меня, а все же не схватить что-либо».

Въ глубокихъ скалистыхъ пещерахъ или ущельяхъ среднихъ областей Америки живетъ чудесная птица, которая по строенію и образу жизни имѣетъ главныя отличительныя признаки козодоевъ вообще и исполинскихъ козодоевъ въ частности, но тѣмъ не менѣе носить до такой степени своеобразный и самостоятельный отпечатокъ, что рассматривается какъ прототипъ особаго семейства, названнаго **Жирными козодоями** (*Steatornithidae*).

Жирный козодой или **Гуахаро** (*Steatornis caripensis*, *Caprimulgus caripensis*, *Fettschwalk*, *Guacharo*) достигаетъ въ длину 55 см., при размахѣ крыльевъ вдвое больше. Туловище его очень стройное, голова широкая; клювъ болѣе длинный, чѣмъ широкій, и не закрытъ перьями, вдоль спинки круто выгнутъ, конецъ его сильно загнуть внизъ и имѣетъ по краямъ зазубринъ; нижняя половинка клюва у корня дугообразно выгнута, а у сжатаго конца косо срѣзана; большія яйцевидныя ноздри расположены посрединѣ клюва бокомъ и совершенно открыты. Ноги очень сильныя, плюсна короткая и голая, безъ щитковъ, наполовину короче средняго пальца; крайніе пальцы почти одинаковой длины со среднимъ; крылья очень длинныя съ далеко выступающимъ остриемъ, образуемымъ четвертымъ и пятымъ маховыми перьями; третье и шестое значительно короче; первое укорочено умѣренно, и по длинѣ своей равно седьмому. Хвостъ гораздо короче крыла, сильно округленъ и состоитъ изъ жесткихъ, на концѣ широкихъ перьевъ. Остальное опереніе твердое и жесткое; на уздечкѣ образуются длинныя, выше клюва стоящія щетинки, такъ что лицо, какъ у совъ, окружено вѣнчикомъ изъ перьевъ. Вѣки также усажены маленькими щетинками, которыя защищаютъ большіе полукруглые глаза. Пищеводъ не образуетъ зоба; желудокъ очень мускулистый; кишечный каналъ больше, чѣмъ вдвое длиннѣе всего туловища. Подъ кожей лежитъ слой жира, который такъ плотно окружаетъ внутренности, что онѣ какъ-бы плаваютъ въ немъ. Опереніе красивой каштаново-бурой окраски. Узоръ его состоитъ на верхней сторонѣ изъ очень неясныхъ, какъ-бы выцвѣтшихъ крапинъ; на нижнихъ шейныхъ перьяхъ, плечевыхъ и малыхъ маховыхъ — изъ узкихъ, слабо обозначенныхъ, темныхъ поперечныхъ черточекъ; на верхней части головы — изъ очень мелкихъ, на нижнихъ частяхъ, крыльяхъ и на верхнихъ кроющихъ перьяхъ хвоста — изъ ясныхъ, ланцетовидныхъ желтовато-бѣлыхъ стержневыхъ пятенъ съ очень узкими каемками; на среднихъ верхнихъ кроющихъ перьяхъ крыла и на наружныхъ краяхъ обоихъ первыхъ малыхъ маховыхъ перьевъ эти пятна становятся крупнѣе и при-

нимаютъ форму капель. Темно-бурая внутренняя бородка маховыхъ перьевъ имѣетъ 3—4 ржаво-бѣловатыхъ пятнышекъ по краямъ; хвостовыя перья украшены узкими черными поперечными полосками; на обоихъ боковыхъ пестряетъ рядъ бѣлыхъ пятенъ вдоль наружной каймы. Глаза темно-бурые; клювъ красновато-бурый; ноги желто-буроватыя. Полы не различаются другъ отъ друга по окраскѣ.

А. Гумбольдтъ наблюдалъ гуахаро въ 1799 г. въ большой скалистой пещерѣ Карипе; позднѣйшіе путешественники находили его и въ другихъ темныхъ скалистыхъ ущельяхъ или пещерахъ, которыя часто попадаются въ горахъ. Свѣдѣнія, полученныя нами объ образѣ жизни и привычкахъ этой замѣчательной птицы, довольно обстоятельны, хотя многое еще остается все-таки неразъясненнымъ. Несомнѣнно одно, что мы не знаемъ ни одной птицы, которая жила-бы такъ, какъ гуахаро. Это можно видѣть изъ нижеслѣдующаго описанія, составленнаго по важнѣйшимъ извѣстіямъ, заимствованнымъ отъ Гумбольдта, Функа, Гросса и Геринга.

«Въ одной странѣ», говоритъ Гумбольдтъ, «гдѣ существуетъ большая наклонность къ чудесному, есть пещера, изъ которой вытекаетъ ручей, и гдѣ живутъ тысячи ночныхъ птицъ; на жирѣ ихъ миссіонеры жарятъ себѣ кушанья, что служить, понятно, нестоимымъ предметомъ разговоровъ и споровъ. Стоитъ только чужестранцу ступить ногою на землю въ Куманѣ, какъ ему начнутъ рассказывать про глазной камень изъ Арайи, про крестьянина изъ Аренаса, который выкормилъ грудью своего ребенка, и про пещеру гуахаро, имѣющую, какъ говорятъ, протяженіе въ нѣсколько миль. Живое участіе къ чудесному въ природѣ поддерживается всюду, гдѣ въ обществѣ нѣтъ жизни, гдѣ будничное теченіе событій совершается въ томительномъ однообразіи, не давая ни малѣйшей пищи любознательности.

«Пещера, которую туземцы называютъ жировой ямой, лежитъ не въ самой долинѣ Карипе, а около трехъ миль на юго-западъ отъ монастыря. Она впадаетъ въ боковую долину, идущую къ Сьерра-де-Гуахаро. 18 сентября мы отправились въ Сьерру въ сопровожденіи индѣйскихъ алькадовъ и большинства монаховъ. Узкая тропинка вела сначала въ продолженіи полутора часа къ югу по веселымъ равнинамъ, покрытымъ прекрасною травою; затѣмъ мы свернули на западъ, держась береговъ маленькой рѣки, вытекающей изъ пещеры. Приходилось идти въ продолженіи трехъ четвертей часа вверхъ, то прямо въ бродъ по рѣкѣ, то пробираясь между рѣкою и скалою по очень скользкой болотистой почвѣ. Многочисленные земляные обвалы и поваленныя деревья, черезъ которыя мулы пробирались съ великимъ трудомъ, дѣлали эту часть пути очень утомительной.

«Находясь уже у подножія высокой горы Гуахаро, всего въ 400 шагахъ отъ пещеры, нельзя еще видѣть входа въ нее. Ручей бѣжитъ по ложбинѣ, вырытой самою водою, и путнику приходится идти подъ навѣсомъ скалъ, такъ что неба совсѣмъ не видно. Дорога извивается вмѣстѣ съ рѣкою и только при послѣднемъ поворотѣ видишь предъ собою впервые отверстіе пещеры. Видъ кажется величественнымъ даже для такихъ глазъ, которые уже привыкли къ красотамъ высокихъ Альпъ: въ высшей степени своеобразный отпечатокъ придаетъ устью этого подземелья роскошная тропическая растительность, окружающая его. Пещера Гуахаро открывается въ отвѣсномъ скалистомъ обрывѣ. Входъ обращенъ къ югу; онъ представляетъ собою сводъ въ 25 м. ширины и 22 м. высоты. На скалѣ надъ гротомъ высятся исполинскія деревья; мамея и американская гениппа простираютъ свои вѣтви съ широкими блестящими листьями прямо къ небу, тогда какъ вѣтки курбарилы и эритрины, простираясь въ ширину, образуютъ густой зеленый сводъ. Потосы съ сочными стеблями, оксалисы и орхидеи рѣдкостнаго вида растутъ въ сухихъ расщелинахъ скалъ, тогда какъ колеблемья вѣтромъ ползучія растенія сплетаются

ГВАХАРО.

надъ входомъ въ пещеру въ красивую гирлянду. Какая противоположность между этою пещерою и какою-нибудь сѣвровою, осѣненною дубами и мрачными лиственницами!

«Это растительное великолѣпіе украшаетъ не только наружную сторону свода, но проникаетъ даже въ преддверіе самой пещеры. Мы съ изумленіемъ увидали, что берега ручья даже въ подземельи были окаймлены великолѣнными геликоніями съ листьями, какъ у банановъ, пальмами-прага и древовиднымъ аромомъ. Растительный міръ проникъ въ самую пещеру Карипе, какъ равно и въ глубокія расщелины скаль въ Андахъ, въ которыхъ царитъ вѣчный полумракъ, расщивающійся только въ 30—40 шагахъ отъ входа. Мы измѣрили путь посредствомъ веревки и прошли внутрь пещеры около 150 м., прежде чѣмъ явилась необходимость зажечь факелы. Дневной свѣтъ проникаетъ такъ далеко потому, что пещера образуетъ только одинъ проходъ, идущій по одному направленію съ юго-востока на сѣверо-западъ. Тамъ, гдѣ дневной свѣтъ начинаетъ уже меркнуть, слышатся хриплые крики ночныхъ птицъ, которыя, какъ полагають туземцы, живутъ только въ этихъ подземныхъ пространствахъ.

«Трудно составить себѣ понятіе о томъ странномъ шумѣ, который производятъ въ темной внутренности пещеры тысячи этихъ птицъ. Его можно сравнить только съ карканьемъ нашихъ воронъ, живущихъ обществами въ сѣврныхъ хвойныхъ лѣсахъ и гнѣздящихся на деревьяхъ, вершины которыхъ срастаются между собою. Пронзительные крики гуахаро отражаются отъ свода скалы и въ видѣ эхо возвращаются обратно изъ глубины пещеры. Индѣйцы показали намъ гнѣзда этихъ птицъ, подвязавши предварительно факелы на длинныя палки. Они торчали на высотѣ 20—23 м. надъ нашими головами въ воронкоподобныхъ отверстіяхъ, и сводъ положительно былъ покрытъ ими. Чѣмъ глубже забирались мы въ пещеру, чѣмъ больше вспугивали птицъ свѣтомъ своихъ факеловъ, тѣмъ оглушительнѣе становился шумъ. Едва только минуты на двѣ успокаивалось вокругъ насъ, какъ вдали снова раздавался жалобный крикъ птицъ, гнѣздившихся въ другихъ ходахъ пещеры. Такимъ образомъ хоры постоянно смѣняли другъ друга.

«Гуахаро покидаетъ пещеру съ наступленіемъ ночи, особенно при лунномъ свѣтѣ. Они ѣдятъ очень твердыя сѣмена, и индѣйцы утверждаютъ, что они никогда не прикасаются ни къ жукамъ, ни къ вочнымъ бабочкамъ. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только сравнить клювъ гуахаро съ клювомъ козодоя, чтобы убѣдиться, что образъ жизни этихъ двухъ птицъ долженъ быть совершенно различнымъ.

«Каждый годъ около Иванова дня индѣйцы ходятъ въ пещеру Гуахаро съ палками и разоряють большую часть гнѣздъ. Всякій разъ они убивають не одну тысячу этихъ птицъ, причемъ старья, какъ-бы желая вступить за свое потомство, съ страшнымъ крикомъ носятся надъ головами индѣйцевъ. Птенцовъ, которые падаютъ на землю, потрошатъ тутъ-же на мѣстѣ. Ихъ брюшина сильно проросла жиромъ, и такой-же слой жира идетъ отъ груди до зада, образуя между ногами птицы нѣчто вродѣ желвака. Что зерноядныя птицы, не подверженныя вліянію дневного свѣта и мало упражняющія свои мускулы, способны къ такому ожирѣнію, это мы видимъ на давно извѣстныхъ приемахъ откармливанія гусей и куръ; каждому извѣстно, какъ темнота и покой много способствуютъ ожирѣнію. Европейскія ночныя птицы худощавы потому, что онѣ питаются не плодами, какъ гуахаро, а пробавляются скудною добычею своей охоты. Ко времени «жировой жатвы», какъ говорятъ въ Карине, индѣйцы строятъ изъ пальмовыхъ листьевъ хижинны при входѣ или въ преддверіи пещеры. Мы нашли еще остатки ихъ. Здѣсь они топятъ жиръ молодыхъ, только что убитыхъ птицъ, и сливають его въ глиня-

вые сосуды. Этотъ жиръ извѣстенъ подъ названіемъ сала или масла гуахаро. Онъ полужидкій, прозрачный, безъ всякаго запаха и до того чистъ, что его можно сохранять больше году и онъ не горкнетъ. На монастырскихъ кухняхъ въ Карипе не употребляютъ никакого другого масла, кромѣ этого, добытаго изъ пещеры, и мы не замѣтили, что бы кушанье получало отъ него какой-нибудь непріятный запахъ или вкусъ.

«Количество добываемаго жира вовсе не соотвѣтствуетъ тому кровопролитію, которое индѣйцы ежегодно совершаютъ въ пещерѣ. Добывается, кажется, не болѣе 150—160 бутылокъ чистаго жира; остальной, менѣе чистый жиръ сохраняется въ глиняныхъ сосудахъ. Эта отрасль промышленности туземцевъ напоминаетъ сборъ голубинаго жира въ Каролинѣ, гдѣ его въ былыя времена добывали болѣе тысячи бочекъ. Употребленіе жира гуахаро извѣстно въ Карипе уже изстари, миссіонеры-же только упорядочили его производство. Члены одной индѣйской семьи утверждаютъ, что они происходятъ отъ первыхъ поселенцевъ долины и потому должны считаться единственными законными владѣльцами пещеры; они предъявляютъ свое исключительное право на жиръ, но благодаря участію въ этомъ промыслѣ монастыря, права этихъ законныхъ наслѣдниковъ признаны только, какъ почетное званіе. По системѣ, установленной миссіонерами, индѣйцы обязаны доставлять масло гуахаро для неугасимыхъ церковныхъ лампадъ, все-же остальное, какъ утверждаютъ, покупается у нихъ.

«Всѣ гуахаро давно-бы уже были истреблены, если-бы сохраненію ихъ не способствовали нѣкоторые благопріятныя обстоятельства: по своему суевѣрію индѣйцы рѣдко отваживаются заходить далеко въ глубину пещеры; кромѣ того птицы эти гнѣздятся еще въ сосѣднихъ пещерахъ, куда, по недоступности ихъ, не проникаетъ человекъ. Очень можетъ быть, что населеніе большой пещеры постоянно пополняется новыми пришельцами изъ поселеній въ маленькихъ пещерахъ, иначе миссіонеры не имѣли-бы основаній утверждать, что до сихъ поръ незамѣтно, чтобы количество птицъ убавлялось.

«Молодыхъ гуахаро пробовали привозить въ гавань Кумана; они жили тамъ нѣсколько дней безъ нищи, такъ какъ зерна, предлагаемая имъ, были имъ не по вкусу. Когда въ пещерѣ потрошатъ птенцовъ гуахаро, то въ желудкѣ и зобѣ у нихъ находятъ множество твердыхъ сухихъ сѣмянъ, которыя подъ особеннымъ названіемъ «сѣмянъ гуахаро» извѣстны какъ общераспространенное здѣсь средство противъ перемежающейся лихорадки. Птенцамъ эти сѣмена приносятъ старыя птицы. Индѣйцы старательно собираютъ ихъ и даютъ больнымъ въ тяжелыхъ случаяхъ заболѣванія лихорадкою.

«Пещера Карипе имѣетъ на протяженіи 462 м. одно и то же направленіе, ширину и высоту. Памъ стоило много труда заставить индѣйцевъ пройти въ глубь пещеры дальше ея передней части, которою они и ограничиваются при ежегодномъ посѣщеніи пещеры во время сбора жира. Потребовалось серьезное вліяніе монаховъ, чтобы убѣдить ихъ проникнуть въ то мѣсто пещеры, гдѣ почва вдругъ круто поднимается подъ угломъ въ 60°, и гдѣ ручей образуетъ подземный водопадъ.

«Чѣмъ ниже становился сводъ, тѣмъ пронзительнѣе раздавался крикъ гуахаро; подъ-конецъ никакія увѣщанія не помогали заставить индѣйцевъ идти дальше. Мы должны были подчиниться трусости своихъ проводниковъ и вернуться. Впрочемъ, всюду мы видѣли то-же, что и вначалѣ.

«Эта, обитаемая ночными птицами пещера считается индѣйцами за страшное и таинственное мѣсто, гдѣ, по ихъ глубокому вѣрованію, живутъ души ихъ предковъ. Человекъ, говорятъ они, долженъ нитать страхъ къ тѣмъ мѣстамъ, ко-

торыя не освѣщаются ни солнцемъ Цисъ, ни луною Нуна. Отправиться къ Гуахаро значить то-же самое, что отправиться къ праотцамъ, т. е. умереть. Поэтому индѣйскіе колдуны (піахе) и отравители (имороны) производятъ свои ночныя колдованія при входѣ въ пещеру, чтобы заклинать верховнаго злого духа Иворокіамо. Такимъ образомъ древнѣйшіе народные мѣры подъ всѣми поясами земного шара почти одинаковы, въ особенности тѣ, которые относятся къ двумъ силамъ, управляющимъ міромъ, къ мѣстопребыванію душъ послѣ смерти человѣка и къ страшному суду. Пещера Карипе то-же самое, что тартаръ у грековъ, а гуахаро, съ жалобнымъ крикомъ летающіе надъ водою, напоминаютъ стигійскихъ птицъ».

Отъ Функа, также посѣтившаго эту пещеру, мы узнаемъ, что съ наступленіемъ темноты гуахаро покидаютъ свою пещеру и, щелкая клювами, вылетаютъ за пищей съ крикомъ, напоминающимъ карканье воронъ. Пища ихъ состоитъ исключительно изъ плодовъ. Они проглатываютъ плоды, величиною съ голубиное яйцо, зерна-же ихъ выбрасываютъ. Гнѣзда ихъ слѣплены изъ глины и имѣютъ форму чашки; кладка состоитъ изъ 2—4 яицъ. Одинъ гуахаро вмѣстѣ съ гнѣздомъ и яйцами былъ присланъ Готесье въ парижскую академію; при этомъ было сдѣлано наблюденіе, что гнѣздо состояло изъ погадокъ, заключающихъ въ себѣ остатки плодовъ, которыми питались птицы. Наблюдатель предполагаетъ, что гуахаро мѣситъ этотъ матерьялъ для гнѣзда своими ногами, такъ что гнѣздо становится похожимъ на прессованную хвою, которую въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употребляютъ въ видѣ горючаго матеріала, и точно такъ-же хорошо горитъ, какъ эта смолистая масса. Еще другой наблюдатель описываетъ гнѣздо такимъ-же образомъ, но прибавляетъ къ этому, что край его обложенъ пухомъ. Кенигъ-Вартгаузенъ сильно сомнѣвается въ вѣрности этого свѣдѣнія о способѣ постройки гнѣзда; онъ выводитъ слѣдующее заключеніе: «птицы, массами населяющія пещеры, кладутъ свои погадки въ разсѣлинахъ, въ отверстіяхъ и на выступахъ, служащихъ имъ мѣстомъ отдыха, а также и гнѣздами, и безъ особыхъ приготовленій несутъ свои яйца тамъ, гдѣ найдутъ мѣсто. Вслѣдствіе продолжительнаго пребыванія на одномъ мѣстѣ и сидѣнія въ гнѣздѣ, масса становится очень твердой даже безъ всякой предварительной подготовки. Такая подстилка легко принимаетъ форму живота сидящей на ней птицы и потому кажется нарочно выдѣланнымъ гнѣздомъ. Подъ пуховою обложкою края не слѣдуетъ подражывать правильнаго пухового вѣнчика, какой бываетъ въ гнѣздѣ утокъ; эти перья въ тѣхъ гнѣздахъ, гдѣ они замѣчаются, могутъ просто случайно очутиться тамъ». Гнѣздо, видѣнное мною, казалось нарочно выстроеннымъ, а не найденнымъ и случайно употребленнымъ въ дѣло. Округленная снаружи, очень плотная, слегка выдолбленная въ серединѣ масса, въ самомъ дѣлѣ очень походила на зажигательный брусокъ изъ хвой. Она содержала въ себѣ много плодовыхъ остатковъ, которые, очевидно, были вырыгнуты, такъ какъ химическій анализъ не нашелъ въ нихъ присутствія мочевоы кислоты. Самая чашка была выдолблена такъ правильно, что случайному происхожденію этого приписать было нельзя, а ясно, что углубленіе было сдѣлано нарочно. Яйца, которыя по величинѣ своей похожи на яйца домашняго голубя, судя по словамъ Кенигъ-Вартгаузена, совершенно разнятся отъ яицъ настоящихъ козодоевъ, какъ по формѣ своей, такъ и по окраскѣ. Самую большую ширину они имѣютъ въ серединѣ долевоы оси, такъ что покатость отъ тупого конца къ острому идетъ довольно круто, чѣмъ эти яйца много напоминаютъ соколиныя, въ особенности яйца камышеваго луни. Скорлупа ихъ довольно крѣпкая, известково-бѣлаго цвѣта съ буроватыми пятнышками, происходящими отъ гнѣзда, а внутри желтовато-зеленая.

Гроссъ посѣтилъ ущелье Иконопцо въ Новой Гренадѣ, пересѣкающее пес-

чаниковую скалу на протяженіи 100 м. Ширина его 10—12 м., а на глубинѣ отъ 80 до 100 по немъ струится дикій горный ручей. Въ этой-то мрачной глубинѣ, изъ которой глухо раздается бушеваніе потока, прямо надъ бѣшено низвергающимися волнами, также живутъ гуахаро. Гроссъ спустился въ глубину, сталъ ногами на узкій выступъ и тотчасъ-же былъ буквально атакованъ массою ночныхъ птицъ, такъ какъ дѣло шло о защитѣ гнѣздъ. Фантастическія животныя кружились надъ наблюдателемъ такъ близко, что кончиками своихъ крыльевъ касались его, а крики цѣлыхъ сотенъ, даже тысячъ этихъ птицъ были прямо-таки оглушительны. Менѣе чѣмъ въ часъ Гроссъ убилъ около 40 штукъ гуахаро, но поставленные у входа въ ущелье индѣйцы не нашли ни одного изъ нихъ въ волнахъ рѣки; потому въ слѣдующемъ году Гроссъ приказалъ натянуть въ глубинѣ ущелья сѣтку для того, чтобы поймать убитыхъ и упавшихъ внизъ птицъ. Такимъ образомъ ему удалось достать многихъ гуахаро. Наблюденія, собранныя благодаря этой охотѣ, мы передадимъ лишь вкратцѣ.

Жирный козодой летаетъ легко и быстро, безъ частыхъ взмаховъ крыльями, причемъ вѣрообразно распускаетъ крылья и хвостъ. Каждое другое движеніе его крайне безпомощно. Походка—какое-то жалкое ползаніе, причемъ птица помогаетъ своему передвиженію крыльями. При сидѣніи гуахаро приподнимаетъ переднюю часть тѣла, но такъ низко опускаетъ голову, что кажется, какъ будто она виситъ; обыкновенно онъ еще опирается при этомъ на кистевой суставъ своихъ обоихъ крыльевъ. При ползаніи онъ нѣсколько приподнимаетъ хвостъ, выдвигаетъ голову впередъ и старается поддержать равновѣсіе всевозможными эволюціями и странными, змѣинообразными поворотами головы и шеи. На легу, а еще чаще въ возбужденномъ состояніи онъ испускаетъ хриплые, каркающіе, но все-же громкіе звуки, которые до такой степени своеобразны и рѣзки, что даже при болѣе веселой обстановкѣ показались-бы неприятными и зловѣщими. Пища гуахаро, безъ сомнѣнія, состоитъ изъ плодовъ, сѣмена которыхъ не отпрыгаются ими, а выдѣляются вмѣстѣ съ пометомъ. Вокругъ гнѣзда отъ прожорливыхъ птенцовъ накопляются постепенно цѣлыя кучи помета и зеренъ, которыя иногда достигаютъ 25 см. высоты и кажутся тогда какъ-бы стѣнками большого сосуда. Изъ глины и тому подобныхъ веществъ гуахаро никогда не строитъ своего гнѣзда. Свои бѣлыя, грушевидныя яйца онъ кладетъ безъ всякой подстилки прямо въ трещинахъ скалы. Самцы и самки насиживаютъ яйца попеременно. Птенцы имѣютъ видъ жалкихъ уродцевъ; они тогда только получаютъ возможность двигаться, когда опереніе ихъ уже окончательно развито. Прожорливость ихъ просто изумительна. Въ возбужденномъ состояніи они яростно нападаютъ другъ на друга, хватаютъ своимъ клювомъ все, что попадется по близости, даже собственные ноги и крылья, и только съ великимъ неудовольствіемъ оставляютъ разъ схваченное. Гроссъ пробовалъ воспитывать нѣкоторыхъ птенцовъ, взятыхъ имъ прямо изъ гнѣздъ, но не могъ доставить имъ соответствующей пищи и потому черезъ нѣсколько-же дней лишился всѣхъ своихъ плѣнниковъ.

Помимо Тэйлора, который посѣтилъ мѣсто гнѣздованія этихъ птицъ на Тринидадѣ и далъ объ этомъ довольно пространное, содержательное описаніе, позднѣе Герингъ обстоятельно описалъ многія изъ посѣщенныхъ имъ пещеръ, а также и образъ жизни гуахаро. «Сообщенія, данныя о гуахаро въ «Жизни Животныхъ», пишеть онъ мнѣ, «вѣрныя; въ особенности мнѣ понравилось описаніе, основанное на наблюденіяхъ Гросса. Въ отношеніи жизни этой птицы существеннаго я ничего не могу прибавить, поэтому ограничусь нижеслѣдующимъ. Гумбольдтъ вполне основательно говоритъ, что эти птицы не уменьшаются своею численностью по-

тому, что гнѣзятся еще въ другихъ пещерахъ, недоступныхъ человѣку. Къ этимъ послѣднимъ принадлежатъ тѣ, которыя я посѣтилъ вмѣстѣ съ Хакмасомъ, чтобы срисовать ихъ. Онѣ находятся на юго-востокѣ отъ Карипе въ горахъ Тередень и Пунсересь. Рисунокъ, который я съ особеннымъ удовольствіемъ изготовляю для «Жизни Животныхъ», изображаетъ входъ въ такъ называемую малую пещеру.

«Дѣйствительно, проникнуть въ эту пещеру очень трудно. Никакой дороги нѣтъ черезъ роскошный первобытный лѣсъ, покрывающій горы со всѣми ихъ безчисленными ущельями. Пещеры отстоятъ отъ Карипе по прямой линіи только на 6 часовъ пути; мы-же употребили цѣлыхъ два дня, чтобы добраться до Рио-Аркуаръ. Эта горная рѣка получаетъ свои воды изъ потока, вытекающаго изъ пещеръ. Пещеры находились на противоположномъ отъ насъ берегу рѣки, которая въ это время, вслѣдствіе продолжительныхъ дождей, до такой степени разлилась, что намъ пришлось выжидать цѣлыхъ два дня прежде, чѣмъ представилась возможность перейти на другой берегъ. Въ первый-же вечеръ, проведенный нами въ лѣсу, мы услышали крикъ гуахаро. Они вылетѣли съ наступленіемъ сумерекъ и, высоко поднявшись надъ исполинскими вершинами густого лѣса, наполнили воздухъ своими криками, которые такъ страшно звучали въ нашихъ ушахъ, какъ будто горныя ущелья и долины повторяли ихъ на тысячу ладовъ. Къ карканью этихъ птицъ, очень похожему на воронье, но гораздо болѣе громкому и пронзительному, примѣшивалось частое шелканье клювами, отчего общее впечатлѣніе получалось еще болѣе непріятное. Въ лунную ночь, повидимому, тысячи гуахаро покидаютъ свои подземныя жилища, такъ какъ крики ихъ переходили въ такой ужасный шумъ, отъ котораго даже всѣ другіе ночные обитатели лѣса умолкали, а намъ показалось, что надъ нами разгорѣлась въ воздухѣ ужасная битва. Однако мало-по-малу шумъ въ пещерѣ стихъ, такъ какъ птицы, повидимому, разсѣлись на вершинахъ деревьевъ, чтобы искать тамъ плодовъ. Вообще, мнѣ кажется, что гуахаро испускаютъ свои крики только тогда, когда летаютъ.

«Гнѣзда, видѣнныя мною, имѣли болѣе или менѣе форму сухой кучи коровьяго помета темно-бурой окраски. Масса состояла изъ рыхлой земли пещернаго грунта и сѣмянъ, величиною въ голубиное яйцо, которыя гуахаро отрывали. Форма гнѣзда принаровлена, весьма понятно, къ трещинамъ, углубленіямъ и отверстіямъ, въ которыхъ птица строитъ его. Я нашелъ въ гнѣздѣ только два яйца, но полагаю, что указанія, данныя на это въ «Жизни Животныхъ», вполне вѣрны. О безпомощномъ тѣлѣ молодого гуахаро трудно даже составить себѣ представленіе. Вся птица имѣетъ видъ безформеннаго комка жира. Я вскрывалъ многихъ изъ нихъ и находилъ, что ихъ желудокъ уже былъ наполненъ сѣменами, величиною почти съ голубиное яйцо, покрытыми влажною блѣдно-розоватою массою. Всѣ эти комочки жира,—какъ мнѣ кажется всего характернѣе назвать птенцовъ гуахаро,—имѣли блѣдо-желтоватую окраску и были покрыты лишь первыми зачатками перьевъ. Нѣсколькихъ птенцовъ мы съѣли. Они были до такой степени жирны,—какъ и слѣдовало ожидать по ихъ внѣшности,—что въ супѣ можно было сварить лишь нѣкоторыя части тѣла, и то въ качествѣ масляной приправы. По мнѣнію Хакмаса, впрочемъ, птенцы гуахаро считаются необыкновенно вкуснымъ блюдомъ.

«Вслѣдствіи я находилъ гуахаро также по близости Каракаса, почти въ разстояніи двухъ часовъ ходьбы на востокъ отъ города, а также въ провинціи Мерида на Рио-Капасъ, которая до сихъ поръ была совершенно неизвѣстна, какъ мѣсто гнѣздованія этихъ птицъ. Рѣки Рио-Капасъ и Рио-Гуайре у Каракаса представляютъ свое русло черезъ узкое ущелье, которое для гуахаро представляетъ очень благоприятное мѣстожительство. Пробываніе гуахаро на островѣ Тринидадѣ

уже известно, а потому я упомяну лишь, что входъ въ ихъ подземное жилище, лежащее на гористомъ сѣверномъ берегу, частью приходится съ моря».

Подарговья (Podargidae) довольно существенно отличаются отъ гуахаро и другихъ козодоевъ; если-же принимать во вниманіе всѣ ихъ признаки вообще, то слѣдуетъ примкнуть ко взгляду Фюрбрингера и все-таки присоединить этихъ птицъ къ козодоямъ, съ которыми онѣ имѣютъ много общаго и въ образѣ жизни. Тѣло подарговыхъ вытянутое, шея короткая, голова широкая и плоская, крылья сравнительно короткія и тупыя, хвостъ длинный, ноги высокія и сильныя. Клювъ ихъ сходенъ съ клювомъ козодоевъ только по своему глубокому расщелу; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ разнится отъ него; онъ большой, плоскій, у основанія очень широкій, шире лба, на концѣ загнутъ крючкомъ и весь роговой; обѣ челюсти почти одинаковой длины и гладкія, т. е. безъ зубцовъ; края ихъ не оперены; ротовая щель простирается дальше глазъ; ноздри расположены не по срединѣ, а ближе къ корню и частью закрыты перьями лба. Плюсны ногъ короткія, но все-же гораздо выше, чѣмъ у козодоевъ; три пальца обращены впередъ, а одинъ назадъ. Какъ на отличительный признакъ Склатеръ указываетъ, что крайній палецъ состоитъ изъ пяти суставовъ. Опереніе мягкое и темное, какъ у большинства козодоевъ; у основанія клюва, а у нѣкоторыхъ видовъ и на ушной области перья переходятъ въ щетинистыя образованія.

Всѣ до сихъ поръ извѣстные виды подарговыхъ живутъ въ лѣсахъ южной Азіи и Австраліи, нѣкоторые на материкахъ, а другіе на большихъ островахъ этихъ странъ. Ихъ образъ жизни еще мало изслѣдованъ, но извѣстно, что онъ существенно отличается отъ образа жизни козодоевъ. Кромѣ того и отдѣльные виды семейства отличаются между собою по своимъ привычкамъ и нравамъ, такъ что имѣющіяся до сихъ поръ свѣдѣнія нельзя объединить въ одно общее цѣлое.

Бѣлоноги (Podargus), населяющіе въ числѣ двѣнадцати видовъ Австралію, Новую Гвинею и сосѣдніе съ ними острова, отличаются слѣдующими признаками: клювъ у нихъ короткій, на спинкѣ килевидный, спереди сильно загнутый крючкомъ, по сторонамъ покато сплюснутый и очень широкій; острый край верхней половинки выступаетъ надъ плоской нижней половинкой. Ноздри усажены щетинистыми волосками; такими-же образованіями окружены и края рта. Ноги очень сильныя; неоперенная плюсна спереди покрыта шестью щитками. Въ остроокруженныхъ крыльяхъ третье, четвертое и пятое маховыя перья самыя длинныя, второе и шестое немного покороче. Перья длиннаго ступенчатого хвоста на концѣ заостряются. Обильное опереніе, состоящее изъ длинныхъ волокнистыхъ перьевъ, мягкое какъ у совъ; только очень немногія изъ перьевъ у основанія клюва преобразованы въ настоящія щетинки.

Исполинскій бѣлоногъ (Podargus australis, humeralis, gracilis и cinereus, Caprimulgus podargus и strigoides. Riesenschwal'm. Podarge de la Nouvelle Hollande), котораго мы считаемъ достойнѣйшимъ представителемъ своего рода, по величинѣ равняется воронѣ. Опереніе всей верхней стороны по темному сѣро-бурому фону какъ-бы окрашено очень мелкими сѣровато-бѣлыми и черными крапинами; на плечахъ оно разрисовано по сѣровато-бѣлому фону пятнистыми пятнышками; верхняя часть головы, нижнія шейныя перья и кроющія перья крыла испещрены тонкими,

ясно выступающими, черными стержневыми черточками; мелкія темно-бурыя кроющія перья около добавочнаго крыла усѣяны мелкими, свѣтлыми крапинками; съ нижней стороны послѣднія отграничены рядомъ сѣровато-бѣлыхъ съ бурыми крапинками остроконечныхъ пятенъ. Большія маховыя перья имѣютъ снаружи перемежающіяся черныя и сѣровато-бѣлыя съ темнымъ крапомъ поперечныя полоски; малыя маховыя и рулевыя перья густо усѣяны по сѣро-бурому фону свѣтлыми и черными крапинками и украшены нелесными, тонкими поперечными полосками, состоящими изъ пятенъ; нижнія части тѣла по сѣровато-бѣлому фону покрыты бурыми крапинками и поперечными пятнышками, а также тонкими черными стержневыми черточками. Послѣднія образуютъ по сторонамъ зоба большія черныя пятна, которыя съ нижней стороны отграничены нѣсколькими свѣтлыми сѣровато-бѣлыми поперечными пятнами. Клювъ свѣтло-бурый съ пурпуровымъ налетомъ; ноги масляно-бурыя; глаза желтовато-бурые. Подробнѣе описывать опереніе бесполезно, такъ какъ многіе виды этого рода до того похожи между собою, что только самое подробное описаніе оперенія дало-бы возможность установить это различіе.

Гульдъ и Верро дали намъ довольно обстоятельныя сообщенія о жизни исполнинскаго бѣлонога. Изъ ихъ описанія слѣдуетъ, что различные виды ихъ ведутъ совершенно одинаковый образъ жизни, такъ что всѣ наблюденія, сдѣланныя надъ однимъ видомъ, могутъ такъ же хорошо относиться и ко всѣмъ остальнымъ. «Въ Австраліи водится», говоритъ Гульдъ, «многочисленная группа ночныхъ птицъ этой породы, которыя, повидимому, назначены для того, чтобы мѣшать распространенію древесныхъ кузнечиковъ. Это—трусливыя и лѣнныя существа, добывающія себѣ пищу не искусствомъ летанія, а простымъ обыскиваніемъ вѣтвей. Когда они не заняты ловлею, то сидятъ на открытыхъ мѣстахъ, на корняхъ деревьевъ, на перилахъ, на крышахъ, также на кладбищенскихъ памятникахъ, вслѣдствіе чего суевѣрные люди считаютъ ихъ за предвѣстниковъ смерти, чему не мало способствуетъ также ихъ непріятный хриплый голосъ. Въ отношеніи размноженія они рѣдко отличаются отъ своихъ родичей, такъ какъ строятъ себѣ плоское гнѣздо изъ мелкаго хвороста на горизонтальныхъ вѣтвяхъ деревьевъ».

Исполнинскій бѣлоногъ принадлежитъ къ наиболѣе обыкновеннымъ птицамъ Поваго Южнаго Валлиса, и потому его вовсе не трудно наблюдать. «Это одно изъ самыхъ сонливыхъ созданій: разбудить его труднѣе, чѣмъ кого-либо. Все время, пока свѣтитъ солнце, онъ спитъ, забывшись гдѣ-нибудь въ вѣтвяхъ, плотно прижавшись тѣломъ къ мѣсту своего сидѣнія, поджавши шею и запрятавши голову въ плечевыя перья, притомъ такъ неподвижно, что походитъ скорѣе на узловатый сукъ, чѣмъ на птицу. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что онъ садится всегда поперекъ, а не вдоль вѣтви. Онъ держится такъ смиренно и цвѣтъ его оперенія такъ подходитъ къ вышнему виду коры, что необходимъ большой навыкъ, чтобы замѣтить эту крупную птицу среди бѣлаго дня, хотя она никогда не прячется, а сидитъ всегда на открытыхъ сучьяхъ, лишенныхъ даже мелкихъ вѣтокъ.»

Сонъ исполнинскаго бѣлонога такъ глубокъ, что можно подстрѣлить одного изъ пары, сидящей на деревѣ рядомъ, а другой даже не пошевелится, можно бросать въ него камнями или колотить его палкою, а онъ и не подумаетъ слетѣть, такъ что его очень легко схватить руками. Если-же какимъ-нибудь образомъ его и удастся спугнуть, то онъ проявляетъ такъ мало дѣятельности, что залицу видитъ только въ паденіи на землю; онъ вполнѣ, повидимому, безсознательно перелетаетъ на ближайшую вѣтку, крѣпко прицѣпляется тамъ и снова погружается въ сонъ. Такъ бываетъ обыкновенно; но, въ видѣ исключенія, случается, что исполнинскій бѣлоногъ и днемъ перелетаетъ небольшое разстояніе.

Совершенно иною становится птица съ наступленіемъ ночи. Въ сумерки она просыпается отъ сна и, потянувшись какъ слѣдуетъ, начинаетъ расправлять свои перья и приглаживать ихъ, послѣ чего принимается летать. Теперь она является совершенною противоположностью того, что представляла собою днемъ; мы видимъ предъ собою живое, бодрое, дѣятельное, проворное и ловкое во всѣхъ своихъ движеніяхъ существо, неутомимо занимающееся ловлею добычи. Быстро носится бѣлоногъ съ вѣтви на вѣтвь, подбирая на нихъ сонныхъ кузнечиковъ и дикадь; подобно дятлу онъ стучитъ клювомъ по корѣ, чтобы выгнать спрятавшихся подъ ней насѣкомыхъ, и даже забирается въ дупла деревьевъ, чтобы раздобыть себѣ тамъ пищи. Нельзя сказать, чтобы исполинскій бѣлоногъ особенно хорошо леталъ; его полетъ довольно коротокъ и прерывистъ, что зависитъ отъ сравнительно короткихъ маховыхъ перьевъ, но и неловкимъ его отнюдь назвать нельзя, такъ какъ онъ летаетъ, забавляясь, для собственнаго удовольствія съ дерева на дерево. Съ наступленіемъ ночи эта забава кончается, и птица копошится лишь въ вѣтвяхъ деревьевъ, тщательно обыскивая ихъ. Гульдъ полагаетъ, что исполинскій бѣлоногъ ѣстъ только насѣкомыхъ; Верро, напротивъ, увѣряетъ, что онъ пользуется и другою добычею. Зимой они вытаскиваютъ запрятавшихся насѣкомыхъ изъ трещинъ и расщелинъ деревьевъ; если этой пищи имъ не хватаетъ, они отправляются въ болота и тамъ охотятся за слизнями и другими мелкими водяными животными. Въ періодъ размноженія они похищаютъ молодыхъ птенцовъ, убиваютъ ихъ, если они кажутся имъ слишкомъ большими, подобно древесному зимородку хватая ихъ клювомъ и нѣсколько разъ ударяя по суку, и затѣмъ проглатываютъ цѣликомъ убитую птичку. Охота ихъ продолжается только во время сумерекъ; въ темную ночь они сидятъ смирно на одномъ и томъ-же суку. За нѣсколько часовъ передъ разсвѣтомъ они принимаются охотиться во второй разъ, наломывая этимъ козодоевъ.

Голосъ у самца громкій и непріятно поражающій того, кто его слышитъ въ первый разъ. По мнѣнію Верро онъ похожъ на воркованіе голубей. Всего громче и усерднѣе бѣлоноги кричатъ, само собою разумѣется, въ пору любви. Тогда ихъ крикъ является вызовомъ къ бою. Едва только подлетаетъ другой самецъ, какъ поднимается жестокая драка, которая длится до рѣшительнаго пораженія одного изъ соперниковъ. Время размноженія приходится на іюль и августъ. Самое спариваніе происходитъ въ сумерки; послѣ него обѣ птицы остаются сидѣть вплотную другъ подлѣ друга и не двигаются до тѣхъ поръ, пока съизнова не начнутъ своей охоты. Маленькое плоское гнѣздо строится изъ тонкихъ прутиковъ обѣими птицами. Оно представляетъ собою плохую постройку, которая внутри выстлана лишь нѣсколькими травинками и перышками. Оно лежитъ обыкновенно очень низко, всегда на 2 м. надъ землею въ развѣтвленіи древеснаго сука, такъ что его легко можно достать рукою. Снизу можно видѣть, какъ у нѣкоторыхъ голубей, 2—4 продолговатыхъ, чисто-бѣлыхъ яйца, которыя просвѣчиваютъ сквозь плетеніе гнѣзда. Трудъ насиживанія раздѣляютъ обѣ птицы: самецъ насиживаетъ обыкновенно ночью, а самка днемъ. Заботы о вылупившемся семействѣ несетъ на себѣ одинъ самецъ. Если гнѣздо слишкомъ подвергается дѣйствію солнечныхъ лучей или если птенцы настолько уже велики, что матери не накрыть ихъ всѣхъ, то родители вынимаютъ ихъ изъ гнѣзда и переносятъ въ дупло дерева. Эта заботливость тѣмъ замѣтнѣе, что сами родители на мѣстахъ своего отдохновенія безпощадно подвергаютъ себя вліянію всякой непогоды. Въ началѣ ноября птенцы покидаютъ гнѣздо, но въ дѣйствительности еще долгое время живутъ въ обществѣ своихъ родителей. При чувствительномъ холодѣ случается, что одинокіе бѣлоноги дней по восьми сидятъ на одномъ и томъ-же суку, притомъ такъ спокойно и неподвижно, какъ

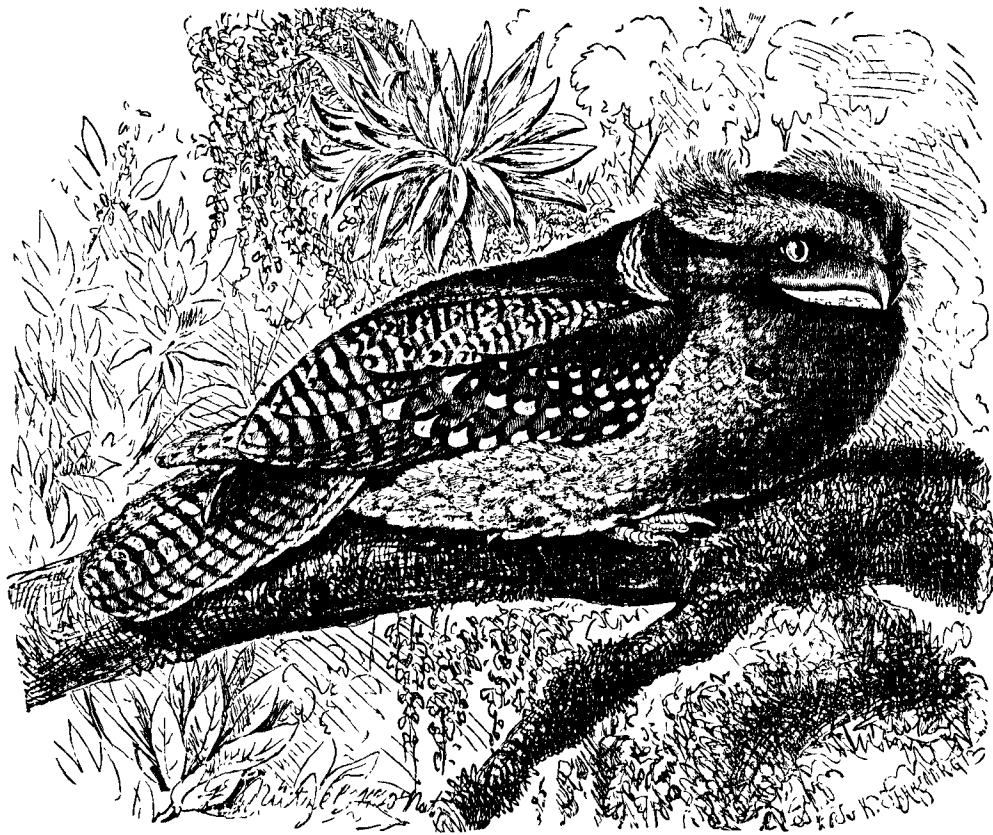
ИСПОЛИНСКІЙ ВЪЛНОГЪ.

будто они находятся въ зимней спячкѣ. Они пробуждаются только тогда, когда ихъ трогаютъ. Это наблюденіе было сдѣлано Гульдомъ и подтверждено Верро. «Хотя я и не могу быть твердо увѣреннымъ», говоритъ Гульдъ, «что эта птица въ извѣстное время года подвергается зимней спячкѣ, однако не считаю себя въ правѣ умолчать о сдѣланномъ мною наблюденіи относительно того, что иногда бѣлоногъ удаляется въ дупло и долгое время остается тамъ. Мое предположеніе подтверждается еще тѣмъ, что нѣкоторые, полученные мною бѣлоноги были до такой степени необыкновенно жирны, что это мѣшало даже сохраненію ихъ чучель. Я положительно не вижу основанія, почему-бы и этой птицѣ не проводить часть своей жизни въ зимней спячкѣ, которой подвержены нѣкоторыя млекопитающія животныя, стоящія по своему развитію во всякомъ случаѣ выше птицъ». Мое личное мнѣніе объ этомъ вопросѣ таково, что предположеніе Гульда отнюдь нельзя возводить въ правило, такъ какъ удаленіе бѣлонога въ дупло и продолжительная спячка тамъ ровно ничего еще не доказываютъ относительно птицъ, которыя, какъ уже замѣчено, не просыпаются даже отъ выстрѣла, произведеннаго въ нихъ въ упоръ.

Взятые изъ гнѣзда молодыми, бѣлоноги, какъ сообщаетъ Верро, становятся скоро ручными, научаются узнавать своего хозяина, садятся ему на голову, лазаютъ къ нему на кровать, стоняютъ оттуда другихъ животныхъ и по прошествіи нѣкотораго времени до такой степени измѣняютъ свои привычки, что начинаютъ ѣсть даже днемъ. Въ новѣйшее время многихъ этихъ плѣнниковъ стали возить въ Европу. Первый живой бѣлоногъ былъ доставленъ въ Лондонъ въ 1862 г., второй— въ Амстердамъ въ 1863 г. Третьяго получилъ черезъ нѣкоторое время послѣ того я самъ, и такъ какъ и впоследствии я имѣлъ на своемъ попеченіи многихъ бѣлоноговъ, то о жизни ихъ въ неволѣ могу говорить по личному опыту. Первый, которымъ я владѣлъ, былъ до такой степени ручн ой, что не только бралъ кормъ прямо изъ моихъ рукъ, но также не выказывалъ никакого сопротивленія, когда я его бралъ на руки и носилъ по комнатѣ, при чемъ онъ не проявлялъ ни малѣйшаго желанія оставить свое мѣсто. Впрочемъ и всѣ остальные отличались замѣчательнымъ спокойствіемъ и значительною неповоротливостью. Днемъ плѣнный бѣлоногъ сидитъ такъ, какъ обыкновенно привыкъ на свободѣ, т. е. неподвижно на одномъ мѣстѣ въ томъ положеніи, какъ описалъ Гульдъ; но такого глубокаго сна, о которомъ говоритъ этотъ изслѣдователь, я не замѣчалъ за нимъ; напротивъ, онъ просыпается отъ простого зова, и, какъ только воспитатель обратится къ нему, онъ въ ту-же минуту къ нему приближается.

Отъ моего перваго воспитанника вначалѣ я слышалъ только тихое бормотанье, похожее немного на протяжное «хумм»; предполагая, что этотъ странный звукъ есть его призывной голосъ, мы попробовали, подражая ему, привлечь вниманіе птицы на насъ. Успѣхъ превзошелъ даже мои ожиданія, такъ какъ бѣлоногъ не только шевелился при этомъ зовѣ, но даже тотчасъ-же отликался и совершенно правильно, отвѣчая каждый разъ, какъ мы повторяли нашъ опытъ. Затѣмъ если ему подкладывали мышь или маленькую птичку, то онъ двигался, качиваясь изъ стороны въ сторону, оживленно бормоталъ, широко таращилъ глаза на лакомый кусочекъ и наконецъ вспаркивалъ съ сучка за подачкой. Отъ жирныхъ червяковъ, которыхъ я ему иногда предлагалъ, онъ не только не отказывался, но еще самъ выискивалъ ихъ въ пескѣ. Онъ проглатываетъ свою добычу цѣликомъ и способенъ справиться съ большою мышью или съ дороднымъ воробьемъ, если только у него отрѣзаны крылья. Проглатываніе происходитъ очень медленно; отъ проглоченной мыши, напримѣръ, часто въ продолженіи цѣлаго получаса торчитъ изъ клюва кончикъ хвоста, пока наконецъ не вберется весь. Пищевареніе у бѣ-

мѣрно большую величину. Опереніе верхней стороны свѣтло-ржавое съ тонкимъ чернымъ рисункомъ зигзагами; на затылкѣ красуется бѣлая серповидная повязка; на плечахъ пестрѣютъ большія бѣло-голубоватая пятна, которыя рѣзко выступаютъ въ слѣдствіе черныхъ полукруговъ на концахъ нѣкоторыхъ перьевъ; на лбу и позади глазъ желтыя подпалины; середина горла, передняя часть шеи и брюшко бѣлыя, мѣстами перерѣзанныя зигзагами; грудь ржаваго цвѣта съ бѣлыми и черными пятнами; сильно ступенчатый хвостъ свѣтло-ржавый съ 7—8 темными полосками, отороченными чернымъ, и со многими черноватыми зигзагами; маховыя перья украшены такими-же полосками. Глаза чистаго сѣрно-желтаго цвѣта, какъ у многихъ хищныхъ птицъ; клювъ свѣтло-желтый; ноги буроватыя.

Ушастый бѣлоногъ *Batrachostomus auritus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

Первыя извѣстія о мѣстожительствѣ и размноженіи этой удивительной птицы намъ сообщилъ Бернштейнъ. Настоящею родиною ушастаго бѣлонога слѣдуетъ считать лѣсныя чащи, столь обыкновенныя въ Индіи на высотѣ 1000 м. надъ уровнемъ моря. Въ населенныхъ странахъ этотъ натуралистъ никогда не встрѣчалъ его, и, по увѣренію туземцевъ, его дѣйствительно нѣтъ ни тамъ, ни въ низко-лежащихъ равнинахъ. Бернштейнъ ничего не могъ сообщить ни объ образѣ жизни, ни о голосѣ, ни о нравахъ этой птицы; онъ обстоятельно описывалъ только ея гнѣздо, которое находилось среди тростника и было открыто совершенно случайно. Оно было яйцевидной формы, низкое, съ небольшимъ только углубленіемъ посреди и состояло, за исключеніемъ нѣсколькихъ маленькихъ листочковъ

съ наружной стороны, исключительно изъ мелкихъ сѣрыхъ пуховыхъ перьевъ самой птицы, поэтому оно не отличалось большою прочностью. Миниатюрность гнѣзда не позволяла насидивающей птицѣ садиться въ него. Упастый бѣлоногъ, котораго наблюдалъ Бернштейнъ, сидѣлъ на стеблѣ тростника, поддерживавшаго гнѣздо, и притомъ вдоль вѣтки, плотно сдвинувъ ноги, такъ что его продольный разрѣзъ приходился по направленію тростника. Яйцо прикрыто только брюшкомъ, совершенно такъ, какъ это бываетъ у клѣхо. Бернштейнъ нашелъ въ гнѣздѣ только одно, свѣже снесенное яйцо, и потому не берется рѣшить вопроса, кладетъ-ли птица всего одно яйцо или нѣсколько. Яйцо ушастаго бѣлонога продолговатой формы, круто округленное съ обоихъ концовъ. Основная его окраска бѣлая съ матовымъ блескомъ; по этому фону разсыяны крупныя и мелкія неправильныя буро-красныя крапины и пятнышки, которыя въ тупомъ концѣ сливаются въ видѣ вѣнчика.

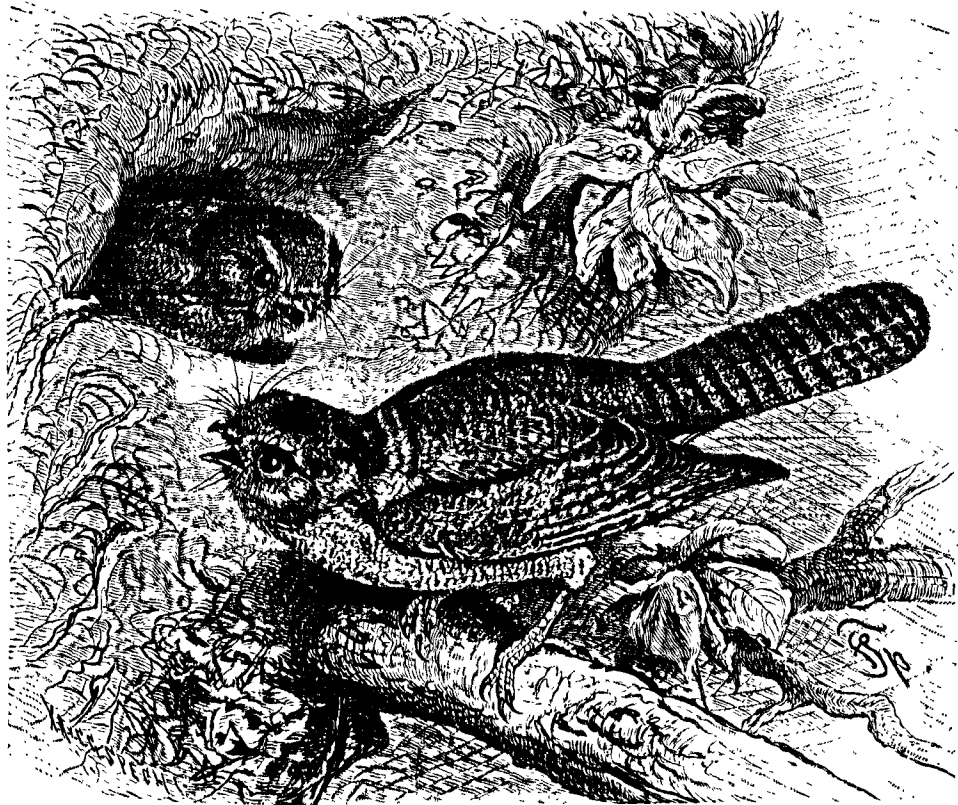
* *

Нѣкоторые виды нашей группы, ограничивающіеся Австраліей и составляющіе родъ **Карлиновыхъ бѣлоноговъ** (*Aegotheles*. *Zwergschwalme*. *Aegothèles*) между всѣми своими родичами представляютъ наибольшее сходство съ козодоями. Туловище ихъ длинное, но сильное, шея короткая, голова кругловатая, т. е. не такъ плоска, какъ у прочихъ видовъ; крылья короткія и скругленныя, такъ какъ самыя длинныя въ нихъ третье и четвертое маховыя перья; хвостъ, значительно выдающійся надъ сложенными крыльями, средней длины и скругленный; ноги сравнительно высокія, ихъ голыя плюсны слабыя, пальцы короткіе, всѣ почти одинаковой длины и не соединены перепонкою. Клювъ короткій, толстый и широкій, у основанія сплюснутый, сразу суживающійся къ концу и загибающійся плоскимъ крючкомъ; посрединѣ его отъ конца до самаго лба идетъ горбикъ; нижняя половинка клюва на кончикѣ имѣетъ выемку, въ которую входитъ крючекъ верхней половинки: края клюва роговые, ротовая щель идетъ до самыхъ глазъ. Опереніе мягкое и, за исключеніемъ щетинистыхъ образований въ области клюва, очень равномерное. Щетинки окружаютъ не только края клюва, но торчатъ также на лбу и на подбородкѣ; у корня, а частью и по обѣимъ сторонамъ оныхъ перисты, такъ что только весьма немногія изъ нихъ представляютъ собою настоящія щетинки.

Карлиновый бѣлоногъ (*Aegothèles novae-hollandiae*, *Caprimulgus novae-hollandiae*, *cristatus*, *vittatus* и *lunulatus*. *Schleierschwalm*. *Aegothèle de la Nouvelle Hollande*) по величинѣ своей и внѣшнему виду напоминаетъ нашего сыча. Длина его 25 см., размахъ крыльевъ немного больше 30. Опереніе верхнихъ частей по буро-черному фону окрашено очень мелкими сѣроватыми крапинками, которыя явнѣе выступаютъ по сторонамъ шеи и на нижнихъ частяхъ, гдѣ образуютъ слабо обозначенныя свѣтлыя поперечныя полосы; середина брюшка, задъ и нижнія кроющія перья крыла бѣлыя. Тусклое пятно, находящееся въ передней части ушной области, имѣетъ буровато-бѣлую окраску; полоса на зашейкѣ обозначена свѣтлыми и темными крапинами на перьяхъ. Маховыя перья темныя землисто-бурыя; большія маховыя снаружи съ чало-бѣловатыми поперечными пятнами, малыя маховыя съ сѣровато-красчатыми поперечными полосками; буро-черныя рулевыя перья разрисованы двѣнадцатью узкими сѣро-бурыми поперечными полосками съ болѣе темнымъ крапомъ; второе и четвертое перья съ обоихъ краевъ на внутренней бородкѣ не имѣютъ этихъ полосокъ. Черный клювъ окруженъ длинными черными щетинками, образующими уздечку. Радужная оболочка глаза орѣхово-бурая; ноги

мясного цвѣта. Самецъ и самка по величинѣ и окраскѣ почти не разнятся другъ отъ друга; птенцы имѣютъ болѣе темное опереніе.

Относительно образа жизни этой птицы наблюденія сдѣланы Гульдомъ. Онъ встрѣчалъ карликоваго бѣлонога по всей южной Австраліи и Тасманіи какъ осѣдлую птицу, которая живетъ какъ въ береговыхъ кустарникахъ, такъ и въ рѣдкихъ лѣсныхъ заросляхъ внутри страны. Поведеніемъ своимъ онъ напоминаетъ какъ сыча, такъ и козодоя. Днемъ карликовый бѣлоногъ держится въ дуплахъ деревьевъ, преимущественно камедныхъ, въ которыхъ такъ хорошо скрывается, что присутствіе его нельзя даже и подозрѣвать. Впрочемъ одно странное обыкновеніе этой птицы даетъ свѣдущему человѣку средство открыть ея убѣжище: стоитъ только постучать по

Карликовый бѣлоногъ. *Aegothales novae-hollandiae*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

стволу ея любимаго дерева, какъ маленькій обитатель въ одно мгновеніе очутится у отверстія дупла, съ любопытствомъ стараясь вывѣдать причину тревоги. Если онъ убѣдится въ своей безопасности, то снова забирается въ свое дупло и остается тамъ спокойно сидѣть до тѣхъ поръ, пока его снова не потревожатъ. Только когда ему слишкомъ сильно надоѣдаютъ, онъ улетаетъ въ другое мѣсто, обыкновенно въ другое дуплистое дерево, но нерѣдко также и въ густую листву его. Полетъ его прямой и относительно медленный, безъ всякихъ внезапныхъ поворотовъ; посадка его напоминаетъ больше сову, чѣмъ козодоя, отъ котораго онъ отличается еще тѣмъ, что никогда не садится вдоль сука, а всегда поперекъ. Сыча онъ напоминаетъ еще тѣмъ, что когда чѣмъ-нибудь пораженъ, то двигаетъ головой въ разныя стороны или вытягиваетъ ее, а когда его схватятъ, то шипитъ.

Гульдъ утверждаетъ, что карликовый бѣлоногъ выводитъ птенцовъ два раза въ году. Въ Тасманіи птенцовъ ихъ находятъ въ октябрѣ, а въ Новомъ Южномъ Валлисѣ нашъ изслѣдователь получилъ яйца въ январѣ. Настоящаго гнѣзда карликовый бѣлоногъ не строитъ; онъ кладетъ свои 4—5 кругловатыхъ, чисто-бѣлыхъ яицъ, безъ всякихъ околичностей, прямо на рухлядь дупла.

Относительно жизни этой птицы въ неволѣ обстоятельныхъ свѣдѣній не имѣется. Гульдъ упоминаетъ только, что онъ долго держалъ при себѣ живую одну пару, что при приближеніи человѣка они пятились, нахохливши головныя перья и съ громкимъ шипѣньемъ запрятывались въ уголь кѣтки.

Группа **Сивораншей** (Coraciæ), образуемая семействами сиворонокъ и ку-роловъ, заключаетъ въ себѣ, по Фюрбрингеру, древесныхъ птицъ, стоящихъ ниже всѣхъ другихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ всего меньше отклоняющихся отъ первобытнаго типа птицъ.

Сиворонки (Coraciidae. Raken. Rolliers)—довольно крупныя птицы, большею частью съ пестрымъ опереніемъ, образуютъ небольшое семейство, состоящее приблизительно всего изъ 20 видовъ и населяющее только восточное полушаріе. Клювъ у нихъ средней длины или довольно длинный, крѣпкій, прямой, у основанія немного расширяющійся, къ концу сплюснутый, острый и на самомъ концѣ крючковатый; ноги короткія, со слабою плюсною и короткими пальцами; маховыя перья средней длины или длинныя и довольно широкія; хвостъ обыкновенно также средней длины, то прямо обрубленный, то слегка округленный, то нѣсколько вылообразный; но иногда оба крайнихъ пера сильно удлиняются сравнительно съ другими. Опереніе плотное, но жесткое и шершавое; стержни перьевъ тверже, бороздки гладкія, но все-же съ разсученными концами. Преобладающіе цвѣта въ опереніи: зеленый, снѣгій, коричневый или винно-красный. Полы мало разнятся другъ отъ друга, птенцы отъ старыхъ тоже не особенно существенно.

Главною областью распространенія сиворонокъ служатъ экваторіальныя страны Стараго Свѣта. Одинъ видъ семейства встрѣчается впрочемъ на сѣверѣ, а также и въ Европѣ; большинство-же населяетъ вышеуказанные пояса. Въ Африкѣ и Азій водится одинаковое число видовъ; Австралія довольно бѣдна членами этой группы. Мѣстопребываніемъ имъ служатъ предпочтительно сухія и ровныя мѣстности; въ горахъ сиворонку такъ-же рѣдко можно встрѣтить, какъ и въ плодородныхъ странахъ. Какъ лѣсныхъ птицъ ихъ можно разсматривать только условно. Въ рѣдкихъ степныхъ заросляхъ Африки ихъ еще можно встрѣтить, но въ лѣсныхъ чащахъ онѣ не живутъ, ни на сѣверѣ, ни на югѣ. Условіемъ для ихъ мѣстопребыванія должны быть большія, отдѣльно стоящія деревья или скалы, утесы и нежилыя строенія, откуда открывается обширный горизонтъ, и отверстія или трещины которыхъ представляютъ удобное гнѣздовье. Здѣсь онѣ сидятъ и тщательно осматриваютъ свою область. Близко пролетѣвшее крупное насекомое хватается ими такимъ-же способомъ, какъ это дѣлаютъ мухоловки и шурки; не брезгаютъ онѣ также и беззаботно пробѣгающею по землѣ мышкой, ящерицей или маленькимъ пресмыкающимся. Въ извѣстное время сиворонки ѣдятъ также плоды, хотя животную пищу всегда предпочитаютъ растительной.

Всѣ сиворонки—безпокойныя и непостоянныя птицы. «Чрезмѣрная пугливость, крайняя осторожность», говоритъ Глогеръ, «неугомонная дикая рѣзвость и постоянная веселая бодрость духа, въ совокупности съ особенною склонностью къ дракамъ

и шумнымъ ссорамъ, а у старыхъ кромѣ того неподдающаяся прирученію неукротимость въ неволѣ,—вотъ отличительныя черты характера этихъ птицъ. Онѣ никогда почти долго не сидятъ смирно и при этомъ чаще всего выбираютъ открытыя верхушки деревьевъ или сухія сучья, прятаясь только по необходимости, при опасности, а вовсе не по склонности». Какъ на вѣтвяхъ дерева, такъ и на землѣ онѣ не прыгаютъ, а при каждомъ перемѣненіи пускаютъ въ дѣло свои крылья. Ихъ ловкій, быстрый и необыкновенно легкой полетъ отличается всевозможными фокусами и замѣчательными кувыркиами по воздуху. Голосъ ихъ неприятный, грубый, вполне подходящий къ нѣмецкому названію этой птицы (Raken).

Пока заботы о размноженіи связываютъ пару сиворонокъ, она держится на какомъ-нибудь опредѣленномъ мѣстѣ; до и послѣ этого времени она носится по всемъ окрестностямъ. Нашъ сѣверный видъ имѣетъ правильный перелетъ, однако въ зимнихъ своихъ убъжищахъ не остается въ опредѣленной мѣстности, а перелетаетъ, иногда совершенно бесполезно, далекія разстоянія, какъ это дѣлаютъ виды, живущіе въ экваторіальныхъ странахъ.

Гнѣздо строится въ различныхъ мѣстахъ, но всегда по одному и тому-же способу. У насъ въ средней Европѣ, сиворонокъ гнѣздится въ дуплистыхъ деревьяхъ; на основаніи этого думали, что не только этотъ видъ, но и все остальные придерживаются того-же, тогда какъ въ настоящее время извѣстно, что мѣстомъ гнѣздованія имъ служатъ также, а можетъ быть и чаще всего, всевозможныя отверстія въ стѣнахъ, трещины въ скалахъ и даже углубленія въ крутыхъ курганахъ и въ различныхъ строеніяхъ. Гнѣздо представляетъ собою весьма нерадивую постройку, сдѣланную изъ стебельковъ, корешковъ, волосъ и перьевъ. Кладка состоитъ изъ 4—5 блестящихъ бѣлыхъ яицъ. Они насиживаются попеременно обоими родителями, и птенцы также воспитываются сообща. Родители проявляютъ живое усердіе въ дѣлѣ насиживанія и питанія птенцовъ, обо всемъ-же остальномъ ни мало не радѣютъ, относятся весьма безпечно къ чистотѣ гнѣзда и запускаютъ его до того, что въ концѣ концовъ оно превращается въ настоящую павозную кучу. Птенцы скорѣ послѣ вылета приобретаютъ самостоятельность и идутъ уже своей дорогой, ни мало не заботясь ни о своихъ родителяхъ, ни о другихъ птицахъ своего вида. Несправедливо-бы было считать сиворонокъ необщительными птицами. Насколько я успѣлъ убѣдиться изъ наблюденій какъ надъ свободными, такъ и надъ плѣнными сиворонокъ, онѣ проявляютъ строптивость единственно только при нанесеніи имъ видимаго ущерба. Около дуплистаго дерева поднимается горячій споръ между различными парами лишь тогда, когда нехватаетъ помѣщенія для гнѣздовья; напротивъ, тамъ, гдѣ мѣстомъ гнѣздованія избранъ скалистый утесъ, курганъ, старая стѣна или покинутое зданіе и тому подобное,—эти, прозванныя почему-то необщительными, птицы образуютъ даже колоніи.

Во время полета ихъ встрѣчаютъ большею частью многочисленными стаями, которыя, впрочемъ, разлѣваются на далекое пространство для того, чтобы не мѣшать другъ другу при ловлѣ добычи. Имъ требуется масса пищи и соотвѣтственно этому онѣ занимаютъ большой участокъ для охоты, однако онѣ не менѣе охотно собираются въ общества, какъ и другія птицы, если только сюда не замѣшивается ревность и зависть. Въ отношеніи общежитія онѣ заходятъ даже дальше большинства другихъ птицъ, такъ какъ спариваются иногда съ другими видами своего семейства. Тамъ, гдѣ гнѣздовья различныхъ видовъ соприкасаются другъ съ другомъ, въ особенности въ Индіи, подобныя помѣси встрѣчаются у сиворонокъ такъ-же часто, какъ у нашихъ сѣрыхъ и черныхъ воронъ, насколько свидѣтельствуютъ объ этомъ до сихъ поръ весьма еще скудныя наблюденія. По-

добныя помѣси, имѣвшія очевидные признаки своего смѣшаннаго происхожденія, получались въ особенности отъ нашего вида и двухъ индѣйскихъ.

Основываясь на указаніяхъ Бехштейна, до самаго послѣдняго времени твердо держались того мнѣнія, что сивоворонокъ нельзя держать въ неволѣ, и что онѣ совсѣмъ не подходятъ для содержанія въ клѣткахъ. Тихо и смиренно, говорятъ, сидятъ плѣнницы на одномъ мѣстѣ, отвратительно пачкаютъ свою клѣтку и опереніе, не принимаютъ корма и даже при самомъ хорошемъ уходѣ выносятъ потерю свободы только очень короткое время. Для старыхъ плѣнныхъ сивоворонокъ это сообщеніе еще можетъ имѣть условное значеніе, но для тѣхъ, которыя взяты изъ гнѣзда птенцами, оно вовсе не подходитъ. Если съ достаточною преданностью и умѣньемъ заняться ихъ воспитаніемъ и предоставить имъ просторное помѣщеніе, то изъ нихъ можно воспитать очень интересныхъ, занимательныхъ и привѣтливыхъ птицъ, которыя съ избыткомъ вознаграждаютъ своего воспитателя за потраченный трудъ.

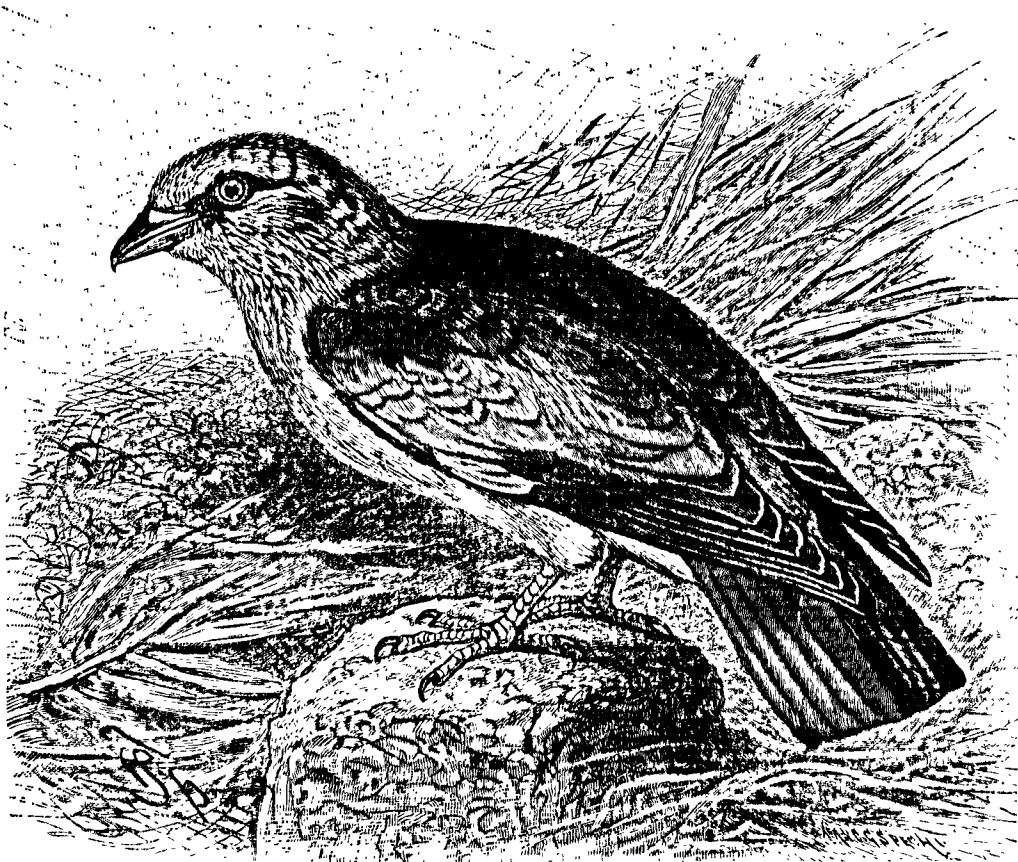
Не только красота оперенія, но также и вкусное мясо сивоворонокъ побуждаетъ людей къ преслѣдованію ихъ. У насъ, въ средней Европѣ, каждый считаетъ себя въ правѣ убить эту замѣчательную птицу; въ южной Европѣ установлена правильная охота на нихъ. Помимо этого старымъ сивоворонкамъ приходится много страдать отъ всевозможныхъ соколовъ, а молодымъ—отъ лазающихъ хищныхъ млекопитающихъ. Благоразумный человѣкъ хорошо сдѣлаетъ, если будетъ охранять ихъ. Мои наблюденія надъ плѣнными, которыхъ я воспитывалъ въ продолженіи нѣсколько лѣтъ, содержа ихъ въ одной клѣткѣ съ разными другими маленькими птичками, дали мнѣ возможность убѣдиться, что дурная слава грабителей чужихъ гнѣздъ приписана имъ совершенно ошибочно. Если-же когда-нибудь случайно и бывало, что сивоворонка схватывала чужихъ птенцовъ, то этотъ вредъ вовсе не слѣдуетъ принимать во вниманіе въ виду той значительной пользы, которую приноситъ эта птица. Прежде, чѣмъ взводить на птицу такую вину, какъ разграбленіе гнѣздъ, слѣдовало бы доказать этотъ фактъ. На пустыхъ разговорахъ такія обвиненія основывать нельзя, что уже доказано несостоятельностью другого обвиненія, взводимаго на сивоворонку: нѣкоторые приписываютъ ей порчу посѣвовъ, говоря, что сивоворонка проглатываетъ цѣлые колосья и съ этою цѣлью только и садится на нивы, тогда какъ безпристрастный наблюдатель можетъ поручиться, что сивоворонка пользуется колосьями единственно, какъ возвышеннымъ пунктомъ или удобною вышкой для временнаго отдохновенія.

По всѣмъ сдѣланнымъ надъ сивоворонками наблюденіямъ ихъ слѣдуетъ причислить къ наиболѣе полезнымъ птицамъ; кромѣ того онѣ пріятны тѣмъ, что служатъ украшеніемъ обитаемой ими мѣстности, лаская глазъ не только великолѣпіемъ своего оперенія, но и замѣчательнымъ искусствомъ въ летаніи. Величавствіе этого должно не только преслѣдовать безпутныхъ охотниковъ-мальчугановъ, которые не щадятъ этой птицы и ей вредятъ, но всячески оказывать содѣйствіе распространенію сивоворонокъ, по возможности сохраняя, на примѣръ, дуплистыя деревья, служащія имъ мѣстомъ гнѣздованія или, гдѣ возможно, подвижная въ деревьямъ просторные садки, чтобы этимъ привлечь сивоворонокъ къ извѣстной мѣстности. Если вмѣсто столь восхваленныхъ за послѣднее время япиковъ, заготовленныхъ въ большомъ числѣ и часто вовсе нецѣлесообразныхъ, употребить въ дѣло простые деревянные чурбаны, пустые внутри, и укрѣпить ихъ на извѣстной высотѣ на отдѣльно стоящихъ деревьяхъ, то и этимъ приспособленіемъ можно отлично достигъ цѣли и побудить сивоворонокъ гнѣздиться тамъ. Если крахаль селится въ такого рода помѣщеніяхъ, то почему-же

сивоворонкѣ не жить тамъ? Вѣдь она только потому покидаетъ прежнія свои мѣста жительства, что человекъ беспощадно уничтожаетъ ея мѣста гнѣздованія. Кто подробно наблюдалъ сивоворонокъ, тотъ долженъ полюбить ихъ, а если полюбить, то обязанъ употребить всѣ старанія, чтобы быть имъ полезнымъ.

* * *

Наша Сивоворонка, Сизоворонка, Сивка-воронка, Зеленая ворона, Ракша, Сиворакша, Сивогрань (*Coracias garrula*, *garrulus*, *loquax* и *viridis*. Blaurake.

Сивоворонка. *Coracias garrula* $\frac{2}{3}$ наст. вел.

Rollier comtin) по большинству признаковъ подходитъ къ вышеописанному характеру этого семейства. Родъ, представителемъ котораго она служитъ, отличается слѣдующими признаками: клювъ средней длины, довольно сильный, прямой, крѣпкій, у основанія расширенный, на спинкѣ слегка выгнутый, на концѣ крючковатый; плюсна короче средняго пальца; въ крыльяхъ второе маховое перо самое длинное; хвостъ прямо обрубленный. Опереніе великолѣпное. Голова, шея, нижнія части тѣла и кроющія перья крыла нѣжнаго небесно-голубого цвѣта, впадающаго въ зеленоватый; около ноздрей, у угловъ рта и на подбородкѣ перышки бѣловатыя; мелкія кроющія перья вдоль предплечья, надхвостье и верхнія кроющія перья хвоста густого ультрамариново-синяго цвѣта; нижнія шейныя и плечевыя перья, а также заднія малыя маховыя — коричнево-бурыя; большія маховыя перья чер-

ныя, у корня небесно-голубыя; малыя маховыя — черныя съ синимъ отливомъ, на корневой половинкѣ наружной бородки также небесно-голубыя; маховыя перья, особенно разсматриваемыя снизу — темно-синія; оба среднихъ хвостовыхъ пера грязновато-сѣро-бурыя, остальные болѣе темнаго голубого цвѣта, а на срединѣ внутренней бородки совсѣмъ темно-синія, на концѣ, передъ затемненными краями остривъ — небесно-голубыя; самыя крайнія на кончикахъ имѣютъ черныя косыя пятна. Самецъ и самка ничѣмъ не отличаются по окраскѣ; у птенцовъ опереніе не такое яркое: на верхней части головы, на зашейкѣ и на нижнихъ частяхъ перья у нихъ сѣро-зеленыя, на спинкѣ тускло-коричнево-бурыя, на хвостѣ тускло-сине-зеленыя; въ остальномъ опереніе такое-же, какъ у взрослыхъ. Длина нашей сивоворонки 30 — 32 см., размахъ крыльевъ 70 — 72, длина крыла 20, а хвоста 13 см.

Начиная со Скандинавскаго полуострова и дальше на югъ наша сивоворонка живетъ по всей Европѣ; впрочемъ, она распространяетъ свое мѣстопробываніе гораздо дальше и во время перелета попадаетъ во всей Африкѣ и въ южной Азіи. Въ Восточной Сибири Радде наблюдалъ ее нечасто; она встрѣчается больше въ Средней Азіи, начиная съ южнаго Алтая до Кашмира и сѣверной Индіи и кромѣ того выводитъ птенцовъ въ Малой Азіи, Персіи и сѣверо-западной Африкѣ. Англию, Голландію, Норвегію, Швецію, Финляндію и сѣверную Россію она посѣщаетъ крайне рѣдко; Швейцарію и сѣверную Францію она захватываетъ только во время перелета. На островѣ Корфу она во время своихъ странствованій появляется въ громадномъ количествѣ; впрочемъ, стаи остаются здѣсь только нѣсколько дней и лишь отдѣльныя пары гнѣздятся на островѣ или по сосѣдству на материкѣ. На Мальтѣ она тоже обыкновенна весной и осенью, но и здѣсь только нѣкоторыя остаются для вывода птенцовъ. Въ южной Россіи, Испаніи, Греціи, Малой Азіи и Алжирѣ она встрѣчается очень часто въ соответствующихъ мѣстахъ; въ Греціи она образуетъ настоящія колоніи; въ Испаніи мы также наблюдали ее многочисленными стайками. По Жердону, въ Индіи она водится только въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ.

Сивоворонка прилетаетъ къ намъ изъ своего зимняго мѣстожителства въ послѣднихъ числахъ апрѣля, а въ августѣ уже снова отправляется въ путешествіе. Молодыя птицы странствуютъ въ обществѣ взрослыхъ своего вида, которыя уже покончили свои занятія по выводу птенцовъ; прочія слѣдуютъ послѣ, а въ срединѣ сентября всѣ уже покидаютъ родину. Во время своего весенняго путешествія странницы перелетаютъ отъ одного кустарника или отъ однихъ рѣдкихъ лѣсныхъ зарослей къ другимъ, при обратномъ путешествіи онѣ не стѣсняють себя прежнимъ путемъ, а разсѣиваются на болѣе широкомъ пространствѣ, привольно летятъ себѣ отъ одного лѣса къ другому, отдыхаютъ на сложенныхъ снопахъ, охотятся при случаѣ и, насытившись, летятъ дальше. Весною ихъ встрѣчаешь всегда только попарно, осенью хотя тоже, собственно говоря, отдѣльными экземплярами, но, при случаѣ также и маленькими стайками, которыя состоятъ изъ членовъ одной семьи въ тѣсномъ значеніи слова, или изъ нѣсколькихъ старыхъ и ихъ птенцовъ. Едва-ли раньше прибываютъ и развѣ немного позже улетаютъ странствующія сивоворонки на югъ Европы и на сѣверъ Африки; онѣ ведутъ тамъ совершенно такой-же образъ жизни, какъ и у насъ. Во время весенняго пролета онѣ слѣзатъ на желанную родину; при осеннемъ отлетѣ онѣ всюду останавливаются и, при случаѣ, задерживаются на нѣсколько дней на одномъ мѣстѣ, соблазненные обиліемъ корма. На ихъ обыкновенномъ пролетномъ пути, напримѣръ въ Пильской долинѣ, въ это время ихъ можно встрѣтить каждый день.

Въ степяхъ все больше и больше собирается странствующихъ птицъ, и тамъ, гдѣ кустарники разсыяны на болѣе или менѣе далекое пространство, на каждомъ кустѣ можно видѣть сивоворонокъ, сидящихъ и охотящихся за добычей. Если гдѣ-нибудь въ степи скучивается легкодоступная добыча, напримѣръ когда на степные лѣса нападетъ прожорливая перелетная саранча, тогда сивоворонки скопляются тамъ въ громадномъ количествѣ. Я встрѣтилъ однажды стаю, состоявшую изъ 50 птицъ, а Гейгливъ въ октябрѣ 1857 г. видѣлъ цѣлыя сотни ихъ, слетѣвшихъ въ лѣса, наполненные саранчей. Но какъ ни соблазнительны этимъ степи сѣверной Африки, сивоворонки никогда не избираютъ ихъ своимъ зимнимъ мѣстопробываніемъ. Онѣ продолжаютъ свое путешествіе все дальше и дальше и только на югъ этой части свѣта, въ Наталѣ или землѣ Дамара бушующее море воздвигаетъ границы ихъ дальнѣйшему путешествію. Андерсонъ, наблюдавшій нашу сивоворонку во время нашей зимы въ Дамарѣ, склоненъ думать, что отдѣльные экземпляры остаются жить также въ юго-западной Африкѣ, но, вѣроятно, онъ ошибся въ опредѣленіи вида, такъ какъ врядъ-ли наша сивоворонка выводитъ птенцовъ на югъ области своего странствованія.

У насъ, въ средней Европѣ, сивоворонка пугливо избѣгаетъ близости человека; въ южныхъ областяхъ, хотя при выборѣ гнѣздовья она и отдаетъ преимущество спокойнымъ мѣстностямъ, однако въ общемъ не боится мирнаго благонамѣреннаго мѣстнаго жителя. Для устройства гнѣзда старыя сивоворонки въ южной Европѣ находятъ еще рѣже подходящія деревья, чѣмъ у насъ; но зато здѣсь нѣтъ недостатка въ развалинахъ старыхъ или заброшенныхъ зданій, а въ случаѣ нужды и въ крутыхъ курганахъ, наконецъ просто въ утесахъ, гдѣ онѣ всегда найдутъ соотвѣтствующее ихъ надобностямъ углубленіе. На этомъ основаніи тамъ ихъ можно встрѣтить гораздо чаще, чѣмъ у насъ, даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыхъ онѣ у насъ избѣгаютъ.

Тристрамъ вполне вѣрно и привлекательно описываетъ ихъ жизнь въ Палестинѣ вскорѣ послѣ прибытія весною. Здѣсь сивоворонки, явившіяся съ юга, встрѣчаются уже въ половинѣ апрѣля; онѣ по вечерамъ собираются на деревьяхъ съ другими птицами своего вида, группируясь болѣе или менѣе многочисленными обществами, и совѣщаются на счетъ выбора удобнаго ночлега, причемъ болтаютъ, шумятъ и спорятъ совершенно такъ, какъ грачи на мѣстахъ своего ночного отдохновенія, только нѣсколько умѣреннѣе. Послѣ того, какъ переговоры окончены, та или другая птица поднимается съ мѣста, взлетаетъ на извѣстную высоту, воодушевляется любовнымъ экстазомъ и заводитъ обычные игры, предшествующія спариванію. Минуту спустя поднимается и остальная стая, принимаясь парить, летать, кружиться по воздуху и выдѣлывать разные фокусы. Недѣлю спустя пришельцы исчезаютъ; впрочемъ, часть ихъ, можетъ быть 20 или 30 паръ, остаются гдѣ-нибудь въ сосѣдней долинѣ и, выиславъ крутой курганъ, всѣ самки усердно принимаютъ за выкапываніе ямокъ для будущаго гнѣзда. Съ этихъ поръ ни одна птица болѣе не появляется уже на прежде столь правильно посѣщаемыхъ деревьяхъ, какъ-бы близко эти прежніе сборные пункты ни находились отъ мѣста ихъ гнѣздованія, такъ какъ теперь они всецѣло поглощены заботами о выводѣ птенцовъ. Другихъ можно встрѣтить по сосѣдству съ деревьями, въ особенности если тамъ есть заброшенныя церкви или мечети, и во всякомъ подобномъ зданіи можно навѣрняка встрѣтить одну изъ этихъ красивыхъ птицъ. Теперь всюду, куда ни пойдешь, можно видѣть сивоворонокъ. Каждая вышка занята подсматривающей птицей; каждая скала, каждый камень, на которомъ она замѣтна и съ которыхъ птица тоже можетъ высматривать кругомъ, украшены ими. Въ нашихъ мѣс-

тахъ, всецѣло захваченныхъ человѣкомъ, сивоворонка не можетъ такъ легко найти подходящихъ для себя условій жизни. Вслѣдствіе-ли наслѣдственной привычки или по другимъ причинамъ, этого я не знаю, но въ Германіи сивоворонки и до сихъ поръ, насколько извѣстно, выводятъ птенцовъ только въ дуплистыхъ деревьяхъ. Этимъ и объясняется ихъ рѣдкое появленіе. Дупла деревьевъ, достаточно просторныя для того, чтобы вмѣстить въ себѣ гнѣздо съ насидивающей самкой и впоследствии съ ея выводкомъ, служатъ неизбѣжнымъ условіемъ для постоянного лѣтняго мѣстопребыванія пары сивоворонокъ въ опредѣленной странѣ. Если такихъ деревьевъ, обитаемыхъ ими съ незапамятныхъ временъ, нѣтъ больше, то пара вынуждена покинуть страну. Въ лѣсахъ, находящихся подъ вѣдомствомъ главнаго лѣсничаго Гинца, изъ года въ годъ гнѣздились 3—5 паръ сивоворонокъ, а въ лѣсной дачѣ города Бублица 10—12 паръ; но какъ только здѣсь были вырублены старыя дубы, служившія птицамъ гнѣздовьемъ, такъ всѣ онѣ исчезли и совсѣмъ покинули страну. То же явленіе наблюдается всюду, почему нисколько не удивительно, что въ настоящее время эта краса нашихъ лѣсовъ и нивъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе дѣлается рѣдкою.

Немногія птицы умѣютъ такъ оживлять мѣстность, какъ наши сивоворонки. На нихъ нельзя не обратить вниманія. Это въ высшей степени непостоянныя и подвижныя созданія, пока ихъ не приковываютъ къ опредѣленному мѣсту заботы о выводѣ птенцовъ; онѣ цѣлыми днями бродятъ, перелетая съ дерева на дерево и высматривая себѣ добычу съ верхушекъ деревьевъ или съ концовъ сухихъ сучьевъ. Въ пасмурную погоду онѣ сидятъ хмурыя и угрюмыя, въ солнечную-же летятъ по воздуху, производя при этомъ удивительныя эволюціи: бросаются, напримѣръ, со значительной высоты, стремглавъ, внизъ головою, а затѣмъ снова медленно взбираются вверхъ или, повидимому, безцѣльно раскачиваются по голубиному на воздухѣ, быстро помахивая крыльями, такъ что ихъ всегда легко узнать. Эти зайрыванія совершаются, безъ сомнѣнія, на потѣху самкѣ или самцу и всего чаще наблюдаются въ птенцовую пору, такъ какъ служатъ внѣшнимъ проявленіемъ возбужденнаго состоянія птицъ. Иногда, впрочемъ, сивоворонка показываетъ свое летательное искусство просто для того, чтобы испытать свои силы, такъ какъ замѣчается такую игру въ одиночку для собственнаго удовольствія. Во всякомъ случаѣ сивоворонка, летая, выказываетъ всѣ свои выдающіяся способности въ этомъ искусствѣ. Она не любитъ прыгать по вѣтвямъ, а, подобно большинству сивоворонокъ, перепархиваетъ всегда съ сучка на сучекъ съ помощью крыльевъ. Она избѣгаетъ ровной поверхности земли, но случается, что, летая, такъ приближается къ ней, что можетъ захватить бѣгущее тамъ животное. Въ Туркестанскихъ степяхъ, въ которыхъ она мѣстами часто встрѣчается, она должна мириться со всякимъ возвышеніемъ, какое только найдетъ, а потому ее зачастую можно видѣть тамъ сидящею на низкой кочкѣ, а то такъ и просто на крошечномъ бугоркѣ.

Относительно душевныхъ способностей сивоворонокъ мнѣнія наблюдателей раздѣлились. Надо отдать полную справедливость высокому развитію ихъ чувствъ; относительно-же понятливости и характера сужденія весьма разнятся; однако сивоворонку несомнѣнно слѣдуетъ считать умной птицей. Сивоворонка отлично понимаетъ и различаетъ дѣйствительную опасность отъ воображаемой, но ее скорѣе можно назвать недоувѣрчивой, нежели пугливой. Гдѣ она увѣрена въ защитѣ со стороны человѣка, тамъ она близко подпускаетъ его къ себѣ; тамъ-же, гдѣ ей приходится терпѣть отъ преслѣдованій, она улетаетъ уже издали и держитъ себя крайне осторожно. Характеръ ея не изъ привѣтливыхъ: очень часто можно видѣть какъ сивоворонки дерутся съ другими птицами или даже съ себѣ подобными. Графъ

фонъ-деръ Мюле увѣряетъ, что сивороночка живетъ въ большой дружбѣ съ галкой; Науманъ тоже говоритъ про ея дружбу съ другими живущими въ сосѣдствѣ съ нею птицами. Показанія перваго справедливы; словамъ же Наумана можно дать только относительную вѣру, такъ какъ не только хищныя птицы, но также и сорокопуты, сойки и вороны подвергались жестокому нападенію со стороны сиворонокъ. Съ себѣ подобными поединки, конечно, не такъ распространены, какъ кажется. Всего ожесточеннѣе сивороночки дерутся, какъ замѣчено, за мѣсто гнѣздованія; кромѣ того предметомъ раздора можетъ быть зависть относительно корма и наконецъ также ревность. Если-же гнѣздовье обезпечено, то сивороночка, прославленная за вздорную птицу, можетъ, подобно щуркѣ, жить въ полномъ согласіи съ другими обитателями углубленій въ землѣ и скалахъ, на примѣръ съ щурками и стрижами и даже уживаться съ ними въ однихъ норахъ. Вслѣдствіе этого я полагаю, что характеръ сиворонокъ вовсе ужъ не такъ дуренъ, какъ о немъ говорятъ. Голосъ ея соотвѣтствуетъ ея нѣмецкому названію (Raske): это высокое, картавое, постоянно повторяющееся «ракер ракер ракер»; въ гнѣзвѣ, впрочемъ, она мѣняетъ его на пронзительное «рэ», а нѣжность выражаетъ жалобнымъ высокимъ «крэ». — «Въ хорошую погоду», говоритъ Науманъ, «по близости того мѣста, гдѣ насживаетъ самка, самецъ взвизываетъ на воздухъ съ криками «рак рак рак» и, поднявшись на извѣстную высоту, снова бросается внизъ, при этомъ кувырывается на воздухъ, покачивается туда и сюда и съ быстро повторяющимся одинъ за другимъ «рэ рэ рэ», къ которому, начиная кувыркаться, птица примѣшиваетъ «рак», снова садится на свое прежнее мѣсто на кончикѣ сухого сучка. Эти крики у нея замѣняютъ пѣніе».

Пищу сиворонокъ составляютъ всякія насѣкомыя и маленькія пресмыкающіяся, какъ-то: жуки, саранча, черви, мелкія лягушки и ящерицы. Мышей онѣ также ловятъ, не брезгаютъ и маленькими птичками. Науманъ говоритъ, что онѣ никогда не видалъ, чтобы онѣ ловили летающее насѣкомое; я-же долженъ сказать, что это случается; Жердонъ также удостовѣряетъ, что индѣйскій видъ преслѣдуетъ летающихъ на извѣстномъ разстояніи насѣкомыхъ, ревностно занимается, на примѣръ, ловлею летающихъ термитовъ, когда тѣ послѣ дождя покидаютъ свои гнѣзда и кружатся въ воздухѣ. Если полагаться на указанія Наумана, то слѣдуетъ признать, что сивороночка никогда не потребляетъ растительныхъ веществъ, тогда какъ графъ фонъ-деръ Мюле упоминаетъ, что въ Греціи онѣ часто встрѣчались сиворонокъ, перья которыхъ у основанія клюва были склеены сахаристымъ сокомъ фигъ, а Линдермайеръ удостовѣряетъ, что при своемъ пролетѣ черезъ Грецію сивороночки останавливаются на островахъ, «куда ихъ привлекаютъ фиги, ихъ любимое лакомство, и гдѣ онѣ остаются нѣкоторое время, прежде чѣмъ пустятся въ свое дальнѣйшее путешествіе въ африканскія области». Въ обыденное время, конечно, насѣкомыя составляютъ главную пищу сивороночки. Сидя на своей вышкѣ, она осматривается вокругъ, стремительно летитъ къ высмотрѣнному насѣкомому, схватываетъ его клювомъ, сѣдлетъ и возвращается на свое дерево. «Маленькихъ лягушекъ», говоритъ Науманъ, «она ѣстъ довольно охотно. На сивороночкахъ, воспитанныхъ смолоду въ неволѣ, наблюдали, что онѣ схватывали лягушекъ клювомъ за заднія ноги, били ихъ о землю до тѣхъ поръ, пока тѣ не могли больше пошевелиться и такимъ образомъ пожирали одну за другою 3—4 штуки». Вода не представляется для нихъ насущною потребностью; доказано, что онѣ никогда не пьютъ и не купаются и это, конечно, слѣдуетъ считать достовѣрнымъ, такъ какъ эти птицы, какъ я уже говорилъ, устраиваются на житъе среди безводныхъ степей и пустынь.

Я оставляю нерешеннымъ вопросъ относительно первобытнаго гнѣздовья сивоворонокъ: селились-ли онѣ сначала только въ древесныхъ дуплахъ и самими ими вырытыхъ отверстіяхъ въ землѣ или трещинахъ въ зданіяхъ, которыя употребляются для гнѣздъ только вслѣдствіе недостатка мѣста, или обратно; однако не подлежитъ никакому сомнѣнію, что сивоворонка на югѣ Европы гораздо чаще пользуется ямками въ землѣ, нежели дуплами деревьевъ. Мы нашли цѣлыя колоніи сивоворонокъ, водворившихся въ земляныхъ откосахъ въ Испаніи; графъ фонъ-деръ Мюле и Линдермайеръ видѣли то-же въ Греціи, Парисъ и Тайлеръ—на Корфу и Мальтѣ, Тристрамъ и Крюперъ—въ Палестинѣ и Малой Азіи. Графъ фонъ-деръ Мюле открылъ на островѣ Майнѣ колонію нашихъ сивоворонокъ, гнѣздившихся на морскомъ берегу въ отвѣсной стѣнѣ, высотой въ 100 м., на Негропонтѣ-же наблюдалъ, что эта птица водворяется въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ между оливковыми лѣсами и виноградниками стоятъ крестьянскіе дома, и выводитъ птенцовъ подь крышами этихъ домовъ и даже подь одною крышею съ галкою. Что гнѣздящіяся въ Индіи виды поступаютъ такъ-же, это мы узнаемъ отъ Жердона. Кромѣ галки сивоворонка столь-же охотно живетъ въ сообществѣ съ другими птицами, на примѣръ, какъ уже было упомянуто нами, съ щурками и стрижами, которыхъ Гебель видѣлъ совмѣстно гнѣздящимися на одной и той-же песчаной отмели.

Смотря по мѣстности, гнѣздо устраивается различнымъ способомъ, однако углубленіе его всегда выстлано однимъ и тѣмъ-же матерьяломъ: нѣжными кореньями, стебельками, волосами животныхъ и перьями. Кладка состоитъ изъ 4—6 блестящихъ бѣлыхъ яицъ. Оба пола насиживаютъ попеременно и такъ усердно, что ихъ можно снять съ яицъ прямо руками. «Такъ какъ родители не убираютъ помета, то птенцы сидятъ», по словамъ Наумана, «въ грязи и нечистотахъ по самое горло, и отъ гнѣзда распространяется отвратительный запахъ». Птенцы вскармливаются насѣкомыми и личинками, скоро вылетаютъ изъ гнѣзда, но еще долго послѣ того остаются подь руководствомъ родителей, а осенью вмѣстѣ съ ними пускаются въ зимнее путешествіе. Противъ непріятеля, угрожающаго дѣтенышамъ, родители дѣйствуютъ мужественно, не задумываясь подвергать свою собственную жизнь опасности.

Охота на сивоворонокъ лучше всего удается тогда, когда охотникъ спрячется около излюбленныхъ деревьевъ этихъ птицъ. Ловля ихъ труднѣе, но у насъ, въ средней Европѣ, птицеловы и не даютъ себѣ труда ловить ихъ. Иначе это дѣло стоитъ въ Индіи, какъ говоритъ Жердонъ. Здѣсь эта птица не только является предметомъ соколиной охоты, но также заманивается еще въ особія западни. Берутъ камышевый пруть и, согнувъ его въ видѣ дуги, обмазываютъ со всѣхъ сторонъ птичьимъ клеемъ; въ середину же дуги подвѣшиваютъ мертвую мышъ или какую-нибудь другую приманку. Сивоворонка пытается на-лету схватить приманку, но прилипаетъ кончиками крыльевъ къ липкому пруту и остается висѣть на немъ.

Взятія изъ гнѣзда молодыми и вскармленныя дома, сивоворонки доставляли мнѣ много удовольствія. Послѣ извѣстнаго промежутка времени онѣ скоро привыкаютъ къ клѣточному корму и усердно поглощаютъ его въ сравнительно громадномъ количествѣ. Вслѣдствіе своей прозорливости онѣ, повидимому, никогда не насыщаются, и стоитъ имъ только показать насѣкомое, какъ онѣ тотчасъ-же бросаются на него съ такою-же жадностью, какъ на вышеупомянутый кормъ. Прикармливал ихъ ежедневно мучными червями, которыхъ я давалъ имъ самъ, я сдѣлалъ ихъ такими ручными, какими рѣдко бываютъ вороны. Стоило мнѣ только показаться, какъ онѣ уже привѣтствовали меня красивыми движеніями, слетали со своей жерди прямо мнѣ на руку, безъ всякаго сопротивленія позволяли брать

себя въ руки, плотно наѣдались и, выпущенныя мною изъ рукъ, послѣ нѣсколькихъ поворотовъ, снова возвращались ко мнѣ на руки. Другихъ птицъ, съ которыми раздѣляли помѣщеніе, онѣ не стѣсняли и скорѣе затѣвали незначительныя ссоры между собою, чѣмъ съ прочими сожителями своей кѣтки, съ которыми поддерживали постоянное согласіе и дружбу. Послѣ того, какъ я, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ ухаживалъ за этими птицами, до тѣхъ поръ находившимися и у меня въ пренебреженіи, я могу отъ всего сердца рекомендовать ихъ вниманію каждаго любителя. Кто имѣетъ возможность предоставить имъ просторное, соответствующее помѣщеніе и въ достаточномъ количествѣ подходящую пищу, состоящую изъ насѣкомыхъ, хотя-бы только изъ мучныхъ червей, тотъ согласится со мною и, такъ-же, какъ я, полюбитъ ихъ.

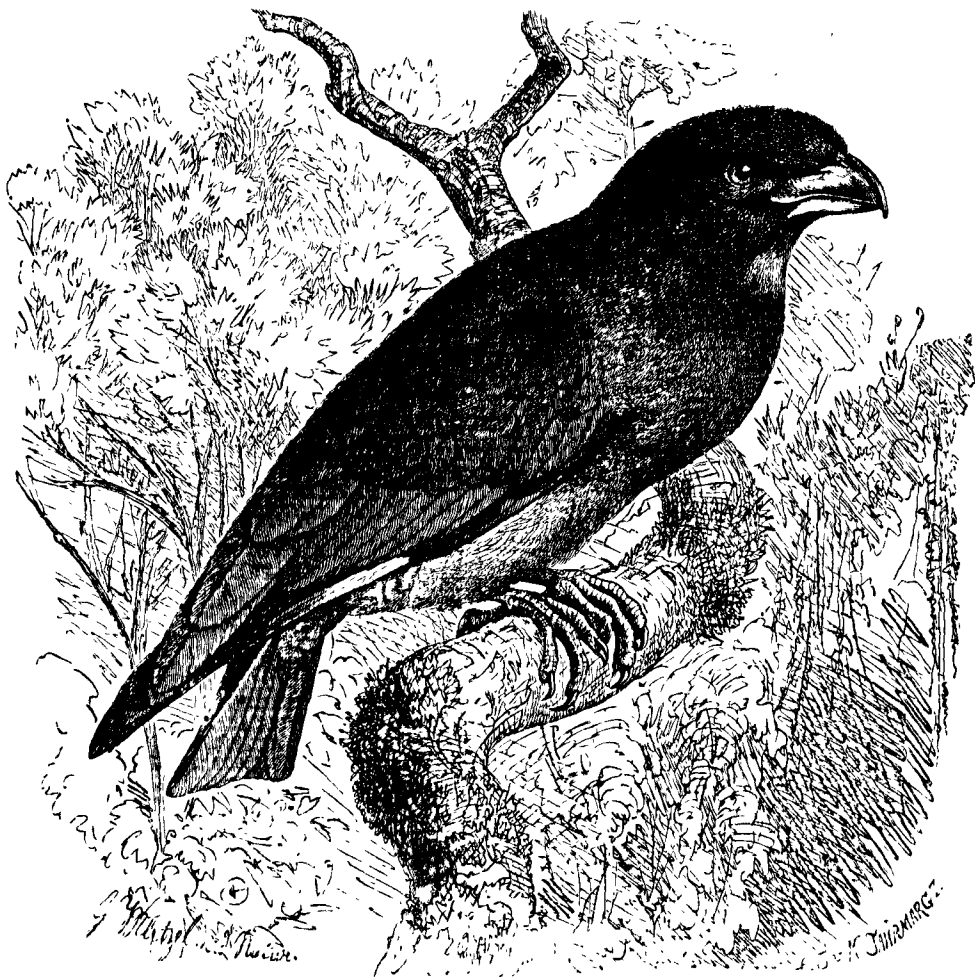
* * *

Широкороты (*Eurystomus. Roller. Rolles*) отличаются отъ сивоворонокъ короткимъ, очень низкимъ и расширеннымъ по сторонамъ клювомъ, спинка котораго округлена и сильно выгнута, короткими плюснами ногъ, у которыхъ средній и крайній пальцы слегка сросши до середины, и короткимъ, тупо обрубленнымъ хвостомъ, между тѣмъ какъ очень длинныя крылья, въ которыхъ первое маховое перо равно по длинѣ второму, имѣютъ такое-же устройство, какъ у сивоворонокъ.

Самый распространенный видъ этого рода есть **Азіатскій широкоротъ**, **Тюнгъ-Бату** или **Тюнгъ-Лампай** малайцевъ (*Eurystomus orientalis, cyanicollis, fuscicapillus, pacificus, gularis* и *calorunx, Coracias orientalis, Galgulus pacificus* и *gularis. Rachenrake. Rolle oriental*). Эта птица почти одинаковой величины съ нашей сивовороной, но выглядит короче и тоньше ея. Длина ея достигаетъ 32—35 см., длина крыла 21, а хвоста 10 см. Голова и зашеекъ оливково-бурого цвѣта; нижнія шейныя перья и плечевыя свѣтло-зеленаго цвѣта морской воды, крылья и нижнія части болѣе темно-зеленаго; большое пятно на подбородкѣ и горлѣ темно-синяго цвѣта. Черныя маховыя перья и хвостовыя имѣютъ узкія темно-синія наружныя каемки; первыя шесть маховыхъ перьевъ украшены синими корневыми пятнами, отчего и образуется на крыльяхъ зеркальце. Наконецъ рулевыя перья съ нижней стороны окрашены темно-синимъ цвѣтомъ. Клювъ до чернаго кончика и ноги—красныя, когти черныя; каріе глаза окружены голымъ краснымъ ободкомъ. Оба пола имѣютъ одинаковую окраску. У птенцовъ опереніе темнѣе, чѣмъ у старыхъ, и не имѣетъ еще красиваго синяго пятна на горлѣ.

Азіатскій широкоротъ имѣетъ чрезвычайно обширную область распространенія. Онъ населяетъ всю Индію и южную Азію, какъ материкъ, такъ и большіе острова, Цейлонъ, Зондскіе, Филиппинскіе, Моллукскіе, и на востокъ доходитъ черезъ Сіамъ и Китай до Амура, а на югъ, черезъ Новую Гвинею, до южной Австраліи. Въ Индіи онъ, по Жердону, живетъ у подножія Гиммалайскихъ горъ, въ южной Бенгаліи и Ассамѣ, но не въ южныхъ областяхъ, а если и попадаетъ тамъ, то лишь изрѣдка; на Цейлонѣ, по Лайярду, онъ водится въ различныхъ мѣстностяхъ. Въ другихъ частяхъ области своего распространенія онъ встрѣчается мѣстами также изрѣдко. Гульдъ находилъ его въ Новомъ Южномъ Валлисѣ, а отъ Эльзея узнаемъ, что онъ весьма обыкновененъ также въ бассейнѣ Викторіи. Въ Новомъ Южномъ Валлисѣ широкоротъ—перелетная птица, которая появляется весною и, вскормивъ птенцовъ, снова улетаетъ на сѣверъ. Въ другихъ областяхъ ихъ мѣстожительства, вѣроятно, происходитъ то же самое.

Широкоротъ и всѣ его сородичи отличаются отъ сиворонокъ большею ловкостью въ полетѣ; по правамъ-же своимъ и привычкамъ во всемъ существенномъ они сходятся съ этими своими ближайшими родичами. Лайярдъ наблюдалъ одного широкорота, который висѣлъ на деревѣ какъ дятель и долбилъ клювомъ гнилое дерево, чтобы достать оттуда спрятавшихся насѣкомыхъ; прочіе наблюдатели изображаютъ его какъ птицу, которая охотится за добычею съ какого-нибудь возвышеннаго мѣста, проявляя при этомъ особенную ловкость. По Гульду, широко-

Азіатскій широкоротъ. *Eurystomus orientalis*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

ротъ бываетъ всего дѣятельнѣе при восходѣ и заходѣ солнца или въ пасмурные дни, тогда какъ въ жаркую погоду онъ смирно сидитъ на сухихъ вѣтвяхъ. Это всегда очень смѣлая птица, но въ птенцовую пору она даже съ яростью нападаетъ на всякаго нарушителя покоя, который приблизится къ ея гнѣзду.

Когда широкоротъ желаетъ поймать насѣкомое, онъ садится обыкновенно почти торчкомъ на сухой сучекъ дерева, преимущественно по близости воды и осматривается кругомъ до тѣхъ поръ, пока какое-нибудь насѣкомое не привлечетъ его вниманія; тогда онъ бросается на свою жертву, овладѣваетъ ею и возвращается

на прежнее мѣсто. Въ другое время его можно видѣть почти только на лету, обыкновенно по-парно. Тогда онъ носится вокругъ вершины дерева, удивляя наблюдателя быстротою своихъ поворотовъ. Во время полета ясно видны серебристо-бѣлыя пятна въ срединѣ крыльевъ, вслѣдствіе чего эта птица и получила еще одно мѣстное названіе, «долларь-птица». Въ пасмурную погоду широкогоротъ производитъ много шума и при полетѣ въ особенности издаетъ какой-то своеобразный дребезжащій крикъ. Говорятъ, что онъ покидаетъ изъ гнѣзда молодыхъ попугайчиковъ и убиваетъ ихъ; однако Гульдъ не подтверждаетъ этого, такъ какъ въ желудкѣ убитыхъ находилъ постоянно одни только остатки жуковъ.

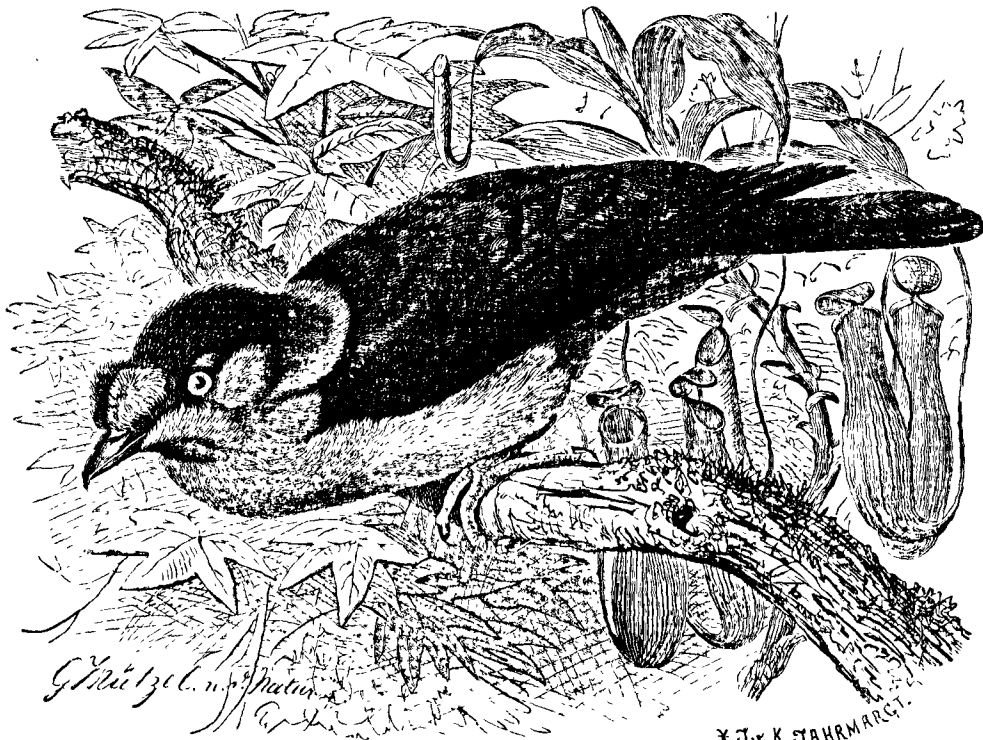
Птенцовая пора продолжается съ сентября до декабря. 3 или 4 жемчужно-бѣлыхъ яйца кладутся прямо въ дупло дерева, безъ всякой подстилки.

Куроль (*Leptosomus afer*, *discolor* и *viridis*, *Cuculus afer* и *discolor*, *Bucco africanus*, *Leptosoma afra* и *discolor*, *Crombus madagascariensis*. Курол. Courol) является единственнымъ видомъ единственнаго рода семейства куроловъ (*Leptosomidae*). Онъ достигаетъ въ длину 43—45 см., при 26 см. длины крыла и 19-ти хвоста. Передняя часть его головы, шея, зобъ и передняя часть груди темнаго синеваато-сѣраго цвѣта, темя съ небольшимъ хохолкомъ — черное; спина, мелкія кроющія перья крыльевъ и плечевыя — металлически-зеленыя съ чуднымъ мѣдно-краснымъ блескомъ; на большихъ кроющихъ перьяхъ крыла мѣдно-красный отливъ ярче; нижняя сторона сѣрая съ подмѣскою бѣлаго на брюшкѣ и подъ кроющими перьями хвоста. Маховыя перья матово-черныя, внутреннія ихъ бородки у корня бѣлыя, наружныя бородки металлически-зеленоватыя; малыя маховыя перья съ мѣдно-краснымъ отливомъ; хвостовыя перья черноватыя съ яркимъ зеленымъ металлическимъ блескомъ и слабымъ мѣдно-краснымъ отливомъ. Глаза каріе; клювъ черный; ноги темно-желтыя. У самки голова и шея красно-бурая съ черными переливами; спинка бурая съ красновато-бурыми пятнышками и зеленоватымъ и мѣдно-красноватымъ блескомъ; кроющія перья крыла черныя съ каштаново-бурыми пятнышками; малыя маховыя перья съ красно-бурыми краями и полосками и мѣдно-красноватымъ отливомъ; рулевыя перья бурыя, къ концамъ, окаймленнымъ ржаво-красноватымъ цвѣтомъ, все темнѣе и темнѣе; нижнія части по свѣтло-красновато-чалому фону разрисованы на концахъ отдѣльныхъ перьевъ кругловатыми съ чернымъ блескомъ пятнами.

Насколько куролы выдаются своимъ строеніемъ и окраскою, настолько-же своеобразны и ихъ нравы, привычки и образъ жизни, о которыхъ даютъ болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія Грандидье, Ньютонъ, Рохъ, Полленъ и Дамъ. Эта птица не изъ рѣдкихъ въ сѣверо-восточныхъ и сѣверо-западныхъ и южныхъ частяхъ Мадагаскара, встрѣчается также на Майоттѣ и въ отдѣльности также на островѣ Юганна, принадлежащемъ къ Коморскимъ островамъ. Среди туземцевъ Мадагаскара куроль извѣстенъ подъ различными названіями. Въ Ветсимаракѣ его зовутъ «Циромбо», въ Сакалаві — «Треотрео», подражая этимъ названіемъ его жалобному крику. По временамъ его встрѣчаютъ обществами отъ 10 до 12 штукъ, которые держатся преимущественно по опушкамъ лѣсовъ; въ другое время въ подобныхъ-же мѣстахъ ихъ можно встрѣтить цѣлое множество, но раздѣленное на маленькія группы, въ которыхъ численность самцовъ въ такой степени перевѣшиваетъ количество самокъ, что, по мнѣнію Поллена, на одну самку приходится по крайней мѣрѣ три самца.

Куроль во всѣхъ отношеніяхъ своеобразная птица, хотя умнымъ его назвать нельзя. Его крикъ, который можно выразить слогами «тюхутюхутюху»,

звучить непрерывно и под конецъ съ такою силою, что сильно надобѣдаетъ. При этомъ куроль такъ раздуваетъ горло и вытягиваетъ шею, что эти части тѣла принимаютъ видъ висящаго мѣшка. Но насколько энергиченъ онъ въ своихъ призывныхъ крикахъ, настолько-же лѣнивъ и туповатъ, когда сидитъ на вѣтви дерева. Онъ держится здѣсь неподвижно въ очень отвѣсномъ положеніи, словно чучело, и не только подпускаетъ къ себѣ охотника на разстояніе выстрѣла, равнодушно взирая на исчезновеніе того или другого члена ихъ общества, но въ буквальномъ смыслѣ слова позволяетъ убить себя, не помышляя о побѣгѣ. Это особенно замѣтно тогда, когда нѣсколько самцовъ преслѣдуютъ одну самку; если одного изъ нихъ въ это время убиваютъ, то другой и не думаетъ скрываться, а

Куроль. *Leptosomus afer*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

довольствуется самое большее тѣмъ, что перепорхнетъ съ одной вѣтки на другую. Совершенно инымъ показывается себя куроль тогда, когда онъ летаетъ и поднимается на значительную высоту. Здѣсь онъ держитъ себя съ такою-же рѣзвостью, какъ наша сивоворонка, то быстро взвивается на воздухъ, вылетая изъ опредѣленнаго мѣста въ лѣсу, то, сомкнувъ крылья, стремглавъ летитъ внизъ, издавая по временамъ свистъ, который до такой степени напоминаетъ голосъ орда, что Рохъ и Нью-тонъ долгое время находились подъ сомнѣніемъ относительно того, была-ли птица, продѣлывавшая на воздухѣ передъ ихъ глазами такіе удивительные куштыки, дѣйствительно куроль или какой-нибудь пернатый хищникъ. Только, вооружившись зрительною трубою, они могли узнать птицу и при этомъ имѣли случай замѣтить, что игравшему на воздухѣ куролю перѣдко отвѣчалъ другой товарищъ, спокойно сидѣвшій на деревѣ.

По изысканіямъ Поллена, куроль питается преимущественно кузнечиками, но

охотится также за хамелеонами и ящерицами, отъ которыхъ мясо его пріобрѣтаетъ непріятный запахъ, похожій на тотъ, который свойственъ кукушкамъ.

Опредѣленныхъ свѣдѣній относительно размноженія куролювъ Полленъ не могъ собрать. Во время своего пребыванія на Майоттѣ онъ видѣлъ въ дуплѣ одного большого дерева курола, который несъ стебли ситника для гнѣзда, но дальнѣйшаго ничего не сообщаетъ. По его мнѣнiю куролю живеть въ многобрачiи. Мнѣнiе свое онъ основываетъ на томъ лишь наблюденiи, что встрѣчается больше самцовъ, чѣмъ самокъ, но этимъ, конечно, нельзя ничего доказать. Что такая выдающаяся птица привлекаеть къ себѣ вниманiе туземцевъ, это весьма понятно; но трудно объяснить себѣ, почему циромбо играетъ такую важную роль въ священннхъ пѣсняхъ и молитвахъ мадагаскарцевъ.

Отрядъ II.

Попугаи (Psittacornithes).

Распространенный въ тропическихъ странахъ, богатый видами отрядъ Попугаевъ (Psittacornithes), по классификаціи Фюрбрингера, представляетъ собой замкнутую группу, сходную по развитію съ не очень высоко стоящими птицами перваго отряда. Ихъ тѣлосложеніе и рѣзкое отличіе отъ другихъ птицъ свидѣтельствуютъ о глубокой древности этой группы. Отрядъ этотъ заключаетъ въ себѣ только одинъ подотрядъ (Psittaciformes), съ однимъ только семействомъ (Psittaci). По системѣ Фюрбрингера, этотъ отрядъ занимаетъ среднее мѣсто между голубиными, куриными и древесными птицами, и, по всей вѣроятности, ближе всего стоитъ къ послѣднимъ.

Самымъ характернымъ признакомъ для попугаевъ является ихъ клювъ, котораго нельзя смѣшивать ни съ однимъ клювомъ другихъ птицъ, какъ-бы сходны они не казались. Штауде, подобно многимъ другимъ пытавшимся установить естественную классификацію птицъ, назвалъ попугаевъ «шароклювыми», и это названіе вѣроятно отнюдь не дурно. При поверхностномъ осмотрѣ клювъ попугаевъ кажется похожимъ на клювъ хищныхъ птицъ, однако онъ значительно толще и сильнѣе послѣдняго, относительно выше и въ общемъ пропорціональнѣе. У основанія его на верхней половинѣ интересно присутствіе восковицы, т. е. неопереннаго, но и не рогового мѣста, лежащаго на подобіе сѣдла на основаніи клюва; характеръ этой восковицы достаточно опредѣляется ея названіемъ. За исключеніемъ попугаевъ изъ птицъ съ такой восковицей можно назвать только дневныхъ хищныхъ и совъ. Финшъ совершенно справедливо видитъ рѣзкую своеобразность въ отношеніи высоты попугаячьяго клюва къ его длинѣ: высота—у основанія больше, чѣмъ вдвое превосходитъ ширину, немного менѣе длины, а иногда даже больше ея.

О конструкціи клюва мы находимъ поучительныя данныя у Бурмейстера. «На верхней половинкѣ клюва попугая ясно замѣчается хотя узкій, но острый хребетъ, стороны котораго идутъ впизъ на не очень выпуклые бока, какъ бы образуя родъ крыши. Сзади эти бока исчезаютъ подъ короткой восковицей, скудно покрытой, въ особенности подъ носовыми отверстіями, щетинистыми перышками, и вновь выступаютъ только у угловъ рта. Позднѣе помѣщаются на восковицѣ въ верхней части, имѣютъ круглую форму и окружены валикомъ. По срединѣ краснѣйшей верхней половины клюва обыкновенно бываетъ по тупому, но сильному, зубовидному выступу, обращенному болѣе впередъ, нежели назадъ. Согнутая крѣпкомъ верхняя

половинка клюва очень длинна; внутренняя поверхность его слегка выемчатая и снабжена мелкими бороздками. Нижняя половинка клюва замѣтно короче, очень широка и похожа на коробъ; она немного ниже или даже выше верхней половинки и часто бываетъ снабжена по срединѣ слабымъ продольнымъ кантомъ, который образуетъ уголь на подбородкѣ. Рядомъ съ нимъ, но нѣсколько отступя, тянутся еще два боковые канта, ближе къ переди сливающиеся другъ съ другомъ и ограничивающіе широкой, высокой и острый конецъ расщепя нижней половинки клюва. Край этой нижней половинки нѣсколько отступаетъ отъ конца, снабженъ двумя глубокими выемками, соответствующими зубовиднымъ выступамъ верхней половинки; назади отъ этихъ выемокъ край нижней половинки постепенно повышается. Бока ея имѣютъ болѣе или менѣе выпуклую поверхность». Финшъ прибавляетъ къ этому описанію, что передняя половина нижняго края верхней челюсти образуетъ съ задней прямой уголь.

Не менѣе характерны и другія части тѣла попугаевъ, а равно и внутреннее строеніе ихъ тѣла. «Ноги», продолжаетъ свое описаніе Бурмейстеръ, «толсты, сильны, мясисты, но никогда не бываютъ высоки; плюсна гораздо короче средняго пальца и всегда покрыта маленькими чешуйчатыми табличками. Пальцы довольно длинные, наружный и внутренній изъ нихъ обращены назадъ; всѣ они снабжены крѣпкими подошвами, а на концѣ особеннымъ утолщеніемъ. Подобно плюснѣ, на верхней сторонѣ они покрыты чешуйками; послѣднія къ концу постепенно увеличиваются и на послѣднемъ суставѣ у когтя переходятъ въ табличатые или поясковые щитки. Когти не длинны, но сильно согнуты и довольно остры, хотя и не сильны. Внутренній передній палецъ имѣетъ обыкновенно самый маленький коготь, а коготь большаго пальца немного больше послѣдняго. Самый-же большой принадлежитъ наружному переднему пальцу, однако коготь задняго наружнаго по величинѣ ему уступаетъ немного». Органы летанія, по Финшу, у попугаевъ вообще очень развиты. Крылья большія и заостренныя, маховыя перья ихъ, число которыхъ колеблется между 19 и 22, но большею-же частью равно 20, характерны крѣпкими стержнями и широкими опахалами; къ концу они суживаются или закруглены. Одно второе или же вмѣстѣ съ третьимъ, или-же наконецъ всѣ три первыя маховыя пера длиннѣе прочихъ, въ исключительныхъ случаяхъ наиболѣе длинными перьями являются третье и четвертое и даже шестое и седьмое. Длина кистевой части большею частью равна длинѣ верхней части крыла или немного больше ея; добавочное крыло всегда образовано четырьмя перьями. Двѣнадцать хвостовыхъ перьевъ бываютъ различны, какъ по формѣ, такъ и по длинѣ, почему и форма самого хвоста бываетъ весьма различна.

Мелкое опереніе попугаевъ состоитъ изъ относительно небольшого количества разрозненно усаженныхъ перьевъ съ относительно большимъ добавочнымъ стержнемъ; подъ ними находится пухъ. Кроющія перья образуютъ ясно ограниченныя, но разнообразно расположенныя участки: сининой участокъ въ большинствѣ случаевъ раздваивается на высоту лопатокъ, участокъ нижней стороны раздѣляется такимъ-же образомъ на шеѣ, въ однихъ случаяхъ повыше, въ другихъ ниже. На плечахъ замѣчаются обыкновенно двѣ полоски, заросшія перьями. Пухъ встрѣчается на головѣ, шеѣ и на голыхъ мѣстахъ между полосами, заросшими перьями и, по Питну, изъ подъ верхняго открытаго конца мѣшечковъ, окружающихъ стержни пунинокъ, сыплется бѣлая или голубоватая нить. Такой взглядъ идетъ въ разрѣзъ съ моими наблюденіями, которыя привели меня къ убѣжденію, что вышеупомянутый палець, ктому же легко стираемый, принадлежитъ непосредственно самимъ наружнымъ перьямъ. Замѣчу еще, что

нѣкоторыя опредѣленные мѣста, именно щеки и мѣста около глаза, часто бываютъ лишены оперенія. Окраска оперенія, при всемъ ея разнообразіи, вообще имѣетъ однако много общаго у птицъ этого отряда. Преобладающимъ цвѣтомъ является болѣе или менѣе роскошный травяно-зеленый; однако есть попугаи съ гіацинтово-голубой, пурпурово-красной, золотисто-желтой и темноватой окраской. Замѣчательно распредѣленіе цвѣтовъ на опереніи этихъ птицъ; особенно характерно присутствіе рѣзко ограниченныхъ окрашенныхъ полей, какъ ихъ можно было бы назвать, и часто замѣчаемая противоположность цвѣтовъ, такъ что на одной и той-же птицѣ мы видимъ очень часто дополняющіе другъ друга цвѣта спектра (голубовато-фіолетовый, темно-синій, свѣтло-голубой и зеленый—наверху, и свѣтло-желтый, оранжево-желтый, киноварно-красный и пурпуровый внизу). Эти дополнительные цвѣта встрѣчаются даже на однихъ и тѣхъ же маховыхъ или рулевыхъ перьяхъ. Не менѣе своеобразно прикрытіе яркихъ цвѣтовъ менѣе яркими, какъ это, напримѣръ, имѣетъ мѣсто у нѣкоторыхъ какаду, у которыхъ киноварно-красный или желтый цвѣтъ основанія перьевъ и такая-же окраска пушинокъ почти незамѣтны, благодаря бѣлымъ концамъ перьевъ. Самцы и самки большею частью, однако отнюдь не всегда, окрашены одинаково; молодые птенцы обыкновенны мало, однако въ исключительныхъ случаяхъ сильно отличаются отъ взрослыхъ.

Большой интересъ представляетъ собой и внутренняя организація попугаевъ, представляющая много своеобразнаго въ особенности въ строеніи костей. Черепъ этихъ птицъ относительно очень крупныхъ размѣровъ, по Финшу, имѣетъ верхнюю часть широкую и плоскую, заднюю округленную, при этомъ имѣетъ такія особенности, какихъ не встрѣчается у другихъ птицъ. Къ такимъ особенностямъ принадлежатъ: свойственное только попугаямъ сочлененіе нижней челюсти съ квадратною костью, въ которомъ вытянутой въ длину, сочленовой головкѣ квадратной кости соответствуетъ такая-же длинная сочленовая впадина въ челюсти; затѣмъ соединеніе верхней челюсти съ лобной костью, которое хотя и состоитъ изъ сухожильной связки, тѣмъ не менѣе все-таки является настоящимъ сочлененіемъ. Замѣчательна также чрезвычайная высота и длина костей, образующихъ нижнюю челюсть, нерѣдко выступающихъ за затылокъ, и необычная величина вертикально расположенныхъ, широкихъ и пластинчатыхъ небныхъ костей, спереди связанныхъ сочлененіемъ съ верхней челюстью, а также подвижность самихъ челюстей. Глазная впадина у многихъ, однако не у всѣхъ видовъ, замкнута совершенно. Позвоночный столбъ состоитъ изъ 11—12 шейныхъ, 7—9 спинныхъ, 5—6 крестцовыхъ и 8—9 хвостовыхъ позвонковъ; число паръ реберъ 8—9. Грудная кость характерна высокимъ, узкимъ гребнемъ, значительной величиной, почти равной ей шириной и закругленной задней частью, безъ вырѣзовъ и выемокъ. Крестцовая кость плоская, тазъ удлинненный и съ закругленной верхней поверхностью. Дужка нерѣдко вообще отсутствуетъ, въ противномъ случаѣ всегда мало развита. Ключица сильная и короткая; лопатка плоская и умѣренной ширины. Коракоидная кость характерна прямизной, округленностью, толщиной и расширеннымъ верхнимъ концомъ; плечо всегда короче предплечья, лучевая кость тонкая и прямая, локтевая скручена къзадъ и кнаружи, верхняя запястная кость плоская, нижняя снабжена краевыми волоконами, запястье характерно своей длиной, средній палецъ—шириной. Въ конструкціи ногъ особеннаго интереса заслуживаетъ длина берцовой кости и чрезвычайная короткость плюсны; изъ пальцевъ самый длинный—наружный, второй по длинѣ—средній.

Изъ мелкихъ частей особенно интереснымъ является языкъ, характерный не только своей короткостью, толщиной и мягкостью, но иногда присутствіемъ на его концѣ безчисленныхъ нитевидныхъ сосочковъ. Пищеводъ расширяется въ зобъ;

железистый желудокъ отдѣляется отъ собственно желудка гладкимъ пространствомъ, настоящій желудокъ имѣеть слабыя стѣнки и съ внутренней стороны почти сплошь ворсинчатый; желчный пузырь и слѣпая кишка отсутствуютъ; кишечный каналъ обыкновенно болѣе, чѣмъ вдвое превышаетъ длину тѣла. Поджелудочная железа двойная, селезенка маленькая, почки трехлопастныя, удлиненыя. Далѣе слѣдуетъ отмѣтить присутствіе двухъ шейныхъ артерій, иногда отсутствіе надхвостной железы и т. п. Дыхательное горло на нижней гортани имѣеть три пары мышцъ.

Итакъ, съ какой-бы стороны мы ни разсматривали попугаевъ, мы видимъ въ нихъ совершенно самостоятельную группу птицъ, рѣзко отличающуюся отъ другихъ представителей класса. Подобную группу мы называемъ отрядомъ; т. е. опредѣляемъ ее, какъ нѣчто стройное и цѣлое, которое не можетъ быть включено въ другія группы птицъ.

Самостоятельное, систематическое положеніе отряда попугаевъ обуславливается однако не исключительно однимъ строеніемъ ихъ тѣла, но находитъ подтвержденіе и въ ихъ образѣ жизни, именно въ ихъ поведеніи, манерахъ, привычкахъ и обычаяхъ. Уже заранѣе должно предполагать тѣсную зависимость между организаціей этихъ птицъ и образомъ ихъ жизни, т. е., что послѣдній заключаетъ въ себѣ столько-же своеобразнаго, какъ и самое строеніе тѣла.

Крупныя виды попугаевъ взлетаютъ тяжело, но дальнѣйшій полетъ ихъ быстръ; мелкіе виды болѣе проворны. «Полетъ араара», говоритъ принцъ фонъ Видъ, «медленный; они тяжело машутъ своими крыльями, причемъ длинный хвостъ ихъ тянется горизонтально; мараканы и перекитты летаютъ необыкновенно быстро, стрѣлой разсѣвая воздухъ и сильно взмахивая крыльями. Настоящіе попугаи летаютъ довольно медленно, и несутъ свое толстое, короткое и тяжелое тѣло, часто взмахивая короткими крыльями». Полетъ другихъ видовъ волнообразный, а у иныхъ образуетъ зигзаги; стая несущихся какаду образуетъ красивыя дуги; только земляныя попугаи рѣдко употребляютъ въ дѣло свои крылья.

Многіе попугаи выказываютъ себя неловкими въ движеніяхъ по землѣ и больше прыгаютъ по ней, нежели ходятъ; однако существуютъ земляныя попугаи, которые бѣгаютъ по ней столь-же быстро и ловко, какъ и бережныя птицы; такъ, бѣгъ австраійскаго земляного попугая можно сравнить съ бѣгомъ кулика. а объ одномъ травяномъ попугаѣ Гульдъ говоритъ, что попугаи этотъ бѣгаетъ по землѣ подобно ржанкѣ. По сучкамъ попугаи прыгаютъ съ трудомъ, чего отнюдь нельзя сказать про ихъ движенія въ вѣтвяхъ вообще. Дальнія пространства они пролетаютъ, небольшія-же проходятъ, карабкаясь, что нѣкоторые изъ нихъ продѣлываютъ довольно тяжеловѣсно. Одни попугаи при лазаніи употребляютъ въ дѣло клювъ и ноги; другіе одни только ноги. Достоверно, что птицы эти умѣютъ ловко пользоваться своими органами движенія, а двумя изъ нихъ несравненно лучше всѣхъ остальныхъ птицъ, именно—ногами и клювомъ. Первыя дѣйствуютъ у нихъ какъ руки, по крайней мѣрѣ птицы пользуются ими точно руками. Клювъ, который у большинства птицъ заступаетъ мѣсто руки, у нихъ болѣе подвиженъ и употребляется въ дѣло болѣе разнообразно, чѣмъ у какой-бы то ни было другой птицы. Попугаи пользуются имъ для схватыванія съ земли того или другого предмета, для срыванія и разгрызанія плодовъ, для защиты во время нападенія; кромѣ того онъ служитъ имъ, подобно тому, какъ рѣзцы грызунамъ, для отламыванія сучковъ, для раскусыванія и прокусыванія и, наконецъ, является вспомогательнымъ органомъ при лазаніи.

Голосъ попугаевъ сильный, часто пронзительный, однако не вполнѣ лишенъ благозвучія; у нѣкоторыхъ видовъ онъ очень гибокъ и выразителенъ. Общій крикъ

крупных видовъ, когда они живутъ общественно, во всякомъ случаѣ почти не выносимъ для человѣческаго уха. «Нужно пожить», говоритъ А. Гумбольдтъ, «въ жаркихъ долинахъ Андовъ, чтобы повѣрить, что крикъ араара иногда заглушаетъ гулъ катящихся со скалъ горныхъ потоковъ». Какаду также далеко слышны своими криками. Пронзительный крикъ многочисленнаго общества попугайчиковъ положительно рѣжетъ ухо; шумъ и гамъ, производимые стаей карликовыхъ попугаевъ, можно сравнить со стукомъ въ кузницѣ, гдѣ выдѣлываются косы. Нѣкоторые виды издають лаящіе звуки, другіе—свистящіе, третьи—ворчливые, четвертые—тихіе мурлыкающіе; одни испускають короткій, ясный крикъ, другіе—квакающій, иные-же подаютъ звонкій призывной голосъ. Нѣкоторые виды распѣвають передъ своими самками такія милыя пѣсенки, что не будь они попугаями, ихъ можно было бы причислить къ пѣвчимъ птицамъ; другіе выучиваются насвистывать пѣсни съ такой чистотой, что могутъ пристыдить любого снигири. Способность попугая перенимать голосъ и слова человѣка извѣстна. Въ этомъ случаѣ они превосходятъ всѣхъ другихъ птицъ: они достигаютъ изумительнаго, невѣроятнаго искусства, это не болтовня, а—настоящая рѣчь. Да будутъ правильно поняты мои слова: я, конечно, не хочу сказать этимъ, что попугаи понимаютъ или въ состояніи понимать перенятые ими слова, что они умѣютъ различать фразы и составлять ихъ, но я утверждаю, что птицы эти умѣютъ при удобномъ случаѣ правильно примѣнить заученное, напримѣръ, сказать на утреннее привѣтствіе знакомаго, если ихъ тому выучили, подходящее «доброе утро», а не «доброй вечеръ». Такимъ образомъ, держа въ своей памяти выученное слово или фразу, они связываютъ значеніе ихъ съ тѣмъ случаемъ или временемъ дня, въ которые слова или фразы были имъ сказаны и въ послѣдствіи пускають въ ходъ подходящее слово (для нихъ оно является просто извѣстнымъ сфлпленіемъ звуковъ) въ подобномъ-же случаѣ или въ то-же время дня. Также точно лепечетъ сначала ребенокъ, который учится говорить, но со временемъ у него развивается полное пониманіе рѣчи, тогда какъ поцугаю это навсегда остается недоступнымъ.

Относительно вышесказаннаго взгляда держатся и любители птицъ, долгіе годы державшіе и воспитывавшіе попугаевъ. «Говоръ попугаевъ», замѣчаетъ Линденъ, «не всегда является однимъ только повтореніемъ словъ, но очень часто и выраженіемъ желанія птицы или благодарности за сдѣланное ей добро; часто даже въ тонѣ, съ которымъ произноситъ она слово или всю фразу, заключается извѣстная выразительность, подкрѣпляемая попутно очень понятной мимикой. Кто жилъ въ ежедневномъ общеніи съ попугаями столько лѣтъ, сколько я, и позналъ всю привязанность и необыкновенную нѣжность ихъ, въ особенности нѣкоторыхъ— тотъ мнѣ повѣритъ, что при утратѣ иного попугая я ощущалъ такое-же чувство, какъ будто терялъ любимаго человѣка. Сколько мрачныхъ минутъ разсѣяло присутствіе этихъ пернатыхъ созданій, большинство которыхъ всегда въ жизни видить только свѣтлыя стороны ея и спѣшить это выразить открыто! Никто не будетъ возражать, что бесѣда способствуетъ интимности сношеній: она сближаетъ попугаевъ съ ихъ воспитателями и, по крайней мѣрѣ въ моихъ глазахъ, ставитъ этихъ птицъ далеко выше обезьянъ.

«Очень многіе виды этого отряда обладаютъ способностью говорить или перенимать голоса и пѣніе другихъ птицъ, которое они передають не хуже лучшихъ пѣвцовъ, но случается, что они перенимають и въ высшей степени неприятныя, раздражающіе душу звуки. Я убѣжденъ, что даръ перениманія свойственъ какъ самымъ крупнымъ, такъ и самымъ мелкимъ видамъ попугаевъ, но знаю также, что не всѣ птицы одного вида обладаютъ имъ одинаково хорошо. У моего друга

Штелькера я видѣлъ одного золотолобаго попугая, который говорилъ очень мило и отчетливо; у меня-же жилъ болѣе 20 лѣтъ одинъ самецъ волнистаго попугайчика въ сообществѣ съ канарейками и щеглами, пѣніе которыхъ попугай передавалъ такъ-же свободно и весело, какъ самый лучший пѣвецъ. Я имѣлъ также одну розеллу, которая прекрасно передавала пѣніе чернаго дрозда, и еще по сію пору у меня живетъ одинъ попугайчикъ, который поетъ, летая по воздуху, подобно жаворонку.

«Вести обученіе моихъ попугаевъ по извѣстнымъ правиламъ я не могу, да и не нахожу никакого удовольствія выучивать птицъ отдѣльнымъ словамъ, не внушивъ пониманія ихъ. Несмотря на это, въ теченіи долгаго періода моего ежедневнаго общенія съ моими питомцами и любимцами, между мною и ими непрерывно устанавливались понятныя мнѣ и имъ отношенія, при этомъ, конечно, происходили вопросы и отвѣты; послѣдніе являются для меня краснорѣчивымъ доказательствомъ, что со стороны попугаевъ часто слова произносятся съ полнымъ пониманіемъ.»

За исключеніемъ Европы, попугаи живутъ во всѣхъ частяхъ свѣта. Изъ 429 видовъ, установленныхъ въ 1889 году Маршалломъ, 161 живетъ въ Америкѣ, 231 въ Австраліи съ Папуасскими, Моллукскими и южно-океанскими островами, 25—въ Африкѣ и 40 въ южной Азіи, включая сюда и Зондскіе острова. Новыя открытія немного увеличили число извѣстныхъ видовъ, но отношеніе чиселъ распредѣленія не измѣнилось. Большинство видовъ принадлежитъ къ жаркому поясу: изъ вышеупомянутыхъ 429 видовъ около 8 идутъ далѣе тропика Рака и приблизительно 60 распространены южнѣе тропика Козерога. Одинъ американскій видъ распространенъ къ сѣверу до 43 градуса широты, другой видъ водится въ южномъ полушаріи даже въ «негостепримныхъ пустыняхъ» Огненной Земли; широкохвостые попугаи водятся также на островѣ Макари подъ 54 гр. южной широты. Въ Африкѣ и Азіи попугаи мало или вовсе не переходятъ за границу жаркаго пояса, въ западной Африкѣ едва заходятъ выше 16 градуса сѣверной широты; въ восточной Африкѣ, по моимъ наблюденіямъ, они не живутъ сѣвернѣе 15 гр., тогда какъ въ южной ея части распространяются далѣе, почти до 26 гр.; въ Азіи нѣкоторые виды встрѣчаются въ умѣренномъ поясѣ. Въ общемъ попугаи болѣе свойственны лѣсу, хотя отнюдь не исключительно, такъ какъ нѣкоторые виды живутъ и въ безлѣсныхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ степяхъ, другіе распространяются въ Аздахъ выше пояса древесной растительности до и выше 3000 м.; такъ-же высоко поднимаются они и въ Абиссиніи, а иногда и на Гиммалайскихъ горахъ. Въ сѣверо-восточной Африкѣ, по моимъ наблюденіямъ, они встрѣчаются всегда и исключительно тамъ, гдѣ живутъ обезьяны, такъ что ихъ можно разсматривать, какъ нѣкоторымъ образомъ неразлучныхъ спутниковъ этихъ послѣднихъ. Чѣмъ болѣе богатъ древесными породами лѣсъ, т. е. чѣмъ богаче его флора, тѣмъ чаще встрѣчаются въ немъ попугаи. «Попугаи», говоритъ принцъ фонъ Видъ, «составляютъ большую, я бы сказалъ наибольшую часть всѣхъ пернатыхъ существъ тропическихъ лѣсовъ». То же самое относится и къ Австраліи, къ нѣкоторымъ областямъ Индіи и отчасти къ Африкѣ. Тамъ они встрѣчаются такъ же часто, какъ у насъ вороны, и такъ же обыкновенны, какъ въ Германіи воробы.

Попугаи отлично умѣютъ дѣлаться замѣтными. Они украшаютъ лѣса и наполняютъ ихъ своимъ крикомъ. «Своимъ богато-окрашеннымъ опереніемъ», говоритъ принцъ фонъ Видъ, «попугаи украшаютъ темную сѣнь тропическихъ лѣсовъ».—«Невозможно описать», говоритъ Гульдъ, «какъ очаровательны нѣкоторые попугаи, особенно ярко окрашенные въ красный цвѣтъ, когда они носятся надъ

серебристой листвою австралийскихъ акацій. Ихъ великолѣпное опереніе чудно выдѣляется на фонѣ окружающаго».—«Какаду», воодушевленно восклицаетъ Митчелъ, «превращаютъ вершины, на которыхъ живутъ, въ чудныя райскія роши».—«Я видѣлъ вѣтви деревьевъ», пишетъ Одюбонъ, «сплошь покрытыя попугаями».—«Утромъ и вечеромъ», говоритъ Шомбургъ, «видишь безчисленныя стаи попугаевъ, летающихъ на значительной высотѣ, оглашая воздухъ невыносимымъ крикомъ. Однажды въ полдень я видѣлъ одну изъ такихъ огромныхъ стай, спустившуюся на прибрежныя деревья: вѣтви согнулись подъ тяжестью этой массы насѣвшихъ птицъ». То-же самое происходитъ и въ лѣсистыхъ частяхъ западной Африки. Такъ пишетъ изъ Лоанго Пехуэль-Леше: «самыми многочисленными изъ обитателей здѣшнихъ лѣсовъ являются сѣрые попугай, въ изумительномъ количествѣ водящіеся особенно въ низменности Куилу. То разрозненными, то слабо сомкнутыми стаями всюду летятъ они вечеромъ надъ лѣсомъ по направленію теченія рѣкъ въ глубь страны, на мѣста своего ночного отдыха. Въ это время ихъ невыносимый пронзительный крикъ, ихъ болтовня и свистъ почти совершенно заглушаютъ голоса всѣхъ остальныхъ животныхъ; только одинъ рѣзкій и сильный трубный голосъ одного вида ибисовъ (*Ibis hagedash*) еще слышенъ среди шума и гама летящихъ попугаевъ». Какъ ведутъ себя птицы въ мѣстахъ своего ночлега, намъ сообщаетъ Вальдау, наблюдавшій ихъ на одномъ островѣ озера Рикардъ въ горахъ Камеруна. «Нѣкоторые большія деревья селенія и весь остальной островъ являются ночнымъ пристанищемъ для милліоновъ попугаевъ, слетающихъ сюда изъ окрестныхъ мѣстъ. Приблизительно за часъ до солнечнаго захода птицы начинаютъ показываться со всѣхъ сторонъ и вскорѣ образуютъ одну общую, непрерывную, все болѣе и болѣе густую, прибывающую стаю. Въ короткое время всѣ деревья такъ покрываются прилетѣвшими птицами, что маленькая птичка, не стѣсняя другихъ, не могла-бы найти себѣ мѣста. Съ оглушающимъ шумомъ и гамомъ возятся и дерутся попугай изъ-за мѣстъ. Иногда случается, что прилѣтаетъ новая стая и опускается на дерево, уже занятое другими попугаями, слѣдствиемъ чего сотни двѣ птицъ сваливаются со своихъ мѣстъ. Слетавъ на короткое время на озеро, послѣднія возвращаются на то-же самое или на сосѣднее дерево, что и ведетъ къ новой путаницѣ. Только съ наступленіемъ сумерекъ въ этой пестрой толпѣ водворится покой, но уже при первыхъ проблескахъ зари, когда солнце еще не показывается на горизонтѣ, шумъ и гамъ начинаются снова. Теперь для нихъ настаетъ время ихъ дневного труда: имъ нужно позаботиться о своемъ кормѣ. Вскорѣ поднимается одна туча птицъ, достаточно сомкнутая, чтобы затемнить солнце, если только оно уже взошло въ этотъ ранній часъ. Однако туча эта скоро раздѣляется на группы, разлетающіяся по всѣмъ направленіямъ, и къ тому времени, когда проснушіеся поселяне покажутся изъ своихъ жилищъ, обыкновенно не остается и слѣда птицъ. У этихъ жителей попугай считается священными птицами, поэтому ихъ никто никогда не беспокоитъ».

Да и что были-бы эти чудныя тропическія лѣса безъ попугаевъ? Мертвый садъ волшебника, безмолвная равнина, пустыня! Кто, какъ не эти красивыя птицы будятъ тамъ жизнь, одинаково лаская слухъ и зрѣніе жителей!

За исключеніемъ періода итенцовой норы, попугай живутъ общественно или еще чаще многочисленными стаями. Они выбираютъ мѣстомъ своего жительства какой-нибудь участокъ лѣса и отсюда изо дня въ день летаютъ далеки въ стороны. Колонія живутъ въ тѣсной дружбѣ между собой, сообщая переноса всѣхъ жизненныхъ невзгодъ. Раннимъ утромъ они одновременно покидаютъ свой ночлегъ, садятся на какое-нибудь дерево или поле, чтобы воспользоваться ихъ плодами, выставляють

сторожей, на обязанности которыхъ лежитъ радѣть о безопасности всего общества, и чутко слѣдятъ за предостерегательнымъ крикомъ послѣднихъ. Кучею или по крайней мѣрѣ близко другъ къ другу держатся птицы во время бѣгства, въ случаѣ опасности дружно защищаютъ другъ друга, дѣйствуя общими силами; вмѣстѣ онѣ прилетаютъ на ночлегъ, пользуются имъ по возможности сообща и даже, если хотя сколько-нибудь это возможно, предпочитаютъ гнѣздиться общественно. «Уже при первыхъ лучахъ жаркаго тропическаго утренняго солнца», рассказываетъ принцъ фонъ Видъ, «попугаи поднимаются съ мѣста своего ночлега, обсушиваютъ сильно смоченныя ночной росой крылья, громко крича и играя, носятся надъ высокимъ лѣсомъ, продѣлывая всевозможныя движенія въ воздухѣ и вскорѣ затѣмъ отправляются за кормомъ. Вечеромъ они непремѣнно возвращаются на старое мѣсто». Въ Перу Чуди также наблюдалъ ежедневныя путешествія попугаевъ. Одинъ изъ живущихъ тамъ видовъ зовется мѣстными жителями «поденщикомъ», благодаря той регулярности, съ которой онъ ежедневно слускается съ горъ и возвращается обратно. Подобныя ежедневныя экскурсіи иногда совершаются на разстояніи 12—20 килом. и имѣютъ явную цѣлью поиски за кормомъ. По наблюденіямъ Левальяна, одинъ изъ живущихъ въ южной Африкѣ попугаевъ рано утромъ вылеталъ маленькими стайками за кормомъ, около полудня купался, въ часы солнечнаго зноя прятался въ тѣни листы; къ вечеру стайки снова разлетались, вечеромъ же часто вновь купались и затѣмъ возвращались на то-же мѣсто ночлега, съ котораго вылетѣли утромъ.

Мѣста для ночлега бываютъ весьма разнообразныя. Для этого попугаями избираются или густая вершина дерева, пористая или потрескавшаяся скала, или дупло дерева. Послѣднія ими въ особенности предпочитаются. «Мѣстомъ ночлега ихъ», говоритъ Одюбонъ про каролинскихъ попугаевъ, «служитъ дуплистое дерево или выдолбленное крупными дятлами гнѣздо, конечно если послѣднее не занято его законными хозяевами. Въ сумеркахъ можно видѣть большія стаи попугаевъ, собравшіяся вокругъ старыхъ дуплистыхъ сикоморъ или другихъ подобныхъ деревьевъ. Птицы садятся на кору у самаго дупла, и одна за другой влѣзаютъ внутрь, чтобы тамъ провести ночь. Если такое дупло не можетъ вмѣститъ въ себѣ всю стаю, оставшіяся попугайчики прицѣпляются къ корѣ снаружи у входа при помощи своихъ когтей и верхней половинки клюва. Въ такомъ положеніи они кажутся висѣщими только на клювѣ, но, прибѣгнувъ къ помощи подзорной трубы, я убѣдился, что они держатся и ногами». Въ дѣйственныхъ лѣсахъ Голубого Шила я также наблюдалъ попугаевъ, то и дѣло влѣзавшихъ въ дупла съ наступленіемъ сумерекъ, другихъ-же — регулярно посѣщавшихъ такимъ образомъ чрезвычайно дуплистыя адасоніи; такимъ образомъ ясно, что эти попугаи проводятъ ночь въ дуплахъ, какъ дятлы. По сообщенію Лайярда индійскій ожереловый попугай проводитъ ночь въ бамбуковыхъ заросляхъ. «Все попугаи, шурки, мейны и вороны, принадлежащіе къ району въ нѣсколько миль окружности, проводятъ ночь общественно въ обширныхъ бамбуковыхъ заросляхъ, и глухой шумъ, слышащійся отъ захода солнца до вступленія полной темноты и отъ первой восточной зари до времени далеко послѣ восхода, для наблюдателя оставляетъ впечатлѣніе ныхтѣнія и шума нѣсколькихъ идущихъ паровозовъ. Многія изъ стай возвращаются съ своихъ экскурсій лишь поздно вечеромъ, при этомъ летятъ такъ низко надъ землей, что онѣ совсѣмъ вплотную перелетаютъ черезъ встрѣчающіеся препятствія — да и то не всегда, такъ какъ нѣсколько ночей кряду попадались мертвые попугаи, которые убились, ударившись на-лету о стѣну или какое-либо другой твердый предметъ».

Весьма живое описаніе жизни и поведенія въ такихъ мѣстахъ ночного отдыха ожереловаго попугая, очень обыкновеннаго на Цейлонѣ, даетъ Лайярдъ,

«Въ Чилау на кокосовыхъ пальмахъ, окружавшихъ рынокъ и служившихъ мѣстомъ ночлега для попугаевъ, я видѣлъ послѣднихъ, прилетавшихъ на ночь такими огромными стаями, что шумъ, производимый ими, совершенно заглушалъ вавилонское смѣшеніе языковъ кричащихъ рыночныхъ продавцевъ. Меня предупредили заранѣе о прилетавшихъ сюда стаяхъ, и въ одинъ изъ вечеровъ я помѣстился на одномъ изъ ближайшихъ мостовъ съ цѣлью сосчитать тѣ стаи, которыя будутъ прилетать въ одномъ извѣстномъ направленіи. Около 4 часовъ пополудни приблизительно начался прилетъ къ видѣ разрозненныхъ возвращавшихся на ночь стаякъ. Вслѣдъ за этими стайками вскорѣ послѣдовали болѣе сильныя, и въ теченіи получаса прилетъ былъ въ полномъ разгарѣ. Я очень скоро пришелъ къ убѣжденію въ невозможности сосчитать прибывающія стаи, такъ какъ онѣ слились въ одинъ общій живой, шумный потокъ. Нѣкоторые попугаи летѣли очень высоко и надъ самымъ мѣстомъ уже внезапно съ различными вывертами неслись внизъ на вершины деревьевъ; другіе летѣли такъ низко надъ землей, что почти задѣвали за мою голову. Они пронеслись мимо съ быстротою мысли, и пестрое опереніе ихъ чуднымъ блескомъ сверкало въ лучахъ солнца. Я оставался на своемъ посту вплоть до наступленія ночи и, не видя ничего за темнотой, еще долгое время могъ слышать прилетавшихъ на ночлегъ птицъ. Когда я сдѣлалъ одинъ выстрѣлъ, они поднялись съ шумомъ, подобнымъ порыву сильнаго вѣтра; вскорѣ однако они вновь усѣлись, и затѣмъ у нихъ начался такой гвалтъ, котораго я никогда не забуду. Крикливые голоса птицъ, хлопанье ихъ крыльевъ, шелестъ пальмовыхъ листьевъ, — все это было такъ оглушительно, что я былъ душевно радъ, когда, благополучно миновавъ ихъ, я добрался до своего дома».

Ближайшею потребностью попугаевъ, послѣ удобнаго мѣста для ночлега, является присутствіе густыхъ вершинъ деревьевъ, которыя служатъ имъ не столько защитой отъ непогоды, сколько хорошимъ укромнымъ мѣстомъ, чтобы прятаться. Во всякомъ случаѣ прежде всего они любятъ тепло, хотя и не боятся холода и еще менѣе того, по крайней мѣрѣ временно, сырости. «Во время сильныхъ тропическихъ непогодъ, слѣдствіемъ которыхъ является иногда необычный сумракъ», говоритъ принцъ фонъ Видъ, «попугаевъ часто видишь сидящими неподвижно на высокихъ сухихъ вершинкахъ сучьевъ деревьевъ, откуда, не обращая вниманія на текущую по ихъ перьямъ воду, они бодро и весело кричатъ. Несмотря на присутствіе иногда по близости густой листвы и толстыхъ сучковъ, гдѣ они могли бы найти защиту отъ непогоды, они предпочитаютъ мокнуть подъ ливнемъ теплаго дождя и, повидимому, находятъ въ этомъ даже пріятность. Но, какъ только дождь перестаетъ, они первымъ долгомъ заботятся о просушкѣ своихъ перьевъ». Сѣрые африканскіе попугаи также любятъ дождь и дѣлаются гораздо веселѣе и крикливѣе, когда имѣютъ возможность выставиться подъ проливной дождь или вообще когда въ воздухѣ пахнетъ дождемъ. Въ этомъ случаѣ они являются хорошими предсказателями дождливой погоды: если вечеромъ голосъ летящихъ или усѣвшихся на ночлегъ попугаевъ становится невыносимо громкимъ, можно съ достаточной увѣренностью рассчитывать на скорое появленіе дождя. Даже пойманые въ неволѣ сѣрые попугаи, по крайней мѣрѣ въ Африкѣ, предсказываютъ своимъ игривымъ поведеніемъ близкое наступленіе переменъ погоды. Совершенно другое бываетъ при хорошей погодѣ. Тогда эти птицы предпочитаютъ держаться въ густыхъ деревьяхъ, какъ я убѣдился въ томъ на короткохвостыхъ и ожереловыхъ попугаяхъ африканскихъ лѣсовъ, будь-то въ защиту отъ солнечныхъ лучей или изъ желанія спрятаться. Послѣднее они дѣлаютъ, конечно, если

замѣтять какую-либо опасность. Они прекрасно знаютъ, какую вѣрную защиту представляютъ для нихъ, окрашенныхъ въ цвѣта листы, густолиственные вершины деревьевъ. Въ такой листвѣ попугаевъ замѣтить нелегко. Можно знать нацѣрное, что на одномъ деревѣ усѣлось, быть можетъ, одновременно 50 штукъ этихъ птицъ, и тѣмъ не менѣе не видѣть ни одной. Прячася, попугаи прибѣгаютъ не только къ помощи покровительственной окраски ихъ оперенія цвѣта листы, но и употребляютъ въ дѣло свойственную почти всѣмъ попугаямъ хитрость. Если они хотятъ остаться незамѣченными, одинъ изъ стаи, во время увидѣвшаго приближеніе врага, подаетъ сигналъ, и всѣ остальные тотчасъ же смолкаютъ, возвращаются въ глубь верхушки, безшумно карабкаясь, добираются на противоположную отъ врага сторону вершины дерева, улетаютъ прочь и только уже на разстояніи внѣ выстрѣла издаютъ свой громкій крикъ, повидимому, больше подсмѣиваясь надъ удачно проведеннымъ неприятелемъ, чѣмъ для перекликанія между собой. Такъ ведутъ они себя въ особенности тогда, когда собираются на какое-нибудь дерево пообѣдать, такъ какъ вообще всѣ свои воровскія продѣлки попугаи совершаютъ съ подобающей хитростью и осторожностью.

Пища попугаевъ состоитъ преимущественно изъ плодовъ и сѣмянъ. Однако многіе лорисы питаются почти исключительно сокомъ цвѣтовъ и цвѣточной пылью, а можетъ быть еще и насѣкомыми, которыхъ находятъ въ цвѣточныхъ вѣнчикахъ; арары и клинохвостые попугаи, на-ряду съ плодами и зернами, ѣдятъ почки и древесные цвѣты, а нѣкоторые какаду охотно питаются личинками насѣкомыхъ, червями и тому подобнымъ. Вообще мнѣ совсѣмъ не кажется невѣроятнымъ, что крупныя виды этого отряда питаются животной пищей больше, чѣмъ мы то полагаемъ. Въ пользу этого взгляда, повидимому, говоритъ кровожадность извѣстныхъ попугаевъ, а равно и жадность, съ которой пойманные попугаи набрасываются на мясную пищу, какъ скоро они къ ней привыкнутъ. Попугаи, которыхъ я держалъ въ клѣткахъ, нападали на другихъ птицъ того-же вида, проклевывали имъ черепъ и выбрасывали мозгъ: сѣдали ли она его или нѣтъ я теперь не припомню. Другой попугай, пользовавшійся свободой улетать изъ клѣтки и прилетать обратно, по словамъ его хозяина, приманивалъ какого-нибудь молодого воробья или птенца другой птицы, ловилъ его, весьма тщательно ощипывалъ, сѣдалъ и бросалъ остатки прочь. Послѣ подобныхъ наблюденій едва ли можно удивляться новымъ свѣдѣніямъ о попугаѣ—несторѣ; замѣчено, что по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ видовъ этого рода оказываются настоящими плотоядными птицами и ѣдятъ даже падаля. Несмотря на это, главной пищей попугаевъ остается все-таки пища растительная.

Забавное зрѣлище представляютъ собой воровскія нападенія попугаевъ на плодовые деревья и поля. Въ этомъ случаѣ, какъ и вообще способомъ и манерой промышленать себѣ пищу, они нѣкоторымъ образомъ являютъ пернатými обезьянами. Хитрость и лукавство, съ которымъ они учиняютъ свои грабежи, бросаются въ глаза всякому наблюдателю. Отягощенное спѣлыми плодами дерево или такое-же поле издали привлекаютъ ихъ. «Нѣкоторые излюбленные плоды», говорить принцъ фонъ Видъ, «привлекаютъ далеко за границы лѣса араръ, чрезвычайно пугливыхъ птицъ при другихъ условіяхъ.» Кистезычныхъ лорисовъ Гульдъ находилъ исключительно на эйкалиптусахъ, цвѣты которыхъ служатъ для этихъ птицъ избранной и обильной пищей; на другихъ деревьяхъ этотъ натуралистъ лорисовъ никогда не встрѣчалъ. Всѣ крупныя виды попугаевъ выказываютъ чрезвычайную осторожность въ поискахъ за кормомъ: они и въ лѣсу прячутся такъ, какъ будто совершаютъ воровское дѣло. «Крупныя золотисто-зеленыя арары Ан-

довъ», такъ повѣствуетъ Пеппигъ, «спускаются съ налету на ярко-красныя эриніи и желтыя тахіи, цвѣтами которыхъ они охотно лакомятся. Крикъ этихъ араръ ужасенъ, однако ихъ прозорливость научаетъ ихъ понимать всю опасность его, когда они заняты грабежомъ созрѣвшаго маиса. Каждый изъ нихъ умѣряетъ свою наклонность къ крику, и въ это время слышится лишь сдержанный, ворчливый шумъ, между тѣмъ какъ дѣло разрушенія подвигается впередъ съ невѣроятной быстротой. Охотнику или раздраженному ихъ грабежомъ индѣйцу нелегко добраться до хитрыхъ воровъ, такъ какъ пара старѣйшихъ попугаевъ всегда остается на стражѣ, сидя на какомъ-нибудь высочайшемъ деревѣ. На первый предостерегающій сигналъ слышится въ отвѣтъ сдержанный крикъ обезпокоенныхъ грабителей; при второмъ крикѣ сторожей вся стая съ оглушительнымъ крикомъ улетаетъ прочь съ тѣмъ, чтобы начать свое губительное дѣло тотчасъ же по удаленіи врага». Шомбургкъ подтверждаетъ эти свѣдѣнія личными наблюденіями, причѣмъ прибавляетъ, что о присутствіи такой безчисленной стаи попугаевъ можно узнать обыкновенно только по шелесту валящейся выѣденной шелухи, которая, падая на широкіе листья нижнихъ стеблей куста, производитъ далеко слышимый шумъ, «подобный шуму падающаго града». Левальянъ убѣдился въ замолканіи собравшихся массами на трапезу попугаевъ при приближеніи къ нимъ какого-нибудь внушающаго подозрѣніе существа. «Въ это время», говоритъ онъ, «они ведутъ себя такъ тихо, что, несмотря на тысячи собравшихся птицъ, неслышно ни малѣйшаго звука. Но, если случайно раздастся ружейный выстрѣлъ, вся стая мгновенно поднимается къверху, неистово оглашая воздухъ.» Совершенно иначе они ведутъ себя тамъ, гдѣ убѣдились, что, благодаря добродушію человѣка, ихъ не тревожатъ даже и въ томъ случаѣ, когда они сдѣлаются еще болѣе нахальными. По Жердону въ Индіи они не только смѣло залетаютъ даже въ города, но безбоязненно садятся на крыши домовъ, съ которыхъ, по всей вѣроятности, летаютъ грабить сады и поля.

Опустошенія, производимыя попугаями на поляхъ и въ садахъ, невѣроятно велики и вызываютъ со стороны человѣка ревностное противодѣйствіе имъ. Мало что недоступно попугаямъ и нѣтъ ничего, что было-бы вполне защищено отъ ихъ нападеній. «Они, въ особенности большіе арары», говоритъ принцъ фонъ Вльдь, «разгрызаютъ своимъ огромнымъ, сильнымъ и подвижнымъ клювомъ самыя твердые плоды и орѣхи; однако также хорошо справляются они со скользкими плодами или мелкими зернами». Желобкообразныя и зазубренныя бороздки верхней половинки клюва необыкновенно помогаютъ имъ удерживать скользкую или мелкую пищу, причѣмъ существенную пользу при этомъ оказываетъ имъ ихъ языкъ. Въ одно мгновеніе разгрызается ими орѣхъ, вымолачивается колосъ или вышелушивается зерно. Съ чѣмъ не справляется клювъ, къ тому на помощь пускаются въ дѣло ноги, и ловко схваченная ногами пища преисправно отправляется въ ротъ. Подобно обезьянамъ, они опустошаютъ гораздо больше, чѣмъ сѣдаютъ. Массы птицъ, сообщая нашествія на поля или плодовые деревья, наѣдаются тамъ до-сыта, но портятъ еще больше, уносятъ также колосья на деревья, чтобы тамъ съ большимъ спокойствіемъ и удобствомъ удовлетворить потребности своего ненасытнаго желудка. Появляясь въ плодовыхъ садахъ, они обискиваютъ каждое плодовое дерево, пользуются первыми въ свое удовольствіе, пробуютъ, бросаютъ на землю, если они не приходится по вкусу этихъ лакомокъ, и срываютъ другіе. Во время ѣды они обыкновенно лезятъ вверхъ и внизъ; добравшись до конца верхушки, они, почти не махая крыльями, слетаютъ на другое дерево, чтобы тамъ вновь приступить за свое опустошительное дѣло. Въ Сѣверной Америкѣ и въ Чили они нападаютъ иногда, ради зеренъ, содержащихъ еще молочко, на плодовые деревья съ незрѣлыми

плодами: можно представить себѣ, сколько плодовъ уничтожается ими при этомъ! По изслѣдованіямъ Одюбона, они иногда очень любятъ стоящія на поляхъ скирды. Они садятся и привѣшиваются къ нимъ снаружи, вытаскиваютъ клювомъ изъ сноповъ колосья, непрощенно избавляя поселянъ отъ лишней молотбы. Говорятъ, что длиноклювые какаду вытаскиваютъ изъ земли посѣянные всходы злаковъ, чѣмъ наносятъ большой вредъ европейцамъ-колонистамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они являются истиннымъ бичемъ страны; мѣстами культура нѣкоторыхъ бахчевыхъ плодовъ становится просто невысказанной. Одни попугаи оказываютъ особенное предпочтеніе одному бахчевому или садовому плоду, другіе — другому: въ результатѣ -- все посѣянное и взрощенное на потребу человѣка подвергается опасности со стороны нашествія попугаевъ, и нечего, конечно, думать о какой-либо дружбѣ между человѣкомъ и этими птицами.

Наѣвшись, попугаи летятъ на водопой или выкупаться. Пьютъ они много, по словамъ Одюбона и Шомбургка, также соленую воду или по крайней мѣрѣ такую, которая, по нашимъ понятіямъ, негодна для питья. Кромѣ случайныхъ купаній подъ дождемъ, они купаются и въ лужахъ. По сообщенію Левальяна, они полощатся такъ, «что капли падаютъ на нихъ дождемъ». По наблюденіямъ Одюбона, попугаи охотно ворошатся въ песокъ, подобно курамъ, при чемъ исправно запыляютъ свое опереніе и даже для той-же цѣли нерѣдко залѣзаютъ въ норы болѣе крупныхъ зимородковъ. Они выскиваютъ также солончаковую почву и летаютъ на лѣсные солончаки.

Періодъ размноженія попугаевъ приходится на тѣ мѣсяца, которые на ихъ родинѣ соотвѣтствуютъ нашей веснѣ и предшествуютъ времени созрѣванія плодовъ. Всѣ виды, объ образѣ жизни которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія, всю жизнь живутъ парами, и самецъ съ самкой скрѣплены узами самой горячей и самой вѣрной взаимной любви. Въ пору спариванія взаимная нѣжность супруговъ увеличивается еще болѣе, хотя и до того они не скупались на любезности. Въ это время самцы и самки ни на минуту не оставляютъ другъ друга, дѣлаютъ все сообща, садятся прижавшись другъ къ другу и расточаютъ взаимныя нѣжности. Совершенно вѣрно названы нѣкоторые виды попугаевъ «неразлучными»; съ такимъ-же правомъ можно примѣнить этотъ эпитетъ и къ остальнымъ попугаямъ. Болѣе крупные виды выводятъ птенцовъ, повидимому, лишь разъ въ году и кладутъ только по два яйца; однако австрайлійскіе сѣрые попугаи и другіе широкохвостые попугаи вообще уклоняются отъ этого правила: они регулярно кладутъ 3—4, нѣкоторые даже 6—10 яицъ, и выводятъ птенцовъ, какъ это можно заключить по наблюденіямъ надъ жившими въ неволѣ, 2—3 раза въ году. Какаду и другіе кладутъ также постоянно болѣе двухъ яицъ, но выводятъ птенцовъ только разъ въ годъ. Яйца попугаевъ всегда бѣлаго цвѣта, гладкія и кругловатыя.

Предпочитаемая попугаями дупла деревьевъ не являются исключительными мѣстами для гнѣздъ. Нѣкоторые американскіе виды гнѣздятся въ земляныхъ норахъ или въ скалахъ; индійскіе попугаи, по словамъ Жердона, часто выбираютъ для гнѣздъ углубленія въ старыхъ строеніяхъ, въ пагодахъ, гробницахъ, домахъ и т. д., попугай калита устраиваетъ рыхлое гнѣздо изъ толстыхъ вѣтвей; земляные попугаи кладутъ яйца прямо на голую землю. Одюбонъ утверждаетъ, что многія самки кладутъ яйца въ одно общее гнѣздо, однако свѣдѣнія эти мнѣ кажутся ошибочными, но что дѣйствительно вѣрно — это то, что попугаи гнѣздятся общественно, а иногда нѣсколькими огромными стаями вмѣстѣ. Уже Молина рассказываетъ про одну безчисленную колонию гнѣздившихся въ Чили попугаевъ; Пеппигъ говоритъ вѣроятно о томъ-же видѣ нѣсколько подробнѣе. «Непривычный глазъ», говоритъ онъ,

«такія колоніи могутъ просто поразить. Послѣ утомительнаго перехода въ полуденные часы вы приближаетесь къ какой-либо отвѣсной скалѣ и считаете себя вполнѣ одинокимъ; кругомъ царствуетъ та глубокая тишина, которая во всѣхъ жаркихъ областяхъ Америки свидѣтельствуетъ о наступленіи полудня, когда почти все живое предается сну. Но вотъ со всѣхъ сторонъ слышится какое-то воркотаніе, хотя взоръ тщетно ищетъ его виновника. Вдругъ раздается предостерегающій крикъ сторожевого попугая, на который откликаются многіе другіе и, прежде чѣмъ вы поймете въ чемъ дѣло, вы уже окружены стаями этихъ задорныхъ птицъ съ явнымъ раздраженіемъ и угрозами летающихъ кругами около васъ—непрощеннаго гостя. Изъ массы отверстій рыхлой скалы довольно забавно выглядываютъ круглыя головы другихъ попугаевъ, которые, не вылетая, тѣмъ не менѣе громкими криками ободренія принимаютъ участіе въ общей суматохѣ. Каждое отверстіе—есть гнѣздо, вырытое въ глинистыхъ слояхъ, залегающихъ по отвѣсамъ скалъ. Такихъ отверстій нерѣдко можно насчитать сотни. Но подобныя гнѣздовья устраиваются всегда такъ умно, что ни сверху, ни снизу хищное животное къ нимъ подобраться не можетъ». Такія колоніи не могутъ собираться въ лѣсу, такъ какъ размѣщеніе гнѣздъ тамъ оказывается затруднительнѣе. Въ средней Африкѣ для такихъ поселеній попугай разыскиваютъ старыя, высокія, возможно недоступныя, весьма дуплистыя деревья и предпочтительнѣе всего адансоніи.

Попугай не всегда находятъ такое дерево, въ которомъ по счастливой случайности или трудами ловкихъ дятловъ была-бы дуплистая внутренность, часто-же они должны сами заботиться о приготовленіи необходимыхъ помѣщеній для своихъ птенцовъ. Въ такихъ случаяхъ они и выказываютъ, до какой степени разносторонне примѣнимъ ихъ клювъ. При помощи послѣдняго преимущественно самка продѣлываетъ небольшое соответственное отверстіе, пока не доберется до рыхлой сердцевины. Птица дѣйствуетъ при этомъ очень ловко, прицѣпляется подобно дятлу къ корѣ и скорѣе отщепляетъ, чѣмъ отгрызаетъ одну щепочку за другой, пока не устроитъ своего жилища. Это занятіе продолжается иногда цѣлыя недѣли, но терпѣливая работа достигаетъ своей цѣли. Впрочемъ вся суть—выдолбить дупло, гнѣзда-же въ тѣсномъ смыслѣ этого слова попугай не устраиваютъ, и даже такое дупло, отдѣлка котораго оставляетъ еще много желать, вполнѣ удовлетворяетъ скромнымъ потребностямъ гнѣздящей четы этихъ птицъ. «На обломъ ствола какой-нибудь пальмы прими», рассказываетъ Пеннигъ, «вы замѣчаете блестящій хвостъ изъ небесно-голубыхъ перьевъ,—то желтый араара занятъ расширеніемъ при помощи своего клюва устроеннаго дятломъ дупла, изъ котораго впоследствии, когда самка сидитъ на яйцахъ, все еще вывѣшивается красивый длинный хвостъ». То-же самое мѣсто служить гнѣздомъ ежегодно, если тому не помѣшаютъ какія-либо особенныя обстоятельства. У древнихъ мексиканцевъ, которые вели торговлю перьями попугаевъ, гнѣзда попугаевъ считались собственностью, и владѣніе ими, по словамъ Германдеца, переходило отъ отца къ сыну. О подстилкѣ въ гнѣздѣ попугай почти не заботится: голое, спившее, рыхлое дупло вполнѣ удовлетворяетъ однихъ, другіе попугай довольствуются нѣсколькими щепочками. Однако есть и исключенія: такъ, карликовые попугай, по моимъ наблюденіямъ надъ пойманными экземплярами, выкладываютъ помѣщеніе для гнѣзда мелкорасщепленными щепочками, волокнами луба или соломинками, а нѣкоторые широкохвостые попугай, говорятъ, устраиваютъ гнѣздовую подстилку изъ травянистыхъ стебельковъ и перьевъ.

Яйца насиживаются обыкновенно и самцомъ, и самкой попеременно. У мелкихъ видовъ, какъ на примѣръ у волнистаго попугайчика, время высидыванія длится

16—18 дней; у другихъ попугаевъ на это уходитъ, какъ замѣчено, 19, 23, 25 дней; во сколько времени высиживаютъ свои яйца арары—неизвѣстно. Птенцы вылупляются весьма беспомощными, но развиваются чрезвычайно быстро. Вначалѣ они бываютъ чрезвычайно скудно покрыты пухомъ; по прошествіи 5—6 дней появляются первые пеньки перьевъ; на 8 или 18 днѣ ихъ жизни птенцы дѣлаются зрячими. Птенцы волнистаго попугайчика оставляютъ гнѣздо черезъ 33 дня, а двумя днями позже уже летаютъ по окрестностямъ. Весьма интересно появленіе у нѣкоторыхъ молодыхъ попугаевъ на клювѣ особыхъ зубовидныхъ образований, въ послѣдствіи выпадающихъ и замѣняющихся хрящевой массой.

Оба родителя приносятъ кормъ для птенцовъ и продолжаютъ кормить ихъ нѣкоторое время и по вылетѣ ихъ изъ гнѣзда. Пища, если таковая состоитъ изъ зеренъ, предварительно размягчается въ зобу и затѣмъ уже кладется въ ротъ птенцовъ. По наблюденіямъ Шомбургка, одна пара попугаевъ, гнѣздившаяся въ дѣсу по близости его стоянки, кормила птенцовъ всего два раза въ день и приблизительно въ 11 часовъ утра и въ 5 пополудни. «Прилетѣвъ, родители садятся сначала на ближайшей отъ гнѣзда сукъ и, если замѣчали, что за ними наблюдаютъ, сидѣли спокойно до тѣхъ поръ, пока не являлся удобный случай незамѣтно проскользнуть въ отверстіе гнѣзда». Птенцы не терпятъ недостатка въ заботахъ о нихъ родителей. При угрожающей опасности послѣдніе защищаютъ ихъ съ самоотверженіемъ; то же самое проявляютъ они и въ неволѣ даже по отношеніи ихъ воспитателя, къ которому въ другое время выказываютъ большую пріязнь. Нѣкоторые виды выказываютъ къ чужимъ сиротамъ такую же нѣжность, какъ если бы они были ихъ собственными птенцами, и поступаютъ такъ не только по отношеніи птенцовъ одинаковаго съ ними вида, но и совершенно чужихъ. «Врачъ корабля «Тритонъ», нашъ спутникъ по путешествію между Австраліей и Англіей», рассказываетъ Куннингамъ, «одновременно имѣлъ одного многоцвѣтнаго лори и другого очень красиваго, маленькаго попугая, котораго онъ вынулъ изъ гнѣзда еще такимъ юнымъ, что тотъ не могъ ѣсть безъ посторонней помощи. Старый лори взялъ на себя кормленіе птенца, зорко слѣдилъ за желаніями послѣдняго и охранялъ его съ самой заботливой нѣжностью. Съ теченіемъ времени взаимная привязанность этихъ двухъ птицъ крѣпла и увеличивалась; большую часть времени они проводили во взаимныхъ ласкахъ, терлись клювами, и старый попугай обнималъ самымъ нѣжнымъ образомъ крыломъ своего маленькаго питомца. Въ концѣ концовъ проявленіе дружбы между этими птицами стали такъ громки, что ихъ пришлось разлучить, во избѣжаніе претензій со стороны пассажировъ. Вместе съ многими другими молодой попугай попалъ въ мою каюту. Послѣ двухмѣсячной разлуки, многоцвѣтному лори удалось вырваться на волю, и голосъ его юнаго друга привелъ его прямо въ мою каюту, гдѣ онъ и прицѣпился къ клѣткѣ. Послѣ этого обоихъ друзей больше не разлучали; но четырнадцать дней спустя младшій попугай умеръ отъ поврежденія, причиненнаго ему паденіемъ клѣтки. Съ этихъ поръ старый попугай совершенно притихъ и вскорѣ послѣдовалъ за своимъ другомъ». И этотъ случай вовсе не единственный. Кто имѣетъ много попугаевъ, тотъ рано или поздно познакомится съ такимъ же исходомъ сильной любви и неизгладимой грусти попугаевъ при потерѣ любимаго существа. Одинъ баролинскій попугай, котораго Букстонъ выставилъ наружу, до того страдалъ отъ морозовъ суровой зимы 1860 года, что въ результатѣ отморозилъ обѣ ноги. Падъ злополучнымъ бѣднягой сжался одинъ амазонскій попугай; онъ сѣлъ возлѣ него, чистилъ его перья и защищалъ его отъ нападений другихъ попугаевъ, пытавшихся заклевать его на смерть, что они въ концѣ концовъ дѣйствительно и сдѣлали.

Такая же участь бѣднаго калѣки чуть было не постигла его совершенно здороваго защитника.

Какъ различнаго вида попугай заключаютъ между собой дружественный союзъ, такъ же точно они относятся другъ къ другу во время союза любви, который, будучи вначалѣ принужденнымъ, впоследствии такъ крѣпнеть, что влюбленная парочка не разстается даже и тогда, когда имъ представится случай вступить въ связь съ попугаями ихъ-же вида. Такое проявленіе взаимной привязанности въ особенности часто случается между четой разновидныхъ какаду, однако то-же самое наблюдалось и у другихъ попугаевъ. «По несчастной случайности» пишетъ мнѣ Линденъ, «я потерялъ самку одной четы черноголовыхъ попугаевъ (*Pionias fuscicollis*). Оставнагося самца я помѣстилъ послѣ этого къ одной самкѣ Александровскаго попугая (*Ps. alexandri*), которая вполне сочувственно отнеслась къ любовнымъ ласкамъ ея новаго знакомаца. Я много разъ имѣлъ случай наблюдать спариваніе этихъ двухъ птицъ, причѣмъ самка снесла много яицъ, хотя высиживание ихъ, къ сожалѣнію, не было успѣшно. Однако яйца эти отнюдь не были неоплодотворенными, такъ какъ многія изъ тѣхъ, которыя я вскрывалъ, частью уже содержали въ себѣ весьма развитый зародышъ. Ни одинъ изъ другихъ попугаевъ, помѣщавшихся въ той-же обширной клѣткѣ вмѣстѣ съ этой разновидной четой, не осмѣливался близко подходить къ самкѣ Александровскаго попугая, такъ какъ ея супругъ охранялъ ее весьма ревниво и относился недружелюбно даже ко мнѣ, когда самка, птица совершенно ручная и довѣрчивая, по своему обыкновенію, во время кормленія прилетала ко мнѣ на плечо и выпрашивала свой обычный кусочекъ обмокнутаго въ молоко хлѣба, которымъ обыкновенно дѣлилась со своимъ супругомъ. Если я, лаская, держалъ ее на своемъ плечѣ дольше обыкновеннаго, черноголовый попугай сердился и съ взерошенными перьями и своеобразными криками слеталъ на самыя нижнія жердочки. Самка Александроваго попугая выражала тоже свое нетерпѣніе, сильно дергая меня за уши или волосы. Въ одинъ холодный зимній полдень послѣдняя улетѣла отъ меня, такъ какъ, забывъ, что она сидитъ у меня на плечѣ, я вышелъ наружу, и взлетѣла на вершину недоступнаго дерева. Призывной крикъ покинутаго возлюбленнаго тщетно убѣждалъ улетѣвшую самку слетѣть внизъ; одинъ только вечерній морозъ заставилъ ее вернуться и вновь предаться въ мои руки. Но, благодаря этой прогулкѣ, она схватила воспаление легкихъ, отъ котораго вскорѣ и умерла. Съ жалобными криками искалъ ее черноголовый попугай по всеѣмъ гнѣздовымъ ящикамъ и затаилъ память о ней въ своемъ вѣрномъ сердцѣ. Пока она была больна, я приобрѣлъ еще одну парочку Александровскихъ попугаевъ. Убѣдившись, что всѣ поиски умершей возлюбленной тщетны, одинокій черноголовый попугай обратилъ свое вниманіе на новопривывшую самку. Парочка эта попугаевъ находилась въ клѣткѣ, доступной для него. Разрушивъ клѣтку, ему удалось освободить намѣченную самку, и я удовлетворилъ его желаніе. Съ тѣхъ поръ онъ живетъ со второй самкой такъ-же нѣжно, какъ съ первой возлюбленной, тогда какъ законный супругъ новой самки оказался покинутымъ. Частенько я пробовалъ пускать его въ то-же помѣщеніе, гдѣ леталъ черноголовый попугай, но послѣдній, господствовавшій надъ всеѣмъ этимъ помѣщеніемъ, всегда встрѣчалъ его въ высшей степени недружелюбно и стремительно прогонялъ его обратно въ клѣтку.»

Случаи спариванія попугаевъ бывають и съ птицами совершенно другаго вида. «Одинъ многоцвѣтный лори Франкфуртскаго зоологическаго сада», пишетъ Гааке, «былъ настолько влюбленъ въ султанскую курочку (*Porphyrio smaragdinus*), что онъ не только часто пробовалъ спариваться съ ней, но даже неистово

бросался на служителя, когда тот гладил распутную курочку, которая становилась въ пещицію, удобную для спариванія, одинаково какъ передъ многоцвѣтнымъ лори, такъ и передъ сторожемъ. Даже посѣтители, стоявшіе передъ птичникомъ, не могли обращать особаго вниманія на эту султанскую курочку; лишь только это случалось, разсерженный попугай подлеталъ къ мѣсту и гнѣвными криками и движеніями головы старался прогнать своего соперника. Послѣ смерти своей возлюбленной этотъ попугай нашель утѣшеніе съ самкой кардинала, которая допускала ласки попугая точно такъ-же, какъ и султанская курочка.»

Хотя, какъ описано выше, разнovidные попугаи могутъ жить между собою въ большой дружбѣ, но случается, наоборотъ, что попугаи одного и того-же вида сильно враждуютъ между собою. Съ особенности австраійскіе широкохвостые попугаи отличаются, съ большимъ ущербомъ для самихъ себя, своею неуживчивостью. Между самцами одного и того-же или разнаго вида очень часто возникаетъ самая ревностная вражда, весьма нерѣдко кончающаяся смертью слабѣйшаго. Причиной кровавыхъ ссоръ у однихъ попугаевъ является ревность, у другихъ — жадность, у третьихъ — споръ за господство; нѣкоторые-же набрасываются на слабѣйшихъ изъ своей породы безъ всякой побудительной причины: я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ вскормленный нами волнистый попугай, тотчасъ-же послѣ первыхъ шаговъ въ пернатомъ обществѣ, былъ такъ сильно заклеванъ напавшими на него сородичами, что скончался отъ нанесенныхъ ему пораненій. Какъ вообще многія животныя, почти всѣ попугаи оказываютъ самую глубокую нетерпимость къ больнымъ или искалѣченнымъ собратьямъ или птицамъ другого вида; исключенія, подобныя вышеприведеннымъ, очень рѣдки. Заболѣвшій попугай, принужденный находиться въ одномъ помѣщеніи съ другими, нерѣдко, а раненый почти всегда возбуждаютъ въ своихъ товарищахъ жажду крови.

Уже приблизительно на второмъ году попугаи вполне покрываются своимъ роскошнымъ опереніемъ и дѣлаются въ половомъ отношеніи зрѣлыми. Мелкіе виды отряда, насколько извѣстно, способны къ размноженію уже на первомъ году жизни. Несмотря на это попугаи долголѣвны. Наблюденія надъ пойманными экземплярами дали поразительные результаты. Попугаи иногда переживали тѣ семьи, въ средѣ которыхъ прошла ихъ юность; нѣкоторые видѣли и пережили, какъ гласить одна американская сага, гибель цѣлаго народа. «Весьма вѣроятно», замѣчаетъ А. Гумбольдтъ, «что послѣдняя семья Атуровъ умерла не очень давно, такъ какъ въ Майпуресѣ еще живъ одинъ старый попугай, про котораго туземцы говорятъ, что говоръ его потому непонятенъ, что онъ говорить на языкѣ Атуровъ. Этотъ атуровый попугай подалъ поводъ къ одному задушевному стихотворенію Курціуса:

«In der Orinokowildnis
«Sitzt ein alter Papagei,
«Kalt und starr, als ob sein Bildnis
«Aus dem Stein gehauen sei.

«Schäumend drängt durch Felsendämme

„Въ роцѣ свѣтлой Ориноко
„Камня дикаго мрачнѣй
„Старый попка одиноко
„Притаился межъ вѣтвей.

„Шумно пѣяась, сквозь тѣснины

«Sich des Stroms zerrissne Flut,
«Drüber wiegen Palmenstämme
«Sich in heitrer Sonnenglut.

«Wie hinan die Welle strebet,
«Nie erreicht sie das Ziel;
«In der Wasserstaub verwerbet
«Sich der Sonne Farbenspiel.

«Unten, wo die Wogen branden,
«Hält ein Volk die ew'ge Ruh',
«Fortgedrängt aus seinen Landen
«Floh es diesen Klippen zu.

«Und es starben die Aturen
«Wie sie lebten, frei und kühn;
«Ihres Stammes letzte Spuren
«Deckt des Uferschiffes grün.

«Der Aturen allerletzter
«Trauert dort, der Papagei;
«Am Gestein den Schnabel wetzt er,
«Durch die Lüfte tönt sein Schrei,

«Ach die Knaben, die ihn lehrten
«Ihrer Muttersprache Laut,

„Льетъ потокъ свои струи,
„И въ полдневный зной вершины
„Шальмы клонять къ нимъ свои.

„Скаль вершинъ не достигая,
„Валь съдой назадъ стремится,
„Блещеть радуга, игралъ,
„Волнь шумящихъ всплескъ дробится.

„Къ нимъ бѣжалъ народъ изгнанный
„Изъ родныхъ своихъ степей
„И нашель здѣсь путь нежданный
„Въ царство вѣчное тѣней.

„По свободнымъ жизнь прожившій
„Ужъ почилъ народъ мятежный,
„И Атуровъ слѣдъ остывшій
„Здѣсь покрыль тростникъ прибрежный

„И теперъ одинъ лишь попка
„Тѣхъ Атуровъ вспоминаеть:
«Клювъ точа о камень, робко
„Крикомъ скалы оглашаетъ.

„Гдѣ вы, дѣти, что учили
„Попку лепета словамъ,

«Und die Frauen, die ihn nährten,
«Die ihm selbst das Nest gebaut:

«Alle liegen sie erschlagen,
«Auf dem Ufer hingestreckt,
«Und mit seinen bangen Klagen
«Hat er keinen aufgeweckt.

«Einsam ruft er, unverstanden,
«In die fremde Welt hinein;
«Nur die Wasser hört er branden,
«Keine Seele achtet sein.

«Und der Wilde, der ihn schaute,
«Rudert schnell am Riff vorbei;
«Niemand sah, dem es nicht graute,
«Den Aturenpapagei.»

Очень возможно, что большинство попугаевъ умираетъ чаще отъ старости, нежели насильственной смертью. Изъ враговъ самымъ опаснымъ для нихъ является человекъ. Хищныхъ животныхъ многіе попугаи умѣютъ избѣгать, благодаря своей хитрости, а нѣкоторые, можетъ быть, даже даютъ отпоръ и такимъ хищникамъ, которые, преслѣдуя ихъ, забираются на ихъ безопасныя вершины деревьевъ. Наибольше мелкіе виды попугаевъ часто дѣлаются добычей соколовъ и лазящихъ хищныхъ млекопитающихъ, болѣе крупныя-же виды, защищаясь, умѣютъ съ успѣхомъ пускать въ дѣло свой клювъ. Однако противъ человѣческихъ козней имъ не помогаютъ ни хитрость, ни храбрость. Въ концѣ концовъ они все-таки дѣлаются жертвой его безчисленныхъ ловушекъ.

Попугаевъ преслѣдуютъ повсюду и вездѣ за ними усердно охотятся. И то, и другое дѣлается въ однихъ случаяхъ ради добычи, въ другихъ—чтобы защититься отъ нихъ. Последнее является необходимымъ всюду, гдѣ плантации граничатъ съ лѣсами, населенными попугаями. «Не нужно думать», говоритъ Одюбонъ, «чтобы всѣ убытки, причиняемые попугаями плантаторамъ, оставались безъ должнаго воз-

„Атурянки, что носили
„Кормъ ему и пухъ птенцамъ?

„Всѣ погибли... берегъ хладный
„Ихъ могилой вѣчно будетъ,
„И друзей сонъ безотрадный
„Попки голось не пробудитъ.

„Безъ отвѣта попугая
„Стонъ непонятый несется,
„Лишь волна, ему внимая,
„О крутыя скалы бьется.

„Да дикарь всломъ сильнѣе
„Движетъ, мимо проплавая,
„И несется, ужасъ съя,
„Стонъ Атуровъ попугая.

мездя, напротив: поселяне массами уничтожают попугаевъ за ихъ грабежи на плантаціяхъ. Съ ружьемъ въ рукѣ прибѣгаетъ раздраженный сельчанинъ, и 8 или 10 грабителей падаютъ съ перваго-же выстрѣла. Остальные птицы поднимаются кверху, оглашаютъ воздухъ громкими криками, 4 или 5 минутъ плавно летаютъ вокругъ и возвращаются къ трупамъ убитыхъ товарищей; здѣсь они вьются надъ ними съ громкими, жалобными криками, и одинъ за другимъ дѣлаются жертвой своей привязанности, пока ихъ не останется такъ мало, что поселянинъ уже не считаетъ болѣе нужнымъ тратить на нихъ свой порохъ и дробь. Такимъ-же способомъ я убивалъ много сотенъ птицъ въ теченіи немногихъ часовъ, наполняя убитыми цѣлые кораба. Однако подстрѣленные попугаи отчаянно защищаются и могутъ нанести серьезныя пораненія ударами своего крѣпкаго клюва». Чилійцы, замѣтивъ насѣвшихъ на поля птицъ, быстро набѣгаютъ на нихъ и гибкими палками бьютъ взлетающую стаю; австралийцы спугиваютъ попугаевъ съ мѣсть ихъ ночлега и бросаютъ въ кружащіяся стаи своими бумерангами; нѣкоторые смѣльчаки туземцы спускаются по отвѣсамъ скалъ, въ которыхъ гнѣздятся южно-американскіе виды попугаевъ, и крючьями вытаскиваютъ птенцовъ изъ гнѣздовыхъ норъ. Начинаящіе охотники и промышленники обыкновенно подкрадываются къ птицамъ, когда онѣ ѣдятъ. Молодыхъ достаютъ также съ деревьевъ и если послѣдніе недоступны для влѣзанія, — ихъ срубаютъ. Кромѣ этого попугаевъ ловятъ сѣтями, на прутья, намазанные клеемъ и т. п. Мясо убитыхъ попугаевъ, хотя твердо и жестко, но въ пищу употребляется, по крайней мѣрѣ изъ него готовятъ бульонъ. Шомбургкъ, по собственному опыту, считаетъ супъ изъ попугаевъ превосходнымъ кушаньемъ; чилійцы имъ положительно объѣдаются. Американскіе индѣйцы и австралийскіе дикари также усердно преслѣдуютъ попугаевъ ради ихъ мяса.

Еще чаще за попугаями охотятся изъ-за ихъ красивыхъ перьевъ. «Ничего нѣтъ удивительнаго», говорятъ принцъ фонъ Видъ, «что дикарямъ очень нравится этотъ столь простой и красивый уборъ. Путешественники всѣхъ частей свѣта не разъ описывали красоту этихъ грубыхъ украшеній, носимыхъ нѣкоторыми племенами! Многіе дикари Бразиліи особенно славятся своимъ искусствомъ пользоваться перьями попугаевъ: имъ приписывали умѣнье красить ихъ съ помощью крови одной лягушки». Вышеупомянутый естествоиспытатель однако считаетъ это за выдумку, основанную, быть можетъ, на небиллицахъ, придуманныхъ самими-же дикарями и рассказанныхъ легковѣрнымъ европейцамъ. Особенное пристрастіе дикарей къ перьямъ попугаевъ есть явленіе, присущее всѣмъ имъ и ведущее свое начало съ давнихъ временъ. «Уже въ давно прошедшія времена», рассказываетъ Пенпигъ, «приносили инкамъ перья араръ въ видѣ дани для украшенія дворцовъ, а древніе перуанскіе лѣтописцы рассказываютъ, что эти перья и орѣхъ «кока» были единственными естественными произведеніями, изъ-за которыхъ люди начали проникать въ столь страшные вначалѣ «жаркіе лѣса» и понемногу заселять ихъ. Такимъ образомъ попугаи явились причиной мірового историческаго явленія. Этотъ случай, впрочемъ, не единственный, такъ какъ именно эти птицы, конечно неумышленно, позднѣе еще разъ явились помощниками въ одномъ открытіи, имѣвшемъ громадное значеніе для всего міра: стая попугаевъ помогла открыть Америку. Пинсонъ, спутникъ и подчиненный великаго генуэзца, убѣдительно просилъ его измѣнить курсъ плывущаго корабля. «Мнѣ что-то говоритъ», убѣждалъ онъ, «что мы должны плыть въ другомъ направленіи». — «Это предчувствіе Пинсона, поясняетъ намъ А. Гумбольдтъ въ своемъ «Космосѣ» «было навѣяно на него, какъ рассказывалъ на слѣдникамъ Колумба одинъ старый матросъ, стаей попугаевъ, видѣнныхъ вечеромъ летящими на юго-западъ, по предположенію Пинсона, на ночлегъ въ какую-

нибудь рошу на материкъ. Никогда полётъ стая птицъ не имѣлъ послѣдствій столь огромной важности. Можно сказать, что эта стая рѣшила участь первой колонизаціи новаго материка и дала толчекъ къ распредѣленію романскихъ и германскихъ расъ въ Америкѣ».

Я далеко отъ мысли приписывать лично попугаямъ это случайное содѣйствіе великому дѣянію или отмѣтить его какъ пользу, принесенную человѣчеству, но полагаю, что упоминаніе объ этомъ случаѣ не можетъ быть упущено въ исторіи этихъ птицъ.

Польза, которую намъ приносятъ попугаи — почти равнозначаща той, которую мы извлекаемъ изъ обезьянъ. Кромѣ употребленія, которое дѣлается изъ мяса и шкурокъ этихъ птицъ, попугаи служатъ намъ хорошими комнатными друзьями. Мы охотно свыкаемся съ ними, несмотря на ихъ проказы, прощаемъ имъ ихъ рѣжущій ухо крикъ и слишкомъ частое злоупотребленіе своимъ разрушительнымъ клювомъ, который, какъ это ни покажется невѣроятнымъ, иной разъ не щадитъ даже и желѣза; все это искупается красотой ихъ оперенія и ихъ понятливостью.

Прирученіе попугаевъ нѣкоторымъ образомъ напоминаетъ порабощеніе члвкъ домашнихъ млекопитающихъ. Начало его относится къ древнѣйшимъ временамъ. На древне-египетскихъ памятникахъ, какъ я узналъ отъ Дюмикена, изображенія попугаевъ еще совершенно отсутствуютъ; въ Библии также объ этихъ птицахъ не упоминается, но въ Индіи Онезикритъ, полководецъ Александра Великаго, нашелъ ихъ ручными у туземцевъ и привезъ нѣкоторыхъ въ Грецію въ качествѣ домашнихъ птицъ. Позднѣе попугаи часто привозились въ Римъ. Плиній весьма наглядно описывалъ ихъ поведеніе, но трактуетъ всегда объ одномъ только видѣ — объ ожереловомъ попугаѣ. Красотою и умомъ попугаи плѣнили римлянъ настолько, что увлеченіе это осмѣивалось публично на форумѣ. «О несчастный Римъ!», восклицаетъ суровый цензоръ Маркъ Порцій Катонъ, «до какихъ временъ мы дожили: на своихъ половинахъ женщины вскармливаютъ собакъ, мужчины носятъ на рукахъ попугаевъ!» Попугаевъ сажали въ клѣтки изъ серебра, черепахи и слоновой кости, держали для нихъ особыхъ учителей, главнымъ образомъ выучивали ихъ произносить слово «цезарь» и для обученія даже употребляли особый приборъ. Цѣна за говорящаго попугая иногда превышала стоимость раба. Овидій одного изъ попугаевъ даже воспѣлъ въ стихахъ; Геліогабалъ не нашелъ ничего болѣе драгоценнаго для угощенія своихъ гостей, какъ предложить блюдо изъ головъ попугаевъ. Еще во времена правленія Перона были извѣсны, по всей вѣроятности, только индійскіе виды; позднѣе-же могли быть ввезены и африканскіе попугаи. Во времена Крестовыхъ походовъ они украшали собою клѣтки въ домахъ германскихъ богачей и въ это время уже учились говорить, о чемъ мы находимъ и въ стихахъ Христіана Гамельна:

«Jch wolte, das der anger sprechen sollte,
Als der sytich in den glas.

При открытіи Америки первые европейцы уже встрѣтили ручныхъ попугаевъ передъ хижинами туземцевъ и внутри ихъ. Когда въ 1509 году подъ предводительствомъ Никуэза и Охеда испанцы намѣревались напасть врасплохъ на Караб-

„Я-бъ желалъ, чтобъ лугъ заговорилъ,
„Какъ попугай въ хрустальной клѣткѣ.

скую деревню Юрбако, помѣщавшуюся на Даріенскомъ перешейкѣ, сидѣвшіе на верхушкахъ деревьевъ чуткіе попугаи предупредили приближеніе врага и тѣмъ дали возможность своимъ друзьямъ туземцамъ во время обратиться въ бѣгство. По словамъ Шомбургка, мѣстные жители Южной Америки и теперь еще держатъ на свободѣ своихъ ручныхъ попугаевъ и не подрѣзываютъ у нихъ крыльевъ. «Я видѣлъ многихъ ручныхъ попугаевъ», пишетъ онъ, «которые утромъ присоединялись къ стаямъ дикихъ товарищей, пролетавшимъ надъ селеніемъ, а вечеромъ, возвращаясь обратно, снова опускались на хижины своихъ хозяевъ». Въ другомъ мѣстѣ своего привлекательнаго сочиненія этотъ же путешественникъ говоритъ: «мы увидѣли множество отдѣльно стоявшихъ деревьевъ, которыя казались покрытыми необычайно большими желтыми цвѣтами. Я уже ощутилъ надежду сдѣлать новое ботаническое открытіе, какъ вдругъ замѣтилъ, что мнимые цвѣты двигаются и мѣняютъ свои мѣста: то были ручные попугаи **Кесси-Кесси** (*Conurus solstitialis*). При нашемъ приближеніи они съ оглушительнымъ шумомъ снялись съ мѣста и полетѣли на ближайшую хижину». Изъ разказовъ Шомбургка можно заключить, что попугаи столь же обыкновенны въ индѣйскихъ лѣсныхъ поселеніяхъ, какъ куры на дворахъ нашихъ крестьянъ. Только первые принимаютъ гораздо больше участія въ занятіяхъ человѣка, нежели наши домашнія птицы. «Замѣчательна привязанность ручныхъ попугаевъ и обезьянъ къ дѣтямъ. Я рѣдко видѣлъ кружокъ играющихъ индѣйскихъ ребятишекъ, къ которому-бы не присосѣдились обезьяны и попугаи. Послѣдніе очень скоро научаются перенимать всѣ окрестные голоса: крикъ пѣтуха, лай собаки, плачь ребенка. смѣхъ и т. п.». Для насъ весьма удивительна и до сихъ поръ еще непонятна способность индѣйцевъ приручать попугаевъ въ самый короткій срокъ. Однажды, когда Батсъ, во время своего путешествія въ область рѣки Амазонки, переплавлялся черезъ рѣку Авейросъ, изъ стаи летѣвшихъ клинохвостыхъ попугаевъ одинъ вдругъ упалъ въ воду. Путешественникъ велѣлъ выловить упавшую птицу и, такъ какъ на ней не оказалось никакихъ признаковъ поврежденія, рѣшилъ держать ее въ клѣткѣ. Однако попугай оставался дикимъ, кусалъ каждаго, отказывался отъ всякой пищи, и всѣ усилія Батса приручить его оказались тщетными. Тогда онъ передалъ попугая одной старой индианкѣ, о которой шла молва, какъ о превосходной дрессировщицѣ попугаевъ; она взяла пернатого дикаря къ себѣ и черезъ два дня принесла его обратно уже совершенно ручнымъ. Съ этихъ поръ попугай сдѣлался самымъ привлекательнымъ существомъ, учился говорить и совершенно забылъ про свои прежнія злобныя выходки. Къ какому средству въ этомъ случаѣ прибѣгнула индианка, Батсъ узнать не могъ, но одинъ свѣдующій человѣкъ увѣрялъ его, что быстрое прирученіе попугая можетъ быть достигнуто при помощи слюны, которую даетъ птицѣ эта женщина. По разказамъ жителей западной Африки, сѣрый попугай тоже быстро привыкаетъ къ своему хозяину, если прибѣгнуть къ слюнѣ.

Въ сравненіи съ той свободой, которой пользуются ручные попугаи индѣйцевъ, летающіе всюду около хижинъ, птицы, отправляемыя въ Европу, конечно, подвергаются печальной участи. Хуже всего имъ приходится, пока онѣ еще не прибыли на мѣсто своего окончателнаго назначенія. Житель дѣвственныхъ лѣсовъ, который ловитъ ихъ, чтобы вымѣнять на произведенія Европы, передаетъ попугая въ первомъ же портовомъ городѣ въ руки какого-нибудь матроса, не имѣющаго никакого представленія ни объ уходѣ за птицей, ни о соотвѣтствующемъ для нея кормѣ. Немного больше половины всѣхъ попугаевъ, попавшихъ на корабль, выносятъ далекое путешествіе по океану, а изъ тѣхъ, которые благополучно до-

лѣхали до Европы, еще многіе гибнутъ въ темныхъ, грязныхъ, зараженныхъ лавченкахъ разныхъ торговцевъ. Только тогда, когда за попугаями начнутъ хорошо ухаживать, судьба ихъ улучшается, но къ тому времени они часто становятся угрюмыми, недовѣрчивыми, дѣлаются буйными, неприятными, и только долгимъ уходомъ можно исправить эти дурныя качества.

Но попугай уменъ и скоро научается примѣняться къ новымъ условіямъ жизни. Прежде всего онъ привыкаетъ ко всевозможной пищѣ. Вмѣсто сочныхъ плодовъ и зеренъ его родныхъ лѣсовъ ему предлагаютъ обычную пищу человѣка. Чѣмъ больше онъ ѣсть ее, тѣмъ больше она ему нравится. Вначалѣ онъ довольствуется коноплей и канареечнымъ сѣменемъ, изъ него выходитъ исправный лакомка, котораго если его баловать сластями, изъ него выходитъ исправный лакомка, котораго просая пища уже больше не удовлетворяетъ. Попугая можно пріучить почти ко всему, что ѣсть человѣкъ, даже къ кофе, чаю, вину, пиву и т. п.; случается, что онъ бываетъ навеселѣ, когда выпьетъ чего-нибудь хмѣльного. Впрочемъ вышесказанное не относится къ самымъ мелкимъ видамъ отряда: никакой другой пищи, кромѣ зеренъ и зелени, они не принимаютъ. Утверждаютъ, что любовь къ животной пищѣ, которая присуща и этимъ птицамъ, является причиной ихъ страннаго поведения, именно—многіе изъ живущихъ въ клѣткахъ попугаевъ вырываютъ себѣ перья и ощипываютъ себя иногда совершенно. Они съ какимъ-то особеннымъ рвеніемъ уничтожаютъ свои выростающія перья, и отъ этого ихъ нельзя отучить никакими наказаніями, къ которымъ въ другихъ случаяхъ они весьма чувствительны. Насколько велико тутъ вліяніе неподходящей пищи,—я не знаю. Одни наблюдатели думаютъ, что эта дурная привычка развивается вслѣдствіе накожныхъ вшей, раздражающихъ кожу несчастныхъ птицъ. Другіе склонны видѣть причину вырыванія перьевъ просто въ скукѣ, на которую эти, столь дѣятельныя на своей родинѣ птицы обречены въ неволѣ, и утверждаютъ, что отъ этой привычки попугаевъ отучить можно: стоитъ только всегда класть къ нимъ въ достаточномъ количествѣ куски мягкаго дерева, предоставляя имъ возможность размельчать ихъ и тѣмъ самымъ доставляя имъ занятіе. По моимъ наблюденіямъ оказалось совершенно справедливымъ, что попугай, которымъ вообще нельзя отказать въ извѣстной склонности къ разрушенію, съ особеннымъ усердіемъ набрасываются на жердочки, ящики для гнѣздъ и другія деревянныя части въ клѣткѣ, которыя они, благодаря своему крѣпкому клюву, разрушаютъ въ самое короткое время. Однако наперекоръ всѣмъ противоположнымъ даннымъ, я никогда не наблюдалъ, чтобы подобныя занятія удерживали попугаевъ отъ выщипыванія собственныхъ перьевъ, поэтому помѣщеніе въ клѣтку мягкихъ кусковъ дерева я не могу считать за дѣйствительно рациональное средство. Въ этомъ случаѣ со мной вполне согласенъ такой компетентный человѣкъ, какъ Бекемансъ, директоръ Антверпенскаго зоологическаго сада, черезъ руки котораго ежегодно проходятъ тысячи живыхъ попугаевъ. Онъ могъ сообщить только единственное дѣйствительное средство противъ привычки попугаевъ выщипывать свои перья, это — свернуть имъ шею. Тѣмъ не менѣе я вовсе не отрицаю возможности отучить вышеупомянутымъ средствомъ того или другого попугая отъ его неприятной привычки и рекомендую класть въ клѣтку куски мягкаго дерева уже потому, что это доставитъ сидящимъ въ ней попугаямъ возможность заняться своей излюбленной работой. Во всякомъ случаѣ мнѣ кажется, что здѣсь болѣе важную роль играетъ выборъ пищи. Опытъ показалъ, что большинство крупныхъ видовъ попугаевъ удовлетворяются коноплей, круто свареннымъ рисомъ, овсомъ, маисомъ, салатомъ, капустой и плодами, болѣе же мелкие виды довольствуются просомъ, канареечнымъ сѣменемъ, салатомъ и раз-

лично зеленью. Горькіе миндали и петрушка—ядь для попугаевъ, и дѣйствуютъ на нихъ губительно.

Точно такъ, какъ среди всѣхъ другихъ высшихъ животныхъ, такъ и среди попугаевъ, между особями одного и того же вида нѣкоторыя оказываются болѣе, другія менѣе понятливыми, иначе говоря болѣе или менѣе одаренными. Одинъ попугай выучивается скоро и многому, другой медленнѣе и малому, третій же вовсе ничему не выучивается. Здѣсь, впрочемъ, очень много значитъ правильное обученіе. Большимъ подспорьемъ къ нему служитъ превосходная память попугаевъ. Они помнятъ однажды заученное въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Ихъ память оказываетъ имъ такую же существенную помощь при заучиваніи словъ, какъ и подвижность ихъ языка, которая позволяетъ имъ перенимать звуки человѣческаго голоса. Они сразу получаютъ представленіе, заучиваютъ одно слово, а за нимъ и много другихъ, и способность ихъ возрастаетъ по мѣрѣ упражненія. Такимъ образомъ это пернатое дитя дѣвственнаго лѣса, живя съ человѣкомъ, все больше и больше заимствуетъ у него и постепенно превращается въ существо, которому невольно дивисься. Въ обхожденіи съ человѣкомъ попугай и держитъ себя нѣкоторымъ образомъ по человѣчески, подобно тому, какъ дрессировка развиваетъ, я бы сказалъ, даже пріучаетъ и собаку къ понятливости. Какъ примѣръ человѣческаго качества, воспринятаго птицей, можно отмѣтить то, что попугай не только принимаетъ во вниманіе всѣ привычки и обычаи въ домѣ своего хозяина, но даже старается рѣже и рѣже испускать свой раздрающій душу крикъ, а подъ конецъ, за исключеніемъ минутъ раздраженія, занимается однимъ произношеніемъ заученныхъ словъ и пѣсенокъ. Подобная примѣняемость къ желаніямъ человѣка безусловно говоритъ за высоко развитыя душевныя качества попугаевъ.

Значительная понятливость попугая проявляется и въ другихъ случаяхъ, и бы сказалъ даже—всегда. Онъ не только различаетъ, какъ многія другія птицы, мужчинъ отъ женщинъ, друзей отъ враговъ, но и понимаетъ людей вообще. Кто хочетъ узнать, къ какому полу принадлежитъ его попугай, тотъ въ большинствѣ случаевъ, а съ крупными понятливыми видами и всегда, достигнетъ этого, подводя къ птицѣ мужчину или женщину и прося ихъ подразнить или приласкать ее. Если послѣдняя сочувственно относится къ ласкамъ мужчины, попугай всего вѣроятнѣе будетъ самка, если-же птица легко приходитъ въ раздраженіе, она оказывается самцомъ. То-же самое происходитъ, если ласкаетъ самца или дразнитъ самку женщина. Я не хотѣлъ вѣрить этому, но убѣдился въ этомъ лично. Къ различнымъ людямъ одного пола одинъ и тотъ-же попугай относится тоже отнюдь не одинаково. Въ большинствѣ случаевъ, прежде чѣмъ рѣшить и дѣйствовать, попугай разслѣдуетъ дѣло, но иногда съ перваго-же раза проявляетъ по отношенію какого-нибудь человѣка недоброжелательство, которое съ теченіемъ времени растеть, но не уменьшается. Часто приходится удивляться умѣнью попугаевъ распознавать людей. При воспитаніи и обученіи попугаевъ все это нужно припоминать во вниманіе. Какъ и всякое существо, воспитывающееся подъ влияніемъ другого вышеразвитаго существа, попугай требуетъ извѣстной правильности въ обученіи, и при всей ласковости съ ними требуется нѣкоторая строгость, иначе онъ будетъ портиться, а не совершенствоваться. Какъ чрезмѣрная мягкость въ обращеніи, такъ и излишняя строгость портятъ его одинаково. Одинокія дамы, воспитывающія попугаевъ, часто дѣлаютъ ихъ совершенно неприятными птицами потому, что обращаются со своими питомцами слишкомъ мягко и снисходительно. Первое условіе воспитанія вначалѣ держать птицу взаперти, чтобы во всякое время имѣть возможность заняться обученіемъ. Если же ей позволить летать свободно

въ довольно большомъ помѣщеніи, она очень рѣдко становится ручной и еще рѣже выучивается говорить. Относительно большую свободу можно предоставить ей только тогда, когда обученіе ея почти закончено.

Напротивъ, птицамъ этимъ должна быть предоставлена относительная свобода, если кто, какъ истый любитель, хочетъ, чтобы онѣ плодились. Последнее въ неволѣ происходитъ рѣдко и, конечно, по той единственной причинѣ, что птицы бываютъ лишены необходимыхъ для нихъ условій. Существуетъ довольно наблюдений, показывающихъ, что достигнуть размноженія попугаевъ въ неволѣ нетрудно. Первое и необходимое условіе это—доставить парочкѣ, въ которой предполагаютъ охоту къ спариванію, достаточное помѣщеніе, покой и подходящее помѣщеніе для гнѣзда. Болѣе или менѣе помѣстительная комната, въ которой птицы спокойно жили въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, и дуплистый стволъ дерева, закрытый со всѣхъ сторонъ, за исключеніемъ входнаго отверстія,—вотъ условія, которыя должны быть исполнены прежде всего, если желаютъ размноженія попугаевъ въ неволѣ. Удовлетворить этихъ птицъ, которыя болѣе, чѣмъ какія-либо другія умѣютъ примѣняться къ самымъ различнымъ условіямъ жизни, безъ сомнѣнія, легко.

Я держусь того мнѣнія, что попугаи, оживляющіе пестрой, веселой толпой одно большое помѣщеніе, несравненно пріятнѣе тѣхъ, которые держатся въ тѣсныхъ клѣткахъ, хотя-бы при этомъ они умѣли превосходно говорить.

До сихъ поръ о попугаяхъ мало заботились даже въ зоологическихъ садахъ, столь много способствовавшихъ улучшенію жизни животныхъ въ неволѣ. Ихъ ставляли прикованными цѣпочкой къ деревяннымъ наѣстамъ или въ сплошномъ рядѣ клѣтокъ. Какъ прежде, такъ и теперь еще, продолжительное пребываніе въ отдѣленіи со множествомъ попугаевъ является для слуха посѣтителя истинной пыткой. Попугаи, привыкнувъ къ извѣстному порядку въ размѣщеніи своихъ родичей и другихъ птицъ, немедленно поднимаютъ ужасный крикъ, если этотъ порядокъ чѣмъ-нибудь нарушается. О каждомъ происшествіи, выходящемъ изъ ряда обыденнаго, они непременно извѣщаютъ сторожа раздирающимъ душу крикомъ, особенно подкрѣпляя его оживленной мимикой — хлопаньемъ крыльевъ, быстрыми и частыми кивками головы и тому подобными знаками ихъ возбужденнаго состоянія. Точно также они ведутъ себя, если въ ихъ помѣщеніе войдетъ необычный посѣтитель. Стоитъ только закричать одному попугаю, какъ другіе тотчасъ же подхватываютъ. Въ такихъ случаяхъ пребываніе въ подобномъ обществѣ попугаевъ становится поистинѣ нестерпимымъ и всѣ возраженія противъ содержанія попугаевъ въ клѣткахъ въ этомъ отношеніи совершенно основательны. Поэтому-то помѣщенія съ попугаями въ зоологическихъ садахъ обыкновенно посѣтителями избѣгаются.

Въ новѣйшее время нѣсколько разъ пробовали, именно въ Англіи и Германіи, акклиматизировать попугаевъ на свободѣ. По крайней мѣрѣ въ Великобританіи эти птицы скоро привыкли къ нашему климату, поселились въ рощахъ, нѣсколько разъ устраивали свои гнѣзда и выводили птенцовъ и, можетъ быть, обжились-бы совершенно, если-бы, какъ выражается въ своемъ докладѣ одинъ англичанинъ, «не было такъ много жалкихъ стрѣлковъ, злоупотребляющихъ своими ружьями». Этихъ удивительныхъ пернатыхъ чужеземцевъ убивали, гдѣ-бы ихъ ни замѣтили, благодаря чему всякая попытка акклиматизировать у насъ попугаевъ оканчивалась неудачей.

Самая крупная и самая удачная попытка акклиматизація попугаевъ была сдѣлана Букстономъ въ двухъ его англійскихъ имѣніяхъ. На эту мысль его впервые навелъ одинъ амазонскій попугай, прожившій въ неволѣ 20 лѣтъ и слывшій за «говоруна» перваго сорта. Этотъ попугай, улетѣвъ, прожилъ около трехъ мѣсяцевъ

въ сосѣднихъ букахъ и дубахъ и еще до наступленія зимы вернулся обратно до-мой. Въ теченіи этого промежутка совершенно свободной жизни опереніе его стало такъ роскошно, что Букстону сама собою пришла въ голову мысль попытаться выпустить попугаевъ на волю. Эти попытки акклиматизаціи были предприняты имъ въ довольно обширныхъ размѣрахъ. Для этого вышеупомянутый англичанинъ избралъ сѣрыхъ и амазонскихъ попугаевъ, четыре вида какаду, попугайчиковъ и широкохвостыхъ попугаевъ и два вида лори. Всѣ выпущенныя на свободу птицы безпрепятственно летали повсюду, селились въ паркѣ и ближайшихъ лѣсахъ, вели себя совершенно свободно и въ Англіи умѣли такъ хорошо прятаться, что только зоркій и опытный глазъ могъ разыскать ихъ въ тѣни листвы могучихъ деревьевъ. Нѣкоторыя птицы предприняли болѣе далекое путешествіе и уже болѣе изъ него не возвращались, можетъ быть потому, что онѣ далеко залетѣли, а можетъ быть и потому, что попали подъ выстрѣлъ вышеупомянутыхъ «жалкихъ стрѣлковъ»; остальные больше держались въ паркѣ, вблизи того дома, изъ котораго онѣ были выпущены и каждые утро и вечеръ прилетали за кормомъ. «Лишь только корзина съ завтракомъ для попугаевъ», пишетъ Букстонъ, «ставилась на треножникъ, одна пара бѣлыхъ какаду, все время слѣдившая съ дерева за приготовленіемъ корма, слетала внизъ и немедленно принималась за дѣло. Затѣмъ являлся другой попугай, и нѣсколько минутъ порхалъ по воздуху почти надъ самой корзиной, совершенно какъ изображаютъ колибри, подогнувъ голову и хвостъ и распростерши крылья. Прилетали два или три розовыхъ какаду и подвѣшивались къ треножнику, не осмѣливаясь занять мѣсто на краю корзинки, пока не окончатъ своей трапезы ихъ болѣе смѣлые собратья. Но вотъ надъ газономъ, тяжело летя, появляется одинъ изъ большихъ желтохвостыхъ какаду и, опустившись, мигомъ обращаетъ въ бѣгство своихъ маленькихъ родичей. Однако послѣдніе слетаются вновь къ корму, и по воздуху уже несется красивый лори, играя своими чудными красными и зелеными перьями. Вотъ и онъ сѣлъ на ковчикъ треножника и яркая окраска его рѣзко выдѣляется рядомъ съ чисто бѣлымъ цвѣтомъ оперенія какаду. Наконецъ къ обществу присоединяется альпійская галка, блестящій сине-черный цвѣтъ оперенія которой и кораллово-красные клювъ и ноги также рѣзко бросаются въ глаза. Смѣю увѣрить, что это зрѣлище, которое я созерцалъ не одну сотню разъ, представляетъ собою роскошное и красивое сочетаніе цвѣтовъ, въ особенноти въ свѣтлое зимнее утро, когда земля покрыта снѣгомъ, на фонѣ котораго краски птицъ блестятъ еще сильнѣе и ярче. Холодъ мало вредитъ этимъ птицамъ. Сѣрые попугаи были достаточно разсудительны и уходили въ домикъ, устроенный для ихъ жительства; остальные-же попугаи круглый годъ жили и носились по лѣсу. Даже въ зиму съ 1867 на 1868 годъ, когда по сосѣдству термометръ упалъ на 6 градусовъ ниже нуля, вся эта компанія, за исключеніемъ одного какаду, пропавшаго безъ вѣсти, оставалась такой-же оживленной и бодрой, какъ и прежде. Въ сущности, по моему, птицы эти, получая здоровый и обильный кормъ, не боятся холода. Дѣйствительно, перовой и пушной покровъ ихъ настолько густъ, а кровообращеніе настолько дѣятельно, что холодъ рѣдко убиваетъ ихъ и, хотя я не думаю, чтобы онѣ любили холодъ, все-таки довольно удивительно, что африканскіе и индійскіе попугаи и филиппинскіе лори, повидимому, совсѣмъ не страдаютъ отъ нашихъ морозовъ и снѣга. Со словъ моего садовника, считаю нужнымъ замѣтить, что сѣрые попугаи заранѣе почувствовали непогоду и часто во-время прятались отъ нея въ теплицы.

«Весьма рѣзко бросается въ глаза разница между опереніемъ только что привезенныхъ попугаевъ и тѣмъ опереніемъ, которое они принимаютъ, полетавъ нѣсколько недѣль. Одежда ихъ получаетъ тогда блескъ и отливъ шлифованнаго ме-

тала. Переменная корма столь-же отражается на жизнедеятельности попугаевъ, какъ и опрятность. Некоторые изъ нихъ, не умѣющіе летать или предпочитающіе проводить время въ домѣ, всегда выглядятъ грустными, становятся ворчливыми и раздражительными, тогда какъ болѣе оживленные попугаи, летающіе по окрестностямъ и сами добывающіе свой кормъ, выглядятъ веселыми, довольными и добродушными. Они чрезвычайно любятъ помощника садовника, который ихъ кормитъ и его рѣдко можно видѣть за работой въ саду безъ того, чтобы на его головѣ или плечахъ не сидѣли одинъ или два какаду.

«Послѣ долгихъ и безплодныхъ поисковъ одна пара какаду сдѣлала первую попытку устроить себѣ гнѣздо въ дымовой трубѣ; постройка была уже на половину закончена, какъ она подалась, и гнѣздо вмѣстѣ съ какаду упало внутрь. Такъ какъ это случилось лѣтомъ, то ихъ нашли только послѣ того, какъ они провели цѣлые сутки въ сажѣ, и, вынутые оттуда, выглядѣли маленькими трубочистами. Однако какаду оказались упорными въ своемъ намѣреніи и устроили новое гнѣздо въ ящикѣ, подвѣшенномъ для этой цѣли подъ крышей дома. Впрочемъ изъ яицъ не вылупилось ни одного птенца, хотя самка свесла два яйца и усердно высиживала ихъ вплоть до сентября. Впослѣдствіи одна пара разнообразныхъ амазонскихъ попугаевъ устроила себѣ гнѣздо въ одномъ изъ приготовленныхъ ящиковъ, гдѣ и вывела одного птенца. Когда послѣдній почти уже леталъ, одинъ изъ какаду счелъ нужнымъ его умертвить. Въ слѣдующемъ году та-же разновидная парочка вывела двухъ другихъ птенцовъ, и было по-истинѣ пріятно смотрѣть, какъ всѣ члены этой семейки всегда сообща летали повсюду и жили въ самой тѣсной дружбѣ. Къ несчастью, самка и старшій изъ молодыхъ были застрѣлены. Позднѣ спарились между собою желтохоловый какаду и инка и, выдолбивъ себѣ гнѣздо въ стнвшемъ суку одной акаціи, положили два яйца и вывели птенцовъ. Послѣдніе представляли собою красивую помѣсь, но не походили ни на одного изъ родителей, имѣя прекрасные красно-оранжевые хохолки и чисто-бѣлое остальное опереніе. Старикъ былъ такъ доволенъ результатами своей попытки, что повторилъ ее еще разъ и вывели еще троихъ птенцовъ. Теперь все семейство представляло собою цѣлую стайку изъ семи штукъ. Но, къ сожалѣнію, одинъ изъ первенцовъ зимой былъ подстрѣленъ и вернулся домой тяжело раненымъ. Съ этого времени остальные собратья уже не позволяли ему присоединяться къ нимъ, и, отчужденный отъ остальныхъ, онъ жилъ все время въ одномъ кусту вблизи дома. Какъ то разъ я посадилъ его въ садъ; результатомъ этого было то, что нѣсколько другихъ какаду — однако ни одинъ изъ его сородичей — набросились на него и умертвили. Въ 1868 году мы надѣялись что та-же самая парочка попугаевъ будетъ вновь нестись, но, къ несчастью, одна пара сѣрыхъ попугаевъ отняла у ней ея дупло и сама вывела двухъ птенцовъ. Весьма забавно было смотрѣть, какъ выгнанные попугаи искали участія у другихъ птицъ ихъ вида, жалуясь на вышеупомянутыхъ какаду, гнѣздившихся въ акаціи. Они почти цѣлый день сидѣли на вѣтви дерева прямо надъ самымъ гнѣздомъ, и какъ только одна изъ птицъ вылетала изъ него, за ней неслась цѣлая стая съ громкими криками о поруганной чести».

Въ Англіи попугаи также проводятъ день въ извѣстномъ порядкѣ. «Они имѣютъ», заключаетъ Букстонъ, «опредѣленное распределение часовъ. Вскорѣ послѣ того, какъ забрезжитъ свѣтъ, изъ какого-нибудь отдаленнаго лѣса, гдѣ большинство изъ нихъ предаются сну, начинаются уже слышаться ихъ голоса; затѣмъ они прилетаютъ и дожидаются своей утренней трапезы. Послѣ полудня они спятъ, потомъ заняты отысканіемъ корма и наконецъ вновь прилетаютъ на ужинъ. Подобно вороновымъ, передъ тѣмъ, какъ отправиться на ночлегъ, они предаются

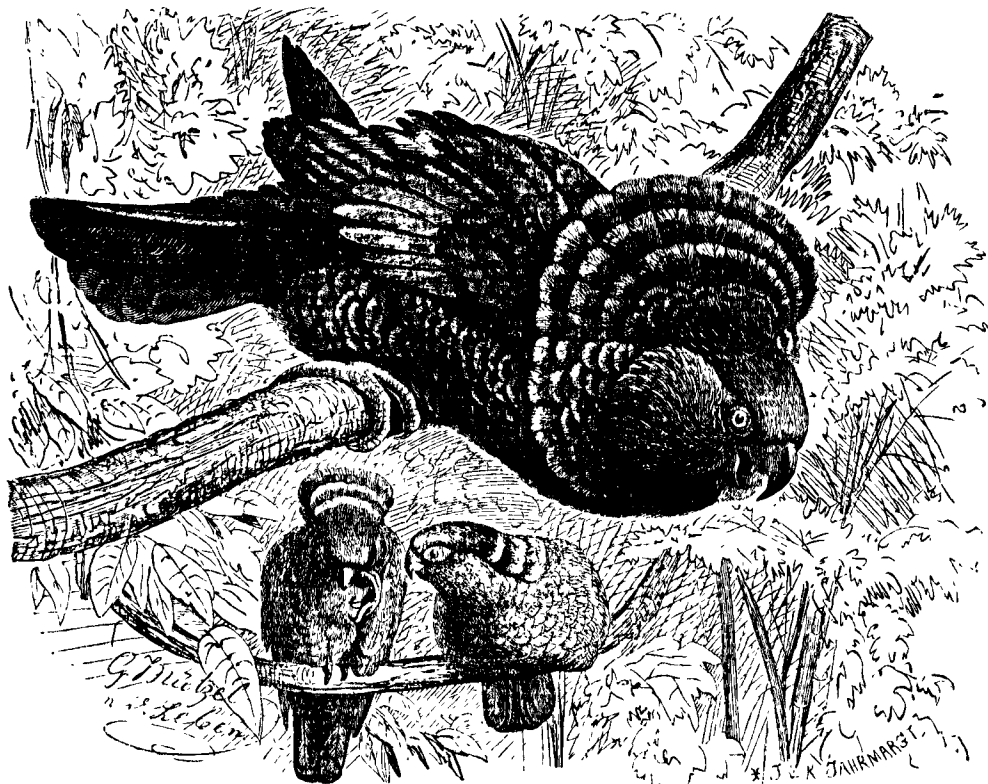
самому развязному веселью. Пронзительно крича от избытка чувствъ, попугаи пѣлымъ хороводомъ залетаютъ часто на значительную вышину, тогда какъ какаду, взъерошивъ свои хохолки, порхаютъ съ дерева на дерево и издаютъ свой крикъ радости, въ особенности, когда увидятъ человѣка. Я долженъ прибавить, что нѣкоторые изъ нихъ, если только не всё, своими проказами приносятъ убытки, въ особенности ошипываніемъ плодовъ. Мы полагаемъ однако, что птицы вполне вознаграждаютъ насъ за это своей привлекательной жизнью, которой онѣ оживляютъ садъ, и роскошной красотой своего оперенія.

Слѣдую системѣ подраздѣленія попугаевъ Рейхенова, мы различаемъ въ этомъ семействѣ 9 подсемействъ, изъ которыхъ первое будутъ составлять **Короткохвостые попугаи** (Pioninae. Stumpfschwanzpapageien). Они характеризуются короткимъ, прямымъ и широкимъ хвостомъ, длиною равнымъ приблизительно половинѣ длины крыла. Только два вида имѣютъ хвостъ другой формы. Большинство короткохвостыхъ попугаевъ живутъ въ тропическихъ странахъ Америки и только немногіе — въ Африкѣ. Какъ и большинство остальныхъ попугаевъ, это общественныя птицы.

Однимъ изъ наиболѣе рѣзко бросающихся въ глаза, если только не самымъ красивымъ изъ всѣхъ членовъ этого богатаго видами, распадающагося на много группъ подсемейства, оказывается **Вѣрный попугай** (*Deroptus accipitrinus*, *Pionias accipitrinus*, *Psittacus accipitrinus*, *elegans*, *coronatus*, *clusii*, *Derotypus accipitrinus*, *Amasona accipitrina*, *Fächerpapagei*, *Perroquet accipitrin* — единственный представитель своего рода (*Deroptus*). Опереніе задней и боковыхъ частей шеи его, всей верхней части тѣла и бедеръ — блестящаго темно-зеленаго цвѣта. Передняя и верхняя части головы свѣтлаго буро-желтаго цвѣта, напоминающаго цвѣтъ кофе съ молокомъ. Виски, область уха, уздечка, бока головы и подбородокъ — блѣдно-буроватые съ разбросанными по нимъ блѣдно-бѣлыми стержневыми полосками и пятнами. Опереніе задней части головы и затылка — темно-карминно-красное, отличающееся фиолетовымъ цвѣтомъ; оно образуетъ очень удлиненный, подвижной, распускающійся вѣромъ воротникъ, состоящій изъ широкихъ перьевъ; каждое перо затылка имѣетъ блѣдно-бурое основаніе и на концѣ украшено широкою синею каймой. Вся нижняя часть тѣла окрашена и украшена точно такимъ-же образомъ, за исключеніемъ боковыхъ грудныхъ перьевъ, снаружи зеленыхъ. Большія маховыя перья и ихъ кроющія совершенно, переднія-же малыя маховыя только въ основной половинѣ внутренняго опахала — черныя, послѣднія три пера зеленаго цвѣта. Хвостовыя перья, за исключеніемъ самыхъ наружныхъ, внутри черныхъ, снаружи темно-сине-черныхъ, — такія-же зеленныя, какъ и спина; внутри они имѣютъ матово-черныя каемки. Нижнія кроющія перья хвоста зеленаго цвѣта. Зрачекъ бурый; клювъ, ноги и голые ободки вокругъ глазъ выглядятъ буро-черными. Длина птицы достигаетъ, по Бурмейстеру, 27 см., длина-же крыла 18, хвоста 14 см.

Насколько до сихъ поръ извѣстно, вѣрный попугай живетъ преимущественно въ рощахъ по Амазонской рѣкѣ, въ Суринамѣ и Гвіанѣ и, повидимому, всюду встрѣчается рѣже другихъ попугаевъ. Спикъ встрѣтилъ его у Вилланова на Амазонской рѣкѣ; Шомбургъ упоминаетъ о немъ въ извѣстномъ описаніи своего путешествія только два раза. Онъ нашелъ этого попугая въ Рунунни и ручнымъ въ хижинахъ племени Варрау. Хотя онъ въ одномъ мѣстѣ и упоминаетъ, что безчисленная масса этихъ милыхъ попугаевъ оживляла собой пальмы савари, при-

вѣтствовала путешественниковъ провзительнымъ крикомъ и тѣмъ самымъ доставляла удобный случай для наблюденій надъ ними, однако въ общемъ Шомбургкъ сообщаетъ объ этихъ птицахъ весьма немного. «Въ гнѣзвѣ упомянутая птица, безъ сомнѣнн, является однимъ изъ красивѣйшихъ попугаевъ, такъ какъ при этомъ она поднимаетъ свои блестяще окрашенные затылочные перья кверху и образуетъ вокругъ головы правильный кругъ. Колонисты зовутъ этого попугая «Хиа»; названіе это вполнѣ передаетъ его крикъ». Изъ научнаго приложения къ путешествію этого натуралиста, мы узнаемъ, что вѣрный попугай предпочитаетъ селиться въ невысокихъ лѣсахъ, вблизи поселеній, что онъ очень довѣрчивъ, легко

Вѣрный попугай. *Derophtus accipitrinus*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

приручается, но недолговѣченъ и неспособенъ къ обученію, гнѣздится въ дуплахъ деревьевъ и кладетъ отъ 2 до 4 яицъ.

Одного вѣрнаго попугая я долгое время воспитывалъ самъ, двухъ-же другихъ видѣлъ въ зоологическихъ садахъ. Всѣ три, но въ особенности мой питомецъ, были въ высшей степени занимательными птицами. Довѣрчивый и преданный, какъ самая ручная птица, тихій и кроткій, (я-бы сказалъ даже слишкомъ равнодушный) мой плѣнникъ скоро сильно привязался ко мнѣ, умилными тѣлодвиженіями привѣтствовалъ меня, когда я проходилъ мимо его клѣтки, и съ очевиднымъ удовольствіемъ принималъ мои ласки, которыя я расточалъ ему безъ малѣйшаго опасенія быть укушеннымъ. Злость, столь часто переходящая у многихъ попугаевъ въ настоящее коварство—была чужда моему питомцу. Онъ любилъ также, когда ему ворошили перышки и тогда обыкновенно медленно поднималъ удлиненные перья

своего воротника, постепенно раскрывая свой необыкновенно красивый шейный вѣрь. Однако этого никогда не бываетъ, когда попугай находится въ гнѣвѣ, какъ предполагаетъ Шомбургкъ, а гораздо скорѣе тогда, когда птица ощущаетъ наплывъ пріятныхъ чувствъ.

По отношеніи подвижности вышеупомянутый попугай замѣтно отличался отъ другихъ его сородичей, которыхъ я наблюдалъ на свободѣ, воспитывалъ самъ или когда-либо видѣлъ пойманными. Въ немъ не замѣчалось той торопливости и того безпокойства, которыя обнаруживаютъ многіе короткохвостые попугаи. Обыкновенно онъ сидѣлъ спокойно и серьезно смотрѣлъ впередъ, и только большіе глаза не оставляли никакого сомнѣнія въ томъ, что отъ нихъ ничто не скрывается; обо всемъ необычномъ или особенно странномъ онъ такъ-же хорошо, какъ и какаду, извѣщалъ своимъ крикомъ и безпокойствомъ. Если ему случалось двигаться, онъ совершалъ это, обдумывая и соразмѣряя каждый шагъ. Его крикъ былъ звонкій, но совершенно не соответствовалъ крику, упомянутому Шомбургкомъ.

Другой вѣрный попугай, котораго я наблюдалъ, издавалъ такъ много разнообразныхъ звуковъ и криковъ, что я долженъ былъ предположить, что онъ ихъ выучилъ и, если-бы за него взялись хорошенько; онъ могъ-бы навѣрно выучиться и говорить. О высокой степени одаренности этого попугая не могло быть никакихъ сомнѣній. Хотя у него почти совершенно отсутствовала та мимика, которой выражаетъ свои желанія, напримѣръ, какаду, онъ однако очень хорошо различалъ звуковыхъ ему людей отъ незнакомыхъ, правильно понималъ все творящееся вокругъ него, относился довѣрчиво къ зову друзей и предупредительно исполнялъ ихъ желанія. Поэтому вполне понятно, что вскорѣ онъ съ полнѣйшимъ правомъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ моихъ любимцевъ.

Послѣ того, какъ я написалъ эти строки, я получилъ отъ Линдена слѣдующія свѣдѣнія объ одномъ, уже 9 лѣтъ живущемъ у него попугаѣ: «Изъ перваго изданія «Жизни Животныхъ» я счелъ себя въ правѣ заключить, что вѣрный попугай долженъ быть причисленъ къ числу самыхъ недружелюбныхъ птицъ, поэтому далеко не обрадовался, когда лондонскій торговецъ Ямрахъ вздумалъ прислать мнѣ одного такого попугая, конечно, за весьма незначительную цѣну для такого рѣдкаго гостя. По прибытіи изнуренной и, повидимому, больной птицы, я потерялъ всякую надежду на ея выздоровленіе. Однако къ моему крайнему удивленію, по прошествіи короткаго времени попугай совершенно оправился и вскорѣ явился въ полной роскоши своего оперенія. Уже тотчасъ по полученіи я обратилъ вниманіе на его кроткій нравъ. Я думалъ, что подвижныя перья, образующія скорѣе красивый вѣрь, чѣмъ хохоль, поднимаются птицей только во время гнѣва, но вскорѣ убѣдился, что это совсѣмъ не такъ и въ сущности причины, почему птица по временамъ распускаетъ свой вѣрь, до сихъ поръ еще не выяснилъ. Правда, это часто случалось при гнѣвѣ, но, когда я пробовалъ нарочно дразнить попугая, чтобы побудить его расправить свой воротникъ, онъ отвѣчалъ на это щипками, но не двигалъ перьями. Не менѣе часто онъ раскрывалъ вѣрь, выражая этимъ свою радость: это случалось въ особенности тогда, когда я подражалъ его обычному голосу, пріятно звучащему свисту или поощрялъ на это его самого. Но и въ этомъ случаѣ подниманіе воротника зависѣло отъ его минутнаго настроенія. Если мнѣ хотѣлось показать какому-нибудь посѣтителю въ полной красотѣ украшеніе моего питомца, онъ какъ разъ и не распускалъ его, въ другое-же время безъ-устали игралъ своимъ вѣромъ безъ всякаго побужденія со стороны. Что онъ дѣйствительно причудливъ, видно во время его ѣды. Иногда онъ выскиваетъ среди своего зернового корма одни только маисовыя сѣмена; все-же остальное отбрасываетъ

прочь; въ другое-же время, напротивъ, выбираетъ только сѣмена подсолнечника. Одинъ разъ онъ ждалъ не дождался, пока я далъ ему кусочекъ обмочнутаго въ молоко сухаря; въ другой разъ онъ и знать не хотѣлъ о такомъ кормѣ, вмѣсто котораго особенное предпочтеніе выказывалъ къ фигамаъ и апельсинамаъ, плодамъ, отъ которыхъ онъ часто недѣлями отказывался. Сочныя вѣтви ивъ приходились ему всегда по вкусу.

«Гроза приводитъ его въ сильное волненіе и весьма пугаетъ. Онъ дрожитъ всѣмъ тѣломъ и при ударахъ грома пугливо забивается въ уголь. Когда гроза мнуетъ, онъ все еще цѣлые часы выказываетъ свой испугъ бояливыми ужимками. Напротивъ того, свѣтъ фонаря тотчасъ-же вліяетъ на него благотворно, и попугай не выказываетъ ни малѣйшаго волненія. Хотя вѣрный попугай и не отличается веселостью, онъ все-же сдѣлался моимъ добрымъ другомъ и заслужилъ мое расположеніе къ нему своей милостивостью, ласковостью и той привязанностью, которую онъ выказываетъ по отношеніи меня».

* *
* *

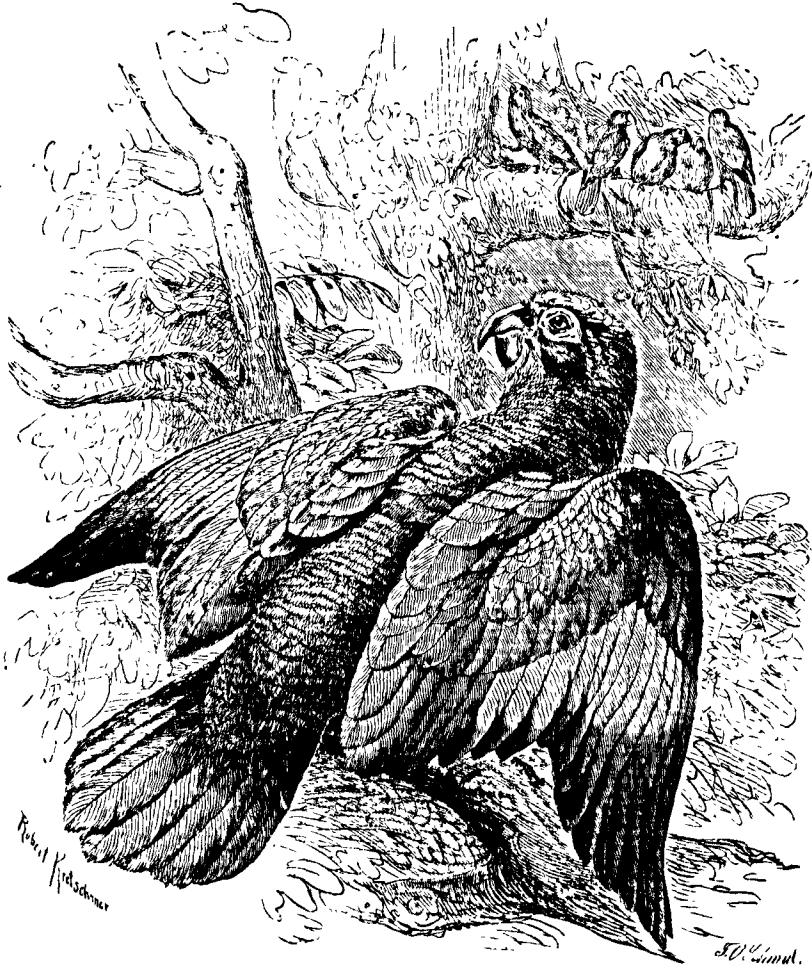
Однимъ изъ богатѣйшихъ видами родовъ этого подсемейства является родъ **Амазонскихъ** или **Зеленыхъ попугаевъ** (*Androglossa*). Это—крупной или средней величины птицы, плотно сложенные, съ сильнымъ, умѣренно округлымъ клювомъ, спинка котораго къзадѣ переходитъ въ острое ребро. Крылья ихъ умѣренной длины, второе и третье изъ ихъ маховыхъ перьевъ—самыя длинныя; концы ихъ немного или только слегка выдаются. Хвостъ короткій, самое большее средней величины и слегка закругленный. Кроющія перья плотныя, широкія и у концовъ усѣченныя. Восковица и ободокъ вокругъ глаза обыкновенно голыя.

Строеніе и окраска амазонскихъ попугаевъ, между которыми различаютъ около 40 видовъ, такъ гармонируютъ другъ съ другомъ, что, по мнѣнію Финша, этихъ птицъ нужно считать одними изъ самыхъ совершенныхъ попугаевъ. Этотъ взглядъ подтверждается и, пожалуй, подтверждается высокою степенью развитія ихъ душевныхъ способностей. Область распространенія этой группы простирается отъ штатовъ Ла-Платы до Южной Мексики. Главнымъ пунктомъ ихъ мѣстожителства нужно считать бассейнъ рѣки Амазонки. Нѣкоторые виды населяютъ Вестъ-Индію, попадаясь соответственно и на различныхъ окрестныхъ островахъ, но при этомъ границы ихъ мѣстожителства настолько опредѣлены, что такихъ птицъ приходится считать за особлыя разновидности одной и той-же формы. Всѣ виды вполне сходны между собой по образу жизни, привычкамъ, обычаямъ, манерамъ и поведенію, и сказанное объ одномъ изъ видовъ въ полной мѣрѣ относится и къ другимъ.

Утромъ они, подобно другимъ короткохвостымъ попугаямъ, съ крикомъ несутся по воздуху, быстро и сильно хлопая крыльями, направляются къ отягощеннымъ плодами лѣснымъ деревьямъ или плантаціямъ, въ продолженіи дня заняты тѣмъ, въ полуденные часы предаются покою; подъ-вечеръ снова летать за кормомъ, а вечеромъ, за исключеніемъ птенцовою поры, собираются въ многочисленныя стаи, производящія много шума, пока птицы одна за другой не выберутъ себѣ мѣста для ночлега.

Представителемъ этого рода можетъ служить **Амазонскій попугай** (*Androglossa amazonica*, *Chrysotis amazonica*, *jamaicensis*, *Psittacus amazonicus*, *luteus*, *luteolus*, *aougon*, *Amazona amazonica*, *Amazonenparapei*, *Perroquet amazone*), **Курина** и **Папайго** креоловъ. Онъ принадлежитъ къ числу средней величины видовъ этого рода: длина птицы достигаетъ 35 см., размахъ крыльевъ 56, длина крѣла 19, хвоста 10 см. Опереніе амазонскаго попугая—темное травянисто-зеленое, на зашейкѣ:

перья на концах снабжены черноватыми каймами. Широкий край лба лилово-синий, верх головы и верхняя часть щеки — ярко-желтая, стибь крыла зеленый, место сочленения кисти желтое. Большие маховые перья, за исключением первого черного, имеют матово-зеленые основания наружных опахал, остальная часть опахал индиго-синяя; основания второго, третьего и четвертого малых маховых перьев — зеленые, середина их киноварно-красного цвета, концы — индиго-синие, остальные же из этих перьев, за исключением двух последних зеленых, сна-

Амазонский попугай. *Androglossa amazonica*. $\frac{1}{2}$ част. вел.

ружи зеленого цвета, внутри черного, а на концы синяго, нижние кроющие перья крыльев зеленого цвета. Четыре наружных хвостовых пера с каждой стороны внутри красного цвета киновари, снаружи темно-зеленые и имеют зелено-темные концы. Пятое рулевое перо на внутреннем опахале имеет красное пятно, второе и третье рулевые перья имеют пятна такого же цвета, но у основания и по стержню эти пятна бледнее. Красный цвет остальных рулевых перьев перескачет широкой зеленой поперечной полоской. Нижние кроющие перья хвоста окрашены в желто-зеленый цвет. Хвостовые перья, если на них смотреть снизу, имеют две полосы на матовом киноварно-красном фоне: одну

поперечную по срединѣ — зеленую, другую широкую концевую — желто-зеленую. Зрачекъ киноварно-краснаго цвѣта; клювъ рогового желтаго цвѣта; на концѣ темно-бурый; ноги буроватыя. Въ неволѣ эти попугаи легко измѣняютъ свою окраску, и тогда у нихъ появляются иногда очень красивые переливы цвѣтовъ.

Область распространенія амазонскаго попугая простирается отъ средней Бразиліи до британской Гвianы и Тринидата, къ западу-же продолжается до Богота, Эквадора и Венецуэлы.

«Во всѣхъ посѣщенныхъ мною областяхъ восточнаго берега Бразиліи», говоритъ принцъ фонъ Видъ, давшій также прекрасное описаніе вида «курика» или «курике», «этотъ попугай былъ однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ. Я всюду находилъ ихъ во множествѣ тамъ, гдѣ густые дѣвственные лѣса граничатъ съ болотами, поросшими мангровыми деревьями, и устьями рѣкъ; они одинаково гнѣздятся какъ здѣсь, такъ и тамъ, но, повидимому, особенно любятъ плоды мангроваго дерева. Этихъ попугаевъ уже во множествѣ встрѣчаютъ въ окрестностяхъ Рио-Жанейро въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ растутъ большіе лѣса, а также и по сѣвернымъ рѣкамъ на Параибѣ, Эспирито Санто, Бельмонте мы находили ихъ повсюду и въ особенности по утрамъ и вечерамъ слышали ихъ громкіе голоса на болотахъ, по устьямъ рѣкъ съ кустовъ, часто наполовину залитыхъ приливомъ. Эти кусты по бразильскимъ рѣкамъ являются чѣмъ-то вродѣ нашихъ европейскихъ ивовыхъ зарослей, только бразильскія деревья обыкновенно выше, почему попугаи часто гнѣздятся въ ихъ толстыхъ дуплистыхъ сучьяхъ или стволахъ.

Въ итенцовую пору курике летаетъ парами, обыкновенно очень высоко, причѣмъ громко кричатъ и перекликаются. Кромѣ пары спариванія, они держатся всегда обществами, иногда очень многочисленными. Я видѣлъ такія безчисленныя общества короткохвостыхъ попугаевъ въ лѣсахъ Мукури и въ другихъ мѣстахъ, что они наполняли собой весь лѣсъ и оглашали его своими громкими криками. Здѣсь-же собирались одновременно нѣсколько видовъ этихъ птицъ. Пролетъ одной только стаи, и тотъ длился долго; общій крикъ собравшихся птицъ звучалъ весьма оригинально. Одна стая сгоняла съ дерева другую и это постоянное безпокойство придавало крикамъ птицъ еще болѣе оживленія. Такія собранія попугаевъ бываютъ довольно многочисленны, но ихъ все-таки нельзя сравнить съ огромными стаями перелетныхъ голубей въ Сѣверной Америкѣ. Если попугаи сядутъ на какое-нибудь высокое, густолиственное дерево дѣвственнаго лѣса, ихъ часто бываетъ трудно разглядѣть на немъ: зеленый цвѣтъ является для нихъ защитой. Однако присутствіе птицъ замѣтно по падающимъ съ дерева зернамъ и шелухѣ плодовъ. Во время ѣды они ведутъ себя тихо, но лишь только чѣмъ-нибудь напуганы, тотчасъ же выпускаютъ свои громкіе крики. Ихъ убиваютъ во множествѣ, такъ какъ они доставляютъ собой сытную пищу: супъ изъ попугая является излюбленнымъ блюдомъ не только въ Бразиліи, но даже и въ Суринамѣ.

Гундлахъ даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о свободной жизни одного амазонскаго попугая, живущаго на островѣ Кубѣ (*Androglossa leucocerphala*). Свѣдѣнія эти могутъ служить дополненіемъ къ предыдущему. Когда много такихъ попугаевъ собирается вмѣстѣ, они болѣею частью ведутъ себя очень шумно, что бываетъ слышно еще издали; въ другомъ случаѣ они, напротивъ, совершенно безмолвствуютъ, въ особенности, если они отдыхаютъ въ кустарникахъ, гдѣ издають тихіе, словно мурлыкающіе звуки. Иногда большая стая внезапно пролетаетъ очень близко отъ наблюдателя, не будучи ранѣе замѣчена имъ. Эти попугаи охотно садятся или подвѣшиваются къ молодымъ, еще не отогнувшимся отъ ствола пальмовымъ листьямъ и столь-же охотно усаживаются на высохшихъ или совершенно лишенныхъ листьевъ

сучкахъ, по которымъ и принимаются лазать вверхъ и внизъ. Они всегда держатся и летаютъ парочками, однако собираются часто въ большія стаи. Летаютъ они въ прямомъ направленіи, быстро, но при этомъ очень часто машутъ крыльями. Если убить и въ особенности, если только подстрѣлить одного изъ такихъ попугаевъ, къ нему прилетаютъ много другихъ узнать, что случилось, и охотники пользуются этимъ случаемъ, чтобы получить богатую добычу.

. Всѣ амазонскіе попугаи по всей вѣроятности размножаются одинаково. Тѣ изъ нихъ, наблюденія надъ образомъ жизни которыхъ опубликованы, кладутъ весной 3—4 бѣлыхъ яйца въ дуплахъ деревьевъ. Подстилкой имъ служатъ щепочки, откусанныя отъ стѣнокъ дупла. Если ихъ ничто не тревожитъ, они выводятъ птенцовъ только разъ въ году, именно во время весны ихъ родины. Птенцы, вынутые изъ гнѣзда, становятся необыкновенно ручными и выучиваются ясно произносить слова. Поэтому въ Бразиліи эти попугаи часто встрѣчаются въ домахъ, и въ большомъ количествѣ доставляются въ города, гдѣ ихъ покупаютъ моряки, увозящіе ихъ вмѣстѣ съ собой въ Европу.

Въ Европѣ они принадлежатъ къ числу самыхъ обыкновенныхъ попугаевъ. Они выказываютъ себя понятливыми по крайней мѣрѣ по отношеніи своего хозяина или тѣхъ, которые больше всего съ ними занимаются, оказываются довольно кроткими и милыми птицами, и такимъ образомъ вполне заслуживаютъ воздаваемую имъ похвалу. О нихъ рассказываютъ такія-же исторіи, какъ и о сѣромъ попугаѣ. «Одинъ изъ моихъ амазонскихъ попугаевъ», пишетъ Линдъ, «распѣваетъ пріятныя мелодіи безъ словъ, причемъ, немного опустивъ свои крылья, ходитъ въ тактъ туда и сюда по своей жердочкѣ. Люди компетентные, слышавшіе его пѣніе, говорили мнѣ, что онъ воспроизводитъ пѣсенку негровъ, живущихъ въ Бразиліи. Около полугода попугай молчалъ и только по прошествіи этого срока началъ проявлять свое искусство. Подобно этому попугаю, блестяще доказавшему свою развитую память, другіе амазонскіе попугаи также выказывали примѣры своей необыкновенной способности къ подражанію слышаннымъ ими звукамъ и словамъ. Одинъ изъ моихъ плѣнниковъ поетъ одну хорошенькую нѣмецкую пѣсенку, кромѣ того многое умѣетъ говорить и всегда произноситъ все тѣмъ-же тономъ, какъ и его, иногда случайный, учитель. Такъ, онъ передразниваетъ, какъ и что говорить другая говорящая птица. Нѣсколько дней спустя послѣ смерти моего красноноговаго какаду, онъ говорилъ совершенно голосомъ умершаго, но гораздо нѣжнѣе: «какаду, какаду, дружокъ, какаду», въ то же время подражалъ его походкѣ, какъ будто-бы желая вполне убѣдить зрителя, что онъ настоящій какаду. Теперь этотъ попугай помѣщается рядомъ съ моллукскимъ какаду и подражаетъ голосу и манерамъ послѣдняго самымъ усерднымъ образомъ. Если постучать, онъ кричитъ «войдите», чего однако не говоритъ, если стучать о желѣзо или жезлъ». Амазонскій попугай, улетѣвшій отъ Букстона и летавшій три мѣсяца по саду, пока наступившая зима не заставила его искать вновь гостепріимнаго крова, — забавлялъ всѣхъ по своему возвращеніи самымъ точнымъ подражаніемъ сердитыхъ возгласовъ различныхъ служанокъ, приглашавшихъ его вернуться домой.

Одинъ амазонскій попугай, котораго видѣлъ мой отецъ, сильно привязался къ дочери семьи, относясь въ то же время недружелюбно не только къ чужимъ, но даже и къ остальнымъ членамъ семейства. Какъ-бы дружелюбно ни бесѣдовали они съ нимъ, онъ не отвѣчалъ имъ и не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Совершенно другимъ дѣлался онъ, когда появлялась его покровительница. Онъ унавалъ ея походку и приходилъ въ весьма радостное настроеніе, когда слышалъ

шаги ея по лѣстницѣ. Лишь только она входила, онъ спѣшилъ ей на встрѣчу, садился на ея плечи и выражалъ свое удовольствіе различными движеніями и криками, или-же болталъ, какъ-бы бесѣдуя со своей госпожей. На расточаемыя ему ласки онъ отвѣчалъ, нѣжно прижимаясь своими щеками къ щекамъ своей госпожи, и издавая при этомъ всегда самые нѣжные звуки. Дѣвушка могла играть съ нимъ безъ всякихъ опасеній; онъ тихонько хваталъ клювомъ ея пальцы и даже верхнюю губу, никогда не злоупотребляя ея довѣріемъ. Во время отсутствія своей хозяйки онъ принималъ печальное выраженіе, сидѣлъ спокойно на своей жердочкѣ, обыкновенно не прикасался къ пищѣ—однимъ словомъ становился совершенно инымъ, чѣмъ при ней. Я видѣлъ и даже воспитывалъ много такихъ амазонскихъ попугаевъ, которые въ существенныхъ чертахъ вели себя такъ-же мило и забавно. Мнѣ также извѣстно, что дикіе амазонскіе попугаи скоро ручнѣютъ, почему ихъ вполне можно рекомендовать всякому любителю.

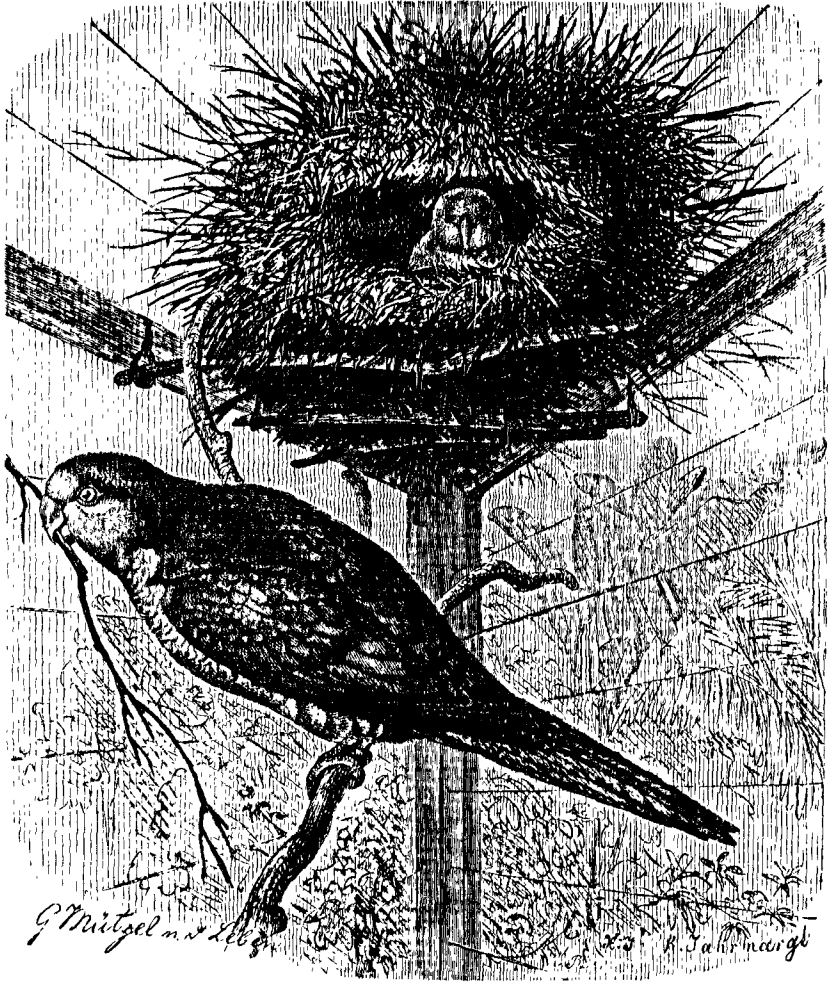
Кромѣ одного рода, всѣ **Клинохвостые попугаи** (Columbinae) отличаются отъ остальныхъ американскихъ и большинства попугаевъ Старога Свѣта—своимъ длиннымъ ступенчатымъ хвостомъ. Семейство это включаетъ въ себѣ 93 вида, живущихъ въ Америкѣ между 40 градусомъ сѣверной широты и 50 южной. Несмотря на такое большое число видовъ и обширность области распространенія, эти попугаи отличаются большимъ сходствомъ между собой въ строеніи, окраскѣ и образѣ жизни.

Толстоклювые попугаи характеризуются слѣдующими признаками (*Bolborhynchus Dickschnabelsittich*): верхняя половинка ихъ клюва очень мощная, толстая, короткая, сильно закругленная, съ боковъ расширенная; передъ короткимъ, широкимъ и плоскимъ концомъ ея замѣтенъ неглубокій зубовидный вырѣзь. Нижняя половинка клюва—высокая, широкая и закругленная у передняго края, передъ сръзаннымъ концомъ снабженная небольшою выемкой. Ноги короткія, сильныя, крылья длинныя съ заостренными маховыми перьями, изъ которыхъ три первыхъ, будучи почти равными между собой, длиннѣе прочихъ. Хвостъ клиновидный, усѣченный. Опереніе мягкое, не очень яркое. Эти попугаи принадлежатъ къ мелкимъ видамъ, величиной со скворцовъ и дроздовъ, и распространены преимущественно въ западной, южной и средней частяхъ Южной Америки, въ особенности въ штатахъ Ла-Платы, по Уругваю, Парагваю, въ Боливіи и Перу.

* * *

Самымъ извѣстнымъ видомъ этого рода является **Калита** (*Bolborhynchus monachus*, *Psittacus monachus*, *murinus*, *cihericollis*, *choraeus*, *cotorra*, *calita*, *Columbus monachus*, *murinus*, *canicollis*, *griseicollis*, *calita*, *Sittace murina*, *canicollis*, *Myiopsitta murina*, *canicollis*, *calita*. *Mönchsittich*, *Ferruche-Souris*), носящій у южно-американцевъ; кромѣ этого названія, еще другое, **Которра**. Длина этого попугайчика достигаетъ 27 см., длина его крыльевъ 15, а хвоста 12 см. Общая окраска его оперенія — травянисто-зеленая съ сѣрымъ налетомъ, оливково-буроватая въ области нижнихъ шейныхъ перьевъ. Лобъ, передняя часть головы, уздечка, верхнія щеки, шея и грудь его—свѣтло-сѣрыя; перья зоба сѣроватыя, съ узкими сѣроватыми, блѣдными краевыми каемочками, располагающимися волнисто; нижняя часть груди и брюхо—свѣтло-сѣрыя; нижняя часть брюха, бедра, область задняго прохода и нижнія кроющія перья хвоста—желто-зеленаго цвѣта; большія маховыя перья и стобы крыльевъ—индиго-синія съ зелеными наружными и ши-

роками черноватыми внутренними краями; кроющія перья большихъ маховыхъ и малыя маховыя перья, за исключеніемъ самыхъ послѣднихъ зеленыхъ—темнаго индиго-синяго цвѣта; всѣ маховыя перья снизу имѣютъ темный оттѣнокъ голубого цвѣта морской воды; нижнія большія кроющія перья окрашены такъ-же, но малыя—зеленаго цвѣта; хвостовыя перья на концѣ и внутри—свѣтло-зеленыя, снизу съ зеленовато-голубыми, внутри съ желто-зелеными краями. Глаза каріе, клювъ желтовато-сѣраго цвѣта, ноги буровато-сѣрыя. Самцы и самки другъ отъ друга не

Калита. *Bolborynchus monachus*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

отличаются; вылетѣвшіе изъ гнѣзда птенцы въ существенныхъ чертахъ носятъ ту же одежду, что и старики.

Главнымъ центромъ области распространенія калиты, повидимому, слѣдуетъ считать штаты Ла-Платы; простирается-же она по Парагваю, Уругваю, Аргентинской республикѣ, Боливіи, быть можетъ даже по юго-западной части Бразиліи, а къ западу до Мато Гроссо. О свободной жизни этихъ попугаевъ подробныхъ свѣдѣній опубликовано не было, только о гнѣздованіи ихъ мы знаемъ больше, нежели о гнѣздованіи многихъ другихъ попугаевъ въ наиболѣе изслѣдованныхъ областяхъ Юж-

ной Америки. Изъ немногихъ свѣдѣній, доставленныхъ путешественниками, въ особенности Ренггеромъ и Дарвиномъ, явствуетъ, что калита принадлежитъ къ самымъ обыкновеннымъ птицамъ въ Парагваѣ и восточной Бандѣ, что, за исключеніемъ птенцовой поры, попугаи эти носятся по странѣ стаями въ 50—200 штукъ и въ это время чрезвычайно много вредятъ посѣвамъ злаковъ, въ особенности маисовымъ полямъ, почему и подвергаются самому беспощадному преслѣдованію. По сообщеніямъ Ренггера, они являются въ такихъ огромныхъ количествахъ и притомъ такъ назойливы, что, несмотря на выставленныхъ противъ нихъ караульщиковъ, цѣлый день ходящихъ по полямъ, разогнать этихъ птицъ совершенно нѣтъ никакой возможности. Въ защиту отъ этихъ обжорливыхъ пернатыхъ воровъ пускаются въ ходъ все средства: ловятъ ихъ огромными массами и за каждую дюжину головъ этихъ попугаевъ ловцу выдается опредѣленная премія. Дарвинъ рассказываетъ, что въ колоніи Сакраменто на Ла-Платѣ въ одинъ годъ ихъ было убито не менѣе 2500 штукъ.

Размноженіе калиты представляетъ собой особенный интересъ, такъ какъ, насколько до сихъ поръ извѣстно, это единственный попугай, строящій на деревьяхъ большія свободнoleжащія гнѣзда. Первые свѣдѣнія объ этомъ даетъ Азара, который описываетъ гнѣзда калиты какъ крупныя постройки, иногда имѣющія 1 м. въ поперечникѣ, прикрытыя сверху, внутри набитыя травой, причемъ прибавляетъ, что на одномъ и томъ-же деревѣ часто бываетъ нѣсколько гнѣздъ и одно гнѣздо можетъ служить одновременно нѣсколькимъ самкамъ. Сообщение этого ученаго путешественника показалось нѣкоторымъ натуралистамъ такимъ неправдоподобнымъ, что они сочли долгомъ отнестись къ нему съ недоумѣніемъ. Однако свѣдѣнія, сообщенныя Азарой, были вполне подтверждены другими путешественниками. На одномъ изъ острововъ Параны Дарвинъ нашелъ много гнѣздъ калиты, причемъ одна группа ихъ была настолько скучена, что въ общемъ гнѣзда представляли собой массу наваленнаго хвороста. Кастельно, подобно Азарѣ, наблюдалъ нѣсколько самокъ, гнѣздившихся въ одномъ и томъ-же гнѣздѣ, когда, бродя по болотамъ Ярайа, онъ натолкнулся на необыкновенно большое, выстроенное изъ небольшихъ прутьиковъ гнѣздо, снабженное 4—5 входными отверстіями. Гнѣздо это служило жилищемъ многочисленной стаи попугаевъ, обыкновенныхъ въ болотахъ и носящихъ у мѣстныхъ жителей названіе «болотнаго» попугая. Такія-же гнѣзда видѣлъ и Бурмейстеръ. «За отсутствіемъ другого занятія», говоритъ онъ въ описаніи своего путешествія по штатамъ Ла-Платы, «я смотрѣлъ на одиноко стоявшія высокія, лишенные листьевъ деревья, которыя считалъ засохшими. Среди вѣтвей ихъ, переплетаясь между собой и образуя одну общую массу, висѣли прутья, солома и хворостъ, присутствіе и назначеніе которыхъ для меня было непонятно, такъ какъ для птичьихъ гнѣздъ масса была очевидно слишкомъ велика и слишкомъ свободно висѣла. Однако спутники мои увѣряли, что тѣмъ не менѣе это были гнѣзда и именно постройки зеленого попугая съ сѣрымъ горломъ, который въ странѣ носятъ названіе «калиты». Птицы эти имѣютъ обыкновеніе строить свои гнѣзда общественно, почему постройки эти въ общей сложности и принимаютъ такой большой объемъ. Вскорѣ я замѣтилъ и самихъ птицъ, парочками прилетавшихъ къ гнѣзду и улетающихъ изъ него».

Въ очень недавнее время мы имѣли случай наблюдать своеобразную постройку гнѣзда калиты въ нашихъ клеткахъ. Уже Азара замѣчаютъ, что въ Южной Америкѣ попугайчиковъ этихъ охотно держатъ въ домахъ, и что ихъ нужно присоединить къ числу птицъ, вполне заслуживающихъ вниманія: благодаря своимъ граціознымъ и кокетливымъ манерамъ, калита получилъ вполне заслужен-

ное названіе «молоденькой вдовушки»; парочки этихъ попугаевъ все время милуются другъ съ другомъ самымъ привлекательнымъ образомъ и легко размножаются въ клѣткахъ. Всѣ эти данныя вѣрны. Въ послѣднія десятилѣтія калита, до тѣхъ поръ очень рѣдко появлявшійся у нашихъ торговцевъ птицами, сталъ ввозиться къ намъ въ гораздо большемъ числѣ и, несмотря на свой произвительный крикъ, понравился нѣкоторымъ любителямъ. Первые свѣдѣнія о размноженіи калиты въ клѣткахъ были сообщены Шмидтомъ. Эти попугайчики были одними изъ тѣхъ, которыхъ вышеупомянутый натуралистъ избралъ для своихъ попытокъ заставить попугаевъ перезимовать на открытомъ воздухѣ. Результаты этихъ попытокъ въ общемъ были удовлетворительны, что-же касается до калиты, то даже необыкновенно удачны. Когда начались настоящіе зимніе холода, Шмидтъ замѣтилъ, что калиты превосходно умѣли защищаться отъ нихъ, избирая каждый вечеръ для своего ночлега тотъ гнѣздовый ящикъ наружнаго птичника, входное отверстіе котораго было на сторонѣ, защищенной отъ вѣтра. Въ очень холодные дни они покидали такой гнѣздовый ящикъ лишь на короткое время для того только, чтобы промыслить себѣ необходимую пищу. Съ наступленіемъ весны они явились въ чрезвычайно красивомъ полномъ опереніи,—доказательство, что свободная жизнь на вольномъ воздухѣ оказала на нихъ благотворное вліяніе. Въ апрѣлѣ они принялись обкусывать то тамъ, то сямъ вѣтки кустовъ, росшихъ въ птичникѣ, и, противъ ожиданія наблюдателя, таскали ихъ внутрь гнѣздоваго ящика. Они совершенно выложили его внутренность и тамъ вывели своихъ птенцовъ, къ чему я еще вернусь впоследствии. То же самое происходило и у другихъ любителей, такъ что можно было-бы сдѣлать выводъ, что калиты для своихъ гнѣздъ предпочитаютъ пользоваться дуплами. Однако совершенно противоположное доказала мнѣ одна пара, которую воспитывалъ я самъ; другая-же парочка, выводившая птенцовъ въ Берлинскомъ зоологическомъ саду, устроила себѣ гнѣздо по тому-же образцу, какъ и пара, жившая у меня. Это та самая парочка, которую Мютцель срисовалъ вмѣстѣ съ выстроеннымъ ею гнѣздомъ (рис. на 310 стр.) и надъ которой онъ производилъ точныя наблюденія во время своихъ регулярныхъ посѣщеній зоологическаго сада. Объ этомъ онъ сообщаетъ мнѣ слѣдующее:

«Пара калитъ живетъ въ одной общей клѣткѣ вмѣстѣ съ африканскими и австралійскими попугаями, каменными дроздами и двумя молодыми черными дятлами. Въ углу клѣтки, свободно выходящемъ въ комнату, вмѣстѣ, очевидно самымъ удобнымъ для цѣлей калиты, эта парочка начала заплетать рѣшетку прутиками, приблизительно на высотѣ 3 м. отъ земли. Внимательный сторожъ, узнавъ въ этомъ занятіи желаніе устроить гнѣздо, тотчасъ-же пришелъ къ птичкамъ на помощь, плотно укрѣпивъ въ проволочной сѣткѣ поперекъ три деревянныхъ палки. Калиты казались очень благодарными за это и немедленно воспользовались ими, какъ основаніемъ своего искуснаго гнѣзда. Съ этого времени постройка шла впередъ очень ревностно. Самецъ усердно таскалъ прутики, самка-же укладывала ихъ, устраивая прежде всего нижнюю площадку, которая и была свита насколько было можно ровно, была округла и имѣла форму блюда. Затѣмъ она начала возводить крышу, одновременно съ которой было устроено и входное отверстіе, представлявшее собой сплюснутый, нѣсколько наклоненный кнаружи трубчатый входъ. Какъ крыша, такъ и входъ вначалѣ были построены легко и просвѣчивали, но вскорѣ были такъ заплетены, что сдѣлались прочными и крѣпкими. Чѣмъ далѣе шла постройка, тѣмъ все болѣе исчезала первоначальная форма входнаго отверстія, и вполнѣ законченное гнѣздо представляло собой объемистый круглый комъ болѣе 1 м. въ поперечникѣ, въ которомъ прутья съ толстыми концами торчали кна-

ружи и только одно неправильное отверстие указывало на мѣсто бывшего трубчатого входа.

«Всѣ нужные для постройки гнѣзда матерьялы притаскивались неутомимымъ самцомъ, который вытаскивалъ клювомъ изъ припасенной кучи подходящій прутикъ и, карабкаясь, тащилъ его къ мѣсту постройки. Самка-же была дѣятельно занята укладкой и вылетеніемъ приносимыхъ прутиковъ, изъ которыхъ нѣкоторые она отбрасывала прочь.

«Не думайте, что это трогательное и радостное занятіе любящей парочки протекало безъ всякой помѣхи. Напротивъ, прилежныя и заботливыя птицы ежеминутно должны были прерывать свою постройку, защищая ее отъ своихъ со товарищей по клѣткѣ, которые все время мѣшали работѣ. Любопытство всѣхъ остальныхъ попугаевъ было крайне возбуждено: они смотрѣли и дивились, причесть большимъ опасеніемъ, но все-таки приближались къ мѣсту постройки слишкомъ близко. Самка тотчасъ-же бросала свою работу, оборачивалась къ дерзкимъ и вазойливымъ родичамъ и испускала громкій и пронзительный крикъ. Услыша его, самецъ немедленно бросалъ захваченный было клювомъ прутикъ, налеталъ на врага и, прицѣпившись около него къ рѣшеткѣ, такъ отдѣлывалъ его ударами клюва и крыльевъ, что нагонялъ страхъ даже на самого смѣлаго непріятеля. Пенистый крикъ былъ военнымъ крикомъ калиты, то или другое вырванное перо—его трофеемъ, быстрое бѣгство испуганно кричащаго побѣжденнаго—результатомъ сраженія. Защищая свое гнѣздо, птица кусала и ударила клювомъ куда попало, по крыльямъ, по головѣ, по спинѣ, вдѣлаясь клювомъ въ маховыя и рулевыя перья противника. Такъ, однажды самецъ калита, безуспѣшно испробовавъ болѣе легкія средства прогнать подошедшую розеллу, почти не защищавшуюся отъ смущенія, въ 10—12 приемовъ такъ основательно покусалъ и растеребилъ розеллѣ пышный хвостъ, что подвергнувшаяся такому нападенію птица могла спастись только послѣ потери нѣсколькихъ хвостовыхъ перьевъ. Особенно много терпѣли отъ калиты молодые черныя дятлы, по глупости и трусливости во время не улетавшіе. Еще не совсѣмъ владѣя крыльями и будучи новичками въ обществѣ, они не умѣли спастись, почему и получали безпрестанно гнѣвные щипки раздраженныхъ попугаевъ. Наконецъ, послѣдніе добились таки того, что ихъ товарищи по клѣткѣ приближались къ гнѣзду только изрѣдка и случайно. Самецъ большею частью зорко сторожилъ, сидя на какомъ-нибудь кончикѣ торчащей на верху гнѣзда толстой вѣтки, поглядывая время отъ времени внутрь, провѣдывая сидящую на яйцахъ самку или же приносилъ какой-нибудь березовый прутикъ для поправки мѣста, разлѣзшагося отъ высыханія дерева. Самка сидѣла все время внутри и среди мрака внутренняго помѣщенія можно было видѣть, какъ она ворочаетъ своей круглой головой. Если супругъ ее слишкомъ долгое время хозяйничалъ на верху постройки у ней надъ головой, она появлялась даже на краю входа—посмотрѣть, что тамъ происходитъ».

О кладкѣ яицъ и выводѣ птенцовъ калиты свѣдѣнія уже имѣются. «Въ началѣ мая», описываетъ Шмидтъ дѣятельность уже упомянутой выше пары, «самка ушла въ гнѣздо и съ этого времени самецъ принялся кормить ее весьма усердно. Она очень мало показывалась у входнаго отверстия и очень рѣдко, да и то на нѣсколько секундъ выходила наружу. Самецъ большую часть дня сидѣлъ на жердочкѣ около входа въ гнѣздо и, повидимому, сторожилъ, такъ какъ поднималъ немедленно трещащій крикъ, какъ только опасался какой-нибудь помѣхи. 28 мая подъ гнѣздовымъ ящикомъ на землѣ птичника лежала половина яичной скорлупы, изъ которой, очевидно, вылупился птенецъ, такъ какъ на внутренней поверхности ея

были видны ясные отпечатки сосудов. Съ этихъ поръ обѣ птицы очень часто про-водили время въ гнѣздѣ, въ особенности самка, которая высовывала изъ него только одну голову. Никакого дѣйствія, которое-бы свидѣтельствовало о выкармливаніи птенца, не замѣчалось. Я не видѣлъ въ этомъ ничего особеннаго, такъ какъ замѣтилъ, что попугайчики старались замаскировать свои дѣйствія, лишь только видѣли, что за ними наблюдаютъ. Однако проходила недѣля, а о присутствіи птенца не было и слѣдовъ, изъ чего я долженъ былъ заключить, что онъ умеръ, и ждать, что птицы приступятъ къ новой кладкѣ.

Въ началѣ іюля я хватился одного зеленого кардинала, жившаго въ той же клеткѣ, гдѣ и попугай и, такъ какъ несмотря на старательные поиски, его нигдѣ не могли найти, я рѣшилъ, что онъ залѣзъ въ какой-нибудь изъ гнѣздовыхъ ящичковъ, гдѣ и окопѣлъ. Поэтому 8 іюля сторожъ одинъ за другимъ началъ снимать ящички съ гнѣздами и къ немалому своему и моему изумленію въ гнѣздѣ попугаевъ нашелъ живого, очевидно недавно вылупившагося птенца и 4 бѣлыхъ яичка. Птенецъ былъ почти 2 см. длиной и покрытъ темно-сѣрымъ пухомъ. Гнѣздо было старательно набито травой, совершенно покрывавшей прутья подстилки. Само собою разумѣется, что птицамъ больше уже не мѣшали, никакихъ дальнѣйшихъ наблюденій надъ внутренностью гнѣзда не дѣлали, а, по возможности скорѣе, отнесли ящикъ на мѣсто. Послѣдствія показали, что этотъ осмотръ никакого вреда кладкѣ не причинилъ.

Всего страннѣе было то обстоятельство, что самка, которая одна только и безъ непосредственной помощи самца заботилась о кладкѣ, казалось вовсе не за-сизивалась на яйцахъ, такъ что, несмотря на самыя внимательныя наблюденія, этотъ процессъ высиживания остался незамѣченнымъ. Я былъ увѣренъ, что птенецъ вылупился очень недавно и ждать съ часу на часъ новыхъ птенцовъ изъ другихъ яицъ. Но и теперь нельзя было наблюдать кормленія птицъ, такъ какъ, когда оба попугая видѣли, что за ними не наблюдаютъ, самка уходила внутрь гнѣздоваго ящичка, тогда какъ самецъ садился на сторонѣ на жердочкѣ передъ входомъ. Если же они замѣчали, что за ними слѣдятъ, хотя-бы издали, самка тотчасъ же выходила изъ гнѣзда на зовъ самца, и оба принимались неистово кричать до тѣхъ поръ, пока непрошенный наблюдатель не удалялся прочь. Они приплели поперекъ входнаго отверстія довольно крѣпкій обломокъ гибкаго прута, который, покидая гнѣздо, самка пододвигала къ серединѣ входа, какъ-бы желая воспрепятствовать птенцамъ выходить изъ гнѣзда или защитить входъ въ него какому-нибудь врагу. Скорлупа отъ яицъ, изъ которыхъ вылупились птенцы, изъ гнѣзда не выбрасывалась; никакой звукъ не выдавалъ присутствія птенцовъ. Но по прошествіи короткаго времени по количеству выходящаго корма можно было заключить, что въ гнѣздѣ, должно быть, было нѣсколько дюжихъ ѣдоковъ. Вначалѣ самка кормила птенцовъ преимущественно салатомъ, котораго ежедневно выходило 2 — 3 крупныхъ кочка; впослѣдствіи она кромѣ него брала размягченный бѣлый хлѣбъ, а наконецъ и конопляное сѣмя.

7 августа я въ первый разъ увидѣлъ, какъ самка кормила птенцовъ. Кивающимъ движеніемъ головы, сообщавшимся всему тѣлу, она отрыгала изъ зоба пищу и, хотя большая часть ея тѣла находилась внутри ящичка, я могъ замѣтить, что она раздавала кормъ въ разныхъ мѣста гнѣзда. Во всякомъ случаѣ птенцы были, должно быть, уже довольно большими, такъ какъ самка могла доставать ихъ клювомъ, не влѣзая въ ящикъ. Въ полдень 10 августа головы двухъ молодыхъ попугайчиковъ выглянули изъ отверстія гнѣздоваго ящичка, а на слѣдующій день одинъ уже вылетѣлъ изъ гнѣзда и бодро бѣгалъ по землѣ. По про-

шествин короткаго времени онъ съ нахохленными перьями скучно усѣлся въ углу. Такъ какъ погода обѣщала быть дождливой, я посадилъ его обратно въ гнѣздо, несмотря на громкіе крики родителей; въ это время въ отверстіи ящика показались головы двухъ другихъ птенцовъ. Вторично птенецъ вылетѣлъ изъ гнѣзда только 15 августа и на этотъ разъ вмѣстѣ съ одной изъ своихъ сестеръ. Можно было сразу замѣтить, который понугайчикъ былъ старше, такъ какъ послѣдній казался гораздо сильнѣе и оживленнѣе другого, который, по прошествіи примѣрно часа времени, забился въ уголь съ взъерошенными, какъ будто отъ холода, перьями. Къ вечеру его усадили обратно въ гнѣздо, тогда какъ старшій отправился въ одну изъ прикрытыхъ частей птичника, гдѣ онъ съ тѣхъ поръ и проводилъ каждую ночь. 18 августа вылетѣлъ опять молодой понугайчикъ, но я не могу сказать съ увѣренностью, былъ ли это второй птенецъ, котораго мы положили обратно въ гнѣздо или-же третій изъ братьевъ, предпринявшій свою первую прогулку на волю. Онъ казался вполне здоровымъ, такъ что не нуждался ни въ какомъ надзорѣ. 20 августа изъ ящика вылетѣлъ послѣдній птенецъ, такой-же здоровый и сильный, какъ и предыдущіе.

Вылетѣвшіе птенцы были въ полномъ опереніи, только хвостовыя и рулевыя перья ихъ не были еще такими длинными, какъ у родителей. Окраска ихъ была такая-же, какъ и у послѣднихъ, только зеленый цвѣтъ ея не былъ такимъ яркимъ; маховыя перья выглядѣли скорѣе зелеными, нежели голубыми, и свѣтлые края сѣрыхъ перьевъ на головѣ и груди выдѣлялись меньше, такъ что общій цвѣтъ птенцовъ былъ гораздо матовѣе и однообразнѣе. Величина тѣла ихъ была близкая къ величинѣ взрослыхъ птицъ, голова была относительно велика, а клювъ менѣе загнутъ. Вначалѣ птенцы были не очень оживлены и забивались на большую часть дня на сукъ дерева, который былъ положенъ для этой цѣли на землю. Когда къ нимъ приближались родители они, кивая головой и махая крыльями, требовали корма, обыкновенно доставляемаго имъ въ изобиліи. Родители, оба принимавшіе участіе въ этомъ занятіи, повернувъ голову на бокъ, брали своимъ клювомъ клювъ птенца такимъ образомъ, что охватывали имъ его бока, послѣ чего они клали кормъ вышеописаннымъ движеніемъ. При этомъ птенцы откидывали голову навзничъ и повторяли тѣ движенія, которыми они обыкновенно выражали свое требованіе корма. По прошествіи немногихъ дней они уже умѣли находить кормъ съ кормомъ и пытались самостоятельно. Но еще въ концѣ августа большую часть корма они получали отъ своихъ родителей. Мало по малу они становились подвижнѣе и скоро уже лазали по сѣткѣ птичника. Такими позами птенцовъ родители пользовались, чтобы приводить въ порядокъ ихъ опереніе: они карабкались вслѣдъ за ними и пропускали ихъ перья одно за другимъ между половинками клюва, чтобы выровнять и вычистить ихъ. Они продѣлывали это совершенно такъ, какъ обыкновенно совершаютъ эту операцію надъ своими собственными перьями.

Сколько времени длилось насижваніе, по этимъ наблюденіямъ прослѣжено быть не могло. За достовѣрное можно сказать, что отъ кладки до вылета птенцовъ проходитъ не менѣе 40 дней.

* *
*

Къ небогату, состоящему всего изъ 11 видовъ роду *Узноклювыхъ* *попугаевъ* (*Brotogeris. Schmaschabel. Sittiche*) принадлежатъ клинохвостые попугаи, величиною отъ скворца до галки. Отличительными признаками ихъ будутъ слѣдующіе: верхняя половинка клюва ихъ узкая, довольно длинная, съ боковъ сильно скатая, снабженная на спинкѣ ребрышкомъ и имѣющая длинный, тонкій, сильно согнутый кон-

чикъ, передъ которымъ замѣтна глубокая выемка; нижняя половинка соответственно узкая. Ноги довольно слабыя, съ короткой плюсной. Крылья длинныя и заостренныя; изъ маховыхъ перьевъ ихъ второе самое длинное; концы крыльевъ средней длины. Хвостъ умѣренной длины, клиновидный; среднія перья его немного длиннѣе прочихъ, наружныя немного укорочены. Опереніе мягкое съ одноцвѣтной зеленой окраской, на которой выдѣляется замѣчаемое у большинства оранжево-желтое пятно на подбородкѣ и желтыя кроющія перья крыльевъ. Всѣ извѣстные до сихъ поръ виды этого рода живутъ въ Южной Америкѣ и распространены тамъ довольно равномерно—какъ на востокъ и западъ, такъ на югъ и сѣверъ, начиная отъ Парагвая и до Гондураса. Образъ жизни всѣхъ ихъ настолько одинаковъ, что совершенно достаточно будетъ описать одинъ видъ.

Къ числу наиболѣе крупныхъ видовъ принадлежитъ Тирика (*Brotogerys viridissima*, *tirica*, *Psittacus tirica*, *viridissimus*, *Psittacula tiriacula*, *Conurus viridissimus*, *rufirostris*, *tiriacula*, *Sittace tirica*, *Aratinga acutirostris*, *viridissimus*, *Tirica tiriacula*, *brasiliensis*, *viridissima*. *Blauflügeliger Schmalschnabelsittich*. *Perruche verte*). Основной цвѣтъ этого вида травянисто-зеленый, нѣсколько темнѣе сверху и свѣтлѣе на лбу, за щеками и на нижней сторонѣ; нижнія кроющія перья крыльевъ почти желтаго цвѣта. Видъ этотъ характеризуется отсутствіемъ оранжеваго пятна на подбородкѣ. Кроющія перья большихъ маховыхъ перьевъ прекраснаго темносиняго цвѣта, сами же маховыя внутри снабжены черными краями, снизу темнозеленыя, вдоль и посерединѣ стержня голубыя. Глаза сѣро-каріе; клювъ свѣтлорозоваго мясного цвѣта; восковица бѣловатая; ноги свѣтло-буроватыя. Самка отличается нѣсколько болѣе матовой, птенцы-же болѣе сѣровато-зеленой окраской и отсутствіемъ голубыхъ крыловыхъ пятнышекъ, образуемыхъ кроющими перьями.

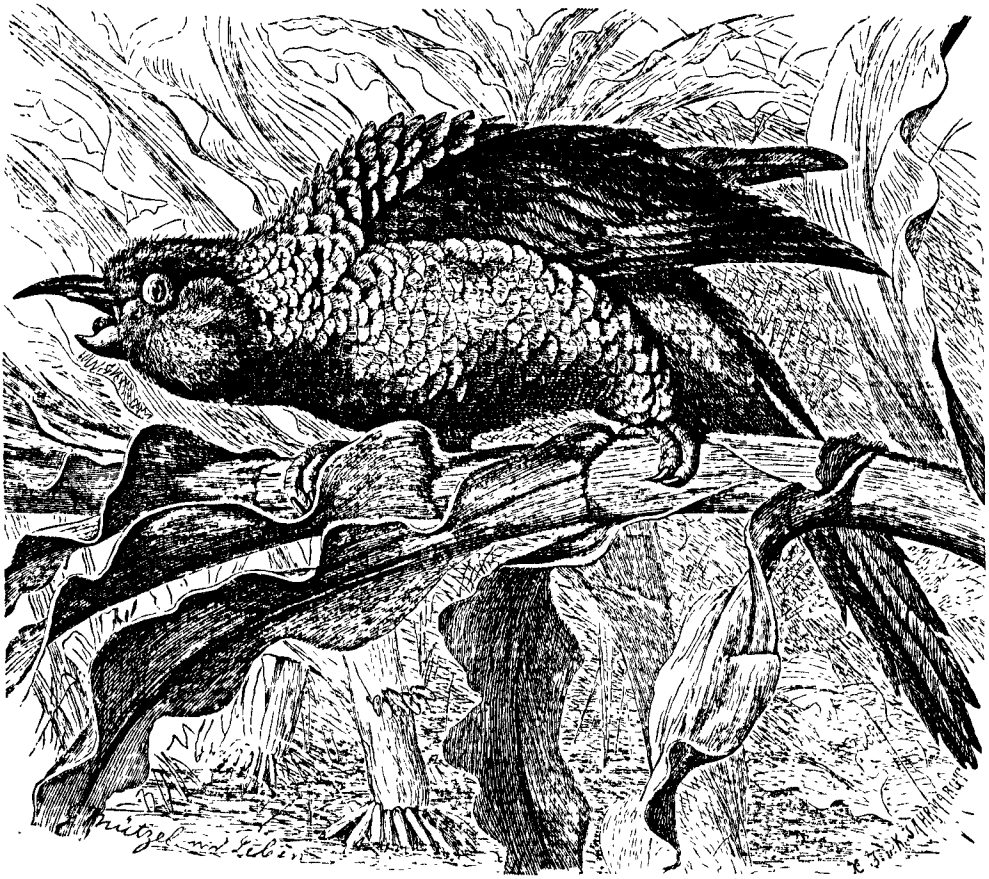
Тирика распространена по большей части восточныхъ областей Южной Америки, населяетъ всю береговую лѣсистую область Бразиліи, а также встрѣчается и въ лѣсахъ Гвианы. Въ восточной Бразиліи она вообще принадлежитъ къ числу самыхъ обыкновенныхъ птицъ, живетъ многочисленными стаями и иногда въ обществѣ съ мелкими клинохвостыми попугаями, однако никогда съ ними не смѣшивается. Летаютъ тирики съ быстротою стрѣлы отъ одной рощи къ другой, или-же слетаютъ на поля, причемъ издаютъ свой короткій, рѣзкій, звонкій крикъ. Послѣдній бываетъ очень разнообразенъ, и когда эти попугаи соберутся съ другими, они производятъ положительно оглушающій шумъ. На рисовыхъ и маисовыхъ плантаціяхъ эта небольшая птичка является однимъ изъ самыхъ неприятныхъ гостей, приноситъ имъ много вреда, почему и терпитъ отъ поселянъ безпощадное гоненіе. Такъ какъ тирики мало пугливы, то ихъ грабежи очень часто приводятъ ихъ подъ выстрѣлы, а вслѣдствіе того, что они выказываютъ большую привязанность къ своимъ собратьямъ, нѣкоторые изъ нихъ дѣлаются жертвами своей дружбы къ товарищамъ. Безчисленныя количества этихъ птицъ ловятся на клеовые прутья при помощи приманной птицы и затѣмъ содержатся въ клеткахъ. Узкоклювые попугаи, благодаря своему своему вроткому нраву и легкой приручимои, принадлежатъ къ числу весьма излюбленныхъ домашнихъ птицъ бразильцевъ. Обыкновенно ихъ держатъ привязанными на цѣпочкѣ къ шести, который прикрѣпляется снаружи дома, однимъ концомъ къ какой-нибудь стѣнной планкѣ; такіе плѣнники регулярно попадаютъ и къ нашимъ торговцамъ, и у насъ, какъ и въ Бразиліи, находятъ своихъ любителей и друзей, чего, по моему мнѣнію, они и заслуживаютъ. Оживленные, бодрые, умные, милые, нетребовательные, дѣятельные съ ранняго утра и до поздняго вечера, довѣрчивые и дружески расположенные

рѣшеткѣ; они привѣтствуютъ меня, когда я приближаюсь къ клеткѣ съ пучкомъ зеленаго овса, тѣмъ же громкимъ крикомъ, съ какимъ они вступаютъ между собою въ драки, послѣ которыхъ, наступаетъ, впрочемъ, скорый миръ. Кого раздражаетъ шумъ, производимый птицами, тому я не могу совѣтывать держать въ комнатѣ узкоклювыхъ попугаевъ. Хотя крикъ ихъ и не слышится такъ далеко, какъ крикъ карликовыхъ или нѣкоторыхъ клинохвостыхъ попугаевъ, но и эти маленькіе проказники дѣлаютъ таки достаточно шуму, въ особенности, если ихъ держать много вмѣстѣ. Съ другой стороны цѣлое общество этихъ птицъ, помѣщенное въ просторной клеткѣ, доставляетъ гораздо больше удовольствія, нежели одна парочка ихъ, и, по моимъ изслѣдованіямъ до настоящаго времени, ихъ совершенно свободно можно держать вмѣстѣ съ мелкими видами клинохвостыхъ попугаевъ. Если не обращать вниманія на ихъ шумливость, то эти попугаи имѣютъ много хорошихъ качествъ. Ихъ довольство всѣмъ и нетребовательность позволяютъ рекомендовать ихъ даже неопытнымъ любителямъ птицъ. Конопля, шелушеный овесъ, подсолнечныя сѣмена, полуспѣлые злаки, въ особенности овесъ, просо, мансъ, плоды и ягоды, особенно рябина—составляютъ пищу этихъ птицъ, на которой онѣ могутъ выжить цѣлыя годы въ совершенномъ здравіи. Обыкновенно немного пугливыя и боязливыя вначалѣ, и то только вслѣдствіе пережитыхъ тревоженій, онѣ при соотвѣтствующемъ уходѣ становятся довѣрчивыми и ручными, почему вполне заслуживаютъ тѣхъ похвалъ, съ которыми отзываются о нихъ многіе любители».

* *
* *
*

Такое-же положеніе, какъ носатый какаду по отношенію къ другимъ какаду, занимаетъ въ своемъ семействѣ **Длинноклювый попугай** (*Henicognathus leptorhynchus*, *Psittacara leptorhyncha*, *rectirostris*, *Sittace*, *Enicognathus*, *Conurus leptorhynchus*, *Psittacus*, *Conurus*, *Arara*, *Stylorhynchus erythrofrons*, *Leptorhynchus ruficaudus*, *Langschabelsittich*, *Perruche à long bec*), посящій у чилийцевъ названіе **Чорой**. Это попугай, большую часть времени проводящій на землѣ и имѣющій чрезвычайно вытянутый, длинный, заостренный клювъ, благодаря которому птица эта совершенно справедливо считается представительницей особаго рода (*Henicognathus*). По строенію крыльевъ и хвоста вышеназванный попугай почти совершенно схожъ съ ближайшими родичами, другими клинохвостыми попугаями, вообще-же отличается отъ нихъ и отъ другихъ попугаевъ своимъ клювомъ. Клювъ этотъ средній по толщинѣ, узкій и весьма удлинненный; верхняя половинка его въ длину въ два раза больше, чѣмъ въ вышину, согнута очень мало, сплющена съ боковъ по спинкѣ, широко округлена и вытянута въ длинный суживающійся, почти горизонтально направленный кончикъ, у основанія котораго находится ясный зубовидный вырѣзь; нижняя половинка такой же вышины, какъ и верхняя, съ боковъ сплюснутая, округленная по нижнимъ краямъ и со слегка согнутыми кверху краями расщеплена. Ноги и пальцы сильные, послѣдніе вооружены особенно сильно согнутыми когтями. Крылья длинныя, заостренныя, второе маховое перо ихъ длиннѣе остальныхъ. Хвостъ длинный, заостренный и клинообразно ступенчатый; самыя наружныя перья его не достигаютъ половины среднихъ перьевъ; всѣ перья къ концу равномерно суживаются. Опереніе жесткое, преобладающій цвѣтъ его оливково-травянисто-зеленый, а на нижней части оливково-зеленый; край лба, перышки по восточницѣ, уздечка и узкіе края вокругъ глазъ — темнаго мѣдно-краснаго цвѣта, такимъ же цвѣтомъ подернуты и среднія перья брюха, благодаря чему на немъ замѣчается неясное красное пятно; перья верхней части головы имѣютъ на концахъ широкія черныя каймы. Большія маховыя перья и ихъ кроющія снаружи голубо-

вато-зеленныя съ черными краями и черноватыми оторочками на концахъ; наиболее длинныя кроющія перья крыльевъ и маховыя перья снизу — сѣро-черноватаго цвѣта съ блѣднымъ оливково-желтымъ оттѣнкомъ по краямъ внутреннихъ опахалъ; рулевыя перья какъ снизу, такъ и сверху темнаго мѣдно-пурпурово-краснаго цвѣта. Радужина глаза золотисто-желтая. Клювъ и ноги голубо-сѣрыя. У самокъ опереніе нѣсколько мутнѣе и красноватое пятно на брюхѣ меньше и блѣднѣе. Не рѣдка особая желтая разновидность длинноклюваго попугая, которую чилийцы зовуть «rey de choro», т. е. «король чороевъ». Длина всей птицы до-

Длинноклювый попугай. *Penicognathus leptorhynchus*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

стигаетъ 38 см., длина ея крыльевъ 20, хвоста 17 см.; такимъ образомъ птица эта размѣрами достигаетъ приблизительно величины нашей галки.

Длинноклювый попугай, одинъ изъ трехъ видовъ, живущихъ въ Чили, распространенъ по всей этой странѣ и отъ нея къ югу до Магелланова пролива, до острова Чилое. О свободной жизни этого попугая извѣстно пока мало, но во всякомъ случаѣ достаточно, чтобы уже знать, какъ птица примѣняетъ къ дѣлу свой удивительный клювъ. Въ этомъ отношеніи мы обязаны краткими свѣдѣніями Беку, Гэю и позднѣе Ландбеку. Птица эта очень обыкновенна и часто соединяется въ стаи изъ многихъ сотенъ и тысячъ, крикъ которыхъ дѣйствуетъ оглушающимъ образомъ и, по словамъ Гэя, часто мѣшалъ ему спать,

когда онъ былъ принужденъ проводить ночь на воздухѣ. Мѣстомъ жительства длинно-клювыхъ попугаевъ служатъ лѣса. Однако отсюда въ поискахъ за кормомъ они предпринимаютъ правильныя путешествія. Въ началѣ октября они прилетаютъ въ Валдивію и остаются тамъ до апрѣля. Въ это время каждое утро появляются стаи ихъ, летящія съ сѣвера, а вечеромъ тѣ же стаи возвращаются обратно. Эти перелеты, какъ у большинства попугаевъ, слѣдуютъ по извѣстнымъ пролетнымъ путямъ, и каждая стая летитъ въ томъ же направленіи, какъ и предыдущая. Такъ какъ чорой чаще встрѣчаются на землѣ, нежели на деревьяхъ, то ихъ часто видишь въ большомъ числѣ на кампасахъ или, что рѣже, на поляхъ. Поэтому они являются самыми опасными врагами пшеничныхъ и маисовыхъ посѣвовъ, такъ какъ они одинаково ловко умѣютъ вытаскивать изъ земли своимъ почти прямымъ клювомъ, какъ всходы пшеницы и маиса, такъ и корни травъ, которые и составляютъ ихъ главную пищу. Къ великой досадѣ плантаторовъ они никогда не упустятъ случая пограбить и налетаютъ даже на плодовые сады, гдѣ портятъ яблоки исключительно ради зеренъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что они заслужили ненависть чилійскихъ поселенцевъ и преслѣдуются ими самымъ ревностнымъ образомъ. Отъ Ландбека мы узнаемъ, что они гнѣздятся въ дуплахъ деревьевъ, тогда какъ другой чилійскій попугай этого рода роетъ норы до 3 м. глубиной. По словамъ Бека, молодые длинноклювые попугаи, которые выращиваются безъ особаго труда, приносятся поселенцами въ города. Мясо этихъ птицъ жестко и твердо.

Въ новѣйшее время эти попугаи нерѣдко попадаютъ живыми и въ Европу. Я самъ держалъ многихъ изъ нихъ, но не изучалъ ихъ привычекъ и особенностей только потому, что мои плѣнники помѣщались въ одной большой общественной клѣткѣ, исключавшей возможность систематическаго наблюденія за ними. Зато Мютцель сообщаетъ мнѣ слѣдующее. «До сихъ поръ я удѣлялъ очень мало вниманія чорой нашего сада. Его клѣтка расположена очень неудобно, и я видѣлъ въ немъ такого-же клинохвостаго попугая, какъ и другіе. Однако взгляды этотъ я измѣнилъ, лишь только началъ наблюдать его внимательно, когда получилъ предложеніе срисовать эту птицу для «Жизни Животныхъ». При моемъ приближеніи къ его клѣткѣ, онъ тотчасъ же оставялъ корытце съ кормомъ и смотрѣлъ на меня въ одно и то же время строго и вопросительно. Когда я протягивалъ руку къ клѣткѣ, онъ нагибалъ шею, вытягивалъ голову горизонтально, нахохливалъ перья лба, затылка и плечъ, таращилъ глаза, раскрывалъ клювъ такъ, что его вытянутая верхняя часть приходилась въ одной плоскости со лбомъ и внезапно бросался, какъ это дѣлаютъ цапли, на мой палецъ, который, само собою разумѣется, я быстро отдергивалъ прочь. Въ то же мгновеніе онъ приводилъ голову въ прежнее положеніе и выжидалъ новаго удобнаго случая для нападенія. Желая сдѣлать дальнѣйшія наблюденія надъ этими странными выходками, я протягивалъ руку къ противоположной сторонѣ клѣтки. Птица тотчасъ-же большими шагами и съ нахохленными перьями стремилась туда и снова гнѣвно двигала головой впередъ. Другой рукой, державшей карандашъ, я отвлекъ его въ другую сторону, и онъ съ быстротой молніи вновь бросался туда. Въ обоихъ случаяхъ онъ имѣлъ видъ крайне раздраженный. Онъ казался разсвирѣпѣвшимъ, то и дѣло приходилъ въ раздраженіе и словно копьемъ метая своимъ клювомъ то направо, то налево. Его гнѣвъ наконецъ дошелъ до такихъ предѣловъ, что онъ началъ прыгать съ жердочки къ самой рѣшеткѣ, не принимая обычной для попугаевъ осторожности, и въ пылу сраженія даже свалился съ своего насѣста. Во время этихъ яростныхъ движеній, которыя я могъ-бы сравнить только съ ухватками разозленной собаки, его крылья оставались сложенными и равновѣсіе поддерживалось

только оживленными, подергивающими покачиваниями, маханіемъ и поворотами хвоста, расправлявшася и складывавшася при каждомъ движеніи. Такъ какъ этотъ чорой находится въ зоологическомъ саду уже болѣе полугодя, его раздраженность едва-ли можно приписать только врожденной дикости этихъ попугаевъ или-же недостатку воспитанія. Онъ такъ быстро раздражался и такъ скоро успокаивался, что его гнѣвъ можно сравнить съ горѣніемъ соломы. Я его ничѣмъ не дразнилъ, не трогалъ и не докучалъ, и все-таки при видѣ меня онъ приходилъ въ необыкновенную ярость. Вскорѣ однако онъ успокоился, такъ какъ, когда я спокойно протянулъ ему карандашъ, онъ схватилъ его, какъ-бы желая основательно изслѣдовать предложенный ему предметъ. При этомъ его быстрые повороты и движенія головы превзошли все извѣстное мнѣ до сихъ поръ и напоминали мнѣ подвижность головы соколовъ и совъ. Эти повороты то въ правую, то въ лѣвую стороны слѣдовали съ изумительнымъ проворствомъ одинъ за другимъ и почти не давали ему времени грызть карандашъ, къ чему, повидимому, попугай чувствовалъ величайшую склонность. Наконецъ онъ нашелъ таки удобное мѣсто, схватилъ, подержалъ и потянулъ къ себѣ. Я потянулъ карандашъ обратно къ себѣ, и, бывшая до сихъ поръ болѣе спокойною, птица мгновенно превратилась вновь въ яраго противника, который въ вызывающей позѣ лишь выжидалъ случая нанести мнѣ ударъ концомъ своего раскрытаго клюва.

«Этотъ чорой произвелъ на меня впечатлѣніе въ высшей степени задорнаго существа, нештучнаго врага въ столкновенияхъ съ опасными звѣрями. Легкость и ловкость его движеній, быстрота въ рѣшеніяхъ и увѣренность въ дѣлѣ употребленія своего оружія столь-же удивляли меня, какъ забавляла полная безсмысленность его злобы. Ни въ одной другой птицѣ до сихъ поръ я не замѣчалъ такой крайней, совершенно ни на чемъ не основанной злости, и еще менѣе—такой странной манеры нападать, такъ какъ никакая изъ другихъ птицъ, которыхъ я изучалъ, не прыгала и не колола такъ рѣшительно своего противника».

* * *

Настоящіе клинохвостые попугаи (*Copurus*. Keilschwanzsittiche. *Perruches* угаies) имѣютъ отличительными признаками слѣдующіе: клювъ ихъ сильно согнутъ, сжать съ боковъ, длина и высота его приблизительно одинаковыя, на его тупой, узкой спинкѣ замѣчается неглубокая выемка. Ноги сильныя съ короткими плюснами и средней величины пальцами, вооруженными крѣпкими когтями. Крылья длинныя, заостренныя; второе и третье маховыя перья ихъ самыя длинныя. Хвостъ длинный, клиновидный, ступенчатый, въ существенныхъ чертахъ построенный такъ-же, какъ и у длиноклюваго попугая. Опереніе твердое; на его преобладающемъ зеленомъ основномъ фонѣ выдѣляются разнообразныя рисунки.

Этотъ родъ, болѣе богатый видами, чѣмъ какой-либо другой, имѣетъ своей родиной Америку и распространенъ отъ Магелланова пролива до 42 градуса сѣверной широты, имѣя на сѣверѣ этой части свѣта одного только представителя. Большинство настоящихъ клинохвостыхъ попугаевъ живетъ въ средней части Южной Америки, въ особенности въ сырыхъ низменностяхъ бассейна Амазонки и ея притоковъ. Одни виды распространены на далекія пространства, область жительства другихъ, напротивъ, ограничивается менѣе обширными участками. Благодаря наблюденіямъ принца фонъ-Видъ, объ образѣ жизни этихъ попугаевъ мы имѣемъ довольно ясное представленіе. Повсюду они въ большомъ количествѣ населяютъ лѣса, въ особенности тѣ, которые менѣе другихъ посѣщаются человѣкомъ; однако они прилетаютъ и на берега моря, довольно близко къ человѣческому жилью. За исклю-

ченіемъ птенцовой поры, они соединяются въ довольно большія стаи, которыя, будучи испугнутыми, съ быстротою стрѣлы и съ громкими криками летятъ на вершины высокыхъ деревьевъ и садятся всѣ вмѣстѣ на одну изъ нихъ. Едва только забрезжитъ дневной свѣтъ, какъ уже слышится ихъ громкій, пронзительный, слегка трещащій крикъ. На кусты они садятся, оживленно перекликиваясь между собой, но ведутъ себя, когда сидятъ, тихо, хотя и не спокойно, такъ какъ они проворно и ловко лазаютъ вверхъ и внизъ по вершинамъ деревьевъ. При этомъ они употребляютъ въ дѣло свой клювъ и старательно избѣгаютъ прикасаться къ вѣтвямъ своимъ длиннымъ хвостомъ. Благодаря ихъ зеленой окраскѣ, охотнику бываетъ часто трудно отыскать ихъ, тѣмъ болѣе, что, когда они чуютъ опасность, то сидятъ тихо и неподвижно. Только слетая вновь, они издаютъ свои громкіе и часто повторяющіеся крики. Они весьма оживляютъ лѣсъ, въ особенности уединенныя рощи, гдѣ часто ихъ крикъ бываетъ единственнымъ, который вы слышите. Какъ и остальные попугаи, они наносятъ вредъ плантаціямъ, если таковыя находятся по близости лѣса, но мансовымъ полямъ они менѣе вредятъ, чѣмъ посѣвамъ риса. Послѣ птенцовой поры они чаще, чѣмъ въ другое время появляются на опушкахъ лѣса, причемъ летаютъ со своими птенцами, которыхъ кормятъ все еще изъ зоба, хотя послѣдніе уже совершенно выросли.

Гнѣздо устраивается въ дуплѣ какого-нибудь стараго дерева и содержитъ въ себѣ 2—3 бѣлыхъ яйца. Люди не мѣшаютъ этимъ попугаямъ выращивать птенцовъ, такъ какъ въ Бразиліи установилось мнѣніе, что настоящіе клинохвостые попугаи непонятливы, никогда не выучиваются говорить и плохо выживаютъ въ неволѣ. Лишь немногіе виды пользуются благосклонностью и часто держатся ручными, главнымъ образомъ ради ихъ кроткаго нрава. По словамъ Шомбургка, нѣкоторые виды считаются любимцами индѣйцевъ, поэтому въ колоніяхъ встрѣчаются обыкновенно цѣлыя стаи ручныхъ попугаевъ. Бразильцы помѣщаютъ ихъ обыкновенно на шестахъ, выставленныхъ снаружи жилища. Ради мяса за ними никогда не охотятся: они слишкомъ малы, чтобы считаться настоящей дичью. Натуралистъ, преслѣдующій на охотѣ за ними другія цѣли, убиваетъ ихъ безъ особаго труда и часто много птицъ однимъ выстрѣломъ.

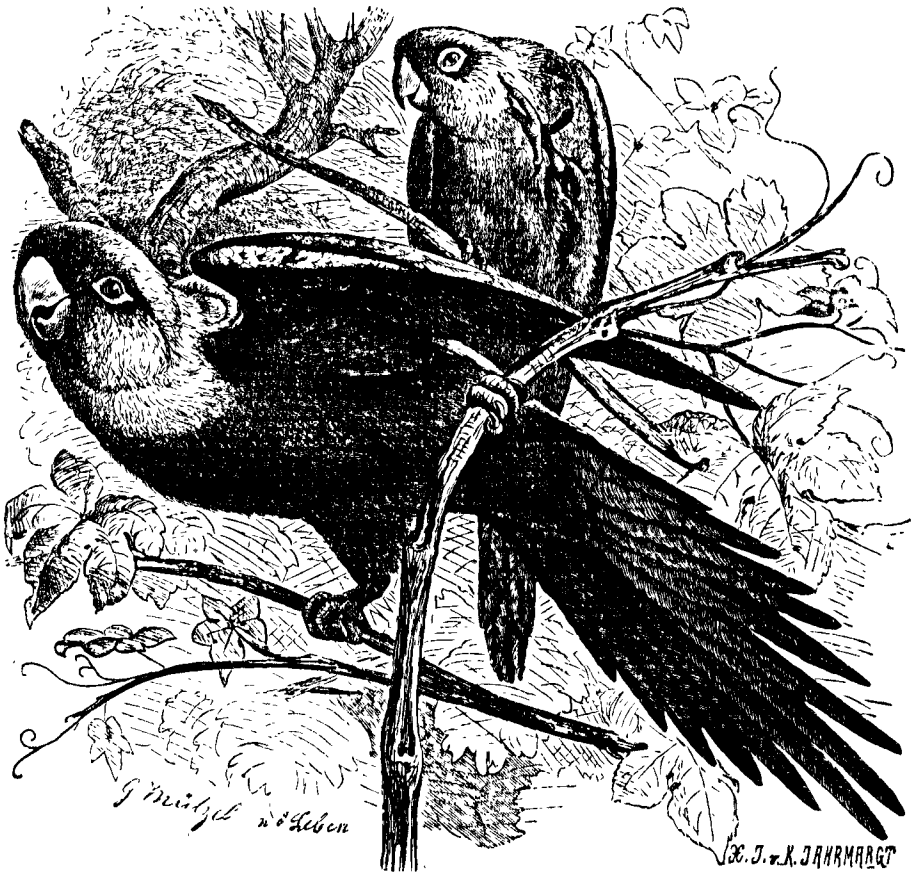
Многіе виды довольно часто попадаютъ въ Европу и находятъ здѣсь своихъ любителей, которые не вполне согласны со взглядомъ бразильцевъ на умственные способности этихъ попугаевъ.

* *
*

Къ настоящимъ клинохвостымъ попугаямъ принадлежитъ единственный попугай, живущій въ Сѣверной Америкѣ и получившій названіе **Каролинскаго попугая** (*Conurus carolinensis*, *ludovicianus*, *Psittacus carolinensis*, *ludovicianus*, *lutescapillus*, *thalassinus*, *Aratinga carolinensis*, *ludoviciana*, *Arara*, *Centurus carolinensis*, *Sittace ludoviciana*, *Karolinasittich*, *Perruche de la Caroline*) отъ имени одной части своей родины. Длина его достигаетъ 32 см., размахъ крыльевъ 55, длина крыла 18, хвоста 15 см. Основная окраска пріятнаго темнаго травянисто-зеленаго цвѣта, по обыкновенію на спинѣ темнѣе, а на нижней сторонѣ желтѣе. Лобъ и щеки—красовато-оранжевыя, тотъ-же самый цвѣтъ у него замѣчается и на затылкѣ, плечахъ и маховыхъ перьяхъ, тогда какъ зашеекъ чистаго золотисто-желтаго цвѣта. Болѣе длинныя кроющія перья крыльевъ снабжены оливково-зелеными кончиками; маховыя перья травянисто-зеленаго цвѣта, внутри темно-пурпурово-черныя; послѣднія малыя маховыя перья и плечевыя перья въ конечной половинѣ—оливково-буровато-зеленыя; хвостовыя перья темно-зеленаго цвѣта, вблизи стержней голубого, изнутри имѣютъ черноватая, сѣро-желтыя каймы, снизу эти перья темнаго сѣро-

желтаго цвѣта, снаружи—черноватая. Глаза сѣро-карие; клювъ рогово-бѣловатый, блѣдный; ноги желтовато-мясного цвѣта. Самки окрашены блѣднѣе. Птенцы же имѣють одинъ сплошной зеленый цвѣтъ, кромѣ оранжевой передней части головы.

Въ прежнее время каролинскій попугай доходилъ въ Сѣверной Америкѣ до 42 градуса сѣверной широты и, повидимому, хорошо переносилъ суровую зиму тѣхъ мѣстъ. По увѣренію Вильсона, онъ былъ весьма удивленъ, увидя во время одной февральской снѣжной бури стаю этихъ попугаевъ, летѣвшую съ громкими кри-

Каролинскій попугай. *Carpodacus carolinensis*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

ками вдоль берега Огіо. Отдѣльные экземпляры каролинскихъ попугаевъ встрѣчаются мѣстами еще сѣвернѣе и даже вблизи города Албани. Въ настоящее время дѣло обстоитъ иначе. Уже Одюбонъ въ своемъ превосходномъ трудѣ, появившемся въ 1831 году, замѣчаетъ, что каролинскій попугай необыкновенно быстро исчезаетъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ онъ еще 25 лѣтъ назадъ водился массами, что его трудно уже встрѣтить, и даже вдоль Миссисипи въ данное время онъ наблюдалъ едва половину того количества этихъ птицъ, которое населяло тѣ мѣста 15 лѣтъ назадъ. Это убавленіе птицъ шло непрерывно далѣе и далѣе. «Каждую зиму въ верхнемъ теченіи рѣки Сентъ-Джонъ сотни этихъ красивыхъ птицъ», жалуется Алленъ, «ловились для продажи птицеловамъ и отсылались ими въ сѣверные города; тысячи были

безполезно перебиты охотниками». Имѣя въ виду такое безполезное избиеніе этихъ птицъ, Бордманъ совершенно справедливо указываетъ опасенія, что каролинскій попугай въ короткое время будетъ совершенно истребленъ. Нѣкоторые охотники немногими выстрѣлами убивали 40—50 штукъ этихъ попугаевъ единственно ради удовольствія. Птицы платились жизнью за свою взаимную привязанность, будучи убиваемы одна за другой до послѣдней изъ всей стаи, благодаря тому только, что прилетали на трупы своихъ убитыхъ собратьевъ. Кромѣ того хищническія нападенія каролинскихъ попугаевъ на поля вызвали преслѣдованіе ихъ со стороны поселянъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что этотъ попугай совершенно исчезъ на большихъ протяженіяхъ Соединенныхъ Штатовъ. Съ другой стороны эти факты только ясно показываютъ, что въ будущемъ этотъ попугай будетъ совсѣмъ истребленъ. Къ счастью внутри его обширной родины все еще есть мѣстечки, гдѣ онъ можетъ жить болѣе спокойно. Онъ еще живетъ во Флоридѣ, Иллинойсѣ, Арканзасѣ, Канзасѣ, Небраскѣ, Мичиганѣ и Миссури и еще водится, какъ показали изслѣдованія Гайдена, въ густо лѣсистыхъ долинахъ Миссури, къ сѣверу до форта Ливенвортсъ, можетъ быть до устья Платы подъ 41 градусомъ сѣверной широты. Любимымъ мѣстопробываніемъ его служатъ всѣ тѣ мѣстности, почва которыхъ поросла одной сорной травой, носящей названіе «складчатого репейника», такъ какъ головки этого репейника, несмотря на то, что онѣ вооружены густымъ покровомъ длинныхъ шиловъ и потому къ нимъ почти нельзя притронуться, — составляютъ любимую пищу каролинскаго попугая. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ массами нападаетъ и на плантаціи, часто принося этимъ большой вредъ, такъ какъ онъ больше портитъ, чѣмъ ѣсть.

Благодаря Вильсону, Одюбону и принцу фонъ Видъ мы имѣемъ прекрасныя свѣдѣнія объ образѣ жизни и поведеніи нашего попугая.

«Каролинскій попугай», говоритъ Одюбонъ, «ни въ коемъ случаѣ не довольствуется однимъ складчатымъ репейникомъ, но ѣсть или портитъ также разные виды плодовъ; почему и является для плантаторовъ, поселянъ и садовниковъ самымъ нежеланнымъ гостемъ. Стаи этихъ попугаевъ часто посѣщаютъ скирды на поляхъ и такъ тѣсно сидятъ на нихъ, что снопы положительно кажутся покрытыми какъ-бы блестящимъ, цвѣтнымъ ковромъ. Они подвѣшиваютъ кругомъ всей скирды, вытаскиваютъ изъ нея солому и портятъ и истребляютъ зеренъ въ два раза больше, чѣмъ ихъ нужно было бы для удовлетворенія голода. Они нападаютъ на груши и яблоки, когда плоды еще малы и не спѣлы, и поступаютъ такъ главнымъ образомъ ради плодовыхъ зеренъ. Подобно тому, какъ на зерновыя поля, они кучами нападаютъ и на плодовые деревья въ садахъ, срываютъ какой-нибудь плодъ, вскрываютъ его съ какого-нибудь бока и вытаскиваютъ мягкія и незрѣлыя зерна, послѣ чего бросаютъ плодъ, срываютъ другой и такимъ образомъ двигаются съ одной вѣтки на другую, пока дерево, обѣщавшее до того обильный сборъ, совершенно не будетъ лишено плодовъ. Большинству другихъ плодовъ они приносятъ такой же вредъ, только маня никогда не привлекаетъ ихъ вниманія. Само собой, понятно, что такія вторженія въ права плантатора побуждаютъ послѣдняго къ мести и попугаямъ объявляется настоящая война. Часто отъ одного выстрѣла ихъ падаетъ 10 или 20 штукъ; но оставшіеся въ живыхъ постоянно возвращаются на то же мѣсто; такимъ образомъ, какъ я узналъ, въ немногіе часы этихъ птицъ убивается многія сотни».

«Каролинскій попугай», рассказываетъ Вильсонъ, «является птицей весьма общественной, указывающей по отношенію своихъ собратьевъ чрезвычайную привязанность и въ горѣ, и въ радости. Если выстрѣлить въ стаю ихъ и ранить одну, все общество въ ту-же минуту возвращается къ ней обратно, кружится надъ

ней съ громкими боязливыми криками, какъ-бы желая придти на помощь, и часто опускается на какое-либо сосѣднее дерево. Послѣдующіе выстрѣлы не измѣняютъ поведенія птицъ, напротивъ, они, повидимому, только увеличиваютъ самопожертвованіе попугаевъ, которые, громко крича, все ближе и безстрашнѣе летаютъ вокругъ убитыхъ. Ихъ общественность и дружба между собою часто проявляется въ такой-же степени, какъ у неразлучныхъ: одинъ попугай чиститъ и чешетъ другого, а тотъ въ свою очередь отвѣчаетъ тѣми-же ласками; парочка каролинскихъ попугаевъ сидитъ всегда тѣсно прижавшись и т. д.

«Трудно привести въ примѣръ два другіе такіе контраста, какъ быстрый полетъ каролинскихъ попугаевъ въ сравненіи съ ихъ неуклюжей, безпомощной походкой по вѣтвямъ или еще того хуже по землѣ. Они держатся скученными стаями и несутся съ большой быстротой съ громкими, далеко раздающимися криками, напоминающими крики дятловъ, направляясь обыкновенно по прямой линіи, но случается, что летятъ красивой змѣвидной линіей, которую они вдругъ и часто мѣняютъ, повидимому, ради своего-же удовольствія. Любимыми деревьями ихъ являются сикоморы и платаны, въ дуплахъ которыхъ они находятъ себѣ убѣжища. 30 и 40 штукъ ихъ, иногда и больше, особенно въ сильные холода забираются въ одно и то же дупло. Здѣсь они подвѣшиваются, подобно дятламъ, къ боковымъ стѣнкамъ, впѣпившись когтями и клювомъ. Повидимому, они спятъ много, по крайней мѣрѣ днемъ они часто возвращаются обратно въ свое дупло, гдѣ и предаются короткому полуденному сну.

«Странно, что каролинскіе попугаи охотно ѣдятъ соль. По близости отъ солончаковъ ихъ всегда видишь во множествѣ; тамъ они покрываютъ сплошь какъ землю, такъ и сосѣднія деревья, причемъ иногда въ такомъ количествѣ, что ничего другого не видно, кромѣ ихъ блестящаго и сверкающаго оперенія.»

Принимая во вниманіе дѣятельныя изслѣдованія сѣверо-американскихъ орнитологовъ, становится удивительнымъ, что о размноженіи каролинскихъ попугаевъ мы до сихъ поръ еще не имѣемъ удовлетворительныхъ сообщеній. Въ этомъ отношеніи Риджвай ссылается на данныя, сообщенныя Вильсономъ и Одюбомомъ, и категорически заявляетъ, что лучше этихъ двухъ натуралистовъ объ этомъ предметѣ не сообщалъ ни одинъ изъ другихъ американскихъ авторовъ. По изслѣдованіямъ Вильсона этотъ попугай гнѣздится, какъ и другіе подобные ему, въ дуплахъ деревьевъ, причемъ, какъ это обыкновенно среди попугаевъ, не устраиваетъ въ нихъ настоящаго гнѣзда. Одни наблюдатели увѣряли Вильсона, что яйца этой птицы чистаго бѣлаго цвѣта, по утверженію-же другихъ—яйца крапчатые. Одинъ человекъ увѣрялъ вышеупомянутаго натуралиста, что нашелъ въ дуплѣ одного упавшаго дерева остатки болѣе, чѣмъ 29 попугаячьихъ яицъ и даже гнѣздо, сложенное изъ прутьевъ. Изъ всѣхъ этихъ разнорѣчивыхъ свидѣній Вильсонъ могъ вывести только одно заключеніе, что въ одномъ гнѣздѣ живутъ одновременно нѣсколько попугаевъ. Того-же очевидно ложнаго мнѣнія былъ и Одюбонъ. По его изслѣдованіямъ, каролинскій попугай пользуется для своихъ гнѣздъ тѣми-же дуплами, которыя служатъ ему ночлегомъ, и кладетъ два яйца прямо на дно гнѣздоваго дупла. Точно также вѣритъ Одюбонъ и въ совместное жительство гнѣздящихся попугаевъ, поэтому его предположенія нисколько не разсѣиваютъ мрака, скрывающаго отъ насъ исторію размноженія этой птицы. Насколько трудно должно быть для сѣверо-американскихъ натуралистовъ полученіе яицъ каролинскаго попугая, уже прекрасно видно изъ того, что одинъ изъ извѣстнѣйшихъ зоологовъ Соединенныхъ Штатовъ спрашивалъ Перкорпа, не можетъ ли послѣдній достать для него изъ Германіи яицъ, снесенныхъ попугаями, живущими въ клѣткахъ. Оказалось, что въ Гапповер-

скомъ зоологическомъ саду ихъ имѣлось въ достаточномъ количествѣ, такъ что онъ могъ удовлетворить просьбу американскаго натуралиста. По опубликованнымъ свѣдѣніямъ изъ вышеупомянутаго зоологическаго сада, каролинскій попугай кладетъ въ юнѣ два яйца на подстилку изъ расщепленныхъ кусочковъ дерева въ какомъ-нибудь подходящемъ гнѣздовомъ ящикѣ. Длина яицъ равняется 32, ширина 30 мм., слѣдовательно они имѣютъ почти круглую форму. Яйца эти бѣлаго цвѣта, необыкновенно блестящи и, по увѣреніямъ компетентныхъ коллекторовъ, существенно отличаются отъ яицъ другихъ попугаевъ.

О жизни каролинскихъ попугаевъ въ неволѣ Вильсонъ сообщаетъ слѣдующее. Такъ какъ мнѣ было любопытно узнать, легко или нѣтъ приручить такого попугая, я рѣшилъ взять къ себѣ одного, раненнаго мною въ крыло. Въ кормѣ моей лодки я устроилъ ему нѣчто вродѣ клѣтки и бросалъ ему туда головки репейника, которая онъ началъ ѣсть тотчасъ по прибытіи на берегъ. Въ первые дни онъ довольно правильно распредѣлялъ свое время между ѣдой и сномъ. Въ промежуткахъ между этими занятіями онъ грызъ прутья своей клѣтки. Покинувъ рѣку и путешествуя по сушѣ, я несъ его съ собой въ шелковомъ носовомъ платкѣ, несмотря на всѣ затрудненія, сопряженныя съ такою ношей. Дороги въ это время были невыразимо плохи: приходилось переплывать опасные ручьи и рѣчки, проходить цѣлыя мили по болотамъ или чащамъ и преодолевать другія препятствія. Очень часто мой попугай вылѣзалъ изъ моего платка и вынуждалъ меня слѣзать съ лошади и разыскивать его въ чащѣ или на болотѣ. Въ такихъ случаяхъ я часто думалъ покончить съ нимъ, но никогда не приводилъ этого намѣренія въ исполненіе. Когда мы вмѣстѣ съ нимъ располагались на ночь въ лѣсу, я помѣщалъ его возлѣ себя на мой маленькій багажъ, на другое-же утро бралъ его вновь къ себѣ. Такимъ образомъ я возилъ его съ собой болѣе, чѣмъ 1000 миль. Когда я вступилъ въ предѣлы охотничьихъ владѣній индѣйцевъ, то постоянно былъ окруженъ толпою мужчинъ, женщинъ и дѣтей, съ громкимъ смѣхомъ и удивленіемъ смотрѣвшихъ на моего страннаго товарища. Чикасавы звали его на своемъ языкѣ «келинки», но услышавъ, что я зову попугая «Полли», тотчасъ-же перемѣнили названіе, а впоследствии Полли всегда былъ посредникомъ дружескаго общенія между мною и этимъ народомъ. По прибытіи своемъ къ моему другу Дунбару, я добылъ клѣтку и поставилъ ее подъ навѣсомъ дома. Очень скоро мой плѣнникъ привлекъ своимъ крикомъ пролетавшія стаи, и мы ежедневно видѣли многочисленныя собранія ихъ, летавшія вокругъ дома и вступавшія въ самую оживленную бесѣду съ Полли. Одного изъ летавшихъ попугаевъ, тоже легко раненнаго въ крыло, я посадилъ въ клѣтку къ Полли, къ великому удовольствію моего затворника. Онъ тотчасъ-же подошелъ къ нему, всачески сочувствовалъ его несчастію, гладилъ клювомъ его голову и шею и вообще выказывалъ къ нему самую нѣжную привязанность. Но пришлецъ умеръ, и Полли нѣсколько дней былъ безпокоенъ и неутѣшенъ. Я поставилъ зеркало около мѣста, гдѣ онъ имѣлъ обыкновеніе сидѣть; онъ разсматривалъ свое изображеніе и, казалось, къ нему вернулось прежнее веселіе: по крайней мѣрѣ нѣкоторое время онъ былъ внѣ себя отъ радости. Особенно трогательно было смотрѣть, какъ съ приближеніемъ вечера онъ прижималъ свою голову къ изображенію въ зеркалѣ и выражалъ свое удовольствіе тихимъ шепчущимъ крикомъ. По прошествіи короткаго времени онъ привыкъ къ данному ему имени и откликался, когда его звали. Онъ лазалъ кругомъ по моему платью, садился ко мнѣ на плечо и бралъ куски изъ моего рта. Безъ сомнѣнія, я довелъ-бы воспитаніе его до конца, если-бы, благодаря несчастному случаю, онъ не лишился жизни. Однажды утромъ бѣдная птица ушла изъ своей клѣтки, пока я еще спалъ, полетѣла въ воду Мексиканскаго залива и утонула.»

Принцъ фонъ Видъ въ существенныхъ чертахъ говоритъ про каролинскаго попугая то же, что и въ предыдущемъ описаніи. Весенними мѣсяцами онъ находилъ этихъ птицъ на Миссисипи часто огромными стаями, хотя они и терпѣли самое ревностное преслѣдованіе со стороны ихъ непримиримѣйшихъ враговъ—плантаторовъ. Въ низовьяхъ Миссури ихъ еще замѣчаютъ, въ верхнемъ-же теченіи они уже не встрѣчаются. Индѣйцы, живущіе близъ форта Уніонъ, носятъ шкурки этихъ птицъ въ видѣ головныхъ украшеній. Попугаи, жившіе у принца фонъ Видъ, брали пищу съ первыхъ-же дней и вскорѣ становились ручными. Вначалѣ они кусали, конечно, тѣхъ, которые брали ихъ на руки; однако скоро они привыкли къ людямъ. Одинъ изъ плѣнниковъ нашего натуралиста кончилъ жизнь также печально. Онъ былъ пойманъ во время холоднаго времени года и усердно искалъ въ комнатѣ тепла, вначалѣ грѣясь въ лучахъ солнца, позднѣе-же — у камина. Но огонь оказался для него пагубнымъ: отъ жара онъ получилъ воспаленіе въ мозгу и умеръ.

Въ послѣдніе годы наши торговцы привозили такъ много живыхъ каролинскихъ попугаевъ, что цѣна на нихъ упала до нѣсколькихъ марокъ. Однако такихъ плѣнниковъ только изрѣдка виднѣшь въ зоологическихъ садахъ и въ клѣткахъ любителей. Одинъ изъ послѣднихъ называетъ каролинскаго попугая «неисправимымъ глупцомъ». Рей считаетъ долгомъ сообщить кое-что въ защиту этихъ птицъ. «Вотъ уже нѣсколько лѣтъ», говоритъ онъ, «вмѣстѣ съ другими попугаями я держу и каролинскихъ, которые, несмотря на свой неприятный крикъ и неисправимую привычку портить оконныя рамы, настолько сильно привязали меня къ себѣ другими приятными качествами, что я никогда не могъ рѣшиться разстаться съ ними. Уже по истеченіи короткаго времени эти птицы такъ привыкли ко мнѣ, что, не долго думая, садились ко мнѣ на руку или голову, когда я предлагалъ имъ грецкіе орѣхи, которые они ѣли особенно охотно. При этомъ, если я держалъ орѣхъ, совершенно закрывъ его рукой, птицы совершенно спокойно оставались на своемъ наблюдательномъ посту. Если-же я разбивалъ орѣхи въ рукахъ, не показывая этого птицамъ, онѣ все-таки тотчасъ прилетали на трескъ раздавливаемой скорлупы. Позднѣе, когда я помѣстилъ этихъ попугаевъ въ клѣтку, я не разъ имѣлъ случай ближе познакомиться съ высокою степенью ихъ понятливости. Однимъ изъ обычнѣйшихъ недостатковъ ихъ былъ обычай, послѣ утоленія своей жажды, опрокидывать или выбрасывать наружу около дверцы посудину съ водой, причѣмъ они выказывали несомнѣнную радость, когда ихъ продѣлка имѣла успѣхъ, т. е. когда посудина разбивалась. Всѣ попытки укрѣпить послѣднюю на мѣстѣ или запирать дверцу клѣтки были тщетны и только возбуждали остроуміе попугаевъ, и всѣ надлежащія приспособленія въ очень короткое время служили для нихъ же цѣлей: попугаи очень скоро соображали, какъ устранить препятствіе и, благодаря неутомимому труду, очень скоро имѣли возможность вновь привести свое намѣреніе въ исполненіе. Не добившись толку этимъ способомъ, я прибѣгнулъ къ другому, опрыскивая птицъ водою каждый разъ, когда заставлялъ ихъ за такими продѣлками. Необыкновенно курьезное зрѣлище представляли онѣ, когда потихоньку принимались за свое запрещенное дѣло и общими усилиями отворяли подъемную дверцу клѣтки. Одинъ изъ попугаевъ вставлялъ свой клювъ, на подобіе рычага, снизу, другой-же, привѣсившись къ крышѣ клѣтки, изо всѣхъ силъ удерживалъ дверь, пока его товарищъ снова не поднималъ ее нѣсколько выше. Когда отверстіе уже было достаточно велико, чтобы работавшій внизу попугай могъ въ него пролѣзть, послѣдній, вытянувъ шею, выглядывалъ изъ клѣтки и сначала внимательно осматривался кругомъ, пока не замѣчалъ, что я сижу за своимъ рабочимъ столомъ.

«Если онъ при этомъ убѣдится, что я ничего не замѣтилъ, то весьма осторожно притаскиваетъ посудину изъ-подъ воды и, если я быстро не прикрикну, эту послѣднюю постигаетъ участь всѣхъ предыдущихъ. Если же я оставлялъ ихъ въ покоѣ или просто отсутствовалъ во время ихъ продѣлки, они очень явно выказывали полное сознание совершеннаго ими проступка, лишь только я появлялся въ комнатѣ.

«Я особенно любилъ и цѣнилъ этихъ попугаевъ болѣе другихъ за то, что мнѣ безъ особеннаго труда удалось приучить ихъ улетать изъ дому, и прилетать обратно. Иной разъ они летали на свободѣ кругомъ съ 9 часовъ утра до вечера, когда начинало уже смеркаться, временами прилетая отдохнуть или поѣсть на окно моей рабочей комнаты, гдѣ я пристроилъ имъ жердочку. Нѣкоторые дни они летали мало, отдыхали-же нѣсколько часовъ, въ особенности въ обѣденное время. Раннимъ утромъ они предпринимали самыя отдаленныя экскурсіи, вечеромъ же, когда хотѣли спать, они прилетали къ другому окну въ противоположномъ концѣ моего жилища, вблизи котораго уже давно стоитъ ихъ клетка. Если они находили это окно запертымъ, то поднимали ужасный крикъ или пытались открыть себѣ доступъ въ домъ ударами о задвижки. Если случайно въ той комнатѣ никого не оказывалось, они часто направлялись къ вышеупомянутой рабочей комнатѣ, и, пролетѣвъ рядъ другихъ, добирались до своего мѣста ночлега.

«Самый полетъ ихъ легокъ и красивъ. Часто они почти отвѣсно срывались съ своей жердочки у окна прямо на улицу и летѣли у самой мостовой или же поднимались надъ самыми высокими домами, описывая большіе круги въ воздухѣ. Если они летаютъ на короткія разстоянія, ихъ полетъ сопровождается болѣе частыми взмахами крыльевъ; при болѣе отдаленныхъ полетахъ, длящихся часто 20—25 минутъ, они летятъ съ быстротой стрѣлы и болѣе плавно. Когда они пролетаютъ съ такой страшной стремительностью мимо окна, или съ быстротой молніи облетаютъ уголъ дома, или же слетаютъ и взлетаютъ отвѣсно на стѣну — они полетомъ своимъ очень сильно напоминаютъ нашихъ благородныхъ соколовъ. Если за ними погонятся другія птицы, они обыкновенно прогоняютъ ихъ ударами клюва, свойственными хищнымъ птицамъ. Въ особенности съ башенными стрижами они постоянно затѣвали ссоры. Одинъ воробей былъ разъ такъ удивленъ появленіемъ пестраго чужеземца, что долгое время слѣдовалъ за попугаемъ словно на привязи, садился возлѣ него и разглядывалъ это рѣдкое пернатое существо, когда попугай вернулся къ окну. То-же самое повторялось нѣсколько разъ, хотя я съ другимъ господиномъ стоялъ у открытаго окна.

«Само собою понятно, что летаніе по окрестностямъ моихъ попугаевъ не только возбуждало вполне естественное любопытство нашихъ птицъ, но и привлекало вниманіе народонаселенія. Хотя молодежь, въ особенности первое время, почти буквально располагалась лагеремъ возлѣ моего дома, почему конечно не было никакого недостатка въ шумѣ, птицы мои этимъ нисколько не смущались и продолжали свои воздушныя упражненія, не обращая вниманія на шумящую толпу.

«Между всѣми длиннохвостыми попугаями, которыхъ я держалъ въ неволѣ самъ или видѣлъ у другихъ, въ отношеніи одаренности я выше всего ставлю каролинскаго попугая. По моему, въ этомъ случаѣ онъ даже превосходитъ многихъ высокоодаренныхъ короткохвостыхъ попугаевъ. Онъ однако никогда не бываетъ такимъ ручнымъ, какъ другіе попугаи, лори и какаду и всегда остается недовѣрчивой, а прежде всего очень осторожной птицей. Поэтому его ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать перазлучно пугливымъ».

Въ опѣнкѣ умственныхъ способностей каролинскаго попугая мое мнѣніе близко къ мнѣнію Рей. О такихъ птицахъ, которыя-бы, какъ вышеописанныя, улетая

Лит. ШТАДЛЕРЪ и ВАТТИНОТЪ С. П. В.

А Р А Р Ы .

5

изъ дому, прилетали обратно, за полнымъ отсутствіемъ случаевъ личнаго наблюденія, я судить не могу, но въ просторныхъ и тѣсныхъ клѣткахъ я наблюдалъ каролинскихъ попугаевъ часто и много, причѣмъ всегда приходилъ къ убѣжденію, что ихъ слѣдуетъ причислить къ самымъ умнымъ и къ самымъ хитрымъ попугаямъ. Для меня нѣтъ никакого сомнѣнія, что со временемъ этого попугая можно сдѣлать такимъ же ручнымъ, какъ и другихъ того-же отряда. Въ такихъ случаяхъ все дѣло заключается всегда въ правильномъ воспитаніи.

* * *

Самыми большими изъ клинохвостыхъ попугаевъ являются **Арары** или **Ары** (Sittace. Araras. Aras)—попугай, величиною отъ галки до ворона. Отличительными признаками ихъ отъ всѣхъ остальныхъ попугаевъ будутъ слѣдующіе: клювъ очень сильный, необыкновенно большой, съ боковъ сжатый, съ сильно округленной спинкой и свѣшивающимся вытянутымъ концомъ; голое мѣсто въ передней части головы, захватывающее собой уздечку, ободокъ вокругъ глаза и переднюю часть щекъ, въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ ограничивается складчатой кожей вокругъ нижней половинки клюва; наконецъ у нихъ бываетъ очень длинный хвостъ. Кромѣ того характернымъ признакомъ могутъ служить еще слѣдующіе: верхняя половинка клюва передъ концомъ имѣетъ ясный зубовидный вырѣзь; нижняя половинка выше верхней и съ боковъ плоская, съ широкимъ рубцомъ и передъ тупымъ концомъ съ каждой стороны имѣетъ округлую выемку. Голые бока головы часто бываютъ покрыты короткими, далеко отстоящими другъ отъ друга рядами перышекъ. Крылья длинные и заостренные; третье маховое перо ихъ длиннѣе остальныхъ; кончикъ крыла сильно вытянутъ впередъ. Хвостъ длинный, клиновидный; самая наружная перья его равняются приблизительно одной трети длины самыхъ среднихъ. Плотное, жесткое опереніе особенно ярко блеститъ зелеными, красными и голубыми цвѣтами. Самцы и самки другъ отъ друга не отличаются, молодые же отличаются отъ старыхъ очень мало.

Арары распространены, начиная отъ сѣверной Мексики до южной Бразиліи и Парагвая, но не доходятъ до Чили. Въ Андахъ нѣкоторые виды доходятъ до высоты 3500 м. Большинство видовъ населяютъ дѣвственные лѣса, вдали отъ челоука и его жилья; съ распространеніемъ культуры они оттѣсняются все болѣе и болѣе и становятся повсюду рѣже въ зависимости отъ заселенія Америки. Въ отличіе отъ большинства другихъ попугаевъ они живутъ парами, иной разъ одиночками, совершенно изолировано отъ другихъ парочекъ, чаще-же имѣютъ другъ съ другомъ сношенія, когда по окончаніи птенцовой поры летаютъ небольшими обществами; но такія общества только въ рѣдкихъ случаяхъ становятся большими стаями. Каждая пара кажется очень привязанной къ мѣсту своего жительства, очень мало отъ него отделяется, но очень часто предпринимаетъ ежедневныя экскурсіи изъ центрального пункта своего мѣстожительства. Такимъ центральнымъ пунктомъ, вѣроятно, нужно считать дерево, на которомъ находится гнѣздо арарь, такъ какъ одна и та же пара всегда предпочитаетъ изъ году въ годъ гнѣздовать на томъ-же деревѣ. Такое явленіе было уже извѣстно древнимъ перуанцамъ и, какъ въ настоящее время для индѣйскихъ племенъ Гвіаны и Бразиліи, было и въ прежнее время источникомъ ихъ доходовъ. Такія деревья съ гнѣздами переходили по наслѣдству отъ отца къ сыну. Какъ ни скромны требованія арарь въ выборѣ деревьевъ для гнѣздъ, птицамъ все-таки необходимы широкія дупла; деревья-же съ такими дуплами въ дѣвственномъ лѣсу очень рѣдки, да и птицы эти держатся только въ извѣстныхъ областяхъ. Въ отношеніи характера птицы эти отличаются спокойствіемъ и тѣмъ, что сторонятся отъ другихъ по

пугаевъ, на которыхъ они похожи нѣкоторыми чертами характера и умственными способностями. Пищей имъ служатъ различные древесные плоды родныхъ лѣсовъ. Однако они нападаютъ и на поля, и тамъ, гдѣ арары встрѣчаются часто, они, очень понятно, приносятъ значительный вредъ. Въ весенніе мѣсяца ихъ родины они кладутъ въ свое старое гнѣздо 2 яйца, высидиваемыя, повидимому, одной самкой, хотя оба родителя проявляютъ по отношенію своихъ птенцовъ такую-же горячую любовь, какая замѣчается между птицами одной пары. Какъ и въ давнія времена, индѣйцы вынимаютъ молодыхъ изъ гнѣздъ и воспитываютъ у себя; за стариками-же, какъ издавна, такъ и теперь — охотятся ради ихъ роскошныхъ перьевъ.

Для цѣлей этого изданія будетъ совершенно достаточно, если изъ 18 принадлежащихъ сюда видовъ я опишу лишь самые крупныя, притомъ тѣхъ, которые чаще всего живутъ въ нашихъ клѣткахъ.

По своей величинѣ и красотѣ выше всего стоитъ **Гіацинтовый арара** (*Sittace hyacinthina*, *Psittacus hyacinthinus*, *augustus*, *Macrocercus hyacinthinus*, *augustus*, *Ara*, *Arara hyacinthina*, *Anodorhynchus hyacinthinus*, *maximiliani*. *Hyacinth-Arara*, *Ara Maximilien*). Эта прекрасная птица, отличающаяся своимъ крупнымъ клювомъ, имѣетъ одноцвѣтную темную кобальтово-синюю окраску, немного болѣе свѣтлую на головѣ и шеѣ. Основанія перьевъ ея сѣрыя, а внутреннія опахала маховыхъ перьевъ имѣютъ черноватые края. Маховыя, рулевыя перья и большая часть нижнихъ кроющихъ — блестящаго чернаго цвѣта съ такими-же стержнями. Глаза темно-карие; большой голый глазной ободокъ и очень широкій участокъ голой кожи вокругъ нижней половинки клюва — ярко-оранжевые. Клювъ черный, ноги черновато-бурые. По Бурмейстеру, длина птицы достигаетъ 1 м., длина крыльевъ 42 см., и хвоста 58 см.

Область распространенія гіацинтоваго арара ограничивается сѣверною частью средней Бразиліи, приблизительно отъ 16 гр. южной широты до рѣки Амазонки. Однако внутри этого района своего мѣстожительста, арара встрѣчается только одиночками и поэтому принадлежитъ къ числу рѣдкихъ явленій на нашихъ зоологическихъ рынкахъ.

Болѣе обыкновененъ и болѣе распространенъ другой видъ араръ — **Арананга** (*Sittace coccinea*, *masao*, *Psittacus ambiguus*, *masao*, *aracanga*, *Arara masao*, *aracanga*, *Ara jamaicensis*, *aracanga*, *Macrocercus masao*, *aracanga*, *Arakanga*, *Aracanga*). Эта столь-же красивая птица достигаетъ въ длину 86 см., размахъ крыльевъ 1,05 м., длина крыльевъ ея равна 40, хвоста 32 см. Мелкое опереніе ея пурпурово-краснаго цвѣта, на лбу и въ области уха нѣсколько свѣтлѣе; задняя часть спины, надхвостье и верхнія и нижнія кроющія перья хвоста — красиваго небесно-голубого цвѣта; большія и малыя маховыя перья, ихъ кроющія и крыловые сгибы — цвѣта берлинской лазури, причемъ первыя на внутреннихъ опахалахъ имѣютъ широкіе черноватые края. Наиболѣе длинныя верхнія кроющія перья крыльевъ и перья плечъ — оранжево-желтыя съ зелеными пятнами на концахъ. Рулевыя перья — пурпурово-красныя съ кончиками небесно-голубого цвѣта; обѣ пары самыхъ наружныхъ — темно-синяго цвѣта. Нижнія кроющія перья крыльевъ и нижняя сторона маховыхъ и рулевыхъ перьевъ — блестящаго пурпурово-краснаго цвѣта. Глаза желтовато-бѣлые, голыя части щекъ — буроватаго мясного цвѣта; верхняя половинка клюва бѣлаго рогового цвѣта, а у края основанія имѣетъ черное трехугольное пятно, нижняя половинка черная; ноги сѣровато-черныя.

Араканга живетъ въ сѣверныхъ странахъ Южной Америки, начиная отъ Боливии и сѣверной Бразиліи до Гватемалы и Гондураса, однако попадаетъ въ Перу и вѣроятно также въ Мексикѣ.

Съ только-что описаннымъ видомъ очень часто смѣшиваютъ Зеленокрылаго арапу (*Sittace chloroptera*, *Ara brasiliensis*, *Macrocerus chloropterus*, *Arara chloroptera*).

Гіацинтовый арапа. *Sittace hyacinthina*. 1/2 наст. вел.

гоптера. *Grünflügelara*. *Ara masao*), хотя онъ довольно замѣтно отличается своимъ темнымъ пурпурово-краснымъ опереніемъ и зеленымъ цвѣтомъ верхнихъ кроющихъ перьевъ крыла и плечъ. Въ средней и южной Бразиліи онъ заступаетъ мѣсто араканги, но далеко распространяется какъ на сѣверъ, такъ на югъ и западъ.

Последнимъ я упомяну Арапау (*Sittace caerulea*, *arapauna*, *Psittacus arapauna*, *caeruleus*, *Ara*, *Arara*, *Macrocerus arapauna*, *Arapauna*). Въ верхнія части тѣла этого арапы и кроющія перья хвоста — темно-голубого небеснаго цвѣта; бока шеи и нижнія части — ярко-оранжевые; полоска, охватывающая задъ-

ни части щекъ, и подбородокъ—черные. Глаза зеленоватого, жемчужно-сѣраго цвѣта; голыя боковыя части головы—буроватаго мясного цвѣта. Клювъ черный; ноги буровато-черныя. Длина птицы достигаетъ 97 см., длина ея крыла 40, а хвоста 52 см. Область распространенія та-же, что и для араканга.

Арары принадлежатъ къ числу типичныхъ птицъ дѣственныхъ лѣсовъ. Ихъ излюбленнымъ мѣстопребываніемъ являются долины и лѣса, прорѣзываемые руслами рѣкъ. Раньше они жили въ непосредственной близости большихъ городовъ, но усиливающееся заселеніе материка далеко оттѣснило ихъ, и они исчезаютъ тамъ, гдѣ культура уничтожаетъ дѣственные лѣса. Нѣкоторые виды не ограничиваются только лѣсомъ, но встрѣчаются и въ сухихъ, высокихъ областяхъ, выжженныхъ солнцемъ; ихъ крикъ встрѣчаетъ путешественника и въ дикихъ скалистыхъ горахъ провинціи Баги. «Во время плавания по рѣкамъ, окаймленнымъ густымъ прибрежнымъ лѣсомъ», говоритъ принцъ фонъ-Видъ, «вы видите этихъ красивыхъ птицъ и тотчасъ-же узнаете ихъ по голосу, величинѣ и длинному хвосту, когда, взмахивая своими длинными, большими крыльями, слѣ медленно и плавно летять въ далекой темно-голубой выси». Путешественники имѣютъ обыкновеніе весьма преувеличивать всѣ свѣдѣнія, касающіяся этихъ, столь интересныхъ для европейцевъ птицъ. Такъ, Ватертонъ упоминаетъ о величественномъ зрѣлищѣ, представляемомъ тысячами араръ, летящихъ высоко въ воздухъ, тогда какъ принцъ фонъ Видъ и всѣ остальные ученые натуралисты утверждаютъ, что никто не видѣлъ, чтобы арары собирались въ такомъ количествѣ.

«Образъ жизни этихъ красивыхъ птицъ», продолжаетъ принцъ фонъ Видъ, «въ общемъ не разнится отъ образа жизни другихъ попугаевъ. Въ полдень, во время самой сильной жары, ихъ видишь отдыхающими на нижнихъ могучихъ вѣтвяхъ какого-нибудь тѣнистаго дерева. Шея ихъ подтянута, а длинный хвостъ отвѣсно свѣшивается книзу. Однако послѣ двухчасового отдыха они уже снова въ дѣятельности. За исключеніемъ времени спариванія они летаютъ обществами, отыскивая плоды различныхъ пальмъ, дерева сапукайя и другихъ, надъ чрезвычайно твердой скорлупой которыхъ они и упражняютъ свой огромный клювъ. Какъ ни громки они бываютъ обыкновенно, но, какъ и всѣ попугаи, тотчасъ-же прячутся и затихаютъ, какъ только спустятся на дерево, на которомъ замѣтили свои излюбленные плоды. Въ этомъ случаѣ объ ихъ присутствіи узнаютъ особенно по паденію разгрызанной плодовой скорлупы и шелухи. Во многихъ областяхъ мы находили ихъ, а именно въ холодное время года, занятыми разыскиваніемъ плодовъ одного растенія, называемаго тамъ «спинья». Они очень ловко лазали по спутаннымъ прищипкамъ этого растенія и въ это время стрѣляли въ нихъ было легче, чѣмъ обыкновенно. Зобы ихъ были совершенно наполнены зернами этихъ плодовъ. Въ другое-же время мы встрѣчали такихъ птицъ, у которыхъ клювы отъ сока извѣстныхъ плодовъ окрасились въ синій цвѣтъ.

«Въ своей «Естественной исторіи попугаевъ» Левальянъ говоритъ, что арары глупыя птицы, не боящіяся выстрѣла охотника; однако, на основаніи собственныхъ наблюденій, я долженъ замѣтить, что въ безлюдныхъ лѣсахъ Бразиліи, гдѣ арары очень многочисленны, ихъ причисляютъ къ числу самыхъ пугливыхъ и хитрыхъ птицъ».

Насколько вѣренъ взглядъ бразильцевъ, доказываютъ пойманные арары, доставляемые къ намъ. Нужно быть слѣпымъ, чтобы не замѣчать ихъ высокой степени одаренности. У нихъ нѣтъ той оживленности и бодрости, которыя проявляются другими ихъ сородичами, но было-бы совершенно несправедливо считать ихъ

совершенно неповоротливыми и вялыми. Въ сравненіи съ другими попугаями они кажутся птицами спокойными, осмотрительными и строгими; въ недостаткѣ развитія нѣжныхъ чувствъ и понятливости упрекнуть ихъ можетъ только тотъ, кто ихъ не наблюдалъ. Они также легко, быть можетъ даже легче многихъ другихъ попугаевъ, примѣняются къ измѣнившимся обстоятельствамъ, вникаютъ, позволю себѣ такъ выразиться, въ желанія и въ характеръ человѣка, подчиняются, хотя впрочемъ не всѣмъ, кроткому и толковому обращенію и только тогда пускаютъ въ дѣло свою значительную силу, когда ихъ дразнятъ. Другъ съ другомъ они живутъ въ тѣсной дружбѣ, равно и въ глубокомъ мирѣ съ другими безвредными птицами и животными. Ихъ поведеніе, какъ я уже упоминалъ въ другихъ мѣстахъ, дѣлаетъ ихъ пріятными и достойными расположенія. Они не только добродушны и привязчивы, но проявляютъ много нѣжности, какъ супружеской и родительской, такъ и по отношеніи того, кто о нихъ заботится.

Когда арары сидятъ на какомъ-нибудь деревѣ и заняты ѣдой, все общество обыкновенно молчитъ; самое большее они издаютъ при этомъ тихіе звуки, довольно похожіе на человѣческую бесѣду. Ихъ рѣзкій голосъ слышенъ всегда, когда они тѣмъ-либо обезпечены или просто летятъ; всего громче они кричатъ, когда тихо подкравшійся охотникъ выстрѣломъ испугаетъ ихъ компанію, беззаботно занимающую ѣдой. Они поднимаютъ тогда крикъ, способный положительно оглушить. Къ нимъ относились уже приведенные выше слова А. Гумбольдта: «крикъ ихъ заглушаетъ шумъ горныхъ потоковъ». Ихъ громкій голосъ звучитъ дикимъ, почти односложнымъ крикомъ, похожимъ на крикъ нашихъ воронъ. Принцъ фонъ Видъ говоритъ, что онъ вовсе не передается словами «арась», или «арара»; Бурмейстеръ напротивъ, утверждаетъ, что у птицъ, живущихъ на свободѣ, слышалъ оба эти крика. Съ своей стороны, насколько это относится къ птицамъ, живущимъ въ неволѣ, я могу подтвердить сказанное Бурмейстеромъ.

Главную пищу араръ составляютъ плоды, орѣхи и сѣмена деревьевъ дѣвственныхъ лѣсовъ; ихъ клювъ весьма приспособленъ для разгрызанія самой твердой скорлупы плодовъ различныхъ пальмъ. Однако, по временамъ, арары являются и неприятными посѣтителями плантацій. Подобно многимъ другимъ плодояднымъ птицамъ дѣвственнаго лѣса, они, за исключеніемъ поры размноженія, слѣдуютъ по пути вырѣванія плодовъ; при этомъ можетъ случиться, что во время своихъ перелетовъ они могутъ достигнуть до границы дѣвственнаго лѣса и опустошительно напасть на поля и плодовые плантаціи. Ихъ хищническіе набѣги очень наглядно описываетъ Шомбургкъ. «Найдя какое-нибудь созрѣвшее поле, они выставляютъ вокругъ него сторожей на ближайшихъ деревьяхъ. Несмолкаемый до тѣхъ поръ шумъ и дикое карканье стихаютъ, только тутъ или тамъ слышатся сдержанные ворчливые или шуршащіе звуки. Если къ этой, занятой грабежомъ, компаніи приближается какое-нибудь, внушающее подозрѣніе существо, первый замѣтившій его стражъ издаетъ тихій предостерегающій крикъ, на который пернатые воры отвѣчаютъ сдержаннымъ карканьемъ, показывая тѣмъ, что предупрежденіе ими принято къ свѣдѣнію. Если опасность становится очевиднѣе, сторожъ съ громкимъ карканьемъ слетаетъ со своего поста, а вмѣстѣ съ нимъ съ дикимъ крикомъ поднимается и вся стая, ища спасенія въ быстромъ бѣгствѣ».

Какъ и всѣ попугаи, арары оказываются весьма вѣрными супругами. «Въ апрѣлѣ 1788 года», рассказываетъ Азара, «Мануэль Паломаресъ, охотясь въ милѣ отъ города Парагвая, убилъ одного арару и привѣсилъ его къ сѣдлу. Самецъ убитой птицы слѣдовалъ за охотникомъ вплоть до его дома, помѣщавшагося въ средней части города. Тамъ онъ сѣлъ подлѣ своей убитой подруги, нѣсколько дней

оставался на одномъ и томъ-же мѣстѣ и въ концѣ концовъ позволилъ взять себя руками. Послѣ этого онъ остался въ домѣ плѣнникомъ». Подобныя-же свѣдѣнія имѣемъ мы и отъ другихъ натуралистовъ, имѣвшихъ случаи наблюдать араръ на свободѣ. Взаимная любовь выражается у нихъ настолько сильно, что можно вполне сказать, что пара араръ живетъ только для себя и своего потомства. Прославленные неразлучные попугай не относятся другъ къ другу съ такою нѣжностью, какъ эти большія птицы. Самцовъ и самокъ видишь всегда вмѣстѣ, и даже, когда ихъ летитъ нѣсколько, въ этой стаѣ, какъ и у другихъ попугаевъ, можно различить отдѣльныя пары. Такая привязанность араръ настолько хорошо известна бразильцамъ, что охотники пользуются ею, чтобы убить нѣсколькихъ птицъ изъ одной и той-же стаи. Дѣйствительно, когда одна изъ птицъ убита, оставшіяся въ живыхъ тотчасъ-же является возлѣ ея трупа, желая узнать причину этого несчастья. Крикъ-же этого арары привлекаетъ къ тому мѣсту другихъ птицъ той-же стаи.

«Въ пору спариванія», рассказываетъ принцъ фонъ Видъ далѣе, «арары обыкновенно разыскиваютъ то-же гнѣздо, которое они занимали ранѣе, по крайней мѣрѣ дѣлаютъ это тогда, если ихъ никто на этомъ гнѣздѣ не тревожилъ. Въ теченіи многихъ лѣтъ ихъ видятъ гнѣздящими все на томъ-же мѣстѣ. Для своего гнѣзда они выбираютъ въ лѣсу дуплистое дерево, очень широкое въ обхватѣ, съ дуплистымъ сукомъ или выгнившей щелью, которую они увеличиваютъ до надлежащей ширины своимъ сильнымъ клювомъ. Сюда самка кладетъ 2 бѣлыхъ яйца, какъ и большинство другихъ видовъ попугаевъ». Яйца величиной нѣсколько меньше куриныхъ, съ неодинаковыми половинками, тупозаостренныя, слегка закругленныя у толстаго конца, мелкозернисты и снабжены близко лежащими другъ къ другу, круглыми и довольно глубокими порами. Одна-ли самка высидываетъ яйца или по временамъ ее смѣняетъ самецъ—до сихъ поръ еще не выяснено. Последнее мнѣ кажется вѣроятнымъ, по крайней мѣрѣ не невозможнымъ. По словамъ Шомбургка, во время высидыванія хвостъ далеко свѣшивается изъ отверстия, чѣмъ выдаетъ сидящую въ гнѣздѣ птицу. По утверженію Азары, чета ни на минуту не выпускаетъ изъ глазъ своего гнѣзда, почему и кормъ носятъ самцомъ и самкой попеременно. При чѣмъ-либо приближеніи птицы выказываютъ большое безпокойство. Птенцы не просятъ корма криками, но, чувствуя голодь, стучать въ стѣнку дупла. На первыхъ порахъ, какъ и у всѣхъ попугаевъ, птенцы араръ имѣютъ весьма некрасивый и безпомощный видъ, но и послѣ вылета изъ гнѣзда они еще долгое время находятся подъ надзоромъ и на попеченіи родителей. Туземцы вынимаютъ ихъ обыкновенно прежде, чѣмъ они получаютъ свое полное опереніе: тогда они становятся очень ручными.

Шойманныя арары уже издавна были любимыми птицами индѣйцевъ. «Весьма приятно было видѣть», говоритъ Гумбольдтъ, «вокругъ индѣйскихъ хижинъ ручныхъ араръ, летавшихъ по полямъ, подобно нашимъ голубямъ. Эти птицы служатъ большимъ украшеніемъ птичниковъ индѣйцевъ; онѣ не уступаютъ въ роскоши оперенія ни золотистымъ фазанамъ, ни павлинамъ, гокко и другимъ лѣснымъ куринымъ. Уже Колумбу бросился въ глаза обычай заниматься разведеніемъ попугаевъ—птицъ, принадлежащихъ къ семейству, такъ далеко отстоящему отъ куриныхъ, и уже во время открытія Америки онъ обратилъ вниманіе, что туземцы Антильскихъ острововъ ѣдятъ вмѣсто куръ араръ и другихъ крупныхъ попугаевъ».

Держать араръ всегда представляетъ нѣкоторую опасность, такъ какъ они довольно частенько пускаютъ въ дѣло совсѣмъ нежелательнымъ образомъ свой ужасный клювъ. Однако нѣкоторые становятся весьма ручными. Мой отецъ видѣлъ одну такую птицу въ рабочемъ кабинетѣ принца фонъ Видъ. Арара поль-

зовался полной свободой летать по комнатамъ, но охотно сидѣлъ по близости своего хозяина, спокойно позволялъ ему брать себя въ руки, носить на рукѣ по комнатамъ и съ большой нѣжностью гладилъ его щеки своимъ опаснымъ клювомъ. На посторонняго посѣтителя онъ смотрѣлъ своими маленькими, подвижными глазами съ такимъ вниманіемъ, какъ будто желалъ запомнить его фізіономію и запечатлѣть черты его лица. Я самъ воспитывалъ многихъ араръ, которые становились почти столь-же ручными, но ни одного рѣшительно не могъ приучить, чтобы онъ, подобно какаду, ко всѣмъ относился одинаково дружелюбно. Арары прекрасно различаютъ знакомыхъ отъ чужихъ; къ своему хозяину они привязываются, но по отношенію къ чужимъ они часто выказываютъ себя капризными и даже злобными, почему всегда требуютъ извѣстной осторожности въ обращеніи съ ними. Служителя они всегда радостно привѣтствуютъ и позволяютъ ему съ собою дѣлать все, что угодно; при видѣ-же другихъ лицъ они обыкновенно принимаютъ гнѣвный видъ, вздерошивая головныя перья и подозрительно двигая клювомъ.

«Какимъ ручнымъ можетъ сдѣлаться арара», пишетъ мнѣ Линденъ, «доказываетъ мнѣ одинъ арауна, который принадлежитъ теперь къ числу моихъ любимцевъ. Когда я получилъ его, это была пугливая, оглушительно кричавшая и кусавшаяся птица, которой даже необходимый кормъ я долженъ былъ давать съ предосторожностями, чтобы не быть укушеннымъ ею. Дрессировку голодомъ, советуемую несвѣдущими любителями, я, само собою разумѣется, къ нему не примѣнялъ, зная на опытъ, что добромъ въ этомъ случаѣ больше сдѣлаешь, нежели подобными мѣрами. Дѣйствительно, добрымъ словомъ и привѣтливимъ обращеніемъ я скоро исправилъ у моего арары его прежніе недостатки. Правда, онъ и теперь еще не выноситъ прикосновенія къ его хвостовымъ перьямъ, зато съ большимъ удовольствіемъ позволяетъ гладить свою голову, причемъ нерѣдко высовываетъ на сторону свой большой мясистый языкъ, какъ-бы въ отвѣтъ на расточаемыя ему ласки. Одинъ разъ онъ получилъ сильный насморкъ, отчего у него заложило ноздри, и я прочистилъ ихъ ему перомъ. Это средство, повидимому, принесло ему облегченіе, такъ какъ онъ не замедлилъ выказать свое удовольствіе обычнымъ среди попугаевъ образомъ. Но конечно онъ часто позволяетъ себѣ различныя невинныя продѣлки. Задвижка его помѣщенія была слишкомъ слаба. Онъ это скоро узналъ, произвелъ надлежащія изысканія и открылъ, что защелка вытаскивается, если дверцу подать нѣсколько снизу вверхъ. Онъ тотчасъ-же выбрался изъ клѣтки, началъ летать по птичнику и производить разныя безчинства надъ деревянными частями клѣтокъ. Наконецъ я узналъ въ чемъ дѣло и перемѣнилъ замокъ. Вначалѣ онъ остался этимъ чрезвычайнѣе недоволенъ, но мало по малу дурныя привычки его прошли, и онъ со временемъ сдѣлался такимъ благо- нравнымъ, что теперь я могу его выпускать, не боясь какихъ-либо шалостей съ его стороны. Онъ сидитъ спокойно на двери, и если я скажу ему: «ступай назадъ въ клѣтку», онъ немедленно повинуется. Онъ прилежно посѣщаетъ для купанья большую кадку съ водой. Прежде, если я ставилъ въ клѣтку эту кадку пустой и не наполнялъ ее тотчасъ-же, арара немедленно ее расколочивалъ, теперь-же этого больше не случается. Онъ рѣдко спалъ на жердочкѣ, большею-же частью подвѣшивался клювомъ и ногами къ рѣшеткѣ; часто также онъ сгребалъ въ одно мѣсто песокъ и ложился прямо на него. Сначала я думалъ, что ему нездоровится. Однако онъ очень сердился, когда я пробовалъ прогнать его съ земли, чѣмъ и убѣдилъ меня, что всякое безпокойство было для него неприятно. Съ этихъ поръ я предоставилъ его самому себѣ. Помѣщеніе этого арары было такъ расположено, что передъ глазами его разстилался весь садъ, который онъ могъ раз-

смагивать по вѣмъ направлєніямъ. Вслѣдствіе этого онъ сдѣлался какъ-бы дозорнымъ стражемъ всего моего попугайнаго общества. Онъ никогда не забываетъ своеобразнымъ крикомъ оповѣстить, если по дорожкѣ проходила собака или кошка. Его сосѣди, какаду и амазонскіе попугаи повторяли этотъ предостерегающій крикъ и на минуту устанавливалась вдругъ такая тишина, что не являлось никакого сомнѣнія, что это предостереженіе было вполне понято всякой другой птицей.»

Арары рѣдко выучиваются говорить такъ-же хорошо, какъ другіе попугаи, но и они отнюдь не лишены этого дара. «Мой ара», пишетъ моему отцу Зидгофъ, «выказалъ большую способность говорить и это подъ единственнымъ руководствомъ моей ручной сороки, которая очень хорошо говоритъ. Болѣе четырехъ мѣсяцевъ послѣ прибытія ко мнѣ онъ былъ совершенно молчаливъ, если не считать его ужаснѣйшихъ криковъ. Однажды я долженъ былъ перенести его въ другое мѣсто, туда, гдѣ напротивъ его висѣла клѣтка съ неумолкаемо тараторящей сорокой. Провисѣвъ тамъ около 10 дней, ара началъ передразнивать сороку. Въ настоящее время онъ зоветъ моихъ дѣтей по именамъ и тотчасъ-же заучиваетъ, что ему подскажутъ; онъ имѣетъ только ту особенность, что говоритъ лишь тогда, когда остается одинъ.» Вышеописанный арауна также научился говорить безъ всякой помощи со стороны его владѣльца. Объ этомъ Линденъ мнѣ пишетъ: «Здравствуй ара»—первое, что я слышу утромъ, когда птица меня увидитъ. Прежде она не умѣла здороваться во всякое время дня, однако современемъ слова привѣтствія у нея совершенно соответствовали времени дня. «Яшка — какаду? нѣтъ: Яшка — попка, дуракъ. Полли, дружекъ Полли, поди ко мнѣ». Если я дамъ моему араунаѣ фигу или кусочекъ яблока, онъ сѣдаетъ его со словами: «Это вкусно, не такъ-ли Яшка?» Получивъ-же кусокъ сахару онъ говоритъ: «это превкусно», подкрѣпляя свое изреченіе различными движеніями головы. Получая свой обычный кормъ, онъ не говоритъ никакой благодарности, напротивъ того наноситъ часто ударъ, чего никогда не дѣлаетъ, когда его ласкаютъ. Поставленную на полу его большой клѣтки посуду съ кормомъ онъ часто переворачиваетъ и волочитъ по клѣткѣ, за что я ему дѣлалъ выговоръ словами: «Не смѣй дѣлать такихъ проказы». Теперь-же, когда онъ примется за старую привычку, онъ самъ говоритъ «это проказы», а когда я возьму отъ него посудину прочь, онъ утѣшаетъ себя, вороша клювомъ песокъ и говоря при этомъ «вѣдь это проказы—не такъ-ли?» Упомянутый выше амазонскій попугай очень ясно и отчетливо произносилъ: «Лаура, твои глазки, что перлы; чего тебѣ еще, душенька, нужно?» Арауна подслушалъ это, передавая часте перемѣнялъ слова и путалъ ихъ мѣста въ фразѣ.»

Хорошо содержащіеся арары доживаютъ въ клѣткахъ до глубокой старости. Азара приводитъ достовѣрный примѣръ, когда одинъ ара жилъ 44 года въ одной семьѣ, къ концу одряхлѣвъ отъ старости и въ концѣ кѣнцовъ могъ переваривать только вареный майсъ. По сообщенію Буржо, въ 1818 году одна пойманная пара араунаѣ, жившая въ Кайеннѣ, гвѣздилась въ плѣну.

Охота на араръ одинаково ревностно ведется какъ туземцами, такъ и бѣлыми; европейскій охотникъ считаетъ себя уже счастливымъ, если мѣткимъ выстрѣломъ убьетъ одну изъ этихъ роскошно оперенныхъ птицъ. «Осторожно и притомъ въ густыхъ кустарникахъ или за стволами», говоритъ принцъ фонъ Видъ, «крадется охотникъ къ стаѣ ихъ и иногда однимъ выстрѣломъ убиваетъ нѣсколькихъ за разъ. Объ ихъ мѣстопробываніи охотникъ узнаетъ по ихъ громкимъ крикамъ, которые, какъ уже было замѣчено, всегда слышатся, когда арары летятъ или чѣмъ-либо обезпокоены. Въ нихъ стрѣляютъ крупной дробью, такъ какъ въ

ко, у которыхъ основныя части перьевъ были темно-сѣраго цвѣта, бока же ихъ грязнаго красно-бурога, такъ что казалось, какъ будто въ этомъ случаѣ имѣло мѣсто постепенное измѣненіе цвѣта отъ основанія къ концу пера. Однако такіе экземпляры были родомъ изъ горъ внутри материка и принадлежали, какъ повидимому установлено новѣйшими изслѣдованіями, къ давно извѣстному, близкому сѣрому попугаю роду *Psittacus timneh*. Зрачекъ стараго жако желтаго цвѣта; клювъ черный; ноги свинцово-сѣрыя. Самецъ немного крупнѣе самки. Длина птицы достигаетъ 31 см., размахъ крыльевъ 65, длина крыла 22, хвоста 8 см.

Сѣрый попугай. *Psittacus erithacus*. $\frac{2}{5}$ наст. вел.

Область распространенія сѣраго попугая въ западной Африкѣ простирается отъ Золотого берега до Бенгуэлы, а также на Фернандо По и Принцесы острова; въ глубь же она доходитъ до озера Чадъ и почти до водораздѣла сѣверной половины государства Конго, такимъ образомъ совпадая съ областью распространенія масляной пальмы. Въ нижнихъ частяхъ Анголы и Бенгуэлы и въ южныхъ частяхъ государства Конго жако, повидимому, не встрѣчается. Внутри изслѣдованнаго района его распространенія этотъ попугай попадаетъ почти всюду, гдѣ только есть довольно скученные и крупныя лѣса или совершенно заросшія, далеко тянущіяся, сплетенія вѣтвями, лѣсныя чащи. Поэтому весьма странно, что объ образѣ жизни этого попугая на свободѣ мы имѣемъ свѣдѣнія только въ новѣйшее время.

Нижеслѣдующимъ описаніемъ читатель и я обязаны Рейхенову, наблюденія котораго надъ сѣрыми попугаями существеннѣе и подробнѣе наблюденій другихъ

лицъ и который былъ настолько любезенъ, что отдалъ это описаніе въ мое распоряженіе.

«Куда бы вы ни повернулись, всюду васъ сопровождаетъ крикъ сѣраго попугая. Они совершенно обыкновенны въ западной Африкѣ, именно на Золотомъ берегу, въ дельтѣ Нигера, въ Камерунѣ и Габунѣ, такъ какъ здѣсь въ непроходимыхъ лѣсахъ по топямъ и болотамъ рѣчныхъ устьевъ природа предоставила имъ такое безопасное и подходящее мѣстожителство, что они могутъ не опасаться преслѣдованія со стороны туземцевъ и немногихъ другихъ опасныхъ имъ враговъ. Главнымъ мѣстомъ ихъ гнѣздованія являются мангровые лѣса по близости берега. Здѣсь они пользуются уже существующими дуплами деревьевъ, или же расширяютъ дупла сучковъ съ помощью своего сильнаго клюва настолько, чтобы въ нихъ можно было гнѣздиться. Въ птенцовую пору парочки живутъ болѣе или менѣе отдѣльно одна отъ другой; пора эта приходится на мѣсяца дождей и соответствуетъ, смотря по болѣе южному или болѣе сѣверному мѣсту жительства, нашимъ лѣтнимъ или зимнимъ мѣсяцамъ, но по окончаніи птенцовой поры они вмѣстѣ съ молодыми присоединяются къ другимъ попугаямъ, образуя стаи, и уже сообща носятся по окрестностямъ, сообща отправляются за кормомъ и сообща летаютъ на ночлегъ. Въ это время они выбираютъ опредѣленные мѣста ночлега—высочайшія деревья окрестностей и собираются на нихъ каждый вечеръ. Такіе ночлеги становятся скоро замѣтными. Далеко по мѣстности раздается каркающій крикъ прибывающихъ и садящихся на деревья попугаевъ, и только съ наступленіемъ сумерекъ эти крики замолкаютъ совершенно. Раннимъ утромъ крики поднимаются снова и на этотъ разъ свидѣтельствуютъ объ общемъ отлетѣ. Не переставая шумѣть, каркать и испускать пронзительные возгласы, сѣрые попугаи летятъ въ глубь страны, чтобы полакомиться на майсовыхъ поляхъ Нигера, преимущественно расположенныхъ на высокихъ долинахъ. Полусозрѣвшій майсъ составляетъ ихъ излюбленную пищу, и опустошенія, производимыя ими въ майсовыхъ поляхъ, оказываются ужасными. Только передъ заходомъ солнца они направляются на мѣста своихъ ночныхъ сборищъ. Во время такихъ правильныхъ кочевокъ и грабежей они слѣдуютъ всегда по одной и той-же пролетной дорогѣ, если только на ней ихъ ничто не потревожитъ. Разузнавъ скорѣе про такіе пути, мы пользовались ими, чтобы пополнить нашу провизію, однако никогда не могли долгое время придерживаться одного и того-же мѣста, такъ какъ умныя птицы замѣчали наконецъ въ чемъ дѣло и далеко облетали его.

«Полетъ сѣрыхъ попугаевъ ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать проворнымъ. Коротко и быстро взмахивая крыльями, они летятъ по прямому направленію туда, куда имъ нужно, и имѣютъ видъ птицъ, испуганныхъ и каждую минуту боящихся упасть. Когда мы вступили на эти берега и впервые увидѣли летѣвшихъ вдали жако, мы приняли ихъ за угокъ, такъ какъ полетъ этихъ птицъ одинаковъ. Одинъ выстрѣлъ сбиваетъ съ толку летящихъ жако: они внезапно, и часто очень круто, несутся внизъ и потомъ уже медленно поднимаются опять къверху. Громкое карканье, которое въ другое время они издаютъ только при видѣ опасной хищной птицы, свидѣтельствуетъ объ испытываемомъ ими страхѣ. Вообще, при всякомъ необычномъ возбужденіи, они кажутся перепуганными».

О гнѣздованіи сѣрыхъ попугаевъ Рейхену не удалось произвести надлежащихъ наблюденій, и свѣдѣнія о немъ мы находимъ у Кейлеманса. На Принцевомъ островѣ, гдѣ коллектировалъ этотъ путешественникъ, время гнѣздованія приходится въ декабрѣ послѣ поры дождей. Гнѣздомъ попугая служитъ болѣею частью какое-нибудь глубокое дупло дерева. Самка кладетъ до пяти чисто бѣлыхъ яицъ,

не вполне овальной формы, на тупомъ концѣ слегка, на остромъ сильно закругленныхъ. Такъ какъ эти птицы гнѣздуютъ въ непроходимыхъ лѣсахъ, то гнѣзда ихъ найти нелегко. Въ одномъ извѣстномъ районѣ часто гнѣздуютъ вѣскольکو сотенъ паръ, но при этомъ большею частью на одномъ деревѣ находится только одно гнѣздо. Старики хорошо умѣютъ защищать своихъ птенцовъ и находятъ поддержку у своихъ собратьевъ. Туземцы не вынимаютъ изъ гнѣздъ молодыхъ, будучи увѣрены, что въ гнѣздѣ этихъ попугаевъ страшный жаръ, способный обжечь пальцы, если опустить руку въ дупло съ гнѣздомъ.

«Между пернатыми хищниками», продолжаетъ Рейхеновъ, «однимъ изъ опасныхъ враговъ сѣрыхъ попугаевъ является, повидимому, грифовый орланъ (*Gypohierax angolensis*). Я много разъ видѣлъ его преслѣдовавшимъ этихъ попугаевъ и по ихъ сильно испуганному виду могъ убѣдиться, насколько они боялись его. Не было никакого сомнѣнiя, что орланъ, несмотря на то, что самъ не принадлежитъ къ числу хорошихъ летуновъ, могъ свободно достигать и схватывать этихъ неловкихъ на лету попугаевъ». Эти данныя Рейхенова противорѣчатъ мнѣнiю, высказанному Кейлемансомъ. Последнiй характеризуетъ сѣрыхъ попугаевъ, какъ смѣлыхъ птицъ, и утверждаетъ, что они сообща атакуютъ хищныхъ птицъ и бьютъ ихъ на лету. Основано-ли такое мнѣнiе на точныхъ наблюденiяхъ, я не знаю, но не довѣряю ему уже потому, что всѣ попугаи, о свободной жизни которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнiя, ведутъ себя такъ, какъ это описываетъ Рейхеновъ.

Жаркое, приготовленное особеннымъ образомъ изъ сѣраго попугая, очень хвалятъ Дорнъ, по словамъ котораго оно необыкновенно вкусно. Рейхеновъ, наоборотъ, отдаетъ предпочтенiе супу изъ хорошо свареннаго очень жирнаго жабо, мясо же его называетъ такимъ жесткимъ, что оно не поддается ни острому ножу, ни крѣпкимъ зубамъ, хотя съ виду похоже на говядину. Другiе путешественники также говорятъ, что мясо сѣраго попугая жестко и самое большее годно только для варки супа. Туземцы больше раздѣляютъ мнѣнiе Дорна, но въ этомъ случаѣ они едва ли могутъ быть компетентны, такъ какъ африканцы большею частью очень мало требовательны по отношенiю случайно перепадающей имъ мясной пищи. Объ одномъ сѣромъ попугаѣ, сильно распространенномъ въ странѣ Монбутту, Швейнфуртъ, между прочимъ, говоритъ, что его очень часто убиваютъ «ради его вкуснаго мяса». Впрочемъ за жабо охотятся не столько ради мяса, сколько изъ за его красныхъ хвостовыхъ перьевъ, такъ какъ всѣ негры употребляютъ ихъ въ качествѣ военнаго украшенiя головы и инымъ образомъ, или же готовятъ изъ нихъ различные амулеты.

Всюду, гдѣ жабо попадается, туземцы его ловятъ, приручаютъ и выучиваютъ говорить, а также пользуются имъ какъ предметомъ обмѣна и торговли. Денхамъ, Клаппертонъ и Гюрней привезли въ Англiю живыхъ сѣрыхъ попугаевъ съ озера Чадъ. Гейглингъ встрѣтилъ этого же попугая въ странѣ Намъ-Намъ и въ Бонго; всѣ путешественники, посѣтившие западные берега Африки, находили его живущимъ у туземцевъ, у однихъ племенъ чаще, у другихъ рѣже. «Жабо», замѣчаетъ Рейхеновъ далѣе, «является единственною птицей, постоянно доставляемою изъ западной Африки на европейскiе зоологическiе рынки, такъ какъ сравнительно немногiя другiя комнатныя птицы, получаемыя нами изъ этихъ странъ, богатыхъ привлекательными и изумительными животными, привозятся къ намъ болѣе или менѣе правильно. Причина, объясняющая такое явленiе, заключается въ безучастii и необщительности туземцевъ, живущихъ въ этихъ странахъ. Негры западнаго берега Африки слишкомъ лѣнны, чтобы заниматься ловлей птицъ. Относись совершенно безучастно къ окружающей ихъ природѣ, они не проявляютъ никакого желанiя

держатъ у себя этихъ пернатыхъ друзей дома. Птицы въ ихъ хозяйствѣ играютъ одну только роль—насыщать ихъ желудки. При этомъ я встрѣтилъ маленькихъ комнатныхъ птицъ только у болѣе дѣятельныхъ жителей Золотого берега. Однако сѣрый попугай почти всюду является исключеніемъ изъ этого правила».

По словамъ Кейлеманса, на Принцевомъ островѣ сѣрыхъ попугаевъ ловятъ петлями всегда сейчасъ послѣ вылета; по слухамъ они легко попадаютъ въ различные силки, о чемъ и узнаютъ по ихъ отчаянному крику. По Рейхенову, эти свѣдѣнія оказываются невѣрными для мѣстностей внутри страны. «Ни одинъ рѣшительно сѣрый попугай, доставленный къ намъ живымъ», заключаетъ этотъ авторъ, «не бываетъ пойманъ взрослымъ; всѣ до одного бывають вынуты неграми изъ гнѣздъ передъ вылетомъ изъ нихъ. Внутри страны начальники или знатные жители негритянскихъ селеній собирають у себя молодыхъ, добываемыхъ попугаевъ, для того, чтобы позднѣе одновременно доставить ихъ къ берегу. До этого они оставляють птицъ на свободѣ, подрѣзавъ у нихъ крылья. Въ это время попугаевъ видишь въ селеніи повсюду, сидящими на соломенныхъ крышахъ хижинъ или на деревьяхъ, растущихъ передъ ними. Разсѣвшись подобно нашимъ голубямъ, они представляютъ собою такое красивое и необычное зрѣлище, что, глядя на нихъ, невольно примираешься съ ихъ криками, рѣжущими ухо. Тотчасъ по окончаніи птенцовой поры, молодого жако можно купить на этомъ берегу за 3 марки на наши деньги, а внутри страны его можно вымѣнять на товаръ гораздо меньшей стоимости; позднѣе цѣна на этихъ птицъ поднимается, и на англійскихъ почтовыхъ пароходахъ часто за одного сѣраго попугая платяють 15—18 марокъ. Взрослыя птицы, уже прирученныя во время продолжительной жизни въ неволѣ, стоятъ дороже, чѣмъ молодыя, почему во многихъ мѣстахъ негры, въ особенности корыстолюбивыя полуобразованныя чернокожіе, воспитанныя въ миссіонерскихъ колоніяхъ, долгое время держатъ у себя этихъ попугаевъ, обыкновенно выучивая ихъ нѣсколькимъ словамъ на своемъ языкѣ или на ломанномъ англійскомъ. Каждый корабль, оставляющій берега западной Африки, везетъ съ собою болѣе или менѣе значительное количество сѣрыхъ попугаевъ. Изъ этого числа, во время короткаго плаванія по морю, выживаютъ лишь немногіе, несмотря на самый внимательный уходъ; но еще значительнѣе смертность среди тѣхъ попугаевъ, которые прибыли уже въ Европу. Плохой уходъ за ними въ пути является первымъ шагомъ къ ихъ скорой смерти. Самый большой недостатокъ въ уходѣ за ними это странное, но распространенное несправедливое распоряженіе каштановъ иъ дорогѣ не давать птицамъ пить вволю. Такъ какъ главнымъ кормомъ служить изобильно даваемый сухой черствый хлѣбъ, въ водѣ же для питья птицамъ отказываютъ, то естественно, что это отзывается на пищеварительныхъ органахъ птицъ; появляются болѣзни, растроенное пищевареніе, которыя и губяють большую часть птицъ. Корабль, на которомъ я возвращался, взялъ съ собою болѣе 30 сѣрыхъ попугаевъ. По моему совѣту, они получали дважды въ день воду для питья и, за исключеніемъ только одного, всѣ прибыли въ Европу вполнѣ здоровыми. Далѣе слѣдуетъ замѣтить, что и на свободѣ жако ѣдятъ преимущественно мучнистыя сѣмена, и, если вначалѣ имъ давать таковыя, а не коноплю или другія маслянистыя сѣмена, то едва ли придется жаловаться на потерю этихъ красивыхъ птицъ».

«Сѣрые попугаи, привозимые съ береговъ Лоанго», ишетъ Пехуаль-Леше, «выше всего цѣнятся на европейскихъ рынкахъ подъ именемъ «попугаевъ изъ Конго»; опытный глазъ торговцевъ въ Англии тотчасъ же узнаетъ ихъ изъ сотенъ новоприбывшихъ попугаевъ. Да и въ другихъ мѣстахъ западно африканскаго побережья, гдѣ только водятся сѣрые попугаи, особенное предпочтеніе оказывается

попугаямъ изъ Лоанго, которые обыкновенно бываютъ крупныхъ размѣровъ и имѣютъ очень красивое опереніе. Смотря по красотѣ, они уже на мѣстѣ стоятъ до 10 и 15 марокъ за штуку. Особенно высоко цѣнятся такъ называемые «королевскіе попугаи», въ опереніи которыхъ болѣе или менѣе особенно рѣзко выдѣляется красный цвѣтъ хвоста. Это — рѣдкія птицы, еще рѣже доставляемыя въ Европу. Туземцы могли бы дѣлать хорошія дѣла ловлей сѣрыхъ попугаевъ, если-бы она не была сопряжена съ большими затрудненіями, а подчасъ и съ опасностями. Птицы эти гнѣздятся въ дуплахъ и трещинахъ деревьевъ, но только по одной парочкѣ на каждомъ изъ гигантовъ дѣвственнаго лѣса. Какъ только молодые станутъ вылетать и уже карабкаются вокругъ дерева, ловець взлѣзаетъ съ наступленіемъ темноты на выслѣженное дерево, пристраиваетъ къ отверстию гнѣздового дупла мѣшокъ или сѣтъ и начинаетъ стучать палкой по стволу. Перепуганное семейство все цѣликомъ выскакиваетъ наружу и попадаетъ въ мѣшокъ. Утромъ мѣшокъ открываютъ, старыхъ выпускаютъ на свободу, такъ какъ, къ сожалѣнію, они никогда не становятся ручными, молодыхъ-же, которыхъ бываетъ отъ 3 до 5, вытаскиваютъ. Очень жаль, что старые яко не поддаются прирученію, такъ какъ птицы, выросшія въ дикомъ состояніи, безъ исключенія красивѣе и статнѣе всѣхъ тѣхъ, которыя выращены заботами человѣка.

Сѣрый попугай считается одной изъ любимѣйшихъ комнатныхъ птицъ и вполне заслуживаетъ оказываемое ему расположеніе. Его кротость, понятливость и привязанность къ своему хозяину возбуждаютъ удивленіе. Его слава, такъ сказать, возвѣщена на всѣхъ языкахъ; о немъ говорится во всякой естественной исторіи и даже вообще во всякой книгѣ, гдѣ только есть часть, посвященная описанію жизни животныхъ. Множество милыхъ сценокъ изъ ихъ жизни стали сюжетами для картинъ. Уже Левальянъ подробно рассказываетъ объ одномъ, жившемъ у одного амстердамскаго купца сѣромъ попугаѣ, и прославляетъ достоинства этой птицы. «Карлъ, такъ звали попугая, говорилъ не хуже Цицерона, и я могъ бы наполнить цѣлый томъ прекрасными изреченіями, которыя я слышалъ отъ него и которыя онъ повторялъ мнѣ, не пропуская ни одного слога. По приказанію онъ приносилъ ночной колпакъ и туфли своего хозяина и звалъ служанку, если она нужна была въ комнатѣ. Его любимымъ мѣстопребываніемъ былъ магазинъ и здѣсь онъ былъ очень полезенъ, такъ какъ, если въ отсутствіи его хозяина въ лавку входилъ посторонній, попугай кричалъ до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не приходилъ. Онъ имѣлъ превосходную память и точно заучивалъ цѣлыя фразы голландскихъ изреченій. Только на 60-мъ году своей жизни въ неволѣ память его ослабла и онъ ежедневно забывалъ что-нибудь изъ того, что зналъ прежде. Съ этихъ поръ онъ уже повторялъ не болѣе половины фразы, перемѣщалъ даже слоги и путалъ слова одной фразы со словами другой».

Вышеприведеннымъ описаніемъ Левальянъ отнюдь не исчерпалъ всего объ этомъ попугаѣ. Послѣ него о яко писали многіе другіе и собрали такимъ образомъ болѣе или менѣе цѣныя наблюденія. Эти наблюденія ясно показали, что почти всѣ эти пернатые плѣнники обладаютъ одними и тѣми же качествами. Но и между ними попадались особенные по способностямъ, и одинъ изъ такихъ попугаевъ, быть можетъ самый понятливый изъ всѣхъ, много лѣтъ прожилъ въ Вѣнѣ и Зальцбургѣ и нашелъ внимательнаго и прілежнаго наблюдателя. Сообщенія послѣдняго уже не разъ были опубликованы, однако я считаю долгомъ дать имъ мѣсто и въ настоящей книгѣ. Ленцъ безусловно правъ, говоря, что, по всей вѣроятности, съ тѣхъ поръ, какъ птицы живутъ на землѣ, не было еще ни одного попугая или какой-либо другой птицы, которые превосходили вышеупомянутаго попугая искус-

ствомъ и умомъ. Этотъ удивительный попугай былъ купленъ въ 1827 г. за 25 гульденовъ у одного капитана въ Триестѣ министерскимъ совѣтникомъ Андреасомъ Мехлетаромъ по порученію каноника Зальцбургскаго капитула Іосифа Мархнера, а въ 1830 г. перешелъ во владѣніе къ церемоніймейстеру капитула Ганиклу. Послѣдній регулярно давалъ попугаю уроки передъ обѣдомъ отъ 9 до 11 или вечеромъ отъ 10 до 11 часовъ, кромѣ того вообще много занимался съ нимъ и такимъ образомъ достигъ высокаго умственнаго развитія попугая. Послѣ смерти Ганикла попугай былъ проданъ за 150 гульденовъ, а въ 1840 г. вторично перепроданъ уже за 370 гульденовъ. Одинъ другъ моего покойнаго отца, графъ Гурси Друатомонъ, первый оповѣстилъ объ этой птицѣ въ 1835 году въ «Извѣсѣ» Окена. Клеймарнъ, послѣдній владѣлецъ попугая, по просьбѣ Ленца дополнилъ это сообщеніе, и Ленцъ суммируетъ слѣдующимъ образомъ все извѣстное объ этой птицѣ.

«Жако обращаетъ вниманіе на все, что совершается вокругъ него, умѣетъ всему дать извѣстную оцѣнку, даетъ правильные отвѣты на вопросы, дѣлаетъ все, что ему приказываютъ, прिवѣтствуетъ приходящихъ, здороваётся съ идущими мимо, только утромъ говоритъ—«доброе утро» и только вечеромъ—«добрый вечеръ», проситъ ѣсть, когда онъ голоденъ. Каждаго члена семьи онъ называетъ по имени и къ однимъ изъ нихъ расположенъ больше, чѣмъ къ другимъ. Если онъ захочетъ позвать меня, то кричитъ «папа, поди-ка сюда!» Говоритъ-ли онъ, поетъ-ли или свиститъ, все это онъ исполняетъ такъ-же чисто, какъ человѣкъ. Иногда, въ минуты увлеченія, онъ становится импровизаторомъ, и его рѣчь напоминаетъ собою рѣчь оратора, которую слышать издали и потому не понимаютъ.

«Вотъ перечень того, что говоритъ, поетъ, высвистываетъ и пр. жако: «Доброе утро. ваше преподобіе».—«Ваше преподобіе, прошу дать мнѣ миндаля.»—«Хочешь миндаля? Хочешь орѣхъ? Получи-ка кое-что. Вотъ тебѣ кое-что.»—«Капитанъ! здравствуйте капитанъ!»—Покорный слуга, госпожа архитекторша.»—«Мужикъ плутъ, плутъ, мужикъ, уйдешь-ли, разбойникъ? уйдешь-ли, уйдешь-ли домой, уйдешь ты или нѣтъ? погоди-же мошенникъ!»—«Эй, ты бродяга, мошенникъ, пройдоха!»—«Славный попка, добрый попка.»—«Ты, братъ, славный паренекъ, молодецъ паренекъ!»—«На-ка кукурузы, на-ка кой-чего.»—«Пани! Пани!»—«Господинъ сосѣдъ, подождите! Подождите, господинъ сосѣдъ!» Если кто-нибудь стучитъ въ дверь, попугай кричитъ очень громко, ясно и совершенно человѣчески голосомъ: «войдите, войдите, мое почтеніе, господинъ Брэй, покорный слуга! Радъ васъ видѣть, очень радъ васъ видѣть.»—Онъ и самъ стучитъ въ дверь, выкрикивая тѣ-же самыя слова.—Онъ очень хорошо подражаетъ кукушкѣ.—«Попцѣлуй меня! хорошенько попцѣлуй: получишь за это миндаль.»—«Смотри туда!»—«Выходи!»—«Лѣзь наверхъ, иди туда!»—«Мой милый попка!»—«Браво, браво!»—«На молитву, идемъ на молитву!»—«Идемъ обѣдать!»—«Идемъ къ ошошк!»—«Геронимъ, вставай!»—«Я иду, да хранить тебя Богъ!»—«Многая лѣта императору! Многая лѣта!»—«Куда идешь? Виновать, я думалъ вы птица.» Если онъ что-нибудь погрызетъ или испортитъ, то говоритъ: «Не смѣй грызть, сиди смирно! Что ты натворилъ?»—«Что ты натворилъ? Погоди, плутъ, погоди, мошенникъ, я тебя поколочу!»—«Попка, здорово, какъ живешь?»—«Ты что-то ѣшь?»—«Добраго аппетита!»—«Пѣть, пѣть! покойной ночи!»—«Попка можетъ выйти, ну, выходи, ну!»—«Попка, или, или, попка!» И велѣдъ за тѣмъ онъ стрѣлетъ, громко выкрикивая «пу-у!»—«Гугу! Гугу!»—«Пошелъ домой! Пойдешь-ли ты домой? ало марш!»—Сейчасъ маршъ домой! Погоди я тебя поколочу.» Онъ звонитъ въ колокольчикъ, повѣшенный въ его клѣткѣ, и громко кричитъ! «Кто звонитъ? Кто звонитъ? Попка звонитъ.»—«Какаду, какаду!»—«Гагагага! Я тебѣ!

Что за га? Ах ты! — «Вот песь, славный песь, отличный песь!» — и онъ свиститъ собаку. — Далѣе онъ говоритъ: «какъ кричитъ собака?» — и начинаетъ лаять. Послѣ этого онъ говоритъ: «Свисни собаку!» — и свиститъ собаку. Если ему приказываютъ «пли», онъ кричитъ «пу-у!» — и затѣмъ начинаетъ настоящую команду: «Стой! Равняйся! Стой! Равняйся! Оправься! Г'товсь! На прицѣль! Пли! Пу-у! Bravo, брависсимо!» Иногда онъ командуетъ «пли» и кричитъ непосредственно послѣ словъ «г'товсь, на при—цѣль!» «пу-у», но уже не прибавляетъ «браво, брависсимо», какъ-бы сознавая свою ошибку. — «Храни васъ Богъ, а Dio! Храни васъ Богъ!» говоритъ онъ людямъ, уходящимъ изъ комнаты. «Какъ? меня за шиворотъ? какъ? за шиворотъ?» при этомъ онъ поднимаетъ ужасный крикъ, какъ будто его дѣйствительно трясутъ за шиворотъ и затѣмъ вновь кричитъ: «какъ? меня за шиворотъ? за шиворотъ? Постой негодяй! меня за шиворотъ?» — «Да, да, да, такъ то все на свѣтѣ! именно такъ, именно такъ!» и онъ начинаетъ съ чрезвычайной отчетливостью хохотать. «Попка боленъ, бѣдный попка боленъ.» — «Слышишь Ганса?» — «Гугу, гугу! попка здѣсь!» — «Постой, какъ схвачу тебя за шиворотъ!» Когда онъ видитъ, что накрываютъ на столъ и слышитъ это изъ другихъ комнатъ, онъ тотчасъ-же выкрикиваетъ: «идемъ обѣдать! ало маршъ обѣдать!» Когда его хозяинъ завтракаетъ во второй или третьей комнатѣ, онъ кричитъ: какау (какао), на-ка какау, на-ка кой-чего!»

«Когда онъ во время церковной службы слышитъ звонъ соборныхъ колоколовъ, онъ кричитъ: «я иду, слава Господу, я иду!» Если хозяинъ его уходитъ не въ церковь, попугай, хотя-бы онъ все время до того молчалъ, когда отворяютъ двери, кричитъ и почти каждый разъ самымъ сердечнымъ тономъ: «храни ти Господь!» Но, если при этомъ присутствуютъ посторонніе, онъ выкрикиваетъ уходящему съ ними хозяину: «храни васъ Господь!» Если онъ ночью находится въ спальнѣ своего хозяина, то молчитъ все время, пока послѣдній спитъ. Если-же онъ проводитъ ночь въ другой комнатѣ, то уже съ первымъ наступленіемъ дня начинаетъ говорить, пѣть и свистать.

У хозяина жако былъ перепелъ. Когда весною онъ впервые началъ выдѣлывать свое «подъ полодь», попугай обернулся къ нему и закричалъ: «браво попка, браво!» Чтобы посмотрѣть, можно-ли выучить попугая что-либо пѣть, вначалѣ прибирали къ мелодіи такія слова, которыя онъ могъ произносить безъ труда, какъ напимѣръ слѣдующія: «туть-ли милый попка? туть-ли бравый попка? туть-ли славный попка? туть-ли попка? О, да! О, да!» Позднѣе онъ выучился пѣть пѣсенку: «о Питциги, о Питциги, поиграй за меня въ свирѣль, поиграй за меня въ свирѣль, дуй, дуй, дуй, дуй за меня въ свирѣль!» Онъ умѣетъ подражать аккордамъ и высвистываетъ и выпѣваетъ очень бѣгло и чисто гамму отъ начала до конца и обратно, высвистываетъ другія вещички и выдѣлываетъ трели. Но все это онъ поетъ и свиститъ не всегда въ одномъ и томъ-же тонѣ, но иногда беретъ цѣлымъ тономъ выше или ниже, нисколько не фальшивя. Въ Вѣнѣ онъ даже выучился высвистывать однуарію изъ оперы «Марта», и такъ какъ при этомъ его учитель плясывалъ въ тактъ, то онъ и переяля самый танецъ, по крайней мѣрѣ въ таковой формѣ, что во время пѣнія поднималъ то одну, то другую ногу, презабавно покачивая головой въ разныя стороны.

Въ 1853 году Клеймарнъ умеръ. Жако началъ прихварывать, повидимому, отъ тоски по своему хозяинѣ; въ 1854 году онъ, совсѣмъ ослабѣвшій, былъ положецъ въ маленькую кроватку, и за нимъ ухаживали весьма внимательно. Жако все еще прилежно болталъ и часто говорилъ печальнымъ тономъ: «попка боленъ, боленъ бѣдный попка.» Вскорѣ онъ умеръ.»

Одна высокопоставленная дама передала мнѣ слѣдующее о другомъ сѣромъ попугаѣ:

«Попугай, о которомъ я хочу сказать нѣсколько словъ, былъ подаренъ намъ однимъ лицомъ, долго жившемъ въ Остъ-Индіи. Попка уже говорилъ многое, но только по голландски. Вскорѣ однако онъ выучился нѣмецкимъ и французскимъ словамъ. На этихъ трехъ языкахъ онъ болталъ совсѣмъ какъ человѣкъ. Къ тому-же онъ настолько прислушивался ко всему, что иногда схватывалъ цѣлыя фразы, которыя ему никогда не были говорены. Ко всеобщему удивленію онъ произносилъ ихъ при случаѣ кстати. Онъ говорилъ отдѣльные слова и связныя фразы на голландскомъ языкѣ, но и вставлялъ голландскія слова въ нѣмецкія фразы, если у него не хватало или не приходили въ голову слова на послѣднемъ языкѣ. Онъ задавалъ вопросы и отвѣчалъ, требовалъ и благодарилъ; онъ измѣнялъ слова въ зависимости отъ времени, мѣста и отъ лица, къ которымъ обращался.

«Попочка хочеть клюккюкь (пить).» «Попочка хочеть чего-нибудь покушать.» Если онъ не получалъ просимаго, тотчасъ же кричалъ: «попочка хочеть и долженъ кушать.» Если и это не помогало, онъ переворачивалъ все вверхъ дномъ, выражая этимъ свое недовольство. Утромъ онъ привѣтствовалъ словами «bon jour», вечеромъ же — словами «bon soir»; онъ просился отдыхать и прощался «Попочка хочеть спать.» Когда его уносили, онъ прощался, повторяя «bon soir, bon soir.» Свою госпожу, которая обыкновенно сама носила ему кормъ, онъ очень любилъ. Получая отъ нея кормъ, онъ, словно цѣлуясь, терся клювомъ объ ея руку и говорилъ: «цѣлую хозяйкѣ ручку.» Онъ интересовался всѣмъ, что дѣлала хозяйка и часто, когда она была чѣмъ-нибудь занята, съ презабавнымъ участіемъ спрашивалъ ее: «эге! что подѣлываетъ хозяйшкка?» Когда-же послѣдняя умерла и попка не могъ ее больше видѣть, онъ вполне понималъ и скорбѣлъ объ этой потерѣ. Его трудно было заставить принимать пищу, чтобы онъ не околѣлъ съ голоду, и попугай часто вновь напоминалъ о покойной печальнымъ родственникамъ, спрашивая: «гдѣ же хозяйшкка?» Онъ чудно свисталъ, въ особенности мотивъ: «Ich dank' dir schon durch deinen 'ohn»; пѣлъ онъ также превосходно. Онъ самъ побуждалъ себя къ пѣнію фразой «ну-ка попочка, споемъ» и затѣмъ начиналъ:

«Perroquet mignon
«Dis-moi sans façon,
«Q'a-t-on fait dans ma maison
«Pendant mon absence? *)

или:

«Ohne Lieb'und ohne Wein
«Können wir doch leben. **)

иногда онъ измѣнялъ это такъ:

«Ohne Lieb und ohne maison
«Können wir doch leben ***),

*) Маленькій попочка, скажи-ка мнѣ прямо, что подѣлывали дома въ мое отсутствіе?

***) „Безъ любви и безъ вина

„Жить на свѣтѣ можно

****) „Безъ любви и безъ дома

„Жить на свѣтѣ можно

или:

«Ein Kuss sans-façon *****)».

Все это такъ его развеселяло, что онъ закатывался громкимъ смѣхомъ.

«Попочка, какъ говорить Лотхенъ?», спрашивалъ онъ иногда и отвѣчалъ на это, какъ будто вопросъ былъ заданъ ему кѣмъ-либо со стороны: «О, мой милый попочка, поди поцѣлуй меня!». И это онъ произносилъ съ такою-же нѣжностью, какъ это говорила Лотхенъ. Довольство самимъ собой онъ выражалъ словами: «ахъ, ахъ, какой-же красивый ты, попочка», причемъ гладилъ себя лапой по клюву. Однако онъ вовсе не былъ красивымъ, такъ какъ имѣлъ дурную привычку выщипывать свои перья. Какъ средство отучить его отъ этого недостатка, употребляли опрыскиванія его виномъ, что дѣлали при помощи маленькой спринцовки. Эти опрыскиванія были ему весьма не по душѣ: лишь только онъ замѣчалъ приготовленія къ этой манипуляціи, онъ начиналъ неотступно просить: «не мочите попочку,—ахъ, не мочите бѣднаго попочку!».

«Чужихъ онъ не любилъ, и тѣ изъ нихъ, которые приходили послушать его, могли добиться этого обыкновенно только тогда, когда отъ него прятались. Въ ихъ-же присутствіи онъ упорно молчалъ. Тѣмъ оживленнѣе онъ начиналъ болтать, когда послѣдніе прятались или дѣйствительно уходили; въ такихъ случаяхъ, казалось, онъ хотѣлъ вознаградить себя за принужденное молчаніе. Однако его расположенія можно было все-таки добиться; съ тѣми лицами, которыя посѣщали насъ часто, онъ разговаривалъ охотно, а иногда отпускаялъ по ихъ адресу какую-нибудь изъ своихъ остротъ. Одинъ очень полный майоръ, котораго попка зналъ хорошо, вздумалъ разъ выучить его одной штучкѣ. «Полѣзай на палку, попочка, полѣзай на палку!», приказывалъ майоръ. Попка положительно разсердился. Вдругъ онъ громко разсмѣялся и проговорилъ: «майоръ, на палку, на палку, майоръ!». Другой изъ его друзей долгое время не посѣщалъ нашего дома. Объ этомъ говорили и ждали, что Ротъ (такъ звали этого гостя) придетъ сегодня. «Вотъ идетъ Ротъ», закричалъ вдругъ попка: онъ смотрѣлъ изъ окна и уже издали узналъ ожидаемаго гостя.

«Однажды въ этой семьѣ ждали послѣ долговременнаго отсутствія одного изъ сыновей, Жоржа, о чемъ естественно въ семьѣ говорили. Жоржъ пріѣхалъ лишь поздно вечеромъ, когда попка уже спалъ въ своей прикрытой на ночь клеткѣ. Послѣ перваго привѣтствія возвратившійся подошелъ къ клеткѣ общаго любимца и приподнял покрывало: «а, Жоржъ, ты здѣсь? хорошо, какъ это хорошо!» закричалъ попка. Онъ замѣтилъ, что его хозяинъ, подходя къ окошку, часто звалъ со двора управляющаго или старосту. Потомъ, когда попка видѣлъ, что хозяинъ опять быстро шель къ окошку, онъ каждый разъ выкрикивалъ имена, но всегда и управляющаго и старосты вмѣстѣ, такъ какъ не могъ знать, котораго изъ нихъ хочеть позвать хозяинъ. Я не могу перечислить всего того, что когда-либо говорилъ этотъ попугай: эта птица была просто полу-человѣкъ!»

«Попку постигъ весьма печальный конецъ. Его подарили одному старому родственнику дома, впадшему уже въ дѣтство и, какъ дитя, любившему попку. Всѣ плакали, когда это чудное созданіе уносили изъ дому; попка, хотя и не плакала, но разлуки съ дорогими для него лицами перенести не могъ: спустя немного дней онъ умеръ».

Я бы могъ привести много примѣровъ другихъ попугаевъ, которые также

*****) Поцѣлуй меня запросто.

научились говорить многое, но вышесказанное уже заключаетъ въ себѣ все то искусство, до котораго можетъ дойти подобная птица. Хочу лишь замѣтить еще, что удивительная память и переимчивость этихъ умныхъ птицъ имѣетъ и свою слабую сторону. Первыми учителями сѣраго попугая обыкновенно бываютъ матросы на кораблѣ, а затѣмъ имъ въ значительной степени помогаетъ прислуга тѣхъ домовъ, гдѣ попугаи живутъ. Понятно, что такіе учителя не всегда учатъ птицъ приличнымъ и хорошимъ словамъ. Къ сожалѣнію, слова эти вспоминаются иногда даже самыми благовоспитанными птицами, и онѣ ихъ примѣшиваютъ къ хорошимъ словамъ, которымъ выучились впоследствии. Къ тому-же попугай подражаетъ всякому странному звуку или шуму, который ему удастся слышать: онъ передаетъ съ такимъ-же искусствомъ какъ и слова, скрипъ двери, находящейся вблизи него, лай собаки, мяуканье кошки, кашель старика и этимъ часто въ значительной степени портитъ свою пріятную болтовню.

Было-бы совершенно излишне еще болѣе распространяться о душевныхъ способностяхъ этихъ птицъ. Вышесказанное говоритъ само за себя, но существуетъ нѣсколько наблюдений, доказывающихъ, что у сѣраго попугая замѣчается не только понятливость и переимчивость, но также и сердечное чувство. «Одинъ изъ моихъ друзей», рассказываетъ Вудъ, «имѣлъ сѣраго попугая, который принялъ на себя роль внимательной, нѣжной попечительницы различныхъ маленькихъ беспомощныхъ существъ. Въ саду его хозяйна было нѣсколько розовыхъ кустовъ, окруженныхъ проволоочною сѣткою и обвитыхъ вьющимися растеніями. Тамъ устроила себѣ гнѣздо пара яблниковъ, которыхъ жители дома постоянно прикармливали, такъ какъ относились дружественно ко всемъ животнымъ. Частое посѣщеніе людьми розовыхъ кустовъ скоро обратило вниманіе Полли (такъ звали попугая) и онъ рѣшился послѣдовать доброму примѣру. Такъ какъ онъ могъ свободно летать, то вылетѣлъ изъ своей клѣтки, началъ удивительно искусно подражать призывному голосу взрослыхъ яблниковъ и сталъ приносить птенцамъ полный клювъ своего корма. Но доказательства его привязанности къ пріемышамъ сильно встревожили родителей птенцовъ; испугавшись незнакомой, большой птицы, они бросили свое гнѣздо и улетѣли прочь; такимъ образомъ птенцы оказались вполне осиротѣвшими, и Полли могъ дать полный просторъ своей заботливости о нихъ. Съ тѣхъ поръ попугай не возвращался больше въ свою клѣтку, оставался и день и ночь у своихъ воспитанниковъ, внимательно ихъ кормилъ и имѣлъ удовольствіе ихъ выростить большими. Когда птенцы стали вылетать изъ гнѣзда, то часто садились на голову и затылокъ попугая и Полли очень серьезно расхаживалъ со своей пошею. Однако попугай не получилъ благодарности за свое попеченіе: когда у птенцовъ выросли крылья, то они поднялись и совсѣмъ улетѣли».

Еще болѣе интересный случай изъ жизни сѣраго попугая сообщаетъ Букстонъ. «Родительское чувство нарочки сѣрыхъ попугаевъ, которые свободно летали по дарку, выразилось однажды въ очень странной формѣ. Кошка устроила себѣ логовище въ одномъ изъ ящиковъ, назначенныхъ для птичьихъ гнѣздъ, и выкармливала тамъ своихъ котятъ. Наши попугаи, которые никакъ не могли завести себѣ собственнаго семейства, стали относиться къ котятамъ, какъ къ собственнымъ дѣтенышамъ. Они постоянно враждовали со старой кошкой, и какъ только она уходила изъ ящика, то одинъ изъ попугаевъ туда влѣзалъ и садился около котятъ. Случалось даже, что они внимательно слѣдили за котятами, когда мать была дома».

Сѣрые попугаи рѣдко размножаются въ неволѣ, однако извѣстно нѣсколько случаевъ, что эти попугаи устраивали гнѣздо въ клѣткѣ, высиживали дѣтенышей и выкармливали ихъ. Уже Вюффонъ рассказываетъ объ одной нарочкѣ, которая 5

или 6 лѣтъ сряду ежегодно клала по 4 яйца и выкармливала дѣтенышей. Лабакъ сообщаетъ о подобномъ же случаѣ, а Букстонъ въ последнее время наблюдалъ, что его сѣрые попугай, свободно летавшіе по саду, вывели трехъ дѣтенышей въ дуплѣ дерева. Одинъ изъ птенцовъ околѣлъ, а другіе два вылетѣли изъ гнѣзда, присоединились къ другимъ попугаямъ и стали каждое утро прилетать вмѣстѣ съ ними за кормомъ.

При хорошемъ уходѣ и простой пищѣ жако могутъ прожить очень долго. У амстердамскаго купца Миннингъ-Хейзена попугай жилъ въ неволѣ 32 года, затѣмъ по наслѣдству достался другому владѣльцу, у котораго прожилъ еще 41 годъ. За 4 или 5 лѣтъ до своей смерти онъ совсѣмъ одряхлѣлъ: его живость и душевныя способности, особенно память, стали убывать и наконецъ совсѣмъ исчезли. Последніе два года своей жизни онъ уже не могъ сидѣть на жердочкѣ, а сидѣлъ, сторбившись, на полу; подъ конецъ уже онъ самъ пересталъ брать пищу, и его пришлось кормить, какъ птенца. Подъ конецъ онъ сталъ очень неправильно лизать и, постепенно дряхлѣя и слабѣя, наконецъ скончался. Изъ этого примѣра видно, что преданіе о попугаѣ Атуровъ, сообщенное Гумбольдтомъ и поэтически изложенное Курціусомъ, о которомъ я упоминалъ выше, можетъ имѣть фактическое основаніе.

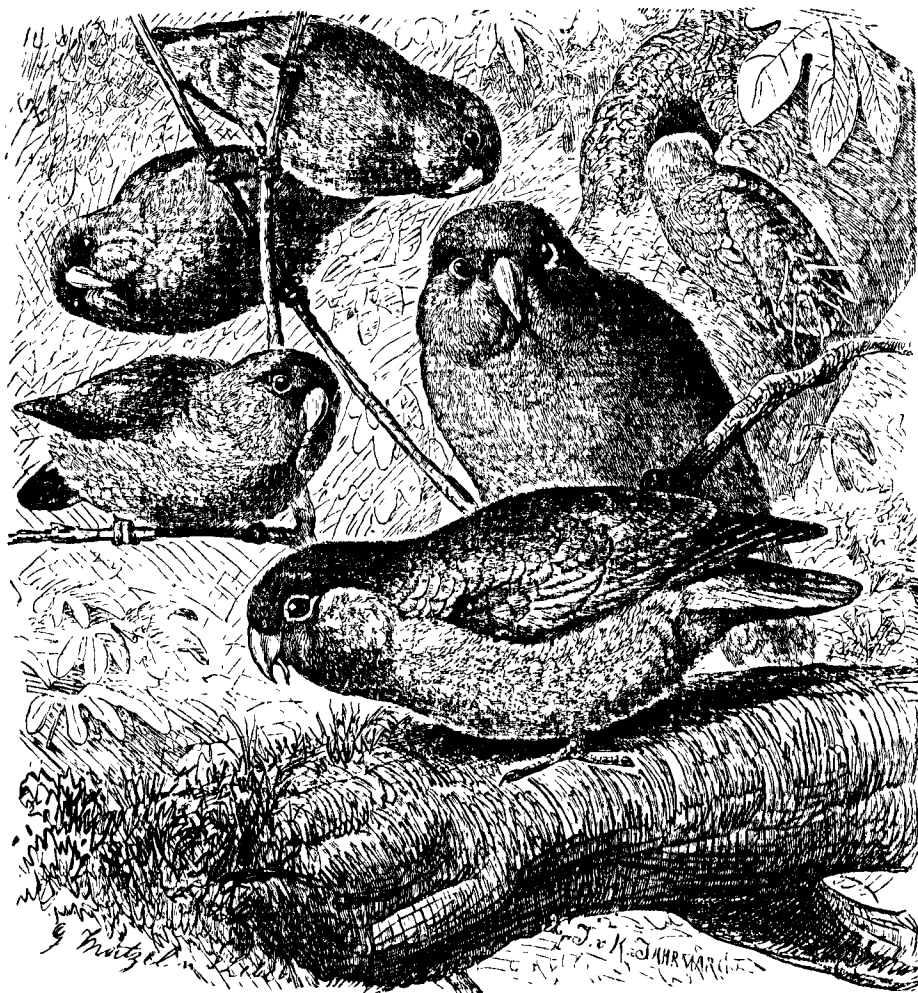
Подсемейство **Попугайчиковыхъ** (Palaeornithinae. Edelparageien), которое отличается толстымъ, высокимъ, блестящимъ и большею частью окрашеннымъ въ красный цвѣтъ клювомъ, имѣетъ наибольшее распространеніе съ востока на западъ. Они встрѣчаются въ Эіопской, Восточной и Австралійской областяхъ, отъ западнаго берега Африки до Соломоновыхъ острововъ. 56 видовъ ихъ распределяются на 7 родовъ.

* * *

Изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ видовъ **Неразлучныхъ попугаевъ** (*Agapornis Unzertrennlliche. Inseparables*), которые отличаются короткимъ и сильно закругленнымъ хвостомъ, мы прежде всего займемся описаніемъ **Красношейнаго попугайчика** (*Agapornis roseicollis, Psittacula roseicollis, Psitacus roseicollis* и *parasiticus. Roseiparagei. Psittacule à collier rose*). Онъ принадлежитъ къ числу крупныхъ видовъ этого рода: длина его 17 см., длина крыла 10, а хвоста 5 см. Преобладающимъ цвѣтомъ оперенія является прекрасный травянисто-зеленый, который становится нѣсколько свѣтлѣе на нижнихъ частяхъ тѣла, а на бокахъ принимаетъ желтоватый оттѣнокъ; полоска на лбу и брови блѣдно-малиноваго цвѣта; уздечка, щеки, ушная область и горло нѣжнаго персиковогаго цвѣта или блѣдно-розоваго, при чемъ на горлѣ этотъ цвѣтъ незамѣтно переходитъ въ зеленый. Надхвостье и кроющія перья хвоста небесно-голубогаго цвѣта, маховыя перья снаружи зеленныя, къ концу темнѣе, почти черныя, снизу черноватая; внутреннія бородки имѣютъ неясную голубоватую каемку. Два среднихъ рулевыхъ пера одноцвѣтно-зеленныя, прочія рулевыя перья также зеленныя, но на концѣ принимаютъ голубоватый оттѣнокъ; передъ концомъ на нихъ замѣчается черноватая поперечная полоса, а у основанія ярко-красное пятно. Зрачекъ темно-карій, раекъ бѣловатый, клювъ желтый какъ воскъ, а на концѣ зеленоватый; ноги голубовато-зеленныя. Молодыя животныя отличаются болѣе темное и на лбу нѣтъ красной полосы.

Отечествомъ красношейнаго попугайчика слѣдуетъ считать югъ и юго-западъ Африки, именно Кафрскую область, а также Нама, Дамара и Ангола; однако птица эта, по сообщеніямъ Кирка, встрѣчается, какъ кажется, и на юго-востокѣ,

именно на берегахъ Замбези. По словамъ Ортлена, боэры очень любятъ этого попугайчика и часто его держатъ въ клеткахъ. Объ его жизни на свободѣ сообщаетъ, насколько мнѣ извѣстно, только Андерсонъ. «Этотъ красивый маленькій попугайчикъ распространенъ по всей области Дамара и Большой Нама, но его находятъ также около озеръ Окаванго и Нгами. Онъ встрѣчается всегда небольшими стаями и постоянно вблизи озера или рѣки. По крайней мѣрѣ разъ въ день отправляется онъ къ водоему и можетъ служить надежнымъ путеводителемъ жаждущему путнику;

Красношейный попугайчикъ. *Agapornis roseicollis*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

если только сей послѣдній сумѣетъ воспользоваться этимъ указаніемъ, то найдетъ иногда очень незначительный ключъ, который часто расположенъ въ какомъ-нибудь закрытомъ мѣстѣ. Красношейный попугайчикъ летаетъ очень быстро; маленькія стаи съ быстротой стрѣлы перелетаютъ съ мѣста на мѣсто, когда ищутъ себѣ корма или направляются къ водоему. Однако при этомъ они никогда не пролетаютъ разомъ большія пространства. Во время своего быстрого полета они громко кричатъ, что случается также и тогда, когда ихъ испугаютъ; пища ихъ состоитъ изъ ягодъ и мягкихъ сѣмянъ.

«Попугай эти не строятъ особыхъ гнѣздъ, а захватываютъ гнѣзда другихъ птицъ, особенно общественнаго воробья (*Passer socius*) или одного вида ткачей. Я не могу сообщить, прогоняютъ-ли они настоящихъ владѣльцевъ или пользуются покинутыми гнѣздами, но я видалъ, что эти попугайчики гнѣздятся вмѣстѣ съ общественными воробьями подъ одной общей кровлей. Чисто бѣлыя яйца болѣе удлиненной формы, чѣмъ у дятловъ».

Красношейные попугайчики, которыхъ я держалъ въ неволѣ въ продолженіи многихъ лѣтъ и наблюдалъ за ними, всегда казались мнѣ очень привлекательными. Характеръ и привычки ихъ выгодно отличаются отъ характера другихъ маленькихъ попугаевъ: они очевидно понятливѣе, живѣе, какъ въ тѣлесномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи; однимъ словомъ они имѣютъ всѣ хорошія качества своихъ родичей, но кромѣ того еще особыя привлекательныя свойства, которыя сильно говорятъ въ ихъ пользу. Едва-ли будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что эти птички принадлежатъ къ числу самыхъ пріятныхъ попугаевъ, содержимыхъ въ клѣткахъ. Они постоянно очень заботятся о чистотѣ своего оперенія и потому кажутся всегда нарядными, нравятся также своею изящною посадкою, всегда живы, веселы и дѣятельны, находятся безпрестанно въ движеніи, громко чирикаютъ, хорошо относятся къ другимъ птицамъ, особенно къ себѣ подобнымъ, птицы одной пары очень нѣжны между собой и въ высшей степени внимательны при воспитаніи дѣтенышей. По движеніямъ своимъ во время лазанья они похожи на другихъ короткохвостыхъ попугайчиковъ, но напоминаютъ также попугаевъ-непопырей, такъ какъ привѣщиваются иногда, какъ они, головою внизъ къ потолку своей клѣтки. Голосъ ихъ почти беззвученъ для маленькой комнаты, но въ большомъ помещеніи, особенно въ обширной клѣткѣ, стоящей на открытомъ воздухѣ, онъ не кажется слишкомъ рѣзкимъ. Голосъ этотъ лучше всего назвать щебетаньемъ, которое иногда переходитъ въ трель. Обыкновенный крикъ этихъ попугайчиковъ лучше всего передается, по моему мнѣнію, если 10 или 20 разъ сряду повторить слоги «цик-дикъ», предостерегающій крикъ звучитъ такъ: «тирриррирририт-цит-тит-тит-тит» или «циттерри-титити» съ однимъ «цитъ» на концѣ. Иногда самецъ небрежно сидитъ на жердочкѣ съ приподнятыми перьями и закрытыми глазами, какъ бы погруженный въ самого себя, не шевелится и щебечетъ, при чемъ отдѣльные звуки этого щебетанья похожи на вышеприведенный призывной и обыкновенный звуки, но между ними вставляются соединительные тоны, которые смягчаютъ и измѣняютъ эту пѣсню; впрочемъ сила и интонація этого пѣнія очень различны, и потому голосъ красношейнаго попугайчика въ высшей степени разнообразенъ.

Хотя эти попугайчики нравятся всякому любителю птицъ, если ихъ держать парно или большими семьями, но они дѣлаются еще интереснѣе и привлекательнѣе, когда начинаютъ насиживать. Я только случайно узналъ о томъ, что необходимо этимъ птицамъ для гнѣздованья. Изслѣдованія Андерсона объ образѣ жизни красношейныхъ попугайчиковъ не были еще изданы въ то время, когда я приобрѣлъ этихъ птицъ, и потому я не могъ подозрѣвать, что способъ гнѣздованія ихъ настолько значительно отличается отъ гнѣздованія другихъ мелкихъ попугаевъ. У меня жила пара попугаевъ, и они расточали другъ другу всевозможныя нѣжности, но къ постройкѣ гнѣзда не приступали. Парочка эта жила въ мирѣ съ другими себѣ подобными попугайчиками, но очень нехорошо относилась къ помѣщеннымъ вмѣстѣ съ ними въ клѣтку маленькимъ ткачамъ, разоряла ихъ гнѣзда и производила другія безчинства. Я считалъ это поведеніе слѣдствіемъ свойственнаго попугаямъ нахальства и не обращалъ на это вниманія. Попугайчики часто лазали въ ящички, назначенные для ихъ гнѣздъ, но, повидимому, только прятались

тамъ, а о гнѣздахъ и не думали. Однако несомнѣнно, что пора класть яйца для нихъ наступила, но имъ чего-то недоставало. Такъ какъ они отказывались отъ молочной пищи, а ѣли до сихъ поръ сѣмена, чечевицу, коноплю и овесъ, то мнѣ пришло на мысль дать имъ почекъ и потому я положилъ имъ въ клетку зеленыя, покрытыя листьями вѣтки ивы. Нѣсколько минутъ спустя они сидѣли на нихъ, отрывали листья и грызли почки и кору. Сначала мнѣ казалось, что они дѣлаютъ это только изъ любви къ разрушенію, а не для того, чтобы питаться, но, наблюдая ихъ внимательно, я замѣтилъ, что мои птички наконецъ нашли желанный матеріалъ для постройки гнѣзда. Онѣ ловко отрывали полоски коры 6—10 см. длины, схватывали ихъ клювомъ на разстояніи около 3 см. отъ конца, оборачивались, приподнимали перья надхвостья, ковыряли между ними клювомъ и всовывали полосу такъ, что она держалась между снова опущенными перьями. Такимъ образомъ были оторваны и прикрѣплены къ оперенію около 8 полосокъ коры; нѣкоторыя изъ нихъ при этомъ упали на полъ и не были подняты, другія были выдернуты самими птицами; но все-же нѣсколько полосокъ торчали между перышками. Попугайчикъ тогда поднялся тихонько и осторожно полетѣлъ къ ящичку, оставался тамъ нѣкоторое время и вернулся назадъ безъ полосокъ коры. Переносить-ли другіе попугайчики подобнымъ-же образомъ матеріалъ для гнѣздъ, я не могу сказать, но считаю это вѣроятнымъ. Мы не замѣчаемъ ничего подобнаго у другихъ птицъ; ни одна изъ тѣхъ птицъ, размноженіе которой намъ извѣстно, даже попугай-калита (*Volbohynchus monachus*), который строитъ гнѣзда на открытыхъ мѣстахъ, не носитъ матеріалъ къ гнѣзду подобнымъ образомъ.

Нѣсколько дней послѣ того, какъ попугаи начали носить строительный матеріалъ для гнѣзда, произошло спариваніе одной парочки, а нѣсколько дней спустя и другой. Трудно представить себѣ что-либо болѣе привлекательное, чѣмъ продолжительное сближеніе, нѣжность и благодарность одной птицы къ другой! Такъ какъ я не хотѣлъ мѣшать птицамъ въ ихъ занятіи, то не разглядывалъ внутренности гнѣзда и потому не могу сообщить, когда положено было первое яйцо, сколько времени продолжалось насиживанье и какъ долго родители выкармливали птенцовъ въ гнѣздѣ. Я могъ узнать только, что гнѣздо очень хорошо свито изъ полосокъ ивово-й коры, имѣетъ видъ двухъ третей полога полушарія и бѣлыя яйца очень круглы и относительно велики. Дѣтенышей бываетъ отъ 2—5, и они вылетаютъ изъ гнѣзда только 10 или 11 недѣль послѣ спариванія родителей; вышеописанное опереніе образуется у нихъ черезъ 3 или 4 мѣсяца, посредствомъ выпѣтанія, а новое опереніе является только послѣ линянія на восьмомъ мѣсяцѣ жизни. Верхняя часть клюва вначалѣ бываетъ черноватая и блѣднѣетъ примѣрно черезъ 4 недѣли. Кормили птенцовъ оба родителя и не только растительными веществами, но также и кормомъ, предназначеннымъ для соловьевъ, изъ чего можно заключить, что попугайчики на свободѣ приносятъ птенцамъ также и насѣкомыхъ. По своимъ привычкамъ и движеніямъ птенцы очень похожи на родителей; они выказываютъ съ первыхъ дней своей жизни то-же веселое настроеніе духа, дѣятельность и внимательность ко всему окружающему, очень скоро дѣлаются пугливыми и осторожными и перенимаютъ отъ родителей умѣнье прятаться, а на пятomъ мѣсяцѣ своей жизни ихъ уже отъ взрослыхъ отличить нельзя. Немедленно послѣ перваго вывода, когда дѣтеныши еще не были вполне самостоятельными, родители приступили ко второй, повидимому послѣдней, кладкѣ въ году.

Кромѣ вышеописаннаго я собралъ о размноженіи красношейнаго попугайчика всѣ тѣ наблюденія, которыя обыкновенно дѣлаются относительно гнѣздующихъ въ неволѣ попугаевъ. Мои птички относились очень нѣжно къ своимъ соб-

ственным и, напротив того, очень недружелюбно къ чужим дѣтенышамъ, даже нападали на послѣднихъ, хотя жили во время насиживанья очень дружно съ ихъ родителями, не обращая вниманія на нѣкоторые поступки, выражающіе зависть и недоверіе къ другимъ взрослымъ попугайчикамъ того-же вида; на птенцовъ-же ихъ они нападали съ очевидными злобными намѣреніями, такъ что я долженъ былъ спасать послѣднихъ. Многія самки околѣли, такъ какъ не могли устроить гнѣзда и положить яицъ, а насиживаніе часто бывало безуспѣшно. Несмотря на это я полагаю, что ни одинъ изъ мелкихъ видовъ попугаевъ не можетъ быть такъ хорошо рекомендованъ для содержанія въ клеткахъ, какъ красношейный попугайчикъ.

* * *

Въ Новой Гвинее и на сосѣднихъ островахъ живутъ **Новогвинейскіе попугаи** (*Electus*), крупныя птицы съ очень большимъ, на спинкѣ округленнымъ клювомъ, на верхней челюсти котораго замѣтны небольшая вырѣзка и зубецъ. Крылья длинныя, третье и четвертое маховыя перья самыя длинныя, а кончикъ крыла очень вытянутъ; хвостъ средней величины и на концѣ закругленъ; опереніе довольно жесткое, опахала у перьевъ широкія, причѣмъ округность глазъ, восковица и ноздри также покрыты перьями. Преобладающимъ цвѣтомъ бываетъ зеленый съ краснымъ. До сихъ поръ полагали, что слѣдуетъ отличать зеленые и красные виды этихъ попугаевъ, и что оба пола у нихъ одинаково или почти одинаково окрашены, но неожиданныя сообщенія Мейера указали на невѣрность этого взгляда. Когда вышеозначенный путешественникъ сталъ внимательно осматривать попугаевъ, убитыхъ имъ на островѣ Мафурѣ, то его очень поразило, что всѣ зеленые попугаи были самцами, а красные—самками. Дальнѣйшія изслѣдованія дали тѣ-же результаты, и распросы у малайскихъ охотниковъ указали, что зеленые и красные попугаи представляютъ два пола одного и того-же вида. Теперь извѣстно пять видовъ этого рода.

Зеленокрасный попугай (*Electus pectoralis* и *polychlorus*, *Psittacussinensis*, *aurantius*, *magnus*, *viridis*, *lateralis*, *Mascarinus polychorus* и *prasinus*, *Psittacodus* и *Polychlorus magnus*, *Grünedelpapagei*, *Perruche multicolore*) ростомъ замѣтно крупнѣе стѣраго и окрашенъ ярко-зеленымъ цвѣтомъ, который сверху нѣсколько темнѣе, чѣмъ снизу. Стороны груди и покровныя перья основанія крыла и нижнія покровныя перья самага крыла малиново-краснаго цвѣта; добавочное крыло и малыя покровныя перья предплечья свѣтло-голубыя, большія покровныя перья ярко-синяго цвѣта съ черной каемкой внутри, малыя маховыя перья отъ основанія до половины зеленого, а на концѣ темно-голубого цвѣта, три заднія изъ нихъ всѣ зеленыя. Наружныя рулевыя перья темно-индиговаго цвѣта, внутри съ черными каемками, четвертое и пятое рулевое перо на концѣ синія, а остальная часть ихъ зеленая, какъ и оба среднихъ пера. Зрачекъ глаза оранжево-желтый, верхняя часть клюва кораллово-красная, а у основанія воскового желтаго цвѣта, нижняя часть клюва и ноги—черныя. У самки голова, шея, грудь и нижнія кроющія перья хвоста малиново-краснаго цвѣта, а спина, крылья, хвостъ и гузка вишнево-краснаго; конецъ хвоста свѣтло-красный; округность глазъ, полоска на затылкѣ, брюшко, края крыльевъ и нижнія кроющія перья крыла—голубыя; клювъ весь черный.

Объ образѣ жизни новогвинейскихъ попугаевъ на свободѣ у насъ вообще мало свѣдѣній. Извѣстна лишь довольно точно ихъ область распространенія. Вышеописанный видъ былъ найденъ на островахъ Тернате, Гальмагера и Батьявъ;

терь ихъ почти всегда испорченъ; однако они привязываются наконецъ къ своимъ воспитателямъ, которые сумѣли побѣдить ихъ первоначальное недовѣріе, и даже выучиваются говорить. Но они не переносятъ долго неволи и часто околѣваютъ отъ неизвѣстной причины, такъ что ихъ слѣдуетъ считать болѣе нѣжными, чѣмъ другихъ попугаевъ той-же величины. Никто, кажется, не наблюдалъ размноженія этихъ попугаевъ въ клѣткахъ; впрочемъ никто и не держалъ такъ много этихъ птицъ, чтобы могли удасться подобнаго рода опыты. Самки, т. е. красные попугаи, клали яйца въ клѣткахъ, но яйца эти не были оплодотворены; другіе, какъ зеленые съ зелеными, такъ и зеленые съ красными жили по нѣскольку лѣтъ вмѣстѣ, но размноженія не послѣдовало.

* * *

Попугайчики (*Palaeornis*. *Edelsittiche*. *Psitacules*) относятся къ самымъ красивымъ, граціознымъ и пріятнымъ родамъ этого семейства; ихъ насчитываютъ около 22 видовъ, величина которыхъ варьируетъ отъ роста дрозда, до величины галки; большинство видовъ живетъ въ южной Азіи, а нѣсколько въ Африкѣ. Общіе признаки этого рода слѣдующіе: длина относительно сильнаго клюва равна его вышинѣ, основная часть верхней челюсти на спинкѣ замѣтно ребристая и со слабымъ желобкомъ, по сторонамъ выпуклая; кончикъ образуетъ крутой крючекъ, который загнуть надъ нижней челюстью и имѣетъ около конца небольшую зубчатую вырѣзку. Нижняя челюсть имѣетъ широкой округленный рубецъ у края, по которому проходитъ выпуклый кантъ. Ноги короткія и сильныя. Крылья длинныя и острыя, второе маховое перо длиннѣе другихъ. Хвостъ имѣетъ клинообразную ступенчатую форму, рулевые перья не очень широки, на концѣ закруглены; въ большинствѣ случаевъ оба среднихъ пера гораздо длиннѣе прочихъ. Довольно жесткое опереніе имѣетъ чаще всего травянисто-зеленый цвѣтъ; но въ большинствѣ случаевъ голова окрашена другимъ, яркимъ цвѣтомъ, а кромѣ того замѣчаются черное пятно на подбородкѣ и пестрая полоска кругомъ шеи. Оба пола не отличаются по оперенію, но итенцы окрашены иначе, чѣмъ взрослые.

Немногіе другіе виды попугаевъ представляютъ такое однообразіе въ строеніи и окраскѣ, какъ попугайчики: они, если можно такъ выразиться, всѣ точно вылиты изъ одной формы; даже разнообразіе въ окраскѣ мало измѣняетъ ихъ типическую внѣшность. Но и образъ жизни всѣхъ попугайчиковъ настолько одинаковъ, что по дѣйствіямъ и привычкамъ одного вида можно смѣло судить объ образѣ жизни всѣхъ другихъ.

Область распространенія попугайчиковъ почти такъ-же обширна, какъ и клинохвостыхъ попугаевъ, такъ какъ она обнимаетъ собою большую часть жаркаго пояса Азіи и Африки. Точнѣе они живутъ во всѣхъ странахъ Африки между 6 и 17 гр. сѣв. шир., отъ Сенегамбіи до Краснаго моря и на азіатскомъ материкѣ отъ рѣки Инда до южнаго Китая и отъ Кашмира и Ладака до Цейлона и большихъ Зондскихъ острововъ. Ихъ до сихъ поръ еще не наблюдали въ южной Аравіи, Персіи и Белуджистанѣ; но Арманъ Давидъ недавно сообщилъ за достовѣрное, что одинъ видъ попугайчиковъ появляется ежегодно лѣтомъ въ Китаѣ и въ верхней долинѣ Янтцекианга и проникаетъ до 30° сѣв. шир. Три вида этихъ птицъ встрѣчаются на Мадагаскарѣ и близъ лежащихъ островахъ.

Попугайчики живутъ какъ въ равнинахъ и холмистыхъ мѣстностяхъ, такъ и въ горахъ, но здѣсь только изрѣдка залетаютъ выше 1500 м. Объ ихъ правильномъ образѣ жизни въ теченіи дня легко получить понятіе, наблюдая одинъ изъ видовъ, какъ это, впрочемъ, замѣчается и у всѣхъ другихъ попугаевъ. Вѣроятно

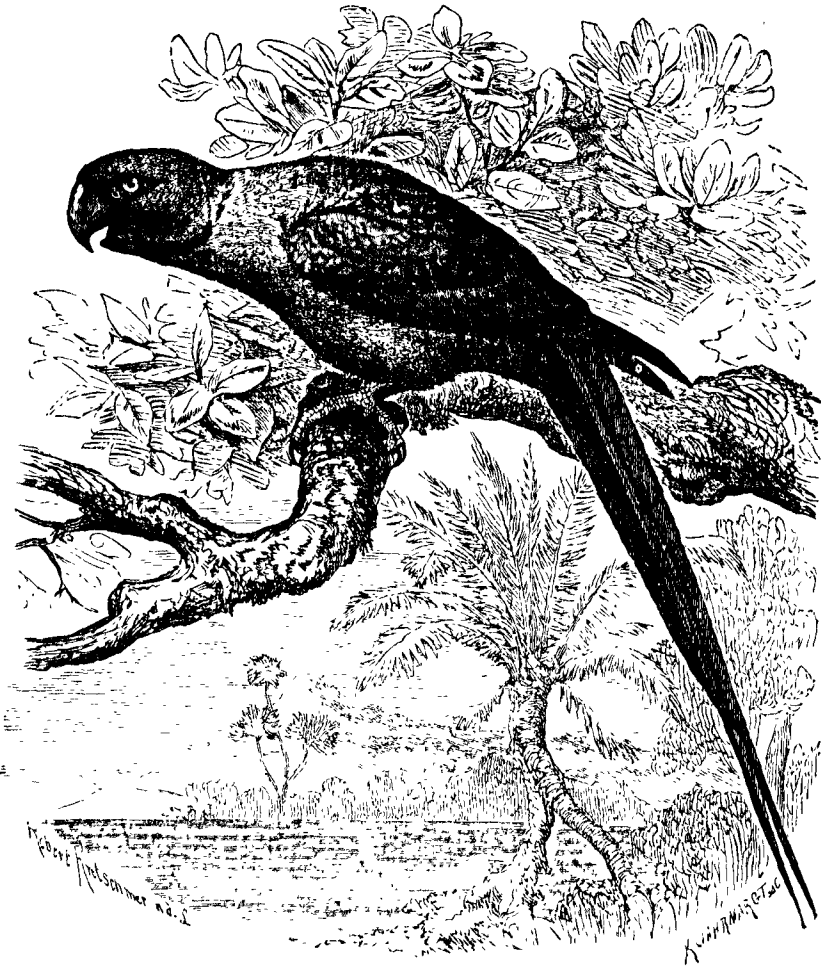
я дамъ совершенно точное понятіе о привычкахъ всѣхъ попугайчиковъ, если сообщу нижеслѣдующія наблюденія Бернштейна объ **Александровскомъ попугайчикѣ**. «Днемъ эти попугайчики летаютъ парами или небольшими стайками по садамъ и роцамъ своего мѣстопробыванія; къ вечеру-же всѣ попугайчики, живущіе въ одной мѣстности, собираются на извѣстномъ большомъ, густолиственномъ деревѣ или въ густой бамбуковой заросли и сообща здѣсь проводятъ ночь. Если знаешь, гдѣ расположено подобное дерево и довольно рано вечеромъ спрячешься около него, то можно быть свидѣтелемъ очень интереснаго зрѣлища. При закатѣ солнца птицы туда слетаются со всѣхъ сторонъ; какъ только первыя прилетѣвшія усѣлись, то онѣ начинаютъ весело пѣть, постепенно возвышая свой голосъ, и всѣ вновь прибывающіе присоединяются къ этому пѣнію, такъ что наконецъ получается раздражающій уши концертъ, который оканчивается лишь тогда, когда погаснутъ послѣдніе лучи заходящаго солнца. Тогда наступаетъ тишина, которая иногда нарушается только какимъ-либо попугаемъ, которому не нравится его мѣсто и который, ища себѣ болѣе удобное, старается спихнуть уже заснуващаго товарища. Въ подобныхъ случаяхъ всѣ попугайчики громко выражаютъ свое негодованіе, и нарушитель спокойствія прогоняется сообща нѣсколькими сильными ударами клюва. Это случается только пока не наступитъ полная темнота и всѣ птицы не заснутъ крѣпко. Съ первыми лучами восходящаго солнца вся стая разлетается, но вечеромъ снова собирается на то-же дерево, чтобы провести ночь въ сообществѣ другихъ.

«Во время гнѣздованія попугайчики живутъ парами, и тогда вечернихъ обществъ не бываетъ. Они устраиваютъ свои гнѣзда въ дуплахъ деревьевъ и при этомъ очень хорошо умѣютъ пользоваться своимъ сильнымъ клювомъ». Кладка состоитъ изъ 3—4 яицъ, которыя, вѣроятно, насиживаются обоими родителями. Птенцы развиваются медленно и послѣ вылета изъ гнѣзда еще долго обучаются родителями, но скоро принимаютъ всѣ привычки взрослыхъ. Всѣ виды очень хорошо переносятъ неволю: красота ихъ оперенія, понятливость и довѣрчивость способствуютъ тому, чтобы всѣ ихъ считали одними изъ наиболѣе пріятныхъ домашнихъ птицъ. «Попугай этотъ», говоритъ Плиній, «родомъ изъ Индіи, гдѣ его зовутъ **Зиттаце**. Онъ подражаетъ человѣческому голосу и ведетъ цѣлые разговоры, привѣтствуетъ кесаря, и повторяетъ слышанныя слова. Если хотять его заставить говорить, то бьютъ по головѣ желѣзной палочкой, а то онъ не чувствуетъ легкихъ ударовъ. Когда онъ слетаетъ съ высоты, то становится не на ноги, а на клювъ и крѣпко на него опирается, когда ходитъ, такъ какъ ноги у него очень слабыя».

Другія сообщенія того-же натуралиста доказываютъ намъ несомнѣнно, что Плиній имѣлъ здѣсь въ виду ожереловаго попугая. Этотъ видъ уже съ древнихъ временъ сдѣлался любимцемъ всѣхъ знатоковъ, и въ средніе вѣка его по преимуществу держали въ клеткахъ и считали очень цѣнной птицей. Военачальникъ Александра Македонскаго Онезикритъ привезъ его въ Грецію послѣ похода въ Индію; римляне впослѣдствіи нашли его въ Тергедумѣ на среднемъ Нилѣ. Діодоръ Сицилійскій имѣлъ въ виду эту птицу, когда говорилъ о попугаяхъ, встрѣчающихся въ дальнихъ мѣстностяхъ Сиріи.

Ожереловый попугай (*Palaeornis torquatus* и *cubicularis*, *Psittacus torquatus*, *cubicularis*, *manillensis*, *docilis*, *inornatus*, *streptophorus*, *bitorquatus*, *parvirostris*, *rufirostris* и *sincialo*, *Conurus torquatus*, etc., *Halsbandsittich*, *Perruche a collier rose*) у индусовъ носитъ названіе **Тига**, **Тія**, **Голларъ**, **Лейбаръ**, **Рагу** и **Киру**, у арабовъ—**Дура** и **Бабачанъ**, а у абиссинцевъ—**Герзей**. Это очень граціозная и пріятно окрашенная птица и принадлежитъ къ числу видовъ средней величины.

Длина самца 35 и 40 см., изъ которыхъ болѣе 25 см. занимаетъ хвостъ, длина крыльевъ отъ сочлененія до кончика всего 15 см. Цвѣтъ оперенія—ярко травянисто-зеленый, часто переходящій въ желтоватый; цвѣтъ этотъ ярче всего на темени, блѣднѣе всего на брюшкѣ, а темнѣе на крыльяхъ. Съ обѣихъ сторонъ шеи и на щекахъ опереніе принимаетъ нѣжно-лиловый или небесно-голубой цвѣтъ, который ярко отдѣляется отъ зеленого цвѣта груди узкой черной полоской и великолѣпной широкой ярко-розовой полосой. Темно-зеленыя маховыя перья имѣ-

Ожереловый попугай. *Palaeornis torquatus*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

ють на внутреннемъ опахалѣ темную продольную полосу съ блѣдно-желтымъ кантомъ. Хвостовыя перья травянисто-зеленыя съ ярко-желтыми внутренними опахалами и голубыми кончиками; оба среднихъ рулевыхъ пера также голубыя; нижнія стороны крыльевъ и хвоста желтовато-зеленыя. Зрачекъ желтовато-бѣлый, узкая радужная оболочка—красная, клювъ красный съ темнымъ кончикомъ верхней челюсти; ноги сѣрыя. Оба пола по оперенію другъ отъ друга не отличаются; молодыя птицы до перваго линянія отличаются болѣе блѣднымъ и равномернымъ светло-зеленымъ цвѣтомъ.

Область распространения ожереловаго попугая обширнѣе, чѣмъ всѣхъ другихъ попугаевъ, такъ какъ онъ встрѣчается какъ въ южной Азіи, такъ и въ Африкѣ. Правда африканскіе ожереловые попугаи отличаются отъ азіатскихъ меньшимъ ростомъ, болѣе желтовато-зеленымъ опереніемъ, замѣтно болѣе широкою полосою, идущею отъ угловъ рта, голубоватымъ отливомъ на верхушкѣ головы и тѣмъ, что ожерелье посрединѣ прервано: эти различія однако недостаточны для отдѣленія этихъ формъ въ два особые вида, и всѣ орнитологи согласны въ томъ, что азіатская и африканская формы образуютъ одинъ видъ. Если это и считать за достовѣрное, все же слѣдуетъ замѣтить, что по образу жизни азіатскій попугайчикъ отъ африканскаго отличается такъ, какъ это только возможно относительно двухъ, столь близкихъ разновидностей. Мѣстные условія той и другой родины, безъ сомнѣнія, служатъ причиною этого различія, и это, можетъ быть, намъ даетъ прекрасный примѣръ, какъ одна и та-же птица можетъ совершенно измѣнить свой образъ жизни вслѣдствіе измѣненія мѣстныхъ условій.

Въ Азіи ожереловый попугай живетъ на всемъ западномъ остъиндскомъ полуостровѣ отъ Непала и Кашмира до острова Цейлона и отъ Инда до Тенассерима и Пегу. Указаніе Шоне (Chesneys), что эта птица водится также въ Сирии и восточнѣе тамъ обыкновенна, хотя и согласуется съ сообщеніемъ Діодора Сицилійскаго, но требуетъ однако подтвержденія, такъ какъ никто изъ другихъ путешественниковъ не упоминаетъ о попугаѣ, который-бы жилъ такъ далеко на сѣверѣ. По всей вѣроятности Гиммалайскій хребетъ образуетъ сѣверную границу области распространения этого попугая. Титлеръ въ концѣ 60-хъ годовъ выпустилъ нѣсколько паръ ожереловыхъ попугаевъ на Андаманскихъ островахъ, и вѣроятно они тамъ акклиматизируются точно такъ, какъ нѣсколько попугаевъ, вылетѣвшихъ изъ Калкату, обжились на свободѣ въ окрестностяхъ Калштадта.

Въ Индіи и на Цейлонѣ ожереловый попугай принадлежитъ къ числу самыхъ обыкновенныхъ птицъ, живущихъ по преимуществу, но не исключительно, на равнинахъ. Здѣсь, по словамъ Блайта, онъ предпочитаетъ мѣстности, гдѣ земля обработана; это единственный индійскій попугай, который ищетъ сосѣдства съ человѣкомъ. Онъ гнѣздится и выкармливаетъ своихъ птенцовъ не только въ садахъ и рощахъ, но и на деревьяхъ, растущихъ вдоль дорогъ и шоссе, а также въ углубленіяхъ стѣнъ различныхъ зданій и въ щеляхъ каменныхъ оградъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ живетъ вдали отъ лѣса и довольствуется немногими деревьями, которыя жители города или деревни посадили около домовъ ради плодовъ или для тѣни. Во многихъ индійскихъ городахъ они, на подобіе галокъ, сидятъ на крышахъ домовъ; въ другихъ они выбираютъ себѣ для отдохновенія деревья на площадяхъ и, не обращая вниманія на происходящій подъ деревьями шумъ отъ базара, каждый вечеръ возвращаются туда: вышеприведенное (стр. 284) интересное описаніе Лайярда относится къ этому попугаю. При подобныхъ условіяхъ онъ, безъ сомнѣнія, часто вредитъ садамъ и полимъ, и только благодаря добродушію индусовъ и ихъ любви къ животнымъ, его не преслѣдуютъ такъ, какъ каролинскаго попугая. Ожереловый попугай сильно грабитъ плодовые сады и производитъ большія опустошенія на посѣянныхъ поляхъ. Онъ прицѣпляется къ сучьямъ деревьевъ и срываетъ плоды еще до ихъ вызрѣванія и вытаскиваетъ зерна изъ колосьевъ еще раньше, чѣмъ они успеваютъ окрѣпнуть. Когда жатва свезена въ гумно, то онъ, какъ у насъ голуби, ищетъ зеренъ въ обмолоченной соломѣ на току и, какъ каролинскій попугай, прилетаетъ къ скирдамъ, чтобы тамъ поживиться зернами. Иногда попугаи эти собираются въ большія стаи и отправляются довольно далеко на хищническій походъ; если подобная стая увидитъ на пути дерево со сгѣлыми плодами, то

конечно не пролетитъ мимо, а долго кружится надъ нимъ съ распростертыми крыльями и развернутымъ хвостомъ; наконецъ вся стая садится на дерево, и всѣ плоды его уничтожаются въ самое короткое время. Иногда эти птицы присоединяются къ стаямъ другихъ попугаевъ и съ ними рыщутъ по странѣ, отыскивая кормъ.

Въ Африкѣ, какъ уже выше сказано, образъ жизни ожереловаго попугая иной. Здѣсь онъ встрѣчается во всѣхъ странахъ между 17 и 8 гр. сѣв. шир. отъ западнаго побережья до восточнаго склона Абиссинскихъ горъ и живетъ тамъ во всякомъ для него удобномъ мѣсу. Онъ не требуетъ непременно настоящаго первобытнаго лѣса, который покрываетъ многія африканскія низменности, но довольствуется часто небольшими рощами, если только въ нихъ находится нѣсколько вѣчно зеленыхъ деревьевъ, густыя вершины которыхъ ему доставляютъ убѣжище во всякое время года. Въ западной Африкѣ попугай эти встрѣчаются на берегу моря; въ восточной Африкѣ я его находилъ южнѣе 15° сѣв. шир., но въ прибрежныхъ абиссинскихъ горахъ, гдѣ я путешествовалъ, я его не замѣчалъ. Мнѣ бросилось въ глаза, что эти попугай встрѣчаются лишь тамъ, гдѣ живутъ и обезьяны. Послѣ многихъ наблюдений мы съ увѣренностью могли рассчитывать, что въ той мѣстности, гдѣ были обезьяны, мы найдемъ и попугаевъ, а также и на оборотъ. Большіе лѣса въ хорошо орошенныхъ долинахъ представляютъ, конечно, лучшія условія жизни, какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ животныхъ.

Путешественнику въ этихъ странахъ было бы трудно не замѣтить ожереловыхъ попугаевъ. Натуралистъ прежде всего отличаетъ ихъ по ихъ рѣзкому крику, который пересиливаетъ всякіе другіе звуки въ лѣсу и бываетъ тѣмъ замѣтнѣе, что попугай всегда живетъ болѣе или менѣе многочисленными стаями. Подобная стая, которая часто соединяется съ другими и образуетъ такимъ образомъ очень многочисленное общество, избираетъ себѣ обыкновенно для постоянного мѣстожительства группу тамариндовыхъ или другихъ густыхъ деревьевъ и оттуда ежедневно предпринимаетъ странствованія по окрестностямъ. Въ ранніе утренніе часы птицы болѣею частью довольно спокойны, но скоро послѣ восхода солнца онѣ съ крикомъ и карканьемъ летятъ за пищею, и тогда видно, какъ стаи быстро несутся надъ лѣсомъ. Африканскіе лѣса довольно бѣдны плодоносными деревьями, но роскошная растительность въ тѣни деревьевъ изобилуетъ различнаго рода сѣменами, что и привлекаетъ на землю попугаевъ. Только когда созрѣютъ маленькіе круглые плоды африканскаго дерна и нѣжные стручки тамаринды дѣлаются съѣдобными, попугай вовсе не спускается на землю или дѣлаютъ это очень рѣдко. Весьма вѣроятно, что она ѣдятъ и животную пищу; по крайней мѣрѣ я часто видѣлъ, какъ они чего то искали около муравейниковъ и термитовыхъ построекъ и у плѣнныхъ замѣчалъ стремленіе къ мясной пицѣ. Этихъ попугаевъ рѣдко видно на посѣянныхъ поляхъ, которые жителями внутренней Африки устраиваются у опушки лѣсовъ, хотя въ клѣткахъ можно очень хорошо кормить этихъ птицъ сѣменами тамошнихъ посѣвныхъ растений. На волѣ имъ однако очевидно лѣсные плоды и сѣмена болѣе нравятся, чѣмъ хлѣбныя зерна. Стаи до полудня заняты отысканіемъ пищи; послѣ этого онѣ летятъ на водопой, а затѣмъ садятся на какую нибудь густую верхушку дерева, чтобы тамъ отдохнуть нѣсколько часовъ. При этомъ попугай болтаютъ и громко кричатъ, такъ что общество это очень замѣтно, но отыскать его все-таки трудно. То, что принцъ фонъ Видъ говоритъ объ южно-американскихъ попугаяхъ, вѣрно и относительно африканскихъ, т. е., что нужно очень внимательно всмотрѣться, чтобы замѣтить зеленыхъ птицъ среди листьевъ, имѣющей тотъ-же цвѣтъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что онѣ тотчасъ-же умолкаютъ, когда замѣтятъ что-либо особенное, или осторожно и молча удаляются,

когда боятся преслѣдованія. Чѣмъ дольше стоишь подѣ деревомъ, съ котораго были слышны нѣсколько сотенъ голосовъ попугаевъ, тѣмъ постепенно дѣлается на немъ все тише и тише и наконецъ тамъ не слышно ни одной птицы: одна за другой онѣ потихонько перелетѣли на другое подобное дерево и оттуда громкимъ крикомъ даютъ знать, что хитрое бѣгство имъ удалось.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ отдыха попугаи снова летятъ отыскивать пищу и на водопой; затѣмъ вечеромъ они собираются на свои излюбленныя деревья и начинаютъ кричать еще сильнѣе, чѣмъ прежде, такъ какъ тогда начинаются споры, не изъ за мѣста для временнаго отдыха, а изъ за хорошаго мѣстечка для ночлега.

Насколько ловко и быстро эти попугаи летаютъ, настолько тихо, неуклюже и беспомощно движутся они по землѣ, да и лазаютъ они по вѣтвямъ не особенно искусно. Полетъ у нихъ очень быстрый, но, повидимому, утомляетъ ихъ; по крайней мѣрѣ онъ требуетъ частыхъ ударовъ крыльями и переходитъ въ непродолжительное пареніе лишь когда попугай собирается садиться. Изъ одного удовольствія попугай этотъ никогда не летаетъ; онъ всегда летитъ къ опредѣленной цѣли и тотчасъ садится, когда цѣль эта достигнута. Ходьба его по землѣ едва заслуживаетъ этого названія, а скорѣе походить на жалкое перекачиваніе съ боку на бокъ: ноги, устроенныя для лазанья, при этомъ очень плохо дѣйствуютъ. Туловище тяжело переваливается, а хвостъ долженъ быть сильно приподнятъ, чтобы не тащиться по землѣ. Стая гуляющихъ по землѣ попугаевъ невольно возбуждаетъ смѣхъ, мѣжду тѣмъ, какъ они сами при этомъ очень серьезны.

Отъ Жердона мы узнаемъ, что ожереловый попугай гнѣздуетъ въ Индіи съ января до марта; во внутренности Африки это бываетъ въ дождливые мѣсяца года, соответствующіе веснѣ. Въ Индіи, какъ уже выше сказано, гнѣзда устраиваются не только на деревьяхъ, но въ разныхъ другихъ углубленіяхъ, даже въ зданіяхъ; въ Африкѣ-же попугаи эти гнѣздятся только на деревьяхъ. Послѣ первыхъ дождей и гигантская адансонія покрываетъ свою огромную верхушку листьями и многочисленныя дупла на вѣтвяхъ совершенно закрыты зеленью. Тамъ ожереловые попугаи устраиваютъ свои гнѣзда, какъ мнѣ сообщаютъ очевидцы. и поселяются обществами, которыя живутъ мирно, когда кончатся первоначальныя ссоры изъ за лучшихъ мѣстъ для гнѣздованія. Кладка состоитъ изъ 3—4 чисто сѣрыхъ и довольно глянцевиныхъ яицъ, которыя имѣютъ около 28 м.м. длины при 22 м.м. ширины. Въ Африкѣ уже къ концу дождливаго времени видны взрослые со своими легко узнаваемыми птенцами, и семьи эти собираются потомъ въ очень большія стаи. По моимъ наблюденіямъ надъ попугаями, жившими въ неволѣ, молодые только черезъ три года получаютъ опереніе, именно красное ожерелье взрослыхъ.

Несмотря на крѣпкій клювъ и сильныя лапы, ожереловые попугаи много терпятъ отъ большихъ хищныхъ птицъ и, по увѣренію индійскихъ наблюдателей, они дѣлаются добычею даже менѣе ловкихъ хищниковъ. Филиппъ замѣчаетъ, что мѣстный коршунъ часто набрасывается на нихъ, когда они сидятъ на деревьяхъ, и утаскиваетъ то одного, то другого, а также, что на этихъ попугаевъ часто нападаютъ крупныя совы; Андерсонъ считаетъ, напротивъ того, однимъ видъ сокола (*Falco peregrinator*) за злѣйшаго ихъ врага. «Маленькія стайки попугаевъ», рассказываетъ онъ, «летѣли мимо меня къ своимъ вечернимъ убѣжищамъ, какъ вдругъ, къ моему удовольствію, соколъ бросился на нихъ и пронесся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ головы моей лошади. Онъ три раза повторялъ свое нападеніе и попугаи всякій разъ тѣснились въ страхъ и смятеніи другъ къ другу и падали въ борозды поля, черезъ которое я ѣхалъ. Какъ только попугаи поднимались, то соколъ снова

повторялъ свое нападеніе, но неудачно, такъ что наконецъ онъ, очевидно не въ духѣ, усѣлся на сучекъ близъ стоящаго дерева». Въ Африкѣ я не видалъ подобной охоты, но не сомнѣваюсь въ томъ, что и тамъ мѣстные соколы нападаютъ на ожереловыхъ попугаевъ.

Въ тѣхъ странахъ Африка, гдѣ мнѣ случилось бывать, только натуралисты охотятся на ожереловыхъ попугаевъ, когда хотятъ получить ихъ для коллекцій: туземцы никогда не нападаютъ на нихъ съ оружіемъ и ловятъ ихъ живыми только тогда, когда надѣются выгодно продать. Несмотря на ихъ многочисленность, не очень то легко застрѣлить этихъ птицъ: хитрость ихъ способна обмануть и опытнаго охотника, старанія котораго часто бываютъ неудачны. Я однако пользовался ихъ хитростью для ихъ-же гибели, именно: отыскавъ около того дерева, гдѣ они сидѣли, другое, также удобное, я прятался около втораго, пока еще необитаемаго дерева и приказывалъ своему помощнику спугнуть попугаевъ съ ихъ мѣстопробыванія; они почти всегда летѣли на другое дерево и такимъ образомъ попадали подъ мои выстрѣлы. Въ средней Африкѣ ловля этихъ попугаевъ правильно не производится; уже довольно взрослыхъ птенцовъ ловятъ руками, а также захватываютъ взрослыхъ въ дуплахъ, но силковъ и сѣтей при этомъ не употребляютъ, хотя туземцы умѣютъ ими пользоваться. Въ Сенегалѣ, какъ кажется, ловля производится въ большихъ размѣрахъ: оттуда получается большинство ожереловыхъ попугаевъ, привозимыхъ въ Европу.

Во время своего пребыванія въ Африкѣ я часто держалъ у себя ожереловыхъ попугаевъ, но никогда не могъ сдружиться съ ними. Однажды ихъ жило у меня въ одно время до 18 штукъ. Я предоставилъ имъ какъ можно больше свободы, позволилъ имъ летать въ большой комнатѣ, хорошо кормилъ и надѣялся всѣхъ ихъ сохранить въ живыхъ. Ожиданія мои однако вовсе не оправдались: попугаи хищнически нападали другъ на друга и болѣе сильные заклевывали слабыхъ до смерти. Обыкновенно они у убитыхъ взламывали черепъ и выѣдали мозгъ совершенно такъ, какъ это дѣлаютъ наши синицы. Впослѣдствіи я однако познакомился съ этими попугаями съ лучшей стороны и даже полюбилъ ихъ. Молодые птицы дѣйствительно очень недовѣрчивы и пугливы, но если воспитывать ихъ по одиночкѣ въ клеткахъ, то онѣ дѣлаются ручными и любезными. Онѣ также отвыкаютъ отъ своего рѣзкаго крика и выучиваются говорить безъ особаго затрудненія; слѣдовательно исполняютъ все то, что только можно требовать отъ плѣннаго попугая. Но еще интереснѣе они въ обществѣ другихъ попугаевъ: тутъ самцы отыскиваютъ себѣ самокъ, и какъ только подобный любовный союзъ заключенъ, то парочка привлекаетъ вниманіе каждаго наблюдателя. Самецъ расточаетъ самкѣ всевозможныя любезности, свойственныя попугаямъ: цѣлуетъ, кормитъ ее изъ клюва въ клювъ, ищетъ паразитовъ въ ея перьяхъ, обнимаетъ ее однимъ крыломъ, при чемъ откидывается назадъ, расправляетъ другое перо и расширяетъ хвостъ, такъ что изображаетъ изъ себя двуглаваго орла на гербѣ. Онъ ревниво устраняетъ приближеніе соперника и даже попугая другаго вида и внимательно сторожитъ входъ въ гнѣздовый ящикъ, который уже заранѣе выбравъ и подготовленъ для устройства гнѣзда. Премилую картину представляютъ попугаи около своего гнѣзда: самка усердно работаетъ внутри, а самецъ отъ времени до времени стучитъ въ стѣнку, чтобы ее вызвать; она-на минуту высунетъ голову изъ отверстія, нѣсколько разъ поцѣлуетъ съ самцомъ, а затѣмъ снова принимается за работу; самецъ-же снова продолжаетъ сторожить у входа. Ожереловые попугаи, по словамъ Руса, нѣсколько разъ выводили птенцовъ въ неволѣ; особенно успешно ихъ воспитывалъ Вигандъ въ Цейтцѣ.

вахъ; ихъ область распространенія простирается отъ Цейлона до Малабарскаго берега и отъ полуострова Малакка до Новой Гвинеи. Однако отдѣльные виды встрѣчаются среди этихъ обширныхъ областей только по одиночкѣ; лишь на однихъ Филиппинскихъ островахъ живутъ четыре вида этихъ попугаевъ и поэтому острова эти должны считаться главнымъ ихъ мѣстожительствомъ. Объ ихъ жизни на свободѣ пока еще имѣется мало свѣдѣнй; мы знаемъ только, что это древесныя птицы въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, что онѣ живутъ иногда безчисленными стаями и питаются ягодами, цвѣтами, почками и сѣменами. Во время отдыха эти попугая вѣшаютъ внизъ головою, какъ летучія мыши, рѣдко, но очень ловко летаютъ, хорошо поютъ и высиживаютъ своихъ дѣтенышей въ дуплахъ деревьевъ. Туземцы охотно и часто держатъ ихъ въ клѣткахъ, но они считаются нѣжными птицами и потому рѣдко попадаютъ къ намъ въ Европу.

Какъ представителя этого рода я опишу попугая, котораго мнѣ посчастливилось держать въ клѣткѣ въ теченіи двухъ лѣтъ. Малайцы его называютъ **Серендакъ**, **Синдада** и **Бурунгъ Слинде**, яванцы — **Силиндить**, суматранцы — **Сериндить** а даяки — **Тализонъ**. (*Coryllis galgulus*, *Psittacus galgulus*, *pumilus* и *flavigulus*, *Psittacula galgula* и *cyaneopileata*, *Loriculus galgulus* и *pumilus*. *Blaukörnchen*. *Loricule*). Онъ ростомъ не болѣе нашего полевого воробья, опереніе главнымъ образомъ зеленое, на верхушкѣ головы находится круглое ярко-синее пятно, на спинѣ треугольное оранжевое пятно, обращенное вершиной назадъ, на горлѣ продолговато-овальное поперечное ярко-малиновое пятно; надхвостье и верхнія кроющія перья хвоста также малиновыя; на задней части спины черезъ надхвостье проходитъ узкая поперечная желтая полоска; нижнія перья на голени имѣютъ желтыя каемки. Маховыя перья у основанія черныя, а на концѣ точно такъ, какъ и рулевыя перья — голубыя, цвѣта морской воды, нижнія кроющія перья крыльевъ зеленыя. Глаза темно-каріе, клювъ — черный, восковица свѣтло-сѣрая, ноги желтовато-сѣрыя. Опереніе самки нѣсколько блѣднѣе, чѣмъ у самца; вмѣсто голубого у нея зеленое пятно на темени, а на спинѣ небольшое голубовато-зеленое пятно; краснаго шейнаго пятна у нея нѣтъ. У молодыхъ опереніе темнѣе, темнаго пятно лишь обозначено, а на спинѣ и горлѣ цвѣтныхъ пятенъ вовсе нѣтъ.

Насколько до сихъ поръ извѣстно, серендакъ живетъ исключительно на Борнео, Суматрѣ, Банкѣ и южной оконечности Малаккскаго полуострова. О жизни ихъ на свободѣ даетъ только нѣкоторыя свѣдѣнія Саломонъ Мюллеръ, который наблюдалъ этихъ хорошенькихъ птичекъ въ южной части Борнео. Этотъ дѣятельный и свѣдущій путешественникъ нашелъ этого попугая у даяковъ въ качествѣ любимой комнатной птицы; ихъ держатъ обыкновенно по нѣсколько штукъ вмѣстѣ въ большой цилиндрической клѣткѣ изъ бамбуковыхъ палочекъ, которая можетъ вертѣться на оси и приводится въ движеніе лезаньемъ попугаевъ (въ родѣ бѣличьяго колеса). На свободѣ попугайчики эти питаются древесными почками, нѣжными побѣгами и цвѣтами, по преимуществу цвѣтками эритриній; въ неволѣ его кормятъ варенымъ рисомъ, а иногда сырыми бананами, которые, говорятъ, онъ ѣстъ охотно. Кромѣ того Мюллеръ еще сообщаетъ, что этихъ маленькихъ птичекъ очень трудно замѣтить среди зелени и красныхъ цвѣтковъ эритриній.

Къ счастью, мнѣ удавалось нѣсколько разъ покупать живыхъ серендаковъ, а одна парочка у меня жила около двухъ лѣтъ. Эти попугайчики, точно такъ-же, какъ и ближайшіе ихъ родичи, безспорно принадлежатъ къ числу самыхъ пріятныхъ комнатныхъ птицъ. Правъ у нихъ въ высшей степени пріятный, они очень доверчивы и дѣятельны, но не чрезмѣрно; они поютъ и болтаютъ, болтаютъ и поютъ,

но никогда не беспокоятъ рѣзкими и раздражающими ухо криками. Всѣ движенія ихъ необыкновенно легки и граціозны. Они бѣгаютъ по землѣ быстро, мелкими шажками, не переваливаясь съ боку на бокъ; безбоязненно прыгаютъ они на довольно большое для ихъ короткихъ ножекъ расстояние; по рѣшеткамъ лазаютъ они скоро и ловко, пользуясь при этомъ какъ лапами, такъ и клювомъ.

Полетъ ихъ, который я могъ наблюдать лишь въ ограниченномъ размѣрѣ, въ большой клѣткѣ, легокъ и совершается безъ труда, хотя крылья при этомъ двигаются очень быстро. Сильнаго хлопанья крыльями при взлетѣ, какъ у другихъ попугайчиковъ, я у нихъ не замѣчалъ. Во время отдыха они рѣдко садятся на вѣтки такъ, какъ другія птицы; въ большинствѣ-же случаевъ, а во время сна постоянно принимаютъ положеніе спящихъ летучихъ мышей, причѣмъ прицѣпляются ногами къ верхней рѣшеткѣ клѣтки или сухому сучку и свѣшиваютъ внизъ не только туловище, но и голову, такъ что спина, стянутая назадъ шея, темя и клювъ образуютъ прямую линію; хвостъ-же, вѣроятно для того, чтобы не касаться сучка, наклоненъ вкось и вверхъ; опереніе при этомъ беспорядочно нахочлено. Хорошенькія птички получаютъ тогда совсѣмъ другой видъ, чѣмъ обыкновенно, кажутся гораздо толще и принимаютъ почти шарообразную форму. Часто нѣкоторые попугаи вѣшаютъ за одну ногу, а другую втягиваютъ такъ, что только видны скрюченные когти; иногда они мѣняютъ ногу, чтобы облегчить ту, на которой тѣло долго висѣло. Если ихъ испугнуть, то они тотчасъ-же бросаются къ потолку, какъ-бы чувствуя себя въ большей безопасности въ висячемъ положеніи. Вся, они иногда чистятъ себѣ перышки и тихимъ болтаніемъ выражаютъ свое довольство, однако они чистятся и болтаютъ чаще сидя. Если птица чувствуетъ потребность испражниться въ висячемъ положеніи, то нагибаетъ болѣе обыкновеннаго хвостъ, туловище наклоняетъ впередъ дугою и выбрасываетъ на 30 см. комочекъ помета, который окруженъ слизью. Во время совершеннаго покоя и сна все тѣло еще больше надувается и вѣки смыкаются такъ, что остается небольшая щель. Едва ли необходимо упомянуть, что серендакъ можетъ принимать и всякія другія положенія, свойственныя попугаямъ; онъ лазаетъ одинаково хорошо, какъ головою вверхъ, такъ и внизъ. Однако чаще всего видишь ихъ въ вышеописанномъ висячемъ положеніи и оно такъ характерно, что имъ совершенно справедливо дали названіе попугаевъ-непопырей.

Душевные способности серендака находятся примѣрно на той-же степени развитія, какъ у другихъ попугайчиковъ. Они очень кротки и сознательно до вѣрчивы, скоро научаются узнавать своего воспитателя и членовъ его семейства, не пугаются ихъ, когда они приближаются къ клѣткѣ и продолжаютъ спокойно сидѣть или висѣть; они даже не перемѣняютъ положенія, когда клѣтку переносятъ съ мѣста на мѣсто. Они очень хорошо узнаютъ чужихъ людей и къ нимъ относятся съ довѣріемъ, но появленіе собаки производитъ между ними большое смятеніе. По они, какъ всѣ маленькіе попугаи, никогда не выражаютъ своего возбужденія такъ рѣзко, какъ крупныя птицы этого семейства и не приходятъ въ такую ярость, какъ даже иногда и небольшіе попугайчики. Поведеніе ихъ постоянно тихое и спокойное, и они живутъ какъ-бы только для себя. Самецъ и самка живутъ въ добромъ согласіи, но не выказываютъ другъ другу внѣшнимъ образомъ свою привязанность: никогда я не замѣчалъ у нихъ, какъ у другихъ попугаевъ, цѣлованія и взаимнаго чесанія перьевъ. Большое общество этихъ попугайчиковъ, которое мнѣ пришлось видѣть въ одной клѣткѣ, также жило мирно; но когда я къ своей парочкѣ посадилъ еще самца, то птицы сдѣлались очень безнокойными, что, впрочемъ, вѣроятно происходило болѣе отъ страха передъ пришельцемъ, чѣмъ отъ рев-

ности. Несмотря на это, мнѣ казалось, что и въ этомъ случаѣ выказывалось любопытство, которое вообще свойственно попугайчикамъ.

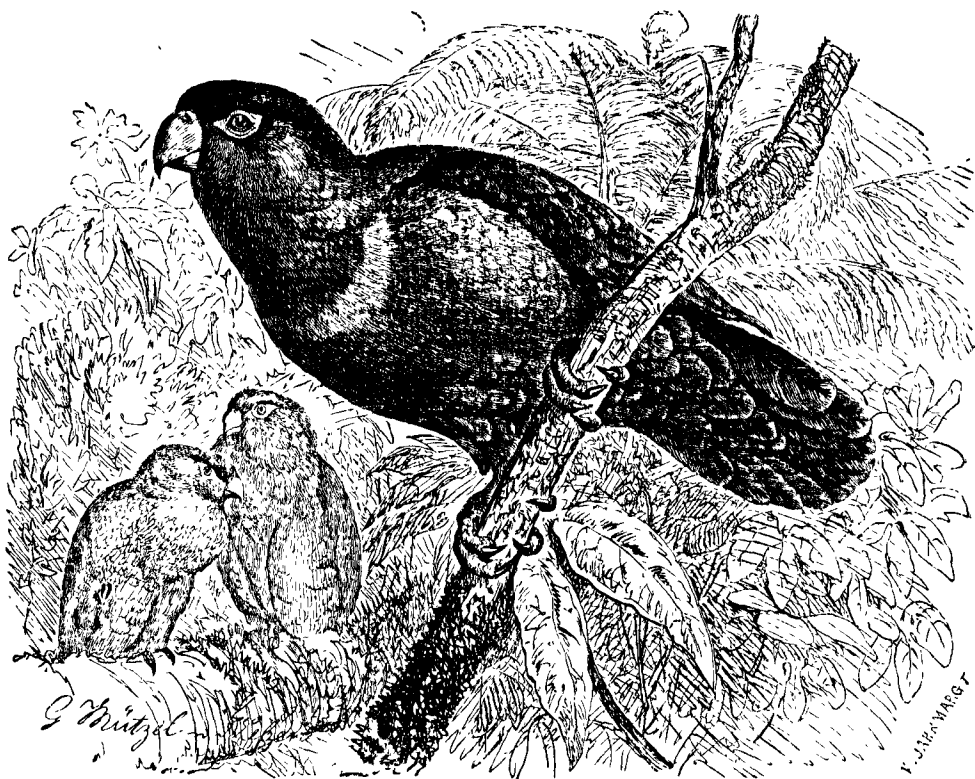
Пѣніе вообще довольно молчаливаго самца очень пріятное, хотя конечно его нельзя сравнить съ пѣніемъ настоящей пѣвчей птицы. Оно состоитъ изъ смѣси щебетанія, трещанія и болтанія и къ нему присоединяются еще нѣсколько свистящихъ звуковъ; все это поется спокойно и съ достоинствомъ, такъ что весело и пріятно слушать эту пѣсню. По разнообразію тоновъ и переходовъ пѣніе это стоитъ, можетъ быть, ниже пѣнія волнистаго попугайчика, но, по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію, въ общемъ оно болѣе пріятно. Самецъ во время пѣнія сидитъ на вѣтви прямо, по возможности вытянувши шею и нахохливши красныя перья на горлѣ; движенія этихъ перьевъ соотвѣтствуютъ или намѣчаютъ движенія мускуловъ гортани. Пѣніе продолжается 1—2 минуты, послѣ чего наступаетъ пауза, а затѣмъ пѣсня снова начинается. Зимой нерѣдко случается, что самецъ, промолчавши нѣсколько часовъ, даже выпавшись, вдругъ вечеромъ при ламповомъ свѣтѣ пропоетъ свою пѣсенку. Самка точно такъ, какъ и самецъ, издаетъ призывной звукъ, рѣзкое «зит»; она безъ всякаго возбужденія слушаетъ пѣніе самца и къ нему, повидимому, совершенно равнодушна: она въ это время ѣсть, лазаетъ вверхъ и внизъ, чистится, даже привѣшивается къ потолку для сна. Самецъ этимъ не смущается, такъ какъ, повидимому, онъ поетъ больше для своего собственнаго удовольствія, а не для того, чтобы забавлять самку.

Я кормилъ своихъ серендаковъ обыкновеннымъ канареечнымъ кормомъ, который имъ давали еще во время переѣзда по морю, а также плодами, разрѣзанными на маленькіе кусочки, и муравьиными куколками. При этомъ они чувствовали себя хорошо и благополучно вылиняли, не уменьшивъ своей живости и не измѣнивъ цвѣта оперенія, однако къ размноженію не приступали. Другіе экземпляры, которыхъ я покупалъ, околѣвали скоро послѣ своего прибытія въ Европу; несмотря на это, я однако не думаю, чтобы они были нѣжнѣе, чѣмъ карликовые и широкохвостые попугайчики. Я поэтому не могу присоединиться къ мнѣнію нѣкоторыхъ натуралистовъ, что серендаки не въ состояніи переносить неволи и увѣренъ, что со временемъ они будутъ у насъ размножаться въ клѣткахъ.

* *
*

Дамскіе лори (*Domicella Breitschwanzlori*, *Domicelles*)—стройные попугаи, ростомъ отъ величины воробья до величины галки. Они отличаются въ большинствѣ случаевъ сильнымъ клювомъ, высота котораго равна длинѣ; онъ сжатъ съ боковъ, имѣетъ закругленную спинку и сильно загнутый, свѣшивающійся кончикъ; передъ которымъ замѣчается отлогая выемка. Нижняя челюсть имѣетъ прямой край, который наклоненъ кверху и не имѣетъ выемокъ. Ноги очень сильныя съ длинными пальцами и большими, очень загнутыми когтями. Крылья длинныя, острые и достигаютъ конца кроющихъ перьевъ хвоста, когда сложены; второе и третье маховыя перья самыя длинныя и образуютъ острый кончикъ. Хвостъ на концѣ округленъ и состоитъ изъ постепенно расширяющихся, а на концѣ значительно расширенныхъ, но тупыхъ и закругленныхъ рулевыхъ перьевъ. Опереніе довольно жесткое и на затылкѣ, шеѣ и верхней части туловища удлинено и волосисто, а на теменіи и задней части шеи состоитъ изъ перьевъ, имѣющихъ длинныя, узкія и жесткіе стержни; иногда здѣсь образуется хохолокъ. Цвѣтъ перьевъ очень яркій и блестящій, большею частью красный съ синимъ рисункомъ, иногда одноцвѣтно черный или синій. Клювъ бываетъ или оранжеваго, или чернаго цвѣта; ноги всегда темныя.

Представителемъ этого рода можно считать уже намъ давно извѣстнаго **Дамскаго лори** (*Domicella atricapilla*, *Psitacus domicella*, *raja*, *radhea* и *rex*, *Lorius domicella*. *Erzlori*. *Domicelle à collier*), котораго жители Амбоины называютъ — **Касториз**, а въ Церамѣ—**Лури** или **Нинри**. Въ опереніи преобладаетъ великолѣпный малиново-красный цвѣтъ; лобъ и плечи совершенно черныя, къ затылку темно-фіолетовыя; на зобу находится широкій ярко-желтый щитъ, который доходитъ иногда до груди. Добавочное крыло синее и каждое перо имѣетъ на концѣ бѣлую каемку; самое крыло темно-зеленое, а около плеча грязно-оливково-бурое; большія маховыя перья на внутренней сторонѣ сѣрно-желтыя и только на нижней трети—черныя;

Дамскій лори. *Domicella atricapilla*. $\frac{1}{2}$, наст. вел.

малыя маховыя перья, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ, которыя зеленыя, — внутри совсѣмъ желтыя; маленькія кроющія перья нижней части крыла и опереніе нижней части бедра васильково-голубого цвѣта. Около зрачка замѣтно узкое желтое кольцо, а прочая часть радужной оболочки карія, клювъ ярко-оранжевый, ноги сѣровато-черныя. Оба пола по оперенію сходны, молодые окрашены темнѣе; перья верхней части туловища у основанія зеленыя, и желтаго цвѣта на груди вѣтъ. По словамъ Розенберга, измѣненія въ цвѣтѣ встрѣчаются довольно часто, на примѣръ темнаго пята можетъ быть розовое, а крылья—желтыми.

Благодаря любезности вышепазваннаго натуралиста, я могу сообщить слѣдующія свѣдѣнія о жизни на свободѣ дамскаго лори, о которомъ до сихъ поръ не было ничего извѣстно. «Эта красивая птица живетъ исключительно на Амбоинѣ и Церамѣ и, точно такъ, какъ и другіе виды этого рода, никогда не встрѣчается на Борнео

и на материкѣ Азіи. Но на родинѣ своей этотъ лори довольно обыкновененъ. Его можно видѣть и въ первобытномъ лѣсу, и около жилищъ человѣка, но на горахъ Церама я, по крайней мѣрѣ, никогда его не встрѣчалъ. Я ихъ часто видѣлъ быстро летѣвшими небольшоими стайками надъ городомъ Амбоинной, при чемъ они описывали на воздухѣ красивыя дуги и ихъ легко было узнать по крику и красивому, на солнцѣ блестящему оперенію. Пища его состоитъ изъ сладкаго сока цвѣтовъ и плодовъ, особенно пизанга. Гнѣздо устраивается въ дуплахъ деревьевъ, а яйца, какъ у другихъ попугаевъ, блестяще-бѣлыя и немного больше яицъ нашего чернаго дрозда.

«На Амбоинѣ ни одна птица не встрѣчается такъ часто въ неволѣ, какъ дамскій лори, а въ городѣ Амбоинѣ нѣтъ почти дома и даже хижины, въ которой бы его не было. Это любимая птица мѣстныхъ жителей, и заслуживаетъ этого, какъ по своей красотѣ и кротости, такъ по способности многому научиться. Онъ довольно скоро выучиваются говорить и составляетъ тогда гордость своихъ воспитателей. Ученую птицу нельзя купить дешевле 8—10 голландскихъ гульденовъ, между тѣмъ какъ неученая продается за 1—2 гульдена. Бываютъ однако глупые и коварные лори. Ихъ кормятъ сырымъ и варенымъ рисомъ, разбухшимъ въ водѣ саго и плодами пизанга, а кромѣ того даютъ ежедневно свѣжей воды, такъ какъ они много пьютъ и часто купаются, причѣмъ опрыскиваютъ себѣ очень сильно все опереніе».

Дамскій лори попадаетъ не очень рѣдко въ Европу и потому я нѣсколько разъ имѣлъ возможность наблюдать его и его родичей. Лори принадлежатъ къ числу веселыхъ, живыхъ и умныхъ птицъ. Они дѣятельны съ утра до вечера; они обращаютъ вниманіе на все то, что около нихъ происходитъ и ясно выражаютъ это, сильно кивая головой. По подвижности и искусству въ летаніи они не уступаютъ никакимъ другимъ попугаямъ. При этомъ они выказываютъ много быстроты и ловкости и замѣчательны еще тѣмъ, что часто рѣшаются на большіе прыжки. При хорошемъ расположеніи духа они исполняютъ настоящія танцевальныя упражненія на своихъ жердочкахъ. Голосъ у нихъ очень громокъ и такъ рѣзокъ, что производитъ непріятное впечатлѣніе. Его можно передать, по словамъ Линдена, рѣзко выговоренными слогами «вixe вixe ви ви» и сопровождается свистомъ, мурлыканьемъ и своеобразнымъ шелканіемъ языкомъ. Голосъ сильно способствуетъ птицѣ выказать ея впечатлительность — качество, которое, впрочемъ, видно во всѣхъ ея дѣйствіяхъ. Всѣ дамскіе лори, которыхъ мнѣ случалось наблюдать, вовсе не отличались миролюбивымъ характеромъ, а, напротивъ того, часто ссорились между собою и съ другими птицами. Одинъ дамскій лори, содержавшійся въ большой клѣткѣ съ другими попугаями, ссорился со всѣми ея обитателями: онъ часто дразнилъ котораго-нибудь попугая, сильно кивая головою, приподнимая перья на головѣ, разправляя и складывая крылья и вообще производя разныя сильныя движенія; противникъ его приходилъ въ сильное возбужденіе или гнѣвъ, что, повидимому, удовлетворяло лори, который улеталъ и начиналъ дразнить другую птицу, но, впрочемъ, скоро возвращался къ первому противнику. Онъ скоро подчинилъ себѣ всѣхъ болѣе слабыхъ птицъ, находившихся въ клѣткѣ, но завелъ такую вражду съ главнымъ своимъ противникомъ, носатымъ какаду, что поплатился изъ за этого впоследствии жизнью. Носатый какаду былъ посаженъ по сосѣдству въ особую клѣтку, но когда онъ однажды изъ нея выскользнулъ, то такъ сильно набросился на дразнившую его птицу, что только наше вмѣшательство спасло на этотъ разъ лори. Испугъ его однако былъ настолько силенъ, что онъ все-таки околѣлъ на слѣдующій день. Лори и между собою живутъ не мирно; даже самецъ и самка одной парочки ссорятся. Дерутся они иначе, чѣмъ другіе попугаи: они схватываютъ другъ дру-

га когтями за голову и за клювъ, а сей послѣдній употребляютъ къ дѣлу рѣдко, больше для защиты. Къ своему воспитателю они выказываютъ иногда привязанность, иногда наоборотъ. Нѣкоторые изъ нихъ привозятся къ намъ уже ручными и тогда это самыя пріятныя птицы, какихъ можно себѣ представить; они дозволяютъ, чтобы ихъ трогали и гладили, садятся на руку, ихъ можно переносить съ мѣста на мѣсто и никогда они не употребляютъ въ дѣло своего клюва. Другіе попугаи постоянно злы и всегда готовы кусаться. Во всякомъ случаѣ Линденъ совершенно правъ, говоря, что дамскіе лори по своей понятливости, выносливости и способности къ прирученію стоятъ гораздо выше своихъ ближайшихъ родичей, клинохвостыхъ лори.

При хорошемъ уходѣ дамскіе лори живутъ подолгу у насъ въ клѣткахъ, но уходъ за ними не очень легокъ. Прежде всего они требуютъ теплаго помѣщенія и соответствующаго корма. Нѣкоторые изъ нихъ довольствуются варенымъ рисомъ, морковью, разными плодами и сѣменами, молочной булкой и т. д.; нѣкоторые же плохо ѣдятъ этотъ кормъ и небольшая ошибка или предложенное имъ новое лакомство могутъ быть для нихъ очень опасны. Линденъ, на примѣръ, по опыту убѣдился, что его плѣнные лори очень охотно ѣли черешни и при этомъ себя хорошо чувствовали, а отъ ежевики умирали. Однимъ изъ главныхъ условий ихъ благосостоянія слѣдуетъ считать доставленіе возможности во всякое время купаться. Вода для нихъ болѣе необходима, чѣмъ для другихъ попугаевъ, и они купаются если не каждый день, то по крайней мѣрѣ черезъ день. При этомъ однако они не ложатся въ воду, какъ другіе попугаи, а становятся въ сосудъ съ водою и оперекиваютъ себѣ спину, грудь, животъ, крылья и хвостъ ударами маховыхъ и рулевыхъ перьевъ; затѣмъ высушиваютъ свои перья и усиленною подвижностью выказываютъ, какъ они хорошо себя чувствуютъ. «Странно», говоритъ Линденъ, «что они спятъ на полу и совершенно распластываются для этого въ углу клѣтки. Сонъ у нихъ очень чуткій и прерывается даже незначительнымъ шумомъ, на примѣръ, когда ходятъ въ сосѣднемъ помѣщеніи, причемъ они выказываютъ, что проснулись, легкимъ свистомъ. Ни у какихъ другихъ попугаевъ такъ не замѣтно выростаніе новыхъ перьевъ при линянніи, какъ у этихъ лори: большыя стержни новыхъ перьевъ такъ сильно выступаютъ между старыми перьями, что ихъ чувствуешь точно щетины; голова и шея во время линяннія кажутся совсѣмъ взъерошенными».

«Вудутъ-ли когда-нибудь дамскіе лори размножаться у насъ въ Европѣ въ клѣткахъ, вопросъ очень спорный и можетъ быть рѣшенъ скорѣе отрицательно въ виду того, что намъ трудно доставить этимъ птицамъ привычныя имъ помѣщенія для гнѣздъ. Настоящаго первобытнаго лѣса мы имъ здѣсь устроить не можемъ и не въ состояніи имъ дать дѣйствительно подходящаго корма, особенно для выкармливанія птенцовъ. Кромѣ того они слишкомъ любопытны и беспокойны, чтобы какъ слѣдуетъ предаться супружескимъ и родительскимъ обязанностямъ: имъ непременно нужно узнать причину каждаго шума, каждаго звука и при этомъ они забываютъ своихъ подругъ. Однако трудно отрицать возможность счастливаго случая, который-бы намъ помогъ устранить трудности, кажушіяся нынѣ непреодолимыми.»

* * *

Клинохвостые Лори (*Trichoglossus Keilschwanzlori*, *Trichoglosses*) стройные попугаи, ростомъ отъ величины воробья до величины голубя. Клювъ у нихъ средней величины и съ боковъ сжатъ; спинка клюва острая, а верхняя челюсть на концѣ образуетъ сильно загнутый тонкій свѣшивающійся надъ нижней челюстью

крючекъ, около конца котораго видна отлогая, но ясно замѣтная выемка; край нижней челюсти прямые, наклонно возвышаются къ углу рта и выемки не имѣютъ. Ноги короткія, сильныя, съ толстыми пальцами и кривыми когтями. Крылья длинныя, острыя; одно изъ трехъ первыхъ маховыхъ перьевъ длиннѣе прочихъ и образуетъ острый конецъ крыла. Хвостъ клинообразный, ступенчатый; рулевья перья у основанія широки, затѣмъ постепенно суживаются, а на концѣ закруглены. Опереніе довольно жесткое, блестящее и состоитъ изъ широкихъ перьевъ. Цвѣтъ перьевъ на спинѣ чаще всего зеленый, а на животѣ красный; на затылкѣ обыкновенно замѣчается свѣтлая поперечная полоса, а на груди темный поперечный рисунокъ.

Область распространенія клинохвостыхъ попугаевъ почти совпадаетъ съ областью распространенія дамскихъ лори, но простирается нѣсколько болѣе на западъ. Центромъ области слѣдуетъ считать материкъ Австраліи, но на югъ она оканчивается въ Тасманіи, а на сѣверѣ доходитъ до Моллукскихъ острововъ, Галагера и Моротай. Изъ острововъ Полинезій клинохвостые попугаи живутъ лишь въ Новой Каледоніи, Новыхъ Гебридскихъ и Соломоновыхъ островахъ, но на западъ попугаи эти распространяются до Сумбавы и Флоресъ. О жизни ихъ на свободѣ мы, благодаря изслѣдованіямъ Гульда, имѣемъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія. Главною чертою ихъ нрава слѣдуетъ считать стремленіе къ обществу. Такъ какъ по образу жизни и по пищѣ они похожи на другихъ попугаевъ, то можетъ случиться, что на одномъ и томъ-же деревѣ мирно проживаютъ три или четыре вида этихъ птицъ. Какъ большинство австралійскихъ попугаевъ и они принуждены странствовать; именно тѣ попугаи, которые гнѣздятся на югѣ, ежегодно прилетаютъ и улетаютъ на сѣверъ материка довольно правильно. Во время этихъ странствованій они часто соединяются въ огромныя стаи, въ которыхъ птицы такъ тѣсно держатся одна около другой, что стая походитъ на тучу; всѣ птицы одновременно дѣлаютъ различные повороты и такъ громко кричатъ, что уже издали обращаютъ на себя вниманіе наблюдателя. Полетъ у нихъ сильный, ловкій и очень быстрый; особенно при взлетаніи они съ изумительной быстротою поднимаются вверхъ и стремительно несутся по воздуху. На деревьяхъ они лазаютъ довольно ловко, но по движеніямъ своимъ скорѣе походятъ на синицъ, чѣмъ на попугаевъ. Скоро послѣ восхода солнца они такъ усердно заняты собираніемъ сладкаго сока цвѣтовъ посредствомъ своего на концѣ кистевиднаго языка, что ихъ очень трудно прогнать съ деревьевъ, на которыхъ они сѣли. Если въ нихъ выстрѣлить, то птицы съ крикомъ поднимаются на воздухъ, но тотчасъ же опять опускаются на вѣтви и продолжаютъ обслѣдовать цвѣты. Они такъ искусно собираютъ сладкій сокъ изъ цвѣтовъ, что онъ течетъ у нихъ струею изо рта, если ихъ держать за ноги.

О гнѣздованіи этихъ птицъ путешественники собрали еще мало свѣдѣній. Кажется, что и въ это время стаи не разлетаются; по крайней мѣрѣ на одномъ деревѣ гнѣздится столько птицъ, сколько только можетъ помѣститься. Гнѣзда такихъ видовъ въ дуплахъ деревьевъ. Кладка состоитъ изъ 2—4, у нѣкоторыхъ видовъ по всей вѣроятности и болѣе, бѣловатыхъ удлинненныхъ яицъ.

Великолѣпный цвѣтъ оперенія этихъ попугаевъ поражаетъ даже, повидимому, столь равнодушныхъ къ красотамъ природы туземцевъ Австраліи; по крайней мѣрѣ видишь, что они собираютъ всѣ головы убитыхъ ими клинохвостыхъ попугаевъ, нанизываютъ ихъ четкообразно на нитки и украшаютъ себя этими четками. Европейскіе поселенцы ловятъ этихъ лори только для того, чтобы содержать ихъ въ клеткахъ. Мясо ихъ жестко и твердо, да и запахъ у него непріятный,

такъ что охота за ними изъ-за мяса не производится. Въ клѣткахъ эти попугаи живутъ лучше, чѣмъ можно-бы было ожидать. Хотя путешественники утверждаютъ, что эти птицы питаются главнымъ образомъ сладкимъ сокомъ цвѣтовъ и не ѣдятъ сѣмянъ, но въ клѣткахъ онѣ привыкаютъ къ этой пищѣ и живутъ дольше, чѣмъ дамскіе лори и другіе попугаи, которые считаются зерноядными. Одинъ видъ, насколько мнѣ извѣстно, даже размножался въ Европѣ, другіе виды по крайней мѣрѣ клали у насъ яйца. Относится-ли это ко всему роду, я сказать не могу, такъ какъ изъ 40 видовъ къ намъ въ Европу привозили лишь менѣе половины.

Изъ этихъ попугаевъ у насъ въ клѣткахъ чаще всего видишь **Многоцвѣтнаго Лори** (*Trichoglossus Novae Hollandiae, haematodus, multicolor, haematopus* и *swainsonii, Psitacus Novae Hollandiae, haematodus, haematopus, cyanogaster, multicolor* и *semicollaris, Australasia Novae Hollandiae. Allfarblori. Lori multicolore*). Это одинъ изъ большихъ видовъ рода и по росту равняется примѣрно каролинскому попугаю. Голова, щеки и горло у него фіолетово-синія, задняя часть шеи, передняя часть спины, надхвостье и хвостъ темно-зеленые, перья средней части спины у основанія красныя, а по срединѣ желтыя; перья затылка желтовато-зеленыя и образуютъ неясное ожерелье; зобъ, грудь и нижнія кроющія перья крыльевъ ярко-краснаго цвѣта киновари, съ неправильными широкими темными полосками; стороны груди ярко-желтыя; перья брюшка темно-синія, у основанія красныя, на сторонахъ брюшка—красныя съ синими пятнами на концахъ; бедра, голени, окружность задняго прохода и нижнія кроющія перья хвоста травянисто-зеленыя; каждое изъ этихъ перьевъ у основанія красное, затѣмъ желтое, а на концѣ зеленое; маховыя перья внутри черныя, а по срединѣ съ широкимъ желтымъ пятномъ; рулевыя перья внутри лимонно-желтыя, а у основанія немного красноватыя. Радужная оболочка оранжеваго цвѣта, клювъ кроваво-краснаго; восковица темно-бурая, ноги блѣдно-бурыя.

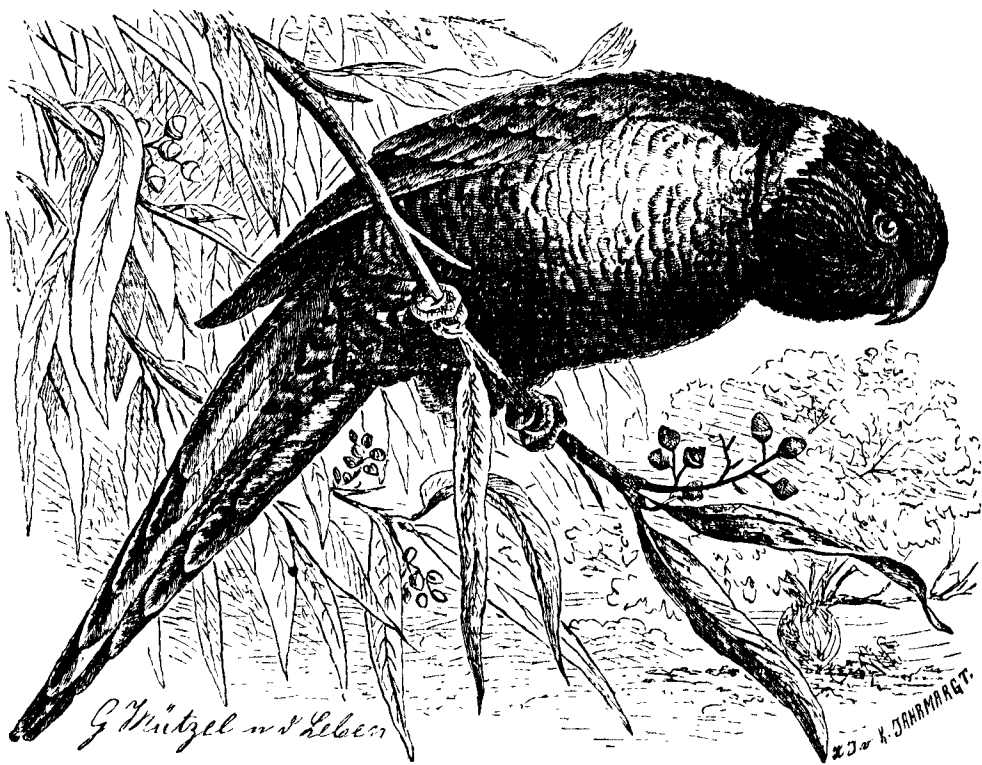
Хотя Гульдъ и считаетъ родиной многоцвѣтнаго лори только южную Австралію, но онъ встрѣчается на всемъ материкѣ и даже въ Тасманіи, гдѣ онъ особенно многочисленъ, потому-что камедныя деревья ему доставляютъ здѣсь пищу въ изобиліи. Но онъ такъ исключительно привязанъ къ камеднымъ деревьямъ, что въ другихъ лѣсахъ его никогда не увидишь. Тѣ деревья, у которыхъ недавно распустились цвѣты, предпочитаютъ всѣмъ прочимъ, потому-что на нихъ больше всего сладкаго сока и цвѣтени. Трудно описать словами великолѣпіе подобнаго цвѣтушаго лѣса камедныхъ деревьевъ, вѣтви которыхъ покрыты кромѣ того другими попугаями и иными видами медососущихъ птицъ. Часто видишь три-четыре вида этихъ лори, сидящихъ на одной вѣтви и сообща сосущихъ медъ изъ цвѣтовъ. Еще труднѣе описать словами тысячеголосный крикъ и страшный шумъ, производимый этими птицами, когда онѣ разомъ поднимутся съ дерева, чтобы перелетѣть въ другую часть лѣса. Подобныя стаи нужно самому видѣть и слышать, чтобы составить себѣ о нихъ понятіе.

При утренней прогулкѣ въ кустарниковомъ лѣсу на берегахъ рѣки Гунтеръ, Гульдъ подошелъ къ огромному камедному дереву, 60 м. высоты, которое было въ полномъ цвѣту. Сотни птицъ были привлечены этими цвѣтами, и различныя виды попугаевъ и другихъ медососущихъ птицъ кружились около этого дерева. Гульдъ съ одной вѣтви добылъ выстрѣлами цо экземпляру всѣхъ четырехъ видовъ клинохвостыхъ попугаевъ, живущихъ въ этой мѣстности.

О размноженіи этихъ птицъ Гульдъ не могъ собрать обстоятельныхъ свѣ-

двѣй, но отъ туземцевъ узналъ, что многоцвѣтнѣй лори кладетъ два яйца въ дупла высочайшихъ камедныхъ деревьевъ и что гнѣздованіе продолжается отъ іюля до сентября. Свѣдѣнія эти однако едва-ли справедливы, такъ какъ въ неволѣ многоцвѣтнѣе лори клала по 6 яицъ.

Калай полагаетъ, что этотъ лори питается исключительно сладкимъ сокомъ цвѣтовъ и даже въ неволѣ никогда не ѣстъ сѣмянъ, почему содержаніе его въ клѣткахъ очень затруднительно. Указаніе это не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ въ послѣднее время многоцвѣтнѣй лори, какъ уже выше замѣчено, все чаще и чаще привозится въ Европу и содержится въ клѣткахъ. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ ихъ вовсе у насъ не было видно, но вдругъ ихъ привезли довольно

Многоцвѣтнѣй лори. *Trichoglossus Novae Hollandiae*. ¹/₂, наст. вел.

много за разъ и стали продавать подъ различными названіями. «Я получилъ» пишетъ мнѣ Линдентъ, «одну изъ первыхъ паръ съ указаніемъ давать этимъ птицамъ въ видѣ корма только конопляное сѣмя и воду. Я сначала такъ и сдѣлалъ, но, когда увидѣлъ, что птицы почти не трогаютъ корма, то далъ имъ плоды, которые съѣдались съ жадностью; однако слѣдствіемъ было то, что черезъ нѣсколько дней обѣ птицы околѣли въ страшныхъ судорогахъ. Вторую приобретенную мною пару я кормилъ преимущественно булкой, размоченною въ молокѣ; онѣ жили дольше, но однако околѣли съ подобными-же судорогами. Анатомирование какъ первой, такъ и второй пары не дало никакихъ данныхъ для рѣшенія вопроса о причинѣ смерти. Другихъ подобныхъ птицъ я воспитывалъ нѣсколько успѣшнѣе, но долженъ въ концѣ концовъ причислить этихъ попугаевъ къ тѣмъ, которые трудно выживаютъ въ клѣткахъ. Я, правда, слышалъ о болѣе удачныхъ опытахъ:

меня увѣрили, что попугаи эти даже плодились въ клѣткѣ, и наконецъ прислали ту пару, отъ которой родились птенцы, но послѣ смерти этихъ птицъ оказалось, что обѣ были самки! Между тѣмъ многія подобныя указанія печатаются въ журналахъ и имъ вѣрятъ».

По моему, правда не очень обширному опыту, я долженъ согласиться съ Линденомъ въ томъ, что дѣйствительно клинохвостые попугаи плохо уживаются въ неволѣ, но бываютъ и исключенія. Такъ, г-нъ министръ Гесслеръ писалъ мнѣ, что у него пять лѣтъ сряду жилъ многоцвѣтный лори, пользовался отличнымъ здоровьемъ и доказалъ это тѣмъ, что положилъ 6 яицъ. Кормъ этого попугая состоялъ изъ коноплянаго сѣмени, тертаго нежирнаго мяса, тертой свеклы и сахара, смѣшанныхъ вмѣстѣ поровну; попугай съ жадностью набрасывался на этотъ кормъ и сѣдалъ его до послѣдней крохи, что доказываетъ пригодность этой пищи для этихъ птицъ. Насѣкомыхъ, которыхъ ему предлагали, онъ отбрасывалъ въ сторону и даже выплевывалъ, если ихъ клали ему въ ротъ.

«Нравъ многоцвѣтныхъ попугаевъ», замѣчаетъ Линденъ, «живѣе, чѣмъ у дамского лори: ихъ слѣдуетъ считать даже въ высшей степени чувствительными. Мои птицы постоянно находились въ извѣстной степени возбужденія, и поэтому ихъ нельзя было держать въ общей клѣткѣ, предназначенной для попугаевъ: вѣчный шумъ и гамъ, которые постоянно тамъ бываютъ, ихъ пугали, и они начинали въ страхѣ бросаться во всѣ стороны и часто дѣлались жертвами этого сильнаго возбужденія. Ихъ полетъ очень быстръ и всегда сопровождается громкимъ и рѣзкимъ крикомъ. На полъ клѣтки они спускаются лишь тогда, когда хотятъ выкупаться. Голосъ ихъ трудно передать буквами, потому-что онъ представляетъ нѣчто среднее между карканьемъ и свистомъ, но онъ всегда громокъ и рѣзокъ».

Дятловые попучайчики (*Nasiterna*. *Spechtparagaien*. *Psittacules nasiternes*) относятся къ подсемейству **Карликовыхъ попугаевъ** (*Micropsittacinae*. *Zwergparagaien*. *Micropsittacés*). Они отличаются своимъ небольшимъ ростомъ не только между птицами своего семейства, но между всеми попугаями вообще; это вмѣстѣ съ попугаями-неопырями самыя мелкія птицы всего отряда. Центромъ ихъ области распространенія слѣдуетъ считать Новую Гвинею, а кромѣ того они встрѣчаются на сосѣднихъ островахъ, особенно на Мизолѣ, Салавати, Мафурѣ, Вайгю, Гуэбѣ и на островахъ Соломоновыхъ, Ару и Кеи. До послѣдняго времени извѣстны были только два вида, но теперь ихъ насчитываютъ 9.

Клювъ у нихъ очень сильный, вышина его гораздо больше ширины, верхняя челюсть сильно крючковатая, но кончикъ ея короткій и только немного загибается за нижнюю челюсть; у основанія верхняя челюсть широка и имѣетъ видъ свода, а къ концу сильно сплющена съ боковъ; спинка ея образуетъ ребро, а передъ кончикомъ замѣчается глубокая, угловатая выемка. Нижняя челюсть по вышинѣ больше верхней и сжата съ боковъ; конецъ ея округленъ, а стороны имѣютъ выемки. На тонкихъ ногахъ бросаются въ глаза относительно очень длинныя пальцы, которые въ два раза длиннѣе плюсны; когти на нихъ тонкіе и по сильно загнутые. Крылья длинныя, острыя, такъ что въ сложенномъ состояніи они достигаютъ почти до кончика хвоста, второе маховое перо самое длинное, а кончикъ крыла сильно выдающийся. Короткій и округленный на концѣ хвостъ замѣчательнъ своими жесткими, нѣсколько внизъ загнутыми стержнями перьевъ, кончики которыхъ очень остры и выдаются изъ опахала.

Изъ этого рода намъ раньше всего былъ извѣстенъ Карликовый зеленый попугайчикъ (*Nasiterna pigmaea*, *Psittacus pigmaeus*, *Psittacula* и *Micropsitta pigmaea*, *Micropsittes pigmaeus*. *Rothbrüstige Spechtprapegei*. *Psittacule pigmée*), птичка, которая по росту немного болѣе чирика. Опереніе травянисто-зеленаго цвѣта, нижнія части тѣла свѣтлѣе, верхняя часть головы желтая, уздечка и мѣсто вокругъ глаза желтовато-бурая; кроющія перья крыльевъ черныя съ широкими зелеными каймами. Черныя большія маховыя перья имѣютъ узкія зеленыя каемки, малыя маховыя имѣютъ широкую зеленую каемку на внутреннихъ опахалахъ; послѣднія маховыя перья совсѣмъ зеленыя. Рулевые перья черныя и на концѣ внут-

Карликовый зеленый попугайчикъ. *Nasiterna pigmaea*.
Наст. вел.

ренняго опахала имѣютъ желтое пятно; оба среднихъ рулевыхъ небесно-голубого цвѣта, а наружныя обѣ пары перьевъ имѣютъ съ вѣншей стороны узкія зеленыя каемки; нижнія кроющія перья хвоста желтыя, а къ концу зеленовато-желтыя. Клювъ сѣровато-черный, ноги сѣровато-бурого рогового цвѣта. Оба пола по оперенію не различаются.

Объ образѣ жизни этихъ попугаевъ у насъ еще мало свѣдѣній. Первые двѣ птицы этого вида, которыхъ Куа и Гэмаръ привезли изъ своего кругосвѣтнаго путешествія, попали къ намъ совершенно случайно: одинъ изъ ихъ охотниковъ выстрѣлилъ въ другую птицу, сидящую на деревѣ, но вмѣсто нея убилъ этихъ двухъ, до той поры вовсе неизвѣстныхъ попугаевъ. Лишь въ послѣдніе годы многія изъ этихъ птицъ попали въ наши музеи, и мы получили отъ Бернштей-

на, Розенберга, Уэллеса и наконецъ Беккари кой-какія незначительныя свѣдѣнія объ ихъ образѣ жизни на свободѣ. Кромѣ послѣдняго наблюдателя всѣ другіе согласны въ томъ, что этого попугайчика очень трудно замѣтить и убить вслѣдствіе того, что онъ постоянно держится на верхушкахъ густолиственныхъ деревьевъ. Только Беккари замѣчаетъ, что если знаешь любимыя деревья карликовыхъ попугайчиковъ, то ихъ нетрудно найти и застрѣлить. То-же сообщаетъ и Гаакъ. «Въ первобытныхъ лѣсахъ по берегамъ рѣкъ Флей и Стрикландъ я въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ видѣлъ только разъ карликовыхъ попугайчиковъ, но зато въ очень большомъ числѣ. Группа низкихъ фиговыхъ деревьевъ была покрыта плодами, и эти маленькія птички здѣсь собрались въ большомъ числѣ, какъ я предполагаю для того, чтобы ѣсть сѣмена фигъ. Онѣ были такъ доврчивы, что я могъ наблюдать ихъ очень близко. Я не замѣтилъ, чтобы онѣ лазали по стволамъ, какъ дятлы, о чемъ со-

общаютъ другіе наблюдатели, хотя смотрѣлъ на нихъ нѣсколько часовъ сряду. Но возможно, что онѣ пользуются своимъ хвостомъ въ видѣ опоры при раскусываніи винныхъ ягодъ, такъ какъ на многихъ фитовыхъ деревьяхъ Новой Гвинеи плоды расположены около самаго ствола. Я имѣлъ возможность убить многихъ попугайчиковъ, такъ какъ ни выстрѣлы, ни смерть товарищей не могли заставить улетѣть остальныхъ. При выстрѣлахъ мнѣ приходилось удаляться на нѣкоторое разстояніе, чтобы не разорвать въ куски этихъ маленькихъ птичекъ». Папуасы часто ловятъ этихъ попугайчиковъ живыми, вытаскивая ихъ изъ дупла дерева, гдѣ они гнѣздятся. Алленъ говоритъ, что яйца похожи на яйца маленькихъ южно-американскихъ попугаевъ.

Широкохвостые попугаи (*Platycercus*, *Plattschweifsittiche*, *Perruches à large queue*) составляютъ самый богатый видами родъ Австралійскихъ попугаевъ. Это болѣею частью великолѣпно окрашенные птицы, ростъ которыхъ колеблется отъ величины дрозда до величины вороны. Отличительными признаками имъ служатъ: короткій сильный клювъ, высота котораго почти всегда больше ширины; онъ по спинкѣ и съ боковъ округленъ, короткій кончикъ верхней челюсти сильно загнутъ вверхъ и имѣетъ тупую зубчатую вырѣзку. Нижняя челюсть по вышинѣ равна верхней; кончикъ ея широкъ, округленъ и имѣетъ на краю малозамѣтный рубецъ. Ноги имѣютъ, относительно говоря, высокія плюсны, крылья длинныя съ выдающимся острымъ концомъ; самыя длинныя маховыя перья 2-е до 4-го. Хвостъ почти всегда очень длинный, ступенчатый и состоитъ изъ необыкновенно широкихъ и на концѣ закругленныхъ рулевыхъ перьевъ. Опереніе мягкое, чаще всего очень пестрое, но иногда только зеленое съ краснымъ.

Всѣхъ видовъ этого рода насчитываютъ до 40, и они замѣняютъ въ Австраліи и на близъ лежащихъ островахъ попугаевъ-непопырей, водящихся въ Индіи и Африкѣ. Финшъ замѣчаетъ, что ихъ нѣтъ тамъ, гдѣ живутъ попугаи-непопыри, и область ихъ распространенія начинается тамъ, гдѣ кончается мѣстопробываніе вышеуказанныхъ попугаевъ. Широкохвостые попугаи живутъ на Тиморѣ, Буру, Церамѣ, восточныхъ Моллукскихъ островахъ, въ Новой Гвинее, Австраліи и Тасманіи, на Новыхъ Гебридахъ, Новой Каледоніи, Новой Зеландіи, Норфолькскихъ и Ауклэндскихъ островахъ, на островахъ Фиджи и нѣкоторыхъ другихъ сосѣднихъ. На материкѣ Азіи, Филиппинскихъ островахъ и Целебесѣ они не встрѣчаются и, что особенно замѣчательно, ихъ также нѣтъ на островахъ Флоресъ, Сумбана, Басси и Ломбонъ, которые находятся между Тиморомъ и большими Зондскими островами. Одинъ видъ встрѣчается на островѣ Макари, т. е. на 54° южн. шир., что составляетъ самый южный пунктъ распространенія отряда попугаевъ.

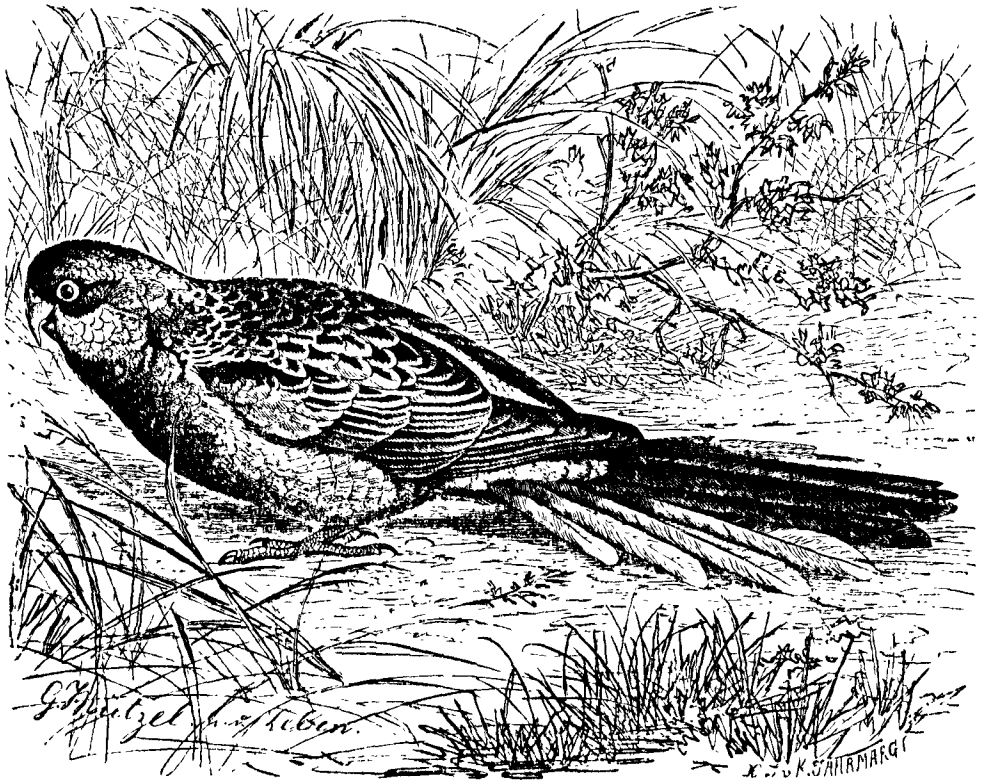
Наша свѣдѣнія объ образѣ жизни на свободѣ этихъ попугаевъ, отличающихся великолѣпиемъ окраски и пріятностью нрава, еще очень незначительны и неполны. Наблюденія Гульда показали, что эти попугаи, какъ почти всѣ другіе австралійскіе виды этого отряда, держатся болѣе на землѣ, чѣмъ на деревьяхъ. Они живутъ въ тѣхъ обширныхъ паркоподобныхъ равнинахъ Австраліи, которыя въ иные годы изобилуютъ кормомъ, а иногда покрываются лишь скудною растительностью, такъ что широкохвостые попугаи, вмѣстѣ съ луговыми и волнистыми попугайчиками, а также и кореллами, принуждены предпринимать болѣе или мѣнѣе далекія странствованія, чтобы отыскать себѣ кормъ. Широкохвостые попугаи принадлежатъ къ лучшимъ летунамъ этого отряда; они и бѣгаютъ по землѣ хорошо, но въ лазаньи они уступаютъ другимъ попугаямъ. Голосъ у нихъ пріятнѣе, чѣмъ у большинства ихъ родичей. Они никогда не издають рѣзкихъ, скрипя-

щихъ и каркающихъ звуковъ, какъ другіе попугаи, но у нихъ часто слышишь громкій свистъ, даже благозвучное пѣніе или пѣвучую болтовню. По душевнымъ способностямъ они стоятъ ниже другихъ попугаевъ. Внѣшнія чувства у нихъ развиты почти такъ-же хорошо, какъ и у ихъ родичей, но понятливость у нихъ слабѣе. Многіе виды, какъ на свободѣ, такъ и въ неволѣ живутъ обществами и мирно относятся къ своимъ сожителямъ; другіе-же, къ удивленію любителя птицъ, выказываютъ противоположныя качества: нападаютъ безъ видимой причины на живущіе съ ними экземпляры того-же вида или на другихъ попугаевъ, умерщвляютъ ихъ изподтишка нанесенными ранами въ затылокъ и даже отчасти пожираютъ свои жертвы. До времени гнѣздованія они на своей родинѣ живутъ маленькими стайками, причемъ каждый видъ образуетъ особую стаю, но въ одной области уживается нѣсколько видовъ. Стаи эти довольно неправильно кочуютъ по странѣ, приближаются при этомъ къ человѣческимъ поселеніямъ и появляются даже на улицахъ городовъ. Рано утромъ и въ вечерніе часы попугаи старательно обыскиваютъ почву и въ это время ищутъ свой кормъ, состоящій изъ разныхъ сѣмянъ. Ко времени гнѣздованія стаи разбиваются на парочки и болѣе или менѣе разсѣиваются по лѣсамъ, смотря по тому, много или мало дуплистыхъ деревьевъ найдется въ извѣстной мѣстности. Самка устраиваетъ въ дуплѣ дерева подстилку изъ гнилого дерева или небольшого количества обыкновеннаго подстилочнаго матеріала и кладетъ отъ 4 до 8, а, по нѣкоторымъ сообщеніямъ, и 12 блестящихъ бѣлыхъ яицъ и самымъ усерднымъ образомъ ихъ насиживаетъ, какъ кажется, безъ помощи самца. Самецъ и самка сообща вскармливаютъ и воспитываютъ свое многочисленное потомство, а затѣмъ, когда птенцы уже могутъ слѣдовать за родителями, улетаютъ вмѣстѣ въ другую часть страны.

Уже въ теченія нѣсколькихъ десятилѣтій каждый корабль, предназначенный для перевозки живыхъ птицъ изъ Австраліи, привозитъ въ Европу между прочимъ и широкохвостыхъ попугаевъ. Красивыя, а въ иныхъ случаяхъ даже великолѣпно окрашенныя птицы, обратили, конечно, на себя вниманіе любителей; но послѣдніе скоро убѣдились въ томъ, что широкохвостыхъ попугаевъ очень трудно содержать въ клѣткахъ, или вѣрнѣе, что мы до сихъ поръ не могли основательно разузнать условія лучшаго ухода за этими птицами. Ни одинъ сортъ попугаевъ не околѣваетъ у насъ такъ часто, какъ широкохвостые. Конечно случается въ видѣ исключенія, что они по нѣсколько лѣтъ выживаютъ въ клѣткахъ даже при очевидно-плохомъ уходѣ, но въ большинствѣ случаевъ птицы эти, повидимому безъ всякой причины, умираютъ очень скоро. «Широкохвостые попугаи»; говоритъ Линденъ, и это вполне согласуется съ моими собственными наблюденіями, «лучше всѣхъ другихъ родичей оправдываютъ нѣмецкую поговорку: «Heute rot, morgen tot» (Сегодня красенъ, завтра мертвъ). Совершенно здороваго на видъ попугая находятъ на слѣдующее утро околѣвшимъ въ клѣткѣ, или онъ прячетъ голову подъ крыло и умираетъ къ полудню. Перепробуешь всевозможныя средства, но ничего не помогаетъ: смерть наступаетъ неминуемо». Птицы эти очень хорошо переносятъ, какъ видно изъ опытовъ, пашъ климатъ, даже бывають здоровѣе, если ихъ зимою держать на открытомъ воздухѣ; но кто думаетъ этимъ сохранить имъ жизнь, жестоко ошибается, точно такъ, какъ и тотъ, который держитъ ихъ постоянно въ теплой комнатѣ, полагая, что имъ необходимо подобное помѣщеніе. Нѣкоторые изъ этихъ попугаевъ даже размножились у насъ въ клѣткахъ; но и въ этомъ отношеніи достигнутые результаты совершенно ничтожны.

Одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ представителей этого рода, это попугай, называе-

мый австралійскими колонистами **Розелла**, а туземцами Новаго Южнаго Валлиса—**Бундулокъ** (*Platycercus eximius*, *Psittacus eximius*, *capitatus* и *omnicolor*. *Rosella*. *Psittacule roselle*). Птица эта величиною съ крупнаго дрозда, т. е. около 32 см. длины. Голова, горло и грудь точно такъ, какъ нижнія кроющія перья хвоста, яркаго багряно-краснаго цвѣта, причеиъ все перья здѣсь у основанія желтыя; задняя часть шеи и стороны ея, верхняя часть спины и плечи черныя съ широкою блѣдно-желтою каймою, нижняя часть груди ярко-желтая, стороны груди также желтыя съ черными пятнами по срединѣ каждаго пера; брюшко, бедра, надхвостье и верхнія кроющія перья хвоста красиваго свѣтло-зеленаго цвѣта съ сѣровато-желтымъ

Розелла. *Platycercus eximius*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

налетомъ; крылья темно-бурныя, а снаружи темно-синія; большія маховыя перья великолѣпнаго фіолетово-синяго цвѣта, а послѣднія 3 — 4 изъ малыхъ маховыхъ перьевъ снаружи имѣютъ свѣтло-зеленыя каемки; снизу все маховыя перья сѣровато-черныя. Оба среднихъ рулевыхъ пера темно-оливково-зеленыя, а къ кончику синевато-зеленыя; прочія рулевыя перья на основной половинѣ темно-синія, другая половина фіолетово-синяя, а на кончикѣ бѣлыя. Отъ верхней челюсти клюва до ушей замѣчается бѣлое пятно, а на срединѣ крыла большое черное пятно. Глаза темно-каріе, а клювъ и ноги темно-бурныя. Самка незначительно отличается отъ самца, а молодыя птицы, которыя вообще почти такого-же цвѣта, какъ взрослые, отличаются лишь тѣмъ, что цвѣта у нихъ не такъ ярки, перья на плечахъ и верхней части спины имѣютъ зеленныя каемки, затылокъ покрытъ зелеными перьями, красный цвѣтъ на груди и горлѣ не такъ яркъ, а нижнія

часть груди зеленовато-желтая; бѣлое пятно на головѣ имѣетъ также голубоватый оттѣнокъ.

Этотъ красивый попугайчикъ живетъ въ южной Австраліи, Новомъ Южномъ Валлисѣ и въ Тасманіи. Онъ здѣсь очень обыкновененъ, но населяетъ лишь извѣстныя мѣстности, ограниченныя иногда лишь ручейкомъ, черезъ который попугай рѣдко или никогда не перелетаютъ. Розеллы никогда не собираются очень большими стаями, а встрѣчаются лишь семействами или маленькими стайками. Любимымъ мѣстопробываніемъ имъ служатъ открытыя мѣстности, ровныя или усѣяныя холмами, гдѣ мѣстами растутъ высокія деревья или группы кустарниковъ. Эти деревья тогда дѣлаются центральными пунктами ихъ мѣстопробыванія, откуда онѣ разлетаются по песчанымъ равнинамъ или прогалинамъ лѣсовъ, для того, чтобы отыскивать себѣ кормъ. На посѣщаемыхъ ими мѣстахъ попугай эти столь-же обыкновенны, какъ у насъ на улицахъ воробьи; если ихъ спугнуть, то они садятся лишь на сосѣднее дерево, чтобы тотчасъ-же снова спуститься на землю. Путешественники увѣряютъ, что впечатлѣніе, производимое этими птицами на уроженцевъ сѣвера, трудно описать словами.

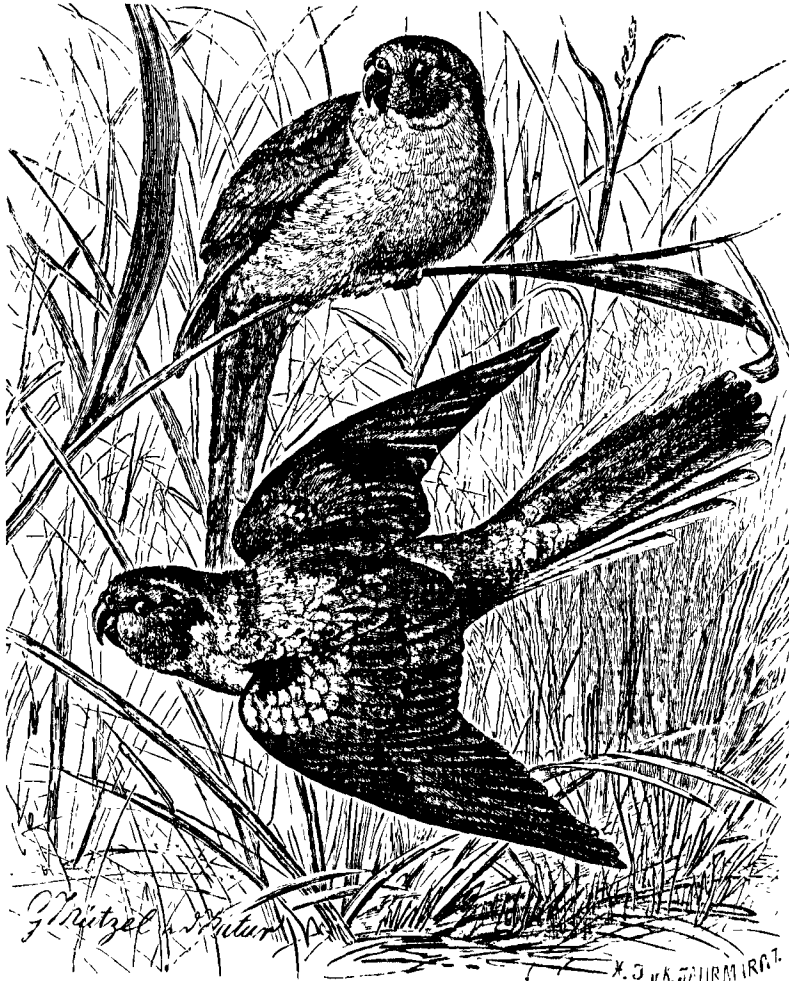
Розелла летаетъ волнообразными линіями, быстро махая крыльями, но рѣдко пролетаетъ сразу большія пространства, такъ какъ, повидимому, она скоро устаетъ. Тѣмъ проворнѣе прыгаетъ она по землѣ, гдѣ, по ловкости движеній, мало уступаетъ воробьямъ. Голосъ ея, какъ у большинства родичей, состоитъ изъ очень пріятнаго свиста, который можно почти назвать пѣніемъ. Пища состоитъ изъ различныхъ зеренъ, по преимуществу изъ сѣмянъ злаковъ, но при случаѣ, говорятъ, она ѣстъ и насѣкомыхъ. Время гнѣздованія бываетъ отъ октября до января. Самка кладетъ 7—10 красивыхъ бѣлыхъ продолговатыхъ яичекъ въ дупло толстаго сучка камеднаго или какого-нибудь другого большого дерева. Яйца довольно толстыя, почти одинаково округленныя съ обѣихъ концовъ, 25 м.м. длины и 21 м.м. ширины, очень блѣдно сѣровато-желтаго цвѣта, а на свѣтъ они кажутся зеленовато-бѣлыми. По сообщенію Калая, въ гнѣздѣ находятъ только 6 птенцовъ. Дупло иногда бываетъ очень большой глубины, но это не мѣшаетъ розеллѣ имъ пользоваться, такъ какъ она лазаетъ до самаго конца дупла такъ-же проворно, какъ опоссумъ.

Розеллу привозятъ къ намъ въ Европу чаще другихъ австралійскихъ попугаевъ, и кое-гдѣ она здѣсь даже и размножалась. То, что сказано выше о жизни въ неволѣ всѣхъ широкохвостыхъ попугаевъ, относится и къ этому виду. Русскъ сообщаетъ, что розелла, воспитанная Гольцомъ, выучилась говорить нѣсколько словъ.

* *
*

Луговые попугаи (*Euphema*, *Grassittiche*, *Psittacules euphèmes*) проводятъ большую часть жизни на землѣ. Сюда относятся маленькіе австралійскіе попугай, которые ростомъ не больше воробья и которыхъ насчитываютъ до семи видовъ. Они отличаются короткимъ, тонкимъ клювомъ, который сильно загнутъ по спинѣ; кончикъ его образуетъ крутой крючекъ безъ зубца; ноги слабыя, средней длины и съ тонкими плюснами; крылья острыя, второе и третье маховыя перья на нихъ самыя длинныя; хвостъ очень длинный, у основанія широкій, а къ тупому концу сильно суживающійся; крайнія перья его ступенчатыя и укороченныя. Опереніе очень густое, такъ что птица кажется гораздо больше своей настоящей величины; уздечка и ободокъ около глаза покрыты перьями; преобладающимъ цвѣтомъ является оливково-зеленый, лобъ и кроющія перья крыльевъ обыкновенно синіе, а брюшко и крайнія рулевыя перья желтыя. Попугай эти живутъ только въ Австраліи и Тасманіи, но въ сѣверовосточной части материка, повидимому, не встрѣчаются.

Чаще других встрѣчается **Лазурный попугай** (*Euphema pulchella*, *Psittacus pulchellus* и *edwardsii*, *Nanodes pulchellus*, *Lathamus azureus*. Schönsittich. *Psittacule azurée*). Вся передняя часть головы до глазъ и кроющія перья верхней части крыла небесно-голубого цвѣта, за исключеніемъ каштаново-бураго пятна, находящагося на предплечьѣ и образованнаго самыми мелкими кроющими перышками; плечи, спина и прочія верхнія части травянисто-зеленаго цвѣта; вся нижняя сторона

Лазурный попугай. *Euphema pulchella*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

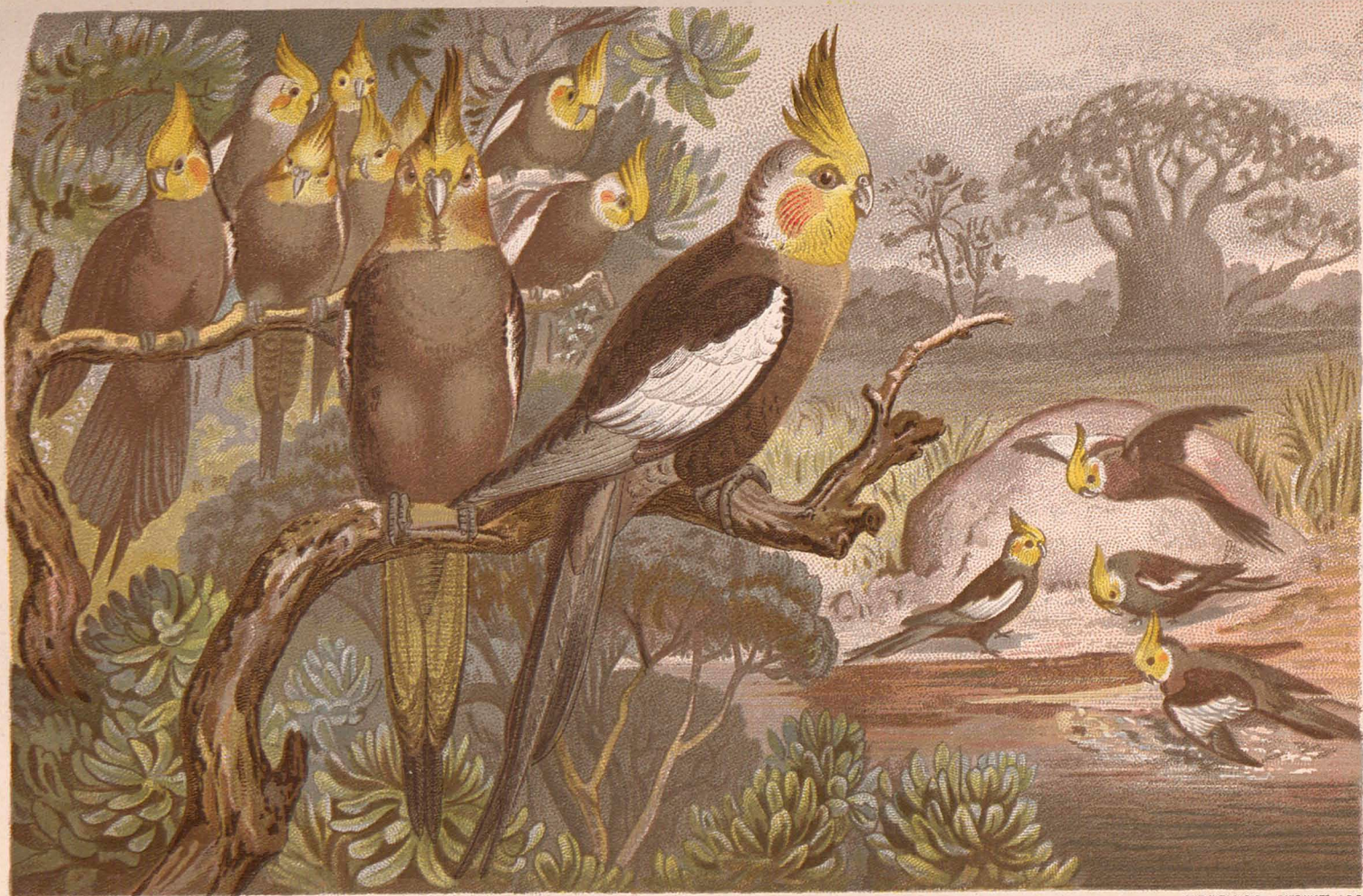
гѣла, отъ подбородка до нижнихъ кроющихъ перьевъ хвоста, ярко-зеленаго цвѣта, на сторонахъ брюшка и груди съ зеленымъ налетомъ; маховыя перья черныя, наружныя опахала темно-синяго цвѣта съ узкой зеленой каемкой; оба среднихъ рулевыхъ пера зеленныя, наружныя почти по всей длинѣ ярко-желтыя, только у основанія зеленныя и черныя, причемъ эти послѣднія цвѣта къ серединѣ хвоста занимаютъ больше мѣста. Радужная оболочка каряя, клювъ черповатый, ноги сѣтло-буровато-сѣрыя. У самки щеки, подбородокъ, зобъ и грудь желтовато-зеленныя, и красновато-бурое пятно на предплечьѣ менѣе ясно. Молодые похожи на самку, но различіе окраски обоехъ половъ дѣлается замѣтнымъ скоро послѣ вылета птенцовъ изъ гнѣзда.

О жизни на свободѣ этихъ и луговыхъ попугаевъ вообще до сихъ поръ еще очень мало собрано свѣдѣній. Изъ сообщений Гульда оказывается, что эти птицы живутъ въ пустынныхъ береговыхъ мѣстностяхъ Австраліи и встрѣчаются большими или маленькими стаями; въ началѣ весны онѣ появляются и высиживаютъ дѣтенышей, а послѣ гнѣздованія опять исчезаютъ, удаляясь въ глубь страны. При особенно благоприятныхъ условіяхъ, именно когда злаки даютъ большее количество сѣмянъ, стаи эти собираются въ огромнѣйшія толпы, которыя наполняютъ собою густыя заросли высокыхъ травъ. Какъ большинство прочихъ австралійскихъ попугаевъ, лазурные попугайчики проводятъ большую часть времени на землѣ, отыскивая себѣ тамъ кормъ. Здѣсь они бѣгаютъ съ ловкостью маленькихъ болотныхъ птицъ, быстро подвигаясь впередъ, сѣменя ножками, но, видимо, безъ всякаго напряженія; благодаря своему умѣнію лазать, они ловко переходятъ черезъ рвы и неровности почвы. Они летаютъ красивыми дугообразными линіями, несясь по воздуху съ быстротою стрѣлы, но большею частью низко надъ землею; только иногда они поднимаются въ вышину. Если ихъ вспугнуть, то они рѣдко садятся на деревья, и если это и случается, то скоро опять спускаются на землю. Голосъ ихъ состоитъ изъ очень рѣзкаго и громкаго щebetанья, которое настолько неблагозвучно, что никому не можетъ нравиться. По понятливости лазурныхъ попугайчиковъ можно поставить наравнѣ съ розеллой, и въ этомъ отношеніи они стоятъ, можетъ быть, нѣсколько ниже волнистаго попугайчика. Лазурный попугай устраиваетъ свое гнѣздо, какъ большинство родичей, въ дуплахъ деревьевъ; одинъ видъ луговыхъ попугаевъ, впрочемъ, гнѣздится въ трещинахъ скаль. Въ кладкѣ бываетъ около 8 яицъ. По наблюденіямъ Фидлера, самка насиживаетъ одна, а самецъ въ это время держится даже далеко отъ гнѣзда.

Луговые попугайчики точно такъ-же не живучи, какъ и широкохвостые: они очень трудно уживаются въ клѣткахъ. Всѣ попытки доставить имъ необходимыя условія для благоденствія до сихъ поръ были неудачны. Ихъ держали въ затопленныхъ помѣщеніяхъ и на открытомъ воздухѣ, давали имъ различный кормъ, предоставляли имъ всевозможныя удобства и защищали отъ всякихъ вредныхъ вліяній, но въ результатѣ всегда выходило одно: всѣ они въ неволѣ жили очень недолго. Ихъ красота и граціозность движеній съ перваго раза нравятся всѣмъ любителямъ, однако, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, всякій перестаетъ ими заниматься.

* *
*

Отъ большинства другихъ луговыхъ попугаевъ значительно отличается **Нимфа, Корелла**, которую колонисты въ Австраліи называютъ **Канаду** (*Callisittacus novae hollandiae*, *Psittacus*, *Palaeornis Nymphicus*, *Calopsitta*, и *Platycercus novae hollandiae*, *Leptotophus auricomus*, *Nymphensittich*, *Psittacule nymphe*). Она служитъ представительницей особаго рода, признаки котораго слѣдующіе: клювъ похожъ на клювъ какаду, но меньше, ноги съ короткими плюснами и тонкими пальцами, крылья очень длинныя и острыя и второе маховое перо на нихъ самое длинное, остріе крыла необыкновенно удлинено; хвостъ имѣетъ клинообразную форму, два среднихъ рулевыхъ пера значительно длиннѣе прочихъ, а передніе очень мягкія и окраска у него различна у обѣихъ половъ. Нимфа по росту похожа на нашихъ крупныхъ дроздовъ, но кажется больше изъ-за длиннаго хвоста. Опереніе очень пестрое и красивое: основнымъ цвѣтомъ его можно считать темполивково-сѣрый цвѣтъ, который на нижней сторонѣ тѣла переходитъ въ чисто сѣрый; верхняя часть головы, уздечка и заднія части щекъ—блѣдно-соломенно-желтаго цвѣта, перья хохолка также блѣдно-желтыя, но съ сѣрыми кончиками;

9

ПОПУГАЙ НИМФА.

ЛИТ. ШТАДЛЕРЪ И ПАТРИНОЪ С. П. Б.

около ушей замѣчается оранжево-красное пятно, имѣющее сзади бѣловатую каемку; аспидно-сѣрыя большія маховыя перья имѣютъ темно-бурыя внутреннія опахала и такого-же цвѣта кончики; малыя маховыя перья черновато-бурыя и имѣютъ, кромѣ послѣдняго пера, бѣлыя наружныя опахала и кончики. верхнія кроющія перья крыла буровато-черныя, а снизу все крыло черное; рулевыя перья пепельно-сѣрыя на внутреннихъ краяхъ, а снизу черныя, оба среднихъ пера чисто сѣраго цвѣта, а кроющія перья хвоста сверху пепельно-сѣрыя, а снизу нѣсколько темнѣе. Радужная оболочка темно-каряя, голый ободокъ кругомъ глаза сѣрый, клювъ сѣровато-черный, у основанія съ буроватомъ оттѣнкомъ, восковица сѣрая, ноги сѣровато-бурыя. Самка отличается отъ самца болѣе свѣтлымъ опереніемъ верхней части тѣла и блѣдно-красновато-бурымъ цвѣтомъ брюшка; пятно около ушей соломенно-желтаго цвѣта, голова и хохолокъ грязновато-желтоватосѣраго цвѣта; маховыя перья имѣютъ на внутреннемъ опахалѣ по 4 или по 5-ти круглыхъ блѣдно-желтыхъ пятенъ; рулевыя перья снизу имѣютъ ясныя поперечныя пятна, оба наружныхъ пера блѣдно-желтыя съ поперечными волнистыми черными полосками. Птенцы похожи на самку, они грязно-бураго цвѣта съ желтоватымъ налетомъ на брюшкѣ, хохолокъ у нихъ также грязно-бурый, а пятно около ушей сѣровато-желтое, болѣе темное у самцовъ и болѣе свѣтлое у самокъ.

Гульдъ, которому мы обязаны жизнеописаніемъ нимфы, находилъ эту красивую птицу въ большомъ количествѣ во внутренности Австраліи. У береговъ она встрѣчается рѣже; по крайней мѣрѣ сравнительно съ тысячами этихъ птицъ, которыхъ можно видѣть на внутреннихъ плоскогоріяхъ, замѣчаются очень немногія на равнинахъ между высокими хребтами горъ и моремъ. На востокѣ Австраліи нимфы, повидимому, встрѣчаются чаще, чѣмъ на западѣ; лѣтомъ онѣ вездѣ гнѣздуютъ на плоскогоріяхъ, расположенныхъ по верхнему теченію Гунтера, Пила и другихъ рѣкъ, текущихъ на сѣверъ, лишь бы находились тамъ ихъ любимыя деревья. Послѣ времени гнѣздованія онѣ собираются въ безчисленныя стаи, покрывающія на большое пространство почву или сядящіяся на сухія вѣтви каменныхъ деревьевъ, расположенныхъ около воды. Въ сентябрѣ эти стаи предпринимаютъ странствованія и показываются тогда на мѣстахъ своего гнѣздованія; въ февралѣ и мартѣ онѣ снова возвращаются на сѣверъ. Попугайчики эти питаются сѣменами травъ и безъ воды обходиться не могутъ, почему держатся всегда вблизи рѣкъ и гнѣздятся въ лѣсахъ, расположенныхъ по берегамъ ихъ. Нимфы очень проворны, ловко бѣгаютъ по землѣ, хорошо лазаютъ и летаютъ, хотя не особенно быстро, но легко, часто совершая разомъ большіе перелеты. Онѣ мало боятся людей; если ихъ спугнуть съ земли, то онѣ летятъ къ ближайшему дереву и садятся тамъ на сухія вѣтки. Когда имъ кажется, что опасность миновала, то онѣ снова слетаютъ на землю. Вообще онѣ совсѣмъ не пугливы, и потому ихъ часто убиваютъ и ловятъ, какъ изъ-за ихъ вкуснаго мяса, такъ и вслѣдствіе того, что онѣ очень милы и пріятны въ клѣткахъ. 5—6 бѣлыхъ личекъ, составляющихъ кладку, имѣютъ около 2 см. длины.

Я получилъ слѣдующія дополнительныя свѣдѣнія [объ этихъ птицахъ отъ Энгельгардта, очень внимательнаго наблюдателя, который провелъ нѣсколько десятковъ лѣтъ въ Австраліи. «Корелла», говоритъ онъ, «очень неостоянна въ своихъ странствованіяхъ. Часто проходятъ 3—4 года прежде, чѣмъ она снова появится въ населенныхъ мѣстностяхъ южной Австраліи. Это случается постоянно послѣ теплой зимы и дождливой весны. Птица эта знаетъ, что тогда можетъ воспользоваться обильнымъ урожаемъ пшеницы и что найдетъ много сѣмянъ кенгуровой и канареечной травы для своихъ птенцовъ. Когда пшеница отцвѣтетъ,

и колосья ея начинаютъ наполняться, то оглушительный крикъ и рѣзкіе, далеко слышныя призывныя звуки даютъ знать о прилетѣ корелль; тотчасъ послѣ этого замѣчаешь, что птицы эти поселились на поляхъ, причѣмъ онѣ неособенно разборчивы относительно своего мѣстожителства. Въ нѣкоторые года появляются неисчислимыя стаи этихъ птицъ, которыя на далекое пространство покрываютъ землю или огромныя красныя камедныя деревья.

«На эту птицу обращаютъ вниманіе больше, чѣмъ на всякаго другого попугая, не исключая даже волнистаго; она часто устраиваетъ свои гнѣзда около жилищъ человѣка, довольно небрежно выдалбливая своимъ клювомъ углубленія въ гниломъ деревѣ, охотнѣе всего въ такомъ мѣстѣ, гдѣ уже есть небольшая дырка отъ выгнившаго сучка. Молодежь внимательно наблюдаетъ за гнѣздами и съ нетерпѣніемъ ждетъ того дня, когда птенцы настолько выростутъ, что ихъ можно вынуть: тогда наступаетъ всеобщая радость; каждый крестьянинъ воспитываетъ въ клѣткѣ парочку нимфъ и по возможности старается обучить понятливыхъ птицъ, сдѣлать ихъ довѣрчивыми, ручными, заставить ихъ насвистывать заученую пѣсенку и т. д., для чего не требуется большого искусства и значительныхъ усилій. Тогда же привозятъ сотни и тысячи молодыхъ птицъ въ города, чтобы тамъ ихъ продать, причѣмъ довольствуются довольно скромной цѣной, отъ 2-хъ до 2½ марокъ за штуку. Несмотря на усердное преслѣдованіе и похищеніе птенцовъ изъ гнѣздъ, многимъ молодымъ птицамъ удается избѣгнуть опасностей, и нѣсколько семействъ тогда соединяются въ большія стаи. Подобныя стаи представляютъ очень красивое зрѣлище, когда птички сидятъ въ большомъ числѣ рядышкомъ съ приподнятымъ хохолкомъ на высокихъ сучьяхъ деревьевъ; онѣ сидятъ совершенно неподвижно, но на самомъ дѣлѣ наблюдаютъ внимательно окружающее и, когда услышатъ приближающіеся шаги, то всѣ разомъ поднимаются и летятъ дальше. Первая кладка нимфы происходитъ, какъ у многихъ другихъ австраійскихъ птицъ, въ октябрѣ, т. е. тамошнею весною, а вторая кладка около Рождества или даже нѣсколько позднѣе.

«Каждая кладка состоитъ изъ 6—8 бѣлыхъ яичекъ, изъ которыхъ въ большинствѣ случаевъ вылупляется столько-же птенцовъ, такъ что семья состоитъ изъ 8—10 птицъ. Птенцы еще долго послѣ вылета изъ гнѣзда кормятся родителями, что я могъ наблюдать самъ, такъ какъ однажды нимфы устроили гнѣздо очень близко отъ моего окна. Онѣ усердно работали, выдалбливая себѣ гнѣздо для второй кладки и, несмотря на это, кормили полувырослыхъ птенцовъ первой кладки. При наступленіи дождливаго времени попугай этотъ покидаетъ южную Австралію и огромными стаями улетаетъ на сѣверъ материка».

Изъ Австраійскихъ попугаевъ нимфа и волнистый попугайчикъ чаще всего попадаютъ къ нашимъ торговцамъ птицами. Нимфа при хорошемъ уходѣ держится лучше другихъ попугаевъ и безъ особаго труда размножается въ клѣткахъ. На пищу она менѣе прихотлива, чѣмъ другіе попугаи, и довольствуется разными сѣменами, овсомъ, чечевицей, коноплянымъ и льнянымъ сѣменемъ, всякою зеленью и растертою и мелко нарезанною морковью; если она приручена болѣе обыкновеннаго и свободно летаетъ по комнатѣ, то привыкаетъ ѣсть все то, что подаютъ на столъ. Нимфа была бы самой пріятной птицей для всякаго любителя, если бы могла отвыкнуть отъ своего громкаго крика, который часто такъ рѣзокъ что раздрагаетъ уши.

* * *

Изъ всѣхъ попугаевъ, которыхъ мы держимъ въ нашихъ клѣткахъ, болѣе другихъ обращаетъ на себя вниманіе маленькій австраійскій попугайчикъ, кото-

раго я ниже собираюсь описать. Трудно найти другую птицу этого отряда, которая бы болѣе годилась для содержанія въ клеткѣ. Другіе попугаи восхищаютъ насъ красотою своего оперенія, а волнистый попугайчикъ, о которомъ идетъ рѣчь, своею миловидностью и пріятнымъ нравомъ. Онъ также очень красивъ, но его пріятный нравъ превосходить красоту его оперенія. Онъ служитъ украшеніемъ каждой комнаты и скоро пріобрѣтаетъ любовь даже черстватаго человѣка.

Волнистый попугайчикъ (*Melopsittacus undulatus*, *Psittacus* и *Nanodes undu-*

Волнистый попугайчикъ. *Melopsittacus undulatus*. $\frac{2}{3}$ наст. вел

latus, *Euphema* и *Euphemia undulata*. Wellensittich. *Psittacule ondulé*.) принадлежить къ числу самыхъ маленькихъ попугаевъ, но кажется больше вследствие длиннаго хвоста. Его длина 20—22 см., размахъ крыльевъ 26—27 см., длина крыла 9, а хвоста 10 см. Тѣлосложеніе у него очень красивое, высота клюва болѣе его длины; онъ округленъ сверху и по сторонамъ, верхняя челюсть почти отвѣсно спускается внизъ и свѣшивается въ видѣ очень длиннаго крючка, передъ кончикомъ замѣчается глубокая вырѣзка; нижняя челюсть клюва такой-же вышины, какъ верхняя и имѣетъ закругленный кончикъ. Ноги тонкія, относительно высокія съ длинными пальцами и когтями; крылья длинныя и острыя, второс

маховое перо на нихъ самое длинное, остріе крыла почти такой-же длины, какъ и верхняя часть. Длинный хвостъ имѣть ступенчатое строеніе, такъ что крайняя пара перьевъ въ три раза меньше среднихъ, которыя значительно по длинѣ превосходятъ остальные. Опереніе необыкновенно мягкое и красиво окрашенное: окраска эта почти не отличается у обоихъ половъ, и молодыя птицы мало отличаются отъ взрослыхъ. Лобъ, верхняя часть головы, уздечка и округлость нижней челюсти сѣрно-желтаго цвѣта; мѣста эти ограничены и украшены съ каждой стороны четырьмя голубыми пятнами, образованными кончиками удлинненныхъ перьевъ; изъ этихъ пятенъ больше другихъ то, которое расположено на щекахъ, а прочія три кажутся небольшими крапинами. Ушная область, задняя часть головы и шеи, верхняя часть спины, плечи и большая часть кроющихъ перьевъ крыльевъ желтовато-зеленаго цвѣта, но на каждомъ перышкѣ находятся по четыре тонкихъ черныхъ черточекъ; на плечевыхъ и кроющихъ перьяхъ такихъ черточекъ, впрочемъ, только по двѣ. Задняя часть спины, надхвостье и верхнія кроющія перья хвоста, а также вся нижняя сторона тѣла, отъ подбородка — великолѣпнаго травянисто-зеленаго цвѣта. Большія маховыя перья и ихъ кроющія — темно-зеленыя, съ узкими желтыми каемками снаружи и черными каемками внутри; по срединѣ этихъ перьевъ замѣчаются широкія, клинообразныя желтоватыя пятна. Малыя маховыя перья снаружи зеленыя съ узкими желтыми каемками, внутри желтыя, а у основанія черноватыя; послѣднія малыя маховыя перья и послѣднія плечевыя перья буровато-черныя съ широкими желтыми каймами на концѣ. Оба среднихъ длинныхъ хвостовыхъ пера темно-синія, прочія рулевыя перья зеленовато-голубыя съ широкими, лимонно-желтыми пятнами по срединѣ, распространяющимися по обимъ опахаламъ, и широкими черными каймами у основанія внутренняго опахала. Глаза блѣдно-желтые, клювъ желтаго роговаго цвѣта, у основанія зеленовато-сѣрый, восковица темно-синяя, ноги голубовато-зеленыя. Самка ростомъ нѣсколько меньше самца и отличается отъ него тѣмъ, что пятна на щекахъ не такъ велики и восковица обыкновенно сѣровато-зеленая. Молодыхъ птицъ можно узнать по тому, что онѣ имѣютъ болѣе темное опереніе и волнистыя линіи проходятъ по всей верхней части тѣла, но не такъ рѣзко очерчены; у молодыхъ также не бываетъ трехъ голубыхъ пятнышекъ на головѣ, и стороны груди покрыты темными поперечными волнистыми линіями.

Шау — первый натуралистъ, описавшій волнистаго попугайчика, а Гульдъ — первый путешественникъ, который сообщилъ намъ свѣдѣнія объ его жизни на свободѣ. Теперь мы знаемъ, что эта птица живетъ огромными стаями во внутренности Австраліи, а именно на равнинахъ, поросшихъ травой, и тамъ питается сѣменами злаковъ. Всѣ наблюдатели, ознакомившіеся съ его жизнью на свободѣ, восхищаются имъ точно такъ, какъ и любители, которые содержатъ его въ клеткахъ.

Когда Гульдъ посѣтилъ въ декабрѣ равнины внутренности Австраліи, то увидѣлъ себя окруженнымъ волнистыми попугайчиками и рѣшилъ остаться нѣсколько времени на этомъ мѣстѣ, чтобы имѣть случай наблюдать ихъ нравы и привычки. Они прилетали стаями въ 20—100 штукъ къ маленькой лужицѣ, чтобы напиться, а затѣмъ въ извѣстное время улетали на луга, чтобы собирать свой кормъ, состоящій исключительно изъ сѣмянъ различныхъ травъ. Чаще всего они прилетали къ водѣ рано утромъ и вечеромъ, передъ наступленіемъ сумерекъ. Во время полуденной жары они безъ движенія сидѣли подъ листьями камедныхъ деревьевъ, въ дуплахъ которыхъ въ это время года проживали насиживающія яйца парочки. Пока они смиренно сидѣли на деревьяхъ, ихъ трудно было замѣтить, но когда они собирались летѣть на водопой, то открыто усаживались цѣлыми массами на сухіе сучья

камедныхъ деревьевъ и на тѣ вѣтви, которыя были ближе къ водѣ. Движенія ихъ быстры и изящны. Летаютъ они прямо и удивительно быстро, въ родѣ ласточекъ и соколовъ и вовсе не похоже на полетъ прочихъ попугаевъ; по землѣ они ходятъ относительно хорошо, а по вѣтвямъ лазаютъ съ нѣкоторою ловкостью. При полетѣ они издають рѣзкій крикъ; во время сидѣнія они забавляются нѣжнымъ щебетаніемъ, которое нельзя назвать пѣніемъ только потому, что голоса множества птицъ смѣшиваются и образуютъ хаотическое сочетаніе тоновъ.

Волнистые попугайчики живутъ обществами и во время гнѣздованія, хотя парочки очень легко узнать, такъ какъ онѣ всегда тѣсно держатся вмѣстѣ. Гнѣздо бываетъ расположено въ отверстіяхъ и трещинахъ камедныхъ деревьевъ и въ декабрѣ содержитъ отъ 4 до 6 бѣловатыхъ и довольно закругленныхъ яицъ. Въ концѣ декабря птенцы обыкновенно уже вылетѣли изъ гнѣзда и могутъ сами о себѣ заботиться. Они собираются тогда съ неспарившимися взрослыми въ большія стаи и кочуютъ по странѣ; спарившіяся птицы, какъ можно заключить по плѣннымъ, приступаютъ ко второй и третьей кладкѣ. По окончаніи гнѣздованія стаи предпринимаютъ свои странствованія. Онѣ летятъ съ юга на сѣверъ и возвращаются къ мѣстамъ гнѣздованія лишь тогда, когда созрѣютъ сѣмена травъ. Въ южной Австраліи они появляются весною, соответствующей нашей осени, съ тою же правильностью, какъ наши перелетныя птицы. Туземцы говорятъ, что иногда эти птицы появляются въ странахъ, гдѣ прежде онѣ никогда не показывались; это очень правдоподобно, если имѣтъ въ виду легкость и быстроту ихъ полета.

Сообщенія Гульда значительно пополнены описаніемъ, любезно доставленнымъ мнѣ Энгельгардтомъ, и которое я здѣсь привожу.

«Къ самымъ непостояннымъ гостямъ южной Австраліи принадлежитъ также столь любимый здѣсь **Раковистый** или **Канареечный попугай**, котораго мы, натуралисты, называемъ волнистымъ попугаемъ. Однимъ изъ главныхъ мѣстъ гнѣздованія этихъ птицъ, которое мнѣ пришлось наблюдать, безъ сомнѣнія, можетъ считаться великолѣпный айкалитовый лѣсъ, который расположенъ по берегамъ рѣки Муррей, отъ ея устья до перваго большого поворота этой рѣки. Если въ этой, мало плодородной мѣстности, послѣ дождливой зимы еще падаетъ много дождей весною, т. е. въ концѣ сентября и въ октябрѣ, то травы вырастаютъ до необыкновенной густоты и высоты. Цѣлыя квадратныя мили бесплодной песчаной пустыни покрываются вдругъ крупной кенгуровой травой, которая, подъ влияніемъ жаркаго, южно-австралийскаго солнца, быстро подымается до одного метра вышины. Трава эта очень скоро начинаетъ цвѣсти и черезъ 5—6 недѣль въ колосьяхъ уже показываются сѣмена. Но безчисленныя стаи красиваго попугайчика, о которомъ идетъ рѣчь, показываются здѣсь гораздо раньше и усердно занимаются устройствомъ гнѣздъ и насаживаніемъ яицъ. Своеобразное строеніе маллеи, которая выпускаетъ изъ длиннаго корневища отъ 8 — 12-ти стеблей, имѣющихъ до 6 м. высоты и бѣлую кору и наверху которой развивается довольно жидкая листва, въ высшей степени способствуетъ гнѣздованію этихъ птицъ, такъ какъ на стволахъ маллеи находится безчисленное множество отверстій отъ выгнившихъ вѣтвей. Каждое дупло или отверстіе на стволѣ, а иногда и въ корневищѣ служитъ мѣстомъ гнѣздованія для нашихъ попугайчиковъ. Черезъ нѣсколько недѣль птички эти кишатъ повсюду. Богатый урожай сѣмянъ кенгуровой травы служитъ прекраснымъ кормомъ для птенцовъ. Путникъ, который случайно заблудился-бы въ этомъ кустарниковомъ лѣсу, могъ-бы легко поймать сотни попугаевъ руками. Ежеминутно цѣлыя стаи ихъ вылетаютъ изъ подъ ногъ человѣка, садятся длинными рядами на сухіе сучья

и съ беззаботнымъ щебетаніемъ смотрять на коварнаго врага, который направляетъ на нихъ дуло ружья и однимъ выстрѣломъ убиваетъ цѣлую дюжину птицъ. Наконецъ запасъ сѣмянъ истощается, а можетъ быть наступаетъ и недостатокъ воды; тогда у хорошенькихъ птичекъ появляется стремленіе къ странствованію, и онѣ улетаютъ съ мѣста своего гнѣздованія. Ближайшею цѣлью ихъ путешествія служить прежде всего озеро Александрина и Веллингтонъ, черезъ которыя протекаетъ рѣка Муррей до впаденія въ море. Привлекаетъ-ли ихъ сюда богатая растительность болотъ или близость прѣсной воды, остается неразрѣшеннымъ вопросомъ; во всякомъ случаѣ на эти мѣста приходитъ ежегодно птицеловы, разставляютъ тамъ свои сѣти и ловятъ тысячи волнистыхъ попугайчиковъ».

«Считаю долгомъ еще разъ замѣтить, что вышеизложенное описаніе относится только къ тѣмъ годамъ, когда бываетъ много дождей; напротивъ того, когда дождей бываетъ мало, то волнистые попугайчики, повидимому, совершенно исчезаютъ. Безъ сомнѣнія они направляются тогда далеко на сѣверъ материка, гдѣ часто во время жаркаго лѣта бываютъ сильныя грозы и ливни, которые въ короткое время превращаютъ песчаную пустыню въ роскошную травянистую степь. Странно кажется, что попугаи при своихъ перелетахъ какъ будто предугадываютъ погоду и появляются вездѣ, гдѣ природа имъ приготовила богатый кормъ, и даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ этотъ богатый кормъ еще ожидается въ будущемъ».

По сообщеніямъ другого нѣмца, который прожилъ много лѣтъ въ Австраліи, волнистыхъ попугаевъ по вечерамъ ловятъ сотнями и тысячами въ большія сѣти, имѣющія видъ мѣшка; ихъ сажаютъ въ грубо-сдѣланныя большія деревянныя клѣтки и въ такомъ видѣ передаютъ торговцамъ. Въ Мельбурнѣ ихъ привозятъ въ огромномъ количествѣ. Если ихъ на рынкѣ много, то парочку отдѣльно можно купить примѣрно за 2½ марки, но гуртомъ парочки цѣнятся около 1½ марки. Послѣ времени ловли клѣтками съ этими попугаями наполняютъ всѣ болѣе свѣтлыя мѣста на корабляхъ, отходящихъ въ Европу, и часто случается, что иной капитанъ уступаетъ этимъ птицамъ свою каюту. Еще лѣтъ 30 тому назадъ ихъ рѣдко можно было встрѣтить у нашихъ торговцевъ птицами; нынче-же онѣ въ известное время года правильно привозятся къ намъ въ большемъ или меньшемъ количествѣ, смотря по тому, насколько ловъ ихъ былъ обилень въ Австраліи, а также смотря по тому, какъ былъ удаченъ ихъ перевозъ въ Европу. Внимательные птицеловы сажаютъ ихъ въ Австраліи небольшими партіями въ маленькія клѣтки, у которыхъ жердочки расположены въ видѣ ступенекъ одна за другой, для того, чтобы на меньшемъ пространствѣ помѣстилось-бы возможно большее количество птицъ. Подобная клѣтка представляетъ собою во время путешествія въ высшей степени живописную картину. Всѣ птички сидятъ на жердочкахъ тѣсными рядами и задній рядъ головъ выглядываетъ изъ-за передняго ряда; всѣ глаза плѣнныхъ обращены къ зрителю, какъ-бы прося его освободить изъ тѣсной неволи. Волнистые попугайчики ссорятся иногда между собою, но все-таки это случается только въ видѣ исключенія. Во время спариванья тысячи этихъ птицъ живутъ очень мирно между собой, даже если въ одной клѣткѣ соединены оба пола. Я видалъ въ Лондонѣ у одного торговца птицами большую комнату, въ которой жили до тысячи паръ этихъ птицъ, причемъ никакихъ ссоръ и дракъ между ними не замѣчали. Тамъ-же были соединены въ одномъ помѣщеніи до сотни гнѣздящихся паръ, которыя жили въ полномъ согласіи.

Волнистый попугайчикъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ птицъ, которыя, потерявъ своего друга или подругу, начинаютъ съ горя чахнуть и скоро околѣваютъ; однако онъ любитъ общество и, понятно, больше всего общество птицы другого пола.

Въ случаѣ нужды онъ довольствуется обществомъ маленькаго попугая другого вида, но никогда не выказываетъ ему той нѣжности, съ какою онъ обращается съ себѣ подобнымъ, поэтому ихъ необходимо всегда держать попарно, такъ какъ только въ такомъ случаѣ они проявляютъ всѣ хорошія качества. Если вслѣдствіе какой-либо случайности одинъ изъ нихъ околѣваетъ, то другая птица того пола очень скоро и вполне замѣняетъ бывшаго товарища.

Большимъ преимуществомъ волнистаго попугайчика слѣдуетъ считать его неприхотливость: ни одна комнатная птица не требуетъ столь малаго разнообразія въ кормѣ, какъ этотъ попугайчикъ, и онъ довольствуется одной и той-же пищей въ продолженіи года и больше. Въ Европѣ вмѣсто австралійскихъ сѣмянъ ему даютъ чечевицу, канареечное и льняное сѣмя, и онъ вполне довольствуется этимъ кормомъ. Попытки приучить его къ другимъ сѣменамъ остались безъ успѣха. Но онъ охотно ѣстъ сочные листья, особенно салатъ, капусту и другую зелень. Сначала онъ отказывается отъ плодовъ, сахару и другихъ лакомствъ, но потомъ понемногу къ нимъ приучается, несмотря на то, что любитъ сухой кормъ. Волнистый попугайчикъ рѣдко пьетъ и иногда по недѣлямъ не подходитъ къ водѣ, но все-таки не слѣдуетъ забывать снабжать его клѣтку холодной водой; кромѣ того ему необходимы соль, известь и песокъ. Понятно, что легкость содержанія этихъ попугаевъ сильно способствуетъ тому, что они всѣми любимы.

Но волнистый попугайчикъ умѣетъ снискать себѣ любовь человѣка и другими способами. По своей понятливости онъ стоитъ, безъ сомнѣнія, нѣсколько ниже крупныхъ попугаевъ, однако различіе это не очень замѣтно. Въ своихъ движеніяхъ онъ не уступаетъ другимъ птицамъ этого отряда: по землѣ онъ бѣгаетъ хотя маленькими шагами, но очень ловко и быстро, лазаетъ онъ точно акробатъ и такъ хорошо летаетъ, что восхищаетъ всякаго наблюдателя этимъ своимъ движеніемъ. Конечно полное понятіе о полетѣ этого попугайчика можно получить только тогда, когда видишь его на безусловной свободѣ, напримѣръ, когда онъ вылетѣлъ изъ клѣтки на открытій воздухъ. Тогда онъ несется съ быстротою сокола, продѣлываетъ въ воздухѣ красивые повороты, легко опускается внизъ и поднимается вверхъ, очень хорошо умѣетъ примѣняться къ большимъ и малымъ разстояніямъ, однимъ словомъ его нужно поставить на ряду съ лучшими летунами. Если эти движенія нравятся человѣку, то еще болѣе нравится голосъ волнистаго попугайчика. Большинство другихъ попугаевъ, даже тѣ виды, которые такъ хорошо подражаютъ человѣческому голосу, несмотря на свою любезность, дѣлаются несносными оглушительно громкимъ и рѣзкимъ крикомъ. Тѣ, которые умѣютъ разговаривать со своими воспитателями, часто не могутъ противостоять искушенію пошумѣть и немилосердно покричать между отдѣльными словами и фразами. Немного людей могутъ долго переносить это неприятное свойство попугаевъ. Волнистые попугайчики водятъ себя всегда иначе: и они очень голосисты, но никогда не пользуются своимъ голосомъ для безтолковыхъ криковъ, и голосъ ихъ всегда пріятенъ. Можно съ увѣренностью сказать, что самца волнистаго попугайчика должно причислить къ пѣвчимъ птицамъ: его болтовня не можетъ быть названа простымъ щебетаніемъ, а настоящей, хотя скромной, но очень пріятной пѣсенкой. Для меня пѣніе этой красивой птицы было всегда въ высшей степени пріятно, а другіе любители птицъ не только одного со мной мнѣнія, но убѣдились, что волнистый попугайчикъ хорошо выучивается подражать нѣнью другихъ пѣвцовъ и воспроизводитъ ихъ съ удивительнымъ искусствомъ. Нѣкоторые изъ нихъ научились выговаривать вѣскольکو словъ.

Щене сообщаетъ мнѣ письменно, что волнистый попугайчикъ, который въ

теченіи уже 13-ти лѣтъ пользуется любовью его семейства, необыкновенно хорошо выучился говорить.

Птичка эта попала къ нимъ еще очень молодою, восьми дней послѣ вылета изъ гнѣзда; ее кормили разжеваннымъ кормомъ прямо изо рта, и она очень скоро сдѣлалась вполне ручною. Такъ какъ послѣ счастливо окончившейся болѣзни услышали, что попугайчикъ ясно выговариваетъ слово «попочка», то начали учить его другимъ словамъ и цѣлымъ фразамъ.

«Онъ выучивался вообще очень скоро и легко», пишетъ Шепе, и можетъ выговаривать слѣдующія слова: «Милая маленькая попочка.—Моя крошка.—Любишь-ли папу, милый маленькій попочка?—Иди скорѣй къ папѣ: разъ, два, три, сейчасъ къ папѣ иди». И подтверждаетъ это приказаніе тремя ударами клюва. «Иди сейчасъ сюда!—Придешь-ли ты сюда?» что высказывается въ повелительномъ тонѣ. «Крошку, выпустите крошку—Попочка будетъ пайнкой. Ай, ай, развѣ такъ можно.—Войдите! кто стучитъ, это папа?» Эту фразу произноситъ рѣзко, но очень ясно выговариваетъ. «Весело тебѣ милый попочка?—Слава Богу всѣ дома.—Здравствуй папочка, пришелъ твой попочка.—Поцѣлуйте меня, поцѣлуйте.» И при этомъ три раза щелкаетъ языкомъ.—«Не боленъ ли ты?» И еще многое другое. Иногда онъ переставляетъ слова, что выходитъ очень комично; напримѣръ, онъ иногда говоритъ: «Слава Богу, папа боленъ», или «Ай, ай папа, развѣ такъ можно». Онъ не любитъ просить чего-нибудь и не выучился произносить соответствующихъ этому фразъ, а, напротивъ того, очень охотно приказываетъ и, несмотря на свой слабый голосъ, выговариваетъ эти приказанія очень громко. Музыкальныя способности нашего любимца не очень развиты, впрочемъ у него нѣтъ случая выучиться хорошему пѣнію. Онъ сносно подражаетъ щелканью соловья и выдѣлываетъ голосомъ сигналъ на трубѣ.

Если волнистаго попугайчика держать парочками, хорошо ухаживать за нимъ, по возможности не тревожить и устроить въ клеткѣ удобныя гнѣзда, то птички эти почти всегда приступаютъ къ гнѣздованію. Если этого не случается, то виною почти всегда бываетъ самъ воспитатель. При этомъ имѣются въ виду не кой-какія незначительныя ошибки, а большею частью очень грубые промахи, напримѣръ птицамъ не доставляютъ необходимаго корма или матерьяла для гнѣздованія и при этомъ неразумно жалуются на птицу, между тѣмъ, какъ здѣсь виноватъ самъ человѣкъ. Выгоднѣе всего держать небольшую стайку этихъ попугайчиковъ въ большомъ, хорошо провѣтренномъ помѣщеніи. Тогда одинъ самецъ возбуждаетъ другого, является ревность, что ускоряетъ и даже усиливаетъ охоту къ спариванью. Неприхотливые волнистые попугайчики вполне довольствуются для гнѣздованія небольшою комнаткой, которую можно топить и провѣтривать, не тревожа птицъ. Полъ этой комнаты долженъ быть усыпанъ пескомъ, а на стѣнахъ повѣшены ящики для гнѣздъ. Полезно, хотя и безусловно необходимо, украсить это помѣщеніе живыми и безвредными растеніями въ горшкахъ или ящикахъ, такъ какъ этимъ даешь возможность веселымъ птичкамъ прятаться и отдыхать на вѣтвяхъ. Впрочемъ, растенія эти недолго остаются невредимыми, потому что эти попугаи, какъ и всѣ остальные, въ скоромъ времени обрываютъ листья и ломаютъ вѣтви растеній, но древесныя вѣтки все таки очень нужны для ихъ благосостоянія, и каждый любитель хорошо сдѣлаетъ, если лѣтомъ доставитъ имъ то, что легко достать. Птички очень радуются, даже благодарны, если въ ихъ помѣщеніе поставитъ пучекъ только что срѣзанныхъ вѣтокъ ивы или другого дерева. Онѣ очень скоро оборвутъ всѣ листья и сдерутъ кору съ деревьевъ, причемъ сдѣлаютъ почки, листья и кору, что

даетъ имъ возможность нѣсколько разнообразить свой кормъ. Можно даже зимою доставлять имъ это удовольствіе, такъ какъ они рады и голымъ вѣтвямъ. Впрочемъ, еще болѣе нравятся имъ не вполне зрѣлые злаки нашихъ полей, особенно овесъ, пока зерна въ немъ еще мягкія. Если имъ принести снопокъ такого овса, то они бросаются на него съ большою жадностью и оставляютъ снопъ только тогда, когда всѣ зерна вылущены и съѣдены.

Для гнѣздованія особенно удобны пустыя, ивовыя бревна, дупла которыхъ перегорожены на нѣсколько отдѣленій дощечками, чтобы тамъ могли гнѣздиться нѣсколько паръ. Впрочемъ обыкновенныя ящички, вродѣ скворешницъ, также годятся; нужно только, чтобы входное отверстіе было довольно узко и самка чувствовала себя тамъ въ безопасности. Такъ какъ эти птицы, точно такъ какъ и другіе попугаи, кладутъ свои яйца на дно ящика безъ всякой подстилки, то слѣдуетъ въ ихъ гнѣздахъ сдѣлать небольшія углубленія и наполнить ихъ грубыми древесными опилками. Тогда они и сами себѣ сдѣлаютъ ямку для яицъ, выбрасывая изъ ящика то количество опилокъ, которое покажется имъ излишнимъ. Комната съ подобными гнѣздовьями даетъ всегда очень хорошіе результаты, но въ большинствѣ случаевъ достаточна и большая клѣтка. Если-же кто рѣшится дозволить попугайчикамъ свободно летать по комнатамъ, тотъ можетъ совсѣмъ обойтись безъ особаго для нихъ помѣщенія.

Хинкельдей пишетъ объ этомъ слѣдующее: «Ни одна птица, по моему мнѣнію, не можетъ съ такимъ удобствомъ содержаться на волѣ въ большой жилой комнатѣ, какъ волнистый попугайчикъ. Если повѣсить клѣтку, въ которой они живутъ, на любомъ мѣстѣ въ комнатѣ, отворить дверцы, но кормъ оставить въ клѣткѣ, то птицы скоро вылетаютъ изъ своего помѣщенія, немного полетаютъ въ комнатѣ и снова возвратятся въ клѣтку. Черезъ нѣсколько дней онѣ пріучаются ѣсть въ клѣткѣ и только тамъ отдыхаютъ, поэтому почти вовсе не пачкаютъ комнаты и радуютъ своего хозяина быстрымъ полетомъ и проворными движеніями въ просторномъ помѣщеніи. Ни одинъ волнистый попугайчикъ изъ жившихъ у меня не бился о стекла окна и не вылеталъ въ открытую дверь. Рядомъ съ моею комнатою находится небольшая спальня, отдѣленная отъ комнаты двойною дверью, которая, однако, почти всегда открыта. Въ спальнѣ, и даже въ той комнатѣ, гдѣ живутъ попугаи, окна часто бывають пріотворены, но ни одинъ попугайчикъ ни разу не улеталъ на улицу. Нынѣшнею весною я выпустилъ трехъ попугайчиковъ, только что взятыхъ съ парохода, въ свою комнату, и они очень скоро пріучились жить такъ, какъ жили вышеописанныя попугайчики. Движеніе людей въ комнатѣ ихъ нисколько не пугаетъ, а ящички для гнѣздъ висятъ просто на стѣнѣ». Къ этому я могу только прибавить, что, по моимъ наблюденіямъ, не всѣ волнистые попугаи оставляютъ безъ вниманія открытыя окна, какъ описываетъ Хинкельдей; впрочемъ, я съ нимъ вполне согласенъ и полагаю, что эти птицы доставляютъ любителю еще больше удовольствія, если ихъ держать не въ клѣткѣ, а вышеописаннымъ образомъ въ комнатѣ.

Только тѣ, которые сами воспитывали этихъ милыхъ птичекъ и наблюдали ихъ размноженіе, могутъ понять воодушевленіе, съ которымъ о нихъ отзываются любители птицъ; чѣмъ больше съ ними знакомишься, тѣмъ сильнѣе ихъ любишь. Наблюденія надъ ихъ жизнью и движеніями, надъ ихъ нравами и привычками доставляютъ человѣку безконечно много удовольствій; ихъ хорошія качества вызываются особенно сильно въ то время, когда птички приготавливаются къ гнѣздованію. «Самецъ», говоритъ Девонъ, «можетъ служить примѣромъ нѣжному супругу, а самка есть образецъ заботливой матери. Первый исключительно занимается

своей подругой и не обращаетъ никакого вниманія на другихъ самочекъ, которыя находятся въ томъ-же помѣщеніи; онъ постоянно усерденъ, внимателенъ къ своей самкѣ и безпрестанно самымъ горячимъ образомъ выказываетъ свои нѣжныя чувства. Сидя на вѣточкѣ, около отверстія гнѣзда, онъ ей поетъ свои лучшія пѣсенки и усердно кормитъ ее, пока она насиживаетъ яйца. Онъ никогда не бываетъ скучнымъ, молчаливымъ и соннымъ, какъ многіе другіе попугаи, а всегда веселъ и любезенъ». Тотъ, кто воспитывалъ волнистыхъ попугайчиковъ, вполне согласится съ вышесказаннымъ.

Устройствомъ гнѣзда занимается исключительно самка; она клювомъ обгрызаетъ отверстіе ящика до тѣхъ поръ, пока оно не соотвѣтствуетъ ея желанію, затѣмъ обламываетъ внутри извѣстное количество мелкихъ щепочекъ, которыя идутъ на подстилку, и съ промежутками дня въ два кладетъ отъ 4—8 довольно короткихъ блестящихъ яичекъ. Затѣмъ она очень усердно насиживаетъ въ теченіи 16—20-ти дней, во время которыхъ ее кормитъ самецъ, такъ что она выходитъ изъ ящичка только въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Птенцы остаются въ гнѣздѣ отъ 30—35 дней и оставляютъ его только тогда, когда вполне оперены. Самочка въ это время очень внимательно заботится объ опрятности гнѣзда и каждое утро, какъ хорошая хозяйка, усердно вычищаетъ его и чиститъ также и своихъ дѣтенышей.

Тотчасъ послѣ вылета, птенцы подходятъ къ кормушкѣ, а черезъ нѣсколько дней ведутъ себя совершенно какъ взрослые. Однако во время вылета нужно внимательно присматривать за птенцами, особенно если въ помѣщеніи гнѣздуетъ одна пара, такъ какъ самецъ въ это время выказываетъ непонятнымъ образомъ свою ревность. Отецъ, который съ такой нѣжностью выкармливалъ своихъ птенцовъ, внезапно нападаетъ на нихъ послѣ вылета изъ гнѣзда и такъ сильно ихъ щиплетъ и кусаетъ, что часто они лишаются жизни отъ этого жестокаго обращенія. Точно также жестоки бываютъ и нѣкоторыя самки, но не къ своимъ собственнымъ птенцамъ, а къ дѣтенышамъ другихъ самокъ другого вида. Понятно, что подобныхъ сердитыхъ птицъ нельзя держать въ общемъ помѣщеніи, а ихъ нужно словить и отсадить отдѣльно.

Какъ только птенцы первой кладки сдѣлаются самостоятельными, родители приступаютъ ко второй кладкѣ, а послѣ вылета вторыхъ, птенцовъ—къ третьей и четвертой. Шлегель, директоръ зоологическаго сада въ Бреславлѣ, наблюдалъ даже одну пару, которая насиживала безъ перерыва въ теченіи цѣлаго года. Но подобные случаи принадлежатъ къ исключеніямъ: по моимъ наблюденіямъ, въ большинствѣ случаевъ бываютъ только двѣ кладки. Въ садкѣ Франкфуртскаго зоологическаго сада, по сообщенію Гааке, отъ трехъ паръ въ теченіи года получено было 120 птенцовъ! Гааке оставлялъ молодыхъ въ одной клеткѣ со старыми. Молодые волнистые попугайчики выказываютъ съ самаго начала такой-же хорошей нравъ, какъ и ихъ родители. У нихъ замѣчается настоящая страсть къ ухаживанію за своими младшими братьями и сестрами, они ихъ кормятъ, даже вопреки желанію родителей. При этомъ молодые, точно маленькіе обезьянки, перенимаютъ все другъ отъ друга: что дѣлаетъ одинъ, то тотчасъ-же повторяетъ другой, что относится, какъ къ лазанью и летанью, такъ и къ ѣдѣ и болтовнѣ. Въ садкахъ, гдѣ сидятъ много молодыхъ, бываетъ часто поразительный шумъ, такъ что наконецъ сами старики пытаются возстановить въ клеткѣ нѣкоторое спокойствіе. Если-же въ одномъ помѣщеніи держать цѣлую стаю этихъ попугайчиковъ и можетъ быть десять или еще болѣе паръ высиживаютъ и воспитываютъ вмѣстѣ птенцовъ, то въ подобной клеткѣ царствуетъ самая оживленная

жизнь. Въ подобныхъ случаяхъ между птицами рѣдко происходятъ ссоры и между самцами незамѣтно ревности, вѣроятно потому, что она не можетъ сосредоточиться на одномъ субъектѣ, а распределяется на нѣсколько десятковъ самцовъ.

Какъ необходимо держать волнистыхъ попугайчиковъ парами, легко убѣдиться тогда, когда въ теченіи долгаго времени воспитываешь двухъ попугаевъ одного и того-же пола. Какъ только пустишь въ ихъ клѣтку попугая другого пола, то птички тотчасъ спариваются и является сильная ревность. Нейбергъ, у котораго было двѣ пары волнистыхъ попугаевъ, потерялъ разомъ обоихъ самцовъ и могъ только черезъ извѣстное время достать новаго самца. Обѣ вдовушки очень хорошо сложились другъ съ другомъ; онѣ были очень веселы и жили совсѣмъ какъ самецъ съ самкой. Но какъ только впустили въ клѣтку новую птицу, то дружба ихъ мгновенно прекратилась. «Обѣ самки», рассказываетъ онъ, «сидѣли въ верхней части клѣтки одна около другой; когда влетѣлъ самецъ, то онѣ сначала на него внимательно смотрѣли, но съ мѣста не двигались. Черезъ нѣсколько секундъ, самецъ взглянулъ на нихъ, но не трогался съ мѣста, а особеннымъ звукомъ сталъ звать къ себѣ самку, на что одна изъ нихъ отвѣтила голосомъ. Когда онъ повторилъ призывной звукъ, то самка слетѣла къ нему и тогда произошла сцена, похожая на свиданіе двухъ нѣжныхъ супруговъ послѣ долгой разлуки. Другая самка смотрѣла на это спокойно, но какъ только парочка взлетѣла на жердочку и усѣлась противъ нея, то она вдругъ разсвирѣпѣла, напала на счастливую соперницу, повиснула клювомъ на ея хвостъ и до тѣхъ поръ теребила его, пока не повыдрала почти всѣ перья. Въ это дѣло пришлось вмѣшаться: обѣихъ самокъ розняли и сердитую вдову передали новому хозяину, который долженъ былъ снести ее къ другому самцу. Впослѣдствіи мы узнали однако, что она плохо жила со своимъ новымъ другомъ и была, что очень рѣдко случается, постоянно сердита и неуживчива»

Если-бы я вздумалъ здѣсь изложить всѣ свои собственные наблюденія надъ размноженіемъ волнистыхъ попугайчиковъ и прибавить къ этому то, что слыхалъ отъ другихъ, то пришлось-бы наполнить нѣсколько страницъ. Ограничусь только тѣмъ, что сообщу еще одно, мною сдѣланное наблюденіе. Птицы первой пары, которая жила у меня, любили другъ друга очень нѣжно, но о размноженіи не думали, такъ какъ время для этого не настало. Птицы жили въ большой клѣткѣ и, повидимому, чувствовали себя очень хорошо; однако золотые лучи солнца, проникавшіе черезъ окно въ клѣтку, возбудили въ нихъ, вѣроятно, мысли о свободѣ. Однажды самочка очень ловко сумѣла себѣ найти выходъ изъ клѣтки и раньше, чѣмъ мы это замѣтили, она успѣла вылетѣть черезъ окно на дворъ. Тогда только я могъ наблюдать въ первый разъ красивый полетъ этихъ попугаевъ, и, сознаюсь, я былъ имъ такъ восхищенъ, что забылъ о вѣроятной потерѣ птицы. Улетѣвшая самка высоко поднялась на воздухъ и, то быстро трепеща крыльями, то неподвижно паря, она носилась надъ сосѣднимъ садомъ; скоро она совсѣмъ исчезла изъ моего кругозора, но вдругъ снова появилась въ саду, привлеченная, вѣроятно, призывнымъ голосомъ своего самца, котораго я, конечно, посадилъ въ клѣтку на открытое окно. Она стала отвѣчать своему товарищу въ клѣткѣ и сѣла на дерево подъ оконкомъ, причѣмъ безпрестанно подавала голосъ и щебетала. Но тутъ произошло нѣчто, чего я вовсе не ожидалъ. Тотъ, кто воспитывалъ волнистыхъ попугайчиковъ, вѣроятно замѣтилъ, что ихъ призывной звукъ иногда удивительно похожъ на призывной голосъ домашняго воробья. Прежде я мало обращалъ на это вниманія, но теперь пришлось это замѣтить, такъ какъ кромѣ по-

пугаевъ въ эту сцену вмѣшались и воробьи. Сцена эта происходила среди дѣта, и всѣ окружающія крыши были покрыты молодыми воробьями, между которыми стало замѣтно сильное волненіе, какъ только въ саду появилась прекрасная незнакомка. Молодые воробьи, вѣроятно, подумали, что ея призывной звукъ «чип чип» относился къ нимъ и стали слетаться цѣлыми стаями, несмотря на то, что старыя и опытные воробьи предостерегали ихъ, усиленно выкрикивая «цер цер». Эти послѣдніе, т. е. старыя воробьи, видимо были удивлены появленіемъ незнакомой птицы, но, вслѣдствіе своей опытности, не дались въ обманъ, а осторожно смотрѣли издали на зеленую австраійскую пташку; молодежь скоро въ большомъ количествѣ окружила ее. Попугайчикъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія, но это не смущало воробьевъ, которые все болѣе и болѣе къ нему приближались, весело на него поглядывали со всѣхъ сторонъ и громко отвѣчали на его призывной звукъ. Попугай наконецъ разсердился, снялся съ мѣста и полетѣлъ на другое дерево; воробьи полетѣли за нимъ всею стаей, но когда онъ сталъ на воздухъ на лету выдѣлывать разные фокусы, то тяжеловѣсные воробьи отъ него отстали и стали снизу разсматривать его удивленными глазами. Сцена эта продолжалась около получаса и скоро весь садъ былъ наполненъ любопытными воробьями, которые собрались туда со всей окрестности. Кончилось это тѣмъ, что любовь къ товарищу заставила попугая снова влетѣть въ комнату; его здѣсь поймали и снова заперли въ клѣтку, гдѣ самецъ ее радостно встрѣтилъ, а сборище воробьевъ въ саду понемногу разсѣялось.

Наконецъ считаю нужнымъ здѣсь упомянуть, что волнистые попугаи могутъ жить у насъ на открытомъ воздухѣ. Въ имѣніи одного богатаго любителя животныхъ въ Бельгіи двѣ пары этихъ попугайчиковъ весною 1861 года улетѣли изъ клѣтки; онѣ тотчасъ-же скрылись въ верхушкахъ деревьевъ большого парка и въ теченіи долгаго времени ихъ видали только мелькомъ или даже вовсе не видали. Однако онѣ остались жить въ этой мѣстности, и, какъ впоследствии оказалось, гнѣздились въ дуплахъ деревьевъ и вывели птенцовъ. Владѣлецъ имѣнія былъ сильно пораженъ, когда осенью увидѣлъ цѣлую стайку попугайчиковъ въ 10—12 штукъ, которые искали себѣ корма въ овсяномъ полѣ. Тогда стали осторожно приманивать птицъ подставленнымъ кормомъ и передъ началомъ зимы 10 штукъ изъ нихъ поймали. Не подлежитъ сомнѣнію, что волнистые попугаи могутъ очень хорошо ужиться въ средне-европейскомъ климатѣ и потому понятно, что многіе предлагали акклиматизировать ихъ въ Европѣ. Но какая была-бы при этомъ выгода? Предположивъ даже, что эти птички, привыкшія къ перелетамъ на своей родинѣ, оставались-бы зимою въ избранной для нихъ мѣстности, а не улетѣли-бы, что гораздо вѣроятнѣе, на югъ, допустивъ кромѣ того, что онѣ уцѣляли-бы отъ выстрѣловъ многочисленныхъ охотниковъ, мы бы приобрѣли, въ концѣ концовъ, хотя очень красивыхъ, но въ сущности очень вредныхъ для нашихъ полей и садовъ птицъ и слѣдовательно лишь увеличивали-бы число враговъ мелкихъ пташекъ.

Между многочисленными попугаями, живущими въ Австраліи, Канаду (Plis-solophinae. Kakadus. Cacatois) занимаютъ выдающееся мѣсто. Они образуютъ рѣзко отдѣленную группу попугаевъ и потому совершенно справедливо считаются отдѣльнымъ подсемействомъ. Наиболѣе бросающимся въ глаза признакомъ ихъ служитъ большой подвижный хохоль на головѣ, котораго нѣтъ только у одного попугая—нестора; этимъ признакомъ они отличаются отъ всѣхъ другихъ родичей, за исключеніемъ нимфы.

Область распространения какаду простирается отъ Филиппинскихъ острововъ до Новой Зеландіи и отъ Тимора и Флореса до Соломоновыхъ острововъ. Въ этой области на всѣхъ островахъ встрѣчаются какаду; нѣкоторые виды имѣютъ большую область распространения и живутъ на многихъ островахъ, но большинство видовъ встрѣчаются только въ извѣстной, очень ограниченной мѣстности. Почти всѣ виды соединяются въ большія, иногда даже огромныя стаи, которыя населяютъ различнаго рода лѣса и рощи и оттуда налетаютъ на окрестныя поля и дуга. Подобныя стаи какаду представляютъ собою великолѣпное зрѣлище и даже натуралисты охотно присоединяются къ восторженнымъ похваламъ, расточаемымъ обыкновенно этимъ птицамъ путешественниками.

По образу жизни и движеніямъ какаду похожи на прочихъ попугаевъ, но принадлежатъ къ числу пріятныхъ птицъ этого отряда. Когда они живутъ огромными стаями, то ихъ непріятный голосъ можетъ сдѣлаться настолько оглушительнымъ, что люди проклинаютъ ихъ присутствіе, но если имѣть дѣло съ одной птицей, то почти всегда подружисься съ нею и ее полюбишь. Всѣ какаду умны и понятливы, а большинство изъ нихъ выказываютъ серьезный и кроткій нравъ. Ихъ душевныя способности достигаютъ сильнаго развитія: у нихъ замѣчается большое любопытство и хорошая память, а нѣкоторые виды отличаются индивидуальными, имъ только свойственными, способностями. Трудно найти двухъ попугаевъ этого семейства, которые были-бы совсѣмъ похожи другъ на друга по своимъ привычкамъ. Какаду охотно и сильно дружится съ человѣкомъ, выказываетъ менѣ коварства, чѣмъ другіе попугаи и бываетъ очень благодаренъ тѣмъ, кто его любитъ; онъ очевидно ищетъ любви одинаково у всѣхъ людей. Одно лишь дурное обращеніе дѣлаетъ его недовѣрчивымъ и сердитымъ. Слѣдуетъ опасаться возбудить въ какаду непріязнь къ себѣ, такъ какъ его прекрасная память сохраняетъ въ теченіи многихъ лѣтъ полученныя впечатлѣнія. Онъ съ трудомъ забываетъ полученные обиды или даже вовсе не забываетъ ихъ, и однажды возбужденное недобѣріе почти никогда не уничтожается; нерѣдко даже случается, что у обиженной птицы являюся стремленія къ мщенію, и она нападаетъ на того, кто прежде ей сдѣлалъ зло. Это—почти единственная непріятная черта характера какаду; вообще же у него преобладаетъ кроткій нравъ: онъ требуетъ любви и самъ стремится полюбить кого-нибудь и выказываетъ это своему воспитателю самымъ яснымъ образомъ. Когда онъ свыкся со своей неволей и подружился съ какимъ-нибудь человѣкомъ, то охотно дозволяетъ ему, а затѣмъ и другимъ людямъ себя погладить, наклоняетъ голову, какъ только замѣчаетъ, что хотятъ его почесать и приподымаетъ перышки, чтобы облегчить это чесанье. Вѣроятно, у него возбуждается пріятное чувство, когда роются пальцами въ его опереніи и скребутъ между ними голую кожу; но подобная предупредительность нравится людямъ, которымъ кажется, что птица этимъ хочетъ выразить свою любовь. «У меня живетъ какаду» пишетъ мнѣ Линденъ, «добѣрчивость и кротость котораго превосходить всякое описаніе. У всѣхъ попугаевъ мы замѣчаемъ постоянно нѣкоторое коварство, и даже самыя ручныя изъ нихъ при случаѣ способны ударить человѣка клювомъ, если какъ-нибудь случайно разсердишь ихъ или сдѣлаешь имъ что-нибудь непріятное; но мой попугай представляетъ исключеніе изъ этого правила. Въ теченіи 10 лѣтъ, которые онъ живетъ у меня, мы постоянно у него замѣчали только одну любезность: онъ позволяеть съ собой дѣлать все, что угодно и всегда ведетъ себя какъ благоправное дитя. Когда долго ласкаютъ его товарища и у него возбуждается ревность, то онъ начинаетъ скрести своей лапой голову и шею, показывая этимъ, что ему хотѣлось бы быть поглаженнымъ.» Но у какаду есть

и другія хорошія свойства; сильное развитіе его способностей выказывается не только въ хорошей памяти, но также въ томъ, что онъ можетъ многому научиться. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ наравнѣ съ самыми умными попугаями; онъ выучивается говорить довольно легко и хорошо, не только связываетъ между собою выученныя слова, но кстаті произноситъ цѣлыя фразы и выучиваются различнымъ фокусамъ: тотчасъ видно, что это умная птица.

«Ни одно семейство попугаевъ», замѣчаетъ далѣе Линденъ, «не можетъ быть такъ удачно названо оперенными обезьянами, какъ именно какаду, что особенно выказывается въ ихъ стремленіи къ подражанію. Они внимательно слѣдятъ за тѣмъ, что происходитъ въ сосѣдней клѣткѣ и подражаютъ замѣченному, если только это возможно, что относится какъ къ необыкновеннымъ движеніямъ и гримасамъ, точно такъ и къ различнымъ звукамъ. Одинъ изъ моихъ желтохохлыхъ какаду умѣетъ прыгать подъ тактъ на своей жердочкѣ вправо и влѣво; кромѣ того онъ танцуетъ, лазаешь, кувыркается и дѣлаетъ разные фокусы. Всѣ вновь приобретенныя мною какаду начинаютъ ему подражать, причѣмъ вначалѣ движенія производятся довольно неловко, затѣмъ лучше и наконецъ такъ хорошо, что ученики въ искусствѣ превосходятъ учителя. Трудно представить себѣ, какъ на это смѣшно смотрѣть со стороны. При подражаніи у этихъ попугаевъ замѣчается нѣкоторый задоръ, а также стремленіе исполнить замѣченное точно такъ же хорошо или еще лучше, чѣмъ это дѣлаетъ сосѣдь. Если одинъ изъ попугаевъ отломаетъ свою кормушку и начинаетъ ею играть въ клѣткѣ, какъ мячикомъ, то другой попугай не успокоится до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ то же самое. При этомъ онъ выказываетъ необыкновенную силу и ловкость въ употребленіи своего клюва, который замѣняетъ ему молотокъ, клещи, отвертку, и попугай употребляетъ его въ дѣло съ удивительной ловкостью. Я прикрѣплялъ кормушки самымъ солиднымъ образомъ, привязывалъ ихъ проволокой къ желѣзнымъ прутикамъ клѣтки, привинчивалъ гайкой, но мои какаду отлично умѣютъ развинчивать винты и рано или поздно оторвутъ кормушку съ мѣста. Вначалѣ клѣтки мои имѣли стѣнки изъ проволочной сѣтки, но попугай разрывали одну петлю за другой и всегда въ концѣ концовъ образовывали такое отверстие, черезъ которое они могли выскользнуть и воспользоваться своей свободой, чтобы надѣлать въ комнатѣ различныя безчинства». Отъ себя могу прибавить, что у какаду очень сильно развита страсть къ разрушенію и въ этомъ отношеніи дѣятельность ихъ иногда поразительна. Они не только прогрызаютъ доски въ 5—6 см. толщины, что я знаю изъ собственнаго опыта, но проламываютъ даже желѣзные листы въ 1 м.м. толщины; они ломаютъ стекла и пробуютъ даже дѣлать отверстія въ кирпичныхъ стѣнкахъ. Они очень легко освобождаютъ себя отъ обыкновенныхъ птичьихъ цѣпочекъ, которыми они привязаны къ жердочкамъ. Самыя хитрыя приспособленія, чтобы помѣшать ихъ бѣгству, ведутъ только иногда къ цѣли, но часто и онѣ оказываются неудачными. Фидлеръ мнѣ пишетъ, что птицы умѣютъ даже отвинтить двойной винтъ.

Гаакъ сообщаетъ слѣдующее объ одномъ изъ какаду, которые у него жили. «У насъ въ Австраліи былъ **Желтохохлый накаду** (*Plissolophus galeritus*), который былъ привязанъ длинною цѣпочкой къ подставкѣ съ нѣсколькими жердочками; подставка это обыкновенно ставилась въ саду, могла быть переносима съ мѣста на мѣсто и попугай имѣлъ возможность съ нею слетать на землю. Онъ замѣнялъ собою въ известномъ смыслѣ цѣпную собаку: лаялъ, когда кто-нибудь по мѣстному обычаю стучался въ дверь, и кусалъ всякаго чужого, до котораго могъ добраться. Онъ былъ очень нѣженъ ко мнѣ и къ жещѣ моей, часто просилъ, чтобы его поцѣловали, ласково повторяя слова: *Kiss Cockey*, (поцѣлуй попугу), *Pretty Cockey*

(хорошенькій попка), *Coskey wants a kiss* (попку нужно поцѣловать) и при этомъ быстро и часто подражалъ звуку поцѣлуя своимъ языкомъ, подставляя свой клювъ, но случилось, что онъ кусалъ мою жену изъ ревности, когда она держала на рукахъ нашего маленькаго сына и даже очень долго не могъ терпѣть голубыхъ туфель, такъ какъ у моей жены были одѣты такія туфли, когда она въ первый разъ вынесла нашего мальчика въ садъ. Когда однажды онъ укусилъ мою жену, и я, разсердившись на него, сталъ сильно бить его, то онъ старался смягчить мой гнѣвъ, жалобно, совсѣмъ по человѣчески, повторяя слова «pretty coskey». Извѣстные ему фразы онъ говорилъ только при подходящихъ случаяхъ, напримѣръ, когда мы сидѣли за столомъ, то ему не приходило въ голову говорить «kiss coskey» или что-нибудь подобное, а онъ произносилъ «*May, coskey wants to drink*». (Мама, попка хочетъ пить) прося такимъ образомъ напиться. Попугай этотъ выказывалъ необыкновенную понятливость, переимчивость и прекрасную память. Однажды къ намъ пріѣхали братья моей жены, молодые люди, которые стали забавляться у насъ на дворѣ, играя въ чехарду; какаду довольно долго молча смотрѣлъ на эту игру, затѣмъ соскочилъ съ своей жердочки на землю и сталъ тамъ пресмѣшно прыгать, очевидно подражая молодымъ людямъ. Спустя нѣсколько недѣль шурини мои снова къ намъ пріѣхали, но на этотъ разъ въ чехарду не играли; попугай-же вспомнилъ эту игру и сталъ опять прыгать, чего онъ безъ нихъ не дѣлалъ. Въ то время у насъ жила нянька, старая болтливая нѣмка, которая очень полюбила попугая, но онъ къ ней относился очень равнодушно. Нянька эта должна была на нѣкоторое время отъ насъ уѣхать и стала прощаться со своимъ любимцемъ, причемъ въ ея полуанглійской, полунѣмецкой болтовнѣ очень часто повторялись слова «good-bye, good-bye». Едва она удалилась на нѣсколько шаговъ, какъ попугай меня сильно насмѣшилъ тѣмъ, что сталъ вторить болтовнѣ старухи, безпрестанно повторяя ея голосомъ «good-bye, good-bye». Слова эти еще долгое время повторялись попугаемъ и онъ ихъ всегда произносилъ, когда кто-нибудь изъ насъ уходилъ изъ дому».

Естественный голосъ какаду состоитъ изъ высшей степени непріятнаго, рѣзкаго крика, который трудно описать словами. Слово «какаду» и другія выученныя слова выговариваются ими очень ласково и нѣжно; они въ большинствѣ случаевъ выражаютъ этимъ свою дружбу и преданность хозяину.

Какъ и другіе попугаи, какаду живутъ на свободѣ обществами, которыя сохраняютъ нѣкоторую связь даже во время гнѣздованія. Они проводятъ ночь, спрятавшись въ листьѣ высокихъ деревьевъ и встрѣчаютъ утро очень громкимъ крикомъ, который слышанъ издали. Затѣмъ они снимаются съ мѣста и летятъ, рѣдко махая крыльями и часто паря и скользя по воздуху, на какое-нибудь засѣянное поле или другое мѣсто, гдѣ надѣются найти обильный кормъ. Они по возможности сѣдаютъ весь кормъ, до котораго могутъ добраться въ данномъ мѣстѣ. Главную пищу ихъ составляютъ плоды, зерна и сѣмена, но кромѣ того они ѣдятъ небольшіе клубни и луковицы, которые они искусно выкапываютъ изъ земли своею длинною и крючковатою верхнею челюстью клюва; грибы они также сѣдаютъ и точно такъ, какъ куры, глотаютъ также небольшіе камешки, вѣроятно для того, чтобы способствовать размельченію пищи, что свойственно вообще всемъ зернояднымъ. Зобъ и желудокъ убитыхъ попугаевъ этого вида содержатъ въ себѣ смѣсь всевозможныхъ засѣянныхъ веществъ. Птицы эти могутъ нанести ощутительный вредъ недавно засѣяннымъ полямъ и огородамъ, гдѣ зрѣетъ кукуруза. За исключеніемъ полуденныхъ часовъ онѣ дѣятельны въ теченіи цѣлаго дня и очень внимательны ко всему, что вокругъ нихъ происходитъ. Всякое новое явленіе встрѣчается крикомъ; на-

примѣръ, если одна стая опустилась на поле, а другая пролетаетъ мимо, то подымается такой страшный крикъ, что о немъ трудно себѣ составить представление: небольшое количество сидящихъ въ вѣткѣхъ какаду даютъ только слабое понятіе о тѣхъ раздражающихъ уши звукахъ, которые издають большія стаи какаду на свободѣ. Какъ только стая насытилась, то она возвращается на мѣсто отдохновенія въ лѣсъ и сидитъ тамъ, относительно говоря, довольно безшумно, пока пища переваривается. Затѣмъ попугаи еще разъ летятъ на поля, чтобы кормиться, а при наступленіи ночи отправляются на покой на обычное мѣсто.

Такъ живутъ стаи до времени гнѣздованія, когда пары раздѣляются и каждая изъ нихъ отыскиваетъ себѣ удобное углубленіе для гнѣзда. Гнѣздо это находится въ дуплахъ деревьевъ, въ выгнувшихся толстыхъ сучкахъ, а также въ трещинахъ скаль. Крутые скалистые берега южно-австралійскихъ рѣкъ ежегодно служатъ мѣстомъ гнѣздованія многихъ тысячъ какаду точно такъ, какъ на берегахъ сѣверныхъ морей подобныя скалы служатъ пріютомъ для цѣлыхъ стай чаекъ. Полагаютъ, что нѣкоторые изъ этихъ крутыхъ откосовъ покрыты углубленіями, сдѣланными самими попугаями, и крѣпость ихъ клюва даетъ право предполагать, что подобная работа для нихъ возможна. Кладка состоитъ всегда только изъ двухъ, рѣдко трехъ чисто-бѣлыхъ немного остроконечныхъ яицъ, которыя по величинѣ примѣрно равняются яйцамъ нашихъ карликовыхъ куръ, но отличаются отъ нихъ своею глянцовитостью. О томъ, какъ происходитъ насиживаніе и какъ выкармливаются птенцы, мнѣ ничего неизвѣстно. Букстонъ, который долженъ былъ-бы имѣть случай наблюдать гнѣздованіе этихъ птицъ, такъ какъ его ручныя какаду очень долго жили на свободѣ, ничего не говоритъ объ этомъ предметѣ.

Два какаду очень часто заключаютъ дружбу между собою, а если они принадлежатъ къ разнымъ поламъ, то почти всегда происходитъ спариваніе, которое равно или поздно ведетъ къ продолжительному сожителству. Обѣ птицы тогда сидятъ неразлучно вмѣстѣ, какъ маленькіе попугайчики, и выказываютъ другъ другу всякія нѣжности. Въ птичникѣ Линдена огромный желтоохлтый какаду избралъ себѣ въ подруги маленькую самку другого вида какаду и часто съ ней спаривался. «Я нѣсколько разъ наблюдалъ спариванье», пишетъ мнѣ Линденъ. «Замѣчательны тѣ нѣжныя ласки, которыя предшествуютъ и слѣдуютъ за этимъ. Оба попугаи переплетаются шеями, обнимаются крыльями и цѣлуются, какъ влюбленные люди. Однако до кладки яицъ дѣло еще не дошло, и они разрушали всѣ ящики, которые имъ были даны для гнѣздованія». Мы видѣли выше, что это не всегда такъ и что разновидности какаду часто спариваются съ успѣхомъ и размножаются.

Вслѣдствіе вреда, приносимаго большими стаями какаду для сельскаго хозяйства, ихъ усердно преслѣдуютъ на родинѣ и во множествѣ убиваютъ. Опытные путешественники рассказываютъ, что какъ только какаду замѣтитъ враждебныя намѣренія чловѣка, то дѣлаются необыкновенно осторожными, какъ и другіе сорта попугаевъ, а также обезьяны; они тогда съ большою хитростью совершаютъ свои хищническіе набѣги и ихъ трудно удержать отъ посѣщенія засѣянныхъ полей. Туземцы охотятся на какаду своеобразнымъ способомъ. «Трудно, говоритъ Грей, «представить себѣ болѣе привлекательное зрѣлище, чѣмъ охоту австралійцевъ на этихъ птицъ. Они пользуются для этого туземнымъ оружіемъ, извѣстнымъ подъ названіемъ бумеранга: это—серпообразная плоская дощечка изъ твердаго дерева, которая бросается рукою на 30 м. разстоянія; она, кружась, прорѣзаетъ воздухъ и, несмотря на многія уклоненія отъ прямого пути, довольно вѣрно достигаетъ цѣли. Туземецъ отыскиваетъ большую стаю какаду по полямъ и лѣсамъ и охотѣе всего прѣбирается къ рѣкѣ или озеру, которые окружены высокими и густыми деревьями. Какаду осо-

бенно любятъ подобныя мѣста и ихъ можно здѣсь встрѣтить несмѣтными стаями, причемъ попугай то лазаетъ по вѣтвямъ деревьевъ, то летаетъ съ дерева на дерево. Туземецъ со всевозможными предосторожностями подползаетъ къ такому озерку, пробирается отъ дерева къ дереву, прячется за кусты, однимъ словомъ всѣми силами старается какъ можно менѣе напугать осторожныхъ птицъ. Однако, несмотря на то, что его легкіе шаги не производятъ почти никакого шума, какаду все-таки замѣчаютъ его, и всеобщее смятеніе указываетъ на приближеніе опаснаго врага. Птицы уже знаютъ о томъ, что имъ грозитъ опасность, но еще не вполне увѣрены въ значительности ея. Охотникъ такимъ образомъ доходитъ до воды, и здѣсь, болѣе не скрываясь, показываетъ свою темную голую фигуру. Бѣлая стая птицъ съ раздражающими уша криками поднимается на воздухъ и туземецъ въ то же мгновеніе бросаетъ свое оружіе. Бумерангъ удивительными изгибами пересѣкаетъ воздухъ надъ водою, поднимается все выше и попадаетъ въ середину птицъ. Охотникъ бросаетъ второе, третье и четвертое подобное оружіе и смущенныя птицы напрасно стараются избѣгнуть ударовъ: неправильный полетъ бумеранговъ сбиваетъ ихъ съ толку и затрудняетъ ихъ движенія. Многія изъ птицъ получаютъ удары бумеранга: нѣкоторымъ онъ попадаетъ по шеѣ, другимъ ломаетъ крылья. Раненыя птицы съ громкими криками падаютъ на землю и дѣлаются добычей темнокожаго охотника; тогда только остальная часть стаи приходитъ въ себя, съ ужасомъ улетаетъ и прячется въ верхушкахъ высокихъ деревьевъ».

Мясо убитыхъ какаду считается довольно вкуснымъ; особенно славится бульонъ изъ этихъ птицъ. Что какаду ловятъ живыми, легко доказываетъ множество этихъ птицъ, которыя привозятся къ намъ въ Европу. Попугай эти очень хорошо переносятъ неволю и неприхотливы на кормъ, почему ихъ можно безъ труда перевозить на большія расстоянія; но если подумать, что въ Германіи изъ третьихъ или четвертыхъ рукъ можно купить какаду за нѣсколько марокъ, то очевидно, что на мѣстѣ они стоятъ очень дешево.

При хорошемъ уходѣ какаду можетъ прожить въ Европѣ очень долго: были примѣры, что какаду доживали въ клѣткѣ до 70 лѣтъ. Содержаніе его доставляетъ мало хлопотъ, такъ какъ онъ понемногу приучается ѣсть все то, что и человѣкъ. Однако полезнѣе его держать на простомъ кормѣ, именно: давать ему разнаго рода сѣмена, вареный рисъ и сухари; при слишкомъ разнообразномъ кормѣ онъ жирѣетъ и приобретаетъ различныя дурныя привычки, отъ которыхъ потомъ его трудно отучить. Тотъ, кто хочетъ приобрести его расположеніе, долженъ часто и по долгу имъ заниматься, по возможности предупреждать его желанія и прощать многія шалости. При подобномъ уходѣ каждый какаду дѣлается рано или поздно очень ручнымъ и своею привязанностью къ человѣку вознаграждаетъ его за заботы и хлопоты.

Однако не слѣдуетъ думать, что какаду даже при очень счастливой жизни въ неволѣ позабываетъ о томъ, что у него есть крылья. «Жившій у меня желтохвостый какаду», говоритъ Линдбергъ, убѣдилъ меня въ томъ, что попугай, очень долго жившій въ неволѣ и повидимому умѣвшій только прыгать и лазать, тотчасъ послѣ освобожденія своего изъ клѣтки употребляли въ дѣло свои крылья. Я имѣлъ неосторожность поставить на открытый воздухъ большую клѣтку, гдѣ жилъ вышеупомянутый какаду со своимъ товарищемъ. Однажды утромъ, когда я открылъ дверцы клѣтки, чтобъ положить кормъ, какаду проскользнулъ незамѣтнымъ образомъ подъ мою руку и вылетѣлъ. Черезъ нѣсколько мгновеній уже онъ сидѣлъ на верхушкѣ высочайшаго дерева въ саду, а затѣмъ распустилъ крылья, приподнялъ свой желтый хохолъ и запрыгалъ по вѣткѣ, блестя своимъ бѣлымъ опе-

режемъ въ утреннихъ солнечныхъ лучахъ. Я сталъ ласково звать его, выставилъ любимый его кормъ, но онъ не обращалъ на это никакого вниманія, нѣкоторое время лазалъ по тонкимъ вѣткамъ, а затѣмъ шумно и съ крикомъ поднялся и полетѣлъ все выше и выше, такъ что я наконецъ едва могъ слѣдить за нимъ глазами; я очень боялся, что онъ направится въ сторону Константскаго озера, около котораго стоялъ нашъ домъ, но онъ полетѣлъ надъ узкой косой, которая отъ нашего берега вдавалась въ озеро. Мои поиски за нимъ были напрасны, хотя я старательно обыскалъ всѣ плодовые деревья, ивы и тополи по берегу. На слѣдующее утро, до разсвѣта, я еще разъ пошелъ его искать и черезъ четверть часа мнѣ показалось, что я слышу его голосъ; я направился къ фруктовому саду, откуда былъ слышенъ крикъ, и скоро увидалъ своего какаду, который занимался тѣмъ, что обрывалъ въ большомъ количествѣ небольшія вѣтки съ деревьевъ. Онъ отвѣчалъ на мой голосъ, но когда я позвалъ къ себѣ на помощь другого человѣка, къ дереву подставили лѣстницу, и я на нее полѣзъ, то онъ перелетѣлъ на слѣдующее, а потомъ полетѣлъ, описывая спираль, все выше и выше и наконецъ опустился на верхушку самаго высокаго тополя, который росъ на берегу озера. Приванить его съ такой вышины мнѣ казалось невозможнымъ. Однако я принесъ съ собой его товарища въ маленькой клѣткѣ и поставилъ ее на землю, а рядомъ съ ней другую пустую клѣтку. Обѣ птицы перекликались и бѣглець слетѣлъ на землю, но случайно проходившій человѣкъ его вспугнулъ, и онъ снова усялся на верхушку дерева. Я потерялъ терпѣніе, оставилъ караульщика около клѣтки, а самъ вернулся домой; но спустя менѣе четверти часа, мнѣ принесли въ клѣткѣ улетѣвшаго какаду. Оказалось, что товарищъ все-таки приванить его, и бѣглець не могъ устоять противъ его призывного голоса. Съ тѣхъ поръ онъ снова живетъ у меня въ хорошо запертой клѣткѣ и въ большой дружбѣ со своимъ товарищемъ».

* * *

На Новой Гвинее, сѣверной оконечности Австраліи и на сосѣднихъ острвахъ, именно: Салавати, Мизоль, Вайгиу и Ару живетъ **Черный какаду** (*Microglossus aterrimus*, *alecto*, *griseus*, и *goliath*, *Psittacus aterrimus*, *gigas* и *goliath*, *Cacatua aterrima*, *intermedia* и *alecto*, *Microglossum aterrimum* и *alecto*, *Solenoglossus ceylonicus*, *Ararakakadu*, *Cacatois noir*). Птица эта принадлежитъ къ числу самыхъ большихъ попугаевъ, а клювъ у нея огромнѣйшій, какой себѣ можно представить. Этотъ чудовищный клювъ длиннѣе головы, длина его гораздо больше вышины, онъ сжатъ съ боковъ, верхняя челюсть согнута полукругомъ и оканчивается длиннымъ, тонкимъ и внутрь повернутымъ остриемъ; верхняя челюсть передъ концомъ снабжена выступомъ въ видѣ прямого угла, въ который упирается нижняя челюсть клюва, которая не обхватывается верхней и отличается широкими сторонами и кончикомъ, сръзаннымъ подъ прямымъ угломъ. Довольно толстая, но сравнительно съ величиною птицы все-таки слабыя ноги имѣютъ короткія голыя плюсны и пальцы средней длины. На довольно длинныхъ крыльяхъ четвертое маховое перо самое длинное, а кончикъ крыла очень короткій. Длинный и широкій хвостъ состоитъ изъ очень широкихъ, на концѣ закругленныхъ перьевъ, изъ которыхъ крайнее короче другихъ. Опереніе довольно мягкое и состоитъ изъ одинаковыхъ перьевъ, кромѣ тѣхъ, которые образуютъ хохолъ; сіи послѣднія очень длинныя, на концѣ острые и направлены вверхъ и нѣсколько назадъ. Черный какаду похожъ на другіе виды этого семейства, главнымъ образомъ широкимъ четырехугольнымъ хвостомъ и хохломъ на головѣ, но эти части тѣла все-таки иначе устроены, чѣмъ у другихъ какаду. Своими голыми щечками и огромнымъ клювомъ

онъ напоминаетъ попугаевъ - араара. Онъ отличается также своимъ длиннымъ мясистымъ и вальковатымъ темно-краснымъ языкомъ, который имѣетъ сверху углубленіе и на концѣ покрытъ черной роговой оболочкой; языкъ этотъ можетъ далеко выдвигаться изо рта и употребляется въ видѣ ложки, причемъ птица набираетъ на него кормъ, размельченный клювомъ, и препровождаетъ затѣмъ этотъ кормъ въ пищеводъ. Края языка очень подвижны и какъ спереди, такъ и по сторонамъ могутъ выгибаться и такимъ образомъ заключать пищу какъ бы въ же

Черный какаду. *Microglossus aterrimus*. $\frac{1}{2}$; насг. вел.

лобокъ, съ котораго она легко скользитъ въ пищеводъ. Въ известной части Новой Гвинеи чернаго какаду называютъ **Расмолось**; по росту онъ крупнѣе большинства настоящихъ араара. Опереніе у него однообразно черное съ небольшимъ зеленоватымъ отливомъ, но у живыхъ птицъ почти всегда сѣроватое, такъ какъ оно покрыто бѣлою пылью. Голыя морщинистыя щеки окрашены въ красный цвѣтъ. Хохолъ состоитъ изъ длинныхъ узкихъ перьевъ, цвѣтъ которыхъ болѣе сѣроватый, чѣмъ цвѣтъ прочихъ перьевъ.

О жизни этой птицы на свободѣ мы знаемъ еще очень мало. Макъ Джилверей нашелъ его вблизи предгорія Гюркъ въ довольно большомъ количествѣ.

чаще всего парами. Онъ жилъ здѣсь на высочайшихъ камедныхъ деревьяхъ, издавалъ громкій крикъ, похожій на «вит, вит», былъ очень пугливъ и питался преимущественно небольшими пальмовыми орѣшками; въ желудкѣ убитыхъ нашли эти орѣшки и кусочки кварца. «Черный какаду» говоритъ Розенбергъ «не рѣдокъ на островахъ Вайгю, Мизоль, Салавати и береговыхъ странахъ Новой Гвинеи. Онъ сидитъ чаще всего на верхушкахъ высочайшихъ деревьевъ, находится постоянно въ движеніи и, лаяя или высоко летая съ сильными взмахами крыльевъ, кричитъ очень громко хриплымъ голосомъ, совершенно отличнымъ отъ голоса бѣлыхъ какаду. Туземцы берутъ молодыхъ птицъ изъ гнѣзда, выращиваютъ ихъ, а затѣмъ продаютъ торговцамъ. Въ неволѣ онѣ охотнѣе всего ѣдятъ орѣшки канарскаго дерева (*Canarium*), очень крѣпкую оболочку которыхъ онѣ ловко раскусываютъ. Попугай эти дѣлаютъ очень ручными: черный какаду, принадлежащій одному жителю Амбоины, леталъ черезъ весь городъ и въ извѣстное время всегда возвращался домой, чтобы поѣсть и выспаться.

Уэллсъ наблюдалъ этого попугая на островахъ Ару и собралъ тамъ коллекцію ихъ. «Онъ живетъ здѣсь въ низменностяхъ лѣсовъ и встрѣчается поодиночкѣ или по два---три экземпляра; летаетъ онъ тихо и безшумно и питается различными плодами и сѣменами, по преимуществу же орѣхами канарскаго дерева, растущими на высокихъ деревьяхъ, которыя произрастаютъ въ большомъ количествѣ на обитаемыхъ ими островахъ. Тотъ способъ, который онъ употребляетъ для того, чтобы раскусывать эти орѣхи, указываетъ отчасти на опытъ, отчасти на навыкъ, происшедшій вслѣдствіе того, что эти орѣхи главнымъ образомъ служатъ ему кормомъ. Скорлупа этого почти трехграннаго орѣха необыкновенно тверда и гладка, такъ что можетъ быть разбита лишь ударомъ тяжелаго молота. Черный какаду захватываетъ конецъ его въ клювъ, придерживаетъ его языкомъ и вырываетъ поперечное отверстіе въ скорлупѣ, пропиливая ее острымъ краемъ нижней челюсти. Затѣмъ онъ захватываетъ орѣхъ лапой, откусываетъ кусокъ и укладываетъ его въ глубокомъ желобкѣ нижней челюсти; орѣхъ тогда крѣпко удерживается отъ выскальзыванія, потому что онъ обернутъ въ зеленый листъ наружной плодовой оболочки. Попугай тогда всовываетъ край нижней челюсти въ отверстіе орѣха и сильнымъ движеніемъ головы отламываетъ большой кусокъ скорлупы. Тогда онъ снова беретъ орѣхъ въ лапу, всовываетъ длинный острый конецъ верхней челюсти во внутренность его, отламываетъ одинъ кусочекъ ядра за другимъ и съѣдаетъ ихъ. Такимъ образомъ каждая часть своеобразно-устроеннаго клюва находятъ себѣ примѣненіе, и нетрудно понять, что черные какаду при борьбѣ за существованіе потому получили преимущества передъ бѣлыми своими родичами, что они имѣютъ возможность воспользоваться такою пищею, которую другія птицы доставать не могутъ. Въмѣсто рѣзкаго крика бѣлыхъ какаду черный издаетъ лишь жалобный свистъ».

Уэллсъ еще упоминаетъ о поразительной неживучести чернаго какаду, который околѣваетъ отъ малѣйшей раны. Мартенсъ видалъ плѣннаго какаду въ городѣ Маге. «Черный какаду», замѣчаетъ онъ, «очень смѣшная птица. Онъ сидитъ прямо и своимъ краснымъ лицомъ, большимъ клювомъ и всегда приподнятымъ хвостомъ похожъ на стараго генерала; онъ производитъ сильное впечатлѣніе своимъ безобразіемъ. Большую часть времени онъ спокоенъ и скучаетъ, но при приближеніи чужого человѣка, а иногда и безъ всякаго повода онъ кричитъ своимъ трескучимъ голосомъ. Туземцы и европейцы, живущіе въ тѣхъ мѣстахъ, увѣряютъ, что начало пищевода у попугая начинается на языкѣ».

По словамъ Розенберга, чернаго какаду можно часто видѣть въ Амбоинѣ и

за него платять 20—25 голландскихъ гульденовъ. Въ Европѣ онъ принадлежитъ еще къ числу рѣдкихъ птицъ. Вестерманъ очень любезно сообщилъ мнѣ слѣдующія свѣдѣнія объ одномъ экземплярѣ этой птицы, живущемъ въ зоологическомъ саду въ Амстердамѣ. «Черный какаду у насъ живетъ съ 28 мая 1860 г. Только съ большимъ трудомъ удалось намъ пріучить его къ здѣшнему корму. Эти птицы повидимому питаются на свободѣ исключительно плодами, заключающимися въ себѣ крѣпкую косточку; во время путешествія нашего попугая все время кормили канарскими орѣшками, и онъ только постепенно привыкъ у насъ къ другому корму. Теперь онъ ѣсть конопляное сѣмя и все то, что ѣдятъ люди, кромѣ мяса. При этой птицѣ онъ, повидимому, совершенно здоровъ. Онъ пользуется своимъ своеобразно устроеннымъ языкомъ совсѣмъ иначе, чѣмъ другіе попугаи, именно: беретъ пищу въ лапу, подноситъ ее къ клюву, размельчаетъ ее, а затѣмъ прижимаетъ ее къ концу языка, который снабженъ круглой роговой пластинкой, и кусочки пищи приклеиваются къ этой пластинкѣ. Послѣ этого языкъ втягивается, и кусочекъ пищи проглатывается. Все это происходитъ очень медленно, почему онъ употребляетъ очень много времени на ѣду».

Шмидтъ также описываетъ способъ принятія пищи черного какаду слѣдующими словами: «Пища, напримѣръ конопляное сѣмячко, схватывается клювомъ и ощущается языкомъ, затѣмъ попугай его прижимаетъ къ зубцу верхней челюсти и раскусываетъ нижней челюстью. Сѣмячко тогда придерживается нижнею челюстью и языкомъ, а зубецъ верхней челюсти вынимаетъ зернышко, которое осторожно размельчается обѣими половинками клюва при постоянномъ участіи языка. Когда зерно достаточно размельчено, то языкъ сжимаетъ его въ своемъ желобкѣ, и оно втягивается внутрь; кусокъ пищи прижимается къ небу и затѣмъ проглатывается, проскальзывая мимо голосовой щели. При размельченіи кормъ часто придерживается лапой, а маленькіе куски иногда поддерживаются верхнею частью пальца. Такъ какъ птица ѣсть только совершенно размельченный кормъ, то процессъ ѣды происходитъ очень долго. При питъѣ черный какаду опускаетъ верхнюю часть клюва въ воду, затѣмъ быстро приподымаетъ голову, держа ее немного косвенно, такъ что онъ положительно черпаетъ воду своимъ клювомъ. Онъ ѣсть очень охотно сырую говядину, не особенно любитъ рисъ, а изъ кукурузныхъ зеренъ выковыриваетъ только внутреннюю мягкую часть; хлѣбъ, а особенно плоды, составляютъ для него лакомства».

Голосъ можетъ быть переданъ слогами «ира-а» и, по мнѣнію Шмидта, напоминаетъ скрипъ несмазанной двери. Когда онъ издается негромко, то это выражаетъ довольство, когда-же онъ произносится громко, то означаетъ скуку или желаніе; въ такомъ случаѣ черный какаду кричитъ нѣсколько разъ сряду, повторяя звуки быстро одинъ за другимъ. Разрушительныя способности этой огромной птицы— удивительны. «Я былъ пораженъ», говоритъ Шмидтъ въ своемъ прекрасномъ описаніи, «силою и твердостью клюва этого попугая. Нашъ плѣнникъ задумалъ уничтожить сосуды для корма и исполнилъ эту задачу съ необыкновеннымъ успѣхомъ. Однажды онъ обломалъ клювомъ края глазированной глянцанной посуды, между тѣмъ какъ эти края имѣли 15 м.м. вышины и 6 м.м. толщины. На слѣдующій день ему поставили фарфоровые сосуды такой-же величины, но въ скоромъ времени ихъ края были совершенно обгрызаны. Тогда я сталъ употреблять въ видѣ кормушекъ небольшія чугунныя сковородки. Однако по прошествіи двухъ часовъ какаду въ одной изъ нихъ обкусалъ въ одномъ мѣстѣ край. Кончилось тѣмъ, что я долженъ былъ заказать толстые и тяжелые чугунныя сосуды, которыхъ попугай не могъ ни опрокинуть, ни поломать. Я долженъ при этомъ замѣтить, что у попу-

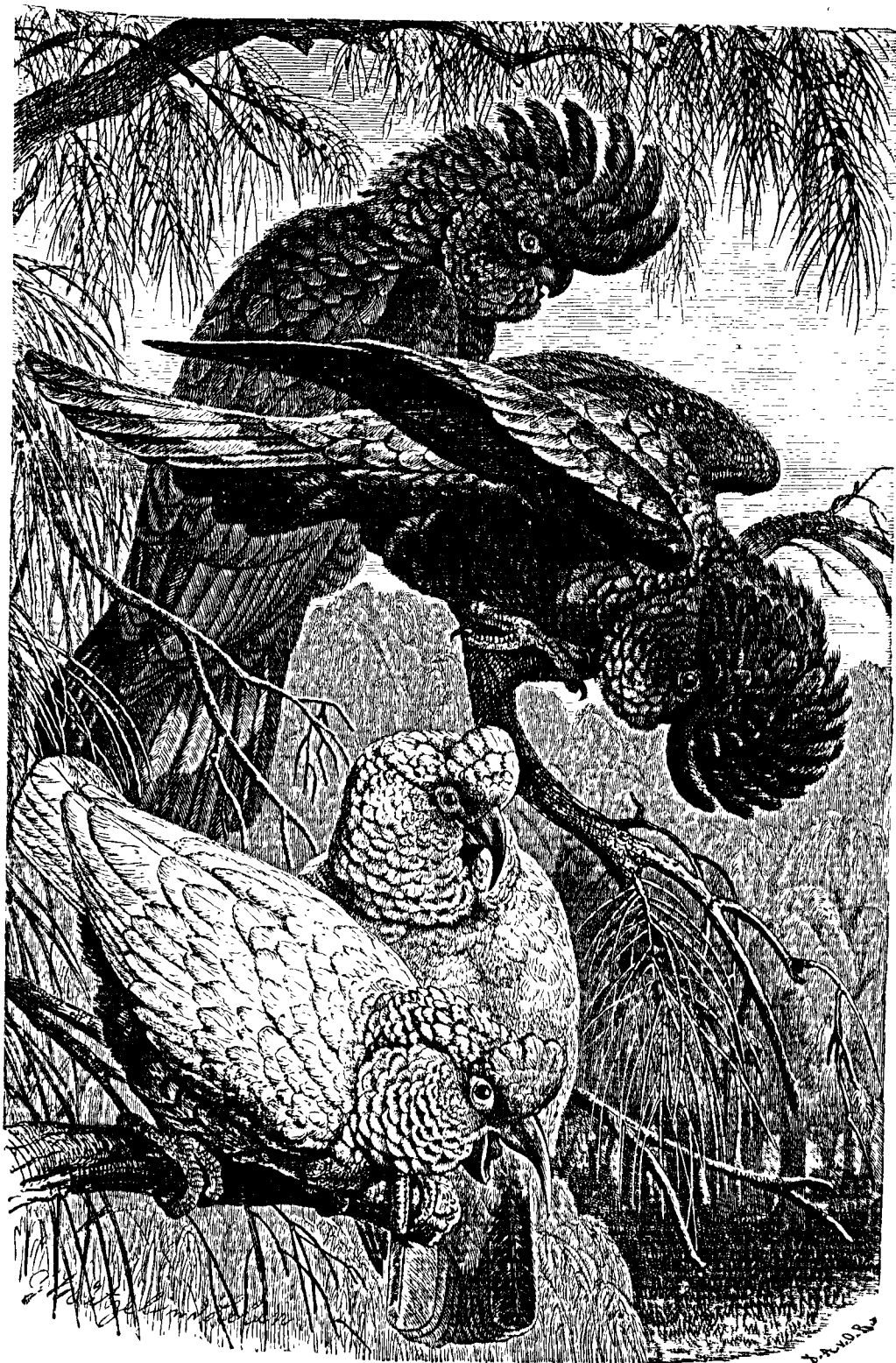
гая при этомъ не появлялось потребности глотать известку, такъ какъ онъ не трогалъ повѣшенной въ его клѣткѣ морской пѣнки и не клевалъ штукатурки стѣны, которую могъ достать сквозь прутья своей клѣтки. Къ сожалѣнію, эта замѣчательная птица умерла отъ чахотки, проживши у насъ только три года. О размноженіи чернаго какаду я не могу сообщить никакихъ свѣдѣній».

* * *

Ближайшими родичами только-что описаннаго вида слѣдуетъ считать **Вороновыхъ какаду** (*Calyptorhynchus. Rabenkakadu. Cacatocorves.*), которые почти всѣ крупнаго роста, величиною съ галку или ворона; вслѣдствіе своихъ длинныхъ крыльевъ они кажутся еще больше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Замѣчательно большой клювъ ихъ по высотѣ своей больше ширины, имѣетъ форму полукруга, и короткий кончикъ его загнутъ назадъ; верхняя челюсть у основанія широкая и сильно закруглена, спинка ея образуетъ острое ребро, кончикъ сжатъ съ боковъ, и на немъ замѣчается глубокая, но совершенно закругленная выемка. Нижняя челюсть не такъ высока, какъ верхняя, очень широка, имѣетъ чрезвычайно широкій передній край; стороны нижней челюсти прямыя, а у конца загибаются наверхъ крючкомъ. Ноги сильныя и отличаются короткими голыми плюсами и сильными пальцами съ длинными серповидными когтями. Крылья длинныя и острыя, третье маховое перо у нихъ самое длинное, кончикъ крыла сильно вытянутъ; хвостъ длинный, широкій и сильно закругленный. Опереніе мягкое и состоитъ изъ широкихъ, на концѣ закругленныхъ перьевъ; около глазъ находится широкое голое кольцо, часть уздечки также не оперена; на задней части головы находится хохоль, перья котораго загнуты назадъ и рѣдко бываютъ очень длинными. Въ противоположность какаду преобладающимъ цвѣтомъ оперенія бываетъ блестяще черный цвѣтъ, но на хвостѣ почти всегда замѣчается красная или желтая полоса, а около уха желтое пятно. У самокъ и молодыхъ птицъ нижняя сторона тѣла покрыта желтыми или красноватыми поперечными волнообразными полосками, и цвѣтная полоска на хвостѣ также имѣетъ поперечныя полоски и пятна; хохоль, щеки и верхнія кроющія перья крыльевъ почти всегда покрыты мелкими пятнышками.

Промежуточною формою между настоящими и вороновыми какаду можно считать **Красноголового какаду** (*Calyptorhynchus galeatus, Psittacus galeatus, fimbriatus* и *phoenicecephalus, Cacatua galeata, Corydon* и *Banksianus galeatus, Calocerphalon australe* и *galeatum. Helmkakadu. Cacatois à tête rouge*). Птица эта имѣетъ величину какаду средняго роста, опереніе у нея шиферно-черное со свѣтлыми поперечными волнистыми полосками, происходящими вслѣдствіе того, что каждое перышко на концѣ имѣетъ узкую сѣровато-бѣлую каемку. Голова, затылокъ, щеки и хохоль у этого попугая вѣликолѣпнаго малиново-краснаго цвѣта; большія маховыя перья имѣютъ по краямъ темныя металлически-зеленыя каемки, нижнія кроющія перья и нижняя сторона маховыхъ перьевъ и хвоста сѣровато-черныя. Глаза темно-каріе, клювъ бѣлаго рогового цвѣта, ноги черныя. У молодыхъ птицъ, а можетъ быть и у старыхъ самокъ, опереніе темно-буроватое, на перьяхъ верхней части тѣла у основанія и середины замѣчаются бѣлыя поперечныя полоски, а на концѣ узкія красноватая каемки; на нижней части тѣла перья имѣютъ неясныя пепельно-сѣрыя каемки на концѣ; рулевыя и маховыя перья у основанія имѣютъ неясныя свѣтло-сѣрыя поперечныя полоски; голова и хохоль одноцвѣтно-сѣровато-бурые.

О жизни этого попугая на свободѣ мы знаемъ еще очень мало, и о жизни его

НОСАТЫЙ И ВОРОНОВЫЙ КАКАДУ.

въ неволѣ я также многого сказать не могу, хотя часто видѣлъ его у торговцевъ птицами и въ зоологическихъ садахъ. Гульдъ говоритъ, что онъ живетъ на южной оконечности Австраліи, нѣкоторыхъ сосѣднихъ островахъ и сѣверныхъ мѣстностяхъ Тасманіи; онъ тамъ встрѣчается на верхушкахъ самыхъ высокихъ деревьевъ и ѣсть сѣмена различныхъ видовъ деревьевъ. Перонъ находилъ его на островѣ Кингъ, а экземпляръ, находящійся въ Сиднейскомъ музеѣ, убитъ около залива Моретонъ. У европейскихъ торговцевъ птицами попугайъ этотъ считается еще рѣдко-

Красноголовый какаду. *Calyptorhynchus galeatus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

стью. По своей посадкѣ и движеніямъ точно такъ, какъ по праву и привычкамъ, онъ совсѣмъ похожъ на другихъ какаду; я по крайней мѣрѣ не могъ замѣтить никакого отличія между этими птицами. Шмидтъ описываетъ его какъ серьезную, скучную птицу, которая отвѣчаетъ на ласковыя слова и предложенія лакомствъ сердитымъ ворчаніемъ и часто сильно клюетъ подставленный палецъ, причѣмъ отъ ударовъ его клюва дрожить вся клетка; въ большинствѣ-же случаевъ онъ прямо и чопорно сидитъ на своей жердочкѣ, и его только съ трудомъ можно заставить двигаться; къ прирученію онъ, повидимому, не обнаруживаетъ никакихъ способно-

стей. Другіе-же натуралисты, напримѣръ Линдъ, хвалятъ его довѣрчивость и говорятъ, что онъ часто весело двигается по клѣткѣ и, хотя тихо, но ясно выговариваетъ слово «какаду».

* * *

О другихъ видахъ этого рода мы знаемъ больше, чѣмъ о красноголовомъ какаду. Типичнымъ представителемъ прочихъ видовъ можетъ служить **Банксовый какаду**, (*Calyptrorhynchus banksii, leachi, temminckii, cookii* и *macrorhynchus, Psittacus banksii, magnificus, funereus, cookii* и *leachi, Cacatua banksi, Banksianus australis. Rabenkakadu. Cacatois de Banks.*). По росту онъ превосходитъ всѣхъ остальныхъ какаду: длина его достигаетъ 70 см., длина крыла 42 см., длина хвоста 30 см. Опереніе, за исключеніемъ хвоста, блестяще-черное съ зеленоватымъ отливомъ, а у самки зеленовато-черное съ желтыми пятнышками на головѣ, по сторонамъ шеи и на кроющихъ перьяхъ крыльевъ; нижняя часть гѣла у самки съ блѣдно-желтыми полосками. По хвосту у самца проходитъ широкая продольная малиново-красная полоса, но два среднихъ рулевыхъ пера и наружныя опахала обоихъ крайнихъ перьевъ—черныя. У самки на томъ же мѣстѣ проходятъ широкія желтыя полоски съ красно-желтыми пятнышками; такого-же цвѣта и нижнія кроющія перья хвоста.

Нынѣ извѣстно семь видовъ вороновыхъ какаду, которые живутъ исключительно въ Австраліи, но распредѣлены по разнымъ мѣстностямъ этой части свѣта. Гульдъ довольно подробно описываетъ ихъ образъ жизни. Изъ этого описанія мы видимъ, что различные виды по образу жизни въ главныхъ чертахъ похожи между собой, и поэтому я буду говорить не объ одномъ банксовомъ какаду, а обо всѣхъ видахъ вообще.

Вороновые какаду—настоящія древесныя птицы, которыя питаются преимущественно сѣменами камедныхъ и другихъ деревьевъ своей родины, но въ противоположность другимъ попугаямъ ѣдятъ и жирныхъ личинокъ; противъ обыкновенія прочихъ какаду они держатся только маленькими стаями отъ 4—8 штукъ, которыя лишь случайно, именно во время перелетовъ или кочевокъ, собираются въ большія стаи. Каждая мѣстность этой части свѣта отъ сѣвернаго берега до Тасманіи имѣетъ свой собственный видъ этихъ птицъ. Банксовый какаду живетъ въ Новомъ Южномъ Валлисѣ, и его находятъ чаще всего въ мѣстностяхъ между заливомъ Моретонъ и портомъ Филиппъ. Онъ до сихъ поръ еще не рѣдко въ ближайшихъ окрестностяхъ Сиднея и другихъ большихъ городовъ. Летаеть онъ тяжело, крылья двигаются медленно и съ видимымъ напряженіемъ; поэтому онъ рѣдко поднимается высоко на воздухъ, однако иногда пролетаетъ заразъ большія разстоянія, причемъ часто издаетъ свой крикъ, который менѣе рѣзокъ, чѣмъ голосъ другихъ какаду. Нѣкоторые виды приобрѣли себѣ названіе у туземцевъ по своему голосу: иные во время полета издаютъ своеобразный плаксивый крикъ, другіе кричатъ сиди; ѣдятъ они такъ, какъ наши вороны. По землѣ эти какаду, какъ и другіе попугаи, двигаются съ трудомъ, на вѣтвяхъ деревьевъ лазаютъ ловко, но всегда довольно тихо.

О способностяхъ и понятливости этихъ птицъ Гульдъ сообщаетъ мало свѣдѣній. Большинство видовъ пугливы и недовѣрчивы, вѣроятно отъ того, что ихъ часто преслѣдуютъ. Онѣ забываютъ о своей безопасности только тогда, когда заняты ѣдой; къ своимъ товарищамъ онѣ выказываютъ постоянно большое расположеніе. Когда одного изъ нихъ убили или ранили, то прочія птицы стаи его не покидаютъ; онѣ слетаются вокругъ, садятся на сосѣднія деревья, жалобно кричатъ и такъ неосторожно выставляютъ себя, что охотникъ легко можетъ восполь-

зоваться этимъ и перестрѣлять всѣхъ птицъ одной стаей. Питаніе вороновыхъ какаду представляетъ много особенностей. Нѣкоторые виды имѣютъ привычку, по-видимому изъ шалости, откусывать маленькія вѣтки плодовыхъ деревьевъ, на которыхъ эти птицы сидятъ, и всѣ пользуются своимъ сильнымъ клювомъ, чтобы вытаскивать изъ дерева живущихъ тамъ насѣкомыхъ, чаще всего личинокъ. Они не всегда довольствуются крупными гусеницами, которыя живутъ на камедныхъ деревьяхъ, но, руководимые вѣроятно обоняніемъ, преслѣдуютъ и личинокъ, которыя живутъ въ самомъ деревѣ, сдираютъ съ сучьевъ кору и выгрызаютъ очень большія углубленія въ деревѣ, пока не доберутся до своей добычи. Нѣкоторые виды предпочитаютъ насѣкомыхъ всякой другой пищѣ, другіе питаются больше зернами, главнымъ образомъ сѣменами казуариній и банксій. Плодами они по-видимому, пренебрегаютъ, но, вслѣдствіе страсти къ разрушенію, часто откусываютъ зеленые плоды, къ великому огорченію и досадѣ окрестныхъ жителей.

Насколько до сихъ поръ извѣстно, вороновые какаду гнѣздятся всегда въ дуплахъ деревьевъ. Они для этого избираютъ самые высокіе и недоступные стволы, именно такіе, на которые даже туземцы влѣзть не могутъ. Настоящаго гнѣзда въ дуплѣ они не устраниваютъ, а довольствуются подстилкой изъ щепокъ, откусанныхъ при образованіи дупла. Они кладутъ 2—5 довольно большихъ бѣлыхъ яицъ, имѣющихъ 45 мм. длины и 40 мм. толщины. О гнѣздованіи этихъ какаду и воспитаніи птенцовъ свѣдѣній пока нѣтъ. Кромѣ человѣка, вороновыхъ какаду съ успѣхомъ преслѣдуютъ, говорятъ, большія хищныя птицы и сумчатая хищная млекопитающія. Живущіе въ Австраліи европейцы не ѣдятъ ихъ мяса, но туземцы очень любятъ его и употребляютъ его въ пищу точно такъ, какъ все остальное съѣдобное, что доставляетъ эта бѣдная страна.

Вороновые какаду до сихъ поръ еще рѣдко встрѣчаются у нашихъ торговцевъ птицами, да и живутъ они въ клѣткахъ недолго. Они не производятъ благоприятнаго впечатлѣнія на зрителя: ведутъ они себя тихо и очевидно менѣе понятливы, чѣмъ ихъ свѣтлыя родичи. На жердочкахъ они держатся непрасиво, туловище принимаетъ почти горизонтальное положеніе; прямѣе сидятъ они только во время глубокаго сна, да и тогда кажутся неуклюжими. Подвижность они показываютъ лишь при ходьбѣ по полу клѣтки и когда бѣгаютъ назадъ и впередъ по вѣтвямъ. Какъ большинство другихъ австралійскихъ попугаевъ, они ходятъ довольно скоро, почти бѣгомъ, но мелкими шажками, а на вѣтвяхъ прыгаютъ, точно танцуя, что выглядитъ очень смѣшно, если имѣтъ въ виду большой ростъ и черной цвѣтъ этихъ птицъ. При лазаньи они медленно и осторожно схватываютъ жердочку въ клѣткѣ или вѣтку своимъ клювомъ, по-видимому съ трудомъ приподнимаютъ вверхъ свое тяжелое тѣло, ставятъ ноги на верхнюю вѣтвь, а клювомъ ищутъ новой опоры. По гладкимъ вертикальнымъ жердямъ они вверхъ лезть не могутъ и, если хотятъ слѣзть на землю съ высокой жердочки, то дѣлаютъ это въ высшей степени медленно, будто боятся упасть, и дѣйствительно часто скользятъ по вертикальному шесту съ замѣтнымъ страхомъ. Они не могутъ принимать такихъ положеній, которыя свойственны другимъ какаду, напримѣръ, они никогда не висятъ внизъ головой на вѣткѣ. Если ихъ держать въ просторной клѣткѣ, то они выбираютъ себѣ извѣстное мѣсто, большую часть легко достигаемый сучекъ и пока не ѣдятъ, все время сидятъ тамъ и только иногда двигаются по вѣткѣ назадъ и впередъ, точно танцуя, причемъ довольно быстро киваютъ головой; но даже при этомъ никогда не теряютъ своего серьезнаго вида. Любимымъ ихъ занятіемъ бываетъ обкусываніе сосѣдняго сучка, но и тогда они грызутъ дерево

все на одномъ и томъ-же мѣстѣ и не клюютъ то тамъ, то сямъ, какъ это дѣлаютъ другіе попугай; даже въ очень просторной клѣткѣ они рѣшаются летѣть лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ и при этомъ почти всегда падаютъ на полъ, такъ какъ не умѣютъ разсчитать разстоянія. Въ связи съ этимъ находится, повидимому, ихъ привычка не махать крыльями при сильномъ возбужденіи, а только приподымать при этомъ головныя перья. Часто слышно, какъ они кричатъ; голосъ ихъ состоитъ изъ громко и хрипло произнесеннаго слога «кпру» или «грру», что очень походить на всѣмъ извѣстный крикъ журавля, но не такъ громко. Иногда слышно также тихое «иэ», которое, кажется, обозначаетъ удовольствіе. Они спятъ дольше другихъ попугаевъ и вечеромъ раньше отправляются на покой, зато не спятъ въ теченіи дѣлаго дня. Передъ спаньемъ они не кричатъ, какъ это имѣютъ обыкновеніе дѣлать родственные имъ какаду; напротивъ того, они тише обыкновеннаго, затѣмъ подсунуть голову подъ плечевыя перья и тогда уже ни о чемъ внѣшнемъ не заботятся.

Эти какаду плохо уживаются съ другими птицами и оказываются очень задорными и драчливыми, но они такъ трусливы, что ихъ обращаетъ въ бѣгство даже маленькій попугай. Если къ нимъ приближается такой попугай, то они кричатъ громче обыкновеннаго, сильно начинаютъ кивать головой, а затѣмъ стараются улизнуть какъ можно скорѣе. Замѣчательна также ихъ неопрятность: они никогда не чистятъ своихъ перьевъ, если даже сами замарались или кто-либо другой ихъ запачкалъ. Въ неволѣ они ѣдятъ нѣкоторыя зерна, именно конопляное сѣмя и овесъ. Постѣдній они любятъ особенно въ томъ случаѣ, если съ него содрана кожура. Они ѣдятъ также варенныя зерна кукурузы, но сырыя не трогаютъ, какъ будто они не въ состояніи размельчить ихъ своимъ огромнымъ клювомъ. Зато они очень охотно ѣдятъ личинокъ майскаго жука и улитокъ, а также земляныхъ червей; мягкихъ червей они прямо глотаютъ, а у улитокъ сначала разбиваютъ раковину и оттуда старательно вынимаютъ животное.

* *
* *
* *

Наша общая статья объ этомъ семействѣ попугаевъ относится главнымъ образомъ къ Настоящимъ Канаду (*Plisso'orphus*), которые бываютъ крупнаго или средняго роста, т. е. примѣрно величиною съ ворону или галку и имѣютъ короткое сжатое туловище. Признаки этого рода, заключающаго въ себѣ нынѣ около 15-ти извѣстныхъ видовъ, слѣдующіе. Очень большой клювъ ихъ по высотѣ равенъ своей длинѣ и рѣдко бываетъ выше; стороны его имѣютъ слабую выпуклость и ясно сжаты съ боковъ, спинка клюва до самаго кончика округленная и плоская, причѣмъ кончикъ обращенъ назадъ; онъ почти всегда длинный, а иногда очень выдающійся, и передъ нимъ замѣчается на краю клюва глубокая округленная выемка. Нижняя челюсть ниже верхней, стороны ея плоски, передній край широкой и имѣетъ видъ дуги, боковые края гладки и только къ концу загнуты кверху. Очень сильныя ноги отличаются короткостью плюсны и толстыми пальцами, вооруженными серповидными когтями. Крылья длинныя и острыя, третье и четвертое маховыя перья самыя длинныя; кончикъ крыла мало выдается, хвостъ довольно широкой, на концѣ прямой, слабо закругленный или немного выемчатый. Опереніе состоитъ изъ широкихъ, на концѣ закругленныхъ шелковистыхъ и мягкихъ перьевъ; около глазъ замѣчается голое колечко, а на лбу и на теменн всегда бываетъ различнаго вида хохолокъ; господствующій цвѣтъ этихъ птицъ бѣлый, а хохолокъ всегда другого, яркаго цвѣта.

Родъ этотъ заключаетъ въ себѣ типическихъ представителей подсемейства,

у которыхъ признаки яснѣ всего выражены. Область распространенія ихъ простирается на всѣ вышеупомянутыя страны и отдѣльные острова, гдѣ вообще водятся какаду; образъ жизни ихъ также нами уже описанъ.

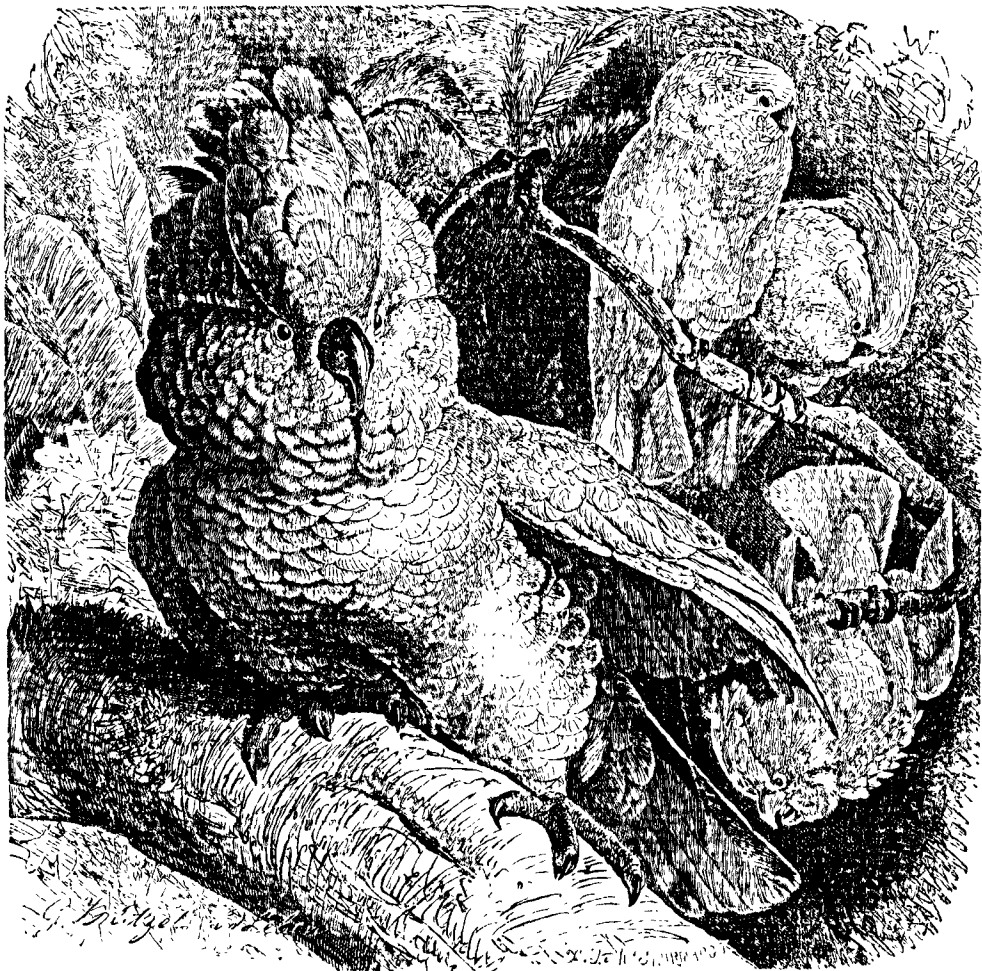
Моллукскій какаду (*Plissolophus moluccensis*, *Pictolophus moluccensis*, *Psittacus moluccensis*, *rosaceus* и *malaccensis*, *Cacatua moluccensis*, *rosacea*, *erytrophus* и *rubrocristatus*. *Molukkenkakadu*. *Cacatois des Molluques*), котораго индусы называютъ **Голаби—канатуа**, можетъ считаться достойнымъ представителемъ этого рода. Онъ вмѣстѣ съ однимъ австралійскимъ видомъ принадлежитъ къ числу самыхъ крупныхъ какаду и имѣетъ бѣлое опереніе съ слабымъ розовымъ отливомъ и мясо-красный хохоль, имѣющій 17 см. вышины. Основныя части маховыхъ и рулевыхъ перьевъ съ нижней стороны желтыя, глаза темно-каріе, голый ободокъ кругомъ глазъ синеваго-сѣрый или синеваго-бѣлый, клювъ и ноги черныя съ сѣрымъ налетомъ. который у живыхъ птицъ переходитъ въ фіолетово-синій. У птицъ, живущихъ на свободѣ, по сообщенію Розенберга, блѣдно-розовый цвѣтъ получаетъ съ возрастомъ такой яркій оттѣнокъ, который никогда не замѣчается у какаду, живущихъ въ неволѣ.

О жизни на свободѣ моллукскаго какаду намъ даетъ подробныя свѣдѣнія Розенбергъ, между тѣмъ, какъ до сихъ поръ мы объ этомъ предметѣ почти не знали ничего. «Моллукскій какаду», пишетъ этотъ опытный путешественникъ, «почти исключительно встрѣчается на островѣ Церамъ. Лишь очень рѣдко перелетаетъ онъ на нѣсколько южнѣ расположенный островъ Амбонну, гдѣ я лишь однажды встрѣтилъ его и убилъ. Въ Амбоннѣ и у береговыхъ жителей Церама, онъ носитъ названіе **Каталла**. На родинѣ своей онъ принадлежитъ къ числу самыхъ обыкновенныхъ птицъ и оживляетъ лѣса этого, не очень богатаго птицами острова, встрѣчаясь какъ на морскомъ берегу, такъ и во внутренности страны, какъ въ равнинахъ, такъ и въ горныхъ странахъ. Этотъ красивѣйшій изъ всѣхъ какаду представляетъ собою на свободѣ великолѣпное зрѣлище. Летаетъ онъ быстро, по прямому направленію и шумно махая крыльями; иногда онъ кричитъ во время полета, въ особенности тогда, когда его испугнутъ. Этого какаду можно видѣть какъ на землѣ, такъ и на верхушкахъ высочайшихъ деревьевъ, причѣмъ онъ всегда чѣмъ-нибудь занятъ и очень заботится о своей безопасности. Въ безлюдныхъ горныхъ лѣсахъ его довольно легко обмануть, но въ населенныхъ людьми мѣстностяхъ, особенно тамъ, гдѣ его часто преслѣдуютъ, онъ необыкновенно пугливъ. Его видишь обыкновенно парами, а послѣ гнѣздованія и стаями, а когда они собираются ограбить какую-нибудь плантацію, то дѣлаютъ это всегда большимъ обществомъ. По словамъ туземцевъ, самецъ всю жизнь остается вѣрнымъ одной самкѣ. Питается онъ сѣменами, хлѣбными зернами и различными древесными плодами.

«Въ концѣ сухого времени года самка отыскиваетъ себѣ подходящее дупло, болѣе или менѣе старательно расширяетъ его и кладетъ на подстилку изъ щепокъ и гнилыя 3-4 блестяще-бѣлыхъ яйца около 4 см. длины, которыя насиживаетъ въ теченіи 25 дней. Птенцы уже въ гнѣздѣ получаютъ опереніе своихъ родителей. Туземцы, которые мастера лазать по деревьямъ, часто вынимаютъ птенцовъ изъ гнѣздъ, воспитываютъ ихъ, а затѣмъ продаютъ. На Церамѣ птицы эти стоятъ по одному голландскому гульдену и даже меньше, а въ Амбоннѣ 2—3 гульдена».

Можно смѣло утверждать, что моллукскій какаду, живущій въ неволѣ, соединяетъ въ себѣ всѣ свойства и качества своего семейства и рода. Эта великолѣпная и весьма пріятная птица, которую тѣмъ болѣе любишь, чѣмъ долѣе съ нею имѣешь дѣло. Къ

намъ въ Европу этотъ какаду привозится всегда почти ручнымъ и, если бываетъ въ началѣ нѣсколько дикимъ, то, благодаря своей удивительной понятливости, скоро примѣняется къ измѣнившимся условіямъ жизни, выказываетъ благодарность за хорошее съ нимъ обращеніе и отвѣчаетъ за услуги нѣжною привязанностью къ своему воспитателю. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это весьма живая, умная, дѣятельная птица, которая вслѣдствіе всего этого находится постоянно въ движеніи. «Даже когда онъ спокойно сидитъ на своей жердочкѣ», замѣчаетъ совершенно вѣрно

Молукскій какаду. *Plissolophus molluensis*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

Линдены, «то и тогда ежеминутное подыманіе и опусканіе великолѣпнаго хохла доказываетъ, что птица внимательно наблюдаетъ за всѣмъ окружающимъ. Если же онъ приходитъ въ возбужденіе, то не только приподымаетъ длинныя перышки хохла, но нахохливаетъ перья на шеѣ, затылкѣ и груди, такъ что образуется большой воротникъ; при этомъ онъ наполовину распускаетъ свои крылья, расширяетъ вѣромъ свой хвостъ и принимаетъ тогда величественный видъ. Красныя перья хохла горятъ точно огоньки, перышки подъ клювомъ образуютъ вѣчто вродѣ бороды, расширенныя крылья способствуютъ тому, что вся птица ка-

жется олицетвореніемъ силы и отваги. Если возбужденіе его усилится еще болѣе, то онъ начинаетъ быстро двигаться, не приглаживая своихъ нахохленныхъ перьевъ, въ просторномъ помѣщеніи онъ начинаетъ перелетать съ жердочки на жердочку и при этомъ выказываетъ не только свою красоту, но и удивительную способность къ гимнастическимъ упражненіямъ. Мой моллукскій какаду представляетъ изъ себя не только очень красивую, но и весьма пріятную птицу; онъ выказываетъ много гордости, но также и нѣжности, и очень хорошо сознаетъ свою красоту. Кричитъ онъ гораздо менѣе рѣзко, чѣмъ желтощекой какаду и инка, и, по моему мнѣнію, довольно благозвучно, а его способность къ перениманію человеческой рѣчи не слабѣе, чѣмъ у другихъ видовъ этихъ попугаевъ. Онъ умѣетъ очень любезно отвѣчать на обращенныя къ нему слова и когда я отворяю двери его кѣтки и глажу его голову и крылья, то онъ прижимается головой къ моей щекѣ и самымъ нѣжнымъ тономъ говоритъ: «какаду, добрый попка, очень добрый, добрый». Если бы я былъ болѣе тепрѣливымъ учителемъ, то не трудно бы было его научить еще многому другому. Быстрое движеніе, непривычный шумъ или видъ какого-нибудь предмета часто его сильно пугаютъ, но онъ скоро успокаивается и быстро привыкаетъ ко всему новому. Къ другимъ какаду онъ относится сносно, но однако не слишкомъ дружелюбно. Если открыть дверцу его кѣтки, то онъ охотно нѣкоторое время сидитъ около голубого амазонскаго попугая, котораго онъ часто ласкаетъ и даже съ нимъ цѣлуется, но также часто дразнить различнымъ образомъ, не употребляя однако во зло своей силы. Видно, что онъ хочетъ выказать на товарищѣ свой капризъ, но тотчасъ останавливается, если товарищу это надоѣдаетъ. Онъ бы охотно избралъ себѣ постояннымъ товарищемъ игрѣ вышеупомянутаго амазонскаго попугая, но сей послѣдній живетъ въ большой дружбѣ съ маленькимъ араара, который такъ ревнивъ, что ни за что не хочетъ разстаться со своимъ другомъ.

«Въ птицѣ моллукскій какаду не болѣе прихотливъ, чѣмъ другіе его родичи, но онъ чаще, чѣмъ она требуетъ купанья и потому безпрестанно пользуется для этой цѣли большимъ сосудомъ съ водою, поставленнымъ въ его кѣтку. Особенно ему нравится, если онъ можетъ въ волю поваляться въ водѣ. Обильная полвка водою сверху также ему очень пріятна. Онъ покидаетъ свою ванну только тогда, когда совсѣмъ промокнетъ и въ этомъ случаѣ слѣдуетъ держаться отъ него подалѣе, такъ какъ онъ сильно брызжнется, вытряхивая свои перья».

Изъ австралійскихъ видовъ особенно выдается своей красотой какаду **Инна**, котораго туземцы называютъ **Яккуль** (*Plissolophus leadbeateri* и *erythropterus*, *Cacatua* и *Lophochroa leadbeateri*. *Inka-Kakadu*. *Cacatois inca*). Его бѣлое опереніе на передней части головы, на лбу и на сторонахъ шеи, а также на средней и нижней части крыльевъ, на серединѣ брюшка и въ основной части внутреннихъ опахалъ рулевыхъ перьевъ съ розовымъ оттѣнкомъ, а подъ крыльями красиваго лососеваго цвѣта. Особенно красивъ хохоль: отдѣльные перья ярко-краснаго цвѣта у основаніи, по серединѣ съ желтыми пятнами, а кончики ихъ бѣлые. При опущенномъ хохлѣ замѣтны только бѣлые кончики, но какъ только птица приподниметъ свои головныя перья, то является ярко-красный цвѣтъ, а среднія желтыя пятна образуютъ изъ себя полосу, отчего хохоль дѣлается еще красивѣе. Глаза у него свѣтло-каріе, клювъ свѣтлаго роговаго цвѣта, а ноги темно-бурыя. Самка отличается менѣе яркимъ опереніемъ нижней части тѣла и мелкими желтыми пятнышками на перьяхъ хохла. По росту инка меньше моллукскаго попугая и туловище у него стройнѣе.

По Гульду, эта великолѣпная птица живетъ на довольно большомъ пространствѣ на юго-востокѣ Австраліи, но держится преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ растутъ высокія камедныя деревья, а также и въ кустахъ, растущихъ во внутренности страны на берегахъ рѣкъ, но на морскомъ берегу она никогда не показывается. Говорятъ, что инка обыкновененъ въ прибрежныхъ лѣсахъ рѣкъ Дарлинга и Муррея, а на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Австраліи его нигдѣ не находятъ. Въ гнѣздовую пору онъ ежедневно является въ извѣстныхъ мѣстахъ и всегда въ большомъ количествѣ, причемъ приятнымъ образомъ оживляетъ однообразные лѣса внутренности материка. Его голосъ болѣе жалобный, чѣмъ у другихъ какаду и не такъ рѣзокъ, какъ у его родичей. Всякій, увидѣвшій эту птицу, поневолѣ восхищается ея великолѣпнымъ опереніемъ.

Инка служитъ также украшеніемъ всякой коллекціи живыхъ попугаевъ и радуется каждому какъ своей красотой, такъ и приятнымъ нравомъ. Онъ переноситъ неволю точно такъ-же хорошо, какъ и всѣ его родичи; нѣкоторые любители даже замѣчали, что онъ добродушнѣе и благонаравнѣе другихъ какаду.

* * *

Два вида какаду отличаются отъ остальныхъ значительно удлиненнымъ клювомъ, верхняя челюсть котораго достигаетъ необыкновенной величины; изъ нихъ образовали особый родъ **Носатыхъ какаду** (*Licmetis*). Они держатся на землѣ чаще, чѣмъ другіе какаду.

Носатый какаду (*Licmetis nasicus*, *nasica* и *tenuirostris*, *Plectolophus nasica*, *Psittacus nasicus* и *tenuirostris*, *Cacatua nasica* и *tenuirostris*, *Nasenkakadu*, *Cacatois à trompe*) по оперенію похожъ на настоящихъ какаду и имѣетъ небольшой подвижный хохолокъ на передней части головы. Длина его достигаетъ 45, длина крыла 27, хвоста 11 см.; о размахѣ крыльевъ я сообщить ничего не могу; клювъ по верхнему изгибу имѣетъ около 5 см. Оба пола одинаково окрашены. Главная часть оперенія бѣлаго цвѣта. Внутреннія опахала маховыхъ перьевъ снизу блѣдно-желтыя, а на рулевыхъ перьяхъ ярко-желтыя. Всѣ перья головы и шеи до верхней части груди, точно такъ, какъ и пухъ у основанія ярко-краснаго цвѣта, а на концѣ бѣлыя. Такого же цвѣта полоса, идущая черезъ лобъ и проходящая отъ нижней челюсти клюва надъ глазами въ видѣ бровей, и на груди замѣчается красная поперечная полоса. Темно-каріе глаза окружены голымъ шиферно-голубымъ колечкомъ, которое само окружено сверху вышеупомянутой красною бровью, а снизу и сзади лучистыми красновато-желтыми перышками. Клювъ свѣтло-желто-рогового цвѣта; ноги пепельно-сѣрыя. Всѣ перышки боковыхъ частей головы могутъ приподниматься при возбужденіи.

Второй видъ этого рода—**Сребрующій какаду** (*Licmetis pascinator*, *Wuhlerkakadu*, *Cacatois fouilleur*), который встрѣчается только въ западной Австраліи, между тѣмъ какъ носатый живетъ въ южной части этого материка. Сребрующій какаду предпочитаетъ внутренность страны морскому берегу. Онъ также встрѣчается большими стаями, которыя проводятъ ночь и полуденные часы на высокихъ деревьяхъ, а въ другое время болѣею частью держатся на землѣ, гдѣ двигаются довольно медленными прыжками. Полетъ ихъ, напротивъ того, чрезвычайно быстръ и они летаютъ легче и лучше другихъ какаду. Пища все-таки состоитъ изъ сѣмянъ и зеренъ, но они ѣдятъ также клубни и луковицы различныхъ растений, напримѣръ орхидей, для чего птицы прекрасно умѣютъ пользоваться своимъ

ЛИТ. ШТАДЕРЪ И ПАТТНОУЪ С. П. Б.

КАКАДУ ИНКА.

8

длиннымъ и своеобразнымъ клювомъ. Они кладутъ по два яйца, большею частью въ дупла большихъ камедныхъ деревьевъ на подстилкѣ изъ гнилого дерева.

Носатый какаду выносить неволю безъ труда; его въ послѣднее время стали чаще привозить въ Европу, однако и до сихъ поръ онъ не принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ птицъ въ зоологическихъ садахъ. Уже Гульдъ замѣчаетъ, что носатые какаду въ неволѣ болѣе сердиты и угрюмы, чѣмъ ихъ родичи, и я долженъ присоединиться къ этому мнѣнію. Птица эта обыкновенно трудно привыкаетъ къ своему воспитателю, вначалѣ часто относится къ нему враждебно, отвѣчаетъ ударами клюва на ласки, не дозволяетъ себя трогать, легко возбуждается всѣмъ необыкновеннымъ и часто приходитъ въ яростный гнѣвъ. Тогда этотъ какаду приподнимаетъ свой небольшой подковообразный хохолокъ на лбу, такъ что ярко-красное основаніе перьевъ дѣлается очень замѣтнымъ, часто и сильно киваетъ головой, открываетъ и закрываетъ клювъ и сердито при этомъ кричитъ. Крикъ этотъ примѣшивается и къ тѣмъ словамъ, которыя этотъ попугай выучивается говорить, и произношеніе у него совсѣмъ другое, чѣмъ у другихъ попугаевъ. Послѣдніе, какъ извѣстно, говорятъ всегда тихо и связно, носатый же какаду выкрикиваетъ отдѣльные слоги, но произносить ихъ однако довольно внятно. Попугай этотъ можетъ двигать своимъ клювомъ во всѣ стороны съ удивительною легкостью. Ни одинъ изъ его родичей не обладаетъ такою подвижностью этого органа. Можно сказать, что клювъ носатаго какаду представляетъ собою настоящія клещи.

Слѣдуетъ однако замѣтить, что и этотъ какаду можетъ сдѣлаться очень ручнымъ и многому научается. Одинъ изъ моихъ пріятелей зналъ такую птицу, которая не только умѣла говорить многія слова и фразы, но произносила ихъ даже очень кстати и толково. Въ Антверпенскомъ зоологическомъ саду жилъ носатый какаду, который сдѣлался любимцемъ публики, такъ какъ положительно умѣлъ разговаривать съ людьми. Онъ постоянно здоровался со своими знакомыми, увидѣвши ихъ еще издали. Третья птица этого вида живетъ во Франкфуртскомъ зоологическомъ саду и извѣстна почти каждому жителю этого города.

* * *

Богатая своеобразными птицами Новая Зеландія служитъ родиной еще одного, въ высшей степени замѣчательнаго рода попугаевъ, именно **Несторовъ** (*Nestorkakadus*). Изъ шести извѣстныхъ намъ видовъ два совершенно вымерли, одинъ въ началѣ нашего столѣтія, а другой почти въ серединѣ его; четыре-же сохранившіеся вида населяютъ лѣса двухъ главныхъ острововъ Зеландіи еще въ такой массѣ, что продолженіе ихъ рода, кажется, вполне обезпечено на нѣсколько десятковъ лѣтъ.

Несторы—попугай съ сильнымъ и плотнымъ туловищемъ, величиной съ сороку или ворону, отличаются своимъ крѣпкимъ, длиннымъ, по бокамъ сжатымъ клювомъ, верхняя челюсть котораго, съ узкой закругленной спинкой, имѣетъ на ней отлогій продольный желобокъ, сближающій до одной трети кончика клюва, и слегка закругленные выступающіе края; длинный, вытянутый впередъ кончикъ клюва загнутъ внизъ плоскою дугой и снабженъ передъ самымъ концомъ небольшимъ зубцомъ, но не имѣетъ пилообразныхъ зазубринъ. Нижняя-же челюсть клюва имѣетъ широкій, ровный конецъ и гладкіе края безъ выемокъ. Сильныя, довольно длинныя ноги съ длинными пальцами снабжены твердыми, значительно изогнутыми когтями; длинныя и заостренные крылья съ довольно длинными концами, будучи сложены, далеко переходятъ покровныя перья хвоста; третье и четвертое маховыя перья самыя длинныя. Хвостъ средней длины, прямой, широкій, темнаго укорочен-

ный на концѣ, состоитъ изъ перьевъ, на концѣ имѣющихъ видъ скобокъ. Густое опереніе ихъ состоитъ изъ широкихъ перьевъ темнаго оливково-бурого или зеленаго цвѣта, немного свѣтлѣе на затылкѣ и брюшкѣ, одинаковаго у обоихъ половъ. Языкъ у нихъ, по словамъ Поттса, толстый, плоскій, сверху округлый, съ нижней стороны снабженъ цѣлымъ рядомъ короткихъ, твердыхъ, щетинистыхъ бородавокъ, которыя сидятъ на языкѣ, какъ ногти на пальцахъ людей.

Между тѣмъ какъ оба погибшіе вида несторовъ, населявшіе маленькіе острова, скоро перевелись послѣ появленія тамъ европейцевъ, остальные сохранившіеся виды живутъ въ большихъ лѣсахъ внутри Новой Зеландіи, въ особенности же въ непроходимыхъ горныхъ цѣпяхъ, причемъ нѣкоторые виды встрѣчаются въ лѣсахъ умѣреннаго пояса, а другіе въ наиболѣе высоко расположенныхъ лѣсахъ; слѣдовательно они населяютъ различныя высоты острововъ, отъ самаго уровня моря до 2000 м. и болѣе высоты. До послѣдняго времени мы ничего не знали объ образѣ жизни хотя-бы одного изъ этихъ видовъ; теперь-же намъ доставлены очень полныя изслѣдованія, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаютъ наблюденія Поттса и Буллера, вслѣдствіе чего мы можемъ похвалиться тѣмъ, что знаемъ этихъ попугаевъ лучше тѣхъ видовъ, которые сдѣлались ручными уже нѣсколько столѣтій тому назадъ.

Самымъ извѣстнымъ представителемъ этого рода долженъ считаться **Несторъ южный**, котораго маори называютъ **Кака**. (*Nestor meridionalis, australis, novae zealandiae* и *hyropolius*, *Psittacus meridionalis, nestor, australis* и *hyropolius*, *Centropus australis*. *Nestor*). Длина его 47 см., размахъ крыльевъ 83, длина крыла 28, а хвоста 18 см. Чрезвычайно мѣняющееся опереніе его обыкновенно на лбу, верхней и нижней сторонѣ головы около уздечки—сѣровато-бѣлаго цвѣта, по бокамъ головы и шеи, на затылкѣ, подбородкѣ, горлѣ, на зубу и верхней сторонѣ груди — темно-бурого цвѣта; около ушей — темнаго цвѣта, на нижней сторонѣ щекъ и на горлѣ, гдѣ перья заостряются, густого пурпурово-красно-бурого цвѣта, каждое перо у корня—бурое, на концѣ пурпурово-красное; перья задней части шеи окаймлены узкой буровато-оранжевой полоской. Спина, нижнія шейныя перья и верхнія покровныя перья крыльевъ окаймлены пурпурово-бурыми полосками; темно-бурыя большія маховыя перья, отливающія зеленымъ у основанія наружной бородки, на внутренней бородкѣ украшены 5—6 остроконечными пятнами блѣдно-киноварно-краснаго цвѣта; покровныя и малыя маховыя перья болѣе свѣтлаго, оливково-бурого цвѣта, послѣднія тожѣ украшены внутри пятью красными пятнами; покровныя перья темно-бурыя, а снаружи ярко темно-зеленыя; перья плечъ и малыя кроющія перья крыла—темнаго киноварно-краснаго цвѣта съ полными бурыми поперечными полосами; среднія нижнія кроющія перья крыла—матово-бурыя, окаймленные широкими блѣдно-красными пятнами. Рулевые перья темно-оливково-бурого цвѣта, къ концу черныя, снизу, у корня, на внутренней бородкѣ и на черномъ краю—блестящаго красновато-бурого цвѣта съ 6-ю киноварно-красными пятнами по краямъ внутренней бородки у основанія. Глаза—темно-по-каріе; клювъ темно-синевато-сѣрый; нижняя челюсть клюва иногда у корня желтовато-бурая, ноги синевато-сѣрыя. Самка и самецъ имѣютъ одинаковое опереніе, у птенцовъ цвѣтъ перьевъ такой же, какъ у родителей, только менѣе яркій, потому что черныя крайнія каймы перьевъ очень неясны, а красныя пятна на нихъ у внутреннихъ опахалъ рулевыхъ перьевъ малы и продолговаты.

Кза туземцевъ или Горный попугай поселенцевъ, Несторъ Кза (*Nestor nota-*

bilis. Kea, Sacatois Kéa) больше описаннаго нами его сородича; онъ длиною въ 50 см., крылья имѣютъ 32 см., а хвостъ 20 см. Въ опереніи преобладаетъ оливково-зеленый цвѣтъ. Каждое перо имѣетъ на концѣ по одному бурому пятну въ формѣ полумѣсяца и узкую бурую полосу по стволу пера; нижняя часть спины и верхнія покровныя перья хвоста на концахъ окрашены въ чудный ярко-красный цвѣтъ; большія маховыя и ихъ покровныя перья бурья съ зеленовато-синими краями у корня; большія и малыя маховыя перья зигзагами разрисованы широкими ярко-желтыми пятнами, особенно замѣтными внизу и образующими снизу вверхъ 2 и 3 ряда; рулевые перья матово-зеленыя, боковыя на внутренней бородкѣ бурья съ желто-оранжевыми зигзагами, образующими три, отчетливо выдѣляющіеся ряда; покровныя перья плечъ и кроющія перья крыла ярко-красныя съ бурыми кончиками. Глаза темно-каріе; клювъ желтовато-бурый; ноги желтовато-оливковыя.

Область распространенія южнаго нестора занимаетъ большую часть западныхъ Новозеландскихъ горъ, отъ подошвы вверхъ до границы высокаго лѣса; область же кѣа ограничивается полосой южныхъ горъ между 1500 и 2000 м. высоты, откуда онъ спускается въ долины только во время суровой зимы. Первый удалился съ появленіемъ людей, въ недоступные лѣса и во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ его прежде можно было видѣть очень часто, теперь рѣдко встрѣчается; но все-же и тутъ онъ появляется иногда многочисленными стаями, а внутри лѣсовъ попадаетъ еще такъ-же часто, какъ и прежде; на жизнь-же кѣа появленіе человѣка еще не имѣло никакого вліянія. Область его распространенія лежитъ на возвышенностяхъ, посѣщаемыхъ весьма рѣдко, и то только одинокими искателями золота или охотниками. Дикія горныя цѣпи, многоводныя, глубокія, быстрыя и шумныя рѣки преграждаютъ путь путешественнику и доставляютъ этимъ птицамъ полную безопасность; разорванныя-же скалы съ непроходимыми утесами, полными пещеръ и ущелий, представляютъ удобныя мѣста для пріюта и гнѣздъ, а богатые поляны, малорослыя растенія которыхъ каждое лѣто украшаются великолѣпными цвѣтами, даютъ имъ пищу въ изобиліи. Только съ однимъ ново-зеландскимъ благороднымъ соколомъ (*Falco zealandiae*) дѣлитъ онъ обладаніе этой дикой мѣстностью, которая заключаетъ въ себѣ всѣ его жизненныя потребности. Кромѣ только что упомянутаго нами врага онъ встрѣчаетъ здѣсь развѣ одного еще—суровую зиму. Конечно, въ послѣднемъ случаѣ, когда весь гребень горъ лежитъ подъ глубокимъ снѣгомъ и едва бываетъ узнаваемъ, кѣа видитъ себя вынужденнымъ покинуть свои безопасныя скалы и спуститься внизъ, чтобы тамъ въ лѣсахъ искать себѣ пищи.

Южный несторъ, также какъ и кѣа, предпринимаетъ въ извѣстное время года болѣе или менѣе правильныя странствованія. Причины ихъ однѣ и тѣ-же, но необходимость странствованія у южнаго нестора не такъ ясна, какъ у кѣа. Можетъ быть у него является просто охота путешествовать, въ полномъ смыслѣ этого слова. Лѣтомъ птенцы и ихъ воспитаніе удерживаютъ его въ опредѣленномъ мѣстѣ; но какъ только птенцы дѣлаются самостоятельными и не нуждаются больше въ помощи родителей, они тотчасъ-же поднимаются съ мѣста, чтобы облетѣть по возможности большія пространства. Тогда ихъ можно видѣть въ лѣсахъ очень многочисленными обществами, которыя случайно соединяются, привлеченныя богатой пищей; сами попуганъ никогда не начинаютъ путешествія большими обществами, а, по наблюденію Поттса, по одиночкѣ, по двое, трое, въ крайнемъ случаѣ 6 или 8 штукъ. Во время полета они отъ времени до времени испускаютъ свой призывной крикъ, очевидно, чтобы удостовѣриться, не пролетали-ли другіе ихъ сородичи уже этой дорогой и не собрались-ли они въ какомъ-либо мѣстѣ. Если они полу-

чають отвѣтъ, то спускаются съ высоты, которой до сихъ поръ держались, медленно пролетая своимъ разбѣреннымъ, какъ будто усталымъ полетомъ, и только отъ времени до времени садятся для отдыха на сухіе сучья высокихъ деревьевъ, представляющихъ удобное мѣсто для круговаго обзора дальнѣйшаго пути. Тому, кто наблюдаетъ эту птицу только во время перелета, трудно получить вѣрное представление о свойственной ей легкости и ловкости. Часто, особенно въ ясный солнечный день, можно видѣть, по словамъ Поттса, въ лѣсахъ, избранныхъ ими для своего лѣтняго мѣстопребыванія, какъ цѣлыя стаи ихъ поднимаются вверхъ и съ громкимъ крикомъ и щебетаньемъ летятъ, описывая широкіе круги, и, какъ бы переговариваясь между собой, показываютъ всевозможныя фокусы на лету; что эти упражненія служатъ имъ для забавы, можно понять, когда увидишь, какъ самая веселая изъ нихъ вдругъ бросается съ сжатými крыльями почти отвѣсно внизъ, а другія сопровождаютъ ея паденіе громкими криками. Пасколько южнаго нестора можно назвать древесной птицей, настолько справедливо будетъ назвать кза птицей земляной. Первый такъ-же тяжело движется по землѣ, какъ и большая часть попугаевъ, т. е. подпрыгивая на подобіе нашихъ воронъ, но еще неуклюжѣ ихъ; на деревьяхъ-же они совершенно какъ дома, лазаютъ вверхъ и внизъ съ замѣчательной ловкостью и съ поразительной быстротой могутъ проплясать вдоль вѣтки вверхъ и внизъ; кза-же, наоборотъ, бѣгаетъ со скоростью австралійскихъ земляныхъ попугаевъ или носатыхъ какаду по землѣ и едва-ли можетъ быть названъ древесной птицей.

Оба вида несторовъ имѣютъ, какъ и вообще все попугаи, рѣшительную склонность къ общительности. Не только птицы одной пары, но и все птицы одного вида живутъ дружественно между собою. Охотникъ, страстующій по лѣсу и видящій сначала только одного южнаго нестора, къ немалому своему удивленію узнаетъ, что они слетаются со всѣхъ сторонъ: какъ только бываетъ ранена одна изъ птицъ и издаетъ крикъ испуга, молчаливый до сихъ поръ лѣсъ вдругъ оглашается общимъ крикомъ все прибывающихъ къ тому мѣсту птицъ, и по ихъ оживленнымъ тѣлодвиженіямъ можно видѣть, какое искреннее участіе онѣ принимаютъ въ судьбѣ своего товарища. За исключеніемъ подобныхъ случайностей, жизнь ихъ не представляетъ ничего замѣчательнаго во время лѣта. Въ жаркіе часы дня они молча скрываются въ листьѣ деревьевъ и только съ наступленіемъ прохлады показываются изъ своихъ темныхъ уголковъ; голоса ихъ бываютъ тоже сильны на разсвѣтъ, а въ лунныя ночи долго послѣ заката солнца можно ихъ еще застать въ движеніи. Пасколько они бываютъ тихи, когда сидятъ смиренно, настолько громко раздается въ вечернее время ихъ пронзительный и своеобразный крикъ, напоминающій ихъ туземное имя. Послѣ того уже они предаются своимъ занятіямъ, садятся на самыя высокія деревья, лазаютъ по тонкимъ вѣтвямъ и отъ времени до времени тычутъ своимъ крѣпкимъ клювомъ въ кору, чтобы отломить кусокъ ея и тѣмъ увеличить щель, чтобы раскопать сердцевину, срываютъ попадающіяся на пути ягоды, или предаются еще какимъ-либо занятіямъ для удовлетворенія потребностей своего желудка, или просто изъ потребности къ труду и любви къ разрушенію. Дѣятельность ихъ совершенно обуславливается употребляемой ими пищей. Они всеядныя птицы въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова. Во время гнѣздованія они питаются соотвѣтственно строенію своего языка во всякомъ-же случаѣ преимущественно растительнымъ медомъ; кромѣ того они ѣдятъ почти все ягоды и плоды, растущія въ лѣсахъ, нападаютъ даже на довольно большихъ животныхъ, а въ случаѣ крайности ѣдятъ даже и падаль. Очень крѣпкій клювъ облегчаетъ имъ работу надъ гниющимъ деревомъ и, если несторъ почуетъ тамъ добычу, то неутомимо

долбить глубокія ямки въ древесныхъ стволахъ. Поттсъ, можетъ быть, преувеличиваетъ пользу ихъ дѣятельности въ лѣсахъ Новой Зеландіи, въ которой совсѣмъ нѣтъ дятловъ, и, кажется, склоненъ считать ихъ чуть не охранителями лѣсовъ, замѣчая также, что при своей страсти къ сладкому соку цвѣтовъ они приносятъ двойную пользу, способствуя оплодотворенію цвѣтовъ. Въ дѣйствительности-же заслуги ихъ не могутъ быть такъ высоко оцѣнены, какъ это утверждаетъ Поттсъ. Другіе наблюдатели рассказываютъ и о многихъ поврежденіяхъ, въ которыхъ ихъ можно обвинить. Поттсъ сомнѣвается въ томъ, чтобы они вредили здоровому дереву въ полномъ его цвѣту, тогда какъ Бухананъ достигъ одного южнаго пестора въ то время, какъ онъ отдиравъ кору дерева въ полномъ соку съ намереніемъ высосать вытекшій изъ него сокъ.

Еще худшее рассказываютъ о кэа. Было замѣчено, что стада овецъ въ горныхъ цѣпяхъ стали подвергаться особенной, до той поры неизвѣстной болѣзни: на различныхъ мѣстахъ ихъ шкуры появились раны, величиною съ кулакъ, достигавшія до глубины мускуловъ, портившія шерсть вытекавшію изъ нихъ кровью, и нерѣдко причинявшія смерть животнаго. Наконецъ одинъ пастухъ замѣтилъ, что эти раны наносятъ имъ горные попугаи. Одна изъ этихъ птицъ сѣла на овцу и выѣла ей въ тѣлѣ ямку, причемъ глупое животное совсѣмъ не умѣло освободиться отъ своего мучителя. Пастухи стали внимательно слѣдить за этими злодѣями и часто были свидѣтелями такихъ нападеній, когда пасли стада въ высокихъ горахъ. Кэа появлялись по одиночкѣ или стаями, садились на спину овцы, выщипывали у нея шерсть, наносили рану и запугивали бѣдное животное до тѣхъ поръ, пока оно не отставало отъ своего стада. Затѣмъ они продолжали преслѣдовать и мучить ее новыми нападеніями, пока не доводили его до одурѣнія. Когда овца наконецъ, совершенно изнемогая, ложилась и старалась защититъ, какъ могла, свою спину отъ птицъ, послѣднія проѣдали ей новыя раны на бокахъ и на всемъ тѣлѣ и такимъ образомъ причиняли ей часто даже смерть. Такія нападенія совершаются преимущественно въ горныхъ поясахъ высокою въ 1600 и 1800 м., въ особенности зимой и производятся только нѣкоторыми изъ этихъ птицъ; въ другихъ такихъ-же высокихъ мѣстахъ горныхъ хребтовъ, въ которыхъ водятся кэа, не случается ничего подобнаго. Позже, какъ сообщаетъ Поттсъ, кэа узналъ, что вблизи поселеній тоже можно найти доступныя для нихъ кладовыя мяса. Отдавая должную справедливость этимъ прекраснымъ учрежденіямъ, дающимъ ему отличную возможность снабжать себя въ случаѣ крайней нужды мясомъ, кэа спѣшитъ воспользоваться этими складами. Съ этой цѣлью онъ аккуратно появляется вблизи боенъ овецъ, чтобы вволю наѣсться тамъ обрѣзковъ, въ особенности-же головъ убитыхъ овецъ. Точно также уменьшаются и запасы бычачьяго и овечьяго мяса, благодаря обжорливости этой птицы, не щадящей даже и сохнуція овечьи шкуры. Обыкновенно-же кэа можетъ довольствоваться падалюю. Эти воры появляются болѣею частью ночью и совершаютъ свои похищенія сообщая, по крайней мѣрѣ нерѣдко можно видѣть цѣлую стаю шумящихъ птицъ на крышѣ одной хижины.

Гаастъ указываетъ на кэа, какъ на одну изъ самыхъ любопытныхъ птицъ, которая не можетъ пропустить ни одного попадающагося ей на встрѣчу предмета, не изслѣдовавъ его тщательно. Во время одного своего научнаго путешествія онъ съ величайшимъ трудомъ набралъ пучекъ очень цѣнныхъ альпійскихъ растений и ненадолго положилъ ихъ на выступъ скалы. Во время его короткаго отсутствія одинъ изъ кэа замѣтилъ этотъ пучекъ и выказалъ такой интересъ въ ботаникѣ, что чуть не сбросилъ всѣ растенія со скалы внизъ. Въ другой разъ одинъ пастухъ былъ немало пораженъ, когда, возвратясь послѣ двухднев-

наго отсутствія въ свою хорошо запертую хижину, слышалъ въ ней какой-то странный шумъ. Его производилъ одинъ кѣа, который, найдя себѣ доступъ черезъ дымовую трубу, въ отсутствіе настоящаго хозяина былъ занятъ тѣмъ, что пробовалъ свой крѣпкій клювъ на всѣхъ, находящихся внутри предметахъ. Платья, постели, простыни и все, что не могло устоять передъ его клювомъ, было изорвано и растерзано, сковороды, горшки и тарелки разбросаны, вообще всякій предметъ, не прибитый гвоздями, былъ сдвинуть или разбитъ; даже оконная рама не осталась цѣла.

Во время гнѣздованія самка и самецъ выказываютъ взаимную обычную нѣжность и большую преданность. Соединившаяся пара постоянно остается вмѣстѣ, и если самка перелетаетъ на другое дерево, внимательный самецъ слѣдуетъ за ней, и наоборотъ. Затѣмъ является необходимость выискать мѣсто для гнѣзда и приготовить его. Оба обыскиваютъ деревья съ пустой и сгнившей серединой, наполненные землей и которыя хотя-бы одной только стороною сообщались, при помощи большихъ и маленькихъ отверстій, со внѣшнимъ міромъ. Входъ въ дупло затѣмъ расширяется или выравнивается, и обѣ птицы бывають усердно заняты этимъ дѣломъ. Впрочемъ, замѣчали, что при этомъ онѣ поступаютъ очень капризно и нерѣдко бросаютъ почти уже оконченное гнѣздо, чтобы занять и устроить другое, показавшееся имъ болѣе удобнымъ. Одно дупло, въ которомъ Буллеръ нашелъ 23 декабря двухъ приблизительно десятидневныхъ птенцовъ, находилось всего на 1 м. высоты надъ землей; оно имѣло входное отверстіе въ 60 см. длины и 35 см. въ діаметръ, которое вело въ гнѣздо, имѣвшее приблизительно 40 см. въ діаметръ. Стѣнки дупла были сглажены и дно выстлано толстымъ слоемъ рыхлой земли и кусочками коры, принесенными очевидно внутрь его самими птицами. Точно также употребляются несторы для гнѣздъ пустяка пространства между корнями деревьевъ или ущелья скалъ. Четыре чисто бѣлыхъ яйца, имѣющихъ въ большемъ діаметрѣ 4, а въ меньшемъ 3 см., кладутся въ началѣ ноября, высидиваются съ самоотверженіемъ, и птенцы, появляющіеся къ Рождеству, вскармливаются обоими родителями. Какъ примѣръ самоотверженной нѣжности родителей къ дѣтямъ, Поттсъ сообщаетъ, что онъ нашелъ однажды, послѣ лѣснаго пожара, старую птицу мертвой у входа въ дупло; это случилось, очевидно, потому, что она не могла рѣшиться оставить находившихся внутри дерева безпомощныхъ птенцовъ. Туземцы, которые часто вынимаютъ изъ гнѣздъ птенцовъ, увѣряютъ, что иногда двѣ самки спариваются съ однимъ самцомъ, и тотъ фактъ, что во время высидиванья нерѣдко можно найти вмѣстѣ трехъ птицъ, отчасти подтверждаетъ эти показанія. Въ кладкѣ яицъ и воспитаніи птенцовъ проходитъ почти все лѣто и только къ осени, по нашему, къ веснѣ, жизнь птицъ опять дѣлается свободной отъ заботъ.

Вслѣдствіе богатаго питанія несторъ скоро дѣлается ужасно жирнымъ, считается тогда съ полной справедливостью лакомой дичью и подвергается усердному преслѣдованію. Еще хуже ему бываетъ зимой, которую слѣдуетъ считать злѣйшимъ его врагомъ. Прекрасный и богатый лѣтомъ лѣсъ лежитъ тогда подъ снѣжнымъ покровомъ, пища дѣлается скудной или покрывается снѣгомъ, и бѣдная птица, которая теперь по неволѣ должна заботиться о средствахъ къ существованію, печально и молчаливо садится съ взерошенными перьями то туда, то сюда, представляя собой живое изображеніе мрачнаго унынія. Въ это время несторъ, капризно выбиравшему пищу лѣтомъ, всякая пища приходится по вкусу, и даже самыя твердыя и жесткія сѣмена охотно сѣдаются птицами; онъ также посѣщаетъ сады и тщательно собираетъ съ деревьевъ почки. Такъ проводитъ онъ зиму и только съ появленіемъ весны веселое настроеніе къ нему снова возвращается.

Но самымъ злымъ врагомъ несторовъ все-же считается человекъ, который усердно преслѣдуетъ ихъ или для того, чтобы полакомиться ихъ вкуснымъ мясомъ, или, чтобы воспитать птенцовъ. Южный несторъ и кѣа чрезвычайно легко ловятся, первый петлями и всевозможными сѣтями, второй способомъ, напоминающимъ способъ ловли живыхъ чижей и чечетокъ, а именно—посредствомъ прикрѣпленной къ длинному шесту вѣточка, смазанной клеемъ. Особенно кѣа до того безпеченъ и довѣрчивъ, что, когда онъ посѣщаетъ хижины, ему безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій накидываютъ веревочную петлю. Пойманная птица ведетъ себя замѣчательно смирно, не бьется и не мечется, а остается спокойной до тѣхъ поръ, пока съ нея не снимутъ петли. Несмотря на то, она однако думаетъ о своемъ освобожденіи изъ плѣна и умѣетъ достичь его гораздо скорѣе, нежели предполагаетъ ловець. Запирать кѣа въ деревянную клетку совершенно бесполезно; онъ разрушаетъ ее въ самый короткій срокъ. Но онъ умѣетъ выйти и изъ худшаго положенія. Одинъ кѣа, котораго, за неимѣніемъ клетки, держали подъ опрокинутымъ ведромъ, очень скоро сообразилъ, что послѣднее изъ за ручки не могло съ одной стороны плотно прилегать къ землѣ, вставилъ клювъ между поломъ и краемъ ведра, сбросилъ его и улетѣлъ. Къ клеточному корму, впрочемъ, пойманный кѣа идетъ безъ всякихъ затрудненій и при хорошемъ съ нимъ обращеніи оказывается настолько благодарнымъ, что въ нѣсколько недѣль дѣлается очень ручнымъ домашнимъ животнымъ. Само собой разумѣется, что еще легче взрослыхъ свыкаются съ потерей свободы птенцы несторовъ, взятые изъ гнѣзда, вслѣдствіе чего туземцы и европейцы чаще другихъ птицъ держатъ ихъ въ клеткахъ. Туземцы приближаются къ замѣченному гнѣзду южнаго нестора всегда съ большою осторожностью, чтобы не запугать недовѣрчивыхъ родителей, даже остерегаются, особенно въ началѣ высиживанья яицъ, трогать руками душло или задерживаютъ дыханіе, думая, что даже этого достаточно, чтобы заставить родителей бросить гнѣздо. Молодые, уже до извѣстной степени выросшіе птенцы, легко вскармливаются, такъ какъ ѣдятъ все то-же, что и люди. «Тотъ, кто не вѣритъ, что они всеядныя птицы», говоритъ Поттсъ, «долженъ только впустить плѣнника въ молочную кладовую; онъ увидитъ тогда, какъ ловко эта птица умѣетъ снимать сливки со всѣхъ крынокъ». Такія птицы скоро привыкаютъ летать, отлично выживаютъ въ неволѣ, конечно, тѣмъ долѣе, чѣмъ большею свободой онѣ пользуются.

Европейцу нельзя посоветовать давать нестору полную свободу, потому что изъ ручной птицы въ клеткѣ онъ обращается въ негодяя, проказы котораго, производимыя съ видимой обдуманностью, заставляютъ терять относительно его всякое терпѣніе. Для ручного нестора, свободно летающаго и вылетающаго изъ дома, нѣтъ ни одного предмета ни въ домѣ, ни въ саду, на которомъ онъ не попробовалъ-бы своей силы и любви къ разрушенію. Буллеръ увѣряетъ, что зналъ южнаго нестора, который въ одинъ день сорвалъ до тысячи грушевыхъ цвѣтковъ и точно также напалъ на виноградъ и другія растенія. Если-же оставить этого разорителя въ комнатѣ на свободѣ, то жертвой его сильнаго клюва дѣлается вся домашняя утварь. Туземцы-же, которымъ не приходится объ этомъ заботиться, любятъ южнаго нестора гораздо больше всякой другой домашней и комнатной птицы. Его отличныя подражательныя способности даютъ ему возможность заучивать слова и фразы маорійскаго языка, а его понятливость позволяетъ употреблять для призыванія другія птицы того-же вида. Говорящій южный несторъ очень дорого цѣнится; южный-же несторъ, который умѣетъ заманивать въ сѣти ловца своихъ сородичей, не имѣетъ цѣны для своего обладателя. Ручной говорящій несторъ привлекаетъ своими разговорами дѣтей маорійской деревни, а умѣя приманивать дру-

гих птицъ, онъ дѣлается для своего обладателя источникомъ дохода и пропитанія. Такъ какъ его способности съ годами растутъ, то нечего удивляться, что туземецъ-птицеловъ нерѣдко продавалъ такую выдрессированную птицу за сумму въ 200 марокъ на наши деньги.

Послѣ всего вышеизложеннаго покажется страннымъ, что несторы такъ рѣдко попадаютъ на наши рынки. Только въ новѣйшее время привезены къ намъ нѣсколько этихъ оригинальныхъ птицъ. Финшъ видѣлъ живого южнаго нестора въ зоологическомъ саду въ Лондонѣ. «Онъ значительно отличался своимъ поведеніемъ», говоритъ онъ, «отъ другихъ попугаевъ, такъ какъ большею частью бѣгалъ назадъ и впередъ по полу своей кѣтки очень быстро. При этомъ онъ держался довольно прямо и въ особенности вытягивалъ вверхъ шею, такъ что напоминалъ своей осанкой сокола. Между прочимъ я видѣлъ, какъ онъ ловко, подобно другимъ видамъ попугаевъ, лазалъ вверхъ по перекладинамъ съ помощью клюва. Голоса его мнѣ не удалось слышать». Позже еще и другіе плѣнники того-же вида были доставлены въ зоологическіе сады Лондона и Амстердама. Разказы о тѣхъ и другихъ были, насколько мнѣ извѣстно, преданы гласности.

Совиные попугаи (*Stringopinae*. *Euparageien*. *Perruches ingambes*) принадлежатъ къ небольшой группѣ австралійскихъ птицъ, въ которой мы насчитываемъ только четыре вида. Отличаются они преимущественно своимъ необыкновенно мягкимъ опереніемъ.

* *

Земляные попугаи (*Pezoporus*. *Erdstittich*. *Pezopores*) отличаются короткимъ, толстымъ, округленнымъ клювомъ, тупое острие котораго нѣсколько заходитъ за нижнюю челюсть и не имѣетъ зазубринъ, сильными ногами, съ необыкновенно высокими плюснами, длинными пальцами, слабыми, не очень сильно загнутыми когтями, длинными остроконечными крыльями, на которыхъ второе и третье маховыя перья самыя длинныя, наконецъ, длинными, ступенчатыми, тоже заостренными перьями хвоста. Его мягкое, чаще всего зеленое опереніе украшено своеобразными поперечными полосами на нижней части туловища и пятнами на верхней. Полы не отличаются другъ отъ друга цвѣтомъ оперенія.

Земляной попугай (*Pezoporus formosus* и *terrestris*, *Psittacus formosus* и *terrestris*, *Euphema formosa*. *Erdstittich*. *Pezopore d'Australie*) величиной съ дрозда и отличается пестрымъ, хотя не очень разнообразнымъ опереніемъ. Основной цвѣтъ оливково-травяной; перья верхней части головы имѣютъ черныя стержневья полоски; нижнія шейныя перья, плечевыя покровныя перья крыльевъ и затылка— черныя съ 2—3 узкими желтыми поперечными полосками и широко зеленою каймою на концѣ. Эта кайма суживается на верхнихъ покровныхъ перьяхъ хвоста, отчего они кажутся чернѣе прочихъ. Перья щекъ, подбородка, горла и зоба одинаковаго оливково-зеленаго цвѣта, за исключеніемъ черныхъ стержней; грудь, брюшко и бока, такъ-же какъ и нижнія покровныя перья хвоста, оливково-желтыя, съ тремя широкими поперечными полосками и узкой зеленою каймой. Узкая полоска на краю лба— ярко-красная; наружная бородка темно-зелено-бурыхъ большихъ и малыхъ маховыхъ перьевъ— зеленая, а внутренняя посрединѣ покрыта увеличивающимися къ заду блѣдно-желтыми пятнами, которыя съ четвертаго маховаго пера образуютъ широкую желтую полосу. Верхнія кроющія перья крыла зеленыя, малыя нижнія перья такого-же цвѣта, большія, такъ-же какъ

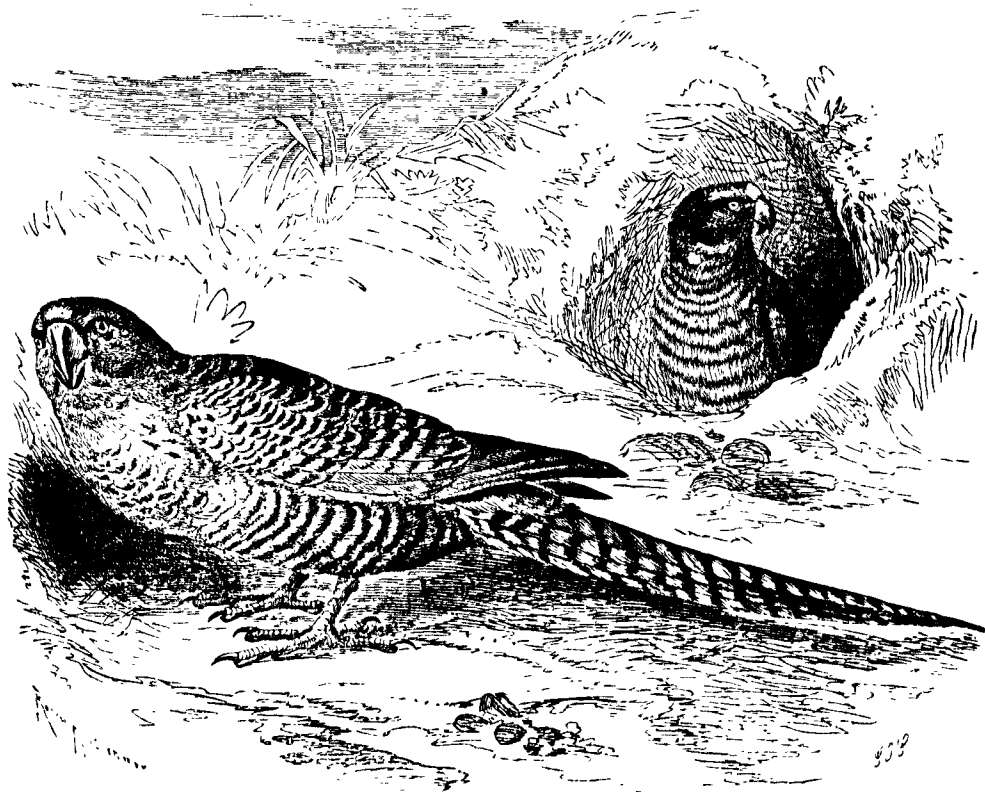
ЛИТ. ШТАДЕРЪ И ПАТРИНОТЪ С. П. Б.

ПОПУГАЙ НЕСТОРЪ.

9

и нижняя часть маховыхъ перьевъ, сѣровато-черныя; четыре среднихъ пера хвоста темно-зеленыя съ узкими желтыми поперечными полосками, остальные оливково-желтыя, съ черными полосками на внутренней бородкѣ и широкими зелеными поперечными полосками на наружной. Глаза каріе, клювъ черно-бурый, ноги рогового цвѣта.

По изслѣдованію Гульда, земляной попугай распространенъ по всей южной Австраліи, не исключая и Тасманіи. Въ сѣверныхъ же областяхъ этой части свѣта его еще никто не видалъ. Онъ живетъ осѣдло, въ извѣстной мѣстности, но почти исключительно на землѣ: на деревьяхъ его весьма рѣдко можно видѣть. Бесплод-

Земляной попугай. *Pezoporus formosus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

ная песчаная мѣстности, поросшія жесткой травой, или болота, покрытыя камышемъ, служатъ ему постояннымъ мѣстопробываніемъ. Здѣсь живетъ онъ одиноко и нарами, очень уединенно, такъ что его безъ собаки и найти трудно. Бѣгаетъ онъ въ травѣ, подобно кулику чрезвычайно быстро и неутомимо, пользуется лавкою всякой неровностью почвы, чтобъ спрятаться, при случаѣ плотно прижимается къ землѣ, подобно куропаткамъ или болотнымъ птицамъ, въ надеждѣ, что его не замѣтятъ. Однако же наступившій врасплохъ, онъ, подобно болотнымъ птицамъ и куропаткамъ, быстро взлетаетъ на воздухъ, стремительно несется невысоко надъ поверхностью земли, дѣлая на лету различные повороты, такъ-же быстро падаетъ опять на землю и поспѣшно бѣжитъ дальше. Собаки дѣлаютъ надъ нимъ стойку, такъ что охотникъ, преслѣдующій его или другую болотную птицу, никогда не знаетъ, стоитъ ли собака надъ землянымъ попугаемъ или надъ куликомъ.

Бѣлыя яйца свои земляной попугай кладетъ на голую землю; высиживаютъ же ихъ, попеременно, оба родителя. Молодые птицы очень скоро становятся похожими на родителей и, сдѣлавшись самостоятельными, отдѣляются отъ нихъ.

Сообщенія Гульда значительно пополнены въ послѣднее время наблюденіями Фердинанда Мюллера. Хотя эти наблюденія относятся только къ одному родственному роду этого семейства, а именно **Пещерному попугайчику** (*Geopsittacus occidentalis*. Hohlensittich. Perroquet-terrier), но я думаю, что они имѣютъ значеніе и для земляного попугая. Пещерный попугай—ночная птица, которая днемъ сидитъ въ пещерѣ и только съ заходомъ солнца покидаетъ ее, для добыванія себѣ пищи. Пѣванный попугай, привезенный живымъ въ Лондонскій зоологическій садъ, цѣлый день сидѣлъ тихо и смиренно на избранномъ мѣстѣ, но съ наступленіемъ ночи оживлялся и только тогда начиналъ ѣсть. Для своей пищи онъ выбиралъ не только зерна, но объѣдалъ, подобно какапо, кончики тѣхъ травъ, которыя ему приносили, вслѣдствіе чего ему стали доставлять свѣже-вырѣзанный дернъ. Онъ никогда не садился на сучки, но постоянно пребывалъ на днѣ своей кѣтки, которую постоянно измѣрялъ быстрыми шагами. Голосъ его походилъ на громкій, однотонный свистъ; другихъ звуковъ отъ него не было слышно.

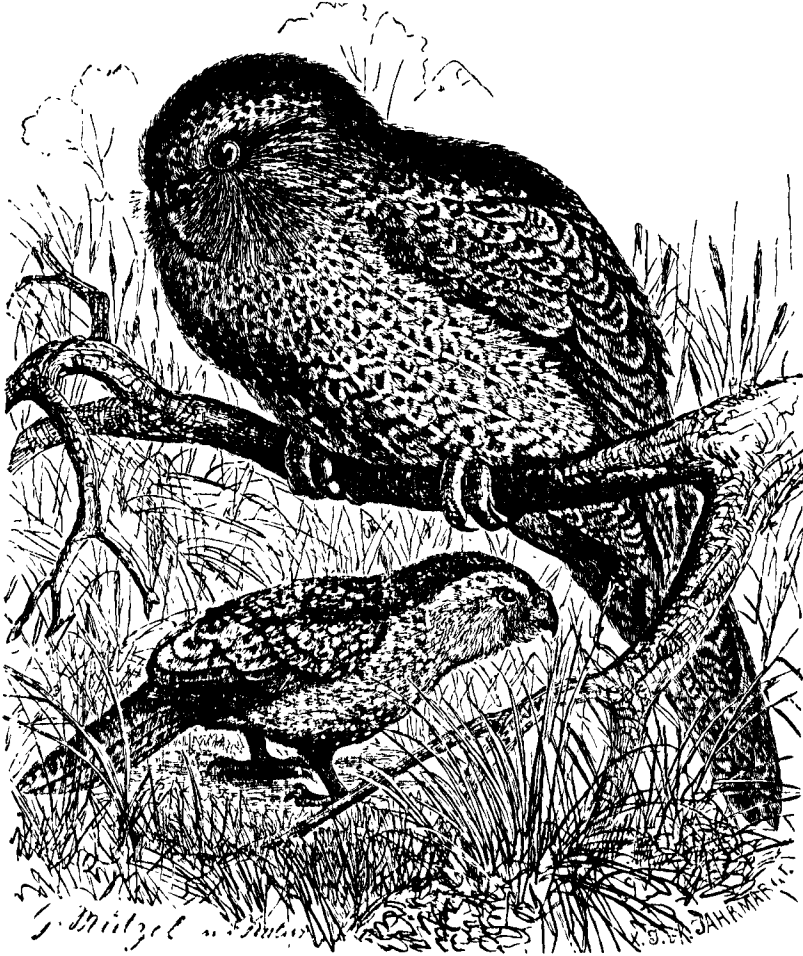
Мясо земляного попугая, въ противоположность всѣмъ остальнымъ видамъ, считается необыкновенно вкуснымъ; оно нѣжнѣе мяса кулика, напоминаетъ перепелку, но отличается еще своимъ особеннымъ вкусомъ, такъ что охотнику одинаково пріятно привести съ охоты такого попугая или бекаса.

* * *

Самый замѣчательный видъ попугаевъ, **Канапо** (*Stringops. Kakapo. Perruche-Chouette*) ночная птица Новозеландіи, которая поразительно напоминаетъ сову. Для охарактеризованія этой птицы совершенно достаточно обратить вниманіе на ея опереніе, сходное съ опереніемъ совъ, и на вѣнчикъ перьевъ, окружающій все его лицо. Клювъ крѣпкій, толстый, болѣе высокий, чѣмъ длинный, верхняя часть его у основанія распространяется болѣе въ ширину, чѣмъ въ высоту, на спинкѣ онъ закругленъ и оканчивается короткимъ, тупымъ крючкомъ, передъ которымъ на расщепѣ замѣтны небольшія выемки; нижняя челюсть ниже верхней, со сплюснутыми расщепами и широкой, дугообразной гранью, по которой проходятъ четыре продолговатыхъ бороздки. Ноги очень сильныя, съ длинными и толстыми плюсами, и такими-же пальцами, вооруженными сильно загнутыми острыми когтями. Крылья короткія и закругленные, на нихъ пятое маховое перо самое длинное; концы крыльевъ совсѣмъ почти не выдаются. Довольно длинный хвостъ слегка закругленъ на концѣ; жесткое опереніе состоитъ изъ широкихъ волокнистыхъ, на концѣ закругленныхъ перьевъ, которыя на лбу и щекахъ становятся узкими, совсѣмъ почти расщеплены и имѣютъ очень длинные и тонкіе стволы; перья эти лучеобразно окружаютъ основаніе клюва и образуютъ вѣнчики около глазъ. Скелетъ, по черену, больше всего напоминаетъ скелетъ какаду, но отличается отъ скелета прочихъ попугаевъ слабой грудной костью съ неполнѣ развитымъ гребнемъ.

Канапо, Тарапо (*Stringops habroptilus, Strigops и Strigopsis habroptilus. Eulenparagei. Perruche chouette*) служатъ, вмѣстѣ съ однимъ сородичемъ, представителемъ рода совинныхъ попугаевъ (*Stringops*). Онъ принадлежитъ къ большимъ попугаямъ и, вслѣдствіе густоты своего оперенія, по величинѣ почти равняется совѣ. У самца верхняя часть тѣла ярко-зеленая; каждое перо у черно-бурого корня украшено

широкими оливково-желтыми поперечными полосками и долевыми пятнами; нижняя сторона тела зеленовато-желтая, каждое перо украшено узкими темно-бурыми поперечными полосками, которые на стволах прерываются. Расходящийся лучеобразно, как у совъ, вѣнчикъ перьевъ, закрывающій лобъ и ушную область, такъ же какъ и подбородокъ—блѣдно-желтый, и только около уха принимаетъ свѣтло-зеленовато-коричневый оттѣнокъ. Маховыя перья на внутренней бородкѣ, около стволѣвъ, темно-буро-коричневыя, а на наружной бородкѣ—зеленовато-

Какапо. *Stringops habroptilus*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

желто-бурыя, съ неправильными черными пятнами. Оливково-желто-бурыя рулевыя перья на внутренней и наружной бородкѣ покрыты черноватыми пятнами, нижняя кроющія перья хвоста почти однотоннаго оливково-зеленаго цвѣта. Клювъ блѣло-розоваго цвѣта; ноги свѣтло-розово-бурого цвѣта. У самки зеленый цвѣтъ верхней части туловища темнѣе, перья у основанія шире, окрашены черно-бурымъ цвѣтомъ, имѣють оливково-желтые стержни и покрыты тамъ и сямъ оливково-желтыми пятнами. Лицевой вѣнчикъ оливково-бурого цвѣта съ очень узкими свѣтлыми стволками. Такъ описываетъ Финншъ красивую парочку этихъ замѣчательныхъ птицъ.

Несмотря на то, что Новая Зеландія намъ давно знакома, только новѣйшимъ изслѣдователямъ удалось открыть какапо и собрать свѣдѣнія объ его образѣ жизни. Прежде всего стали извѣстны зеленныя перья и голова этой замѣчательной птицы, которыми украшали себя туземцы. Трудности наблюденія надъ ними очень способствуютъ ихъ мѣста жительства и образъ жизни, чѣмъ и объясняется то обстоятельство, что только въ 1845 г. было привезено въ Европу первое чучело этой птицы. Но въ послѣднее время мы уже довольно хорошо познакомились съ какапо и вмѣстѣ съ тѣмъ слышали нѣсколько разъ высказанное опасеніе, что его въ скоромъ времени постигнетъ участь дронга, и онъ будетъ совсѣмъ истребленъ. На самомъ дѣлѣ, ограниченная одной Новой Зеландіей, птица эта встрѣчается въ изобиліи только въ отдаленныхъ горныхъ долинахъ на южномъ островѣ, на сѣверномъ-же совершенно почти истреблена, такъ что выраженные опасенія на этотъ счетъ имѣютъ дѣйствительно нѣкоторое основаніе. Къ счастью, лучшей знатокъ этихъ птицъ—Гаастъ не раздѣляетъ этихъ опасеній. «Кто такъ же хорошо, какъ я, знакомъ съ природой Новозеландіи, долженъ признать, что въ этой странѣ найдутся тысячи квадратныхъ миль необитаемаго пространства, на которыхъ еще цѣлыя столѣтія не ступитъ нога изслѣдователя; вотъ на этихъ то пространствахъ какапо можетъ безмятежно проживать еще долгое время. Когда же мы, кромѣ того, вспомнимъ, что какапо встрѣчается съ самаго берега моря до высотъ въ 1600 м., то надежды наши на благополучное продолженіе вида еще увеличатся. Еслибъ даже случилось, что на низменностяхъ птица эта была истреблена или изгнана, то недоступныя вершины горъ доставятъ ей совершенно безопасное мѣстожительство».

Кромѣ Гааста Лейель и Грэй сообщили намъ многія подробности о жизни какапо, которыя я и соединяю здѣсь въ одно общее описаніе. «Хотя обыкновенно предполагаютъ», говоритъ Лейель, «что какапо встрѣчается иногда и на высокихъ горахъ въ срединѣ сѣвернаго острова Новой Зеландіи, однако единственное мѣсто, гдѣ я видѣлъ эту птицу, при изслѣдованіи береговъ Новой Зеландіи, былъ юго-западъ средняго острова. Тамъ, въ глубокихъ заливахъ, которые врѣзаются въ эту часть острова, можно встрѣтить ихъ въ значительномъ количествѣ. Они населяютъ здѣсь сухіе склоны холмовъ или плоскія пространства близъ береговъ рѣкъ, гдѣ деревья высоки и лѣса свободны отъ папоротника и мелкаго кустарника. Первое мѣсто, гдѣ мы увидѣли какапо, была гора, возвышавшаяся на 1300 м. надъ уровнемъ моря, однако мы находили его—и притомъ цѣлыми обществами—тоже на ровныхъ мѣстностяхъ у рѣчныхъ устьевъ близъ самаго моря».

«Чрезвычайно замѣчательно», подтверждаетъ и дополняетъ предъидущее Гаастъ, «что какапо никогда не встрѣчается на восточныхъ склонахъ горъ, за исключеніемъ долины рѣки Макароро, образующей озеро Ванako, хотя и тутъ растутъ высокіе лѣса. Повидимому онъ ограничиваетъ свое мѣстопребываніе только западной стороной главной горной цѣли, переходить по узкой лѣсистой полосѣ, соединяющей истоки рѣки Гаастъ съ истоками Макароро и доходить до впаденія этой рѣки въ озеро Ванako; здѣсь недостатокъ лѣсовъ, вѣроятно, препятствуетъ его дальнѣйшему распространенію. Въ долину рѣки Макароро и въ береговыхъ ея лѣсахъ какапо встрѣчается очень часто, несмотря на то, что здѣсь часто работаютъ дровосѣки. Расположившись лагеремъ на опушкѣ этихъ лѣсовъ, мы постоянно слышали крикъ какапо; но никто изъ рабочихъ не подозрѣвалъ близости такой большой птицы, хотя пронзительный, звонкій крикъ ея часто возбуждалъ ихъ вниманіе. Менѣе часто встрѣчается онъ въ долину Вилкинъ, гдѣ я, кстати сказать, нашелъ слѣды дикихъ собакъ. Въ долину Гунтеръ, отдѣленной отъ этихъ мѣстностей только не очень высокой цѣпью

горь и нѣсколькими холмами, нѣтъ слѣдовъ какапо, несмотря на то, что большія букковыя деревья доставили-бы ему довольно удобное мѣстожительство».

«Въ такихъ мѣстностяхъ», продолжаетъ Лейель, «мы часто замѣчали слѣды какапо. Они имѣютъ около 30 см. длины, правильно отпечатаны до краевъ, которые на 5—7 см. углубляются въ мохъ и обыкновенно пересѣкаютъ другъ друга подъ прямымъ угломъ. Очертаніе ихъ такъ своеобразно, что они иногда удивительно походятъ на человѣческіе слѣды, и мы дѣйствительно думали сначала, что по близости были туземцы».

«Какапо живетъ въ углубленіяхъ подъ корнями деревьевъ, иногда его находятъ тоже подъ сводами нависшихъ скалъ. Такъ какъ корни многихъ видовъ ново-зеландскихъ деревьевъ нѣсколько поднимаются надъ землею, то подъ ними очень часто встрѣчаются подобныя углубленія; но намъ казалось однако, что тѣ углубленія, въ которыхъ мы находили какапо, были отчасти увеличены самими птицами, хотя мы нигдѣ не находили вырытой изъ нихъ земли». Гаастъ приходитъ къ тому же заключенію. «Хотя всѣ различныя мѣстожительства какапо, которыя я изслѣдовалъ, были натуральными углубленіями, однако я нашелъ одно, которое было вырыто искусственно. На сѣверномъ берегу рѣки Гаастъ, близъ устья рѣки Кларкъ, вслѣдствіе размыва берегового песка образовался обрывъ въ 2—3 м. вышины; въ этомъ обрывѣ, почти подъ самой поверхностью земли, видны были круглыя отверстія, въ которыя собака пролѣзть не могла. Она тотчасъ принялась обнюхивать поверхность почвы и рыть въ одномъ мѣстѣ землю. Здѣсь она вскорѣ дорылась до конца норы, откуда и вытащила птицу. Эти углубленія были, конечно, вырыты искусственно, поэтому весьма вѣроятно, что птица эта способна рыть землю». Норы эти имѣютъ часто два отверстія, а растущія надъ ними деревья почти всегда имѣютъ внизу дупла.

Днемъ можно увидать какапо не иначе, какъ выгнавъ его изъ норы. «Чтобы отыскать какапо», говоритъ Лейель, «мы были принуждены прибѣгать къ помощи собакъ. Въ прежнее время, когда эта птица встрѣчалась еще во множествѣ въ населенныхъ мѣстахъ острова, туземцы охотились за нею ночью, при свѣтѣ факеловъ. Въ настоящее время одна порода полудикихъ собакъ, живущая въ сѣверныхъ частяхъ острова, постоянно гоняется за какапо, такъ что тамъ онъ почти совсѣмъ истребленъ. Говорятъ, что дальнѣйшему распространенію этихъ собакъ пока еще препятствуетъ рѣка и что окончательнаго истребленія какапо можно опасаться только въ томъ случаѣ, если собакамъ удастся переплыть черезъ рѣку; хотя какапо умѣетъ весьма чувствительно пускаться въ ходъ свои когти и клювъ и сильно защищается, однако онъ все-таки надаетъ жертвой своего четвероногаго неприятеля, и тамъ, гдѣ водятся дикія собаки, какапо рано или поздно грозитъ судьба дронта».

«Маори увѣряли меня» говоритъ Гаастъ, «что какапо очень храбрая птица, которая успѣшно борется съ собаками; однако этому нельзя вѣрить, если не допустить мысли, что собаки ихъ весьма слабосильны; съ моими собаками какапо никогда не вступали въ серьезный бой; правда, имъ сначала сильно доставалось отъ когтей и клюва птицъ, но они, скоро приловчившись, быстро убивали противника, прокусывая ему черепъ».

«До сихъ поръ держались того мнѣнія, что какапо ночная птица, но я думаю, что могу, вслѣдствіе собственныхъ наблюденій, доказать, что это мнѣніе не всегда вѣрно. Правда, что крикъ его слышится только часъ спустя послѣ заката солнца, когда въ густой листвѣ уже совсѣмъ темно; онъ только тогда начинаетъ

летать, причём, привлеченный огнём, подлеталъ къ нашей палаткѣ, гдѣ его ловили наши собаки. Однако намъ случилось видѣть два раза, какъ онъ ѣлъ днемъ в очень осторожно слѣдилъ за приближающею опасностью. Въ первый разъ это случилось въ пасмурный день, послѣ полудня, когда мы возвращались черезъ жидкій лѣсъ съ западнаго берега: недалеко отъ рѣки Гаастъ увидали мы какапо, сидящимъ на опрокинутомъ деревѣ. При нашемъ приближеніи онъ быстро скрылся, однако собака наша поймала его. Въ другой разъ увидали мы его тоже среди дня, проходя по глубокой расщелинѣ скаль; онъ сидѣлъ на высотѣ 3 м. отъ земли на фуксіи и ѣлъ ягоды. Замѣтивъ насъ, онъ бросился на землю, точно подстрѣленный и исчезъ среди огромныхъ обломковъ скаль. Намъ больше всего удивило, что птица вовсе не пустила въ дѣло крылья, даже не распустила ихъ, чтобъ хоть нѣсколько умѣрить силу паденія. Чтобы изслѣдовать, можетъ-ли онъ вообще летать или по крайней мѣрѣ вспархивать въ минуты опасности, я велѣлъ посадить какапо, пойманнаго собаками живымъ, на большое открытое песчаное мѣсто, гдѣ онъ могъ свободно распустить свои крылья, въ случаѣ если ему для этого необходимо было большое пространство. Но я былъ пораженъ тѣмъ, что онъ просто побѣжалъ по направленію къ густому лѣсу, и притомъ гораздо скорѣе, чѣмъ можно было ожидать, принимая въ соображеніе устройство его пальцевъ и неуклюжую фигуру. Онъ имѣлъ во всѣхъ своихъ движеніяхъ большое сходство съ куряными птицами. Я смотрѣлъ на него сбоку и мнѣ показалось, что крылья его совершенно прижаты къ тѣлу; но тѣ изъ моихъ спутниковъ, которые стояли сзади его, замѣтили, что крылья были у него нѣсколько приподняты, хотя онъ ими и не шевелилъ, изъ чего я заключилъ, что онъ дѣлалъ это скорѣе для сохраненія равновѣсія, чѣмъ для ускоренія бѣга. Несмотря на то, что по сложенію тѣла какапо не долженъ принадлежать къ хорошимъ бѣгунамъ, однако онъ часто пробѣгаетъ довольно большія пространства, какъ мы могли убѣдиться въ этомъ по слѣдамъ, которые часто тянулись на цѣлыя полмили по направленію къ берегу рѣки по песку и валунамъ. Лейель утверждаетъ однако, что видѣлъ, какъ эта птица летаетъ, но конечно не очень далеко. «Во время нашихъ охотъ», говоритъ онъ, «мы видали какапо летающимъ только въ такихъ случаяхъ, когда, взобравшись по пустому стволу вверхъ, онъ искалъ спасенія на вершинѣ дерева; оттуда онъ слеталъ всегда на ниже стоявшія деревья, но по этимъ опять быстро взбирался наверхъ съ помощью хвоста. При этомъ движеніе крыльевъ было едва замѣтно.

«Крикъ какапо—хриплое карканье, которое переходитъ въ весьма неблагозвучный визгъ, когда онъ разсерженъ или голоденъ. Маори утверждаютъ, что шумъ, поднятый этими птицами, можетъ сдѣлаться оглушительнымъ, такъ какъ онъ зимою собираются большими обществами, и, слетаясь и разлетаясь, весьма оживленно привѣтствуютъ другъ друга. Желудки убитыхъ нами какапо содержали однородную блѣдно-зеленую, а иногда почти бѣлую массу, безъ всякихъ признаковъ волоконъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что пища состоитъ частью изъ кореньевъ, частью изъ листьевъ и молодыхъ отпрысковъ различныхъ деревьевъ. Мы замѣтили, что въ одной мѣстности, гдѣ эти птицы водились во множествѣ, всѣ молодые побѣги одного растущаго по берегамъ рѣки стручковаго растенія были объѣдены, и узнали отъ нашего лопмана, который тамъ прожилъ много лѣтъ изъ за китоваго промысла, что это была работа какапо; кромѣ того, клювъ этой птицы почти всегда покрытъ засохшею грязью». Гаасту-же удалось еще точнѣе опредѣлить ихъ пищу. «Какапо», говоритъ онъ, «очень нуждается въ рѣчной водѣ для превращенія въ киселеобразную массу комковъ размельченныхъ въ зобу растеній. Мы постоянно находили зобы этихъ птицъ, за исключеніемъ двухъ, которыя очевидно ѣли ягоды, наполненными размельчен-

ными частицами моха; оттого зобъ былъ такъ растянутъ и тяжелъ, что вѣсилъ нѣсколько унцій. Птица кажется гораздо меньше, когда зобъ пустъ. Необходимостью набивать свой желудокъ огромнымъ количествомъ непитательной пищи и объясняется, можетъ быть, жизнь какапо на самой землѣ, точно такъ-же, какъ и способность этой птицы существовать въ такихъ пустыняхъ, гдѣ не могъ бы жить никакой попугай.

«Вѣроятно вслѣдствіе той же растительной пищи, жиръ какапо имѣетъ ту особенность, что онъ твердъ и бѣлъ, а не желтоватъ и мягокъ, какъ у другихъ птицъ, а мясо тверже и вкуснѣе, чѣмъ у другихъ видовъ попугаевъ, и отличается превосходнымъ вкусомъ. Мнѣ извинять, надѣюсь, если я замѣчу, что эта птица можетъ служить весьма лакомымъ блюдомъ для путешественника, и я очень сочувствую старому маори западнаго берега, у котораго слюнки текли при одномъ упоминаніи о какапо».

О размноженіи какапо Лейель сообщаетъ слѣдующее. «Проведя послѣднюю половину февраля и начало марта въ отечествѣ какапо, я часто находилъ въ ихъ норахъ одного, рѣдко двухъ птенцовъ. Однажды я нашелъ рядомъ съ птенцомъ и гнилое яйцо. По большей части, хотя не всегда, вмѣстѣ съ молодой птицей сидѣла въ норѣ и старая. Настоящаго гнѣзда у какапо вовсе нѣтъ; онъ выкапываетъ себѣ неглубокую ямку въ сухой сердцевинѣ сгнившаго дерева. Яйцо его, величиной съ голубиное, чисто-бѣлаго цвѣта. Птенцы, которыхъ мы находили, были совершенно различныхъ возрастовъ: одни почти совсѣмъ оперившіеся, другіе едва покрытые пухомъ.

«Многіе птенцы принесены были къ намъ на корабль живыми; бѣольшая часть изъ нихъ околѣла черезъ нѣсколько дней, вѣроятно вслѣдствіе плохого ухода, другіе прожили у насъ по одному и даже нѣсколько мѣсяцевъ. Обыкновенно уже послѣ нѣсколькихъ недѣль неволи у нихъ искривлялись ноги, вѣроятно отъ слишкомъ тѣснаго помѣщенія или неподходящей пищи. Ихъ кормили большею частью размоченнымъ хлѣбомъ и варенымъ картофелемъ. Когда мы ихъ выпускали въ садъ побѣгать на свободѣ, они ѣли капусту и траву и обглаживали каждый зеленый листокъ, встрѣтившійся имъ на дорогѣ. Одинъ какапо, котораго я благополучно довезъ до мѣста, отстоящаго на 600 англійскихъ миль отъ береговъ Англій, объѣлъ, во время нашего пребыванія въ Сидней лисья одной банксіи и нѣсколькихъ эвкалиптусовъ, но онъ любилъ, повидимому, также орѣхи и миндаль и питался въ послѣднее время нашего обратнаго путешествія бразильскими орѣхами. По временамъ съ нимъ дѣлались судороги, тогда онъ впродолженіи нѣсколькихъ дней ничего не ѣлъ, страшно кричалъ и старался ударить клювомъ всякаго, кто къ нему приближался. Вообще на него нельзя было положиться, такъ какъ онъ часто кусался, особенно сильно именно тогда, когда этого меньше всего ожидали. Онъ, повидимому, былъ въ самомъ лучшемъ настроеніи рано утромъ, когда его выпускали изъ кѣтки. Когда его выносили на палубу, онъ занимался первыми попавшимися ему предметами, часто моими брюками или сапогами. Послѣдніе онъ особенно любилъ, садясь на нихъ, поджавши ноги, хлопалъ крыльями и различными жестами выражалъ свое удовольствіе. Потомъ онъ поднимался на ноги, терся о сапоги боками, катался по нимъ на спинѣ, причѣмъ сильно двигалъ ногами. Несчастный случай лишилъ его жизни. Другой какапо, высаженный на землю капитаномъ Стоксомъ и оставленный на попеченіе маіора Муррея, могъ свободно разгуливать по саду. Онъ выказывалъ особенное расположеніе къ дѣтямъ и слѣдовалъ за ними шагъ за шагомъ, какъ собака».

О жизни какапо въ неволѣ, кромѣ Лейеля сообщаетъ намъ еще Грэй,

а въ послѣднее время Саль. «Какапо», говоритъ Грэй, «очень добродушная и умная птица; она сильно можетъ привязаться къ тѣмъ, которые ей дѣлаютъ добро. Выражаетъ онъ свою привязанность тѣмъ, что лазаётъ по своимъ друзьямъ, трется о нихъ и вообще очень общителенъ и игривъ. Будь онъ поопрятяѣ, я не задумался-бы назвать какапо самымъ пріятнымъ товарищемъ изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ комнатныхъ птицъ, такъ какъ игры и ласки, которыми онъ выражаетъ свое расположеніе хозяину, болѣе напоминаютъ манеры собаки, чѣмъ птицы». Саль, который въ 1870 г. первый привезъ живого какапо въ Англію, присоединяетъ къ предшествующимъ замѣчаніямъ слѣдующее: «Во все время пребывания у меня этой птицы», говоритъ онъ, «я не замѣтилъ въ ней ни малѣйшаго признака неудовольствія; она была, напротивъ того, неизмѣнно весела и всегда готова принять съ благодарностью всякое вниманіе. Особенно замѣчательна ея игривость. Напримѣръ, какапо подбѣгаетъ ко мнѣ изъ угла комнаты, схватываетъ мою руку когтями и клювомъ, не выпуская ее, катается по землѣ, какъ кошечка, и также быстро убѣгаетъ, чтобъ приготовиться къ новой шалости. Игры его иногда грубы, но малѣйшее строгое замѣчаніе тотчасъ умиряетъ его. Онъ рѣшительно презабавное созданіе. Я иногда забавлялся тѣмъ, что подносилъ къ самой клѣткѣ кошку или собаку: какапо тогда принимался танцевать съ распростертыми крыльями взадъ и впередъ по клѣткѣ, стараясь казаться разсерженнымъ; когда же животное, при видѣ необыкновеннаго зрѣлища, выражало нѣкоторый страхъ, то какапо самыми шаловливыми тѣлодвиженіями выказывалъ радость, что напугалъ врага. Одна изъ его особенностей состоитъ въ томъ, что онъ, опускаясь внизъ, умѣетъ такъ выворотить голову, что смотритъ клювомъ вверхъ, будто желая ознакомиться съ обратнымъ видомъ предметовъ. Самую высшую ласку выражаетъ онъ мнѣ тѣмъ, что садится мнѣ на руку, поджавши ноги, ерошитъ перья и хлопаетъ меня поочереди то правымъ, то лѣвымъ крыломъ. Если онъ при этомъ еще трясетъ головой, то это уже выраженіе высшего состоянія блаженства. Я думаю, что напрасно обвиняютъ его въ слишкомъ большой неопрятности, такъ какъ въ этомъ отношеніи онъ не хуже другихъ попугаевъ. Меня очень удивило сообщеніе, будто онъ во все время своего пребыванія въ Лондонскомъ зоологическомъ саду рѣдко показывался днемъ. Собственные мои наблюденія доказали совсѣмъ противное. Правда, что днемъ онъ не былъ такъ шумливъ и оживленъ, какъ ночью, но все-таки еще достаточно веселъ».

Отрядъ III.

Голубиныя (Peliornithes).

Рядомъ съ попугаями, между поисковыми и куриными птицами, должны стать, по мнѣнію Фюрбрингера, **Голубиныя**. Отрядъ этотъ заключаетъ въ себѣ два семейства, которыхъ до сихъ поръ разсматривали отдѣльно: настоящихъ голубей, распространенныхъ по всему земному шару, и рябковъ, живущихъ только въ Старомъ Свѣтѣ.

Голуби (Columbidae) составляютъ такое-же строго ограниченное семейство, какъ и попугаи. Голуби—птицы средней величины съ маленькой головкой, короткой шеей и обильнымъ и жесткимъ опереніемъ. Клювъ ихъ всегда короткій, у большинства слабый, болѣе высокій, нежели широкій, съ краями, загнутыми внутрь, иногда даже не вполнѣ сомкнутыми; у основанія онъ мягкій и только на концѣ роговой и немного вздутый, изогнутый и оканчивается небольшимъ крючкомъ. У нѣкоторыхъ клювъ бываетъ тверже, толще, сильнѣе, въ исключительныхъ случаяхъ очень изогнутъ и нижняя половина его даже съ зубцомъ. Поздри лежатъ довольно близко къ концу клюва, имѣютъ обыкновенно форму щелей и часто бываютъ покрыты вздутой, хрящеватой чешуйкой, одѣтой восковицей. Короткія ноги ихъ четырехпалыя, плюсна рѣдко бываетъ выше, чѣмъ длина средняго пальца, въ исключительныхъ случаяхъ оперена до самыхъ пятокъ; пальцы, изъ которыхъ три обращены впередъ, раздѣльны и только въ рѣдкихъ случаяхъ отчасти соединены очень короткой перепонкой; когти на нихъ крѣпкіе, но короткіе и по большей части мало загнуты; плюсна покрыта спереди короткими поперечными щитками, а сзади сѣтчатыми чешуйками. Крылья состоятъ изъ твердыхъ маховыхъ перьевъ, изъ которыхъ 10 сидятъ на кисти, а 11—15 расположены на предплечіи и изъ нихъ второе длиннѣе другихъ. Хвостъ обыкновенно образуется изъ 12, рѣдко изъ 14—16 перьевъ, болѣею частью короткій и слегка закругленный, иногда-же бываетъ и длинный, но тогда обыкновенно крайнія перья укорочены. Жесткое и твердое опереніе прилегаетъ довольно гладко; отдѣльныя перья его сравнительно велики, широко закруглены, снизу пушисты. Въ опереніи нѣжныя краски преобладаютъ, хотя встрѣчаются и яркіе и свѣтлые переливающіеся цвѣта; именно, на шеѣ и покровныхъ перьяхъ крыльевъ они переливаются великолѣпнымъ металлическимъ блескомъ. Полы у большей части видовъ мало различаются одинъ отъ другаго;

птены-же, наоборот, всегдазначительно отличаются от родителей. Относительно величины можно сказать, что исполнй среди извѣстныхъ намъ до сихъ поръ голубей равняется небольшой индѣйкѣ, а карликъ—приблизительно жаворонку.

Относительно внутренняго строенія, Питшъ замѣчаетъ, что по формѣ грудной кости, дужки, предплечья, таза, желудка, дыхательнаго горла и т. д. голуби имѣютъ немало сходства съ куриными, но въ другомъ отношеніи очень замѣтно отъ нихъ уклоняются. Въ скелетѣ ихъ прежде всего замѣчательна своєю воздухопроводностью мозговая коробка, отличающаяся шириной и выпуклостью своей лобной части: этимъ они разнятся отъ всѣхъ, такъ называемыхъ, настоящихъ куриныхъ. Слезная кость не образуетъ верхняго плоскаго отростка, а короткіе и слабые отростки височной кости не соединяются въ одно остріе, небныя-же кости шире, чѣмъ то бываетъ у куриныхъ. Спинной хребетъ состоитъ изъ 12—13 шейныхъ, 7 спинныхъ, отчасти сросшихся между собою позвонковъ и 7 хвостовыхъ. Грудная кость похожа на куриную своимъ выступающимъ по направленію къ тазу заднимъ краемъ, но отличается отъ нея расположеніемъ выемокъ и чрезвычайной высотой гребня, которую превосходятъ только гребни косатки, колибри и рябковъ. Слабой и тонкой дужкѣ недостаетъ непарнаго отростка, развитаго у куръ; кистевая часть крыла, въ противоположность куринымъ, длиннѣе предплечья, а это послѣднее длиннѣе плеча. Тазъ такой-же широкій и плоскій, какъ и у куриныхъ, а заднія конечности устроены подобно конечностямъ послѣднихъ. Расположеніе мышцъ напоминаетъ во многихъ отношеніяхъ куриныхъ, именно мышцы, двигающія передними конечностями, отличаются чрезвычайно толстыми мясистыми частями и короткими сухожилиями. Мягкій языкъ узкій,—заостренный, и стрѣловидный; его тонко зазубренный задній край оттянуть назадъ, а заднее непарное основаніе подъязычной кости образуетъ особую подвижную часть. Пищеводъ расширяется въ настоящій зобъ, стѣнки котораго въ періодъ размноженія утолщаются и въ то-же время образуютъ на внутренней поверхности сѣтчатые складки и ячейки, которыя при усиленной дѣятельности кровеносныхъ сосудовъ выдѣляютъ творожистое вещество, служащее первою пищею птенцамъ. Насколько извѣстно до сихъ поръ, особенность эта свойственна только голубямъ. Передній желудокъ вытянуть и богатъ железами, настоящій желудокъ очень мускулистъ, пищепріемный каналъ разъ въ 6—8 длиннѣе всего туловища; слѣпая кишка всегда малы. Печень распадается на неравныя части; желчнаго пузыря совсѣмъ нѣтъ, поджелудочная железа двойная; селезенка вальковатая; яичникъ простой и развитъ только на лѣвой сторонѣ.

Голубиныхъ птицъ можно назвать высокоодаренными существами. Онѣ могутъ ходить неутомимо, хотя и не очень скоро, но при каждомъ шагѣ киваютъ головой, потому что у нихъ низкія ноги. Нѣкоторые виды ихъ бѣгають, подобно куринымъ, очень скоро, другіе кажутся на землѣ неловкими, и, напротивъ, очень ловко передвигаются среди вѣтвей деревьевъ. Тѣ, которыя лучше всѣхъ ходять, летаютъ хуже другихъ; большинство ихъ, впрочемъ, отличается очень быстрымъ и сильнымъ полетомъ, способнымъ на ловкіе повороты въ воздухѣ, и обыкновенно сопровождаемымъ громкимъ свистящимъ шумомъ. Что голуби по доброй волѣ иногда плаваютъ—я самъ видѣлъ въ Египтѣ, а что они, въ случаѣ крайней нужды и ныряютъ—узнали Науманъ и Гомейеръ. Голосъ ихъ въ общемъ у всѣхъ сходенъ, и только у небольшого количества видовъ отличается довольно сильно. Большинство голубей издаетъ отрывистые, глухіе, низкіе звуки, въ которыхъ преобладаетъ слогъ «рукъ» или «руке», другіе воркуютъ, т. е. издають нѣжно дрожащія звуки, напоминающіе сочетаніемъ звуковъ нѣмецкій глаголь *gigeln*;

нѣкоторые виды стонуть или смѣются; одни издають чрезвычайно благозвучныя, полныя, законченныя тоны, другіе-же ворчатъ отвратительно. Изъ вѣшнихъ чувствъ, безъ сомнѣнія, стоитъ выше всего зрѣніе, о чемъ свидѣлствуютъ уже большіе, красивые по формѣ и цвѣту, выразительные глаза голубя. Едва-ли менѣе хорошъ и слухъ, объ остротѣ котораго легко составить нѣкоторое понятіе; есть основаніе предполагать, что вкусъ, обоняніе и осязаніе также очень хорошо развиты. Душевные способности ихъ часто преувеличиваютъ, такъ какъ подкупющее ихъ добродушіе и кротость нрава скорѣе кажущіяся, нежели дѣйствительно существующія качества. Голуби обыкновенно робки и осторожны, но никогда не умѣютъ различить съ тою-же проникательностью, какъ другія птицы, настоящую опасность отъ кажущейся, всегда предпочитаютъ вѣрное невѣрному, и потому также боязливо избѣгаютъ крестьянина или пастуха, какъ и охотника. Приручить ихъ настоящимъ образомъ очень трудно, такъ какъ сообразительность ихъ довольно слаба, и память невыдающаяся, однако въ умственномъ отношеніи голуби рѣшительно превосходятъ куриныхъ и поисковыхъ.

Нравъ ихъ кажется настолько привлекательнымъ, что даже еще въ глубокой древности ихъ считали эмблемою кротости и даже олицетворяли ими отвлеченныя понятія. Безпристрастному-же глазу нравъ ихъ является въ менѣе привлекательномъ свѣтѣ. Ихъ добродушія, конечно, никто не станетъ оспаривать, а каждое чувствительное сердце, безъ сомнѣнія, будетъ весьма тронуту обоюдной нѣжностью птицъ одной пары, взаимное клеванье которыхъ такъ напоминаетъ наши подѣлуи; но въ дѣйствительности многіе не безъ основанія сомнѣваются въ прославленной супружеской вѣрности голубей, а самоотверженной привязанности къ дѣтямъ, по крайней мѣрѣ у многихъ видовъ, совсѣмъ незамѣтно. Многіе, но никакъ не всѣ голуби, живутъ парами; но остаются-ли птицы одной пары вѣрны другъ другу въ продолженіи всей жизни, какъ это обыкновенно предполагаютъ, подлежитъ еще сомнѣнію: существуютъ также наблюденія, которыя вовсе не говорятъ въ пользу ихъ взаимной вѣрности. Хотя ихъ похотливость при размноженіи и не такъ замѣтна, какъ у куръ, но все-же она очень сильна, и если даже мы будемъ разсматривать поведеніе влюбленныхъ голубей въ самомъ благопріятномъ для нихъ смыслѣ слова, то мы можемъ оказаться несправедливыми къ другимъ птицамъ, у которыхъ супружеская вѣрность выражается еще привлекательнѣе. Безсердечіе нѣкоторыхъ голубей относительно своего потомства кажется намъ поистинѣ отвратительнымъ. Они подаютъ не только яйца, но даже и едва вылупившихся птенцовъ, какъ только ихъ потревожатъ и возбудятъ въ нихъ недовѣріе. Нельзя отрицать въ нихъ тоже зависти и недоброжелательства къ другимъ птицамъ; жадность заставляетъ ихъ забывать о нуждахъ своихъ сотоварищей: они прикрываютъ найденную пищу крыльями, между тѣмъ какъ многими презираемыя куры въ этомъ случаѣ всегда ссылаютъ другихъ, чтобы съ ними подѣлиться. Съ самоотверженіемъ и преданностью къ другимъ существамъ голуби вообще незнакомы и присоединяются къ прочимъ птицамъ только для виду, такъ какъ въ дѣйствительности любятъ общество только себя подобнахъ. Они совершенно равнодушно относятся къ большей части животныихъ, или вовсе ихъ не замѣчаютъ; сильнѣйшихъ они боятся, и многімъ вообще не довѣряютъ.

Голуби, которыхъ описано до 400 видовъ, обитатели всего земного шара въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова. Они живутъ во всѣхъ частяхъ свѣта и во всѣхъ полсахъ, на высотахъ и низменностяхъ, но всегда преимущественно въ лѣсахъ, такъ какъ тѣ немногіе виды, которые селятся на бесплодныхъ скалахъ, составляютъ исключеніе. Близость воды они любятъ и избѣгаютъ безводныхъ про-

странствѣ хотя нельзя сказать, чтобы ихъ тамъ вовсе не было, такъ какъ сильный полетъ даетъ имъ возможность посѣщать ежедневно отдаленныя мѣста для водопоя. Наибольшаго своего развитія достигаетъ этотъ отрядъ на большихъ и малыхъ островахъ Тихаго океана: вообще голуби сравнительно больше населяютъ острова, нежели большіе материка. Зондскіе, Филиппинскіе и Моллукскіе острова чрезвычайно богаты различными, великолѣпными видами голубей; въ Австраліи и Новой Гвинее живетъ значительное количество ихъ; Индія и южный Китай едва-ли менѣе богаты ихъ представителями. Въ Африкѣ, правда, не живетъ такъ много видовъ голубей, какъ въ Азіи, но зато отдѣльные виды являются въ поразительно большомъ количествѣ, вотъ почему птицъ этого семейства встрѣчаютъ вездѣ, даже среди пустынь. Въ степныхъ лѣсахъ можно видѣть иногда деревья, такъ сказать, унизанными ими; въ первобытныхъ лѣсахъ ихъ воркованье, стонъ и другіе звуки составляютъ такую необычайную музыку, что она почти заглушаетъ голоса всѣхъ прочихъ птицъ; какой-нибудь колодезь, лужа въ степи дѣлаются сборнымъ мѣстомъ цѣлыхъ тысячъ этихъ быстрокрылыхъ и сравнительно неприхотливыхъ птицъ. Въ Южной Америкѣ живетъ болѣе трети до сихъ поръ намъ извѣстныхъ голубей. «Въ безконечныхъ дѣвственныхъ лѣсахъ Бразиліи,» говоритъ принцъ фонъ-Видъ, «живутъ многіе виды голубей. Ихъ тихій призывной голосъ радуется истощеннаго дневнымъ жаромъ охотника, который присядетъ отдохнуть подъ старымъ деревомъ на мху у чистаго, шумящаго лѣснаго ручья, наслаждаясь запахомъ ванили и другими благоуханіями». Въ средней Америкѣ они встрѣчаются еще чаще, чѣмъ въ Бразиліи, вслѣдствіе своей любви къ островамъ. Относительно ихъ мѣстопребыванія можно замѣтить, что различные виды подѣлились между собой различныя мѣстности. Въ то время, какъ одни изъ нихъ исключительно селятся на деревьяхъ и только развѣ для питья слетаютъ на землю, другіе проводятъ всю свою жизнь на землѣ или-же поднимаются только на короткій срокъ на низкія вѣтки; первыя населяютъ темныя лѣса, вторыя селятся въ рѣдкихъ степныхъ кустарникахъ; нѣкоторыя живутъ только на скалахъ, въ низкомъ густомъ кустарникѣ, исключительно на маленькихъ островахъ и т. д.

Всѣ виды, живущіе на сѣверѣ — перелетныя, а живущіе на югѣ — кочевыя или осѣдлыя птицы. Послѣднія изрѣдка живутъ маленькими обществами, обыкновенно-же парами; другія соединяются только на время перелета большими стаями: нѣкоторыя образуютъ въ теченіи цѣлаго года большія общества, а многіе виды скопляются такими огромными массаами, что, по достовѣрной оцѣнкѣ, превосходятъ всѣ прочія обычныя сборища птицъ. Путешествія рѣдко быраютъ далекія; наши европейскіе голуби, напримѣръ, улетаютъ не далѣе сѣверной Африки, болшею же частью остаются въ южной Европѣ.

Пищу свою эти птицы берутъ почти исключительно изъ растительнаго царства. Въ зобу нѣкоторыхъ видовъ находили маленькихъ улитокъ, червяковъ и гусеницъ, извѣстно также, что они ѣдятъ и собственныхъ вшей; но часть пищи, доставляемая имъ животнымъ царствомъ, всегда очень значительна. Сѣмена и клубни всевозможныхъ растений составляютъ пищу большинства; представители нѣкоторыхъ семействъ или подсемействъ питаются ягодами и лѣсными плодами. Пища просто срывается или снимается съ вѣтки, рѣдко добывается посредствомъ раскалыванья (напр. стручковъ, бобовъ) или другими усилиями, еще рѣже высвобождается ногами, а чаще выклеивается; найденная пища до проглатыванья не раздробляется. Многіе виды любятъ солончаковую землю и потому обыкновенно появляются на мѣстахъ, содержащихъ въ себѣ соль по наблюденіямъ. Сназя преимущественно въ то время, когда у нихъ есть птенцы. Тѣ виды, кото-

рые ѣдятъ твердыя зерна, проглатываютъ для ускоренія пищеваренія маленькіе кусочки кварца и другіе твердые тѣла, а самки, въ періодъ кладки, также и извѣстку. Имъ нужно много воды, которая служитъ не только для утоленія жажды, но и для того, чтобы въ ней разбухли твердыя зерна.

Насколько до сихъ поръ извѣстно, голуби кладутся болѣе, чѣмъ одинъ разъ въ годъ. Гнѣздо закладывается различно: въ вѣтвяхъ деревьевъ и кустовъ, высоко и низко надъ землей, въ пещерахъ скалъ и въ дуплахъ деревьевъ, на толстыхъ сучьяхъ или пняхъ, рѣдко на самой землѣ. Это—жалкая постройка изъ немногихъ сухихъ хворостинокъ, наложенныхъ рыхло и беспорядочно одна на другой и часто такъ непрочна, что нельзя понять, какъ такое гнѣздо можетъ противустоять вѣтру и погодѣ. Кладка состоитъ изъ двухъ бѣлыхъ яицъ. Въ періодъ спариванья самецъ очень усердно добивается расположенія самки, воркуетъ, стонетъ, смѣется, подходитъ нагибаясь, наклоняетъ голову, вертится, бѣгаетъ взадъ и впередъ съ странными движеніями, взлетаетъ съ хлопающимъ звукомъ вверхъ, и тихонокъ спускается опять внизъ, клюется со своей самкой, между прочимъ снимаетъ съ нея вшей, и вообще выказываетъ всякими знаками и тѣлодвиженіями сильное волненіе. Въ высиживаніи яицъ принимаютъ участіе и самецъ и самка, но самецъ всегда дѣлаетъ это неохотно, такъ какъ сидѣнье на мѣстѣ ему, кажется, чрезвычайно неприятно и даже ненавистно.

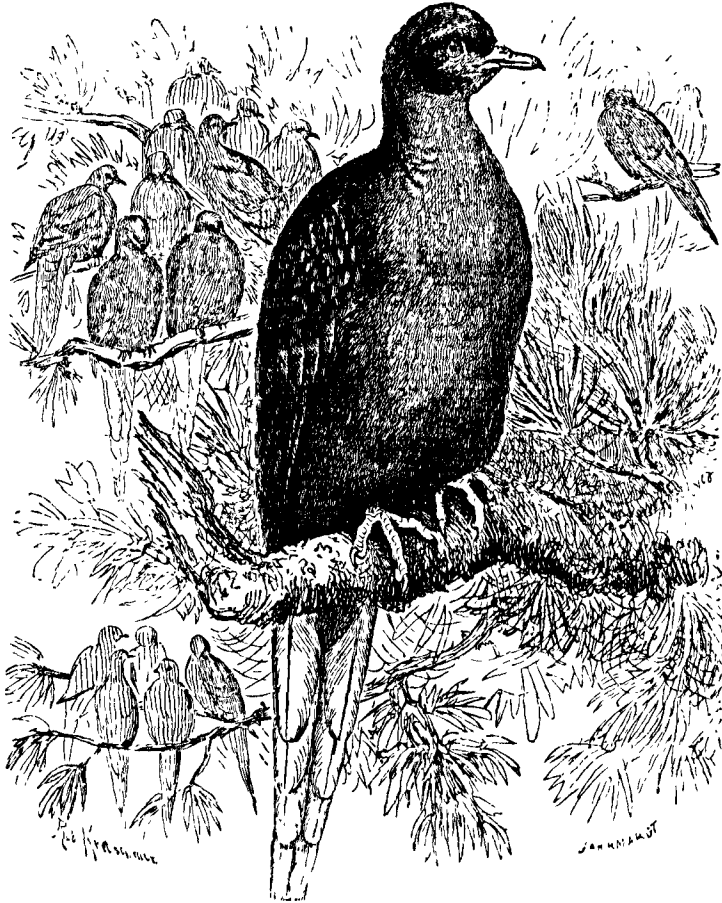
Самка сидитъ на яйцахъ цѣлый день, за исключеніемъ обѣденныхъ часовъ, а самецъ во время послѣднихъ. Птенцы вылупляются черезъ 14—20 дней: это—маленькія, безпомощныя, слѣпыя созданія, скучно одѣтыя желтымъ пушкомъ, остающіяся въ гнѣздѣ до тѣхъ поръ, пока научатся летать. Сначала они кормятся творжистымъ веществомъ, выдѣляющимся изъ стѣнокъ зоба самки, позднѣе-же размягченными, и наконецъ твердыми сѣменами, которыя родители кладутъ, или скорѣе закидываютъ ихъ ротъ. Дальнѣйшее ихъ развитіе послѣ вылета изъ гнѣзда беретъ немного времени, такъ какъ большинство видовъ уже къ концу перваго года ихъ жизни дѣлаются способны къ размноженію.

Всѣ голуби, по крайней мѣрѣ живущіе у насъ, могутъ считаться полезными птицами. Сналь убѣдился послѣ тщательныхъ и усердныхъ наблюденій, что хотя нѣкоторые виды и срываютъ зерна злаковъ, которые, можетъ быть, и безъ нихъ-бы погибли, но въ общемъ питаются почти исключительно сѣменами различныхъ вредныхъ для хозяйства сорныхъ травъ и тѣмъ приносятъ неоцѣнную пользу. Тотъ-же наблюдатель нашель въ зобу убитаго имъ домашняго голубя 3582 зерна мышинаго горошка и вычислялъ, что одинъ голубь съ однимъ птенцомъ ежегодно уничтожаетъ до 800,000 этихъ зеренъ. Добросовѣстныя наблюденія Сналя устраиваютъ всѣ упреки, дѣлаемые голубьямъ и всякое подозрѣніе въ приносимомъ вредѣ, которое иногда на нихъ взводятъ.

Изъ четырехъ семействъ голубиныхъ мы прежде всего назовемъ **Древесныхъ голубей** (Columbinae), въ ряду которыхъ первое мѣсто занимаетъ извѣстный **Странствующій голубь** (*Ectopistes migratorius*, *Columba migratoria*, *americana* и *canadensis*. Wandertaube. Pigeon voyageur), какъ представитель рода **Хвостатыхъ голубей** (*Ectopistes*). Онъ плотнаго сложенія, съ длинной шеей и маленькой головой; клювъ его средней длины, довольно тонкій и прямой, плюсны короткія, но толстыя, короче средняго пальца безъ когтя; крылья длинныя, заостренныя, въ нихъ второе маховое перо самое длинное; состоящій изъ 12 перьевъ хвостъ длинный и, за исключеніемъ двухъ, нѣсколько укороченныхъ среднихъ перьевъ, ступенчатъ. Общій цвѣтъ перьевъ асидно-синій, съ нижней стороны красновато-сѣрый; бока

шеи блестящаго пурпурово-фіолетоваго цвѣта, брюшко и гузка бѣлыя; маховыя перья черноватыя съ бѣлыми краями, среднія рулевыя перья—черныя, боковыя свѣтло-сѣрыя, у корня украшены однимъ чернымъ пятномъ. Глаза ярко-красныя. Клювъ черный, ноги кроваво-краснаго цвѣта. У самки, которая меньше самца, преобладаетъ пепельно-бурый цвѣтъ, а на спинѣ и надхвостьѣ—бѣловато-сѣрый; среднія покровныя перья хвоста красно-бурныя. Длина самца 42 см., самки 39 см., размахъ крыльевъ 65 и 60, длина крыльевъ и хвоста около 21 см.

Отъ Гудзонова залива до Мексиканскаго и отъ Скалистыхъ горъ до восточ-

Странствующій голубь. *Ectopistes migratorius*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

наго берега встрѣчается во всѣхъ штатахъ Сѣверной Америки странствующій голубь, залетающій иногда, какъ говорятъ, и въ Англiю, но не вездѣ въ одинаковомъ количествѣ. Въ восточныхъ штатахъ появляются они, по словамъ Гергардта, огромными массами, и потому описанiя ихъ нравовъ и привычекъ, переданныя намъ даже самыми достовѣрными наблюдателями, кажутся европейцамъ совершенно невѣроятными. Имъ, напримѣръ, приходится слышать, что въ Сѣверной Америкѣ стаи дикихъ голубей затемняютъ солнце, портятъ на цѣлыя мили лѣса своимъ вреднымъ пометомъ, обламываютъ толстые сучья деревь, садясь на нихъ въ слишкомъ большомъ количествѣ, доставляютъ не только людямъ, но даже свиньямъ и различ-

нымъ хищникамъ пищу на цѣлыя недѣли и дѣйствительно наносятъ страшный вредъ полямъ и лѣсамъ. Но всѣ эти описанія вѣрны и даже стоятъ ниже дѣйствительности.

«Странствующій голубь, который въ Америкѣ называется дикимъ голубемъ», говоритъ Одюбонъ, «двигается съ необыкновенною скоростью, съ помощью быстро повторяющихся ударовъ крыльями по воздуху. Онъ часто дѣлаетъ большіе круги въ воздухѣ, поддерживая себя на лету обоими поднятыми подъ прямымъ угломъ крыльями, пока не спустится на землю. Тогда онъ ударяетъ другъ о друга концами крыльевъ, чѣмъ производитъ шумъ, слышный на 30—40 м. разстоянія. Опускаясь, голубь умѣряетъ быстроту полета частыми ударами крыльевъ, чтобы получить возможность спокойно ухватиться за вѣтку или встать ногами на землю.

«Я началъ съ описанія полета голубей потому, что онъ именно лучше всего опредѣляетъ привычки этихъ птицъ. Перелеты ихъ происходятъ исключительно изъ за пищи, а вовсе не для того, чтобы избѣжать суровой зимы сѣверныхъ широтъ или чтобы отыскать себѣ удобное мѣсто для кладки и высиживания яицъ. Поэтому они нигдѣ не устраиваются осѣдло, но остаются тамъ, гдѣ находятъ себѣ пищу. При благоприятныхъ обстоятельствахъ они живутъ иногда годами тамъ, гдѣ ихъ прежде никогда не видали, исчезаютъ потомъ внезапно и возвращаются только по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ. Необыкновенная сила ихъ крыльевъ даетъ имъ возможность совершать удивительные перелеты; способность эта была доказана въ Америкѣ многими достовѣрными фактами. Случалось убивать въ окрестностяхъ Нью-Йорка голубей, зобы которыхъ были наполнены рисомъ, между тѣмъ какъ вѣсть послѣдній они могли только въ поляхъ Георгіи и Каролины. Имѣя же въ виду, что пищевареніе ихъ совершается такъ быстро, что принятая ими пища втеченіи 12 часовъ совершенно переваривается, мы должны придти къ заключенію, что эти голуби пролетѣли въ шесть часовъ отъ 300 до 400 англійскихъ миль, или по милѣ въ минуту. Слѣдовательно, при такой быстротѣ полета они могутъ долетѣть до Европы въ три дня. Кромѣ этой силы полета голуби одарены еще очень развитыми внѣшними чувствами, что даетъ имъ возможность во время самаго быстрого полета обозрѣвать страну и находить себѣ пищу. Я наблюдалъ, что, пролетая надъ неплодородной мѣстностью, они держались очень высоко надъ землею, между тѣмъ какъ въ плодородныхъ и лѣсистыхъ опускались часто очень низко».

«По дорогѣ въ фортъ Франкъ», рассказываетъ Вильсонъ, «я проходилъ лѣсомъ и видѣлъ какъ черезъ него утромъ пролетали голуби, направляясь къ востоку. Около часу пополудни они стали возвращаться такими огромными стаями, что я не могъ вспомнить, чтобы когда-либо видѣлъ такую массу птицъ. Просѣка вблизи бухты Берзоэ дала мнѣ возможность наблюдать за ними и то, что я здѣсь увидѣлъ, привело меня въ совершенное изумленіе. На высотѣ ружейнаго выстрѣла, быстро и непрерывно неслись надо мною голуби въ нѣсколько слоевъ, такъ близко прижимаясь другъ къ другу, что однимъ выстрѣломъ можно было бы убить ихъ множество. Направо и налево, насколько хватало зрѣнія, тянулась эта необозримая стая въ ширину и длину, и вездѣ казалась одинаково густою и сплошною. Желая изслѣдовать, какъ долго продолжится это зрѣлище, я посмотрѣлъ на часы и сѣлъ на землю, чтобы наблюдать за пролетающими стаями. Было четверть перваго, и я просидѣлъ съ того времени дольше часу и все-таки не замѣтилъ, чтобы количество летящихъ голубей уменьшалось; казалось, напротивъ того, оно еще все росло; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалась и быстрота ихъ полета; между тѣмъ я принужденъ былъ продолжать свой путь, чтобы дойти

во время до форта. Около 4-хъ часовъ пополудни я пересѣкъ рѣку Кен-туки у форта, но живой потокъ надъ моей головой казался такимъ же многочисленнымъ и широкимъ, какъ и прежде. Гораздо позже замѣтилъ я еще отдѣльныя большія стаи голубей, которымъ требовалось отъ 6—8 минутъ, чтобъ пролетѣть надъ моей головой; за ними слѣдовали опять другія стаи, летѣвшія все по тому же направленію, т. е. на юго-востокъ. Такъ продолжалось до шести часовъ вечера. Огромная ширина пролетающей стаи могла дать понятіе о соответствующей обширности ихъ мѣста гнѣздованія.

«Когда я осенью 1813 года», говоритъ Одюбонъ, «проходилъ по берегу Огіо, по сухимъ равнинамъ, немного ниже Гарденсбурга, то замѣтилъ стаю странствующихъ голубей, которая неслась съ сѣверо-востока на юго-западъ. Такъ какъ количество ихъ показалось мнѣ необыкновенно большимъ, то мнѣ пришло на умъ сосчитать стаю, пролетѣвшія передъ моими глазами втеченіи одного часа. Поэтому я сошелъ съ лошади, сѣлъ на возвышенность и при каждой пролетающей стаѣ дѣлалъ своимъ карандашемъ значекъ на бумагѣ. Но я скоро увидѣлъ, что предпріятіе мое неисполнимо, такъ какъ птицы появлялись неисчислимыми массами. Ставши на ноги, я сосчиталъ сдѣланные мною значки и нашелъ, что втеченіи 21 минуты я сдѣлалъ ихъ 163. Я продолжалъ путь и замѣтилъ, что число голубей все прибавлялось. Воздухъ былъ положительно наполненъ голубями, и полуденное солнце было ими совершенно затемнено, точно при затменіи. Пометь ихъ падалъ массой, будто снѣжные хлопья, и шумъ ихъ крыльевъ дѣйствовалъ на меня усыпляющимъ образомъ. Пока въ ожиданіи обѣда я сидѣлъ въ гостинницѣ Юнга при слияніи Сольттривера съ Огіо, я увидалъ безчисленные легіоны голубей, которые тянулись отъ самаго Огіо до виднѣющихся вдаль лѣсовъ. Ни одинъ голубь не спустился на землю, такъ какъ во всей этой мѣстности не оказалось ни одного орѣха или желудя. Поэтому они летѣли такъ высоко, что попытки попасть въ нихъ изъ моей превосходной винтовки оказались напрасными: выстрѣлы даже не тревожили ихъ. Невозможно описать всю красоту ихъ поворотовъ въ воздухѣ, когда соколъ старался ухватить одного голубя изъ стаи. Съ громовымъ шумомъ спускались они тогда мгновенно въ высоты, сплотившись цѣлой массой, какъ живой потокъ; они неслись неудержимо впередъ плотной, волнообразной ломаной линіей, ниспадали до самой земли и со страшной быстротой летѣли надъ нею, касаясь ея крыльями; потомъ подымались опять отвѣсно къ небу, подобно громадной колоннѣ, и, достигнувъ прежней высоты, опять выравнивались въ одну линію, напоминающую своими изгибами какую-то исполинскую змѣю. Передъ закатомъ солнца пріѣхалъ я въ Луисвилль, который отстоитъ отъ Гарденсбурга на 55 миль. Голуби все еще неслись надо мною непрерывными стаями и такъ продолжалось безостановочно цѣлыхъ три дня».

«Чрезвычайно интересно было видѣть, что каждая стая выдѣлывала въ воздухѣ совершенно тѣ-же повороты, какъ и предшествовавшая ей. На томъ мѣстѣ, гдѣ, на примѣръ, хищникъ выхватилъ одного голубя изъ стаи, слѣдующая за этой стаей описывала такіе же повороты и волнистыя линіи, какія выдѣлывала первая, для избѣжанія когтей врага. Наблюдатель, желающій самъ убѣдиться въ этомъ, долженъ остановиться на томъ мѣстѣ, гдѣ замѣтилъ подобный изгибъ пролетѣвшей стаи и подождать слѣдующую.

«Все населеніе взялось за оружіе. У береговъ Огіо толпились мужчины и мальчики и безостановочно стрѣляли въ птицъ, которыя здѣсь, для перелета черезъ рѣку, опустились ниже. Цѣлыя массы ихъ были убиты и все населеніе въ про- долженіи недѣли питалось однимъ голубинымъ жиромъ и мясомъ и всѣ разговоры

вертѣлись около того же сюжета. Воздухъ же былъ насыщенъ испареніями; свойственными этому виду птицъ.

«Я предполагаю, что не совсѣмъ бесполезно будетъ опредѣлить число голубей въ такой стаѣ и количество уничтожаемой ими пищи. Принимая въ расчетъ, что подобный пролетъ бываетъ шириною въ цѣлую милю (что вовсе не преувеличено) и что при извѣстной намъ быстротѣ онъ летитъ безостановочно въ теченіи цѣлыхъ трехъ часовъ, то получается параллелограмъ въ 180 англійскихъ квадратныхъ миль. Полагая только по 2 голубя на одинъ квадратный метръ, окажется, что стая состоитъ изъ 1,115,136,000 штукъ странствующихъ голубей, а такъ какъ каждый голубь уничтожаетъ по полпинтѣ пищи ежедневно, то оказывается, что вся стая требуетъ до 8,712,000 бушелей (около 2-хъ милліоновъ четвертей) ежедневно». Вильсонъ дѣлаетъ подобный же расчетъ и приходитъ къ заключенію, что стая содержитъ до двухъ милліардовъ голубей и ежедневно нуждается въ 17,424,000 бушеляхъ разныхъ питательныхъ зеренъ.

«Какъ только голуби», говоритъ Одюбонъ, «замѣтятъ пищу, они начинаютъ описывать круги, чтобъ лучше изслѣдовать мѣсто. Во время этихъ поворотовъ вся густая масса птицъ представляетъ поразительно красивое зрѣлище: смотря по тому, какъ они измѣняютъ направленіе и поворачиваются къ наблюдателю нижней или верхней стороной,—они кажутся то голубыми, то ярко-красными. Такъ они низко летятъ надъ лѣсами, исчезаютъ по временамъ въ зелени, опять поднимаются въ воздухъ и несутся дальше высоко надъ землею. Наконецъ они опускаются, но въ скоромъ времени поднимаются опять, какъ бы испуганные, и съ шумомъ, подобнымъ раскату отдаленнаго грома, несутся далѣе, выматривая на лету предполагаемую опасность. Голодь, впрочемъ, заставляетъ ихъ опять вскорѣ опуститься на землю. Вставши на ноги, они тотчасъ начинаютъ разрывать сухіе листья, отыскивая подъ ними лежащіе желуди. Безпрерывно поднимаются съ земли отдѣльныя стаи, пролетаютъ низко надъ главной массой и опять опускаются, но все это происходитъ съ такой послѣдовательностью и быстротой, что вся стая какъ будто постоянно находится въ движеніи. Количество находимой ими здѣсь пищи просто изумительно, и подбирается она такъ тщательно, что послѣ ихъ пролета не остается ровно ничего. Во время ѣды они такъ прожорливы, что, проглатывая орѣхъ или желудь, задыхаются, точно давятся ими. Обыкновенно около полудня, насытившись, голуби садятся на деревья, чтобы отдохнуть. Тутъ они неторопливо бѣгаютъ взадъ и впередъ по вѣткамъ и очень красиво поворачиваютъ шею. Послѣ заката солнца они цѣлыми массами направляются къ мѣсту ночлега, которое нерѣдко на сто миль отстоитъ отъ мѣста, гдѣ они кормились.

«Осмотримъ теперь одно такое мѣсто ночлега, хоть-бы напримѣръ на Зеленой рѣкѣ въ Кентуки, которое я часто посѣщалъ. Оно находилось въ высокомъ лѣсу, въ которомъ весьма мало росло кустарника. Я проскакалъ по немъ цѣлыхъ 40 миль и удостовѣрился, пройдя его вдоль и поперекъ, что ширина его была болѣе трехъ миль. Когда я въ первый разъ посѣтилъ этотъ лѣсъ, то узналъ, что голуби уже почти 14 дней тому назадъ захватили его въ свое владѣніе. Я прибылъ туда за два часа до заката солнца. Голубей почти не было видно, но на опушкѣ лѣса расположилось множество людей съ лошадьми и повозками, оружіемъ и всякими снарядами. Два сельскихъ хозяина пригнали сюда, за 100 миль, стадо въ 300 свиней, въ намѣреніи накормить ихъ голубинымъ мясомъ. Всюду можно было видѣть людей, занятыхъ соленіемъ голубинаго мяса. и всюду лежали цѣлыя кучи убитыхъ птицъ. Падающій сверху, какъ густой снѣгъ, пометъ покры-

валъ уже землю на нѣсколько сантиметровъ на всемъ протяженіи мѣста отдохновенія голубей. Многія деревья, стволы которыхъ имѣли до 60 см. въ поперечникѣ, сломались у самой земли, и большіе сучья самыхъ высокихъ и крѣпкихъ изъ нихъ были сорваны, какъ будто здѣсь свирѣпствовалъ сильный ураганъ. По всемъ признакамъ можно было догадаться, что количество гнѣздящихся здѣсь птицъ превосходило всякое понятіе. Когда подошло время появленія голубей, ожидающіе ихъ враги стали почти боязливо приготовляться къ ихъ встрѣчѣ. Многіе люди появились съ горшками, содержащими сѣру, другіе съ смолеными факелами, третьи съ дугами и стрѣлами, остальные съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Солнце уже зашло за горизонтъ, а мы еще не видали ни одного голубя; но все было уже готово къ принятію ихъ, и всѣ глаза устремлены были къ небу, просвѣчивающему сквозь листву высокихъ деревьевъ. Вдругъ раздался общій крикъ: «они летятъ!» И они дѣйствительно летѣли, хотя еще въ отдаленіи, но шумъ, производимый ихъ крыльями, напоминалъ завываніе свѣжной бури въ снастяхъ корабля. Когда они, наконецъ, появились, и стая неслась надъ моей головой, я почувствовалъ сильное движеніе воздуха. Тысячи голубей были мгновенно убиты длинными жердами, но на ихъ мѣсто тотчасъ появились новые. Тогда зажглись огни и нашимъ глазамъ представилось насколько великолѣпное и чудное, настолько и отвратительное зрѣлище. Голуби, прилетавшіе тысячами, садились всюду, пока вокругъ сучьевъ и вѣтвей не образовались плотныя массы. По временамъ подъ ихъ тяжестью съ шумомъ подламывались вѣтки, убивая цѣлыя сотни сидящихъ подъ ними птицъ, которыя массами падали на землю. Тогда началось общее смятеніе и замѣшательство. Совершенно бесполезно было говорить или даже кричать ближайшему сосѣду. Даже ружейные выстрѣлы замѣчались только по вспыхиванію заряда въ концѣ ствола.

«Никто не отваживался ступить на мѣсто побоища. Свиньи загнаны были за особый плетень, такъ какъ ихъ дѣло, т. е. подбораніе мертвыхъ и раненыхъ голубей, — должно было начаться со слѣдующаго утра. Между тѣмъ настала полночь, а голуби все еще прибывали, не уменьшаясь въ количествѣ. Суматоха такимъ образомъ продолжалась цѣлую ночь. Мнѣ очень интересно было знать, какъ далеко можно было слышать шумъ побоища, и я послалъ человѣка для изслѣдованія этого дѣла. Онъ вернулся съ извѣстіемъ, что шумъ былъ слышенъ на разстояніи трехъ миль. Только къ разсвѣту суматоха наконецъ улеглась. Задолго до того времени, когда можно было ясно различать предметы, голуби стали отлетать, но совершенно въ другомъ направленіи, чѣмъ то, откуда они прилетѣли. Къ разсвѣту исчезли всѣ голуби, которые могли еще летѣть. Тутъ послышались завыванія волковъ, лисицъ, кугуаровъ, медвѣдей, полоскуновъ и двуутробокъ, бродящихъ кругомъ побоища, между тѣмъ какъ орлы и ястребы слетались для оспариванія у нихъ добычи. Но теперь и люди, виновники побоища, принялись подбирать убитыхъ, умирающихъ и раненыхъ голубей. Ихъ складывали въ кучи, пока каждый человѣкъ не набралъ себѣ столько, сколько ему было нужно; тогда напустили свиней, которыя истребили остальное».

Точно такое-же побоище происходитъ на мѣстахъ размноженія голубей. «Способъ размноженія дикаго голубя», рассказываетъ дальше Одюбонъ, «и мѣста, на которыхъ оно происходитъ, достойны особеннаго вниманія. Размноженіе собственно не зависитъ отъ временъ года, но гнѣздо всегда устраивается въ такомъ мѣстѣ, гдѣ можно пайти пищу въ изобиліи; необходима также и близость воды. Сами гнѣзда устраиваются на высокихъ деревьяхъ. Въ это время странствующій голубь воркуетъ очень нѣжно, однако все-же громче, чѣмъ нашъ домашній голубь, издавая звуки «куу куу ку», между тѣмъ какъ обыкновенно слышатся слога

«ки ки ки». Самецъ преслѣдуетъ самку по землѣ или по вѣткѣ дерева, принимая при этомъ гордую осанку: распускаетъ хвостъ, опускаетъ крылья и ударяетъ кончиками ихъ другъ о друга. Грудь выпячивается, зобъ выставляется впередъ, глаза блестятъ, онъ воркуетъ, подымаетъ вверхъ крылья, залетаетъ впередъ на нѣсколько метровъ, возвращается къ голубкѣ, цѣлуется съ нею и кормитъ ее изъ своего зоба. Послѣ такихъ предварительныхъ нѣжностей оба начинаютъ постройку гнѣзда. Оно состоитъ изъ немногихъ сухихъ вѣтокъ, сплетенныхъ крестъ-на-крестъ на развилкѣ сука; на одномъ деревѣ можно иногда видѣть отъ 50—100 такихъ гнѣздъ; я могъ бы еще увеличить это число, но опасаясь, чтобъ не приняли мой удивительный рассказъ объ этомъ голубѣ за неправдоподобную сказку. Оба яйца, изъ которыхъ состоитъ кладка, кругловаты, около 35 м.м. длины, 25 м.м. толщины и чисто бѣлаго цвѣта. Пока самка сидитъ на яйцахъ, ее кормитъ самецъ, и вообще онъ выказываетъ ей во все время дѣйствительно трогательную нѣжность и любовь. Достоинно вниманія то обстоятельство, что птицы одной кладки постоянно въ послѣдствіи составляютъ пару. Родители кормятъ птенцовъ, пока они неспособны кормиться сами; послѣ того молодыя птицы оставляютъ родителей и образуютъ отдѣльныя стаи до окончательной возмужалости. Шести мѣсяцевъ они уже способны къ размноженію. Но не успѣли они еще оставить гнѣзда, какъ деспотическій властелинъ земли, т. е. человѣкъ, принимается за уничтоженіе ихъ. Онъ идетъ въ лѣсъ съ топорами и другимъ оружіемъ и срубаетъ вѣтки и цѣлыя деревья, нарушая покой мирныхъ поселенцевъ. При паденіи срубленныхъ стволовъ и сучьевъ, птицы, вмѣстѣ съ гнѣздами, падаютъ на землю и погибаютъ цѣлыми массами».

Вильсонъ еще подробнѣе описываетъ мѣсто размноженія голубей. «Лѣсъ, бывшій долгое время во владѣніи странствующихъ голубей, представляетъ довольно странное зрѣлище. Почва покрыта ихъ пометомъ, вся трава и кусты уничтожены. Множество вѣтвей лежитъ кучами на землѣ, и самыя деревья, на пространствѣ болѣе 1000 акровъ, совершенно обнажены, какъ будто ихъ очистили топоромъ. Слѣды такого разрушенія остаются замѣтны цѣлые года, и въ лѣсу встрѣчаются часто мѣста, на которыхъ въ теченіи многихъ лѣтъ отсутствуетъ всякая растительность. Индѣйцы смотрятъ на такія мѣста размноженія, какъ на самыя главные источники своего благосостоянія и наживы. Какъ только птенцы совершенно оперились, появляются окрестные жители съ повозками, постелями и домашней утварью, нѣкоторые даже въ сопровожденіи своихъ семей и проводятъ нѣсколько дней на мѣстѣ кладки. Свидѣтели рассказывали мнѣ, что шумъ и крикъ въ лѣсахъ были такъ ужасны, что лошади пугались, и ни одинъ человѣкъ не могъ слышать другаго, если тотъ прямо не кричалъ ему на ухо. Вся земля была покрыта обломанными сучьями, упавшими яйцами и птенцами, которыхъ пожирала цѣлыя стада свиней. Ястребы, соколы и орлы кружились стаями высоко въ воздухѣ и хватали любого птенца изъ гнѣзда. Глазъ видѣлъ только безостановочно движущуюся, толпящуюся и безпорядочно летающую массу голубей; въ то-же время шумъ крыльевъ напоминалъ раскаты грома, и среди всего этого слышался трескъ падающихъ деревьевъ, такъ какъ дровосѣки срубали тѣ изъ нихъ, которыя гуце всѣхъ были покрыты гнѣздами».

Слѣдовало бы предположить, что подобныя варварскія побойща должны принести къ совершенному уничтоженію этого вида голубей. «Но я убѣдился», замѣчаетъ Одюбонтъ, «долготѣнимъ опытомъ, что ничто, кромѣ совершенной вырубкы лѣсовъ, не можетъ привести къ окончательному истребленію ихъ». Въ 1805 году прибыли въ Нью-Йоркъ маленькія суда, нагруженныя странствующими голубями; ситу-

ка продавалась по одному центу. Одюбонъ сообщаетъ, что одинъ птицеловъ въ Пенсильваніи поймалъ однажды въ свою западную до 500 дюжинъ голубей и иногда покрывалъ своей сѣтью до 20 дюжинъ птицъ заразъ. Еще въ 1830 г. ихъ привозили на рынокъ Нью-Йорка въ такомъ множествѣ, что они лежали вездѣ цѣлыми кучами.

Въ неволѣ странствующіе голуби живутъ, при надлежащемъ уходѣ, цѣлыя годы, размножаются тоже легко, но въ настоящее время рѣдко появляются въ нашихъ зоологическихъ садахъ.

* *
*

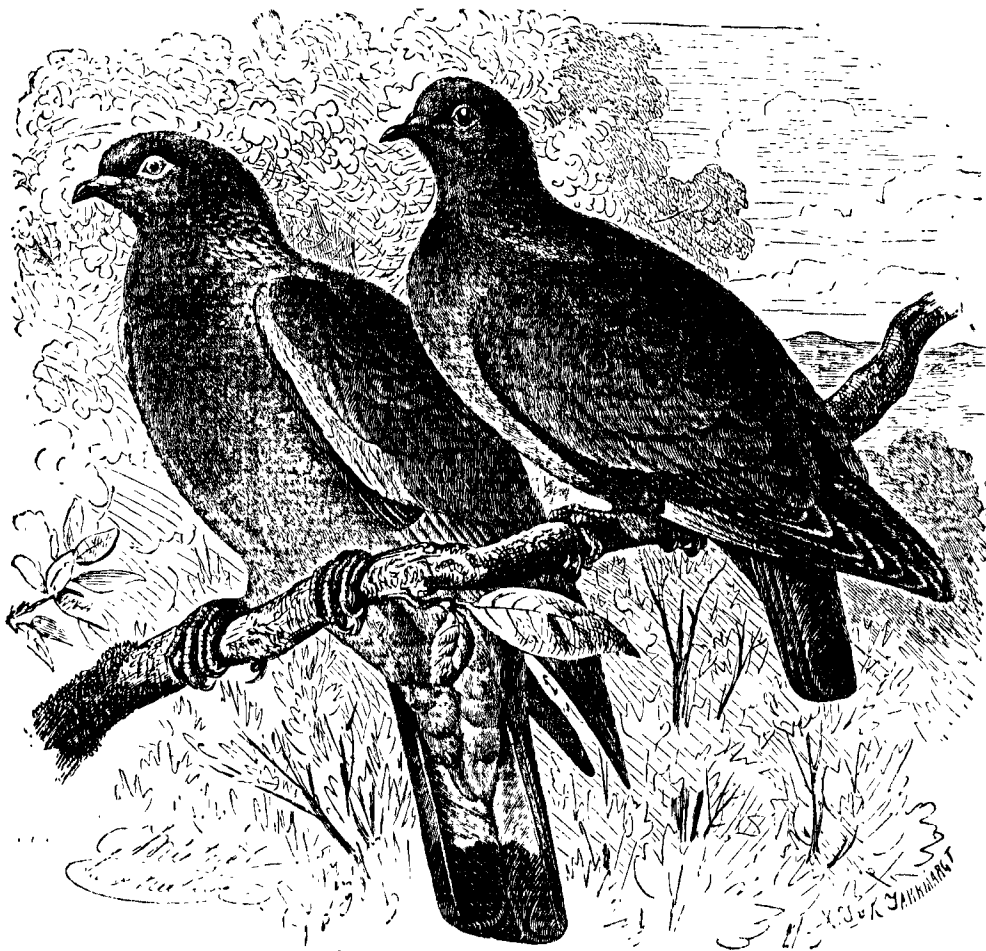
Къ распространенному вездѣ роду **Лѣсныхъ голубей** (*Columba. Holztauben*) принадлежитъ и нашъ **Вяхирь, Витютень** или **Диній голубь** (*Columba palumbus, pinetorum* и *torquata, Palumbus torquatus* и *excelsus. Ringeltaube. Ramier*). Опереніе его на затылкѣ, головѣ и горлѣ темно-голубое; на верхней части спины и крыльевъ темно-сѣро-голубое, на нижней части спины и гужкѣ свѣтло-голубое, на головѣ и груди красновато-сѣрое, на остальной нижней части свѣтло-сѣровато-голубое и только на нижней части брюшка бѣлое; нижняя часть шеи украшена съ обѣихъ сторонъ блестящими бѣлыми пятнами и имѣетъ металлическій отблескъ. Маховыя перья шиферно-сѣраго цвѣта, перья хвоста шиферно-чернаго, съ болѣе свѣтлой поперечной полосой; наконецъ широкая полоса на изгибѣ крыла и большое пятно на хвостовыхъ перьяхъ—бѣлыя. Самка отличается отъ самца меньшимъ ростомъ, а молодыя птицы — не такими яркими цвѣтами. Глаза блѣдно-сѣро-желтые, клювъ блѣдно-желтый, у корня красный, ноги голубовато-красныя. Длина достигаетъ 43, размахъ крыльевъ 75, длина крыла 23, длина хвоста 17 см.

Съ 65° сѣв. широты вяхирь распространяется по всей Европѣ, а въ Азій мѣняется другимъ, можетъ быть даже совсѣмъ не отдѣльнымъ видомъ (*Columba casiotis*). Относительно его странствованій можно сказать, что онъ долетаетъ до сѣверо-запада Африки, но никогда не встрѣчается на сѣверо-востокѣ этой части свѣта. Въ южной Европѣ онъ уже гораздо рѣже появляется, чѣмъ въ Германіи; въ Испаніи же, по нашимъ наблюденіямъ, онъ водится большими стаями.

Вяхирь—настоящая лѣсная птица. Въ Германіи его можно встрѣтить во всякомъ большомъ или маломъ, хвойномъ или лиственномъ лѣсу, въ горахъ и равнинахъ, близъ деревень или вдали отъ человѣческаго жилья; но, повидимому, онъ предпочитаетъ все-таки хвойныя деревья, вѣроятно влѣдствіе того, что сѣмена елей, пихтъ и сосенъ составляютъ его любимую пищу. Въ исключительныхъ случаяхъ онъ селится и среди деревень и даже многолюдныхъ городовъ на отдѣльно стоящихъ деревьяхъ: я видѣлъ ихъ даже въющими гнѣзда на бульварахъ Дрездена и Лейпцига, такъ-же какъ и въ садахъ Парижа, Берлина и Иены. На сѣверѣ своей области распространенія онъ перелетная птица, весьма правильно отлетающая и снова прилетающая, а въ южной Германіи, въ особенности въ Испаніи и Италіи это—осѣдлая птица. Живущіе въ Скандинавіи голуби зимуютъ большею частью въ южной Англій и Ирландіи; тѣ, которые переселяются изъ Германіи, отлетаютъ только до юга Европы и зимуютъ иногда въ такихъ странахъ, гдѣ цѣлыми неделями стоитъ суровая, неприятная погода. Мнѣ пришлось во время моего пребыванія зимою около Мадрида и въ Сьеррѣ-Невадѣ наблюдать за многочисленными стаями вяхирей и клинтуховъ; въ то же время я узналъ, что въ названныхъ горахъ, имѣя по эти голуби довольно часто появляются лѣтомъ и зимою. Въ средней Германіи они прилетаютъ уже въ мартѣ, а иногда и въ февралѣ и остаются до середины или конца октября. По наблюденіямъ моего отца вяхирь не всякій годъ поселяется въ одинаковомъ количествѣ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, по принимаетъ въ со-

ображеніе разныя случайныя обстоятельства: если урожай еловыхъ сѣмянъ хорошъ, они появляются въ лѣсахъ Шварцвальда въ большомъ количествѣ, въ противномъ случаѣ—вахирь покидаетъ хвойныя лѣса и селится въ лиственныхъ.

Правы и обычаи этого вида описаны впервые особенно вѣрно и подробно моимъ отцомъ. Описаніе это до сихъ поръ очень цѣнится и пока никѣмъ еще не исправлено и не пополнено. «Вахирь чрезвычайно быстрая и осторожная птица; онъ ходитъ хорошо, но не очень скоро, причеиъ держитъ тѣло то горизонтально,

Вахирь. *Columba palumbus* и Клинтухъ. *Columba oenas*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

то совсѣмъ прямо и безпрестанно двигаетъ шею. Сидитъ онъ то на самую верхину дерева, то прячется въ самую густоту вѣтвей. У него есть излюбленныя деревья, на которыхъ его можно увидѣть почти каждое утро; деревья эти или самыя высокія, или отличаются сухой верхушкой. Полетъ его красивый, ловкій, быстрый; при началѣ его слышится хлопанье, а потомъ свистъ въ воздухѣ. Издали можно уже узнать летящаго вахирия, не только по величинѣ, но и по длинному хвосту и сѣлому пятну на крыльяхъ.

«Чтобы дать вѣрное понятіе о поведеніи и нравахъ этого голубя, мы опишемъ вкратцѣ его образъ жизни. Просыпаются они еще до разсвѣта, и самецъ

тогда направляется къ своему любимому дереву. Здѣсь, среди полутьмы, начинаетъ онъ ворковать, причѣмъ издаетъ звуки, похожіе на воркованье полевого голубя, но сильнѣе, вродѣ «рук-кук-кук» и «ку-ку-ку» или «ру-ку-ку-ку-ку». При этомъ онъ крѣпко сидитъ на вѣткѣ, надуваетъ и ворочаетъ во все стороны шею. Каждое воркованье повторяется три—четыре раза и, чѣмъ больше разгорячается голубь, тѣмъ чаще одинъ за другимъ раздаются звуки. Живущіе по близости самцы слетаются на этотъ зовъ, садятся на сосѣднія деревья и начинаютъ взапуски ворковать. Но замѣчательно то, что на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга воркуютъ обыкновенно 3 самца, рѣдко 2, но никогда число ихъ не достигаетъ четырехъ. Сидятъ они обыкновенно при этомъ на самыхъ высокихъ деревьяхъ и нерѣдко на верхушкахъ. Я видѣлъ однажды голубя этого вида, ворковавшего на землѣ, передъ самкой; другой разъ у меня надъ головой пролетѣлъ, воркуя, голубь. Если на это воркованье прилетитъ самка и сядетъ около самца, то онъ перестаетъ ворковать и только отъ времени до времени кричитъ: «пу-у» или «гу-у», что служитъ у него выраженіемъ самаго искренняго удовольствія; онъ, повидимому, хочетъ возвѣстить этимъ свою побѣду другимъ самцамъ, сидящимъ неподалеку отъ него. Самое сильное воркованье слышится въ тихое, теплое утро; но мнѣ случалось слышать его и въ дождь и во время поздняго весенняго снѣга, отъ апрѣля до августа, и сильнѣе всего въ то время, когда парочка приступаетъ къ новой кладкѣ. Въ 7, 8 или 9 часовъ утра (не всегда въ одно время) самецъ умолкаетъ и летаетъ за пищей, съ самкой, если у нея нѣтъ въ то время ни яицъ, ни малыхъ птенцовъ, а иногда подходит и къ солончакамъ. Въ 10 часовъ начинается воркованье снова, но слабѣе и рѣже, такъ какъ каждый самецъ издаетъ его только нѣсколько разъ и съ большими промежутками. Послѣ 11 часовъ вихирь идетъ на водоной, послѣ чего отдыхаетъ во время полуденнаго зноя, спрятавшись въ листву густого дерева. Въ 2 или 3 часа онъ опять летитъ за пищей; около 5—6 часовъ принимается снова за воркованье и, утоливъ опять жажду, отправляется на покой.

«Весною и лѣтомъ вихири живутъ обыкновенно парами, рѣдко маленькими обществами и еще рѣже стаями. При спариваньи, которому воркованье служитъ прелюдией, самецъ выказываетъ страшную суетливость. Онъ не сидитъ спокойно ни минуты, безъ всякой надобности летитъ съ мѣста и поднимается вверхъ, по косому направленію, такъ сильно хлопая крыльями, что звукъ этотъ слышится издали; послѣ того онъ опять спускается внизъ; заигриванье это продолжается часто довольно долгое время. Самка летитъ иногда вслѣдъ за нимъ, но по большей части ждетъ его спокойно на мѣстѣ, такъ какъ самецъ, описавши большой кругъ въ воздухѣ, обыкновенно возвращается на свое любимое мѣсто. Самое спариванье происходитъ или на деревьяхъ, гдѣ самка присаживается къ самцу на сукѣ, или въ гнѣздѣ. Я никогда не замѣчалъ, чтобъ два самца дрались между собою. Общиптицы собираютъ матеріалы для гнѣзда, но самка обрабатываетъ ихъ. Гнѣздо устраивается высоко и глубоко среди листвы дерева. Я находилъ ихъ на соснахъ, сляхъ, дубахъ, букахъ, ясеняхъ и липахъ, на вышинѣ отъ 3—30 м.; они устраиваются обыкновенно на тонкихъ деревьяхъ въ густой чащѣ или у ствола толстыхъ деревьевъ, и всегда тщательно скрыты отъ глазъ. Гнѣздо состоитъ изъ сухихъ или свѣжихъ вѣтокъ сосны, ели и бука, но такъ слабо и плохо построено, что яйца просвѣчиваются снизу; оно совсѣмъ плоско, углублено только въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежатъ яйца и имѣетъ въ діаметрѣ отъ 30—40 см. Но несмотря на свое плохое устройство, гнѣздо этого голубя очень прочно и можетъ противостоятъ всякой погодѣ. Мнѣ никогда не приходилось находить подобнаго гнѣзда, сброшеннаго на землю бурей. Но вихирь часто вовсе не вьетъ самостоятельнаго гнѣзда, а овладѣваетъ покинутымъ бѣлицы-

имъ гнѣздомъ, которое сверху сглаживаетъ и иногда обкладываетъ хворостомъ. Я однажды нашель тоже яйца этого голубя въ старомъ сорочьемъ гнѣздѣ, верхняя часть котораго унесена была его хозяевами на мѣсто сооруженія новаго гнѣзда. Съ половины апрѣля до половины юля я постоянно находилъ гнѣзда, съ двумя ярко бѣлыми продолговатыми, почти одинаково закругленными съ обѣихъ концовъ яйцами, 39 мм. длины и 29 мм. толщины съ тонкой, шероховатой шелухой. Ихъ высиживаютъ оба родителя поочередно, а именно: самецъ отъ 9 или 10 часовъ утра до 3 или 4 часовъ пополудни.

«Малая заботливость вяхиря о своихъ яйцахъ обращаетъ на себя вниманіе наблюдателя. Я не знаю ни одной птицы, которая такъ равнодушно относилась-бы къ своему потомству. Если сидящаго на яйцахъ вяхиря согнать съ гнѣзда, то можно тотчасъ же унести яйца, такъ какъ онъ навѣрно уже не вернется къ нимъ обратно. Я ни разу не видалъ, чтобы вяхирь опять сѣлъ на гнѣздо, съ котораго его согнали. Если же спугнуть обѣихъ птицъ съ почти оконченнаго гнѣзда, то онѣ обыкновенно не покидаютъ его. Поэтому, когда я теперь нахожу гнѣздо такого голубя, то иду мимо, будто не замѣчалъ его, и не мѣшаю самкѣ спокойно высиживать свои яйца. Тогда старыя птицы не бросаютъ гнѣзда. Къ вылупившимся уже птенцамъ любовь родителей бываетъ сильнѣе, одноко же все-таки не такъ сильна, какъ у другихъ птицъ. Я взялъ однажды молодого голубя изъ пары еще не совсемъ оперившихся птенцовъ, чтобъ воспитать его у себя, но родители такъ были этимъ огорчены и разсержены, что перестали кормить и оставшагося у нихъ птенца. Пока голубята еще безъ перьевъ, родители поочередно и постоянно согрѣваютъ ихъ подъ своими крыльями; позднѣе, до самаго ихъ вылета изъ гнѣзда, согрѣваетъ ихъ уже одна самка только ночью или въ дождливые и холодные дни. Пока птенцы еще малы, родители кормятъ ихъ творожистымъ веществомъ изъ своего зоба; когда же они уже оперились—размягченными въ зобу сѣменами. Во время кормленія, которое совершается около 7 или 8 часовъ утра и 4 или 5 часовъ вечера, молодые голуби издають своеобразные, ворчливые звуки, выражающіе удовольствіе. При приближеніи человѣка они раскрываютъ клювъ и стараются укусить руку. Родители не долго кормятъ птенцовъ послѣ вылета ихъ изъ гнѣзда, потому что они сами очень скоро выучиваются искать себѣ кормъ и избѣгать всякихъ опасностей. Каждый изъ родителей беретъ подъ свое покровительство одного изъ птенцовъ и учитъ его, какъ добывать себѣ въ полѣ пищу».

«Любимою пищею вяхиря служатъ сѣмена хвойныхъ деревьевъ: ими очень часто, почти исключительно, набить зобъ убитыхъ лѣтомъ голубей. Они ихъ отыскиваютъ не только на землѣ, но, по замѣчанію моего отца, выклеиваютъ ихъ изъ раскрывшихся чешуекъ словыхъ шишекъ. Кромѣ того голубь ѣстъ еще разныя хлѣбныя зерна, въ исключительныхъ случаяхъ улитокъ и дождевыхъ червей, а поздней осенью и бруснику». Пословамъ Наумана, онъ находитъ и въ лиственныхъ лѣсахъ любимую пищу въ видѣ желудей дуба и бука. Эти наблюденія совершенно соотвѣтствуютъ тому, что я слышалъ и видѣлъ самъ въ Испаніи, гдѣ плоды вѣчно зеленаго дуба составляютъ главнѣйшую пищу зимующихъ тамъ лѣсныхъ голубей.

О тѣхъ немногихъ зернахъ, которыя подбираетъ вяхирь въ поляхъ, не стоитъ и говорить: онъ выклеиваетъ только тѣ, которыя и безъ того бы погибли. Но за это незначительное похищеніе собственности человѣка вяхирь сторицей вознаграждаетъ его, выклеивая сѣмена сорныхъ травъ. Съ своей стороны я смотрю на эту птицу, какъ на необходимую принадлежность лѣса, потому что она значительно способствуетъ его оживленію; уже вслѣдствіе этого я безусловно требую

ей пощадить от охотниковъ. Конечно жадный крестьянинъ и жалкій воскресный охотникъ преслѣдуютъ вяхири во всякое время года, и въ южной Европѣ охотники немилосердно стараются прорѣдить густыя стаи прилетающихъ туда зимнихъ гостей; но, къ счастью, не такъ то легко обмануть лѣсного голубя. Тѣ изъ нихъ, которые гнѣздятся въ городахъ и смѣло летаютъ на нѣсколько метровъ надъ головами зрителей, составляютъ только рѣдкое исключеніе изъ общаго правила. Вообще-же они очень осторожны и не довѣряютъ ни одному человѣку, какимъ бы добродушнымъ онъ ни казался. Осторожность эта спасаетъ ихъ отъ болѣе части преслѣдованій и служатъ причиной тому обстоятельству, что этотъ видъ голубей до сихъ поръ еще не истребленъ, а, напротивъ того, все размножается. Кромѣ человѣка, эта осторожная птица почти не имѣетъ опасныхъ враговъ. Впрочемъ ястребъ, сапсанъ и большіе сородичи этихъ птицъ ловятъ старыхъ голубей, а дикая кошка, куница, бѣлка, иногда копчикъ, а ночью филины часто бываютъ страшны молодымъ птицамъ.

Пойманные вяхири довольно скоро ручнѣютъ и живутъ долгіе годы въ клѣткѣ. Ихъ нетрудно пріучить къ клѣточному корму, такъ какъ смѣшанныя сѣмена совершенно удовлетворяютъ ихъ. Но до размноженія ихъ трудно довести въ неволѣ. Съ другими видами голубей вяхирь уживается довольно хорошо, иногда не злоупотребляетъ правомъ сильнаго, удивительно много спускаетъ мелкимъ пташкамъ, отъ нападенія которыхъ никогда не защищается.

* *
*

Вторая по величинѣ птица этого семейства есть **Бѣлошейный голубь** (*Columba trossaz* и *bouvryi*. *Silbertaube*. *Ramier trossaz*). Опереніе его почти вездѣ темно-сѣро-голубое, за исключеніемъ неособенно ясно обозначеннаго серебристаго ошейника, образованнаго одними каймами перьевъ, и болѣе темной полосы на хвостѣ.

*
*

Третьимъ по величинѣ видомъ голубя назовемъ мы **Клинтуха** (*Columba oenas*, *savonum* и *arborea*, *Palumboena oenas* и *columbella*. *Hohltaube*. *Petit ramier*). Опереніе его на головѣ, шеѣ, верхней части спины и гузкѣ — маково-голубого цвѣта, на верхней части спины темно-сѣро-голубое; на головѣ винно-краснаго цвѣта, на остальной нижней части тѣла блѣдно-маково-голубое; маховыя перья и концы рулевыхъ перьевъ шиферно-голубыя; по крыльямъ проходитъ темная полоса. У молодыхъ птицъ опереніе не столь чистаго цвѣта. Глаза темно-каріе, клювъ темно-мясного цвѣта, съ бѣлымъ налетомъ; ноги матово-темно-краснаго цвѣта. Длина равняется 32, размахъ крыльевъ 22, длина хвоста 13 см. Клинтухъ водится почти во всѣхъ странахъ, гдѣ живетъ и вяхирь, только онъ вездѣ встрѣчается рѣже его, по той простой причинѣ, что для устройства своего гнѣзда связанъ со старыми дуплистыми деревьями. Онъ живетъ во всѣхъ лѣсахъ, нерѣдко даже на одиноко стоящихъ въ полѣ деревьяхъ, если въ нихъ есть удобныя углубленія для устройства гнѣзда. Его видятъ даже иногда около самыхъ деревень, но въ средней Германіи число ихъ съ каждымъ годомъ уменьшается. Чаще всего я видѣлъ ихъ на низовьяхъ Дуная въ лѣсахъ, состоящихъ почти исключительно изъ ивы. Въ средней Германіи клинтухъ появляется по одиночкѣ около марта и цѣлыми стаями отлетаетъ на зимовку въ половинѣ октября. Онъ тоже зимуетъ въ южной Европѣ, и только изрѣдка небольшія ихъ стаи залетаютъ въ сѣверо-западную Африку.

Клинтухъ не такъ быстръ при полетѣ, какъ вяхирь, но движенія его не

менѣ проворны; онъ ходитъ лучше и держится прямѣ вахири. Летаеть онъ ловко, причеьмъ вначалѣ слышится хлопающій звукъ, а потомъ звонкій сильный свистъ; опускается же онъ на землю, тихо паря въ воздухѣ, уже безъ всякаго шума. Своимъ голосомъ, т. е. воркованьемъ, онъ значительно отличается отъ вахири и полевого голубя. Онъ кричитъ просто: «гу-гу-гу». «Во время воркованья», говоритъ мой отецъ, «клинтухъ тоже надуваетъ шею и двигаетъ ее, но сидитъ, подобно вахири, крѣпко на суку, чѣмъ и отличается отъ полевого голубя, который все время бѣгаетъ взадъ и впередъ. Отъ апрѣля до сентября часто слышится одинокое воркованье клинтуха; иногда самцы перекликаются между собою, а тамъ, гдѣ на небольшомъ разстояніи стоитъ нѣсколько деревьевъ съ дуплами, многіе голуби соперничаютъ другъ передъ другомъ. Воркованье клинтуха слышится не только утромъ, въ полдень и вечеромъ, какъ у вахири, но во всякое время дня, пока самецъ находится вблизи сидищей на яйцахъ самки или птенцовъ. Само собою разумѣется, что передъ спариваньемъ бываетъ самое сильное воркованье». Пища состоитъ изъ всякаго рода сѣмянъ. Клинтухъ летаеть за пищей утромъ отъ 8—9 часовъ и послѣ полудня отъ 3—4 часовъ; собираеть онъ зерна на поляхъ и лугахъ и между 11 и 12 часами дня и вечеромъ отправляется на водопой.

Парочка клинтуховъ представляетъ образецъ самой нѣжной супружеской любви. Самецъ чрезвычайно привязанъ къ своей подругѣ, находится почти постоянно около нея, забавляетъ ее своимъ воркованьемъ, пока она сидитъ на яйцахъ и улетаеть съ нею вмѣстѣ, если ее согнать съ гнѣзда. Тотчасъ по прибытіи своемъ на родину весной парочка выбираеть себѣ удобное углубленіе для гнѣзда, и уже въ началѣ апрѣля находятъ въ немъ первую кладку, состоящую изъ двухъ бѣлыхъ яицъ длиною въ 36 мм. и толщиною въ 27 мм. Оба родителя самоотверженно сидятъ на яйцахъ. «Насколько вахирь», говоритъ мой отецъ, «равнодушенъ къ своимъ яйцамъ, настолько же клинтухъ привязанъ къ своимъ. Они такъ крѣпко сидятъ на яйцахъ, что самку можно свять руками съ гнѣзда, послѣ чего она съ опасностью жизни опять отыскиваетъ его. Въ нее можно даже стрѣлять въ упоръ, прежде чѣмъ она рѣшится бросить яйца». Если парочку никто не потревожитъ, она выводитъ птенцовъ раза три въ теченіи года, но никогда они не кладутъ яйца два раза подрядъ въ одно и то же гнѣздо: для каждой кладки отыскивается новое дупло. Причиною тому служить то обстоятельство, что голуби, по большей части, не чистятъ своихъ гнѣздъ, и дупло, въ которомъ растутъ птенцы, по словамъ Наумана, обращается «въ вонючую подстилку изъ нечистотъ». Птенцы сидятъ въ собственномъ пометѣ, которымъ испачканы перья брюшка и хвоста и только черезъ долгое время послѣ вылета изъ гнѣзда совершенно очищаются отъ него. На слѣдующій годъ парочка можетъ опять поселиться въ томъ же дуплѣ, такъ какъ, вслѣдствіе гніенія или благодаря насѣкомымъ, нечистоты измѣняются до такой степени, что больше не мѣшаютъ; кромѣ того дятлы и другія птицы успѣли очистить дупло. Вслѣдствіе того, что каждая парочка нуждается въ нѣсколькихъ дуплахъ, голуби эти борются съ большими затрудненіями. Они почти постоянно должны себѣ силой добывать удобное для гнѣзда дупло, причеьмъ биться приходится не съ одними голубями, но и съ дятлами, скворцами, сороками и сивоворонками; побѣда не всегда остается за клинтухомъ, который не можетъ примириться съ измѣнившимися обстоятельствами и принужденъ покинуть негостепримную для него страну. Вотъ главнѣйшая причина вымирания этого вида.

Всѣ враги вахири опасны и клинтуху. Многія гнѣзды разоряются лѣсными

куницами и горностаями, хотя не раз замѣчено мирное проживанье клинтуха въ такой близости съ хищными разбойниками, которая кажется почти невѣроятной. Отецъ рассказывалъ мнѣ, что близъ мѣста моего рожденія срубили дубъ, въ нижнемъ дуплѣ котораго напѣли двухъ куницъ, а въ другомъ углубленіи, повыше перваго, сидѣла парочка молодыхъ клинтуховъ. Не думаю, чтобы подобное сосѣдство могло часто встрѣтиться.

Клинтухъ легче приручается, чѣмъ вяхирь; онъ живетъ иногда въ сообществѣ съ полевыми голубями и даже, какъ говорятъ, спаривается съ ними. Положительныхъ наблюденій на этотъ счетъ, кажется, еще не существуетъ, но взаимное поведение обоихъ сородичей даетъ право предполагать, что это дѣло возможное. Клинтухи, за которыми я наблюдалъ, жили въ большой дружбѣ съ полевыми голубями, и даже я нѣсколько разъ видѣлъ, что полевой голубь собирался топтать самку клинтуха.

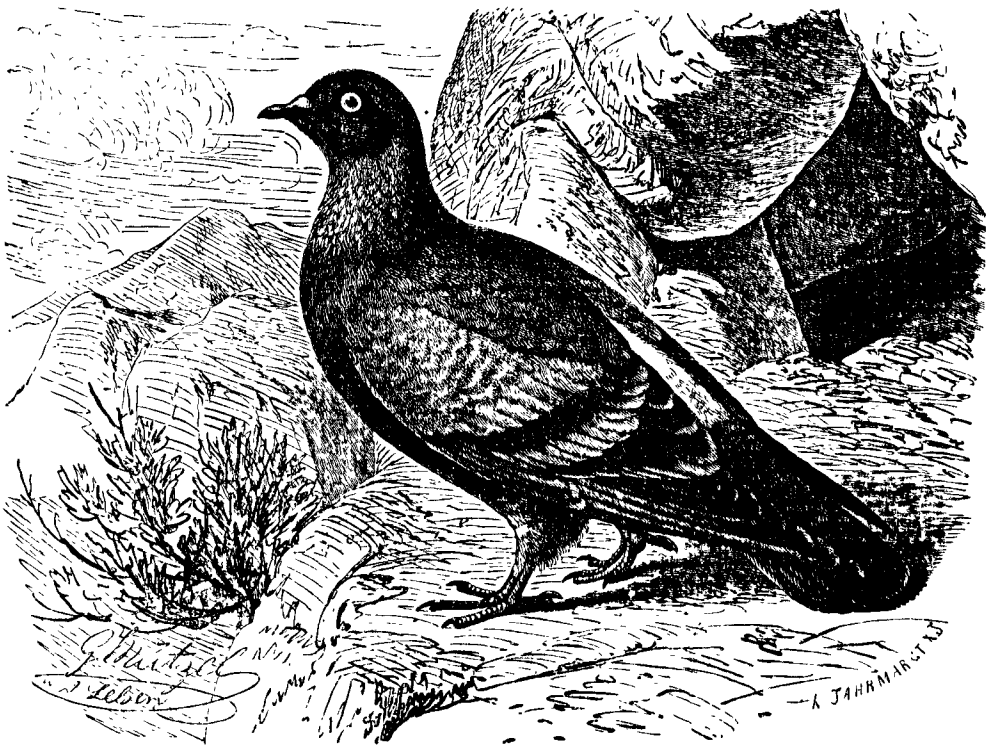
* *

Самый важный для человѣка голубь это **Дикій полевой голубь, Обыкновенный голубь, Сизякъ** (*Columba livia, glauconotos, intermedia, domestica, hispanica, turcica, gutturosa, cucullata, hispida, turbida, galeata, tabellaria, dasypus, gyatatrix, rupestris, unicolor, elegans, dubia, gymnocyclus* и *schimperi*. Felsentaube. Bizet), который долженъ считаться прародителемъ нашего домашняго голубя. Опереніе его съ верхней стороны свѣтло-пепельно-голубое, съ нижней маково-голубое; голова свѣтло-шиферно-голубая; шея, до груди, темно-шиферно-голубая, наверху съ сизымъ, а внизу съ пурпуровымъ отливомъ; нижняя часть спины—бѣлая; по крыльямъ тянутся двѣ черныя полоски; маховыя перья пепельно-сѣрыя; рулевыя перья темно-сизыя, на концахъ черныя, у корня свѣтло-голубыя, крайнія съ наружной стороны бѣлыя. Глаза сѣро-желтые, клювъ черный, у основанія свѣтло-голубой, ноги темно-голубыя. Самецъ и самка почти не отличаются другъ отъ друга по цвѣту; птенцы темнѣе родителей. Длина достигаетъ 34 см., размахъ крыльевъ 60, длина крыла 21, а хвоста 11 см.

Область распространенія дикаго полевого голубя, котораго различаютъ много разновидностей, ограничивается въ Европѣ нѣсколькими сѣверными островами и берегами Средиземнаго моря, но охватываетъ кромѣ того почти всю сѣверную Африку, Палестину, Сирію, Малую Азію и Персію, также какъ и нѣкоторыя части Гиммалайскаго хребта. Въ Германіи, насколько мнѣ извѣстно, никогда не находили сидящаго на лицахъ дикаго голубя, но мнѣ извѣстенъ случай, что онъ свилъ гнѣздо на южномъ склонѣ Исполиновыхъ горъ, близъ Юганисбада. Онъ постоянно живетъ въ различныхъ мѣстностяхъ вдоль западнаго берега Шотландіи, въ особенности на островахъ Гебридскихъ, Оркнейскихъ, Шетландскихъ и Ферерскихъ и на маленькомъ скалистомъ островѣ Реннеса, близъ Ставангера, у западнаго берега Норвегіи; затѣмъ онъ населяетъ всѣ удобныя для него мѣстности на крутыхъ склонахъ скаль кругомъ Средиземнаго моря, отъ Триеста: Грецію, всю Италію, Францію и Южную Испанію. По словамъ Граба дикій полевой голубь встрѣчается на Ферерскихъ островахъ въ большомъ количествѣ; онъ вьетъ свои гнѣзда на каждомъ населенномъ островѣ, но умѣетъ такъ искусно спрятаться, что жителямъ никогда не удается добыть себѣ ни яицъ его, ни птенцовъ. Даже отыскивая себѣ пищу внутри острова, онъ такъ остороженъ и такъ ловко летаетъ, что хищныя чайки и вороны не могутъ ему сдѣлать никакого вреда, между тѣмъ какъ ручныхъ голубей очень часто убиваютъ вороны. «Я видѣлъ, какъ сизякъ однажды влеталъ въ обширную и высокую пещеру, въ которую и мы могли проникнуть. Послѣ многихъ трудовъ и опасностей мы достигли наконецъ этой пещеры и тогда

замѣтили, что она была сильно засыпана и состояла изъ нѣсколькихъ отдѣленій. Выходы были заложены большими и маленькими камнями, такъ что ни голубей, ни ихъ гнѣздъ не было видно. Наши разговоры, крики, даже киданье камнями не могли вызвать ихъ изъ убѣжищъ, такъ что мы принуждены были выстрѣлить изъ ружья. Въ то-же мгновеніе пещера оживилась, и голуби разлетѣлись въ разныя стороны».

Въ окрестностяхъ Триеста голуби живутъ вездѣ въ удобныхъ мѣстахъ, а именно на горѣ Карстъ въ подземныхъ воронкообразныхъ углубленіяхъ, часто глубоко подъ землею; въ Истріи, Далмаціи, Италиі, Греціи и Малой Азіи, также на греческихъ островахъ и скалахъ у самаго моря и на высочайшихъ горахъ.

Дикій полевой голубь. *Columba livia*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

На Канарскихъ островахъ появляется онъ, по словамъ Болле, во множествѣ не только вдоль береговъ, но и во внутренности острововъ, тамъ, гдѣ нѣтъ лѣсовъ; ихъ находятъ даже на высотѣ отъ 2000 — 3000 м. надъ уровнемъ моря. Бертелло нашелъ ихъ на Лансаротѣ въ едва потухшемъ кратерѣ, несмотря на сѣрный запахъ и сильный жаръ, которые тамъ господствовали. Они любятъ вить гнѣзда и почевать въ пещерахъ, чѣмъ доставляютъ возможность жителямъ Лансарота устраивать интересную охоту: ночью проникаютъ въ ихъ пещеру съ зажженными факелами, закрываютъ выходъ и бьютъ голубей шестами. Въ Египтѣ я часто видалъ ихъ на отвѣсныхъ скалахъ, вблизи быстрыхъ потоковъ, но попадались мнѣ тоже цѣлыя стаи среди пустыни, гдѣ можно было только удивляться, какимъ образомъ такая масса птицъ находила себѣ пищу въ этой бѣдной странѣ. Далѣе въ глубинѣ материка они встрѣчаются уже рѣже; однако ихъ можно еще встрѣтить на удобныхъ мѣстахъ, а высокія скалы, съ отвѣсными стѣнами, всегда служатъ имъ

надежнымъ пріютомъ. Въ Индіи сизякъ принадлежитъ къ числу самыхъ обыкновенныхъ птицъ, вьеть гнѣзда въ пещерахъ и углубленіяхъ скалъ и утесовъ, по возможности близъ воды и часто въ сообществѣ альпійскаго стрижа. Здѣсь, какъ и въ Египтѣ, этотъ голубъ живетъ въ полудикомъ состояніи и населяетъ всѣ старыя постройки, городскія стѣны, пагоды, храмы въ скалахъ и тому подобныя зданія, или селится въ башенкахъ, собственно для него выстроенныхъ. Въ Верхнемъ Египтѣ есть много зданій, построенныхъ, повидимому, больше для голубей, чѣмъ для людей. Крестьянинъ живетъ здѣсь только въ нижнемъ этажѣ своего пирамидальнаго дома съ плоской крышей; верхній этажъ, выкрашенный бѣлой краской и вообще болѣе изящный, предназначается голубямъ; кромѣ того строятъ высокія куполообразныя башни специально для этихъ птицъ. Стѣны этихъ зданій, которыхъ можно назвать голубятнями, сооружаются не изъ кирпича, но съ извѣстной высоты изъ большихъ яйцевидныхъ горшковъ съ толстыми стѣнками, плотно наложенныхъ другъ на друга и соединенныхъ между собою цементомъ или, вѣрнѣе, нильскимъ иломъ. Каждый горшокъ проломленъ съ наружной стороны, но сдѣланное отверстіе недостаточно велико, чтобъ могло пропустить голубя и предназначается только для прохода свѣта и воздуха. Съ другой стороны отверстіе вполне доступно, что даетъ птицѣ полную возможность устроить во внутренности горшка себѣ гнѣздо. Входы въ эти голубятни довольно велики и окружены связанными между собою и прикрѣпленными къ стѣнѣ пучками хвоста, которые замѣняютъ жердочки. Массы голубей, постоянно осаждающихъ эти постройки, доказываютъ, что подобное учрежденіе имъ приходится по вкусу.

На югѣ дикій полевой голубъ осѣдлая птица; на сѣверѣ зимній холодъ пріуждаетъ ихъ къ перелету. Они собираются передъ отлетомъ въ большія стаи, которыя, повидимому, не разъединяются и въ чужой сторонѣ. Весьма вѣроятно, что мы часто видимъ подобныя пролетающія стаи, но не узнаемъ ихъ, а принимаемъ за домашнихъ голубей. Они только въ томъ случаѣ обращаютъ на себя вниманіе, когда соединяются съ воронами и грачами и спускаются на деревья, такъ какъ это съ ними чаще случается, чѣмъ съ одичавшими домашними голубями. Въ концѣ декабря 1818 года появилась въ окрестностяхъ Крейцберга такая стая, паръ въ тысячу, и обратила на себя общее вниманіе. Эти голуби жили въ сообществѣ грачей и галокъ; днемъ сидѣли мирно на крышахъ съ домашними голубями, на ночь же улетали въ хвойныя лѣса, гдѣ и ночевали на деревьяхъ. Они оставались въ этой мѣстности до половины января и мало-по-малу незамѣтно исчезли. Подобную же стаю замѣтилъ однажды и мой братъ въблизи нашей родины; вѣроятно тѣ дикіе голуби, которыхъ мы встрѣчали въ Сьерра-Невадѣ, были тамъ только временными гостями.

Поведеніе дикахъ голубей почти ничѣмъ не отличается отъ поведенія нашего домашняго голубя. Онъ проворнѣе и быстрѣе летаетъ, чѣмъ домашній голубъ и постоянно избѣгаетъ людей; во всемъ остальномъ нравы потомковъ представляютъ вѣрный снимокъ нравовъ ихъ предковъ. Они ходятъ хорошо, но постоянно кивая головою, летаютъ превосходно, со свистящимъ звукомъ пролетая до 100 км. въ часъ, при подъемѣ хлопаютъ крыльями и тихо парятъ, опускаясь на землю, охотно высоко летаютъ надъ землею и, соединившись густыми стаями, довольно долго кружатся въ воздухѣ. Они тщательно избѣгаютъ деревья, хотя это правило не безъ исключенія. Такъ, напр., египетскіе домашніе голуби постоянно сидятъ на пальмахъ и даже у насъ можно видѣть полевыхъ голубей, которые охотно садятся на деревья. Отыскивая пищу, они бѣгаютъ по землѣ; когда пьютъ, то обыкновенно стоятъ въ самой водѣ; египетскіе же голуби са-

даются прямо на воду, даютъ себя нести волнамъ и поднимаются, только утоливъ жажду.

Вышнія чувства и умственные способности дикаго полевого голубя весьма хорошо развиты. Правда, что наблюдать за дикимъ голубемъ довольно трудно; но по ручнымъ голубямъ можно тотчасъ замѣтить, что имѣешь дѣло съ умными и понятливыми птицами. Нравы ихъ представляютъ смѣсь хорошаго съ дурнымъ: они очень миролюбивы или скорѣе равнодушны ко всѣмъ другимъ животнымъ и довольно дружно живутъ между собою. Спариванье вызываетъ конечно и у нихъ ревнивые чувства и тогда можетъ случиться, что два самца и подерутся между собою; но драки эти по большей части несерьезны и непродолжительны. Можно въ нихъ замѣтить и нѣкоторые порывы жадности; голубь, нашедшій пищу въ изобиліи, распускаетъ крылья, стараясь этимъ выказать свое нежеланіе подѣлиться чѣмъ-нибудь съ товарищами; но общительность, которая составляетъ главную черту ихъ характера, въ скоромъ времени прекращаетъ всѣ распри, и приближеніе какой-нибудь опасности или бури вызываетъ во всемъ обществѣ похвальное чувство взаимной помощи.

Голосъ этихъ голубей, знакомое всѣмъ воркованье, состоитъ изъ глухихъ, стонущихъ и переливчатыхъ звуковъ, которые можно передать слогами: «мару-куу-му-ку куу-мару ку куу». Отдѣльные возгласы сопровождаются поклонами, поворачиваньемъ и киваньемъ головы и тѣмъ чаще слѣдуютъ одинъ за другимъ, чѣмъ болѣе разгорячается самецъ. Самцы испускаютъ иногда звуки, которые можно передать слогами: «гу-гу» или «гу-гуа». Они выражаютъ стремленіе самца къ самкѣ или жалобу на слишкомъ долгое отсутствіе одной изъ птицъ.

Пищу дикихъ и домашнихъ голубей составляютъ сѣмена рапса, рѣпы, чечевицы, гороха, льна, а прежде всего зерна трудно уничтожаемой вредной травы, известной подъ названіемъ птичьяго гороха. Ихъ до сихъ поръ считали вредными животными, потому-что они очень прожорливы и могутъ причинить довольно значительные убытки; но когда мы примемъ въ соображеніе, что они ѣдятъ сѣмена только во время посѣва, то придется судить ихъ менѣе строго; кромѣ того, сѣдая сѣмена вредныхъ травъ, они съ избыткомъ вознаграждаютъ причиненный ими вредъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что они приносятъ намъ гораздо больше пользы, чѣмъ мы думаемъ. Они тоже вылетаютъ за пищей въ правильные промежутки времени; обыкновенно очень рано утромъ передъ полуднемъ, а иногда еще разъ послѣ полудня, если имъ удалось высмотрѣть особенно богатое поле, даже на довольно большомъ разстояніи.

Обыкновенно полагаютъ, что дикій голубь ежегодно гнѣздится два раза, а о поселившихся на поляхъ домашнихъ голубяхъ положительно известно, что они въ продолженіи лѣта выводятъ птенцовъ три раза. Въ началѣ весны самецъ воркуетъ очень усердно, становится задорнымъ относительно другихъ самцовъ, и отвоевываетъ себѣ, не безъ труда, самку, къ которой выказываетъ величайшую нѣжность. «Однажды соединившаяся пара», говоритъ Пауманъ, «не разстается во всю жизнь и остается вмѣстѣ даже послѣ времени размноженія. Исключенія изъ этого правила рѣдки. Какъ только самецъ выбралъ себѣ мѣсто для гнѣзда, онъ садится на него и стонетъ, пригнувъ къ землѣ голову, пока не подойдетъ къ нему самка. Эта послѣдняя бѣжитъ къ нему, распустивъ хвостъ и крылья, начинаетъ съ нимъ заигрывать и осторожно скребетъ ему голову между перьями. Самецъ же чаще всего третъ головою о спинныя перья. Обѣ птицы затѣмъ начинаютъ цѣловаться, причѣмъ бываютъ очень нѣжны, послѣ этого уже происходитъ спариваніе. Когда оно окончено, оба супруга принимаются гордо расхаживать, или

подымаются вверхъ, играя въ воздухѣ, и молча охарашиваются и чистятъ свои перышки. Такъ какъ самка старается подражать всѣмъ, предшествовавшимъ спариванію, движеніямъ самца, то нерѣдко случается, что послѣ него она тоже топчетъ самца. Послѣ нѣсколькихъ дней, во время которыхъ спариваніе повторяется нѣсколько разъ, самецъ гонитъ самку къ мѣсту, гдѣ должна начаться постройка гнѣзда, самъ летитъ за матеріаломъ, приноситъ его въ клювъ, самка же строитъ изъ него гнѣздо. Это послѣднее представляетъ сложенную безъ всякаго искусства и нѣсколько углубленную посерединѣ кучу хвороста, соломы или сухихъ стеблей растеній. До кладки перваго яйца проходитъ еще нѣсколько дней, въ теченіи которыхъ самецъ часто топчетъ самку и подьконецъ гонитъ ее въ гнѣздо.

Оба яйца, составляющія кладку, имѣютъ продолговатую форму и гладкую, блестящую, чисто бѣлую скорлупу. Обѣ птицы сидятъ попеременно на яйцахъ; самка съ 3 часовъ дня до 10 часовъ утра, а самецъ въ остальную часть дня; но и это короткое время кажется ему слишкомъ длиннымъ, потому что онъ, уже спустя часть, начинаетъ стонать и сердито кричать, съ цѣлью подозвать самку, которой такъ необходимы эти немногіе часы отдыха. Ночью, впрочемъ, самецъ спитъ въ непосредственной близости гнѣзда, готовый по мѣрѣ силъ защищать свою подругу и даже не позволяетъ другому голубю приближаться къ ней. Черезъ 16—18 дней яйца созрѣли, и слѣпые беспомощные птенцы вылупляются изъ нихъ, одинъ за другимъ, въ продолженіи 24—36 часовъ. Первое время родители кормятъ ихъ кашицей, образовавшейся у нихъ въ зобу: позднѣе они получаютъ размяченныя, а наконецъ и твердыя зерна, вмѣстѣ съ маленькими камешками и кусочками глины. Недѣли черезъ четыре птенцы уже совершенно оперились и вмѣстѣ съ родителями вылетаютъ изъ гнѣзда; нѣсколько дней спустя они уже совершенно самостоятельны, и тогда старыя птицы приступаютъ къ новой кладкѣ.

У дикихъ и полевыхъ голубей тѣ же враги, какъ и у другихъ видовъ этого семейства; у домашнихъ, конечно, ихъ больше, чѣмъ у дикихъ, потому что послѣдніе не только лучше знаютъ своихъ враговъ, но и лучше умѣютъ избѣгать ихъ. У насъ самыми злѣйшими ихъ врагами можно считать куницу, сапсана и ястреба; на югѣ ихъ замѣняютъ другіе хищныя ихъ сородичи. Голуби до того боятся хищныхъ птицъ, что иногда, для своего спасенія, прибѣгаютъ къ весьма страннѣйшимъ средствамъ. Такъ, напримѣръ, Науманъ видѣлъ однажды, какъ полевые голуби, спасаясь отъ преслѣдованій сокола, бросались въ прудъ и даже въ море, ныряли и, вынырнувъ въ совершенно другомъ, отдаленномъ мѣстѣ, продолжали далѣе свой путь. Извѣстно тоже, что голуби часто спасаются во внутреннихъ домахъ, причѣмъ разбиваютъ оконныя стекла.

Дикіе полевые голуби, взятые молодыми изъ гнѣзда, ведутъ себя такъ-же, какъ и домашніе голуби; они, правда, сдружились съ человѣкомъ, но никогда не выказываютъ ему такую беззаветную преданность, какъ домашніе прирученныя голуби.

* *
*

На ряду съ различными горлицами и смѣющимися голубями въ средней Африкѣ живетъ чрезвычайно красивый представитель особаго рода, именно **Голубь-малютка** (*Peristera afra*, *chalcopsilos*, *senegalensis* и *parallinostigma*, *Chalco-pelia afra* и *chalcopsilos*, *Columba afra* и *chalcopsilos*, *Turtur senegalensis*, *Zwergtaube*, *Tourterelle naine*). Онъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими своими сородичами, отличается короткимъ, закругленнымъ хвостомъ, ногами съ высокой плюсной и своеобразнымъ металлическимъ цвѣтомъ малыхъ маховыхъ перьевъ. Голубь-малютка сверху землянаго коричневаго цвѣта съ жирнымъ блескомъ,

верхняя сторона головы—пепельно-сѣраго цвѣта, лобъ и горло бѣловатые, гузка черная; снизу онъ красновато-сѣрый, около брюшка бѣловатый; маховыя перья темно-коричневые, у основанія и на внутренней бородкѣ красно-коричневые, крайнія малыя маховыя перья, плечевыя и ихъ покровныя перья у основанія наружной бородки блестящаго синяго стального цвѣта или темнаго металлическаго зеленого, образуя нѣсколько, большею частью закрытыхъ пятенъ; четыре среднихъ рулевыхъ пера земляно-бураго цвѣта, какъ и спина, и передъ кончикомъ украшены широкой черной полоской; три наружныя пары пепельно-сѣрыя съ широкой черной полосой и сѣровато-коричневой каймой на концѣ. Глаза красныя, клювъ черноватый, ноги желтовато-красныя. Длина его 20 см., длина крыла 10, длина хвоста 8 см.

Голубь-малютка, представляющій двѣ разновидности, распространенъ по всѣмъ тропическимъ странамъ Африки, къ югу до Наталя, къ сѣверу до 16° и поднимается на горы до 2000 м. вышины. Въ прибрежныхъ лѣсахъ Голубого Няла онъ—ежедневное явленіе, такъ-же, какъ и въ богатыхъ растительностью долинахъ Самхары или Абиссинскаго хребта онъ является во всѣхъ подходящихъ для него мѣстахъ; но его чаще слышать, чѣмъ видать. Онъ живетъ парами въ густой чащѣ низкихъ кустарниковъ; на вершинахъ болѣе высокихъ деревьевъ его не замѣчали. Можно сказать, что вся его жизнь проходитъ въ тѣни этой лѣсной чащи; онъ покидаетъ ее только на короткое время, когда жажда гонитъ его къ водѣ. Тамъ, гдѣ онъ часто бываетъ, изъ каждаго куста слышится своеобразное и легко узнаваемое воркованье, напоминающее звукъ флейты. Тѣ же самыя наблюденія сдѣлала и экспедиція на Лоанго Гюсфельдта въ Западной Африкѣ; напротивъ того, Бюттикоферъ говоритъ объ его нравахъ въ Либеріи такъ: «Онъ въ припрыжку обходитъ всѣ дороги и поля, не обращая никакого вниманія на близость работающихъ людей и охотно садится на сучья низкихъ деревьевъ. Въ густыхъ кустарникахъ я никогда не замѣчалъ птицъ этого вида».

Это вообще мирная, безобидная птица, которая тихо проводитъ жизнь въ своемъ роскошномъ мирѣ кустарниковъ, строго живя парами, и въ особенно благоприятной для нея мѣстности встрѣчается въ неисчислимомъ количествѣ. Тамъ, въ каждомъ большомъ кустѣ живетъ парочка, и этотъ одинъ кустъ, покрывающій собою только 20 квадратныхъ метровъ земли, кажется, вполне удовлетворяетъ ее. Чрезвычайно рѣдко спускается она съ него и выходитъ въ открытое поле; какъ можно скорее голуби стараются тогда добраться до тѣни такого-же густого, спутаннаго кустарника. Ихъ отечество такъ богато всякими сѣменами, особенно зернами вьющихся растений, которыя дѣлаютъ и жилища ихъ тѣнистыми и скрытыми, что этому голубю не нужно совершать большихъ путешествій, а, такъ какъ онъ обыкновенно селится вблизи какой-нибудь воды, то онъ можетъ сколько угодно предаваться своей тихой, удобной жизни.

Въ Суданѣ время размноженія начинается съ первыми періодическими ливнями. въ Абиссиніи оно происходитъ, кажется, въ тѣ мѣсяцы, которые соотвѣтствуютъ нашей веснѣ; по крайней мѣрѣ около этого времени я очень часто слышалъ ихъ своеобразный голосъ. Этотъ послѣдній только издали напоминаетъ воркованье голубей и имѣетъ гораздо больше сходства съ токованьемъ тетерева въ лѣсу. Этотъ звукъ состоитъ именно только изъ слога «ду»; этотъ одинъ слогъ повторяется разъ 10—15 сряду, сначала медленно, къ концу-же съ постепенно увеличивающейся скоростью. Совершенно особенное, не поддающееся описанію благозвучіе отличаетъ его, такъ что не придетъ и на мысль смѣшать его съ подобными же звуками птицы-носорога. Другихъ звуковъ я отъ нихъ никогда не слышалъ, а по окончаніи времени

спариванья они совсѣмъ молчаливы. Самецъ чрезвычайно нѣженъ со своей самкой. ходитъ кругомъ нея, кокетливо киваетъ головой, клюется съ ней, обнимаетъ ее и перелетаетъ затѣмъ на свѣсившійся немного сукъ, съ котораго и издаетъ радостный крикъ. Гнѣздо строится въ самыхъ густыхъ кустарникахъ низко надъ землею или на обломанныхъ стволахъ, а также и въ дуплахъ деревьевъ съ широкимъ входомъ. Оно походитъ на гнѣзда другихъ голубей, но когда оно расположено свободно, то оказывается красивѣе и лучше построеннымъ, тогда какъ только немногіе сучья образуютъ подстилку для яицъ, если оно закладывается въ дуплѣ. 14-го января мы нашли въ такомъ гнѣздѣ одно маленькое, бѣлое, съвозившее краснымъ яйцомъ.

Пойманные голуби-малютки часто попадаютъ изъ западной Африки въ наши клѣтки, могутъ жить на самой простой пищѣ, хотя часто теряютъ свою красоту и иногда дѣлаются черными; они даже нерѣдко размножаются въ клѣткахъ.

.

Горлицы (Turtur. Turteltauben. Tourterelles.) представляютъ богатый видами, очень своеобразный родъ птицъ. У нихъ стройное тѣлосложеніе, маленькая голова, длинныя крылья и длинный хвостъ; ноги ихъ относительно длинны, по крайней мѣрѣ пригодны для ходьбы по землѣ. Опереніе имѣетъ въ общемъ красноватый оттѣнокъ; ошейникъ, встрѣчающійся у большинства видовъ и очень украшающій ихъ, бываетъ или черный, или состоитъ изъ пятенъ въ видѣ жемчужинъ чернаго и бѣлаго цвѣта.

Наша **Горлица обыкновенная** (Turtur communis, auritus, vulgaris, migratorius, sylvestris, tenera, rufidorsalis и glauconotus, Columba и Peristera turtur, rufidorsalis, tenera и glauconotus. Turtel. Tourterelle commune), прототипъ всѣхъ видовъ этого семейства, отличается своимъ стройнымъ тѣломъ, прямымъ, втянутымъ впередъ самымъ кончикомъ обѣихъ челюстей и нѣсколько утолщеннымъ клювомъ, длинными ногами съ слабыми пальцами, длинными крыльями, въ которыхъ второе и третье маховыя перья—самыя длинныя, и продолговатымъ, сильно закругленнымъ хвостомъ. Перья верхней части тѣла ржаво-буро-сѣрыя, по краямъ бурые, посрединѣ покрыты черными и пепельно-сѣрыми пятнами, темя и задняя часть шеи сѣровато-голубыя; боковыя части шеи украшены четырьмя черными поперечными полосками съ серебристыми краями, передняя часть шеи, зобъ и верхняя часть груди винно-краснаго цвѣта; нижняя часть тѣла голубовато-красно-сѣраго цвѣта, переходящаго мало-по-малу въ бѣловато-сѣрый; большія маховыя перья сѣровато-черныя—пепельно-голубоватыя, плечевыя перья черноватыя съ широкой ржаво-красной каймой. Глаза буровато-желтые, кольцо около глазъ голубовато-красное, клювъ черный, ноги карминно-краснаго цвѣта. Длина ея достигаетъ 30 см., размахъ крыльевъ 52, длина крыла 18, длина хвоста 12 см.

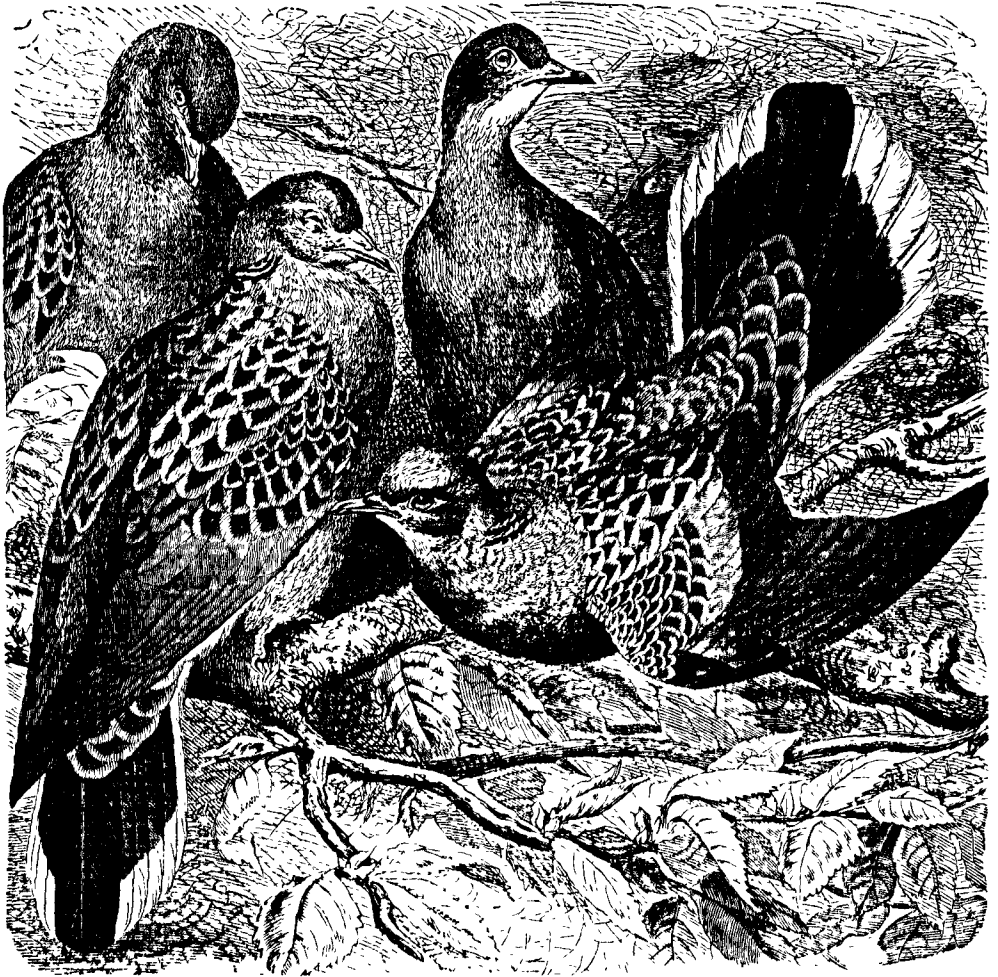
Въ восточной Азіи нашу обыкновенную горлицу замѣняетъ **Восточная горлица**, (Turtur rupicolus, orientalis, meena, rupicola, gelastes и vitticollis, Columba orientalis, meena, pulchrata, agricola, gelastes и vitticollis. Meenataube. Tourterelle orientale), попадающаяся и въ восточной Европѣ; она очень похожа на нашу, но значительно больше и темнѣе ея и отличается отъ нея буровато-пепельнымъ цвѣтомъ затылка, рѣзко отдѣляющагося отъ пепельно-голубовато-сѣраго лба, и свѣтлымъ голубовато-сѣрымъ цвѣтомъ покровныхъ перьевъ нижней части брюшка и хвоста. Во всей восточной Африкѣ и западной Азіи, отъ Сиріи до средней Индіи, мѣсто этой горлицы заступаетъ **Гимри арабовъ** (Turtur senegalensis, rufescens, руг-

maeus, cambayensis и savignii, Columba senegalensis, cambayensis, suratensis и maculicollis, Peristera senegalensis, rufescens, pygmaea и aegyptiaca. Palmtaube. Tourterelle roussatre), встрѣчающаяся также часто и въ Европѣ, особенно въ Турціи и нерѣдко въ Греціи. Она значительно меньше восточной горлицы (только 26 см. въ длину); цвѣта она свѣтло-краснаго, переходящаго въ бурый, гузка бѣлая, нижнія шейныя перья буроватыя и окаймлены желто-бурой полосой, перья спины и надхвостья въ срединѣ темно-бурья, по бокамъ голубовато-сѣрыя; довольно широкій, но мало замѣтный ошейникъ, окружающій горло, и боковыя части шеи покрыты по красно-бурому фону широкими черными продольными стержневыми полосками.

Горлица распространена по большей части Европы и Азии, зимою-же пролетаетъ большія пространства по направлевію къ югу. Въ средней Германіи она нерѣдко попадаетъ то тамъ, то сямъ, но уже на сѣверѣ Германіи ее въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ совсѣмъ нѣтъ; въ Скандинавіи она встрѣчается только въ южныхъ провинціяхъ, хотя отдѣльные экземпляры залетали и до Лапландіи. Въ южной Европѣ, сѣверо-западной Азии и сѣверо-западной Африкѣ она принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ птицъ, между тѣмъ какъ сѣверо-востока названныхъ частей свѣта касается только случайно во время своихъ зимнихъ перелетовъ. Въ Испаніи горлица встрѣчается въ нѣкоторыхъ областяхъ очень часто, въ другихъ рѣдко, въ третьихъ совсѣмъ не бываетъ; въ Греціи она водится въ безчисленномъ количествѣ; въ южной Россіи, Малой Азии и Палестинѣ попадаетъ мѣстами, а въ Персіи живетъ повсюду. На Канарскихъ островахъ она живетъ массаи. «Уединенныя южныя долины Канаріи», говоритъ Болле, «положительно кишатъ горлицами; онѣ оживляютъ своимъ звучнымъ воркованіемъ, болѣе чѣмъ всякая другая птица, богатая цвѣтами безконечныя ущелья, склоны которыхъ одѣваетъ на протяженіи цѣлыхъ миль малорослый, бѣлоснѣжный душистый кустарникъ, между тѣмъ, какъ самое дно долины сплошь покрыто болѣе высокими растеніями. Почти на каждой вѣткѣ, на каждомъ камнѣ сидитъ горлица. Безстрашно смотритъ она своими большими выразительными глазами на всадника или бѣжитъ впереди его по дорогѣ». Въ подобномъ же количествѣ встрѣчаются горлицы и на бесплодныхъ равнинахъ Греціи; однако здѣсь количество гнѣздящихся птицъ нельзя сравнить съ огромными стаями, которыя покрываютъ поля при перелетѣ. Весной нѣкоторыя нивы бываютъ буквально усыяны горлицами, и искусный охотникъ можетъ подстрѣлить ихъ до полсотни въ одинъ день. Позднѣе (лѣтомъ) ихъ можно видѣть нерѣдко въ Египтѣ и Нубіи на удобныхъ мѣстахъ, хотя, насколько мнѣ известно, онѣ никогда не появляются слишкомъ большими стаями.

Въ Германію горлицы прилетаютъ въ началѣ апрѣля, остаются до августа на мѣстахъ своего гнѣздованія, потомъ нѣкоторое время кочуютъ по странѣ и улетаютъ въ сентябрѣ. «То обстоятельство, что ихъ въ нѣкоторые года прилетаетъ больше, чѣмъ въ другіе», говоритъ мой отецъ, «зависитъ частью отъ большаго или меньшаго урожая сосновыхъ сѣмянъ, частью еще отъ того, большее или меньшее количество убилъ ихъ во время перелета». Я думаю, что первое предположеніе вѣрно, что же касается до втораго, то его едва-ли слѣдуетъ принять во вниманіе, такъ какъ быстрое размноженіе этихъ голубей вскорѣ пополняетъ такія потери. Либе также считаетъ горлицъ бродячими птицами, которыя въ одинъ года прилетаютъ въ значительномъ количествѣ, въ другіе—въ скудномъ, смотря по тому, каковъ урожай сѣмянъ въ хвойныхъ лѣсахъ. Въ окрестностяхъ Берлина ихъ гораздо чаще встрѣчаютъ, впрочемъ, на сырыхъ, поросшихъ одними березами лугахъ, чѣмъ въ хвойномъ лѣсу. Но и тутъ количество ихъ скорѣе увеличивается, чѣмъ уменьшается. «Горлица», продолжаетъ

мой отецъ, «не только красивая, но и въ высшей степени миловидная птица; поэтому не слѣдуетъ удивляться, что она постоянно воспѣвается поэтами и влюбленными. Одна ея красота уже располагаетъ въ ея пользу и привлекаетъ всѣхъ. Мягкіе нѣжные оттѣнки ея оперенія такъ красиво переходятъ одни въ другіе и сгруппированы съ такимъ вкусомъ, что на нее всякій смотритъ съ удовольствіемъ. Правъ у горлицы также чрезвычайно привлекательный, хотя нельзя не сознаться, что его обыкновенно прославляютъ выше мѣры. Ея граціозныя движенія, вся осанка и нѣж-

Горлица обыкновенная. *Turtur communis*. $\frac{3}{8}$ наст. вел.

ное воркованіе подкупаютъ наблюдателя, а когда онъ видитъ нѣжность, съ которой самецъ обращается со своей самкой, то сочтетъ себя въ правѣ признать эту птицу самой благонаправной изъ всѣхъ. Но это мнѣніе будетъ не совсѣмъ вѣрно: горлица имѣетъ тоже свои слабыя стороны; ея нѣжность не сильнѣе, чѣмъ у многихъ другихъ птицъ, а супружеская вѣрность, пожалуй, еще слабѣе, чѣмъ у многихъ. Она хорошо ходитъ по землѣ и держится при этомъ красиво и изящно, летаетъ превосходно, необыкновенно скоро, легко и ловко, безъ большого шума и съ удивительной ловкостью исполняетъ всевозможные повороты въ воздухѣ. Когда ее преслѣ-

дуетъ какал-либо хищная птица, она бросается въ самыя густыя вѣтви деревьевъ и безпрепятственно пробирается черезъ нихъ почти непонятнымъ образомъ, между тѣмъ какъ крылатый хищникъ не можетъ сквозь нихъ пробраться и принужденъ отстать отъ нея.

Нѣжный и пріятный голосъ горлицы хорошо передается нѣмецкимъ, а еще лучше латинскимъ ея названіемъ. Строго говоря, воркованіе—это высокое монотонное ворчаніе, состоящее изъ звуковъ: «тур, тур», которые часто повторяются; но это «тур, тур» такъ благозвучно, что нравится всякому. Голубь обыкновенно воркуетъ, сидя на верхушкѣ сосны, пихты, ели, березы, а на югѣ на любомъ кустѣ, или на сухой вершинѣ, или выдающейся вѣткѣ какого-либо болѣе высокаго дерева; при этомъ онъ надуваетъ шею и немного опускаетъ внизъ голову и клювъ. Если подойти къ нему близко, то можно услышать, что между воркованіемъ онъ вставляетъ легкое щелканіе, которое происходитъ, можетъ быть, отъ быстрого вдыханія. Воркованіе—это любовная пѣснь голубя, и онъ поетъ ее главнымъ образомъ во время своего любовнаго возбужденія передъ спариваніемъ. Онъ начинаетъ пѣть еще передъ восходомъ солнца и поетъ до тѣхъ поръ, пока желудокъ не напомнитъ ему о пищѣ; потомъ онъ воркуетъ немного передъ полуднемъ, а вечеромъ опять сильнѣе. Вѣтеръ и дурная погода заставляютъ его замолчать; но въ хорошее утро онъ воркуетъ почти непрерывно по цѣлымъ получасамъ. Если въ какой-либо мѣстности много голубей, то самцы соперничаютъ въ воркованіи другъ съ другомъ и очень оживляютъ этимъ лѣсъ. Въ періодъ размноженія самецъ, послѣ воркованія, поднимается по косому направленію вверхъ, хлопаетъ крыльями, потомъ опускается тихо внизъ, возвращается обыкновенно на то же мѣсто, съ котораго поднялся, опять начинаетъ ворковать и воркуетъ еще дольше, чѣмъ прежде. Во все время высиживанія обѣ птицы одной парочки держатся постоянно вмѣстѣ и въ случаѣ гибели одного, печаль другого глубока и продолжительна: «Я убилъ», рассказываетъ мой отецъ, «самку одной парочки. Самецъ полетѣлъ было въ лѣсъ, но, замѣтивъ, что самка не послѣдовала за нимъ, вернулся назадъ и началъ ворковать, надѣясь этимъ подзвать ее къ себѣ. Мнѣ стало жаль бѣдное животное, и я хотѣлъ его также убить, чтобы прекратить его страданія; однако онъ не подпустилъ меня къ себѣ на разстояніе выстрѣла, хотя я не улетѣлъ въ лѣсъ (который бы могъ его защитить), но оставался въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ на деревьяхъ, росшихъ въ полѣ, не желая возвращаться домой безъ своей погибшей голубки. Многие охотники думаютъ, что въ случаѣ смерти одного изъ супруговъ, другой умираетъ отъ горя. Это повѣрье, можетъ быть, дѣлаетъ честь сердцу охотника, но оно ни на чемъ не основано.

Пищу горлицы составляютъ сѣмена самыхъ разнообразныхъ растений, въ особенности сосны, ели, березы, ольхи, мака, а осенью молочая; также сѣдаютъ онѣ и маленькихъ улитокъ. Горлицы приносятъ пользу полямъ тѣмъ, что уничтожаютъ сѣмена сорныхъ травъ и потому незначительный вредъ, который онѣ причиняютъ, подбирая сѣмена конопли, льна, проса, рапса, гороха, чечевицы, вики, едва-ли слѣдуетъ принимать въ расчетъ. За часъ до полудня и въ вечеромъ горлица непременно отправляется на водопой и часто улетаетъ за четверть мили отъ своего жилища, отыскивая хорошую ключевую воду, которую она очень любитъ.

Размноженіе начинается вскорѣ послѣ прилета горлицъ въ апрѣлѣ, самое позднее въ маѣ, и продолжается до августа, такъ какъ горлица, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, высиживаетъ птенцовъ нѣсколько разъ въ году. Гнѣздо, построенное обѣими птицами на незначительной высотѣ, на листовномъ или

хвойномъ деревѣ, сплетается безъ особаго искусства изъ сухого хвороста, вереска и корешковъ; оно плоско, но тамъ, гдѣ кладутся яйца, немного углублено: оно обыкновенно такъ дурно построено, что снизу черезъ щели можно ясно видѣть два яйца и сидящую на нихъ голубку. Но самое мѣсто, гдѣ расположено это гнѣздо, защищаетъ его отъ опустошительнаго вліянія бури, которая непременно снесла бы его, если бы оно находилось на болѣе открытомъ мѣстѣ. Оба яйца, продольный діаметръ которыхъ 29, а поперечный 23 м.м., высиживаются попеременно обѣими птицами, которыя ихъ горячо любятъ, а выдупившихся птенцовъ не покидаютъ даже въ случаѣ явной опасности для жизни. Выкармливаются эти птенцы такъ же, какъ и птенцы другихъ голубей. Ихъ можно вырастить въ неволѣ безъ большого труда и, если ими заниматься, то они вскорѣ становятся ручными. «Ручная горлица», говоритъ вполне справедливо мой отецъ, «премилая птица. Не только ея красота, но также пріятный нравъ и нѣжное воркованіе самца даютъ ей преимущество передъ всѣми подобными ей птицами. Она скоро приступаетъ къ спариванью и размножается въ неволѣ. Я видѣлъ парочку горлицъ, которая въ тѣсной клѣткѣ построила себѣ гнѣздо и высидѣла птенцовъ; у меня самого было нѣсколько паръ, которыя ѣли прямо съ руки хлѣбъ, пшеницу и сѣмена сосны». Одна горлица, которую держалъ Шлехтендаль, жила въ неволѣ 14 лѣтъ и знала всѣхъ, благоволящихъ къ ней людей, своего-же перваго воспитателя, даже послѣ долгаго его отсутствія, привѣтствовала воркованьемъ, какъ стараго знакомаго, когда онъ ее посѣщалъ.

Ловкость и быстрота полета спасаютъ горлицу отъ многихъ враговъ. Она улетаётъ отъ большинства хищныхъ птицъ и только итенцы страдаютъ иногда отъ разнаго рода хищниковъ. Человѣкъ ее мало преслѣдуетъ, настоящій охотникъ защищаетъ ее, а воскресный обыкновенно напрасно старается приблизиться къ ней на разстояніе выстрѣла: она всегда въ высшей степени осторожна и не легко дается въ обманъ. Во время зимовокъ ея общительность часто губитъ ее.

* * *

Кромѣ горлицы, ни одинъ другой видъ, исключая обыкновеннаго голубя, не содержится такъ часто въ неволѣ, какъ близко ей родственный **Египетскій или Смѣющийся голубь** (*Turtur risorius, decipiens, vinaceus, и semitorquatus, Columba и Streptopelia risoria, Peristera risoria и ridens. Lachtaube. Tourterelle rieuse*). Онъ бланжево-желтаго цвѣта; спина темнѣе, а голова, горло и брюшко болѣе свѣтлые; маховыя перья черноватыя, заткловное кольцо черное, глаза свѣтло-красныя, клювъ черный, ноги карминово-красныя. Длина его равняется 31 см., размахъ крыльевъ 52, длина крыла 17, а хвоста 13 см.

Отечество египетскаго или смѣющагося голубя составляетъ сѣверо-восточная Африка и Индія; въ степныхъ заросляхъ я встрѣчалъ ихъ иногда въ безчисленномъ количествѣ. На основаніи моихъ наблюденій, смѣющийся голубь предпочитаетъ жить въ сухихъ пустынныхъ мѣстностяхъ. Онъ очень часто встрѣчается на югъ отъ средней Пубіи, а во внутренней Африкѣ принадлежитъ къ числу самыхъ обыкновенныхъ представителей этого семейства. При проѣздѣ черезъ Самхару или какую-либо другую степь внутренней Африки постоянно слышишь смѣхъ и воркованіе этихъ голубей почти съ каждаго куста. Въ извѣстное время года, именно, когда начинается засуха, они собираются въ нѣкоторыхъ заросляхъ въ неисчислимомъ количествѣ. Шерѣдко можно тогда замѣтить надъ головой стай этихъ голубей, летящихъ, если не цѣлыми часами, то все-таки впродолженіи многихъ минутъ густыми тучами, или-же сидящими на землѣ, приче́мъ они покрыва-

вають буквально нѣсколько квадратныхъ километровъ. Я помню одинъ день, когда эти смѣющіеся голуби мнѣ сильно надоѣли тѣмъ, что почти не давали охотиться, окружая меня со всѣхъ сторонъ и мѣшая этимъ моимъ наблюденіямъ надъ другими, болѣе рѣдкими животными. Такія стаи голубей, гонимыя, должно быть, недостаткомъ корма, кружатся по цѣлымъ недѣлямъ надъ степью и прилетаютъ по утрамъ и по вечерамъ къ водою чуть не цѣлыми милліонами, если не всѣмъ разомъ, то въ видѣ непрерывной цѣпи, тянущейся въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ.

Египетскій голубь. *Turtur risorius*. Голубь малютка. *Peristera agra*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

Все же остальное время года египетскіе голуби живутъ парочками или маленькими семействами. Въ Самхарѣ я видѣлъ по 2—3 парочки на каждомъ кустѣ, и если одна парочка улетала и отправлялась къ другому кусту, то навѣрно находила его уже занятымъ. Въ зобу убитыхъ мною смѣющихся голубей я нашелъ самыя разнообразныя сѣмена; я никакъ не могъ понять, какимъ образомъ такая масса голубей могла найти себѣ достаточное количество пищи. Должно быть они усердно отыскивали кормъ и клевали его въ такихъ мѣстахъ, гдѣ мы при самыхъ тщательныхъ поискахъ ничего бы не нашли.

Голосъ смѣющагося голубя похожъ на воркованіе горлицы, сопровождаемое постоянно звуками «хи, хи, хи, хи», которые находятъ похожими на смѣхъ. Нечего и говорить, что такое сравненіе, какъ и всякое другое, нѣсколько хромаетъ, потому что упомянутымъ звукамъ недостаетъ звонкости, ясности смѣха; они звучать глухо и совсѣмъ не весело, но и не непріятно.

Въ сѣверо-восточной Африкѣ размноженіе начинается незадолго до наступленія первыхъ дождей и оканчивается вмѣстѣ съ послѣдними. Поведеніе влюбленныхъ смѣющихся голубей мало отличается отъ поведенія другихъ видовъ. Самецъ выгибаетъ спину, взъерошиваетъ перья, низко нагибается и потомъ вдругъ снова выпрямляется, воркуетъ и «смѣется», перепрыгиваетъ съ ноги на ногу или прыгаетъ обѣими ногами заразъ вверхъ по вѣткѣ, надуваетъ шею и т. д., а голубка старается по возможности угождать ему. Гнѣздо ихъ такъ же плохо построено, какъ и у родственныхъ видовъ. Они горячо любятъ своихъ птенцовъ и обращаются съ ними очень нѣжно.

Въ Суданѣ мало кто обращаетъ вниманіе на голубей и никто ихъ не ловитъ; однако было бы очень легко ихъ поймать, потому что я ловилъ ихъ на Абиссинскомъ берегу, сколько хотѣлъ. Смѣющийся голубь быстро привыкаетъ къ тѣсной кліткѣ и размножается въ ней еще легче, чѣмъ горлица, а также спаривается съ этой послѣдней и выводитъ ублюдковъ, которые въ свою очередь спариваются и выводятъ птенцовъ съ однимъ изъ основныхъ видовъ или другъ съ другомъ. «Парочка смѣющихся голубей», рассказываетъ Кенигъ Вартхаузенъ, «отыскала въ моемъ общемъ птичникѣ мѣсто для гнѣзда, по возможности соответствующее ихъ потребностямъ, и построила на ели гнѣздо, которымъ постоянно пользовалась и впоследствии для высиживания птенцовъ. Другая же парочка, напротивъ того, гнѣздится всегда на землѣ, хотя не тутъ родилась, между тѣмъ какъ первая принуждена была, на своемъ прежнемъ мѣстожителствѣ, гнѣздиться на землѣ. Размножаясь въ неволѣ они, также, какъ и на свободѣ, уносятъ личныя скорлупки по возможности дальше отъ гнѣзда. Одна парочка имѣла обыкновение при каждой кладкѣ выбрасывать первое яйцо изъ гнѣзда и закапывать его подъ край гнѣзда, какъ только второе было положено. Странно видѣть, какъ оба голуби часто сидятъ на одномъ яйцѣ. Самецъ смѣняетъ самку и сидитъ на яйцахъ всегда въ извѣстное время дня, а именно въ 10 ч. утра и отъ 2—3 ч. пополудни. Въ моей общей кліткѣ почти всегда есть холостыя голубки; но ни одна изъ нихъ не хочетъ спариться съ самцомъ горлицы, который уже 3 года содержится для этой цѣли. Напротивъ того, въ Лудвигсбургѣ самецъ смѣющагося голубя соединился съ куропаткой, которая положила яйца, но, несмотря на усердное высиживаніе, птенцовъ не было».

Фюреръ, наблюдая надъ своими плѣнниками, замѣтилъ, что самка кладетъ первое яйцо вечеромъ, между 6 и 7 часами, на слѣдующій день отдыхаетъ, а на третій, между двумя и тремя часами пополудни кладетъ второе яйцо и тогда ужъ садится на яйца. Иногда самецъ сидитъ вмѣстѣ съ самкой. Птенцы вылупляются черезъ 14 дней послѣ того, какъ яйца положены. Они покрыты легкимъ бѣловатымъ пухомъ, но уже на третій день появляются у нихъ первыя перья и открываются глаза. Послѣ 8 дней птенцы могутъ уже ѣсть твердыя сѣмена, а на шестнадцатый или восемнадцатый день они оперяются совершенно; черезъ четыре недѣли они приучаются сами добывать себѣ ѣду, а на седьмую или восьмую недѣлю начинаютъ лянать. Если ими много заниматься, они становятся очень ручными и быстро приучаются вылетать изъ клітки и опять влетать въ нее. Въ прекрасномъ саду великолѣпнаго замка Мирамаръ, около Триеста, много отлхъ.

голубей живетъ на свободѣ такъ же, какъ и наши полевые голуби. При хорошемъ уходѣ они живутъ въ неволѣ 15—20 лѣтъ.

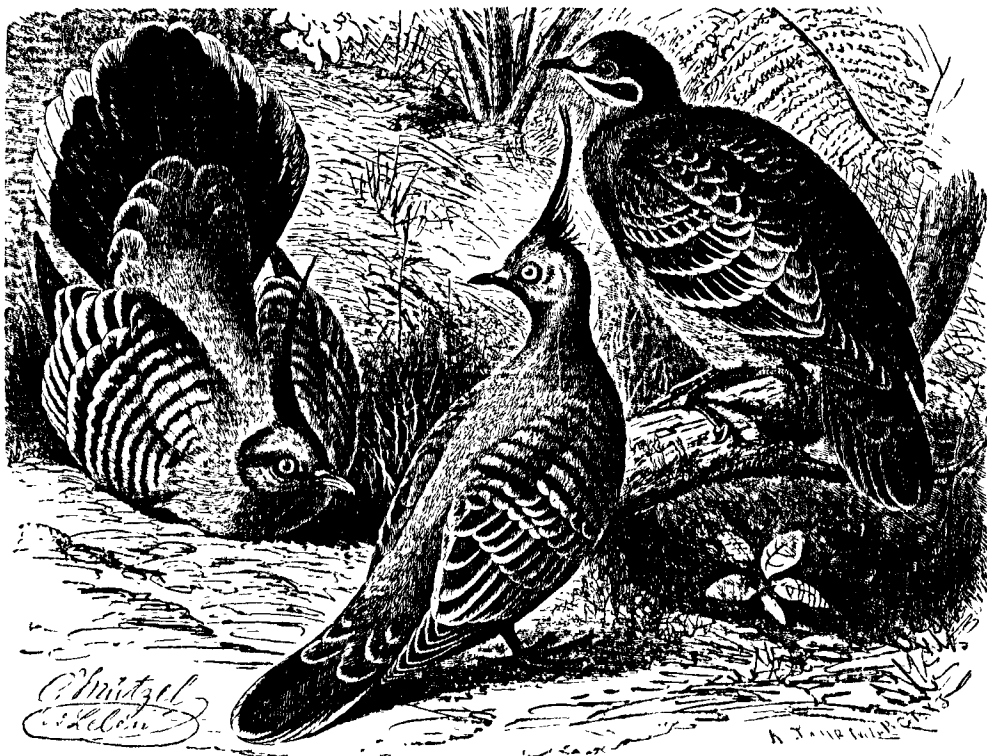
* * *

Зернальные голуби (Phaps. Spiegeltauben. Colombar) сравнительно велики и рѣдко сложены, хотя нѣкоторые виды ихъ, по причинѣ длиннаго хвоста, кажутся тонкими; клювъ у нихъ большой, ноги имѣютъ короткую плюсну, но длинные пальцы, крылья обыкновенно длинныя и острыя; хвостъ, состоящій изъ четырнадцати или шестнадцати перьевъ, довольно длинный или очень длинный. Опереніе пестрое и замѣчательно переливчатымъ металлическимъ отливомъ покровныхъ перьевъ крыльевъ.

Хохлатый голубь (Phaps lophotes, Columba, Turtur и Ocyphaps lophotes. Schorftaube. Colombar à aigrette) отличается сравнительно тонкимъ туловищемъ, короткимъ, сильно выгнутомъ на концѣ клювомъ, низкими ногами, средніе пальцы которыхъ равны длинѣ плюсны; довольно длинными острыми крыльями, на которыхъ второе и третье маховыя перья самыя длинныя; длиннымъ клинообразнымъ ступенчатымъ хвостомъ, состоящимъ изъ 14 перьевъ, и длиннымъ острымъ хохолкомъ, образующимся удлинненными перьями затылка. Голова, лицо и нижняя часть тѣла сѣрыя, перья затылка черныя, перья верхней части тѣла свѣтло-оливково-бурыя, причѣмъ эта окраска переходитъ на боковыхъ частяхъ шеи въ гвоздично-красную; большія покровныя перья крыльевъ блестящаго бронзоваго цвѣта съ бѣлой каймой; маховыя перья коричневыя, окаймленныя узкой буровато-бѣлой полоской и также часто бѣлыми каймами, среднія рулевыя перья землисто-коричневыя, остальные—темно-коричневыя, на наружной сторонѣ опахала отливающая зеленомъ, а на кончикѣ бѣлыя. Глаза желто-оранжевые, голое кругловатое кольцо вокругъ нихъ гвоздично-красное, клювъ у корня темно-оливково-бурый, на концѣ черный, ноги гвоздично-красныя. Длина равняется 15, длина крыла и хвоста также по 15 см.

«Вслѣдствіе изящной внѣшности и своеобразнаго длиннаго хохла», говоритъ Гульдъ. «этого голубя можно считать однимъ изъ самыхъ красивыхъ голубей Австраліи; пожалуй это даже самая красивая птица всего рода. Голубь этотъ очень часто встрѣчается на ровныхъ пространствахъ Веллингтоновой долины и по близости отъ Муррумбиджи. Повидимому онъ предпочитаетъ болотистыя мѣста, такъ что присутствіе его считается вѣрнымъ признакомъ богатой водой мѣстности. Самымъ близкимъ къ морю мѣстомъ, гдѣ я встрѣчалъ его, была рѣка Муррей; здѣсь онъ попадаетъ очень часто. Множество этихъ голубей оживляетъ равнины за Моретонскимъ заливомъ и берегомъ Намои. Часто они собираются въ большія стаи, которыя, прилетая во время сухого времени года къ озерамъ или берегамъ рѣкъ, выбираютъ какое-нибудь одно дерево или кустъ, на который и опускаются. Они сидятъ въ такихъ случаяхъ въ значительномъ количествѣ другъ возлѣ друга и всѣ вмѣстѣ слетаютъ къ водѣ такой густой стайей, что однимъ выстрѣломъ можно бываетъ убить нѣсколько дюжинъ ихъ. Полетъ ихъ отличается отъ полета всѣхъ другихъ видовъ чрезвычайной быстротой. Взлетая, они дѣлаютъ нѣсколько быстрыхъ взмаховъ крыльями, а затѣмъ поднимаются, повидимому уже не шевелѣ ими. Следѣя съ вѣтви, они поднимаютъ хвостъ, втягиваютъ голову и затѣмъ улетаютъ. 23-го сентября я нашелъ гнѣздо ихъ на низкомъ деревѣ на обширной равнинѣ близъ Гундермейна на Намои. Оно было похоже на гнѣздо другихъ голубей и содержало два бѣлыхъ яйца, на которыхъ сидѣла самка». Гульдъ полагасть, что хох-

латый голубь, какъ обитатель внутренности страны, можетъ только рѣдко попадаться на глаза наблюдателю, но онъ говоритъ, конечно, о томъ, что было нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ этого красиваго голубя часто привозили въ Европу, и теперь онъ украшаетъ большія клѣтки всѣхъ нашихъ зоологическихъ садовъ. Здѣсь онъ выдерживаетъ неволю при самомъ простомъ уходѣ и правильно размножается. По свидѣтельству Гаака, онъ легко переноситъ длинныя суровыя зимы. Въ Франкфуртскомъ зоологическомъ саду въ теченіи продолжительной и холодной зимы съ 1890 на 1891 годъ былъ высиженъ и выращенъ птенецъ въ открытомъ и незащищенномъ отъ вѣтра и непогоды гнѣздѣ. Съ дру-

Хохлатый голубь. *Phaps lophotes* и Бронзовый голубь. *Phaps chalcoptera*. $\frac{1}{4}$ наст. вел. гими своими родичами этотъ голубь живетъ въ полномъ согласіи, а по отношенію къ мелкимъ птицамъ ведетъ себя равнодушно. Его можно вполнѣ рекомендовать любителямъ иноземныхъ животныхъ.

У другого вида этого рода, называемаго **Бронзовымъ голубемъ** (*Phaps chalcoptera*. *Columba* и *Peristera chalcoptera*. *Erzflügeltaube*. *Colombar lumachelle*), — верхняя сторона — бурая, затылокъ темно-бурый, нижняя сторона винно-красная, къ брюшку переходящая въ сѣроватый цвѣтъ; передняя часть головы, полоса подъ глазомъ и на горлѣ — желтовато-бѣлая, бока шеи сѣрые. Покровныя перья крыльевъ украшены продолговатыми мѣдно-красными переливчатыми пятнами; на двухъ или трехъ маховыхъ перьяхъ блестяція зеленія пятна. Среднія покровныя перья хвоста бурья, остальные — темно-сѣрыя. Глаза темно-красновато-бурые, клювъ черновато-сѣрый, ноги карминово-красныя. У самки нѣтъ свѣтлой лобной полоски; опереніе

ея болѣе сѣроватое и зеркальца меньше. Птица имѣетъ 34 см. въ длину; длина крыла 19, а хвоста 13 см.

Голубь этотъ принадлежитъ къ числу тѣхъ австралійскихъ птицъ, которыя попадались въ руки уже первымъ изслѣдователямъ. Повидимому, онъ распространенъ по всему материку, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ встрѣчается только въ качествѣ перелетной птицы. Пустынные мѣстности, поросшія низкимъ кустарникомъ или травой, составляютъ его любимое мѣстопробываніе. «Тотчасъ послѣ прилета», говоритъ «Старый бушменъ», «его можно встрѣтить среди кустовъ папоротника и медовой травы (*Holcus*), притомъ одинаково часто какъ подъ деревьями, такъ и на ихъ вѣтвяхъ. Когда же лѣто приближается къ концу, онъ отправляется въ степь и держится здѣсь, особенно ночью и утромъ; когда на чертополохѣ распускаются листья, почти каждый кустъ его бываетъ занятъ этими голубями, а какъ только созрѣютъ сѣмена ватловыхъ деревьевъ (*Acacia dealbata* и *decurrens*), ихъ постоянно приходится видѣть подъ этими деревьями». Гульдъ называетъ этихъ голубей неуклюжими тяжелыми птицами, прибавляя, впрочемъ, что сильный полетъ переноситъ ихъ въ очень короткое время чрезъ большія пространства. «Передъ восходомъ солнца ихъ обыкновенно можно видѣть летящими надъ равнинами къ ущельямъ и водооямъ. Зная ихъ привычки, можно всегда узнать, есть-ли по близости вода; ее возможно найти даже въ мѣстности, кажущейся совершенной безводной пустыней, такъ какъ голуби слетаются къ ней со всѣхъ сторонъ. Въ случаѣ обильныхъ дождей, когда рѣки и пруды наполняются до береговъ, голуби измѣняютъ свое поведеніе, потому что тогда имъ нѣтъ надобности подвергать себя опасностямъ, чтобы добыть воды. Ихъ низко звучащее и громкое воркованье можно слышать ночью и утромъ; оно напоминаетъ отдаленное мычаніе коровъ. Размноженіе происходитъ въ наши осенніе, т. е. австралійскіе весенніе мѣсяцы». Первое поколѣніе появляется на свѣтъ въ августѣ, а запоздалыхъ птенцовъ можно бываетъ встрѣтить, по словамъ «Стараго бушмена», еще въ февралѣ мѣсяцѣ. Гнѣздо находится обыкновенно на горизонтальныхъ вѣтвяхъ камендаго дерева или ангофоры, невысоко надъ землею, по возможности вблизи отъ воды. Оно не отличается существеннымъ образомъ отъ гнѣзда другихъ голубей, и яйца также сходны съ яйцами другихъ родственныхъ видовъ той-же величины. Оба пола высиживаютъ попеременно. Къ концу января молодые голуби собираются большими стаями и сообща посѣщаютъ излюбленные мѣстности.

Когда Гульдъ жилъ въ Бреци, во время продолжительной засухи съ 1839 на 1840 г., онъ имѣлъ возможность наблюдать бронзовыхъ голубей. По увѣренію туземцевъ на цѣлую милю вокругъ не было никакого другого водооя, находившагося въ непосредственной близости отъ палатки Гульда, кромѣ углубленія, сдѣланнаго въ скалѣ и наполненнаго за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ дождемъ. Къ этому водоюю прилетали всѣ окрестныя птицы, за исключеніемъ впадью, питающихся только одними насѣкомыми. Попугай-медососы и другія птицы прилетали непрерывно на край бассейна и, не обращая вниманія на присутствіе натуралиста, утоляли свою жажду. Бронзовые голуби почти никогда не появлялись днемъ, а только послѣ заката солнца по одиночкѣ или парами. Прилетая, они не сейчасъ же направлялись къ краю бассейна, а спокойно оставались нѣкоторое время на землѣ, затѣмъ уже осторожно подкрадывались къ водѣ и, утоливъ жажду, возвращались на мѣста ночевки. «Старый бушменъ» рассказываетъ, что онъ въ теченіи вечера убилъ у водооя 8 или 10 штукъ этихъ голубей, и что появленіе первой вечерней звѣзды обыкновенно служило для охотниковъ сигналомъ, что пора становиться на мѣсто. Всѣ путешественники, бывавшіе въ Австрали, хвалятъ превосходное мясо

этих голубей, которое съ удовольствіемъ ѣсть какъ губернаторъ колоніи за своимъ столомъ, такъ и послѣдній дикарь внутри страны. Послѣ того, какъ голуби выведутъ птенцовъ, на нихъ устраиваютъ большія охоты и, въ случаѣ удачи, одному охотнику иногда случается убить въ теченіи дня 20—30 паръ этихъ птицъ.

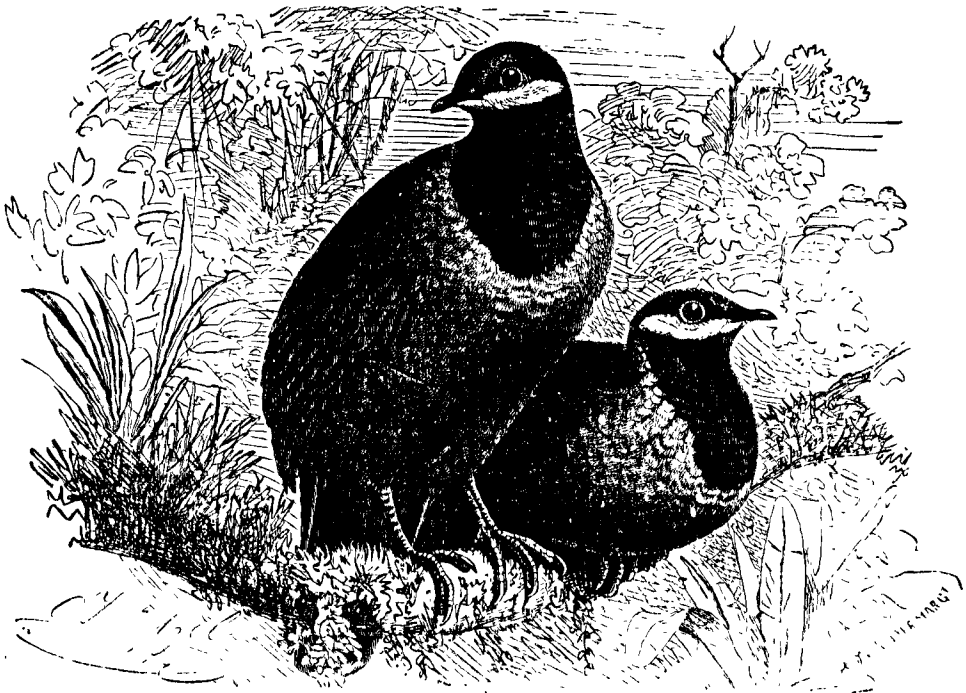
Бронзоваго голубя, какъ и предыдущаго его родича, въ настоящее время часто можно видѣть въ нашихъ зоологическихъ садахъ.

Бѣгающими голубями (*Geotrygoninae. Lauftauben*) называются виды другого подсемейства, отличающагося короткимъ туловищемъ и очень развитыми ногами, но сравнительно короткими крыльями. * *

Однимъ изъ наиболѣе характерныхъ видовъ рода **Земляныхъ голубей** (*Geotrygon. Erdtauben*) является **Рябчиковый голубь** (*Geotrygon cyanocephala, Starnocela cyanocephalo, Columba cyanocephalo, Turtur jamaicensis. Rebhuhntaube. Colombar gelinotte*). Онъ плотно сложенъ, клювъ у него толстый, высокій и широкій, выпуклый на верхушкѣ; ноги совершенно куриныя, длинныя съ толстыми плюснами и короткими мясистыми пальцами, снабженными большими изогнутыми когтями. Крылья короткія, большія маховыя перья узкія, саблевидно изогнутыя и заостренныя, изъ нихъ третье и четвертое длиннѣе прочихъ; малыя маховыя тупыя, но не особенно широкія. Двѣнадцатиперый хвостъ умѣренно длинный и закругленный. Опереніе обильное и нѣсколько жесткое. Похожая на уздечку полоска не оперена, но покрыта маленькими яйцевидными бородавками. Общій цвѣтъ оперенія—красивый шоколадно-бурый, переходящій на нижней сторонѣ въ красно-бурый и съ винно-краснымъ налетомъ на груди. Верхняя часть головы и нѣсколько чешуйчатыхъ шейныхъ перьевъ сбоку подъ горломъ аспидно-синяго цвѣта; лицо, затылокъ и горло черное; уздечка и полоса, окаймляющая горловое пятно, чисто-бѣлыя. Маховыя перья темно-бурія съ красно-бурыми каемками спереди и съ пепельно-сѣрымъ отливомъ снизу. Среднія кроющія перья хвоста шоколадно-бурія, боковыя—черно-бурія. Глаза темно-каріе, клювъ кораллово-красный у корня и сѣро-голубой на кончикѣ. Ноги блѣднаго красновато-бѣлаго цвѣта; щитки на нижней части плюсны красиваго карминово-краснаго цвѣта, на пальцахъ темно-голубовато-краснаго, а на кожѣ сочлененій пальцевъ они небесно-голубые. У молодыхъ птицъ голубыя перья темени снабжены черными каемками, а верхнія покровныя перья хвоста имѣютъ каемки цвѣта охры; клювъ и кожа около его корня темно-бурые, щитки на ногахъ буро-красные, а на пальцахъ бирюзово-голубые. Въ длину рябчиковый голубь имѣетъ 31 см.; размахъ крыльевъ 44 см., длина крыла такъ-же, какъ и хвоста 13 см.

Отечествомъ этой великолѣпной птицы слѣдуетъ считать островъ Кубу, откуда она распространяется къ сѣверу до Флориды, къ югу до Венецуэлы и, по словамъ Бурмейстера, какъ кажется, встрѣчается вплоть до высокихъ мѣстностей Бразиліи по теченію Амазонки, но южнѣ этого не попадается. Она живетъ также на Ямаикѣ, но на остальныхъ Антильскихъ островахъ, повидимому, отсутствуетъ. Одубовъ встрѣтилъ нѣсколько штукъ этихъ голубей во Флоридѣ въ мѣсяцѣ и видѣлъ также парочку вскормленныхъ съ молодости въ неволѣ, вѣроятно взятыхъ изъ гнѣзда, но не могъ ничего узнать относительно жизни ихъ на волѣ. Только Рикоръ и послѣ него Гундлахъ даютъ намъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ этихъ красивыхъ птицахъ, бывшихъ извѣстными уже старѣйшими орнитологамъ.

«Рябчиковый голубь», говорит Рикорь, «живетъ очень уединенно въ дѣственныхъ лѣсахъ Кубы. Наблюдать его въ высшей степени трудно, такъ какъ непрерывно ведущаяся расчистка лѣсовъ прогоняетъ этихъ голубей; кромѣ того ихъ постоянно преслѣдуютъ, такъ какъ креолы очень дѣвятъ какъ прекрасное мясо, такъ и выгоду, получаемую отъ продажи, и потому истребляютъ ихъ при всякой возможности. Чтобы охотиться за этой птицей, нужно быть на мѣстѣ уже рано утромъ, потому что съ восходомъ солнца она имѣетъ обыкновеніе летѣть по направленію къ востоку и садиться на верхнія вѣтви самыхъ высокихъ деревьевъ. Роса, падающая на Антильскихъ островахъ по ночамъ въ большомъ количествѣ, промачиваетъ перья голубя, словно дождь, и принуждаетъ

Рябчиковый голубь. *Geotrygon cyanocephalus*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

его обсушиться; поэтому то онъ и летитъ на встрѣчу первымъ лучамъ выходящаго солнца. Нѣсколько позже можно встрѣтить рябчиковаго голубя болѣе низко въ лѣсной чащѣ на самыхъ густолиственныхъ вѣтвяхъ, которыя онъ выискиваетъ, чтобы укрыться отъ дневного жара, особенно часто вблизи рѣкъ, къ которымъ онъ прилетаетъ, чтобы утолять жажду. Тогда онъ бываетъ менѣе робокъ, чѣмъ утромъ, можетъ быть потому, что подъ прикрытіемъ листвы считаетъ себя въ безопасности, а можетъ быть и потому, что дневной жаръ уменьшаетъ его обычную живость. Но если въ полдень легче подкрасться къ нему, то тѣмъ труднѣе бываетъ его замѣтить; охотникъ въ это время не съ такимъ увлеченіемъ преслѣдуетъ птицу, такъ какъ полуденный зной такъ-же непріятенъ для него, какъ и для дичи. Особенно часто можно застать рябчиковаго голубя въ известное время на сахарномъ горохѣ, изъ стручковъ котораго онъ вылушиваетъ зерна». — Болѣе содержательны сообщенія Гундлаха. Этотъ голубь настоящая осыдлая птица острова Кубы; онъ нерѣдко встрѣчается въ большихъ

лѣсахъ, особенно тамъ, гдѣ каменистая почва; но его никогда не увидишь ни въ полѣ, ни въ саваннахъ. Онъ ходитъ, втянувъ шею и поднявъ хвостъ, медленно шагая, и ищетъ на землѣ сѣмена, ягоды и иногда маленькихъ улитокъ, а также роется въ сухихъ, опавшихъ листьяхъ. Насытившись, онъ садится на горизонтальный, безлистный сукъ или на какое-нибудь чужеродное растеніе, чтобы отдохнуть. Время отъ времени онъ издаетъ свой призывной крикъ, состоящій изъ двухъ звуковъ—«ху-уп»,—изъ которыхъ первый протяжный, а второй, наоборотъ, очень коротокъ; кромѣ того слышится какъ-бы тихое бормотанье. По крику этого голубя очень трудно судить, на какомъ разстояніи онъ находится, такъ какъ кажется, что крикъ этотъ то приближается, то удаляется. Полетъ его начинается очень шумно, совершенно сходно съ полетомъ рябчика; поэтому то онъ и получилъ совершенно неподходящее въ прочихъ отношеніяхъ названіе рябчикового голубя.

Въ апрѣлѣ и маѣ можно найти гнѣздо этого голубя, построенное просто изъ немногихъ хворостинокъ на вершинѣ нѣкоторыхъ чужеродныхъ растеній, въ высокомъ тѣнистомъ лѣсу безъ низколѣся. Въ немъ лежатъ 2 бѣлыхъ яичка, имѣющія 35 м.м. въ длину и 25 м.м. въ поперечникѣ.

Безъ блага превосходнаго мяса этихъ голубей не обходится ни одинъ парадный обѣдъ у жителей Кубы. Поэтому за ними усиленно охотятся, такъ что изъ году въ годъ они становятся рѣже, и теперь за штуку платятъ на нѣмецкія деньги 4—8 марокъ. Для ловли ихъ туземцы употребляютъ приманныхъ птицъ или, за неимѣніемъ таковыхъ, особые свистки для приманиванія, изготовляемые изъ плодовъ одного дерева. Круглая, имѣющая около 3 м. въ поперечникѣ сѣтка, къ которой внизу, въ видѣ груза привязано кольцо изъ вьющихся растеній, укрѣпляется на совершенно открытомъ, хорошо расчищенномъ мѣстѣ въ лѣсу при помощи длинной веревки, перекинутой черезъ сукъ и доходящей до того мѣста, гдѣ прячется птицеловъ. Сѣтку подтягиваютъ на такую высоту надъ землею, чтобы приманиваемые птицы могли подбѣгать подъ нее со всѣхъ сторонъ; приманная птица привязывается на короткой веревочкѣ на серединѣ находящагося полъ сѣтью мѣста, которое усыпаютъ маисомъ. Призывной крикъ привязаннаго рябчикового голубя или звукъ свистка привлекаютъ дикихъ голубей, и птицелову остается только во время опустить на нихъ сѣть. Онъ продаетъ ихъ живыми мѣстнымъ торговцамъ, которые держатъ ихъ въ большихъ клеткахъ и кормятъ до тѣхъ поръ, пока не представится случай сбыть ихъ. Такимъ торговцамъ мы обязаны тѣми рябчиковыми голубями, которые украшаютъ наши птичьи клетки. Мнѣ часто случалось наблюдать ихъ, приходилось также и самому воспитывать, но они никогда не доставляли мнѣ особеннаго удовольствія. Тѣ экземпляры, которые я наблюдалъ въ неволѣ или самъ воспитывалъ, часто по долгу сидѣли, нахвалившись, на одномъ мѣстѣ, двигались только, ходя по землѣ, безпрестанно пачкали свое опереніе и чистили его далеко не съ такой тщательностью, какъ другіе голуби. Насколько мнѣ помнится, я никогда не слышалъ ни одного звука отъ тѣхъ, которыхъ держалъ въ неволѣ; впрочемъ возможно, что голосъ ихъ терялся среди голосовъ множества другихъ голубей, жившихъ вмѣстѣ съ ними. Повидимому, они никакъ не могли примириться съ нашимъ климатомъ: въ холодные лѣтніе дни они всегда бывали очень скучны, а отъ дождей почти заболѣвали. Тѣмъ не менѣе, какъ говорятъ, кое-гдѣ въ европейскихъ зоологическихъ садахъ они давали потомство.

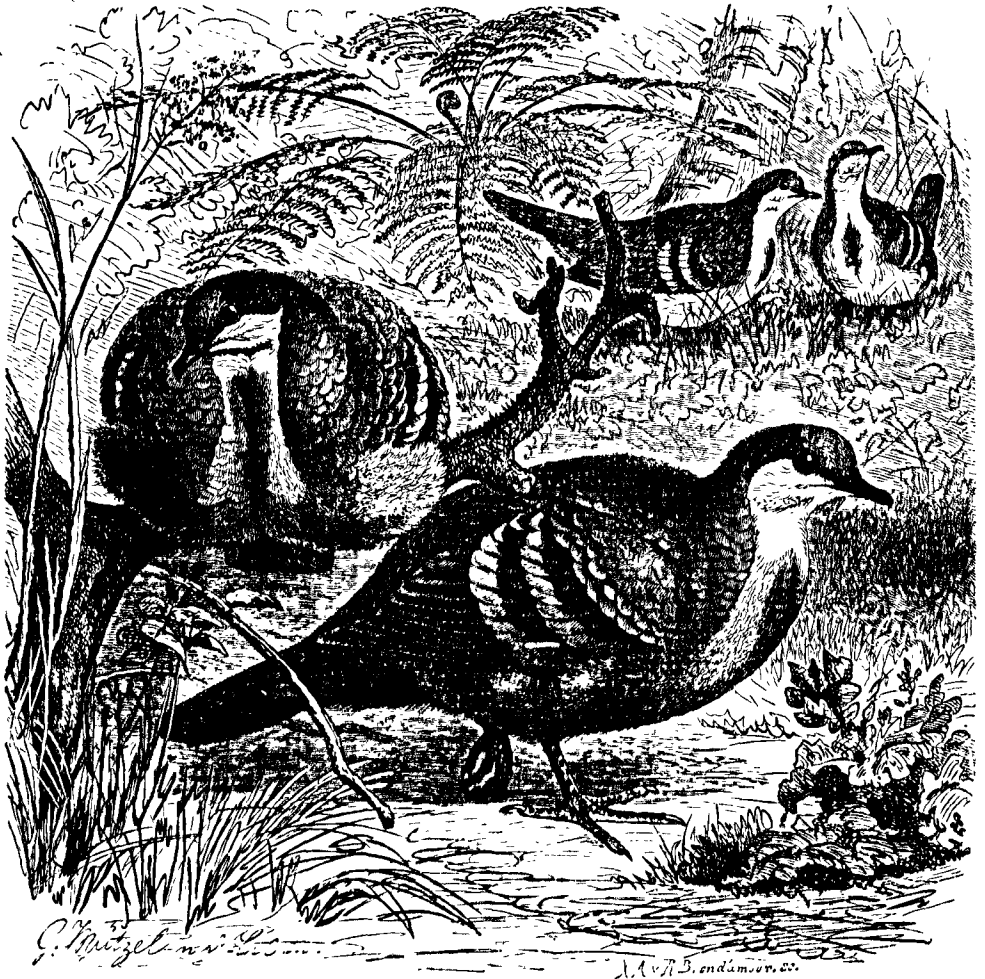
* * *

Кровавый голубь (*Geotrygon cruentata*, *Phlegoenas cruenta*, *Columba cruenta*, *cruentata* и *luzonica*, *Caloenas luzonica*. *Dolch.tichtaube*. *Colombe ensanglantée*).

тѣе) замѣчательнѣе болѣе своей бросающейся въ глаза окраской, чѣмъ строеніемъ и привычками. Признаками его могутъ служить: слабый клювъ, сѣдлообразный наверху и слегка приподнятый передъ концомъ, спускающійся въ видѣ довольно большого крючка; ноги съ очень длинными плюснами и сравнительно короткими пальцами; крылья умѣренной длины, но съ сильно заостренной маховой частью; третье маховое перо имѣетъ наибольшую длину. Хвостъ сравнительно длинный, ясно закругленный. Лобъ и темя свѣтлаго пепельно-сѣраго цвѣта, сзади переходящаго въ болѣе темный; затылокъ фіолетовый; задняя часть шеи, нижнія шейныя перья, спина и надхвостье свинцово-сѣрыя, причѣмъ всѣ перья снабжены широкими мѣднокрасными каемками и при отраженномъ свѣтѣ имѣютъ красновато-фіолетовый отливъ, а при проходящемъ просвѣчиваютъ прекраснымъ изумрудно-зеленымъ цвѣтомъ. Всѣ малыя верхнія кроющія перья крыла—пепельно-сѣрыя; въ тотъ же цвѣтъ окрашены кончики большихъ верхнихъ кроющихъ перьевъ крыла и крайнихъ перьевъ кисти и плеча, а у основанія эти перья темнаго землисто-бураго цвѣта съ слабымъ фіолетовымъ налетомъ; благодаря этому на крыльяхъ образуется по двѣ, одинаковой ширины, поперечныхъ полосы, ограниченныхъ свѣтло-сѣрыми каемками. Подбородокъ и горло чисто-бѣлыя, остальные нижнія части, за исключеніемъ пятна на зобу и сѣрыхъ боковъ послѣдняго, покрыты какъ бы нѣжнымъ красновато-сѣрымъ налетомъ. Длина пятна на зобу—этого болѣе характернаго признака описываемаго нами голубя—приблизительно вдвое больше ширины, хотя оно обыкновенно кажется болѣе вытянутымъ въ длину. Посерединѣ это пятно яркаго свѣтло-кроваваго цвѣта, а, по направленію къ краямъ, окраска его постепенно блѣднѣетъ. Маховыя перья темнаго землисто-бураго цвѣта, снаружи они снабжены узенькой свѣтло-коричневой каемкой, а на внутренней сторонѣ широкой красно-бурой; пепельно-сѣрыя рулевыя перья близъ кончиковъ украшены широкой черной поперечной полосой. Глаза красно-бурые, клювъ буровато-черный, ноги грязнаго голубовато-краснаго цвѣта. Длина этихъ голубей равняется 26 см., длина крыла 14, а хвоста 9 см.

Голубь этотъ водится на Филиппинскихъ островахъ. Относительно жизни его на волѣ извѣстно только, что онъ населяетъ лѣса, много движется по землѣ и что туземцы часто ловятъ его въ силки и приручаютъ. Всѣ упоминающіе о немъ путешественники говорятъ болѣе или менѣе подробно о кровавомъ пятнѣ на его зобу и уподобляютъ его ранѣ, нанесенной кляжаломъ, а самого голубя иногда сравниваютъ съ пеликаномъ, хотя такое сравненіе совсѣмъ неудачно. По ни одинъ изъ этихъ путешественниковъ не сообщаетъ ни малѣйшихъ свѣдѣній относительно образа жизни этихъ птицъ. Такимъ образомъ остается только сообщить тѣ наблюденія, которыя были сдѣланы надъ экземплярами, содержавшимися въ неволѣ. Благодаря тому, что жители Маниллы особенные любители именно этого вида голубей, каждое судно, возвращающееся въ Европу послѣ плаванія къ Филиппинскимъ островамъ, непременно привозитъ къ намъ одну или нѣсколько парочекъ живыхъ кровавыхъ голубей и поэтому въ каждомъ болѣе или менѣе богатомъ зоологическомъ саду можно видѣть ихъ, если не всегда, то во всякомъ случаѣ довольно часто. Я самъ неоднократно воспитывалъ ихъ и наблюдалъ за ними, но мнѣ не удалось узнать ничего особенно интереснаго относительно моихъ воспитанниковъ, такъ какъ они никогда не рѣшались приступить къ высиживанью. Я изложу здѣсь вкратцѣ тѣ свѣдѣнія, которыя мнѣ сообщили одинъ очень способный и наблюдательный сторожъ Берлинскаго зоологическаго сада. По своему поведенію, движениямъ и характеру кровавый голубь долженъ быть причисленъ къ настоящимъ землянымъ голубямъ. Такъ какъ онъ имѣетъ

привычку нѣсколько оттопыривать крылья, и опереніе у него обыкновенно не особенно плотно прилегае къ туловищу, то онъ производитъ впечатлѣніе очень коренастой птицы. Онъ ходитъ легко большими шагами и, какъ и другіе голуби, при каждомъ шагѣ киваетъ головой, но онъ можетъ также летать очень быстро и чрезвычайно ловко, хотя, повидимому, съ нѣкоторымъ напряженіемъ. Когда онъ идетъ спокойно, кровавое пятно на зобу бываетъ обыкновенно нѣсколько сужено, но при малѣйшемъ волненіи оно расширяется настолько, что принимаетъ

Кровавый голубь. *Geotrygon cucullata*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

почти яйцевидную форму. Во время отдыха или сна голубь этотъ такъ сильно вытягиваетъ шею, что клювъ ложится какъ разъ на середину пятна, находящагося на зобу и почти скрывается въ немъ. Пищу свою онъ ищетъ исключительно на землѣ и для этого, подобно своимъ родичамъ, разбрасываетъ валяющіеся на ней предметы, какъ-то листья и т. п. Все время, за исключеніемъ періода спариванья, онъ ведетъ себя спокойно и выказываетъ живость своего характера только въ томъ случаѣ, если въ его сосѣдствѣ очутится какой-нибудь другой голубь или другая, чѣмъ-либо неприятная ему птица; на этихъ птицъ, равно какъ и вообще на всѣхъ

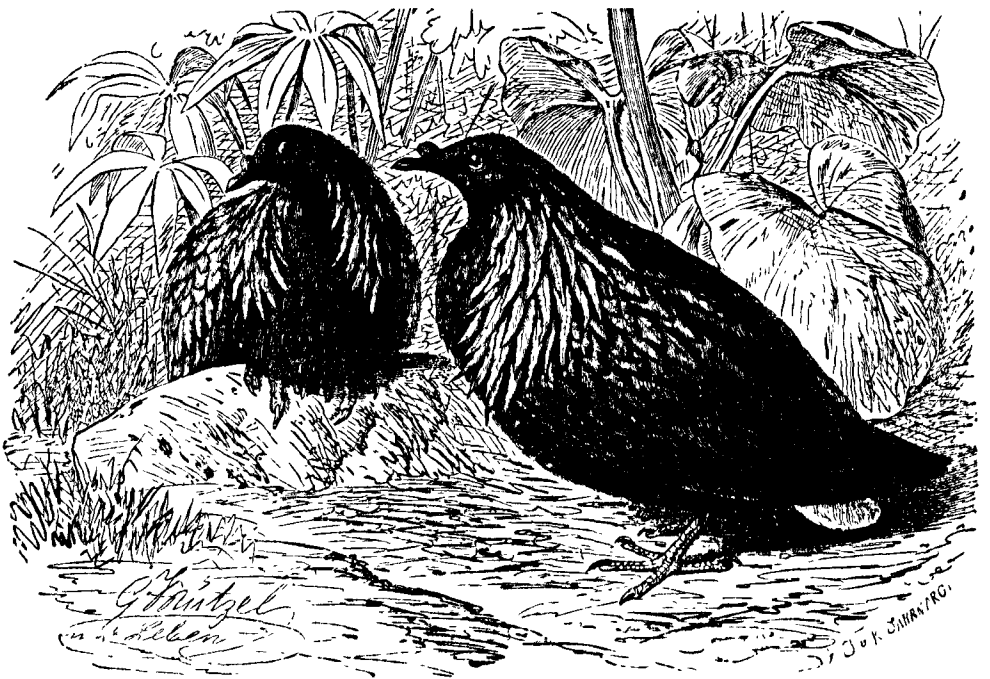
своихъ сотоварищей, живущихъ съ нимъ въ одной клеткѣ, онъ нападаетъ и обращаетъ ихъ въ бѣгство. Совершенно иначе ведетъ онъ себя въ періодъ спариванья, когда и онъ, повидимому, приходитъ въ очень возбужденное состояніе. Тогда постоянно бываетъ слышенъ его голосъ, похожій не то на воркованье, не то на хрюканье и напоминающій звукъ «туррррру»; въ это время онъ съ утра до вечера находится въ постоянномъ движеніи. Самецъ съ нѣжностью приближается къ самкѣ, низко нагибаетъ голову, поднимаетъ хвостъ, раздуваетъ шею и издаетъ громко «туррррру». Если вблизи покажется другой голубь - самецъ, особенно того же вида, то онъ тотчасъ же вступаетъ съ нимъ въ бой, при чемъ пускаетъ въ ходъ свои крылья, которыми онъ наноситъ такіе сильные удары, что у противника летятъ перья; иногда также онъ, выставивши впередъ клювъ, бросается на соперника и не успокаивается до тѣхъ поръ, покуда не выйдетъ побѣдителемъ изъ борьбы или самъ будетъ побѣжденъ. Но насколько недружелюбно онъ относится къ сопернику, настолько же нѣжно обращается съ избранной имъ самкой. Воркуя или хрюкая, ласкаясь и испуская короткій призывной крикъ «ту ту ту», онъ ходитъ вокругъ нея, подгоняетъ ее къ намѣченному имъ мѣсту, въ концѣ концовъ спаривается съ ней и вознаграждается за свою нѣжность тѣмъ, что тотчасъ послѣ спариванья оплодотворенная самка начинаетъ точно такъ же бѣгать вокругъ него, какъ прежде онъ около нея. Мѣсто для витья гнѣзда парочка выбираетъ всегда подъ кустомъ или среди хвороста, валяющагося въ клеткѣ. Самка намѣчаетъ подходящее мѣсто, а самецъ съ этихъ поръ постоянно подманиваетъ ее къ этому мѣсту и начинаетъ таскать ей строительный матерьялъ, которымъ она пользуется для постройки гнѣзда. При этомъ онъ иногда вскакиваетъ самкѣ на спину и сверху подаетъ ей собранныя имъ вѣтки и травинки; самка съ своей стороны при его приближеніи немного раскрываетъ крылья, чтобы онъ имѣлъ болѣе прочную опору, беретъ у него изъ клюва прутики и помѣщаетъ ихъ куда слѣдуетъ. Гнѣздо ихъ обыкновенно бываетъ построено болѣе прочно и чисто, чѣмъ гнѣзда другихъ голубей. Нижняя часть постройки состоитъ изъ гибкихъ прутиковъ, а совершенно ясно выраженное углубленіе гнѣзда, которое даже довольно глубоко и окружено умѣренно-высокой, широкой стѣнкой, внутри бываетъ выстлано травинками и стебельками растений. Самка, снесши оба яйца, прилежно высиживаетъ ихъ, самецъ же тогда сидитъ обыкновенно совсѣмъ по близости гнѣзда, нерѣдко даже на самомъ краю его, время отъ времени приносить самкѣ пищу и кормитъ ее изъ клюва. Онъ помогаетъ ей также высиживать, но только немного, такъ какъ самка, когда онъ ее смѣнитъ, возвращается въ гнѣздо тотчасъ же, какъ только насытится. Чѣмъ дольше продолжается высиживанье, тѣмъ вѣтерпѣливѣе становится самецъ, и вѣроятно главнымъ образомъ благодаря этому птенцы не всегда вылупляются изъ яицъ и еще рѣже высиживаются до конца.

* * *

Къ самымъ великолѣпнымъ представителямъ отряда голубиныхъ слѣдуетъ причислить **Никобарскаго голубя** (*Caloenas nicobarica*, *Columba nicobarica* и *gallus*, *Geophilus nicobaricus*. Mähnentaupe. Colombe nicobar). Онъ очень плотно сложенъ; на крѣпкомъ клювѣ у самого лба находится мягкая шарообразная бородавка; ноги, совершенно напоминающія куриныя, сильны, съ высокими плюснами и короткими пальцами. Крылья чрезвычайно сильно развиты, очень длинныя и широкія и, когда голубь находится въ покоѣ, заходятъ дальше хвоста. Третье и четвертое маховыя перья длиннѣе остальныхъ; хвостъ, состоящій изъ 12 широкихъ перьевъ, слегка закругленъ; опереніе обильное и въ области шеи удлиняется настолько, что

образуетъ ниспадающую гриву. Голова, шея, вся нижняя сторона и маховыя перья черно-зеленыя; перья нижней стороны снабжены каемками васильковаго цвѣта. Длиннѣйшія шейныя перья воротника, спина, надхвостье и покровныя перья крыльевъ травянисто-зеленыя съ металлическимъ отблескомъ, болѣе короткія перья воротника съ золотистымъ блескомъ, а перья хвоста—чисто-бѣлыя. Глаза свѣтлаго красно-бурого цвѣта, клювъ черный, словно кожаный, ноги красновато-пурпуровыя. У молодыхъ экземпляровъ опереніе менѣе блестящее и хвостовыя перья черныя. Длина этой птицы 36 см., размахъ крыльевъ 75, длина крыла 25, а хвоста 7 см.

Голубь этотъ встрѣчается на всѣхъ островахъ около Новой Гвинеи, начиная

Никобарскій голубь. *Columba nicobarica*. 1/2 наст. вел.

отъ Никобарскихъ вплоть до небольшихъ острововъ, расположенныхъ въ заливѣ Геельвинкъ близъ берега Новой Гвинеи и до Филиппинскихъ острововъ, особенно на маленькихъ необитаемыхъ островкахъ, все равно — лежатъ ли они вблизи материка или среди открытаго моря. Онъ принадлежитъ къ видамъ, живущимъ почти исключительно на землѣ, и полетъ его кажется тяжелымъ; онъ можетъ однако пролетѣть, не утомляясь, нѣсколько сотъ километровъ. Нѣкій Дювенбоденъ разсказывалъ Уоллесу, что онъ видалъ, какъ одинъ такой голубь летѣлъ къ коралловому островку, находившемуся на разстояніи 100 морскихъ миль отъ Новой Гвинеи и всѣхъ другихъ острововъ; однако, еще не долетѣвъ до берега, онъ упалъ отъ истощенія въ воду и былъ спасенъ вышеупомянутымъ наблюдателемъ.

Всюду, гдѣ водится этотъ голубь, онъ встрѣчается довольно рѣдко или, по крайней мѣрѣ, никогда не понадается большими стаями. По увѣренію путешественниковъ, онъ питается сѣменами, ягодами и маленькими плодами, не пренебрегая однако и животной пищей. Гнѣздо свое онъ устраиваетъ, подобно куропат-

ВЬЕРОНОСНЫЙ ГОЛУБЬ.

ЛИТ ШТАДЛЕРЪ И ПАТТНОУЪ С. П. Б.

10

камь, на землѣ. Европейцы, поселившіеся на родинѣ этихъ голубей, часто содержать ихъ въ неволѣ, но въ Европу они привозятся не такъ часто, какъ было-бы желательно. Однако Левальянъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ выдалъ въ птичникъ голландца Аммерсгофа 17 штукъ этихъ великолѣпныхъ голубей и потому могъ сообщать вполне достовѣрное описаніе жизни ихъ въ неволѣ. При первомъ взглядѣ на этихъ птицъ, быстро бѣгавшихъ по землѣ, Левальянъ спросилъ хозяина, что это за прелестныя куры и, къ великому своему удивленію, узналъ, что передъ нимъ не куры, а никобарскіе голуби. На дальнѣйшіе вопросы Аммерсгофъ сообщалъ ему, что птицы эти живутъ у него 2 или 3 года, что онѣ постоянно держатся на землѣ, питаются различными зернами, не пренебрегая, впрочемъ, и насѣкомыми, а вечеромъ, подобно курамъ, взлетаютъ на насѣсть, чтобы провести здѣсь ночь. Первую зиму очень трудно бываетъ уберечь ихъ; но разъ онѣ переживутъ ее, то надо только защищать ихъ отъ ночного холода и особенно отъ сырости, и тогда содержаніе ихъ не представляетъ никакой особенной трудности. Самки никобарскихъ голубей оказывались вообще болѣе склонными къ размноженію, чѣмъ самцы, и нѣсколько разъ клали яйца, величиной съ яйца нѣкоторыхъ мелкихъ куриныхъ породъ. Яйца эти, впрочемъ, были, повидимому не оплодотворены, по крайней мѣрѣ ни разу не удалось вывести изъ нихъ птенцовъ.

Въ Лондонскомъ зоологическомъ саду многія пары этихъ голубей размножались по нѣскольку разъ, и птенцы были благополучно выращены.

* * *

Вѣнценосные голуби (*Megapelia*, *Krontauben*, *Colombis*—Носсо) самые крупныя изъ всѣхъ нынѣ живущихъ представителей голубиныхъ. Они отличаются значительной величиной и немного тяжелымъ тѣлосложеніемъ. Клювъ у нихъ почти одной длины съ головой и по всей длинѣ почти одинаково тонокъ, только передъ кончикомъ онъ слегка утолщается, притомъ приблизительно одинаково какъ наверху, такъ и внизу. Ноги съ очень высокими плюснами, но съ сравнительно короткими пальцами; плюсны покрыты большими щитками. Крылья сравнительно длинны и туны; маховыя перья съ четвертаго по седьмое образуютъ ихъ концы. Хвостъ очень длинный и широкій, слегка закругленный. Опереніе состоитъ изъ большихъ перьевъ съ длинными бородками. Особенно замѣчательны ихъ великолѣпный головной уборъ, представляющій хохоль, могущій подниматься и состоящій изъ вѣера распушенныхъ перьевъ.

Къ этому роду принадлежатъ пять видовъ, живущихъ въ Новой Гвинее и на сосѣднихъ островахъ; два изъ нихъ нерѣдко содержатся въ клѣткахъ и у насъ.

Вѣнценосный голубь (*Megapelia coronata*, *Goura coronata*, *Columba coronata* и *megiens*, *Lophyrus coronatus*, *Krontauben*, *Goura couronné*) имѣетъ въ длину 75 см., длина крыла 38, а хвоста 26 см. Общій цвѣтъ оперенія свѣтлый аспидно-голубой; спина, крылья и хвостъ нѣсколько темнѣе. Уздечка черная, нижнія шейныя перья, а также и плечи грязнаго буро-краснаго цвѣта. Самыя большія покровныя перья крыльевъ по серединѣ бѣлыя, такъ что на крылѣ образуется бѣлая полоса; у корня эти перья черныя, а кончики ихъ буро-красныя. Перья хвоста оканчиваются широкой свѣтлой аспидно-сѣрой полосой. Глаза ярко-красныя, клювъ темно-сѣраго, рогового цвѣта, ноги красныя съ бѣловатымъ налетомъ.

У **Вѣроноснаго голубя** (*Megapelia victoriae*, *Goura victoriae*, *Lophyrus vic-*

toriae. Fächertaube. Goura à éventail) преобладает также аспидно-голубой цвѣтъ, но нижняя сторона у него окрашена въ каштаново-бурый цвѣтъ, полоска на крыльяхъ сѣровато-синяя, а широкая кайма на хвостѣ бѣловато-сѣрая. Кромѣ того перья хохла не просто распушены, но усажены еще на концахъ маленькими бородками, имѣющими видъ продолговатыхъ треугольниковъ. Глаза киноварно-краснаго цвѣта, ноги — тѣлеснаго.

Уже въ 1699 г. старый наблюдатель Дампьеръ видалъ вѣнценосныхъ голубей

Вѣреносный голубь. *Megapelia victoriae*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

на ихъ родинѣ; позже значительное количество ихъ было перевезено въ Ост-Индію и на Зондскіе острова, гдѣ они содержались на дворахъ, какъ куры. Нѣсколько экземпляровъ были перевезены также въ Голландію и украсили здѣсь коллекціи богатыхъ любителей. Но до послѣдняго времени мы не знали почти ничего объ ихъ жизни на волѣ, да и въ настоящее время свѣдѣнія наши еще очень неполны.

«Вѣнценосный голубь», говоритъ Розенбергъ, «живетъ въ огромномъ количествѣ на побережьѣ Новой Гвиней, а также на островахъ Вайгю, Салавати и

Мизуль. Своимъ образомъ жизни онъ напоминаетъ фазана, странствуетъ небольшими стаями по лѣсу и охотно держится на землѣ». Уоллесъ часто встрѣчалъ его въ Новой Гвинее бѣгающимъ по лѣснымъ дорожкамъ, такъ какъ большую часть дня онъ проводитъ на землѣ, питаясь здѣсь опавшими плодами; только если его спугнуть, онъ перелетаетъ на одну изъ нижнихъ вѣтвей сосѣднаго дерева, которую выбираетъ также и для ночлега. «Подстрѣлить вѣнценоснаго голубя», продолжаетъ Розенбергъ, «дѣло вовсе не трудное. Поднимаясь по верхнему теченію рѣки Каруфы, на западномъ берегу Новой Гвинеи, мы убили съ лодки сидѣвшую въ гнѣздѣ самку. Гнѣздо состояло изъ плохо перелетенныхъ вѣтвей, и въ немъ мы нашли только что вылупившагося птенца. Въ Дора вѣнценоснаго голубя называютъ «Мамбрукъ», на юго-западномъ побережьѣ—«Тити». Его довольно часто привозятъ живымъ на острова Амбону, Яву и Банду, а оттуда въ Европу, что повело къ ложному заключенію, будто этотъ голубь водится на упомянутыхъ островахъ. Вѣроносный голубь, повидимому, болѣе рѣдкая птица и населяетъ южныя мѣстности Новой Гвинеи.»

Еще и въ настоящее время вѣнценосные голуби встрѣчаются, всего чаще въ зоологическихъ садахъ Голландіи. Ихъ можно отлично содержать, кормя очень простой пищей; въ защищенныхъ отъ холода и непогоды помѣщеніяхъ они легко переносятъ зиму и довольно правильно размножаются; по крайней мѣрѣ послѣднее можно сказать про тѣхъ, которые содержатся въ Лондонскомъ зоологическомъ саду. «Вѣнценосные голуби, содержащіеся въ Лондонскомъ зоологическомъ саду», рассказываетъ Митчель, «всѣ перемерли, за исключеніемъ одного самца вѣнценоснаго голубя и самки вѣроноснаго. Вслѣдствіе этого я велѣлъ посадить ихъ обоихъ въ одно отдѣленіе стадаго птичника. Въ началѣ іюня замѣтили, что они спарились, а мѣсяца два спустя начались приготовленія къ постройкѣ гнѣзда. Въ открытой части птичника находился толстый сукъ, возвышавшійся метра на два надъ землей и служившій настѣомъ. На самый конецъ этого сука голуби нависли вѣточекъ и хворостинокъ, приготовленныхъ ими для этой цѣли, но тщетно старались построить на гладкой и недостаточной поверхности сука плоское гнѣздо. Внимательный сторожъ, замѣтивъ это затрудненіе, помогъ имъ тѣмъ, что прибилъ къ нижней поверхности сука большой кусокъ корзины. Тогда голуби принялись серьезно за постройку. 15 августа они окончили работу, во время которой самецъ доставлялъ матеріалъ, а самка была архитекторомъ. Въ тотъ же день, какъ мы полагаемъ, было снесено и яйцо, хотя сторожу тогда и не удалось увидать его, такъ какъ то одна, то другая птица постоянно сидѣли на немъ. Гнѣздо находилось недалеко отъ наружной стѣны птичника, и въ теченіи всего періода высиживанія мимо этого мѣста проходили тысячи посѣтителей; птицы однако высиживали такъ усердно и непрерывно, что сторожъ могъ увидать яйцо всего только одинъ разъ, именно въ тотъ моментъ, когда одна птица смѣняла другую. Въ виду открытаго положенія гнѣзда, которое было вѣскольکو защищено только бѣдной листовою вьющейся розы, я опасался, какъ-бы непогода не отразилась вредно на птенцѣ, вылупившемся 13 сентября, черезъ 28 дней послѣ того, какъ голуби начали высиживать. Но его постоянно покрывалъ и кормилъ кто-нибудь изъ родителей, подъ которымъ онъ сидѣлъ. Тѣмъ, не менѣе утромъ 17 числа птенца нашли мертвымъ въ гнѣздѣ; я не берусь сказать, умеръ-ли онъ отъ того, что его черезчуръ много кормили или отъ какого-нибудь несчастнаго случая. Мать съ такимъ-же усердіемъ какъ всегда сидѣла на трупѣ птенца и согрѣвала его своей грудью, словно она не могла вѣрнуть тяжелой утраты. Сознвая, какого участія заслуживаетъ этотъ рѣдкій заморскій гость, я просилъ моего пріятели Вальтера срисовать его. 24 ок-

тября было положено другое яйцо, но, къ несчастью, оно упало съ вѣтви и было найдено разбитымъ на полу». Въ другихъ зоологическихъ садахъ вѣшечные голуби также много разъ клали яйца и сидѣли на нихъ, но, насколько мнѣ извѣстно, имъ никогда не удавалось вырастить птенцовъ.

Къ самымъ великолѣпнымъ видамъ обширнаго подсемейства Плодоядныхъ

Шишкоклювый голубь. *Alectroenas pulcherrimus*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

голубей (Carpophaginae. Fruchttauben. Pigeons muscivores), отличающихся красивой окраской, слѣдуетъ причислить Шишкоклюваго голубя (*Alectroenas pulcherrimus*, *Columba pulcherrima* и *rubricapilla*, *Erythroena pulcherrima*. Warzentaube. Pigeon à verrues), представителя одноименнаго съ нимъ рода (*Alectroenas*). Онъ плотно сложенъ, передняя часть лица, равно какъ и область глазъ—голая. Область носа и передняя часть щекъ покрыты большими кожистыми наростами и бородавками; кромѣ того съ обѣихъ сторонъ лба находится по кожистой лопасти, у которой по-серединѣ имѣется неглубокая выемка. Клювь у него короткій, ноги маленькія и слабыя, крылья умеренной длины, третье маховое перо самое длин-

ное изъ всѣхъ. Хвостъ короткій и слегка закругленный, перья головы имѣютъ волосистое строеніе; на шеѣ перья удлинены, заострены, раздвѣиваются и расположены полосами; прочія части покрыты большими перьями. Перья головы, напоминающія волосы, окрашены въ кровавый вишневый или грязно-карминовый цвѣтъ; задняя часть головы, затылокъ, шея и зобъ голубоватаго пепельно-сѣраго цвѣта; верхняя часть спины и верхняя часть груди жемчужно-сѣрая; всѣ же прочія части окрашены въ темный пурпурово-индиговый цвѣтъ. Клювъ грязно-оранжевый, неоперенная часть головы яркая киповарно-красная, глаза лимонно-желтые, ноги темно-сѣрыя. Въ длину этотъ голубь имѣетъ 26 см., длина крыла 15, длина хвоста 8 см.

Пишкочлювый голубь такъ-же, какъ и его родичи, водится на группѣ Сейшельскихъ острововъ, а именно на островахъ Махэ, Силуетъ, Праслинъ, Марианна и Фелисито. Относительно его образа жизни намъ ничего неизвѣстно. О родственныхъ ему видахъ сообщаютъ, что они держатся въ высокоствольныхъ лѣсахъ обществами въ 6—8 штукъ, питаются разными плодами, особенно плодами дикой финиковой пальмы, во время жатвы риса появляются въ большомъ количествѣ на плантаціяхъ и здѣсь, при обильной пищѣ, скоро жирѣютъ. О томъ, что они довольно легко привыкаютъ къ неволѣ, можно сѣдуть по примѣру только что описанныхъ пишкочлювыхъ голубей, парочку которыхъ я видѣлъ въ Берлинскомъ зоологическомъ саду. Птицы эти выглядятъ неизящными и лѣнивыми и только, если что-нибудь привлечетъ ихъ вниманіе, онѣ вытягиваютъ шею и имѣютъ тогда болѣе привлекательный видъ. Единственный звукъ, который я отъ нихъ слыхалъ, было очень низкое и глухое воркованіе, во время котораго онѣ кивали головой. Видѣнная мною парочка жила въ неизмѣнной дружбѣ, но подобно всѣмъ вообще плодояднымъ голубямъ, недолюбливала другихъ птицъ и часто ссорилась съ ними. Такъ какъ эти пѣвники отличались большою прожорливостью, то они вскорѣ такъ растолстѣли, что умерли отъ ожирѣнія.

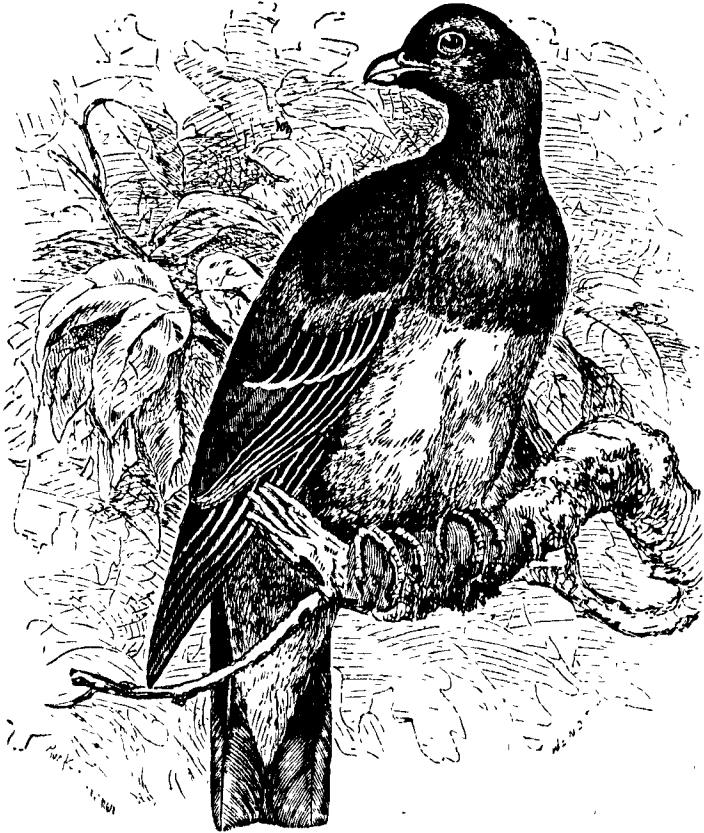
* *

Перейдя первый высокій горный хребетъ на восточно-африканскомъ берегѣ и оставивъ за собой пустынные низменности Самары, путешественникъ вступаетъ въ покрытыя богатой растительностью долины, гдѣ изъ всѣхъ звуковъ чаще всего слышится звонкій голосъ пѣвчаго сорокопута. Здѣсь повсемѣстно можно встрѣтить самага красиваго изъ всѣхъ голубей сѣверо-восточной Африки; громкій свистящій шумъ, который производитъ крыльями на лету спугнутая стая этихъ голубей, или странные, напоминающіе вой, звуки, которые можно передать приблизительно слогами «ги га гу», должны поневолѣ обратить на себя вниманіе даже самага неопытнаго ватуралиста.

Ваали (*Treron vaalia*, *abyssinica* или *habessinica*, *Co'umba vaalia*, *abyssinica* и *humeralis*, *Vinago* и *Phalacrotreron abyssinica*, *Parageitaube*, *Colombar waali*) сложенъ плотно, крылья у него длинныя, хвостъ короткій. Клювъ короткій, крѣпкій; верхняя половинка его загнута крючкомъ; у основанія онъ голый. Плюсны сравнительно короткія, большею частью оперены; самья ноги отличаются широкой подошвой и короткими пальцами. Крылья острыя, второе маховое перо въ нихъ самое длинное; хвостъ прямо обрубленный. Окраска оперенія великолѣпна. Верхняя сторона блѣдная оливково-зеленая, нижняя—свѣтло-желтая; голова, шея и грудь пепельно-сѣровато-зеленныя, плечи винно-красноватая, покровныя перья крыльевъ черноватая съ широкой свѣтло-желтой каемкой, маховыя перья черноватая съ еще болѣе свѣтлыми каемками, рулевые перья пепельно-сѣрыя, снизу отъ корня и до

середины черныя, а отъ середины до кончика серебристо-сѣрыя. Вокругъ глазного яблока идетъ узкое ярко-голубое кольцо; остальная радужная оболочка пурпурово-красная, неоперенное кольцо вокругъ глаза голубовато-сѣро-красное; клювъ у корня бѣлый съ голубоватымъ отливомъ, на кончикѣ же блѣдно-красный, восковица грязнаго кораллово-краснаго цвѣта; ноги темнаго оранжево-желтаго. Длина равняется 31, размахъ крыльевъ 55, длина крыла 17, длина хвоста 11 см. Самка окрашена точно такъ-же, какъ самецъ и отличается отъ него только меньшей величиной.

Ваали распространены по всей средней Африкѣ отъ береговъ Индѣйскаго океана и Краснаго моря до западно-африканскихъ острововъ и отъ 16° сѣверной

Ваали. *Teron vaalia*. $\frac{5}{8}$ наст. вѣл.

широты до Замбези. Темнѣе, пользуясь, вѣроятно, указаниями Брюса, говорить, что въ Абиссиніи онъ населяетъ низменности и во время дневного зноя сидитъ, не шевелясь, на самыхъ высокихъ деревьяхъ, а съ приближеніемъ дождливаго времени года онъ переселяется въ южную Африку большими стадами, которыя летятъ на удивительной высотѣ. Я не считаю этого голубя перелетной птицей, и всѣ новѣйшіе наблюдатели, повидимому, придерживаются того же мнѣнія. По моимъ наблюдениямъ, ваали живутъ небольшими семействами въ глубокихъ горныхъ долинахъ и на граничащихъ съ горами низменностяхъ Самхары, гдѣ вполне проявляется все великолѣпіе тропическихъ странъ. Гейглингъ встрѣчалъ этихъ голубей въ Абиссиніи на высотѣ до 3000 м., а также въ южномъ Сенаарѣ, на Бѣломъ Шилѣ и въ Кордофанѣ. Высокоствольныя мимозы, окруженныя терновникомъ и перепле-

тенныя четырехгранныя побѣгами одного вьющагося растенія, являются въ Самарѣ любимымъ мѣстопребываніемъ этихъ голубей; въ горныхъ же долинахъ великолѣпныя тамаринды, густолиственныя кигелии и наконецъ тѣнистыя вершины огромныхъ сикоморовъ представляютъ для нихъ еще болѣе удобное жилище. Тамъ, гдѣ есть группа въ 3 или 4 такихъ дерева, почти всегда можно увидѣть ваали, и даже нѣкоторые отдѣльные сикоморы служатъ для нихъ мѣстомъ утреннихъ и вечернихъ сборищъ, и въ ихъ же тѣни они отдыхаютъ во время полуденнаго зноя. Кое-гдѣ эти птицы встрѣчаются парами, но обыкновенно онѣ собираются въ семейства или небольшія стаи штукъ въ 8—20; въ большомъ количествѣ мнѣ никогда не приходилось ихъ встрѣчать. Во время перелета отдѣльныя пары постоянно держатся вмѣстѣ; оба нѣжные супруга садятся, обыкновенно близко прижавшись другъ къ другу, и наблюдающій стаю во время полета можетъ всегда безошибочно отличить каждую пару. Ваали, повидимому, превосходить своей нѣжностью всѣхъ своихъ прочихъ родичей и проявляетъ свою любовь со-всѣмъ особымъ образомъ, какъ этого не дѣлаютъ, насколько мнѣ извѣстно, другіе виды. Подобно прочимъ голубямъ, ваали также прижимаются другъ къ другу, какъ бы цѣлуются, самецъ радостно, — если можно такъ выразиться — съ восторгомъ взлетаетъ кверху, хлопаетъ крыльями и затѣмъ тихо спускается къ своей подругѣ; но кромѣ того онъ иногда съ удивительной миловидностью простираетъ свои приподнятыя крылья надъ предметомъ своей любви и, чтобъ понравиться подругѣ, старается подражать такимъ движеніямъ и манерамъ, которыя свойственны только попугаямъ. Къ сожалѣнію, время моего пребыванія на родинѣ ваали не совпадало съ обычнымъ періодомъ размноженія этихъ голубей, такъ что я не могъ познакомиться съ ихъ поведеніемъ во время спариванья; но все-таки я наблюдалъ ихъ достаточно, чтобъ поддерживать только что высказанное мною мнѣніе.

Голубь этотъ дѣйствительно представляетъ большое сходство съ попугаями. Уже одни цвѣта его оперенія — чудный зеленый и ярко-желтый напоминаютъ намъ этихъ птицъ. Къ этому присоединяется еще своеобразное лазанье по деревьямъ и странныя позы, принимаемыя ими. Даже опытный охотникъ нерѣдко ошибается и думаетъ, что передъ нимъ дѣйствительно попугай. Надо еще упомянуть о слѣдующей совершенно своеобразной особености ваали: иногда онъ ложится плашмя на сукъ, совсѣмъ почти какъ спящій козодой. Полетъ его быстрый и порывистый, но твердый и сопровождается громкимъ и свистящимъ шумомъ крыльевъ, отличающимся отъ подобнаго же шума всѣхъ другихъ голубей. Только голосъ, какъ было уже упомянуто, представляетъ мало пріятнаго, напротивъ, даже напоминаетъ нѣсколько вой. Дрожащихъ или воркующихъ звуковъ я совсѣмъ не слышалъ.

Въ желудкахъ убитыхъ мною экземпляровъ я находилъ всевозможныя ягоды, и туземцы говорили мнѣ, что голуби эти водятся только тамъ, гдѣ есть деревья и кусты, приносящіе ягоды. Какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Гейглингъ, ваали ищетъ пищу преимущественно на дикихъ фиговыхъ деревьяхъ, покрытыхъ роскошною листвою и изобилующихъ плодами. На такихъ деревьяхъ онъ поселяется на болѣе или менѣе продолжительное время, и валяющіеся на землѣ или постоянно падающіе съ дерева куски плодовъ выдаютъ его присутствіе даже тогда, когда густая листва скрываетъ его отъ глаза. Когда созрѣютъ фиги, часто весь клювъ ваали бываетъ вымазанъ желтымъ сокомъ этихъ плодовъ, и жиръ его также принимаетъ желтоватую окраску. Съ этими наблюденіями относительно рода пищи ваали согласуется и то, что этотъ голубь никогда не спускается на землю; по крайней мѣрѣ я видѣлъ его только на верхушкахъ деревьевъ.

Левальянъ говоритъ, что ваали гнѣздятся въ дуплахъ, на довольно высо-

кихъ кучахъ мха и сухихъ листьевъ, и что самка кладетъ 4 желтовато-бѣлыхъ яйца. Конечно я не могу опровергнуть это свѣдѣнiе своими личными наблюденiями, но все же считаю его ошибочнымъ. Если ваали и гнѣздится въ дуплахъ, то во всякомъ случаѣ онъ не дѣлаетъ въ нихъ кучъ изъ мха и листьевъ, а также не кладетъ и 4-хъ яицъ вмѣсто обычныхъ 2-хъ.

Охота на ваали только тогда бываетъ легка и удачна, если удается открыть одно изъ любимыхъ имъ деревьевъ и спрятаться подъ нимъ; птица эта такъ боязлива или по крайней мѣрѣ осторожна, что нелегко подпускаетъ къ себѣ охотника.

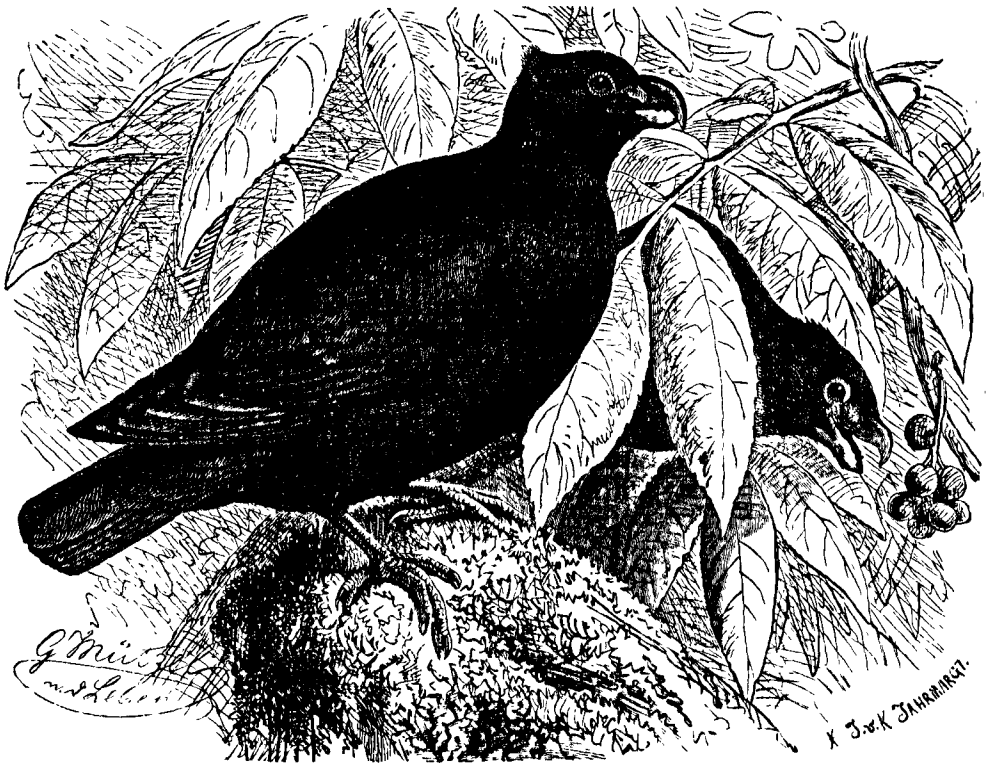
Можно-ли прiучить взрослыхъ ваали къ обыкновенному клѣточному корму—я навѣрно сказать не могу, но самъ нисколько не сомнѣваюсь въ возможности этого. Левальянъ рассказываетъ, что онъ вынулъ изъ одного гнѣзда четырехъ птенцовъ и кормилъ ихъ плодами, но что они умерли какъ только не хватило плодовъ, такъ какъ не хотѣли прикасаться ни къ какой другой пищѣ. Это сообщенiе также, вѣроятно, ошибочно, какъ это видно уже по указанному Левальяномъ числу птенцовъ. Другiе виды плодоядныхъ голубей, которыхъ мнѣ приходилось содержать въ неволѣ, ѣли вареный рисъ и размоченный изюмъ, но никогда не выживали въ клѣткѣ долѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Одинъ голубь, часто обращавшiй на себя вниманiе натуралистовъ, значительно отличается отъ всѣхъ прочихъ извѣстныхъ намъ видовъ строенiемъ клюва. **Зубчатый голубь**—такъ называется эта птица—изъ всѣхъ голубиныхъ является ближайшимъ родственникомъ знаменитаго **Дронта** съ острова Св. Маврикия (*Didus inermis*), который вмѣстѣ съ вымершимъ также **Бурбонскимъ отшельникомъ** (*Pezophaps solitarius*) составляетъ нынѣ уже несуществующее отдѣльное семейство голубиныхъ.

Зубчатого голубя (*Didunculus strigirostris*, *Guatodon* и *Pleiodus strigirostris*, *Zahntaube*, *Didoncle*) слѣдуетъ считать представителемъ особаго подсемейства (*Didunculinae*). По формѣ онъ похожъ на неуклюжаго земляного голубя. Сложенъ онъ плотно, голова большая; вышина клюва гораздо болѣе значительна, чѣмъ ширина. У основанiя верхняя часть клюва слегка загнута вверх, далѣе же равномерно и сильно изогнута книзу и образуетъ острый крючокъ на концѣ; на краяхъ ея нѣтъ ни зубцовъ, ни выемокъ. Нижняя половина клюва также выгнута книзу, но спереди она косо притуплена и съ cadaго края снабжена выемками, образующими 3 зубца; самый край слегка выгнуть книзу. Ноги сильныя и чисто голубиныя; плюсны толстыя и голыя до самыхъ пятокъ; длина ихъ превосходить длину средняго пальца. Пальцы свободныя и вооружены сильными, слегка выгнутыми когтями, имѣющими на нижней поверхности продольную выемку. Крылья закругленныя; третье маховое перо самое длинное, четвертое длиннѣе втораго, которое въ свою очередь длиннѣе пятаго; это послѣднее длиннѣе перваго, а первое длиннѣе шестого; малыя маховыя перья такъ длинны, что по длинѣ почти равняются большимъ маховымъ. Хвостъ состоитъ изъ 14 перьевъ; онъ умеренной длины и слегка закругленъ. Голова, шея и нижняя сторона блестящаго стального-зеленаго цвѣта. Нижняя шейныя перья, спина и надхвостье, верхнiя покровныя перья крыльевъ и хвостовыя перья—красиваго буро-краснаго, а маховыя—темнаго свинцово-сѣраго цвѣта. Окраска молодыхъ птицъ точно такая же, но на каждомъ изъ небольшихъ перьевъ съ верхней стороны имѣются черныя и красно-бурыя, а съ нижней стороны чер-

ныя и блѣдныя желто-бурыя поперечныя полосы. Глаза темныя красновато-бурыя; голое кольцо вокругъ глаза и уздечка—яркаго оранжево-краснаго цвѣта. Клювъ оранжево-красный, на кончикѣ переходящій въ свѣтло-желтый. Ноги ярко-красныя, когти желтовато-бѣлыя. Длина зубчататаго голубя 33 см., размахъ крыльевъ 63, длина крыла 18, длина хвоста 8 см.

Первый зубчатый голубь былъ приобрѣтенъ лэди Гарвей на аукціонѣ австралийскихъ товаровъ. На этомъ основаніи онъ былъ принятъ за австралийскую птицу, изображенъ и описанъ Гульдомъ въ его сочиненіи о птицахъ Австраліи. Позже мы получили свѣдѣнія объ области распространенія и образѣ жизни этой птицы

Зубчатый голубь. *Ducula strigirostris*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

отъ Пилла, Вальполя, Беннета, Стера, Рамзая и Грегфе; наконецъ ее доставили даже живой въ Европу.

Насколько извѣстно, зубчатый голубь водится исключительно на двухъ изъ острововъ Самоа, а именно на Уполу и Савайи, да и здѣсь онъ встрѣчается только въ вѣкоторыхъ небольшихъ районахъ. Онъ обитаетъ въ поросшихъ лѣсомъ гористыхъ мѣстностяхъ на извѣстномъ разстояніи отъ берега моря. По сообщенію Вальполя голуби эти водились прежде въ большомъ количествѣ на островѣ Уполу, такъ что путешественникъ этотъ нитался главнымъ образомъ ихъ мясомъ. Обыкновенно ихъ приходилось встрѣчать парами, но иногда и стаями штукъ до 9-ти. По образу жизни они совершенно напоминаютъ другихъ голубей и летаютъ, ходятъ, воркуютъ и высиживаютъ точно такъ же, какъ и послѣдніе. Въ настоящее время зубчатый голубь уже только изрѣдка попадается на островѣ Уполу и притомъ не столько потому, что туземцы научились употребленію огнестрѣльнаго оружія, сколько вслѣд-

ствіе ихъ пристрастія къ кошкамъ, которыя отчасти одичали и производятъ большія опустошенія между этими птицами, не страдавшими прежде ни отъ одного хищника. Туземцы называютъ этого голубя «Манумеа» (красная птица) и такъ высоко цѣнятъ его превосходное мясо, что ежегодно предпринимаютъ большія экскурсіи въ горы исключительно для того, чтобы наловить манумеа. Но кошки преслѣдуютъ этихъ голубей и въ горахъ, куда они переселились. Греффе утверждаетъ, что зубчатые голуби живутъ здѣсь преимущественно на большихъ деревьяхъ, напоминающихъ ясенъ и называемыхъ «мауке», и питаются главнымъ образомъ ихъ кожистыми мясистыми плодами, содержащими трехгранныя красныя сѣмена. Громкій крикъ птицъ выдаетъ ихъ присутствіе на этихъ высокихъ густолиственныхъ деревьяхъ, но кромѣ туземцевъ никто почти не въ состояніи замѣтить и подстрѣлить ихъ среди густой чащи вѣтвей. Полетъ ихъ похожъ на полетъ другихъ голубей, но сопровождается такимъ сильнымъ шумомъ, что издали слышно, какъ поднимается такой голубь; поэтому у туземцевъ существуетъ поговорка: «шумить, какъ манумеа». Вальполь замѣчаетъ, что они обыкновенно летаютъ не далѣе какъ изъ одного лѣса въ другой и только изрѣдка рѣшаются перелетѣть на какойнибудь изъ сосѣднихъ острововъ. Относительно того, какъ эти голуби ведутъ себя во время высиживания, намъ ничего еще неизвѣстно въ точности, такъ какъ путешественники въ своихъ сообщеніяхъ повторяютъ только рассказы туземцевъ. Повидимому гнѣздо строится на землѣ, и обѣ птицы высиживаютъ съ такимъ усердіемъ, что ихъ можно поймать руками. По словамъ Вальполя, птенцы такіе же беспомощные, какъ и у другихъ голубей и, какъ кажется, медленно растутъ и развиваются; по крайней мѣрѣ только на второмъ году опереніе ихъ становится такимъ же, какъ и у ихъ родителей, а полного развитія они достигаютъ, можетъ быть, только на третьемъ году. Тотъ же путешественникъ замѣчаетъ, что на островахъ Самоа туземцы часто содержатъ зубчатыхъ голубей въ неволѣ; они вынимаютъ голубей подлетковъ изъ гнѣздъ, а взрослыхъ ловятъ при помощи сѣтей и птичьего клея. Пойманные голуби привязываются за ногу къ длинной веревкѣ, которую прицѣпляютъ къ палкѣ или виллообразной вѣтви. Иногда туземцы берутъ этихъ птицъ съ собой на прогулку и по дорогѣ играютъ съ ними.

Только въ послѣднее время натуралисты имѣли возможность наблюдать плѣнныхъ зубчатыхъ голубей. Въ 1863 г. Беннетъ узналъ, что у англійскаго консула Вилліамса есть живой зубчатый голубь, котораго онъ хочетъ послать въ Сидней. Голубь этотъ былъ еще настолько молодъ, что на нижней челюсти его не появились еще зубы. Онъ былъ очень пугливъ и не привыкъ еще къ клѣткѣ, такъ какъ Вилліамсъ только за 6 недѣль передъ тѣмъ приобрѣлъ его. Туземцы, повидимому, очень удивлялись интересу, съ которымъ всѣ относились къ этой птицѣ, а еще болѣе тѣмъ высокимъ цѣнамъ, которыя имъ предлагали за ея доставку. Манумеа былъ доставленъ въ Сидней въ іюнь 1863 г., а черезъ два дня его осмотрѣлъ Беннетъ. «Сначала» — говоритъ этотъ ученый, — «онъ показался мнѣ пугливымъ и дикимъ, но потомъ сталъ болѣе ручнымъ и уже не боялся, когда за нимъ наблюдали, тогда какъ раньше онъ проявлялъ свой страхъ, издавая по временамъ нѣсколько быстро повторяющихся звуковъ. Онъ содержался въ помѣщеніи, походившемъ скорѣе на ящикъ, чѣмъ на клѣтку и имѣвшемъ рѣшетку только спереди. Онъ бѣгалъ здѣсь или сидѣлъ на нижнихъ жердочкахъ, часто также онъ прятался въ уголъ клѣтки. Если его беспокоили, онъ боязливо бѣгалъ по клѣткѣ, притомъ очень быстро, вытянувъ туловище и пригнувъ книзу голову, почти такъ, какъ бѣгаютъ куры. Свѣдѣніе о томъ, что онъ никогда не пьетъ воды, оказалось ложнымъ. Онъ выглядитъ очень глупымъ, и кромѣ его безоб-

разнаго клюва, въ немъ нѣтъ ничего, что дѣлало бы его особенно интереснымъ. Единственный звукъ, который онъ издаетъ—быстрое «ку-ку-ку». Онъ ѣсть вареный рисъ, ямъ и картофель.

Другая птица, нѣсколько постарше, которую наблюдалъ, а впоследствии и приобрѣлъ Беннетъ, была очень ручная и безъ малѣйшаго страха глотала на глазахъ у наблюдателя большіе куски варенаго яма. Различныя сѣмена голубь этотъ размельчалъ клювомъ, подобно попугаямъ; онъ ѣлъ также хлѣбъ, причемъ становился на него ногами и разламывалъ клювомъ. За ѣду онъ принимался только днемъ и прекращалъ ее, когда къ нему подходили люди. Хотя клювъ у него и очень крѣпкій, но манумеа никогда не пользуется имъ какъ орудіемъ нападенія; по крайней мѣрѣ плѣнники никогда не пытались укусить протянутую къ нимъ руку и, напротивъ, оказывались очень робкими. За все время, которое птицы эти прожили у Беннета, онъ не выказывали ни малѣйшей привязанности къ женщинамъ, которая ежедневно кормила ихъ; поэтому Беннетъ сомнѣвается, чтобы они годились для жизни въ неволѣ. Иногда они казались довольно ручными, но потомъ, безъ всякаго повода, становились снова боязливыми и дикими. Оба зубчатыхъ голубя были посланы въ Лондонъ, куда они прибыли 10 апрѣля 1864 г.; но они выжили здѣсь очень недолго. Бартлэтъ замѣтилъ еще слѣдующее: въ большомъ помѣщеніи манумеа ходитъ, пока ему не помѣшаютъ, медленными и обдуманнми шагами и обыкновенно втянувъ шею такъ, что кажется, будто голова у него лежитъ прямо на плечахъ. Онъ, повидимому, главнымъ образомъ питается незрѣлыми плодами, и изъ всего отряда эта птица единственная, которая рветъ кусками съѣдаемый ею плодъ. Она раздробляетъ крупныя плоды, не прибѣгая къ помощи ногъ и безъ особаго усилія разламываетъ скорлупу орѣха. Верхняя половинка клюва можетъ двигаться у нея самостоятельно, какъ у попугаевъ. Она пьетъ не такъ, какъ другіе голуби, а подобно гусю, опускаетъ клювъ въ воду и затѣмъ быстро поднимая голову кверху.

За послѣднее время живыхъ зубчатыхъ голубей часто привозили въ Англію и Германію.

Образующіе самостоятельное семейство Рябки (*Pteroclididae*. *Flughühner*. *Pteroclidides*), представляютъ ничто иное, какъ голубей, приспособленныхъ къ жизни въ пустынѣ. Ихъ своеобразная родина, безлѣсная и бѣдная растительностью равнина—будетъ-ли это совершенная пустыня или степь, пустынное поле или заброшенная воздѣланная мѣстность—какъ бы отражается и воплощается въ этихъ птицахъ. Она сообщаетъ имъ, своимъ любимымъ дѣтищамъ, не только одѣяніе, вполне приспособленное къ пустынѣ, но и ту подвижность, которая одна позволяетъ имъ отыскивать себѣ пропитаніе въ этихъ неплодородныхъ мѣстностяхъ. Благодаря своимъ длиннымъ крыльямъ и большому хвосту, рябки кажутся стройными, но на самомъ дѣлѣ они сложены очень плотно. Туловище у нихъ короткое, грудь очень выпуклая, шея умѣренной длины, голова небольшая и красивая, клювъ маленькій, короткій, слегка загнутый на верхушкѣ и немного утолщенный на нижней челюсти около кончика; онъ очень незначительно скатывается боковъ, такъ что кажется кругловатымъ. Ноздри расположены у основанія клюва и скрыты подъ лобными перьями; онѣ могутъ на половину закрываться особой перепонкой и открываются кверху. Ноги небольшія, т. е. съ сравнительно короткими плюснами и очень короткими пальцами, а у представителей одного изъ видовъ онѣ совсѣмъ мало развиты. Всѣ передніе пальцы соединены до перваго сустава и далѣе перепонкой, или можно, пожалуй, сказать, что

они срослись между собой и оторочены перепонками. Задній палець или недоразвить и прикрѣпляется очень высоко, или вовсе отсутствует. Когти короткіе, слабо изогнутые, тупые и широкіе. Крылья съ короткой плечевой костью, маховая-же часть очень длинная; маховыя перья, начиная съ перваго, равномерно угорачиваются. Хвостъ, состоящій изъ 14 — 18 перьевъ, иногда закругленъ, обыкновенно же клиновидно заостренъ, и два среднихъ пера его часто гораздо длиннѣе остальныхъ. Опереніе состоитъ изъ довольно короткихъ, широкихъ, закругленныхъ и очень жесткихъ перьевъ, придающихъ тѣлу довольно гладкій видъ, хотя они и не прилегаютъ къ нему особенно плотно. Окраска какъ разъ подходящая для жителя пустыни, т. е. вполне соответствующая цвѣту почвы, болѣею частію напоминающая песокъ; узоры обыкновенно чрезвычайно красивые и разнообразные. Самецъ и самка въ большинствѣ случаевъ отличаются другъ отъ друга. Вполнѣ оперившіеся птенцы похожи на мать, но очень скоро приобретаютъ окраску взрослыхъ птицъ.

«По всѣмъ своимъ свойствамъ», говоритъ Питтъ, «рябки занимаютъ промежуточное мѣсто между голубиными и тетеревиными; но, повидимому, они подходятъ ближе къ первымъ, чѣмъ къ послѣднимъ, которыя уже несомнѣнно относятся къ куринымъ. Расположеніемъ полосъ оперенія, свойствомъ большихъ маховыхъ перьевъ, мышцами, всей формой крыльевъ, черепа, языка, дужки и грудной кости они совершенно напоминаютъ голубей. Кромѣ того имъ, конечно, свойственны почти всѣ тѣ морфологическія особенности, которыя присущи какъ голубямъ, такъ и тетеревинымъ; напротивъ, у нихъ только изрѣдка встрѣчаются тѣ признаки, которыми тетеревиныя отличаются отъ голубей, какъ напримѣръ длинныя слѣпыя кишки, совершенно такія, какія бываютъ у куръ. Наибольшая своеобразность въ строеніи рябковъ состоитъ, можетъ быть, въ развитіи пальцевъ на ногахъ, такъ какъ у нихъ укороченъ не только большой палець, но и наружный передній, состоящій у всѣхъ птицъ изъ 5 суставовъ, между тѣмъ, какъ у нихъ всего 4 сустава, какъ у козодоевъ. Сильнымъ развитіемъ гребня грудной кости рябки превосходятъ голубей и можетъ быть даже стрижей и колибри».

Рябки, которыхъ извѣстно не болѣе 17-ти видовъ, водятся только въ Старомъ Свѣтѣ и преимущественно въ Африкѣ, хотя нельзя сказать, чтобы въ этой части свѣта встрѣчалось наибольшее количество видовъ. Ихъ родина такъ-же обширна, какъ и пустыня; поэтому они наиболѣе многочисленны въ Африкѣ, но имѣютъ также представителей въ Азій и попадаютъ даже у насъ въ Европѣ, хотя только въ той части ея, которая напоминаетъ Африку. Во всѣхъ частяхъ свѣта, кромѣ Европы, имѣются свои особыя виды, но нѣкоторые изъ нихъ распространены по огромнымъ районамъ и встрѣчаются во всѣхъ трехъ упомянутыхъ частяхъ свѣта въ качествѣ осѣдлыхъ птицъ, а иногда перекочевываютъ и въ такія страны, гдѣ они прежде совсѣмъ не были извѣстны. Хотя почти всѣ виды живутъ изъ году въ годъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, или по крайней мѣрѣ въ одномъ и томъ же районѣ, но ихъ удивительная способность летать позволяетъ имъ безъ затрудненія переноситься на тысячи километровъ, а особыя, еще неизвѣстныя намъ, причины заставляютъ ихъ улетать иногда далеко за предѣлы ихъ области распространенія.

Немногія птицы умѣютъ такъ оживлять самыя пустынные мѣстности, какъ рябки. Среди самой бесплодной пустыни, гдѣ встрѣчаются по пути только молчаливыя, легкіе степные бѣгунки, да слышится печальный голосъ жаворонка, передъ путешественникомъ вдругъ поднимается съ шумомъ и гамомъ говорливая, можно сказать, даже болтливая стая этихъ интересныхъ птицъ. Это настоящіе жители

пустыни. Тамъ, гдѣ природа создала хоть какія-либо условія для существованія животныхъ, уже навѣрно встрѣтишь рябковъ, можно даже сказать, что именно они извѣщаютъ насъ о существованіи такихъ условій, такъ какъ часто бываетъ совершенно непонятно, какимъ образомъ они могутъ находить себѣ пропитаніе. Мѣстами нѣкоторые виды ихъ живутъ въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ другими видами, однако они никогда не смѣшиваются другъ съ другомъ. Представители же одного и того же вида живутъ между собой въ тѣсной дружбѣ; иногда они собираются въ громадныя стаи, которыя держатся вмѣстѣ цѣлые мѣсяцы, перекочевываютъ всѣмъ обществомъ съ мѣста на мѣсто и ежедневно пролетаютъ очень значительныя разстоянія, такъ какъ среди голой пустыни даже они только мѣстами могутъ найти себѣ пищу. Несмотря на то, что имъ приходится ежедневно съ большой правильностью летать на водопой, отдаленность воды отъ той мѣстности, гдѣ они ищутъ себѣ пищу, повидимому, не смущаетъ ихъ; передъ сномъ имъ ничего не стоитъ сдѣлать экскурсію, на которую мы потратили бы цѣлый день и даже болѣе. Охотнику или наблюдателю рябки попадаютъ на глаза преимущественно въ то время, когда летать на водопой; когда, собравшись въ громадную стаю, они летятъ густой вереницей, издавая крикъ «кадда-кадда» (такъ кричатъ почти всѣ виды ихъ), то даже самый близорукій глазъ и самое тупое ухо не могутъ не замѣтить ихъ. Въ другое же время далеко не такъ легко увидеть ихъ: окраска ихъ, приспособленная къ пустынѣ, превосходно защищаетъ ихъ и дѣлаетъ незамѣтными даже для опытнаго глаза. Натуралистъ, правда, научается скорѣе отличать ихъ любимыя мѣста отъ другихъ пустынныхъ мѣстностей и тогда легко находитъ ихъ, благодаря ихъ живости и подвижности; но и онъ иногда не въ состояніи различить ихъ; — незнакомый-же съ ними человекъ совсѣмъ не подозрѣваетъ ихъ присутствія до тѣхъ поръ, пока онъ вдругъ не окажется окруженнымъ со всѣхъ сторонъ цѣлыми сотнями летящихъ птицъ.

Такимъ образомъ стаи рябковъ держатся вмѣстѣ до тѣхъ поръ, пока не наступитъ періодъ спариванья и въ дѣло не замѣшается любовь. Тогда они раздѣляются на небольшія группы, а эти послѣднія на отдѣльныя парочки, изъ которыхъ каждая выбираетъ себѣ удобное мѣстечко на песчаной почвѣ и выкапываетъ небольшое углубленіе. Положивши здѣсь нѣсколько яицъ, самка вся отдается высиживанію. Такимъ образомъ выводятся одно или два поколѣнія; затѣмъ птицы опять собираются въ стаи и начинаютъ вести прежній образъ жизни, если только этому не помѣшаютъ какія-нибудь особыя обстоятельства.

За послѣднее время большую извѣстность приобрѣлъ снова одинъ представитель рода **Степныхъ куръ** (*Syrharpes*). Оба извѣстные въ настоящее время вида ихъ весьма сходны по формѣ съ другими рябками, но обладаютъ и нѣсколькими весьма характерными отличіями. Въ крылѣ первое маховое перо длиннѣе всѣхъ прочихъ, но главная его особенность состоитъ въ томъ, что на концѣ перо это сильно вытянуто и настолько сжужено, что эта часть его скорѣе похожа на щетину, чѣмъ на перо. Конецъ плюсны опушенъ не только спереди, какъ у песчаныхъ рябковъ, но сплоснь густо покрытъ короткими пушистыми перьями вплоть до кончиковъ пальцевъ. У нихъ всего три пальца на ногахъ, такъ какъ задній совершенно отсутствуетъ. Передніе пальцы очень расширены и соединены по всей длинѣ перепонкой, такъ что, если смотрѣть на ногу снизу, то она представляетъ одну сплошную подошву съ роговыми бородавками. Когти широкие и сильные.

Степная курочка или Саджа. (*Syrhaptus paradoxus*, *Nematura paradoxa*, *Pterocles syrrhaptus*, *Heteroclitus tataricus*. *Steppenhuhn*, *Syrrappte*) называется Бюльдюкъ по киркизски, Саджи по китайски; Нуктуру, Ньюнтерьюнъ и Большуру по монгольски и достигаетъ 39 см. въ длину безъ удлинненныхъ перьевъ хвоста; размахъ крыльевъ 60 см., не считая удлинненныхъ концовъ маховыхъ перьевъ. Длина крыла 18 см., длина хвоста 12 см., а вмѣстѣ съ длинными средними перьями около 20 см. Самка немного меньше и тоньше самца. Верхняя часть головы, полоска, которая отъ глаза идетъ по сторонамъ шеи, самыя стороны шеи и голова—пепельно-сѣрая. Горло, лобъ и широкая полоса надъ глазомъ глинисто-желтые. Грудь и бока сѣровато-желтые; отъ зоба они отдѣлены тройной или четверной полосой, состоящей изъ узенькихъ бѣлыхъ и черныхъ полосокъ. Верхняя часть брюшка буро-черная, а нижняя—свѣтлая пепельно-сѣрая, точно такъ же, какъ и нижнія покровныя перья хвоста. По глинисто-желтому фону спины идутъ темныя поперечныя полоски. Маховыя перья пепельно-сѣрая, переднія съ черной каймой снаружи, а заднія съ сѣровой на внутренней сторонѣ. Плечевыя перья буроватыя, желтыя спереди и съ бѣлой каемкой на кончикѣ. Нижнія покровныя перья крыльевъ песочно-бурья; у каждаго изъ нихъ по черно-бурому пятну на концѣ. На хвостовыхъ перьяхъ по желтому фону идутъ темныя полоски; перья, покрывающія лапы, бѣловато-чалыя. Самка отличается отъ самца отсутствіемъ грудной полосы, болѣе свѣтлымъ буроватымъ цвѣтомъ нижней части брюшка, болѣе свѣтлой желтой окраской передней части головы и наконецъ скорѣе пятнистымъ, чѣмъ полосатымъ опереніемъ верхней стороны, рисунокъ котораго переходитъ также и на бока шеи.

Палласъ описалъ саджу въ 1770 г., но онъ ничего не сообщаетъ объ ея образѣ жизни и замѣчаетъ только, что она встрѣчается въ степяхъ восточной Татаріи. Эверсманъ нѣсколько точнѣе опредѣляетъ ея область распространенія и сообщаетъ, что она водится только въ степи, къ востоку отъ Каспійскаго моря до Джунгаріи и что на западѣ она рѣдко встрѣчается сѣвернѣе 46°, на востокѣ же гораздо сѣвернѣе, напр. на горныхъ степяхъ южнаго Алтая и по верхнему теченію Чуи близъ китайскихъ форпостовъ. Богдановъ сообщаетъ, что степная курочка распространена вдоль всего восточнаго берега Каспійскаго моря, особенно въ Усть-Уртѣ. Миссіонеръ Гукъ далъ описаніе этой птицы и ея образа жизни, представляющее смѣсь правды съ вымысломъ, и только Раде и Свинхое впервые дали о ней точныя свѣдѣнія. Такъ какъ мнѣ только одинъ разъ удалось самому наблюдать эту интересную птицу въ южно-алтайской степи, то я представляю здѣсь слово Раде, описаніе котораго вполне подтверждаетъ и Пржевальскій; замѣчу, впрочемъ, что я не передаю его словъ буквально, а сопоставляю свѣдѣнія, заключающіяся въ двухъ его сочиненіяхъ, въ такой формѣ, которая кажется мнѣ болѣе удобной, и выпускаю все, не относящееся непосредственно къ дѣлу.

«Въ то время, когда отцвѣтутъ *Thermopsis* и *Cymbaria* и начинаютъ распускаться первыя почки узколистной лиліи, жизнь степей представляетъ совсѣмъ другія явленія, чѣмъ весной во время цвѣтенія ирисовыхъ. Наступаетъ время высиживания для птицъ и время размноженія для большинства дикихъ степныхъ животныхъ. Чтобы хорошенько изучить это различіе, направимся къ Тарай-Пору и притомъ этотъ разъ къ самымъ дикимъ частямъ его, на границѣ, гдѣ нѣсколько возвышенныхъ острововъ выдаются надъ мягкой илистой почвой. Переходъ къ нимъ черезъ высокія степи даетъ намъ возможность любоваться настоящей лѣтней картиной этой мѣстности. Жаръ полуденнаго солнца оживляетъ сурковъ; орлы-кри-

куны широкими кругами парять высоко въ воздухѣ; болѣе спокойный сарычъ сидитъ на холмѣ по цѣлымъ часамъ; слышится пріятное чириканье монгольскаго жаворонка; сѣноставцы приступаютъ къ своей тяжелой работѣ; многочисленныя стада направляются къ болотистымъ прѣсноводнымъ лужамъ Тарая; крикъ журавлей, раздававшийся такъ часто весной, теперь уже не слышенъ больше; невидно ни одного гуся, ни одной утки, и только изрѣдка высоко надъ нами пролетитъ чайка, а вслѣдъ за нею вдали покажутся вторая и третья. Сильно нагрѣтые нижніе слои воздуха окружаютъ широкими волнами всѣ контуры, и острова на Тарай словно плаваютъ на постоянно волнуемомъ, воздушномъ фонѣ. Ни одно дерево, ни одинъ кустъ не видѣются вдали; только кое-гдѣ какъ бы парять надъ землей неуклюжія фигуры животныхъ, обманывая насъ своей кажущейся величиной. Но солончаковая пустыня не мертва; она далеко не настолько лишена жизни, какъ воздушное царство. Напротивъ того, одна птица, замѣчательная какъ по своему строенію, такъ и по образу жизни и распространенности, поражаетъ насъ здѣсь своей многочисленностью; эта птица—степная курочка.

«Въ серединѣ марта, когда снѣгъ покрываетъ еще холмы высокой степи, она прилетаетъ сюда съ юга и живетъ небольшими обществами, но уже всегда разбившись на пары. Въ теплыя зимы птицу эту можно встрѣтить на сѣверо-восточномъ краю возвышенной пустыни Гоби. Но даже и послѣ суровыхъ зимъ она недолго заставляеть ждать своего появленія и очень рано принимается за высиживание, представляя въ этомъ отношеніи замѣчательное явленіе. Яйца ея находятъ уже въ первыхъ числахъ апрѣля, а во второй разъ въ концѣ мая. По прошествіи второго періода размноженія степная курочка, вѣроятно, часто мѣняетъ свое мѣстопребываніе, а въ зимніе мѣсяца залетаетъ до южнаго края Гоби въ предгорья сѣверныхъ Гиммалаевъ.

«Уже 10-го марта 1856 г., когда ночью морозъ достигалъ до 16° Ц. и днемъ было всего 2,5° Ц. къ Тарай-Нору прилетѣла первая небольшая стая степныхъ курочекъ. Онѣ летятъ совершенно сомкнутой цѣпью, подобно ржанкамъ, держатся весной небольшими обществами, состоящими уже изъ отдѣльныхъ паръ (числомъ отъ 4 до 6), осенью же собираются въ стаи иногда въ нѣсколько сотъ штукъ. На лету степныя курочки издають довольно громкій крикъ, благодаря которому онѣ получили у монголовъ названіе «Ньюнтерьюнъ». Парочки во время перелета всегда держатся вмѣстѣ. Весной садки въ определенное время съ большой правильностью появляются у прѣсныхъ водъ, чтобы утолить жажду. Онѣ слетаются со всѣхъ сторонъ, и кричатъ, завидя берегъ; на ихъ крикъ имъ отвѣчаютъ прилетѣвшія раньше степныя курочки, къ которымъ онѣ и присоединяются. У воды онѣ сидятъ рядами, штукъ 10—12 вмѣстѣ. Но онѣ отдыхаютъ здѣсь недолго; вскорѣ онѣ улетають на поиски за кормомъ, преимущественно въ бѣлыя мѣста степи, гдѣ есть вывѣтрившаяся соль, и на маленькія возвышенности, поросшія травой. Онѣ любятъ молодые сочные побѣги мокрединника (*Salicornia*) и совершенно объѣдаютъ ихъ, точно такъ же, какъ дрохва общипываетъ траву. Весной я находилъ у нихъ въ зобу и въ желудкѣ сѣмена мыльной травы (*Salsola*). Лѣтомъ онѣ любятъ грѣться на солнцѣ, и въ это время мнѣ случалось встрѣчать отдѣльныя парочки, но большею частію ихъ видишь по нѣскольку вмѣстѣ. Подобно курамъ онѣ выкапываютъ себѣ неглубокія ямки на бѣловатыхъ, пропитанныхъ солью холмикахъ, покрывающихъ мѣстами большія пространства по берегамъ Тарай—Нора и поросшихъ солончаковыми растениями. Мнѣ неразъ случалось подолгу наблюдать ихъ во время этого отдыха. Сначала онѣ суетливо бѣгаютъ изъ стороны въ сторону, повидимому отыскивая нищу, а, насытившись вполнѣ, садятся от-

дыхать; обыкновенно около одиннадцати часовъ, когда становится уже порядочно жарко. Онѣ вырываютъ себѣ ямки и усаживаются въ нихъ совершенно подобно домашнимъ курамъ, стараются поудобнѣ закопаться въ рыхлую почву, приче́мъ онѣ двигаются изъ стороны въ сторону и нахохливаютъ свое опереніе, обыкновенно гладко прилегающее къ тѣлу. Садясь на отдыхъ, онѣ не ставятъ сторожей. Онѣ сидятъ такимъ образомъ совершенно спокойно, и трудно бываетъ замѣтить ихъ, такъ какъ ихъ желто-сѣрое, испещренное черными крапинками опереніе очень похоже на окружающую почву. Надъ отдыхающими садками стрѣлой проносится соколъ; онѣ вскакиваютъ и скрываются какъ отъ нашихъ глазъ, такъ и отъ взоровъ этого хищника. Ихъ боязливый крикъ будить ближайшихъ сосѣдей, которые поднимаются и спѣшатъ улетѣть, будя своимъ крикомъ цѣлыя стаи этихъ птицъ, такъ какъ всѣ степныя курочки, слышавъ такой тревожный крикъ, слѣдуютъ примѣру спугнутой товарищей, хотя бы и не принадлежали къ ихъ стаѣ. Благодаря этому, вскорѣ небо покрывается безчисленнымъ множествомъ небольшихъ стай этихъ странныхъ птицъ. Шумъ отъ ихъ крыльевъ слышится со всѣхъ сторонъ, и въ одно мгновение птицы проносятся надъ нами прежде, чѣмъ мы успѣемъ приготовиться къ выстрѣлу. Но спокойствіе восстанавливается у нихъ такъ же быстро, какъ наступаетъ безпокойство. Садки опускаются и бѣгаютъ сначала боязливо по бѣлой солончаковой почвѣ, куда снова не улягутся на плоскихъ холмикахъ, гдѣ онѣ ведутъ себя, какъ и прежде. Полетъ ихъ еще рѣзче и быстрѣе, чѣмъ у голубей; но я сомнѣваюсь, чтобы онѣ были такими же неутомимыми на землѣ, такъ какъ хотя онѣ и бѣгаютъ по ней быстро, но не по долгу.

«Оригинальное явленіе представляетъ отлетъ многочисленныхъ стай степныхъ курочекъ лѣтомъ; я самъ имѣлъ случай сдѣлать одно наблюденіе, говорящее рѣшительно въ пользу существованія этого явленія. Когда въ послѣднихъ числахъ мая я отправился на Аральскіе острова, находящіеся на озерѣ Тарай-Норъ, мнѣ приходилось пройти большое пространство вдоль берега высохшаго теперь озера. Утромъ я наткнулся на безчисленное множество маленькихъ вереницъ степныхъ курочекъ, жившихъ вмѣстѣ въ одномъ и томъ же районѣ, но онѣ были такъ пугливы, что мнѣ никакъ не удавалось приблизиться къ нимъ. Послѣ многихъ напрасныхъ попытокъ ихъ подстрѣлить, я отложилъ охоту до вечера. Съ закатомъ солнца всѣ птицы собрались въ двѣ большія стаи, каждая около 1000 штукъ, и подняли сильный шумъ. Я надѣялся подкрасться къ нимъ въ это время, но ошибся въ расчетѣ: мнѣ не удалось приблизиться къ нимъ ни верхомъ, ни ползкомъ. Послѣ того, какъ онѣ были спугнуты мною нѣсколько разъ, онѣ покинули наконецъ берегъ Тарай-Нора и полетѣли на востокъ къ степнымъ высотамъ, гдѣ онѣ опустились въ двухъ мѣстахъ. Зимой здѣсь было мѣсто ночевки двухъ стадъ скота; здѣсь сохранился еще толстый слой черного плотно утоптаннаго навоза, черезъ который не могли прорасть слабые растительные побѣги. Тутъ уже никто не потревожилъ птицъ, такъ какъ наступившая темнота помѣшала мнѣ продолжать охоту. Онѣ все еще продолжали кричать. На другой день всѣ птицы исчезли безслѣдно, и ни разу въ теченіи всего лѣта, ходя по берегамъ Тарай-Нора, я не встрѣтилъ болѣе ни одного экземпляра. Кочующіе пастухи также не видали ихъ, но утѣшали меня увѣреніемъ, что осенью эти птицы прилетятъ сюда въ большемъ количествѣ. Къ сожалѣнію, предсказаніе ихъ не исполнилось. Мнѣ показалось очень страннымъ, что птицы, окончивши высиживанье второго поколѣнія, вдругъ среди лѣта улетали совсѣмъ, хотя этотъ случай, какъ мнѣ казалось, и дастъ новый примѣръ безпокойной кочевой жизни настоящихъ обитателей степей. Только въ ок-

тибрь, охотясь на южной окраинѣ степи за антилопами, въ то время, когда осенній перелетъ птицъ уже давно окончился, я снова встрѣтилъ саджъ по ту сторону Аргуни. Вереницы ихъ летѣли теперь быстро и на большой высотѣ по направленію къ сѣверу въ русскія владѣнія, гдѣ я, впрочемъ, уже не могъ найти ихъ въ степи.

«Гнѣздо ихъ очень безыскусственно и совершенно похоже на гнѣздо другихъ рябковъ. Иногда по нѣскольکو паръ высидываютъ сообща, но ихъ никогда не бываетъ много. Самое гнѣздо располагается на солончаковой почвѣ близъ Тарай-Шора, большею частью на самомъ его днѣ, высохшемъ нѣскольکو лѣтъ тому назадъ; оно представляетъ плоское углубленіе около 12 см. въ діаметрѣ, края его выложены нѣсколькими побѣгами мыльной травы и соломинками, впрочемъ послѣднихъ иногда и не бываетъ. Кладка состоитъ изъ 4 яицъ, похожихъ по формѣ на яйца другихъ рябковъ, но отличающихся совершенно эллиптической формой, хотя иногда и у нихъ одинъ конецъ бываетъ болѣе заостренъ, чѣмъ другой. Основной цвѣтъ варьируетъ отъ свѣтлаго зеленовато-сѣраго до грязнаго буровато-сѣраго; послѣдній оттѣнокъ самый обыкновенный. По этому фону разсыяны землисто-бурая, большею частью мелкія пятнышки двухъ различныхъ оттѣнковъ».

Саджи размножаются на родинѣ дважды въ годъ: въ началѣ апрѣля и въ концѣ мая.

Наши свѣдѣнія объ образѣ жизни саджи значительно обогатились уже черезъ годъ послѣ появленія сочиненія Радде, благодаря странному случаю. Уже въ 1866 г. Шлегель и Муръ несомнѣнно доказали, что отдѣльные экземпляры этихъ птицъ залетали въ среднюю Европу; ихъ убивали на дюнахъ Голландіи и въ Англии, и, если вѣрить сообщенію Коллетта, то въ серединѣ августа 1861 г. близъ Мандала въ Норвегіи была замѣчена стая курочекъ, штукъ въ 14—15, и нѣскольکو изъ нихъ были убиты. На такіе отдѣльные экземпляры, изъ которыхъ первыхъ видѣли уже, впрочемъ, въ 1858—59 гг., смотрѣли какъ на случайно залетѣвшихъ гостей и не придавали особеннаго значенія ихъ неоднократнымъ посѣщеніямъ. Нѣчто подобное случилось, по словамъ Свинхое, осенью 1861 г. въ сѣверномъ Китаѣ, но здѣсь пришлось уже имѣть дѣло не съ нѣсколькими, случайно залетѣвшими экземплярами, а съ цѣлою громадной стаей этихъ птицъ, опустившихся на равнины между Пекиномъ и Тьенциномъ. Китайцы ревностно преслѣдовали этихъ чужестранныхъ посѣтителей, хорошо извѣстныхъ у нихъ подъ названіемъ «Садуки» или песочныхъ куръ, и разсказывали Свинхое, что они часто ловятъ этихъ птицъ въ сѣти и убиваютъ изъ пищалей. Послѣ того, какъ выпалъ обильный снѣгъ, ловля стала до того прибыльна, что рынокъ Тьенцина былъ рѣшительно заваленъ ими. Стоило только расчистить отъ снѣга нѣкоторыя мѣста въ степи, разставить здѣсь сѣти—и можно было быть вполне увѣреннымъ въ богатой добычѣ. Тѣмъ не менѣе птицы все еще были пугливы, особенно пока держались на землѣ; летая же, иногда совсѣмъ приближались къ охотнику. Туземцы знали, что родина степныхъ курочекъ находится на обширныхъ равнинахъ Татаріи, по ту сторону знаменитой стѣны.

Я оставляю дерзновеннымъ вопросомъ, появлялись-ли въ Европѣ еще другія степныя курочки, кромѣ нѣсколькихъ экземпляровъ, замѣченныхъ до 1863 г., но, впрочемъ, считаю это довольно вѣроятнымъ; по моему мнѣнію, даже вполне возможно, что нѣкоторыя изъ нихъ снова вернулись на родину и вполнѣ заслужили до извѣстной степени проводниками во вновь открытыя земли значительному количеству своихъ родичей. Во всякомъ случаѣ обращаетъ на себя вниманіе

тотъ фактъ, что передъ большимъ переселеніемъ саджъ, случившимся въ 1863 г., въ Европѣ нѣсколько разъ наблюдали этихъ птицъ, не встрѣчавшихся у насъ до тѣхъ поръ. Какъ-бы то ни было, остается вполне установленнымъ тотъ фактъ, что въ упомянутомъ году значительная стая этихъ птицъ появилась въ Европѣ и распространилась по большинству сѣверныхъ странъ этой части свѣта. Можно съ достаточной точностью опредѣлить, по какому пути совершилось это переселеніе, и если-бы на юго-востокъ Европы на чужеземцевъ этихъ птицъ обратили такое же вниманіе, какъ въ Германіи, Франціи, Голландіи и Великобританіи, то, вѣроятно, мы могли бы самымъ точнымъ образомъ опредѣлить путь этихъ птицъ. Стая степныхъ курочекъ были замѣчены, начиная отъ Бродъ въ Галиціи до Парана на западномъ берегу Ирландіи и отъ Бискароля въ южной Франціи до Торсгавна на Ферерскихъ островахъ. Извѣстно, что птицы эти, замѣченныя въ Сокольницѣ въ Моравіи 6-го мая, въ Тухелѣ въ западной Пруссіи 14-го, въ Пальквиндѣ въ Силезіи 17-го, въ Велау въ Ангальтѣ 20-го и въ тотъ-же день на Лааладѣ, на Гельголандѣ и на берегахъ Англии (Портумберландѣ), 21 числа, на Баркумѣ, въ Стаффордширѣ и на берегу Ланкашира 22-го, на Ферерскіе острова прилетѣли, или по крайней мѣрѣ были замѣчены здѣсь, въ послѣднихъ числахъ мая. Итакъ постепенное передвиженіе ихъ въ упомянутомъ направленіи вполне доказано, и быстрота полета степныхъ курочекъ такова, что въ приведенныхъ мною фактахъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Нѣсколько смѣлѣе, но все же правдоподобно заключеніе, что саджи отравились большой стаей изъ Монголіи и летѣли въ упомянутомъ направленіи. Такъ какъ этотъ перелетъ совершался не за-долго до наступленія періода размноженія или во время этого періода, то отдѣльныя пары и группы этихъ птицъ отдѣлялись отъ главной стаи и избирали самостоятельный путь, или опускались тамъ, гдѣ находили удобнѣе. Многія изъ тѣхъ, которыя долетѣли до берега моря, вѣроятно пустились въ обратный путь и возвратились во внутренность страны.

Альтуму удалось нѣсколько разъ наблюдать этихъ чужеземныхъ птицъ во время ихъ лѣтняго пребыванія въ Германіи и кромѣ того значительно пополнить свои свѣдѣнія разспросами; 21-го мая степныя курочки показались небольшими группами отъ 2—12 штукъ на Боркумѣ, гдѣ производил свои наблюденія этотъ ученый. Съ 23-го іюня по 1-е іюля ихъ не видали совершенно, но потомъ снова появились большія стаи. Альтумъ и Дросте видѣли четырехъ степныхъ курочекъ 8-го августа; онѣ пронеслись съ необычайной быстротой, легко и часто ударяя крыльями и все время издавая на лету звуки «квик квик», немного напоминающіе призывной крикъ маленькихъ ржанокъ. Птицы опустились на обнаженное отливомъ мѣсто и присоединились къ многочисленной стаѣ другихъ такихъ же птицъ. Онѣ сидѣли неподвижно другъ возлѣ друга, и ихъ можно было-бы принять за золотистыхъ ржанокъ, если-бы не слипкомъ горизонтальное положеніе ихъ туловища. Стая не подпускала къ себѣ наблюдателя ближе, чѣмъ на 200 шаговъ, хотя Дросте и прибѣгалъ ко всемъ хитростямъ, которыя пускаютъ въ ходъ охотники, чтобъ приблизиться къ пушнымъ птицамъ. Вдругъ всѣ степныя курочки подыались съ шумомъ, издавая свой крикъ, похожій на «кекерикъ», но сливавшійся въ одинъ общій гулъ вслѣдствіе многочисленности птицъ. Онѣ полетѣли низко надъ широкой песчаной равниной, подобно стаѣ голубей, возвращающихся съ поля. Развернувшись широкиимъ фронтомъ, онѣ летѣли со стремительной быстротой, описывая при полетѣ слегка волнообразныя линіи.

Мѣсто, гдѣ видѣлъ ихъ Дросте, вѣроятно очень нравилось имъ, потому что съ тѣхъ поръ ихъ встрѣчали здѣсь нѣсколько разъ. Онѣ отыскивали мѣста, поросшія

Schoberia maritima, такъ какъ, повидимому, очень любятъ сѣмена этого растенія. Онѣ всегда выбираютъ открытыя площадки, охотнѣе всего на границѣ такихъ зарослей. Кромѣ сѣмянъ онѣ общипываютъ также и листочки, подобно курамъ; впрочемъ Альтумъ находилъ въ зобу у нѣкоторыхъ исключительно сѣмена, у другихъ же плоды одной травы, вѣроятно *Poa distans*, вмѣстѣ съ незрѣлыми коробочками *Lepigonum maritimum*. Зобъ почти всегда былъ набитъ, и къ пицѣ бывало примѣшано небольшое количество крупныхъ песчинокъ; въ наполненномъ же желудкѣ оказывалось множество песка. Вскорѣ послѣ этой первой неудачной попытки Дросте встрѣтилъ одинокую степную курочку на большой изменности, моргеновъ въ 100, окруженной со всѣхъ сторонъ дюнами. Она оказалась далеко не такой пугливой, какъ вся стая. Дросте замѣтилъ ее бѣгающей, когда вышелъ изъ засады, но ее было такъ трудно замѣтить на бѣломъ пескѣ, что очертанія ея совершенно исчезали, когда она останавливалась. Очень высоко поднимались только оставшія отъ стаи птицы; сомкнутыя же цѣпи летѣли на высотѣ не болѣе 10 м. надъ землей. Спугнутыя птицы летѣли низко надъ берегомъ по долинамъ между дюнами, пока не исчезали совершенно изъ глазъ, но онѣ охотно возвращались и часто опускались на то же мѣсто, если не видѣли на немъ ничего подозрительнаго; если же мѣсто казалось имъ не безопаснымъ, то онѣ опять улетали подале и спускались на одно изъ другихъ излюбленныхъ ими мѣстъ. Когда на прилетающую стаю бросился тростниковый лунь, то она раздѣлилась и пропустила сквозь себя хищника. Если море было спокойно, то уже издали можно было услышать приближеніе стаи, такъ какъ птицы постоянно издавали свои звонкіе «кѣкерикъ» или «кѣки, кѣки, кѣки». Впрочемъ видъ летящей птицы до того своеобразенъ, что ее невозможно принять ни за какую другую, даже въ томъ случаѣ, если она летитъ совершенно молча.

На упомянутыхъ равнинахъ, окруженныхъ дюнами, наши монгольскіе гости замѣчались обыкновенно утромъ около 9 часовъ. Повидимому до этого времени они оставались здѣсь на опредѣленныхъ мѣстахъ, постоянно возвращались на нихъ, какъ по крайней мѣрѣ можно было заключить по большому количеству ихъ помета. Если птицы не замѣчали ничего необыкновеннаго, то сидѣли спокойно другъ противъ друга, повернувшись обыкновенно въ одну сторону парочками или по нѣсколько штукъ вмѣстѣ. Около 10-ти или 11-ти часовъ онѣ, повидимому, правильно посѣщали большое пространство, обнаженное отливомъ, чтобы искать пищу, но крайней мѣрѣ онѣ часто опускались здѣсь въ это время и усердно отыскивали сѣмена и почки. Опустившись на землю, онѣ по крайней мѣрѣ минутъ 20 сидѣли неподвижно, осматриваясь кругомъ и уже потомъ принимались искать кормъ, причемъ онѣ бѣжали и какъ бы скользили всѣ въ одномъ и томъ же направленіи, прилежно подбирая сѣмена. Иногда небольшія группы ихъ отдѣлялись, отходя въ сторону или нѣсколько отставая, но все-таки онѣ постоянно держались по близости главной стаи. Напротивъ того, замѣчали одну степную курочку, которая всегда сильно отставала отъ другихъ или заходила далеко въ сторону и, повидимому, играла роль сторожа. Когда Дросте лежалъ однажды за песчанымъ возвышеніемъ, имѣвшимъ около 0,5 м. въ вышину, наблюдая за всей стаей, то птица эта, замѣтивъ его, тотчасъ взбѣжала на небольшой холмикъ, вытянулась, подняла голову и громко закричала «кѣкерикъ». На этотъ сигналъ почти вся стая сбѣжалась въ плотную кучу и оставалась неподвижной. Дросте выстрѣлилъ, и стая поднялась, старый же самецъ, сыгравшій эту штуку, взлетѣлъ съ громкимъ крикомъ лишь послѣ того, какъ смущенный охотникъ уже подвѣлся. Степныя курочки, бѣгая, издавали крикъ «кѣк кѣк»; когда двѣ сходи-

лись слишкомъ близко, то онѣ поднимали крылья, втягивали голову, становились въ угрожающую позу и быстро кричали «кикрики». Иногда онѣ также бросались другъ на друга, подпрыгивая кверху, причемъ всегда еще нѣсколько штукъ поднимались на воздухъ, вѣроятно думая, что имъ угрожаетъ какая-нибудь опасность, но тотчасъ же снова опускались. Въ полуденное время степныя курочки, повидимому, всегда отправлялись на сухія горячія дюны и купались здѣсь въ песокѣ. Здѣсь у нихъ были опредѣленные мѣста, а именно тѣ большія и пустынные песчаныя равнины, гдѣ бури уничтожили всякіе слѣды растительности. Однажды замѣтили, какъ спустились на землю 13 курочекъ, и наблюдатели тотчасъ же поспѣшили туда и, спрятавшись, стали осматривать всю мѣстность въ подзорную трубу; но они долго не могли замѣтить ни одной птицы, пока наконецъ одна изъ нихъ случайно не появилась въ полѣ зрѣнія трубы. Даже на разстояніи 40 шаговъ трудно было хорошо рассмотреть этихъ птицъ, а на разстояніи 200 шаговъ совершенно невозможно было замѣтить, даже зная въ точности мѣсто, гдѣ только что опустились 50—60 штукъ. Сначала эти дѣти степей были не особенно робки, но немилосердное гоненіе, воздвигнутое на нихъ пріѣзжающими сюда на купанье гостями, сдѣлало ихъ скоро осторожными, а потомъ даже въ такой степени пугливыми, что и самому опытному охотнику трудно было подобраться къ нимъ.

Проживши 5 мѣсяцевъ на Баркумѣ точно на своей родинѣ, степныя курочки совершенно исчезли съ острова. 1-го октября въ подзорную трубу насчитали ихъ еще 54 штуки, 10-го ихъ видѣли уже всего 8, 12-го—5, а 13-го только 2, и это были уже послѣднія. Такимъ образомъ съ 1-го по 15-е октября удалилась, мало по малу, вся стая. Приблизительно въ то же время степныхъ курочекъ видѣли мѣстами въ средней Германіи, по словамъ Альтума, въ Ольденбургѣ и по моимъ наблюденіямъ, близъ Гамбурга. Онѣ исчезли тогда совершенно, какъ утверждаетъ Альтумъ, но и на слѣдующій годъ были замѣчены въ Германіи. Такъ, въ іюнѣ 1864 г. ихъ видѣли въ окрестностяхъ Плауена и гораздо позже въ концѣ октября того же года близъ Врешена въ Познани. Почти въ то же время онѣ показывались также и по близости Гамбурга, гдѣ, по всей вѣроятности, выводили и птенцовъ, какъ въ 1863 г. въ Ютландіи и на нѣкоторыхъ датскихъ островахъ. Послѣднее сообщеніе принадлежитъ Рейнгарду; первыя яйца были найдены вскорѣ послѣ прилета птицъ и присланы 6 іюня этому натуралисту. Въ гнѣздѣ было три яйца. По словамъ разсказчика, одинъ охотникъ нашелъ два гнѣзда, а его сосѣдь третье; въ этихъ гнѣздахъ и были пойманы сидѣвшія на яйцахъ птицы, сначала самки, потомъ самцы. Въ двухъ гнѣздахъ, находящихся рядомъ, было въ одномъ три, а въ другомъ—два яйца. Первое гнѣздо представляло просто небольшое углубленіе въ песокѣ, немного выстланное сухимъ тростникомъ, другое же было построено въ верескѣ и выложено небольшимъ количествомъ сухой травы. Въ теченіи іюня мѣсяца нашли на дюнахъ еще много гнѣздъ, построенныхъ точно такимъ же образомъ. Вышеупомянутый нами охотникъ еще 27-го іюля спугнулъ одну курочку съ гнѣзда и, найдя въ немъ три яйца, разставилъ силки. Черезъ нѣсколько часовъ, когда онъ воротился, самка оказалась пойманной; точно также изловили и самца. Въ это время вылупился одинъ изъ птенцовъ, а за нимъ и другой; впрочемъ, оба они умерли въ тотъ же день, вѣроятно отъ недостатка ухода. Эти наблюденія доказываютъ такимъ образомъ, что степныя курочки живутъ въ моногаміи и что самецъ участвуетъ въ высиживаніи яицъ.

Тотчасъ же послѣ прилета степныхъ курочекъ въ Германію, въ одной своей статьѣ я обратился къ нашимъ охотникамъ съ просьбой поимать этихъ птицъ.

такъ какъ я считалъ, если не вѣроятнымъ, то возможнымъ, что онѣ здѣсь акклиматизируются. Но словамъ моимъ не вняли. Этихъ безвредныхъ чужеземныхъ гостей истребляли при помощи ружей, сѣтей, силковъ и отравленныхъ пшеничныхъ зеренъ; ихъ безпощадно преслѣдовали, пока было возможно. Многія изъ нихъ, впрочемъ, погибли по собственной винѣ; такъ, на примѣръ, находили степныхъ курочекъ, налетѣвшихъ на телеграфную проволоку и получившихъ при этомъ смертельные ушибы. Пемудрено, что при такихъ условіяхъ эти птицы здѣсь совершенно исчезли.

Послѣ этого грандіознаго переселенія степныя курочки значительно расширили область своего распространенія по направленію къ западу и стали осѣдлыми птицами въ юго-восточной Европѣ. Сначала русскій изслѣдователь Карелинъ замѣтилъ, что онѣ появились по сѣю сторону Урала; Генке, занимавшійся собираніемъ коллекцій и вполне заслуживающій довѣрія, замѣтилъ вслѣдъ затѣмъ, что онѣ проникли еще далѣе на западъ и поселились въ качествѣ осѣдлыхъ птицъ не только по нижнему теченію Волги, но уже и въ степяхъ по Дону и въ непосредственной близости полей малороссійскихъ хуторовъ, такъ что въ настоящее время этихъ птицъ съ полнымъ правомъ можно причислить къ размножающимся въ Европѣ видамъ, и притомъ далеко не рѣдкимъ.

Ровно черезъ 25 лѣтъ послѣ этого перваго большого перелета степныхъ курочекъ въ западную Европу, случился второй, гораздо болѣе значительный. Уже лѣтомъ и въ декабрѣ 1883 г., по сообщенію Роведера, было убито по одной степной курочкѣ около Брига и Бреславля. Впрочемъ, какъ сообщаетъ Чузи, еще въ 1879 г. появились близъ Гогенбруга въ Штиріи три степныхъ курочки, изъ которыхъ одна была подстрѣлена, а въ октябрѣ и ноябрѣ 1887 г. около Гродзиско-Дебно въ Галиціи замѣтили нѣсколько стай, штукъ по 10—15, и охотились за ними. По словамъ того же наблюдателя первые предвѣстники большого переселенія степныхъ курочекъ появились еще въ срединѣ марта 1888 г. въ Буковинѣ, а 18 марта уже и въ Венгріи. Въ началѣ апрѣля въ Буковинѣ показались стаи, штукъ въ 70—80, а 4 апрѣля въ Богеміи около Кеннгалля видѣли даже стаю штукъ во сто. Въ срединѣ апрѣля чрезъ упомянутыя и сосѣднія съ ними области пролетало наибольшее количество этихъ птицъ, а въ срединѣ мая онѣ здѣсь уже болѣе не показывались. Общую картину этого перелета мы находимъ у Блазіуса: «Какъ видно изъ имѣющихся у меня подъ рукою свѣдѣній, степныя курочки пролетали чрезъ обширную равнину, простирающуюся между нижней частью Урала и сѣверными склонами Кавказа, приблизительно по направленію отъ востока къ западу. Онѣ летѣли широкой полосой чрезъ центральную и южную Россію, Австро-Венгрію, Германію, Данію, Скандинавскій полуостровъ, Голландію и Бельгію вплоть до Франціи и Ирландіи и достигли приблизительно 61° сѣв. широты. Птицы эти, по возможности, избѣгали высокихъ горъ и большихъ лѣсовъ и держались преимущественно въ безлѣсныхъ равнинахъ. Отъ этой широкой полосы, заходящей въ Германію на югъ приблизительно до 48° сѣверной широты, у подножія восточныхъ Карпатъ отдѣлилась небольшая стая, пролетѣвшая еще далѣе на югъ и направившаяся между Трансильванскими Альпами и Балканами вверхъ по Дунаю, затѣмъ распространившаяся по Венгріи вверхъ по Дравѣ; отсюда степныя курочки полетѣли вдоль южнаго склона Альпъ въ верхнюю Италію, часть ихъ направилась далѣе на югъ къ Чивита-Веккіи въ среднюю Италію, а отдѣльные экземпляры залетали даже въ Испанію къ устью Альбуферы, находящемуся на 39° сѣверной широты. Такимъ образомъ вся полоса перелета занимаетъ протяженіе приблизительно въ 75° долготы, а крайніе сѣверные и южныя пункты ея отстоятъ другъ отъ друга на 22° широты.

«По сообщеніямъ, особенно въ большомъ количествѣ пришедшимъ изъ Германіи и Англій, число степныхъ курочекъ, принимавшихъ участіе въ перелетѣ нынѣшняго года, чрезвычайно велико; вѣроятно много тысячъ ихъ предпріяло путешествіе съ дальняго востока на западъ. Главная масса ихъ, повидимому, опять, какъ и въ 1863 г., направилась чрезъ сѣверную и среднюю Германію, Данію, Гельголандъ и Голландію въ Англію. Въ Европу птицы, какъ кажется, прилетѣли въ мартѣ и въ началѣ апрѣля; первое изъ имѣющихся у меня сообщеній изъ Европейской Россіи, сдѣланное изъ Оренбурга, относится къ началу марта; затѣмъ имѣются сообщенія о появленіи ихъ 20 марта близъ устьевъ Волги около Астрахани и 1 апрѣля въ Уфимской губерніи у южной оконечности Урала. Въ концѣ марта птицъ этихъ наблюдали близъ Одессы и въ Полтавской губ. Въ срединѣ апрѣля замѣтили первыхъ изъ нихъ въ Германіи, а на 4-й недѣлѣ апрѣля въ Англій и въ верхней Италіи; въ началѣ мая онѣ появились въ нижней Швеціи, въ срединѣ мая въ Финляндіи, Норвегіи, Франціи и средней Италіи, въ началѣ іюня въ Ирландіи и Испаніи. Съ востока, повидимому, прибывали новыя стаи, по крайней мѣрѣ сообщенія о вновь прилетающихъ сосредоточились приблизительно около 4-хъ недѣль со всей Европы, начиная съ Россіи до Англій».

Всѣ попытки акклиматизировать у насъ этихъ чужеземныхъ гостей оказались неудачными, какъ предсказывали Рейхеновъ, Вальтеръ и др. Изъ большинства мѣстностей птицы эти исчезали такъ же быстро, какъ и появлялись. Кое-гдѣ небольшія стаи и отдѣльные экземпляры оставались болѣе продолжительное время, а иногда выводили даже птенцовъ, но такіе случаи становились все рѣже и рѣже, и къ концу 1888 г. исчезли почти повсюду и послѣднія изъ этихъ птицъ. Въ 1889 г. встрѣчались уже только немногіе, случайно запоздавшіе экземпляры. «Куда дѣлись степныя курочки?» спрашиваетъ И. Роведеръ. «Безъ сомнѣнія эти непостоянные гости, подобнономадамъ, населяющимъ ихъ отечество, влекомые непреодолимымъ стремленіемъ къ странствованію, полетѣли далѣе, желая снова отыскать покинутыя ими родныя мѣста. О настоящемъ обратномъ перелетѣ, впрочемъ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Потокъ этихъ переселенцевъ направился скорѣе отъ береговъ Нѣмецкаго моря еще далѣе на западъ; по крайней мѣрѣ сравнительно большее количество этихъ птицъ появилось въ Великобританіи только тогда, когда въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ число ихъ стало значительно убавляться. Какъ многія изъ нихъ погибли, можетъ быть, въ волнахъ, пытаясь перелетѣть чрезъ море и не встрѣтивъ на пути суши? Въ общихъ чертахъ картина этого птичьяго переселенія народовъ такова: тысячи степныхъ курочекъ отправились болѣе или менѣе сомкнутыми стаями изъ своей родины на западъ; небольшіе отряды ихъ отдѣлились отъ главной колонны и долетѣли вправо до Норвегіи и влево до средней Италіи. Главная же масса ихъ, хотя и уменьшившаяся, благодаря всевозможнымъ случайностямъ, долетѣла до береговъ Нѣмецкаго моря, гдѣ небольшая часть птицъ осталась отдохнуть на болѣе или менѣе продолжительное время. При перелетѣ на лежащіе западнѣе острова, большая часть ихъ погибла, остальныя же, неудержимо стремившіяся далѣе на западъ, потонули въ океанѣ».

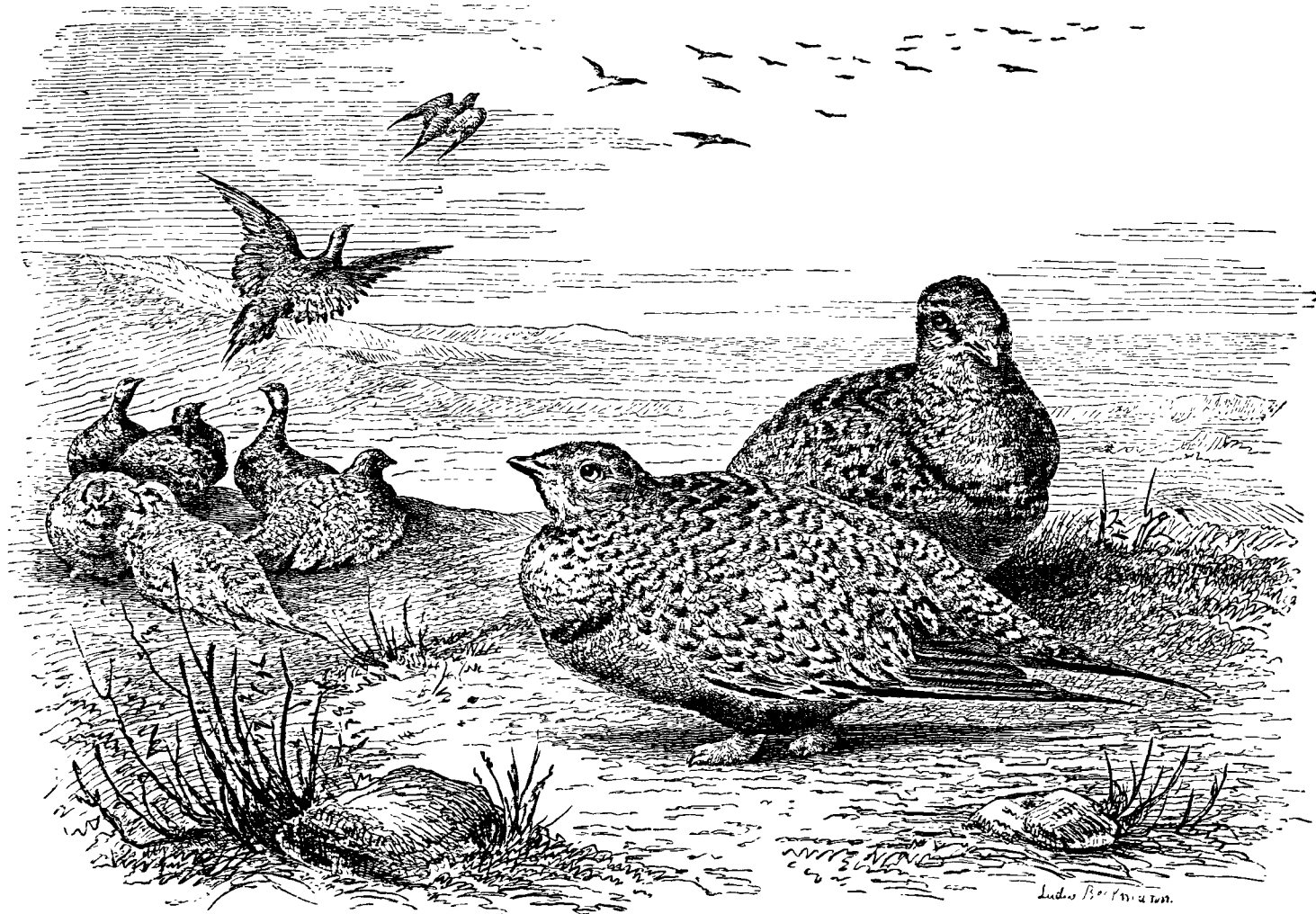
Многимъ орнитологамъ удалось изучить характеръ и образъ жизни степныхъ курочекъ на повавшихъ въ неволю экземплярахъ. Изъ относящихся сюда наблюдений, я воспользуюсь здѣсь тѣми, которыя сообщаютъ Болле, Гомейеръ и Гольцъ. Послѣдній изъ упомянутыхъ ученыхъ рассказываетъ, что 17 октября 1863 г. онъ имѣлъ случай видѣть раненую степную курочку, содержавшуюся въ небольшой клеткѣ, и продѣлалъ надъ ней разные опыты, причемъ въ результатѣ оказалось, что она ведетъ себя, какъ и другія птицы. Пораненая часть крыла была

отнята, раны прижжены, а потомъ плѣнницу помѣстили въ комнату. Черезъ три дня она уже стала ѣсть пшеничныя зерна и безъ всякаго страха бѣгала по комнатѣ, подбирая брошенный ей кормъ, и садилась на извѣстныхъ мѣстахъ; скоро она совѣмъ привыкла къ своему новому положенію и стала довольно довѣрчивой. Птица просыпалась съ разсвѣтомъ, направлялась къ хорошо извѣстному ей мѣсту, гдѣ находился кормъ, и усердно подбирала зерна. Потомъ она бѣгала по комнатѣ, клевала то тамъ, то сямъ на полу, на соломенной циновкѣ или на мѣховомъ одѣялѣ и чистилась, тщательно осматривая при этомъ весь свой нарядъ. Помятая перья крыла, хвоста и остальныхъ частей тѣла, до которыхъ она могла достать, она расправляла клювомъ, искусно располагала ихъ, иногда поднималась, чтобы расширить крылья и вытрясти выпавшія перья, причемъ она однако легко теряла равновѣсіе, такъ какъ у одного крыла недоставало конца. Когда солнце освѣщало обращенное къ югу окно, птица стремилась къ его лучамъ, садилась у противуположной стѣны, прислонялась однимъ бокомъ къ карнизу, а другой грѣла на солнцѣ, слѣдуя за нимъ до тѣхъ поръ, пока можно было уловить хотя одинъ лучъ. Въ это время ей часто приходила охота поѣсть; тогда она поднималась, спѣшила къ корытцу съ кормомъ, помѣщавшемуся на разстояніи приблизительно 2 м., быстро клевала зерна, а затѣмъ обыкновенно направлялась къ чашечкѣ съ водой, опускала въ нее клювъ, пила въ два, три или нѣсколько длинныхъ глотковъ, потомъ поднимала голову (причемъ однако клювъ никогда не переходилъ за горизонтальное положеніе) и снова спѣшила къ освѣщенному солнцемъ мѣсту, чтобы тамъ посидѣть. Двумя или тремя глотками она пила иногда только по одному разу, иногда же отъ двухъ до четырехъ разъ подъ рядъ, т. е. не отходя отъ сосуда съ водой. Гольцу показалось очень страннымъ, что птица только на 12-й день послѣ того, какъ была поймана, стала пить воду, хотя ежедневно рядомъ съ кормомъ ей ставили чашку со свѣжей водой, въ виду того, что, по сообщеніямъ путешественника, степныя курочки правильно посѣщаютъ степныя ключи. Поэтому поведеніе ея можно объяснить только непониманіемъ. Походку ея Гольцъ описалъ очень хорошо; въ особенности сравненіе бѣгущей степной курочки съ куклами, движущимися при помощи механизма, выбрано чрезвычайно удачно. Походка ея, совѣмъ не слышная на свободѣ, была очень явственно слышна, когда она ходила по полу. Когда солнце не освѣщало комнату, то плѣнница садилась около какой-нибудь двери, изъ-подъ которой проникалъ холодный воздухъ, и Гольцъ совершенно справедливо заключилъ отсюда, что комнатная теплота была ей, вѣроятно, непереносима. «Птица эта часто очень забавляла мою жену. Стоило ей только приблизиться, какъ степная курочка сердито поднимала голову и глухо кричала «гукъ», иногда два раза подъ рядъ; если жена подходила къ ней еще ближе, то крикъ этотъ становился еще болѣе сердитымъ и громкимъ и повторялся 4 или 5 разъ сряду, усиливался и превращался въ болѣе высокій звукъ, «гурrrrrrr»; при этомъ птица еще болѣе вытягивала шею кверху. Иногда она клевала подставленный ей палецъ и распускала хвостъ колесомъ, точно трубастый голубь».

Сообщенія о плѣнныхъ степныхъ курочкахъ Волле и Гомейера свидѣлствуютъ, что они опытные наблюдатели. «По общему виду»—говоритъ первый—«сажка очень похожа на голубя, но только ноги ея еще короче, чѣмъ у всѣхъ извѣстныхъ мѣ голубей и даже у рыбковъ. Очень маленькая головка, которая кажется сидящей не на довольно длинной шеѣ, какъ у голубей, а какъ-бы прямо на коренастомъ туловищѣ, напоминаетъ перепелокъ, и это впечатлѣніе еще усиливается желтоватымъ кралчатымъ опереніемъ; словомъ, по наружности, птица эта является какъ-бы промежуточнымъ звеномъ между голубями и пере-

пелками. Туловище у нея широкое, снизу очень приплюснутое; кончики крыльев подняты кверху, а рулевые перья держатся горизонтально. Бѣгает она не особенно быстрой рысцой, при чемъ туловище немного покачивается, а ноги бываютъ едва видны. Голосъ ея, раздающійся не особенно часто, довольно тихій и состоитъ изъ двухъ различныхъ звуковъ, которыми птицы манятъ другъ друга, причѣмъ на крикъ одной тотчасъ-же отвѣчаетъ другая. У самцовъ и самокъ, по видимому, оба крика одинаковы, и они издають ихъ попеременно. Зовъ этотъ состоитъ изъ низкаго и полнозвучнаго, «гелюк гелюк» и изъ болѣе высокаго «кюрр кюрр», которые оба, какъ уже замѣчено, издаются тихо». Гомейеръ имѣлъ возможность долѣе наблюдать плѣнныхъ степныхъ курочекъ, и вотъ что онъ сообщаетъ о нихъ: «Походкой и движеніями онѣ чрезвычайно напоминаютъ хвату; разница между ними та, что пятки у нихъ различной длины и самая форма ногъ другая, вслѣдствіе чего саджа дѣлаетъ болѣе короткіе шаги, чѣмъ хвата, и походка у нея болѣе скользящая». Къ этому можно прибавить, что такая походка зависитъ главнымъ образомъ отъ косвеннаго положенія плюсны. Саджа вполне стопоходящая птица. Когда она идетъ, нижняя часть ея туловища едва возвышается на 1 см. надъ землей, тогда какъ у рябка она находится по крайней мѣрѣ на втрое большей высотѣ только потому, что онѣ держитъ свои ноги чрезвычайно прямо. «Вся нижняя сторона тѣла»—продолжаетъ Гомейеръ— во время ѣды представляетъ почти прямую линію, надъ которой возвышается въ видѣ свода спинна. Вершина спинного свода находится у нея не на серединѣ туловища, а на передней части, задняя же часть спинки сильно вытянута. Крылья она держитъ различно. Маховыя перья всегда сложены вѣерообразно, такъ что прикрываютъ другъ друга на подобіе черепицъ, и болѣе короткое вырисовывается на болѣе длинномъ. Кажущаяся поэтому очень узкой, почти мечевидной, маховая часть крыла держится или совсѣмъ свободно и лежитъ на хвостѣ — особенно при быстрой ходьбѣ—или же она бываетъ скрыта подъ длинными узкими покровными перьями хвоста и лежитъ въ такомъ случаѣ или подъ хвостомъ по одной линіи съ длинными средними хвостовыми перьями, или бываетъ обращена кончикомъ кверху; послѣднее случается чаще. Во время покоя птица принимаетъ нѣсколько болѣе округлую форму и тогда еще больше напоминаетъ перепелку. Чѣмъ при движеніи. При медленной ходьбѣ она казалась мнѣ полушей, при болѣе быстрой она своей походкой напоминала игрушки, двигающіяся посредствомъ завода, а когда очень торопилась, то бѣжала какъ-бы съ перевальцемъ. За тѣ движенія головы, разбрасываньемъ песка клювомъ, всѣми приемами приисканія пищи, манерой прислушиваться и разсматривать что-нибудь необычайное—словомъ всѣми проявленіями духовной жизни—саджа совершенно напоминаетъ рябковъ».

Предоставивъ такимъ образомъ первенство моему уважаемому другу, я познакомлю теперь читателей и съ собственными наблюденіями надъ жизнью степныхъ курочекъ въ неволѣ. Я воспитывалъ ихъ всего семь штукъ въ теченіи болѣе или менѣе долгаго времени и, къ моему удовольствію, онѣ у меня въ неволѣ приступили къ размноженію. Мои плѣнницы на очень простой пищѣ чувствовали себя совершенно хорошо какъ лѣтомъ, такъ и зимой, оставались изъ году въ годъ въ одной и той же клеткѣ и только изрѣдка пользовались предоставленной имъ свободой гулять въ задней части клетки, крытой и отчасти защищенной стеклами. Въ дождливую погоду онѣ охотно удалялись въ закрытое мѣсто; если же дождь шелъ послѣ долгаго времени, то онѣ оставались съ полчаса въ непокрытой половинѣ клетки, давали хорошенько промокнуть своему оперенію и только тогда бѣжали подъ кровъ. Хо-

САДЖА.

года онѣ не боялись. Онѣ перенесли, повидимому, сравнительно легко суровую зиму съ 1863 на 1864 г. и даже очень ловко двигались въ довольно глубокомъ снѣгу. Если не шель снѣгъ, то онѣ всегда оставались на воздухѣ, но тѣсно жались другъ къ другу; впрочемъ и лѣтомъ онѣ имѣли обыкновеніе спать всѣ вмѣстѣ, но не садились при этомъ совсѣмъ рядомъ другъ съ другомъ; въ снѣгу-же онѣ располагались такъ, что всѣ пять образовывали какъ бы одну массу. При этомъ онѣ не всѣ сидѣли въ одномъ и томъ же направленіи, а двѣ или три изъ нихъ были обращены головами въ одну сторону, остальные-же въ обратную, такъ что дѣйствительно между ними не оставалось почти никакого промежутка. Когда онѣ сидѣли въ такомъ положеніи, то даже снѣгъ не могъ разогнать ихъ; онѣ иногда предпочитали, чтобы ихъ засыпало снѣгомъ хоть до головы. Въ снѣгу всякое движеніе, повидимому, было для нихъ затруднительно; имъ приходилось проталкивать по снѣгу переднюю часть туловища совершенно какъ санки, и онѣ оставали при этомъ въ снѣгу довольно глубокую дорожку, совершенно соответствующую по ширинѣ ихъ груди и раздѣленную по срединѣ двумя болѣе глубокими бороздками, собственно и представляющими слѣды ихъ ногъ.

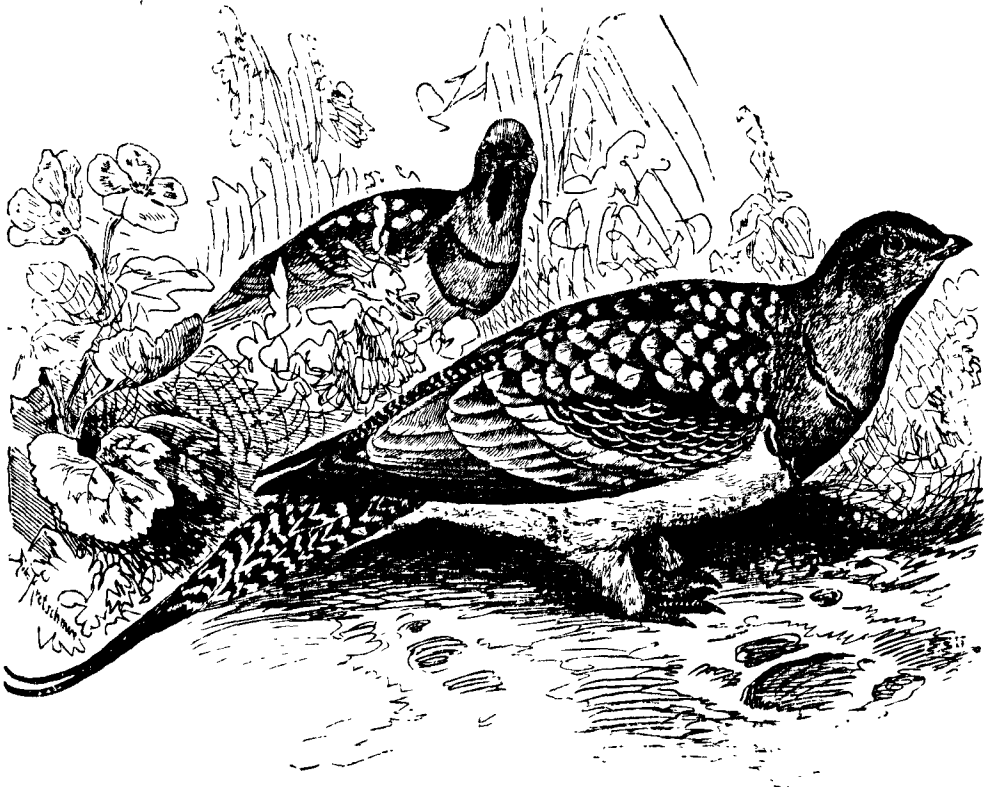
Въ началѣ іюня 1864 г. самцы, бывшіе обыкновенно очень миролюбивыми, сдѣлались безпокойными и наконецъ стали драться другъ съ другомъ. При этомъ они становились въ совершенно другія позы, чѣмъ родственные имъ рябки. Они приподнимали переднюю часть тѣла, нахваливали всѣ перья шеи, груди и спины, немного приподнимали крылья и быстро бросались другъ на друга, обмѣниваясь мѣткими, но, повидимому, не особенно опасными ударами клюва. Одинъ изъ борцовъ каждый разъ обращался въ бѣгство, а другой, гордый своей побѣдой, направлялся къ одной изъ самокъ и бѣгалъ нѣкоторое время сзади нея или рядомъ съ ней. 6-го іюня было найдено яйцо, несомнѣнно положенное этой самкой. Въ 1865 г. степныя курочки уже въ маѣ стали проявлять наклонность къ спариванью, и та же самая самка, которая подавала надежды въ предыдущемъ году, снесла три яйца 14-го, 19-го и 21 мая. Не было построено ни гнѣзда, ни даже вырыто никакого углубленія, и яйца были снесены въ разныхъ мѣстахъ, хотя я и распорядился, чтобы перваго яйца не трогали съ мѣста, а второе положили бы рядомъ съ нимъ. Въ надеждѣ, что самка примется за высиживание, я оставилъ яйца дольше, чѣмъ слѣдовало, и въ концѣ концовъ пришлось убрать ихъ; такъ и не удалось сдѣлать надъ ними дальнѣйшихъ опытовъ. 22 іюня самка стала нести въ второй разъ и снова снесла три яйца; но и на этотъ разъ она не обращала на нихъ вниманія и относилась къ нимъ съ такимъ же равнодушіемъ, какъ къ камешкамъ. На этотъ разъ я хотѣлъ попробовать положить ихъ подъ курицу, но за неимѣніемъ хорошей насѣдки, снова не удалось произвести этотъ опытъ.

Яйца чрезвычайно сходны между собой. Длина ихъ равняется 40 м.м., а наибольшая ширина 26-ти. Подобно голубинымъ яйцамъ, они эллиптическія и съ обѣихъ сторонъ почти одинаково закруглены; скорлупа ихъ мелкозернистая съ едва замѣтнымъ блескомъ. Основной цвѣтъ зеленовато-сѣро-желтый; узоръ состоитъ изъ свѣтло-сѣро-бурыхъ нижнихъ пятенъ и темно-сѣро-бурыхъ верхнихъ, распределенныхъ довольно равномерно по поверхности яйца, но иногда они бываютъ расположены вѣнчикомъ вокругъ одного конца; между пятнами черточки, завитки и точки.

Лѣтомъ 1866 г. одна кхата—самецъ присоединилась къ степной курочкѣ и старалась приобрѣсти ея расположеніе. Она позволяла рябку приблизиться, но не отвѣчала ему взаимностью; по крайней мѣрѣ никто изъ наблюдавшихъ не видалъ спариванья.

Отличительнымъ признакомъ рода **Собственно Рябковъ** (*Pterocles. Flughühner. Pterocles*) можетъ служить строение ногъ и крыльевъ. Ноги у нихъ съ четырьмя пальцами, соединенными перепонкой только у основанія. Въ крыльяхъ первое и второе маховыя перья самыя длинныя. Самецъ и самка всегда отличаются другъ отъ друга окраской.

Ганга (*Pterocles arenarius, Tetrao arenarius* и *fasciatus, Perdix aragonica, Oenas arenaria. Ringelflughuhn. Pterocle des sables*)—одинъ изъ самыхъ крупныхъ видовъ этого рода. Голова и задняя часть шеи у нея красновато-сѣрая; затылокъ темнѣе передней части головы. Нижнія шейныя перья блѣдно или темно-желтыя

Кхата. *Pterocles alchata*. $\frac{3}{8}$ наст. вел.

съ аспидными пятнами, расположенными такъ, что на концѣ каждого пера образуется охряно-желтое кругловатое пятно, ограниченное болѣе темной полосой. Горло охряно-желтое, а идущая черезъ него полоса буро-черная. Грудь красновато-сѣрая, а рѣзко обрисовывающаяся грудная полоска—черная или буро-черная, такъ же, какъ и брюшко. Большія маховыя перья пепельно-сѣрыя или пепельно-синія съ черновато-бурыми кончиками; нижняя сторона ихъ черная, какъ уголь; маховыя перья второго порядка у основанія бѣлыя. Верхнія покровныя перья крыльевъ отчасти чисто-охряно-желтыя безъ пятенъ, а нижнія—бѣлыя. Два среднихъ хвостовыхъ пера коричневаго цвѣта съ черноватыми поперечными полосками; остальные рулевныя перья пепельно-сѣрыя съ большими кончиками, съ нижней же стороны совершенно черныя вплоть до кончика. Верхнія покровныя перья того же цвѣта, какъ спинка, а нижнія—бѣлыя съ черными пятнами. Оперение ногъ

окрашено въ темный буро-желтый цвѣтъ. Глаза темно-каріе, клювъ грязно-синій, неоперенная часть ногъ темная сине-сѣрая. Въ длину ганга достигаетъ 35 см.; размахъ крыльевъ 70, длина крыла 23, длина хвоста 11 см. У самки вся спина и бока шеи песочно-желтыя, и на каждомъ изъ перьевъ спины по нѣсколько черно-бурыхъ поперечныхъ полосокъ. На каждомъ перѣ головы, затылка, шеи и передней части груди есть темныя пятнышки, имѣющія видъ капель. Горловая и грудная полосы только слегка обозначены; брюшко тоже буро-черное, но свѣтлѣе, чѣмъ у самца. По моимъ измѣреніямъ, между обоими полами нѣтъ почти никакой разницы въ ростѣ.

Кхата (*Pterocles alchata, setarius* и *caspius*, *Tetrao alchata* и *caudacutus*, *Вопаса ругенайца*, *Pteroclorus alchata*, *Oenas* и *Ganga cata*, *Spiessflughuhn*, *Pterocle cata*) нѣсколько меньше ганги, зато окраска ея болѣе яркая. У нея преобладающимъ цвѣтомъ является также песочный; лобъ и щеки ржаво-бурые; горло и тоненькая уздечка, начинающаяся отъ глаза и спускающаяся до затылка—черныя; нижняя часть шеи, затылокъ и спина буровато-сѣро-зеленыя, испещренные желтыми пятнами, такъ какъ на каждомъ перѣ есть по конечному пятнышку. Малыя покровныя перья крыла кроваво-красныя съ сѣроватымъ отгѣнкомъ. На перьяхъ верхней части туловища передъ кончикомъ по широкой ржаво-бурой полосѣ, далѣе идутъ свѣтло-желтыя полосы, а затѣмъ темно-бурыя. Большія покровныя перья зеленовато-сѣро-желтыя съ черно-бурыми каемками; область горла чало-желтая съ красноватымъ отгѣнкомъ; верхняя часть груди яркаго кирпичнаго цвѣта; двѣ узкія черныя полосы ограничиваютъ ее сверху и внизу; брюшко бѣлое. Маховыя перья сѣрыя съ черными стволами и темно-сѣрой нижней поверхностью; на плечахъ перья снаружи окрашены въ зеленоватый желто-сѣрый цвѣтъ, а съ внутренней стороны—въ чало-сѣрый; у хвостовыхъ перьевъ наружная часть опахала сѣрая съ желтыми полосами, внутренняя—сѣрая, а конецъ бѣлый; у крайней пары—наружная часть опахала также бѣлая, а у слѣдующихъ желтовато-бѣлая. Удлиненныя хвостовыя перья окрашены такъ-же, какъ и перья плечъ, но полосы на нихъ выражены слабѣе. Самка окраской въ общемъ напоминаетъ самца, но ее легко можно отличить по мелкой поперечной полосатости всей верхней стороны тѣла, по двойной верхней шейной полосѣ, ограничивающей желтовато-сѣрое поле, и по бѣлому горлу. Каждое перышко спины украшено тоненькими, красивыми полосками. У основанія полосы темно-бурыя на тѣлесно-красноватомъ фонѣ, а на кончикѣ онѣ болѣе широкія синеvато-сѣрыя, песчано-желтыя и бурыя. Окраска концовъ кроющихъ перьевъ крыла разнообразится тѣмъ, что конечныя полосы бывають на нихъ то свѣтло-желтыми, то свѣтло-коричневыми, то черно-бурыми. У перьевъ, покрывающихъ кисть, только наружная половина опахала имѣетъ черно-бурюю каемку. Глаза у кхаты каріе, клювъ свинцово-сѣрый, ноги буроватыя. Самецъ имѣетъ въ длину 37 см., благодаря удлиненнымъ хвостовымъ перьямъ, размахъ крыльевъ 60, длина крыла 19, а хвоста—13 см.

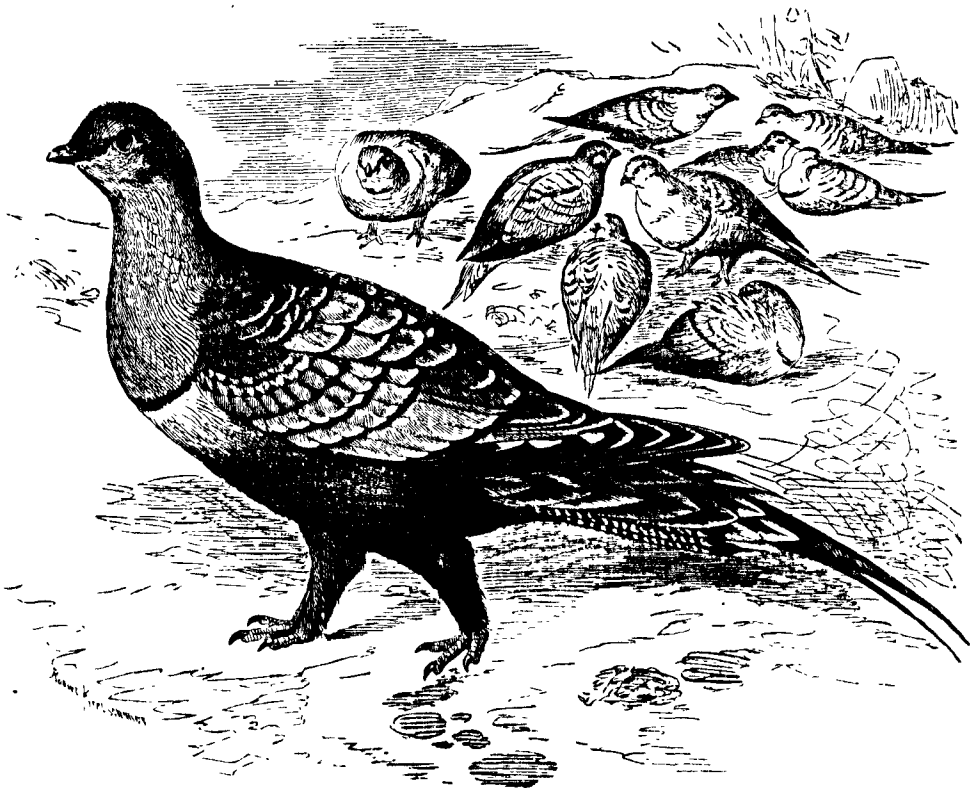
Подражательная песчаная окраска достигаетъ полного совершенства у третьяго вида описываемыхъ нами птицъ, называемаго **Сенегальскимъ рябкомъ** (*Pterocles exustus*, *P. senegalensis*, *Sandflughuhn*, *Pterocle du Sénégal*). Общій цвѣтъ его оперенія—красивый красновато-буланый, переходящій на щекахъ, лицѣ и кроющихъ перьяхъ крыла въ ярко-желтый, а на спинѣ приобретающій зеленоватый отливъ. Цвѣтъ этотъ отдѣляется узкой черной полоской, начинающейся на бо-

гахъ шеи и проходящей поперекъ верхней части груди, отъ темной шоколадно-бурой нижней части груди и брюшка. Опереніе пятокъ и нижнихъ покровныхъ перьевъ хвоста буланое. На концѣ каждого изъ небольшихъ покровныхъ перьевъ крыла находится по шоколадно-бурому пятну, имѣющему видъ полосы. Большая маховая перья черныя, а, начиная съ третьяго, кончикъ и внутренняя половина опахала у нихъ бѣлыя; оба среднихъ хвостовыхъ пера, сильно удлиненыя и съ тонкими вытянутыми кончиками, окрашены въ буровато-желтый цвѣтъ, а боковыя перья хвоста темно-бурыя съ болѣе свѣтлыми пятнами и полосами. Глаза темно-каріе; широкое голое кольцо вокругъ глаза лимонно-желтое; клювъ и пальцы свинцоваго цвѣта. Птица достигаетъ 33 см. въ длину, размахъ крыльевъ 60, длина крыла 19; хвоста 14 см. У самки буланный фонъ верхней стороны испещренъ болѣе темными пятнами и полосками; голова (кромѣ горла и области уха), затылокъ и шея сѣровато-буро-желтые съ темными пятнами, напоминающими капли. Грудная полоса едва замѣтна; брюшко бурое съ черными полосами; средняя рулевая перья только немного длиннѣе другихъ.

Ганга и кхата живутъ приблизительно въ однихъ и тѣхъ-же мѣстностяхъ, сенегальскій же рябокъ водится въ болѣе южныхъ странахъ. Изъ европейскихъ странъ только Испанія можетъ считаться родиной рябковъ; хотя ганга и встрѣчается въ другихъ странахъ южной Европы и даже въ средней Германіи, но какъ ее, такъ и другіе виды, иногда появляющіеся здѣсь, слѣдуетъ считать только случайно залетѣвшими сюда гостями, тогда какъ оба вышеупомянутые вида должны быть причислены къ наиболѣе характернымъ для Испаніи птицамъ и въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Иберійскаго полуострова встрѣчаются точно такъ-же часто, какъ другіе или тѣ-же виды въ Азіи и Африкѣ. Какъ и слѣдуетъ ожидать, родина этихъ птицъ обнимаетъ очень обширную полосу Стараго Свѣта. Ганга и кхата встрѣчаются во всѣхъ пустынныхъ мѣстностяхъ сѣверо-западной Африки, къ востоку—до Туниса; онѣ распространены также въ большей части Азіи, а именно по всему степному району, и по крайней мѣрѣ зимой довольно правильно появляются въ Индіи. Впрочемъ, здѣсь такъ-же, какъ и въ сѣверо-восточной и центральной Африкѣ представителемъ описываемаго нами рода является также сенегальскій рябокъ и его родичи, выводящіе въ этихъ странахъ птенцовъ. Вальтеръ въ мартѣ 1887 г. наблюдалъ кхатъ во время перелета ихъ на Аму-Дарьѣ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль. Вотъ что онъ говоритъ объ этомъ случаѣ: «Стаи штукъ въ 8—60 и до 80 летѣли тогда одна за другой черезъ Аму-Дарью съ утра до вечера, направляясь какъ разъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Во время періода размноженія эти рябки очевидно живутъ у подножія Бухарскихъ горъ. Невозможно хоть приблизительно опредѣлить число этихъ быстро пролетающихъ птицъ. Во всякомъ случаѣ не будетъ преувеличеніемъ говорить о сотняхъ тысячъ и даже милліонахъ ихъ. Своеобразный крикъ и свистящій шумъ отъ удара ихъ крыльевъ покрывали всѣ остальные звуки, обыкновенно слышимые въ этой мѣстности. Ночью все стихало, но рано утромъ снова подымался шумъ». Въ Испаніи рябки водятся въ Андалузіи, Мурціи, Валенціи, въ обѣихъ Кастиліяхъ и Арагоніи; но въ каждой провинціи обыкновенно преобладаетъ какой-нибудь одинъ видъ. То же самое можно сказать объ Африкѣ, а, по словамъ Жердона, и объ Индіи: различные виды живутъ по сосѣдству другъ отъ друга, но не вмѣстѣ.

Всѣ рябки живутъ исключительно въ пустыняхъ или степяхъ; на поляхъ они появляются только послѣ жатвы. Любимымъ ихъ мѣстопребываніемъ служатъ

равнины, покрытыя сухой и жесткой африканской травой, въ особенности запущенныя поля. Въ Испаніи они водятся въ такихъ же мѣстахъ: здѣсь они встрѣчаются главнымъ образомъ въ такъ называемыхъ «кампо», т. е. поросшихъ мелкою травой равнинахъ, представляющихъ изъ себя почти ту же пустыню. Рябки старательно избѣгаютъ лѣсистыхъ мѣстностей и, наоборотъ, повидимому, очень хорошо чувствуютъ себя въ мѣстахъ, поросшихъ низкимъ и рѣдкимъ кустарникомъ, какъ это бываетъ въ африканскихъ степяхъ. Они боятся густого лѣса, такъ какъ подвергаются въ немъ опасности, благодаря тому, что при очень быстромъ полетѣ они довольно неповоротливы на лету; тамъ же, гдѣ возвышаются только отдѣльные кусты и деревья, птицы эти всегда имѣютъ достаточно пространства, чтобы

Сенегальскій рябокъ. *Pterocles exustus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

двигаться вполне свободно. Они всегда избираютъ для своего мѣстопребыванія такія мѣстности, цвѣтъ почвы которыхъ какъ можно болѣе подходитъ къ окраскѣ ихъ оперенія: красновато-сѣрая окраска ганги чрезвычайно сходна съ цвѣтомъ глинистыхъ «кампо» Испаніи и пестрыхъ степей Азіи, а ярко-желтый цвѣтъ оперенія сенегальскаго рябка трудно отличить отъ почти золотистаго песка пустыни.

Что касается до характера и поведенія, то всѣ рябки чрезвычайно сходны другъ съ другомъ. Своей легкой и красивой походкой они напоминаютъ скорѣе куръ, чѣмъ голубей, но все-таки они бѣгаютъ немного въ прыжку, а не такъ ровно, какъ куры. При ходьбѣ они довольно высоко поднимаютъ туловище, держатъ пятки прямо и медленно выставляютъ одну ногу за другой, причемъ не киваютъ головой при каждомъ шагѣ, какъ это дѣлаютъ голуби. Ихъ шумный и стремительный полетъ представляетъ рядъ ровныхъ, быстро слѣдующихъ другъ за другомъ

ударовъ крыльями, и напоминаетъ до известной степени полетъ голубей, но еще гораздо болѣе полетъ рянокъ. Рябки совсѣмъ не парятъ, какъ это дѣлаютъ голуби, и, только опускаясь на землю, они скользятъ по воздуху, не ударя крыльями. Взлетая, они какъ бы взбираются быстро по воздуху, почти по вертикальной линіи и, только достигнувъ известной высоты, летятъ уже въ одной и той же плоскости, очень своеобразно качаясь изъ стороны въ сторону, причемъ концы крыльевъ попеременно то поднимаются, то опускаются надъ горизонтальной линіей; они летятъ обыкновенно, не приближаясь на разстояніе выстрѣла, всегда совсѣмъ близко другъ къ другу, т. е. густыми стаями, и на лету все время кричатъ. Въ самой стаѣ не бываетъ замѣтно почти никакихъ измѣненій; каждая птица строго придерживается своего мѣста и летитъ все время на одинаковомъ разстояніи отъ другихъ. Совсѣмъ незамѣтно, чтобы однѣ пробирались впередъ, другія отставали, чтобы затѣмъ, можетъ быть, снова попасть въ авангардъ, какъ это иногда замѣчается у другихъ птицъ.

Какъ замѣтилъ Гааке, рябки могутъ надувать зобъ подобно голубямъ. Голосъ ихъ настолько характеренъ, что его невозможно смѣшать съ голосомъ другихъ птицъ. Арабское названіе «кхата» или вѣрнѣе «кхадда» есть подражаніе крику, издаваемому ими на лету; когда же они бѣгаютъ по землѣ, то издають гораздо болѣе вѣжные и тихіе звуки, которые можно приблизительно передать слогами «глюк» или «пук», при помощи которыхъ они, повидимому, переговариваются другъ съ другомъ. Какъ ни сходны крики различныхъ видовъ рябковъ, все же, при внимательномъ наблюденіи, можно найти между ними известныя различія, которыя нельзя передать словами. Впрочемъ, это можно сказать не о всѣхъ видахъ. Такъ напримѣръ, африканскій Рябокъ Лихтенштейна (*Pterocles Lichtensteinii. Streifenflughuhn*) вмѣсто «кхадда кхадда» издаетъ очень пріятные звуки, которые я передаю слогами «кюлю кюлю кюлю ер», причемъ я записалъ этотъ крикъ тотчасъ же послѣ того, какъ услышалъ его.

Относительно развитія внѣшнихъ чувствъ и духовныхъ способностей рябковъ трудно высказать вполне опредѣленное мнѣніе. Въ томъ, что у нихъ острое зрѣніе, скоро убѣждается всякій охотникъ; что у нихъ хорошо развитъ слухъ, видно изъ того, какъ внимательно они прислушиваются къ самому незначительному шуму, особенно къ доносящемуся издали призывному крику своихъ сотоварищей; но насколько развиты у нихъ другіе органы чувствъ, я не рѣшаюсь сказать. Многие факты доказываютъ, что понятливость рябковъ можетъ совершенствоваться. Они сознаютъ и цѣнятъ сходство ихъ окраски съ цвѣтомъ почвы, на которой они живутъ, такъ какъ они отлично умѣютъ пользоваться этимъ сходствомъ. Они проявляютъ известную хитрость и видно, что, благодаря опыту, она еще болѣе развивается; эти въ сущности доврчивыя созданія, если ихъ преслѣдуютъ, вскорѣ становятся чрезвычайно пугливыми и осторожными и притомъ всегда бываютъ болѣе боязливы, когда соединяются въ большія стаи, чѣмъ когда встрѣчаются по одиночкѣ или небольшими обществами. Это доказываетъ, что наиболѣе умные изъ нихъ обладаютъ известною опытностью, которая ими передается остальнымъ.

Характеръ ихъ представляетъ смѣшеніе самыхъ противоположныхъ качествъ. Они чрезвычайно общительны, но въ то же время, строго говоря, каждый изъ нихъ заботится только о себѣ; они живутъ въ полномъ мирѣ со всевозможными птицами, но иногда бываютъ придирчивы и завистливы, подобно голубямъ, безъ всякой видимой причины. Другъ съ другомъ они живутъ обыкновенно мирно, но по временамъ вступаютъ въ единоборство и тогда храбро сражаются, хотя имъ,

конечно, въ этомъ отношеніи далеко до пѣтуховъ, храбрость которыхъ вошла давно въ поговорку; драки между рябками никогда не кончаются смертью одного изъ противниковъ.

Въ ихъ ежедневномъ времяпрепровожденіи замѣчается большая правильность: за исключеніемъ полуденныхъ и полуночныхъ часовъ они постоянно чѣмъ-нибудь заняты или по-крайней мѣрѣ бодрствуютъ. Рябка Лихтенштейна я видѣлъ въ движеніи въ теченіи всего дня и во всѣ часы ночи. Я былъ немало удивленъ, слыша его благозвучный голосъ въ поздніе ночные часы и видя при блѣдномъ свѣтѣ луны, какъ стаи этихъ птицъ летѣли на водопой къ небольшому источнику. Я не могу сказать, такъ ли подвижны и остальные виды рябковъ, или лунный свѣтъ оказываетъ такое вліяніе только на рябковъ Лихтенштейна. Вотъ, что я замѣтилъ общаго для всѣхъ тѣхъ видовъ, которыхъ самъ наблюдалъ. Еще до восхода солнца бываетъ слышно, какъ они перекликаются между собой, а какъ только разсвѣтеть, можно видѣть, какъ они хлопотливо бѣгаютъ среди низкихъ кустиковъ травы и отыскиваютъ пищу. Если ихъ не побеспокоятъ, то они занимаются этимъ непрерывно до 9 час. утра; послѣ этого они улетаютъ на водопой, смотря по времени года немного раньше или позже. Въ теченіи часа ихъ слетается нѣсколько тысячъ; если мѣстность бѣдна водой, то всѣ эти тысячи располагаются около какой-нибудь небольшой лужи; если же въ окрестности протекаютъ рѣчки, то отдѣльныя стаи опускаются на удобныхъ мѣстахъ по берегу. Онѣ устремляются съ высоты въ косвенномъ направленіи къ водопою, быстро подбѣгаютъ къ водѣ, пьютъ 3—4 быстрыми глотками и поднимаются или прямо отъ воды, или же добѣжавъ сначала до того мѣста, на которомъ опустились, причемъ по пути они еще подберутъ нѣсколько кварцевыхъ зеренъ, а иногда даже немного отдохнуть. Каждая стая направляется затѣмъ снова въ ту же сторону, откуда прилетѣла и, вѣроятно, возвращается на то же мѣсто, на которомъ искала раньше пищу. Зобъ убитыхъ у водопою рябковъ оказывается набитымъ зернами до такой степени, что покрывающія его снаружи перья торчатъ въ стороны. Утоливъ жажду, они предаются покою, во время котораго совершается пищевареніе. Вся вереница рябковъ, раздѣлившись на группы, отдыхаетъ, расположившись или въ вырытыхъ ими самими углубленіяхъ, или же прямо на пескѣ. Обыкновенно они лежатъ на брюшкѣ плашмя, но иногда ложатся то на одинъ, то на другой бокъ, причемъ выпрямляютъ одно крыло и грѣются его на солнцѣ. Во время отдыха они не перекликаются другъ съ другомъ; но крикъ снова подымается, какъ только они замѣтятъ что-нибудь подозрительное. Въ послѣдующія часы они еще разъ занимаются исканіемъ пищи, а между 4—6 часами обѣденные часы они еще вторично на водопой. И на этотъ разъ та же стая остается здѣсь всего нѣсколько минутъ, а затѣмъ уже прямо отправляется на мѣсто ночлега. Впрочемъ, случается иногда, что это мѣсто они выбираютъ въ непосредственной близости ручья, служащаго имъ водоемомъ, что мнѣ пришло наблюдать однажды, конечно въ мѣстности, гдѣ люди никогда не беспокоятъ этихъ птицъ.

Только тамъ, гдѣ рябковъ преслѣдуютъ, они бываютъ пугливы. Среди же пустыни, гдѣ рѣдко встрѣчаются люди, они подпускаютъ къ себѣ на разстояніе всего нѣсколькихъ шаговъ человѣка, ѣдущаго на верблюдѣ. Даже пѣшеходу нетрудно приблизиться къ нимъ, если только онъ во время замѣтитъ ихъ и употребитъ хитрость, всегда пускаемую въ ходъ охотниками, т. е. сдѣлаетъ видъ, что проходитъ мимо, не обращая на нихъ вниманія. Но именно замѣтить-то ихъ и трудно. Нужно имѣть очень острое зрѣніе для того, чтобы увидать ихъ. Я охотился сотни разъ на рябковъ и убивалъ ихъ, но каждый разъ я долженъ былъ изумляться ихъ умѣнью скрываться отъ взоровъ. При этомъ ихъ подража-

тельная окраска оказываетъ имъ большія услуги. Рябку стоитъ только прижаться къ землѣ, цвѣтъ которой передаетъ опереніе его до мельчайшихъ тонкостей, а затѣмъ сидѣть спокойно на мѣстѣ, и тогда онъ какъ бы совсѣмъ сливается съ окружающей его почвой; нѣтъ никакой возможности отличить его отъ земли. Этимъ способомъ рябки всегда обманываютъ неопытныхъ охотниковъ. У кого очень хорошіе глаза и кто привыкъ внимательно наблюдать окружающее, тотъ, приближаясь къ ряду отдыхающихъ на землѣ рябковъ, открываетъ нѣсколькихъ старыхъ самцовъ, которые, высоко вытянувъ шею, осматриваютъ пришельца. Подходя ближе, онъ замѣчаетъ, какъ вдругъ эти сторожа, а вмѣстѣ съ ними и весь рядъ остальныхъ рябковъ становятся невидимыми, какъ только прижмутся къ землѣ. Каждая пролетающая хищная птица, каждое живое существо, появляющееся по близости этихъ птицъ и почему-либо кажущееся имъ подозрительнымъ, превращаетъ такимъ образомъ сотни рябковъ въ сотни простыхъ кучекъ, настолько похожихъ на песокъ, что каждый разъ поневолѣ удивляешься, когда видишь, какъ съ мѣста, гдѣ раньше не замѣчалъ ничего, кромѣ песку, съ шумомъ поднимается стая большихъ птицъ.

Пища рябковъ состоитъ почти исключительно изъ сѣмянъ. Тамъ, гдѣ по близости пустыни есть поля, имъ иногда нетрудно бываетъ собирать зерна; такъ, напримѣръ, во всей сѣверо-восточной Африкѣ они цѣлыми мѣсяцами питаются одной только дуррой; въ Испаніи они опустошаютъ поля, засѣянные пшеницей, маисомъ и викою; въ Индіи они являются послѣ жатвы на высушенные солнцемъ рисовыя поля. Но въ пустынѣ и степяхъ болѣе или менѣе обильную пищу имъ доставляютъ только колосья немногихъ видовъ травъ, и совершенно непонятно, какимъ образомъ имъ удастся здѣсь наполнить свой обширный зобъ. Я не знаю, ѣдятъ-ли они насѣкомыхъ; насколько мнѣ помнится, я всегда находилъ въ ихъ желудкѣ одни только зерна. Въ неволѣ они охотно ѣдятъ муравьиныя яйца.

Въ южной Европѣ и сѣверной Африкѣ рябки размножаются въ началѣ дождливаго времени года, замѣняющаго здѣсь весну; въ южной Индіи, по словамъ Жердона, періодъ размноженія приходится на мѣсяцы между декабремъ и маемъ, а въ средней Индіи онъ начинается нѣсколько позже. Мнѣ только разъ удалось получить яйца рябка, но я самъ не имѣлъ возможности дѣлать наблюденія надъ размноженіемъ этихъ птицъ. Наблюдая рябковъ, живущихъ на свободѣ, я пришелъ къ тому заключенію, что всѣ они, подобно голубямъ, живутъ въ одноженствѣ, и поведеніе содержащихся въ неволѣ кхатъ еще болѣе утвердило меня въ этомъ мнѣніи. Парочки всегда живутъ вмѣстѣ, но каждый плѣнный самецъ спаривается только съ одной самкой. При этомъ онъ не принимаетъ различныхъ позъ и не производитъ разныхъ движеній и звуковъ, которые такъ характерны для самцовъ куриныхъ; рябокъ-самецъ, подобно голубямъ, бѣгаетъ вокругъ избранной имъ самки и выражаетъ свои чувства, растопыривая перья, раскрывая или приподнимая крылья и иногда расширяя хвостъ. И онъ также въ періодъ любви отличается драчливостью. Обыкновенно рябокъ-самецъ очень миролюбивъ и только изрѣдка ссорится со своими товарищами, но съ наступленіемъ періода спариванія онъ яростно преслѣдуетъ всякаго самца и даже каждую другую птицу, которая подходитъ къ его возлюбленной. Всякаго, осмѣлившагося приблизиться, жаворонка, съ которымъ онъ прежде жилъ въ полномъ согласіи, рябокъ предупреждаетъ теперь о своихъ вредящихъ намѣреніяхъ сердитымъ крикомъ «дрод дро дра дра», причемъ принимаетъ воинственную позу (опускаетъ голову, приподнимаетъ крылья) и, если жаворонокъ не обращаетъ на это вниманія, то онъ прогоняетъ его. На другого самца ревнивецъ бросается бѣгомъ, низко опустивъ голову, вытянувъ шею

и поднявъ хвостъ, причеъ однако крылья и перья гладко прилегаютъ у него къ туловищу; судя по тому, какъ быстро улетаетъ противникъ, можно заключить, что драки между ними бываютъ серьезныя.

О постройкѣ гнѣздъ, числѣ яицъ и высиживаніи ихъ мы имѣемъ свѣдѣнія отъ Тристрама и Жердона. Первый изъ нихъ сообщаетъ, что ганга, какъ и прочіе извѣстные ему виды, несетъ всегда не болѣе и не менѣе трехъ яицъ: я же долженъ замѣтить, что мнѣ было разъ доставлено изъ одного гнѣзда 4 штуки яицъ, и Жердонъ также утверждаетъ, что кладка состоитъ изъ 3 или 4 яицъ. По описанію арабовъ гнѣздо рябковъ представляетъ незначительное углубленіе, вырытое въ песокъ и не снабженное никакой подстилкой. Ирби замѣчаетъ, что яйца рябковъ были найдены имъ въ мѣстности, совершенно лишенной деревьевъ и что они лежали прямо на песокѣ, такъ что собственно нельзя и говорить о настоящемъ гнѣздѣ. Адамсъ-же утверждаетъ, что рябки, вырвыши простое углубленіе въ песокъ, стараются защитить его, обкладывая по краямъ сухой травой; онъ говоритъ, что въ юнѣ нашелъ нѣсколько старыхъ гнѣздъ. Всѣ яйца извѣстныхъ до сихъ поръ видовъ въ высшей степени похожи другъ на друга. Окраской они напоминаютъ окружающую ихъ почву; они симметричны, т. е. почти одинаково закруглены съ обоихъ концовъ, съ грубой скорлупой, которая, несмотря на сильную зернистость и глубокія поры, имѣетъ гладкій и блестящій видъ. Основной цвѣтъ ея свѣтлый буро-желтый, чистый или съ зеленоватымъ и красноватымъ оттѣнкомъ. Большая пятна, выступающія на этомъ фонѣ, бываютъ фіолетово-сѣрыя, различныхъ, какъ свѣтлыхъ, такъ и темныхъ оттѣнковъ; кромѣ того на яйцѣ есть еще желто-бурый или красно-бурый рисунокъ. Всѣ эти пятна довольно равномерно распредѣлены по поверхности скорлупы и крупныя перемѣшаны съ небольшими и совѣмъ маленькими. Яйцо ганги имѣетъ 48 мм. въ длину, а яйцо кхаты — 44 мм.; поперечникъ ихъ равняется 32—28 мм. Такъ описываетъ Бальдамусъ видѣныя имъ яйца рябковъ.

Если кладка состоитъ изъ 3 яицъ, то два изъ нихъ лежатъ одно передъ другимъ а третье рядомъ и по одному направленію съ ними. По словамъ Тристрама, во время высиживанья рябокъ лежитъ на одномъ боку и прикрываетъ яйца распростертымъ крыломъ, что придаетъ ему очень странный видъ. Тристрамъ считаетъ, что птица принуждена принимать такое положеніе вслѣдствіе того, что у нея очень высокъ гребень грудной кости; я же полагаю, что эту позу она приняла случайно во время отдыха. О птенцахъ рябковъ мнѣ извѣстно только одно сообщеніе Барлэта, да и то касается птенцовъ, выведенныхъ въ клѣткѣ, а не на волѣ. Вотъ, что онъ говоритъ по этому поводу: «Въ птичникѣ Лондонскаго зоологическаго сада кхата уже неразъ несла яйца и пробовала высиживать ихъ; но ни разу ей не удавалось вывести птенцовъ. Пяконецъ въ началѣ августа 1865 г. она снесла два яйца въ небольшомъ углубленіи песчаной почвы птичника, стала ревностно высиживать ихъ и 29 августа изъ нихъ благополучно вылупились птенцы. Это были созданія довольно подвижныя, хотя и не въ такой степени, какъ цыплята и птенцы фазановъ и тетеревей. Они были сильны и бодры и порядочно выросли, но умерли все таки еще до окончанія роста». Приложенный къ этому разсказу рисунокъ даетъ намъ понятіе о первомъ пуховомъ покровѣ этихъ птенцовъ; другого, такого-же изъяснаго, пожалуй, трудно найти. Основной цвѣтъ пуха на верхней сторонѣ темный песочно-желтый. Этотъ фонъ испещренъ темными лунообразными пятнами и раздѣленъ на нѣсколько равныхъ полей бѣлыми полосами, оттѣненными темными каемками. На головѣ одна полоса проходитъ по срединѣ и двѣ надъ бровями. отъ широкой синней подосы отдѣляются двѣ болѣе узкія вѣтви, заворачиваю-

пциясь въ бокъ, а затѣмъ снова направляющіяся впередъ и такимъ образомъ ограничивающія четыре среднихъ поля, два же нижнія ограничиваются этими полосами и свѣтлой окраской нижней стороны. Крылья также окрашены дугообразными полосами. Посреди вышеупомянутыхъ песочно-желтыхъ полей есть еще отдѣльныя, маленькія, круглыя бѣлыя пятна. Нижняя сторона вся сплошь желтовато-бѣлая.

Злѣйшимъ врагомъ рябковъ, какъ и многихъ другихъ птицъ, является чело-вѣкъ. Я слышалъ, что имъ бываетъ опасенъ соколъ, а ночью также степная лисица. Пока они еще не сдѣлались пугливыми, добыть ихъ бываетъ нетрудно, такъ какъ обыкновенно они слишкомъ полагаются на свою раздражительную окраску. Я помню, что однажды убилъ 14 штукъ однимъ выстрѣломъ. Но они выдерживаютъ очень сильный зарядъ, и тѣ изъ нихъ, которые не равены въ самыя опасныя мѣста или въ крыло, обыкновенно поднимаются и поспѣваютъ улетѣть очень далеко прежде, чѣмъ свалятся мертвыми на землю. Совсѣмъ иначе держатъ себя рябки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ сильно преслѣдуютъ; здѣсь, чтобы охотиться на нихъ, приходится уже отыскивать мѣсто, куда они летаютъ на водопой, и поджидать ихъ въ засадѣ.

«Такъ какъ испанцы любятъ мясо рябковъ», говоритъ братъ мой Рейнгольдъ. «то этихъ птицъ всячески преслѣдуютъ и онѣ становятся, вслѣдствіе этого, очень пугливыми и осторожными. Ихъ стрѣляютъ всегда изъ засады на тѣхъ мѣстахъ, куда онѣ летаютъ на водопой. Обыкновенно онѣ избираютъ мѣста наиболѣе близкія къ истоку рѣки или ручья и потому, чтобы утолить жажду, отправляются въ горы или, по-крайней мѣрѣ, въ возвышенныя мѣстности. Разъ избравши мѣсто водопоя, рябки возвращаются на него ежедневно въ извѣстный часъ, такъ что охотникъ можетъ рассчитывать навѣрняка застать ихъ здѣсь въ это время. Онъ хорошенько прячется вблизи того мѣста, гдѣ на пескѣ около воды виднѣются слѣды ихъ ногъ. Всего удобнѣе бываетъ спрятаться въ хижинкѣ, обложенной камнями; во всякомъ случаѣ охотникъ долженъ быть на мѣстѣ еще за часъ или полтора до прилета рябковъ. Изъ Арчена, мѣста извѣстнаго купаньями, гдѣ я провѣлъ двѣ недѣли, я отправился на второй день Троицы на охоту за 1½ мили въ Кампо-де-Улеа; это — пустынная мѣстность, въ которой изъ птицъ встрѣчаются почти исключительно щурки, хохлатые жаворонки и каменки. Около 7 часовъ мы пришли къ руслу дождевого потока, у котораго обыкновенно утоляли жажду рябки. Одинъ пастухъ точно указалъ намъ это мѣсто и устроилъ близъ него хижинку. По обѣимъ сторонамъ русла, подобно стѣнамъ, поднимались крутыя скалы, на которыхъ росли кусты олеандровъ, усыпанные роскошными цвѣтами. Только мѣстами виднѣлись лужи грязной воды, а кое-гдѣ уже замѣтны были на пескѣ слѣды рябковъ. Послѣ 3½ часа ходьбы эти слѣды стали болѣе многочисленны, и вскорѣ мы дошли до старательно сложенныхъ изъ камней хижинокъ, стоявшихъ уже вблизи проточной воды. Тутъ охотникъ еще разъ растолковалъ намъ важнѣйшія правила охоты, а именно, что слѣдуетъ смиренно сидѣть въ засадѣ, заравѣе зарядивъ ружье и направивъ дуло на воду, чтобы потомъ не дѣлать лишнихъ движеній. такъ какъ, по его словамъ, ганга, или, какъ зовутъ ее здѣсь, «хурра» — птица очень пугливая и хитрая. По словамъ охотника, рябки, подлетѣвши, первыми дѣломъ внимательно осматриваютъ мѣстность и уже только тогда устремляются внизъ къ водѣ; опустившись, они плотно прижимаются къ землѣ, прикладывая къ ней ухо, чтобы лучше слышать все происходящее вокругъ. Затѣмъ они быстро дѣлаютъ нѣсколько шаговъ по направленію къ водѣ, трижды опускаютъ въ нее клювъ и, напившись съ трехъ большихъ глотковъ, улетаютъ такъ же бы-

стро, какъ и появляются. Я просидѣлъ въ засадѣ нѣкоторое время, какъ вдругъ услышалъ надъ собой крикъ «чюрр», а вскорѣ увидѣлъ и трехъ рябковъ, перелетавшихъ на возвышенномъ мѣстѣ. Вслѣдъ за ними появлялись вскорѣ два другіе рябка, которые подлетѣли съ тѣми же предосторожностями и затѣмъ съ шумомъ, напоминающимъ жужжаніе, быстро опустились на землю, какъ разъ около того мѣста, гдѣ я сидѣлъ въ засадѣ. Они вели себя совершенно такъ, какъ описывали намъ охотники. Когда они во второй разъ опустили клювъ въ воду, я прицѣлился и выстрѣлилъ; только самка осталась на мѣстѣ, а тяжело раненый самецъ улетѣлъ такъ далеко, что мы уже не могли его достать».

Ловля рябковъ, повидимому, выгоднѣе охоты на нихъ съ ружьемъ. «Рябки», говоритъ Болле, «благодаря своимъ короткимъ ножкамъ, никогда не переступаютъ добровольно черезъ болѣе или менѣе крупные камни, а всего охотнѣе бѣгаютъ по совершенно ровнымъ мѣстамъ. Поэтому, если устроить имъ дорогу къ водѣ, расположить камни въ два ряда такъ, чтобы между ними оставался проходъ, какъ разъ достаточно широкій, чтобы по нему могла пройти ганга, и укрѣпить на этой дорогѣ нѣсколько петель,—то многія изъ птицъ попадаютъ живьемъ».

Въ неволѣ эти, обыкновенно пугливыя, птицы становятся очень ручными. «Я содержалъ», рассказываетъ мой братъ, «пару гангъ въ своей комнатѣ больше года. Большую часть дня онѣ проводили внѣ клѣтки, бѣгая на свободѣ, и имъ не приходило въ голову улетѣть черезъ открытое окно, хотя онѣ взлетали на столъ, бѣгали по нему, подбирали крошки или ѣли у меня изъ руки. Рано утромъ меня будилъ самецъ своимъ крикомъ, очень напоминающимъ воркованіе голубя; часто я слышалъ этотъ крикъ и ночью, изъ чего можно заключить, что рябки и на свободѣ бодрствуютъ по ночамъ. Очень забавно было смотрѣть, какъ самка, послѣ того, какъ она вполне ознакомилась со своимъ мѣстомъ заключенія и всѣмъ окружающимъ, обращалась съ незнакомыми людьми и животными. Если къ ней подходилъ кто-нибудь незнакомый, то она оттопыривала головныя и спинныя перья, издавала сердитое «гур-гур-гурр» и, вытянувъ шею, направлялась на прищельца, а если онъ не отступалъ, то клевала его въ ноги или руки, награждая при этомъ сильными ударами крыльевъ. Собакъ и кошекъ она всегда прогоняла такимъ образомъ изъ комнаты. Самецъ рѣже велъ себя такъ воинственно и только, если его загоняли совсѣмъ въ уголъ, защищался клювомъ и крыльями. Съ другими птицами мои рябки жили въ мирѣ. Я держалъ ихъ вмѣстѣ съ жаворонками, дроздами и другими маленькими птицами и никогда не случалось, чтобы они поссорились или чтобы рябки воспользовались правомъ сильнаго». Ганги, которыхъ я содержалъ, безъ всякаго неудобства или вреда для здоровья переносили холодъ въ 25° Ц. Гораздо вреднѣе холода для нихъ сырость. Къ дождю они очень чувствительны и потому въ дождливые дни ихъ слѣдуетъ держать въ закрытомъ помѣщеніи, такъ какъ они слишкомъ глупы для того, чтобы войти въ клѣтку, въ которой ночуютъ, и спрятаться въ ней отъ дождя.

Отрядъ IV.

Куриныя птицы. (Alectoridornithes).

Окенъ раздѣляетъ классъ птицъ на два главныхъ отдѣла или «ступени»: птенцовыхъ и выводковыхъ птицъ. «Я обращаю вниманіе», говоритъ онъ, «на развитіе птицъ. Однѣ выходятъ изъ яйца голыми и слѣпыми и потому должны быть долго выкармливаемы. Ихъ я называю птенцовыми. Другія выходятъ изъ яйца уже значительно оперенными и зрячими и могутъ почти тотчасъ же бѣгать и отыскивать пищу. Ихъ я называю выводковыми. Походка первыхъ состоитъ изъ прыжковъ, походка вторыхъ изъ шаговъ. Ихъ можно было бы назвать прыгающими и шагающими птицами. Первые держатся всегда высоко на воздухѣ и ихъ главное движеніе—летаніе; послѣднія держатся всегда на землѣ и на водѣ и летаютъ лишь въ случаѣ нужды; поэтому ихъ можно было бы называть летунами и бѣгунами. Первые связаны съ тѣмъ или другимъ родомъ пищи, питаются сѣменами и плодами, находящимися еще на растеніяхъ, или быстро двигающимися животными, вторыя питаются всевозможной пищею, опавшими сѣменами и плодами и по большей части медленно ползающими животными, какъ напримѣръ улитками и червями, рыбами, земноводными птицами и млекопитающими, варенымъ мясомъ и овоцами; вслѣдствіе этого ихъ можно было бы назвать «однородными» и всеядными. Далѣе первыя почти все малы и большинство ихъ не достигаетъ величины вороны; послѣднія, напротивъ, по большей части больше курицы; первыя спятъ стоя, вторыя прилѣвши и т. д.» Нельзя не признать, что эти различія дѣйствительно обоснованы и важны; но для установленія систематики описываемаго класса они имѣютъ лишь второстепенное значеніе. Многія «шагающія, бѣгуны, всеядныя, ходящія, спящія стоя» и т. д., какъ Окенъ называлъ ихъ,—птенцовыя, а не выводковыя птицы; намъ пришлось бы слѣдовательно разъединять близкихъ родичей, если-бы мы захотѣли буквально принять воззрѣніе Окена. Тѣмъ не менѣе взгляды, развитыя этимъ талантливымъ изслѣдователемъ, заслуживаютъ вниманія, и я во всякомъ случаѣ не могу не упомянуть, что въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется заниматься преимущественно выводковыми птицами. Куриныя, которыхъ мы собираемся описывать, безъ сомнѣнія, вполнѣ могутъ быть названы выводковыми, какъ бы разнообразны ни были ихъ формы. Очень трудно и для нашихъ цѣлей излишне описывать общіе признаки этого отряда. Фюрбрингеръ соединяетъ въ немъ столь различныя формы, какъ обыкновенныхъ и скрытохвостыхъ куриныхъ, а также и без-

крыловъ. Каждое изъ этихъ названій означаетъ одинъ изъ подотрядовъ куриныхъ птицъ.

Обыкновенныя куриныя (Galliformes. Hühner), которыя составляютъ выше всего стоящій подотрядъ куриныхъ, имѣютъ плотное тѣлосложеніе съ короткими крыльями, сильными ногами и обильнымъ опереніемъ. Тѣло ихъ плотное, короткое, съ высокой грудью, шея короткая, самое большее средней длины; голова мала, клювъ, представляющій многочисленныя различія, обыкновенно коротокъ и едва равенъ половинѣ длины головы, но иногда и очень длиненъ, почти достигаетъ длины головы. Въ первомъ случаѣ онъ широкъ и высокъ, болѣе или менѣе сильно выпуклый и на концѣ загнутъ крючкомъ или по крайней мѣрѣ вытянутъ въ видѣ выпуклаго рогового ноготка; задняя часть его по большей части покрыта перьями, между которыми сидятъ узкія кожистыя чешуйки, закрывающія ноздри и иногда вдающіяся въ лобное опереніе; но въ видѣ исключенія эта часть клюва бываетъ покрыта восковицей, которая набухаетъ въ видѣ желвака передъ временемъ спариванія, а послѣ него снова спадаетъ. Ноги, самый важный органъ движенія куръ, всегда очень сильныя и по большей части средней вышины; лапы длиннопалыя; когти короткіе. Голень толста и мясиста, благодаря сильнымъ мускуламъ, которые прикрѣпляются здѣсь къ костямъ; плюсна толстая, лапы болѣе или менѣе развиты. Обыкновенно четыре пальца хорошо развиты, но иногда задній палецъ недоразвивается, такъ что остается лишь коготь, который только изрѣдка вполне исчезаетъ. У большинства куриныхъ, живущихъ на землѣ, задній палецъ, прирѣпленный выше остальныхъ, малъ; у древесныхъ куръ онъ, напротивъ, довольно великъ; у одной группы пальцы развиты въ поразительной степени. Когти, которые у отдѣльныхъ видовъ отъ времени до времени сбрасываются и замѣняются новыми, по большей части коротки, широки и тупы, иногда же длинны и узки, но всегда мало согнуты. Крылья обыкновенно короткія и въ такомъ случаѣ сильныя и выпуклыя, но въ видѣ исключенія они бываютъ и очень длинными. Кистевая часть крыла усажена 10 или 11, предплечіе 12—20 маховыми перьями. Хвостъ очень различнаго строенія и формы и состоитъ изъ 12—20 рулевыхъ перьевъ; онъ то коротокъ, то средней длины, то очень длиненъ и въ такомъ случаѣ сильно укороченъ по сторонамъ. Кроющія перья густо сидятъ рѣзко ограниченными полосами: одной спинной, которая отъ затылка доходитъ, не раздѣляясь, до надхвостной железы или, раздѣляясь позади лопатокъ, обхватываетъ лйцеобразное голое мѣсто; нижнія полосы раздѣляются на шеѣ на двѣ вѣтви, почти совершенно покрывающія бока груди, и образующія съ обѣихъ сторонъ по вѣтви, идущія параллельно плечевой полосѣ; на брюхѣ нижнія полосы сливаются въ среднюю; наконецъ передъ тазомъ замѣчаются двѣ сильно развитыхъ полосы перьевъ. Стержни кроющихъ перьевъ, которыя вообще грубы и крупны, а у корня пушисты, утолщаются и отъ нихъ отходятъ очень большія пушистыя добавочныя перья. Заслуживаетъ вниманія необыкновенное развитіе перьевъ гузки или кроющихъ перья хвоста, которыя служатъ главнымъ украшеніемъ нѣкоторыхъ куръ, а также у нѣкоторыхъ видовъ замѣчательно строеніе и развитіе малыхъ маховыхъ перьевъ. Опереніе покрываетъ тѣло и шею очень обильно, у двухъ группъ также и ноги до пальцевъ, но зато часто оставляетъ непокрытыми большія или меньшія мѣста на шеѣ и зобѣ. Въ такомъ случаѣ кожа образуетъ здѣсь наросты, которые такъ-же сильно развиты, какъ на другихъ мѣстахъ перья; образуются вздутія въ видѣ бородавокъ, лопастей, гребней, бородакъ и другихъ придатковъ; иногда даже образуются тутъ маленькіе рожки, и всѣ эти голыя мѣста

блестятъ и сіяютъ самыми яркими красками. По великолѣпію и красотѣ цвѣтовъ куры вообще едва-ли уступаютъ представителямъ другихъ отрядовъ и многія изъ нихъ могутъ соперничать съ самыми блестящими представителями того-же класса. Различіе оперенія самца и самки ни у какихъ птицъ не проявляется въ большей степени, чѣмъ у куриныхъ; по крайней мѣрѣ самцы у многихъ отличаются отъ самокъ, которыя болѣе скромно оперены, такимъ поразительнымъ образомъ, что незнающему трудно признать въ нихъ птицъ одной пары. Одежда молодыхъ всегда отличается отъ одежды взрослыхъ птицъ и въ поразительно короткое время проходитъ три стадіи развитія, прежде чѣмъ становится опереніемъ взрослыхъ. Всѣ куры, живущія высоко на сѣверѣ, меньше и опереніе у нихъ блѣдно окрашено, а иногда и совсѣмъ бѣлое, между тѣмъ какъ ближайшіе родичи, живущіе въ средней Европѣ, болѣе ярко окрашены.

Скелетъ куриныхъ массивенъ и кости имѣютъ мало воздушныхъ полостей. Черепъ въ мозговой части умѣренно выпуклый, лицевая часть, образующая клювъ, по большей части не длиннѣе мозговой. Небные отростки верхней челюсти малы, небныя кости относительно длинны и узки. Позвоночникъ состоитъ изъ 12—13 шейныхъ, 6—8 спинныхъ, 12—17 крестцовыхъ и 5—6 хвостовыхъ позвонковъ. Щитокъ грудной кости собственно не костяной, а кожистый, назади съ обѣихъ сторонъ съ двумя выемками; внутренняя изъ этихъ выемокъ простирается впередъ такъ далеко, что само тѣло грудной кости является уменьшеннымъ до степени узкой костяной полоски; вторая костяная полоска отдѣляетъ одну выемку отъ другой. Гребень грудной кости не особенно высокъ, спереди расширенъ, сильно выпуклъ на своемъ протяженіи; дужка тонка и слаба. Переднія конечности отличаются шириною предплечія и дугообразнымъ изгибомъ локтевой кости. Языкъ довольно равномерной ширины, сверху плоскій и мягкій, спереди коротко заостренный и по большей части раздѣленный на волокна; основаніе языка простое, спереди костяное, сзади хрящевое; тѣло подъязычной кости узкое и продолговатое. Пищеводъ расширяется въ настоящій зобъ, имѣющій значительную величину. Первый желудокъ съ толстыми стѣнками и обилежъ железами, а второй—мускулистый желудокъ съ очень толстыми стѣнками. Слѣпныя кишки очень длинны и иногда колбообразной формы. Печень умѣренной величины, очень неравными лопастями, желчный пузырь малъ; селезенка мала и кругла. Дыхательное горло мягко, состоитъ лишь изъ хрящевыхъ колець и у самцовъ нѣкоторыхъ видовъ покрыто въ нижней части ячеистой, студенистой массою.

Куриныя, которыхъ извѣстно около 400 видовъ, какъ уже указано, космополиты, но Азія наиболѣе богата ими. Каждая часть свѣта или каждая область служить болѣе или менѣе исключительнымъ мѣстомъ жительства извѣстныхъ семействъ. Любимымъ мѣстопребываніемъ куриныхъ можно считать лѣсъ, но онѣ не исключительно живутъ въ немъ, такъ какъ населяютъ также бѣдныя растеніями равнины, покрытыя лишь скуднымъ кустарникомъ и травами горные склоны Альпъ ниже снѣговой линіи и соответствующія имъ по климату тундры. Представители этого отряда встрѣчаются почти на всемъ земномъ шарѣ; гдѣ одни виды не могутъ поддержать свою жизнь, тамъ другіе находятъ свое ежедневное пропитаніе. Какъ могутъ онѣ добыть пропитаніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ солнечный зной или холодъ ночи, длящейся мѣсяцы, приносятъ на землю безкормицу и нужду, мы не можемъ понять, хотя и знаемъ, что имъ годится собственно все сѣдобное. Куриныя главнымъ образомъ питаются растительными веществами, но въ то же время не пренебрегаютъ и животными; кромѣ того онѣ довольствуются веществами, которыми питаются развѣ только гусеницы, а можетъ быть и нѣкоторые жвачныя.

Куриныхъ нельзя назвать особенно богато одаренными природою. Способности ихъ незначительны. Лишь самая меньшая часть ихъ можетъ соперничать съ другими птицами въ летаніи, большая часть изъ нихъ плохо лазаетъ, такъ какъ не можетъ здѣсь свободно двигаться, и всѣ безъ исключенія боится воды. Царство ихъ—ровная земля. Зато онѣ отличныя бѣгуны; ихъ сильныя и относительно высокія ноги позволяютъ имъ бѣгать не только продолжительно, но и очень быстро. Если одна сила ногъ оказывается недостаточной, то онѣ прибѣгаютъ къ помощи крыльевъ, больше затѣмъ, чтобы поддерживать тѣло въ равновѣсіи, чѣмъ для того, чтобы двигать его впередъ. Летѣть курица рѣшается обыкновенно лишь тогда, когда это кажется ей безусловно необходимымъ, если она не надѣется достигнуть цѣли достаточно быстро или достаточно вѣрно. Полетъ большинства видовъ требуетъ многочисленныхъ, быстрыхъ ударовъ короткими, круглыми крыльями, не даетъ движущимъ ими мускуламъ промежутковъ для отдыха и потому очень скоро утомляетъ птицъ. Но и въ этомъ отношеніи есть исключенія. Голосъ всегда своеобразенъ. Немногіе виды могутъ быть названы молчаливыми, большая часть кричитъ охотно и много. Но приятныхъ звуковъ приходится слышать мало; нѣжный призывной голосъ насѣдки къ своимъ цыплятамъ еще можетъ нравиться, но любовный крикъ пѣтуха едва-ли кому-нибудь приятенъ, хотя иные и называютъ этотъ крикъ «пѣніемъ», но о настоящемъ пѣніи здѣсь не можетъ быть и рѣчи; гораздо лучше передавать этотъ голосъ звукоподражаніемъ, какъ это дѣлаютъ пѣмцы. Охотники, конечно, не обращаютъ вниманія на мелодичность пѣнія тетеревиныхъ; въ ушахъ ихъ голосъ нѣкоторыхъ самцовъ звучитъ пріятнѣе, чѣмъ пѣніе соловья. Тѣмъ не менѣе Вурмъ пишетъ намъ: «Верхнебаварскіе, штирійскіе и лифляндскіе охотники называютъ токованіе глухаря пѣніемъ и говорятъ: «онъ поетъ»; да уже старый писатель Дебель точно также выражается.»

Относительно развитія высшихъ способностей можно дать также не очень благоприятный отзывъ. Зрѣніе и слухъ, повидимому, остры; вкусъ и обоняніе нельзя считать недоразвитыми; относительно осязанія мы должны воздержаться отъ рѣшенія. Нельзя отрицать у нихъ извѣстной степени понятливости; но при болѣе внимательномъ наблюденіи скоро замѣчаешь, что ума ихъ хватаетъ не далеко. Куриныя доказываютъ, что онѣ хотя и имѣютъ хорошую память, но не находятъ между ними различіе; по отношенію къ опаснымъ животнымъ или людямъ онѣ ведутъ себя такъ-же, какъ и относительно неопасныхъ. Пустельга нагоняетъ на нихъ такой-же ужасъ, какъ и орелъ; пахарь причиняетъ часто такой же страхъ, какъ охотникъ. Продолжительное преслѣдованіе дѣлаетъ ихъ лишь болѣе пугливыми, а не болѣе осторожными, болѣе недовѣрчивыми, но не болѣе догадливими. Если-же въ дѣло замѣшивается страсть, то онѣ дѣлаются совсѣмъ безразсудными. Въ высокой степени страстными оказываются всѣ, даже тѣ, которыхъ мы считаемъ самыми кроткими и миролюбивыми. Говорятъ, что самки въ этомъ отношеніи лучше самцовъ; однако онѣ лишь отчасти заслуживаютъ этотъ отзывъ, такъ какъ и онѣ сварливы и завистливы, если и не изъ за самцовъ, то изъ за дѣтенышей. Онѣ очень нѣжно обращаются со своими цыплятами, ради ихъ голодаютъ и терпятъ лишенія, становятся хорошими матерями даже для чужихъ птенчиковъ, если они ими высижены; съ другой стороны тѣ-же насѣдки не знаютъ никакого сочувствія, и не выказываютъ ни малѣйшаго милосердія и доброжелательства по отношенію къ дѣтенышамъ другихъ птицъ, цыплятамъ другихъ куръ: онѣ умерщвляютъ ихъ ударами клюва, если только подозрѣваютъ, что ихъ собственное потомство можетъ по-

страдать отъ чужихъ. Въ характерѣ самцовъ противорѣчіе между хорошими и дурными качествами выступаетъ еще рѣзче. Половое возбужденіе у нихъ самое сильное, какое только можно вообще наблюдать у птицъ; оно изумительно, и кажется даже невѣроятнымъ. Стремленіе къ спариванію у многихъ изъ нихъ становится настоящимъ бѣшенствомъ, совершенно измѣняетъ ихъ характеръ, подавляетъ, по крайней мѣрѣ на время, всѣ другія потребности и чувства, дѣлаетъ ихъ въ буквальномъ смыслѣ безумными. Пѣтухъ, въ возбужденномъ состояніи признаетъ лишь одну потребность: владѣть одному нѣсколькими и даже многими курами. Горе тогда всякому сопернику! По отношенію къ нему нѣтъ пощады; чтобы повредить ему употребляются всѣ средства. Никакая другая птица не борется съ соперникомъ съ болѣе упорнымъ бѣшенствомъ, немногія бьются съ такою-же, никогда не слабѣющей выносливостью. Всякое оружіе пускается въ дѣло; всякое средство кажется пригоднымъ. Къ битвѣ побуждаютъ красота и голосъ, сила, ловкость и всякія другія дарованія противника; бьются съ ожесточеніемъ, которому нѣтъ равнаго, вовсе не обращая вниманія на постороннія обстоятельства, пренебрегая полученными ранами, забывая только что избѣгнутую опасность; бьются въ буквальномъ смыслѣ слова на жизнь и смерть. Въ сердцѣ обоихъ бойцовъ царствуетъ одно лишь чувство: угрожать тѣлу и жизни соперника, уничтожить его честь и самоувѣренность, захватить награду любви. Пока продолжается бой, забываютъ все, даже готовность курицы, которая смотритъ на исходъ битвы, повидимому, съ величайшимъ душевнымъ спокойствіемъ. Ревность ихъ ужасна, но впрочемъ и основательна. Супружеская вѣрность рѣдка у этихъ птицъ. Самка относится къ ухаживаніямъ самца пассивно, но, отдаваясь, дѣлаетъ также мало различія между однимъ и другимъ пѣтухомъ, какъ и пѣтухъ между нею и другою курицей. Пѣтухъ является лишь болѣе страстной стороною, однако, строго говоря, и курица не уступаетъ ему: 15—20 яицъ въ годъ, которыя должны быть оплодотворены, ясно доказываютъ ея похотливость. Пѣтухъ же въ то время, какъ курица высиживаетъ, остается предоставленнымъ самому себѣ, а искушеніе часто встрѣчается ему въ образѣ другихъ куръ, которыя еще не спарились; сердце его воспримчиво къ привлекательнымъ качествамъ всѣхъ самокъ; онъ забываетъ усердно высиживающую мать семейства и этимъ объясняется его легкомысленное поведеніе.

Позднѣ выяснится, что предыдущее описаніе относится лишь къ типическимъ представителямъ этого отряда. Всѣ тѣ группы, которыя подають поводъ сомнѣваться въ ихъ родствѣ съ настоящимъ курами, доказываютъ и своимъ образомъ жизни, что эти сомнѣнія основательны. Характеръ ихъ во время спариванія и поведеніе ихъ во время размноженія совершенно отличны отъ только что описаннаго.

Самецъ не заботится о судьбѣ своего потомства въ томъ случаѣ, если онъ бросается въ глаза своей величиною и красотою оперенія; напротивъ, если онъ по цвѣту похожъ на окружающую среду, и мало отличается отъ самки, то и онъ принимаетъ большее или меньшее участіе въ дѣлѣ воспитанія потомства. Въ первомъ случаѣ онъ предоставляетъ курицѣ высиживать яйца и водить птенцовъ; иногда онъ лишь тогда снова присоединяется къ семейству, когда счастливо окончено скучное дѣло высиживанія; тогда онъ служитъ сторожемъ и вожакомъ всего выводка. Иногда онъ присоединяется къ птенцамъ лишь тогда, когда они уже выросли. Во второмъ случаѣ онъ, начиная съ того времени, какъ положено первое яйцо, охраняетъ безопасность матери и потомства и съ отеческой вѣрностью подвергаетъ себя видимымъ опасностямъ въ надеждѣ спасти ихъ.

Значительное большинство куриныхъ высиживаетъ на землѣ. Гнѣздо ихъ можетъ

быть различно, но никогда не устраивается искусно. Мать обнаруживает извѣстную заботливость въ выборѣ мѣста, но, повидимому, считаетъ ненужнымъ строить гнѣздо самой. Тамъ, гдѣ мѣстность богата кустами, устраивается подъ кустомъ небольшое углубленіе, служащее для помѣщенія яицъ; тамъ, гдѣ кустарника нѣтъ,— по крайней мѣрѣ между высокой травой или въ хлѣбахъ, во всякомъ случаѣ въ мѣстѣ по возможности скрытомъ, такъ что гнѣздо всегда трудно отыскать. Многіе виды употребляютъ для выстилки гнѣзда нѣсколько сухихъ вѣтокъ, а въ иныхъ случаяхъ и перья; другіе ничѣмъ не выстилаютъ гнѣзда. Кладка обыкновенно многочисленна. Яйца разрисованы различнымъ образомъ, но все же однообразны. Многія куры кладутъ одноцвѣтныя, чисто-бѣлыя, сѣроватыя, буро-желтоватыя, голубоватыя яйца, другія кладутъ яйца, разрисованныя по желтоватому или красноватому фону мелкими точечками и крапинками, или болѣе крупными пятнами и точками темнаго, часто яркаго цвѣта. Кажется, какъ будто бы насѣдка своею вѣрной преданностью потомству хочетъ замѣнить и любовь отца; нѣтъ птицы, которая бы съ большимъ рвеніемъ посвящала себя потомству, чѣмъ курица, и прекрасное изреченіе Св. Писанія слѣдовательно во всѣхъ отношеніяхъ вѣрно (Матѣ. XXIII. 37). Высиживающая курица едва даетъ себѣ время на отыскиваніе пищи, забываетъ прежнюю робость и въ случаѣ опасности безъ колебанія жертвуетъ собою.

Молодыя куринныя вылупляются изъ яицъ въ видѣ весьма подвижныхъ и относительно очень развитыхъ существъ. Птенцы съ перваго дня жизни подбираютъ пищу, которую указываетъ имъ мать, слушаются ея зова и, если они устали или ищутъ защиты отъ дурной погоды, то мать прикрываетъ ихъ собою. Ростъ ихъ идетъ необыкновенно быстро. Немного дней спустя послѣ выхода изъ яйца, у нихъ начинаютъ расти маховыя перья, которыя даютъ имъ возможность летать, по крайней мѣрѣ порхать; въ относительно очень короткое время вырастаютъ перья и на другихъ мѣстахъ тѣла, вмѣсто перваго пуха, всегда пестраго, но окрашеннаго соотвѣтственно почвѣ. Маховыя перья скоро оказываются недостаточными для того, чтобы носить увеличившуюся между тѣмъ тяжесть тѣла, по они такъ часто перемѣняются, что никогда не отказываются служить. Крыло курицы, которая въ первый разъ одѣвается въ опереніе взрослой птицы, должно, по Альтуму, три раза перемѣнить перья. У большинства видовъ уже раньше конца перваго года птица получаетъ опереніе взрослой. Другимъ нуженъ промежутокъ времени въ два и даже три года, для того, чтобы ихъ можно было считать окончательно оперившимися. Нѣкоторые спариваются обыкновенно уже въ первую осень или весну своей жизни, по крайней мѣрѣ пѣтухи уже начинаютъ драться между собою; другіе, пока не выростутъ, мало заботятся о самкахъ.

Куринныя имѣютъ такъ много враговъ, что только ихъ необыкновенно сильное размноженіе можетъ поддерживать равновѣсіе между истребленіемъ и замѣщеніемъ. Всѣ хищныя животныя, большія и малыя, ревностно преслѣдуютъ куръ, а человѣкъ всюду присоединяется въ качествѣ злѣйшаго врага къ естественнымъ преслѣдователямъ ихъ. Куринныя вездѣ служатъ предметомъ охоты и притомъ въ большей степени, чѣмъ всѣ остальные птицы, вмѣстѣ взятыя. Но человѣкъ скоро замѣтилъ и то, что этими важными животными можно пользоваться и совершенно другимъ способомъ. Уже съ древнѣйшихъ временъ человѣкъ старался привязать къ себѣ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ и изъ лѣсовъ южной Азіи распространилъ ихъ по всей землѣ и приучилъ къ самымъ различнымъ климатамъ, къ самымъ различнымъ условіямъ. Вѣроятно, что онъ выбралъ изъ всѣхъ самыхъ пригодныхъ; но не подлежитъ никакому сомнѣнію и то, что онъ подчинить своей власти многихъ изъ тѣхъ, которыя въ настоящее время живутъ на волѣ, и сдѣласть изъ

нихъ полезныхъ домашнихъ животныхъ. Замѣчаемое въ послѣднее время стремленіе приручать чужеземныхъ животныхъ, можетъ лучше всего быть примѣнено и дать блестящіе результаты именно на этомъ отрядѣ птицъ, такъ какъ куры превосходятъ всѣ другіе отряды своею красотою, легкой приручаемостью и приносимою пользою.

Куриныя распадаются на двѣ группы: куръ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ и хохлатыхъ куръ.

* *
* *

Къ Курамъ въ тѣсномъ смыслѣ (*Galli*) и ихъ высшему семейству Фазановымъ (*Gallidae*, *Fasanvögel*), подходитъ въ общемъ вышеприведенное описаніе отряда.

Чтобы облегчить обзоръ, удобно раздѣлить это семейство на подсемейства и обойтись безъ описанія общихъ признаковъ.

Въ первомъ изъ этихъ подсемействъ мы соединяемъ Тетеревинныхъ (*Tetraoninae*, *Rauchfusshühner*). Признаки ихъ—плотное, сильное тѣло, короткій, толстый, очень выпуклый клювъ и низкія, сильныя ноги, плюсна которыхъ болѣе или менѣе оперена, короткія или развѣ средней длины крылья и короткій, прямо усѣченный, а въ видѣ исключенія и удлиненный, клиновидно заостренный или вилкообразный хвостъ, а также обильное, густое опереніе, которое оставляетъ маленькія свободныя мѣста лишь надъ глазами или на задней части шеи. Кольцо, окружающее глазъ, особенно верхній край его, покрыто бородавчатыми наростами, способными надуваться; въ своихъ ячейкахъ они содержатъ красный, чрезвычайно легко разлагающійся жировой пигментъ, «тетронеритринъ» Вурма. У многихъ тетеревинныхъ на пальцахъ замѣчаются своеобразныя роговыя образованія, тоже подлежащія линянью (такъ называемая бахрома); это недоразвитыя перья, которыя облегчаютъ имъ зимою бѣганіе по снѣгу. Птицы ихъ не отгусываютъ при окончаніи времени токованія, какъ думаютъ еще многіе охотники, а они уже при началѣ линянія постепенно засыхаютъ и отпадаютъ.

По изслѣдованіямъ Нитша для внутренняго строенія тетеревинныхъ характерны слѣдующіе признаки. Слезная кость расширяется на лбу и образуетъ крѣпкую, выдающуюся сбоку пластинку, между тѣмъ какъ нисходящая часть недоразвивается. Передній и задній височные отростки соединяются и окружаютъ трубку, въ которой начинается височный мускулъ. Верхнечелюстная кость очень мала, небныя кости узки и похожи на рыбыя кости, задніе отростки вѣтвей нижней челюсти длинны и загнуты вверхъ. Семь позвонковъ снабжены широкими и крѣпкими ребрами, передняя пара которыхъ ложная; средніе позвонки срастаются. Грудная кость похожа на грудную кость голубей, но болѣе развита по верхнему краю, въ общемъ болѣе перепончатая, чѣмъ костяная, и гребень ея менѣе высокъ, чѣмъ у голубей. Дужка очень тонкая, лопатки расширяются на свободномъ концѣ. Крылья отличаются шириною предплечія и изгибомъ локтевой кости, плечо и кисть короче предплечія. Лишенная костнаго мозга бедренная кость наполняется воздухомъ. По поверхности нѣба пробѣгаютъ зубчатые поперечные гребни, языкъ довольно равномерной ширины, сверху плоскій и мягкій, короткозаостренный, имѣетъ срединную часть съ угловыми отростками; тѣло подъязычной кости продолговатое и узкое. Нижняя гортань не имѣетъ собственныхъ мускуловъ. Зобъ значительной величины; богатый железами передній желудокъ имѣетъ толстыя стѣнки, настоящій желудокъ съ сильными мускулами. Слѣпая кишка отличается длиною. Округлая, студенистая, одѣтая клѣтчатой тканью масса окружаетъ нижнюю часть мягкаго дыхательнаго горла и гортани.

Родину тетеревиныхъ составляетъ сѣверь. Они распространены отъ Гиммалайскихъ и восточно-азиатскихъ горъ по всей Азіи и Европѣ, совершенно отсутствуютъ въ Африкѣ, но снова появляются и притомъ въ большомъ числѣ въ Сѣверной Америкѣ. Лѣса составляютъ ихъ любимое мѣстопробываніе; нѣкоторые населяютъ степи и тундры, другія горные склоны по близости границы снѣговъ, не обращая вниманія на отсутствіе кустарниковъ или деревьевъ. Онѣ всѣ, безъ исключенія, осѣдлыя птицы, которыя изъ году въ годъ остаются въ одной и той же области и въ рѣдкихъ только случаяхъ неправильно кочуютъ. Онѣ живутъ въ періодъ размноженія парами или по-одиночкѣ, въ остальное-же время всегда обществами. Лѣсные плоды различнаго рода, ягоды, почки, листья, также иглы хвойныхъ деревьевъ, сѣмена, насѣкомыя и ихъ личинки служатъ имъ пищею; нѣкоторые ѣдятъ по временамъ почти исключительно листья и почки, такъ какъ ихъ бѣдная родина едва-ли доставляетъ имъ тогда что-либо другое.

Тетеревиныхъ можно назвать сравнительно хорошо одаренными птицами. Онѣ ходятъ, шагая, и очень быстро, но летаютъ тяжело, съ шумомъ удара крыльями и, какъ кажется, съ напряженіемъ, а потому рѣдко пролетаютъ большія разстоянія и никогда не поднимаются высоко. Внѣшнія чувства ихъ остры и особенно хорошо развиты зрѣніе и слухъ.

Нѣкоторые виды живутъ постоянно парами, остальные въ полигаміи. Стремленіе къ спариванію у нихъ крайне энергичное, и самцы въ періодъ спариванія проявляютъ необычайную дѣятельность жестами и криками, совершенно забывая свой обычный образъ жизни, причемъ ведутъ себя такъ, что ихъ можно бы назвать безумными, если-бы для охотниковъ это состояніе не было особенно интересно. Эта любовная игра такъ рѣзко выражена, такъ своеобразна, что обозначается на языкѣ охотниковъ названіемъ тока или токованія («Balz», «Balze» или «Falz» нѣмецкихъ охотниковъ). Всѣ виды размножаются сильно. Самка кладетъ 8—16 очень однообразныхъ яицъ правильной формы, съ гладкой скорлупою и испещренныхъ на желтоватомъ фонѣ бурыми пятнами. Самки не строятъ настоящаго гнѣзда, развѣ выскребываютъ въ скрытомъ мѣстечкѣ неглубокую ямку и безпорядочно выстилаютъ ее нѣкоторымъ количествомъ пригодныхъ для этого веществъ, а иногда и нѣсколькими перьями. Напротивъ, процессу высиживания самки предаются съ большимъ рвеніемъ, ухаживая съ гнѣзда лишь въ томъ случаѣ, если имъ грозитъ самая очевидная опасность, позволяютъ, чтобы по близости отъ нихъ производились различныя работы, никогда не оставляютъ своихъ яицъ или цыплятъ на произволъ судьбы, съ величайшей нѣжностью заботятся о выклюнувшихся птенцахъ, пока они не станутъ способными летать, и, не задумываясь, рискуютъ своею жизнью, если надѣются спасти этимъ жизнь своихъ птенцовъ. Цыплята растутъ очень быстро, но должны пережить нѣсколько, видныхъ и снаружи, ступеней развитія, прежде чѣмъ одѣнутся въ опереніе взрослыхъ. Когда они станутъ старше, они мѣняютъ не только опереніе, но также и когти и пяточные щитки, причемъ послѣдніе прямо отпадаютъ и постепенно замѣняются новыми, которымъ старые служатъ защитой, пока не отпадутъ. По сообщеніямъ мнѣ наблюденіямъ различныхъ лицъ, державшихъ глухарей, эти птицы возобновляютъ при линіи и роговой покровъ клюва, который сперва начинаетъ отдѣляться въ области ноздрей и отщепляется маленькими частями, а кончикъ сбрасывается цѣликомъ. Однако Вурмъ говоритъ, что это къ самкамъ едва-ли относится, такъ какъ у нихъ обновленіе рогового покрова клюва происходитъ постепенно.

Если у самокъ отъ старости или вслѣдствіе недоразвитія яичниковъ останав-

ливается половая дѣятельность, то происходитъ затѣмъ болѣе обильное отложеніе пигментовъ и выростаніе перьевъ, похожихъ на перья самцовъ: ихъ тогда называютъ лѣтухоперыми.

Не человѣку обязаны мы сохраненіемъ тетеревиныхъ, такъ какъ онъ всегда уничтожалъ эту благородную дичь хуже злѣйшаго хищнаго животнаго и до сихъ поръ беспощадно преслѣдуетъ этихъ птицъ; только тамъ, гдѣ введено правильное лѣсное хозяйство и благородной охотой завѣдуютъ ученые лѣсничіе, тетеревины наслаждаются столь необходимой имъ защитой; тамъ, гдѣ онѣ еще обыкновенны, за ними безъ пощады, безъ милосердія охотится каждый крестьянинъ, и вѣроятно имъ предстоитъ тамъ та же участь, какъ въ средней Европѣ: ихъ постепенно истребятъ, какъ истребленъ уже во многихъ мѣстностяхъ самый крупный изъ тетеревиныхъ—глухарь. Это достойно сожалѣнія, но остановить этого нельзя. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ тетеревины приносятъ дѣйствительно опутительный вредъ; вообще же онѣ приносятъ даже, какъ указываетъ Вурмъ, «значительную пользу лѣсу, истребляя гусеницъ и другихъ вредныхъ животныхъ, уничтожая сорныя травы, а также и тѣмъ, что, разрывая почву, онѣ способствуютъ естественному обѣмененію лѣса».

* * *

Самая крупная и благородная изъ тетеревиныхъ птицъ — Глухарь, Глухой тетеревъ, Мошнякъ, Моховой тетеревъ, Моховикъ, у лопарей Тюхчъ (*Tetrao urogalus, major, maculatus* и *crassirostris*, *Urogallus major*. Auerhuhn. Grand coq de bruÿère), одна изъ самыхъ крупныхъ птицъ Германіи, украшеніе лѣсовъ, радость охотника. Онъ служитъ представителемъ рода Тетеревей (*Tetrao. Waldhühner. Coqs de bruÿère*), отличительные признаки котораго—упомянутыя выше роговыя образованія на пальцахъ и удлиненныя перья на горлѣ, поднимающіяся при возбужденіи. Темя и горло черноватыя; шея темно-пепельно-сѣрая съ черными волнистымъ рисункомъ, передняя часть шеи съ черновато-пепельно-сѣрыми волнистыми полосками, спина черноватая съ пепельно-сѣрымъ и ржаво-бурымъ налетомъ; верхняя часть крыльевъ черно-бураго цвѣта съ ржаво-бурыми волнистыми разводами; 18—20 хвостовыхъ перьевъ чернаго цвѣта съ немногочисленными бѣлыми пятнами; грудь блестящаго стального зеленого цвѣта; остальная нижняя сторона тѣла покрыта черными и бѣлыми пятнами, особенно частыми на гукѣ. Глаза каріе, голыя брови надъ ними, состоящія изъ отдѣльных, тонкихъ листочковъ или усаженныхъ ими, и голыя бородавчатая мѣста вокругъ глазъ—сюргучно-краснаго цвѣта; клювъ рогового бѣлаго цвѣта. Длина равна 90—112 см., размахъ крыльевъ 120—144, длина крыла 40—45, длина хвоста 34—36 см., вѣсъ 3,5—6 kg. Молодые самцы отличаются лишь немного отъ старыхъ. Лишь у самца дыхательное горло на треть длиннѣе шеи и потому образуетъ въ области зоба петлю въ видѣ дуги. Языкъ такъ рыхло прикрѣпленъ съ помощью очень длинныхъ связокъ и тонкихъ мускуловъ, что часто при смерти животнаго совершенно заворачивается назадъ и глубоко вдается въ пищеводъ, отчего и произошла широко распространенная еще басня, будто бы у глухаря вовсе нѣтъ языка. Самка на треть меньше самца и очень нестра. Голова и верхняя часть шеи черноватая съ ржаво-желтыми и черно-бурыми поперечными полосками, на остальной верхней части тѣла опереніе представляетъ смѣсь черно-бураго, ржаво-желтаго и ржаво-сѣро-желтаго цвѣтовъ; рулевья перья на фонѣ пре-краснаго ржаво-краснаго цвѣта покрыты черными поперечными полосами, горло и сгибъ крыла ржаво-красно-желтые, верхняя часть груди ржаво-красная, брюхо на ржаво-желтоватомъ фонѣ покрыто прерывающимися черными и бѣлыми попе-

речными полосками. Нерѣдко встрѣчаются пѣтухоперыя самки, необыкновенно похожія на самцовъ. Длина равна 72—78 см., размахъ крыльевъ 108—112, длина крыла 35, длина хвоста 22 см., вѣсъ 2,5—3 кгт.

Нѣмецкіе охотники причисляютъ глухаря къ «красной дичи» (hohe Jagd) и у нихъ существуетъ цѣлая терминологія относительно его движеній и особыя названія для разныхъ частей тѣла. Выписываемъ здѣсь нѣсколько особыхъ выраженій, употребляемыхъ русскими охотниками. Когти глухаря называются «ногтями»; глухарь «ластитъ», когда, «снявшись» съ вѣтки, летитъ нѣкоторое время съ распростертыми крыльями. Глухарь «тянетъ», т. е. перелетаетъ съ мѣста на мѣсто. Глухарь «токуетъ». Семья тетеревей называется «выводкомъ», а нѣсколько выводковъ, собравшихся вмѣстѣ—«стадомъ». «Оттоковавший» глухарь хилый, слабый. Охотникъ «снимаетъ» глухаря съ дерева выстрѣломъ, а раненая птица часто прячется въ «чалыгѣ» (густой кустъ или корни сваливагося дерева). Самку глухаря называютъ «глухарка», «глухая курочка», а на сѣверѣ «копалуха».

Въ прежнія времена глухарь населялъ, безъ сомнѣнія, всѣ болѣе значительныя и сплошныя лѣса сѣверной Азіи и Европы; въ настоящее время онъ во многихъ мѣстностяхъ совершенно истребленъ. Однако область распространенія его все еще очень обширна, такъ какъ границы ея мало сужились и истребленіе ограничилось скорѣе лишь извѣстными мѣстами и областями, гдѣ вводилось правильное лѣсное хозяйство, а особенно осушеніе болотъ и обширное лѣсосѣчное хозяйство. «Область распространенія глухаря», писалъ недавно Вурмъ, «еще очень велика. Отъ Малой Азіи, Греціи, Кантабрійскихъ горъ въ Испаніи и Пиренеевъ она простирается высоко на сѣверъ до Лапландіи и Ледовитаго океана и далеко на востокъ по Россіи до Камчатки и Кятая. Въ Англіи, Ирландіи, Голландіи, Даниі, затѣмъ въ Америкѣ, Африкѣ и Австраліи вовсе нѣтъ глухарей; въ очень маломъ числѣ встрѣчается онъ теперь въ сѣверной Италіи, Франціи и Бельгіи, обильнѣе въ германскихъ, австро-венгерскихъ и швейцарскихъ Альпахъ и во внутреннихъ горахъ этихъ странъ, въ Балканскихъ государствахъ, въ Румыніи и Шотландіи (гдѣ онъ съ успѣхомъ разведенъ съ 1837 г.), а всего многочисленнѣе въ Норвегіи, Швеціи, Европейской и Азиатской Россіи, за исключеніемъ южной европейской части и на Кавказѣ. Первоначально онъ не былъ горной дичью, но культура постепенно оттѣснила его, какъ и нѣкоторыхъ другихъ животныхъ, считающихся теперь альпійскими, въ болѣе спокойныя и богатыя лѣсомъ горы, такъ что въ Германіи онъ держится еще на равнинахъ лишь въ немногихъ хвойныхъ лѣсахъ (въ Лаузицкомъ и Тухельскомъ лѣсу), которые онъ особенно любитъ. Онъ доходитъ до границы древесной растительности какъ по широтѣ, такъ и въ вышину, слѣдовательно до 70 градуса сѣверной широты и до 1500 и 2000 м. надъ уровнемъ моря, между тѣмъ какъ тетеревъ-косачъ въ обоихъ направленіяхъ идетъ выше его, а рябчикъ менѣе высоко. Оба послѣднихъ вида тетеревей замѣтно уменьшаются въ настоящее время въ числѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приходятъ въ соприкосновеніе съ культурной работой человѣка; глухарь-же почти всюду на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они теперь водятся, увеличиваются въ числѣ, къ радости охотниковъ. Въ Германіи глухарь держится еще на Гардтѣ, въ Шварцвальдѣ, Оденвальдѣ, Фихтельгебирге, въ Богемскомъ и Тюрингенскомъ лѣсахъ, Рудныхъ, Исполиновыхъ горахъ и на Гарцѣ, но нигдѣ они не водятся въ изобиліи.

По Радде, глухарь не рѣдокъ въ сплошныхъ лѣсахъ Восточной Сибири, но къ востоку отъ Яблоновыхъ горъ замѣняется меньшимъ видомъ (*Tetrao urogalloides*). Вѣроятно этотъ то видъ и встрѣчалъ въ Камчаткѣ Киттлиць.

Глухарь, какъ уже упомянуто выше, предпочитаетъ низкія горныя лѣса лѣ-

самъ, растущимъ на равнинѣ, хотя не избѣгаетъ и этихъ послѣднихъ. Прежде всего онъ требуетъ обширныхъ лѣсовъ смѣшаннаго состава и возраста съ незаросшими прогалинами, лѣсными дугами и т. п. и съ влажной, мѣстами болотистой почвою. Тамъ, гдѣ есть смѣшанные лѣса, онъ охотнѣе всего селится въ нихъ; затѣмъ онъ особенно охотно селится въ хвойномъ лѣсу, хотя и лиственный можетъ извѣстное время быть его жилищемъ. Онъ необыкновенно любитъ солнечные горные склоны; во всякомъ случаѣ эта птица требуетъ высокоствольныхъ лѣсовъ, въ которыхъ нѣтъ недостатка въ ручьяхъ, ключахъ и другихъ водахъ, и въ которыхъ рядомъ съ высокими деревьями встрѣчаются чащи или мѣста, поросшія верескомъ, низкимъ кустарникомъ и ягодными кустиками. Глухарь—осѣдлая птица, хотя и не въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова. При продолжительной сильной стужѣ и глубокомъ снѣгѣ онъ оставляетъ иногда свое мѣстопробываніе на высокихъ горахъ и спускается въ болѣе низкій поясъ, но при наступленіи теплой погоды обыкновенно правильно возвращается на высоты. Въ среднихъ горахъ и въ холмистой странѣ онъ перемѣщается иногда изъ одной области въ другую, причемъ нельзя указать достаточную причину для этого. Однако при этомъ надо замѣтить, что относительно этихъ передвиженій у насъ въ Германіи не собрано еще никакихъ наблюденій, которыя устранили бы всякое сомнѣніе. Какъ указалъ уже мой отецъ и подтвердилъ Гейеръ, случается, что глухари въ суровую зиму иногда цѣлыя недѣли держатся на деревьяхъ, не спускаясь на землю и что слѣдовательно наблюдатель, благодаря этому, легко можетъ ошибиться и заключить, что дичь переселилась на другое мѣсто. «Замѣчательно», говоритъ мой отецъ, «что глухарь зимою часто сѣдается на одномъ деревѣ по нѣскольку, даже по восьми дней и сѣдаетъ почти всѣ его иглы». Точно такъ же высказывается и Гейеръ, не зная сказаннаго выше. «Когда я однажды выслѣживалъ и обходилъ лисицу, мнѣ бросилось въ глаза, что я не видалъ ни одного глухаря. Я разспрашивалъ о причинѣ этого явленія, но никто не могъ дать мнѣ разъясненія: всѣ утверждали, что «глухари перемѣнили мѣстожительство». Но когда я разъ случайно нашелъ стадо штукъ изъ 20 самокъ и сидѣвшихъ на деревьяхъ на горномъ склонѣ, сильно освѣщавшемся солнцемъ, загадка сразу разрѣшилась. Въ этомъ мѣстѣ мы наблюдали цѣлыя дни, какъ они ѣли почки и хвой елей и сосенъ, и въ то же время не находили на снѣгу ни одного слѣда глухаря». Не то на сѣверѣ. Въ Скандинавіи глухари охотно ѣдятъ почки и листья осинъ; на Уралѣ глухарь, отыскивая различныя ягоды, перемѣщается на довольно большія разстоянія, ежедневно проходя 12—15 килом. Когда ягоды сѣдены, онъ постепенно возвращается на прежнее мѣсто и наконецъ опять принимается за нѣжные побѣги елей и сосенъ.

При обыкновенныхъ условіяхъ глухари держатся днемъ на землѣ и, если возможно, избираютъ такія мѣста, куда падаютъ первые лучи утренняго солнца и гдѣ есть маленькія открытыя пастбища, чередующіяся съ чащей лѣсныхъ деревьевъ, кустами черники, куманики и вереска, и гдѣ есть по близости чистая вода. Здѣсь они бѣгаютъ, проползаютъ сквозь низкія заросли и кустарники, отыскиваютъ пищу и поднимаются лишь въ томъ случаѣ, если съ ними случится что-нибудь необыкновенное, но они умѣютъ также отлично прятаться, прижимаясь къ землѣ подъ кустами или у стволонъ деревьевъ. Къ вечеру они поднимаются, самцы и самки отдѣльно, и съ наступленіемъ ночи тѣ и другія взлетаютъ на деревья, чтобы переночевать здѣсь. Они почти никогда не поднимаются до вершины дерева, а обыкновенно остаются на серединѣ его, спятъ здѣсь и съ наступленіемъ утра спускаются обратно съ деревьевъ. На самыхъ любимыхъ мѣстахъ, гдѣ они живутъ или спятъ, глухари иногда ведутъ себя совершенно иначе, чѣмъ вообще, выдерживаютъ,

напримѣръ, лай собакъ и, обративъ все вниманіе на собаку, позволяютъ охотнику подойти. При глубокомъ снѣгѣ, сильномъ холодѣ и въ такихъ мѣстахъ, которыя подвергаются дѣйствию бурь, глухари спятъ, впрочемъ, и на землѣ, причѣмъ прижимаются къ землѣ подъ кустами или зарываются въ снѣгъ и позволяютъ снѣгу засыпать ихъ. Замѣтивъ опасность, глухарь, поднимаясь, быстро сбрасываетъ съ себя снѣговой покровъ. Это я узналъ отъ опытныхъ охотниковъ на Уралѣ.

Пища глухарей состоитъ изъ древесныхъ почекъ, листьевъ или хвои, листьевъ елвера и травы, лѣсныхъ ягодъ, сѣмянъ и насѣкомыхъ. Самецъ довольствуется болѣе грубой пищей, чѣмъ самка или молодья птицы. «У десяти самцовъ, зобъ которыхъ я изслѣдовалъ во время тока», говоритъ мой отецъ, «я не нашелъ ничего, кромѣ еловыхъ, пихтовыхъ или сосновыхъ иголъ и, повидимому, самецъ во время тока не тратитъ много времени на отысканіе пищи, а болѣею частью ѣстъ то, что можетъ добыть въ непосредственной близости. Но также и на основаніи совершенно различнаго вкуса мяса глухаря и тетерки мнѣ кажется крайне вѣроятнымъ, что первый поѣдаетъ по большей части почки елей, пихтъ и сосенъ, между тѣмъ какъ послѣдняя питается обыкновенно болѣе нѣжными частями растеній. Этимъ обуславливается, вѣроятно, то, что мясо стараго глухаря твердо и при ненадлежащемъ приготовленіи едва съѣдобно, а мясо самки, напротивъ, очень нѣжно и вкусно. Мясо полугодовалыхъ самцовъ тоже очень хорошо, но до этого возраста они бѣгаютъ вмѣстѣ съ матерью и кормятся тѣмъ-же, чѣмъ и она». Я хочу дополнить вышесказанное, прибавивъ, что глухарь весною въ хвойныхъ лѣсахъ ѣстъ почти исключительно хвои, въ буковыхъ лѣсахъ буковыя почки, а въ смѣшанныхъ предпочитаетъ хвои. Маленькіе камешки для перевариванія пищи, а также сухой песокъ, чтобы рыться въ немъ, безусловно нужны глухарю. Къ водѣ глухарь подходитъ по нѣскольку разъ въ день.

Нечего удивляться тому, что относительно этой дичи, которая въ высокой степени занимаетъ охотниковъ, существуютъ различныя басни. «Мы должны упомянуть здѣсь», пишетъ Вурмъ, «о сказочной токовой смолѣ» (Falzresch), называемой также «Balzlosung» (токовой пометъ), о которой говоритъ уже Энциеліусъ (1557), что это упавшее на землю сѣмя самца, которое самка собираетъ будто бы каювомъ; изъ неподобраннаго сѣмени образуются будто бы жемчужины и благородные камни, но также и злыя змѣи. Средневѣковая врачебная наука приняла по этому это вещество въ число цѣлебныхъ средствъ. Еще и теперь такое суевѣріе существуетъ въ Венгріи, Богеміи, Скандинавіи и всюду довѣрчивые простолудины думаютъ, что найдя такую «токовую смолу», можно узнать впередъ о наступленіи тока. Но и это заключеніе невѣрно, такъ какъ упомянутое выдѣленіе не имѣетъ никакого отношенія къ току. Его можно находить въ теченіи всего года; оно принадлежитъ не только самцу и не только самцу-глухарю, но также самцамъ и самкамъ всѣхъ тетеревей и представляетъ въ дѣйствительности продуктъ дѣятельности и содержимое длинныхъ двойныхъ слѣпыхъ кишекъ и ежедневно выбрасывается каждымъ здоровымъ экземпляромъ, по большей части почюю или рано утромъ. Это показали многочисленныя наблюденія надъ этими птицами въ неволѣ. Замѣчательно въ этомъ «пометѣ слѣпыхъ кишекъ», который въ видѣ неприятнаго сюрриза не разъ проливался на шляпу и куртку стоявшаго подъ глухаремъ охотника, то, что первоначально желтовато-зеленый или буроватый и кашецеобразной консистенціи, онъ на снѣгу, мхѣ и еловыхъ иглахъ на землѣ растекается въ видѣ блина и черезъ нѣсколько часовъ становится твердымъ, чернымъ и блестящимъ, какъ смола. Лиственная пища дѣлаетъ его свѣтлымъ, хвойная придаетъ смолистый

запахъ; если птица питается черникой, онъ окрашивается въ голубовато-черный цвѣтъ и т. д.».

Изъ извѣстныхъ мнѣ описаній особенностей нашей дичи я все еще считаю самымъ подробнымъ и лучшимъ то, которое мой отецъ обнаружилъ въ 1822 г. Я приведу его поэтому здѣсь и лишь мѣстами буду вставлять нѣсколько словъ, причѣмъ буду также особенно имѣть въ виду книгу «Глухариный токъ» лѣсничаго Гейера. По съ тѣхъ поръ появились два очень подробныхъ сочиненія Вурма о глухаряхъ, и мы здѣсь и ими воспользуемся. «Глухарь», говоритъ мой отецъ, «неуклюжая, тяжелая и пугливая птица. Походка его быстрая, но далеко не въ такой степени, какъ у полевыхъ куропатокъ, дрохвъ, ржанокъ и куликовъ. Онъ держитъ тѣло почти горизонтально, лишь немного наклонивъ его назадъ и нѣсколько вытянувъ шею. На деревьяхъ посадка его различна. Онъ то держитъ тѣло въ горизонтальномъ положеніи, то поднимаетъ его, вытягиваетъ шею то впередъ, то вверхъ. На деревьяхъ онъ держится не только на нижнихъ вѣтвяхъ, а, если вершина достаточно крѣпка, то и высоко на деревѣ; я часто видѣлъ, какъ самцы и самки сидѣли на верхушкахъ деревьевъ. По землѣ онъ бѣгаетъ, когда ищетъ пищи. Полетъ его тяжелый, шумный, ускоренный быстрыми ударами крыльевъ, почти прямой и безъ крайней неохотности непродолжительный. Шумъ при взлетаніи глухарей съ земли на дерево очень сильный. И самецъ, и самка обыкновенно чрезвычайно боязливы. Ихъ зрѣніе и слухъ, но не обоняніе, крайне остры и они пользуются этой тонкостью чувствъ, чтобы избѣгать опасности издали». Гейеръ говоритъ то же самое и въ заключеніе прибавляетъ слѣдующее: «Чтобы убѣдиться въ тонкости ихъ обонятельныхъ органовъ, я во время тока подбѣгалъ къ глухарямъ при различномъ направленіи вѣтра и никогда не случалось, чтобы они замѣтили меня, благодаря вѣтру; отсюда я и вывелъ заключеніе, что обонятельные органы должны быть у нихъ менѣе развиты». Дурная погода, а также предстоящія бури, повидимому, уменьшаютъ пугливость глухарей. «Мы знаемъ одинъ примѣръ», продолжаетъ мой отецъ, «когда въ глухари, который сидѣлъ зимою нѣсколько дней на одномъ деревѣ, было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ, и онъ не улетѣлъ; вообще зимою часто можно гораздо легче подойти на выстрѣлъ къ этой пугливой дичи, чѣмъ лѣтомъ. Самки, такъ какъ ихъ шадятъ, менѣе осторожны, чѣмъ самцы, и во время спариванія часто такъ доверчивы, что подпускаютъ очень близко. По своему характеру глухари вполнѣ похожи на другихъ куринныхъ. Самецъ неуживчивая, вспыльчивая, задорная птица, которая, если можно по содержимымъ въ неволѣ выводитъ заключеніе о живущихъ на свободѣ, изъ году въ годъ живетъ въ раздорѣ съ другими представителями того же пола, и потому глухарь необходимо долженъ жить отшельникомъ. Но и по отношенію къ самкамъ онъ выказываетъ себя властолюбивымъ и гнѣвнымъ; насколько во время спариванія онъ сумасшествуетъ отъ любви, настолько равнодушенъ къ своей подругѣ въ остальное время. На содержимыхъ въ неволѣ я убѣдился, что довольно опасно держать пару глухарей вмѣстѣ, такъ какъ самецъ иногда безъ видимаго повода нападаетъ на самку и отвратительнымъ образомъ бьетъ ее. Еще менѣе можно держать съ нимъ обыкновенныхъ тетерекъ, такъ какъ ихъ онъ не только постоянно мучаетъ, но иногда и убиваетъ. Впрочемъ наблюдалось и противоположное поведеніе и въ неволѣ получали уже помѣси глухаря съ тетеркой. Между двумя самцами легко возникаютъ серьезныя битвы, но случается также, что тамъ, гдѣ глухари обыкновенны, иногда въ концѣ лѣта и осенью соединяются въ одно стадо много самцовъ и долгое время кочуютъ вмѣстѣ.

Когда глухарь начинаетъ токовать, въ лѣсу еще тихо. Можно развѣ только слышать черныхъ дроздовъ, дерябъ и гнѣвчихъ дроздовъ, для остальныхъ пѣв-

ГЛУХАРЬ.

ЛИТ. ШТАДЛЕРЪ И ПАТКИНОТЪ С.П.Б.

довь весна еще не настала. На высокихъ горахъ лѣсъ лежитъ еще погребенный въ снѣгу, даже на назменности почва лишь мѣстами освободилась отъ зимняго покрова. Если въ мартѣ много хорошихъ дней, то уже въ это время слышно токованіе нѣкоторыхъ глухарей; если за хорошими днями слѣдуетъ дурная погода, то самцы отъ мороза перестаютъ кричать. На горахъ средней высоты глухарь правильно токуетъ, начиная съ конца марта, между тѣмъ какъ ледяной холодъ высокихъ горъ по большей части на цѣлый мѣсяць задерживаетъ его любовныя восторги *). Токованіе происходитъ слѣдующимъ образомъ: сначала глухари, которые передъ тѣмъ жили часто далеко другъ отъ друга, отправляются на извѣстныя мѣста въ лѣсу, обыкновенно горные склоны, обращенные на востокъ и поросшіе молодымъ и старымъ лѣсомъ. Сюда собираются изъ окрестностей и самки съ похвальнымъ намѣреніемъ присутствовать при любовныхъ играхъ, даваемыхъ въ честь ихъ. Оба пола молчаливо прокрадываются туда вечеромъ къ 7 часамъ и съ громкимъ шумомъ взлетаютъ на отдѣльныя деревья. Гартигъ наблюдалъ иногда, что самки издавали на лету рѣзкій ворчащій звукъ, похожій на голосъ маленькой охотничьей собаки. Гейеръ говоритъ согласно съ моими наблюденіями, что самецъ, взлетѣвъ на дерево, стоитъ неподвижно нѣсколько минутъ, съ чрезвычайнымъ вниманіемъ изучаетъ и наблюдаетъ все вокругъ и при самомъ незначительномъ шумѣ, который покажется ему подозрительнымъ, слетаетъ съ дерева. Если все спокойно, онъ издаетъ обыкновенно, дѣлая странныя движенія шеи, особый звукъ, который русскіе охотники называютъ «кряканьемъ», а нѣмцы сравниваютъ съ хрюканьемъ поросенка (Worgen); это считается хорошимъ предзнаменованіемъ по отношенію къ току на слѣдующее утро.

Но это не значитъ еще, что токъ дѣйствительно произойдетъ на слѣдующее утро, такъ какъ глухарь-самецъ обнаруживаетъ, какъ утверждаютъ всѣ самостоятельно наблюдавшіе охотники, необыкновенно тонкое предчувствіе наступающей погоды. «Нерѣдко замѣчаютъ», говоритъ Гейеръ, «во время тока, что часто утромъ при самой прекрасной погодѣ, при которой у охотника уже впередъ радостно бьется сердце, и онъ считаетъ удачу обезпеченной, наступаетъ горькое разочарованіе, именно, ни одинъ глухарь не подаетъ голоса. Въ такомъ случаѣ можно быть увѣреннымъ, что въ теченіи 24 часовъ наступитъ дурная погода. Именно глухарь чувствуетъ, повидимому, приближеніе снѣга. Точно такъ-же часто бываетъ и обратное. Я наблюдалъ такой случай, когда ночью поднялась сильная мятель, продолжалась до полуночи и затѣмъ прекратилась, а на утро самцы все же подавали голосъ, какъ въ самое лучшее время тока. За такимъ явленіемъ слѣдуетъ обыкновенно продолжительная хорошая погода». Иначе вѣсказывается Вурмъ. «Холодъ и дурная погода», пишетъ этотъ авторъ, «препятствуютъ току лишь въ началѣ его; если онъ разъ идетъ, то можно убивать токующихъ глухарей въ бурю, дождь и снѣгъ, какъ неразъ случалось мнѣ самому. Только холодъ по крайней мѣрѣ въ 7—8 градусовъ Ц. заставляегъ ихъ замолкнуть». Не слишкомъ рѣдко случается, что самецъ токуетъ по настоящему уже вечеромъ, т. е. тотчасъ послѣ того, какъ усядется на дерево, подаетъ голосъ, затѣмъ слетаетъ иногда и на землю, играетъ здѣсь, гоняетъ передъ собою самокъ, если онѣ есть по близости, дѣлая всевозможные крайне смѣшныя прыжки, и наконецъ топчетъ ихъ. Но это исключенія. При дурной погодѣ, именно въ мятель, самецъ токуетъ

*) Уже съ половины февраля самцы, приготовляясь къ току, начинаютъ «чертить» т. е. на подобіе индѣйскихъ пѣтуховъ ходятъ съ опущенными крыльями и проводятъ бороды по снѣгу, что и служить для охотниковъ признакомъ начинающагося тока. *Прим. перев.*

въ рѣдкихъ случаяхъ и, вѣроятно, Гейеръ правъ, принимая, что токованіе въ дурную погоду можно объяснить лишь молодостью слишкомъ увлекшихся самцовъ. Какъ скоро утромъ на востокъ покажутся свѣтлыя полосы, приблизительно къ 3 или немного послѣ 3 часовъ утра, начинается токъ.

Онъ начинается такъ называемымъ щелканіемъ («Schmalzen» или «Knappen» нѣмецкихъ охотниковъ) и съ этого момента вниманіе охотника все возрастаетъ, пока не раздастся первый ударъ настоящаго токованія, который для охотниковъ лучше всякой музыки и заставляетъ у нихъ сильнее биться сердце. «Глухарь», говоритъ мой отецъ, «вытягиваетъ во время токованія голову, однако не всегда къ востоку, какъ утверждали, направляетъ ее косвенно впередъ, поднимаетъ перья на головѣ и горлѣ и начинаетъ издавать щелкающіе звуки, которые слѣдуютъ другъ за другомъ все быстрѣе, пока не раздастся главный ударъ и не начнется токованіе. Это послѣднее состоитъ изъ шипящихъ звуковъ, которые очень похожи на звукъ отъ точенія желѣзнаго инструмента, и слѣдуютъ другъ за другомъ въ нѣсколько пріемовъ; послѣдній звукъ растягивается. Обыкновенно тотчасъ послѣ начала токованія, рѣдко въ серединѣ той части его, которая состоитъ изъ щелкающихъ звуковъ, онъ нѣсколько поднимаетъ хвостъ, такъ что онъ занимаетъ среднее положеніе между вертикальнымъ и горизонтальнымъ, расширяетъ его вѣерообразно и оттопыриваетъ нѣсколько опущенныя крылья. Во время щелканія онъ иногда ходитъ по вѣтви мелкими шагами, во время точенья онъ находитъ почти всѣ перья и нерѣдко поворачивается кругомъ. Однако токованіе не всегда идетъ такъ правильно. Нѣкоторые дѣлаютъ среди щелканія паузу передъ главнымъ ударомъ, другіе послѣ него, третьи среди точенья, нѣкоторые издають лишь нѣсколько щелкающихъ звуковъ, а иногда случается, что глухарь въ одно и то же утро мѣшаетъ правильное токованіе съ неправильнымъ». По Вурму, можно «различать двѣ главныхъ позы во время токованія, которыя, впрочемъ, представляютъ переходы отъ одной къ другой. При обѣихъ крылья всегда опущены, а хвостъ болѣе или менѣе приподнятъ и распущенъ вѣеромъ. Одна — положеніе поющаго пѣтуха, другая — птицы, которая хочетъ спуститься внизъ съ дерева; первая бываетъ чаще въ томъ случаѣ, если глухарь токуетъ на землѣ или на вершинѣ дерева, вторая — на вѣтвяхъ дерева».

Особенно оригинальна незначительная сила звуковъ. Они раздаются такъ, какъ будто бы кто-нибудь ударялъ другъ о друга двѣ тонкихъ, гладкихъ палочки, и не позволяютъ опредѣленно различить никакой гласной; они не глухіе и не полные, не громки, не тихи, хотя слабы, но все-же слышны въ лѣсу на разстояніи 200—300 шаговъ; при приближеніи къ глухарю во время подскакиванія становятся немного рѣзче, чѣмъ прежде, но все-таки могутъ быть ясно различены уже на довольно значительномъ разстояніи. Все токованіе начинается медленно слѣдующими другъ за другомъ отрывистыми ударами, но промежутки почти равномерно становятся все короче, и удары наконецъ слѣдуютъ такъ быстро, что укорачиваются сами, и лишь послѣ главнаго удара наступаетъ короткая пауза. «Первый ударъ», говоритъ Гейеръ, «можно сравнить съ возгласомъ «тѣд»; затѣмъ слѣдуетъ «тѣд, тѣд, тѣд, тѣд» и наконецъ все быстрѣе «тѣд, ѣд, ѣд, ѣд и т. д. Этотъ ускоряющійся рядъ звуковъ удачно называется въ Австріи «трелью». Затѣмъ раздается такъ называемый главный ударъ, который звучитъ приблизительно, какъ «глак», и слышенъ громче предыдущихъ. Затѣмъ начинается удивительное точеніе, подражать которому хотя бы приблизительно не удалось еще ни одному смертному, несмотря на всевозможныя попытки и старанія, и вѣроятно никогда не удастся. Оно продолжается приблизительно 3½, но никогда не

болѣе 4 секундъ, можетъ быть сравниваемо съ точеньемъ длиннаго столоваго ножа объ оселокъ и звучить приблизительно, какъ «хейде хейде хейде хейде хейде хейде хейде хейдерей».

Я не намѣренъ обличать Гейера въ ошибку; но все же долженъ сказать, что данное Ллойдомъ изображеніе звуковъ точенья: «пеллѣп пеллѣп пеллѣп» и т. д. и главнаго удара «кликп» мнѣ болѣе нравится, чѣмъ даваемое Гейеромъ. Но я долженъ замѣтить, что звуки, которые можно назвать небными, вообще не могутъ быть переданы буквами. Однако вполне возможно, какъ показалъ мнѣ, къ немалому моему удивленію, одинъ молодой высокопоставленный охотникъ, такъ вѣрно подражать имъ ртомъ, что можно побожиться, что слышишь глухаря. Адольфъ и Карлъ Мюллеръ полагаютъ, что первое медленное и отрывистое щелканье можно передать губными и небными звуками какъ «бѣ-лю» или «бѣ-ли», а ускоренное— черезъ «блю-блю-блю-блю-блю», причемъ слѣдуетъ особенно ударять на «б». Принимая данное Бехштейномъ изображеніе трели черезъ «дѣдельрр», которое кажется имъ очень удачнымъ, они полагаютъ, что все токованіе можно выразить приблизительно черезъ «блю блю блю блю блю-дѣдельрр-клак-цшиц-шиц-шиц шіуит». На одномъ глухарѣ, котораго я держалъ въ неволѣ и который правильно и крайне усердно токовалъ каждую весну, я наблюдалъ и именно на разстояніи едва одного метра, что щелканье производится при открытомъ клювѣ и по всей вѣроятности съ помощью сильнаго напряженія мускуловъ гортани. По крайней мѣрѣ при главномъ ударѣ гортань глухаря встряхивается совершенно такъ-же, какъ наша гортань при сильномъ щелканьи языкомъ. Каждое новое точенье возбуждаетъ глухаря все болѣе и болѣе. Онъ ходитъ взадъ и впередъ по вѣтви, часто испражняется, хватаетъ тою или другой ногой по воздуху, прыгаетъ также съ вѣтви на вѣтвь или вытягивается въ длину, короче, находится въ извѣстнаго рода восторженномъ состояніи, которое заставляетъ его иногда забывать все окружающее. Это доходитъ до того, что онъ не обращаетъ вниманія даже на звукъ ружейнаго выстрѣла, даже если выстрѣлъ былъ направленъ въ него, конечно въ томъ случаѣ, если его не задѣла ни одна дробинка. «Всѣ глухари», говоритъ мой отецъ, «сходны между собою въ томъ отношеніи, что плохо слышатъ во время точенья; однако зрѣніе у нихъ не ослабѣваетъ*). Мы отправились однажды на глухариный токъ и когда одному изъ насъ для того, чтобы подбѣжать къ глухарю, пришлось перейти полянку, глухарь слетѣлъ среди точенья и совершенно замолкъ—ясное доказательство того, что онъ замѣтилъ стрѣлка. Другой разъ мы во время точенья стали высѣкать огонь подъ глухаремъ. Шумъ отъ высѣканія огня онъ не слышалъ, но хорошо видѣлъ искры. Третій разъ мы замѣтили, что глухарь замолкъ среди точенья, когда подъ нимъ махнули бѣлымъ носовымъ платкомъ»: Мой отецъ полагалъ, что сильное сжатіе воздуха, приводимаго въ движеніе токующей птицею, шумъ, производимый ею самой, служатъ причиною глухоты; но я не могу присоединиться къ его взгляду, а долженъ согласиться съ Гадамеромъ, который считаетъ такъ называемую глухоту и слѣпоту слѣдствиемъ до крайности возбужденной чувственности, которая заставляетъ птицу забывать все окружающее.

Каждый наблюдатель, который видѣлъ глухаря, токующаго въ неволѣ, приходитъ къ убѣжденію, что дѣятельности чувствъ обезумѣвшей отъ похоти птицы вредитъ исключительно возбужденіе, достигающее крайней степени. Во время наступающаго точенья онъ поднимаетъ обыкновенно голову вертикально вверхъ и легко

*) Русскія названія «глухарь и глухой тетеревъ» и происходятъ отъ того, что охотники замѣтили это свойство глухаря во время токованья.

может случиться, что его глаз не замѣчаетъ того, что происходитъ подъ нимъ, не говоря уже о томъ, что при такихъ движеніяхъ головы мигательная перепонка глаза покрываетъ болѣе половины глазного яблока. Но что онъ видитъ и слышитъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, и я могу подтвердить искусно произведенное изслѣдованіе Гадамера собственными наблюденіями надъ моими питомцами. «Я держалъ около четырехъ лѣтъ ручного глухаря», говоритъ этотъ изслѣдователь, «и имѣлъ удовольствіе каждую весну слышать его токованіе. Мнѣ пришло въ голову испытать его слухъ и зрѣніе, въ чемъ мнѣ помогъ мой отецъ. Какъ точны должны были быть результаты опыта, ясно изъ того, что глухарь продолжалъ усердно токовать и тогда, когда около него стояли такъ близко, что можно было дотронуться до него рукой. Самъ я сталъ рядомъ съ нимъ, а отецъ отошелъ съ заряженнымъ ружьемъ на 40 шаговъ, но такъ, что могъ точно слышать начало точенья, чтобы въ надлежащій моментъ дать выстрѣлъ. Когда глухарь сталъ точить, отецъ выстрѣлилъ. Глухарь быстро повернулъ голову въ ту сторону, откуда раздался выстрѣлъ и своимъ поведеніемъ показалъ, что хорошо слышалъ его, но не переставалъ точить. Этотъ опытъ былъ повторенъ разъ до десяти и каждый разъ замѣчалось то же движеніе глухаря. Выстрѣлъ пистолетомъ онъ тоже слышалъ. Въ періодъ токованія онъ былъ очень злобенъ и клевалъ все, что къ нему приближалось. Это дало мнѣ поводъ испытать его зрѣніе. Въ то время, когда онъ точилъ, я протягивалъ руку, какъ бы желая дотронуться до его головы. Но каждый разъ я долженъ былъ отдергивать руку, такъ какъ среди точенья онъ клевалъ по направленію къ ней; мало того, если онъ точилъ, повернувшись къ намъ спиною, то тотчасъ же повертывался, дѣлая прыжокъ, если его хотѣли взять за хвостъ».

Опытный Вурмъ описываетъ и объясняетъ явленія, о которыхъ идетъ рѣчь, слѣдующимъ образомъ: «Чувства токующего глухаря, конечно, нѣсколько отуманены, когда онъ предается, всегда осторожно осматрѣвшись, страсти къ пѣнію, любовному возбужденію и битвамъ изъ ревности, однако не болѣе, чѣмъ у другихъ животныхъ или даже у человѣка въ подобныхъ условіяхъ. Всѣ наблюденія и опыты указываютъ, что глухарь, даже во время самаго сильнаго точенья, превосходно видитъ, воспринимаетъ другія впечатлѣнія и владѣетъ всѣми своими движеніями. Онъ лишь потому бываетъ слѣпъ при токованіи на деревьяхъ, (но при токованіи на землѣ эта слѣпота не такъ замѣтна), что обыкновенно вытягиваетъ въ это время голову вверхъ и часто надвигаетъ на глаза мигательную перепонку. Напротивъ того, полная глухота во время припадковъ точенья — неопровержимый фактъ. Немногочисленные опыты, произведенные надъ глухарями въ неволѣ, которые, повидимому, ослабляютъ несомнѣнность этого факта, не имѣютъ значенія, такъ какъ во первыхъ эти полуручныя птицы и сами по себѣ токують съ извѣстной сдержанностью, во вторыхъ приписываемыя имъ воспріятія звуковъ можно такъ же хорошо считать и за осязательныя или зрительныя впечатлѣнія и въ третьихъ сотни собственныхъ опытовъ при охотѣ на току (кашель, крикъ, ломанье льда и вѣтвей, промахи на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ) показали мнѣ, что всѣ глухаря-самцы безъ исключенія во время токованія вполнѣ глухи. Обладая такими безпристрастными наблюденіями, я долженъ безусловно отвергнуть пріятіе «душевной глухоты», старую фразу о «любвонномъ безуміи и очарованіи», а объяснить эту глухоту, которая замѣчается только нѣсколькими секундами во время точенья, механическими или анатомо-физиологическими причинами. Это отсутствіе слуха на основаніи моихъ первыхъ изслѣдованій по этому вопросу, опубликованныхъ 18 лѣтъ тому назадъ, обуславливается тѣмъ, что связанное съ точеньемъ сильное напряженіе тѣла, которое приводитъ въ дрожаніе,

ощущаемое рукою, даже самый толстый стволъ дерева, на которомъ глухарь токуетъ, причиняетъ застой крови въ головѣ, какъ у играющаго на трубѣ или сильно кашляющаго человѣка. Но кромѣ того именно у глухаря (а съ нѣсколькими расположеніемъ и у индюка), у задней стѣнки слухового прохода свѣшивается большая набухающая складка кожи, которая, наливаясь кровью, ведетъ къ временному закрытію слухового прохода, тѣмъ болѣе, что въ то же время костяной отростокъ угла нижней челюсти, лишь у глухаря достигающій громадной величины (25—27 мм.), во время точенья, при которомъ клювъ широко открытъ, сильно подвигается впередъ передъ ушнымъ отверстіемъ и этимъ совершенно сжимаетъ его. Тотъ же механизмъ приходитъ въ дѣйствіе, производя такую же глухоту, когда глухарь (не во время спариванья) «поетъ» осенью, когда онъ, шипя, смотритъ съ дерева на лающую на него собаку, когда онъ дерется съ соперникомъ. Стоитъ птицѣ закрыть клювъ, и она снова обладаетъ очень тонкимъ слухомъ. Наши читатели могутъ сами въ любое время вызвать у себя эту глухариную глухоту, если заткнуть пальцами оба уха и начать громко говорить: шумъ собственного голоса заглушаетъ тогда всякій наружный шумъ. Объ очарованіи или сумасшествіи здѣсь не можетъ быть рѣчи. Это мое объясненіе было тотчасъ принято почти всѣми изслѣдователями и охотниками. Только Граффъ желаетъ исключить сдавливаніе нижнечелюстнымъ отросткомъ, а Швальбе отвергаетъ и то, и другое и считаетъ «вѣроятнымъ» нагнетаніе воздуха въ слуховой аппаратъ. Это въ свою очередь кажется мнѣ невѣроятнымъ, такъ какъ и глухари со свѣжими ранами дыхательнаго горла глухи во время токованія и такъ какъ они всѣ безъ исключенія широко открываютъ клювъ при точеніи, слѣдовательно никоимъ образомъ не могутъ въ то же время нагнетать воздухъ. Наконецъ Эвальдъ поясняетъ, на основаніи своихъ изслѣдованій надъ голубями, что причиной «глухоты» должно считать натяженіе барабанной перепонки и повышенное давленіе слуховой жидкости. Но въ такомъ случаѣ каждая поющая птица должна бы быть глухою! Мы останавливаемся долго на этомъ вопросѣ потому, что онъ не только крайне интересенъ въ научномъ отношеніи, но также касается и своеобразнаго способа охоты за глухарями, такъ какъ безъ наступленія этой періодической глухоты охотиться во время токованія было-бы невозможно. Случается иногда неслышно подойти на выстрѣлъ къ «разбѣянному», кричащему оленю, токующему косачу, воркующему голубю, ищущему червей бекасу, разбойничавшей лисѣ, но эта душевная глухота случается гораздо рѣже, менѣе полна и болѣе ограничена, чѣмъ чрезвычайная глухота глухарей».

Необыкновенное возбужденіе, въ которомъ находится птица во время токованія, иногда извѣстнаго рода помѣшательство, объясняетъ до нѣкоторой степени то, что она продѣлываетъ подчасъ невѣроятныя сумасбродства. Такъ, Вильдунгенъ рассказываетъ объ одномъ глухарѣ, который вдругъ бросился на пилившихъ дровосѣковъ, сталъ бить ихъ крыльями и клевать; его едва удалось прогнать. Другой, по словамъ того же автора, вылетѣлъ даже на поле, загородилъ дорогу лошадымъ крестьянина и испугалъ ихъ, третій напалъ на каждаго, кто приближался къ тому мѣсту, гдѣ онъ сидѣлъ, и пытался даже завязывать драку съ лошадыми дѣсниковъ. «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ», рассказываетъ мой отецъ, «по близости того мѣста, гдѣ я жилъ, держался одинъ глухарь, который привлекалъ общее вниманіе. Въ теченіи времени тока и послѣ него онъ всегда сидѣлъ около довольно часто посѣщаемой дороги и обнаруживалъ полное отсутствіе страха передъ людьми. Въмѣсто того, чтобы обращаться въ бѣгство, онъ приближался къ нимъ, бѣжалъ рядомъ, кусалъ ихъ за ноги, билъ крыльями, и его было

трудно отогнать. Одинъ охотникъ схватилъ его и отнесъ на мѣсто, отстоявшее на два часа отъ этой дороги. На слѣдующее утро онъ былъ уже опять на прежнемъ мѣстѣ. Одинъ любитель охоты поднялъ его съ земли и взялъ подъ мышку, чтобы отнести къ старшему лѣсническому. Глухарь сначала былъ спокоенъ, но когда онъ увидѣлъ, что его лишили свободы, то началъ скрести ногами, такъ что разорвалъ въ клочки сюртукъ тому, кто его несъ, и его пришлось отпустить. Для суевѣрныхъ людей эта птица была страшнымъ животнымъ. Такъ какъ этотъ глухарь часто нападалъ на лѣсныхъ воровъ, то по всей мѣстности шла молва, будто бы лѣсничіе какимъ-то чародѣйствомъ заключили въ этого глухаря нечистую силу и заставляли его всегда появляться тамъ, куда не могли явиться сами. Эта молва сохранила птицѣ, которая, повидимому, имѣла особенную охоту драться съ людьми, жизнь на нѣсколько мѣсяцевъ, пока она не исчезла неизвѣстно какимъ образомъ. Вѣроятно какой-нибудь несуетливый человѣкъ, которые встрѣчаются и въ нашихъ мѣстахъ, схватилъ и убилъ ее».

Обыкновенно храбрость глухаря не доходитъ до такой степени; но извѣстное желаніе драться онъ обнаруживаетъ въ теченіи тока при всякихъ обстоятельствахъ. Старый глухарь не терпитъ ни одного молодого въ участіи шаговъ въ 500 въ окружности, не допускаетъ, чтобы молодой токовалъ, и бьется по-рыцарски на жизнь и смерть съ каждымъ соперникомъ, который сопротивляется ему. Въ самомъ благоприятномъ случаѣ одинъ изъ нихъ наноситъ другому тяжелыя раны въ голову; но не слишкомъ рѣдко одинъ изъ бойцовъ остается мертвымъ на мѣстѣ боя. Молодые глухари, которые знаютъ, что по близости есть одинъ изъ старыхъ героевъ тока, токують лишь тихонько.

Токованіе продолжается до солнечнаго восхода и обыкновенно бываетъ всего оживленнѣе при наступленіи дня. Говорятъ, будто бы замѣчали, что всѣ глухари токують особенно усердно, если въ утренніе часы на небѣ виденъ серпъ мѣсяца; причину этого должно, вѣроятно, искать просто въ томъ, что тогда утро стоитъ болѣе свѣтлое. Когда дѣлается совѣтъ свѣтло, глухарь спускается съ дерева и соединяется съ самками, которыя бродятъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него. Иногда случается, что одна изъ влюбленныхъ самокъ приближается къ токующему самцу съ зовомъ и нѣжнымъ «бак-бак» приглашаетъ его къ себѣ. Такому зову его сердце не можетъ слишкомъ долго противостоять: онъ падаетъ иногда, услышавъ любовные звуки, какъ камень, съ дерева и начинаетъ на землѣ странный танецъ. Но обыкновенно онъ долженъ отыскивать самокъ и нерѣдко довольно далеко летать за ними. «Около самокъ», пишетъ мой отецъ, «онъ токуеть каждый разъ на землѣ, ходитъ при этомъ вокругъ нихъ и топчетъ ихъ, когда онѣ совершенно присѣдаютъ къ землѣ. Со сколькими самками самецъ можетъ спариться въ одно утро, нельзя опредѣлить, такъ какъ онъ рѣдко имѣетъ ихъ болѣе 3 или 4 около себя и едва-ли находитъ ихъ столько, сколько бы желать. Самки, повидимому, чувствуютъ больше склонности къ одному самцу, чѣмъ къ другому; отсюда и возникаютъ жаркія битвы, которыя вообще рѣдко происходятъ во время самаго токованія, а по большей части около самокъ и на землѣ. При этомъ самцы приходятъ въ такую ярость, что иногда можно схватить одного изъ нихъ руками. Нѣкоторымъ самцамъ вовсе не удается спариться и въ такомъ случаѣ они токують еще въ маѣ и даже въ іюнѣ и еще разъ въ августѣ, но это рѣдкій случай». Въ прекрасную сухую погоду токованіе, по словамъ Гартига, всегда предшествуетъ спариванью; въ неприятную, сырую погоду спариванье происходитъ безъ всякихъ подготовленій.

На третью или четвертую недѣлю тока удовлетворенные самцы возвращаются

обратно на свои обычные мѣста, часто далеко отстоящія отъ мѣстъ токованія, а самки приступаютъ къ постройкѣ гнѣздъ. Каждая изъ нихъ выбираетъ для этого удобное мѣсто и отдѣляется отъ остальныхъ. Гнѣздо представляетъ довольно плоское углубленіе около стараго древеснаго ствола или около отдѣльно стоящей густой ели, среди вереска или въ ягодныхъ кустахъ и выстилается развѣ лишь небольшимъ количествомъ сухихъ вѣтокъ. «Къ сожалѣнію», говоритъ Гейеръ, «самка недостаточно осторожна, чтобы отыскать такое мѣсто, которое бы было мало подвержено нападенію хищниковъ, а также и злыхъ людей. Обыкновенно бываетъ противоположное, и большая часть гнѣздъ находится безъ всякой защиты при дорогахъ или тропинкахъ, по которымъ ходятъ; этимъ можно объяснить и незначительное размноженіе глухарей». Число яицъ въ одной кладкѣ колеблется, смотря по возрасту матери. Молодые самки рѣдко кладутъ болѣе 6—8 яицъ, болѣе старыя — 10—12. Яйца по отношенію къ птицѣ малы, длиною лишь 60—70 мм., толщиною 48—52 мм., а по многимъ измѣреніямъ Вурма, длина ихъ равняется всего 52—62 мм., а толщина 40—43 мм. Они продолговаты, спереди закруглены, мало выпуклы, сзади тупозаострены, имѣютъ довольно тонкую и гладкую скорлупу, блестящую, съ малозамѣтными порами и на желто-буромъ или грязно-желтомъ, рѣже сѣро-буровато-желтомъ фонѣ разрисованы чаще или рѣже сѣро-желтыми, буро-грязно-желтыми, свѣтлыми и каштаново-бурыми пятнами и точками, а иногда и болѣе темными разводами. Высиживаніе продолжается въ среднемъ 28 дней, при благоприятной погодѣ иногда однимъ днемъ меньше, при неблагоприятной однимъ больше. Глухарка высиживаетъ яйца съ преданностью, по истинѣ трогательной. Такъ, по словамъ Гейера, можно, напримѣръ, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время высиживанія, поднять самку руками съ гнѣзда и снова посадить обратно, причѣмъ она не обнаруживаетъ никакого страха и не улетаетъ съ гнѣзда. «Это даетъ возможность защищать всѣ тѣ гнѣзда, которыя болѣе подвержены опасности, устраивая вокругъ нихъ извѣстнаго рода заборы или ограду и оставляя для входа и выхода промежутки, какъ разъ достаточный для того, чтобы самка могла черезъ него проскользнуть. Этотъ приемъ иногда употреблялся въ Германіи, и самка безъ затрудненія переноситъ его». Къ сказанному Вурмъ прибавляетъ еще слѣдующее: «Объ усердномъ высиживаніи свидѣтельствуютъ и бросающіяся въ глаза «своеобразныя испражненія» самокъ, которыя находятъ на лѣсныхъ дорогахъ всегда на разстояніи около 50 шаговъ отъ гнѣзда. Это достигающіе величины куринаго яйца комки задержавшихся въ концѣ кишечника, совершенно свалившихся цилиндрическихъ испражненій, въ которыхъ можно различать бѣлую мочу. У другихъ высиживающихъ птицъ также образуются подобныя особенныя испражненія во время насиживанія вслѣдствіе неподвижности, повышенной температуры и пренебреженія питьемъ. Въ Шотландіи наблюдали три раза, что самки глухарей пользовались для устройства гнѣзда старыми гнѣздами хищныхъ птицъ на соснахъ и счастливо выводили въ нихъ птенцовъ».

«Когда птенцы вылупились», продолжаетъ Гейеръ, «то по прошествіи нѣсколькихъ часовъ, надлежащимъ образомъ обсохнувъ, они убѣгаютъ прочь вмѣстѣ съ матерью и, начиная съ этого времени, она охраняетъ ихъ съ необыкновенной любовью и заботливостью. Если случится неожиданно натолкнуться на выводокъ, то бываетъ трогательно видѣть, съ какимъ крикомъ и шумомъ глухарка встрѣчаетъ человѣка. Въ одно мгновеніе всѣ птенцы исчезаютъ; они умѣютъ такъ хорошо прятаться, что дѣйствительно трудно найти одного изъ нихъ. Этимъ они обязаны главнымъ образомъ своей окраскѣ. Часто, и именно среди валежника, птенцы бывали у меня подъ ногами, они не умѣли еще летать и тѣмъ не менѣе

мнѣ рѣдко удавалось отыскать одного изъ нихъ. Печальнѣе, конечно, судьба выводка, если является хитрая лиса со своимъ безошибочнымъ чутьемъ. Матери иногда удается общеизвѣстная хитрость, состоящая въ томъ, что она бѣжитъ и порхаегь въ 3—4 шагахъ отъ лисацы, притворяется, что у нея подбиты крылья, и такимъ образомъ отводитъ лису отъ птенцовъ, а затѣмъ вдругъ поднимается, прокрадывается на то мѣсто, гдѣ оставила птенцовъ, и хорошо извѣстными звуками «глюк-глюк» даетъ знать, что опасность прошла. Собравши птенцовъ, она съ возможною торопливостью удаляется въ противоположномъ направленіи. Если-же ей не удается это, то дѣло оканчивается часто очень печально, и нерѣдко не остается въ живыхъ ни одного птенца».

При благоприятныхъ обстоятельствахъ тетеревята быстро вырастаютъ подъ заботливымъ руководствомъ матери. Пища ихъ состоитъ почти исключительно изъ насѣкомыхъ. Мать водить ихъ на удобныя мѣста, разрываетъ землю въ мѣстахъ, обѣщающихъ поживу, подзываетъ крикомъ «бак-бак», кладетъ имъ на клювъ муху, жука, личинку, гусеницу, червя, маленькаго слизняка и тому подобное и такимъ образомъ приучаетъ ихъ ѣсть. Любимую пищу ихъ составляютъ куколки всѣхъ видовъ муравьевъ. Мать выбѣгаетъ часто съ птенцами на опушки лѣса, чтобы отыскивать муравейники на лугахъ и межахъ. Пайдя муравейникъ, она роетъ, пока не покажутся куколки, и затѣмъ созываетъ весь выводокъ, который поспѣшно глотаегь этотъ хорошій кормъ. Когда птенцы подростутъ, они ѣдятъ почти все, что ѣсть и мать. Уже по прошествіи немногихъ недѣль они настолько оперяются, что могутъ взлетать на деревья или по крайней мѣрѣ порхать; но настоящее опереніе они получаютъ лишь гораздо позднеѣ. Относительно этого мой отецъ произвелъ самыя тщательныя наблюденія, и они то и служатъ основаніемъ для всѣхъ описанныхъ до настоящаго времени описаній различныхъ стадій развитія оперенія молодыхъ.

Въ гнѣздовомъ или пуховомъ нарядѣ лобъ и уздечка—ржаво-желтые и украшены двумя бурными продольными полосками, начинающимися позади ноздрей, и находящимся на уздечкѣ бурнымъ пятномъ; надъ глазами дугообразно тянется бурая черта, между ними пробѣгаютъ двѣ соединяющіяся сзади черно-бурныя полосы; задняя часть головы ржаваго цвѣта съ черноватой поперечной полоской, перпендикулярно къ которой тянется полоска вдоль середины ржаво-желтой шеи. Бока головы ржаво-желтые, съ бурой или черноватой чертой позади глазъ; перья спины ржаваго цвѣта съ черноватыми и бурными пятнами и полосками; перья нижней стороны сѣровато-сѣрно-желтыя, свѣтлѣе всего на горлѣ. Глаза голубовато-сѣрые, зрачки свинцоваго цвѣта; верхняя половинка клюва темнаго, нижняя свѣтлаго роговаго цвѣта; пальцы и когти ногъ, уже одѣтыхъ пухомъ, желтоватые. Черезъ нѣсколько дней послѣ выхода изъ яйца пробиваются маховыя перья, за ними спинныя и грудныя перья, и наконецъ перья головы, которая долѣе всего остается неоперенной, и теперь одежда птенца переходитъ въ первое опереніе. Въ немъ нѣтъ мелкія перья головы, задней части шеи и спины у корня сѣровато-черныя, на концѣ бѣловатыя, вдоль стержня съ ржаво-желтой полоской, на остальномъ протяженіи испепренны черными и ржаво-желтыми поперечными пятнами; маховыя перья сѣровато-черныя съ ржаво-желтыми пятнами и поперечными полосками; верхнія кроющія перья крыла похожи на спинныя; перья нижней стороны тѣла ржаво-желтыя съ бурными пятнами и поперечными полосками. Во второмъ опереніи перья головы и задней части шеи ржаво-сѣро-желтыя съ черноватыми и бурными поперечными полосками и зигзагообразными линіями, перья спины разрисованы такимъ-же образомъ по ржаво-бурому фону, мѣсто подъ глазами съ буро-

ватыми и бѣлыми пятнами, горло сѣро-бѣлое съ темно-сѣрыми каемками и поперечными пятнами, передняя часть шеи ржаво-желтовато-бѣлая съ черноватыми поперечными полосками и ржавой каемкой на кончикѣ, передъ которой иногда находится еще черноватая; зобъ ржаво-желтый съ бѣловатыми кончиками перьевъ и пятнами, остальная нижняя сторона тѣла покрыта бѣлыми и ржаво-желтыми, бурными и поперечно-полосатыми перьями, которыя образуютъ очень неправильный рисунокъ. Глаза голубоватые, зрачки сѣрые, клювъ рогового цвѣта; пальцы рогового сѣраго цвѣта, когти рогового бѣловатаго, плюсны все еще усажены сѣрымъ пухомъ. До сихъ поръ самцы и самки окрашены сходно, но уже замѣтно различіе въ величинѣ.

Одежда самки постепенно переходитъ теперь безъ замѣтныхъ различій въ цвѣтѣ въ окончательную, а самецъ получаетъ еще третье опереніе. Въ немъ голова черновато-сѣрая съ ржавымъ налетомъ на передней половинѣ, всюду съ свѣтлыми пепельно-сѣрыми разводами; задняя часть и бока шеи пепельно-сѣраго цвѣта, незамѣтно переходящаго въ желто-сѣрый съ очень тонкими зигзагообразными линіями; такова же окраска нижней части спины и гузки, а окраска верхней части спины матово-ржаво-бурая съ черно-бурными зигзагообразными линіями. Маховыя перья, имѣющія еще тупые кончики, сѣро-чернаго цвѣта съ матово-ржаво-желтыми пятнами и краями; перья плеча, какъ и верхнія кроющія перья крыла, темнаго ржаво-бурого цвѣта съ бѣловатыми пятнами на концахъ и черноватыми, очень узкими зигзагообразными линіями. Опереніе горла сѣро-бѣлое съ черноватыми и темно-сѣрыми краями на концахъ перьевъ; опереніе передней части шеи съ бѣловатыми, черноватыми и пепельно-сѣрыми пятнами и разводами, опереніе зоба посрединѣ и тамъ, гдѣ онъ примыкаетъ къ верхней части шеи, черное съ ржавыми и сѣрыми каемками на концахъ перьевъ, остальная часть его ржавого цвѣта съ примѣсью черноватаго и черно-бурого. На срединѣ груди всѣ перья черныя съ ржавыми крапинками и пятнами и съ бѣлыми кончиками, на бокахъ матово-ржаво-бурья съ бѣлыми концами и черными зигзагообразными линіями, на брюхѣ и голени перья окрашены смѣсью бѣлаго и сѣро-бѣлаго цвѣта. Глаза черные, зрачекъ бурый, клювъ рогового цвѣта, снизу свѣтлѣе, по краю рогового бѣловатаго цвѣта; плюсна одѣта до мѣста прикрѣпленія пальцевъ бѣло-сѣрыми, пушистыми перьями; пальцы рогового цвѣта, кости сзади темнаго, спереди свѣтлаго рогового цвѣта. Когда молодой глухарь достигаетъ половины своей окончательной величины, то у него пробиваются перья окончательнаго оперенія и прежде всего на крыльяхъ и въ хвостѣ, затѣмъ на бокахъ, груди, а позднѣе на остальной тѣлѣ. Ростъ и развитіе всѣхъ перьевъ идетъ такъ медленно, что когда новая одежда птицы вполнѣ закончена, то и величина ея почти полная. Позднѣе глухарь ежегодно линяетъ лишь однажды, но при этомъ перемѣняетъ въ то же время и роговой покровъ клюва, плюснъ и когтей. Молодые самки становятся взрослыми и способными къ размноженію въ первую осень, молодые глухари—на слѣдующую весну; и тѣ, и другіе потомъ только вырастаютъ и толстѣютъ.

Поздней осенью молодое семейство раздѣляется по поламъ: самки остаются при матери; самцы кочуютъ сообща, издають отъ времени до времени свой голосъ (осенній токъ), иногда дерутся и на слѣдующую весну начинаютъ вести образъ жизни старшихъ.

Кромѣ лисицы и ястреба за глухарями охотятся еще много враговъ. Старые самцы, правда, безопасны отъ большинства враговъ, благодаря своей осторожности и жизни на деревьяхъ; напротивъ, вѣжные птенцы, а еще болѣе яйца,

подвергаются сильным нападениям различных хищников, а также и более слабые самки часто становятся добычей крупных хищников и особенно орла и филина. «Даже более мелкие виды соколов», говорит Вурмъ, «легко одолевают утомленную бѣгствомъ глухарку, и поэтому она чрезвычайно боится ихъ и избѣгаетъ показываться днемъ на открытомъ мѣстѣ. Безразсудное бѣгство отъ хищныхъ птицъ угоняетъ иногда глухарей на большое разстояніе и въ самые странныя мѣста: въ жилища, погреба, дымовыя трубы, конюшни и т. д., даже въ большіе города, и нѣкоторые глухари при этомъ убиваются, налетая со всего размаха на стѣны и древесныя стволы». Личамъ угрожаютъ всѣ хищныя млекопитающія и кромѣ того вороны, а также, къ сожалѣнію, они довольно часто попадаютъ въ руки неразумныхъ людей: иной пастухъ или дровосѣкъ лакомится яичницей, которою онъ не обязанъ своимъ домашнимъ курамъ. Тамъ, гдѣ охоту завѣдуютъ хорошіе лѣсничіе, всюду глухарямъ оказываютъ необходимую пощадку. Ни одинъ настоящій охотникъ не убьетъ самки: охотятся исключительно на самцовъ и то лишь во время тока. Это понимаетъ каждый, кому пришлось хоть разъ самому выйти въ ранніе утренніе часы, чтобы прислушиваться къ токующему глухарю, а если возможно, то и убить его. Это дѣйствительно охота въ полномъ смыслѣ этого слова: глухарь и во время токованія остается обыкновенно осторожнымъ и позволяетъ перехитрить себя лишь опытному охотнику. Именно трудность охоты и увеличиваетъ доставляемое ею удовольствіе. Главную прелесть составляетъ время и мѣсто. «Передъ утромъ при свѣтѣ мѣсяца», такъ описываетъ эту охоту Кюбель, «охотникъ отправляется въ лѣсъ; если небо пасмурно, онъ зажигаетъ факель и идетъ такъ, пока не приблизится къ мѣсту тока. Дорога идетъ часто между старыми деревьями, которыя принимаютъ фантастическій видъ при свѣтѣ горящаго факела, или ведетъ въ чащу изогнутыхъ кривыхъ деревьевъ, которыя глядятъ на человѣка, точно какія-то странныя живыя фигуры, и настроеніе становится все болѣе и болѣе напряженнымъ. Отъ времени до времени охотникъ прислушивается среди ночной тишины къ токованію, котораго онъ, быть можетъ, ожидаетъ еще болѣе страстно, чѣмъ самка глухаря, для которой оно предназначено. Возникаетъ опасеніе, что глухарь, пожалуй, не будетъ токовать, какъ нерѣдко случается. Но когда изъ лѣсной темноты раздастся щелканье и тихое точенье, сердце охотника бьется сильнѣе, и все его вниманіе обращается на подсакиванье во время точенія».

Самое подсакиваніе требуетъ опытности, такъ какъ одного неосмотрительнаго движенія достаточно для того, чтобы спугнуть глухаря. «Каждый разъ, какъ охотникъ услышитъ главный ударъ, во время такъ называемаго точенья», учить Гейеръ, «онъ приближается двумя или тремя прыжками или большими шагами и затѣмъ опять спокойно ожидаетъ слѣдующаго точенья, продолжая въ то же время соблюдать возможную осторожность. Такъ подсакиваніе продолжается до тѣхъ поръ, пока по звуку токованія глухаря не станетъ ясно, что охотникъ подошелъ къ нему на разстояніе выстрѣла. Замѣтивъ наконецъ птицу, взводятъ курокъ ружья, прицѣливаются во время точенья, спокойно ожидаютъ слѣдующаго токованія, стрѣляютъ и убиваютъ птицу».

Сказанное производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы охота эта была очень проста, но я, по собственному опыту, долженъ сказать, что въ дѣйствительности совсемъ иначе. Охотничья лихорадка овладѣваетъ и самымъ спокойнымъ стрѣлкомъ; ему становится трудно сдерживать громкое бѣшеніе сердца, соразмѣрять шаги, спокойно ожидать слѣдующаго точенья. Очень часто едва бываешь въ силахъ стоять на мѣстѣ; нерѣдко случается, что, несмотря на величайшую осторожность, которую соблюдаетъ охотникъ, глухарь все же своевременно замѣчаетъ стрѣлка и улетаетъ,

что его предупреждаютъ бдительныя самки, что его спугиваетъ другая поднятая дичь въ то время, когда охотникъ считаетъ его уже въ своей власти. И даже если онъ счастливо подошелъ подь самое дерево, то по большей части бываетъ трудно увидѣть эту большую птицу; настоящее время для охоты наступаетъ именно въ утреннія сумерки и, несмотря на величину глухаря, его трудно различить въ темной вершинѣ ели, еще труднѣе вѣрно прицѣлиться въ него. «Но если выстрѣлъ удаченъ», говоритъ Кобель, «если глухарь съ шумомъ падаетъ внизъ сквозь вѣтви и тяжело шлепается о землю, охотникъ беретъ крупную птицу и при первыхъ утреннихъ лучахъ видитъ, что это полнолѣсный, старый самецъ. Тогда онъ, конечно, чувствуетъ радость и съ удовольствіемъ прикрѣпляетъ къ шляпѣ прекрасныя, черныя хвостовыя перья, испещренныя на концѣ бѣлымъ».

Скандинавскіе, а также и русскіе крестьяне и промышленники относительно рѣдко охотятся на току, считая эту охоту мало производительной. У нихъ, гдѣ глухари играютъ важную роль въ пищѣ народа и составляютъ предметъ вывоза, ихъ добываютъ по большей части петлями, сѣтями и ловушками, стрѣляютъ изъ мелкокалиберныхъ винтовокъ на охотѣ съ «лайкою», въ засадахъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ глухари кормятся, подманиваютъ ихъ, охотятся ночью съ факелами, подкрадываются къ нимъ на лыжахъ, въ саняхъ и т. п., наконецъ ловятъ ихъ также съ помощью ручной сѣти, когда они прячутся подь снѣгомъ. Поэтому русское правительство увидѣло себя вынужденнымъ издать охранительные законы. Лишь немногіе охотники-господа охотятся на глухарей, кромѣ охоты на току, также и съ загонщиками или съ легавой собакой. Въ Бернскомъ Оберландѣ, по словамъ Чуди, охотники на глухарей одѣвали обыкновенно поверхъ одежды бѣлую рубаху, когда подкрадывались къ токующимъ глухарямъ на лыжахъ.

О различномъ употребленіи убитаго глухаря Вурмъ говоритъ слѣдующее. «Его большія хвостовыя перья идутъ на вѣера и даже на экраны передъ печами, его маховыя перья—на метелки, ноги—на ручки пресъ-папье и ножки бокаловъ, изъ желудочныхъ камешковъ выдѣлываютъ мелкія охотничьи украшения и наконецъ лишь тотъ, кто еще никогда не ѣлъ хорошо приготовленнаго глухаря, можетъ хулить жаркое изъ него. Мы умолчимъ о суетвѣрномъ народно-медицинскомъ употребленіи его языка, пуха, выдѣленія слѣпыхъ кишекъ, желудочныхъ камешковъ и т. д. Мясо осеннихъ глухарей, которые по вѣшности кажутся великолѣпными благодаря остановкѣ половой дѣятельности, окончанію линянія и болѣе сочной пищѣ, всегда нѣжнѣе, сочнѣе и меньше пахнетъ смолою, чѣмъ мясо самцовъ, убитыхъ весною на току.

Глухари принадлежатъ къ числу рѣдкостей во всѣхъ зоологическихъ садахъ. Нелегко пріучить ихъ къ подходящей для нихъ пищѣ и крайне хлопотливо и трудно выростить птенцовъ изъ яицъ. Тамъ, гдѣ глухари встрѣчаются еще постоянно, можно достать яйца безъ особеннаго труда, и индѣйка и даже курица выводитъ изъ нихъ птенцовъ, хотя послѣдней и приходится сидѣть на нихъ 6 днями долѣе, чѣмъ на собственныхъ; но большая трудность удачнаго выращивания заключается въ томъ, что высиженные домашнею курицею тетеревята вовсе не желаютъ слушаться своей воспитательницы и убѣгаютъ отъ нея. Это пришлось испытать всѣмъ, кто пытался выростить глухарей. «Я долженъ былъ подь копецъ», пишетъ мнѣ Поль, который собралъ обильныя наблюденія въ этомъ отношеніи, «выводить птенцовъ изъ глухариныхъ яицъ съ помощью искусственной теплоты и выкармливать ихъ безъ самки; но при такихъ дурныхъ условіяхъ мнѣ удавалось лишь отъ времени до времени выростить глухаря». Если высиживавшую курицу и высиженныхъ ею птенцовъ запереть въ узкое пространство, то иногда случается,

по словам Поля, что птенцы, привлекаемые теплотою, прячутся под курицу и въ такомъ случаѣ привыкають къ ней; но всего вѣрнѣе воспитаніе глухарей удастся въ томъ случаѣ, если предоставить высиживание настоящей матери. Тѣмъ не менѣе и при этомъ не устранены еще всѣ трудности. Поля воспитываетъ глухарей уже много лѣтъ и правильно получаетъ отъ своихъ ручныхъ глухарокъ оплодотворенныя яйца, но все же считаетъ за особенное счастье, если птенцы перенесутъ второе линяніе.

Самца ни въ какомъ случаѣ нельзя оставлять при самкѣ, такъ какъ онъ убиваетъ птенцовъ; но и двѣ самки не уживаются въ одномъ помѣщеніи, такъ какъ онѣ желаютъ при этомъ класть яйца въ одно общее гнѣздо и вообще мѣшаютъ другъ другу при высиживаніи. Даже если птенцы, повидимому, растутъ хорошо, они обыкновенно погибають отъ какой-нибудь болѣзни. Если они могутъ бѣгать на свободѣ, то выростить ихъ уже легче, но въ такомъ случаѣ они улетаютъ, коль скоро почувствуютъ себя самостоятельными. Такимъ образомъ для того, кто хочетъ держать глухарей въ неволѣ или развести ихъ въ своемъ лѣсу, едва-ли остается что-нибудь другое, какъ выписать ихъ изъ Норвегіи или Россіи.

При удачномъ новомъ населеніи Шотландіи глухарями превосходное дѣйствіе оказало, по словамъ Вурма, подкладываніе глухаринныхъ яицъ въ гнѣзда живущихъ на свободѣ тетерекъ, которыя въ изобиліи выводятъ тамъ птенцовъ.

Тетеревъ косачъ, Обыкновенный тетеревъ, Полевой тетеревъ, (*Tetrao tetrix, rupestris, juniperorum, ericeus, peregrinus, derbianus, Urogallus tetrix minor, Lyrurus tetrix, derbianus. Birkhuhn. Coq de bruycère à queue fourchue*)—довольно стройная птица съ сильнымъ, средней длины клювомъ и ногами, оперенными не только до пальцевъ, но и между ними. Наружный и внутренній пальцы косача одинаковой длины. Крылья короткія, но сравнительно болѣе длинныя, чѣмъ у глухаря, тупо округленныя и корытцеобразно вогнутыя изнутри; третье маховое перо ихъ—самое длинное. Хвостъ, состоящій изъ 18 перьевъ, у самокъ имѣетъ неглубокую вырѣзку, у самцовъ же, напротивъ, онъ образуетъ характерную глубокую развилину, что обусловливается тѣмъ, что самыя длинныя нижнія кроющія перья его выстудаютъ изъ-за шести наиболѣе короткихъ и по длинѣ равныхъ рулевыхъ перьевъ; кромѣ того эти нижнія кроющія перья отгибаются лирообразно кнаружи, образуя нѣчто вродѣ рожковъ. Такимъ образомъ весь хвостъ имѣетъ лирообразную форму. Опереніе самцовъ—черное; перья на головѣ, шеѣ и нижней части спины имѣють роскошный стале-синій блескъ; на сложенныхъ крыльяхъ—сѣвко-бѣлая перевязь (зеркальце), образуемая бѣлыми у основанія малыми маховыми и большими, въ остальныхъ частяхъ лишенными блеска, черными верхними кроющими перьями крыльевъ. Нижнее опереніе хвоста—чисто-бѣлаго цвѣта. Маховыя перья снаружи—черно-бурая, съ сѣрымъ оттѣнкомъ и бѣлыми стержнями; рулевые перья—чернаго цвѣта. Глаза каріе, зрачекъ синевато-черный; клювъ черныи; пальцы сѣро-буроватые; брови и голое мѣсто надъ глазами—ярко-краснаго цвѣта. Тетерка перомъ похожа на самку глухаря; окраска ея оперенія есть смѣсь ржаво-желтаго и ржаво-бураго цвѣтовъ съ черными поперечными полосами и пятнами. У этихъ тетеревей болѣе, чѣмъ у другихъ куриныхъ птицъ, встрѣчаются случаи полного или частичнаго альбинизма и пѣтухперости. Длина самцовъ бываетъ 60—65 см., размахъ крыльевъ 90—100, длина каждаго крыла ихъ 30, хвоста 20; вѣсъ тѣла 1,2—2 kg. Самки сантиметровъ на 15 короче и на 22 уже самцовъ. По Вурму, косачи, живущіе дальше къ сѣверу, хотя меньше ростомъ, но красивѣе оперены и имѣють болѣе широкой бѣлый рисунокъ на крыльяхъ. По мнѣнію Ябурека,

косача, живущіе въ горахъ, бываютъ сильнѣе и красивѣе; Людвигъ говоритъ, что на ряду со значеніемъ мѣстожителства птицы, на красоту оперенія вліяетъ и возрастъ, съ которымъ она также становится крѣпче и красивѣе.

Охотничьи выраженія для косача въ общемъ тѣ же, что и для глухаря. Только тамъ, гдѣ различаютъ три степени достоинства дичи, косачъ обыкновенно причисляется къ дичи среднего достоинства. Однако Людвигъ ставитъ косача на одно мѣсто съ глухаремъ, а Ризентадъ пишетъ: «мнѣніе, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ производится охота за средней дичью, тетеревъ косачъ долженъ быть причисленъ къ этой послѣдней, а не къ перворазрядной благородной, такъ называемо «красной»*) дичи, весьма странно и неповитно, такъ какъ птица эта по своей благородной осанкѣ, по другимъ особенностямъ и по условіямъ охоты за ней не только не уступаетъ ни въ чемъ глухарю, но, говоря безпристрастно, даже стоитъ выше его. Правда, глухарь больше косача, зато послѣдній красивѣе, статнѣе, его бить труднѣе, даже мясо его лучше глухаринаго и довольно вкусно даже у старой птицы».

Область распространенія косача приблизительно та же, что и глухаря, только онъ не распространяется такъ далеко на югъ и нѣсколько далѣе идетъ на сѣверъ. Въ горахъ Испаніи и Греціи онъ уже не встрѣчается, въ Италіи тоже живетъ только на высокихъ Альпахъ, за то попадаетъ тамъ очень часто. Въ Германіи онъ водится во всѣхъ областяхъ и провинціяхъ, но отнюдь не во всякой мѣстности, большею же частью только въ излюбленныхъ имъ лѣсахъ, долинахъ и горахъ. Онъ очень разборчивъ относительно мѣстности, но не относительно области. Въ нѣмецкихъ горахъ средней высоты онъ еще болѣе или менѣе обыкновененъ, нерѣдокъ въ Фохтландѣ, Зауерландѣ и Оденвальдѣ, въ Бранденбургѣ и Лауцицѣ, въ Силезіи, Познани, въ восточной и западной Пруссіи, въ Помераніи и Ганноверѣ, мѣстами попадаетъ въ сѣверномъ Шлезвигѣ и Ютландіи. Точно также онъ представляетъ обычное явленіе во всей альпійской области, въ Богеміи, въ Шотландіи, обыкновененъ въ Лифляндіи и Эстляндіи, въ Скандинавіи, Россіи и наконецъ въ Сибири до Приамурской области. Въ Пфальцѣ, въ Прирейнской области, и вообще въ Шварцвальдѣ онъ совершенно отсутствуетъ. На Кавказѣ мѣсто косача заступаетъ родственный ему видъ **Кавказскій тетеревъ** или **Тетеревъ—чернышъ** (*Tetrao mlokosiewiczzi, asatoptricus*), открытый только въ 1875 году.**) Всюду и всегда тетеревъ-косачъ водится только тамъ, гдѣ мѣстность отвѣчаетъ его потребностямъ. Онъ предпочитаетъ дико растущія, заглохшіе, источенныя насѣкомыми, полуразрушенныя огнемъ и бурями рощи, плохо или еще лучше совсѣмъ некультурованныя и богатая низкимъ кустарникомъ. Онъ живетъ всегда на березахъ и предпочитаетъ ихъ всѣмъ другимъ деревьямъ; въ хвойномъ

*) У насъ красной дичью называется только: сѣрая куропатка, вальдшнепъ, дупель, бекасъ и гаршнепъ.

Примѣч. перевод.

**) Мѣстные кавказскіе жители давно знали о существованіи совершенно чернаго тетерева, но свое научное крещеніе птица получила только тогда, когда лѣсничій Млокосевичъ, натуралистъ любитель, прислалъ добытый имъ экземпляръ этого тетерева покойному варшавскому профессору Тачановскому, который и установилъ новый видъ, назвавъ птицу въ честь Млокосевича *T. mlokosiewiczzi*. Директоръ Тифлискаго музея, Г. Радде позднѣе назвалъ эту птицу *T. asatoptricus*, отмѣчая этимъ характерное отсутствіе у нея бѣлаго зеркальца на крыльяхъ, имѣющагося у обыкновеннаго тетерева-косача. Кавказскій видъ нѣсколько меньше погнѣнаго и имѣетъ рожки хвоста, направленные не вверхъ лирообразно, а внизъ. Самка по окраскѣ сходна съ обыкновенной тетеркой и по величинѣ равна самцу. Образомъ жизни кавказскій видъ напоминаетъ своего сѣвернаго родича. О токованіи его будетъ сказано ниже

Примѣч. переводчика.

же лѣсу онъ живетъ только въ случаѣ крайней нужды. Нигдѣ онъ не бываетъ такъ обыкновененъ, какъ въ пространнѣхъ заросляхъ березника: даже маленькая кучка березъ въ состояніи заставить его поселиться въ ней. Но и березовыя рощи являются заманчивыми для него только тогда, когда почва, на которой онѣ растутъ, покрыта густымъ молодникомъ, верескомъ, черникой, дрокомъ и другимъ низкимъ кустарникомъ. Точно также онъ чрезвычайно любитъ болотистую почву, такъ какъ его встрѣчаютъ даже тамъ, гдѣ болотная растительность является преобладающей, отгѣсня собой лѣсъ и даже кустарникъ, хотя въ болотахъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и на топкихъ мѣстахъ онъ не водится.

Въ Швейцаріи, по словамъ Чуди, онъ одинаково живетъ какъ въ высоколежащихъ горныхъ лѣсахъ, такъ и въ среднемъ поясѣ лѣсной растительности и часто доходитъ до самой границы древесной растительности, гдѣ онъ предпочтительно держится на полянахъ, покрытыхъ верескомъ, кустами черники, ежевики или забирается въ чашу горныхъ сосенъ, объщающую ему хорошую защиту. «Наиболѣе богатая тетеревами область въ Швейцаріи, безъ сомнѣнія, — Граубюнденъ, въ его-же районѣ — густыя горныя лѣса долины Мингенъ, составляющей рѣдко посѣщаемое развѣтвленіе долины Скарль въ нижнемъ Бюгадинѣ. Въ чрезвычайно густыхъ чашахъ горныхъ сосенъ, низкихъ кедровъ и ельника этой мѣстности весной отовсюду слышатся голоса косачей». Въ австрійскихъ Альпахъ косачъ всегда живетъ въ полѣ, лежащемъ выше района обитанія глухаря; какъ въ Карнатахъ и баварскихъ Альпахъ, онъ здѣсь обыкновенно держится въ густыхъ моховыхъ заросляхъ и болотахъ, хотя, впрочемъ, не чуждается и другихъ окружныхъ мѣстъ: по словамъ Кобеля, позднею осенью или зимой въ заросляхъ Вейльгельма, Диссена, Розенгейма, Рейхенгала и др. можно часто встрѣтить 80—100 косачей, собравшихся вмѣстѣ. Во Франціи этотъ тетеревъ распространенъ широко и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не представляетъ собой рѣдкаго явленія. Въ Богеміи область его распространенія ограничивается пограничными горами, въ Голландіи — болотами верхняго Исселя, Дрента и Гронингена. Въ Шотландіи косачъ еще повсемѣстенъ, въ Англіи онъ вторично расплодился съ 1815 года отъ косачей, введенныхъ туда изъ Голландіи. Въ Ирландіи, на Ферерскихъ островахъ и въ Исландіи онъ совершенно отсутствуетъ. Въ Скандинавіи, начиная съ сѣверной Шоніи, онъ въ большомъ количествѣ водится почти во всѣхъ лѣсахъ вплоть до альпійскаго пояса, необыкновенно многочисленъ въ сѣверной и средней Россіи, а также по всей сѣверной и Средней Азіи на протяженіи ея лѣсной растительности. Во время нашего путешествія по Сибири, мы нашли его повсемѣстно въ районѣ лѣснаго пояса, а въ березовыхъ лѣсахъ встрѣчали косачей стаями въ нѣсколько сотъ штукъ. По сѣверному побережью Байкала Раде почти ежедневно наталкивался на самокъ, сидѣвшихъ на яйцахъ, а позднѣе и на тетеревиные выводки. Тамъ-же онъ получилъ достовѣрныя свѣдѣнія, что въ области нижней Буреи въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ однимъ только казачьимъ постомъ было убито и словлено до 2000 тетеревей. Дальше къ сѣверу птица эта быстро убываетъ въ количествѣ; по словамъ Моддендорфа, въ бассейнѣ нижняго Енисея косачъ еще обыкновененъ до 67 градуса сѣверной широты, но двумя градусами выше уже больше не встрѣчается; въ районѣ нижней Оби мы уже не встрѣчали его, начиная отъ 65 градуса.

Въ средней Германіи косачъ представляетъ собой осѣдлую птицу, хотя и не въ строгомъ смыслѣ этого слова; въ высшихъ горныхъ поясахъ и на сѣверѣ онъ совершаетъ довольно правильныя перелеты. Такъ, по словамъ Чуди, въ Швейцаріи

онъ дважды въ годъ покидаетъ мѣста своего жительства и предпринимаетъ перелеты въ окрестныя области. Въ Зимменталь наблюдали довольно правильные отлеты его позднею осенью въ Валлійскія горы. Многія изъ отлетавшихъ птицъ уже болѣе не возвращаются на свою родину: на чужбинѣ онѣ бывають убиты и попадають на вертель. Въ сѣверныхъ странахъ такіе перелеты совершаются еще съ большей правильностью; Радде наблюдалъ, какъ зимой косачи многочисленными стаями перекочевывали съ Яблоноваго хребта къ среднему Онону и тамъ селились на островахъ, поросшихъ ивами и душистыми тополями, изъ-за обильной пищи, находимой ими въ этой мѣстности. Точно такіе-же перелеты наблюдались и въ бассейнѣ средняго Амура.

«Тетеревъ-косачъ», сообщаетъ мой отецъ, который также сдѣлалъ немало превосходныхъ наблюденій надъ этой птицей, «почти столь-же плотенъ по тѣлосложенію, какъ и глухарь, но во всѣхъ своихъ движеніяхъ болѣе ловокъ, чѣмъ послѣдній. Онъ бѣгаетъ быстрѣе глухаря, причемъ держитъ тѣло менѣе наклонно назадъ и болѣе вытягиваетъ шею. На деревьяхъ онъ держится или выпрямившись, или въ горизонтальномъ положеніи; онъ то подтягиваетъ шею, то держитъ ее, вытянувъ кверху. Онъ предпочитаетъ садиться болѣе на лиственные, чѣмъ на хвойныя деревья и гораздо чаще глухаря спускается на землю. Несмотря на свои короткія маховыя перья, онъ летаетъ очень хорошо, двигаясь въ прямомъ направленіи, причемъ дѣлаетъ необыкновенно быстрые взмахи крыльевъ. Часто въ одинъ путь онъ пролетаетъ довольно большія пространства. На лету онъ также шумитъ, но гораздо менѣе, чѣмъ глухарь и полетъ его кажется болѣе легкимъ. Онъ очень чутокъ. Его зрѣніе, слухъ и чутье—превосходны. Во всѣхъ случаяхъ онъ держится съ крайней осторожностью». Къ этому однако Людвигъ дѣлаетъ добавленіе, что, по его изслѣдованіямъ, обоняніе у косача, повидимому, развито менѣе, чѣмъ зрѣніе и слухъ. Чуди считаетъ косача довольно глупой птицей, говорить, что онъ плохо помнитъ мѣстности и что отъ преслѣдованій его чаще спасаютъ пугливость и дикость его, нежели осторожность и соображеніе. Съ этимъ мнѣніемъ я согласиться не могу, скорѣе думаю, что птица эта убѣждаетъ насъ въ противоположномъ. Косачъ позволяетъ себя обмануть лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ; подобно голубю, онъ склоненъ относиться недовѣрчиво даже тамъ, гдѣ подозрѣнія неосновательны, и при всякой опасности старается тотчасъ-же скрыться. Смотря по полу, косачи кричатъ разное. Призывной крикъ ихъ представляетъ собою звонкій короткій отрывистый свистъ; нѣжныя чувства выражаются тихимъ «бак-бакъ», крикъ птенцовъ — нѣжный пискъ. Однако, въ пору токованія, крикъ самцовъ и косачей заключаетъ въ себѣ такое разнообразіе звуковъ, какового трудно ожидать отъ такой молчаливой въ другое время птицы.

Пища косача существенно отличается отъ пищи глухаря: во всякомъ случаѣ она нѣжнѣе и состоитъ изъ древесныхъ и цвѣточныхъ почекъ, листьевъ, ягодъ, зеренъ и насѣкомыхъ. Лѣтомъ онъ кормится ягодами черники, брусники, малины и ежевики, зимой — можжевеловыми ягодами, шиповникомъ, ѣсть также почки вереска, березы, осины, орѣшника, ольхи, ветлы и бука; въ исключительныхъ случаяхъ питается молодыми зелеными шишками хвойныхъ деревьевъ, въ чемъ мы убѣдились, изслѣдуя зобъ одного стараго косача, но иголь онъ почти никогда не трогаетъ. По словамъ Людвига, онъ ѣсть также буковые и дубовые желуди, сѣмена хвойныхъ деревьевъ и сereжки березы. Столь-же охотно, какъ растительной, онъ питается и животной пищей; къ послѣдней принадлежатъ маленькіе жуэчечики, черви, муравьиныя куколки, мухи, жучки и тому подобное; птенцы почти исключительно выкармливаются нѣжными насѣкомыми. Перелеты, которые

предпринимаются тетеревами, живущими на сѣверѣ, совершаются, повидимому, главнымъ образомъ ради корма. Когда въ Сибири наступаетъ пора морозовъ, по словамъ Раде, въ передобѣденные часы тетеревей видятъ сидящими на вершинахъ душистыхъ тополей, гдѣ они, пропуская между половинками клюва плоскія вѣтви, соскабливаютъ смолистыя почки; то же самое они продѣлываютъ и съ прутьями березы и другихъ листовенныхъ деревьевъ. По словамъ Дитриха, они облупливаютъ нѣжную березовую кору съ ловкостью бобровъ. Тетерева не отказываются и отъ зерновой пищи: въ Сибири мы видѣли стаи ихъ на дорогахъ, рывшимися въ лошадиномъ пометѣ, гдѣ птицы отыскивали непереваренныя зерна овса; въ неволѣ они тоже скоро привыкаютъ къ такому корму. Наблюденія Людвигъ показали, что они довольно охотно ѣдятъ всходы на поляхъ и поспѣвшій овесъ. Тетерева любятъ также проглатывать мелкіе камешки.

Своей большой общежительностью тетерева выгодно отличаются отъ глухарей. Самцы и самки живутъ, каждая птица для себя, но болѣе или менѣе многочисленными стадами. Зимой, какъ то сообщаетъ Вурмъ, тетерева и тетерки летаютъ на кормежку вмѣстѣ, тогда какъ въ большихъ, часто состоящихъ изъ 200 штукъ, стаяхъ глухарей, не замѣчаютъ ни одной самки или самое большее—одну, другую пустующую. Но среди тетеревей-косачей попадаются нѣкоторые, которые избѣгаютъ общества, проводятъ дни одиноко и только въ пору токованія присоединяются къ другимъ косачамъ; однако такихъ тетеревей немного. Старые самцы обыкновенно никогда не разлучаются, самки уединяются только въ птенцовую пору и, какъ только молодые достигнутъ полнаго оперенія, снова сбиваются въ стаю. При матери остаются только молодыя самки; молодые-же самцы присоединяются къ старымъ и мирно живутъ съ ними вплоть до наступленія поры токованія. Въ противоположность всегда небольшимъ стайкамъ тетерекъ, косачи собираются въ необыкновенно многочисленные стаи. Въ Сибири, въ началѣ зимы, мы много разъ встрѣчали стаю изъ 200—400 косачей, тогда какъ самокъ видѣли всегда только въ небольшомъ числѣ, за то послѣднія встрѣчались чаще, чѣмъ вышеупомянутыя многочисленныя стада. Жизнь тетерева, впрочемъ, полна переменъ, уже благодаря однимъ перелетамъ, предпринимаемымъ имъ зимою. Иногда въ это время тетеревамъ приходится терпѣть нужду въ ихъ насущномъ кормѣ; при глубокомъ снѣгѣ, напримѣръ, имъ часто приходится довольствоваться довольно скудной пищей и можетъ случиться, что они принуждены бываютъ рыть длинныя ходы подъ снѣгомъ, прежде чѣмъ найдутъ что-либо съѣдобное. Въ верхнихъ поясахъ горъ и на дальнемъ сѣверѣ въ дурную погоду тетерева скучиваются вмѣстѣ, даютъ совершенно занести себя снѣгомъ и подъ этой снѣговой защитой переживаютъ непогоду. Объ этомъ было извѣстно еще старику Геснеру. Впрочемъ Людвигъ наблюдалъ и въ Тюрингіи, что тетерева въ снѣжныя зимы проводятъ ночи не на деревьяхъ, какъ это дѣлаютъ они въ благоприятную погоду, собравшись небольшими стайками, а переночевываютъ въ какихъ-нибудь котловинахъ или на поляхъ неподалеку отъ опушки лѣса или въ бурьянникѣ пахотной земли. При такихъ условіяхъ имъ не приходится быть особенно разборчивыми въ ѣдѣ. Но времена измѣняются къ лучшему и съ первыми весенними днями въ полномъ блескѣ выступаетъ на сцену жизнерадостное чувство и даже задоръ, столь характерныя для нашихъ тетеревей, такъ какъ едва только уснѣтъ стая снѣгъ, какъ они уже начинаютъ токовать. Глухариный охотникъ будетъ утверждать, что токованіе его излюбленной дичи нельзя сравнить съ токованіемъ какой-либо другой птицы, однако простой смертный едва-ли съ нимъ будетъ согласенъ. Даже между охотниками вообще есть многіе, которые считаютъ тетеревиные токи красивѣйшимъ весеннимъ зрѣлищемъ.

Т Е Т Е Р Е В Ъ .

13

Одно несомнѣнно: тотъ, кто только разъ побывалъ на этихъ токахъ, никогда ихъ уже не забудетъ. Они заключаютъ въ себѣ многое такое, что заставляетъ причислить эти поединки разгоряченныхъ любовью косачей къ числу привлекательнѣйшихъ зрѣлищъ; стоитъ только вспомнить картинность мѣста, выбраннаго для тока, широко шагнувшій впередъ разцвѣтъ весны, оживленную толпу косачей, ихъ токованіе, причудливость ихъ любовной пляски, красоту, ловкость и крики плясунновъ, далеко разносящіеся и оживляющіе лѣсъ, и многое другое.

Въ Германіи токованіе косачей начинается въ ту пору, когда набухнутъ березовыя почки, слѣдовательно обыкновенно во второй половинѣ марта, и оно длится весь апрѣль и продолжается до самаго мая. Однако, какъ показали точныя наблюденія Людвигъ, смотря по погодѣ всегда можетъ случиться разница ледѣли въ двѣ; бываютъ случаи, что уже въ началѣ февраля слышатся голоса особенно нетерпѣливыхъ и обуреваемыхъ любовью косачей. «Въ нашихъ краяхъ», пишетъ Людвигъ, «къ обычному времени тока тетеревей клинтухи и вяхири уже вернулись на свои старыя мѣста и усердно воркуютъ; полевые жаворонки и щеврицы уже распѣваютъ свои свадебныя пѣсенки; прилетѣли трясогузки, горихвостки и лѣвчіе дрозды; у стѣнъ, обращенныхъ на сѣверо-востокъ и залитыхъ лучами солнца, уже заалѣли ягоды волчанника и на югѣ страны показались первыя фіалки». Въ высокихъ горныхъ поясахъ, а равно и въ странахъ сѣверныхъ, токованіе наступаетъ позднѣе и можетъ продолжаться до середины іюня и даже до іюля. Иногда даже позднюю осенью можно слышать усердное бормотаніе одинокихъ косачей, словно они стараются запомнить и заучить его, однако эти слабыя попытки почти не имѣютъ никакого сходства съ настоящимъ токованіемъ.

Для своихъ токовъ, тетерева выбираютъ свободныя лѣсныя поляны, лучше всего какую-нибудь лужайку или пустырь, или же лѣсную просѣку, гдѣ древесный молоднякъ настолько низокъ, что не можетъ мѣшать имъ. Къ вечеру тетерева прилетаютъ по близости, садятся на деревья и токуютъ безъ перерыва вплоть до наступленія ночи. Рано утромъ, когда еще сумерки не разсѣялись, они покидаютъ мѣста своего ночлега и слетаютъ на землю. Тамъ, гдѣ тетеревей водится много, они собираются на подходящихъ мѣстахъ въ большомъ количествѣ; на сѣверѣ ихъ слетается штукъ 30—40, иногда 100. Первый прилетѣвшій косачъ «садится безмолвно или, шурша крыльями», какъ это описываетъ Людвигъ, «минуть 5—10 остается неподвижно, насторожившись, и только тогда, когда чувствуетъ себя въ полной безопасности начинаетъ бормотать *),» съ чего и начинается собственно токованіе. Въ мартѣ и въ первыхъ дняхъ апрѣля оно часто все еще продолжается непрерывно; позднѣе оно длится цѣлое утро, причѣмъ каждый косачъ въ отдельности выказываетъ ту неутомимость, которая приводитъ насъ въ удивленіе: въ Лапландіи я слышалъ токованіе косача, продолжавшееся безъ перерыва съ 11 часовъ вечера до 2 часовъ ночи. Въ Германіи косачъ обыкновенно начинаетъ токовать съ наступленіемъ утра; то же самое, по словамъ Чуди, имѣетъ мѣсто и въ высшихъ горныхъ поясахъ. «Въ Альпахъ, передъ разсвѣтомъ, приблизительно за часъ до восхода солнца вначалѣ нѣкоторое время слышится совершенно одиночное короткое пѣніе домовою горихвостки; вскорѣ послѣ этого всюду, пробуждается стоголосая стая окрестнаго птичьяго міра и наполняетъ своими голосами всѣ склоны и горныя лоцины. Непосредственно за этимъ, не позже, какъ

*) Въ Россіи этотъ первый прилетѣвшій тетеревъ и носитъ названіе „токовника“. Онъ первый начинаетъ и „ведетъ токъ“, какъ говорятъ охотники. Прим. перев.

за полчаса до восхода солнца, далеко проносится первый звонкій призывной крикъ собирающагося токовать тетерева, и то тутъ, то тамъ въ отвѣтъ ему несутся крики его товарищей—и съ горнаго отлога, и съ вершины какой-нибудь скалы, и изъ густой чащи уродливыхъ кустовъ, и изъ небольшой рощицы горной лощины. Спусти нѣсколько болѣе получасу слышится глухое урчаніе и бормотаніе, отчетливо раздающіяся въ общей массѣ птичьихъ голосовъ» *).

Токованіе есть въ одно и то же время пѣснь и пляска любви; оно послужило прототипомъ верхне-баварскому «Schuhplattlerianz». Когда прилетѣвшій косачъ вполнѣ убѣдится, что все кругомъ спокойно, онъ прежде всего издастъ весьма оригинальное «чүфыканье», которое Нильсонъ весьма удачно передаетъ звукомъ «чю—і», а Людвигъ слогами «чу—хви», хотя, можетъ быть, его можно было-бы еще точнѣе выразить звукомъ «чій—хш». Послѣ этого слѣдуетъ такъ называемое бормотаніе, которое Бехштейнъ пробовалъ передать слогами «голгол-голголрей», Нильсонъ же, что по моему точнѣе,—слогами «рутту-ру-рутту-рвипк-урр-урр-урр-ррруттуру-рутту-руки». Если косачъ очень возбужденъ, онъ токуетъ подѣ одно, такъ что чүфыканье и бормотаніе его кажутся безпрестанно смѣняющимися одно другимъ и почти невозможнымъ становится различить конецъ и начало каждаго колѣна, между которыми онъ нерѣдко вставляетъ каркающіе звуки. Съ косачемъ рѣдко случается, какъ это бываетъ съ глухаремъ, чтобы онъ забылъ обо всемъ окружающемъ и, такъ сказать, сдѣлался глухъ и слѣпъ; впрочемъ я знаю случаи, когда нѣкоторые косачи, по которымъ давали выстрѣлъ во время ихъ бормотанія, не только не улетали, но, казалось, совсѣмъ не слышали выстрѣла. Движенія токующаго тетерева оживленны, странны и показываютъ возбужденное состояніе птицы. «Передъ бормотаніемъ», говоритъ мой отецъ, давая совершенно вѣрное описаніе токованія тетерева, «косачъ держитъ хвостъ вертикально и распустивъ вѣеромъ, вытягиваетъ кверху шею и голову, перья которой взерошиваются, и отставляетъ крылья вбокъ и книзу. Затѣмъ онъ продѣлываетъ нѣсколько скачковъ, то въ одну, то въ другую сторону, иногда поворачиваясь кругомъ, и держитъ нижнюю половину клюва такъ отвѣсно внизъ, что послѣдняя трется о перья подбородка. Во время всѣхъ этихъ движеній косачъ хлопаетъ крыльями и дѣлаетъ полные обороты на мѣстѣ.» Чѣмъ тетеревъ разгоряченнѣе, тѣмъ оживленнѣе его мимика и въ концѣ концовъ можно подумать, что видишь передъ собой обезумѣвшую и ополоумѣвшую птицу. Наиболѣе усердными становятся всѣ движенія, когда на одно мѣсто соберутся нѣсколько косачей, такъ какъ въ такихъ случаяхъ они изъ плясуновъ превращаются въ гнѣвныхъ драчуновъ. Двое изъ нихъ становятся, подобно ибтухамъ, другъ противъ друга, бросаются другъ на

*) О токованіи кавказскаго черныша мы находимъ слѣдующія строки у Раде (Орнитологическая фауна Кавказа. Тифлисъ. 1884 стр. 284), который описываетъ токъ, замѣченный Е. И. В. Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ: „Урчаніе и влокотаніе, огтопыриваніе и раздуваніе крыльевъ и высоко вздернутого крышеобразно расширеннаго хвоста, прижиманіе къ землѣ, сумасшедшее бѣганье взадъ и впередъ и волочаніе крыльевъ по землѣ—все это видѣли Великій Князь и его товарищи на двухъ самцахъ, когда 3 мая они на упомянутой выше дорогѣ и на одномъ поворотѣ ея неожиданно натолкнулись на токъ, гдѣ встрѣтили двухъ токовавшихъ самокъ, въ сторонѣ отъ которыхъ находилось нѣсколько самокъ. Самка вела себя смирно. Старшій изъ самокъ былъ очень возбужденъ; путешественники находились отъ него не далѣе 60 шаговъ, и онъ былъ убитъ, такъ же, какъ и младшій самецъ. Если токованіе Т. Miososi-wiczi вообще одинаково съ токованіемъ обыкновеннаго тетерева, то оно имѣетъ и свои особенности. По крайней мѣрѣ я никогда не видѣлъ и не слышалъ, чтобы обыкновенные тетерева, въ любовномъ изступленіи, совершенно надали навзничъ, поднимаясь отъ 2 до 3 футовъ въ вышину, а это видѣли высокіе путешественники. Затѣмъ замѣчательно, что токованіе происходило днемъ.“

друга съ головами, опущенными къ самой землѣ, одновременно подсакиваютъ совершенно вертикально, стараются въ это время нанести другъ другу удары и щипки, вновь падаютъ на землю, съ гнѣвнымъ клохтаньемъ нѣсколько разъ обораиваются на мѣстѣ, сбѣгаютъ вновь и подсакиваютъ для новой схватки. Если драка серьезна, съ обоихъ бойцовъ летятъ перья; однако, несмотря на кажущуюся злобу, съ которой они дерутся, рѣдко, быть можетъ даже никогда, они не наносятъ другъ другу серьезныхъ ранъ и, глядя на нихъ, почти склоненъ думать, что скорѣе они стараются нагнать другъ на друга страху, чѣмъ нанести вредъ. Однако случается, что болѣе сильный схватываетъ болѣе слабого за вихорь, протаскиваетъ его, словно плѣнника, нѣкоторое разстояние, наноситъ ему еще нѣсколько ударовъ, принуждаетъ его къ бѣгству и послѣ всего этого горделиво возвращается на мѣсто битвы, чтобы вновь приняться за токованіе. Сильные самцы обыкновенно посѣщаютъ въ теченіи одного утра нѣсколько токовъ, очевидно, съ цѣлью помѣряться силами съ нѣсколькими противниками. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они становятся пугаломъ для всѣхъ молодыхъ, менѣе опытныхъ косачей, которые въ концѣ концовъ принуждены имъ подчиняться. Впрочемъ, побѣжденный самецъ обыкновенно тоже возвращается на поле битвы и вновь вступаетъ въ единоборство или же летитъ на второй токъ, помѣряться съ другими косачами.

Обыкновенно, однако не всегда, такой токъ приманиваетъ самокъ, такъ что самцы, по окончаніи турнировъ, могутъ получить награду за свои труды. Въ Скандинавіи наблюдали, какъ дикія самки нѣсколько разъ посѣщали одного жившаго въ неволѣ косача, токовавшаго въ огороженномъ заборомъ саду. Позднимъ утромъ косачи взлетаютъ на деревья и продолжаютъ бормотать еще нѣкоторое время; это такъ называемые «затокоставшіеся косачи»; затѣмъ они сообщая отправляются на дуга. «Въ вышеупомянутой мѣстности (Тюрингія)», пишетъ Людвигъ, «присутствіе вблизи токовъ самокъ—замѣчается почти всегда. Во время токованія онѣ то бѣгомъ, то летя добираются до тока, издавая томное «гакъ гакъ гнѣ», иногда даже прилетаютъ на токи раньше самцовъ. Во время токованія самцовъ онѣ бѣгаютъ вокругъ мѣста тока, ища себѣ корма. Косачи за ними гоняются и топчутъ ихъ. Если убьютъ ихъ самца, онѣ нѣсколько дней сряду поутру летаютъ вокругъ и по близости токовъ, гаканьемъ выражая свое желаніе, пока не найдутъ другого возлюбленнаго, или же исчезаютъ на одинъ или нѣсколько дней и вновь появляются уже съ новымъ поклонникомъ. На этотъ разъ онѣ радуютъ объ его безопасности съ болѣею бдительностью. Число самокъ, прилетающихъ на тока, бываетъ очень различно. Я встрѣчалъ ихъ 1—8 штукъ и думаю, что одинъ пѣтухъ можетъ почитать себя счастливымъ, если за одинъ токъ онъ добьется любви 5—6 самокъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что въ самомъ началѣ токованія косачъ не обращаетъ вниманія на самокъ, но токуетъ для своего собственнаго удовольствія и танцуетъ и расцѣвываетъ отъ избытка чувствъ и жизненной силы, далѣе, что спариваніе происходитъ лишь въ поздніе утренніе часы. Со всѣмъ этимъ я согласиться не могу, такъ какъ неразъ видѣлъ, какъ косачъ топталъ самку раннимъ утромъ, часто даже въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ, и даже много разъ былъ свидетелемъ, какъ косачъ во время бормотанія достигалъ тетерку и, потоптавъ ее, снова продолжалъ токовать. Это случалось въ одно и то же утро далеко не разъ. Что самцы топчутъ самокъ въ теченіи предположеннаго времени, — совершенно справедливо, но совершенно неосновательно приурочивать топтаніе исключительно къ этому времени».

Въ серединѣ мая тетерка начинаетъ готовиться къ кладкѣ. Ея гнѣздо есть простая мелкая ямка, которую она разгребаетъ въ землѣ и выстилаетъ самое

большее несколькими прутиками. Гнѣздо это устраивается по возможности въ безопасномъ мѣстѣ, между высокой травой, подъ небольшими кустами и т. п. Кладка состоитъ изъ 7—10, иногда и изъ 12 яицъ, имѣющихъ по продольной оси 49 мм., въ поперечникѣ 35 мм. Яйца ихъ имѣютъ основной сѣро-желтый, блѣдно-сѣрый или красновато-желтый фонъ, по которому густо разбросаны темно-желтыя, ржаво- или оливково-бурыя и сѣрыя пятна и точки. Тетерка сидитъ на яйцахъ, если и не такъ усердно, какъ глухарка, то все-таки съ горячею преданностью и точно также всегда искуснымъ притворствомъ старается отманить отъ гнѣзда приближающагося врага, а въ наиболѣе благоприятное время съ самой глубокой нѣжностью посвящаетъ себя заботамъ о своихъ подрастающихъ цыплятахъ. Молодость тетеревей проходитъ приблизительно такъ-же, какъ и у выводковъ глухарей; почти такимъ же образомъ, какъ и у послѣднихъ, происходитъ у нихъ и смѣна пера. Съ первыхъ же дней своего появленія на свѣтъ тетереята уже умѣютъ ловко прятаться, скоро научаются перепархивать и уже по прошествіи нѣсколькихъ недѣль въ состояніи всюду слѣдовать за стариками. Несмотря на это, имъ приходится избѣгать много опасностей прежде, чѣмъ они окончательно станутъ взрослыми. Косачи не заботятся ни о выводѣ птенцовъ, ни о самихъ выводкахъ.

За тетеревами усердно охотятся различные хищники, человекъ же занимается тетеревиной охотой повсемѣстно. Въ Германіи старыхъ косачей бьютъ на токахъ, а позднѣю осенью охотятся на выводковъ. Высоко на горахъ и въ сѣверныхъ странахъ ихъ бьютъ, какъ и глухарей, круглый годъ, за исключеніемъ птенцовой поры. Самая привлекательная охота во всякомъ случаѣ охота на токахъ, и это уже потому, что въ это время охотникъ, даже если ему и не посчастливится, вполне вознаграждается чуднымъ зрѣлищемъ тока. Охотникъ съ часу ночи поджидаетъ прилетающихъ косачей, сидя въ шалаши изъ вѣтвей и прутьевъ, построенномъ на такой лѣсной полянкѣ или болотѣ, на которой обыкновенно токутъ тетерева. Какъ только какой-либо тетеревъ приблизился къ охотнику на выстрѣлъ, послѣдній стрѣляетъ. Выстрѣлъ пугаетъ все общество, но охотникъ остается спокойно сидѣть въ своемъ шалаши. По прошествіи нѣкотораго времени какой-нибудь косачъ снова начинаетъ чужкаться, другой ему вторитъ, то же самое дѣлаетъ третій, слышится призывъ тетерки, бормотаніе на деревьяхъ становится оживленнѣе и, по прошествіи меньше часу, одинъ изъ лѣтуховъ наконецъ вновь рѣшается слетѣть на землю, начинаетъ топорщить перья, давая знать присутствующимъ, что пляска можетъ снова начаться. Вскорѣ вся площадь вновь покрывается танцующими тетеревами. Убивается второй самецъ—вновь повторяется прежняя исторія, и, если охотнику посчастливится, онъ можетъ убить трехъ, четырехъ косачей за одно утро. Опытные охотники предпочитаютъ сидѣнію въ шалаши болѣе трудное, но зато и болѣе достойное охотника—подкрадываніе къ птицѣ или подманываніе влюбленныхъ самцовъ, подражая ихъ горловымъ звукамъ или крику тетерки, или же обманываютъ молодыхъ подражательнымъ призывнымъ крикомъ ихъ матерей, короче—прибѣгаютъ ко всевозможнымъ охотничьимъ уловкамъ. По всей Россіи и въ Сибири особенно въ ходу охота «на чучела». Послѣднія состоятъ изъ настоящаго чучела косача или же подобія его, старательно сдѣланнаго изъ пакли*), матеріи и дерева; такое чучело употребляется какъ приманная птица. Для этой цѣли передъ разсвѣтомъ идутъ въ лѣсъ и, при помощи шес-

*) Иногда эти чучела дѣлаются отнюдь не старательно, имѣя только нѣкоторое подобіе птицы.
Примѣч. перев.

та, помѣщаютъ чучело на одно изъ самыхъ высокихъ деревьевъ въ окрестности, причемъ такъ, чтобы голова чучела была противъ вѣтра. Въ подходящемъ мѣстѣ возлѣ дерева устраивается тѣсносплетенный шалашъ такъ, чтобы изъ него можно было-бы видѣть верхушку дерева. Какъ только чучело посажено на мѣсто, сосѣдніе кусты срубаются. Поднимающіеся по близости тетерева замѣчаютъ чучело, кажущееся спокойно сидящей птицей, летятъ къ нему и садятся близко отъ него на то же дерево*). Послѣ перваго выстрѣла, отъ котораго одинъ изъ самцовъ обыкновенно падаетъ убитымъ, остальные слетаютъ; однако при необыкновенномъ обилии тетеревей въ данной мѣстности безпрестанно прилетаютъ новые косачи и для хорошаго стрѣлка охота эта иногда бываетъ чрезвычайно добычлива. Сибирскіе охотники увѣряли меня, что во время одной охоты на чучело они убивали въ удачное утро до 40 косачей. Особенно усердно охотятся за тетеревами въ Тиролѣ и въ баварскихъ горахъ, такъ какъ хвостовыя перья ихъ являются излюбленнымъ украшеніемъ для молодежи и носятъ ею на шляпахъ. По словамъ Кюбеля, за нѣсколько столѣтій до настоящаго времени, эти перья, будучи укрѣплены на поляхъ шляпы, являлись значками вызова на состязаніе и молодечества. По тирольскимъ сказаніямъ чортъ, когда онъ, какъ это говорятъ часто случается, является въ образѣ охотника, имѣетъ на своей шляпѣ половину хвостовыхъ перьевъ косача, но носить ихъ не на лѣвой сторонѣ, какъ христіанскіе охотники, а всегда на правой, поэтому его легко отличить отъ благочестиваго человѣка и такимъ образомъ спастись отъ его опасныхъ козней.

Тетерева, пойманные старыми, при соотвѣтствующемъ уходѣ, выживаютъ годы и, если имъ удѣлится достаточно помѣщенія, благополучно размножаются. По моимъ изслѣдованіямъ, безусловно необходимо предоставить въ ихъ распоряженіе побольше пространства. Это помѣщеніе должно только препятствовать бѣгству птицы, во всемъ же остальномъ давать ей полную свободу. Если засадить почву этого помѣщенія густымъ кустарникомъ, можно съ достаточной увѣренностью рассчитывать на потомство, такъ какъ косачи въ неволѣ, гдѣ только могутъ, токуютъ еще ревностнѣе, чѣмъ на свободѣ. Ихъ слышишь аккуратно каждую осень, а съ первыми теплыми весенними днями они уже начинаютъ токовать и продолжаютъ это безъ перерыва до конца мая и начала іюня. Жившіе у меня въ клеткахъ косачи также плодятся; нѣкоторымъ моимъ друзьямъ, любителямъ птицъ, также посчастливилось воспитать нѣсколько поколѣній этихъ тетеревей. Вылупившіеся изъ яицъ тетеревята требуютъ за собою такого же ухода, какъ и птенцы глухарей, а, ставши взрослыми, причиняютъ почти не больше хлопотъ, чѣмъ наши обыкновенныя куры.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ живутъ вмѣстѣ глухари и косачи, но самцовъ первыхъ сильно убавилось въ числѣ, глухарки иногда держатся вблизи тетеревиныхъ токовъ пѣзъ желанія спариться съ пѣтухами-косачами. Точно также случается, что и тетерки для той же цѣли сами присоединяются къ холостымъ самцамъ бѣлой куропатки**) или по крайней мѣрѣ не отказываютъ послѣднимъ въ ихъ домогательствахъ. О существованіи помѣси между косачемъ и глухаркой узнали только въ началѣ

*) Въ Россіи охота на чучела иногда производится съ закономъ: одинъ охотникъ сидитъ въ шалашѣ, другой же ходитъ и спугиваетъ окрестнымъ тетеревей, которые и летятъ къ чучелу. Примѣч. перев.

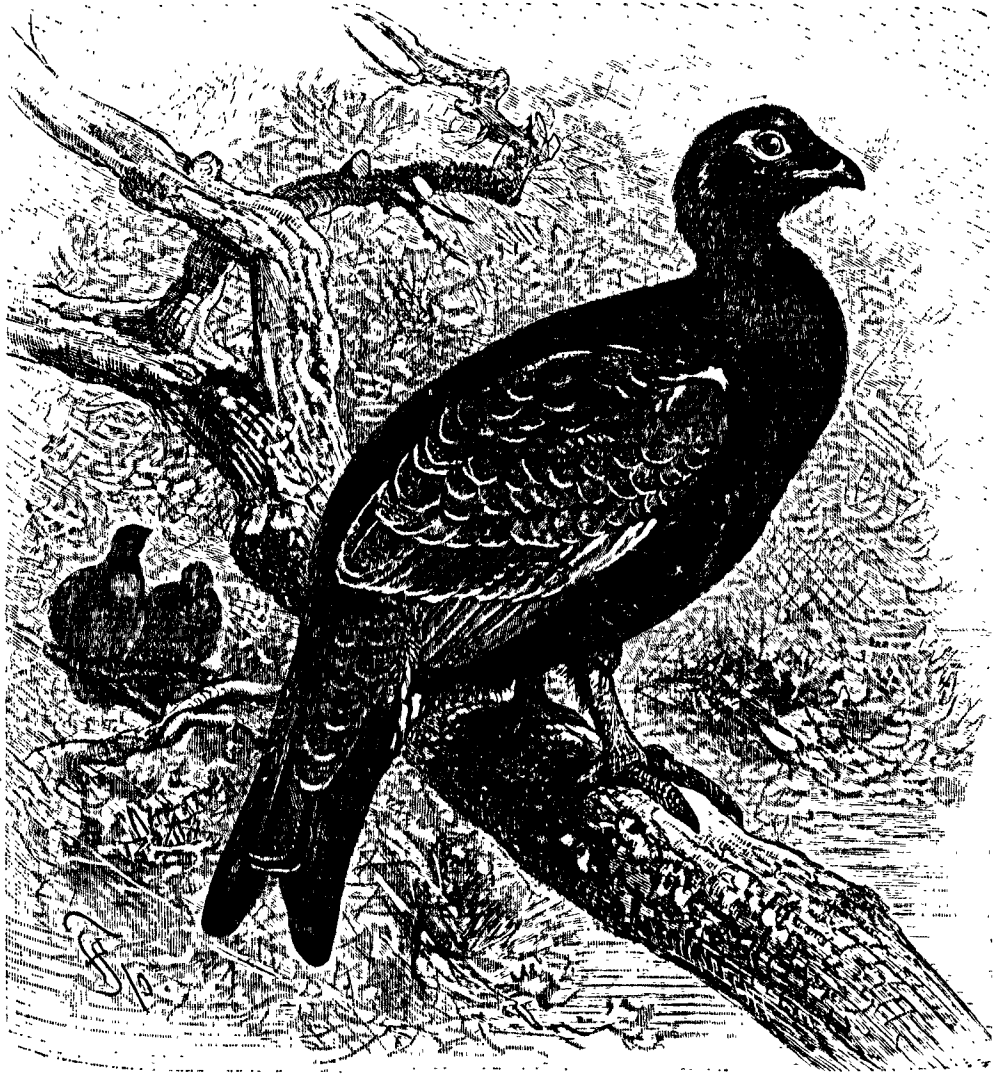
**) Между тетеревомъ косачемъ и рябчикомъ также бываютъ помѣси. Одинъ экземпляръ такой помѣси находится въ зоологическомъ музеѣ СПб. университета. По величинѣ этотъ экземпляръ занимаетъ среднее положеніе между тетеревомъ и рябчикомъ: видомъ сильно походить на второго, но гораздо стройнѣе и красивѣе его. Примѣч. переводчика.

тридцатых годов нашего столѣтія и въ этой помѣси склонны были видѣть особый видъ тетеревиныхъ; однако изслѣдованія Нильсона и находженіе помѣсей между тетеревами и бѣлыми куропатками доказали все заблужденіе вышеупомянутаго взгляда, котораго, между прочимъ, долгое время держался и мой отецъ. Съ того времени тетерева-межняки не разъ воспитывались въ неволѣ и смѣшанность ихъ породы была совершенно доказана.

Тетеревъ-межнякъ (*Tetrao urogallo-tetrix, hybridus, hybridus medius, intermedius; urogallides, urogalloides, urogallo-tetricides. Rackelhuhn. Tétras batard*), будучи въ большинствѣ случаевъ помѣсью между косачемъ и глухаркой, рѣже—между глухаремъ и тетеркой— по формѣ и окраскѣ занимаетъ почти среднее положеніе между обоими родителями, но съ перваго взгляда отнюдь не кажется помѣсью. Верхняя часть головы пѣтуха межняка бываетъ или черная блестящая или по черному фону всюду испещрена сѣрыми крапинками и тонкими зигзагами; верхнія части его крыльевъ черновато-бураго цвѣта въ перемежку съ сѣрой окраской, поперекъ рулевыхъ перьевъ второго порядка идетъ широкая, грязно-бѣлая полоса, а на концахъ ихъ такого же цвѣта каемки. Хвостъ съ неглубокимъ вырѣзомъ, черный, на концахъ перьевъ иногда имѣетъ бѣлыя каемки. Опереніе нижней части тѣла черное, въ передней половинѣ шеи и на zobу съ фіолетовымъ блескомъ, по бокамъ съ сѣрымъ налетомъ и бываетъ покрыто бѣлыми пятнышками. Перья бедеръ бѣлаго цвѣта, плюсны пепельно-сѣрыя. Глаза темно-каріе, клювъ чернаго рогового цвѣта. Самка межняка имѣетъ то большое сходство съ глухаркой, то съ тетеркой, но всегда отличается отъ первой меньшей, отъ второй большей величиной. Очень часто ее можно принять за тетерку. Длина самца межняка достигаетъ 65—75 см., самки — 55 — 60 см. «Такъ какъ эти ублюдки», пишетъ Вурмъ, «въ зависимости отъ степени унаслѣдованія признаковъ отъ того или другого вида, необыкновенно разнятся между собой, что распространяется, какъ доказалъ эрцгерцогъ Рудольфъ, и на скелетъ, напримѣръ на число позвонковъ и, такъ какъ по всѣмъ вѣроятіямъ, спарившись между собой, они не даютъ приплода и вновь постепенно вырождаются, возвращаясь къ одному изъ главныхъ типовъ, спариваніе съ которыми бываетъ плодородно, то для насъ являются особенно важными наиболее точные признаки самокъ межняковъ. Въ этомъ случаѣ весьма существенно обратить вниманіе на нижнюю часть слегка расправленной и приподнятой гузки. У глухаря она закруглена, и перья нижней части гузки лишь наполовину покрываютъ перья верхней части гузки; у тетерева нижняя часть съ вырѣзомъ, верхняя же даже выступаетъ за первую на 1 см.; напротивъ, у межняка форма гузки близка къ четырехугольной и нижнія перья покрываютъ ее на двѣ трети. Пурпурово-фіолетовый блескъ груди бываетъ измѣнчивъ отъ синяго до зеленаго цвѣта и этотъ переходъ, какъ показали микроскопическія изслѣдованія, зависитъ отъ того, что перья груди всѣхъ лѣсныхъ куринныхъ птицъ обоихъ половъ заключаютъ въ себѣ красящее вещество (пигментъ) отъ коричнево-желтаго до ржаво-бураго цвѣта, причемъ у самцовъ этого красящаго вещества скопится больше, нежели у самокъ. У самцовъ при этомъ свѣтъ преломляется въ тонкихъ ворсинкахъ бородокъ перьевъ, что и обусловливаетъ металлическій блескъ: зеленый—у глухаря, синій—у тетерева и фіолетовый—у межняка, хотя, будучи только оптическимъ цвѣтомъ, онъ можетъ имѣть небольшія уклоненія въ своемъ распредѣленіи».

Межнякъ встрѣчается всюду, гдѣ водятся вмѣстѣ глухарь и тетеревъ: въ Германіи, въ Швейцаріи, но преимущественно въ Скандинавіи. Тамъ, по словамъ Нильсона, экземпляры такихъ помѣсей убиваются и ловятся ежегодно. Чаще всего

пхъ наблюдали въ сѣверной части Вермеланда; въ Норвегii также они не считаются рѣдкостью и, по сообщенiю Коллетта, нѣсколько экземпляровъ этихъ птицъ каждую зиму привозятся на рынокъ дичи въ Христианiю. Въ охотничьихъ районахъ Шотландiи, вскорѣ послѣ ввезенiя туда норвежскихъ глухарей, межняки развелись въ большомъ количествѣ, однако, съ увеличенiемъ числа глухарей, они

Тетеревъ межнякъ. *Tetrao urogallo-tetrix*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

начали убавляться въ числѣ и совершенно исчезли, какъ только число самцовъ и самокъ глухарей дошло до нормальной пропорцiи. Межнякъ не имѣетъ своихъ токовъ и летаетъ на тока косачей, рѣже на глухаринные; присутствiе его на тетеревиномъ току одинаково неприятно какъ токующимъ косачамъ, такъ и охотнику, такъ какъ, сознавая свое преимущество въ силѣ, межнякъ вступаетъ въ драку со всѣми косачами, разгоняетъ ихъ и въ концѣ концовъ обращаетъ въ бѣгство; по меньшей же мѣрѣ онъ сильно мѣшаетъ обычной жизни токующихъ ко-

сачей. Крики токующаго межняка состоятъ изъ грубаго гортаннаго «фарр фарр фарр», болѣе похожаго на крикъ тетерева, чѣмъ глухаря. Онъ не точитъ, не щелкаетъ, какъ глухарь, но бормочетъ по тетеревиному до самаго конца, только еще гораздо сильнѣе. Никто изъ наблюдателей не видѣлъ, чтобы межняка послѣ токованія топталъ тетерку; впрочемъ, это еще ничего не доказываетъ, во-первыхъ, потому, что видѣть даже спариваніе глухаря съ тетеркой случается очень рѣдко, во вторыхъ—наблюдения въ этомъ направленіи затрудняются небольшимъ числомъ экземпляровъ этой помѣси.

О свободной жизни межняка мы имѣемъ очень интересныя свѣдѣнія, благодаря Рудольфу, кронпринцу Австрійскому, которому въ Богеміи посчастливилось убить въ апрѣлѣ 1877 г. одного изъ этихъ ублюдковъ. По совѣту одного владѣльца, августѣйшій охотникъ отправился, сопутствуемый опытнымъ егеремъ, на одинъ тетеревиный токъ, на которомъ межняка постоянно нападалъ на разгоряченныхъ косачей и обыкновенно разгонялъ ихъ послѣ недолгой драки. «Приблизившись къ опушкѣ лѣса и дойдя до маленькой полянки, отдѣленной отъ открытаго поля небольшою рощицей», рассказываетъ кронпринцъ, «я встрѣтилъ одного егера, который сообщилъ мнѣ, что на опушкѣ, въ концѣ поля онъ только что встрѣтилъ тетерева-межняка. Я сталъ приглядываться и дѣйствительно скоро увидѣлъ крупную птицу, темное опереніе которой ясно выдѣлялось на ярко освѣщенной песчаной почвѣ. На первый взглядъ своимъ видомъ она напомнила мнѣ скорѣе небольшого глухаря, но не тетерева; но чѣмъ больше я въ нее всматривался, тѣмъ больше убѣждался, насколько это позволяло дальнее разстояніе, въ совершенномъ отличіи этой птицы отъ обихъ ея прародителей. Медленная походка крупными осторожными шагами, манера, съ которой она отыскивала на полѣ пищу, болѣе горизонтальное положеніе тѣла, — все это было совершенно своеобразно и скорѣе напоминало собою движенія фазана, нежели тетеревиной птицы. Меня также удивила самая встрѣча съ этою лѣсною птицею, расхаживающею по полю въ первые послѣобѣденные часы. Однако все это я приписалъ вліянію мѣстности, именно равнины, которая обыкновенно замѣтно вліяетъ на перемѣну въ обычаяхъ и привычкахъ птицъ, живущихъ преимущественно въ высокихъ горныхъ поясахъ, и это тѣмъ болѣе, что впослѣдствіи я имѣлъ случай наблюдать, что и тетерева данной мѣстности покидаютъ лѣсъ, отправляясь въ ранніе утренніе часы или вечеромъ полетать на поля. Охотники передавали мнѣ, что этотъ самецъ держится всегда вблизи того мѣста, гдѣ его видѣли, только вечеромъ дѣтаетъ на болото—часто въ непосредственной близости села, куда вмѣстѣ съ нимъ прилетали на тока другіе тетерева, что съ наступленіемъ сумерекъ онъ поднимается надъ болотомъ на значительную высоту и летитъ къ сосѣднему лѣсу, гдѣ и ночуетъ болѣею частью на одномъ и томъ же мѣстѣ въ чащѣ высокихъ сосенъ, утромъ-же, когда заря подернется первымъ багрянцемъ, его всегда можно видѣть на мѣстѣ тока на болотѣ». Затѣмъ кронпринцъ Рудольфъ, описавъ свою удачную охоту, продолжаетъ. «Тѣлосложеніе этой птицы, когда она стоитъ, можно назвать стройнымъ, такъ какъ тѣло ея, которое она несетъ въ особенности при ходьбѣ довольно горизонтально, выгладитъ вытянутымъ въ длину. Если она осторожно и тихо бродитъ по землѣ, то поднимаетъ ноги высоко и ходитъ поступью, характерной для всѣхъ наиболѣе крупныхъ куриныхъ породъ. Въ такихъ случаяхъ она своими движеніями болѣе всего напоминаетъ фазана. Когда я подкрался къ этому межняку и разсматривалъ его, изъ-за лѣсу, онъ стоялъ, пока еще не видѣлъ меня, подтянувъ голову къ самымъ плечамъ и вало опустивъ оба крыла. Въ такомъ положеніи онъ имѣлъ видъ чрезвычайно безпечной и заснувшей птицы.

Такъ какъ до этого времени люди не причиняли ему никакого безпокойства, а среди окрестнаго птичьяго міра онъ былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ, то, повидимому, онъ и держался непринужденно, что было не только неосторожно, но даже безразсудно. По увѣренію охотниковъ, днемъ онъ всегда впадалъ въ такое сонливое и безучастное настроеніе, зато тѣмъ бодрѣе и сердитѣе становился онъ на току. Какъ только появится какой-нибудь тетеревъ, онъ тотчасъ же нападаетъ на него и послѣ недолгой борьбы, прогоняетъ его прочь. Само собою разумѣется, что побѣда была всегда обезпечена ему его значительной величиной и силой. Охотники говорили мнѣ, что, во время токованія, онъ распускаетъ гузку и хвостъ вѣерообразно, какъ глухарь, взъерошиваетъ всѣ перья и, надувъ шею, издаетъ кричащій звукъ, вошедшій даже въ его нѣмецкое названіе (*Rackelhuhn*) это то, что нѣмецкіе охотники зовутъ криканьемъ (*rackeln*). Крикъ этотъ собственно состоитъ изъ нѣсколькихъ колѣвъ, различныхъ по тону. Начало его похоже на чуфыканье токующаго тетерева; за нимъ слѣдуетъ точеніе, похожее на глухариное, конецъ же пѣсни, который можно сравнить со щелканьемъ глухаря и сопровождаемый судорожными движеніями, — состоитъ одновременно изъ карканья и хрипѣнія, изъ звуковъ громкихъ, но лишенныхъ звучности, которые, по выраженію мѣстныхъ жителей, можно сравнить только съ хрюканьемъ свиньи.

«Вышеназванный межняка въ той мѣстности давно былъ знакомой птицей. Въ послѣдніе годы наблюдали не менѣе, чѣмъ три экземпляра этой помѣси: одинъ изъ нихъ былъ убитъ владѣльцемъ участка на томъ же мѣстѣ, гдѣ я убилъ своего; другой попалъ подъ выстрѣлъ одного крестьянина въ сосѣдней мѣстности, куда птица летала токовать; охотники встрѣчали этого межняка нѣсколько лѣтъ подрядъ. Третьяго, убитаго мною, за нѣкоторое время до его токованія, видѣли въ сосѣднихъ поляхъ. По увѣреніямъ охотниковъ, они видѣли еще одну крупную тетерку, признаваемую ими за самку межняка, но, по ихъ словамъ, она жила въ сосѣднемъ участкѣ. Интересно то обстоятельство, что во всѣхъ этихъ рощахъ, а также и въ ближайшихъ пограничныхъ, обыкновенно не водилось ни одного глухаря и только довольно далеко отъ этихъ мѣстъ, часа на два ѣзды, начинается собственно граница области распространенія глухаря. Нѣкоторые изъ охотниковъ даже утверждали, что въ вышеупомянутыхъ рощахъ жили одна или двѣ глухарки, одинокія безъ пѣтуха; другіе, напротивъ, говорятъ, что эти свѣдѣнія ни на чемъ не основаны».

О жизни межняковъ въ неволѣ сообщаетъ Нильсонъ: «Я держалъ въ клѣткѣ», пишетъ онъ, «трехъ межняковъ одного за другимъ и надъ однимъ изъ нихъ велъ наблюденія пять лѣтъ. Въ общемъ эта птица скорѣе вяла, чѣмъ жизненна и почти цѣлый день сидитъ въ спокойномъ состояніи на своемъ насѣстѣ, съ слегка взъерошенными перьями, опущеннымъ книзу хвостомъ и закрытыми глазами. Если не считать весенняго времени, отъ нея не было слышно ни одного звука. Даже, послѣ пятилѣтней жизни въ клѣткѣ, она все еще оставалась дикой и робкой; она пугливо пряталась отъ всякаго, кто приближался къ ея клѣткѣ. Наоборотъ, она сердито и гнѣвно относилась къ маленькимъ звѣркамъ и птицамъ, которые подходили къ ея помѣщенію или пытались ѣсть ея кормъ, и въ особенности, если это было весной. Она начинала тогда испускать тѣ же хрюкающіе и ворчащіе звуки, широко разѣвала клювъ и старалась испугать всякаго, кто приближался къ ней. Въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля, смотря по раннему или позднему наступленію весны, межняка этотъ начиналъ токовать. Во время токованія онъ расхаживалъ по своему насѣсту или по полу клѣтки, поднималъ хвостъ, распустилъ его вѣеромъ, опускалъ крылья, взъерошивалъ шейныя перья и подни-

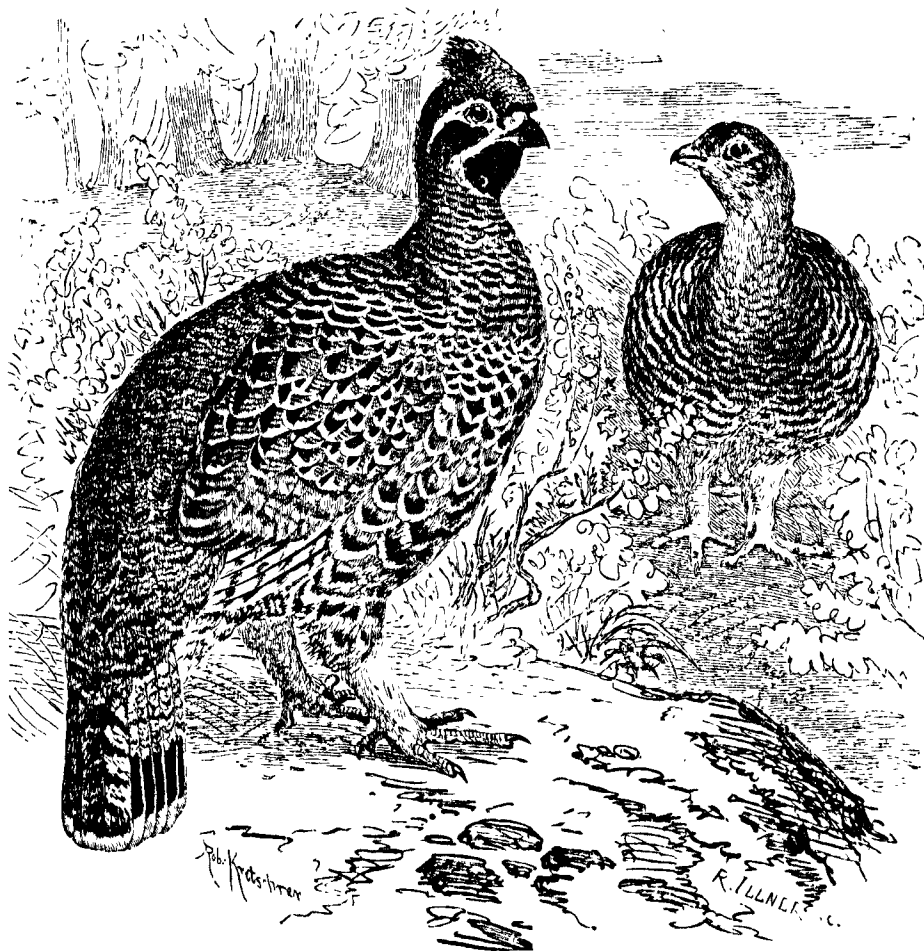
малъ кверху широко раскрытый клювъ. Первые звуки звучали ниже послѣднихъ, которые онъ испускалъ съ особеннымъ возбужденіемъ выше и быстрее, но которые уже на разстояніи 150 шаговъ были едва слышны. Въ общемъ, токованіе состояло изъ хрюкающихъ, трещащихъ и скрипящихъ звуковъ, которые онъ какъ бы выкаркивалъ. Въ томъ же саду, но въ другой клѣткѣ, токовалъ одинъ тетеревъ и такимъ образомъ представлялась возможность произвести сравненіе между обѣими птицами. Тетеревъ казался пѣвцомъ-артистомъ, съ легкостью и спокойствіемъ поющимъ миленькую пастушескую мелодію; межняка, наоборотъ, во время своего пѣнія дѣлалъ удивительныя гримасы, и исполненіе его пѣсни ему стоило замѣтнаго труда, къ тому же въ пѣснѣ нельзя было различить правильности ни въ тонахъ, ни въ тактѣ. Онъ токовалъ напролетъ весь апрѣль и часть мая, при этомъ только днемъ и въ хорошую погоду, утромъ-же никогда. Иногда онъ много токовалъ и осенью, въ остальное-же время года совершенно безмолвствовалъ. Его пища состояла изъ брусники и другихъ лѣсныхъ ягодъ, пока ихъ еще можно было доставать; онъ также охотно ѣлъ ломтики яблоковъ, капусту, другую зелень и зерна злаковъ». Я самъ въ 1863 году получилъ одного межняка, пойманнаго въ Швеціи и уже обжившагося. Своимъ поведеніемъ птица гораздо больше напоминала глухаря, чѣмъ тетерева, именно держала себя съ тѣмъ особеннымъ достоинствомъ, которое характеризуетъ глухаря, однако въ ней не было и признаковъ той драчливости, которая свойственна послѣднему; одинъ тетеревъ, помѣщавшійся въ одной загородкѣ съ межнякомъ, скоро подчинилъ его своей власти и въ одной дражѣ такъ отдѣлалъ его, что впослѣдствіи бѣдный межнякъ, завидя своего противника, тотчасъ же поспѣшно удиралъ въ уголъ заросшей густымъ кустарникомъ, тутъ же подавалъ голоса.

* * *

Кромѣ глухаря и косача въ европейскихъ лѣсахъ живетъ еще третій видъ тетеревовъ, **Рябчикъ** (*Tetrao bonasia, betulinus* и *canus*, *Bonasia betulina, lagopus, sylvestris, rupestris, minor* и *albigularis*, *Tetrastes bonasia, Bonasa betulina* и *sylvestris*. *Naselhuhn. Gelinotte*). По строенію тѣла онъ похожъ на вышеописанныхъ родичей, но плюсна у него оперена только на три четверти длины и пальцы голые. Округленный хвостъ состоитъ изъ 16 рулевыхъ перьевъ; перышки на теменіи удлинены и образуютъ хохолокъ. Оба пола похожи другъ на друга по величинѣ и цвѣту оперенія, хотя все-таки отличить ихъ можно. На верхней части тѣла опереніе ржаво-сѣровато-красное, съ бѣлыми пятнами, причемъ большинство перьевъ имѣютъ еще черныя волнистыя полоски; на кроющихъ перьяхъ крыла, которые окрашены въ ржаво-сѣрый и ржаво-красный цвѣтъ, ясно замѣчаются бѣлыя продольныя полоски и пятнышки. Горло черное съ бѣлой каемкой, ясно замѣчаются бѣлыя продольныя полоски и пятнышки. Горло черное съ бѣлой каемкой, ясно замѣчаются бѣлыя продольныя полоски и пятнышки; рулевые перья черноватые съ пепельно-сѣрой тушевкой, а на среднихъ замѣчаются желтовато-бурые полоски и пятна. Глаза орѣхово-бурые, клювъ черный, голыя мѣста на ногахъ рогового-бурого цвѣта. У самки нѣтъ черного пятна на горлѣ и окраска оперенія не такъ ярка: въ ней замѣтно больше сѣраго, чѣмъ бурого цвѣта. Длина тѣла обыкновенно около 45 см., размахъ крыльевъ 62, длина крыла 19, хвоста 13 см. Самка на одну пятую меньше самца.

Область распространенія рябчика простирается отъ Пиренеевъ до полярнаго круга и отъ береговъ Атлантическаго до береговъ Тихаго океана; но въ этой обширной области онъ встрѣчается однако не вездѣ, а только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Онъ предпочитаетъ горы равнинѣ, но и въ горахъ постоянно живетъ

только въ извѣстныхъ мѣстахъ. На Альпахъ, въ Баваріи, Силезіи, Познани, восточной и западной Пруссіи онъ встрѣчается не очень рѣдко; около Рейна, въ Нассау, южной Вестфалии, Франконіи, на Шварцвальдѣ, Гарцѣ и Рудныхъ горахъ его еще можно найти, а въ Помераніи уже онъ представляетъ рѣдкое явленіе. Последнее можно сказать и объ Австро-Венгріи, гдѣ онъ, кромѣ удобныхъ мѣстностей на Альпахъ, кое-гдѣ встрѣчается въ нижней Австріи, Богеміи и Моравіи, а еще чаще въ Венгріи и Галиціи. Въ Италіи, гдѣ прежде онъ жилъ во многихъ

Рябчикъ. *Tetrao bonasia*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

мѣстахъ, его находятъ нынче только въ нѣкоторыхъ, напримѣръ въ Комаско; въ Греціи и Испаніи его не находили; во Франціи онъ попадаетъ на Альпахъ, Пиренеехъ и въ западной части Вогезовъ; въ Бельгіи развѣ только въ Арденскихъ горахъ; во всей сѣверной Германіи, Голландіи, Дани и Великобританіи его нѣтъ. Въ большинствѣ количествѣ онъ встрѣчается только на сѣверѣ, особенно на сѣверо-востокѣ Европы, именно въ Швеціи и Норвегіи, Польшѣ, Россіи и Сибири. Любимыми мѣстами его жительства слѣдуетъ считать обширные, темные и смѣшанные лѣса, особенно такіе, которые состоятъ изъ дубовъ, березъ, ольхи и орѣшника, а также въ хвойныхъ лѣсахъ, гдѣ растутъ березы и осины; здѣсь его можно чаще

встрѣтить на пустынныхъ, каменистыхъ и къ югу обращенныхъ склонахъ, покрытыхъ ягодными кустами; въ чистомъ краснолѣсѣ рябчикъ встрѣчается рѣдко и только по-одиночкѣ. Въ тѣхъ лѣсахъ, которые отвѣчаютъ его требованіямъ, онъ выбираетъ для жительства густыя заросли и въ случаѣ опасности всегда скрывается тамъ. Чѣмъ разнообразнѣе лѣсъ, тѣмъ, повидимому, онъ ему больше нравится. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣса его находятъ ежегодно, между тѣмъ какъ другія мѣста онъ иногда покидаетъ, чтобы предпринимать непродолжительныя странствованія. Самцы въ особенности часто кочуютъ осенью довольно правильно и посѣщаютъ наибольшія роши и кусты, расположенные около большихъ лѣсовъ, чтобы тамъ найдаться различными ягодами. При этомъ случается, что нѣкоторыя птицы залетаютъ на поля и въ полевые кусты на 10—20 килом. отъ большого лѣса и очевидно сбитыя съ толку не умѣютъ вернуться во свояси; однако, въ концѣ осени они все-таки возвращаются въ большіе лѣса. Впрочемъ, и въ другое время года рябчики иногда также перемѣняютъ мѣстожительство. Въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ, по словамъ Лейена, они держатся преимущественно въ смѣшанномъ лѣсу и охотно у опушки его, а въ августѣ скрываются въ высокомъ лѣсу и понемногу приближаются къ ягоднымъ полянамъ, между тѣмъ какъ одинокіе самцы начинаютъ тогда свои странствованія. Въ сентябрѣ его чаще встрѣчаешь на опушкахъ лѣсовъ и въ кустахъ, даже на вересковыхъ полянахъ, если вблизи есть густой кустарникъ; когда листья начинаютъ падать съ деревьевъ, то онъ обыкновенно покидаетъ чернолѣсье и перелетаетъ въ хвойные лѣса. Въ октябрѣ онъ держится больше тамъ, гдѣ листья не очень сильно спадаютъ и наконецъ зимою онъ чаще встрѣчается снова въ смѣшанныхъ лѣсахъ. Въ швейцарскихъ Альпахъ, по словамъ Чуди, рябчикъ живетъ преимущественно въ нижнемъ и среднемъ лѣсномъ поясѣ на горахъ и гораздо рѣже на предгорьяхъ и въ лѣсахъ на равнинахъ. Онъ часто сопровождаетъ глухаря, но, кажется, иногда поднимается выше его на горахъ. Здѣсь онъ также предпочитаетъ пустынные, заросшіе лѣсомъ склоны, обращенные на югъ, и его чаще всего можно встрѣтить въ каменистыхъ мѣстностяхъ, заросшихъ можжевельникомъ, орѣшникомъ и ольховыми кустами, гдѣ много ручьевъ и растутъ отдѣльныя сосны и березы. На сѣверѣ рябчики живутъ, какъ на горахъ, такъ и на равнинѣ; на Скандинавскомъ полуостровѣ преимущественно у подошвы высокихъ горъ, а въ Россіи и Сибири во всѣхъ обширныхъ лѣсахъ, но здѣсь они немного меньше ростомъ и въ опереніи ихъ болѣе замѣтны бѣлый и сѣрый цвѣта.

Рябчикъ любитъ прятаться и потому мало замѣтенъ; только рѣдко и случайно, если стоять тихо и спрятаться, можно видѣть, какъ онъ перебѣгаетъ черезъ полянки отъ одного куста къ другому, а въ суровое время года иногда его можно видѣть на толстыхъ сучьяхъ дерева, на которыхъ онъ сидитъ вдоль, прижавшись такъ къ сучку, что даже голова вытянута впередъ; въ этомъ положеніи его не всегда легко замѣтить. Если его спугнуть съ тонкихъ вѣтвей, то онъ быстро взлетаетъ и прячется на землѣ въ кустахъ: если-же его настигнуть на землѣ, то онъ постоянно садится на ближайшее дерево и оттуда глупо и съ любопытствомъ смотритъ на нарушителя его спокойствія. Если его еще разъ вспугнуть, то онъ всегда летитъ на хвойное дерево съ густою вершиною, прячется тамъ въ самыхъ темныхъ мѣстахъ и сидитъ совсѣмъ смиренно; иногда онъ незамѣтно перебѣгаетъ на противоположную сторону дерева и оттуда потихоньку улетаетъ. Обыкновенно, когда онъ не вполне увѣренъ въ своей безопасности, онъ сидитъ и ходитъ согнувшись, какъ куро-патка; въ другое время онъ держится прямо и бѣгаетъ съ вытянутой шеей. Онъ очень быстръ и ловокъ во всѣхъ своихъ движеніяхъ и можетъ также прекрасно прыгать. «Я разъ наблюдалъ рябчика», рассказываетъ Паумапъ, «который таскалъ

ягоды изъ разставленнаго силка: онъ съ помощью крыльевъ прыгалъ на 1½ т. вертикально въ вышину, вытаскивалъ сверху схваченныя ягодныя кисти и, когда при этомъ онъ меня замѣтилъ, то быстро скрылся вмѣстѣ съ добычей въ сосѣднихъ можжевеловыхъ кустахъ». У самки довольно короткія перышки хохолка всегда прижаты къ темени, а самецъ постоянно важно выступаетъ съ приподнятымъ хохломъ. Полетъ рябчика существенно не отличается отъ полета другихъ тетеревей, но, по моему мнѣнію, онъ совершается съ большею легкостью, однако нѣсколько медленнѣе, чѣмъ у обыкновеннаго тетерева, и, на что я хочу обратить особенное вниманіе, рябчикъ при взлетѣ мало шумитъ крыльями, а не хлопаетъ ими громко, какъ другіе тетерева, и полетъ его такъ тихъ, что быстро летящаго рябчика едва слышно. Самцы и самки замѣтно отличаются по голосу, и самки кричатъ особенно разнообразно. Молодые рябчики, по мнѣнію Лейбена, измѣняютъ въ теченіи перваго года своей жизни отъ весны до сентября свой призывной голосъ пять разъ. Очень трудно слогами передать призывной голосъ рябчика: онъ начинается очень высокимъ восходящимъ и нисходящимъ дискантомъ и оканчивается въ томъ-же тонѣ короткою или продолжительною трелью. Молодые рябчики, пока они живутъ въ первый годъ выводкомъ, кричатъ просто «пи-пи-пи», причемъ самцы по голосу не отличаются отъ самокъ. Когда птенцы подростутъ и уже способны къ спариванью, хотя живутъ еще выводкомъ, они издаютъ крикъ, который можно передать черезъ «тии» или «тии-ти», потомъ они прибавляютъ еще третій слогъ, такъ что выходитъ «ти-ти—тити» или «тии-тии—тити». Взрослый самецъ высвистываетъ настоящую пѣсенку, которую пробовали передать слогами «тии-тии-тити-дири», но начало и конецъ этого крика бываютъ очень разнообразны. Взрослая самка замѣтно отличается отъ самца по голосу и когда она убѣгаетъ, то издаетъ особый звукъ, который начинается очень тонко и тихо, постепенно дѣлается все громче и громче и кончается чрезвычайно быстро слѣдующими другъ за другомъ звуками. Лейбень пробуетъ передать этотъ голосъ слогами «ти, ти, ти, ти, ти, ти, ти, ти — кіуд, кіуд, кіуд, кіуд, кіуд», а Кобель замѣчаетъ, что охотники верхней Баваріи передаютъ голосъ самца словами «zieh, zieh, zieh, bei der Hiz in die Höh». («Поднимись, поднимись, поднимись при жарѣ въ вышину»).

Органы чувствъ у рябчиковъ развиты, вѣроятно, лучше, чѣмъ у тетеревей, что крайней мѣрѣ слухъ у нихъ отличается необыкновенной тонкостью; относительно-же умственныхъ способностей они стоятъ на одинаковой степени. По образу жизни и нраву они отличаются отъ всѣхъ нами описанныхъ родичей. Рябчикъ не вполне принадлежитъ къ куринымъ, живущимъ въ многоженствѣ, такъ какъ держится чаще всего попарно или семьями. Уже въ сентябрѣ молодой самецъ выбираетъ себѣ подругу, но выводка еще не покидаетъ, подъ весну-же они отдѣляются оба вмѣстѣ и принимаются за гнѣздованіе. Такъ-же, какъ и тетерева, рябчики токують, но не танцуютъ при этомъ не такъ характерно, какъ первые, а ограничиваются тѣмъ, что ерошатъ перья на темени, ушной области и шеѣ; нѣжныя чувства къ своей подругѣ они изъясняютъ громкимъ свистомъ и рѣзкими трелями. Когда самецъ сильно возбужденъ, то взбирается на ближайшее дерево, выбираетъ среднія вѣтви верхушки и тамъ свиститъ и разливается безъ устали почти всю ночь и утро, отъ заката солнца до наступленія дня. На землю токующей рябчикъ спускается только непосредственно передъ спариваніемъ.

Въ заботахъ гнѣздованія онъ принимаетъ только самое незначительное участіе. Тотчасъ послѣ перваго спариванія самочка разыскиваетъ себѣ самое неприхотливое мѣсто подъ кустомъ или хворостомъ, между камней или между па-

поротниками, устраивает там углубление и тут несется; сносить она 8—10, иногда 12 и больше яичек, которые довольно малы, то есть 40 мм. длины и 30 мм. ширины, гладки и с блеском; по буро-красному фону они испещрены темно-бурыми пятнами и точками. Эти яички она насиживает полных три недели и притом так усердно, что можно подойти к ней совсем близко и все-же ее не спугнуть. Русский охотник Сабаньев утверждает, что на Урале наблюдали случаи, когда самки рябчика приспособливали себя старая чужая гнѣзда даже на деревьях и высиживали в них своих дѣтенышей. Все время насиживания и позже до тѣхъ поръ, пока дѣтеныши еще малы, самецъ пользуется своею свободой и слоняется по окрестностямъ, гдѣ ему любо, но чаще всего держится по близости гнѣзда, гдѣ сидитъ его подруга, впрочемъ иногда удаляется отъ него, куда залетаетъ увлеченный призывнымъ кликомъ другого самца. Только тогда, когда дѣтеныши подрастутъ, отецъ возвращается въ семейный кругъ и съ этой поры дѣлается его постояннымъ, преданнымъ вожакомъ и бдительнымъ сторожемъ. Найти гнѣздо очень трудно. Мѣсто для него выбирается съ необыкновенной осторожностью, и самка при приближеніи врага не вспархиваетъ и не убѣгаетъ, отводя охотника отъ гнѣзда, какъ тетеревъ, но тихо и беззвучно прокрадывается, и въ тѣхъ случаяхъ, когда принуждена покинуть гнѣздо по собственному усмотрѣнію, никогда не забудетъ тщательно прикрыть яички подстилкою. Вышедшихъ изъ гнѣзда дѣтенышей также трудно примѣтить. Только что вылупившихся птенцовъ мать обогрѣваетъ еще нѣкоторое время въ гнѣздѣ, пока они совершенно не обсохнутъ, затѣмъ ведетъ ихъ кормиться на мѣста, самыя обильныя пищею. Почувявъ опасность, она прибѣгаетъ къ тысячѣ ухищреній, которыя такъ присущи всемъ птицамъ этого семейства, а сѣренькіе птенчики, по цвѣту почти не отличающіеся отъ окружающей почвы, прижимаются къ кочкамъ мха, къ камнямъ и корнямъ деревьевъ такъ ловко, что нуженъ чуткій носъ лисицы или легавой собаки, а не глазъ человѣка, чтобы открыть присутствіе ихъ въ данномъ мѣстѣ. Въ первое время мать ведетъ цыплятъ на открытое, солнечное мѣсто, гдѣ они ищутъ себѣ насѣкомыхъ, которыя въ это время составляютъ ихъ исключительную пищу. Позднѣе они привыкаютъ къ той-же пищѣ, какъ и взрослые, именно, ѣдятъ въ большомъ количествѣ тѣхъ-же насѣкомыхъ и кромѣ того ягоды, кончики травяныхъ листьевъ, почки травъ, лепестки цвѣтовъ и различныхъ растений. Очень скоро молодежь научается летать, измѣняетъ своему прежнему почлегу подъ крыльями матери и всѣ перебираются на вѣтви деревьевъ, то высоко, то низко лежащихъ, и тамъ, прижавшись потѣнѣе, размѣщаются около, а иногда и подъ матерью. Тогда только, когда птенцы начинаютъ летать, къ нимъ присоединяется отецъ, и тутъ все семейство образуетъ стайку, которая до самой осени дружно и неразлучно живетъ вмѣстѣ.

Къ сожалѣнію, несмотря на нѣкоторое покровительство со стороны закона, въ Германіи количество рябчиковъ съ каждымъ годомъ становится меньше. Конечно, хищныя животныя и птицы истребляютъ массу птенцовъ, но, вѣроятно, есть еще и другія причины, способствующія такому въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ поразительному уменьшенію ихъ. Во многихъ мѣстахъ, гдѣ прежде постоянно водились рябчики, теперь они исчезли безъ всякой видимой причины. «Хотя въ Германіи», говоритъ Вурмъ, «запрещенная охота на рябчиковъ силками производится гораздо чаще, чѣмъ обыкновенно думаютъ, но главную причину ихъ уменьшенія слѣдуетъ искать въ односторонней и слишкомъ сильно развитой культурѣ хвойныхъ лѣсовъ, которые совершенно вытѣсняють листовныя деревья. почки которыхъ зимою составляютъ главную пищу рябчиковъ. Густыя и обшир-

ныя рощи хвойныхъ деревьевъ даютъ имъ удобныя убѣжища на вѣтвяхъ своихъ, но земля подъ деревьями голая и не поросши мелкимъ кустарникомъ, который такъ необходимъ для этой птицы». Въ нѣкоторыхъ-же лѣсахъ, наоборотъ, они снова появляются, что замѣтили на южныхъ склонахъ Рудныхъ горъ, гдѣ вновь стали встрѣчаться довольно большія стаи рябчиковъ. Тамъ, гдѣ они водятся въ изобиліи, ихъ бьютъ во множествѣ, такъ какъ надо сознаться, что мясо ихъ составляетъ безспорно самое вкусное жаркое изъ всѣхъ птицъ этого семейства. Охотятся на рябчиковъ съ легавой собакой или-же, что еще интереснѣе, ихъ подзываютъ пищикомъ. Пищикъ — инструментъ очень простой: это есть дудочка, при помощи которой необыкновенно вѣрно свистятъ, подражая призывному голосу самца; иллюзія такъ полна, что подавшіеся обману драчуны немедленно прилетаютъ на зовъ. Счастье, что для такого рода охоты нужна извѣстная снаровка, иначе говоря—она мыслима только для искуснаго охотника. Въ рябчикѣ, какъ и во всѣхъ лѣсныхъ куриныхъ, прекрасные осенніе дни возбуждаютъ воинственное настроеніе и всѣ они рады слушать между собою поссориться и даже подражаться. Время такого возбужденія длится отъ первыхъ чиселъ сентября до конца октября и, если погода стоитъ хорошая, то этими днями и пользуются любители упомянутой охоты. Тотъ, кто желаетъ дѣйствовать успѣшно, долженъ быть хорошо знакомъ съ приемами ея, а также долженъ очень хорошо ознакомиться и изучить лѣсъ, въ которомъ думаетъ охотиться, такъ какъ все зависитъ отъ выбора мѣста стоянки и отъ умѣнія производить какъ можно меньше шума при передвиженіяхъ. На охоту обыкновенно выходятъ рано утромъ, тихо прокрадываются къ высокому дереву въ такомъ мѣстѣ, гдѣ прежде бывали рябчики или гдѣ почему-нибудь можно предполагать встрѣтить ихъ. Главное условіе хорошей стоянки—открытое шагавъ на 30 кругомъ мѣсто, не поросшее мелкимъ кустарникомъ, потому что птица очень часто не летитъ, а бѣжитъ на кликъ и, открывъ присутствіе охотника гораздо раньше, чѣмъ тотъ ее увидитъ, старается спастись и воспользоваться какимъ-бы то ни было прикрытіемъ. Выбравъ удобное мѣсто, опытный охотникъ становится подъ дерево или прислоняется къ нему, готовится къ выстрѣлу, беретъ пищикъ и подзываетъ, подражая вначалѣ голосу молодого самца. При благоприятной погодѣ подавшійся обману самецъ прилетаетъ на первый-же зовъ такъ быстро, что охотникъ едва успѣваетъ выбросить изо рта пищикъ. Но шуму отъ полета онъ догадывается, перелетѣла-ли птица съ дерева на дерево, или устремилась на землю, и, уже напередъ зная, съ какой стороны она появится, выбираетъ удобное положеніе, подзываетъ еще разъ, чтобы ясно указать гдѣ стоитъ, прицѣливается и обыкновенно уже издали ясно видитъ приближающагося рябчика. Охотникъ подпускаетъ его на разстояніе выстрѣла и долженъ бить на-вѣрняка, на поваль, такъ какъ подстрѣленные почти всегда теряются.

Старый самецъ, который уже былъ напуганъ неудачнымъ выстрѣломъ или-же обманнымъ пазывомъ, дѣлается недовѣрчивъ; онъ не летитъ и не идетъ прямо на свистъ, а бѣгаетъ и шныряетъ кругомъ на такомъ разстояніи, что рѣдко допустить до выстрѣла. Если самецъ откликнется, то это значитъ, что онъ или не желаетъ, или боится появиться тотчасъ. Это есть знакъ охотнику, чтобы быть терпѣливымъ и выжидать; все-же ему не мѣшаетъ посвистѣть еще разъ—другой, чтобы птица хорошенько дать распознать, гдѣ стоянка. Обыкновенно рябчикъ откликается еще нѣсколько разъ и опять замолкаетъ. Черезъ 5—10 минутъ происходитъ неожиданное явленіе: моментально раздастся шумъ, самецъ быстро подлетаетъ и падаетъ къ ногамъ охотника, иногда съ такой силой, что осыпавшійся чухой листъ вихремъ вздымается съ земли. Онъ вполне увѣренъ, что найдетъ здѣсь товарищей, вдругъ, осмотрѣвшись, видитъ нѣчто мало похожее на деjeta, человека узнаеть не тотчасъ и медленно

начинает отступать. Этимъ моментомъ замѣшательства и слѣдуетъ пользоваться и стрѣлять.

Иногда охотнику случается попасть въ такое мѣсто, гдѣ рябчиковъ находится много, попарно и особнякомъ, но на такомъ разстояніи, что всё въ одно время слышать призывной свистъ и хотя всё сразу откликаются, но врядь-ли къ охотнику прилетитъ какой-нибудь одинъ, да и то случайно. Опытный человѣкъ хорошо знаетъ, какъ этому горю помочь: онъ начинаетъ пищать, подражая голосу самки; тутъ все стихаетъ, и охоту можно продолжать спокойно. Часто случается, что съ одного мѣста удается убить нѣсколько рябчиковъ подь-рядъ; звукъ выстрѣла ихъ не пугаетъ, лишь-бы самъ стрѣляющій оставался на мѣстѣ и не шевелился. Двигаться онъ можетъ только тогда, когда рѣшается переменить мѣсто стоянки. Только такой опытный человѣкъ, какъ Лейенъ, могъ сдѣлать столь вѣрное описаніе этой заманчивой охоты.

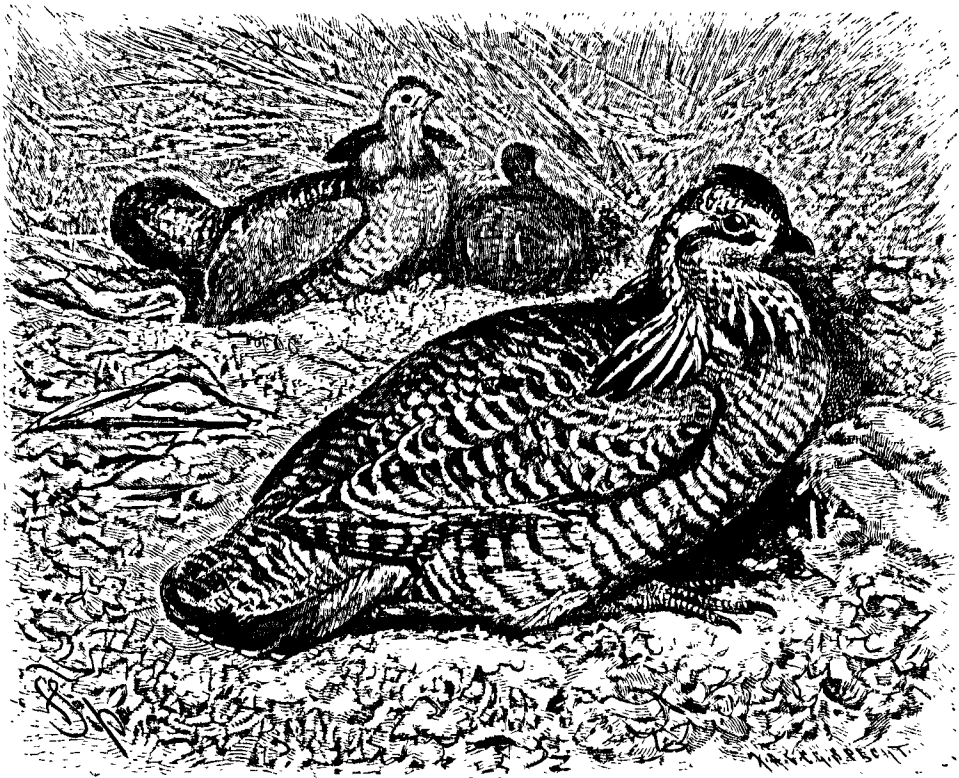
Пойманные рябчики хотя легко привыкаютъ къ клѣточному корму, но рѣдко дѣлаются ручными. По мнѣнію Вурма, они переносятъ неволю только тогда, когда ихъ содержатъ по нѣсколько штукъ вмѣстѣ, а не по-одиночкѣ. Въ началѣ они кажутся необычайно пугливыми и если клѣтка, въ которой ихъ содержатъ, не довольно велика, то они при приближеніи человѣка такъ бьются, что нерѣдко окопываютъ. Если-же удастся ихъ приручить и добиться дружественныхъ отношеній, то они доставляютъ человѣку много удовольствій, такъ какъ и въ клѣткѣ остаются такими-же граціозными и милыми существами.

* * *

Между американскими тетеревиными, по моему мнѣнію, заслуживаетъ болѣе всего вниманія **Луговой тетеревъ** (*Tetrao cupido*, *Cupidonia cupido*, *americana*, *Prairie-huhn*, *Tétras à fraise*). Онъ отличается отъ другихъ тетеревиныхъ двумя длинными пучками, которые спускаются по обѣимъ сторонамъ шеи и покрываютъ здѣсь два голыхъ мѣста, которыя въ свою очередь указываютъ на присутствіе двухъ подкожныхъ мѣшковъ, находящихся въ сообщеніи съ дыхательнымъ горломъ. Пучки эти состоятъ изъ 18 узкихъ перьевъ. Полы почти не отличаются другъ отъ друга по окраскѣ, а разнятся только тѣмъ, что у самца перья на пучкахъ нѣсколько длиннѣе, чѣмъ у самки. Во всемъ прочемъ по строенію тѣла луговой тетеревъ похожъ на глухаря, но хвостъ, состоящій изъ 18 широкихъ округленныхъ перьевъ, короче, чѣмъ у послѣдняго; въ крылѣ 4-ое маховое перо длиннѣе другихъ, и на головѣ перышки нѣсколько удлинены. Перья верхней части тѣла пестрыя и покрыты черными, блѣдно-красными и бѣлыми пятнами, на нижней части тѣла замѣтны поперечныя блѣдно-бурыя и бѣлыя полосы, вслѣдствіе чего и происходитъ такое смѣшеніе цвѣтовъ, которое трудно описать. Брюшко бѣловатое, маховыя перья сѣровато-бурыя съ черными стержнями, на наружныхъ опахалахъ ихъ замѣтны красныя пятна; рулевыя перья темно-сѣровато-бурыя съ грязно-бѣлыми каемками на концахъ; перышки на щекахъ и горлѣ желтоватыя, подъ глазами есть бурая полоска, длинныя перья на шеѣ имѣютъ темно-бурыя наружныя опахала и блѣдно-красновато-желтыя внутреннія. Глаза кофейнаго цвѣта, брови карминно-красныя, клювъ темно-рогового цвѣта, голыя части ногъ оранжево-желтыя, голыя мѣста на задней части шеи подобнаго-же цвѣта. Длина птицы 45 см., размахъ крыльевъ 75, длина нѣра 20, а хвоста 12 см.

«Когда я въ первый разъ жилъ въ Кентуки», говоритъ Одюбонъ, описаніями котораго я больше всего и воспользуюсь, «луговой тетеревъ былъ тамъ такъ обыкновененъ, что мясо его цѣнилось наравнѣ съ обыкновенной говядиной, и истые охот-

ники считали охоту за нимъ недостойною себя. На этихъ тетеревей смотрѣли такъ, какъ въ другихъ частяхъ Соединенныхъ штатовъ смотрятъ на воронъ, вслѣдствіе тѣхъ опустошеній, которыя они производятъ зимою въ садахъ и на плодовыхъ деревьяхъ, а лѣтомъ на поляхъ. Деревенскіе мальчишки и маленькіе негры весь день были заняты тѣмъ, что прогоняли этихъ непрошенныхъ гостей съ помощью грешушекъ и ловили ихъ всевозможными сѣлками и западнями. Тогда случалось часто, что зимою луговые тетерева приходили на дворы фермъ и ѣли тамъ кормъ съ домашними курами; часто ихъ можно было видѣть сидящими на крышахъ домовъ и бѣгающими по улицамъ деревень. Я хорошо помню, что многихъ изъ нихъ поймали въ хлѣвъ, куда они зашли добровольно вмѣстѣ съ индюками. Въ теченіи этой

Луговой тетеревъ. *Tetrao cupido*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

зимы одинъ мой пріятель убилъ 40 штукъ этихъ тетеревей съ единственною цѣлю упражняться въ стрѣльбѣ; онъ даже не потрудился подобрать убитыхъ птицъ, такъ какъ и ему, и всему его семейству надобла эта дичина. Мои собственные слуги предпочитали простой шпекъ жаренымъ тетеревамъ».

Разсказъ этотъ теперь звучитъ очень странно, если обратить вниманіе на то, что онъ относится къ странѣ, гдѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ можно было купить этихъ птицъ по одному центу за штуку, а гдѣ нынѣ найти ихъ почти невозможно. Луговые тетерева, точно также какъ индѣйцы, покинули штаты Кентуки и перекочевали далеко на западъ, чтобы избѣгнуть кровожадности бѣлыхъ людей. Теперь если они и встрѣчаются въ восточныхъ штатахъ, то только благодаря охотничьимъ законамъ, которые изданы для ихъ охраненія.

Въ отличіе отъ другихъ, уже описанныхъ тетеревиныхъ, луговой тетеревъ живетъ только въ безлѣсныхъ голыхъ равнинахъ. Обыкновеннымъ мѣстопребываніемъ его служатъ сухія, песчаныя поляны, заросшія рѣдкимъ кустарникомъ или низкой травой; онъ однако не избѣгаетъ обработанныхъ участковъ земли и даже отыскиваетъ поля, такъ какъ они доставляютъ ему обильный кормъ. Онъ живетъ на землѣ гораздо чаще другихъ тетеревиныхъ и на деревья садится только въ худую погоду или съ цѣлью щипать ягоды или плоды съ кустовъ и деревьевъ; ночь онъ проводитъ также на землѣ, въ травѣ и кустахъ. Зимой онъ предпринимаетъ странствованія, которыя въ извѣстномъ смыслѣ можно назвать перелетами, такъ какъ они происходятъ большею частію правильно; однако кочевки эти имѣютъ лишь цѣлью отыскать лучшія кормовыя мѣста, и потому онъ совершаются не всюду, а только кое-гдѣ и не каждую зиму. Поэтому многіе охотники справедливо считаютъ лугового тетерева осѣдлою птицею.

По движеніямъ своимъ онъ очень похожъ на нашихъ домашнихъ куръ; во всякомъ случаѣ онъ тяжеловѣснѣе и неуклюжѣе рябчика. Если его вспугнуть внезапно, то онъ взлетаетъ, но если онъ замѣтитъ охотника издали и передъ нимъ находится открытое пространство, то онъ чрезвычайно быстро бѣжитъ къ ближайшимъ кустамъ или въ густую траву; тамъ онъ прячется, прижимаясь къ землѣ, и сидитъ до тѣхъ поръ, пока охотникъ подойдетъ къ нему очень близко. Одубовъ видѣлъ, что на свѣже вспаханныхъ поляхъ этотъ тетеревъ несся по землѣ, помогая себѣ при этомъ взмахами крыльевъ; затѣмъ онъ прятался за большую глыбу земли и какъ бы волшебствомъ исчезалъ изъ глазъ. По толстымъ сучьямъ деревьевъ онъ двигается довольно проворно, а на тонкихъ вѣтвяхъ можетъ держаться въ равновѣсіи только при помощи своихъ крыльевъ. Полетъ его сильный, правильный и довольно быстрый, причѣмъ онъ можетъ летѣть довольно долго; шумъ, производимый крыльями, менѣе замѣтенъ, чѣмъ у прочихъ тетеревиныхъ. Онъ движется по воздуху, махая крыльями очень часто, затѣмъ сильно опустивши ихъ, скользитъ по воздуху и въ это время осматриваетъ находящееся подъ нимъ пространство. При взлетѣ онъ обыкновенно кричитъ четыре или пять разъ подъ-ридъ. Онъ не останавливается, когда легавая собака готова дѣлать надъ нимъ стойку, а гораздо чаще ищетъ спасенія въ воздухѣ и взлетаетъ какъ можно дальше отъ охотника. Обыкновенно голосъ его мало отличается отъ кудахтанья нашей домашней курицы; во время-же спариванія самецъ издаетъ въ высшей степени своеобразные звуки. Онъ надуваетъ мѣшки по сторонамъ шеи такъ, что они какъ по цвѣту, такъ и по формѣ становятся похожими на небольшіе апельсины, нагибаетъ голову къ землѣ, открываетъ клювъ и выкрикиваетъ нѣсколько разъ то громче, то тише, трещащіе звуки, очень сходные съ дробью на большомъ барабанѣ, послѣ чего опять поднимается, снова надуваетъ мѣшки и возобновляетъ свои туканья. Одубовъ, который имѣлъ прирученнаго тетерева, замѣтилъ, что воздушные мѣшки его послѣ каждыхъ выкрикиваній теряли свою округленность и имѣли видъ лопнушаго и спавшаго пузыря, но черезъ нѣсколько минутъ принимали опять прежній видъ. Это навело его на мысль проколоть мѣшки, послѣ чего птица потеряла способность производить эти звуки. Самецъ, которому упомянутый наблюдатель вскрылъ лишь одинъ мѣшокъ, еще могъ тукать, но звуки были несравненно слабѣе, чѣмъ прежде. Какъ только пора спариванія оканчивается и воинственное настроеніе утихаетъ, то воздушные мѣшки съеживаются и въ теченіи осени и зимы значительно уменьшаются въ объемѣ. У молодыхъ самцовъ они начинаютъ функционировать только въ концѣ первой зимы.

Пищу ихъ составляютъ какъ растенія, такъ и всевозможныя мелкія живот-

ния. Лѣтомъ они преобладаютъ на лугахъ и хлѣбныхъ поляхъ, осенью въ садахъ и виноградникахъ, зимою же разыскиваютъ мѣста, гдѣ водится много ягодъ. Къ ягодамъ всѣхъ сортовъ они питаются особенное пристрастіе, также точно по вкусу имъ пришлись и яблоки; главную-же часть пищи ихъ составляютъ всевозможныя хлѣбныя растенія: они ѣдятъ кончики молодыхъ листьевъ, а также и спѣлыя зерна, поэтому могутъ навредить какъ въ поляхъ, такъ и въ садахъ. Съ другой стороны они приносятъ и долю пользы, уничтожая личинокъ, улитокъ и тому подобныхъ вредныхъ животныхъ. Повидимому же они особенно падки на кузнечиковъ и если одинъ изъ членовъ семейства завладѣетъ этимъ лакомымъ кусочкомъ, то всѣ остальные начинаютъ гоняться за нимъ, чтобы попользоваться хоть крохами отъ вкусной закуски. Почти не стоитъ упоминать, что они не брезгаютъ также и другими насѣкомыми, напримѣръ обитателями муравейниковъ.

Тамъ, гдѣ луговые тетерева водятся въ изобиліи, они собираются къ зимѣ въ большія стаи, которыя только подъ весну опять раздробляются. Происходитъ это тотчасъ послѣ таянія снѣга, какъ только появляются первые листки молодой травы, причѣмъ они образуютъ все-таки общества, состоящія изъ 20 и болѣе штукъ. Такое общество выбираетъ себѣ опредѣленное мѣсто, куда всѣ ежедневно собираются, чтобы здѣсь предаваться забавамъ и пляскамъ, присущимъ порѣ весеннихъ увлеченій. Еще раньше чѣмъ забрезжитъ первый лучъ денницы на востокъ, самецъ, возбужденный половымъ раздраженіемъ, спѣшитъ къ избранному мѣсту празднествъ, чтобы вызвать на бой опередившихъ его соперниковъ и драться съ ними. Никакая птица не превосходитъ его въ самоувѣренности, которую онъ выказываетъ въ это время, шеголяя своимъ яркимъ опереніемъ. Каждый самецъ важничаетъ, сколько умѣетъ, съ презрѣніемъ смотритъ на всѣхъ прочихъ себѣ подобныхъ и съ гордой осанкой проходитъ мимо товарищей. Приклонивъ туловище къ землѣ, распустивъ хвостъ колесомъ и накренивъ его впередъ, самцы быстро бѣгаютъ одинъ мимо другого, иногда даже нападая другъ на друга, причѣмъ перистые пучки на шеѣ образуютъ стоячій воротникъ, оранжево-желтые лузги шарообразно вздуты, крылья, какъ и у прочихъ токующихъ тетеревей, растопырены и опущены, такъ что волочатся по землѣ, производя замѣтный шумъ. Глаза блестятъ огнемъ вражды и задора, и въ воздухѣ стоятъ шумъ вышесказанныхъ криковъ, поразительно громкихъ отъ раздутія мѣшковъ; первый призывной звукъ самки какъ-бы даетъ знакъ для начала боя. Вступающіе въ бой сходятся и, встрѣтись, наскакиваютъ другъ на друга, подпрыгивая высоко отъ земли; тотчасъ начинаютъ сыпаться выдранныя перья, и капли крови, спадающія съ расцарапанной шеи, достаточно доказываютъ, что бой ведется не на шутку. Послѣ того, какъ сильный самецъ обратилъ болѣе слабого въ бѣгство, онъ выбираетъ себѣ еще противника и нерѣдко можно видѣть, какъ одинъ за другимъ всѣ самцы насуютъ передъ богатыремъ и спасаются, прячась подъ ближайшими кустами. Только немногіе остаются на мѣстѣ и какъ ни изнурены, но продолжаютъ тихо и гордо прохаживаться, желая удержать за собою поле битвы; тотчасъ послѣ этого и побѣдители, и побѣжденные отыскиваютъ самокъ, чтобы отъ нихъ получить награду за свои подвиги. Случается иногда, что на пѣтуха, только что разыскавшаго себѣ подругу, нападаетъ соперникъ, привлеченный звуками болтовни любимой нарочки и съ бѣшеной поспѣшностью бросается на счастливца. Самка въ это время прилегаетъ плотно къ землѣ и прячется подъ грудь своего защитника, который тотчасъ вступаетъ въ бой съ нахаломъ и пускаетъ въ дѣло всю свою силу, чтобы прогнать его.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ луговые тетерева мало напуганы людьми, воркотню и тутуканье ихъ можно слышать не только рано по утрамъ, но и цѣлый день до вечера; тамъ-же, гдѣ драчуны знаютъ, что слѣдуетъ бояться болѣе сильнаго врага, послѣ восхода солнца уже рѣдко можно услышать хотя какой-нибудь подобный звукъ. Въ такомъ случаѣ обыкновенно ими подыскивается укромно лежащее поле битвы, и самый бой ведется очень поспѣшно и быстро кончается. Молодые самцы дерутся также осенью, самки же въ это время собираются стаями и предаются мирнымъ заботамъ. Самки кладутся отъ начала апрѣля до конца мая то раньше, то позже, смотря по тому, гдѣ живутъ—сѣвернѣе или южнѣе. Одюбонъ нашелъ въ Кентуки гнѣздо съ яйцами уже въ первыхъ числахъ апрѣля; онъ думаетъ, впрочемъ, что настоящая пора ихъ гнѣздованія май мѣсяць. Гнѣздо устраивается совсѣмъ не тщательно изъ сухихъ листьевъ и травы, но непременно старательно спрятано въ густой травѣ или подъ вѣтвями кустовъ, плотно прилегающихъ къ землѣ. Яйца, числомъ 8—12, по величинѣ равняются куринымъ т. е. около 45 мм. длины и 32 мм. ширины, ярко-бурого цвѣта, почти такого же, какъ у цесарокъ, и насиживаются 18—19 дней. Дѣтенышей съ первыхъ шаговъ воспитываетъ и учитъ мать безъ помощи отца. Насѣдка лугового тетерева со своими цыплятами во всѣхъ отношеніяхъ напоминаетъ нашу домашнюю курицу. Вначалѣ птенцы выкармливаются преимущественно насѣкомыми, а позднѣе мать выводитъ ихъ на лѣсные дороги и другія подобныя мѣста. Часто видно, какъ они разрываютъ навозъ, чтобы отыскать тамъ непереваренные зерна. При приближеніи хищника или человѣка мать издаетъ предостерегающій крикъ: цыплята исчезаютъ какъ бы по волшебству, самка же пытается отвести врага общеизвѣстнымъ притворствомъ. «Однажды», рассказываетъ Одюбонъ, «моя лошадь на дорогѣ спугнула тетеревиное семейство. Маленькіе птенчики тотчасъ же взлетѣли на воздухъ, разсѣялись во всѣ стороны, но, пролетѣвъ нѣсколько метровъ, попадали на землю и улеглись такъ тихо и непримѣтно, что я не могъ отыскать ни одного, хотя употребилъ на поиски много времени.»

Птенцовъ луговые тетерева высиживаютъ только однажды въ годъ, если ничто имъ не помѣшаетъ; если-же яйца пропадутъ, то они приступаютъ ко второй кладкѣ, которая всегда бываетъ малочисленнѣе первой. Въ августѣ мѣсяцѣ цыплята достигаютъ величины виргинской куропатки и уже довольно хорошо порхаютъ, а къ октябрю они уже совершенно взрослые.

Всѣ сѣверо-американскіе хищники, особенно койоты и лисицы, различныя виды куницъ и вонючекъ, соколы и совы, могутъ считаться злыми врагами защитныхъ тетеревей; они имъ приносятъ вреда больше даже, чѣмъ человѣкъ, который наконецъ понялъ, что охота эта скоро прекратится, если она не будетъ запрещена въ извѣстную часть года. Въ тридцатыхъ годахъ появился законъ для охраненія ихъ. Законъ этотъ наказываетъ штрафомъ въ 10 долларовъ того, кто убьетъ эту птицу во всякое время, кромѣ октября и ноября. Вслѣдствіе этого закона въ нѣкоторыхъ мѣстахъ число ихъ, вѣроятно, значительно увеличилось, такъ какъ мы получаемъ въ Европу каждую зиму массу убитыхъ тетеревей на продажу, а иногда даже можемъ купить ихъ и живыхъ цѣлыми сотнями. Охота ведется различнымъ образомъ и нѣкоторыми любителями съ большимъ увлеченіемъ. Прежде многихъ тетеревей убивали на мѣстахъ токованія, которыя обсыпались золой; птицы были почти ослѣплены золой, и ихъ можно было убивать палками. Еще въ большемъ числѣ ихъ ловили живыми. «Я замѣтилъ», говоритъ Одюбонъ, «что нѣсколько ночей подрядъ множество луговыхъ тетеревей собираются на ночлегъ на поляхъ, поросшей густой травой, расположенной недалеко отъ моего»

дома и рѣшился попытаться словить ихъ. Для этого я взялъ большую сѣть и отправился въ сопровожденіи нѣсколькихъ негровъ, вооруженныхъ длинными палками и фонарями; мы установили сѣть на полянѣ и начали охоту. Первый тетеревъ, котораго мы спугнули, къ счастью, полетѣлъ прямо на сѣть, и когда, нѣсколько секундъ спустя, съ большимъ шумомъ поднялись многіе другіе, то и они направились туда-же. Тогда мы опустили сѣть плашмя и вытащили изъ-подъ нея попавшихся птицъ. Опытъ этотъ мы повторяли три раза съ одинаковымъ успѣхомъ и вернулись домой, отягощенные добычей. На слѣдующее утро на этой полянѣ не было видно ни одного тетерева, хотя, безъ сомнѣнія, многія сотни ихъ спаслись отъ нашихъ преслѣдованій».

«Въ неволѣ луговые тетерева», продолжаетъ Одюбонъ, «очень быстро становятся ручными и даже выводятъ цыплятъ. Я давно уже дивился, какъ ихъ до сихъ поръ еще не сдѣлали домашними птицами. Въ бытность мою въ Гендерсонѣ я купилъ себѣ 60 штукъ живыхъ, почти все молодыхъ тетеревей, которые были именно для меня пойманы; я обрѣзалъ имъ крылья и пустилъ ихъ свободно бѣгать по большому саду, величиною въ четыре акра. Нѣсколько недѣль спустя они уже такъ привыкли ко мнѣ, что я могъ къ нимъ подходить, и они не пугались. Я кормилъ ихъ различными зёрнами, а они сами щипали разную растительную пищу. Въ теченіи зимы они такъ освоились, что о страхѣ не было и помину; они бѣгали по саду какъ домашнія куры, смѣшивались съ послѣдними и ѣли у моей жены, такъ сказать, изъ рукъ. Нѣкоторые пѣтухи дошли до такой смѣлости, что топтали домашнихъ куръ и индюшекъ. Почти каждый изъ нихъ садился на своемъ излюбленномъ мѣстѣ, помѣщаясь грудью противъ вѣтра. Когда пришла весна, то они точно также нахохливались, тутукали и дрались, какъ и на волѣ. Многія самки положили яйца и высидѣли цыплятъ. Въ концѣ концовъ я долженъ былъ всѣхъ ихъ перерѣзать, такъ какъ они слишкомъ сильно разорили мой садъ.»

Мы тщетно старались достигъ подобныхъ-же результатовъ въ нашихъ зоологическихкихъ садахъ. Мы покупали ихъ дюжинами, давали всевозможный кормъ, держали ихъ взаперти и въ обширныхъ загородкахъ, но они постоянно околѣвали, и мы не могли найти причину этого. Подобные опыты дѣлались не только въ Германіи, но и въ Англіи, Бельгіи и Голландіи и наконецъ всѣ почти потеряли охоту производить неблагоприятные опыты по акклиматизаціи ихъ. Однако я не сомнѣваюсь, что ихъ возможно пріучить къ нашему климату, только подобный опытъ слѣдовало произвести въ большихъ размѣрахъ. слѣдовало пустить по меньшей мѣрѣ нѣсколько дюжинъ здоровыхъ экземпляровъ, помѣстивъ ихъ въ хорошо приспособленное пространство и предоставить ихъ совершенно самимъ себѣ. При такихъ обстоятельствахъ они, вѣроятно, стали-бы размножаться, несмотря на огромную разницу между нашими равнинами и американскими преріями. Во всякомъ случаѣ луговые тетерева заслуживаютъ, чтобъ подобный опытъ былъ кѣмъ-нибудь произведенъ.

* *

Однимъ изъ самыхъ необыкновенныхъ и интересныхъ родовъ этого семейства могутъ считаться **Бѣлая куропатки** (*Lagopus. Schneehühner. Lagopédes*); интересны онѣ какъ по особенностямъ линіяніи, съ перемѣной цвѣтовъ, которое еще никѣмъ основательно не изучено, такъ и по образу жизни. Тѣло ихъ кажется очень сжатымъ; кромѣ того онѣ отличаются маленькимъ клювомъ, не очень длиннымъ и не очень толстымъ, сравнительно короткими ногами, у которыхъ плюсна и пальцы покрыты волосястыми перышками. Крылья ихъ средней длины и третье маховое перо самое длинное; хвостъ короткій, слегка округленный или прямо обрѣзанный и состоитъ изъ 18

рулевыхъ перьевъ. Опереніе очень густое и обильное, цвѣтъ его обыкновенно мѣняется по временамъ года. Когти у нихъ длиннѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ тетеревинныхъ и по нимъ легче всего видно ежегодное линяніе. Полы мало между собою разнятся, а дѣтеныши очень скоро дѣлаются похожими на взрослыхъ.

Однажды, въ концѣ мая, уже довольно поздно вечеромъ, я со своимъ молодымъ спутникомъ достигли почтовой станціи Фогстуенъ на Доврефьельдѣ, по большой дорогѣ изъ Христианіи въ Дронтхеймъ. Мы только что совершили большое путешествіе и сильно устали, но всѣ трудности пути были тотчасъ забыты, какъ только охотникъ, норвежець Эрикъ Свайнсонъ, о которомъ я уже часто упоминалъ, обратился къ намъ съ вопросомъ, не желаемъ ли мы поохотиться на «риперовъ», токъ которыхъ именно теперь въ разгарѣ. Мы знали, какую дичь слѣдовало разумѣть подъ этимъ норвежскимъ названіемъ, такъ какъ только что по цѣлымъ днямъ тщетно разыскивали ее. Быстро притащили мы охотничьи принадлежности, наскоро закусили и отправились на ночлегъ, чтобы запастись силами для ранней охоты. Къ немалому нашему удивленію ни отдохнуть, ни спать намъ не пришлось, потому что нашъ спутникъ-охотникъ поднялся уже въ десятомъ часу и пригласилъ насъ слѣдовать за нимъ.

Мы хотя покачали головами, но повиновались, и черезъ нѣсколько минутъ были уже далеко отъ своего уединеннаго убѣжища. Ночь была чудная. Стояли тѣ прозрачныя сумерки, которыя въ сѣверныхъ широтахъ въ это время года отдѣляютъ одинъ день отъ другаго. На извѣстномъ разстояніи вдаль можно было различать всѣ предметы. Еще слышны были голоса знакомыхъ птичекъ, которыя въ нашихъ мѣстахъ въ это время уже спятъ. Изъ ближайшаго березняка раздавалось кукованіе кукушки. Всякій разъ, какъ мы входили въ чащу можжевеловыхъ кустовъ, мимо насъ проносилось «шак, шак» дрозда орѣховика, изъ равнины доносились ясные и звучные голоса песочниковъ и меланхолическіе возгласы сивокъ, каменки трещала, а варакушка заливалась, расливая свою плѣнительную пѣсенку. Мѣсто, гдѣ предполагалось охотиться, была широкая, окруженная горами плоская возвышенность, какихъ встрѣчается много въ норвежскихъ горахъ: это уже часть тундры. Сотни и тысячи потоковъ и ручейковъ прорѣзывали блеклый желтоватый коверъ лишаявъ, которыми обросли валуны. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ручьи расширялись въ лужи, иногда образуя даже маленькія озера. Карликовая береза окаймляла берега, образуя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ густыя чащи. Даже на равнинахъ весна уже наступила, а зима еще держалась только на склонахъ горъ, ограничивающихъ плоскія возвышенности, покрытыя крѣпкимъ снѣгомъ на большихъ пространствахъ.

Къ этимъ-то склонамъ со снѣжными полянами мы молча направили свой путь, полные ожиданій, внимательно и жадно прислушиваясь къ различнымъ голосамъ, которые раздавались вокругъ насъ. Такимъ образомъ, подвигаясь, мы вѣроятно прошли не болѣе четырехсотъ шаговъ, когда замѣтили, что проводникъ нашъ остановился и сталъ прислушиваться, вглядываясь въ сумерки, какъ рысь. Мы знали, что его вниманіе было привлечено упомянутыми желанными птицами, присутствія же какихъ-либо другихъ животныхъ мы никакъ не могли распознать. Эрикъ Свайнсонъ догадывался въ чемъ дѣло; онъ приказалъ намъ молчать, а самъ сталъ переключаться съ ожидаемыми птицами, а именно совсѣмъ особеннымъ голосомъ выкрикнулъ нѣсколько разъ «ди-яке, ди-яке, ди-як ди-як». Тотчасъ послѣ этого мы вдаль услышали шумъ поднявшейся куропатки и въ тотъ-же моментъ раздался отвѣтный крикъ, который казался намъ такимъ: ерр-рек-ек-ек-ек». Затѣмъ все опять стихло. Старикъ сталъ снова подзывать: издаваемые имъ звуки становились томпа-

тельнѣе, нѣжнѣе и соблазнительнѣе. Тутъ только я замѣтилъ, что онъ подражаетъ призывному голосу самки-куропатки. За звукомъ «идякъ», который такъ сильно подѣйствовалъ на возбужденнаго самца, послѣдовалъ отвѣтъ въ видѣ нѣжнаго, просительнаго, влюбленнаго «гу-гу-гур»; самецъ откликнулся тотчасъ-же, хлопанье крыльевъ стало сильнѣе, мы прилегли за кустами и черезъ нѣсколько секундъ на блистающей, нѣжной поверхности появился токующій самецъ. Картина эта была восхитательна! Но увлеченіе охотника помѣшало натуралисту насладиться этимъ зрѣлищемъ: не успѣлъ я опомниться, какъ прикладъ моего испытаннаго ружья былъ уже у щеки, и птица, не издавъ ни звука, упала на снѣгъ, обливаясь кровью. Звукъ выстрѣла разбудилъ эхо, но вмѣстѣ съ нимъ проснулись всѣ пернатые обитатели этого участка и стали перекликаться. Голоса слышались съ высотъ и изъ глубины долинъ; не вдалекѣ отъ насъ, съ воды поднялось стадо утокъ, спугнутая кукушка промелькнула мимо насъ, скрываясь въ темноту, засвѣтили и залились ржанки и песочники. Затѣмъ мало-по-малу все снова умолкло, и мы пошли дальше, и какъ истые охотники любовались убитой куропаткой. Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ, старикъ опять сталъ издавать тѣ же соблазнительные звуки и теперь уже откликнулся не одинъ, а два самца. Какъ и въ первый разъ волшебству призыва поддались самые горячіе; я же теперь, побѣдивъ увлеченіе охотника, могъ уже предаться наслажденію наблюдателя.

Гордая птица спустилась на землю въ концѣ снѣжнаго поля; легко касаясь поверхности, она быстрыми шагами направилась къ намъ. Было еще настолько свѣтло, что мы могли разглядѣть ее издали. Но влюбленное созданіе, не подозрѣвая опасности, подбѣгало къ намъ все ближе и ближе, и вскорѣ было уже за нѣсколько шаговъ отъ насъ. Хвостъ самца при этомъ былъ приподнятъ, крылья опущены, а шея вытянута впередъ. Вдругъ онъ, какъ-бы удивленный, что никто его не призываетъ, сталъ въ свою очередь страстно кричать: закидывалъ какъ-то особенно голову назадъ, причемъ издавалъ глухіе, отрывистые, какъ-бы гортанные звуки, которые хотя слабо, но все же походили на «габа-у, габа-у», которые норвежцами передѣланы въ «hvog er hul», т. е. «гдѣ она». Старикъ былъ настолько дерзокъ, что выговаривалъ прямо человѣческимъ языкомъ эти слова и морочилъ самца, заставляя вѣрить, что подруга, желанная невѣста его, лишь сиряталась за кусты. Томно и тише пресняго самецъ продолжалъ произносить упомянутые звуки, устремлялся впередъ съ опущенной головой и висящими крыльями, торопливо проносился мимо насъ, пробѣгая буквально по ногамъ нашимъ, такъ какъ мы, конечно, лежали на свѣту растянувшись. Наконецъ онъ замѣтилъ, что попалъ въ просакъ, быстро поднялся, умчался обратно и тихимъ ворчаньемъ предостерегалъ остальныхъ соискателей отъ опасности. Послѣ этого старый охотникъ могъ звать сколько душѣ угодно, но все оставалось тщетно: огонь любви цѣлой стаи самцовъ, казалось, потухъ, страстное желаніе было побѣждено разумной обдуманностью.

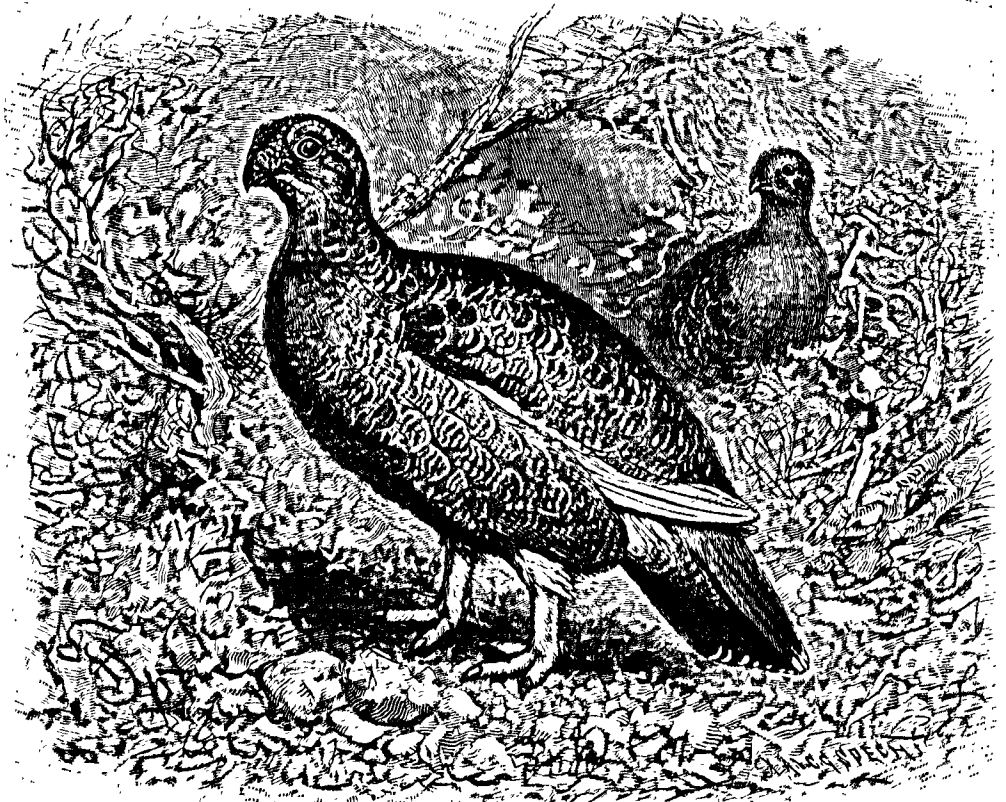
Мы отправились дальше; въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ пути шли молча, и возобновили охоту только тамъ, гдѣ проводникъ рѣшилъ, что птицы не напуганы. Послѣ перваго зова я застрѣлилъ вторую куропатку, а черезъ нѣсколько минутъ и третью. Все-же намъ казалось, что птицы были проучены; охота не кленлась, но тѣмъ лучше было теперь наблюдать. Къ немалому моему удовольствію, я замѣтилъ, что самки, которыхъ до сихъ поръ вовсе не было видно, рѣшились взять на себя обязанность предостерегать, чтобы спасти своихъ товарищей отъ гибели. Мы направились обратно къ станціи, дорогой спугнули еще много парочекъ этихъ привлекательныхъ птицъ и къ разсвѣту были уже дома.

Такъ я познакомился съ одной изъ многочисленнѣйшихъ и интереснѣйшихъ

птицъ далекаго сѣвера, т. е. съ бѣлой куропаткой. Послѣ этого я охотился еще нѣсколько ночей на нихъ и стрѣлялъ ихъ, а въ Лапландіи и Сибири имѣлъ возможность наблюдать ихъ жизнь при другихъ условіяхъ, не только въ тѣ тихіе часы, когда полуночное солнце казалось кровавымъ заревомъ, но и среди дня, когда онѣ пскали корма или когда насѣдка вела стаю своихъ прелестнѣйшихъ цыплятъ. Однако всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ я восхищался этой птицей.

* * *

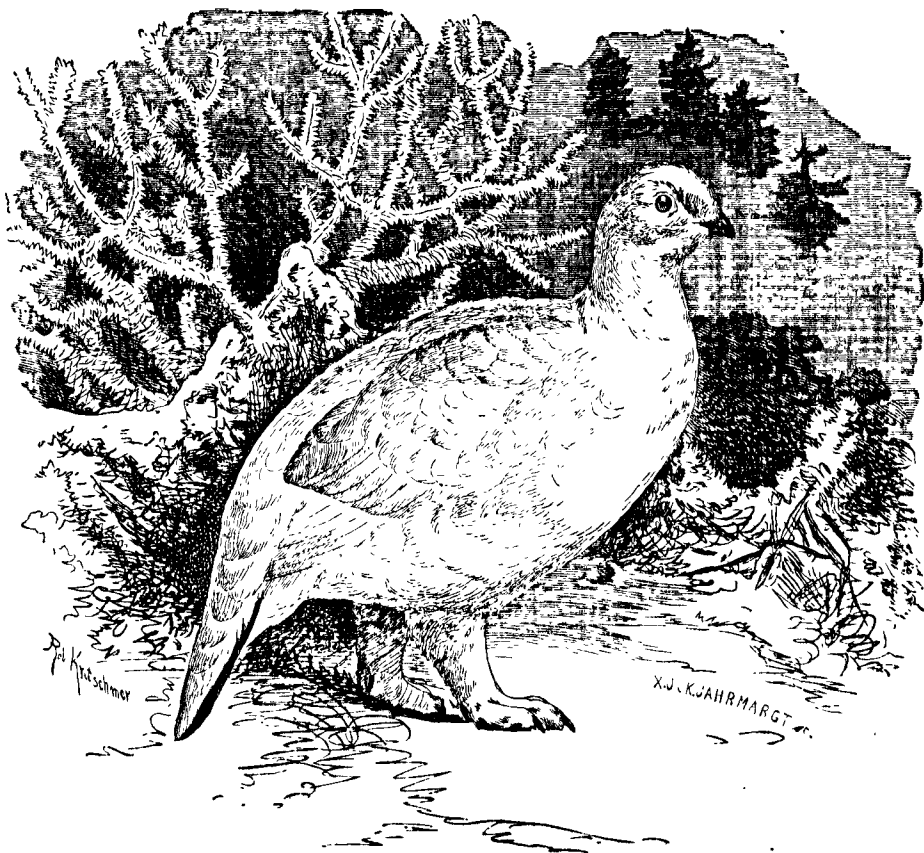
Бѣлая куропатка (*Lagopus albus* и *subalpinus*, *Tetrao albus*, *laponicus*, *cachinans*, *soliceti* и *brachidactylus*, Moorhuhn. *Lagopède des neiges*) по шведски Dal-

Бѣлая куропатка въ лѣтнемъ опереніи. *Lagopus albus*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

гѣра, по величинѣ представляетъ почти средину между обыкновеннымъ тетеревомъ и сѣрой куропаткой; длина самца 40 см., размахъ крыльевъ 64 см., длина крыла 19, хвоста 11 см.; самка на 2 см. короче самца и настолько же меньше его. Зимю опереніе ихъ хотя отличается простотою, но тѣмъ не менѣе оно прекрасно. Всѣ перья, кромѣ хвостовыхъ, ослѣпительно бѣлаго цвѣта, хвостовыя же, въ противоположность, совершенно черны, окаймлены бѣлымъ и бѣлыя же у основанія. На вѣшней части онахаль шести большихъ маховыхъ перьевъ проходитъ длинная темно-бурая полоса. Въ брачномъ опереніи темя и задняя часть шеи ржаваго или ржаво-бураго цвѣта съ черными пятнами и волнообразнымъ рисункомъ; перья на плечахъ, на спинѣ, надхвостѣ и среднія хвостовыя перья

чернаго, на половину ржаво-бураго или же темнаго ржаво-желтаго цвѣта съ поперечными полосами и всѣ окаймлены бѣлымъ; рулевые перья блеклаго цвѣта и обтершись; большія маховыя перья бѣлы, какъ зимой; малыя маховыя перья бурныя такъ-же, какъ и спина; передняя часть головы, шея и горло ржаво-красныя и обыкновенно безъ пятенъ; перья на головѣ, верхняя часть тѣла и пахи ржаваго или ржаво-бураго цвѣта съ черными пятнами и такой-же каемкой; середина груди черная съ ржавыми и бѣлыми пятнами; брюшко и лапы бѣлыя, а нижнія кроющія перья хвоста черныя съ ржаво-желтыми и бурными полосами и

Бѣлая куропатка въ зимнемъ опереніи. *Lagopus albus*. $\frac{1}{2}$, наст. вел.

зубчатымъ рисункомъ; подъ глазами и у уголъ рта бѣлыя пятна. Въ общемъ цвѣтъ бываетъ то ярче, то свѣтлѣе; случается даже, что перья по ярко-коричневому фону разрисованы чернымъ. Въ теченіи лѣта перья выцвѣтають и блекнутъ. Самки обыкновенно ярче расцвѣчены и надѣвають лѣтнее опереніе всегда раньше самцовъ. Одновременно съ появленіемъ темныхъ цвѣтовъ на зимнемъ бѣломъ опереніи и гребень начинаетъ краснѣть и увеличиваться и немало прибавляетъ красоты птицѣ во все время спариванія.

Многіе наблюдатели допускають, что куропатки линяють дважды въ годъ; разъ осенью, когда перья всѣ одноцвѣтны и во второй разъ весной, когда только мелкія перья измѣняютъ цвѣтъ. Однако никакъ нельзя допустить, чтобы зимнее опереніе непосредственно переходило въ лѣтнее и, наоборотъ, лѣтнее въ

зимнее. Это заставило некоторых предположить, не линяютъ-ли куропатки четыре раза въ годъ: Американскимъ охотникамъ, наоборотъ, казалось, что они даже наблюдали, что мелкія перья, по крайней мѣрѣ осенью, не перемѣняются, а выпцвѣтаютъ и будто выпцвѣтаніе это, такъ думаетъ Ричардсонъ, начинается съ концовъ перьевъ и совершается такъ быстро, что въ 8—10 дней всему дѣлу конецъ. Мой норвежскій охотникъ съ своей стороны увѣрялъ меня, что позднюю осень, когда снѣгъ вдругъ начинаетъ валить массами, бѣлая куропатка выдираетъ у себя всѣ окрашенныя бурья перья, что онѣ при этомъ даже помогаютъ другъ другу и что эти предательскія бурья перья нетрудно найти, такъ какъ они валяются во множествѣ. Къ сожалѣнію, мнѣ до сихъ поръ еще не удалось добыть достаточно собственныхъ наблюденій надъ этимъ явленіемъ. Какой-то хищникъ утащилъ у меня однажды осенью куропатку, которую я содержалъ въ неволѣ, какъ разъ передъ началомъ перемѣны цвѣта перьевъ; другой таковой мнѣ не случилось видѣть ни у себя, ни у кого другого. Между тѣмъ только на пойманныхъ птицахъ, содержимыхъ при условіяхъ, чтобы онѣ подвергались всѣмъ перемѣнамъ погоды, можно прослѣдить и разъяснить особенности ихъ линянія.

* *

Шотландскій тетеревъ (*Lagopus scoticus*, *Tetrao* и *Oreias scoticus*, *Gruse*, *Grouse*), по нравамъ и обычаямъ вполне тождественный съ бѣлой куропаткой, населяетъ болота Великобританіи и преимущественно Шотландіи. Онъ такого же роста, какъ бѣлая куропатка, и отличается отъ нея только тѣмъ, что зимой не бѣлѣетъ и что крылья бураго, а ноги сѣраго цвѣта.

Бѣлая куропатка распространена на всемъ сѣверѣ Старога и Новаго Свѣта, но не вездѣ въ одинаковомъ количествѣ. Въ Германіи она живетъ только въ сѣверо-восточныхъ провинціяхъ и, по собраннымъ мною достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, именно въ Доупенскомъ болотѣ, лежащемъ на 8 килом. къ сѣверо-востоку отъ Мемеля; поверхность этого болота равняется 230 гектарамъ. Кроме того ее видѣли въ болотѣ Аугстумаль, начинающемся близъ Гейдекруга и простирающемся до заливныхъ луговъ рѣкъ Минги и Тенны; болото это имѣетъ 3000 гектаровъ поверхности. Середина его лѣтомъ вовсе недоступна, а зимою только изрѣдка посѣщается людьми. Наконецъ она встрѣчается на болотѣ Рупкальвъ неподалеку отъ вышеупомянутаго, но, вслѣдствіе постепеннаго заселенія этого края, куропатка эта мало-по-малу оттуда вытѣсняется. Отъ этой границы области распространенія ея на востокъ и на сѣверъ она встрѣчается повсюду, гдѣ есть удобныя мѣста, именно: во всей сѣверной Россіи, включая и Прибалтійскія губерніи, на Скандинавскомъ полуостровѣ отъ Вермеланда до Нордкапа, далѣе во всей Сибири и наконецъ на крайнемъ сѣверѣ Америки. Мы встрѣчали ее еще въ степи между Омскомъ и Семипалатинскомъ; Радде находилъ ее въ восточной части Саянскаго хребта на высотѣ почти 2000 м., а именно въ широкихъ долинахъ поросшихъ березнякомъ; мы часто видѣли ее на тундрѣ Самоѣдскаго полуострова. На сѣверѣ Америки, по словамъ Ричардсона, птица эта живетъ во всѣхъ мѣстахъ, богатыхъ пушнымъ звѣремъ, между 50 — 70 град. сѣв. шир. Въ этихъ предѣлахъ она кочующая птица, которая съ приближеніемъ зимы собирается въ большія стаи и летитъ на югъ, хотя даже въ самыя жестокія зимы встрѣчается еще во множествѣ въ лѣсистыхъ странахъ подъ 67 град. сѣв. шир. Въ 1819 году она появилась у Кумберландгауза подъ 54 град., во вторую недѣлю ноября, а въ началѣ весны возвратилась на сѣверъ.

Подобнымъ-же образомъ она кочуетъ и въ Норвегія, каждую осень покидая мѣста гнѣздованія, и стаями, входящими иногда до 3000 штукъ, направляется на высокія голыя части горъ. Изъ Литвы и Курляндіи онѣ и понынѣ залетаютъ въ восточную Пруссію, иногда даже и въ Померанію. Южнѣе птицы эти нигдѣ не показывались; не встрѣчали ихъ и на крайнемъ сѣверѣ, именно въ Гренландіи и Исландіи.

Въ вышеупомянутыхъ болотахъ прусской Литвы бѣлая куропатка предпочитаетъ тѣ мѣста, гдѣ лѣсъ прорѣзывается открытымъ болотомъ. Любимыя мѣста ихъ пребыванія не внутренность лѣса, а опушки его, но почва должна быть сырая, влажная. По сообщеніямъ свѣдущихъ людей, въ болотѣ Рупкальвъ число ихъ съ 1871 года сильно уменьшилось, главнымъ образомъ вслѣдствіе осушенія болотъ; теперь ихъ тамъ всего не болѣе 30 штукъ, и онѣ живутъ на опушкахъ лѣса и на ровныхъ возвышенностяхъ, покрытыхъ тонкимъ слоемъ торфа, почва которыхъ, вслѣдствіе непроницаемаго слоя глины, сохраняетъ влагу. Въ тундрахъ онѣ живутъ и на холмахъ, и на ровныхъ мѣстахъ, какъ на склонахъ, такъ и въ долинахъ, такъ какъ вся почва тамъ одинакова. На Скандинавскомъ полуостровѣ, напротивъ, она живетъ только въ среднихъ частяхъ горъ, а въ долинахъ встрѣчается лишь очень рѣдко и остается тамъ недолго. Это объясняется тѣмъ, что жизнь ея связана съ берегами и ивами, которыя растутъ выше полосы хвойнаго лѣса. На плоскихъ возвышенностяхъ Скандинавіи и въ тундрахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ очень много, больше, чѣмъ всякихъ другихъ тетеревей. Одна парочка живетъ совсѣмъ близко отъ другой и участокъ каждой изъ нихъ такъ невеликъ, что рѣдко имѣетъ лишь 500 шаговъ ширины. Весною самецъ ревниво охраняетъ свои владѣнія и прогоняетъ всякаго пришельца. Объ этой куропаткѣ можно сказать, что она относительно довольно высоко одаренная птица. Она принадлежитъ къ самымъ подвижнымъ и впечатлительнымъ лѣснымъ куринымъ, которыхъ я знавалъ, ловка, поэтому рѣдко бываетъ спокойна, и умѣетъ проворно двигаться при всякихъ условіяхъ. Широкія, густо оперенныя лапы позволяютъ ей быстро бѣгать по тонкимъ болотамъ и по рыхлому снѣгу и по всей вѣроятности она умѣетъ даже плавать. Походка ея не всегда одинакова: обыкновенно она сѣменяетъ мелкими шажками, согнувшись, при чемъ горбитъ спину и опускаетъ хвостъ; бѣжитъ плавно, слѣдуя въ мѣмъ неровностямъ почвы; въ случаѣ, если вниманіе ея привлечено чѣмъ-либо особеннымъ, она взбирается на кочку, оглядывая оттуда все кругомъ. Въ случаѣ преслѣдованія она несется далѣе по землѣ съ изумительной быстротой. Когда она стоитъ на кочкѣ и озирается, то вытягиваетъ тѣло насколько возможно, подымаетъ голову и кажется тогда очень стройною. Полетъ ея быстрый и красивый, онъ болѣе похожъ на полетъ тетерева. чѣмъ сѣрой куропатки, но отличается какъ отъ того, такъ и отъ другого. Поднявшись съ земли, птица эта, особенно самецъ, взлетаетъ на высоту около 4 м., затѣмъ несется 300, 400, 500 и даже 600 шаговъ на томъ-же разстояніи отъ земли, то быстро махая крыльями, то паря, затѣмъ взвивается къверху, послѣ чего точно также стремительно опускается и садится на землю. Случается, что она, прежде чѣмъ сѣсть на землю, опять продолжаетъ путь, закричитъ и только послѣ этого спустится. При взлетѣ самецъ издаетъ постоянно громкое «еррек-ек-ек-ек», а, опустившись, тотчасъ же издаетъ горловое «габа-у, габа-у»; самка-же всегда летитъ молча. Бѣлая куропатка не только умѣетъ прорывать ходы въ снѣгу, чтобы добыть себѣ изъ подъ него пища, но, въ случаѣ нападенія хищной птицы, падаетъ отвѣсно внизъ и, такъ сказать, утопаетъ въ этомъ легкомъ покровѣ. Здѣсь она ищетъ себѣ убѣжища въ непогоду, укрываясь отъ рѣзкихъ вѣтровъ: иногда можно найти всю стайку, тѣсно сплотившеюся вмѣстѣ и притомъ такъ, что всѣ птицы зарылись въ

сныгу: только у некоторых торчат вверх головы. Хорошо развиты внешние чувства помогают им своевременно узнавать приближающуюся опасность, и они мастерски умѣют защищаться сколько позволяют силы. В большинствѣ случаев она не только не труслива, а, напротив, поразительно смѣла и отважна; иногда случается, что самцы, прогуливаясь без самокъ, ведут себя очень безпечно, а именно, пробѣгая нѣсколько раз мимо прохожаго или охотника, они не торопятся укрыться, как будто имъ необходимо рассмотреть хорошенько такое необыкновенное существо, как человекъ. При этомъ самецъ всегда горбится, присѣдаетъ, выбирая мѣста тундры. скудно поросшія карликовой березой, гдѣ воображаетъ, что можетъ спрятаться, и отъ времени до времени вытягиваетъ шею, высоко поднимая голову, чтобы поглядѣть, что творится кругомъ. Пища ихъ по преимуществу растительная, зимой онѣ ѣдятъ главнымъ образомъ березовыя почки, засохшія ягоды, лѣтомъ вѣжные листки, цвѣты, побѣги, ягоды, а при случаѣ и разныхъ насѣкомыхъ, которыми удастся поживиться. Въ литовскихъ же болотахъ онѣ питаются зимой, а иногда и круглый годъ исключительно ягодою, которая въ простонародьѣ носитъ различныя имена, «газенесь» (по латышски) пьяница, гоноболь, и есть ничто иное, какъ извѣстная намъ всѣмъ голубица; откапывая ее зимой, онѣ роютъ глубокия и длинныя ходы въ снѣгу. Особи, содержавшіяся въ неволѣ, охотно клевали всевозможныя зерна, доказывая тѣмъ, что и на волѣ онѣ ими не брезгаютъ. Я самъ наблюдалъ, а также слышалъ и отъ Барта, что онѣ какъ лѣтомъ, такъ и зимой ищутъ пищи исключительно только по ночамъ; лѣтомъ примѣрно отъ 10 часовъ вечера, до 2 часовъ утра, зимою-же гораздо раньше. Около этого времени въ сумерки они спускаются съ горъ, а съ разсвѣтомъ возвращаются въ свои убѣжища. Если эти послѣднія не очень удалены отъ мѣстъ, гдѣ онѣ добываютъ пищу, то обратный путь онѣ идутъ, и часто на свѣже выпавшемъ снѣгу можно прослѣдить тропинки, идущія отъ самыхъ пастбищъ, а также найти стадо на разстояніи шаговъ 800 отсюда. Въ Норвегіи отъ половины марта до половины апрѣля ихъ можно видѣть въ обѣденные и предобѣденные часы; онѣ стоятъ, примостившись въ верхушкахъ березъ, и рвутъ листовыя почки, которыя въ это время составляютъ, можно сказать, ихъ исключительную пищу. Сотни этихъ бѣлыхъ птицъ, рѣзко выдѣляющихся на темномъ фонѣ голыхъ вѣтвей представляютъ необыкновенно красивое зрѣлище.

Съ половины марта онѣ спариваются и вскорѣ послѣ того начинаютъ токовать, какъ было уже описано раньше. Въ то время, какъ самцы продолжаютъ токовать, самки уже кладутъ яйца. Онѣ вырываютъ себѣ неглубокія ямки на солнечныхъ склонахъ плоской возвышенности, на заросшихъ мѣстахъ пустырей, уже свободныхъ отъ снѣга, между чернишникомъ, гордовиной (*Viburnum lantana*), черная калина) и клюквой, подъ кустами малорослой ивы, березы, ерника, можжевельника и въ подобныхъ укромныхъ мѣстахъ; гнѣздо это она выстилаетъ сухой травой, иногда и другими сухими частями растений, собственными выпавшими перьями и даже отчасти и землею. Мѣсто для гнѣзда обыкновенно такъ хорошо выбрано, что трудно найти его, несмотря на всѣ усилія самца выдать тайну. Теперь онъ выказываетъ все свое мужество, и cadaго человека или каждое хищное животное, которое приближается, встрѣчаетъ своимъ предостерегающимъ «габа-у, габа-у», становится на кочку, вспугнутый улетаетъ лишь на нѣсколько шаговъ и снова начинаетъ кричать, очевидно имѣя въ виду отвести врага отъ гнѣзда. Онъ упорно защищаетъ свой участокъ отъ вторженія другихъ самцовъ, но случайно пробѣгающая мимо свободная самка, повидимому, слухиваетъ его попятія о супружеской вѣрности и онъ, несмотря на любовь къ своей подругѣ, не прочь провести время и съ другой самкой. Насѣдка же, напротивъ, въ виду опасности остается на гнѣздѣ

какъ можно дольше. Сначала она какъ будто и не замѣчаетъ приближающейся бѣды, и непримѣтно покидаетъ гнѣздо, когда стоишь почти непосредственно у самаго гнѣзда, причемъ непременно прибѣгаетъ къ обычнымъ хитростямъ. Говорятъ, она часто ссорится съ другими самками, а норвежцы даже утверждаютъ, что насѣдки крадутъ другъ у друга яйца и переносятъ ихъ въ собственные гнѣзда. Даже во время гнѣздованія бѣлыя куропатки дѣятельнѣе всего въ полночь; ихъ крики рѣдко слышатся раньше десятаго часа вечера. Если идти на зовъ самца, то можно замѣтить, что они вызываютъ одинъ другого на бой и часто дерутся между собой, пока наконецъ самка не призоветъ своего сожителя домой своимъ тихимъ «дѣяк» или «гу-гу-гур».

Кладка бываетъ окончена или въ концѣ мая, а навѣрно въ началѣ июня и состоитъ изъ 9—12, а иногда изъ 15—16 и даже 20 грушевидныхъ, гладкихъ, блестящихъ яицъ около 42 мм. длины и 30 мм. ширины; цвѣтъ ихъ охряно-желтый и покрытъ множествомъ бурыхъ или красно-бурыхъ пятнышекъ и точекъ. Самка насиживаетъ съ большимъ усердіемъ, самецъ-же, повидимому, не принимаетъ въ этомъ дѣлѣ участія, а служитъ только сторожемъ. Если все обстоитъ благополучно, то хорошенькіе цыплята вылупляются въ концѣ июня или началѣ июля и тогда можно встрѣтить цѣлое семейство вмѣстѣ даже на очень мокрыхъ мѣстахъ болота; въ это время ихъ можно въ прямомъ смыслѣ этого слова назвать болотными птицами, такъ какъ онѣ легко двигаются на топкихъ трясинахъ. Вѣроятно вначалѣ онѣ разыскиваютъ именно эти мѣста, чтобы доставить птенцамъ пищу, соответствующую ихъ нѣжному возрасту, именно: комаровъ и ихъ личинокъ, которыми кишатъ лѣтомъ сѣверныя болота. Съ хорошей подзорной трубой, а въ тундрѣ даже невооруженнымъ глазомъ, легко можно наблюдать такое семейство. Отецъ, который принимаетъ въ воспитаніи дѣтенышей самое живое участіе, всегда гордо, съ высоко поднятой головой, выступаетъ впередъ, постоянно оглядывается, предупреждаетъ объ опасности своимъ «габа-у», ведетъ всю семью на мѣста, обильныя кормомъ и относится ко всему очень заботливо. Въ первые дни предельныя цыплятки покрыты мягкимъ пухомъ, и поразительно похожи на пучокъ оленьяго мха. Какъ всѣ дикіе цыплята, они чрезвычайно проворны и прытки, легко и ловко перебѣгаютъ черезъ тину и лужи и въ первые-же дни научаются пользоваться своими маленькими, короткими крылышками. Этимъ объясняется ихъ искусство избѣгать всякихъ встрѣчающихся опасностей. Цвѣтъ оперенія ихъ тождественный съ цвѣтомъ почвы, обманываетъ даже зоркій соколиный глазъ. Мѣстность же, по которой онѣ бродятъ, спасаетъ ихъ отъ чуткаго носа кумушки лисы и отъ ея родича песца. Живутъ птенцы весело и беззаботно, понемногу подростаютъ, перемѣняютъ свои пятнистыя черно-бурья маховыя перья на бѣлыя, возобновляютъ ихъ еще одинъ, или нѣсколько разъ и уже въ концѣ августа или въ началѣ сентября бываютъ ростомъ почти съ родителей.

Если на тундрѣ, рѣдко посѣщаемой людьми, встрѣтится выводокъ бѣлыхъ куропатокъ, то прежде всего, какъ уже было описано, поднимается самецъ, затѣмъ одновременно съ нимъ, если не раньше, вскакиваетъ вся молодежь, обыкновенно вмѣстѣ всѣ поголовно и только изрѣдка врозь по одному, по два, по три или по четыре. Напоминая въ это время собою скорѣе сѣрыхъ куропатокъ, выводокъ этотъ, держась сначала на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого, а затѣмъ, тѣсно сплотившись, устремляется къ извѣстному мѣсту или, по крайней мѣрѣ, въ извѣстномъ направленіи. Молодые рѣдко пролетаютъ болѣе 100—200 шаговъ, послѣ этого они падаютъ на землю и прилегаютъ къ ней такъ плотно, что трудно ихъ вторично спугнуть. Даже на мѣстахъ, поросшихъ только оленьимъ мхомъ, они умѣютъ такъ искусно прятаться, что найти ихъ можно или послѣ

долгих поисковъ, или даже вовсе не найти. Все сказанное относится къ первому времени, когда они еще не могутъ положиться на собственные силы, впоследствии они поднимаются сами даже и безъ собаки. Матка всегда слѣдуетъ за остальными, исключая тѣхъ случаевъ, когда бываетъ слишкомъ напугана чересчуръ неожиданнымъ приближеніемъ человѣка. Только что спугнутая, она начинаетъ отводить глаза охотника извѣстными уловками: прихрамывая покачивается она передъ своимъ врагомъ и, не колеблясь, приноситъ себя беззавѣтно въ жертву; только послѣ этого она поднимается и летитъ за птенцами, намеренно далеко пролетая мимо нихъ и опускается часто совсѣмъ въ противоположной сторонѣ, куда направился отецъ. Если наткнуться на выводокъ съ собаками, то и самецъ помогаетъ отвести и запутать враговъ, между тѣмъ какъ въ прочее время онъ всегда торопится поскорѣе улетѣть. Если насѣдка сильно и неожиданно испугана, то она летитъ прямо на встрѣчу нарушителю покоя, опускается довольно далеко позади его и тотчасъ бросается бѣжать, пробѣгаетъ порядочное разстояніе, не переставая кликать дѣтей, и тутъ уже не притворяется; затѣмъ опять поднимается, описываетъ большой кругъ и падаетъ на землю недалеко отъ нихъ. Цыплята въ это время разбѣгаются во всѣ стороны, уподобились брошеннымъ и катящимся шарикамъ, или припадаютъ къ землѣ, или молча и беззвучно крадутся, пробираясь черезъ кусты, чтобы соединиться съ матерью. Если они спугнуты одновременно съ родителями, то начинаютъ недолго спустя потихоньку пищать, на что взрослые, если опасность миновала, откликаются, чтобы созвать всѣхъ къ себѣ. Чѣмъ больше цыплята вырастаютъ, тѣмъ осторожнѣе, или лучше сказать, тѣмъ менѣе смѣлыми становятся взрослые; когда же молодые достигаютъ полного роста, то старые рѣдко подпускаютъ къ себѣ охотника на разстояніе выстрѣла. Если насѣдка лишается жизни, то самецъ заступаетъ ея мѣсто и одинъ выращиваетъ дѣтенкиней, если же и онъ околѣваетъ, то птенцы сами примазываются къ другому семейству такого же возраста, какъ они. Въ половинѣ или въ концѣ августа они достигаютъ уже полного роста. Еще съ мѣсяць, говоритъ Бартъ, они держатся по близости гнѣзда, затѣмъ, въ концѣ сентября или началѣ октября они соединяются съ другими выводками, образуютъ стаи, о которыхъ уже говорилось, и дѣлаются до того пугливыми, что почти никогда не допускаютъ до удачнаго выстрѣла. До тѣхъ поръ, пока склоны возвышенностей не покрыты снѣгомъ, такія стаи остаются на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они встрѣтились, безразлично, приобрѣли ли птицы зимнее опереніе вполне или только отчасти. Но какъ только выпадетъ снѣгъ, такъ стаи перебираются въ долины, лежащія выше, и тамъ держатся у береговъ горныхъ озеръ, поросшихъ березовыми кустарниками. Такія мѣста привлекаютъ почти всѣхъ куропатокъ съ цѣлаго огромнаго участка, и онѣ, предчувствуя снѣжные матели, собираются сюда тысячами. Испуганныя чѣмъ-нибудь, онѣ съ шумомъ проносятся мимо охотника въ видѣ густыхъ бѣлыхъ облаковъ, тянувшихся на сотни метровъ. Когда выпадетъ глубокій снѣгъ, который покроетъ одинокимъ слоемъ горы и долины, стаи эти разбиваются. Когда же и низменности одѣнутся снѣжнымъ покровомъ, то онѣ спускаются и туда, остаются здѣсь недолго и возвращаются на горы, откуда снова спускаются послѣ первой снѣжной матели.

Тамъ, гдѣ участки бѣлыхъ куропатокъ граничатъ съ участками обыкновенныхъ тетеревей, случается слѣдующее: обезумѣвшій влюбленный самецъ или, можетъ быть, даже такой, которому не посчастливилось плѣнить подругу изъ своихъ, бросается на мѣсто тока обыкновенныхъ тетеревей и, благосклонно припятый тетерехою, онъ способствуетъ появленію на свѣтъ ублюдковъ, которые получили названіе

Бѣлыхъ межняковъ (*Lagopus lagopoides*, *lagopides* и *tetrici-albus*, *Tetrao lagopoides*, *lagopides* и *lagopodi-tetricides*. *Moorbirkhuhn*. *Lagopéde batard*). Узнавать и опредѣлять ихъ легче, чѣмъ тетеревей межняковъ, такъ какъ смѣшанный цвѣтъ оперенія ихъ не допускаетъ сомнѣній о происхожденіи ихъ предковъ, и какъ черный цвѣтъ тетерева. Такъ и бѣлый куропатки одинаково рѣзко выступаютъ на зимнемъ опереніи ублюдка. Всѣ тѣ экземпляры, которые были научно изслѣдованы въ Норвегіи, оказались мужского пола, между тѣмъ какъ въ Швеціи въ началѣ сороковыхъ годовъ былъ убитъ ублюдокъ женскаго пола, и послѣдніе, вѣроятно, встрѣчаются не такъ рѣдко, какъ это предполагаютъ, но несвѣдущіе охотники или не обращали на нихъ должнаго вниманія или считали ихъ за тетеревей или за куропатокъ въ лѣтнемъ одѣяніи. На сколько извѣстно, бѣлыхъ межняковъ до сихъ поръ встрѣчали только въ Скандинавіи; это, повидимому, странное явленіе происходитъ оттого, что горнистая страна даетъ возможность обѣимъ птицамъ встрѣчаться и спариваться. Можетъ ли помѣсь происходить инымъ порядкомъ, именно, накрываетъ ли тетеревъ самку бѣлой куропатки, до сихъ поръ не разъяснено и, по многимъ причинамъ, не можетъ считаться вѣроятнымъ: самцовъ бѣлыхъ куропатокъ, по словамъ Коллетта, почти всегда замѣчаютъ на каждомъ мѣстѣ токованія и даже насиживанія обыкновенныхъ тетеревей, въ числѣ нѣсколькихъ экземпляровъ, а въ ихъ любовныхъ заблужденіяхъ убѣдились еще и тѣмъ, что они пытаются выражать свои нѣжные чувства даже домашнимъ курамъ, какъ на примѣръ это случилось весной 1857 г. въ окрестностяхъ Бергена. Объ образѣ жизни межняковъ еще нѣтъ точныхъ наблюденій; извѣстно лишь то, что какъ тетерева межняки держатся съ тетеревами, такъ и они пребываютъ съ куропатками, живутъ въ тѣхъ-же самыхъ мѣстахъ и съ ними вмѣстѣ и ловятся.

Бѣлыя куропатки составляютъ одну изъ драгоценнѣйшихъ птицъ для охоты. Поразительное множество, въ которомъ ихъ можно одновременно встрѣтить, даетъ мало-мальски опытному охотнику прекрасный заработокъ, поэтому многіе обитатели сѣверныхъ странъ съ особеннымъ увлеченіемъ предаются этой охотѣ; однако только немногіе изъ нихъ охотятся такъ, какъ меня училъ старшій Свайнсонъ. Они убиваютъ самокъ или осенью, прежде чѣмъ выводки успѣли собраться въ стаи, или-же зимою, когда они скучиваются и живутъ въ березовыхъ чащахъ сотнями и тысячами. Осенью для этого необходима хорошая легавая собака: съ нею въ полъ-дня можно убить ихъ нѣсколько дюжинъ. Я охотился съ однимъ англичаниномъ, который уже шесть лѣтъ сряду отпраивлялся въ горы, проводилъ здѣсь по нѣскольку недѣль только съ цѣлью бить куропатокъ. Онъ могъ мнѣ въ точности перечислить количество птицъ, убитыхъ имъ, и оказалось, что онъ въ ту осень перестрѣлялъ ихъ уже болѣе 400 штукъ. При этомъ я долженъ замѣтить, что англичане составляютъ предметъ ужаса для норвежцевъ, потому что они безъ разбора и безъ жалости стрѣляютъ даже цыплятъ, пока они еще ростомъ съ перепела или жаворонка, безразлично — годны-ли они на что или нѣтъ. Отвращеніе норвежца при видѣ подобнаго отсутствія жалости совершенно законно и понятно. Мѣстные жители охотятся на бѣлыхъ куропатокъ только тогда, когда птицы достаточно выросли и только въ томъ случаѣ, если увѣрены, что убитая дичь пойдетъ кому-либо на пользу. Какъ бы то ни было, всего чаще охоты устраиваются зимою по очень простой причинѣ, что убитыхъ птицъ тогда легче пересылать на дальнія разстоянія, хотя охота и представляетъ въ это время года большія неудобства въ случаѣ, если снѣга нападетъ много, но все-же не такъ дѣло плохо, какъ хочетъ его представить Шауманъ. Норвежскіе охотники не вязнутъ въ глубокомъ лѣсу «въ самыхъ негостепріимныхъ и пустынныхъ мѣстахъ», не сваливаются въ «снѣжныя пропасти», такъ какъ у нихъ есть лыжи, на которыхъ они ловко несутся, скользи

даже по рыхлому снѣгу, и не «блуждаютъ они по безпредѣльнымъ и однообразнымъ снѣжнымъ равнинамъ», такъ какъ слишкомъ хорошо знакомы съ родными фіельдами и часто та или другая гора служитъ имъ примѣтой, по которой, сбившись съ дороги, все-же возможно найти обратный путь. Конечно, слѣдуетъ сказать, что охотникъ долженъ быть человекъ сильный, который не боится трудностей и не теряетъ присутствія духа даже въ густомъ туманѣ. Впрочемъ, зимою пользуются ружьемъ рѣже, чѣмъ сѣтями и силками уже по тому одному, что пороховъ довольно дорогъ. Мѣсто пребыванія хорошо извѣстно и сѣти разставляютъ съ большимъ успѣхомъ между березовыми кустами, куда куропатки обыкновенно приходятъ искать себѣ корма. Въ какомъ огромномъ количествѣ ихъ иногда ловятъ, можно судить по тому, что одинъ купецъ въ одну зиму могъ собрать и переслать ихъ 40000 штукъ. Теперь дичь эта идетъ не только въ Стокгольмъ и Копенгагенъ, но въ мало-мальски холодную зиму—даже въ Германію и Великобританію. Мясо молодыхъ бѣлыхъ куропатокъ по вкусу не уступаетъ мясу сѣрыхъ и кромѣ того отличается извѣстною пикантною. Мясо старыхъ птицъ нужно долго мочить, чтобы получить хорошее жаркое.

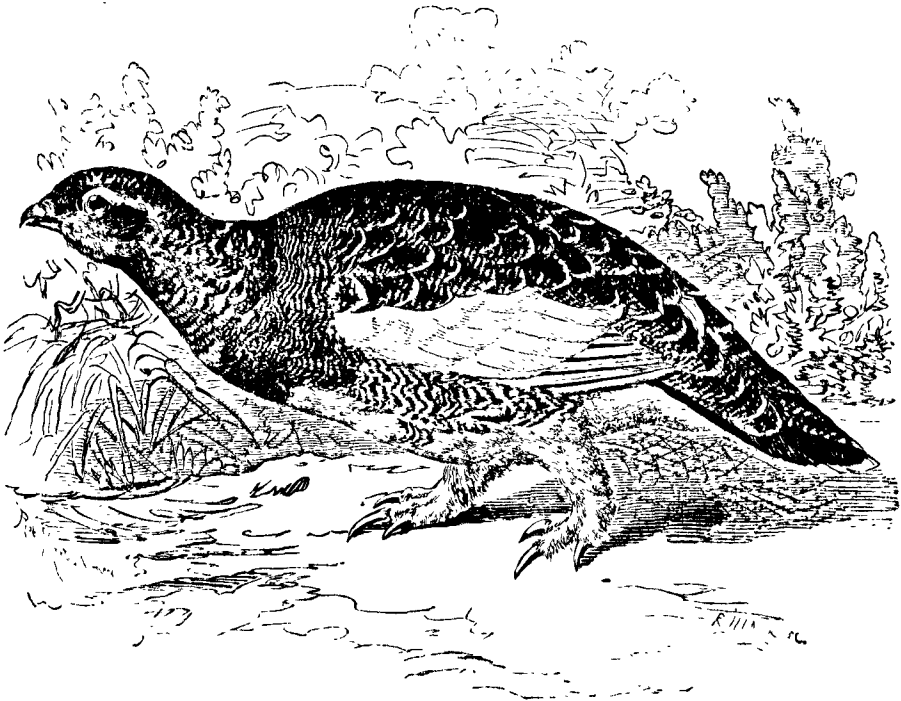
Кромѣ человека всевозможныя хищныя животныя преслѣдуютъ куропатокъ, не уменьшая однако въ значительной степени ихъ числа. Особенно сильно онѣ страдаютъ отъ хищныхъ птицъ въ безснѣжныя зимы въ болотахъ Литвы.

Даже на Скандинавскомъ полуостровѣ въ неволѣ рѣдко можно видѣть этихъ красивыхъ птичекъ; единственная изъ нихъ, которая жила у меня, уже на родинѣ привыкла къ неволѣ и клѣточному корму, такъ что содержаніе ея не представляло мнѣ никакихъ затрудненій. Конечно, я заботился о томъ, чтобы ей часто давали древесныя почки и ягоды, которыя она считала лакомствами, но полагаю, что и безъ этой особой пищи ее можно сохранить въ живыхъ. Отъ другихъ тетеревиныхъ, которыхъ я видалъ въ неволѣ, бѣлая куропатка отличается своею живостью и довѣрчивостью.

* * *

Горный тетеревъ (*Lagopus mutus, alpinus, vulgaris, montanus, rupestris, sive-reus, islandicus, reinhardi, groenlandicus, hyperboreus* и *hemileucurus, Tetrao alpinus, montanus, rupestris, islandicus, islandorum, Attagen montanus. Schneehuhn. Lagopède des Alpes*) у шведовъ называется Fjöll—ripa, а у англичанъ Ptarmigan. Смотря по положенію и мѣстнымъ условіямъ своей родины, птица эта представляетъ множество постоянныхъ разновидностей, почему многіе натуралисты образуютъ изъ нея нѣсколько видовъ. Даже въ одной и той-же мѣстности лѣтнее опереніе ея бываетъ довольно различно. На Швейцарскихъ Альпахъ она въ разные времена года такъ измѣняется по цвѣту, что, по словамъ Шинца, тетеревъ этотъ каждый мѣсяцъ мѣняетъ свой нарядъ. У самца во всѣ времена года брюшко, нижнія кроющія перья хвоста, переднія кроющія перья крыльевъ, маховыя перья и плюсна—бѣлыя; маховыя перья имѣютъ черныя стержни, хвостъ-же весь черный. Лѣтомъ прочія части тѣла бываютъ различнаго цвѣта. При весеннемъ линяніи, которое начинается въ половинѣ апрѣля, кое-гдѣ являются черноватые перья и птица кажется пѣгой; въ началѣ мая голова, шея, спина, верхнія кроющія перья крыльевъ и грудь бываютъ черными, ржаво-бурыми и пестрыми, именно: перья бываютъ или совершенно черными съ неясной ржаво-бурой поперечной полоской или по чернымъ перьямъ замѣтны свѣтлыя ржаво-желтыя и бѣловатыя полоски; бѣлый цвѣтъ яснѣе всего выступаетъ на горлѣ и по сторонамъ шеи. Разноцвѣтныя перышки пестро перемѣшаны между собой и между ними-же встрѣчается и много бѣлыхъ. Всѣ перья однако понемногу выпцвѣтаютъ такъ, что въ

концѣ августа или въ сентябрѣ спина бываетъ уже пепельно-сѣрая или испещрена черными точками, ржаво-бурыя полосы на шеѣ и головѣ дѣлаются совсѣмъ почти бѣлыми, хотя между ними замѣчаются еще нѣкоторыя перья съ неправильными ржаво-желтыми и черными полосками. У самки всѣ названныя части покрыты волнистыми ржаво-желтоватыми и черными линиями, а полосы гораздо шире и яснѣе. Зимой всѣ перья дѣлаются ослѣпительно бѣлыми, кромѣ черныхъ маховыхъ, у которыхъ замѣчаются свѣтлыя каемки, у самца-же кромѣ того еще бываетъ черная уздечка; однако случается, что нѣкоторыя пестрыя перья сохраняются и зимой. Во время осенняго линія, которое начинается въ октябрѣ, горные тетерева бываютъ совсѣмъ пестрыми, но уже въ ноябрѣ ихъ опереніе дѣлается чисто-бѣлымъ. Среднія кроющія перья хвоста удлиняются до того, что доходятъ до конца рулевыхъ перьевъ,

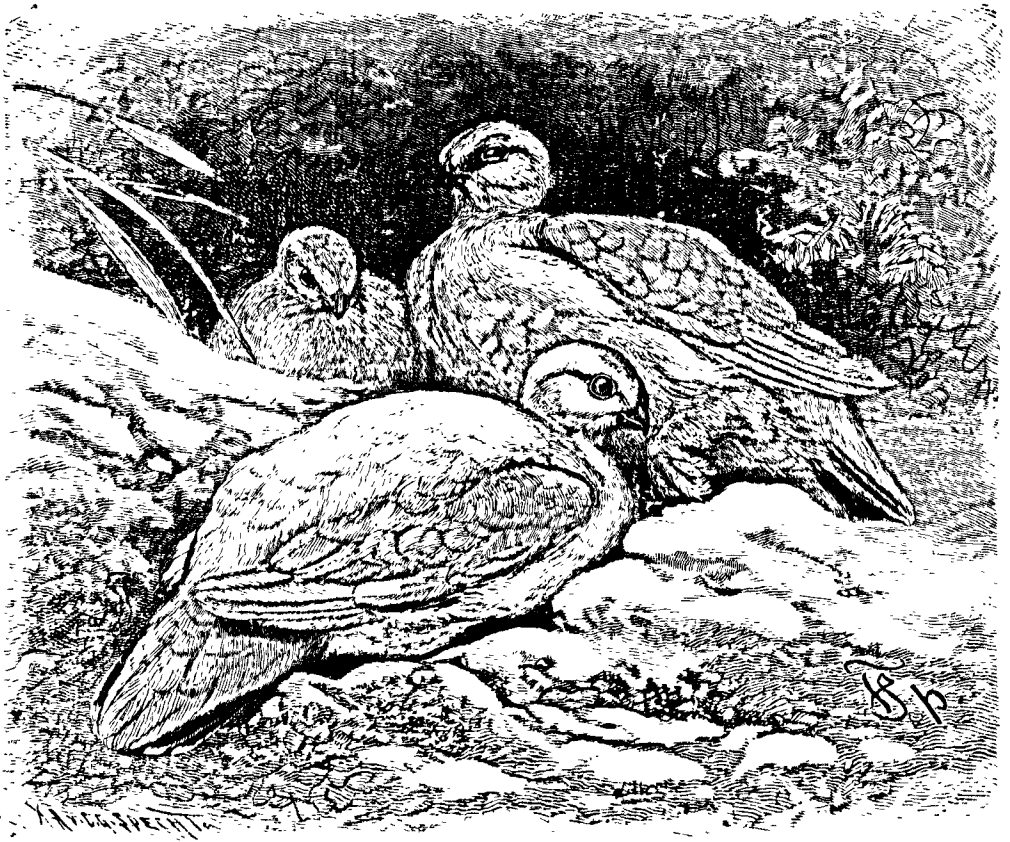
Горный тетеревъ въ лѣтнемъ опереніи. *Lagopus mutus* $\frac{1}{3}$ наст. вѣл.

ипотому кажется, что и середина хвоста бѣлая. Надъ глазами находится красная, бородавчатая, наверху зубчатая полоска, которая у самца гораздо шире. Глаза темно-каріе, клювъ черный. Длина птицы 35 см., размахъ крыльевъ 60, длина крыльевъ 18, а хвоста 10 см.

Горные тетерева, живущіе на сѣверѣ, болѣе или менѣе значительно отличаются отъ вышеописанныхъ какъ по величинѣ, такъ и по цвѣту лѣтняго оперенія, которое всегда по окраскѣ совершенно походитъ именно на тѣ скалы, гдѣ они живутъ.

Горный тетеревъ живетъ на Альпійскихъ горахъ по всему ихъ протяженію, на Пиренеяхъ, на горахъ Шотландіи, на всѣхъ высокихъ горныхъ вершинахъ Скандинавіи, въ Исландіи, на горахъ сѣверной Сибири и вообще сѣверной Азіи, въ сѣверной Америкѣ и въ Гренландіи. Изъ Альпъ онъ иногда залетаетъ въ Шварцвальдъ, изъ Пиренеевъ на горы Астуріи, Галиціи и вѣроятно съ континента

Азіи даже до Японіи, если вѣрно, что рисунокъ, сдѣланный однимъ изъ тамошнихъ жителей, снятъ съ птицы, дѣйствительно убитой въ Японіи. На сѣверѣ онь встрѣчается на всякой твердой землѣ, будь это материкъ, или островъ значительной величины. Въ противоположность бѣлой куропаткѣ бѣлый тетеревъ живетъ только на мѣстахъ голыхъ и поросшихъ кустарникомъ, а поэтому на Альпахъ всегда выше пояса лѣсовъ, близъ снѣговъ и льдовъ, въ Норвегіи на голыхъ вершинахъ, покрытыхъ валунами, только въ Исландіи и Гренландіи для гнѣздованія они спускаются въ болѣе низкія мѣста и даже въ низменности непосредственно

Горный тетеревъ въ зимнеѣ опереніи. *Lagopus mutus*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

вблизи моря. Даже Исландскій и Гренландскій горные тетерева хотя и сходятъ въ низменности, но все-же большую часть года проводятъ на горахъ. Изъ сообщеній Радде слѣдуетъ заключить, что въ Восточной Сибири они селятся также только на высокихъ горахъ.

Альпійскій горный тетеревъ рѣзко отличается отъ своихъ родичей по образу жизни. Правъ его спокойнѣе и умственные способности его ограниченнѣе послѣднихъ. По бѣгу и полету они почти равны, даже можно сказать, что у горнаго тетерева эти движенія еще легче, нежели у бѣлой куропатки. Вообще онь рѣдко летитъ сразу по долгу, тамъ-же, гдѣ еще не напуганъ преслѣдованіями, почти никогда. Шинцъ и Чуди находятъ, что полетъ ихъ похожъ на полетъ голубя, я же этого никогда не замѣчалъ, и могу сказать, что летящій горный тетеревъ не на-

помнилъ мнѣ никого, кромѣ бѣлой куропатки. Въ одномъ только онъ, кажется, рѣшительно превосходить всѣхъ своихъ родичей. «Я нѣсколько разъ замѣчалъ», говорилъ Гольбелль, «что горный тетеревъ можетъ плавать не только побуждаемый опасностью, но иногда даже и безъ особенной необходимости. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1825 года мы стояли съ нашей баркой у береговъ Гренландіи, въ такъ называемой юго-восточной бухтѣ; нѣсколько дней все было окутано туманомъ до того, что нѣсколько горныхъ тетеревей приближались къ судну. Одинъ изъ нихъ такъ стремительно наткнулся на парусъ, что былъ отброшенъ и упалъ въ воду. Погода стояла тихая, и я велѣлъ спустить лодку, думая поживиться упавшей птицей, но птица съ необыкновенной легкостью поднялась съ воды и улетѣла. Въ слѣдующую зиму мнѣ случилось видѣть, какъ два тетерева при 10 градусахъ мороза поднялись съ утесовъ близъ Годхавна и, не задумываясь, спустились на воду. Кромѣ того я видѣлъ, какъ они купались и даже плавали въ неглубокихъ горныхъ водоемахъ». Голосъ горнаго тетерева совершенно особенный и ничуть не похожъ на голосъ куропатокъ. «Во время сильныхъ тумановъ и передъ сильнымъ снѣгомъ или дождемъ», говоритъ Шинцъ «альпійскіе тетерева безпрестанно кричатъ «крёгёгё-гёёрё» или «ёнё-гё, ёнё-гёё». Когда-же они скликаютъ птенцовъ или завидятъ хищную птицу, то взрослые кричатъ больше такъ: «гё-гё, гагёё», а цыплята откликаются «цип-цип-цип». Я лично никогда не слышалъ подобныхъ звуковъ, но также, какъ и другіе наблюдатели, я замѣтилъ, что они издаютъ необыкновенно глухое, хриплое, выходящее изъ глубины гортани «аахъ», къ которому еще присоединяется какое-то трещаніе, которое не выразишь никакими буквами. Фаберъ, Гольбелль и Крюперъ передаютъ его звуками «аррр» или «оррр», я же полагаю, что звукъ р въ нихъ вовсе такъ ясно не слышенъ. Подражая призывному голосу самки, мой норвежскій охотникъ производилъ нѣчто похожее на мяуканье котенка, звучавшее примѣрно какъ «міу», но не поддающееся точному воспроизведенію съ помощью буквъ.

Описывая свою первую охоту на горныхъ тетеревей, Бойе замѣчаетъ: «они, какъ окаменѣлые, ожидали приближенія охотника на скалѣ, которая была скудно покрыта альпійскими растеніями, и потомъ полетѣли безъ криковъ, производя только сильный шумъ размахами крыльевъ». «Ихъ необыкновенная лѣнь», говоритъ онъ далѣе, «составляетъ рѣзкій контрастъ между ними и бѣлыми куропатками. Повидимому, самцы сидятъ цѣлый день смирно и неподвижно около своихъ насѣдокъ, выбирая почти всегда самыя крутыя и отвѣсныя мѣста, будто любясь съ вершины обрыва самыя привлекательными картинами». Фаберъ рисуетъ горнаго тетерева какъ птицу, «необыкновенно смѣлую и глупую», Гольбелль находитъ гренландскихъ горныхъ тетеревей «очень простоватыми, довѣрчивыми». Записывая свои наблюденія, я высказался почти тѣми-же словами, какъ Бойе. «Первые два самца, убитые мною, были поразительно неосторожны: они не обнаруживали ни малѣйшаго страха, не улетали, а, напротивъ, ожидали охотника, повидимому, съ величайшимъ удивленіемъ». Точно также они себя держатъ и на Альпахъ. «Въ туманную погоду», пишетъ Шинцъ, «чаще всего они почти всѣ бѣгаютъ по землѣ и воображаютъ, что достаточно защищены отъ всякихъ преслѣдованій; но, впрочемъ, они и при теплой ясной погодѣ очень довѣрчивы», и даже тутъ, по словамъ Чуди, «на облаженныхъ горахъ подпускаютъ къ себѣ человека на разстояніе 10 шаговъ». Думаютъ, что при холодной погодѣ они пугливѣе, вѣроятно между прочимъ и по той причинѣ, что зимой собираются въ болѣе или менѣе большія стаи.

Пища ихъ состоитъ главнымъ образомъ изъ растеній. У тѣхъ, которые живутъ на Альпахъ, зобъ бываетъ набитъ листьями ползучей ивы и вереска, почками

ели и рододендровъ, ягодами брусники, черники и ежевики, различными цвѣтами и т. п. На большихъ дорогахъ они раскапываютъ навозъ лошадей и муловъ, выбирая изъ него зерна овса, а лѣтомъ ѣдятъ и разныхъ насѣкомыхъ.

На сѣверѣ они питаются почками и листьями карликовой ивы и березы, листовыми и цвѣточными почками разныхъ сѣверныхъ растений и ягодныхъ кустовъ, растущихъ на этихъ высотахъ, а также и ягодами ихъ; за недостаткомъ другой пищи, они глотаютъ кусочки лишаяевъ, которые соскабливаютъ съ камней. Если наблюдения Фабера справедливы, то они заготавливаютъ себѣ запасы на зиму.

Въ маѣ горные тетерева встрѣчаются уже парами; обѣ птицы держатся вмѣстѣ до тѣхъ поръ, пока длится насиживаніе. Когда птенцы выдуваются изъ яицъ, то самецъ на время покидаетъ семью и удаляется на высокія горы, гдѣ проводитъ самое жаркое время года. Пока онъ находился съ семьей, онъ былъ молчаливъ и скученъ; удаляясь-же въ горы, дѣлается оживленнымъ, часто кричитъ, быстро летаетъ, очевидно, для собственнаго удовольствія, едва взмахивая крыльями, причемъ поднимается въ вышину, направляясь косвенно, на мгновеніе останавливается съ дрожащими крыльями и затѣмъ внезапно падаетъ внизъ; иногда онъ для забавы производитъ движенія, которыя хотя отчасти напоминаютъ токованіе остальныхъ тетеревиныхъ, но вполне на нихъ не похожи. Онъ не принимаетъ участія ни въ устройствѣ гнѣзда, ни въ выращиваніи дѣтенышей. Въ половинѣ или концѣ юня насѣдка сама разыскиваетъ себѣ подходящее мѣсто подъ низкимъ кустомъ, а иногда и за камнемъ, подъ защитой котораго можно скрыть гнѣздо, роетъ небольшое углубленіе, очень искусно выстилаетъ его сухими листьями, кладетъ туда свои 2—14 иногда даже 16 яицъ и начинаетъ насиживать съ большимъ самоотверженіемъ. Яйца эти имѣютъ 45 мм. длины, 30 мм. ширины и по красно-желтому фону покрыты темно-бурыми крапинками. Спустя около трехъ недѣль изъ яицъ выходятъ цыплята. Какъ только они успѣютъ обсохнуть, мать уводитъ ихъ отъ гнѣзда и направляется въ такія мѣста, гдѣ чуть много корму. Грозная опасность заставляетъ ее взлетать, чѣмъ она думаетъ привлечь вниманіе врага вмѣсто дѣтенышей на себя. Птенчики по этому знаку разсыпаются и моментально прячутся между камней, между тѣмъ, какъ мать суется почти подъ ноги врагу. Однажды Штейнмюллеръ поднялъ выводокъ и поймалъ одного цыпленка, который началъ жалобно чуфыкать; мать въ слѣпомъ отчаяніи бросилась прямо на обидчика и, конечно, сама была имъ застрѣлена. Вельденъ нечаянно натолкнулся на насѣдку съ девятью цыплятами; ее невозможно было заставить взлетѣть и, несмотря на величайшую опасность, грозившую ей, она быстро убѣгала, закрывая дѣтей распушенными крыльями. Во время бѣгства одинъ за другимъ птенчики бросались въ сторону и прятались и, только убѣдившись въ общей ихъ безопасности, она подумала и о своемъ спасеніи и бросилась улетать. Цыплятки-же попрыгали такъ ловко, что, несмотря на всѣ старанія, ни одного невозможно было разыскать. Но только-что Вельденъ спрятался и подождалъ немного, какъ насѣдка очень поспѣшно бѣгомъ возвратилась, тихонько поклохтала и черезъ нѣсколько минутъ всѣ девять цыпockъ подлѣзли подъ ея крылья. «Если только осенью», говоритъ Фаберъ, «падать мать семейства, то дѣтенышей можно перестрѣлять всѣхъ по-очередно, такъ какъ мать, испуганная выстрѣломъ, хотя и взлетаетъ, но, заботясь объ участи дѣтенышей, тотчасъ бросается вновь на землю; то же самое продѣлываютъ часто и молодые, т. е. отъ звука выстрѣла поднимаются, но затѣмъ, слѣдуя примѣру матери, опять тотчасъ опускаются обратно».

Пушистое одѣяніе цыплятъ очень пестро, хотя также, какъ и у прочихъ, по окраскѣ тождественно съ цвѣтомъ мѣстности. По буроватой синицкѣ тянутся неправильныя черныя полосы и черной-же полоской ограничено и свѣтло-бурое пятно на

затылкѣ. Лобъ, горло, шея и брюшко бѣловатые, грудь и бока съ красноватымъ налетомъ, а плюсна покрыта сѣроватымъ пушкомъ.

Въ Исландіи и Гренландіи, гдѣ горные тетерева гнѣздятся и въ долинахъ, семейства ихъ, по словамъ Фабера и Гольбелля, живутъ тамъ еще и въ концѣ августа, а въ началѣ октября matka подымается на горы вмѣстѣ со своими, уже вполне выросшими птенцами, и тогда отдѣльные выводки соединяются и образуютъ большія стаи. Стаи эти живутъ на горахъ всю зиму и ведутъ тамъ довольно правильный образъ жизни. Раннимъ утромъ уже они отправляются отыскивать кормъ и до полудня рѣдко летаютъ. Послѣ полудня они поднимаются и, собравшись маленькими стаями, перелетаютъ въ долины и на берега озеръ, а затѣмъ снова возвращаются на горы. Если въ долинахъ нѣтъ снѣга, то они остаются тамъ довольно долго и туда-же спасаются, если на вершинѣ наступаетъ гололедица, которая мѣшаетъ имъ отыскивать кормъ; въ такихъ случаяхъ, чтобы найти себѣ какую-нибудь пищу, имъ приходится предпринимать довольно далекія странствованія. Фаберъ утверждаетъ, что когда они очень голодны, то проникаютъ даже въ жилища человѣка, иногда перелетаютъ морскіе проливы шириною въ нѣсколько миль, чтобы попасть на маленькіе безснѣжные острова, гдѣ надѣются найти больше корма. Въ Норвегіи происходитъ совершенно то же самое, а въ Швейцаріи нѣчто подобное. «Когда вершины поздно осенью покрываются снѣгомъ», сообщаетъ Чуди, «горные тетерева перекочевываютъ въ долины и луга съ болѣе умѣреннымъ климатомъ и очень любятъ бродить по большимъ дорогамъ, идущимъ черезъ горы; здѣсь они зимуютъ, оставаясь до весны». Однако они рѣшаются на подобныя кочеванія только въ случаѣ очень жестокой зимы, такъ какъ при температурѣ болѣе или менѣе сносной они хорошо проживаютъ и на свойственныхъ имъ высотахъ. Толстый слой снѣга, скрывающій ихъ пищу, составляетъ для нихъ небольшое препятствіе; они легко прорываютъ въ немъ глубокіе ходы и такимъ образомъ докапываются до корма, причемъ обращаютъ мало вниманія на морозъ и непогоду. Тотъ-же слой снѣга служитъ имъ защитой отъ вѣтровъ и мятелей: когда наступаетъ вьюга, то они даже даютъ себя такъ засыпать снѣгомъ, что изъ подъ него торчатъ только однѣ головы, и даже опытный охотникъ открываетъ ихъ присутствіе только по ихъ чернымъ уздечкамъ. По всей вѣроятности они устраиваютъ себѣ зимнія убѣжища въ видѣ глубокихъ ямъ въ снѣгу по близости своихъ запасовъ корма. Такую яму, буквально всю выстланную сухими листьями, нашелъ Крюнеръ на обширномъ снѣговомъ полѣ въ Исландіи.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а именно на сѣверѣ Америки, горные тетерева, кромѣ этихъ неправильныхъ, случайныхъ перекочевываній, предпринимаютъ и болѣе далекія странствованія. Хотя многіе гренландскіе тетерева и остаются на своихъ мѣстахъ тогда, какъ наступаетъ продолжительная зимняя ночь, но очень многіе изъ нихъ поздно осенью переселяются на горы южной части полуострова, причемъ перелетъ этотъ совершается не противъ вѣтра, какъ обыкновенно у другихъ птицъ, а при сѣверномъ вѣтрѣ. Одюбонъ говоритъ, что на Лабрадорѣ ежегодно зимой прилетаютъ тысячи этихъ тетеревей и покрываютъ все горы и склоны ихъ. Въ Скандинавіи также наблюдали такія явленія, и Бойе рассказывали на Лофоденскихъ островахъ, а Лилеборгу—въ Тромзе, что однажды при сильномъ восточномъ вѣтрѣ ихъ разомъ появилось много.

Касательно перемѣны перьевъ у горныхъ тетеревей опредѣленнаго еще ничего никто не можетъ сказать. Между тѣмъ, какъ швейцарскіе наблюдатели держатся того мнѣнія, что линяніе происходитъ дважды въ годъ, причемъ осенью оно распространяется на все перья вообще, а весною только на маленькія перышки, Гольбелль

предполагаетъ, что таковое бываетъ по крайней мѣрѣ три раза, Макъ Джилливей до-пускаетъ даже ежегодно по четыре линянiя; Фаберу, напротивъ, казалось, что «бѣлыя перья зимняго платья не есть слѣдствiе новаго линянiя въ позднюю осеннюю пору, а есть только результатъ выпцвѣтанiя лѣтнихъ перьевъ», такъ какъ онъ въ пенькахъ новаго оперенiя находилъ только пестрыя лѣтнiя и никогда не видалъ зимнихъ бѣлыхъ перьевъ, а между тѣмъ имѣлъ случай наблюдать, какъ пестрое перо отъ корня до кончика постепенно бѣлѣло. Радде сообщаетъ удивившiй его фактъ, что нѣкоторые горные тетерева, убитые имъ въ восточной части Саянскихъ горъ, уже 12-го iюня были отчасти вылинявши такъ, что нижняя часть тѣла, брюшко и грудь носили уже зимнее оперенiе. Миѣ кажется, что изъ этихъ разнорѣчивыхъ показанiй можно вывести нѣчто общее; я по опыту знаю, что одновременно съ наступленiемъ линянiя можетъ появляться и перемѣна цвѣта перьевъ и беру смѣлость отнести это наблюденiе и къ горнымъ тетеревамъ. Итакъ, я думаю, что главное линянiе ихъ происходитъ осенью, хотя при этомъ, по всей вѣроятности, не всѣ перья возобновляются, но только часть ихъ, именно тѣ, которыя выросли въ теченiи лѣта, перемѣняютъ только цвѣтъ. Весной смѣняются только мелкiя перья, причемъ у самокъ все это происходитъ ранѣе, чѣмъ у самцовъ. Окраска этихъ вновь появившихся перьевъ во всякомъ случаѣ не постоянна, а, напротивъ, подвержена многократнымъ перемѣнамъ. Впрочемъ, кажется одно только достоверно, что родина горнаго тетерева непременно влiетъ на линянiе; разъ зимнее оперенiе появляется только съ наступленiемъ зимы, а лѣтнее съ наступленiемъ лѣта, то и надѣвается оно въ зависимости отъ мѣста жительства, то ранѣе, то позже. Не задолго до линянiя у горныхъ тетеревей смѣняются и когти.

Бѣдность и негостепрiимность мѣстъ, гдѣ они селятся, нерѣдко бываютъ пагубны для альпiйскихъ тетеревей. Хотя они очень невзыскательны и хорошо умѣютъ переносить бури и непогоды, все-же всѣхъ невзгод преодолѣть не могутъ. Если зимою при безвѣтрiи снѣгъ валитъ хотя цѣлый день, все-же птица наша не подвергается большой опасности; если-же съ горъ скатываются лавины, то немало птицъ бываетъ раздавлено глыбами снѣга; когда-же снѣгъ покрывается крѣпкой ледяной корой, то множество ихъ хирѣютъ и околѣваютъ съ голода. Но не одна природа относится жестоко и даже враждебно къ невиннымъ существамъ, но также и часто еще хуже съ ними поступаетъ человекъ и всѣ остальные хищники. Тысячи и сотни тысячъ ихъ погибаютъ ежегодно; нѣкоторые дѣлаются добычей вооруженнаго ружья охотника и не меньше того, сколько достается долю человека, отсчитываютъ себѣ на зубы лисицы и росомахи, остальные истекаютъ кровью въ когтяхъ кречетовъ и бѣлыхъ сѣверныхъ совъ.

Горные тетерева, пойманные взрослыми, поддаются прирученiю, то есть они привыкаютъ какъ къ неволѣ, такъ и къ клѣточному корму и выживаютъ при этомъ довольно долго, молодые-же требуютъ такого тщательнаго ухода, что выростить ихъ удается очень рѣдко. Относительно этого я не могу больше ничего сообщить, такъ какъ самъ я никогда не видалъ горнаго тетерева въ клѣткѣ. «Между ними тоже бываютъ убудки, какъ и у обыкновенныхъ тетеревей и у бѣлыхъ куропатокъ», пишетъ Вурмъ, «хотя неоднократно ошибочно принимали за межняковъ простыхъ молодыхъ горныхъ тетеревей маленькаго роста, у которыхъ замѣчалось преобладанiе бѣлаго оперенiя. Настоящiе межняки горныхъ и обыкновенныхъ тетеревей гораздо меньше обыкновенныхъ, имѣютъ четырехугольный хвостъ съ короткимъ подхвостьемъ, оперенные пальцы и не только отчасти, но вполнѣ бѣлаго цвѣта перья въ перемежку съ бурыми и черноватыми. Пасчетъ перемѣны цвѣта оперенiя ничего неизвѣстно».

Куропатки (*Perdicinae*. Fe'dhühner. Perdrix), которыя образуютъ рѣзко ограниченное подсемейство, отличаются отъ остальныхъ тетеревиныхъ стройнымъ тѣлосложениемъ, относительно маленькой головой и неоперенными плюснами. Клювъ удлиненный, только слегка выгнутъ на верхушкѣ и не сплюснутъ съ боковъ. Ноги вооружены иногда одной, иногда-же и двумя шпорами. Крылья, въ которыхъ обыкновенно третье или четвертое маховое перо самое длинное, также очень коротки и закруглены, но не такъ, какъ у остальныхъ тетеревиныхъ; хвостъ состоитъ изъ 12—16 перьевъ и очень коротокъ. Вокругъ глаза хотя не всегда, но иногда бываетъ неоперенное мѣсто, таковое-же, хотя и въ видѣ исключенія, встрѣчается у нѣкоторыхъ на горлѣ, зато полосы надъ глазами, столь характерной для всѣхъ куриныхъ, не бываетъ почти никогда; гладкое опереніе прилегаеь довольно плотно; по двѣту перьевъ почти невозможно опредѣлить пола. Вотъ еще признаки, отличающіе куропатокъ отъ ихъ мохноногихъ родичей: предплечье въ большинствѣ случаевъ, вѣрнѣе даже — всегда, нѣсколько короче плеча, тазъ такой-же узкій и продолговатый, какъ и у предыдущихъ родственныхъ имъ родовъ, остріе на наружной сторонѣ каждой подвздошной кости, котораго нѣтъ у прочихъ тетеревиныхъ, у куропатокъ ясно видно и развито такъ-же сильно, какъ у франколиновъ, бедренная кость наполнена мозгомъ и не имѣетъ воздушной полости. Хвостовые позвонки, соотвѣтственно короткому и слабому хвосту, также слабы и гораздо меньше, чѣмъ у другихъ тетеревиныхъ. Странное, студенистое вещество, лежащее въ нижней части воздушныхъ путей у самцовъ прочихъ тетеревиныхъ, здѣсь вполне отсутствуетъ; слѣпая кишка хотя длинная, но все-же гораздо короче, чѣмъ у остальныхъ, почки же, наоборотъ, гораздо длиннѣе, нежели у прочихъ.

За исключеніемъ далекаго сѣвера, куропатки живутъ во всѣхъ странахъ Стараго Свѣта и во всевозможныхъ мѣстностяхъ, отъ морскихъ прибрежій до самыхъ значительныхъ горныхъ вершинъ. Большая часть изъ нихъ несомнѣнно предпочитаетъ открытыя безлѣсныя мѣста; есть, впрочемъ, много и такихъ, которыя селятся въ лѣсныхъ чащахъ и живутъ тамъ такъ-же уединенно, какъ и другія лѣсныя курияныя. Нравъ ихъ отличается нѣкоторыми особенностями. Они проворнѣе и развязнѣе тетеревей, летаютъ хотя нѣсколько тяжеловато, но все-же довольно скоро, рѣдко поднимаются высоко, летятъ недолго и по возможности избѣгаютъ садиться на деревья. Развитіемъ умственныхъ способностей куропатки превосходятъ по крайней мѣрѣ всѣхъ тетеревиныхъ. Они смыслены и довольно умны, приравниваются къ самымъ разнообразнымъ обстоятельствамъ, проявляютъ долю хитрости, если дѣло идетъ о томъ, чтобы избѣжать опасности, и обладаютъ какъ храбростью, такъ и задоромъ. Сколько извѣстно, всѣ виды этого семейства живутъ въ одиноствѣ, большая часть, спарившись, остаются вѣрны другъ другу; конечно, правило это не безъ исключенія, и нѣкоторыя изъ нихъ отклоняются съ пути добродѣтели и измѣняютъ разъ избранной подругѣ, увлекаясь случайно встрѣченною самкой. Въ гнѣздованіи самцы принимаютъ горячее участіе, по крайней мѣрѣ ревностно заботятся о безопасности насидивающей парочки, а впоследствии и о птенцахъ. Въ совершенно простое гнѣздо куропатка кладетъ довольно много яицъ, они или одпочвѣтны или по свѣтло-желтоватому и буроватому фону испещрены темными пятнами. Во время гнѣздованія каждая парочка живетъ отдѣльно, завладѣваетъ извѣстнымъ участкомъ и отстаиваетъ его для себя, защищая какъ отъ своихъ, такъ и отъ чужихъ пролазѣ. Когда птенцы оперятся, то многія семьи соединяются и образуютъ общія стаи. Куропатки питаются не такой грубой пищей, какъ вышеописанныя тетеревиныя, а предпочитаютъ болѣе нѣжныя растительныя и животныя вещества. Ни одна куропатка не станетъ ѣсть хвои или чего-нибудь подобнаго

тому, что ёсть глухарь, но всѣ виды усердно гоняются за насѣкомыми и ихъ личинками, и большинство предпочитаетъ зерна другимъ частямъ растений, т. е. листьямъ и т. п.

Никто не причислитъ куропатокъ къ вреднымъ птицамъ. Жители кожныхъ странъ называютъ нѣкоторые виды вредными, но и они не придаютъ этому слову точнаго значенія. На самомъ-же дѣлѣ всѣ любятъ этихъ хорошенькихъ птичекъ и охотно позволяютъ имъ немножко пограбить себя. Эта привязанность, конечно, въ значительной степени зависитъ отъ того удовольствія, которое доставляетъ охота на куропатокъ. Нѣтъ ни одного вида этого подсемейства, за которымъ бы ни охотились болѣе или менѣе усердно. Охота производится всякими средствами: съ ружьемъ или другимъ оружіемъ, силками и сѣтями и съ дрессированными собаками или соколами. Ежегодно ихъ повсюду убиваютъ тысячи, но почти вездѣ потери эти быстро вознаграждаются. Вслѣдствіе всего этого онѣ почти вездѣ играютъ довольно важную роль.

Къ неволѣ всѣ куропатки привыкаютъ легко, и многія изъ нихъ живутъ по многу лѣтъ въ клѣткахъ, если ухотъ за ними хоть сколько-нибудь сносенъ; большинство изъ нихъ даже размножаются въ неволѣ. Нѣкоторые такъ привязываются къ человѣку, что слѣдуютъ за нимъ какъ собаки и дѣлаются вполне домашними животными.

* *
*

Горныя куропатки (*Caccabis. Berghühner*) имѣютъ плотное туловище, короткую шею и относительно большую голову; клювъ довольно длинный, но толстый, ноги — средней высоты, и на плюснахъ замѣчаются шпоры или по крайней мѣрѣ роговыя бородавки, замѣняющія ихъ; крылья средней длины и въ нихъ третье и четвертое маховыя перья самыя длинныя. Довольно длинный хвостъ состоитъ изъ 12—16 рулевыхъ перьевъ и не вполне прикрытъ кроющими перьями; опереніе густое, но гладко прилегающее. Преобладающій цвѣтъ его красновато-сѣрый, который у нѣкоторыхъ видовъ переходитъ въ шиферно-сѣрый; передняя часть шеи и верхняя часть груди точно такъ, какъ и пахи, бываютъ окрашены въ болѣе яркій цвѣтъ.

Однимъ изъ важныхъ видовъ этого рода слѣдуетъ считать попадающуюся и въ Германіи **Каменную куропатку** (*Caccabis saxatilis, Perdrix saxatilis* и *rupes-tris. Steinhuhn. Perdrix de roche*). Верхняя часть тѣла и грудь голубовато-сѣрыя съ краснымъ налетомъ, бѣлое горло окружено черною каемкой; полоска, идущая отъ основанія клюва черезъ лобъ, и маленькія пятна на подбородкѣ около угловъ нижней челюсти, также черныя; перья въ пахахъ покрыты желтовато-буро-красными, въ перемежку съ черными полосками, прочія перья на нижней части тѣла ржаво-желтыми каемками на наружныхъ опахалахъ, наружныя рулевыя перья ржаво-красныя. Глаза красновато-каріе, клювъ кораллово-красный, а ноги блѣдно-красныя. Длина—35 см., размахъ крыльевъ 50—55, длина крыла—16, а хвоста 10 см.; самка, по обыкновенію, нѣсколько меньше; ее легко отличить отъ самца по отсутствію шпорцевой бородавки.

На каменную куропатку болѣе всего похожи **Греческая куропатка** (*Caccabis graeca. Griechisches Steinhuhn. Bartavelle*) и **Чукаръ** (*Caccabis chukar. Tschukar*). Послѣдній отличается болѣе свѣтлой и замѣтно красноватой окраской, ушными перьями съ красными кончиками, желтоватымъ горломъ и болѣе узкой лобной

полоской, которая не вполне покрываетъ собою пространство между ноздрями, верхнею челюстью клюва и переднимъ угломъ глазъ.

Въ XVI-мъ столѣтїи каменная куропатка жила на скалистыхъ горахъ у Рейна, именно въ окрестностяхъ Сентъ-Гоара; нынѣ ее находятъ только въ Альпійскихъ горахъ, именно въ верхней Австріи, въ верхней Баваріи, въ Тироли и въ Швейцаріи. Еще чаще она встрѣчается на южныхъ склонахъ Альпъ, южномъ Тироли и въ Италіи, гдѣ она живетъ въ горахъ Лигуріи и въ римской провинціи. Греческая куропатка водится въ Греціи и въ Турціи. На греческихъ островахъ Малой Азіи, Аравіи, Персіи, въ Туркестанѣ, на Алтаѣ и другихъ внутреннихъ и южныхъ горахъ до южнаго Китая и обоихъ полуострововъ Индіи встрѣчается, говорятъ, только чукаръ. Однако, по словамъ Вальтера, въ Туркменіи водится только каменная куропатка, которую этотъ натуралистъ очень опредѣленно отличаетъ отъ чукара.

Замѣчательно, что на Альпахъ куропатки рѣшительно предпочитаютъ вершины болѣе низкимъ мѣстамъ и чаще всего встрѣчаются на каменистыхъ полянахъ, заросшихъ травою, на солнечной сторонѣ, между границей лѣсовъ и снѣговой линіей; въ противоположность этому на югѣ онѣ живутъ также и на равнинахъ. Хотя въ Греціи онѣ встрѣчаются на каменистой и неплодной почвѣ, но далеко не исключительно на горахъ, которыя соотвѣтствуютъ ихъ альпійскому мѣстопробыванію, а также и на маленькихъ островахъ, гдѣ нѣтъ горъ выше 100 метровъ надъ поверхностью моря. Линдермайеръ даже предполагаетъ, что онѣ никогда не поднимаются на вершины и высокіе хребты горъ, но держатся въ среднихъ частяхъ ихъ, и этимъ, повидимому, онъ подтверждаетъ сообщеніе графа фонъ-деръ Мюле, который говоритъ, что птицъ этихъ можно найти даже въ самую суровую зиму въ снѣгахъ Румелійскихъ горъ. На Синаѣ мы видѣли каменныхъ куропатокъ еще на высотѣ 2000 м., а «Горный житель» пишетъ, что въ Индіи онѣ чаще всего попадаются въ высокіхъ необитаемыхъ странахъ. На Тарбатаѣ я ихъ встрѣчалъ одинаково часто, какъ на высотахъ, такъ и въ долинахъ и думаю поэтому, что онѣ живутъ повсюду, гдѣ ихъ мало тревожатъ. Въ Швейцаріи, по словамъ Чуди, куропатка охотнѣе всего живетъ на обращенныхъ къ солнцу склонахъ между стелющимися деревьями и кустами рододендра, а также подъ высокими отвѣсными скалами, въ ущельяхъ, покрытыхъ валунами, и на снѣжныхъ поляхъ между травою и камнями; только зимой онѣ спускаются въ болѣе низкія, каменистыя долины, появляясь иногда даже вблизи горныхъ деревень и даже около селеній на равнинахъ. Эти свѣдѣнія соотвѣтствуютъ наблюденіямъ «Горнаго жителя» на Гиммалайскомъ хребтѣ; и здѣсь каменные куропатки многочисленными стаями появляются въ серединѣ сентября на обработанныхъ поляхъ близъ деревень, расположенныхъ у подошвы горъ. Вальтеръ сообщаетъ изъ Туркменіи слѣдующее. «Во всѣхъ горахъ, по которымъ намъ пришлось путешествовать въ этой странѣ, кромѣ Куба-дага, гдѣ каменная куропатка рѣдко встрѣчается, она очень обыкновенна. Однако ее нельзя считать исключительно горною птицею, такъ какъ она спускается до равнины, слѣдуя теченію рѣкъ и вымытыхъ водою ущелій. Мы находили, напримѣръ, куропатокъ по Тедшену ниже Кара-бенда, т. е. на разстояніи въ 200 km. отъ горъ, а также около рѣчки Душакъ. На Мургабѣ онѣ встрѣчались массамаи и жили тамъ даже на пескѣ, а также ихъ было много около Тшата по нижнему теченію Атрека.»

Вмѣстѣ съ прочими видами этого рода куропатка превосходитъ остальныхъ лѣсныхъ куринныхъ проворствомъ, находчивостью, умомъ, храбростью, драчливымъ

задоромъ. Она легко приручается, бѣгаетъ по землѣ необыкновенно скоро и съ такимъ искусствомъ, которое достойно удивленія; ей безразлично, ровное-ли мѣсто, или вѣтъ, покрыто-ли оно камнями, или поросши травой; съ легкостью перебирается она черезъ обломки камней и по отвѣснымъ стѣнамъ скалъ и удерживается на такихъ поверхностяхъ, гдѣ, повидимому, птицѣ съ такимъ тяжелымъ тѣломъ очень трудно даже двигаться. Въ сравненія съ остальными лѣсными куриными полетъ ея легкій, быстрый, скорый и поразительно беззвучный; несмотря на это, куропатка никогда не летитъ по-долгу заразъ, а напротивъ, при первой возможности, торопится поскорѣе спуститься на землю, такъ какъ она еще больше довѣряетъ силѣ своихъ ногъ, чѣмъ грудныхъ мышцъ, которыя у нея сравнительно сильно развиты. По собственной охотѣ она никогда не взлетаетъ на высокія деревья, точно также избѣгаетъ и лѣсныхъ мѣстностей, которыхъ, повидимому, даже боится; впрочемъ, въ случаѣ опасности она прячется въ вѣтвяхъ высочайшихъ сосенъ. Зарудный видалъ ихъ во внутренней Азій на высокихъ кустахъ можжевельника и на ильмахъ. Всѣмъ охотникамъ извѣстно, насколько хорошо у нихъ зрѣніе, которое очевидно развито лучше всѣхъ прочихъ органовъ чувствъ. Душевные способности, по показаніямъ наблюдателей, чрезвычайно хорошо развиты какъ у живущихъ на волѣ, такъ и у содержимыхъ въ неволѣ. Между тѣмъ какъ каменные куропатки на азіатскихъ горахъ смѣло разгуливаютъ вокругъ человека, вооруженнаго обыкновенно винтовкой, и не только не прячутся отъ него, а, напротивъ, выходятъ на открытую горную площадку будто съ дѣлю поближе разглядѣть невиданныхъ существъ, въ Альпахъ онѣ, наоборотъ, самыя пугливыя и осторожныя изъ всѣхъ прочихъ живущихъ тамъ тетеревиныхъ. Онѣ относятся осмотрительно ко всему, что творится вокругъ, отличаютъ безъ труда охотника отъ безвреднаго имъ пастуха и вообще очень хорошо узнаютъ своихъ враговъ, отлично умѣютъ избѣгать преслѣдованій и всевозможныхъ ловушекъ, словомъ постоянно выказываютъ себя умными птицами. Въ случаѣ нужды онѣ однако очень легко мирятся съ измѣнившимися условіями, а потому необыкновенно скоро дѣлаются ручными и довѣрчивыми къ своему воспитателю. Голосъ ихъ сильно напоминаетъ хлоптаніе домашнихъ куръ. Призывной голосъ есть громкое «ги-ги, ги» или «ча-тибитъ» или «чатибиць», крикъ, производимый при взлетѣ, есть своеобразный свистъ, который примѣрно передается слогами «пи-чи, пи-чи». Тамъ, гдѣ горныхъ тетеревей много, можно себя вообразить, какъ говоритъ фонъ-деръ-Мюле, на обыкновенномъ птичемъ дворѣ; эти привлекательныя птицы кричатъ особенно сильно во время, предшествующее гнѣздованію.

Пища каменныхъ куропатокъ состоитъ изъ различныхъ растительныхъ веществъ и всевозможныхъ мелкихъ животныхъ. На высокихъ горахъ онѣ питаются почками рододендровъ и другихъ альпійскихъ растений, ягодами, вѣжными листьями и разными стѣянками, но вмѣстѣ съ тѣмъ ѣдятъ пауковъ, насѣкомыхъ и ихъ личинокъ; въ долинахъ онѣ посѣщаютъ поля въ то время, когда хлѣба еще низки и зелены, питаются тамъ почти исключительно верхушками молдой пшеницы и другихъ зеленѣющихъ злаковъ. Зимой онѣ довольствуются можжевельниковыми ягодами, а въ крайнемъ случаѣ и хвоею.

Тамъ, гдѣ куропатокъ много, онѣ, какъ уже сказано, поздно осенью собираются въ большія стаи, которыя, по словамъ «Горнаго жителя», въ Индіи достигаютъ до ста штукъ. Въ началѣ весны стаи эти снова разсѣиваются, и каждая пара выбираетъ себѣ мѣстожительство, гдѣ предполагаетъ устраивать гнѣздо. Здѣсь онѣ, по словамъ Гиртаннера, проводятъ ночь въ скрытомъ мѣстѣ подъ кустами родендра или подъ вѣтвями ползучихъ сосенъ, утромъ выходятъ за пищу на от-

крытыя мѣста, причемъ много бѣгаютъ взадъ и впередъ, въ полдень снова прячутся въ кусты или купаются въ песокѣ; тихо сидятъ въ дремотѣ до самаго вечера, а потомъ возвращаются на мѣста отдыха, по дорогѣ отыскивая себѣ кормъ. Самецъ оказываетъ самкѣ всякія нѣжности; когда онъ токуетъ, то опускаетъ крылья, поднимаетъ и отчасти распускаетъ хвостъ, яростно вызываетъ на бой остальныхъ самцовъ, геройски защищаетъ свой участокъ противъ всякаго непрошеннаго гостя даже и тогда, когда самка уже сидитъ на яйцахъ. «Если залечь», говоритъ Гиртаннеръ, «даже на довольно большомъ разстояніи отъ гнѣзда, гдѣ сидитъ насѣдка, и начать подражать голосу самца, то хозяинъ стремительно прибѣгаетъ, полный сильнаго волненія. Гнѣвъ такъ его ослѣпляетъ, что нерѣдко онъ мчится совсѣмъ возлѣ спрятавшагося наблюдателя, который при этомъ можетъ схватить его и словить почти руками. Только увѣрившись, что нарушитель семейнаго счастья вполне прогнанъ, самецъ гордо поворачиваетъ и возвращается во-свояси». По Линдермайеру, каменная куропатка почти навѣрное въ Греціи кладется уже въ половинѣ февраля; по наблюденіямъ Крюпера,—въ концѣ марта и рѣдко ранѣе; на Альпахъ же, по заявленіямъ швейцарскихъ натуралистовъ, не ранѣе конца мая, начала іюня и даже въ іюль. У береговъ Мургаба Вальтеръ находилъ 10 апрѣля гнѣзда уже съ полною кладкой яицъ. Гнѣздо представляетъ простое углубленіе, выкопанное подъ низкими, карликовыми елями, подъ кустами, подъ нависшими камнями и въ другихъ защищенныхъ мѣстахъ и, высланное мхомъ, верескомъ, травой и т. под. Въ горахъ гнѣздо выстилается гораздо тщательнѣе, чѣмъ въ долинахъ, и особенно въ южныхъ странахъ, гдѣ самка довольствуется просто ямкой въ песокѣ. Кладка состоитъ изъ 12—15 желтовато-бѣлыхъ яичекъ, покрытыхъ тонкими, свѣтло-бурыми штрихами и имѣющихъ около 46 мм. длины и 33 мм. ширины. Насиживаніе навѣрно длится столько же времени, сколько у сѣрой куропатки, именно 26 дней; насѣдка сидитъ очень плотно и послѣ выдуленія цыплятъ вмѣстѣ съ самцомъ ведетъ птенчиковъ на кормовыя мѣста. Окраска птенцовъ въ пуховомъ опереніи, по словамъ Штелькера, свѣтло-сѣрая; верхушка головы и полоска отъ глаза къ уху—бураго цвѣта. Верхнія части тѣла темно-бурыя съ двумя свѣтлыми полосками по сторонамъ и одной посрединѣ; плечи и пахи бурые. Первое опереніе буровато-сѣрое съ пестрыми пятнами, причемъ спина, кроющія перья крыльевъ и груди имѣютъ свѣтло-желтые кончики, наружное опахало маховыхъ перьевъ имѣетъ подобныя-же круглыя пятна, верхушка головы свѣтло-бурая. Позднѣе на спинѣ появляется больше сѣровато-бурыхъ перьевъ, а въ ноябрѣ молодые уже вполне сходны со взрослыми. «Птенцы», говоритъ Чуди, «точно такъ, какъ и взрослые, отлично умѣютъ прятаться и въ одинъ мигъ исчезаютъ, при первомъ приближеніи къ нимъ. Если спугнуть семью, то она рассыпается въ разныя стороны, почти не взлетая и лишь пугливо вскрикивая «пи-чи, пи-чи»; птицы убѣгаютъ не болѣе, какъ на 40 шаговъ, и, несмотря на близость, ихъ невозможно пойти за камнями и по кустамъ. Если же охотникъ вооружится терпѣніемъ и умѣетъ дудочкой подражать призывному голосу матки, то выводокъ немедленно опять собирается».

Въ Греціи, гдѣ каменная куропатка считается, какъ и вездѣ, хорошею дичью, охоту за ними начинаютъ уже въ іюнь, но, по словамъ Пауфса, она довольно затруднительна, такъ какъ спугнутый выводокъ рассыпается по всѣмъ направленіямъ, причемъ ни одна птица не заботится о другой, а каждая только и думаетъ о томъ, чтобы какъ можно скорѣе и лучше спрятаться. Если преслѣдуемая куропатка находитъ себѣ хорошее убѣжище, вродѣ густой изгороди, то ее очень трудно оттуда выгнать, и охотникъ почти всегда возвращается съ пустыми руками.

Все-же, гдѣ этихъ птицъ много, тамъ охота на нихъ даетъ хорошую добычу и много удовольствія. Кромѣ человѣка ее преслѣдуютъ лисицы, куницы, ласки, хищныя птицы и вороны; иногда ихъ убиваютъ и камни, скатывающіеся съ горъ, но больше всего имъ вредятъ жестокія зимы.

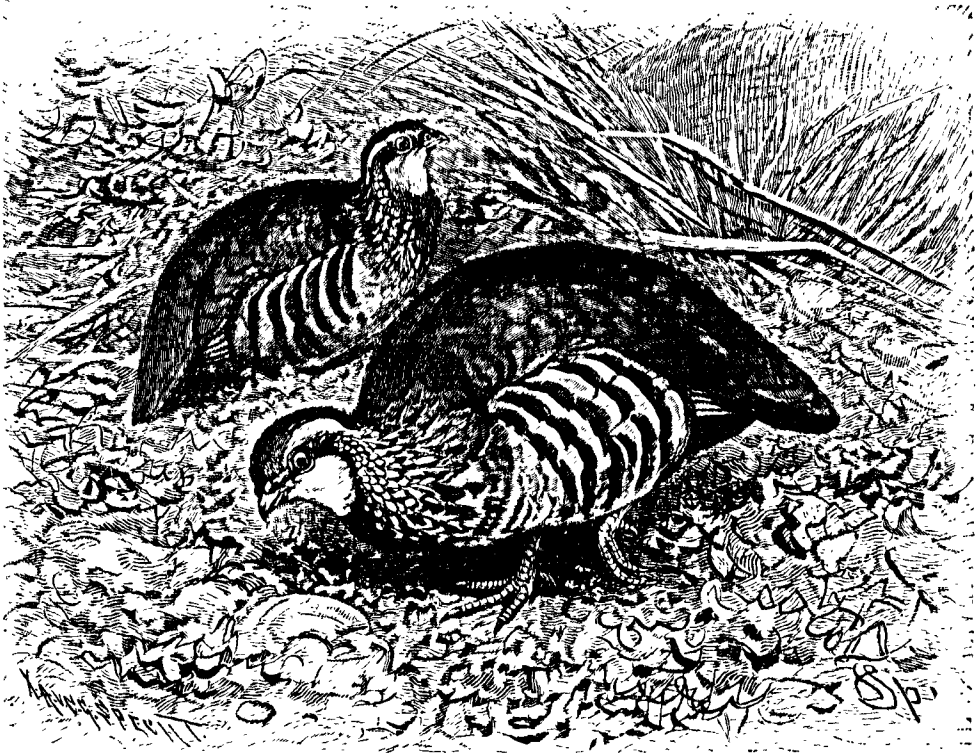
Какъ греки, такъ и швейцарцы, какъ индійцы, такъ и персы знаютъ, какъ легко приручить каменную куропатку; конечно единственно по этой причинѣ въ клѣткахъ такъ часто встрѣчаешь именно эту птицу. «Удивительно», говоритъ Шинцъ, «что такія дикія птицы такъ быстро приручаются. Часто случается, что онѣ уже черезъ нѣсколько дней берутъ кормъ изъ рукъ, иногда даютъ себя даже трогать, приче́мъ, впрочемъ, больно и отчаянно клюются, если пытаешься ихъ поймать. Привыкнувъ къ неволѣ, онѣ представляютъ веселія и прекрасныя существа, однако ихъ нельзя оставлять бѣгать на волю: онѣ при первой возможности даютъ тягу и, хотя онѣ больше не боятся человѣка, все-же по возможности избѣгаютъ его сосѣдства. Относительно прочихъ птицъ онѣ очень задорны, и съ курами, напри́мѣръ, постоянно воюютъ и дерутся». Но самцы куропатокъ дерутся не только съ куриными чужого вида, но даже и между собою и притомъ такъ отчаянно, что бои ведутся не на животъ, а на смерть. Парочка живетъ согласно, два же самца постоянно враждуютъ, и часто дѣло доходитъ до того, что одинъ заклевываетъ другого до смерти. Неуживчивость ихъ и страсть къ дракамъ была хорошо извѣстна уже древнимъ, такъ какъ каменныхъ куропатокъ держали въ неволѣ главнымъ образомъ для потѣхи зрителей, любившихъ смотрѣть, какъ онѣ между собою дерутся,—иначе говоря устраивались бои. То же самое существуетъ еще и теперь въ Индіи и въ Китаѣ, гдѣ очень многіе занимаются прирученіемъ каменныхъ куропатокъ такъ удачно, что дѣлаютъ изъ нихъ почти домашнихъ животныхъ. Онѣ бѣгаютъ на свободѣ по всему дому, дѣлаются положительно членами семейства и слѣдуютъ за хозяиномъ повсюду, и въ саду, и во дворѣ. Нѣкоторые изъ нихъ становятся такъ дерзки, что позволяютъ себѣ шалить и поддразнивать проходящихъ постороннихъ или же тѣхъ изъ домашнихъ, подначальное положеніе которыхъ онѣ, повидимому, понимаютъ. Мурхардъ увѣряетъ, что онѣ на берегахъ Фессы и Элаты видѣлъ ихъ уже совершенно домашними птицами, высиженными и выросшими въ неволѣ, гдѣ особыя пастухи, нарочно для того приставленные, гоняютъ ихъ на пастбище. Въ Греціи ихъ считаютъ существами, способными охранять отъ колдовства, и поэтому зачастую держатъ ихъ въ неволѣ. Здѣсь онѣ, впрочемъ, не пользуются свободой: ихъ запираютъ въ конусообразныя ивовыя клѣтки, которыя такъ малы, что птицы въ нихъ едва могутъ поворачиваться. Несмотря на это, даже при такой обстановкѣ онѣ выносятъ долгіе годы неволи.

* *

Въ юго-западной Европѣ каменную куропатку замѣняетъ **Красная куропатка** (*Cassia is rufa* и *rubra*, *Perdrix rubra*, *rufa* и *rufidorsalis*, *Tetrao rufus*, *Rothuhn*, *Perdrix rouge*). Эта красивая птица отъ вышеописанной отличается преимущественно преобладающимъ краснымъ цвѣтомъ оперенія верхней части тѣла и широкимъ ошейникомъ, переходящимъ на нижней части въ пятна. Этотъ красновато-сѣрый цвѣтъ верхней части тѣла ярче всего на задней части головы и на затылкѣ, гдѣ онѣ почти чисто ржаво-бурый и только на темени сѣроватый. Грудь и передняя часть живота совсѣмъ буровато-пепельно-сѣрая, задняя часть живота и кроющія перья подхвоста—ярко-желтыя; по удлинненнымъ паховымъ перьямъ на пепельно-сѣромъ фонѣ идутъ бѣловато-ржавыя и каштаново-бурыя поперечныя полосы, между которыми проходятъ, рѣзко ихъ выдѣляя, штрихи густого чернаго цвѣта. Бѣлая

полоса, начинаясь со лба, спускается и образуетъ ясно обозначенныя полосы надъ бровями, на горлѣ отчетливо вырисовывается почти чисто бѣлое пятно, окруженное упомянутымъ ошейникомъ, внутренней край котораго сильно его отграничиваетъ. Глаза свѣтло-каріе, ободокъ вокругъ глаза красенъ какъ киноварь, клювъ кроваво-красный, а ноги карминно-красныя. Самка отличается отъ самца только нѣсколько меньшимъ ростомъ и отсутствіемъ шпорцевиднаго нароста на ногахъ. Длина тѣла 38 см., размахъ крыльевъ 52, длина крыла 16 и хвоста 11 см.

Только по новѣйшимъ изслѣдованіямъ удалось съ большей или меньшей достовѣрностью опредѣлить родину красной куропатки; прежде ее часто смѣшивали съ ея родичами. Она живетъ только въ юго-западной части Европы, въ странахъ и

Красная куропатка. *Caccabis rufa*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

на островахъ, лежащихъ на югъ отъ южной Франціи, а именно въ Испаніи, Португаліи, на Мадейрѣ и Азорскихъ островахъ. На Мальтѣ она составляетъ рѣдкость; дажѣ же на востокѣ, вѣроятно, не встрѣчается. Около 100 лѣтъ тому назадъ ее водворили въ Великобританіи, гдѣ она живетъ и по сію пору, встрѣчаясь въ нѣкоторыхъ графствахъ на востокѣ почти въ большемъ количествѣ, чѣмъ сѣрая куропатка.

«Красная куропатка», пишетъ мнѣ братъ мой Рейнгольдъ, «любитъ жить тамъ, гдѣ гористыя мѣстности чередуются съ полями. Въ Испаніи ее можно найти на всѣхъ горахъ, за исключеніемъ, можетъ быть, только хребтовъ вдоль сѣвернаго берега на высотѣ до 2000 метровъ надъ уровнемъ моря. Густыхъ лѣсовъ она избѣгаетъ и, напротивъ, съ удовольствіемъ селится въ паркахъ или на мало лѣсистыхъ пространствахъ, поросшихъ или высокимъ верескомъ, или мелкимъ, вѣчно

зеленым дубомъ, кустами розмарина и тиміана». На Балеарскихъ островахъ Гомейеръ находилъ ихъ чаще всего въ овсяныхъ поляхъ, на склонахъ горъ, на каменистыхъ откосахъ, поросшихъ кустарникомъ, наконецъ и на самыхъ скалахъ и также часто внутри острововъ, какъ и у береговъ. Эта птица—осѣдлая, населяющая довольно ограниченное пространство и уживающаяся въ непосредственной близости съ другими птицами своего вида. Шинцъ утверждаетъ, что красная куропатка по нравамъ своимъ во многомъ непохожа на каменную. По его словамъ, онѣ менѣе общительны, не образуютъ стай, птицы одной парочки не такъ вѣрны другъ другу и съ трудомъ дѣлаются ручными. Я не знаю, изъ какихъ источниковъ черпалъ свои свѣдѣнія вышепомянутый наблюдатель, имѣю однако основаніе думать, что сообщенія эти не вполне вѣрны. «Въ движеніяхъ красной куропатки», продолжаетъ мой братъ, «есть много общаго съ движеніями нашей сѣрой куропатки; хотя не будетъ преувеличеннымъ сказать, что и въ этомъ отношеніи первая красивѣе и граціознѣе. Бѣгаетъ она необыкновенно скоро и въ высшей степени ловко; она иногда мчится какъ стрѣла, бѣгаетъ съ одинаковой скоростью даже между камнями и обломками скалъ, очень искусно лазаетъ по горамъ, рѣдко прибѣгая къ помощи крыльевъ. Полетъ ея гораздо быстрѣе полета сѣрой куропатки и производитъ гораздо меньше шуму. Красная куропатка взлетаетъ легко, быстро поднимается на извѣстную высоту и тамъ несется, трепеща крыльями, причѣмъ взмахи ихъ едва слышны, и часто пролетаетъ большія пространства какъ бы паря. Съ отвѣсныхъ скалъ она бросается внизъ совершенно на подобіе хищныхъ птицъ. Несмотря на все это, она однако неохотно летаетъ далеко и избѣгаетъ подниматься часто разъ за разомъ, а старается, гдѣ только возможно, справиться при помощи ногъ». Также и Гомейеръ говоритъ, что она во всѣхъ своихъ жизненныхъ отправленіяхъ имѣетъ много общаго съ сѣрой куропаткой. «Она, бродя, ищетъ себѣ пищу, бѣгаетъ, прижимается къ землѣ при видѣ собаки или человѣка, иногда же и по собственному желанію днемъ, чтобы отдохнуть или спрятаться; дѣятельна она преимущественно вечеромъ. Впрочемъ она сидитъ не постоянно, а любитъ перемѣщаться. Если она убѣгаетъ, то ее можно долго гнать, прежде чѣмъ заставить летѣть; когда же ей надоѣтъ преслѣдованіе, то она поднимается, но не летитъ далеко, вѣвъ выстрѣла, какъ это часто дѣлаетъ сѣрая куропатка, но скоро опять опускается и подпускаетъ охотника близко къ себѣ». Замѣчательно, что она охотно садится на деревья и дѣлаетъ это не только въ случаѣ нужды, но почти постоянно, гдѣ только есть деревья, несомнѣнно для того, чтобы осмотрѣть все кругомъ. Призывной голосъ самца Гомейеръ выражаетъ слогами «шик-шерна», но я думаю, что онъ лучше передается храпящимъ «так-такерак» или «кере-ке-кек». Я однако же долженъ согласиться съ вышеозначеннымъ натуралистомъ въ томъ, что этотъ зовъ издается такимъ-же образомъ, какъ у сѣрой куропатки, но не такъ рѣзко и пронзительно, а съ шипѣніемъ, шепотомъ и болѣе мягко. Для предостереженія какъ самецъ, такъ и самка тихо кричатъ «реб-реб»; когда-же, посидѣвъ, встаютъ, то издаютъ громкое «шерб».

«Большую часть года», пишетъ дальше мой братъ Рейнгольдъ, «красная куропатка живетъ стайками отъ 10—30 штукъ, такъ какъ нѣсколько выводковъ нерѣдко соединяются въ одно общество. Тутъ всѣ онѣ живутъ въ одной мѣстности, никуда особенно не удаляются и такъ какъ красная куропатка въ водѣ не нуждается, то въ извѣстные часы на водопой не ходитъ. Дѣятельность ея начинается съ самаго ранняго утра и кончается лишь послѣ заката солнца, по крайней мѣрѣ позже очень рѣдко слышенъ зовъ самца. Въ полдень онѣ сидятъ смиренно, вѣроятно дремлютъ, спрятавшись между камнями и въ низкихъ кустахъ. Целозадолго до захода солнца онѣ снова пробуждаются и шныряютъ до самой ночи

больше играл, чѣмъ отыскивая себѣ пищу. Время размноженія, конечно, измѣняется и образъ жизни куропатки: стаи разбиваются на пары уже въ февралѣ

Al dia de San Anton

Cada perdiz con su perdicon *)

говорять испанцы. Впрочемъ въ различныхъ провинціяхъ Испаніи спариваніе происходитъ въ различное время, въ южной Испаніи—въ началѣ марта, въ средней же Испаніи и на горахъ—въ концѣ этого мѣсяца и даже въ началѣ апрѣля. Самцы тогда сильно дерутся изъ-за самокъ и даютъ поводъ къ очень интересной охотѣ, которая будетъ описана ниже. Когда самки уже насиживаютъ, то самцы покидаютъ ихъ на собственный произволъ, сами-же рыщутъ кругомъ, ища любовныхъ приключеній, что, впрочемъ, почти всегда служитъ къ ихъ гибели. Гнѣздо, которое можно найти на засѣянныхъ хлѣбами поляхъ, въ виноградникахъ, подъ кустами розмарина и тиміана и т. п., состоитъ изъ небольшого углубленія, вырытаго самкою. Въ немъ лежатъ 12—16 яицъ, имѣющихъ около 40 мм. длины и 31 мм. ширины и отличающихся отъ яицъ сѣрой куропатки величиною и окраской. Они тупѣе и круглѣе, твердая скорлупа глаже, хотя въ ней очень замѣтны многочисленные поры; основной цвѣтъ ихъ свѣтло-ржаво-желтый, который покрытъ безчисленными бурными пятнами и точками. Тотчасъ по вылупленіи цыплята начинаютъ быстро бѣгать, тщательно оберегаемые матерью, которая въ это время удваиваетъ свою бдительность. Въ виду опасности она себя держитъ точно такъ же, какъ и наша сѣрая куропатка при подобныхъ обстоятельствахъ. Птенцы также вскорѣ по появленіи своемъ на свѣтъ научаются порхать, безпрестанно машутъ крылышками, для которыхъ тѣло дѣлается очень скоро слишкомъ тяжелымъ, но уже въ концѣ третьей недѣли они становятся существами въ высшей степени подвижными и ловкими. Для полного ихъ развитія требуется не менѣе 4 или 5 недѣль. Вначалѣ они питаются насѣкомыми, гусеницами, червями и мелкими сѣменами, которыя впоследствии составляютъ почти исключительно ихъ пищу, также, какъ и взрослыхъ; кромѣ того они ѣдятъ и разную зелень, влага которой, повидимому, служитъ имъ одновременно питьемъ».

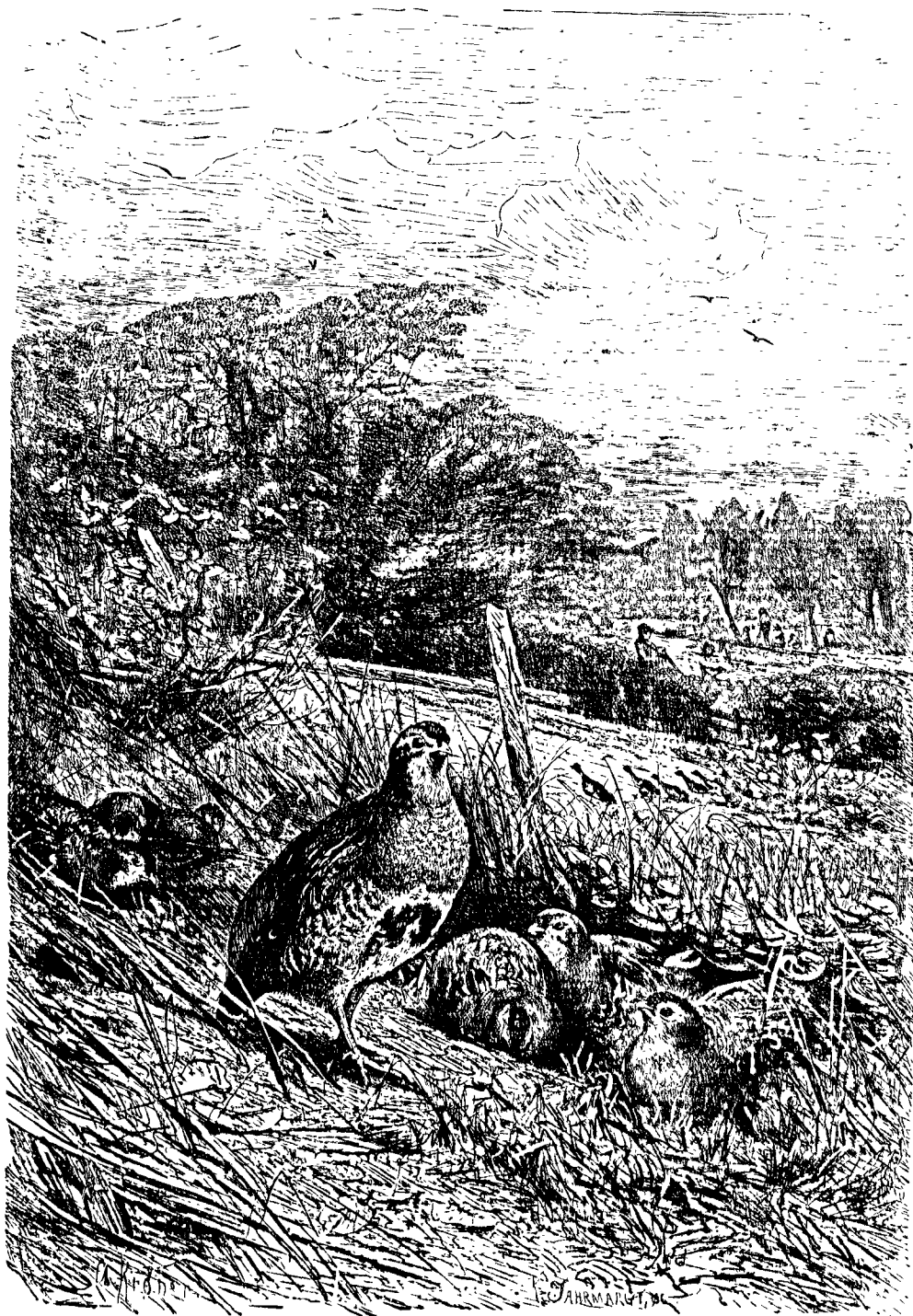
«Въ Испаніи очень много охотятся за красными куропатками; охота эта начинается какъ только цыплята достигнутъ величины перепелки. Птиць разыскиваютъ или съ собакой, или на удачу обшариваютъ весь обитаемый ими участокъ. Осенью успѣшно охотятся на приманную птицу. Удачнѣе всего охота бываетъ во время спариванія; она безспорно самая заманчивая и притомъ совершенно своеобразная. Захвативъ съ собою приманную птицу въ клѣткѣ, имѣющей видъ колокола, охотникъ отправляется въ такое мѣсто, гдѣ рассчитываетъ встрѣтить куропатокъ, и изъ близъ лежащихъ камней устраиваетъ стѣнку, вышиною около 1 м., которая должна служить ему засадою; шагахъ въ 10 или 15 онъ ставитъ на возвышеніи клѣтку, прикрываетъ ее слегка мусоромъ, снявъ предварительно ту покрывку, которою клѣтка до сихъ поръ была закрыта. Если приманная птица хороша, то она тотчасъ же начинаетъ призывать, сопровождая каждый призывъ возгласомъ «тактак», на который слѣдуетъ отвѣтное «тактерак». Обыкновенно не пройдетъ и нѣсколькихъ минутъ, какъ около клѣтки уже появляется куропатка. Такъ какъ въ началѣ времени спариванія приманной птицей берутъ самцовъ, то случается, что къ охотнику явлются какъ самцы, такъ и самки, иногда даже парочка попадаетъ вмѣстѣ. Они оглядываются, ища товарища, отвѣчаютъ на его зовъ, и такъ какъ относятся къ охотнику доврливо, то и попадаютъ неминуемо подъ

*) Въ день Св. Антона куропатка ходитъ уже со своимъ самцомъ.

выстрѣлъ. Такая охота продолжается около двухъ недѣль. Если-же насѣдки уже снесли яйца и высидѣли дѣтенышей, то приманной птицей берется самка, и охота ведется совершенно такимъ же образомъ, какъ выше описано. Въ этотъ разъ жертвою дѣлаются невѣрные своимъ парочкамъ или неспарившіеся самцы; они приближаются къ засадѣ охотника съ опущенными крыльями и съ взъерошенными перьями на головѣ и затылкѣ, словомъ, какъ всѣ токующія птицы; затѣмъ начинаютъ выплывать передъ самкой, которую только могутъ слышать, а не видѣть, и въ такой моментъ полного наслажденія жизнью падаютъ жертвою предательскаго выстрѣла. Застрѣливъ одного, охотникъ ждетъ, не появится ли еще другой самецъ, и можетъ быть вполне увѣренъ, что если есть на разстояніи километра отъ приманки еще хоть одинъ, то и онъ не замедлитъ подойти; иногда случается, что два и даже три самца, сойдясь одновременно, тутъ же поднимаютъ сильную драку и, конечно, бывають убиты. Въ случаѣ если никто больше не отвѣчаетъ на продолжающіеся призывные крики приманной птицы, тогда охотникъ безшумно покидаетъ свой постъ, приближается потихоньку къ клѣткѣ и набрасываетъ на нее покрывало, собираетъ убитыхъ птицъ и отправляется дальше выбрать новое подходящее мѣсто. Не слѣдуетъ высказывать изъ засады тотчасъ послѣ выстрѣла, чтобы поднять убитую куропатку, такъ какъ приманная птица, испуганная, перестаетъ призывать и дѣлается иногда непригодной для дальнѣйшей охоты. Въ Испаніи красную куропатку повсемѣстно приручаютъ специально для этой охоты. Есть мѣстности, въ которыхъ нѣтъ дома, гдѣ бы не было «perdiz» и клѣтки. За хорошую приманную птицу платятъ большіи деньги, даже отъ 400—500 марокъ; иногда она составляетъ все богатство опытнаго охотника, такъ какъ совсѣмъ нерѣдко случается, что охотникъ одинъ одишеченекъ приманкой убиваетъ 60—80 паръ куропатокъ. Хотя эта охота и запрещена, но испанцы, уважая прочіе законы, и знать не хотятъ этого закона, который былъ изданъ съ цѣлью оградить птицъ отъ истребленія.

«Куропатокъ, предназначенныхъ для охоты, изъ году въ годъ содержать въ однѣхъ и тѣхъ-же маленькихъ клѣткахъ, въ которыхъ ихъ впоследствии берутъ на охоту, и только истые охотники содержатъ ихъ какъ слѣдуетъ. По нашему мнѣнію, въ большинствѣ случаевъ уходъ за ними самый жалкій. Несмотря на это, однако, птицы выживаютъ очень долго при такомъ жалкомъ существованіи. Поразительно, что такихъ ловкихъ и проворныхъ птицъ, какъ красныя куропатки, среди лѣта можно ловить руками. Одинъ мой знакомый охотникъ отлично умѣлъ забирать ихъ такимъ способомъ. Онъ въ полдень приближался къ выслѣженному выводку, вслугивалъ его, наблюдалъ за направленіемъ ихъ полета и бѣжалъ на то мѣсто, куда онъ опустились; здѣсь онъ опять начиналъ свои преслѣдованія, опять поднималъ ихъ, вторично разыскивалъ ихъ и продолжалъ такъ до тѣхъ поръ, пока онъ переставали взлетать, а пробовали спастись бѣгствомъ или прижимались къ землѣ, гдѣ онъ ихъ и хваталъ. Обыкновенно уже послѣ четырехкратнаго спугиванія ихъ, птицы сдавались».

Къ сожалѣнію, въ Германіи красную куропатку еще не научились цѣнить по достоинству. Опытъ, произведенный въ Великобританіи, достаточно доказалъ, что она доставляетъ прекрасную и полезную дичь, и что ее можно акклиматизировать даже въ мѣстахъ, первоначально ей вовсе чуждыхъ; опытъ показалъ также, что яйца ихъ, хорошо упакованныя, можно пересылать изъ южной Франціи въ Германію, причѣмъ они не портятся, и достигли, что пара куропатокъ, привезенная съ юга Европы, размножалась въ неволѣ. Въ Германію нѣсколько разъ ввозили молодыхъ и старыхъ куропатокъ, но, испуганные первыми неудачами, дальнѣйшихъ опытовъ не производили.

СЪРАЯ КУРОПАТКА.

14

Изъ немногихъ птицъ, пущенныхъ на волю, всѣ уже черезъ нѣсколько дней исчезали; или онѣ не сумѣли примѣниться къ чужому мѣсту, или были уничтожены какими-либо хищниками. На мой взглядъ, опыты возможности переселенія ея ни въ какомъ случаѣ не убѣдительны, поэтому очень желательно чтобы они были возобновлены и притомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Дѣло это заслуживаетъ того, чтобы за него взятыя съ усердіемъ, тѣмъ болѣе, что красная куропатка любитъ именно тѣ мѣста, которыя сѣрая избѣгаетъ, предпочитаетъ слѣдовательно такіе участки, которые до сихъ поръ не доставляли дохода, а между тѣмъ могли бы приносить пользу. При нынѣшнемъ совершенствѣ способовъ передвиженія, переселеніе этихъ птицъ не представитъ въ данное время сколько-нибудь значительныхъ затрудненій; но за это дѣло должны взятыя свѣдущіе люди, вести его надлежитъ съ большею энергіею, чѣмъ оно велось до сихъ поръ.

* * *

Третій видъ этого семейства, на который стѣдуетъ обратить вниманіе и описать, **Западная куропатка** (*Caccabis petrosa*, *Tetrao petrosus*, *Perdix* и *Alectornis petrosa*. *Klippenhuhn*. *Perdix sarde*), живетъ въ Сардиніи, кое-гдѣ въ Греціи, но чаще въ сѣверо-западной Африкѣ, включая сюда и Канарскіе острова. Она главнымъ образомъ отличается каштаново-бурымъ ошейникомъ съ бѣлыми пятнами. Лобъ и голова свѣтло-пепельно-сѣрые, верхушка темени, затылокъ и задняя часть шеи каштаново-бурые, остальныя перья верхней части тѣла красновато-сѣраго цвѣта, переходящаго на крыльяхъ въ синеватый; горло и полосы надъ глазами свѣтло-сѣраго, нижнія части тѣла голубовато-сѣраго, грудь и паховая область тѣмъ-же, какъ у каменной куропатки. Нѣкоторыя единичныя перья верхней части тѣла окаймлены ржаво-сѣрыми полосками. Цвѣтъ глазъ, клюва и ногъ соответствуетъ окраскѣ этихъ частей у остальныхъ куропатокъ. Ростомъ западная куропатка нѣсколько меньше каменной и красной.

«Въ Сардиніи», говоритъ графъ Сальвадори, «западная куропатка — птица очень обыкновенная; въ Греціи, по единогласнымъ указаніямъ фонъ-деръ-Мюле и Линдермайера, она встрѣчается только въ южныхъ горахъ и здѣсь лишь на высочайшихъ верхушкахъ; на Мальту, по словамъ Шперлинга, ее ежегодно привозятъ въ большомъ количествѣ изъ Африки; въ Испаніи предполагаютъ, что она живетъ на скалахъ у Гибралтара; въ Тунисѣ, Алжирѣ, Марокко и на Канарскихъ островахъ водится исключительно только этотъ видъ. Мнѣніе Сальвадори противорѣчитъ свѣдѣніямъ графа фонъ деръ-Мюле и Линдермайера, которые оба утверждаютъ, что западная куропатка живетъ въ горахъ и на самыхъ верхушкахъ. Сальвадори, напротивъ, говоритъ, что ее напрасно считают горной птицей, такъ какъ она гораздо больше любитъ низкіе холмы и равнины, а въ горныхъ хребтахъ, пересѣченныхъ ущельями, даже вовсе не водится; «напротивъ, можно быть увѣреннымъ, что ее встрѣтишь на холмахъ, окруженныхъ хлѣбными полями, особенно если тамъ еще сохранились мѣста, поросшія цистами, разнымъ терномъ и другимъ мелкимъ кустарникомъ».

Тристрамъ также замѣчаетъ, что въ сѣверо-западной Африкѣ западная куропатка также предпочитаетъ селиться на равнинахъ и между прочимъ на такихъ, въ которыхъ воду можно пайти только въ теченіи трехъ мѣсяцевъ. Показанія-же Боде опять противорѣчатъ всему сказанному; онъ говоритъ, что на Канарскихъ островахъ эта куропатка живетъ на безлюдныхъ возвышенныхъ пространствахъ, а также и внутри острова, и что она у подошвы горы Тайгетъ даже гнѣздуется. Вышеназванный добросовѣстный и внимательный наблюдатель говоритъ слѣдую-

шее. «На четырехъ изъ Канарскихъ острововъ эта вкусная дичь въ изобиліи водится вездѣ, отъ морского побережья и жаркихъ долинъ до высокихъ горъ внутри острова; но нигдѣ онѣ не живутъ въ такомъ множествѣ, какъ на Гомерѣ, гдѣ, по словамъ поселянъ, птицы эти сдѣлались карой Божіей, хотя кару эту, конечно, нетрудно нести, такъ какъ за каждую птицу платятъ по 18 испанскихъ сантимовъ. На Канаріи ихъ водится также достаточно; между прочимъ онѣ не рѣдки и на маленькомъ островѣ Излета; впрочемъ, больше всего ихъ все же привозятъ изъ внутренности острова, гдѣ въ широкой котловинѣ Тирахана этихъ куропатокъ такъ много, что, спрятавшись за каменной стѣной, можно настрѣлять сколько угодно этой лакомой дичи. Это—очень красивыя созданія, настоящія обитательницы скалъ, которыя тѣмъ обильнѣе, чѣмъ гористѣе и пустыннѣе мѣстность». Болле далѣе замѣчаетъ, что, по всей вѣроятности, на Канарскіе острова западная куропатка перевезена. «Причиной этому послужила страсть къ охотѣ прежнихъ графовъ Гомерскихъ; по словамъ патера Галиндо, Санхо-де-Херера перевезъ ихъ изъ Варварійскихъ владѣній на Гомеру во второй половинѣ XV столѣтія. Немного спустя птицы эти тамъ такъ размножились, что даже сильно вредили странѣ и духовенство неоднократно прибѣгало къ нынѣ малоупотребительному средству, то есть къ заклинаніямъ, чтобы прогнать ихъ изъ населенныхъ мѣстъ въ пустынные скалистыя мѣста».

«По образу жизни и по движеніямъ западная куропатка очень похожа на своихъ родичей. Она точно такъ-же проворна, какъ и наши куропатки, летаетъ неохотно и недалеко и почти всегда горизонтально, причемъ сильно шумитъ крыльями; она вовсе не пуглива и издаетъ своеобразный призывной крикъ, который, хотя не вполне точно, но можно передать нѣсколько разъ повтореннымъ протяжнымъ слогомъ «каи», причемъ особенно вытянуто «и». Сальвадори видѣлъ спарившихся птицъ уже въ первой половинѣ февраля; Болле говоритъ, что куропатки эти кладутъ отъ 15—20 яицъ, которыя насиживаются въ продолженіи 22 дней. По окончаніи времени гнѣздованія онѣ собираются въ стаи, но если ихъ преслѣдуютъ, то каждая спасается, куда знаетъ, и, разставшись, уже больше не собираются вмѣстѣ.

* * *

Сѣрая куропатка (*Perdix cinerea, damascena, montana, vulgaris, cineracea, sylvestris* и *minor, Tetrao perdix, damascenus* и *montanus, Starna perdix* и *cinerea. Rebhuhn. Perdrix grise*) считается представительницей особаго рода (*Perdix*) и отличается отъ красныхъ куропадокъ не только цвѣтомъ, но также и щитками на плюснахъ, которыхъ бываетъ по два ряда спереди и сзади. У нея нѣтъ шпорцевой бородавки и крылья устроены иначе; именно третье, четвертое и пятое маховыя перья у нихъ самыя длинныя; хвостъ состоитъ изъ 16—18 перьевъ. Опереніе бываетъ довольно различное, смотря по странѣ и мѣстожительству; оно не такъ красиво, какъ у красной куропатки, но все-же очень пріятное по виду. Лобъ, широкая полоса надъ и за глазами, стороны головы и горло ржаво-красныя; на бурой головкѣ замѣтны желтоватыя продольныя штрихи, а на сѣрой спинѣ ржаво-красныя поперечныя полосы, свѣтлыя стержневые пятна и черныя линіи, образующія зигзаги; широкая пепельно-сѣрая полоса съ черными волнистыми полосками проходитъ по груди и распространяется по обѣимъ сторонамъ брюшка, но здѣсь прерывается ржаво-красными поперечными полосами, окаймленными съ обѣихъ сторонъ бѣлыми кантами; на бѣломъ брюшкѣ находится большое каштаново-бурое пятно, имѣющее форму подковы. Рулевые перья, какъ у другихъ куропадокъ, ржаво-красныя, но среднія изъ нихъ, точно такъ-же, какъ и перья над-

хвостъ, имѣютъ ржаво-бурыя и красновато-бурыя поперечныя полоски. Большія маховыя перья матоваго черно-бурого цвѣта съ ржаво-желтыми поперечными полосками и пятнами. Глаза орѣхово-каріе; вокругъ нихъ находится красный голый ободокъ, а отъ глаза назадъ идетъ такая-же полоска. Клювъ синевато-сѣрый, ноги красновато-свѣтло-сѣрыя или буроватыя. Самка ростомъ меньше самца, на него похожа, но не такъ красива; бурое пятно на брюшкѣ у нея не такое большое и не столь чистаго цвѣта, спина темнѣе. Длина птицы 26, размахъ крыльевъ—52, длина крыла—16, хвоста 8 см.

Сѣрая куропатка живетъ въ Германіи, Даніи, Швеціи и Норвегіи, Великобританіи, Голландіи, Бельгіи и сѣверной Франціи, во всей Венгріи и Турціи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Греціи и сѣверной Италіи, а также въ Астуріи, Леонѣ и горной Каталоніи. Она кромѣ того обыкновенна въ средней и южной Россіи, въ Крыму, Малой Азійи, а въ прочихъ частяхъ Азійи замѣняется очень сходнымъ видомъ. Ее развели и въ Новой Зеландіи. Она рѣшительно предпочитаетъ равнины горамъ; въ низкихъ мѣстностяхъ Швейцаріи ее находятъ, напримѣръ, лишь до 1000 м. надъ поверхностью моря. Для ея благосостоянія нужны обработанныя и разнообразныя мѣстности; она поселяется на поляхъ, но для защиты нуждается въ кустахъ и потому любитъ мѣста, въ которыхъ кое-гдѣ встрѣчаются рощи, лѣсистыя холмы или по крайней мѣрѣ живыя изгороди. Она избѣгаетъ густого лѣса, но селится на опушкѣ его и въ рощахъ, расположенныхъ около; не боится она и сырыхъ мѣстъ, если только они поросли деревьями и на нихъ находятся островки, возвышающіеся надъ водою. Во Франціи замѣтили, что сѣрыя куропатки любятъ жить въ болотистыхъ мѣстностяхъ, а такъ какъ эти птицы ростомъ меньше обыкновенныхъ куропатокъ и имѣютъ постоянно лишь по 16 рулевыхъ перьевъ, то предположили, что онѣ могутъ быть выдѣлены въ особый видъ, т. е. пришли къ выводу, уже давно высказанному моимъ отцемъ и нѣкоторыми охотниками.

Мало птицъ, которыя бы такъ строго держались въ предѣлахъ однажды избранной области, какъ сѣрая куропатка. По опыту извѣстно, что молодыя куропатки остаются жить на той полянѣ, гдѣ родились и, если въ какомъ-либо мѣстѣ выведутся эти птицы, то оно долго пустоуетъ и населяется куропатками изъ соседнихъ участковъ только мало-по-малу. Несмотря на это, въ сѣверной Германіи почти каждую осень можно видѣть странствующихъ сѣрыхъ куропатокъ. Братъ Наумана, напримѣръ, видѣлъ однажды стаю въ 500 штукъ, которая чрезвычайно послѣшно, отчасти бѣгомъ, отчасти летая, тянулась къ западу, причемъ птицы занимали пространство около 300 шаговъ въ длину. Заднія птицы перелетали черезъ переднихъ и всѣ онѣ слѣшили по одному направленію, такъ что стая скоро исчезла изъ глазъ наблюдателя. Другое лице мнѣ писало, что видѣло въ Познани странствующую стаю куропатокъ, состоящую по крайней мѣрѣ изъ 1000 птицъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что эти, такъ называемыя охотниками странствующія куропатки, меньше ростомъ, чѣмъ живущія постоянно на одномъ мѣстѣ. Можетъ быть странствуютъ только вышеназванныя болотныя куропатки; если это вѣрно, то хвостъ, состоящій изъ 16 перьевъ, нужно разсматривать не какъ случайный, а постоянный признакъ. Сѣрыя куропатки, живущія въ сѣверной Россіи и Восточной Сибири, каждую зиму покидаютъ холодныя страны и ищутъ себѣ пріюта на песчаныхъ холмахъ и въ болотахъ Средней Азійи. Въ Швеціи сѣрую куропатку развели искусственно и это случилось, говорятъ, болѣе, чѣмъ за 350 лѣтъ тому назадъ. По сообщеніямъ Пильсона, онѣ распространились по мѣрѣ того, какъ развивалось земледѣліе въ ненаселенныхъ мѣстностяхъ и теперь проникли въ тѣ мѣста, гдѣ за нѣсколько десятковъ лѣтъ ихъ совсѣмъ не было. Изъ обшир-

ныхъ и хорошо воздѣланныхъ равнинъ южной Швеціи, гдѣ прежде онѣ были наиболѣе многочисленны, онѣ распространились на сѣверъ и нынѣ живутъ не только на вспаханныхъ поляхъ и равнинахъ, но и въ болѣе пустынныхъ мѣстностяхъ сѣверныхъ провинцій Швеціи. Въ южную Норвегію онѣ переселились, вѣроятно, изъ Швеціи и тамъ завоевали себѣ мѣстожителства даже на горахъ до 1000 м. высоты; онѣ даже перешли за Доврефьельдъ и достигли 64° сѣв. шир., но тамъ суровыя зимы ихъ совсѣмъ истребили.

Сѣрая куропатка ходитъ обыкновенно тихо съ втянутой шеей и сгорбленной спиной, но, когда она торопится, то вытягиваетъ шею и держится гораздо прямѣе. Она точно такъ-же ловко умѣетъ прятаться, какъ и ея родичи, пользуется для этого всякимъ углубленіемъ почвы и прижимается даже къ землѣ въ ровныхъ мѣстахъ, надѣясь на то, что ее не замѣтятъ, благодаря сходству окраски ея оперенія съ цвѣтомъ почвы. Полетъ ея нельзя назвать тяжелымъ, но онъ требуетъ отъ птицы значительныхъ усилій и потому скоро утомляетъ ее. При взлетѣ она очень сильно работаетъ крыльями, но разъ она поднялась на извѣстную высоту, то часто летитъ съ распростертыми и неподвижными крыльями, отъ времени до времени давая себѣ толчокъ нѣсколькими частыми взмахами. Она неохотно поднимается высоко на воздухъ и рѣдко летитъ заразы далеко, особенно при сильномъ вѣтрѣ, который буквально несетъ ее, какъ перышко. На деревья она, какъ и другія куропатки, не садится, по крайней мѣрѣ, пока здорова, хотя бываютъ и исключенія; большая рѣдкость, если увидишь сѣрую куропатку, сидящую на крышѣ какого-либо строенія. Зато она владѣетъ искусствомъ, которое трудно бы было у нея предполагать: она умѣетъ плавать. Графъ Водзидкій наблюдалъ два выводка, которые при опасности летѣли къ рѣкѣ или пруду и старались спастись вплавь. «Когда мы замѣтили это», рассказываетъ онъ, «то прилегли на противоположномъ берегу и велѣли гнать куропатокъ къ рѣкѣ. Скоро мы увидали, какъ птицы безъ колебанія вошли въ воду, слѣдуя за старымъ самцомъ, а затѣмъ онѣ поплыли рядышкомъ безъ замѣтныхъ усилій, причемъ хвосты у нихъ были приподняты, а крылья нѣсколько оттопырены. Когда онѣ вышли изъ воды, то встряхнули съ себя воду, какъ курицы встряхиваются послѣ купанія въ песокъ и, по видимому, вовсе не были уставши». Крикъ, который чаще всего отъ нихъ слышишь, звучитъ какъ громкое «гирр хик», и издается, какъ на лету, такъ и сидя. Взрослый самецъ измѣняетъ этотъ зовъ въ «гирр хэк» и пользуется имъ, какъ для того, чтобы подзвать къ себѣ самку или птенцовъ, такъ и для того, чтобы вызвать соперника на бой. Испуганныя куропатки выпускаютъ звонкое «риприприпри» и хрипкое «тэрт»; птенцы сначала пищатъ, какъ цыплята, а потомъ издаютъ отличный отъ взрослыхъ звукъ «тюнегир тюп». Благодушное настроеніе выражается глухимъ «куррукъ», а для предостереженія онѣ кричатъ тихо «курр».

Куропатка очень умная и понятливая птица; она осторожна и пуглива, хорошо отличаетъ друзей отъ враговъ, опытъ научаетъ ее многому, и она отлично умѣетъ приравливаться къ различнымъ условіямъ своей жизни. Она миролюбива, любитъ общество, въ случаѣ нужды выказываетъ самоотверженіе, очень нѣжна къ подругѣ жизни, къ птенцамъ, но выказываетъ всѣ эти хорошія качества лишь въ кругу своей семьи, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, не примѣняя ихъ даже къ другимъ птицамъ того-же вида. Когда приходится защищать свой участокъ или самку, то самецъ храбро бьется съ противникомъ и, если встрѣтятся два выводка, то безъ дракъ не обходится; зато семья часто принимаетъ на воспитаніе осиротѣлыхъ птенцовъ и взрослые птицы обходятся съ приемными дѣтенышами такъ-же нѣжно, какъ со своими собственными.

Съ таяніемъ снѣга наступаетъ время спариванія. Стаи, жившія дружно вмѣстѣ въ теченіи зимы, въ февралѣ раздѣляются попарно, и каждый самецъ избираетъ подходящее мѣсто жительства. Если же снова наступаютъ холода, то они опять сбиваются въ стаи, которыя, однако, съ наступленіемъ весны уже всегда разрознены. Въ это время, конечно, и рано утромъ, и поздно вечеромъ повсюду раздаются вызывающіе крики самцовъ, причемъ, нерѣдко, дѣлаешься случайнымъ зрителемъ ихъ жаркаго междоусобнаго боя за право обладанія пернатой подругой. Дерущіеся при этомъ набѣгаютъ другъ на друга и обоюдно стараются когтями и клювомъ нанести увѣчы. Конечно слабѣйшій принужденъ уступить, а ликующій побѣдитель направляется къ своей избранницѣ. Нѣкоторые утверждаютъ, что разъ парочка сошлась, то уже живетъ постоянно вмѣстѣ, не нарушая вѣрности; врядъ-ли, впрочемъ, съ точностью можно опредѣлить, что всякій разъ, какъ полагаютъ, побѣдителемъ подобнаго боя бываетъ именно тотъ же самый самецъ, который уже прежде жилъ съ этой самкой. Одно, повидимому, вѣрно, что разъ куропатки спарились, то онѣ уединяются, избѣгая шумнаго общества, что главнымъ образомъ относится къ самцамъ, которые съ этихъ поръ уже почти не вступаютъ въ драки и ссоры съ остальными. Не эти послѣдніе производятъ теперь шумъ и беспорядки, а свободные гуляки, которые мало обращаютъ вниманіе на права собственности.

Кладка начинается въ концѣ апрѣля, чаще же въ началѣ мая. Гнѣздо состоитъ изъ простаго углубленія на ровномъ мѣстѣ, выстилается нѣсколькими прутиками и часто устраивается на очень неподходящихъ мѣстахъ: иногда подъ прикрытіемъ куста, въ большинствѣ же случаевъ оно находится въ раннихъ всходахъ хлѣбныхъ растений, именно: въ пшеницѣ, въ гороховыхъ поляхъ, между кормовой рѣпой, въ клеверѣ, или просто въ высокой луговой травѣ, въ молодыхъ заросляхъ на опушкахъ лѣсныхъ полянъ. Принято считать, что онѣ кладутъ отъ 9—17 яицъ, и думаютъ, что въ тѣхъ гнѣздахъ, гдѣ яицъ было больше, неслась навѣрно не одна самка, а сообща съ другой. Если же въ гнѣздѣ ихъ насчитывается менѣе 9 штукъ, то смѣло можно считать, что съ первою кладкою приключилось какое-либо несчастье. Яйца въ длину имѣютъ 33 мм., а въ ширину 26 мм., грушевидной формы, съ гладкой, но мало блестящей скорлупой свѣтло-зеленовато-буровато-сѣраго цвѣта. Пасиживаются они съ невѣроятнымъ терпѣніемъ полныхъ 26 дней, сидитъ насѣдка такъ плотно, что на брюшкѣ у ней постепенно выпадаютъ все перья, уходитъ съ гнѣзда только на самое короткое время, чтобы разыскать только самое необходимое количество пищи. Самецъ въ это время не улетаетъ далеко, а, напротивъ, гдѣ-нибудь по близости караулитъ, предупреждаетъ свою сожительницу объ опасности, подвергаясь ей скорѣе самъ и, по минованіи бѣды, возвращается на старое мѣсто. Если самца убиваютъ, то и самкѣ почти всегда грозитъ та-же участь. Однако-же продолжительныя преслѣдованія могутъ прогнать парочку отъ гнѣзда, несмотря на самую сильную любовь ихъ къ потомству. Цыплята ихъ на видъ прехорошенькія созданія. Ихъ пуховое опереніе на верхней части тѣла представляетъ смѣсь желтовато-бураго, ржаво-желтаго, ржаво-бураго и чернаго, между тѣмъ какъ на нижней части преобладаютъ болѣе свѣтлые цвѣта; рисунокъ состоитъ изъ пятнистыхъ полосъ. Уже съ первыхъ дней жизни они движутся очень ловко, покидаютъ гнѣздо даже прежде, чѣмъ вполне обсохнутъ, лишь только освободятся отъ всѣхъ покрововъ яйца, и очень скоро научаются слѣдовать наставленіямъ родителей.

Въ воспитаніи какъ мать, такъ и отецъ принимаютъ одинаковое участіе; отецъ охраняетъ, предостерегаетъ и защищаетъ, а мать водить и кормить ихъ. Если

одинъ изъ родителей лишается жизни, то другой принимаетъ на себя обязанности обоихъ и отецъ несетъ тогда заботы матери. «Трогательно смотрѣть», описываетъ Науманъ, «съ какою безграничною заботой наблюдаютъ родители за своими милыми птенчиками. Отецъ бѣгаетъ взадъ и впередъ, робко высматривая, съ какой стороны грозитъ опасность и нельзя ли ее предотвратить; мать же, предупреждая объ опасности, издаетъ тихій звукъ, по которому всѣ малыши или собираются къ ней, или принимаютъ его за приказаніе прятаться въ укромное мѣстечко, гдѣ-нибудь въ хлѣбахъ, или въ травѣ, въ кустахъ, въ бороздахъ, въ колеѣ и т. п. Убѣдившись, что птенцы въ безопасности, отецъ и мать дѣлаютъ все возможное, чтобы воспрепятствовать и отвести нападеніе. Они оба вмѣстѣ храбро встрѣчаютъ врага, хотя сами на него не рискуютъ нападать, чувствуя свое безсиліе, но стараются привлечь его вниманіе на себя, отводя его глаза до тѣхъ поръ, пока считаютъ, что дѣтеныши уже успѣли скрыться довольно далеко. Тогда сначала мать летитъ къ птенцамъ, которые ни на шагъ не двигаются съ указаннаго имъ мѣста, и старается убѣждать съ ними насколько возможно дальше. Наконецъ отецъ, видя, что вся семья его въ безопасности и желая обмануть преслѣдователя, улетаетъ. Какъ скоро все вокругъ успокоилось и скрылся враждебный нарушитель покоя, такъ отецъ издаетъ крикъ, на который мать немедленно отвѣчаетъ, и тогда отецъ присоединяется къ нимъ. Ни днемъ, ни ночью, ни одинъ хищный звѣрь не можетъ провести бдительности вѣжныхъ, заботливыхъ родителей, если только на помощь первому не придетъ какая-либо благоприятная случайность. Нерѣдко также приходится любоваться безусловнымъ послушаніемъ и трогательной привязанностію дѣтей къ родителямъ».

Только тогда, когда цыплята вырастаютъ, отношенія ихъ измѣняются. Если теперь къ нимъ приближается врагъ, то они всѣ поднимаются вдругъ, пролетаютъ небольшое пространство и опять садятся; если ихъ опять что-либо пугаетъ, то они разлетаются на отдѣльныя стайки или каждый порознь въ разные стороны, затѣмъ опускаются, прилегаютъ плотно къ землѣ, или стараются спастись бѣгствомъ, или же прячутся куда-либо. Когда отецъ расчитываетъ, что опасность миновала, то онъ начинаетъ призывать. То тамъ, то сямъ слышится отвѣтъ молодыхъ, и преданные старики постепенно собираютъ опять всю семью въ кучу, причемъ отецъ разыскиваетъ и приводитъ отставшихъ къ матери, которая вновь продолжаетъ по прежнему водить ихъ. Впослѣдствіи сами молодые избавляютъ отца отъ извѣстной доли заботъ, а именно: кто-нибудь изъ нихъ становится на сторожѣ и караулитъ. Эта сторожевая служба, которую поочередно несутъ всѣ молодые самцы, сильно способствуетъ ихъ воспитанію. Если птенцы теряютъ родителей, то они примыкаютъ къ чужому выводку.

«Въ самой ранней юности куропатки ѣдятъ почти только однихъ насекомыхъ, потомъ примѣшиваютъ растительныя вещества, которыя впослѣдствіи составляютъ почти ихъ исключительную пищу. До наступленія жатвы выводки ко-чуютъ главнымъ образомъ въ хлѣбныхъ поляхъ; послѣ же жатвы они бросаются въ поля картофеля или овощей, такъ какъ здѣсь имъ удобнѣе всего прятаться. Позднею осенью они держатся на жнивьяхъ или на перелоггахъ, прячась въ бороздахъ. Они посѣщаютъ также охотно сосѣдніе дуга, гдѣ ловятъ сверчковъ, и нововырубленные лѣса, гдѣ могутъ поживиться муравьиными яйцами; для почлега-же выводокъ всегда выбираетъ открытое поле. Утромъ всѣ покидаютъ свои ночныя убѣжища и отправляются сначала на поля, гдѣ сухо; здѣсь слегка закусываютъ, затѣмъ направляются на дуга, гдѣ къ этому времени ночная роса уже обсохла, затѣмъ въ полдень когда солнце слишкомъ печетъ, забираются въ кусты, ложатся,

купаются въ песокѣ, послѣ полудня возвращаются на жнивье и подь вечерь улетаютъ на обычныя мѣста ночлега. Такъ протекаетъ ихъ жизнь до наступленія зимы. Это для нихъ самое тяжелое время года, когда многія нерѣдко умираютъ съ голоду. Не столько вредитъ имъ холодъ, сколько снѣгъ, который закрываетъ ихъ пищу; иногда онъ дѣлается такъ крѣпокъ, что онѣ не въ состояніи докопаться до земли, на которой хранится запасъ ихъ корма. Все идетъ хорошо до тѣхъ поръ, пока онѣ еще въ силахъ рыться; онѣ очень хорошо знаютъ, на какихъ поляхъ посѣяны озимые хлѣба и гдѣ растутъ рапсъ, и здѣсь питаются еще довольно хорошо, если-же перемежающіяся оттепели съ холодами образуютъ на снѣгу крѣпкую кору, тогда—бѣда: онѣ все болѣе и болѣе хирѣютъ, и, конечно, легко дѣлаются добычей хищниковъ, а зачастую даже умираютъ буквально голодною смертью. Въ суровыя зимы онѣ забываютъ страхъ передъ людьми, приближаются къ деревнямъ, рѣшаются искать притонъ и пищу въ садахъ; заходятъ во дворы и даже въ сѣни и жадно набрасываются на хлѣбныя зерна, если милосердная рука имъ бросить таковыхъ. Иногда спасителями ихъ являются зайцы, прорывая ходы къ скрытому корму. Бываютъ участки, гдѣ въ жестокую зиму вымираютъ всѣ куропатки. Часто однако бѣдствіе минуетъ такъ-же скоро, какъ и приходитъ, и тогда все горе забывается. Какъ только подуетъ теплый вѣтерокъ, наступитъ оттепель, образуются кое-гдѣ проталины, тогда всѣ погибавшія спасены, а какъ только онѣ день-другой сыты, такъ въ сердце ихъ возвращается опять и то жизнерадостное настроеніе, которое имъ такъ присуще.

Всѣ четвероногіе хищники опасны главнымъ образомъ яйцамъ и птенцамъ описываемой куропатки; ястреба, кречеты, перепелятники, сарычи, коршуны, вороны и сойки постоянно слѣдуютъ за ними по пятамъ, преслѣдуя какъ молодыхъ, такъ и взрослыхъ птицъ. Если представить себѣ всѣ тѣ опасности, какимъ подвергаются куропатки, прежде чѣмъ достигнуть полнаго возраста, и если вспомнить, что имъ кромѣ того нужно бороться съ невгодами зимнихъ непогодъ, то покажется даже непонятнымъ, какъ еще есть на свѣтѣ куропатки. Въ каждой мызѣ слѣдовало бы имѣть и хорошенъко содержать густыя изгороди или небольшія лѣсныя чащи и рощи, которыя служили бы имъ убѣжищами, и кромѣ того по близости такихъ рощъ нужно бы зимою класть кормъ, чтобы, по возможности, смягчить бѣдствія, производимыя морозами, и, такъ сказать, устроить трапезу и для этихъ голодающихъ. Сѣрая куропатка никогда нигдѣ не причиняетъ вреда, содѣйствуя оживленію нашихъ полей, веселитъ cadaго своимъ привѣтливимъ видомъ, доставляетъ самую привлекательную охоту и приноситъ значительную пользу своимъ мясомъ.

Пойманныя молодыми и воспитанныя умѣлыми руками, онѣ дѣлаются необыкновенно ручными, къ хозяину привязываются сердечно, до тонкости хорошо отличаютъ его отъ прочихъ, видимо тоскуютъ въ его отсутствіе, криками радости привѣтствуютъ его появленіе, ласкаются къ нему, за каждую оказанную ласку выражаютъ свою признательность, и вообще держатъ себя какъ члены семейства. Самцы привязываются больше къ женщинамъ, самки предпочитаютъ мужчинъ; первые ревнуютъ послѣднихъ. Къ размноженію онѣ приступаютъ только тогда, когда въ распоряженіи ихъ большое огороженное пространство.

* * *

Франколины (*Pternistes*. *Frankolinen*. *Francolins*) представляютъ связующую форму между куропатками и фазанами. Отличія ихъ слѣдующія: клювъ длиннѣе, чѣмъ у куропатокъ, ноги, снабженныя обыкновенно однимъ, иногда-же и двумя

шпорами, выше, хвостъ длиннѣе и часто очень пестрое опереніе гуще. Клювъ или пропорціональный, или-же довольно длинный, толстый и немного крючковатъ, ноги съ высокой плюсной и короткими пальцами, съ соотвѣтственно длинными когтями, вооружены длинными шпорами; въ крылѣ длина третьяго или четвертаго маховыхъ перьевъ превышаетъ остальные. Хвостъ обыкновенно состоитъ изъ 14 перьевъ или прямо срѣзанныхъ; или слегка закругленныхъ. Самка и самецъ обыкновенно похожи другъ на друга по величинѣ, цвѣту и рисунку оперенія; впрочемъ, бываетъ и иначе.

Франколины, которыхъ въ настоящее время извѣстно до 50 видовъ, распространены въ Африкѣ, западной, южной и юго-восточной Азіи и до послѣдняго времени водились также и въ южной Европѣ. Насколько я могу судить по наблюденіямъ, произведеннымъ мною самимъ надъ нѣкоторыми особями изъ этого вида, птицы эти живутъ попарно или семьями въ мѣстностяхъ, богатыхъ кустарникомъ, и даже въ настоящемъ лѣсу, но предпочитаютъ, чтобы въ немъ преобладалъ низкій молоднякъ, а высокія деревья возвышались бы только кое-гдѣ. Тамъ, гдѣ люди не постоянно ихъ преслѣдуютъ, ихъ водятся всегда много; въ Африкѣ я находилъ нѣкоторые виды въ огромномъ количествѣ, даже въ большемъ, чѣмъ какую-либо другую лѣсную куриную; одна пара селится въ самомъ близкомъ соосѣдствѣ отъ другой, но все-же каждая имѣетъ свой отдѣльный участокъ. Ихъ обширное распространеніе отчасти объясняется невзыскательностью этой птицы. Онѣ всеядныя въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Почки, листья, кончики травы, ягоды, зерна, насѣкомыя, улитки, маленькія позвоночныя животныя—все идетъ имъ въ пищу; лѣса тамъ полны этихъ пищевыхъ продуктовъ, такъ что они безъ всякаго труда добываютъ себѣ должное количество корма. Всякими способностями онѣ одарены не менѣе, чѣмъ и остальные виды этого рода. Онѣ бѣгаютъ превосходно, умѣютъ мастерски двигаться въ самомъ густомъ, низкомъ и дернистомъ кустарникѣ или пробираться черезъ самыя сбивчивыя разсѣлины въ каменныхъ горахъ, если нужно, то летаютъ легко и прекрасно, хотя рѣдко пролетаютъ заразъ большія пространства. Тѣ виды, которые я наблюдалъ, не садятся на деревья, другіе, кажется, при случаѣ, спасаясь, ищутъ на нихъ убѣжище.

Съ наступленіемъ весны въ названныхъ странахъ самки каждой пары находятъ себѣ подходящій кустъ, вырываютъ подъ нимъ ямку, выстилаютъ ее прутиками, листьями и вѣтвями и въ такое незатѣйливое гнѣздо кладутъ свои 8—10, а можетъ быть и 13 яицъ. Я не знаю, принимаетъ-ли самецъ участіе въ заботахъ гнѣздованія и въ воспитаніи птенцовъ, думаю однако, что воспитываютъ они сообща, такъ какъ я самъ наблюдалъ, что самецъ руководитъ и принимаетъ на себя веденіе стай, которыя образуются впоследствии.

Въ средней Африкѣ за франколинами охотятся очень много, и часто ловятъ ихъ живыми. Охотятся почти исключительно съ превосходными борзыми собаками, которыя преслѣдуютъ бѣгущихъ птицъ, хватаютъ ихъ и бывають опасны даже для поднимающихся, такъ какъ они гонятся за ними, дѣлають огромный прыжокъ и часто догоняютъ и настигаютъ издали замѣченную добычу. Для ловли употребляются сѣти, которыя ставятся въ кустахъ, и силки, которые укрѣпляются такъ, что пробирающаяся между ними птица попадаетъ или за шею и задыхается, или за ноги. Къ клѣточному корму привыкають даже пойманныя старыми, хотя не-легко; непременно слѣдуетъ принять предосторожность и обить верхъ клѣтки внутри чѣмъ-нибудь мягкимъ, чтобы птица не могла объ нее поранить себѣ голову. Буйный нравъ, проявляемый франколиномъ вначалѣ, постепенно смягчается: онъ дѣлается ручнымъ и при должномъ уходѣ даже размножается въ неволѣ.

Несомнѣнно, что дѣтъ 40 тому назадъ одинъ видъ этого рода встрѣчался во многихъ странахъ южной Европы, именно въ Сициліи, на многихъ островахъ Греческаго Архипелага и около озера Албуфера у Валенціи въ Испаніи; нынѣ, какъ кажется, во всѣхъ этихъ мѣстахъ птица эта совершенно истреблена и вѣроятно уже въ Европѣ нигдѣ не живетъ; но и въ наше время она встрѣчается въ довольно значительномъ количествѣ на островѣ Кипрѣ, въ Малой Азіи, именно въ Палестинѣ, Сиріи, Персіи, на Кавказѣ и на сѣверѣ Индіи.

Франколинъ Турачъ, (*Pternistes vulgaris*, *Francolinus vulgaris*, *tristriatus*, *asiae* и *henrici*, *Perdix francolinus* и *hepburinae*, *Tetrao*, *Attageni* и *Chaetopus francolinus*. *Francolin*) очень красивая птица. Верхняя часть головы и затылокъ сѣровато-черные съ широкими стержневыми пятнами на всѣхъ перьяхъ, которыя окаймлены блѣдно-сѣровато-желтымъ; нижняя часть затылка и задняя часть шеи болѣе свѣтлыя, такъ какъ каймы здѣсь шире; стороны головы, подбородокъ и горло у него черныя, перья около ушей—бѣлыя, на средней части шеи замѣчается широкая коричневая полоса; граничащія съ этой полосой спинныя перья имѣютъ на черномъ фонѣ бѣлыя, какъ-бы жемчужныя пятнышки; у основанія перья эти черныя, по срединѣ отчасти бурья, а на каждой сторонѣ украшены 1—3-мя овальными желтовато-бѣлыми пятнышками; перья верхней части спины темно-черно-бурья, съ широкими, ярко желтовато-бѣлыми боковыми полосками и съ широкой желтоватой каймой на наружномъ опахалѣ; задняя часть спины, надхвостье и верхнія кроющія перья хвоста—черныя со многими тонкими поперечными полосками; грудь и бока у франколина чисто-черныя; каждое перо на бокахъ украшено двумя бѣловатыми, круглыми пятнами, которыя въ пахахъ переходятъ въ поперечныя полосы; маховыя перья переходятъ постепенно подъ цвѣтъ надхвостья; перья брюшка рыжевато-бурья съ сѣрыми каемками; нижнія кроющія перья хвоста темно-бурья, маховыя перья блѣдно-сѣровато-бурья, снаружи съ круглыми, а внутри съ полулунными грязно-желтыми пятнами; малыя маховыя и плечевыя перья съ широкими, переходящими отъ одного пера къ другому поперечными полосками; кроющія перья крыльевъ съ подобными, но не столь ясными поперечными полосами; рулевые перья сѣровато-черныя, въ основной половинѣ съ тонкими волнистыми или угловатыми желтовато-бѣлыми поперечными полосами. Глаза темно-каріе, клювъ черный, ноги красновато-желтыя. Самка гораздо свѣтлѣе, нижняя часть тѣла у нея не черная, а на блѣдно-буромъ фонѣ украшена черными и черно-бурными поперечными полосками, горло у нея свѣтло-буровато-желтое. Длина птицы 34, размахъ крыльевъ—50, длина крыла—16, а хвоста—10 см.

Въ вышеозначенныхъ странахъ турачъ особенно охотно селится на болотистыхъ и богатыхъ водою мѣстностяхъ, хотя не избѣгаетъ и сухихъ, но во всякомъ случаѣ ищетъ мѣсть, покрытыхъ низкими очень густыми кустарниками, высокой травой и вьющимися растеніями, дающими ему возможность прятаться. Такимъ образомъ его находятъ на болотистыхъ островахъ рѣкъ, имѣющихъ медленное теченіе, а также на руслахъ потоковъ, гдѣ вода бываетъ только временно, и которыя заросли густымъ кустарникомъ, или въ степныхъ мѣстахъ, даже около обработанныхъ полей, куда онъ однако не заходитъ. Франколинъ живетъ парами, какъ и другіе близкіе ему виды, но пары поселяются такъ близко одна отъ другой, что самцы слышатъ всегда голоса не только сосѣднихъ, но и болѣе дальнихъ своихъ собратьевъ. Послѣ насиживанія можно встрѣтить и выводки, но они расходятся гораздо раньше, чѣмъ у куропатокъ, бродятъ маленькими обществами отъ 3 до 6 штукъ, затѣмъ птицы спариваются и остаются такъ жить надолго, если не на всю жизнь. Днемъ турачъ тихо и скрытно бродитъ въ своихъ густыхъ кустахъ;

вечеромъ, а еще чаще утромъ, на зарѣ, слышенъ его своеобразный, громкій и звонкій голось, который большинство наблюдателей передаютъ слогами «чук чук тититур»; звуки эти перешли на всѣ мѣстные языки. Жердонъ, которому мы обязаны обстоятельными сообщеніями о франколинѣ, называетъ его голось неприятнымъ и замѣчаетъ, что и въ Индіи старались его передать на разныхъ языкахъ, «но эти подражанія не даютъ должнаго представленія о звукахъ, если ихъ самъ не слышалъ. Магометане говорятъ, что самецъ франколина выкрикиваетъ молитву: «добавъ тери кудрутъ», другіе утверждаютъ, что онъ говоритъ: «луссунъ, шацъ удрукъ», (чеснокъ, лукъ, имбирь). Адамсъ пробуетъ передать этотъ крикъ слогами: «лохи ва уйтч», а другой наблюдатель полагаетъ, что крикъ франколина похожъ на звуки сломанной трубы. Крикъ этотъ не особенно громокъ, но все-же онъ слышенъ на довольно большомъ разстояніи. Тамъ, гдѣ живетъ много франколиновъ, одинъ самецъ отвѣчаетъ другому и каждый изъ нихъ при этомъ влѣзаетъ на небольшое возвышеніе, чтобы голось его былъ слышнѣе. Во время дождливой и пасмурной погоды птицы эти кричатъ чаще».

Турачъ не особенно робокъ, впрочемъ, преслѣдуемый, убѣгаетъ, держась всегда на нѣкоторомъ разстояніи отъ охотника, по такимъ мѣстамъ, гдѣ возможно скрываться и только въ крайнихъ случаяхъ отваживается перебѣгать открытыя мѣста. Такимъ образомъ онъ бѣжитъ передъ охотникомъ 2—3 минуты, не рѣшался взлетѣть. Передъ собакой онъ также продолжаетъ бѣжать, и мчится между кустовъ такъ быстро, что перегонитъ каждаго четвероногаго, ловко продирается сквозь самую густую чащу, по открытымъ полянамъ мелькаетъ какъ катящійся камень, и, только утомленный, спасается, или только временно укрывается въ самыхъ вѣтвистыхъ кустарникахъ, и взлетаетъ только тогда, когда собака на него буквально натывается, или же, если охотникъ толкнетъ его ногой. Тогда онъ взлетаетъ съ шумомъ, безпрестанно машетъ крыльями и летитъ совершенно по прямому направленію и такъ медленно, что каждый, даже неопытный стрѣлокъ, почти всегда кладетъ его на мѣстѣ; пролетѣвъ нѣсколько сотъ шаговъ, онъ опять бросается на землю, продолжая спасаться бѣгствомъ. По наблюденіямъ лорда Лильфорда, самецъ поднимается первымъ и именно такъ: сначала подпрыгиваетъ, послѣ чего машетъ непрерывно крыльями, поднимаясь на воздухъ совершенно отвѣсно, а затѣмъ уже продолжаетъ летѣть способомъ, только-что описаннымъ. Самка поднимается послѣ выстрѣла, сдѣланнаго по самцу, и бѣгомъ сопровождаетъ его по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока онъ взлетитъ; это совершается такъ правильно, что повторяется при каждой охотѣ. Франколины высидиваютъ цыплятъ съ апрѣля до іюля. Гнѣздо обыкновенно устраивается сообразно съ обстоятельствами то въ высокой травѣ или въ кустѣ, обросшемъ травою, иногда на плантаціи индиго и иногда даже въ сахарномъ тростникѣ. Кладка состоитъ изъ 10—15 блѣдно-бурыхъ, испещренныхъ совершенно своеобразными блѣлыми шероховатыми точками яицъ, имѣющихъ 40 мм. въ продольномъ и 30 мм. въ поперечномъ разрѣзѣ. Насѣдка высидиваетъ одна, а какъ долго—это неизвѣстно, водятъ-же и воспитываютъ молодое поколѣніе до положеннаго времени оба родителя вмѣстѣ.

Вездѣ, гдѣ онъ только водится, франколинь составляетъ предметъ ревностной, правильной, хотя и безпощадной охоты и, къ сожалѣнію, какъ замѣчено выше, падаетъ жертвою даже самыхъ неопытныхъ охотниковъ. Въ этомъ-ли слѣдуетъ искать причину его постепеннаго истребленія? Вопросъ этотъ остается нерѣшеннымъ, но, конечно, одна изъ главныхъ причинъ этого явленія есть легкость охоты за нимъ. Само собой разумѣется, что они дѣлаются добычею всевозможныхъ хищниковъ: лисицъ, шакаловъ, болотной рыси и разныхъ другихъ дикихъ кошекъ, куницъ и ласокъ,

орловъ, соколовъ и совъ, даже, можетъ быть, и змѣи лакомятся ими; впрочемъ, нѣтъ сомнѣнiя, что всѣ они, вмѣстѣ взятые, не могли бы способствовать истребленiю этихъ птицъ, если бы не явился человѣкъ, злѣйшiй ихъ врагъ. Жалобы на уменьшенiе количества этой прекрасной пернатой дичи раздаются повсемѣстно и слышатся какъ на Кипрѣ, точно такъ и въ Индiи, въ Сирии, какъ въ Палестинѣ и на Кавказѣ, такъ и въ Перси; по достовѣрнымъ свѣдѣнiямъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ турачи жили во всѣхъ удобныхъ мѣстностяхъ вышепоименованныхъ странъ и кое-гдѣ встрѣчались даже въ непосредственной близости городовъ и деревень, между тѣмъ какъ теперь они очень рѣдки и сильно избѣгаютъ сосѣдства людей. Говорятъ, что въ Испанiи они водились еще въ пятидесятыхъ годахъ, въ Сицили же рассказываютъ, что послѣднiй былъ свѣденъ на обѣдѣ при какомъ-то большомъ празднествѣ въ 1869 году. Съ тѣхъ поръ, какъ островъ Кипръ принадлежитъ англичанамъ, тамъ франколинамъ грозитъ та-же участь, такъ какъ извѣстно, что англичане щадятъ дичь только на земляхъ, составляющихъ ихъ родное отечество. На Кавказѣ количество этихъ птицъ замѣтно и неудержимо уменьшается съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь поселились русскiе и другiе европейцы. До тѣхъ поръ татары, придерживаясь древнихъ обычаевъ, охотились на нихъ лишь съ ястребами и соколами, не производя опустошенiй, которыя повели-бы къ истребленiю ихъ; огнестрѣльное оружье, которымъ теперь владѣютъ европейскiе охотники, готовитъ здѣсь, какъ и вездѣ, вѣрную гибель и этой дичи.

Лѣтъ двадцать тому назадъ пойманные франколины не составляли рѣдкости въ зоологическихъ садахъ, между тѣмъ какъ теперь ихъ можно видѣть только какъ необыкновенную диковинку. Это объясняется не только общимъ повсемѣстнымъ вырожденiемъ ихъ, но главнымъ образомъ трудностью приучить ихъ къ неволѣ. Старые франколины ведутъ себя въ неволѣ въ первое время плѣна еще необузданнѣе и болѣе буйно нежели всѣ прочiе лѣсные куриныя, и нѣкоторые до того неистовствуютъ, что въ тѣсномъ помѣщенiи забиваютъ себя до смерти; маленькiе-же взятые съ гнѣзда, причиняютъ своему воспитателю столько хлопотъ, что, пересылая ихъ, торговецъ можетъ сказать, что «игра не стоитъ свѣчъ». Въ тѣхъ же случаяхъ, когда удалось ихъ приручить, они при хорошихъ условiяхъ даже размножаются въ клеткахъ.

* * *

Самый крупный родъ этого подсемейства составляютъ **Горныя индѣйки** (*Megaloperdix Felsenhühner*). Туловище у нихъ плотное, шея короткая, голова маленькая, клювъ продолговатый, но въ то-же время толстый и широкой, ноги короткiя и толстыя, на плюснѣ замѣчается тупая шпора, крылья короткiя, но нѣсколько заостренныя, такъ какъ второе и третье маховыя перья превышаютъ длину другихъ, 18-ти перый хвостъ относительно длиненъ и слегка закругленъ. Оперенiе обильное и именно кроющiя перья подхвостья и надхвостья очень развиты, только маленькое пятно позади глазъ не оперено.

Всѣ горныя индѣйки живутъ на высокiхъ горахъ Азiи; впрочемъ, одинъ видъ встрѣчается и на Кавказѣ и поэтому можетъ причисляться къ европейскимъ птицамъ.

Кавказская куропатка, Кавказская горная индѣйка, по грузински **Интаур** (*Megaloperdix caucasica*, *Tetraogallus caucasicus*, *Tetrao caucasicus*, *Perdix caucasica* и *alpina*, *Chourтка alpina*, *Oreotetrax caucasica*) самый маленькiй видъ этого рода. Длина ея—58, длина крыла—25, а хвоста—17 см. Верхняя часть головы и за-

шеекъ грязно-пепельно-сѣрыя, верхнія части тѣла—черновато-сѣрыя, на затылкѣ проходитъ широкое ожерелье буровато-сѣраго цвѣта; всѣ перья спины очень небольшие червеобразныя съ черными и свѣтло-буровато-желтыми поперечными полосками; кроющія перья крыльевъ со свѣтло-желтыми краями, образующими продольныя полоски, имѣющія внутри ржаво-желтыя каемки. Ушная область и стороны шеи — сѣрыя, причѣмъ шейныя перья украшены желтыми кончиками; идущая отъ ушей и направляющаяся внизъ по шеѣ широкая полоса—бѣлая, горло также бѣлое. Брюшныя перья очень красиво разрисованы попеременно черными и бѣлыми пятнами, имѣющими видъ оконечности стрѣлы и направленными къ стержню; ближе къ брюшку эти пятна, имѣющія видъ полосокъ, сходятся у стержней подъ все болѣе и болѣе острыми углами, такъ что на очень удлинненныхъ перьяхъ по сторонамъ груди и въ пахахъ образуютъ рисунокъ, состоящій изъ стрѣловидныхъ пятенъ. Всѣ перья на нижней сторонѣ тѣла имѣютъ свѣтло-ржаво-желтыя каймы съ темно-каштаново-бурыми ободками, образующими продольныя полоски. Большія маховыя перья бѣлыя, на концѣ сѣровато-черныя, а малыя маховыя такого-же цвѣта, какъ спина; хвостовыя перья темно-сѣрыя, наружныя части ихъ, а у среднихъ перьевъ и концы темно-каштановыя; оба среднихъ пера—сѣрыя съ узкими черными полосками. Глаза красновато-бурые, клювъ желтый, ноги рогового бурого цвѣта. Оба пола похожи другъ на друга по оперенію.

Объ образѣ жизни этой птицы Радде сообщаетъ слѣдующее: «Древняя Колхида во всѣхъ своихъ частяхъ не представляетъ много своеобразнаго относительно животнаго царства. Тамъ замѣтна очень роскошная растительность, но мало встрѣчается характерныхъ животныхъ. Однако иное замѣчаемъ мы на высокихъ горахъ Кавказа, которыя, хотя издали, но замѣтны уже съ береговъ моря. Тамъ на границѣ вѣчныхъ снѣговъ, между 2000 и 3500 м. надъ поверхностью моря, я познакомился съ гигантской куропаткой. Она здѣсь живетъ въ довольно значительномъ числѣ и, по словамъ всѣхъ горныхъ жителей, водить особую дружбу съ кавказскимъ козерогомъ. Говорятъ, что эта птица предупреждаетъ козерога о приближеніи охотника особеннаго рода свистомъ, и дружба эта усиливается еще тѣмъ, что кавказская куропатка ѣсть пометъ козерога. Такимъ образомъ оба эти существа тѣсно связаны между собою: куропатка предупреждаетъ козерога, а сей послѣдній кормитъ птицу. Вѣроятно эта предполагаемая дружба объясняется проще тѣмъ, что оба животныхъ питаются одной пищею. Если обратить вниманіе на то, чѣмъ питается козерогъ, то окажется, что онъ ѣсть преимущественно войлокообразный дернъ, образуемый различнаго рода лапчатками (*Potentilla*). Эти растенія съ бѣлыми и желтыми цвѣтами и съ плодами, нѣсколько напоминающими землянику, служатъ пищею не только козерогамъ, но и горнымъ индѣйкамъ; этимъ общимъ кормомъ совершенно естественно объясняется то, что оба животныхъ встрѣчаются на однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ; къ этому, вѣроятно, еще присоединяется то обстоятельство, что названныхъ птицы привлекаютъ сюда насѣкомыя, водящіяся въ пометѣ козероговъ. На менѣе высокихъ хребтахъ, расположенныхъ къ югу и начинающихся приморской горной страной, которая, по направленію къ Арменіи, снова образуетъ высокіе хребты, кавказская индѣйка навѣрно не живетъ, а точно также не живетъ здѣсь и козерогъ.

«Эта куропатка живетъ парами такъ-же, какъ и остальные виды этого семейства; относительно-же величины участковъ, составляющихъ мѣстожительство каждой пары, трудно составить ясное понятіе. Если спугнуть одну пару, то она взлетаетъ съ своеобразнымъ, рѣзкимъ свистомъ и призывнымъ крикомъ, звучащимъ какъ «тирок. тирок», вслѣдъ за этимъ поднимаются другія пары, такъ какъ одна

индѣйка предостерегаетъ сосѣдей справа и слѣва. Полетъ ихъ очень быстрый и совершается по прямой линіи; онъ мнѣ больше всего напомнилъ полетъ стрелета, только не слышно столь громкаго свистящаго шума. Токуеть-ли эта куропатка, сказать я не могу, такъ какъ наблюденія надъ нею въ значительной степени затруднены высотой мѣста пребыванія этой птицы; по всей вѣроятности токованіе происходитъ въ такое время, когда изъ за снѣга и морозовъ проникнуть на горы нѣтъ возможности. Одно не подлежитъ сомнѣнію, что кавказская горная индѣйка при этомъ на деревья не садится, во-первыхъ потому, что на обитаемыхъ ею высотахъ нѣтъ деревьевъ, а во-вторыхъ потому, что она не столько похожа на тетеревей, сколько на нашихъ полевыхъ куропатокъ и отличается отъ нихъ лишь своей громадной величиной. Во всякомъ случаѣ птица эта гнѣздится очень рано весной. Самъ я, правда, яицъ ея не находилъ, но во время моего путешествія изъ Тифлиса въ Петербургъ на одной станціи, лежащей высоко въ горахъ, 17 апрѣля мнѣ принесли убитую интауре и пару яицъ. Такъ какъ они были совсѣмъ свѣжія, то слѣдовало предположить, что они взяты были въ началѣ кладки и слѣдовательно насиживаніе птицы эти начинаютъ въ серединѣ апрѣля. Слѣдуетъ предположить, что она кладетъ много яицъ, такъ какъ въ концѣ іюня или въ началѣ іюля мнѣ посчастливилось слугнуть насѣдку съ цыплятами, еще неспособными летать. Зная, какую необыкновенную ловкость проявляютъ всѣ куропатки, особенно-же живущія между скалъ и камней, когда приходится удирать или скрываться, я былъ пораженъ, увидавъ цѣлую стаю проворныхъ птенчиковъ, какъ бы выросшихъ изъ-подъ самыхъ ногъ моихъ и быстро помчавшихся впередъ. Иногда приходилось терять много труда и времени, напрасно стараясь изловить ихъ. Кажется, вотъ-вотъ схватишь птенца, однако оказываешься съ пустыми руками, опять схватываешь и опять ничего, наконецъ изловчишься и радуешься, что поймалъ хоть одного. Я же во время своей охоты видалъ ихъ по крайней мѣрѣ штукъ 13—15 заразъ и поэтому въ правѣ утверждать, что выводки ихъ такъ-же велики, какъ и выводки прочихъ тетеревиныхъ».

Оба яйца, о которыхъ шла рѣчь выше, которыя Радде удалось получить, по описанію Дрессера, имѣли 65 мм. въ длину и 42 мм. въ ширину и на грязномъ буровато-глинистомъ фонѣ съ зеленовато-маслянистымъ налетомъ имѣли массу темно-красныхъ точкообразныхъ крапинокъ.

«Всѣ туземцы», продолжаетъ Радде, «единогласно утверждаютъ, что охота на кавказскихъ куропатокъ представляетъ большія трудности. Необыкновенно пугливая и осторожная «интауре» подпускаетъ къ себѣ только на выстрѣлъ винтовки, но часто охотникъ, даже хорошо владѣющій этимъ оружіемъ, можетъ пробродить цѣлый день, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Названіе «интауре» дали этой птицѣ грузины, которые рѣдко ее получаютъ въ видѣ дичи, и, вовсе ничего не зная объ ея образѣ жизни, сравниваютъ ее съ индѣйкой, такъ что слово «интауре» значитъ горная индѣйка. Рѣдко проходитъ годъ, чтобы мнѣ не принесли одной или двухъ живыхъ горныхъ куропатокъ, и такъ какъ я знаю цѣнность этой птицы, то всѣми силами стараюсь сохранить ихъ живыми. Онѣ скоро привыкаютъ къ просу, но любимымъ ихъ кормомъ все-же остаются проростающія весной растенія, гресль-салатъ и т. п. Совершенно понятно, что куропатки, только что пойманныя въ выказываютъ нѣ плѣну той живости, которая имъ свойственна на высокихъ горахъ. Онѣ почти всегда сидятъ съ втянутой шеей и полузакрытыми глазами, и очевидно чувствуютъ себя не вполне хорошо, что конечно никого не удивить. Однако всѣ куриныя вообще кроткаго нрава и уживчивы, и хотя у горныхъ видовъ это свойство не такъ развито, какъ у живущихъ въ равнинахъ, но все-же

качества эти пмъ не чужды, а потому, можно надѣяться, что и кавказская горная куропатка со временемъ привыкнетъ жить въ неволѣ».

* *

Зюнгарская или Гиммалайская куропатка, называемая киргизами **Улларъ**, а жителями Гиммалайскихъ горъ **Ирмунель**, **Кебекъ** или **Гурнаю**, англійскими-же охотниками, совершенно некстати—**Снѣжнымъ фазаномъ** (*Megaloperdix himalayensis*, *Tetraogallus himalayensis* и *nigelli*, *Lophophorus nigelli*, *Haldenhuhn*, *Perdrix-faisan*.) описана подробнѣе предыдущей. Длина ея 72 см., размахъ крыльевъ 100, длина крыла 32, а хвоста 20 см. Верхняя часть головы, затылокъ и зашеекъ рыжевато-сѣрые, подъ шеей проходитъ широкій свѣтло-рыжевато-сѣрый воротникъ, продолжающійся и на верхней части спины и покрытый волнистыми поперечными полосками, состоящими изъ отдѣльныхъ точекъ; нижнія шейныя перья, задняя часть спины, надхвостье и кроющія перья крыльевъ и хвоста темно-буровато-сѣрыя съ чрезвычайно тонкими волнистыми желтовато-сѣрыми поперечными полосками; всѣ большія перья верхней части тѣла съ болѣе или менѣе широкими ржаво-желтыми каемками, отчего происходитъ полосатый рисунокъ; полоса, начинающаяся за ушами, спускающаяся по сторонамъ шеи, затѣмъ круго поворачивающаяся къ груди, и другая, начинающаяся у угла челюстей и образующая на горлѣ фигуру въ родѣ подковы, темно-каштановаго цвѣта. Горло и пространство между только что упомянутыми полосками—бѣлыя; перья поперечной полосы, проходящей по зобу, блѣдно-рыжевато-бѣлыя, нѣкоторыя изъ нихъ съ отчасти скрытыми черными полулунными пятнами, образующими полоски. Грудь и животъ темно-каменисто-сѣрыя съ болѣе темными вѣтвями перьевъ и съ необыкновенно тонкими буровато-желтыми волнистыми поперечными чертами; боковыя перья свѣтлѣе съ широкими наружными и узкими внутренними ржаво-бурными или ржаво-красными каймами, которыя образуютъ продольныя полоски. Большія маховыя перья почти вполне, а малыя, лишь у основанія бѣлыя, первыя на концѣ, а послѣднія до основанія покрыты грязно-желтыми поперечными полосками, состоящими изъ мелкихъ пятнышекъ; перья на плечахъ также испещрены, но имѣютъ ржаво-бурныя каемки, какъ перья спины; наружныя рулевыя перья темно-ржаво-красныя съ темными пятнами, слѣдующія съ красноватыми темно-сѣрыми полосками, начинающимися отъ кончиковъ, къ срединѣ хвоста полосы эти переходятъ все болѣе и болѣе въ пятна каменисто-сѣраго цвѣта. Оба пола оперены одинаково и отличаются только по величинѣ.

Зюнгарская куропатка живетъ во всей западной части Гиммалайскаго хребта до Шепала, а также на удобныхъ для нихъ мѣстахъ китайскаго Туркестана и въ Тибетѣ. По словамъ Сѣверцова, она встрѣчается и на Тянь-Шанѣ, а Финшъ предполагаетъ, что ее можно найти и на Куенъ-Луиѣ. Тотъ-же натуралистъ указываетъ на замѣчательно обширное распространеніе уллара и пишетъ: «въ Гиммалайскихъ горахъ этотъ видъ гнѣздится на высотахъ не ниже 4000 м., между тѣмъ, какъ на Тарбагатаѣ, около горы Мараль-чеку, его встрѣчаютъ уже на высотѣ 1200—1400 м. надъ поверхностью моря.

«Мѣстожительства ихъ», говоритъ «Горный житель», составляютъ «исключительно горныя вершины, покрытыя снѣгомъ, и отроги ихъ до лѣсной полосы; но зимніе снѣга прогоняютъ даже этихъ выносливыхъ птицъ въ долины и принуждаютъ ихъ перекочевывать два раза въ годъ. На Кунагурѣ онѣ встрѣчаются часто, а на Гангскихъ горахъ бываютъ, впрочемъ, только отъ іюня до августа; случается часто, что натуралисты или охотники странствуютъ, взбираясь на самыя высочай-

Доступныя вершины и встрѣчаютъ очень немногихъ изъ нихъ. Поэтому я полагаю, что многія, если не всѣ, которыя обрѣтаются здѣсь въ извѣстную часть года, переселяются на время въ Туркестанъ, и тамъ высиживаютъ птенцовъ. Около начала сентября онѣ только что появляются на дугахъ, изобилующихъ травой, ниже снѣговой линіи, по близости горныхъ вершинъ, иногда-же спускаются и ниже—въ верхнія части лѣсной полосы. Послѣ перваго повсемѣснаго выпаденія снѣга онѣ толпами сходятъ на непоросшія части горъ лѣсной полосы, гдѣ и остаются до конца марта. Эти путешествія совершаются, вѣроятно, въ первую же ночь по выпаденіи снѣга, такъ какъ я неизмѣнно видѣлъ птицъ этихъ въ зимнихъ убѣжищахъ ихъ не ранѣе, какъ на слѣдующее утро послѣ такого происшествія. Снѣгу должно навалиться много, чтобы онѣ спустились внизъ; въ умѣренные зимы въ долинахъ появляются только нѣкоторыя изъ нихъ въ видѣ исключенія. Вѣроятно общество, населяющее извѣстную гору, выбираетъ себѣ и соответственное зимнее убѣжище, куда и возвращается ежегодно. Ирмунель общежителенъ и собирается въ стаи, которыя состоятъ иногда изъ 20—30 штукъ, хотя ихъ рѣдко можно встрѣтить болѣе 5—10 вмѣстѣ. Нѣсколько такихъ стай проживаютъ на одномъ горномъ участкѣ. Немногіе изъ нихъ, остающіеся на индійской сторонѣ, разбиваются лѣтомъ на пары; къ зимѣ же, прежде чѣмъ начинается перекочевка, я ихъ находилъ опять собравшимися вмѣстѣ. Они рѣдко покидаютъ тотъ участокъ, въ которомъ поселились и спугнутые только летаютъ взадъ и впередъ. Они никогда не залетаютъ въ лѣсъ или густыя чащи, избѣгаютъ даже такихъ мѣстъ, гдѣ растетъ высокая трава или какой-нибудь мелкій кустарникъ; послѣ всего сказаннаго почти бесполезно говорить, что они не садятся на деревья. Въ прекрасную теплую погоду они сидятъ по цѣлымъ днямъ на скалахъ и на крутыхъ склонахъ ихъ, почти вовсе не двигаясь, исключая утра и вечера. Если же стоятъ холода, туманы и дожди, тогда они бодры и подвижны, бѣгаютъ то вверхъ, то внизъ и цѣлый день пасутся. При этомъ они тихонько бредутъ на гору, щиплютъ то тамъ, то сямъ нѣжные кончики листьевъ, травинки, молодые стручки различныхъ растений, случайно останавливаются и принимаются рыть землю, откапывая какую-нибудь луковичу, до которыхъ они большіе охотники. Дойдя до вершины какого-либо горнаго хребта, они останавливаются здѣсь на нѣсколько времени; послѣ этого они улетаютъ, спускаются на землю и опять начинаютъ подниматься въ гору. Походка ихъ очень неуклюжая, они при этомъ поднимаютъ хвостъ и издали напоминаютъ сѣраго гуся. Они особенно любятъ такія пастбища, на которыхъ только-что ночевало стадо овецъ, вѣроятно потому, что здѣсь трава свѣжа и еще заманчиво зеленѣетъ, между тѣмъ, какъ въ другихъ мѣстахъ она уже давно высохла и затвердѣла. Убѣжища для ночлеговъ они выбираютъ на скалахъ надъ пропастями; на такія мѣста они возвращаются нѣсколько ночей подъ рядъ».

«Ихъ крикъ, тихій, нѣжный свистъ, слышится въ разное время дня, громче всего при наступленіи разсвѣта и очень часто въ туманную погоду. Крикъ ихъ начинается очень протяжнымъ звукомъ и кончается рядомъ скорыхъ послѣдовательныхъ посвистовъ; звукъ этого голоса самый пріятный изъ всѣхъ, который издаетъ какаля-либо пернатая дичь. Впрочемъ, во всей полнотѣ голосъ этотъ слышится только тогда, когда птицы сидятъ смирно, такъ какъ спугнутыя и приведенныя въ бѣгство, онѣ черезъ короткіе промежутки издаютъ просто только тихій свистъ. Поднимаясь, онѣ кричатъ быстро, рѣзко и сильно, обыкновенно все время пока летятъ и даже нѣсколько секундъ послѣ того, какъ опустились на землю, послѣ чего онѣ заканчиваютъ нѣсколькими звуками, которыя, кажется, поразительно хорошо выражаютъ удовольствіе, ощущаемое ими при благополучномъ возвраще-

ни на свое прежнее мѣсто. Мнѣ кажется, что рѣзкій крикъ, который эти птицы производятъ при взлетѣ и во время полета, лучше всего можно сравнить съ шумомъ, производимымъ стаяй голубей, которые собираются спуститься на какое-либо мѣсто, чтобы поѣсть.

«Ирмунель не особенно дякъ и пугливъ. Если подкрадываться снизу и приблизиться шаговъ на 80 или 100, то увидишь, что они потихоньку взбираются на гору, сворачивая иногда въ сторону, часто оборачиваются назадъ, оглядываются, рѣдко убѣгаютъ далеко, если никто ихъ не преслѣдуетъ; если-же къ нимъ подойти сверху, то они поднимаются, но также вначалѣ не бѣгутъ. Вообще говоря, они рѣдко спускаются далеко съ горъ, и движенія свои они никогда не доводятъ до быстроты бѣга, если-же это иногда случается, то непосредственно передъ взлетомъ. Весь выводокъ поднимается всегда сразу, летитъ быстро, сначала правильно направляясь книзу, потомъ птицы летятъ опять кверху, поднимаясь примѣрно до той-же высоты, откуда начали спускаться. Если склонъ горы на далекомъ разстоянн имѣеть одинъ и тотъ же характеръ, то птицы пролетаютъ болѣе англійской мили и поднимаются при этомъ высоко въ воздухъ. Между тѣмъ на меньшихъ горахъ, именно на тѣхъ, которыя онѣ посѣщаютъ зимой, онѣ не залетаютъ далеко, а большую частію перемѣщаются лишь на другую сторону ея.

«Ирмунели ѣдятъ листья различныхъ растений и траву, при случаѣ даже мохъ, коренья и цвѣты; впрочемъ, главною пищею остается все же трава. Они очень любятъ молодые всходы ячменя и пшеницы, и если они только пронюхаютъ, что по близости ихъ мѣстожителства есть отдаленное поле, то забираются туда ночью и по утрамъ; но на поляхъ, ежегодно обрабатываемыхъ, они никогда не появляются. Обыкновенно они чрезвычайно жирны, мясо-же ихъ не особенно вкусно; если птица убита на значительной высотѣ, то оно имѣеть неприятный запахъ, который происходитъ отъ нѣкоторыхъ растений, употребляемыхъ ими въ пищу. Хотя я провелъ не одно лѣто въ горахъ и именно въ снѣжной полосѣ ихъ, но никогда не находилъ ни гнѣзда, ни яицъ этой птицы, между тѣмъ какъ въ Тибетѣ, наоборотъ, я часто видалъ цѣлыя семьи, старыхъ вмѣстѣ съ птенцами. Въ этихъ выводкахъ, впрочемъ, было замѣтно больше взрослыхъ птицъ, чѣмъ молодыхъ, и составляло ихъ по всей вѣроятности не одно семейство. Такимъ образомъ я никакъ не могъ составить опредѣленнаго представленія, какъ велико можетъ быть количество выводимыхъ цыплятъ. Яйца, которыя путешественникамъ удавалось находить, по величинѣ похожи на яйца индюшекъ, но по формѣ продолговаты, какъ у тетеревиныхъ; основной цвѣтъ ихъ оливково-бурый; рисунокъ на нихъ состоитъ изъ разбросанныхъ, маленькихъ, свѣтлыхъ орѣхово-бурыхъ пятнышекъ».

Во время моего путешествія по Сибири и Туркестану я имѣлъ возможность лично убѣдиться въ вѣрности описаній «Горнаго жителя». Одинъ изъ такихъ «улдаровъ», чучело котораго, въ своемъ прекрасномъ опереннн, стоитъ въ С.-Петербургскомъ музеѣ, привезенъ, какъ намъ сообщили, изъ горъ Тарбагатая; такъ какъ мы и безъ того предполагали направиться въ тѣ страны, то я тутъ же рѣшилъ всѣми силами постараться увидать эту чудную птицу на ея родинѣ. 28 мая 1876 года мнѣ удалось привести въ исполненіе давно лелѣянную мною мечту. Мы устроили охотничью прогулку изъ пограничнаго казачьяго поста на берегу озера Зайсанъ, подъ руководствомъ стараго киргизскаго охотника и въ сопровожденн моего спутника, графа Вальдбургъ Цейль-Траухбургъ и доктора Пандера. По увѣреннямъ нашего киргиза, что и оказалось совершенно справедливымъ, улдаръ въ данное время живетъ не только на высочайшихъ, покрытыхъ еще снѣгомъ вершинахъ горъ, которыя мы называли Тарабагатай, но держится и на

одномъ изъ болѣ низкихъ отроговъ этихъ горъ, называемомъ Манрокъ, можетъ быть на той части этихъ горъ, которая отъ всѣхъ прочихъ отличается совсѣмъ своеобразными разсѣлинами. Сотни горъ, раздѣленныхъ глубоко врѣзавшимися долинами и пропастями, уходятъ все болѣе и болѣе въ высъ, громоздясь другъ надъ другомъ. Почти всѣ онѣ съ сѣверной стороны хотя круты, но не скалисты, напротивъ, на нихъ лежитъ свѣжій травянистый покровъ или же онѣ поросли низкими тернистымъ кустарникомъ; на южной же сторонѣ горы обрываются круто и глубоко и образуютъ здѣсь цѣлые лабиринты утесовъ, такихъ дикихъ, такихъ изрытыхъ, съ такими безднами, подобныхъ которымъ не встрѣтишь ни въ какихъ другихъ горахъ въ мѣрѣ. Даже вода затрудняется найти себѣ надлежащій путь среди этого лабиринта, и дѣйствительно въ глубокихъ долинахъ часто можно встрѣтить ручейки, которые текутъ одни въ одну сторону, а другіе на встрѣчу первымъ. Вотъ каковы мѣста, которыя предпочитаютъ «уллары» и въ которыхъ они селятся въ немаломъ количествѣ. Полные ожиданій, верхами, подъ предводительствомъ нашего киргиза охотника и сына его, цвѣтущаго и сильнаго юноши, мы вѣхали въ одну изъ долинъ, перебираясь то по холмамъ, то по горамъ, то спускаясь въ какое-нибудь дикое каменистое ущелье. Надъ скалами парили альпійскія галки, по склонамъ бѣгали каменные куропатки, надъ вершинами горъ летали орлы и соколы, съ карнизовъ и выступовъ раздавалось оживленное, веселое пѣніе каменнаго дрозда, каменики и одного вида горихвостки. Мы продолжали путь до тѣхъ поръ, пока старый киргизъ не остановился у подошвы горы и не предложилъ намъ раздѣлиться на двѣ партіи, такъ, чтобы одна поднялась съ одной стороны, а другая съ другой. Тогда началась ѣзда, которая показала намъ, до какой степени ловко лазаютъ тамошнія лошади. Я поднимался по ущелью, вымытому водой; моя лошадь могла двигаться вверхъ только прыжками, и наконецъ она довезла меня на высоту, причемъ выказала столько-же выносливости, сколько и искусства. Надъ верхушкой горы кружились орлы, а каменные куропатки шныряли вокругъ насъ, не влетая, съ такою довѣрчивостью, какой мнѣ до сихъ поръ не случалось видѣть. Далѣе путь нашъ шелъ то въ гору, то подъ гору; иногда мы пробирались по крутизнѣ хребта, иногда-же по покрытому травомъ сѣверному склону горъ. Куда ни глянешь, вездѣ глаза наши встрѣчали глыбы горъ или долины. Послѣ ѣзды, давшейся около часу, проводникъ обратилъ наше вниманіе на крикъ «уллара». Я услыхалъ, какъ будто совсѣмъ близко отъ насъ, своеобразный, благозвучный, протяжный свистящій крикъ, состоящій изъ нѣсколькихъ звуковъ. Но пришлось еще довольно долго ѣхать прежде, чѣмъ мы увидѣли птицу, издающую эти звуки, и тутъ только началась охота. Описывать здѣсь охоту я считаю излишнимъ; скажу только, что мнѣ посчастливилось убить одну изъ этихъ великолѣпныхъ птицъ. Кромѣ того, какъ въ этотъ день, такъ и въ слѣдующіе, я лежалъ, спрятавшись, въ одномъ мѣстѣ и въ подозрную трубу издали разсматривалъ этихъ птицъ, чтобы какъ можно лучше ознакомиться съ ихъ образомъ жизни, привычками и особенностями. Вмѣстѣ съ тѣмъ я пользовался всякимъ случаемъ, чтобы черезъ посредство моего русскаго пріятеля какъ можно больше разузнать объ этой куропаткѣ отъ такого тонкаго наблюдателя, каковъ былъ мой охотникъ киргизъ.

Улларъ обворожительная птица во всѣхъ отношеніяхъ, способная воодушевить какъ охотника, такъ и натуралиста. Сколько можно было узнать изъ разпросовъ, онъ живетъ на всѣхъ высокихъ горахъ внутри Авіи. Изъ тѣхъ-же странъ, гдѣ мы путешествовали, онъ навѣрное живетъ въ Тарабагатаѣ и Заплійскомъ и Семирѣченскомъ Алатау, обыкновенно непосредственно ниже области снѣговъ, тамъ, гдѣ живутъ козероги. Въ видѣ исключенія его находятъ и въ горахъ Манрокъ,

высота которых едва-ли превышает 1600 м. надъ уровнемъ моря; можетъ быть эти птицы тамъ и не такъ рѣдки, какъ мы предполагаемъ, и въ такомъ случаѣ объясненіе этому слѣдуетъ искать въ дикости и неприступности этихъ горъ. Собственно на настоящихъ высокихъ горахъ они лѣтомъ поднимаются на самыя высокія вершины, зимою-же спускаются до границы лѣсной области. Непремѣнное условіе мѣстожителства ихъ заключается въ томъ, чтобы участокъ былъ совсѣмъ безлѣсенъ: это птица утесовъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Въ равнины она не заходитъ даже въ самыя жестокия зимы. Чѣмъ суровѣе скалы, чѣмъ глубже пропасти, чѣмъ неприступнѣе для людей и животныхъ стѣны утесовъ, тѣмъ болѣе можно быть увѣреннымъ, что встрѣтишь тамъ уллара. Онъ выбираетъ по возможности самыя высокія вершины горъ, впрочемъ, улетаетъ съ нихъ днемъ въ такія долины, куда лошадь взбирается легко, и тамъ держится на склонахъ, гдѣ есть зеленъ или растутъ мелкіе кусты, по близости горъ, возвышающихся особнякомъ.

Каждая пара улларовъ здѣсь въ горахъ Манрокъ изъ году въ годъ владѣетъ извѣстнымъ участкомъ. Она не допускаетъ, чтобы по сосѣдству жила другая пара. Если въ чьемъ-либо участкѣ появляется самецъ уллара, то хозяйинъ этой мѣстности тотчасъ нападаетъ на непрошеннаго гостя съ громкимъ, почти пронзительнымъ крикомъ, бросается прогонять его, при этомъ онъ, чего я самъ былъ очевидцемъ, принимаетъ позы токующей каменной куропатки, т. е. бѣжитъ хотя и на короткомъ разстояніи съ наклоненной головой, всящими крыльями и съ полуприподнятымъ и нѣсколько распущеннымъ хвостомъ. Иногда же случается такъ, что двѣ пары прилетаютъ другъ къ другу какъ бы въ гости. Я нѣсколько разъ находилъ ихъ на небольшомъ сравнительно пространствѣ шуки по четыре; они слетались въ одно мѣсто и потомъ, разставшись, тотчасъ же разлетались врозь. По всей вѣроятности у каждой пары были цыплята, обстоятельство, которое, какъ извѣстно, умиротворяетъ даже самыхъ большихъ драчуновъ между лѣсными куринами. Токованіе здѣсь начинается въ первые дни марта и продолжается до конца этого мѣсяца; въ это время самцы, конечно, настроены очень воинственно, но, по увѣреніямъ моего разскащика, т. е. стараго киргиза-охотника, они въ это время кричатъ вовсе не больше, чѣмъ въ обыкновенное время.

Крикъ уллара очень характеренъ и отличаетъ его отъ всѣхъ прочихъ куропатокъ, несмотря на то, что звуки голоса всей родни очень сходны между собой. Такъ какъ каждый звукъ, исключая послѣдняго, ясно и опредѣленно отдѣленъ другъ отъ друга, то очень легко подражать призывному голосу уллара свистомъ, но труднѣе передать его слогами. По тому, какъ я ихъ уловилъ, ихъ можно передать такъ: «у-о-и-е-ит»; при этомъ слѣдуетъ помнить, что каждый изъ этихъ звуковъ произносится не только отдѣльно, а даже растянуто и только послѣдніе два «е-ит» выкрикиваются нѣсколько пронзительно. Этотъ крикъ, хотя и не очень громкій, слышенъ по крайней мѣрѣ на разстояніи одного километра и, кажется, слушать только, такъ сказать, для переговоровъ, между тѣмъ какъ и призывные и предостерегающіе крики совершенно иные. Когда куропатки водятъ цыплятъ, то мнѣ казалось, что я слышалъ особый голосъ матки, киргизы же увѣрили, что крикъ одинаковъ у обоихъ родителей; по моему, онъ былъ похожъ на кудахтавье остальныхъ куринныхъ и состоялъ изъ тихихъ послѣдовательныхъ «бак-бак-ток-ток-ток-такъ»; самецъ-же пѣнью звалъ самку «бук-бук-бук-бек-бек-кик-кик-кик», между тѣмъ крикъ предосторожности былъ громкій, звучный «тшили-тшили-тши-клик-клик-кли»; во время боя самцовъ выкрикивалось нѣчто, что моему уху казалось «цибиллир». Хотя я съ карандашемъ въ рукахъ прислушивался ко всему этому и, несмотря на то, что я все, что улавливалъ тотчасъ же записывалъ и старался передать какъ

можно точнѣе все слышанное, тѣмъ не менѣе я долженъ сказать, что только «у-о-я-е-итъ», которые Финшиъ произноситъ «у-луй» или «ух-луйр», приблизительно похожи на звуки, дѣйствительно слышанные, всѣ же остальные, напротивъ, до тѣхъ своеобразны, что невообразимо трудно и даже почти невозможно выразить ихъ слогами. Движенія этихъ гордыхъ птицъ напоминаютъ скорѣе каменныхъ, нежели стѣрыхъ куропадокъ, хотя не совсѣмъ на нихъ похожи. Бѣгаютъ они скоро и проворно, одинаково ловко какъ въ гору, такъ и подъ гору; осанка отчасти сгорбленная; полетъ состоитъ изъ нѣсколькихъ быстрыхъ и частыхъ взмаховъ крыльями, за которыми, обыкновенно, слѣдуютъ тихія скользящія движенія, причѣмъ крылья почти не шевелятся, такъ какъ уларь летитъ обыкновенно сначала вверхъ, а потомъ опять спускается немного книзу. Вслѣдствіе несоразмѣрно короткихъ крыльевъ полетъ его представляетъ совсѣмъ необыкновенную картину; летящая птица кажется чрезвычайно длинной, между тѣмъ какъ во время бѣга она намъ представляется короткотѣлою. Самую лучшую картину полета можно получить, если представить себѣ длинный крестъ съ короткой переладиной. Если время дозволяетъ, то улары любятъ, прежде чѣмъ взлетѣть, взобраться на какое-либо возвышенное мѣсто, на которомъ они вообще любятъ побѣгать; при перелетѣ же на противудлежащую скалу они каждый разъ непременно спускаются прежде на землю между камней, а уже оттуда вспрыгиваютъ или вепархиваютъ на одинъ изъ большихъ обломковъ скалъ, чтобы съ этого пункта начать озираться вдаль. Въ теченіи дня нарочка побываетъ въ различныхъ мѣстахъ своего участка; подъ вечеръ же, напротивъ, они направляются всегда къ извѣстному и, по возможности, безопасному мѣсту и здѣсь проводятъ ночь.

Пища уларовъ состоитъ главнымъ образомъ изъ растительныхъ веществъ. Можно предположить, что они ѣдятъ и насѣкомыхъ, но на вопросъ этотъ мой киргизъ не могъ дать мнѣ положительнаго отвѣта; слѣдуетъ допустить, что они въ суровыя зимы, при глубокомъ снѣгѣ вырываютъ себѣ въ немъ также ходы и такимъ путемъ докапываются до растений, составляющихъ ихъ главный кормъ.

Спариванію предшествуютъ продолжительные и безпрестанныя бои самцовъ, пока, наконецъ, каждый себѣ выберетъ подругу и прогонитъ назойливаго лишняго соперника. Самцы много кричатъ, какъ во время токованія, такъ и раннимъ дѣломъ, между тѣмъ какъ весной они издаютъ только свой крикъ предостереженія, вовсе не производя своего характернаго свиста. Число яицъ кладки, по показаніямъ моего киргиза, бываетъ отъ 6—9. Яйца эти больше утиныхъ, круглы и по зеленовато-желтому фону имѣютъ темныя, иногда синеватыя пятна; впрочемъ, надо прибавить при этомъ, что нельзя очень полагаться на вѣрность этихъ показаній, такъ какъ киргизы мало смыслятъ въ краскахъ и плохо ихъ различаютъ. Гнѣздо устраивается на выступѣ скалы, на такомъ мѣстѣ, гдѣ есть столько земли, чтобы вырыть неглубокую ямку, которая выстлана только небольшимъ количествомъ сухихъ растений. Самка насиживаетъ яйца, а самецъ въ это время сидитъ по близости гнѣзда, на возвышенномъ мѣстѣ и въ случаѣ угрожающей опасности предупреждаетъ насѣдку; во время гнѣздованія онъ самъ дѣлается гораздо осторожнѣе и нугливѣе. Скусты приблизительно около четырехъ недѣль выдуляются птенцы и съ этого времени оба родителя водятъ цыплятъ; мать не покидаетъ ихъ даже въ случаѣ большой опасности. Если надъ стариками стрясется кака-либо бѣда, или малыши не могутъ слѣдовать за взрослыми, то они причутся между камней съ такъ искусно, что намъ съ проводникомъ моимъ не доискаться было ни одного, хотя мы тщательнѣйшимъ образомъ обшарили то мѣсто, куда они

направились, почти въ ту же минуту, какъ они скрылись. Если имъ кажется, что опасность миновала, то они торопливо бѣгутъ, очевидно на зовъ родителей, по направленію, указанному полетомъ ихъ, и можно видѣть, какъ они, сбѣгаясь съ разныхъ сторонъ и въ разные промежутки времени, проносятся по голымъ скаламъ. Говорятъ, что къ концу ноября они вполнѣ вырастаютъ, но уже гораздо ранѣ этого время они держатъ себя совершенно какъ взрослые, съ которыми они и проживаютъ цѣлую зиму; выводки разбиваются не задолго до спариванія. Если насѣдка бываетъ убита, то отецъ одинъ водитъ даже самыхъ крошечныхъ птенчиковъ, между тѣмъ какъ при жизни ея онъ, повидимому, только исполняетъ обязанность сторожа, предупреждающаго въ случаѣ опасности. Я видѣлъ, какъ цыплята, спасаясь отъ преслѣдованій, забѣгали шаговъ на 100 и 200 впередъ матери, появляясь на верхушкахъ самыхъ высокихъ горъ, причѣмъ они то исчезали, то вновь появлялись; всякій разъ раздавался ея призывной голосъ и было ясно, что она старается убѣдиться въ безопасности того или другого избираемаго ею пути и указать птенцамъ ту дорогу, которую она предпочла.

Естественными врагами уларовъ слѣдуетъ считать всѣхъ большихъ хищныхъ птицъ, особенно беркута и одного бѣлобрюхаго его родича, вѣроятно ястребинаго орла, отъ котораго улары еще больше терпятъ, чѣмъ отъ перваго. Отъ лисицъ и волковъ спасаетъ ихъ необыкновенная бдительность. Человѣка въ этихъ странахъ имъ нечего бояться. Изъ киргизовъ только немногіе занимаются охотою за этой куропаткой, такъ какъ жители степи болѣе склонны охотиться на лисицъ, волковъ и кунцовъ, чѣмъ за такой пернатой дичью, которую очень трудно добыть. По единогласнымъ увѣреніямъ всѣхъ русскихъ, которыхъ я спрашивалъ, мясо его бѣло какъ снѣгъ и превосходно на вкусъ, пѣжно, нѣсколько пряно и похоже на мясо глухаря или сѣрой куропатки.

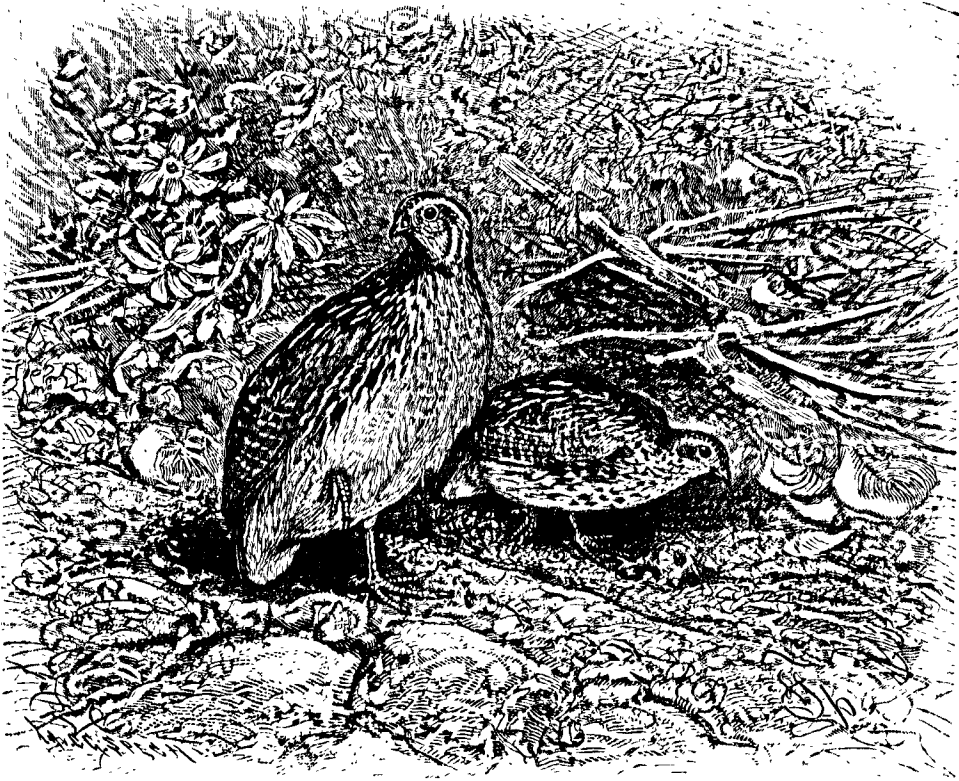
«Горный житель» увѣряетъ, что зюнгарскія куропатки скоро привыкаютъ къ жизни въ клѣткѣ и питаются тогда зернами, но сомнѣвается, и вѣроятно основательно, чтобы на одномъ этомъ кормѣ ихъ можно долго продержатъ.

* * *

Наша **Перепелка** (*Coturnix communis, vulgaris, dactylisonans, europaea, capensis, japonica, major, media, minor* и *baldami, Tetrao, Perdix* и *Ortygion coturnix*. *Wachtel*. *Caille*) служитъ представительницею рѣзко ограниченнаго рода (*Coturnix*), который обнимаетъ собою болѣе 20 видовъ, распространенныхъ во всѣхъ странахъ Стараго Свѣта и въ Австраліи. Особенности этого рода слѣдующія: клювъ маленькій, слабый, у корня возвышенный, отъ основанія до кончика слегка изогнутый, въ углахъ расширенный; ноги короткія безъ шпоръ, съ длинными пальцами, относительно длинными и острыми, нѣсколько выпуклыми крыльями, въ которыхъ обыкновенно первое маховое перо длиннѣе всѣхъ остальныхъ; необыкновенно короткій, сводообразный хвостъ состоитъ изъ двѣнадцати перьевъ; мелкое опереніе особенно обильно на надхвостьѣ и почти одинаково у обоихъ половъ. Верхняя часть тѣла перепелки бурая съ ржаво-желтыми поперечными и продольными полосами; на головѣ цвѣтъ оперенія темнѣе, чѣмъ на спинѣ, на горлѣ ржаво-бурый, на зобѣ ржаво-желтый, на срединѣ брюшка желтовато-бѣлый, по сторонамъ груди и брюшка ржаво-красный съ свѣтло-желтыми продольными полосами; яркая желтовато-бурая полоса, начинаясь у верхней части клюва, идетъ надъ глазами, спускается на шею, обхватываетъ гортанную область и окаймляется съ обѣихъ сторонъ узкими, темно-бурными полосками. Крылья по черновато-бурому полю покрыты поперечными ржаво-желтыми пятнами, которыя вмѣстѣ образуютъ полосы; первое

маховое перо снаружи украшено узкою желтоватою каемкою; ржаво-желтыя рулевья перья имѣютъ бѣлыя стержни и черныя полосы. У самки всѣ цвѣта блѣднѣе и менѣе явственны и горло также выступаетъ не такъ рѣзко. Глаза свѣтло-красновато-бурые, клювъ рогового сѣраго цвѣта, ноги красноватаго цвѣта или блѣдно-желтыя. Длина равняется 20, размахъ крыльевъ 34, длина крыла 14 и хвоста 4 см.

Очень мало странъ въ Старомъ Свѣтѣ, гдѣ-бы не наблюдалась наша перенелка. Въ Европѣ она водится вездѣ, южнѣе 60° сѣв. широты, но правильно встрѣчается только съ 50° сѣв. шир.; въ Средней Азiи она населяетъ полосу, нѣсколько южнѣе въ удобныхъ для нея мѣстахъ; иногда даже не менѣе часто встрѣ-

Перенелка. *Coturnix communis*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

чается въ степяхъ, и такъ какъ она отовсюду ежегодно перекочевываетъ на югъ, то ей приходится побывать во всей Африкѣ и южной Азiи.

Странствованiя ея во всѣхъ отношенiяхъ необыкновенны. Они совершаются ежегодно, но во многомъ отличаются отъ обыкновеннаго перелета прочихъ птицъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, повидимому, кочуютъ круглый годъ и даже тѣ, которыя въ теченiи лѣта дѣломъ гнѣздованiя бывають привязаны къ опредѣленному мѣсту, покидаютъ свои участки не въ одно и то-же время. Однѣ появляются въ Египтѣ уже въ концѣ августа, тогда какъ большинство является здѣсь не ранѣе сентября; между тѣмъ въ томъ же мѣсяцѣ и не особенно рѣдко въ Германiи можно пайти перенелокъ на гнѣздѣ, высиживающихъ яйца, или же птенцовъ еще въ пушкѣ. Во всякомъ случаѣ перелетъ совершается главнымъ образомъ въ сентябрѣ, тянется цѣлый октябрь и продолжается еще и въ ноябрѣ. Многiя зимуютъ

на трехъ южно-европейскихъ полуостровахъ, нѣкоторыя въ южной Франціи, а въ умѣренныя зимы—даже и въ Германіи; большая-же часть перелетаютъ въ тропическія страны Африки и Азіи, но не находя еще и здѣсь покоя, инныя летятъ въ Африкѣ до самой Капской земли. Кажется, передъ отлетомъ онѣ не собираются въ стаи, а каждая перепелка, не обращая никакого вниманія на остальныхъ, отваживается на одинокое странствованіе и пускается въ путь. На пути однако однѣ пристають къ другимъ и еще прежде, чѣмъ путники доберутся до южной Европы, иногда успѣють уже образоваться многочисленныя стаи. Съ начала сентября всѣ поля прибрежія Средиземнаго моря кипятъ перепелками. «Въ терновникахъ пропастей, въ канавахъ, на поляхъ изъ за каждаго кустика, изъ за каждой глыбы земли», говоритъ графъ фонъ-дерь-Мюле о Греціи, «отовсюду охотнику на-встрѣчу вылетаетъ перепелка и не пройдетъ нѣсколько часовъ, какъ ягдташъ его уже набить биткомъ. Иногда случается, что ночью дулъ сирокко и тогда на слѣдующее утро нельзя найти уже ни одной птицы на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ наканунѣ еще ихъ были огромныя стаи; вдругъ онѣ снова появляются во множествѣ, и такъ дѣло идетъ до наступленія холодовъ, когда ночные морозы прогоняютъ всѣхъ пролетающихъ путницъ». Нѣкоторыя пары изъ году въ годъ остаются въ одной и той-же странѣ, гнѣздуютъ здѣсь въ маѣ или юнѣ и становятся такимъ образомъ осѣдлыми или кочующими птицами. Совершенно то же случается и въ Турціи, въ южной Италіи и въ Испаніи, не иначе стоитъ дѣло на побережьяхъ Чернаго и Каспійскаго морей и точно также близъ Японскаго и Китайскаго морей. Вальтеръ сообщаетъ изъ Туркменіи, «что, такъ какъ перепелки въ безчисленномъ множествѣ пролетаютъ по теченію Аму-Дарьи, слѣдовательно это есть путь перелета для Туркестанской области, которая, какъ извѣстно, очень богата перепелами».

Всѣ странствующие перепела, насколько возможно, держатся твердой земли и потому ихъ собирается большое множество на оконечностяхъ южныхъ полуострововъ. При неблагоприятномъ, то есть попутномъ вѣтрѣ, перелетъ задерживается, но какъ только поднимется противный вѣтеръ, то всѣ поднимаются и летятъ надъ моремъ въ юго-западномъ направленіи. Если вѣтеръ не усиливается и не превращается въ бурю, то странствованіе совершается благополучно: стая летитъ до тѣхъ поръ, пока крылья не откажутся служить; въ случаѣ сильнаго утомленія, по увѣренію моряковъ, заслуживающихъ довѣрія, птицы опускаются на воду, отдыхаютъ тутъ нѣкоторое время, а затѣмъ поднимаются и летятъ дальше. Иначе бываетъ, если вѣтеръ перемѣнитъ направленіе или перейдетъ въ бурю. Попутный вѣтеръ въ сильной степени препятствуетъ перелету черезъ море, а буря дѣлаетъ путешествіе совершенно невозможнымъ. Въ подобныхъ случаяхъ птицы, уставшія до изнеможенія, какъ-бы безсознательно падаютъ на выступающіе утесы и палубы кораблей и здѣсь подолгу лежатъ безъ движенія; онѣ бывають настолько сбиты съ толку этой неудачей, что по цѣлымъ днямъ остаются въ своихъ случайныхъ убѣжищахъ, не рѣшаясь на дальнѣйшій путь, даже, если вѣтеръ перемѣнится и погода станетъ благоприятной. Вышесказанное наблюдалось многими людьми, а сколько перепелокъ погибаетъ при этомъ въ волнахъ,—объ этомъ никто не знаетъ.

Если обратить вниманіе на перепеловъ на какомъ-нибудь мѣстѣ сѣверо-африканскаго прибрежія, то нерѣдко можно быть свидѣтелемъ ихъ прилета. Видишь темную массу, низко колеблющуюся надъ водою, которая быстро приближается, постепенно опускаясь все ниже и ниже. Изнеможенныя птицы падаютъ на землю около самой воды, здѣсь лежатъ нѣсколько минутъ какъ-бы безъ чувствъ, не имѣя возможности двигаться. Но оцѣпенѣніе это быстро проходитъ. Онѣ начинаютъ шевелиться, которая-нибудь подаетъ примѣръ, всѣ пускаются бѣжать и не-

суть по голому песку къ мѣстамъ, гдѣ удобнѣе всего скрыться. Однако онѣ долго не рѣшаются подвергнуть новому напряженію свои грудные мускулы; въ теченіи первыхъ дней своего пребыванія въ Африкѣ ни одна изъ нихъ не взлетаетъ безъ крайней нужды. Для меня не подлежитъ сомнѣнію, что, перелетѣвъ на другой берегъ моря и почувствовавъ подъ собою твердую землю, перепелки продолжаютъ свое путешествіе, главнымъ образомъ бѣгомъ. Тогда ихъ можно встрѣтить повсюду въ сѣверо-восточной Африкѣ, но никогда не замѣчаешь летающихъ стай, а безпрестанно встрѣчаешь отдѣльныхъ птицъ, иногда, впрочемъ, въ довольно большомъ количествѣ. Онѣ избираютъ своимъ мѣстожительствомъ удобныя для нихъ мѣстности, напримѣръ, поля, засѣянные альфою и другими растеніями, но чаще всего травянистую степь. Я считаю вѣроятнымъ, что во время своего пребыванія въ Африкѣ перепелки кочуютъ. Въ началѣ весны онѣ предпринимаютъ обратный путь и въ апрѣлѣ собираются на берегахъ моря, но не въ такихъ большихъ стаяхъ, какъ осенью. Впрочемъ, улетая обратно, онѣ, повидимому, не всегда избираютъ прежній путь; по крайней мѣрѣ Эргардтъ, во время весенняго перелета, никогда не видалъ на Цикладскихъ островахъ ни одной перепелки, между тѣмъ какъ осенью и здѣсь всякое удобное мѣсто кишѣло ими. Дальнѣйшій путь ихъ, кажется, происходитъ очень медленно. Наблюдали, что онѣ, появляясь массами на югѣ Европѣ въ концѣ апрѣля, постепенно отсюда исчезали, даже включая и тѣ пары, которыя оставались здѣсь гнѣздовать.

Любимыми мѣстами перепеловъ слѣдуетъ считать плодородныя, богатая хлѣбными растеніями равнины. Высокихъ гористыхъ мѣстностей они избѣгаютъ, и въ странахъ, гдѣ горы очень невысоки, они селятся рѣже, чѣмъ въ низменностяхъ. Воды они боятся такъ-же, какъ и высотъ, поэтому никогда не водятся въ болотахъ и трясилахъ. Непосредственно по прибытіи перепелки забираются сначала въ пшеничныя и ржаныя поля; въ послѣдствіи онѣ дѣлаются менѣе разборчивы; однако, несмотря на это, можно принять за правило, что тамъ, гдѣ пшеница не воздѣлывается, онѣ чувствуютъ себя не очень привольно и встрѣчаются здѣсь только во время перелета. На пути онѣ иногда опускаются въ кустарники; лѣтомъ онѣ не покидаютъ полей.

Перепелку нельзя назвать ни красивой, ни одаренной птицей и, несмотря на это, ее любятъ и старый, и малый. Этимъ она обязана своему звонкому, далеко раздающемуся призывному крику при спариваніи, этому всѣмъ знакомому «буквервук». Онъ несомнѣнно много способствуетъ оживленію мѣстности и каждый внимаетъ ему съ удовольствіемъ. Кромѣ этого призывного крика онѣ издаютъ еще и много другихъ звуковъ, которые настолько тихи, что слышны только вблизи. Въ остальное время призывной голосъ, какъ самки, такъ и самца, есть тихое «бубяви», любовь выражается болѣе громкимъ «прикик» или «брюбрюб», недовольство выражается слабымъ «гур-гур», страхъ—подавленнымъ «трюлилил», испугъ—тоже не очень внятнымъ «трюл-рек-рек-рек», которое при усиливающемся страхѣ переходитъ въ пискъ. Призывному звуку самца своей подругѣ предшествуетъ хриплое «вере-вере», послѣ чего слѣдуетъ нѣсколько разъ подрядъ ихъ «буквервук».

По своимъ свойствамъ и нраву, по образу жизни и дѣйствіямъ, перепелки во многомъ отличаются отъ сѣрой куропатки. Онѣ ходятъ скоро и проворно, но держатся некрасиво, такъ какъ голову втягиваютъ, а хвостъ прямо виситъ внизъ, поэтому перепелка кажется шарообразной, на каждомъ шагѣ киваетъ головой и очень рѣдко принимаетъ болѣе благородную осанку, летаетъ скоро, шумя крыльями и порывисто, однако гораздо скорѣе и искуснѣе сѣрой куропатки, иногда же очень ми-

ловидно покачивается. На далекія разстоянія она летитъ неохотно, хотя и поднимается при полетѣ довольно высоко, но, по возможности, скоро опять опускается на землю, и если приходится скрываться, то спасается бѣгомъ. Можно считать, что чувства ея, по крайней мѣрѣ зрѣніе и слухъ, хорошо развиты, сообразительность же очень плоха. Нельзя ее назвать очень трусливой, но можно сказать, что она боязлива, такъ какъ она постоянно пугается и, подвергшись сильнымъ преслѣдованіямъ, творитъ всякія сумасбродства; такъ, иногда ей кажется, что она можетъ себя считать въ безопасности, если спрячетъ только голову. У нихъ не замѣчается любви къ общежительности и ихъ связываетъ не привязанность, а нужда. Самецъ преслѣдуетъ каждого другого со слѣпой злобой, дерется съ нимъ до послѣдняго издыханія, а подь-часъ обращается скверно даже съ самкой, которая возбуждаетъ его страсть въ высшей степени. Самки хорошія матери и часто съ любовью принимаютъ къ себѣ осиротѣлыхъ цыплятъ другихъ перепеловъ; но дѣтеныши эти ихъ безжалостно покидаютъ, какъ только перестаютъ нуждаться въ ихъ работахъ. На другихъ животныхъ перепелки обращаютъ вниманіе только настолько, насколько онѣ ихъ боятся; перепелка ни съ кѣмъ не вступаетъ въ дружескія отношенія. До тѣхъ поръ, пока солнце стоитъ на горизонтѣ, она сидитъ по возможности смиренно между кочекъ и хворостомъ на поляхъ, въ полдень, она обыкновенно кунается въ пескѣ, удобно растянувшись, или грѣется на солнцѣ, или спитъ; около солнечнаго заката она оживляется и становится очень дѣятельной. Тогда раздается ея шелканье почти непрерывно, и она бѣгаетъ и летаетъ вѣдь своихъ излюбленныхъ укромныхъ мѣсть, которыя ей во всякомъ случаѣ приходится покидать, чтобы пойти поѣсть или навѣстить свою подругу, а случается, что необходимо пойти подраться съ однимъ изъ соперниковъ.

Ихъ пища состоитъ изъ разнаго рода зеренъ, листьевъ и почекъ, равно какъ и изъ различныхъ насѣкомыхъ. Послѣднія, повидимому, всегда предпочитаютъ растительнымъ веществамъ, но не безусловно необходимы, такъ какъ опытомъ установлено, что перепеловъ можно кормить въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ пшеничными зернами. Ихъ потребность составляютъ маленькіе камешки, способствующие пищеваренію, и свѣжая вода для питья; но для утоленія жажды перепелу достаточно росы на листьяхъ и поэтому его рѣдко можно встрѣтить на опредѣленныхъ водопояхъ.

Весьма вѣроятно, что у перепеловъ существуетъ многобрачіе; по крайней мѣрѣ всѣ наблюденія указываютъ на отсутствіе правильной брачной жизни различныхъ половъ. Самецъ ревностью превосходитъ по возможности всѣхъ куриныхъ птицъ, старается изгнать всѣхъ соперниковъ изъ своей области и сражается за свое единовластіе на жизнь и смерть. Относительно самки онъ требователенъ и вспыльчивъ, какъ врядъ ли какая-нибудь другая птица, дурно обращается съ нею, если она не хочетъ добровольно и немедленно подчиниться его требованіямъ. спаривается даже съ какою-нибудь другою любимою птицей, которую ему удастся на это вызвать. Пауманъ видѣлъ, какъ перепелъ-самецъ въ любовной ярости топталъ молодую кукушку, которая хотѣла, чтобы ее накормили; онъ же рассказываетъ, что наблюдалъ, какъ возбужденный самецъ насакивалъ на мертвыхъ птицъ. Поэтому онъ считаетъ по крайней мѣрѣ объяснимымъ древнее сказаніе о томъ, что перепелъ спаривался даже съ жабами. Перепелка приступаетъ къ постройки гнѣзда поздно, передъ самымъ началомъ лѣта, вырываетъ по преимуществу на гороховыхъ или пшеничныхъ поляхъ мелкое углубленіе, выстилаетъ его сухими частями растений и кладетъ туда 8—14 яицъ. Эти яйца относительно велики, въ разрѣзѣ длиною въ 29 мм., шириною въ 22 мм., грушевидныя, съ гладкой

скорлупой съ блестящими темнозелеными или черновато-коричневыми пятнами по свѣтло-коричневатому фону; но случаются часто уклоненія отъ этой окраски и рисунка. Самка усердно высиживаетъ яйца въ продолженіи 18—20 дней, почти не даетъ сгонять себя съ гнѣзда и поэтому часто дѣлается жертвой своей самоотверженности. Между тѣмъ самецъ бродитъ по полю и продолжаетъ одинаково пылко ухаживать то за одной самкой, то за другой, не заботясь о потомствѣ.

Птенцы тотчасъ по вылупленіи изъ яицъ убѣгаютъ съ матерью, которая заботливо водить ихъ, понукаетъ къ вѣдѣ, вначалѣ въ дурную погоду прячетъ въ своихъ перьяхъ, вообще отлично ухаживаетъ за ними. Птенцы удивительно быстро растутъ, скоро перестаютъ обращать вниманіе на призывной крикъ матери и при первой возможности стараются сами пробить себѣ дорогу въ жизни. На второй недѣлѣ своей жизни они уже летаютъ, на пятой или шестой недѣлѣ достигаютъ полной величины и достаточнаго навыка въ полетѣ, чтобы отправиться въ осеннее путешествіе.

Нерѣдко въ концѣ лѣта можно встрѣтить перепелку съ маленькими, подростующими птенцами, которые не успѣли развиться до приближенія осени. Такіе выводки непременно погибаютъ. Но даже и тѣ, которые своевременно вылупляются изъ яицъ, такъ много терпятъ отъ всякаго рода бѣгающихъ и летающихъ хищниковъ, что развѣ половина изъ народившихся на свѣтъ птенцовъ доживаетъ до осенняго перелета птицъ. Самый перелетъ влечетъ за собою еще большія опасности; теперь болѣе, чѣмъ когда-либо человекъ является злѣйшимъ врагомъ птицъ. Въ началѣ переселенія по сѣвернымъ, западнымъ и восточнымъ берегамъ Средиземнаго моря разставляются сѣти, силки и множество западней. Островъ Капри прославился обильнымъ ловомъ перепеловъ; этотъ ловъ составлялъ главную статью дохода прежнихъ епископовъ, къ епархіи которыхъ принадлежалъ этотъ островъ. По сообщенію Ватертона, въ Римѣ иногда въ одинъ день взималась пошлина съ 17,000 штукъ перепеловъ. Не менѣе значителенъ уловъ ихъ на испанскомъ берегу, гдѣ онъ производится главнымъ образомъ весною. «Въ Майнѣ», рассказываетъ графъ фонъ-деръ-Мюле, «особенно на островахъ, во время перелета перепеловъ всѣ отъ мала до велика занимаются охотой на нихъ и ихъ приготовленіемъ. Ихъ ловятъ ножными и шейными силками, на клей и въ сѣти, преимущественно наволочною сѣтью, которую дѣлаютъ большого размѣра изъ рыболовныхъ сѣтей, а особенно жирныхъ и тяжело поднимающихся мальчики убиваютъ просто палками. Битую птицу ощипываютъ, отрѣзаютъ голову и ноги, потрошатъ, дѣлаютъ на груди надрѣзъ, упакуютъ какъ сельдей и отсылаютъ. Этотъ промыселъ имѣетъ такое значеніе для некоторыхъ мѣстностей, что когда во время возстанія въ Майнѣ въ 1834 г. должны были запретить продажу пороха, бывший министръ Колетти возсталъ противъ этой мѣры въ совѣтѣ министровъ, такъ какъ этимъ пришлось бы лишитъ жителей ихъ важнѣйшаго источника пропитанія или по крайней мѣрѣ уменьшить ихъ доходы. Если вспомнить, что изъ тѣхъ перепеловъ, которые спасаются отъ преслѣдованія человека и хищныхъ животныхъ, еще тысячи гибнутъ въ морѣ, то трудно себѣ представить, какимъ образомъ ихъ сильное размноженіе можетъ пополнить эти потери.

Пойманные перепела считаются съ полнымъ правомъ пріятными сожителами. Они, по крайней мѣрѣ отчасти, теряютъ пугливость, ихъ легко содержать и они очень мало пачкаютъ комнаты и свои клѣтки. Если удовлетворяютъ всѣмъ ихъ потребностямъ и устраиваютъ имъ спокойную жизнь, то, незапертые въ клѣтку, они быстро осваиваются въ неволѣ и легко приступаютъ къ размноженію. Въ домахъ крестьянъ перепелки выводятся часто, но птенцы рѣдко вырастаютъ; наоборотъ,

въ садкахъ нашихъ зоологическихъ садовъ онѣ гнѣзятся чаще и съ большимъ успѣхомъ. Но здѣсь онѣ доставляютъ меньше удовольствія, чѣмъ въ комнатахъ, гдѣ онѣ пользуются всеобщей любовью за свой веселый нравъ, истребленіе нѣкоторыхъ насѣкомыхъ и довѣрчивое отношеніе къ собакамъ, кошкамъ и другимъ домашнимъ животнымъ. Этихъ птицъ держать и любить не только у насъ. «Перепелъ», пишетъ Вальтеръ, «любимая птица какъ въ Персіи, такъ и въ Бухарѣ. У чарджуевъ ихъ не только содержатъ въ большомъ количествѣ въ клѣткахъ, но нѣкоторыя лица любятъ ихъ просто, какъ живую игрушку, постоянно держать ихъ на рукахъ и ласкаютъ».

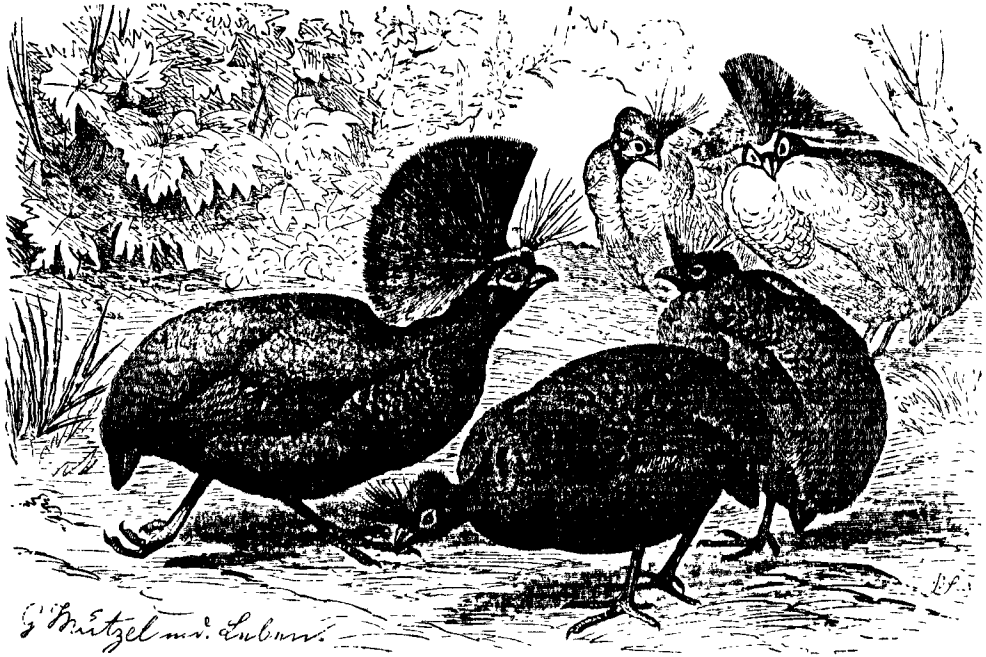
* *
*

«Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на Суматрѣ, особенно во внутреннихъ частяхъ этого острова», пишетъ мнѣ Розенбергъ, «на цѣлыя мили простираются травянистыя равнины. Эти равнины только по берегамъ рѣкъ скудно заселены, поросли рѣдкими деревьями и кустами, и мѣстами окружаютъ болѣе или менѣе значительные остатки лѣсовъ; онѣ служатъ любимымъ мѣстопробываніемъ слоновъ, оленей, кабановъ и тигровъ, но птицъ тамъ водится немного. Хорошо, если охотникъ или путникъ то тамъ, то здѣсь спугнетъ шпорцевую кукушку, маленькую перепелку, козодоя или стаю маленькихъ зябликовъ и вдовушекъ. Но если онъ приблизится къ одной изъ упомянутыхъ рощицъ, то онъ найдетъ тамъ гораздо болѣе богатое населеніе. Тутъ то живетъ и гнѣзится одна изъ самыхъ прекрасныхъ и своеобразныхъ породъ куриныхъ, отсюда она вылетаетъ въ кругомъ лежащую степь, правда такъ недалеко, что при приближеніи опасности она всегда можетъ во время скрыться въ сосѣднемъ кустарникѣ».

Рулуль (мѣстное названіе на Суматрѣ) (*Cryptonix cristatus*, *Rolullus coronatus*, *cristatus* и *roulroul*, *Crytonix coronatus* и *cristatus*, *Lyponix coronatus*, *Strausswachtel*, *Rouloul de Malaca*) по всѣмъ своимъ признакамъ разительно отличается отъ всѣхъ прочихъ тетеревиныхъ. У него клювъ толстый, на спинкѣ сильно изогнутъ, но съ тупымъ крючкомъ, у самаго основанія сжатъ съ боковъ; ноги съ тонкими плюснами и короткими пальцами, задній палецъ безъ когтя; крылья умѣренно закруглены, изъ маховыхъ перьевъ четвертое самое длинное; хвостъ короткий, опереніе обильное, на надхвостѣ очень развитое, на лбу переходитъ въ твердыя, загнутыя назадъ щетинки. Лобъ, передняя часть головы, затылокъ и вся нижняя часть туловища чернаго цвѣта съ синева-стальнымъ отливомъ; перья на теменѣ бѣлыя; сравнительно очень большой хохолокъ состоитъ изъ густыхъ, растопыренныхъ, мелко развѣтвленныхъ красновато-коричневыхъ перьевъ цвѣта ржавчины, на всей верхней сторонѣ тѣла и на надхвостѣ перья совсѣмъ темно-зеленыя, маховыя перья свѣтло-коричневыя—цвѣта орѣха—на наружной части опахала съ нѣжными коричневыми полосками и пятнышками; верхнія кроющія перья крыльевъ темнаго землисто-бураго цвѣта, малыя маховыя перья голубовато-зеленыя, переходящія въ коричневый, перья хвоста тускляя синева-черныя. Глаза коричневые, клювъ на хребтѣ синева-черный, а по бокамъ и снизу такого же яркаго киноварнаго цвѣта, какъ ноги и большія обнаженныя щеки. Длина туловища достигаетъ 26 см., длина крыла—14, длина хвоста—6 см. У самки нѣтъ хохолка, голова ея и верхняя часть шеи, темно-сѣрая, маленькія перья темно-зеленаго травянаго цвѣта, кроющія перья крыльевъ свѣтло-орѣховаго цвѣта.

Отечество рулула Суматра и Малакка. Розенбергъ о нихъ говоритъ такъ: «Рулуль не водится выше 1500 м. надъ поверхностью моря, такъ что считается характерною птицею для жаркихъ низменностей Суматры. На Лавѣ онъ никогда не попадался мнѣ. Эта птица живетъ въ единобрачій и поэтому ее находятъ преиму-

шественно парами; днемъ, и если ей не мѣшаютъ, она остается на землѣ, чтобы отыскивать пищу, которая состоитъ изъ насѣкомыхъ, червяковъ, улитокъ, сѣмянъ, ягодъ, почекъ и молодыхъ частей растений. Видъ у рулула лѣтливый и вялый и поэтому онъ производитъ особенно своеобразное впечатлѣніе на наблюдателя, такъ какъ держитъ свой почти непропорціонально большой хохоль всегда прямо; когда идетъ спокойно или стоитъ, то топорщитъ богатое опереніе на надхвостьѣ, а хвостъ подгибаетъ къ нижней сторонѣ тѣла. Онъ держится мѣтѣ напыщенно только тогда, когда бѣжитъ поспѣшно и вытягиваетъ впередъ шею и голову, а въ состояніи совершеннаго покоя онъ прячетъ голову между плечами и принимаетъ почти шарообразный видъ. Если его спугнуть, то онъ съ громкимъ свис-

Рулуль. *Cryptonix cristatus*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

томъ летитъ сильными, быстрыми взмахами крыльевъ, пролетаетъ низко надъ землею 30—40 шаговъ и потомъ спускается, чтобы спастись бѣгствомъ. Счастливо минуя опасность, самецъ призываетъ спугнутую самку особннымъ призывнымъ крикомъ, который выражается въ малайскомъ названіи «рулуль». Съ наступающей темнотою пара садится на низкій сукъ дерева, чтобы предаться ночному покою.

«Во время спариванія за обладаніе самкой между самцами происходятъ горячія драки, причѣмъ пускаются въ ходъ и клювъ, и ноги. Я не могъ узнать, живетъ ли самецъ всю жизнь съ одною и той-же самкою, но считаю это вѣроятнымъ. Самка кладетъ 8—10 соразмѣрно большихъ, сѣровато-оливковыхъ яицъ въ плоское углубленіе, скудно выложенное травинками и спрятанное подъ кустарничкомъ; она усердно высидываетъ ихъ, а между тѣмъ невдалекѣ самецъ стоитъ на сторожѣ; въ послѣдствіи онъ тоже вѣрно помогаетъ своей подружкѣ при воспитаніи птенцовъ.

«Къ врагамъ рулула—змѣямъ, хищнымъ птицамъ и хищнымъ млекопитающимъ,—присоединяется и человекъ, который неустанно охотится за нимъ изъ-за его вкуснаго мяса, и ловитъ его преимущественно силками. Я часто ловилъ его живымъ,

и держалъ довольно долго въ неволѣ, кормя червяками, стрекозами и отвареннымъ рисомъ».

Въ новѣйшее время рулулы попадали нѣсколько разъ и къ намъ въ клѣтки и давали такимъ образомъ возможность еще дополнить прекрасное описаніе Розенберга, единственное, извѣстное мнѣ. «Рулуль», пишетъ мнѣ Шлехтендалъ, «причисляется къ тѣмъ куринымъ, содержаніе которыхъ въ неволѣ сопряжено съ нѣкоторыми затрудненіями. Чрезвычайно чувствительный къ низкой температурѣ, разборчивый въ пищу, въ-то же время взыскательный относительно помѣщенія, онъ доставляетъ много труда ухаживающему за нимъ. Онъ такъ увлекается купаньемъ въ песокъ, что его едва можно терпѣть въ комнатахъ, такъ какъ онъ засыпаетъ пескомъ все вокругъ своей клѣтки. Животную пищу онъ въ сильной степени предпочитаетъ растительной: именно, онъ очень охотно ѣстъ мучныхъ червей и муравьиныя яйца; кромѣ того онъ ѣстъ вареный рисъ и различныя ягоды, какъ напримѣръ виноградъ, а на сухія сѣмена обращаетъ мало вниманія. При хорошемъ обращеніи онъ дѣлается легко ручнымъ; но даже при самомъ заботливомъ уходѣ онъ у насъ рѣдко выноситъ долго неволю».

Полевымъ курамъ Старога Свѣта соотвѣтствуютъ въ Америкѣ очень похожія на нихъ **Древесныя куры** (*Odontophorinae*. *Baumhühner*. *Odontophores*.), которыхъ также соединяютъ въ особое подсемейство. Онѣ малы или средней величины, красиво сложены; клювъ коротокъ, очень высокъ, сжатъ съ боковъ; край нижней челюсти часто зубчатый, ноги съ высокою плюсою, длинными пальцами и безъ шпоръ; крылья средней величины, очень закруглены; въ нихъ четвертое, пятое или шестое маховое перо длиннѣе другихъ; хвостъ, состоящій изъ двѣнадцати перьевъ, средней длины или короткій, снаружи закругленный. У этого семейства нѣтъ бородавчатыхъ, яркоокрашенныхъ бровей, но у многихъ вокругъ глаза находится голое мѣсто. Опереніе обильное, у большей части не особенно яркое, но у многихъ очень красиво окрашенное и затѣйливо разрисованное.

Родиной большаго числа изъ 50-ти приблизительно видовъ древесныхъ куръ является Америка; на югѣ и на сѣверѣ этого материка попадаетъ относительно мало видовъ. Онѣ также населяютъ самыя разнообразныя мѣстности. Нѣкоторыя живутъ въ поляхъ и на равнинахъ, другія въ кустарникѣ, иныя даже въ лѣсахъ; эти послѣднія своимъ образомъ жизни напоминаютъ рябчиковъ, первыя—куропатокъ, хотя надо сказать утвердительно, что вообще онѣ заслуживаютъ названіе древесныхъ птицъ. Правъ и свойства этого семейства обнаруживаютъ близкое ихъ родство съ куропатками, между тѣмъ какъ тѣ, которыя напоминаютъ рябчиковъ, походятъ на нихъ и образомъ жизни. Всѣ онѣ подвижныя созданія, бѣгаютъ быстро и ловко, летаютъ легко, хотя не долго, чувствуютъ себя свободно въ вѣтвяхъ дерева; видятъ и слышатъ онѣ прекрасно, сознательно относятся къ тому, что вокругъ нихъ происходитъ, поэтому дѣлаются ручными безъ особеннаго труда. Каждый, кто ихъ узнаетъ, плѣняется ихъ красотой и миловидностью; а ихъ плодовитость и безвредность подавали большія надежды. У насъ и въ другихъ мѣстахъ старались приручить древесныхъ куръ, населяющихъ сѣверъ Америки, и теперь достигли въ этомъ дѣлѣ значительнаго успѣха; другія виды между тѣмъ служатъ украшеніемъ нашихъ зоологическихъ садовъ. Древесныя куры удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ, которыя принято предъявлять подобнымъ птицамъ: онѣ неприхотливы, какъ немногія птицы изъ ихъ семейства и щедро вознаграждаютъ всякій затраченный на нихъ трудъ.

Одна изъ древесныхъ куръ, завоевавшая себѣ право гражданства въ Европѣ, это **Виргинская перепелка** (*Ortyx virginianus* или *virginiana*, *borealis* и *castaneus*, *Tetrao virginianus*, *marilandicus* и *minor*, *Perdrix virginiana*, *marilandica* и *borealis*, *Colinia virginiana*. *Colinhuhn*. *Colin de Virginie*) представительница рода, носящаго то же названіе (*Ortyx*), который узнается по слѣдующимъ признакамъ: клювъ короткій, сильный, очень выпуклый, верхняя челюсть загнута крючкомъ, въ передней части нижней челюсти находятся два или три зубчика. Ноги средней вышины, спереди съ двумя продольными рядами гладкихъ роговыхъ пластинокъ, сбоку и сзади покрыты маленькими чешуйками; крылья выпуклыя, довольно длинныя, въ нихъ четвертое маховое перо самое длинное; хвостъ, изъ двѣнадцати перьевъ, коротко закругленъ; нѣсколько блестящія перья удлиняются на головѣ и образуютъ маленькій хохолокъ. Всѣ перья верхней части тѣла красновато-бурыя съ черными пятнами, крапинками, полосками и съ желтыми краями; на нижней сторонѣ тѣла перья блѣдно-желтыя, съ красновато-коричневою продольною полосой и съ поперечными черными волнообразными полосками. Со лба идетъ блѣлая полоска черезъ глазъ до затылка; горлышко бѣлое; черезъ свѣтлую полосу тянется черная перевязка, и такая же перевязка, начинаясь у глаза, охватываетъ шею; по сторонамъ шеи черныя, бѣлыя и коричневая крапинки—все это вмѣстѣ преобладаетъ красновато-коричневый цвѣтъ; темно-коричневая большія маховыя перья къ краю бородки окаймлены свѣтлѣе; малыя маховыя перья покрыты неправильными огненно-желтыми полосками; рулевыя перья сѣро-голубыя, за исключеніемъ среднихъ желтовато-сѣрыхъ съ черными крапинками. Глаза орѣхово-карие, клювъ темно-бурый, ноги голубовато-сѣрыя. Самка отличается болѣе блѣдною окраской и менѣе яснымъ рисункомъ перьевъ, особенно - же желтымъ цвѣтомъ на лбу, бровяхъ, по бокамъ шеи и на горлѣ. Полъ птенцовъ, вообще похожихъ на самку, сейчасъ же узнается по болѣе или менѣе ясному рисунку. Длина туловища достигаетъ 25, размахъ крыльевъ 35, длина крыла 11, длина хвоста 7 см.

Виргинская перепелка водится въ мѣстности, ограниченной на сѣверѣ Канадою, на западѣ Скалистыми горами, на югѣ Мексиканскимъ заливомъ. Ее развели въ Утахъ, на Ямайкѣ и въ Санта-Круцъ, такъ-же какъ въ Англии и въ Вестъ-Индіи съ полнымъ успѣхомъ, въ другихъ мѣстахъ отчасти успѣшно. Она выбираетъ себѣ такое-же мѣстопребываніе, какъ и наша куропатка; предпочитаетъ поля, но ей необходимы густыя заросли, кустарникъ и тому подобныя защищенныя мѣста; при случаѣ она даже углубляется въ лѣсъ. На югѣ Соединенныхъ Штатовъ она осѣдлая птица; на сѣверѣ зимою она предпринимаетъ странствованія, которыя могутъ обратиться въ настоящіе перелеты.

Судя по описаніямъ американскихъ изслѣдователей, виргинская перепелка походитъ на нашу куропатку своимъ образомъ жизни и своими привычками. Бѣгаетъ она такъ же проворно, летаетъ еще немного быстрѣе; остальные способности стоятъ приблизительно на той же степени развитія, но голосъ ея болѣе звученъ и разнообразенъ, чѣмъ у куропатки. Онъ состоитъ изъ двухъ звуковъ, которыми иногда предшествуетъ еще вводный бой; они повторяются большей частью одинъ за другимъ и звучатъ какъ «бобвейт». Этому крику легко подражать и, благодаря ему, сложилось народное названіе виргинской перепелки «Бобъ Уайтъ». Шѣльное чувство выражается тихимъ чирканьемъ, страхъ — испуганнымъ свистомъ.

Съ началомъ весны выводки или стаи, жившія зимою вмѣстѣ, распадаются. Каждый самецъ отыскиваетъ себѣ самку, часто послѣ упорнаго боя, и выбираетъ

подходящее мѣстожительство. Тамъ жизнь кипитъ, потому что возбужденіе самца выражается не только постояннымъ крикомъ, но и ссорами съ другими самцами. Къ вечеру на всѣхъ изгородахъ, обыкновенно на самыхъ высокихъ концахъ колевъ, сидятъ виргинскія перепелки и громко кричатъ, призывая другихъ самцовъ на бой: окончивъ драку, онѣ снова возвращаются на свои возвышенныя сидѣнья. Немного позже, однако рѣдко до начала мая, самка приступаетъ къ устройству гнѣзда. Тутъ она выказываетъ себя болѣе заботливой, чѣмъ наша куропатка, потому что не только съ большою осмотрительностью выбираетъ мѣсто для гнѣзда, но довольно искусно вырываетъ въ землѣ углубленіе, которое выстилаетъ очень порядочно травками, стебельками и листьями. Обыкновенно она высматриваетъ себѣ густой кустъ травы, въ серединѣ котораго вырываетъ полушарообразную ямку, настолько глубокую, что сидящая птица свободно въ ней помѣщается. Когда окружающая трава вырастаетъ, то прикрываетъ гнѣздо такъ, какъ птицѣ нужно, и вмѣстѣ съ тѣмъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она влѣзаетъ и вылѣзаетъ, образуется сводчатый выходъ, что то вродѣ воротъ. Яйца въ продольномъ разрѣзѣ имѣютъ 32, а въ поперечникѣ 24 мм; они грушевидной формы, съ тонкой скорлупой чисто-бѣлаго цвѣта, или же съ блѣдными, желтовато-бурыми крапинками. Число яицъ колеблется между 20 и 24; въ одномъ гнѣздѣ ихъ было найдено даже 32. Родители насиживаютъ яйца поочередно, а самецъ исполняетъ еще роль вѣрнаго сторожа. Черезъ 23 дня вылупляются миленькіе птенцы; у нихъ по ржаво-бурому фону идутъ продольныя свѣтло-бурыя полосы; снизу они блѣдно-сѣрые, а горло желтое. Въ особенности теперь родители дѣлятъ между собою заботы о воспитаніи птенцовъ; по крайней мѣрѣ я наблюдалъ на пойманныхъ птицахъ, что самецъ съ перваго дня ихъ существованія печется о нихъ съ такою же любовью и нѣжностью, какъ самка. Оба старика садятся близко другъ къ другу, обыкновенно такъ, что головы ихъ обращены у одного въ одну, у другого въ противоположную сторону, и въ этомъ положеніи оба грѣбютъ подъ своими перышками многочисленный выводокъ. Когда семейство прогуливается, отецъ непременно идетъ впереди, потому что онъ и теперь не хочетъ снять съ себя обязанности сторожа, а мать съ птенцами слѣдуетъ только на извѣстномъ отдаленіи. Гордо выступаетъ самецъ и безпрестанно поворачиваетъ голову то въ одну, то въ другую сторону. Каждая мирная птица, которую онъ замѣчаетъ, внушаетъ ему теперь опасеніе; но мужество его такъ же велико, какъ и забота о благѣ дѣтей: онъ бросается на каждаго противника, который кажется ему равнымъ, съ намѣреніемъ освободить дорогу. Въ случаѣ опасности отецъ жертвуетъ собою, и пока онъ отвлекаетъ врага, мать отводитъ выводокъ въ безопасное мѣсто. Уже на третьей недѣлѣ своей жизни виргинскія перепелки могутъ подниматься съ земли, и какъ только онѣ это умѣютъ, опасности, угрожающія имъ, уменьшаются; теперь, при появленіи врага, весь выводокъ разлетается въ разныя стороны, и каждый цыпленокъ бѣжитъ или подлетаетъ къ вѣрному убѣжищу, пока родители пускаютъ въ дѣло все свое искусство притворяться. Позднѣе, спугнутое семейство садится на деревья, если они растутъ вблизи.

Лѣтомъ виргинская перепелка питается насѣкомыми и различными растительными веществами, именно зернами хлѣбныхъ растений; осенью эти послѣднія составляютъ главную ея пищу. Пока зеленѣютъ поля, всѣмъ, отъ мала до велика, живется радостно и отлично; но съ наступленіемъ зимы часто и этому виду куриныхъ приходится терпѣть крайнюю нужду, и тогда бываетъ, что онѣ рѣшаются улетѣть въ южныя края. Во время такихъ путешествій многія погибаютъ, потому что хищники преслѣдуютъ ихъ по пятамъ, а человѣкъ пускаетъ въ ходъ всѣ средства

чтобы завладѣть лакомою дичью. Тысячи виргинскихъ перепеловъ поселяются въ октябрѣ по берегамъ большихъ рѣкъ, оживляя всѣ кусты и цѣлый день перелетая съ одного берега на другой, причемъ многіе погибаютъ въ волнахъ. Позднѣе они покидаютъ эти свои излюбленные убѣжища и переходятъ на проѣзжія дороги, чтобы обыскивать лошадиный пометъ. Наконецъ, когда глубокій снѣгъ закрываетъ всюду ихъ пищу, они появляются, движимые голодомъ, въ непосредственной близости поселеній, иногда даже на дворахъ, смѣшиваются съ домашними курами, тотчасъ же вручаютъ себя ихъ руководству, и подбираютъ крохи, падающія со стола ихъ счастливыхъ родичей. Гостепримствомъ челоуѣка они пользуются съ благодарностью.

Виргинскую перепелку легко можно приручить и разводить въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя удовлетворяютъ ея жизненнымъ потребностямъ. Пойманныя птицы этой породы, если съ ними разумно обращаться, примиряются со своей участью черезъ нѣсколько дней, теряютъ скоро всякій страхъ и въ удивительно короткое время привыкаютъ къ тѣмъ, кто за ними ходитъ. Еще легче дѣлаются ручными тѣ изъ нихъ, которыя выросли на глазахъ челоуѣка. Американцы увѣряютъ, что иногда находили яйца виргинской перепелки въ гнѣздахъ тѣхъ куръ, которыя несутся внѣ двора, что онѣ высидывали эти яйца, и приемная мать воспитывала виргинскихъ перепелокъ вмѣстѣ со своими собственными цыплятами. Вначалѣ они ведутъ себя совсѣмъ такъ же, какъ ихъ сводные братья, то есть бѣгутъ на призывной крикъ курицы, приходятъ съ нею во внутрь двора, но позднѣе обыкновенно въ нихъ пробуждается потребность свободы, и съ наступленіемъ весны они всегда улетаютъ. Вильсонъ рассказываетъ о двухъ виргинскихъ перепелкахъ, которыя были высидены такимъ образомъ, что когда онѣ вышли изъ подъ опеки своей приемной матери, то стали выказывать странное расположеніе къ коровамъ. Онѣ сопровождали коровъ на пастбище, а когда зимою стадо перестали выгонять, то послѣдовали за ними въ коровникъ. Но и онѣ улетѣли въ свои поля съ началомъ весны. Въ нашихъ зоологическихъ садахъ виргинскія перепела выводятся лучше всего, если о нихъ какъ можно меньше заботятся. Ихъ удивительная плодовитость весьма способствуетъ ихъ размноженію. Если бы у насъ захотѣли сдѣлать ту же попытку, которую англичане привели теперь уже въ исполненіе, то достаточно было бы 50—100 паръ, чтобы заселить этой многообшщающей дичью сначала птичій дворъ, а потомъ и благопріятную для размноженія мѣстность.

Американцы любятъ охотиться за этими хорошенькими птицами, мясо которыхъ считается превосходнымъ, хотя охота за ними не такъ легка, какъ за нашей куропаткой. Виргинская перепелка не снимается изъ подъ собаки, но старается при приближеніи опасности спастись бѣгствомъ, и только въ крайней необходимости срывается обыкновенно изъ подъ самыхъ ногъ охотника. Охота еще затрудняется въ томъ случаѣ, если стая благополучно достигла лѣса, потому что тутъ всѣ сплывающіяся птицы садятся на деревья, прижимаются къ толстымъ сукамъ, и такимъ образомъ ихъ не различитъ самый острый глазъ. Напротивъ того, онѣ идутъ на пиццкъ, и тому, кто умѣетъ подражать крику того или другого пола, достается богатая добыча. Въ Америкѣ для этой охоты примѣняютъ охотнѣе сѣти и силки, чѣмъ огнестрѣльное оружіе; особенно выдающуюся роль играютъ, повидимому, мѣшки изъ сѣтей. Чтобы поймать виргинскихъ перепелокъ, вытѣзжаютъ обыкновенно цѣлымъ обществомъ верхомъ въ поле, приманиваютъ отъ времени до времени, обнаруживаютъ мѣстопробываніе одной птицы, разставляютъ силокъ и продолжаютъ ѣхать на стаю, образуя полумѣсяцъ, болтая и смѣясь. Перепела бѣгутъ по землѣ, по

возможности скрываясь, и если их ловко гонять, то попадаютъ непременно въ сѣть. Этимъ способомъ ловятъ часто 16—20 птицъ сразу.

* *
*

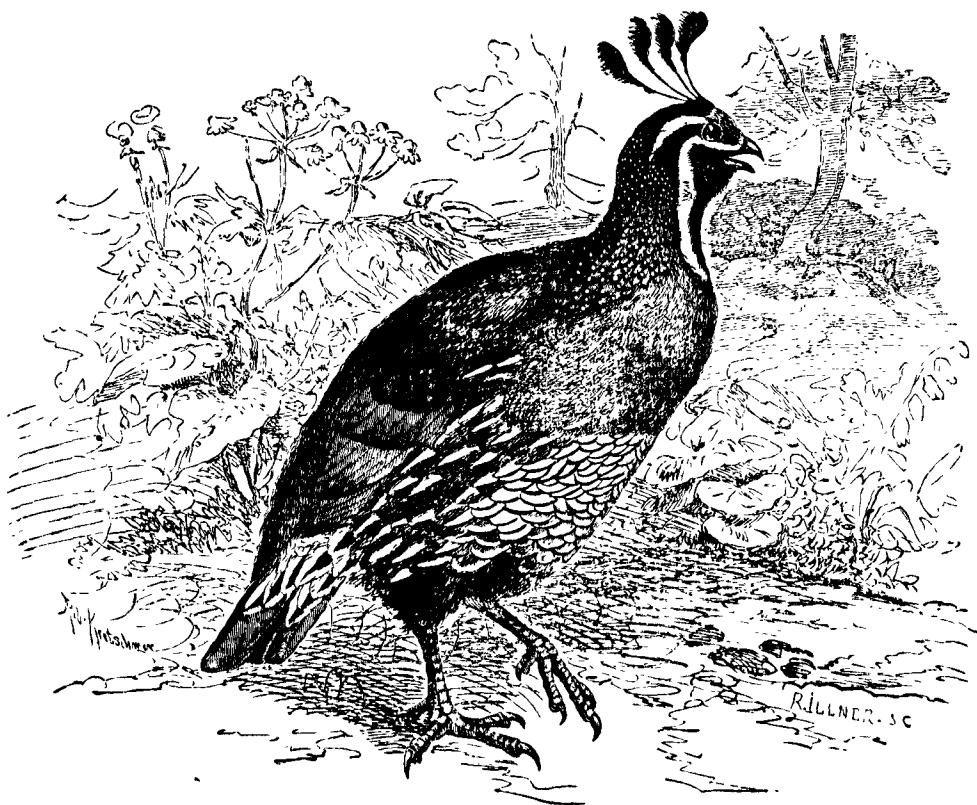
Второй видъ составляютъ **Хохлатыя перепелки** (*Callipepla Naubenwachtel. Colins d'Amérique*). Тѣло ихъ сжато, клювъ коротокъ и силенъ, на спинкѣ загнутъ, ноги средней вышины, немного сжаты съ боковъ; крылья короткія, выпуклыя и закругленныя, въ немъ 4-е и 5-е маховыя перья длиннѣе другихъ. Хвостъ, состоящій изъ двѣнадцати перьевъ, довольно коротокъ и замѣтно ступенчатый, опереніе густое, но плотно прилегающее и блестящее. Посреди поднимаются 2—10, чаще всего 4—6 перьевъ, которыя сужены у основанія и расширяются на концѣ. Они загнуты напередъ на подобіе серпа и, какъ водится, болѣе развиты у самца, чѣмъ у самки.

Самый извѣстный видъ это—**Калифорнскій перепелъ** (*Callipepla californica, Tetrao californicus, Perdix, Ortyx* и *Lophortyx californica. Schopf-wachtel. Colin de Californie*). Лобъ у него соломеннаго цвѣта, каждое перо съ темнымъ стержнемъ; этотъ цвѣтъ ограниченъ полоской на лбу, которая, удлиняясь, образуетъ бровь. Передняя часть темени темно-коричневая, задняя—цвѣта умбры. Затылокъ, покрытый длинными перьями, сѣро-голубой, каждое перо съ черной полоской съ краю и съ чернымъ стержнемъ, съ двумя бѣловатыми пятнами на концѣ. Спина оливковаго цвѣта, горло черное, окруженное бѣлой полоской. Верхняя часть груди сѣро-голубая, нижняя часть—желтая, каждое перо свѣтлѣе на концѣ и съ черной полоской по краямъ. Средина брюшка буровато-красная и каждое перо тоже обведено темной полоской, такъ что образуется черный раковистый узоръ. Сбоку перья бурья съ широкими стержневыми полосками, нижнія кроющія перья хвоста свѣтло буровато-сѣрыя, малыя маховыя перья желтыя съ темными стержнями; маховыя перья — съ желтоватыми краями, рулевыя перья чисто-сѣрыя. Глаза темно-каріе, клювъ черный, ноги темнаго свинцоваго цвѣта. Опереніе самки окрашено проще: на лбу грязноватыя бѣловато-коричневыя полоски, темя коричневато-сѣрое, горло желтоватое съ болѣе темными штрихами. Грудь грязно-сѣраго цвѣта, остальная нижняя часть тѣла и рисунокъ на перьяхъ блѣднѣе, грязнѣе и гораздо менѣе замѣтенъ, чѣмъ у самца. Величина туловища достигаетъ 24, длина крыла 11, длина хвоста 9 см.

Опереніе родственнаго **Хохлатаго перепела** (*Callipepla gambeli* и *venusta, Lophortyx gambeli. Helm-wachtel. Colin superbe*) сходно по раздѣленію цвѣтовъ; но черная лицевая часть у него больше, затылокъ ярко красновато-бурый, нижняя часть тѣла желтая, безъ раковистаго узора. Брюшко черное, а боковое опереніе съ ярко-желтыми продольными полосками по прекрасному красновато-коричневому фону вмѣсто оливковаго; вообще, всѣ цвѣта болѣе ярки и блестящи.

Всѣ извѣстныя мнѣ сообщенія объ образѣ жизни калифорнскихъ перепеловъ очель скудны. «Эта великолѣпная птица», рассказываетъ Гамбель, который даетъ лучшія свѣдѣнія, «чрезвычайно часто встрѣчается во всей Калифорніи; зимою она соединяется въ огромныя стаи, которыя состоятъ иногда изъ тысячи и болѣе штукъ, предположивъ, что лѣсныя пространства способны укрыть такое большое число птицъ. На заросшихъ кустами равнинахъ и на склонахъ холмистыхъ мѣстностей она встрѣчается такъ-же часто, какъ и въ лѣсахъ. Эта птица выказываетъ такую-же бдительность, какъ и виргинская перепелка, но гораздо провор-

нѣ на ходу и дѣлаетъ тщетнымъ всякое преслѣдованіе тѣмъ, что съ удивительною быстротою убѣгаетъ и прячется. Если ее спугнуть вдругъ, то она обыкновенно летитъ къ деревьямъ и прижимается къ горизонтальному суку, какъ бѣлка; ее трудно найти еще потому, что опереніе ея очень походитъ на древесную кору. Гнѣздо устраивается на землѣ, обыкновенно у подножія дерева или подъ вѣтвями куста; она несетъ яйца иногда въ большомъ количествѣ. Я нашелъ 24 яйца въ мелкомъ углубленіи, вырытомъ у подножія дуба; оно было выложено нѣсколькими листочками и сухой травой, но середина не была ничѣмъ прикрыта. Возможно, что двѣ курицы положили яйца въ одно и то-же гнѣздо, такъ какъ

Калифорскій перепелъ. *Callipepla californica*. $\frac{1}{2}$ наст. величины.

обыкновенно каждая кладка не превышаетъ 15 яицъ». Эти яйца въ продольномъ разрѣзѣ достигаютъ приблизительно 32, а въ поперечномъ 24 мм.; обыкновенно они желтоватыя или свѣтло-сѣрыя съ темно-бурыми и буровато-желтыми пятнами, но бываютъ многочисленныя уклоненія.

Фрейбергъ, который также наблюдалъ калифорнскаго перепела въ его отечествѣ, говоритъ, что это осѣдая птица или по крайней мѣрѣ она отлетаетъ недалеко. Перепелъ этотъ питается травой, сѣменами, луковичками, клубнями и тому подобными растительными веществами, всевозможными ягодами и насѣкомыми. Онъ предпочитаетъ вѣсьмъ другимъ мѣстностямъ молодыя порубки или вообще густой кустарникъ, и рѣдко удаляется отъ нихъ болѣе, чѣмъ на 40—50 шаговъ, такъ что едва выходитъ изъ тѣни лѣса. Передъ легавой собакой онъ сидитъ довольно долго, а когда снимается, то непременно летитъ къ первому большому дереву и

здѣсь принимаетъ такое-же положеніе, какъ рябчики. Зимой онъ роетъ себѣ длинные ходы подь снѣгомъ. Въ Калифорніи его стрѣляютъ съ деревьевъ малокалиберной винтовкой, но охотятся также и съ собакой, потому что мясо его дорого цѣнится и стоитъ наравнѣ съ мясомъ рябчика.

«Кто хочетъ изучить нравы и обычаи калифорнскаго перепела», говоритъ Каусъ, которому мы обязаны прекраснымъ описаніемъ этого вида, «долженъ покинуть всѣ удобства правильной жизни и съ запада отправиться приблизительно на тысячу миль вглубь страны. Онъ попадаетъ тогда въ дикую мѣстность, въ которой все еще господствуетъ индійское племя апаховъ, и въ которой бѣлые могутъ держаться только посредствомъ ежедневно возобновляющихся битвъ. Эта страна изрѣзана зіяющими пропастями, глубокими долинами и ущельями, возлѣ которыхъ громоздятся исполинскія горы, и вся покрыта массама лавы, которую когда-то извергали давно потухшіе и неузнаваемые теперь вулканы. Есть здѣсь и рѣки, въ сухомъ руслѣ которыхъ путникъ погибаетъ отъ жажды, есть и широкія равнины, поросшія сухой, колючей травой и низкимъ кустарникомъ, вѣчно страдающими отъ недостатка воды. Но эта мѣстность — страна противоположностей и чудесъ. Среди самыхъ дикихъ горъ находятся предестныя, влажныя, зеленныя и плодородныя долины; обширныя сосновые и кедровыя лѣса смѣняются сухими пустынными полями, покрытыми лавой; склоны холмовъ покрыты дубомъ и другими мѣстными деревьями, между тѣмъ какъ берега рѣкъ поросли тополями, ивами и орѣшникомъ, которые загромождены почти непроницаемой стѣной виноградныхъ лозъ, крыжовника, терновника, розъ и всевозможныхъ другихъ вьющихся растеній. Животный и растительный міръ носитъ тутъ совсѣмъ новый, чужеземный отпечатокъ; даже воздухъ, кажется, составленъ иначе, чѣмъ у насъ». Эта страна есть родина нашей древесной курицы.

«Красивая на видъ, нѣжная на ощупь, душистая и чрезвычайно вкусная—калифорнская перепелка въ самомъ дѣлѣ великолѣпная птица! Я любовался ею уже много лѣтъ тому назадъ, съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ ее въ первый разъ въ музеѣ, украшеніемъ котораго она служила: тамъ изъ нея было набито чучело и неуклюже приколочено къ доскѣ. Теперь-же, послѣ того какъ я наблюдалъ ее живую въ ея отечествѣ, видѣлъ ее раньше, чѣмъ потухъ блескъ ея глазъ, послѣ того, какъ я самъ охотился на ея цыплятъ, я еще болѣе восхищаюсь ею и думаю, что врядъ-ли найдется въ Америкѣ другая птица, равная ей по красотѣ. Ея полныя и круглыя формы ничуть не кажутся неуклюжими, потому что шея и хвостъ у нея длинныя, голова маленькая, а красиво выгнутыя перышки придаютъ ей необыкновенную миловидность. Ея бѣгъ легокъ и неторопливъ: это поистинѣ удивительное зрѣлище, когда пѣтухъ съ поднятой головой, съ блестящими глазами и колеблющимся хохолкомъ гордо переступаетъ черезъ лежащій на землѣ стволъ, подь которымъ спряталось его маленькое семейство! Онъ такъ храбръ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ слабъ, съ такой твердой волей—и такъ безпомощенъ!

«Въ свое мѣсто назначенія въ Аризону я попалъ въ концѣ іюля. Я скоро узналъ, что калифорнскій перепелъ здѣсь особенно часто встрѣчается. Уже во время первой охоты я почти наткнулся на стаю маленькихъ цыплятъ, едва вылунившихся изъ яйца; но маленькія проворныя животныя такъ быстро убѣжали и такъ отлично спрятались, что я не могъ найти ни одного изъ нихъ. Помню, что я смѣшалъ ихъ съ горной перепелкой (*Callipepla picta*) и удивился, что встрѣтилъ ея птенцовъ такъ поздно. Но это не было поздно для калифорнской перепелки, потому что даже въ августѣ я встрѣчалъ многіе выводки, которымъ было

всего нѣсколько дней. На слѣдующій годъ я наблюдалъ, что старыя птицы спаривались въ концѣ апрѣля, а въ началѣ юня я видѣлъ первыхъ цыплятъ. Такимъ образомъ я узналъ, что этотъ видъ высиживаетъ цыплятъ въ маѣ, юнѣ, юлѣ и августѣ. Больше число цыплятъ въ выводкахъ, которые я встрѣчалъ, было 15—20, а меньшее— 6—8. Хотя я еще 1-го октября встрѣтилъ случайно полувзрослыхъ цыплятъ, но большая часть ихъ была уже почти или совсѣмъ такого роста, какъ родители, и настолько оперившіеся, что они могли привлечь на себя вниманіе настоящаго охотника.

«Пока молодой выводокъ нуждается въ попеченіяхъ родителей, онъ держится тѣсно сплоченной семьей; если имъ угрожаетъ опасность, то каждый цыпленокъ такъ быстро убѣгаетъ и прячется въ такомъ вѣрномъ мѣстѣ, что его очень трудно найти. Если это удастся, то вся стая заразъ снимается, но обыкновенно спускается снова на нижнія вѣтви деревьевъ и кустовъ, а часто и на землю. Тутъ птицы сидятъ неподвижно, иногда положительно кучей, и, думая, что онѣ хорошо спрятаны, подпускаютъ къ себѣ на очень близкое разстояніе. Позднѣе въ году, когда онѣ достигаютъ полной величины, онѣ рѣже садятся на деревья, дѣлаются осторожнѣе и спускаютъ подпускаютъ къ себѣ охотника. Первый признакъ, что вы приблизились къ стаѣ, это крикъ, быстро повторенный два или три раза сряду; потомъ слѣдуетъ шуршаніе листьевъ, и вся компанія убѣгаетъ возможно быстрѣе, еще шагъ, и птицы снимаются съ трескомъ и шумомъ и разлетаются по различнымъ направленіямъ.

«За исключеніемъ сплошнаго хвойнаго лѣса безъ кустарника, эти перепелки селятся во всякихъ мѣстностяхъ, но очевидно предпочитаютъ густыя заросли и особенно береговой ивнякъ. Правда, здѣсь онѣ встрѣчаются такъ-же часто на полянкахъ между кустарникомъ, даже въ кустахъ сухой равнины, и такъ какъ я встрѣчалъ ихъ во всякихъ мѣстностяхъ, то и не могу сказать, какую онѣ собственно предпочитаютъ.

«Подобно другимъ куринымъ, калифорнская перепелка питается преимущественно сѣменами и плодами, хотя насѣкомыя составляютъ не маловажную часть ея корма. У нея въ зобу можно найти сѣмена всевозможныхъ травъ, ягоды всѣхъ сортовъ, виноградъ и тому подобное, кузнечиковъ, жуковъ, мухъ и другихъ насѣкомыхъ, и безъ всякаго сомнѣнія, когда Аризона заселится, эта перепелка не будетъ пренебрегать пшеницей, рожью и другими злаками. Въ первые весенніе мѣсяцы она охотно ѣстъ ивовыя почки, и тогда ея мясо пріобрѣтаетъ горькій вкусъ.

«Я слышалъ отъ калифорнской перепелки три различныхъ звука. Обыкновенный ея крикъ, испускаемый при всякомъ случаѣ, надо-ли собрать семейство, или предостеречь его—это простое, звучное, иногда повторяемое безчисленное количество разъ «чинг-чинг»; второй звукъ, который слышится во время спариванья, когда самецъ добивается расположенія самки—это звонкій, сильный свистъ, въ которомъ мнѣ слышались слоги «килинк»; третій звукъ, по моему мнѣнію, принадлежитъ только самцу и издается имъ, когда самка высиживаетъ яйца, или ведетъ своихъ цыплятъ, особенно при восходѣ и закатѣ солнца: это удивительно незвонкій крикъ. Самецъ при этомъ сидитъ обыкновенно на самыхъ верхнихъ вѣтвяхъ дубоваго или ивоваго куста, вытягиваетъ шею, опускаетъ крылья и выкрикиваетъ свои грубые, сильные горловые звуки.

«Хорошенькій хохолокъ, такъ сильно украшающій этотъ видъ куриныхъ, образуется въ раннемъ возрастѣ; его замѣчаютъ уже у цыплятъ, которымъ всего нѣсколько дней. У нихъ, правда, онъ состоитъ только изъ маленькаго, коротенькаго пучка изъ 3 или 4 перьевъ, которыя скорѣе коричневаго, чѣмъ чернаго цвѣта, не расширяются на концѣ и стоятъ прямо. Хохолокъ наклоняется впередъ, только когда птица совсѣмъ оперится. Число перьевъ, изъ которыхъ онъ состоитъ, зна-

чительно колеблется. Иногда ихъ бываетъ 8—10, а иногда только одно. Тотчасъ послѣ размноженія начинается линяніе: оно идетъ такъ медленно и постепенно, что мнѣ очень рѣдко случалось убить птицу, негодную для набивки. Перья хохолка мѣняются также постепенно, такъ что едва-ли можно встрѣтить птицу безъ этого прелестнаго головного украшения.

«Охота на калифорнскаго перепела труднѣе, чѣмъ на виргинскаго. Хотя онъ снимается не вдругъ и летитъ не быстрѣе, но если стая поднялась и одна или двѣ птицы убиты, то чрезвычайно трудно сдѣлать еще удачный выстрѣлъ. Кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ они летать не очень стойко, и если, разъ спугнутые, они опять садятся на землю, то скрываются такъ хорошо, что ихъ ужъ больше не спугнуть; если же это и удастся, то они убѣгаютъ по возможности быстрѣе и дальше, такъ что ихъ находить довольно далеко отъ мѣста нападенія. Привычка ихъ спасаться бѣгствомъ утомляетъ не только охотника, но и собаку до такой степени, что даже прекрасно выдресированная почти совсѣмъ не годится для этой охоты. Правда, часто стрѣлку представляется возможность стрѣлять по бѣгущей птицѣ: но какой же охотникъ захочетъ такимъ безславнымъ образомъ набивать свой лгдтанъ благородною дичью! Полетъ калифорнскаго перепелки замѣчательно быстръ и всегда силенъ, ровенъ и прямъ, такъ что опытному стрѣлку не особенно трудно убить ее».

Въ 1852 году Дешанъ привезъ во Францію 6 паръ калифорнскихъ перепелокъ. На слѣдующій годъ отъ нихъ дождались потомства, и потомъ нѣсколько разъ старались развести во Франціи эту хорошенькую птицу, но не достигали рѣшительнаго успѣха. Также въ Германіи предпринимали подобное съ такими же результатами. Однако сообщенія, сдѣланныя мнѣ различными лицами, разводившими птицъ, оказываются только отчасти неблагоприятными, поэтому я остаюсь при томъ мнѣніи, что можно было бы приручить у насъ эту чрезвычайно красивую птицу. Но для этого прежде всего необходимо, чтобы опыты были произведены людьми свѣдущими, въ настоящемъ мѣстѣ и съ настойчивостью. Вообще рассчитывать на успѣхъ можно только въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ, безъ значительнаго содѣйствія человѣка, водятся фазаны. Надо имѣть въ виду по возможности смѣшанные лѣса съ болѣе или менѣе непроходимой чащей изъ терновника, ивняка, высокихъ травъ и ползучихъ растений; изъ всѣхъ другихъ мѣстъ калифорнскіе перепела, счастливо выведенные, уходятъ, какъ только представится возможность. Филиппи сообщаетъ, что съ начала семидесятыхъ годовъ калифорнская перепелка была приручена въ Чили, именно въ окрестностяхъ Вальпарайзо; также въ Новой Зеландіи ее развели съ полнымъ успѣхомъ.

Въ клѣткѣ самка обыкновенно кладетъ чрезвычайно много яицъ, часто 50—70 штукъ, и по большей части не на опредѣленное мѣсто въ гнѣздѣ, а въ разные углы клѣтки. Хотя карликовыя куры могутъ высиживать такія яйца, но рѣдко приходится радоваться на такой выводокъ. Предпочитается высиживанье яицъ самой матерью, что доставляетъ величайшее удовольствіе ухаживающему за нею. Если парѣ перепелокъ даютъ по возможности большую свободу, то тогда самка сама приступаетъ къ насиживанію яицъ; передъ кладкой яицъ въ мѣстѣ, особенно ей привлекательномъ, обыкновенно подъ густымъ кустомъ, она роетъ неглубокую ямку, выстилаетъ ее корешками, сѣномъ, сухими листьями и тому подобными веществами, кладетъ въ это гнѣздо 12—16 яицъ и тотчасъ-же садится на нихъ. Самецъ обыкновенно не смѣяетъ курицу, но держится постоянно вблизи нея и предупреждаетъ ее о приближеніи человѣка или животнаго, причѣмъ она быстро поднимается, прикрываетъ яйца сухими листьями и осторожно прокрадывается подалѣе

отъ этого мѣста. Если она погибаетъ во время сидѣнья на яйцахъ, то самецъ беретъ на себя ея обязанности и выводитъ цыплятъ. Они выдупляются черезъ 22 дня; въ первые дни ихъ жизни мать грѣбеть ихъ подъ своими перышками, учить ихъ отыскивать кормъ, заботливо охраняетъ и предостерегаетъ въ случаѣ опасности. Если опасность велика, то родители жертвуютъ собою и стараются отвлечь врага, между тѣмъ цыплята скрываются съ быстротою молніи и такъ отлично прячутся, что самое острое зрѣніе не поможетъ найти ихъ. На девятый день своей жизни птенцы въ состояніи подниматься на дерево, и съ этихъ норъ они почувуютъ на безопасной вышинѣ, сиди на толстомъ сучкѣ, прижавшись къ родителямъ или подъ нихъ. По прошествіи мѣсяца они дѣлаются такими самостоятельными, что могутъ сами пробиться въ жизни, если курица, какъ иногда случается, должна приступить ко второй кладкѣ. До самой осени птицы держатся вмѣстѣ, отыскиваютъ кормъ на землѣ и въ вѣтвяхъ деревьевъ, при опасности ищутъ убѣжища въ ихъ вершинахъ, и прячутся здѣсь съ такою же ловкостью, какъ рыбки. Все идетъ хорошо до наступленія зимы, до перваго снѣга. Этотъ послѣдній производитъ часто ошеломляющее дѣйствіе какъ на молодыхъ, такъ и на старыхъ, разгоняетъ выводки и разсѣиваетъ перепеловъ по всѣмъ направленіямъ.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ свѣдѣнія, собранныя въ теченіи послѣднихъ лѣтъ. Они не указываютъ на безусловную удачу разведенія калифорнской перепелки, но далеко не такъ неблагоприятны, чтобы отбить охоту къ дальнѣйшимъ попыткамъ. Русь считаетъ неправильнымъ сразу выпускать птицъ на свободу; по его мнѣнію, слѣдовало-бы начинать съ того, чтобы приручить птицъ въ соответствующихъ клѣткахъ и въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онѣ должны позднѣе жить, или по крайней мѣрѣ по близости.

Въ четвертомъ подсемействѣ мы соединяемъ **Фазановыхъ** (Phasianinae. Fasianep. Faisanidés). У нихъ тѣло тоже сжато, но болѣе вытянуто, чѣмъ у куропадокъ, клювъ средней длины, сильно вытянутый, верхняя челюсть загибается надъ нижней; иногда на концѣ она удлинняется и образуетъ какъ бы ноготь. Ноги умеренной вышинны, съ длинными пальцами, а у самца почти всегда со шпорами. Крылья средней длины или короткія, сильно закругленныя. Хвостъ обыкновенно длинный и широкій, состоящій изъ 12—18 перьевъ. Голова частью голая, часто съ гребешками или кожистыми наростами, иногда даже съ рожками и украшенная пучками перьевъ. Опереніе прекрасно окрашенное и блестящее, различное, смотря по полу и возрасту. Позвоночный хребетъ состоитъ изъ 13—14 шейныхъ, 7 спинныхъ и 5—6 хвостовыхъ позвонковъ, изъ которыхъ послѣдній своей формой соответствуетъ широкому хвосту, а именно длинный, острый, остистый отростокъ направленъ скорѣе назадъ, чѣмъ вверхъ и образуетъ наверху плоскую горизонтальную пластинку. Плечевая кость такой длины, какъ лопатка, предплечье наполовину короче. Боковые отростки грудной кости длинны и прямы, задніе видообразно раздвоены; тѣло грудной кости имѣетъ спереди съ каждой стороны тонкое, неокостевѣвшее мѣсто. Тазовая кость сравнительно высока и узка; бедро имѣетъ воздушныя полости. Дыхательное горло состоитъ изъ соединенныхъ перепонкой хрящевыхъ колецъ. Прямая кишка длинная, слѣпныя кишки различной длины.

Всѣ фазановыя селятся въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ или по крайней мѣрѣ поросшихъ кустарникомъ, гдѣ могутъ укрыться, но одніе предпочитаютъ высокія горы, а другіе низменности. Это осѣдлыя птицы, которыя не покидаютъ разъ избраннаго мѣста, но при выборѣ проявляютъ большую осмотрительность. У всѣхъ есть стремленіе, послѣ времени вывода птенцовъ немного постраниваться по окрест-

нестямъ и посѣщать такія мѣста, гдѣ ихъ обыкновенно нельзя встрѣтить. Настоящее переселеніе оказывается невозможнымъ по причинѣ слабости крыльевъ. Фазановыя ходятъ хорошо, и если хотять, могутъ соперничать почти съ любой изъ куриныхъ въ скорости бѣга, но летаютъ плохо, и поэтому только въ крайнемъ случаѣ поднимаются на воздухъ. Повидимому, онѣ не любятъ тѣлеснаго напряженія; даже во время спариванья онѣ гораздо спокойнѣе, чѣмъ другія куриныя. Обыкновенно онѣ прохаживаются тихо и осмотрительно, втянувши или нагнувъ шею, и приподнявъ прекрасный хвостъ, свое главное украшеніе, настолько, чтобы среднія перья не тащились по землѣ; при болѣе быстромъ бѣгѣ онѣ пригибаютъ голову къ землѣ и еще выше приподнимаютъ хвостъ, а въ случаѣ надобности помогаютъ себѣ и крыльями. При полетѣ онѣ дѣлаютъ тяжелые взмахи крыльями и поэтому, поднимаясь, производятъ сильный шумъ; достигнувъ известной высоты, птица перестаетъ дѣйствовать крыльями, и, распустивъ ихъ и хвостъ, быстро устремляется внизъ по наклонному направленію. Въ вѣтвяхъ высокихъ деревьевъ она обыкновенно садится прямо или просто ложится на сучекъ совсѣмъ подогнувши ноги, а ея длинный блестящій хвостъ свѣшивается внизъ почти вертикально. Чувства у фазановыхъ хорошо развиты, но душевныя способности вообще незначительны. Пока не является на сцену любовь, фазаны живутъ между собою мирно, но во время спариванья самцы приходятъ въ возбужденное состояніе, какъ мы видѣли у другихъ куриныхъ, вслѣдствіе чего между ними происходятъ самыя серьезныя драки.

До самаго времени спариванья эти птицы, по возможности, прячутся. Если имъ ничто не мѣшаетъ, то онѣ садятся на деревья только передъ самымъ сномъ, а цѣлый день ходятъ по землѣ, отыскивая себѣ пищу между кустами и въ травѣ, боязливо избѣгая открытыхъ мѣстъ и пробираясь изъ одного укромнаго уголка въ другой. Самецъ ведетъ обыкновенно за собою нѣсколько самокъ; но встрѣчаются и такія смѣшанныя стаи, которыя состоятъ изъ нѣсколькихъ самцовъ и многихъ самокъ. Фазаны не образуютъ очень многочисленныхъ обществъ, а если это и случается, то обыкновенно птицы недолго держатся вмѣстѣ. Кромѣ времени гнѣздованія онѣ главнымъ образомъ заняты отыскиваніемъ пищи. Онѣ ѣдятъ съ утра до вечера и отдыхаютъ отъ трудовъ своихъ только въ полдень, на половину зарышишь, если возможно, въ пыль въ какомъ-нибудь углубленіи. Рано утромъ и подъ вечеръ онѣ особенно подвижны и тогда любятъ погулять; съ заходомъ солнца онѣ идутъ на покой. Ихъ пища состоитъ изъ всевозможныхъ растительныхъ веществъ, отъ сѣмянъ до ягодъ и отъ почекъ до развернувшихъ листьевъ; кромѣ того онѣ ѣдятъ и насѣкомыхъ во всѣхъ стадіяхъ развитія, улитокъ, мягкотѣлыхъ, также, можетъ быть, и маленькихъ позвоночныхъ животныхъ, но особенно преслѣдуютъ маленькихъ лягушекъ, ящерицъ и змѣй.

Большая часть фазановыхъ, но далеко не всѣ, живутъ въ многобрачій. Пѣтухъ собираетъ вокругъ себя 5—10 куръ, если другіе пѣтухи допускаютъ это; ревнивы они точно такъ-же, какъ и остальные куриныя, тоже чрезвычайно храбро сражаются съ соперниками, но не особенно стараются приобрѣсти расположеніе курицы. И у нихъ также замѣтно нѣчто вродѣ токованія, причѣмъ пѣтухъ движется гораздо живѣе, чѣмъ обыкновенно, но никогда его не охватываетъ тотъ любовный пылъ, который такъ нравится охотникамъ у тетеревиныхъ. Пѣтухъ обходитъ вокругъ, распускаетъ крылья, приподнимаетъ хохолокъ, гребень или воротникъ, также поднимаетъ хвостъ выше, чѣмъ обыкновенно, надуваетъ растягивающіеся кожные наросты—позволяетъ себѣ даже продѣлать нѣсколько движенийъ, напоминающихъ танцы, и кричитъ или свиститъ, хлопая крыльями. Тотъ-

часть же послѣ спариванія онъ не обращаетъ болѣе вниманія на курицъ, за которыми онъ вообще менѣе ухаживаетъ, чѣмъ онъ за нимъ; онъ бродитъ по лѣсу, гдѣ ему вздумается, присоединяется даже къ другимъ пѣтухамъ, сначала дерется то съ однимъ, то съ другимъ, но по мѣрѣ того, какъ общество самцовъ увеличивается, онъ живетъ съ ними въ мирѣ. Курица отыскиваетъ укромное мѣстечко, вырываетъ здѣсь углубленіе, выстилаетъ его хворостомъ и листьями, и, положивъ туда 6—10, а иногда и 12 яицъ, начинаетъ ихъ насиживать. Цыплятки красиво окрашены, ловки и проворны; они быстро подрастаютъ, на второй недѣль своей жизни уже порхаютъ, на третьей—взлетаютъ на деревья, черезъ 2—3 мѣсяца линяютъ, но до осени остаются на попеченіи родителей.

У фазановъ тѣ же враги, что и у другихъ лѣсныхъ куриныхъ. Человѣкъ охотится за всѣми видами этого подсемейства изъ за вкуснаго мяса; на нихъ также нападаютъ хищники изъ числа млекопитающихъ, птицъ и пресмыкающихся; не менѣе пагубны для фазановъ и разныя случайныя обстоятельства. Но сильное ихъ размноженіе при благоприятныхъ условіяхъ скоро пополняетъ всѣ потери.

* * *

Самый извѣстный видъ составляютъ собственно Пѣтухи (*Gallus. Kamuhühner. Coqs*), отъ которыхъ происходятъ наши домашнія куры. Туловище у нихъ плотное, клювъ средней длины и сильный, верхняя челюсть выпуклая и загнутая на концѣ. Ноги довольно высоки и снабжены шпорами, крылья коротки и сильно закруглены. Хвостъ средней длины, немного ступенчатый и кровлевидный, такъ какъ 14 перьевъ, изъ которыхъ онъ состоитъ, образуютъ двѣ соприкасающіяся плоскости, образующія между собою уголъ. На головѣ поднимается мясистый гребешокъ; съ нижней челюсти спускаются мягкія мясистыя бородки; щеки голыя. Великолѣпныя перья густо покрываютъ тѣло; перья надхвостья или верхнія кроющія перья хвоста удлинены, закрываютъ собственно рулевые перья и серпообразно висятъ съ задней части тѣла.

Родина этихъ куръ Индія и малайскія страны. Шесть извѣстныхъ видовъ живутъ въ лѣсахъ и ведутъ уединенную жизнь, хотя всѣ они даютъ о себѣ знать своимъ голосомъ.

Банкивскій пѣтухъ или по малайски **Казинту** (*Gallus ferrugineus, bankiva, tahitensis, gallinaceus и gallorum, Tetrao ferrugineus. Bankivahuhn. Coq bankive*) имѣетъ, повидимому, наибольшее право считаться родоначальникомъ нашихъ домашнихъ куръ. Голова, шея и длинныя свѣшивающіяся перья на затылкѣ пѣтуха отливаютъ золотисто-желтымъ; перья на спинѣ пурпурово-коричневые, по срединѣ блестящія оранжевые съ желтовато-коричневою каймой; удлиненыя, свѣшивающіяся верхнія кроющія перья хвоста также походятъ окраской на перья воротника; среднія кроющія перья крыльевъ яркаго капитановаго цвѣта; большія отливаютъ черно-зеленымъ, густой черной цвѣтъ грудныхъ перьевъ — золотисто-зеленымъ; большія маховыя перья темно-сѣрыя съ болѣе свѣтлой каемкой, малыя маховыя перья на наружномъ опахалѣ цвѣта ржавчины, внутри черныя, перья хвоста также черныя, среднія блестящія, остальныя безъ блеска. Глаза оранжеваго цвѣта, головныя украшенія красныя, клювъ буроватый, ноги аспидно-чернаго цвѣта. Длина тѣла достигаетъ 65, длина крыла 22, хвоста 27 см. Курица меньше ростомъ, хвостъ ея стоитъ болѣе вертикально, гребешокъ и бородка едва обозначены, удлиненыя перья на шеѣ черныя съ свѣтло-желтой каемкой, нижнія шейныя перья съ черно-бурыми крапинками, перья на нижней части тѣла грязновато-желтыя, маховыя и рулевые перья коричневато-черныя.

Банкивскій пѣтухъ распространенъ по всей Индіи и по Малайскимъ странамъ. Онъ часто встрѣчается на востокѣ и въ сѣверной холмистой странѣ Индійскаго полуострова, обыкновененъ въ Ассамѣ, Силгетѣ, Бирмѣ, на Малаккѣ и на Зондскихъ островахъ, но, наоборотъ, въ Средней Индіи рѣдко встрѣчается. Странно, что у насъ имѣются только скудныя свѣдѣнія объ образѣ жизни его и другихъ лѣсныхъ куриныхъ; вѣроятно ихъ трудно наблюдать. Охотникъ и наблюдатель встрѣчаютъ на своемъ пути непреодолимыя препятствія въ тѣхъ лѣсахъ, гдѣ живутъ эти куры. По словамъ Жердона, при путешествіи черезъ лѣсъ часто приходится встрѣчаться съ этими птицами. Онъ охотно держится вблизи дорогъ, потому что находятъ богатую пищу въ пометѣ домашнихъ животныхъ и лошадей; также, когда собаки забѣгаютъ въ сторону дороги, то часто загоняютъ куръ на деревья; ихъ можно видѣть на поляхъ, лежащихъ вблизи лѣса и охотно посягаемыхъ ими, наконецъ ихъ наблюдаютъ на охотахъ за ними. Оба вида живущихъ на Явѣ лѣсныхъ куриныхъ, по словамъ Бернштейна, очень пугливы и потому ихъ трудно наблюдать на свободѣ. Это относится также къ **Гангскому пѣтуху** (*Gallus varius*. *Gangegar*. *Coq du Gange*), такъ какъ чащи, въ которыхъ онъ живетъ, скрываютъ его отъ взоровъ наблюдателя, и кромѣ того онъ при малѣйшемъ подозрительномъ шумѣ тотчасъ же прячется или же, не взлетая, убѣгаетъ между кустами аланга. Такимъ образомъ птицы оставались бы незамѣченными, если бы пѣтухъ не обнаруживалъ своего присутствія крикомъ. Однако какъ ни часто ихъ слышатъ, все-таки видѣть ихъ рѣдко удается. Скорѣе всего ихъ можно замѣтить рано утромъ, потому что тогда они считаютъ себя въ безопасности и покидаютъ чащу, чтобы на открытыхъ мѣстахъ отыскивать себѣ пищу, которая состоитъ изъ нѣкоторыхъ сѣмянъ и почекъ, главное же изъ насѣкомыхъ. Они ѣдятъ очень охотно термитовъ.

Лѣсныя куриныя отличаются отъ домашнихъ куръ главнымъ образомъ своимъ голосомъ. Крикъ **Джунглеваго пѣтуха** (*Gallus stanleyi*. *Dschangelhahn*. *Coq des jungles*) звучитъ, по словамъ Теннента, какъ «Джоржъ Джой»; крикъ Гангскаго пѣтуха, по словамъ Бернштейна, состоитъ изъ двухъ слоговъ и звучитъ хрипло какъ «кюкрюю кюкрю»; крикъ **Карнающаго пѣтуха** (*Gallus sonneratii*. *Sonnerathahn*. *Coq de Sonnerat*) есть очень странный, надломленный звукъ, несовершенный и неподдающійся описанію родъ карканья. Всѣ эти виды существенно способствуютъ оживленію лѣса. «Чрезвычайно интересно», говоритъ Меккернъ, «слушать какъ рано утромъ кричатъ пѣтухи, смотрѣть какъ они важно прогуливаются или сражаются, а курица съ цыплятами въ это время расхаживаетъ между деревьями и кустами». Также Теннентъ рассказываетъ, что утро на лѣсистыхъ высотахъ Цейлона получаетъ особую прелесть вслѣдствіе начинающагося еще ночью и долго продолжающагося крика джунглеваго пѣтуха. Пѣтухи всѣхъ вышеупомянутыхъ видовъ такъ-же задорны, какъ ихъ потомки, даже пожалуй еще задорнѣе: поэтому туземцы приручаютъ ихъ, такъ какъ находятъ, что если домашніе пѣтухи и бываютъ сильнѣе ихъ, зато никогда не обладаютъ ихъ ловкостью и мужествомъ.

О размноженіи у насъ имѣется нѣсколько сообщеній. «Банкивская курица», говоритъ Жердонъ, «кладетъ 8—12 молочно-бѣлыхъ яицъ часто подъ бамбуковый кустъ или въ густой кустарникъ; предварительно она сгребаетъ въ кучу нѣсколько упавшихъ листьевъ или немного сухой травы и приготовляетъ себѣ такимъ образомъ грубое гнѣздо. Она сидитъ на яйцахъ отъ іюня до іюля, смотря по мѣстности. Каркающая курица кладетъ 7—10 яицъ и высживаетъ ихъ немного позднѣе». Гнѣздо гангской курицы нашелъ Бернштейнъ. «Оно лежало подъ высокимъ кустомъ аланга, въ маленькомъ углубленіи почвы, состояло просто изъ отдѣльныхъ сухихъ листьевъ и стебельковъ названной травы; и въ немъ лежали четыре жел-

товато-бѣлыхъ яйца, уже немного насиженныхъ». Пѣтухъ не заботится о выводѣ цыплятъ; курица, наоборотъ, окружаетъ ихъ такой же нѣжной материнской заботливостью, какъ наша домашняя курица. Жердонъ утверждаетъ съ полной достовѣрностью, что нерѣдко встрѣчаются ублюдки двухъ сосѣднихъ породъ куриныхъ, и этимъ подтверждается предположеніе, что многіе изъ описанныхъ видовъ куриныхъ надо считать тодько помѣсю четырехъ главныхъ видовъ.

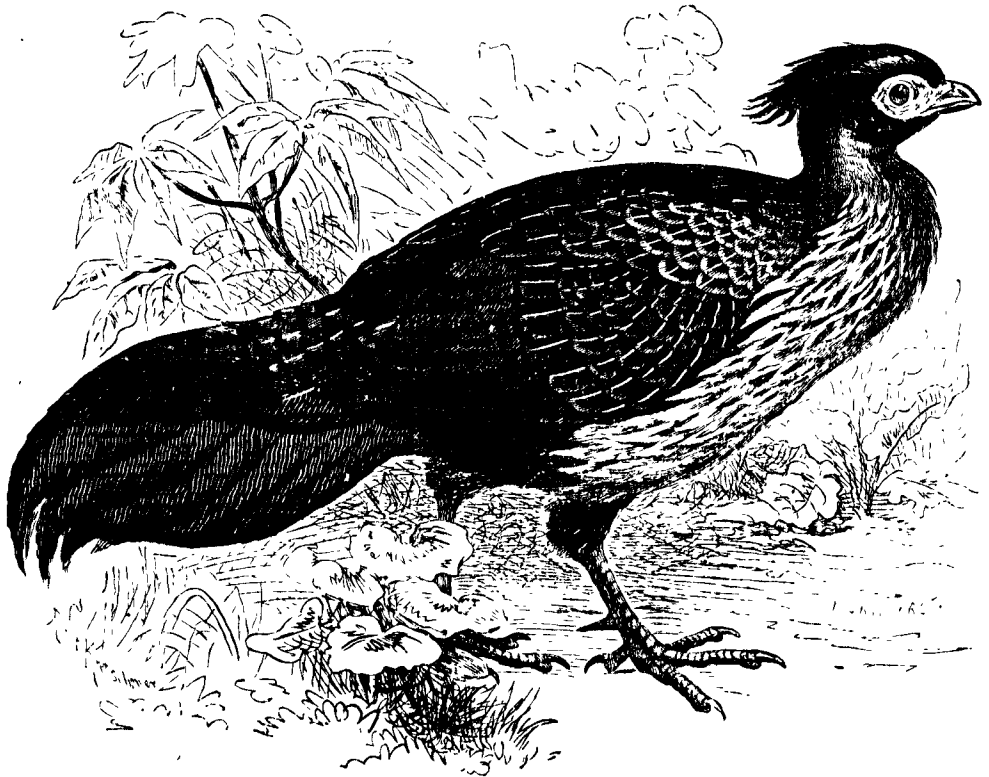
На лѣсныхъ куриныхъ мало охотятся, потому что мясо ихъ не особенно вкусно и отличается отъ мяса домашнихъ куръ тѣмъ, что имѣетъ буроватый цвѣтъ, кромѣ бѣлыхъ бедряныхъ мускуловъ. Жердонъ высказывается противъ такого мнѣнія, увѣряя, что мясо молодыхъ птицъ имѣетъ вкусъ самой превосходной дичи. Этотъ изслѣдователь находитъ и охоту на нихъ чрезвычайно интересною и говорить, что она особенно обильна тамъ, гдѣ между полями лежатъ отдѣльные джунгли.

Всѣхъ лѣсныхъ куриныхъ можно сдѣлать ручными, но онѣ привыкаютъ къ неволѣ далеко не такъ скоро, какъ можно бы подумать. Птицы, пойманныя старыми, никогда не дѣлаются ручными, и даже если ихъ яйца высидитъ домашняя курица, то птенцы, какъ только выростутъ, при первой возможности стараются улетнуть. Я не могу сказать по собственному опыту, размножаются ли они въ неволѣ и спариваются-ли съ домашними курами; однако меня со всѣхъ сторонъ увѣряли, что птицы, воспитанныя смолоду, нѣсколько разъ неслись. Хотя въ нашихъ зоологическихъ садахъ всѣ виды размножаются, но никогда нельзя навѣрное рассчитывать на это. Поэтому для насъ такъ и останется загадкой, какъ человѣкъ принялся за дѣло, чтобы дикихъ, свободолюбивыхъ куръ обратить въ совершенныхъ рабовъ. Ни одна исторія, ни одно сказаніе не указываютъ намъ на время перваго случая прирученія. Въ самыхъ древнихъ письменахъ упоминается о домашней курицѣ, какъ о всѣмъ извѣстной птицѣ. Изъ Индіи она распространилась по всѣмъ частямъ Восточнаго материка. Первые мореплаватели, посѣтившіе острова Тихаго океана, нашли уже здѣсь домашнюю курицу: въ историческія времена она была перевезена только въ Америку. Мнѣ кажется, особенно достоинъ вниманія тотъ фактъ, что она нигдѣ не одичала. Старались населить ею подходящія мѣстности, т. е. выпускали куръ въ лѣса, чтобы онѣ тамъ одичали, но всѣ подобныя попытки ни разу не удавались. Въ степныхъ деревьяхъ сѣверо-восточной Африки и даже вокругъ хижинъ, лежащихъ въ лѣсу, домашнія куры живутъ въ большемъ числѣ почти безъ попеченій человѣка; онѣ сами себя отыскиваютъ кормъ, несутся подъ какимъ-нибудь подходящимъ кустомъ, часто довольно далеко отъ хижины своего хозяина, спятъ ночью въ лѣсу на деревьяхъ: но нигдѣ не видаль я ее одичавшей. Онѣ сохранныю приспособляемостью куры выносятъ всевозможныя условія. Онѣ сохраняютъ свой характеръ даже въ чуждомъ имъ климатѣ, и только въ очень высокиихъ горахъ, да на крайнемъ сѣверѣ утрачиваютъ отчасти свою плодовитость; но тамъ, гдѣ человѣкъ живетъ осѣдло, онѣ уживаются отлично, потому что сдѣлались совершенно домашними животными. Я не считаю нужнымъ входить въ подробности о домашнихъ курахъ, и имѣю на то основаніе, потому что въ послѣднее время птица была описана такъ обстоятельно, какъ она этого заслуживаетъ.

* * *

Соединительною ступенью между пѣтухами и настоящими фазанами могутъ считаться **Фазановыя нуры** (*Euplocotus. Fasanhühner. Coqs-faisans*). Признаками ихъ служатъ болѣе вытянутое туловище, довольно слабый клювъ, умѣренно длинныя ноги со шпорами, короткія закругленныя крылья, средней длины кровлеобразный хвостъ, составленный изъ 16 перьевъ, голыя, бородавчатая щека и красивое опереніе.

Фазановый пѣтухъ, по индѣйски **Киррикъ** (*Euplocomus melanotus*, *Gallorhasis melanotus*. Fasanhuhn. Соq faisau.) блестящаго чернаго цвѣта на верхней сторонѣ тѣла, шея спереди и грудь бѣлыя, брюшко и нижнія кроющія перья хвоста очень темнаго бурога цвѣта, глаза каріе, клювъ блѣдно-желтаго роговаго цвѣта, голыя щеки ярко-красныя, ноги сѣраго роговаго цвѣта. Длина достигаетъ 60, размахъ крыла 72, длина крыла 22, длина хвоста 26 см. Самка немного меньше ростомъ, темнаго цвѣта умбры; у каждаго пера свѣтло-сѣрая полоска вдоль стержня и такого же цвѣта каемка на концѣ. Эта каемка на верхней сторонѣ крыла и внизу тѣла шире и свѣтлѣе, чѣмъ вверху, поэтому тамъ выходитъ рисунокъ пятнами, а здѣсь полосками. Перья на горлѣ свѣтло-сѣрыя безъ пятенъ, среднія рулевья

Фазановый пѣтухъ. *Euplocomus melanotus*. 1/2 наст. вел.

перья по коричневому фону цвѣта умбры съ свѣтло-сѣрымъ мраморнымъ рисункомъ, боковыя рулевья—сѣро-черныя съ зеленоватымъ отливомъ.

Область распространенія фазановаго пѣтуха—восточная часть Гиммалайскихъ горъ. Объ его жизни на свободѣ намъ мало извѣстно; но «Горный житель» со свойственной ему подробностью описалъ очень близкій къ нему видъ, по индѣйски **Келичъ** (*Euplocomus a'boeristatus*. Kelitsch), который по существу и нраву очень мало отличается отъ киррика, но крайней мѣрѣ въ неволѣ. «Хорошо извѣстный келичъ», говорить онъ, «очень часто встрѣчается въ нижнемъ поясѣ горъ. Область его распространенія начинается у подошвы холмовъ и простирается до вышины 2000 м. слишкомъ; начиная отсюда, онъ уже рѣже встрѣчается, хотя и на болѣе значительной высотѣ попадались нѣсколько такихъ птицъ. Онъ, повидимому, менѣе избѣгаетъ человека, чѣмъ всякая другая птица изъ семейства фазановъ, подходитъ

гораздо ближе къ жилью и его такъ часто видятъ вблизи поселеній или при дорогѣ, что онъ считается самой обыкновенной изъ лѣсныхъ куриныхъ, хотя лофофоръ гораздо многочисленнѣе въ этой области. Въ предгоріяхъ келичь живетъ во всякомъ лѣсу, но предпочитаетъ чащи или поросшія лѣсомъ ущелья; внутри горной страны онъ поселяется въ джунгляхъ, охотнѣе въ когда-то обработанныхъ, но потомъ покинутыхъ мѣстахъ; въ глубинѣ сплошныхъ или очень отдаленныхъ лѣсовъ его рѣдко приходится видѣть. Присутствіе человѣка или по крайней мѣрѣ оставленные имъ слѣды, повидимому, служатъ необходимымъ условіемъ для жизни этой птицы.

«Келичь не особенно любитъ общество: часто встрѣчаютъ 3 или 4 птицы, даже иногда можно видѣть 10 и 12 келичей вмѣстѣ, но каждый изъ нихъ держится независимо отъ другихъ. Спугнутый, онъ обыкновенно убѣгаетъ, и снимается только въ томъ случаѣ, если опасность обрушивается на него вдругъ, или если его преслѣдуетъ собака; кромѣ того онъ обыкновенно старается забиться въ густой кустарникъ. Онъ совсѣмъ не пугливъ, и если только охотники или пастухи не безпрестанно беспокоятъ его, то онъ даже такъ смиренъ, какъ только можетъ пожелать любой охотникъ. Спугнутый, онъ летитъ часто только до ближайшаго дерева; но если онъ передъ взлетомъ притался, то пролетаетъ большое пространство и потомъ снова опускается на землю. Онъ испускаетъ двоякіе звуки: или свистящее кудахтанье или своеобразное стрекотанье. Онъ кричитъ во всякое время дня, хотя и нечасто, обыкновенно когда снимается или садится на дерево; если его спугнетъ кошка или какое-нибудь другое маленькое животное, то онъ кудахтаетъ особенно громко и продолжительно.

«Келичь такой большой забіяка, что постоянно находится въ ссорѣ съ другими пѣтухами. Однажды я убилъ пѣтуха, и въ то время, когда онъ боролся со смертью, лежа на землѣ, вдругъ изъ чащи вылетѣлъ другой пѣтухъ и, несмотря на мое присутствіе, съ ужасной злобой напалъ на умирающаго. Во время спариванья самцы часто производятъ крыльями странный дребезжащій звукъ, нѣсколько похожій на барабанную дробь или на звукъ, происходящій отъ маханія по воздуху накрахмаленнымъ полотномъ: они дѣлаютъ это, повидимому, для того, чтобы привлечь на себя вниманіе самки или, можетъ быть, вызвать на бой соперника. Курица кладетъ 9—14 яицъ, которыя величиной и цвѣтомъ походятъ на обыкновенныя куриныя; цыплята вылупляются въ концѣ мая.

«Пища ихъ состоитъ изъ кореньевъ, зеренъ, ягодъ, листьевъ, стручковъ и различныхъ насѣкомыхъ. Пойманные взрослыми, они трудно привыкаютъ къ перемѣнѣ корма, да и цыплята не всегда легко переносятъ это».

Наши опыты не согласуются съ этимъ мнѣніемъ «Горнаго жителя»; по весьма возможно, что только продолжительный плѣнъ облегчаетъ прирученіе молодыхъ фазановыхъ куръ. Въ зоологическихъ садахъ обыкновенно отбираютъ ихъ яйца и садятъ на нихъ домашнюю курицу. Цыплята вылупляются черезъ 24—25, нерѣдко даже черезъ 26 дней. Это чрезвычайно миленькія, ловкія и проворныя созданія, которыя ведутъ себя въ сущности такъ-же, какъ цыплята домашней курицы, но отчасти дики и пугливы. На третьей недѣлѣ жизни они уже порхаютъ и съ тѣхъ поръ часто садятся на деревья и почуютъ, сидя гдѣ-нибудь высоко. Восьми недѣль они уже почти достигаютъ настоящаго роста. Въ началѣ октября, а въ благопріятные года уже въ половинѣ сентября, начинается линянье; въ ноябрѣ у нихъ уже опереніе взрослыхъ птицъ. Если ими много заниматься, то они скоро перестаютъ бояться человѣка, а если ихъ пустить въ общій птичій дворъ съ курами, то черезъ самое короткое время они приходятъ на обычныя мѣста кормленія и скоро

ведутъ себя, какъ домашнія куры. Въ Бельгiи у Корнели я видѣлъ ихъ много на полной свободѣ и твердо убѣдился въ томъ, что этихъ красивыхъ птицъ можно держать на дворѣ съ такимъ же успѣхомъ, какъ нашихъ домашнихъ куръ. Тѣмъ не менѣе я думаю, что ихъ еще удобнѣе разводить въ лѣсу. Онѣ обладаютъ всѣми хорошими качествами фазана, но далеко превосходятъ его по ловкости, уму и плодовитости, и повидимому, еще менѣе чувствительны къ вліянію погоды, чѣмъ онъ. Ихъ окраска прекрасно подходила бы къ нашему лѣсу, а вѣжная материнская заботливость курицы уничтожила бы необходимость искусственного вывода птенцовъ. Эти птицы вполне достойны того, чтобы сдѣлать этотъ опытъ; произвести его тѣмъ легче, что въ послѣднее время, вслѣдствіе своей плодовитости, живучести и непритязательности, какъ птенцы, такъ и взрослые очень подешевѣли. Я долженъ еще замѣтить, что всѣ виды спариваются съ ближайшими родичами и съ серебряными фазанами и производятъ обильное смѣшанное потомство. Оба выше-названныхъ вида, весьма вѣроятно, ничто иное, какъ помѣси.

Серебряный фазанъ (*Euplocomus nycthemerus* и *andersoni*, *Phasianus* и *Gallinaeus nycthemerus*, *Nycthemerus argentatus*. Silberfasan. Faisan argenté.) отличается отъ другихъ фазановъ длиннымъ висячимъ хохолкомъ, состоящимъ изъ распушенныхъ перьевъ, и клинообразно удлинненнымъ кровлевиднымъ хвостомъ, среднія перья котораго не выгибаются въ сторону, а только слегка наклоняются внизъ. Длинный и густой пучекъ перьевъ на задней части головы черный, блестящій, затылокъ и верхняя часть шеи спереди бѣлые, вся остальная верхняя часть тѣла бѣлая съ узкими поперечными черными зигзагами, нижняя часть тѣла черная со стальнымъ отливомъ; маховыя перья бѣлыя, съ очень узкой поперечной черной каемкой и съ широкими параллельными полосками поперекъ, перья хвоста по бѣлому фону съ такими же полосками, которыя чѣмъ ближе къ сторонамъ, тѣмъ гуще и яснѣе, голыя щеки прекраснаго пурпуроваго цвѣта. Глаза свѣтло-коричневые, клювъ голубовато-бѣлый, ноги красныя, какъ коралль. Длина тѣла достигаетъ 110, длина крыла 36, длина хвоста 67 см. Самка значительно меньше ростомъ, перья ея окрашены въ сѣровато-ржавый цвѣтъ съ очень мелкими сѣрыми крапинками; подбородокъ и щеки бѣловато-сѣрые, нижняя часть груди и брюшко бѣловатыя съ ржаво-коричневыми пятнами и черными поперечными полосками; большія маховыя перья черноватыя, малыя соответствуютъ окраскѣ спины, по наружнымъ перьямъ хвоста идутъ черныя волнообразныя полоски.

Мы не знаемъ, когда попали въ Европу первые живые серебряные фазаны, но можемъ предположить, что это случилось не раньше XVII-го вѣка, такъ какъ писатели XVI-го вѣка, напримѣръ Геснеръ, не упоминаютъ объ этой красивой и замѣчательной птицѣ. Ея родина южный Китай, къ сѣверу до Фокіена и Сикіанга; теперь она водится въ дикомъ состояніи въ немногихъ мѣстностяхъ, но въ Китаѣ и въ Японіи ее часто держатъ какъ домашнюю птицу. Въ Европѣ она успѣшно разводится при самомъ простомъ уходѣ и на свободѣ такъ же хороша, какъ на дворѣ, такъ и въ большомъ садкѣ. То обстоятельство, что серебряный фазанъ не разводится въ нашихъ лѣсахъ, имѣетъ свои основанія. Такая акклиматизація была испробована, но результаты получились неблагопріятные. Самецъ такъ замѣтенъ вслѣдствіе своей бѣлой верхней части тѣла, что дѣлается добычею хищниковъ чаще, чѣмъ всякая другая птица его величины. Но это не единственное препятствіе; второе зависитъ отъ самого фазана. Изъ всѣхъ птицъ этого рода онъ самый храбрый и самый ужасный забіяка. Два самца, живущіе въ одной области, находятся въ постоянной ссорѣ; однако серебряный фазанъ старается дать почувствовать свою власть и другимъ

ходить онъ до того, что опускаетъ голову, распускаетъ крылья и растопыриваетъ хвостъ.

Курица кладетъ 10—18 яицъ, которыя окрашены или въ ровный красно-вато-желтый цвѣтъ, или въ свѣтло-желтый съ маленькими коричневатыми точками. Если оставить ей яйца, то она сама насиживаетъ ихъ съ большимъ самоотверженіемъ. Черезъ 25 дней вылупляются цыплята, маленькія, прелестныя созданія, которымъ очень идетъ ихъ затѣйливо разрисованный пушокъ. Они довольно скоро вырастаютъ настолько, что могутъ летать или по крайней мѣрѣ порхать, но только на второмъ году достигаютъ полного роста и убранства своихъ родителей. Въ ранней юности они предпочитаютъ питаться насѣкомыми; позднѣе они ѣдятъ главнымъ образомъ всевозможную зелень, наконецъ болѣе твердыя растительныя вещества, именно сѣмена и хлѣбныя растенія. Капуста, салатъ и плоды считаются лакомствомъ.

Ихъ мясо такъ же хорошо, какъ мясо всякаго другого фазана, но оно дѣлается особенно вкуснымъ, если предоставлять птицѣ большую свободу или по крайней мѣрѣ позволять ей прогуливаться по двору и саду.

* *
*

Ушастые фазаны (*Crossoptilon. Ohrfasan*) отличаются своимъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Клювъ и ноги у нихъ очень сильныя, послѣднія со шпорами, крылья средней длины и сильно закруглены, умѣренно длинныя ступенчатыя перья хвоста расположены кровлеобразно, четыре среднихъ согнуты, какъ бы развѣтвлены и распушены, перья на щекахъ направлены вверхъ и образуютъ такъ называемыя уши, покровныя перья тусклы и, за немногими исключеніями, безъ блеска.

Наши свѣдѣнія объ ушастыхъ фазанахъ заимствованы отъ Палласа, котораго въ 1811 году познакомилъ научный міръ съ однимъ изъ четырехъ известныхъ видовъ этого рода. **Мани** или **Синимъ фазаномъ** китайцевъ (*Crossoptilon auritus* и *coeruleus*, *Phasianus auritus*. *Blauhuhn*. *Faisan bleu*). Длина тѣла этой птицы достигаетъ 110, длина крыла 30, длина хвоста 50 см. Покровныя перья почти равномѣрнаго голубовато-пепельнаго цвѣта; горло и перья, образующія уши, бѣлыя; маховыя перья окрашены въ черный цвѣтъ, перья хвоста въ стальной голубой, а у основанія въ бѣлый цвѣтъ. Глаза каріе, голыя щеки ярко-красныя, клювъ красновато-рогового цвѣта, ноги лаково-красныя. Оба пола имѣютъ одинаковую окраску.

Второй такой-же видъ, водящійся въ Манджурскихъ горахъ и описанный въ 1862 году Свинхое, **Манджурскій фазанъ** (*Crossoptilon mantchuricus*. *Mantshurischer Ohrfasan*. *Faisan mandchure*), попалъ около четверти вѣка тому назадъ къ намъ въ клѣтки. У него тоже темное опереніе: горло, зобъ, узкая полоска, идущая отсюда на голову и продолжающаяся до ушей,—бѣлаго цвѣта, нѣсколько вздерошенныхъ перья на головѣ, на задней части шеи, верхней части спины и на нижней сторонѣ тѣла свѣтлыя, сѣровато-желтыя, маховыя и рулевыя перья желтоватосѣрыя, на наружной сторонѣ опахала съ темной каемкой, среднія рулевыя свѣшивающіяся, распушенныя, какъ кроющія перья спины серебристой цапли, сѣровато-чернаго цвѣта. Самка отличается тѣмъ, что нѣсколько меньше самца и украшающія перья у нея менѣе развиты.

Пржевальскій наблюдалъ ушастаго фазана въ горахъ Аляшанъ и Ганзу. Тамъ монголы называютъ его **Харатака** или «Черная курица», а тангуты зовутъ его

Шьярама. Въ горахъ Аляшанъ, гдѣ онъ раньше встрѣчался очень часто, теперь онъ попадаетъ удивительно рѣдко, благодаря очень снѣжной зимѣ 1869—70 года въ горахъ Ганзу; наоборотъ, онъ водится въ значительномъ количествѣ и почти исключительно въ горныхъ лѣсахъ, богатыхъ скалами и кустарникомъ, до вышины

Манджурскій фазанъ. *Crossoptilon mantschuricus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

3800 м. Питается онъ, повидимому, исключительно растительными веществами, молодыми зелеными почками, листьями барбариса, чаще же всего корнями различныхъ растений. Поздней осенью и зимою они обыкновенно спятъ на деревьяхъ небольшими обществами; наоборотъ, весной и лѣтомъ они держатся днемъ исключительно на землѣ и только къ вечеру взлетаютъ на деревья, чтобы переночевать на безопасной высотѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказываютъ тапгутскіе охотники, потому что самъ Пржевальскій никогда не видѣлъ ни одного шьярама на деревѣ. Съ началомъ весны общества распадаются, и съ тѣхъ поръ птицы поселяются попарно

въ известной области, чтобы выводить птенцовъ. Въ началѣ мая всѣ самки, которыхъ наблюдалъ Пржевальскій, сидѣли уже на яйцахъ. Гнѣздо находится, по рассказамъ тангутовъ, въ густомъ кустарникѣ, выложено небольшимъ количествомъ травы и содержитъ 5—7 яицъ. Въ началѣ весны, какъ только общества распались, самцы начинаютъ токовать. Ихъ въ высшей степени неприятный голосъ напоминаетъ крикъ павлина, только онъ не такой громкій и отрывистый. Кромѣ того—Пржевальскій не знаетъ, самцы-ли или самки—испускаютъ особенные глухые звуки, отчасти похожіе на воркованье голубя. Если шьярама вдругъ сильно испугается, то онъ производитъ иногда еще третій звукъ. Вообще самецъ кричитъ рѣдко, съ неопредѣленными промежутками и обыкновенно только послѣ заката солнца, хотя изрѣдка случается, что его голосъ раздастся раньше, даже днемъ около полудня. Даже во время спариванья, когда встрѣчающіеся самцы сейчасъ же вступаютъ въ горячую драку, они кричатъ и призываютъ не такъ правильно, какъ тетеревиныя или другіе фазаны, въ теченіи утра такъ рѣдко, что голосъ одной и той-же птицы слышится самое большее 5—6 разъ. Эта неопредѣленность крика и большая осторожность шьярамы чрезвычайно затрудняютъ охоту, особенно весной. Трудность эта увеличивается еще свойствами мѣстности. Густыя заросли на сѣверныхъ склонахъ, колючій кустарникъ, напримѣръ барбарисъ, дикія розы и тому подобныя растенія, на южныхъ склонахъ ущелій, вездѣ отвѣсныя скалы, крутые обрывы, лѣсъ, въ которомъ навалены упавшія деревья и кучи сухихъ прошлогоднихъ листьевъ — всѣ эти особенности его мѣстожителства настолько неблагоприятны для охоты, что она можетъ считаться одной изъ самыхъ трудныхъ. Нельзя и думать выходить на охоту съ собакой, потому что въ такой мѣстности она не только не можетъ оказать помощи охотнику, но даже часто не можетъ слѣдовать за нимъ, когда ему приходится лазать по скаламъ; слѣдовательно, охотникъ принужденъ полагаться на свой собственный слухъ и зрѣніе. Но оба чувства помогаютъ мало, потому что осторожная птица почти всегда слышитъ его приближеніе или издали замѣчаетъ его и во время прячется. Только въ очень рѣдкихъ случаяхъ, когда на нее нападаютъ сразу и незамѣтно, она снимается; обыкновенно же чрезвычайно быстро спасается бѣгствомъ. Иногда слышать шумъ ея шаговъ на разстояніи только нѣсколькихъ метровъ и не могутъ разсмотрѣть ее въ чащѣ, или же она такъ быстро показывается и снова исчезаетъ, что охотникъ не успѣваетъ приложить ружье къ плечу. Преслѣдовать бѣгущаго шьяраму совершенно невозможно, потому что онъ исчезаетъ какъ камень, брошенный въ воду. Къ этому присоединяется еще то, что эта птица не особенно чувствительна къ ранамъ, перенося выстрѣлъ крупною дробью на сравнительно близкомъ разстояніи и имѣетъ еще достаточно силы, чтобы улетѣть; если же крыло прострѣлено, то онъ убѣгаетъ и прячется въ густомъ кустарникѣ. Если птица снимается, то, несмотря на свою величину, такъ тихо и беззвучно, что часто ее и не услышишь. Она летитъ чрезвычайно спокойно, въ общемъ похоже на полетъ глухаря, но обыкновенно недалеко, спускается снова на землю и убѣгаетъ. Несмотря на всѣ усилія Пржевальскаго и его спутниковъ, имъ въ 14 дней удалось убить только двухъ такихъ фазановъ для коллекціи. Двое тангутскихъ охотниковъ, нанятыхъ для этой цѣли, бродили денно и нощно по горамъ въ это время, и тоже добыли только двухъ курицъ, постигнутыхъ ими въ гнѣздахъ.

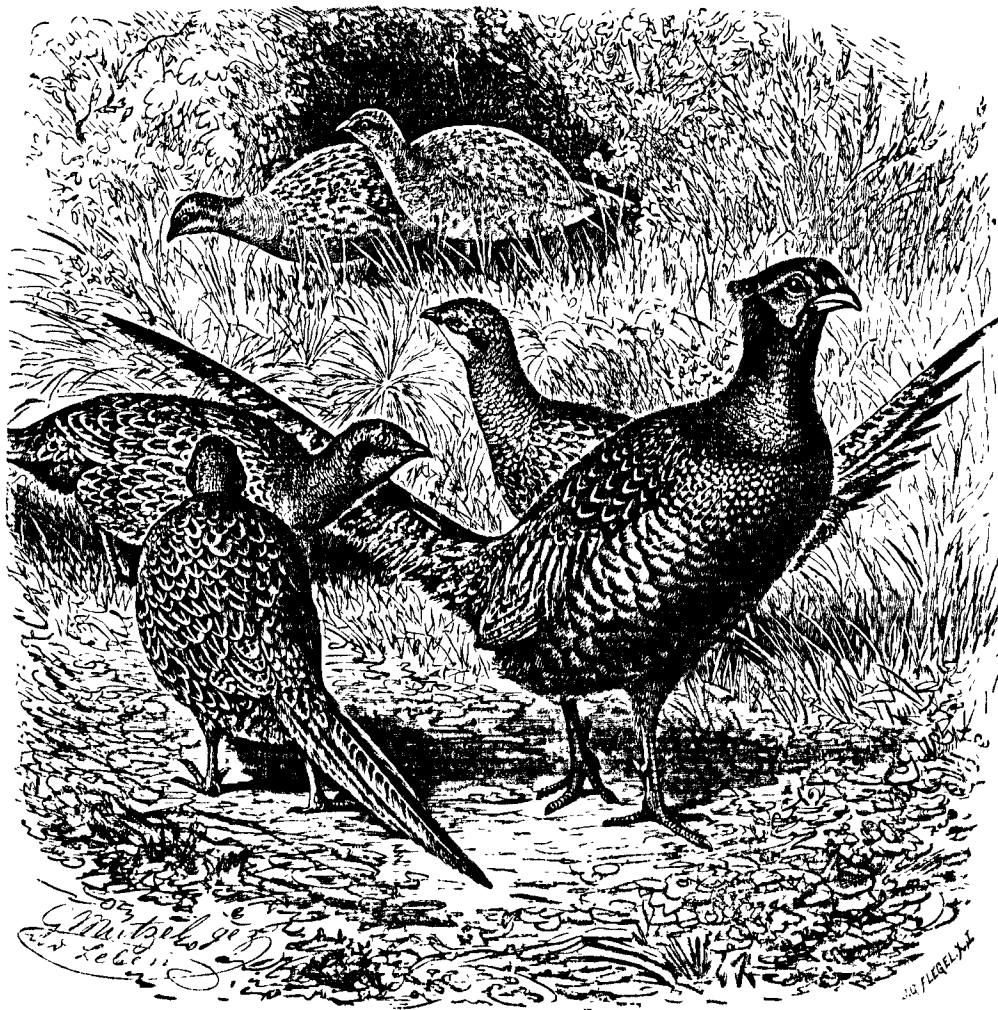
Тангутскіе охотники убиваютъ ушастыхъ фазановъ главнымъ образомъ зимою, когда они сидятъ на деревьяхъ, но силками ловятъ гораздо больше, чѣмъ стрѣляютъ. Главную добычу охотника составляетъ хвостъ, длинныя распущенныя перья котораго употребляются какъ лучшее украшеніе шапокъ кн-

тайскихъ офицеровъ; за нихъ на мѣстѣ даютъ на нѣмецкія деньги 20 пфенниговъ.

Пойманные ушастые фазаны кротки и покорны, легко привыкаютъ къ клеткѣ и хозяину, очень выносливы, и такъ быстро размножаются, что ихъ можно причислить къ самымъ превосходнымъ птицамъ для содержанія въ паркахъ.

* * *

Признаками Настоящихъ фазановъ (*Phasianus. Edelfasan. Faisans vrais*) счи-

Обыкновенный фазанъ. *Phasianus cholchicus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

таются: кровлеобразный длинный хвостъ, среднія перья котораго въ шесть или въ восемь разъ длиннѣ крайнихъ и удлиненныя верхнія кроющія перья или закруглены, или распушены; вмѣсто хохолка замѣчаются удлиненныя ушные перья, которыя торчатъ кверху и образуютъ маленькія рожки. Въ остальномъ причисляемые сюда виды походятъ на описанныхъ выше, главнымъ образомъ на серебрянаго фазана. Опереніе самца часто окрашено въ прекрасныя блестящія цвѣта, а у самки

видны по темному фону еще болѣе темныя пятна, волнообразныя полоски и штрихи.

Обыкновенный или **Кавказскій фазанъ** (*Phasianus cholchicus* и *marginatus*. Edelfasan. Faisan commun) окрашенъ такъ пестро, что я не берусь точно описать его опереніе. Перья на головѣ и на верхней части шеи зеленыя съ прекраснымъ синеватымъ металлическимъ отливомъ, перья на нижней сторонѣ шеи, на груди, на брюшкѣ и на бокахъ красновато-каштановыя съ пурпуровымъ отливомъ и каждое съ блестящей черной каемкой. Нижнія шейныя перья украшены передъ каймой бѣлыми пятнами на подобіе полумѣсяца, длинныя распушенные перья надхвостья темнаго мѣдно-краснаго цвѣта съ пурпуровымъ отливомъ; маховыя перья съ коричневыми и ржаво-желтыми полосками, перья хвоста съ черными полосками по оливковому фону и съ каштановой каймой. Глаза ржаво-желтые, голое кольцо около глазъ краснаго цвѣта, клювъ свѣтло-коричневато-желтый, ноги красновато-сѣраго или свинцоваго цвѣта. Длина достигаетъ 80, размахъ перьевъ 75, длина крыла 25, длина хвоста 40 см. У меньшей самки все опереніе сѣро-землистаго цвѣта съ черными и темно-ржавыми пятнами и полосками. На сплывѣ окраска особенно темна.

Обыкновенный фазанъ населялъ первоначально берега Каспійскаго моря и западную Азію, но былъ введенъ въ Европѣ еще въ древнія времена. На Фазисѣ въ Колхидѣ греки, предпринявшіе походъ Аргонавтовъ, нашли эту великолѣпную птицу и привезли ее съ собою въ отечество. Отсюда она распространилась въ южной Европѣ, а римляне, которые очень цѣнили ея вкусное мясо, перенесли ее въ южную Францію и въ Германію. На югѣ нашего отечества, именно въ Австріи и Богеміи, она живетъ въ дикомъ состояніи, на сѣверѣ Германіи подъ покровительствомъ человѣка въ такъ называемыхъ фазановыхъ паркахъ. Она часто встрѣчается въ Венгріи и на югѣ Россіи, рѣже въ Италіи, очень рѣдко въ Испаніи, также вырождается въ Греціи, гдѣ прежде была обыкновенна.

Изъ всѣхъ остальныхъ видовъ вниманія заслуживаетъ **Королевскій фазанъ** (*Phasianus reevesii* и *veneratus*, *Syrmaticus reevesii*. Königsfasan. Faisan royal) **Джеуни** китайцевъ. Это—самый большой изъ всѣхъ фазановъ, длина его достигаетъ 2,1, длина хвоста 1,6 м. Темя, ушныя перья и широкое ожерелье совершенно бѣлыя, обѣ стороны головы и расширяющаяся спереди полоса на груди чернаго цвѣта, нижнія шейныя перья, перья надхвостья и верхней части груди золотисто-желтаго цвѣта, съ черной каймой по краямъ, перья нижней части груди и боковъ украшены по бѣловато-сѣрому полю по срединѣ сердцевидной, узкой, черной полосой и широкой ржаво-красной каймой снаружи, перья брюшка бурочернаго цвѣта, верхнія кроющія перья крыльевъ черно-бурыя, съ болѣе свѣтлою каймой, снабженною, въ свою очередь, красно-бурымъ краемъ, маховыя перья золотисто-желтаго и буро-чернаго цвѣта, рулевыя перья покрыты по серебристо-сѣрому полю полосами, состоящими изъ красныхъ, окаймленныхъ черною полосой пятенъ, и кромѣ того снабжены широкой золотисто-желтой каймой. Глаза красноватые, клювъ и ноги рогового желтаго цвѣта.

Родиной королевскому фазану служатъ горы, лежація къ востоку и сѣверу отъ Пекина, а также горныя хребты, отдѣляющіе Шензи отъ Хонана и Хуле отъ Сечуана.

Всѣ фазаны избѣгаютъ сплошныхъ, высокоствольныхъ лѣсовъ и предпочитаютъ

Королевскій фазанъ. *Phasianus reevesii*.
 $\frac{1}{5}$ наст. вел.

таютъ, наоборотъ, рощи или густые кустарники, окруженные плодоносными полями, или лугами и неимѣющіе недостатка въ водѣ. Въ Ливадіи и Румелин, какъ сообщаетъ графъ фонъ-дерь-Мюле, обширныя пространства лучшей, но теперь превратившейся въ болото, почвы поросли густымъ кустарникомъ, преимущественно папортникомъ, среди котораго растутъ ежевика и другія вьющіяся растенія, которыя до того переплелись и перевились со всей окружающей растительностью, что собака почти совершенно не въ состояніи пробраться черезъ нее, а человекъ можетъ сдѣлать это лишь тогда, когда шагаетъ черезъ этотъ низкій и тернистый кустарникъ. Такія мѣстности служатъ самымъ любимымъ мѣстопребываніемъ благородныхъ фазановъ. Хвойныхъ лѣсовъ они избѣгаютъ. Плодоносныя нивы, по видимому, не безусловно необходимы для ихъ существованія, однако все-таки

очень благоприятны для нихъ. Днемъ они бѣгаютъ по землѣ, пробираются отъ одного куста къ другому, проползаютъ черезъ кусты терновника, въ которыхъ надѣются найти пищу, а иногда также отправляются на опушки лѣсовъ и отсюда на поля, гдѣ питаются, смотря по времени года, свѣжими посѣвами, или спѣлыми сѣменами, и только съ наступленіемъ вечера отыскиваютъ себѣ для сна подходящее дерево. Въ дикихъ, поросшихъ кустарникомъ мѣстностяхъ они проводятъ ночь просто на помятомъ ими кустѣ ситника или терновника.

Въ прежнія времена думали, что въ лѣсу, вообще соотвѣтствующему наклонностямъ фазановъ, можно сдѣлать пребываніе его еще болѣе пріятнымъ при помощи куренія, производимаго тамъ отъ времени до времени. «Главной основой при уходѣ за фазанами», говорилъ старый Дёбель, «служить то обстоятельство, что при помощи дыма можно собрать фазановъ въ одно мѣсто, а также снова вернуть залетѣвшихъ далеко. Фазанъ также чутокъ къ запаху дыма, какъ лисица—въ запахѣ дичи, изъ чего можно заключить, что онъ долженъ обладать прекрасно развитымъ обоняніемъ. А такъ какъ умѣнье тѣшить фазановъ и приманивать ихъ этимъ дымомъ представляетъ собою драгоценную и очень важную тайну, то я хочу указать здѣсь нѣкоторыя куренія, которыя для этого годятся». Затѣмъ слѣдуетъ описаніе различныхъ «курений», и мы, къ удивленію нашему, видимъ, что составъ заживавшихся веществъ былъ весьма разнообразенъ; въ одномъ случаѣ оказывалось достаточнымъ составить смѣсь изъ соломы, ячменя и овса, конопляной мякины, камфары, аниса, кукушкинаго льна, ивовыхъ прутьевъ, сушеного солода и лошадиного помета, тогда какъ въ другомъ приходилось употреблять въ дѣло ладанъ, укропъ, полевой анисъ, части муравейника, сосновую смолу, солову куколя и овса, а въ третьемъ—ладанъ, мирру, дикій розмаринъ, бѣлый воскъ, и конопляную мякину. Эти куренія вывелись изъ употребленія только въ новѣйшее время: такъ напримѣръ, Винкель считаетъ еще нужнымъ упомянуть о нихъ во второмъ изданіи своей справочной книжки для охотниковъ, вышедшей въ 1820 году, хотя и признужденъ сознаться, что никогда не имѣлъ случая произвести надъ этимъ свои наблюденія и можетъ лишь указать на то обстоятельство, что старые, опытные сторожа фазановъ, которыхъ онъ спрашивалъ объ этомъ, единогласно высказывались въ пользу необходимости куренія.

Фазаны одарены отъ природы слабыми способностями. Самецъ, правда, отличается великолѣпной осанкой и умѣетъ выставить красоту свою въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, но все-таки по понятливости не можетъ сравниться съ домашнимъ пѣтухомъ. Самка, повидимому, безъ претензій; она держитъ себя всегда скромно. То, что было сказано выше относительно движенія фазановъ, всецѣло относится именно къ этой группѣ: бѣгаютъ они превосходно, но летаютъ плохо. Чувства развиты, повидимому, довольно равномерно, но понятливость безусловно слаба. Всѣ благородные фазаны одинаково ограничены, одинаково неспособны во время принять надлежащее рѣшеніе. Изъ похвальныхъ качествъ ихъ первое мѣсто занимаетъ безграничная любовь къ свободѣ. Фазанъ привыкаетъ къ извѣстной мѣстности, если она отвѣчаетъ его желаніямъ, но любитъ постоянно бродить. Сознвая свою слабость и чувствуя себя неспособнымъ защищаться противъ болѣе сильныхъ животныхъ, онъ прячется какъ можно больше и вълѣдствіе этого также охотно укрывается отъ глазъ своего хозяина. Поэтому такое поведение его никоимъ образомъ нельзя приписать неблагодарности ко всѣмъ стараніямъ, употребленнымъ на его воспитаніе и содержаніе, какъ то думаетъ Винкель, но исключительно нежеланію оставаться на одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, упрямству и ограниченности. Фазанъ собственно никогда не ручиѣтъ, такъ какъ не научается отличать

своего хозяина отъ другихъ лицъ и въ каждомъ человѣкѣ видитъ себѣ врага, котораго долженъ бояться. Онъ не остается на одномъ определенномъ мѣстѣ, потому что не способенъ отыскать въ известномъ округѣ самую подходящую для себя мѣстность, и постоянно находится въ страхѣ опасности, такъ какъ не обладаетъ въ достаточной степени разсудительностью, чтобы помочь себѣ въ томъ случаѣ, когда ему грозитъ настоящая бѣда.

«Врядъ-ли можно найти какую-нибудь породу дичи», говоритъ совершенно справедливо Винкель, «которую такъ-же легко было-бы лишить способности владѣть собой, какъ эту, благодаря чему она не въ состояніи бываетъ принять какое-нибудь рѣшеніе. Если приближеніе человѣка или собаки застанетъ фазана врасплохъ, то онъ, повидимому, забываетъ, что природа дала ему крылья; онъ спокойно остается сидѣть безъ движенія на томъ же мѣстѣ, гдѣ его застали, ежится и прячетъ голову, или начинаетъ безцѣльно бѣгать кругомъ. Ничто не бываетъ такъ опасно для его жизни, какъ поднятіе воды въ рѣкѣ, протекающей вблизи его мѣстопребыванія. Если онъ находится у самой воды, то остается стоять неподвижно на томъ же мѣстѣ, смотритъ прямо въ воду, не отводя отъ нея глазъ, пока опереніе его не промокнетъ и вслѣдствіе этого не увеличится въ вѣсѣ настолько, что онъ уже не въ состояніи бываетъ подняться. Тогда онъ погибаетъ, сдѣлавшись жертвою своей собственной глупости». Одинъ фазанъ, за которымъ Винкель наблюдалъ, въ подобномъ случаѣ, не только не старался спастись, но продолжалъ, наоборотъ, входить все глубже въ рѣку. Когда ноги его перестали касаться дна и его подхватило теченіемъ, онъ, распластавъ крылья по водѣ, съ тихою покорностью сталъ ожидать своей участи. При помощи багра его вытащили на берегъ и избавили на этотъ разъ отъ опасности. «Боязливость его», говорятъ Науманъ, «не имѣетъ границъ. Пробѣжавшая мышь сильно пугаетъ его; даже подползающая улитка сейчасъ-же вслуговываетъ съ гнѣзда самку фазана; когда же наступаетъ настоящая опасность, она остается лежать какъ мертвая». Эта ограниченность фазана наноситъ значительный ущербъ его размноженію и распространенію. Отношеніе его къ другимъ себѣ подобнымъ никоимъ образомъ не можетъ быть названо любезнымъ. Онъ не общителенъ и неуживчивъ. Два самца начинаютъ драться съ ожесточеніемъ, какъ только сойдутся, пока не полетятъ перья и не потечетъ кровь; случается даже, что одинъ убиваетъ другаго, если только въ состояніи сдѣлать это. Поэтому-то и вельзя держать вмѣстѣ двухъ самцовъ въ одномъ и томъ-же помѣщеніи, а скорѣе всего слѣдуетъ держать въ неволѣ или одного, или по крайней мѣрѣ трехъ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ третій всякій разъ мѣшаетъ дракѣ, завязывающейся между двумя другими, и способствуетъ такимъ образомъ водворенію общаго мирнаго настроенія. На самку самецъ обращаетъ вниманіе только въ продолженіи времени спариванья, о птенцахъ же не думаетъ совсѣмъ. Онъ и не думаетъ заботиться о своихъ самкахъ, а смотритъ на нихъ какъ на существа, служація для его удовольствія.

Половое возбужденіе, появляющееся въ концѣ марта, измѣняетъ также нравъ нашей птицы. Обыкновенно онъ очень молчаливъ и кричитъ, если его не тревожатъ, развѣ только тогда, когда взлетаетъ на дерево, издавая громкій, похожій на куриное клохтанье звукъ «кукукук кукукук», далеко раздающійся въ лѣсу; теперь же онъ поетъ по пѣтушному, но самымъ отвратительнымъ образомъ. Крикъ этотъ похожъ, правда, на благозвучное «кукуреку» нашего домашняго пѣтуха, но онъ короткій и сиплый, какъ бы неполный, и возбуждаетъ, такимъ образомъ, наше неудовольствіе именно по той причинѣ, что мы сравниваемъ его съ пѣніемъ пѣтуха. Собираясь пѣть, онъ поднимаетъ хвостъ, а во время самаго пѣнія хло-

пасть крыльями, подобно нашему домашнему пѣтуху. Если по близости находится самка, то онъ спускается внизъ, чтобы ухаживать за нею, причемъ онъ распускаетъ оба крыла, втягиваетъ и пригибаетъ къ землѣ шею и даже пытается исполнить нѣсколько прыжковъ, похожихъ на пляску, которые ему, однако, никогда не удаются. Затѣмъ онъ бросается на самку и, если та не подчинится сейчасъ же его желаніямъ, то онъ начинаетъ царапать и клевать ее, какъ будто видитъ въ ней не избранную подругу, а соперника, въ борьбѣ съ которымъ ему придется употреблять самое острое оружіе. Послѣ спариванія онъ снова поетъ и затѣмъ отворачивается отъ самки. Эти любовныя похождения происходятъ обыкновенно въ утренніе часы; случается однако, также, что фазанъ-самецъ токуетъ еще разъ въ вечернее время; это бываетъ главнымъ образомъ тогда, когда онъ окруженъ немногими самками, какъ напримѣръ въ зоологическихъ садахъ, гдѣ его запираютъ, самое большее, съ 3 — 4 самками. Съ самками другихъ видовъ этого семейства фазанъ-самецъ спаривается безъ всякихъ затрудненій и со всѣми видами производить ублюдковъ, способныхъ въ свою очередь плодиться далѣе; ублюдки отъ скрещиванья его съ **Пестрымъ фазаномъ** (*Phasianus versicolor*), говорить, особенно красивы.

Оплодотворенная самка отыскиваетъ себѣ укромное мѣстечко въ густомъ кустарникѣ, среди высоко поднявшихся растений, такъ, напримѣръ въ хлѣбахъ, пырей или луговой травѣ, выкапываетъ здѣсь небольшое углубленіе, сгребаетъ въ него нѣсколько вѣтвей кустарника, находящихся по близости, и кладетъ затѣмъ 8—12 яицъ, всегда въ промежуткахъ отъ 40—48 часовъ. Если отнять у нея яйца, то она кладетъ ихъ большее количество, рѣдко, однако, превышающее числомъ 16 или 18 штукъ. Яйца меньше и круглѣе яицъ домашней курницы и окрашены въ простой, желтоватый, сѣро-зеленый цвѣтъ. Положивъ послѣднее яйцо, самка тотчасъ же принимается высиживать яйца и занимается этимъ дѣломъ съ усердіемъ, достойнымъ удивленія. Сидитъ она на яйцахъ съ такою настойчивостью, что даетъ подойти на очень близкое разстояніе самому опасному врагу, прежде чѣмъ рѣшится оставить гнѣздо; да и тогда она обыкновенно не улетаетъ, а въ большинствѣ случаевъ убѣгаетъ. Если ей приходится покинуть гнѣздо, то она прикрываетъ его слегка тѣми веществами, изъ которыхъ оно построено, или нѣсколькими листьями и травинками, которые добываетъ для этой цѣли. По истеченіи 25—26 дней вылупляются птенцы. Мать согрѣваетъ ихъ, пока они совершенно не высохнутъ, и уводитъ ихъ затѣмъ изъ гнѣзда искать корма. Если погода стоитъ благоприятная, то маленькіе, довольно проворные цыплята въ теченіи 12 дней настолько развиваются, что могутъ немножко летать; когда же они достигнутъ величины перепела, то каждый вечеръ вмѣстѣ со старой самкой начинаютъ взлетать на деревья. Послѣдняя старается защитить ихъ по возможности отъ всякаго рода вредныхъ вліяній, а также, не щадя себя, подвергается ради нихъ различнымъ опасностямъ, но тѣмъ не менѣе на долю ея рѣдко выпадаетъ счастье видѣть всѣхъ ихъ взрослыми, такъ какъ молодые фазаны принадлежатъ къ числу самыхъ извѣженныхъ и слабыхъ куриныхъ птицъ. Молодые остаются при матери до поздней осени и образуютъ съ нею выводокъ; затѣмъ прежде всего отдѣляются самцы, а къ веснѣ также и самки, которыя теперь уже достигли половой зрѣлости.

Въ средней и сѣверной Германіи самое незначительное число фазановъ представлено самимъ себѣ; имъ большею частью помогаютъ при высиживаніи яицъ, но эта помощь не всегда бываетъ удачна. Для опытнаго надсмотрщика воспитаніе молодыхъ фазановъ едва-ли представляетъ затрудненія. Оно требуетъ, конечно, вниманія и тщательнаго выбора питательныхъ веществъ, сообразуясь въ возрастномъ

цщплять, но не связано съ принятіемъ какихъ-либо необыкновенныхъ мѣръ и, главнымъ образомъ, съ такою удивительною смѣсью кормовыхъ веществъ, о которой упоминаютъ нѣкоторые содержатели фазановъ.

Врядъ-ли существуетъ какой-нибудь другой видъ куриныхъ, который былъ-бы подверженъ столькимъ опасностямъ, какъ фазанъ. Онъ скорѣе всѣхъ своихъ родичей погибаетъ подъ вліяніемъ перемѣнъ погоды и несравненно чаще ихъ становится добычей всякаго рода хищниковъ. Злѣйшій врагъ его—лисица, которая ведетъ на него такую же правильную охоту, какъ и человекъ, но гораздо лучше его умѣетъ пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы обмануть вкусную дичь. Молодыхъ фазановъ уносятъ хорьки и кошки: ежи и крысы пожираютъ яйца въ гнѣздѣ. Ястребъ и кобчикъ, лунь и коршунъ тоже дѣлаютъ свое дѣло, даже неуклюжіи сарычъ, воронъ, а также ворона, сорока, сойка похищаютъ не одного цщлевка и одолаваютъ даже старыхъ фазановъ.

* *
* *
* *

«Несмотря на то, что золотистый фазанъ ужъ съ давнихъ поръ извѣстенъ въ Европѣ», говорить совершенно справедливо Бодинусъ, «всякій глядитъ на него, разсматриваетъ его всегда съ одинаковымъ восхищеніемъ. Сила привычки не въ состояніи была притупить впечатлѣніе восторга, испытываемаго при взглядѣ на великолѣпный блескъ красокъ его оперенія; тотъ-же, кто видитъ его въ первый разъ, едва можетъ оторваться отъ этого прелестнаго зрѣлища». Въ самомъ дѣлѣ, **Золотистый фазанъ**, **Кинки** или золотая курица китайцевъ (*Phasianus pictus*, *Thaumalea picta*, *Chrysolophus pictus*, Goldfasan, Faisan doré), вѣроятно фениксъ древнихъ народовъ, можетъ быть названъ великолѣпной птицей, такъ какъ окраска его настолько-же прекрасна, насколько привлекательна его фигура. Густой хохолокъ, состоящій изъ ярко- или золотисто-желтыхъ, слегка распушенныхъ перьевъ, покрываетъ голову самца и отдѣляетъ собою воротникъ, отдѣльныя перья котораго окрашены главнымъ образомъ въ оранжево-красный цвѣтъ, но имѣютъ по краямъ кайму черно-бархатнаго цвѣта, такъ что образуется рядъ параллельныхъ темныхъ полосъ. Перья затылка, большая часть которыхъ прикрывается этимъ воротникомъ, золотисто-зеленаго цвѣта, съ черной каймой по краямъ, такъ что имѣютъ видъ чешуи; перья спины и верхнія кроющія перья хвоста ярко-желтаго цвѣта; на лицѣ, подбородкѣ и обѣихъ сторонахъ шеи перья желтовато-бѣлаго цвѣта, на нижней части шеи и брюшкѣ яркаго, шафранно-краснаго, кроющія перья крыльевъ каштаново-буро-краснаго цвѣта, маховыя перья красновато-сѣробураго съ ржаво-красною каймой, плечевыя перья темно-синія, по краямъ болѣе свѣтлаго цвѣта, хвостовыя перья покрыты по буроватому полю чернымъ мраморнымъ или сѣтчатымъ рисункомъ и, наконецъ, вытянутыя въ длину, узкія, верхнія кроющія перья хвоста темно-краснаго цвѣта. Глаза золотисто-желтаго, клювъ бѣловато-желтаго, ноги буроватаго цвѣта. Длина достигаетъ 85, размахъ крыльевъ 65, длина крыла 21, длина хвоста 60 см. У самки господствующимъ цвѣтомъ оперенія является мутный, ржаво-красный цвѣтъ, переходящій на нижней сторонѣ въ ржаво-сѣро-желтый; на темени, шеѣ и бокахъ перья имѣютъ буровато-желтыя и черныя полосы, плечевыя и среднія рулевыя перья снабжены подобными-же полосами, но онѣ здѣсь шире; крайнія хвостовыя перья покрыты желтовато-сѣрыми, водянистыми пятнами по бурому полю, запяскѣ и середина груди одноцвѣтны. Длина достигаетъ 63 см. Недавно стали разводить породу золотистаго фазана, отличающуюся болѣе темной окраской подъ именемъ *Phasianus obscurus*.

15

ЗОЛОТОЙ ФАЗАНЪ.

ЛИТ. ШТАДЕРЪ И ПАТРИНОТЪ С. П. Б.

ланцетообразную форму и окрашены въ кораллово-красный цвѣтъ. Глаза золотисто-желтаго, голыя щеки синеватаго, клювъ свѣтло-желтаго, ноги темно-желтаго цвѣта. Длина достигаетъ 125, длина крыла 22, длина хвоста 90 см. Самка похожа на самку золотистаго фазана.

Родина золотистаго фазана—Забайкальская область и восточная часть Монголии до самаго Амура, а также южный и юго-западный Китай, главнымъ образомъ провинціи Канзу и Сетчуань; восточная часть Сетчуана, Юнь-нань, Куйшо и восточная часть Тибета даютъ пріютъ алмазному фазану. Оба они живутъ въ горахъ; однако золотистый фазанъ всегда населяетъ низкій поясъ, а алмазный фазанъ—высокій поясъ, расположенный на 2000—3000 м. надъ уровнемъ моря. Это имѣетъ мѣсто даже тогда, когда оба они встрѣчаются въ однихъ и тѣхъ-же горахъ.

Хотя и должно признаться, что золотистый фазанъ въ существенныхъ своихъ чертахъ похожъ на представителей другихъ видовъ своего семейства, но можно все-таки сказать, что онъ быстрее въ своихъ движеніяхъ, ловче, умнее и понятливее обыкновеннаго фазана. Движенія его въ высшей степени граціозны. Онъ можетъ дѣлать прыжки, прямо-таки поражающіе своею легкостью и граціей, умѣетъ пролѣзть сквозь самыя густыя заросли съ удивительною ловкостью и взлетаетъ съ мѣста также гораздо быстрее другихъ фазановъ. Голосъ его, который, впрочемъ, рѣдко бываетъ слышенъ, похожъ на особаго рода шипѣнье. О большихъ умственныхъ способностяхъ его также не можетъ быть и рѣчи, въ особенности-же ему свойственна, повидимому, трусливость, присущая его семейству; можно однако утверждать, что онъ скорее другихъ мирится съ измѣнившимися условіями жизни и легче ручивѣтъ. Воспитанные съ молодю золотистые фазаны скоро привыкаютъ къ своему хозяину и безошибочно отличаютъ его отъ чужихъ людей, чего не дѣлаютъ другіе фазаны. Всѣ эти преимущества золотистаго фазана очень скоро становятся ясными для того, кто ближе ознакомится съ нимъ; несмотря на это, онъ все-таки далеко не представляетъ собою того, чѣмъ могъ бы быть. Любители, кажется, воображаютъ, что воспитаніе его и уходъ за нимъ представляютъ особыя затрудненія, а между тѣмъ это совершенно несправедливо. «Благодаря довольно общераспространенному повѣрью», говоритъ Бодинусъ, «будто-бы эта великолѣпная птица, будучи родомъ изъ теплыхъ странъ Азіи, совершенно не въ состояніи переносить переменъ погоды подъ нашимъ германскимъ небомъ, многіе запираютъ ее, выбираютъ для помѣщенія ея жилище, возможно болѣе доступное солнечнымъ лучамъ, боязливо избѣгаютъ всякой сырости, стараются даже замѣнить недостатокъ въ солнечной теплотѣ горячею печью и даютъ ей, для достиженія надлежащей силы и полноты тѣла, большое количество тяжелой зерновой пищи. Двигаться птица можетъ лишь очень мало, такъ какъ для того, чтобы отгородить болѣе обширное помѣщеніе, требуется увеличеніе издержекъ, а въ меньшемъ помѣщеніи гораздо легче подвергать ее дѣйствію сильныхъ солнечныхъ лучей. При болѣе тщательномъ наблюденіи за золотистымъ фазаномъ, однако, скоро можно убѣдиться, что подобное обращеніе съ нимъ никакимъ образомъ не можетъ быть ему полезно, что сухой, выжженный солнцемъ, горячій песокъ, которымъ наполняется его клѣтка, представляетъ совершенно не подходящую для него почву». Если предоставить въ его распоряженіе относительно большое, частью обложенное дерномъ и усаженное также густымъ кустарникомъ помѣщеніе и давать ему подходящую, т. е. смѣшанную пищу, состоящую изъ веществъ животнаго и растительнаго происхожденія, то содержать его и заставить его размякаться можно будетъ такъ-же легко, какъ и всякаго другаго фазана.

Золотистый фазанъ начинаетъ токовать около конца апрѣля. Въ это время онъ чаще обыкновеннаго издаетъ свой шипящій призывной голосъ, отличается болѣе оживленными движеніями, чѣмъ когда-нибудь въ другое время, становится также въ высшей степени драчливымъ и любитъ принимать граціозныя положенія, причемъ нагибаетъ голову, высоко вздуваетъ воротникъ, распускаетъ крылья, поднимаетъ хвостъ и съ необыкновенною граціей совершаетъ всякаго рода повороты. Желая позвать самку или желая, чтобы его любовное настроеніе было услышано еще гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, онъ издаетъ, одинъ за другимъ, 3—4 короткихъ, отрывистыхъ крика, имѣющихъ отдаленное сходство съ звукомъ, производимымъ при натачиваніи косы; ихъ нельзя смѣшать ни съ однимъ другимъ птичьимъ голосомъ, но также невозможно дать имъ болѣе точное описаніе. Въ началѣ мая самка приступаетъ къ кладкѣ яицъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ она можетъ свободно двигаться; при этомъ она выбираетъ себѣ мѣстечко поукромнѣе и сгребаетъ здѣсь неряшливое гнѣздо, по примѣру другихъ фазановъ. Яйца, числомъ 8—12, очень малы и окрашены довольно равномерно въ свѣтлый ржавый или желто-красный цвѣтъ. Въ небольшомъ отгороженномъ мѣстѣ самка рѣдко высиживаетъ яйца, т. е. лишь въ томъ случаѣ, когда она думаетъ, что за ней совершенно не наблюдаютъ; поэтому яйца ея даютъ высиживать подходящимъ домашнимъ насѣдкамъ и выбираютъ для этой цѣли охотнѣе всего карликовыхъ бентамокъ. По истеченіи 23—24 дней высиживанья изъ яицъ вылупляются въ высшей степени миловидные цыплята. Въ теченіи первыхъ дней своей жизни они требуютъ, какъ и всѣ фазаны, очень тщательнаго ухода, въ особенности же сухой теплоты, но при благоприятной погодѣ уже по прошествіи 2—3 дней могутъ быть выпущены на волю. Они не всегда слѣдуютъ за своей пріемной матерью, скорѣе даже часто обнаруживаютъ желаніе убѣжать отъ нея; однако иногда бываетъ достаточно уже полдня, чтобы заставить ихъ привыкнуть къ насѣдкѣ. По истеченіи первыхъ 14 дней они начинаютъ взлетать на деревья и когда достигнуть величины перепела, то уже весьма мало нуждаются въ своей воспитательницѣ. Недѣли черезъ 4 они не требуютъ болѣе никакого особеннаго ухода и могутъ быть содержимы совершенно такъ-же, какъ и старые фазаны.

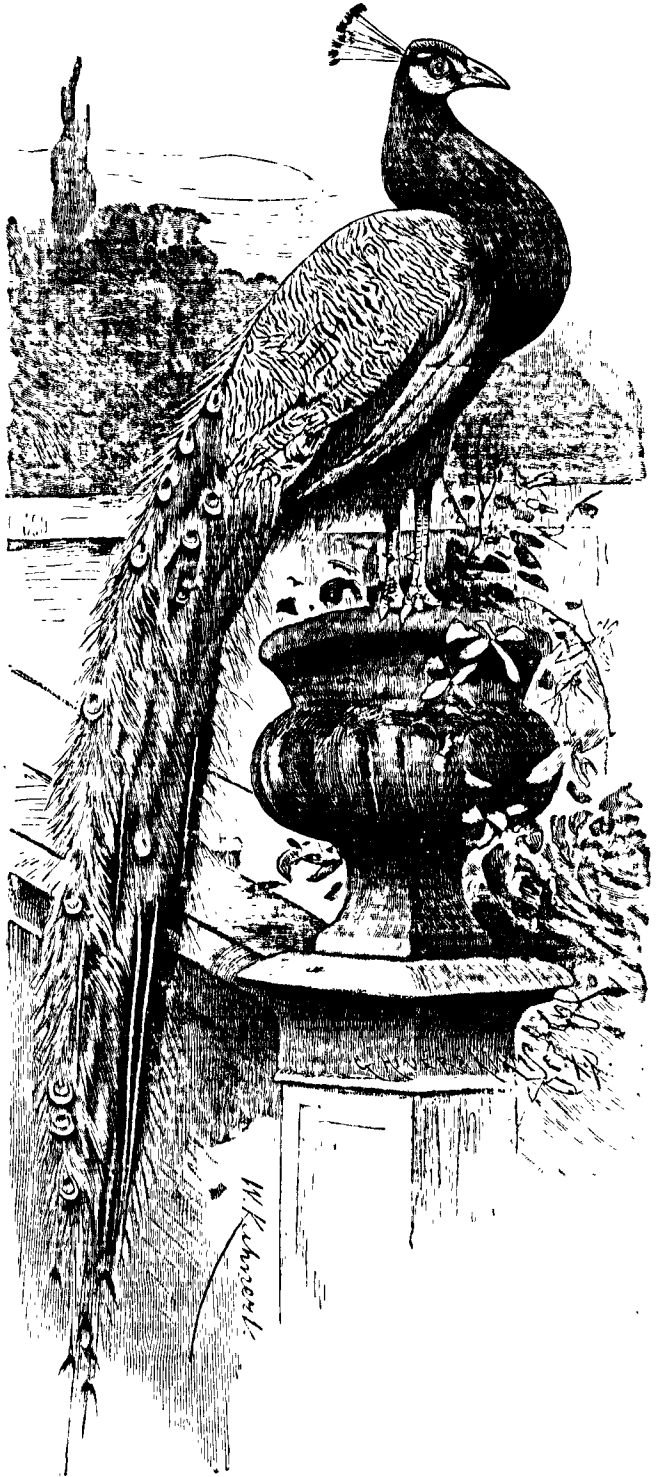
Все, что можетъ быть сказано въ похвалу золотистаго фазана, относится также, но только въ большей мѣрѣ, къ алмазному фазану. Онъ еще граціознѣе, еще ловче, быстрѣе въ движеніяхъ, умнѣе и, что важнѣе всего, онъ выносливѣе, менѣе подверженъ вліяніямъ нашего климата, чѣмъ родственникъ его, которому онъ, впрочемъ, настолько близокъ, что легко скрещивается съ нимъ и производить убудковъ, способныхъ въ свою очередь плодиться далѣе. Ему, очевидно, предстоитъ блестящая будущность, такъ какъ онъ обладаетъ всѣми качествами, обуславливающими вѣрный успѣхъ при поселеніи въ нашей странѣ, насколько оно вообще возможно.

Слѣдующее подсемейство образуютъ **Павлиновыя** (Pavoninae). Отличительные признаки ихъ составляютъ: плоскій, широкій хвостъ и снабженные шпорами ноги самцовъ.

Павлины (Pavo. Pfauen. Papons) отличаются отъ всѣхъ другихъ куриныхъ чрезвычайнымъ развитіемъ верхнихъ кроющихъ перьевъ хвоста, которыя вслѣдствіе этого должны быть разсматриваемы, какъ важнѣйшій отличительный признакъ ихъ. Это—самыя крупныя изъ всѣхъ куриныхъ; они отличаются крѣпкимъ сложениемъ, довольно длинной шеей, маленькой головой, короткими крыльями, высокими но-

гами и длиннымъ хвостомъ. Клювъ довольно толстъ, на спинкѣ согнутъ, на концѣ крючкомъ загнутъ книзу, ноги самца съ длинною плюсною снабжены шпорами, крылья, въ которыхъ шестое маховое перо превосходить по длинѣ остальные, коротки, хвостъ, состоящій изъ 18 перьевъ, замѣтно удлиненъ. Густое опереніе въ изобилии покрываетъ туловище, голова украшена поднимающимся вверхъ, длиннымъ пучкомъ узкихъ или только на концѣ снабженныхъ бородакою перьевъ; область глазъ, однако, свободна отъ перьевъ. Опереніе достигаетъ полной красоты лишь на третьемъ году возраста птицы. Родина павлиновъ — южная Азія.

У Павлина обыкновеннаго (*Pavo cristatus*. Pfan. Paon), котораго намъ слѣдуетъ считать родоначальникомъ самой красивой изъ нашихъ домашнихъ птицъ, голова, шея и передняя часть груди окрашены въ великолѣпный пурпурово-фіолетовый цвѣтъ съ золотистымъ и зеленымъ отливомъ; спина зеленого цвѣта; каждое перо его окружено каймой мѣднаго цвѣта и покрыто раковистымъ рисункомъ; крылья бѣлыя съ черными поперечными полосами, середина же спины темно-синяго, а нижняя сторона черного цвѣта; маховыя и хвостовыя перья свѣтлаго орѣхово-бурого цвѣта; перья, образующія

Павлинъ обыкновенный. *Pavo cristatus*. $\frac{1}{2}$ наст. велич.

хвостъ, зеленаго цвѣта и украшены великолѣпными пятнами, имѣющими видъ глазковъ, такъ называемыми «зеркальцами»; перья, образующія хохоль, числомъ 20—24, имѣютъ бородки только на концѣ. Глаза темно-каріе, голое кольцо вокругъ нихъ бѣловатаго, клювъ и ноги рогового бурога цвѣта. Длина достигаетъ 110—125 см., длина крыла 46, длина хвоста 60 см.; хвостъ бываетъ длиною въ 1,2—1,3 м. У самки хохоль на головѣ значительно короче и окраска его темнѣе, чѣмъ у самца; голова и верхняя часть шеи орѣгово-бураго цвѣта, на затылкѣ перья зеленоватыя, съ бѣловато-бурой каймой, нижнія шейныя перья свѣтло-бураго цвѣта и покрыты тонкимъ поперечно-волнистымъ рисункомъ, на zobу, груди и брюшкѣ перья бѣлыя, маховыя перья бурья, рулевья перья темно-бураго цвѣта съ бѣлой каймой на концѣ. Длина достигаетъ около 95, длина крыла 40 см., длина хвоста 33 см.

Обыкновенный павлинъ живетъ въ Остѣ-Индіи и на островѣ Цейлонѣ, а въ Ассамѣ и на Зондскихъ островахъ, главнымъ образомъ на островѣ Явъ, его замѣняютъ двародственныхъ ему вида. Онъ населяетъ лѣса и джунгли преимущественно гористыхъ мѣстностей, причемъ чаще встрѣчается въ тѣхъ изъ нихъ, которые окружены открытыми равнинами или прорѣзаны оврагами, чѣмъ въ тѣхъ, которые можно было-бы сравнить съ нашимъ высокоствольнымъ лѣсомъ. Въ горномъ краѣжѣ Пилгири и горахъ южной Индіи онъ поднимается до пояса, лежащаго на 2000 м. надъ уровнемъ моря; въ Гиммалайскихъ горахъ, однако, его нѣтъ; на островѣ Цейлонѣ онъ встрѣчается также преимущественно въ горахъ. По словамъ Вильямсона, любимымъ мѣстопробываніемъ его служатъ лѣса, поросшіе густымъ кустарникомъ или высокою травой, въ томъ случаѣ, если въ нихъ нѣтъ недостатка въ водѣ; онъ также охотно живетъ на плантаціяхъ, доставляющихъ ему кровъ и имѣющихъ отдѣльно стоящія, высокія деревья, удобныя для ночного отдыха. Во многихъ мѣстностяхъ Индіи его считаютъ святою и неприкосновенною птицею, убіеніе которой въ глазахъ туземцевъ считается преступленіемъ и угрожаетъ опасностью жизни каждому нарушителю этого закона. По близости многихъ индусскихъ храмовъ содержатся многочисленныя стада полудикихъ павлиновъ, уходъ за которыми принадлежитъ къ числу обязанностей жрецовъ; здѣсь павлины скоро начинаютъ сознать оказываемое имъ покровительство и обнаруживаютъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ индусамъ, едва-ли большую нугливость, чѣмъ тѣ павлины, которые выросли на куриномъ дворѣ.

Тенненъ увѣряетъ, что никто изъ тѣхъ, кто самъ не видѣлъ павлина въ его уединенной, дикой пустынѣ, не можетъ составить себѣ представленія объ его красотѣ. Въ тѣхъ частяхъ острова Цейлона, которыя рѣдко посѣщаются европейцами и гдѣ павлину никто не мѣшаетъ, онъ встрѣчается въ такомъ громадномъ количествѣ, что днемъ можно видѣть сразу цѣлыя сотни этихъ птицъ, а ночью нельзя заснуть отъ непрерывающагося, громкаго крика ихъ. Прекраснѣе всего выглядитъ онъ, когда взлетитъ на дерево и длинный хвостъ его, то скрытый на половину въ листьѣ, то распущенный на виду, становится чуднымъ украшеніемъ даже самаго дерева, на которомъ онъ сидитъ. Вильямсонъ утверждаетъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Индіи онъ видѣлъ сразу 1200—1500 павлиновъ, но обыкновенно встрѣчалъ стаями въ 30—40 штукъ. Днемъ эти общества держатся большею частью на землѣ и только въ утренніе и вечерніе часы выходятъ на открытыя мѣста и поля, чтобы искать здѣсь корма. Преслѣдусмый павлинъ старается какъ можно дольше спасаться бѣгомъ и рѣшается взлетѣть только тогда, когда опередить своихъ преслѣдователей на извѣстное разстояніе. Полетъ его тяжеловѣсенъ и шуменъ. Птица поднимается обыкновенно не выше, чѣмъ на разстояніе выстрѣла, и рѣдко залетаетъ далеко. Можно было-бы подумать, говорить Вильямсонъ, что павлинъ, раненый въ крыло,

тяжело падаетъ на землю; однако, это несправедливо: раненый, напротивъ того, почти всегда очень скоро снова вскакиваетъ на ноги и бѣжитъ тогда съ такою быстротою, что въ девяти случаяхъ изъ десяти уходитъ отъ охотника, если тотъ не слѣдуетъ за нимъ по пятамъ. Передъ собакой или болѣе крупнымъ хищникомъ вообще павлинь чувствуетъ гораздо больше страха, чѣмъ передъ человѣкомъ, вѣроятно потому, что ему многое пришлось испытать отъ охотничьихъ собакъ и тигровъ. Если пустить собаку по его слѣду, то онъ какъ можно скорѣе взлетаетъ на дерево и послѣ этого уже не такъ легко даетъ согнать себя съ мѣста. Тамъ, гдѣ есть тигры, охотники, посѣдившіе въ Индіи, по поведенію павлиновъ съ полнѣйшей увѣренностью заключаютъ о присутствіи одного изъ этихъ хищниковъ.

Какъ настоящая куриная птица, павлинь выбираетъ свою пищу какъ среди животнаго, такъ равнымъ образомъ и среди растительнаго царства. Онъ ѣстъ все, чѣмъ питается наша домашняя курица, но, благодаря своей величинѣ и силѣ, въ состояніи одолѣвать также болѣе крупныхъ животныхъ, какъ на примѣръ змѣй довольно значительной длины, которыя частью съѣдаются и по меньшей мѣрѣ убиваются имъ. Когда поднимаются молодые хлѣба, онъ всегда отправляется кормиться на поля, а когда созрѣваютъ плоды священной смоковницы, то онъ до того наѣдается ими, что мясо его приобретаетъ горькій вкусъ.

Яйца павлинь высидиваетъ въ различные времена года, смотря по мѣстности, въ южной Индіи около конца дождливаго времени, въ сѣверной части страны, начиная приблизительно съ апрѣля и до октября. По словамъ Ирби въ провинціи Аудъ самецъ теряетъ свой хвостъ въ сентябрѣ и только въ мартѣ онъ снова совершенно вырастаетъ у него, такъ что только къ этому времени павлинь можетъ думать о спариваніи. Тогда онъ является передъ самкой во всей красѣ своего оперенія и ведетъ себя совершенно такъ-же, какъ и его ручные потомки. Гнѣздо, находимое обыкновенно на возвышенномъ мѣстѣ, въ лѣсу, подъ большимъ кустомъ, состоитъ изъ тонкихъ прутьевъ, сухихъ листьевъ и тому подобнаго и построено такъ-же беспорядочно, какъ и гнѣзда другихъ куриныхъ птицъ. Кладка состоитъ, по словамъ Жердона, изъ 4—8, или 9, по словамъ Вильямсона, изъ 12—15 яицъ. Самка высидиваетъ ихъ съ большимъ усердіемъ и покидаетъ ихъ только въ крайнемъ случаѣ. «Я наблюдалъ въ различныхъ случаяхъ», говоритъ первый изъ вышеназванныхъ изслѣдователей, «самокъ дикаго павлина на гнѣздѣ ихъ. Если я не тревожилъ ихъ, онѣ не трогались съ мѣста даже тогда, когда присутствіе мое несомнѣнно было замѣчено ими». Въ молодости жизнь павлиновъ протекаетъ такъ-же, какъ и у другихъ куръ.

Хотя нельзя сказать, чтобы павлинь считался за отличную дичь у европейскихъ охотниковъ въ Индіи, тѣмъ не менѣе никто изъ нихъ не въ состояніи вначалѣ устоять противъ искушенія застрѣлить самца, плавно несущагося по воздуху. Мясо старыхъ птицъ пригодно, правда, только для супа, но мясо полувзрослыхъ отлично, благодаря тому, что оно мягко и имѣетъ превосходный вкусъ дичи. Въ мѣстностяхъ, гдѣ павлины встрѣчаются въ большомъ количествѣ и не считаются неприкосновенными, ихъ много ловятъ въ петли, сѣти и другія ловушки и доставляютъ живьемъ на рынокъ. Они скоро привыкаютъ къ неволѣ, но все-таки должны быть для этого не слишкомъ молодыми, такъ какъ птенцовъ воспитать трудно.

Когда павлинь впервые прибылъ въ Европу, въ достовѣрности неизвѣстно. Александръ Великій не зналъ ручныхъ павлиновъ, такъ какъ дивился ему, когда въ первый разъ увидѣлъ его на волѣ во время своего похода въ Индію, и, какъ гласитъ преданіе, привезъ его ручнымъ съ собой въ Европу. Но тѣмъ не менѣе

эта великолѣпная птица уже гораздо раньше была распространена на западѣ. «Эта птица жила тамъ (въ Индіи) на свободѣ въ лѣсахъ,» пишетъ Генъ, «и отсюда проникла она по пути финикійской морской торговли въ область Средиземнаго моря; это не только видно изъ одного памятника, указывающаго на начало X столѣтія до Р. Х., но подтверждается также сравненіемъ собственнымъ именъ. Корабли царя Соломона, снаряжавшіеся въ Эдомитскихъ гаваняхъ, во время поѣздокъ въ Офиръ и обратно, въ числѣ другихъ драгоценностей привозили съ собою также павлиновъ». Во времена Перикла, говорятъ, павлинъ былъ такою рѣдкостью въ Греціи, что люди издалека приходили посмотрѣть на него. Эліанъ упоминаетъ, что самецъ стоилъ 1000 драхмъ или около 1400 марокъ на наши деньги. Аристотель, пережившій Александра только на два года, говоритъ о павлинѣ, какъ о птицѣ обыкновенной и хорошо извѣстной во всей странѣ. На пирахъ римскихъ императоровъ онъ игралъ уже выдающуюся роль. Вителлій и Гелиогабалъ подавали гостямъ своимъ огромныя блюда, состоявшія изъ языковъ и мозга павлиновъ и самыхъ дорогихъ индійскихъ пряностей. На островѣ Самосѣ его держали въ храмѣ Юноны и изображали на монетахъ. Въ Германіи и Англій, въ XIV—XV столѣтіяхъ онъ былъ, повидимому, еще большею рѣдкостью, такъ какъ англійскіе бароны доказывали свое богатство тѣмъ, что на большихъ пирахъ приказывали подавать жаренаго павлина, украшеннаго его собственными перьями и обложеннаго сливами, бывшими въ тѣ времена еще большою рѣдкостью. Геснеръ, естественная исторія котораго появилась въ 1557 году, зналъ его очень хорошо и даетъ уже подробное описаніе его. «Между большими птицами павлинъ занимаетъ первое мѣсто по фигурѣ, уму и красотѣ своей. Онъ дивится своей чудной красотѣ и если кто-нибудь хвалитъ его и называетъ красивымъ, то онъ быстро распускаетъ свои цвѣтныя и золотистыя перья, подобно прекрасному цвѣтнику; если-же бранятъ его, то онъ прячетъ хвостъ и выказываетъ этимъ презрѣніе къ своему носителю. Когда его хвалятъ, онъ распускаетъ хвостъ, какъ только, однако, онъ посмотритъ на свои безобразныя ноги, онъ становится скученъ и снова опускаетъ его. Когда онъ просыпается ночью и не можетъ осмотрѣть самого себя въ темнотѣ, онъ боязливо кричитъ и думаетъ, что потерялъ свою красоту. Павлинъ не только знаетъ, что онъ самая красивая изъ всѣхъ птицъ, но знаетъ также, которое мѣсто у него красивѣе всего, поэтому онъ поднимаетъ шею и начинаетъ очень гордиться перьями, которыя служатъ ему тогда украшеніемъ, такъ какъ при помощи ихъ онъ пугаетъ своихъ зрителей. Когда-же онъ хочетъ испугать кого-нибудь, онъ сначала распускаетъ перья, затѣмъ трещитъ ими и киваетъ трижды своею гордою головою. Желая охладиться, онъ распускаетъ перья для себя, такъ что они даютъ ему тѣнь и освобождаютъ его отъ жары. Когда-же вѣтеръ дуетъ ему въ задъ, то онъ распускаетъ крылья для того, чтобы воздухъ проходилъ черезъ нихъ и охлаждалъ его такимъ образомъ. Когда его хвалятъ, онъ выказываетъ свое тщеславіе, подобно красивому ребенку или красивой женщинѣ; тогда онъ поднимаетъ по порядку свои перья, такъ что они становятся похожи на красивый цвѣтникъ или неструю картину. Передъ художниками, желающими изобразить его, онъ также стоитъ совершенно смиренно, чтобы они могли хорошенько разсмотрѣть и срисовать его, какъ рассказываетъ Эліанъ. Павлинъ очень чистоплотная птица, поэтому онъ ходитъ съ осторожностью, чтобы не загрязниться, и если онъ, будучи еще молодымъ, замочится или перепачкается, онъ часто умираетъ отъ этого, не будучи въ состояніи выносить никакой грязи.»

Въ существенныхъ чертахъ мы и нынѣ придерживаемся приблизительно того-же мнѣнія, какъ и старый Геснеръ. Гордость и тщеславіе дѣйствительно со-

ставляютъ самую выдающуюся черту характера у павлина, и онъ выказываетъ ихъ не только передъ самкою, но также передъ человѣкомъ. Но кромѣ этого онъ еще самоувѣренъ и властолюбивъ. На куриномъ дворѣ онъ часто становится невыносимъ, потому что, не будучи даже разсерженъ, нападаетъ на болѣе слабыхъ животныхъ и съ коварной злобой истязаетъ или даже убиваетъ ихъ. Иногда, конечно, онъ также поддается соблазну затѣять ссору съ индѣйскими пѣтухами; въ такомъ случаѣ однако всегда немедленно слѣдуетъ наказаніе за его дерзновенное намѣреніе. Павлины и индѣйскіе пѣтухи, свободно разгуливающіе по вольѣ, очень часто ссорятся между собою. Сначала обыкновенно дерутся между собою два павлина—самца, послѣ чего почти всегда побѣжденный бросается на одного изъ разгуливающихъ по близости индѣйскихъ пѣтуховъ. Послѣдній однако въ одно мгновеніе сзываетъ на помощь товарищей, драка немедленно прекращается, и всѣ индѣйки соединяются во-едино съ цѣлью наказать гордаго азіата. Тогда ему во всякомъ случаѣ приходится наострить лыжи, причемъ его иногда сильно треплютъ и клюютъ.

Зима оказываетъ на павлина мало вліянія: даже въ томъ случаѣ, когда у него есть теплое помѣщеніе, онъ въ сильнѣйшій холодъ остается спать на тѣхъ возвышенныхъ мѣстахъ, которыя выбралъ себѣ лѣтомъ, а когда идетъ снѣгъ, то его иногда заноситъ имъ, причемъ это также не вредитъ ему нисколько. Когда онъ пользуется болѣе значительной свободой, онъ невзыскателенъ, довольствуется обыкновеннымъ куринымъ кормомъ, но, конечно, многія питательныя вещества отыскиваетъ себѣ самъ во время своихъ прогулокъ по двору и саду. Всякаго рода зелень ему, повидимому, необходима. Самка усердно высиживаетъ яйца только тогда, когда знаетъ, что ей навѣрное никто не помѣшаетъ. Она мастерски умѣетъ выбрать удобное для гнѣзда мѣсто, пользуется для этой цѣли различными мѣстностями, но всегда поступаетъ осмотрительно. Послѣ высиживанья, продолжающагося 30 дней, изъ яицъ вылупляются птенцы, и если старую самку не беспокоили во время высиживанья, то она начинаетъ добросовѣстно печься о нихъ, водить, согрѣваетъ и защищаетъ ихъ по мѣрѣ силъ и относится къ нимъ вообще очень заботливо. Если же во время высиживанья ей стало мѣшало, то она почти всегда заботится больше о себѣ, чѣмъ о своихъ цыплятахъ и самымъ безжалостнымъ образомъ оставляетъ ихъ на произволь судьбы даже ночью, причемъ, не обращая вниманія на беспомощность своихъ дѣтенышей, отправляется спать на свое обыкновенное мѣсто. Молодые при благоприятныхъ обстоятельствахъ вырастаютъ довольно быстро, на третьемъ мѣсяцѣ своей жизни уже могутъ быть отличаемы по полу, но полного великолѣпія оперенія и способности размножаться они достигаютъ только на третьемъ году своей жизни.

* * *

Лофофоры (*Lophophorus*. Glanzfasanen. *Lophophores*) должны быть разсматриваемы какъ второе семейство павлиновъ. Они отличаются короткимъ слетка закругленнымъ хвостомъ и живутъ исключительно на высокихъ горахъ южной и восточной Азіи.

Высоко въ лѣсахъ Гиммалайскихъ горъ, начиная отъ предгорій ихъ, имѣющихъ склонъ къ Афганистану, до Сиккима и Бутана, находящихся на крайнемъ востокѣ этой горной цѣпи, на высотахъ, лежащихъ отъ 2000 до 3000 м. надъ уровнемъ моря, живетъ великолѣпная птица, можетъ быть самая красивая изъ всего семейства, — **Лофофоръ** (*Lophophorus impeyanus* и *refulgens*, *Phasianus im-*

peyanus, Pavo и Monaulus refulgens, Impeyanus recurvirostris. Glanzfasan. Lophophore), котораго жители Гималайскихъ горъ называютъ Монаулъ или Мональ.

Трудно описать великолѣпнѣ окраски монаула. Голова и хохоль, составленный какъ-бы изъ золотыхъ колосьевъ, а также горло металлически-зеленаго цвѣта; верхняя часть шеи и затылокъ отливаютъ пурпурово- или карминно-краснымъ цвѣтомъ и имѣютъ рубиновый блескъ; нижняя часть шеи и спина бронзово-зеленаго цвѣта, съ золотистымъ блескомъ, нижнія шейныя перья и кроющія перья крыльевъ, зашеекъ и верхнія кроющія перья хвоста фиолетово- или голубовато-зеленыя и блестятъ такъ-же, какъ и остальное опереніе; на спинѣ нѣкоторыя перья бѣлаго цвѣта; нижнія части чернаго цвѣта, съ зеленымъ и пурпуровымъ отливомъ на серединѣ груди, на брюшкѣ-же темнаго цвѣта и лишены блеска; маховыя перья чернаго, рулевыя перья буровато-краснаго цвѣта. Глаза каріе, голое мѣсто вокругъ нихъ синеватаго цвѣта, клювъ темнаго, рогового, ноги темнаго, сѣро-зеленаго цвѣта. У самки горло и область зоба бѣлыя, всѣ остальныя перья покрыты темно-бурыми пятнами, волнистыми линиями и полосками по блѣдно-желто-бурому полю; большія маховыя перья черноватаго, малыя маховыя перья чернаго цвѣта, съ буро-желтыми поперечными полосками. Длина самца достигаетъ 65, размахъ крыльевъ 85, длина крыла 30, длина хвоста 21 см. Самка замѣтно меньше ростомъ.

О жизни на свободѣ монаула, область распространенія котораго тянется по всей южной части Гималайскихъ горъ и Кашмира, мы получили подробное сообщеніе отъ «Горнаго жителя»; однако слѣдуетъ сожалѣть, что этотъ прекрасный наблюдатель судить скорѣе съ точки зрѣнія охотника, чѣмъ натуралиста. «Начиная отъ перваго, болѣе возвышеннаго горнаго хребта, поднимающагося надъ равнинами, до самой лѣсной границы по направленію кверху, монаула можно встрѣтить на любой высотѣ, а среди горъ это одна изъ наиболѣе попадающихъ охотничьихъ птицъ. Когда лежащая вблизи Миссури горы впервые посѣтили европейцы, онъ часто встрѣчался также здѣсь, да и въ настоящее время еще попадаетъ въ этой мѣстности, по крайней мѣрѣ въ одиночку. Въ лѣтнее время его встрѣчаешь рѣдко, такъ какъ зеленая сѣть растущихъ въ изобиліи вьющихся растений скрываетъ внутренность лѣса отъ глазъ человѣка, зато въ это время можно видѣть его въ довольно значительномъ количествѣ по близости снѣжныхъ полей, въ особенности утромъ и вечеромъ, когда онъ является сюда искать корма. Никто, однако, не могъ-бы по числу видимыхъ имъ экземпляровъ сдѣлать заключеніе о числѣ дѣйствительно имѣющихся на лицѣ. Когда приближается холодное время года и вьющіяся и покрывающія почву растенія высыхаютъ, то кажется, что лѣсъ кишитъ ими. Тогда они собираются выводками и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ впродолженіи одного дня можно поднять ихъ болѣе сотни. Лѣтомъ почти всѣ самцы и нѣкоторыя самки поднимаются въ горы; осенью старыя и малыя выбираютъ въ лѣсу тѣ мѣста, гдѣ почва покрыта толстымъ слоемъ опавшей листвы, такъ какъ теперь здѣсь можно найти наибольшее количество гусеницъ и червяковъ. Чѣмъ ближе подходитъ зима и чѣмъ больше горы покрываются снѣгомъ, тѣмъ дальше они спускаются книзу. Въ холодныя зимы и глубокой снѣгъ они сходятся вмѣстѣ въ лѣсахъ на южныхъ склонахъ горъ, гдѣ снѣгъ таетъ еще раньше, и даже спускаются до холмистыхъ мѣстностей, гдѣ снѣгъ не такъ глубоко или скоро таетъ и гдѣ подъ кустами или защищенными мѣстами монаулы въ состояніи добраться до почвы. Самки и дѣтеныши охотно держатся тогда по сосѣдству съ лѣсными деревьями, и часто на поляхъ ихъ видятъ

цѣлыми стаями; однако даже въ самое холодное время, когда свѣжныя бури постепенно покрываютъ почву толстымъ слоемъ снѣга, многіе, хотя вѣроятно только старыя самцы, все-же остаются въ болѣе высоко лежащихъ лѣсахъ. Весною, какъ только начнетъ таять снѣгъ, всѣ тѣ, которые были отгнаны въ долину, мало по малу снова перекочевываютъ наверхъ.

«Эти общества или выводки, которые въ осеніе и зимніе мѣсяцы соединяются вмѣстѣ въ извѣстной части лѣса, рассыпаются на такое далекое пространство, что кажется, будто каждая птица живетъ отдѣльно. Иногда случается пройти по лѣсу англійскую милю, не встрѣтивъ ни одного изъ нихъ, и вдругъ натыкаешься на мѣсто, гдѣ на площади въ нѣсколько сотъ метровъ въ діаметрѣ ихъ поднимается болѣе 20 штукъ, одинъ за другимъ. Въ другое время или въ другихъ поясахъ они распредѣлены по всей области: тутъ поднимаешь одного, тамъ другого, двухъ или трехъ въ третьемъ мѣстѣ, и такъ дѣло можетъ продолжаться на разстояніи нѣсколькихъ миль. Самки держатся болѣе тѣсными стаями, чѣмъ самцы, а также дальше уходятъ въ горы и раньше мѣняють безопасныя лѣса на мѣста, находящіяся подъ лучами солнца, или на сосѣдство деревень. Часто находятъ оба пола отдѣланными другъ отъ друга, и тогда они встрѣчаются въ значительномъ количествѣ. Въ болѣе глубокихъ обрывахъ или на проталинахъ горныхъ склоновъ можно встрѣтить цѣлыя дюжины самокъ и молодыхъ птицъ и не встрѣтить ни одного стараго самца, тогда какъ на высотахъ или въ лѣсу видишь только послѣднихъ. Лѣтомъ они разбиваются больше, но, собственно говоря, не держатся парочками, такъ какъ и тогда ихъ можно встрѣтить по нѣскольку вмѣстѣ. Самецъ, повидимому, не обращаетъ никакого вниманія на самку, пока та сидитъ на яйцахъ, и также мало заботится о вылупившихся изъ яицъ птенцахъ, до того рѣдко его находятъ въ ихъ обществахъ.

«Начиная съ апрѣля и до наступленія холоднаго времени года монауль бываетъ очень остороженъ и пугливъ; но эти качества его очень теряются подъ всеподавляющимъ вліяніемъ зимняго холода и снѣга, покрывающаго питательныя вещества, хотя и въ это время нельзя отрицать извѣстной сдержанности въ его поведеніи. Начиная съ октября, эту птицу уже часто можно встрѣтить на мѣстахъ, непокрытыхъ кустарникомъ, и она уже не такъ боязливо старается скрыться отъ наблюденій, пробираясь въ травѣ или болѣе густомъ кустарникѣ; однако она все-таки раньше чувствуетъ чье-нибудь приближеніе и поднимается на болѣе далекомъ разстояніи, чѣмъ всякій настоящій фазанъ. Весною, если вспугнуть его, онъ пролетаетъ въ одинъ приемъ большое разстояніе и, поднявшись во второй разъ, почти не подпускаетъ къ себѣ близко; между тѣмъ зимою нерѣдко можно убить его на бѣгу или безъ особаго труда подкрасться къ нему, когда онъ взлетитъ и сядетъ на дерево. Если поднять его въ лѣсу, то онъ взлетаетъ безъ крика и не убѣгаетъ по землѣ; напротивъ того, въ открытыхъ мѣстахъ или покрытыхъ травой склонахъ горъ, не чувствуя за собою близкой погони, вмѣсто того, чтобы взлетѣть, онъ охотно убѣгаетъ или также удаляется украдкой. Если ему приходится подниматься, то онъ совершаетъ это съ громкимъ шумомъ и испуская рѣзкій и свистящій крикъ, который быстро повторяется имъ нѣсколько разъ одинъ за другимъ и часто до тѣхъ поръ, пока онъ не сядетъ снова, послѣ чего онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ издаетъ свой обыкновенный жалобный крикъ и продолжаетъ издавать его нѣкоторое время. Если зимой поднять одного или двухъ монауловъ, то всѣ, которые слышали это, обращаютъ на это вниманіе, и если птицы принадлежали къ одной стаѣ, то поднимаются быстро другъ за другомъ; если-же общество болѣе разбеднено, то птицы поднимаются медленно одна за другою. Крикъ первой взлетѣвшей

побуждает подняться вторую, и такъ дѣло продолжается до тѣхъ поръ, пока не поднимутся всѣ бывшія тутъ-же по близости. Зимой лофофоры держатъ себя менѣе зависимо другъ отъ друга и, хотя болѣе пугливы, однако скорѣе бываютъ склонны ждать, пока не вспугнутъ ихъ самихъ. Продолжительное преслѣдованіе дѣлаетъ ихъ очень пугливыми, осторожными и безпокойными, въ особенности весною, такъ какъ они тогда въ лѣсу вездѣ находятъ достаточное количество пищи, тогда какъ зимою въ распоряженіи ихъ находится ограниченная область, куда имъ приходится возвращаться. Самки, впрочемъ, повидимому во всякое время менѣе пугливы, чѣмъ самцы. Полетъ послѣднихъ своеобразенъ. Дѣло въ томъ, что монауль, пролетая далекія разстоянія, не машетъ крыльями, а несется по воздуху, производя дрожащія движенія маховыми перьями. Если тогда на его великолѣпномъ опереніи играетъ солнце, то онъ является несомнѣнно самымъ красивымъ изъ всѣхъ фазановъ.

«Призывной голосъ его, громкій, жалобный свистъ, слышится въ лѣсу во всѣ часы дня, но чаще всего все-таки до разсвѣта и вечеромъ. Въ холодное время года лѣсъ оглашается криками этихъ птицъ, собравшихся теперь въ большомъ количествѣ, въ особенности не задолго передъ тѣмъ, какъ онѣ собираются размѣститься для сна на отдѣльно стоящихъ, высокія деревья или также на утесы скалъ. Монауль питается кореньями, листьями, молодыми побѣгами, различнаго сорта травами и влаками, ягодами, орѣхами и другими сѣменами, но ѣсть также всякаго рода насекомыхъ. Осенью онъ отыскиваетъ послѣднихъ подъ опавшими листьями; зимою онъ часто кормится на поляхъ, засѣянныхъ пшеницею и ячменемъ. Нерѣдко онъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ подрядъ и притомъ всегда съ большимъ усердіемъ занимается рытьемъ земли, пуская въ дѣло свой клювъ, особенно хорошо приспособленный для этой цѣли. Въ болѣе высоко расположенныхъ лѣсахъ, на пустыхъ, открытых мѣстахъ, не поросшихъ кустарникомъ, можно видѣть иногда множество монауловъ, занятыхъ этой работой.

«Время высиживанія яицъ начинается вскорѣ послѣ наступленія весны. Самка устраиваетъ свое гнѣздо подъ защитою небольшого кустарника или пучка травы и кладетъ 5 яицъ, покрытыхъ красновато-бурыми точками и пятнами по гризно-бѣлому полю. Цыплята вылупляются изъ яицъ въ концѣ мая».

Многіе охотники считаютъ мясо монаула равнымъ по достоинству мясу индѣйскаго пѣтуха, другіе утверждаютъ, что его почти нельзя ѣсть; «Горный житель» увѣряетъ, что въ особенности самки и молодыя птицы доставляютъ осенью превосходное жаркое, тогда какъ къ концу зимы эта дичь становится хуже на вкусъ. Смотря по времени года, охота на монаула сопряжена съ большими или меньшими затрудненіями; благодаря, однако, тому, что эта прекрасная дичь встрѣчается такъ часто, искусный охотникъ всегда возвращается съ богатой добычей. «Горный житель» ждалъ осенью, пока поднятыя имъ или сонныя птицы взлетали на деревья, подкрадываясь затѣмъ къ первой, убивалъ ее, подходилъ къ другой, убивалъ ее также и часто долгое время могъ продолжать свою охоту, такъ какъ животные, повидимому, мало обращали вниманія на выстрѣлы.

Монауловъ, пойманныхъ старыми, содержатъ въ клеткѣ легко; тѣмъ не менѣе великолѣпная птица эта еще принадлежитъ къ числу рѣдкостей въ нашихъ зоологическихъ садахъ. Въ Индіи, въ подходящихъ для этого мѣстахъ можно содержать столько лофофоровъ, сколько пожелаешь; но эти горныя птицы не выносятъ жары низкой мѣстности и большинство изъ нихъ умираетъ во время путешествія. Леди Импей привезла въ Англію первыхъ живыхъ монауловъ и много потратила трудовъ и денегъ, чтобы поселить ихъ здѣсь. Они и въ неволѣ ведутъ удивленный образъ жизни, охотно прячутся отъ наблюдателя, держатся всегда нѣсколько пугливо, по-

стоянно рожются въ землѣ, безпрестанно разрываютъ поросшія травой мѣста въ своей кѣткѣ и очень скоро приводятъ ихъ въ безобразный видъ. Зиму они переносятъ такъ-же легко, какъ и наши фазаны. Въ паркѣ графа Дерби впервые удалось заставить лофофоровъ размножаться; въ послѣдствіи они высиживали яйца также въ зоологическихъ садахъ. Такъ какъ у плѣнныхъ здѣсь отнимаютъ яйца, чтобы давать ихъ для высиживанія домашнимъ курамъ, то отъ одной пары почти всегда удается добыть 10—14 яицъ, изъ которыхъ выводятся рѣдко болѣе 5—7 цыплятъ. Цыплята по формѣ и окраскѣ похожи на цыплятъ другихъ куриныхъ, но легко могутъ быть отличены по своей значительной величинѣ. Ихъ пуховое опереніе покрыто болѣе свѣтлыми полосами и болѣе темнымъ мраморнымъ рисункомъ по темно-бурому фону; нижняя сторона обыкновенно одноцвѣтная, желтовато-бѣлая. Они быстро вырастаютъ, но они очень нѣжнаго сложенія, и многіе погибаютъ во время послѣдняго линанія.

* *

Ближайшими родственниками лофофоровъ я считаю **Сатировъ** (*Ceratornis Satyrhühner. Faisans satyres*). Туловище у нихъ плотное, клювъ очень коротокъ и довольно слабъ, ноги короткія, но снабжены сильными шпорами, крылья средней длины, хвостъ, состоящій изъ 18 перьевъ, коротокъ и широкъ. На заднемъ концѣ годаго кольца около глазъ возвышаются два небольшихъ, пустыхъ внутри мясистыхъ придатка, такъ называемые рога, которые способны подниматься; они составляютъ продолженіе голой кожи около глазъ, а голая, растяжимая кожа на горлѣ увеличена съ боковъ двумя кожистыми наростами. Опереніе очень густое, на затылѣ перья удлинены въ видѣ хохла, окраска оперенія великолѣпна, и рисунокъ его необыкновенно красивъ.

Сатиръ (*Ceratornis satyra, Ceriornis satyra и lathamii, Meleagris и Penelope satyra, Phasianus satyrus и cornutus, Tragopan satyrus и lathamii, Satyra cornuta, lathamii и pennantii. Satyrhuhn. Satyre*), обитающій въ восточной части Гиммалайскихъ горъ, Пеналѣ и Сиккимѣ, представляетъ собою несомнѣнно самый красивый видъ этого рода. Лобъ, темя, довольно широкая полоса, тянущаяся черезъ виски по направленію къ затылку, и узкая кайма, окружающая кожистые наросты, — чернаго цвѣта, затылокъ, верхняя часть шеи и прибавочныя крылья одноцвѣтныя, карминно-красныя; зашеекъ, грудь и брюшко покрыты по красному полю рисункомъ, состоящимъ изъ бѣлыхъ съ черной каймою пятенъ, расположенныхъ на концахъ перьевъ. Нижнія шейныя перья и верхнія кроющія перья хвоста бураго цвѣта, покрыты черными и желтыми полосками и всѣ украшены пятномъ на концѣ; нѣкоторыя кроющія перья крыльевъ покрыты также красноватыми пятнами, маховыя перья украшены грязнаго глиняно-желтаго цвѣта краями и полосками по темно-бурому полю; рулевыя перья чернаго цвѣта и покрыты въ корневой своей части темными, огненно-желтыми поперечными полосками. Глаза темно-каріе, голая глазная область, рога, зобъ и кожистые наросты темно-синяго цвѣта и покрыты красными или оранжево-желтыми пятнами, ноги желто-бураго цвѣта. Длина достигаетъ приблизительно 75 см., длина крыла 30, длина хвоста 28 см. У самки, которая замѣтно меньше ростомъ, преобладаетъ красивый бурый цвѣтъ; опереніе ея на верхней сторонѣ темнѣе, чѣмъ на нижней, и разрисовано многочисленными черноватыми и красноватыми поперечными полосками и пятнами, а также бѣловатыми стержневыми полосками и пятнами.

Второй видъ, **Рогатый фазанъ** (*Ceratornis temminckii, Tragopan temminckii,*

*

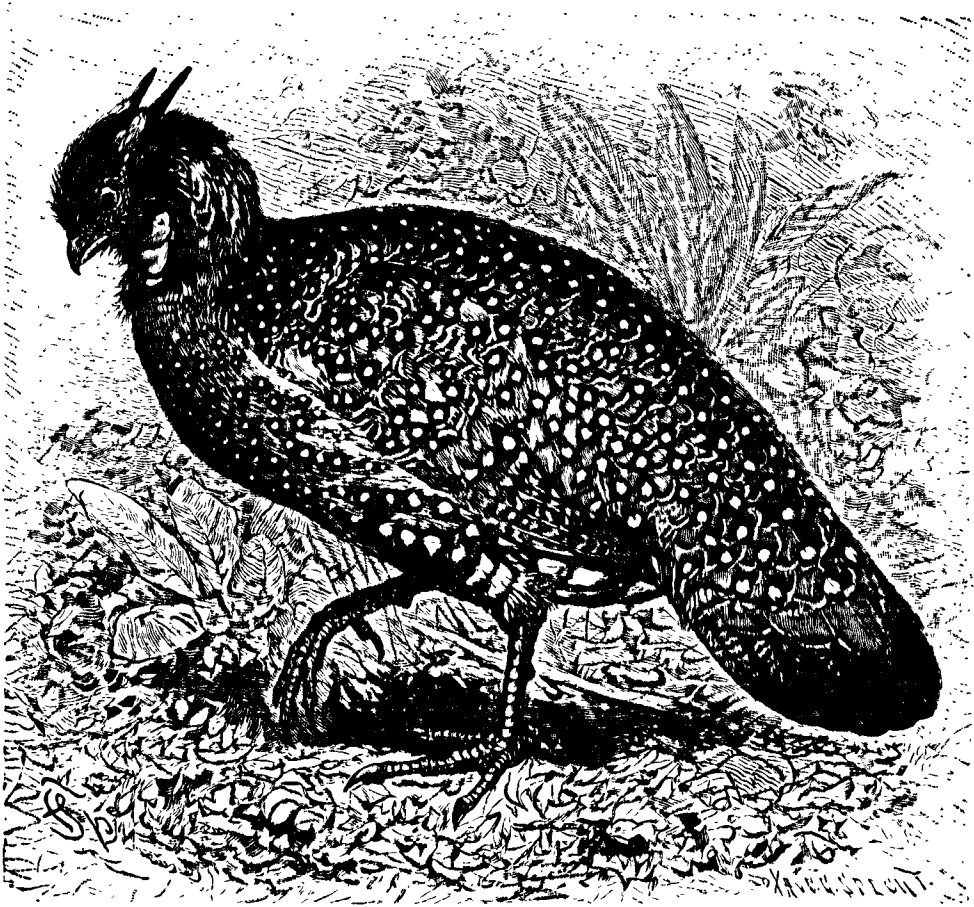
Hornhuhn. Faisan cognu), родина котораго Китай, гораздо менѣе красивъ, чѣмъ сатиръ и отличается отъ него главнымъ образомъ тѣмъ, что у него и на спинѣ перья краснаго и притомъ кроваво-краснаго цвѣта, сѣроватыя пятна около глазъ имѣють черноватый оттѣнокъ, но окружены менѣе яркой каймой и на нижней сторонѣ постепенно переходятъ въ широкія полосы, которыя на брюшкѣ занимають всю среднюю часть перьевъ, оставляя свободною только узкую красную полосу по краямъ.

О жизни сатиоровъ на свободѣ рассказываетъ «Горный житель», пользуясь при этомъ наблюденіями, произведенными надъ однимъ видомъ, живущимъ въ сѣверо-западной части Гималайскихъ горъ и называемымъ тамъ *Іеварь* (*Ceratopsis melanoccephala*). «Обыкновеннымъ мѣстопребываніемъ этой великолѣпной птицы служатъ густые и темные лѣса, растущіе высоко въ горахъ, подъ самой снѣговой линіей. Зимой онъ спускается ниже и поселяется тогда въ самыхъ густыхъ мѣстахъ дубовыхъ, орѣховыхъ и мореновыхъ лѣсовъ, въ которыхъ преобладаетъ самшитъ, а горный бамбукъ образуетъ между болѣе высокими деревьями непроходимыя чащи. Здѣсь встрѣчаешь его обществами отъ 2 или 3 штукъ до дюжины и болѣе, но не соединенными вмѣстѣ семьями; они, напротивъ, разсѣяны по значительной части лѣса, хотя такая стая, если не тревожить ее, все еще держится вмѣстѣ. Повидимому, выводокъ каждый годъ возвращается въ ту-же мѣстность, или остается жить въ ней даже тогда, когда почва покрыта снѣгомъ. Если сильная гроза или другія причины заставляютъ какую-нибудь семью покинуть мѣсто своей стоянки, то она направляется обыкновенно въ долины, поросшія лѣсомъ, небольшіе лѣсочки, или также въ чащи кустарниковъ.

«Зимой іеварь совершенно вѣмъ, пока его не пугають; я по крайней мѣрѣ ни разу не слышалъ, чтобы онъ по собственной охотѣ кричалъ въ это время. Если спугнуть его, то онъ издаетъ жалобные крики, которые имѣють нѣкоторое сходство съ бляевіемъ молодого ягненка и могутъ быть приблизительно выражены слогами «вэ вэ вэ». Эти звуки сначала слѣдуютъ такъ медленно одинъ за другимъ, что ихъ можно отличать съ ясностью; затѣмъ они начинаютъ выкрикивать быстро другъ за другомъ, вслѣдъ затѣмъ птица обыкновенно немедленно поднимается. Тамъ, гдѣ его не тревожатъ часто, іеварь не особенно пугливъ и рѣдко поднимается раньше, чѣмъ преслѣдующій его подойдетъ къ нему на очень близкое разстояніе, а, напротивъ того, охотнѣе пробирается черезъ кустарникъ, или поднимается и взлетаетъ на дерево. Въ первомъ случаѣ онъ кричитъ все время, пока бѣжитъ, а въ послѣднемъ—до тѣхъ поръ, пока не спрячется въ вѣтвяхъ. Если ихъ нѣсколько, то всѣ они начинаютъ кричать въ одно время и убѣгаютъ по различнымъ направленіямъ, причемъ нѣкоторые бѣгутъ по землѣ, другіе же взлетаютъ на деревья. Когда вспугнешь ихъ въ первый разъ, то они летятъ только до ближайшаго дерева; если же ихъ поднимають чаще, то они улетаютъ обыкновенно на довольно далекое разстояніе, причемъ охотнѣе всего летятъ подъ гору. Полетъ ихъ отличается быстротою и своеобразнымъ, трескучимъ звукомъ, такъ что іевара, даже не видя его, легко узнать и отличить отъ другихъ дикихъ куриныхъ. Тамъ, гдѣ его мѣстопребываніе часто посѣщается охотниками и туземцами, онъ держится осторожнѣе, а если подобныя посѣщенія повторяются постоянно, то онъ становится наконецъ до того пугливымъ и хитрымъ, что превосходить въ этомъ отношеніи всякую другую птицу. Въ такихъ случаяхъ, какъ только онъ замѣтитъ присутствіе человѣка, онъ обыкновенно, испустивъ свой призывной крикъ или также иногда безъ крика, взлетаетъ на дерево и умѣетъ

спрятаться въ густой листьѣ его вершины такъ искусно, что найти его нельзя, или можно только тогда, когда удалось хорошо замѣтить сучекъ, на который онъ взлетѣлъ. Ночь онъ проводитъ постоянно на деревьяхъ.

«Съ началомъ весны, какъ только на болѣ высокихъ горахъ начинается таять снѣгъ, сатиры покидаютъ свое зимнее мѣстопробываніе, разъединяются мало по малу и разсѣиваются по тихимъ и уединеннымъ лѣсамъ въ поясѣ березы и бѣлой альпійской розы, поселяясь обыкновенно на самой опушкѣ лѣса. Они спа-

Сатиры. *Ceratornis satyra*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

рываются уже въ апрѣлѣ, и тогда чаще обыкновеннаго приходится встрѣчаться съ самцами. Изъ нихъ, повидимому, многіе ведутъ кочевой образъ жизни, желая, вѣроятно, отыскать себѣ подругу. Кричатъ они много и впродолженіи цѣлаго дня, садятся при этомъ на низкія вѣтви деревьевъ или на упавшій на землю древесный стволъ и, повидимому, не особенно старательно прячутся. Призывной голосъ похожъ на тотъ звукъ, который бываетъ слышенъ, когда приходится испугнуть цѣлую стаю, но онъ гораздо громче его и состоитъ изъ одного только слога, изъ громкаго звука «вэ», который очень похожъ на бляніе заблудившейся козы и можетъ быть слышанъ на разстояніи болѣе одной англійской мили.

«Главная пища іевара состоитъ изъ листьевъ и почекъ деревьевъ, преимущественно

щественно различныхъ видовъ дуба и самшита; но рядомъ съ этимъ они потребляютъ также корни, цвѣты, ягоды, сѣмена и зерна, а также жуковъ и другихъ насекомыхъ, всегда, однако, въ относительно небольшомъ количествѣ сравнительно съ количествомъ потребляемыхъ листьевъ».

О высиживаніи яицъ этотъ натуралистъ не сообщаетъ ничего; но мы по крайней мѣрѣ отчасти знакомы съ нимъ изъ наблюдений надъ плѣвными сатирами. Они легче многихъ своихъ родичей содержатся въ клѣткахъ, очень хорошо переносятъ нашъ климатъ и при надлежащемъ уходѣ всегда приступаютъ къ размноженію. Во время тока самецъ является во всей своей чудной красѣ, причемъ въ минуты величайшаго восторга онъ поднимаетъ рога и развѣтываетъ кожистые горловые наросты. О великолѣпнѣйшій красокъ вышеописанной картины нельзя составить себѣ представленія, когда самецъ не токуетъ, такъ какъ рога и кожистые горловые наросты втянуты и еле видны; когда же какъ тѣ, такъ и другіе надуваются, благодаря временно усиливающемуся приливу крови, рога выступаютъ изъ пучка перьевъ на затылкѣ, а бородавчатая синяя кожа лица, имѣвшая до сихъ поръ на горлѣ видъ сморщенного мѣшка, свѣшивавшагося въ видѣ складки позади глазъ и образовывавшаго толстое, съ подвернутыми краями, покрытое сверху перьями поперечное вздутіе по обѣимъ сторонамъ шеи, расправляется на нѣсколько мгновений въ видѣ щита, который начинается позади глазъ, свѣшивается спереди на шею и раздваивается снизу; длиною онъ около 20 см., шириною около 15 см. и имѣетъ два цвѣтныхъ пятна по бокамъ и одно по срединѣ. Последнее (у рогатаго фазана) имѣетъ сильно выпуклую, веретенообразную форму, тянется отъ горла по всей внутренней поверхности щита, включая сюда также внутреннюю поверхность обѣихъ лопастей на концѣ, и покрыто по темному васильково-синему полю безчисленнымъ множествомъ каплеобразныхъ, различной величины и формы, увеличивающихся сверху книзу круглыхъ пятенъ и брызгъ свѣтлаго кобальтово-голубого цвѣта. Краевыя пятна щита, наоборотъ, покрыты 8 — 9 уменьшающимися книзу поперечными пятнышками яркаго кроваваго цвѣта по свѣтлому небесно-голубому полю; изъ нихъ четыре верхнихъ соединены, между тѣмъ какъ остальные расположены отдѣльно.

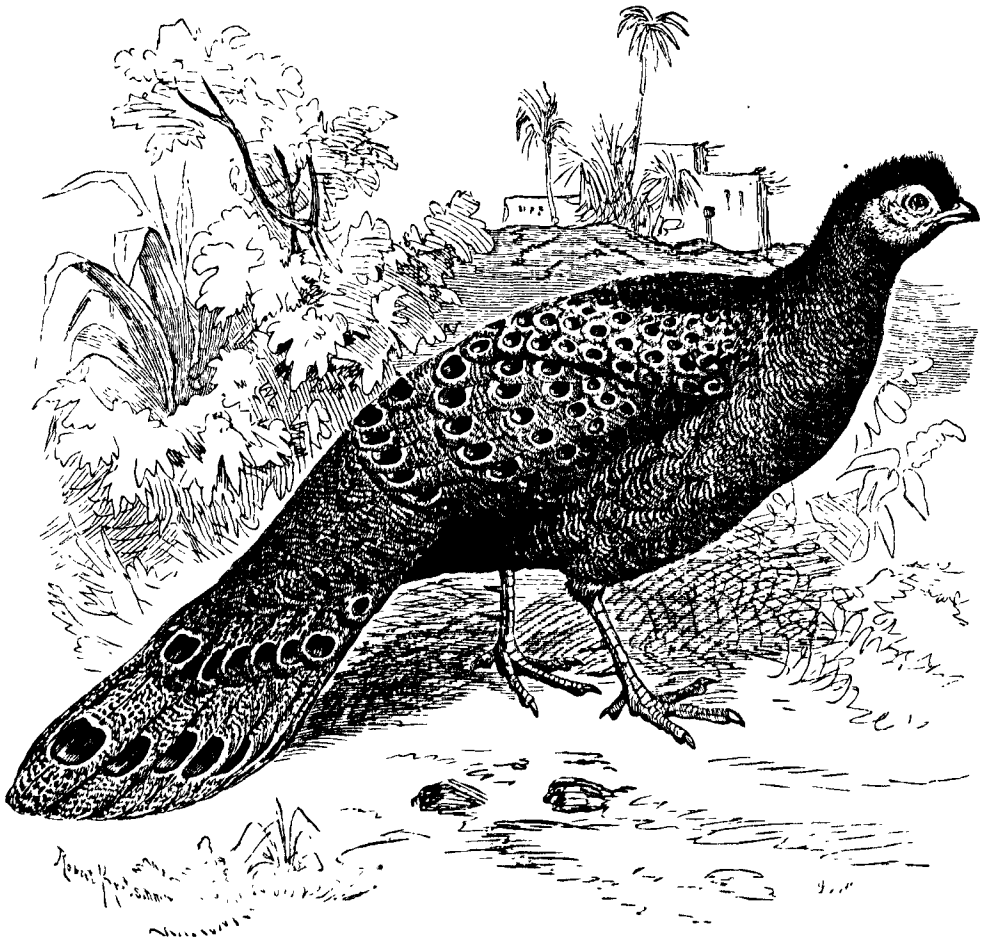
Мютцель, которому я обязанъ также предыдущимъ описаніемъ окраски, описываетъ ухаживанія влюбленнаго самца слѣдующимъ образомъ. «Ища корма, подбирая зерна и срывая травинки и молодые побѣги, самецъ разгуливаетъ взадъ и впередъ за своей изгородью, не заботясь, повидимому, о самкѣ, которая также не обращаетъ на него никакого вниманія. Иногда одинъ проходитъ мимо другаго, самецъ останавливается какъ бы въ раздумьи, глядя ей въ слѣдъ, иногда также испускаетъ тихіе возгласы, но продолжаетъ свою прогулку; онъ нѣсколько разъ обходитъ вокругъ самки и приближается наконецъ къ своему любимому мѣсту, нѣкоторое время и здѣсь еще рассказываетъ взадъ и впередъ, останавливается наконецъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сидитъ обыкновенно, и начинаетъ кивать головою все быстрѣе и быстрѣе. Рога медленно поднимаются, причемъ подергиванія головы сопровождаются порывистымъ опускаемъ горловыхъ наростовъ, которые растягиваются настолько же въ ширину, насколько и въ длину. Возбужденіе его растетъ. Онъ уже не киваетъ головою, а дико мотаетъ ею во всѣ стороны, такъ что еще дряблыя горловые наросты и рога, приподнявшіеся еще только на половину, болтаются вокругъ его головы. Онъ поднимаетъ и распускаетъ крылья, опускаетъ хвостовыя перья и распускаетъ ихъ вѣромъ, касаясь краями ихъ земли и подгибаетъ плюсовые суставы, такъ что, одержимый любовною страстью, почти лежитъ грудью на землѣ; пыхтя и шипя, онъ волочитъ по землѣ свои крылья.

Тутъ внезапно прекращается всякое движеніе. Низко нагнувшись, тяжело дыша, взъерошивъ перья, прижавъ крылья и хвостъ къ землѣ и закрывъ глаза, птица продолжаетъ сидѣть безъ движенія, совершенно замирая отъ восторга. Отъ головы его видны только еще клювъ и хохоль на лбу; бирюзовые рога торчатъ прямо подобно двумъ твердымъ игламъ, всѣ части теперь уже окончательно развернувшись, щита надулись; онъ сіяетъ небесно-голубымъ, васильково-синимъ, и огненнымъ кроваво-краснымъ цвѣтами: въ этомъ видѣ птица представляетъ чудное зрѣлище неописанной красоты. Но это судорожное, восторженное оцѣпенѣніе продолжается только нѣсколько мгновеній. Снова пыхтя и роя ногами землю, взмахнувъ раза три порывисто крыльями и вздернувъ хвостъ, самецъ выпрямляется насколько можетъ, еще разъ остается нѣкоторое время неподвижно въ этомъ положеніи, вздрагиваетъ, встряхиваетъ свои еще взъерошенные перья, какъ бы желая этимъ пригладить ихъ, и бросается впередъ, на половину распустивъ крылья и хвостъ; съ надутыми еще рогами и расправленнымъ горловымъ щитомъ онъ бросается къ самкѣ и, внезапно прекративъ свой бѣшевый бѣгъ, является вдругъ непосредственно передъ нею въ олимпійскомъ величіи, какъ Зевсъ передъ Семелой; онъ останавливается, вытянувшись во весь ростъ, шипитъ, дрожитъ, вздрагиваетъ и—все приобритенное передъ тѣмъ великолѣпіе исчезаетъ. Опереніе пригладивается, щитъ превращается въ избороженную вдоль триялицу, рога сгибаются и прячутся въ перьяхъ, и пѣтухъ снова спокойно удаляется какъ будто ничего не произошло. Самка же во все время этихъ любовныхъ восторговъ ведетъ себя такъ, какъ будто ей нѣтъ никакого дѣла до токующаго самца, не выражаетъ ни благодарности, ни удивленія по поводу его ухаживанія и во все время тока, такъ же, какъ до и послѣ него, продолжаетъ щипать стебельки и почки». Въ клѣткѣ самка кладетъ рѣдко болѣе шести яицъ подъ рядъ, но повторяетъ кладку, если у нея отнимутъ яйца. Послѣднія достигаютъ 60 мм. длины, 43 мм. толщины, совершенно овальной формы, имѣютъ довольно толстую скорлупу и покрыты или очень мелкими свѣтло-бурыми, или болѣе крупными, темно-бурыми пятнами по буровато—или буро-желтому полю. Если самкѣ оставить яйца, то она усердно высиживаетъ ихъ приблизительно въ теченіи 26-ти дней, а также съ материнскою заботливостью слѣдитъ за птенцами. Послѣдніе приобрятаютъ свое великолѣпное опереніе отчасти уже на первомъ и всегда уже на второмъ году своей жизни; самки рогатаго фазана способны къ размноженію большей частью уже на слѣдующую весну послѣ своего рожденія.

* *

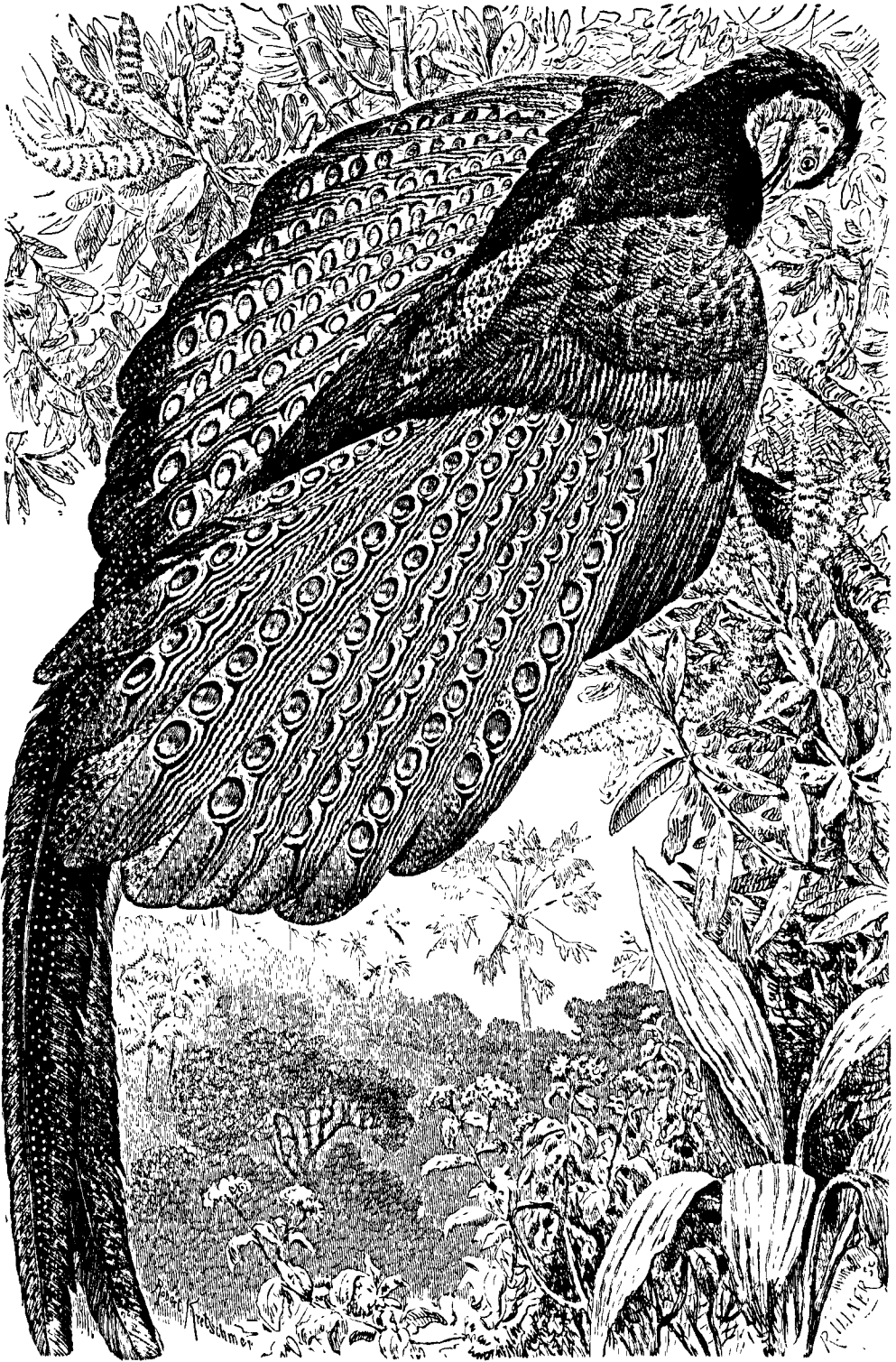
Шпорники (*Polyplectron. Spiegelpfauen*) могутъ быть рассматриваемы какъ переходныя или промежуточныя формы между павлинами и аргусами. Они малы, стройны, крылья у нихъ короткія, сильно закругленные, изъ маховыхъ перьевъ пятое и шестое самыя длинныя, малыя маховыя перья еще довольно значительной длины, 16 хвостовыхъ перьевъ имѣютъ кровлевидную форму, длинны, на концѣ расширены, къ срединѣ слегка приподняты; верхнія кроющія перья хвоста частью удлинены и имѣютъ такую форму и рисунокъ, что по формѣ, окраскѣ и рисунку представляютъ собою нѣкоторымъ образомъ повтореніе настоящихъ рулевыхъ перьевъ; длинныя и тонкія ноги вооружены 2—6 шпорами, пальцы короткіе, когти маленькіе; клювъ средней длины, тонкій, прямой, сдавленъ съ боковъ, сверху слегка загнутъ по направленію къ концу и покрытъ перьями у корня; необыкновенную красоту его оперенія составляютъ зеркальца, которыя покрываютъ главнымъ образомъ хвостъ, а также нижнія шейныя перья и кроющія перья крыльевъ.

У Шпорника или Чинкиса (*Polyplectron chinquis*. Spiegelpau. Argus de Birmanie), обѣ стороны головы и горло бѣлаго, а темя сѣраго цвѣта, съ темными волнистыми полосами; все же опереніе вообще землсто-бурого цвѣта съ небольшими желто-буроватыми пятнами яйцеобразной формы, которые на шейкѣ и крыльяхъ принимаютъ форму блестящихъ фіолетовыхъ глазковъ съ бѣлой каймой, а на хвостѣ превращаются въ зеркальца блестящаго сине-зеленаго цвѣта. Голая область глазъ буроватаго цвѣта. Длина достигаетъ 60 см., изъ коихъ 25 см. при-

Чинкисъ. *Polyplectron chinquis*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

ходятся на долю хвоста. Самка отличается болѣе короткимъ хвостомъ, мозолистыми наростами, замѣняющими шпоры, и менѣе блестящей окраской оперенія. Чинкисъ встрѣчается въ Ассамѣ и Бирмѣ. Объ его жизни на волѣ намъ ничего неизвѣстно. Говорятъ, что всѣ шпорники по возможности скрываются въ дремучихъ лѣсахъ, много времени проводятъ на землѣ, преимущественно въ частыхъ кустарникахъ и вслѣдствіе этого рѣдко попадаютъ на глаза. О степени достовѣрности этихъ сообщеній я судить не могу; считаю однако долгомъ замѣтить, что поймать этихъ птицъ и пріучить ихъ къ неволѣ и къ подходящему корму не должно быть особенно трудно, такъ какъ въ неволѣ ихъ случается видѣть нерѣдко. Иногда они попадаютъ и въ наши клѣтки, прекрасно переносятъ потерю свободы, но не

А Р Г У С Ъ .

16

легко размножаются. По своему образу жизни они съ нашими домашними птицами имѣють больше сходства, чѣмъ съ павлинами, въ особенности походятъ они на курь. Гааке однако сообщаетъ, что весной, стало быть во время спариванія, самецъ распускаетъ хвостъ и крылья и въ этомъ положеніи постоянно преслѣдуетъ самку. Вообще осанка его очень миловидна и граціозна и потому онъ производитъ на наблюдателя самое благоприятное впечатлѣніе. Чинкисъ приступаетъ къ размноженію въ чрезвычайно просторномъ и спокойномъ мѣстечкѣ, освѣщенномъ солнцемъ и окруженномъ частымъ низкимъ кустарникомъ.

Въ 1780 году въ Европѣ появились и возбудили всеобщее восхищеніе первыя чучела какихъ-то прекрасныхъ птицъ, о существованіи которыхъ уже имѣлись нѣкоторыя свѣдѣнія. Нѣсколько позднѣе (1785) Марсденъ сдѣлалъ слѣдующее сообщеніе относительно ихъ образа жизни: «Знаменитый аргусъ — это птица необыкновенной красоты и можетъ быть красивѣйшая изъ всѣхъ. Поймавъ аргуса въ лѣсахъ, чрезвычайно трудно сохранить его нѣкоторое время живымъ. Мнѣ никогда не случалось видѣть, чтобы его удалось сохранить живымъ больше мѣсяца. Онъ уже отъ природы ненавидитъ свѣтъ. Когда онъ находится въ темномъ мѣстѣ, онъ веселъ и испускаетъ иногда свой крикъ, который звучитъ, какъ его мѣстное названіе «куау» и скорѣе жалобно, чѣмъ столь рѣзко, какъ крикъ павлина. Днемъ онъ сидитъ совершенно неподвижно. Мясо его имѣетъ, точно такой же вкусъ, какъ и мясо обыкновеннаго фазана». Рэффлсъ говоритъ, что аргусъ, играющій важную роль въ поэзіи малайцевъ, живетъ въ самыхъ дремучихъ лѣсахъ Суматры и обыкновенно встрѣчается парами. Туземцы утверждаютъ, что онъ играетъ въ «галанганъ», т. е., надувшись, вертится кругомъ, подобно павлинамъ. Соломонъ Мюллеръ рассказываетъ, что онъ въ первый разъ услышалъ громкій голосъ этой птицы, когда ночевалъ на югѣ Борнео, около Сакумбони, на высотѣ 60 м. надъ уровнемъ моря, и что аргусъ у мѣстныхъ жителей, населяющихъ южную часть Борнео, носитъ названіе **Харуве**, тогда какъ малайцы острова Суматры называютъ его **Кувау**. Жардэнъ и Сельби сообщаютъ, что онъ во время спариванья является во всей своей красѣ. Тогда онъ ходитъ, поднявъ хвостъ кверху и растопыривъ крылья. Птенцы, подобно нашему павлину, приобрѣтаютъ свое великолѣпное опереніе лишь послѣ многократнаго линянія. Туземцы ловятъ аргуса въ петли, такъ какъ онъ не только необыкновенно пугливъ и хитеръ, но также прекрасно умѣетъ прятаться въ густыхъ кустарникахъ лѣсовъ и, благодаря тому, что цвѣтъ его оперенія подходитъ къ окружающей обстановкѣ, скрывается даже отъ зоркихъ глазъ туземцевъ. Одинъ старый малаецъ, котораго Уэллсъ просилъ застрѣлить одного изъ тѣхъ аргусовъ, голоса которыхъ постоянно слышались въ лѣсахъ Малакки, увѣрялъ, что въ теченіи 20 лѣтъ его охотничьей жизни ему не только еще ни разу не случалось убивать ихъ, но даже никогда не приходилось видѣть одного изъ нихъ въ лѣсу на волѣ. Ловятъ однако эту птицу далеко не рѣдко, такъ какъ малайцы умѣють цѣнить по достоинству ея превосходное мясо. «Въ Падангѣ, на западномъ берегу Суматры», пишетъ мнѣ Розенбергъ, «туземцы часто приносили мнѣ живыхъ аргусовъ и уступали мнѣ ихъ по 1½—2 гульдена за штуку; онъ, стало быть, долженъ часто встрѣчаться въ горныхъ лѣсахъ этихъ острововъ. Въ самой глуши лѣсовъ, на сухихъ, доступныхъ солнечнымъ лучамъ прогалинахъ путешественнику или охотнику нерѣдко попадаются мѣста, тщательно очищенные отъ сучьевъ и листьевъ, отъ которыхъ по всѣмъ направленіямъ идутъ узкія тропинки, ведущія въ лѣсъ. Сюда, главнымъ образомъ въ полдень, аргусъ является для того, чтобы отдыхать, играть и драться; здѣсь случается видѣть, какъ

онъ, на подобіе куръ, лежитъ на согрѣтой солнцемъ землѣ и купается въ песокъ; въ счастливомъ случаѣ иногда приходится наблюдать его во время игры или драки; на ведущихъ отсюда тропинкахъ охотники и ставятъ свои силки. По увѣренію туземцевъ, самецъ водить за собою нѣсколькихъ самокъ. Пока онъ не возбужденъ половымъ чувствомъ, онъ походкой и осанкой вполне походитъ на павлина: онъ плотно прижимаетъ къ тѣлу свои красивыя крылья и въ горизонтальномъ направленіи вытягиваетъ хвостъ. Во время же спариванія самецъ съ распущенными и прижатыми къ землѣ крыльями, токуя, гордо разгуливаетъ по лѣснымъ прогалинамъ; въ это время слышится своеобразный, напоминающій собой мурлыканье звукъ, привлекающій сюда самокъ, но нисколько не похожій на крикъ «куау», отъ котораго произошло его прозвище. Говорятъ, что самка кладетъ въ незатѣйливое, спрятанное въ частомъ кустарникѣ гнѣздо отъ 7—10 бѣлыхъ яицъ, нѣсколько уступающихъ по своей величинѣ гусинымъ; мнѣ самому никогда не приходилось ихъ видѣть. На волѣ аргусъ питается насѣкомыми, улитками, червяками, почками и сѣменами. Мои плѣнники предпочитали вареный рисъ всякой другой пищѣ. Мясо ихъ чрезвычайно вкусно».

До новаго и новѣйшаго времени мы раздѣляли мнѣніе Марседена, будто-бы аргусъ не переноситъ неволи; въ концѣ-же шестидесятыхъ годовъ и эта гордая птица нерѣдко попадала въ Европу живою. Я выдалъ ее въ нѣсколькихъ зоологическихъ садахъ и до извѣстной степени могъ производить надъ нею свои наблюденія. Аргусъ несправедливо именуется «фазаномъ»; онъ, какъ вполне вѣрно замѣчаетъ Розенбергъ, по осанкѣ, походкѣ, по своему образу жизни и привычкамъ—настоящій павлинъ, обладаетъ такимъ-же громкимъ голосомъ и похожъ на него даже головою. Когда онъ сидитъ, то держится почти вертикально, но осанка у него вялая, такъ что махлы маховыя и плечевыя перья отдѣляются другъ отъ друга, причемъ послѣднія приходятся ниже хвоста, большія маховыя перья лежатъ на землѣ, а перья самаго конца крыла, также отдѣлившись другъ отъ друга, лежатъ на большихъ маховыхъ перьяхъ. Ходитъ онъ большими шагами и на каждомъ шагу киваетъ головою, которая глубоко втянута между плечъ и подается впередъ только на ходу, ловко бѣгаетъ по сучьямъ, прыгаетъ при помощи крыльевъ, а также безъ помощи ихъ на очень далекія разстоянія, летаетъ, тяжело хлопая крыльями, сидитъ охотнѣе всего на самыхъ верхнихъ жердяхъ своей кѣтки, на волѣ, стало-быть, очевидно—на высокихъ деревьяхъ, очень громко кричитъ «хуу аууа», или «хуа ауу», закидывая при этомъ голову назадъ, широко раскрываетъ клювъ и, издавая эти крики, каждый разъ дергаетъ головою, а иногда также распускаетъ хвостъ вѣромъ, совершенно такъ-же, какъ это дѣлаетъ павлинъ. Къ сожалѣнію, онъ на самомъ дѣлѣ очень не живучая птица и потому наблюденія надъ нимъ производить во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно трудно.

Аргусъ (*Argus giganteus* и *pavoninus*, *Argusanus argus* и *giganteus*) отличается отъ всѣхъ извѣстныхъ птицъ тѣмъ, что перья плеча и предплечья чрезвычайно удлинены, расширены на концѣ, притомъ имѣютъ мягкій стержень, но жесткое опухало, тогда какъ большія маховыя перья, наоборотъ, очень коротки. Поэтому онъ можетъ считаться представителемъ самостоятельнаго подсемейства **Аргусовыхъ** (*Arginae*). У него прямой, слегка изогнутый на концѣ клювъ; вся корневая половина послѣдняго покрыта восковицей, въ которой находятся целеобразныя ноздри, прикрытыя особыми крышечками; края клюва у основанія вдавлены и слегка изогнуты, вся нижняя часть клюва слегка закруглена, ноги длинныя, слабыя и лишены шпоръ, крылья короткія, закругленныя, хвостъ состоитъ изъ двѣнадцати весьма широкихъ

перьевъ, кровлевидно налегающихъ одно на другое; онѣ необыкновенно длинны и образуетъ рѣзкіе уступы вслѣдствіе того, что оба среднихъ пера замѣтно выдаются надъ остальными. Передняя часть головы около клюва голая, на темени находится узкій, низенькій гребешокъ, состоящій изъ бархатистыхъ перьевъ; начинается онъ у клюва, мысообразно вдающагося въ лобъ, и на темени наклоняется впередъ, образуя собою какъ-бы перовую опушку шлема; шея покрыта двумя рядами короткихъ, волосистыхъ перьевъ, мелкое опереніе очень густое и рыхлое. Своеобразная красота оперенія у спокойно сидящей птицы, за исключеніемъ только зеркальцевъ, покрывающихъ послѣднее малое маховое перо, совершенно незамѣтна. Она проявляется лишь при распусканіи крыльевъ и хвоста. Короткія перья на темени бархатисто-черныя, волосистыя перья задней части шеи желтаго цвѣта и покрыты черными полосками, перья на шеѣ и зашейкѣ ярко-бураго цвѣта и испещрены свѣтло-желтыми крапинками и полосками; перья средней части спины покрыты на желтовато-сѣромъ фонѣ темно-бурыми пятнышками, нижнія перья довольно равномерно-красно-бураго цвѣта и покрыты черными и свѣтло-желтыми полосками и волнистымъ рисункомъ того-же цвѣта. Наружная часть опахала малыхъ маховыхъ перьевъ покрыта на красновато-сѣромъ фонѣ рядомъ частей продолговатыхъ темно-бурыхъ пятенъ, окруженныхъ болѣе свѣтлымъ ободкомъ; корневая часть внутренняго опахала около стержня покрыта на сѣро-красномъ фонѣ мелкими бѣлыми точками; въ остальномъ рисункѣ на немъ тотъ-же, какъ и на наружной части опахала. На длинныхъ кроющихъ перьяхъ плечевой части крыла преобладаетъ прекраснѣйшій красно-бурый цвѣтъ, образующій основную окраску; рисунокъ-же состоитъ изъ свѣтлыхъ сѣро-красноватыхъ полосъ, между которыми лежатъ ряды красно-бурыхъ пятенъ съ темнымъ ободкомъ изъ желтовато-бѣлыхъ пятенъ, черточекъ, рубцовъ, буровато-красныхъ сѣтчатыхъ полосокъ, и наконецъ большихъ съ блестящимъ отливомъ зеркальцевъ, ограниченныхъ темной чертой съ свѣтлой каймой. Эти зеркальца расположены у самаго стержня; на наружной части опахала и на большихъ маховыхъ перьяхъ они выступаютъ болѣе отчетливо, нежели на малыхъ. Самыя длинныя перья хвоста черныя, внутренняя часть стержня пепельнаго цвѣта, наружная красно-бураго, оба опахала украшены бѣлыми пятнами съ чернымъ ободкомъ; остальныя рулевья перья имѣютъ съ ними сходство, съ тою только разницею, что мелкія пятнышки расположены рядами и многочисленнѣе. Кольцо около глазъ красно-бурое, клювъ—цвѣта слоновой кости, голое лицо свѣтлаго пепельно-голубого, ноги свѣтлаго, карминно-краснаго цвѣта. Общая длина достигаетъ 1,7—1,8 м., изъ коихъ на долю среднихъ хвостовыхъ перьевъ приходится 1,2 м., длина самаго крыла равна 45, длина же самыхъ длинныхъ нижнихъ маховыхъ перьевъ—75 см. Самка значительно меньше и отличается болѣе простымъ опереніемъ и рисункомъ. Головныя перья черныя съ желтыми полосками, перья верхней части груди и шеи красиваго, красно-бураго цвѣта съ яснымъ чернымъ волнистымъ рисункомъ; перья остальныхъ верхнихъ частей буро-желтыя съ черными полосками, перья нижней части тѣла свѣтло-бурой окраски съ чернымъ и желтымъ поперечнымъ волнистымъ рисункомъ; большія маховыя перья бураго цвѣта съ черными мраморными жилками, нижнія и верхнія малыя маховыя перья черныя и, точно иероглифами, покрыты множествомъ переплетенныхъ между собою кривыхъ желтыхъ линий; хвостовыя перья на темномъ, красно-буромъ фонѣ имѣютъ приблизительно такой-же узоръ, но болѣе свѣтлыхъ отѣнковъ.

Индюки (*Meleagrinae*. Truthühner. Dindons) могутъ считаться представителями подсемейства фазановъ въ Новомъ Свѣтѣ. Это большія, стройныя, длинноногія, ко-

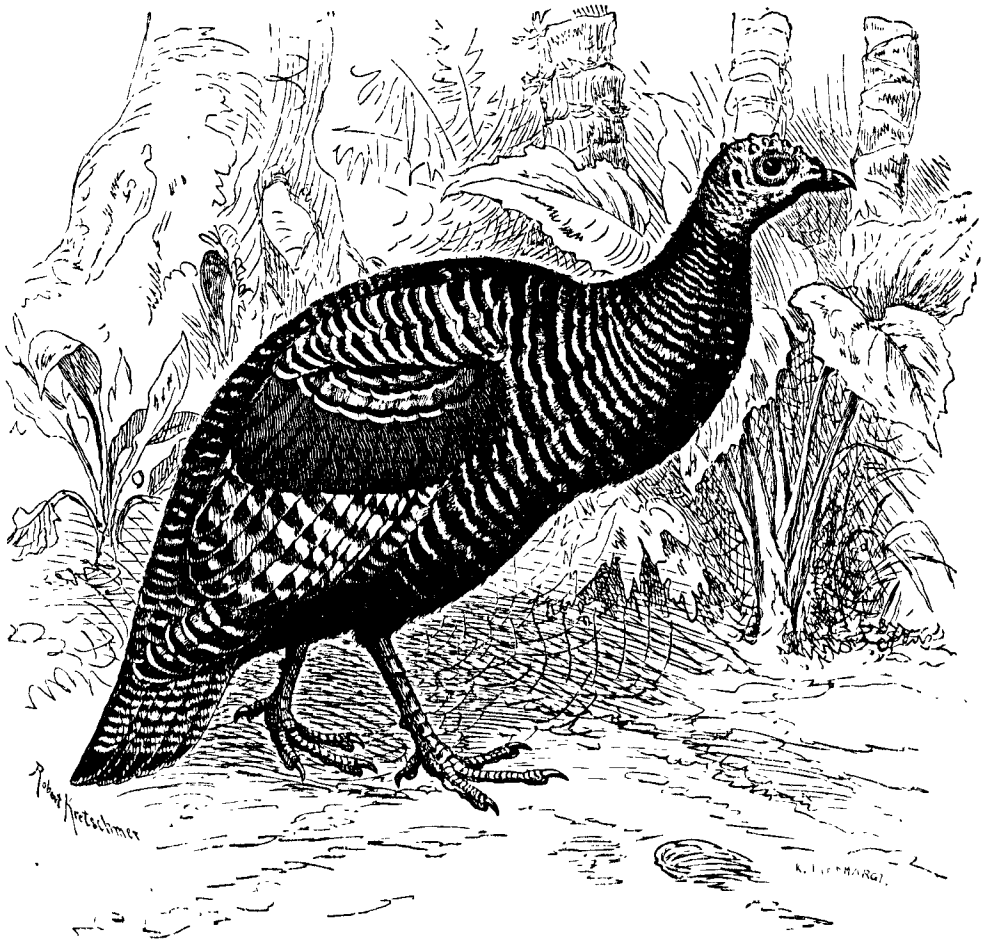
роткокрылыя и короткохвостыя птицы. У нихъ короткій, крѣпкій, сверху выпуклый и на концѣ крючкомъ загнутый клювъ, ноги довольно высокія, съ длинными пальцами, крылья сильно закруглены, ихъ третье маховое перо самое длинное, хвостъ слегка закругленъ и состоитъ изъ 18 широкихъ перьевъ, способныхъ приподниматься, опереніе густое, но жесткое, каждое перо въ отдѣльности большое и широкое и очень блестящей окраски; голова и верхняя часть шеи лишены перьевъ и покрыты бородавчатой кожей; съ кончика верхняго клюва свѣшивается цилиндрической растяжимый отростокъ, на горлѣ висятъ мягкія складки кожи. Слѣдуетъ обратить вниманіе еще на ту особенность, что отдѣльные перья передней части груди имѣютъ щетинистый видъ и значительно превосходятъ своей длиною остальные перья. Это подсемейство населяетъ весь востокъ и сѣверъ Америки.

* *
* *
* *

Индюкъ (*Meleagris gallopavo, americana, sylvestris, fera* и *novae-angliae, Gallopavo sylvestris. Truthuhn. Dindon*) сверху буровато-желтаго цвѣта, съ пре-краснымъ металлическимъ отливомъ, каждое перо окаймлено широкой бархатисто-черной полосой; спина и кроющія перья хвоста темнаго орѣховаго цвѣта и покрыты зелеными и черными полосками, грудь желтовато-бурая, съ боковъ нѣсколько темнѣе, брюшко и бедра буровато-сѣрые, область гузки черноватаго цвѣта, каймы перьевъ менѣе ясны; маховыя перья черно-бурыя, большія маховыя съ сѣровато-бѣлыми, малыя—съ буровато-бѣлыми полосками, рулевыя перья того-же цвѣта, съ чернымъ волнистымъ узоромъ, покрыты полосками и усеяны мелкими точками, голыя части головы и шеи свѣтло-голубыя, подъ глазами окраска ультрамаринавого цвѣта, бородавчатая кожа ярко-красная. Глаза желтовато-голубые, клювъ—бѣловато-рогово-го, ноги блѣдно-фіолетоваго или сургучно-краснаго цвѣта. Въ длину онъ достигаетъ 100—110, размахъ крыльевъ около 150 см., длина крыла 46, длина хвоста 40 см. Опереніе самки не такъ красиво и ярко, но тѣмъ не менѣе похоже на опереніе самца. Въ длину она достигаетъ 85, размахъ крыльевъ 122 см., длина крыла равна 40, длина хвоста 28 см.

На материкѣ средней Америки индюка замѣняетъ прекрасный **Павлинъ индюкъ** (*Meleagris ocellata* и *aurea. Pfauttruthuhn. Dindon раонѣ*), который нѣсколько меньше перваго и, какъ свидѣтельствуеетъ его имя, соединяетъ въ себѣ красоту павлина со сложениемъ индюка. Блестящее опереніе его шеи, нижнихъ частей тѣла и нижнія шейныя перья зеленаго цвѣта; по краямъ ихъ тянется черная полоса и золотисто-зеленаго цвѣта кайма. Перья спины и надхвостыя синія съ изумруднымъ отливомъ и окаймлены болѣе широкой золотисто-зеленой полосой, имѣющей мѣдный оттѣнокъ; верхнія кроющія перья хвоста украшены прекрасными двойными зелено-голубыми зеркальцами, верхнія кроющія перья крыла изумруднаго цвѣта и окаймлены узкой, бархатисто-черной полосой; рядъ самыхъ большихъ первыхъ перьевъ крыла золотистаго мѣдно-краснаго цвѣта, его прикрытая часть изумруднаго цвѣта съ сѣрымъ и бѣлымъ узоромъ. Маховыя перья имѣютъ снаружи бѣлую кайму, внутри же они покрыты узкими, косыми, бѣлыми поперечными полосками; хвостовыя перья красновато-буро-сѣрыя съ мелкими мраморными черными жилками и съ желтой каймой на концѣ; пространство надъ ней также покрыто глазками. Глаза красно-бурые, голая, бородавчатая голова фіалковаго цвѣта, голая верхняя часть шеи, на зубу которой торчатъ 5—6 бородавокъ нѣсколько большаго размѣра—голубоватаго цвѣта; клювъ желтый, ноги карминно-краснаго цвѣта. Самка похожа на самца, только окраска и узоры ея не такъ красивы, какъ у послѣдняго.

О жизни индюка на волѣ имѣется много сообщений, но всѣ они уступаютъ превосходному описанію, которымъ мы обязаны Одюбону. Индюки и въ наше время въ значительномъ количествѣ населяютъ лѣса штатовъ Огею, Кентукки, Иллинойсъ, Индіана, Арканзасъ, Теннесси и Алабама. Въ Георгіи и Каролинѣ они не столь многочисленны, въ Виргиніи и Пенсильваніи становятся уже рѣдкими, а въ густо населенныхъ штатахъ уже совершенно истреблены. По временамъ они живутъ боль-

Павлиній индюкъ. *Meleagris ocellata*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

шими обществами и совершаютъ неправильныя странствованія; отыскивая кормъ, они проходятъ лѣсныя пространства, бѣгая днемъ по землѣ, и отдыхая ночью на высокихъ деревьяхъ. Около октября, когда еще немного древесныхъ сѣмянъ падаютъ на землю, они переселяются въ низменности Огею и Миссисипи. Самцы собираются въ общества отъ 10—100 штукъ и отыскиваютъ кормъ исключительно для себя; самки со своими полувзрослыми итенцами также собираются въ стаи, почти столь-же многочисленныя, и отдѣльно придерживаются того-же самаго пути. Такимъ образомъ они все пѣшкомъ подвигаются дальше и дальше, пока не повстрѣчаются съ охотничьей собакой или съ какимъ-нибудь другимъ четверногимъ хищникомъ, или пока ихъ путь не пресѣчетъ какая-нибудь широкая рѣка. Если обществу индю-

ковъ случится достигнуть берега подобной рѣки, то оно прежде всего собирается на самомъ возвышенномъ мѣстѣ и остается здѣсь иногда въ теченіи нѣсколькихъ дней, какъ-бы совѣщаясь, прежде нежели рѣшится переправиться на другой берегъ. Самцы надуваются и клохчутъ, какъ бы желая ободрить себя; самки и птенцы, насколько могутъ, подражаютъ имъ и наконецъ при тихой погодѣ они рѣшаются на отважное предпріятіе и перелетаютъ черезъ рѣку. Индюкъ вожакъ подаетъ сигналъ, испустивъ отрывистый «глюк», и начинается воздушная переправа. Старыя птицы безъ труда перелетаютъ на другую сторону, даже въ томъ случаѣ, если ширина рѣки достигаетъ нѣсколькихъ англійскихъ миль; болѣе молодыя же и менѣе сильныя изъ нихъ часто во время пути падаютъ въ воду и тогда бываютъ принуждены добираться до другаго берега вплавь. При этомъ индюки плотно прижимаютъ крылья къ туловищу, распускаютъ хвостъ, вытягиваютъ шею, начинаютъ, насколько могутъ, перебирать лапами и обыкновенно достигаютъ земли. Здѣсь они сначала начинаютъ бѣгать точно одурѣлые и часто забываютъ о свойственной имъ обыкновенно осторожности, такъ что легко становятся добычей охотника. Когда индюки попадаютъ въ мѣстность, богатую кормомъ, то обыкновенно разбиваются на менѣе многочисленныя общества, и тогда самцы, самки и молодые перемѣшиваются между собой. Это обыкновенно бываетъ въ срединѣ ноября. Позднѣе можетъ случиться, что они, утомленные путешествіемъ, подходятъ къ крестьянскимъ избамъ, присоединяются къ домашнимъ птицамъ и вмѣстѣ съ ними отправляются на дворъ и въ курятникъ.

Въ срединѣ февраля у нихъ появляется половое возбужденіе. Самки покидаютъ самцовъ и съ этихъ поръ оба пола спятъ отдѣльно, но не на очень далекомъ разстояніи другъ отъ друга. Если одной изъ самокъ случится подать призывной голосъ, то всѣ услышавшіе его самцы откликаются на него, издавая перекатывающіеся звуки, быстро слѣдующіе одинъ за другимъ. Если призывной голосъ раздается на землѣ, то всѣ они тотчасъ-же спускаются внизъ, въ моментъ паденія распускаютъ хвостъ, не обращая вниманія, находится-ли по близости самка или нѣтъ, закидываютъ за илечи голову, влачатъ по землѣ крылья, принимаютъ различныя странныя позы, испускаютъ громкіе звуки и производятъ шорохъ, который мы привыкли наблюдать у ихъ прирученныхъ потомковъ. При этомъ нерѣдко случается, что между двумя самцами происходитъ ссора, и они дерутся съ такимъ ожесточеніемъ, что одинъ изъ нихъ издыхаетъ подъ ударами своего противника. Какъ на замѣчательное явленіе Одюбонъ указываетъ на тотъ фактъ, что побѣдитель отнюдь не относится съ ненавистью къ умерщвленному противнику, но ведетъ себя передъ нимъ такъ, какъ будто желаетъ приласкаться къ самкѣ. Если самецъ замѣтитъ самку и приблизился къ ней, то она, если ей больше году, постоянно подражаетъ его движеніямъ, затѣмъ въ свою очередь приближается къ нему, ложится на землю и этимъ приглашаетъ его къ спариванью. По отношенію къ болѣе молодымъ самкамъ влюбленный самецъ ведетъ себя менѣе торжественно, двигается съ чрезвычайной быстротой, иногда приподнимается съ земли, летаетъ вокругъ нея, опустившись на землю, изъ всѣхъ силъ пускается ей на встрѣчу, уничтожаетъ своей нѣжной воркотней ея страхъ и въ концѣ концовъ добивается ея взаимности. Самецъ и самка такимъ образомъ соединившіеся, повидимому, въ теченіи всего лѣта сохраняютъ извѣстныя отношенія, хотя, впрочемъ, первый ни въ какомъ случаѣ не даритъ своего расположенія исключительно одной самкѣ. Самки со своей стороны слѣдуютъ за тѣмъ самцомъ, который пользуется ихъ предпочтеніемъ до тѣхъ поръ, пока не начнутъ нестись, послѣ чего онѣ разведываются и прячутся отъ самца. Послѣдній, удовлетворивъ половое стремленіе, становится вялымъ, лѣнивымъ, перестаетъ драться съ другими индю-

ками, не такъ много хлощеть и почти не обращаетъ вниманія на самокъ, которыя теперь въ свою очередь вздыхаютъ около нелюбезныхъ сожителей: онѣ вертятся около него, ласкаются къ нему и пускаютъ въ ходъ всѣ средства, чтобы снова воспламенить его остывшую страсть. Наконецъ самцы совершенно покидаютъ самокъ и становятся до того лѣнливыми и равнодушными, что почти не обращаютъ вниманія, даже на враждебно расположеннаго къ нему человѣка.

Если весна сухая, то самка въ срединѣ апрѣля отыскиваетъ себѣ подходящее, по возможности скрытое мѣсто для гнѣздованія. По словамъ Доджа, она прячетъ свое гнѣздо и отъ самца, такъ, какъ онѣ обыкновенно убиваетъ птенцовъ. Гнѣздо представляетъ собой неглубокое, беспорядочно выложенное перьями углубленіе; кладка состоитъ изъ 10—15, а иногда и 20 яицъ, покрытыхъ на дымчато-желтомъ фонѣ красными точками. Къ гнѣзду самка всегда приближается съ величайшей осторожностью и когда покидаетъ его, то тщательно прикрываетъ яйца сухими листьями, такъ что вообще отыскать гнѣздо очень трудно, развѣ только, если случится вспугнуть съ него сидящую на яйцахъ матку. Если она во время высиживанья замѣтитъ врага, то припадаетъ къ гнѣзду и не шевелится до тѣхъ поръ, пока не замѣтитъ, что ея убѣжище открыто. Одюбонъ рассказываетъ, что онѣ часто, не вспугнувъ самки, могъ приблизиться къ гнѣзду на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, когда, свистя или громко разговаривая, придавалъ себѣ равнодушный видъ; напротивъ того, если онѣ приближался къ гнѣзду осторожно, она постоянно уже на разстояніи по крайней мѣрѣ 20 шаговъ поднималась и убѣгала. Впрочемъ самка, потревоженная человѣкомъ, не покидаетъ своего гнѣзда, случается же это тогда, когда какое-нибудь хищное животное похитило или выпило у нея нѣсколько яицъ. Если кладка разорена, то она несется вторично. Иногда случается, что нѣсколько матокъ кладутъ свои яйца въ одно и то же гнѣздо: Одюбонъ однажды нашелъ трехъ самокъ, сидящихъ на 42 яйцахъ. Въ такомъ случаѣ одна изъ самокъ всегда сторожитъ гнѣздо, такъ что ни одинъ изъ болѣе слабыхъ хищниковъ не можетъ повредить выводку. Къ концу высиживанья самка ни подъ какимъ видомъ не покидаетъ своего гнѣзда, а также, подобно самкѣ глухаря, допускаетъ, чтобы его обнесли заборомъ.

Одюбонъ былъ однажды свидѣтелемъ того, какъ изъ яйца вылупился цѣлый выводокъ молодыхъ индюковъ, которыми онѣ хотѣли овладѣть. Онѣ наблюдали это, лежа на землѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ гнѣзда. Старая самка приподнялась на половину высоты своихъ ногъ, боязливо взглянула на яйца, озабоченно заклохтала, осторожно устранила каждую половину скорлупы и начала гладить клювомъ цыплятъ, которые, шатаясь, старались выйти изъ гнѣзда. Онѣ видѣли, какъ всѣ они покинули скорлупу и, спустя нѣсколько минутъ, шатаясь, катясь и бѣгомъ стали подвигаться впередъ. Прежде чѣмъ покинуть гнѣздо, старая самка сильно встряхнулась, расправила перья, приняла совершенно другую осанку, приподнялась, вытянула шею и обвела глазами вокругъ, чтобы убѣдиться въ безопасности; затѣмъ она нѣсколько распустила крылья, нѣжно заклохтала и стала заботливо собирать своихъ цыплятъ.

Такъ какъ цыплята обыкновенно вылупляются подъ вечеръ, то семья почти всегда возвращается обратно въ гнѣздо, гдѣ и проводитъ первую ночь. Послѣ этого она удаляется на нѣкоторое разстояніе и избираетъ самую возвышенную въ странѣ мѣстность, такъ какъ matka совершенно справедливо боится сырости, которая приноситъ наибольшій вредъ ея дѣтенышамъ. Уже на 14-й день своего существованія птенцы, которые до тѣхъ поръ принуждены были оставаться на землѣ, приобретаютъ способность взлетать немного кверху, и съ этихъ поръ семья

подъ вечеръ всегда садится на низкій сучекъ, гдѣ и проводитъ ночь въ безопасности подъ защитою материнскихъ крыльевъ. Еще нѣсколько позже старая самка со своими цыплятами покидаетъ лѣса днемъ, чтобы попользоваться обиліемъ различныхъ ягодъ на лѣсныхъ полянахъ или лугахъ и насладиться благотѣльнымъ вліяніемъ солнца. Съ той поры птенцы начинаютъ расти необыкновенно быстро. Уже въ августѣ они способны защищаться отъ нападенія четвероногихъ хищниковъ; молодой самецъ даже чувствуетъ въ себѣ уже силу взрослого самца и начинаетъ упражняться въ торжественномъ расхаживаніи и клохтаніи. Въ эту пору старые и малые снова собираются вмѣстѣ и начинаютъ свое странствованіе. Случается нерѣдко, что дикіе индюки присоединяются къ обществу ручныхъ, дерутся съ самцами и домогаются любви у самокъ. Послѣднія встрѣчаютъ ихъ съ радостью, а владѣльцы домашнихъ индюковъ имъ также рады, такъ какъ цыплята, являющіеся результатомъ этихъ посѣщеній, отличаются большими преимуществами передъ выродившимися домашними индюками. Часто также кладутъ найденныя въ лѣсу яйца подъ ручныхъ индюшекъ и выводятъ этимъ способомъ птенцовъ, которые, хотя и сохраняютъ еще нѣкоторыя черты характера дико живущихъ, однако все-таки скоро привыкаютъ къ неволѣ, а иногда становятся очень ручными. У Одюбона былъ индюкъ, который бѣгалъ за нимъ какъ собака и вообще велъ себя совершенно какъ ручной, однако никогда не входилъ въ курятникъ вмѣстѣ съ другими, а всегда проводилъ ночь, сидя на крышѣ дома. Сдѣлавшись старше, онъ каждый день улеталъ въ лѣсъ, но возвращался обратно съ заходомъ солнца.

Хотя индюкъ и предпочитаетъ всему другому такъ называемые илинойскіе орѣхи (плоды *Сагуа illinoensis*) и ягоды дикаго винограда, почему во множествѣ водится въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ эти плоды растутъ въ изобиліи, тѣмъ не менѣе онъ ѣстъ также различнаго рода травы и злаки, хлѣбныя растенія, ягоды, плоды, а также насекомыхъ, мелкихъ кузнечиковъ и тому подобное.

На бѣгу индюки слегка раскрываютъ крылья, точно вѣсъ тѣла для нихъ слишкомъ тяжелъ; затѣмъ они пробѣгаютъ нѣсколько метровъ, широко распутивъ крылья, или два-три раза высоко подпрыгиваютъ въ воздухъ, послѣ чего продолжаютъ путь свой по землѣ. Ища корма, они высоко держатъ голову, какъ будто бы имъ нужно было постоянно осматриваться кругомъ; въ то же время они роютъ ногами землю, потомъ вдругъ останавливаются и подбираютъ клювомъ что-нибудь на землѣ, какъ бы ощупавъ этотъ предметъ пальцами. Лѣтомъ они отираются на лѣсныя тропинки, или на большія дороги, а также иногда на свѣже-вспаханныя поля, чтобы покормиться на нихъ. Зимой, послѣ продолжительной свѣжной непогоды, въ особенности-же въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ мороза снѣгъ покрывается твердой корой, они иногда 3 или 4 дня подъ-рядъ остаются на своихъ ночлегахъ и постятся; если же по близости находится селенія, то они, ища корма, приближаются къ курятникамъ или хлѣбнымъ амбарамъ. Когда идетъ снѣгъ, они, будучи испугнуты, пробѣгаютъ весьма значительныя пространства и притомъ, хотя бѣгъ ихъ неуклюжъ на видъ, — съ такою быстротою, что иногда даже лошадь едва можетъ поспѣть за ними; напротивъ того, весной, когда они бываютъ утомлены постѣ своего любовнаго опыненія, случается даже, что ихъ ловить на бѣгу хорошая собака.

Среди безчисленныхъ враговъ, преслѣдующихъ ихъ, самыя опасныя послѣ человека—рысь, бѣлая сѣверная сова и филинъ. Рысь преслѣдуетъ какъ взрослыхъ, такъ и молодыхъ и выпиваетъ также яйца ихъ; совы главнымъ образомъ ночью похищаютъ многихъ изъ нихъ съ деревьевъ; противъ нихъ, однако, индюки

защищаются часто съ успѣхомъ. Лишь только они почувють беззвучно приближающуюся сову, какъ предостерегающій объ опасности крикъ «глуку» призываетъ все общество ко вниманію. Всѣ спящія птицы тотчасъ же пробуждаются и начинаютъ слѣдить за каждымъ движеніемъ совы, которая, высмотрѣвъ себѣ жертву, налетаетъ наконецъ какъ стрѣла и непременно схватила бы индюка, если бы тотъ не умѣлъ увернуться. Какъ только сова приближается къ нему, онъ низко нагибаетъ голову и въ то же время распускаетъ на спинѣ хвостъ, сбивая этимъ съ толку нападающаго врага, которому въ лучшемъ случаѣ удается схватить лишь нѣсколько перьевъ; случается нерѣдко, что индюкъ бросается на землю и бѣжитъ къ первому попавшемуся кусту, чтобы въ немъ спрятаться.

Въ Америкѣ охота за индюками и ловля ихъ производится повсемѣстно съ большимъ рвеніемъ, иногда даже безъ всякой пощады. Самцовъ особенно охотно бьютъ на току, который они производятъ иногда на деревьяхъ, и подкрадываются къ нимъ въ такомъ случаѣ совершенно такимъ же образомъ, какъ мы это дѣлаемъ съ нашимъ глухаремъ; ихъ выгоняютъ также съ помощью собакъ, подстерегаютъ на мѣстахъ ночлега, или по близости мѣсть, обѣщающихъ имъ обильную пищу и т. д. Охота на нихъ требуетъ опытнаго охотника, такъ какъ пугливость этой дичи съ перваго же раза отбиваетъ у неопытныхъ стрѣлковъ желаніе продолжать это занятіе. Гораздо легче—ловля ихъ, служащая прекраснымъ доказательствомъ глупости этихъ птицъ. Въ лѣсахъ складываютъ стволы деревьевъ длиною отъ 2—3 м. въ формѣ бревенчатаго сруба, покрываютъ его сверху хворостомъ и прорываютъ подъ одной изъ боковыхъ стѣнокъ ходъ въ видѣ канавы и притомъ такой величины, чтобы черезъ него свободно могъ пролѣзть крупный самецъ; ходъ этотъ ведетъ до середины ловушки, но нѣкоторая часть этой канавки прикрывается досками внутри сруба. Внутренность западни, а также ходъ въ нее для приманки посыпаются маисомъ. Проходящіе мимо индюки находятъ свою любимую пищу, слѣдуютъ по пути, на которомъ она разсыпана, видятъ обильный кормъ внутри западни и проползаютъ въ нее черезъ продѣланный въ землѣ ходъ; одинъ слѣдуетъ за другимъ, и иногда все общество собирается въ помѣстительный срубъ и поѣдаетъ разсыпанныя тамъ зерна. По мѣсто того, чтобы вылѣзти потомъ обратно черезъ находящееся по серединѣ отверстіе хода, глупыя птицы начинаютъ бѣгать вдоль стѣнъ, гдѣ ходъ прикрытъ; просовываютъ всюду между бревнами свои головы и тщетно стараются выбраться здѣсь на волю. Цикто изъ нихъ не находитъ выхода, и ловець на слѣдующее утро достаетъ изъ западни все общество. Одубонъ увѣряетъ, что довольно-таки часто находили въ подобномъ срубѣ много индюковъ, околѣвшихъ съ голоду, потому что ловець, забравши въ первый же день достаточное количество птицъ, не считалъ болѣе нужнымъ осматривать ловушку въ послѣдующіе дни. Одинъ изъ способовъ охоты, хотя и недостойный охотника, но тѣмъ не менѣе важный для голодныхъ людей и путешественниковъ, состоитъ, по словамъ Пехуэль-Леше, въ томъ, что этихъ крупныхъ птицъ сбиваютъ выстрѣлами съ деревьевъ, на которыя онѣ усѣлись на почвѣ. Удачлѣе всего охота бываетъ тогда, когда деревья лишены листьевъ, и въ мѣстностяхъ, гдѣ эту дичь еще не часто тревожили. Высмотрѣвъ въ лѣсныхъ полосахъ растущихъ вблизи рѣкъ тѣ мѣста, въ которыхъ обыкновенно проводятъ ночь наибольшее количество индюковъ, собирающихся здѣсь иногда сотнями, охотники, вооружившись дробовикомъ, въ звѣздную ночь подкрадываются подъ дерево, гуще другихъ усаженное птицами, или стоящее удобнѣе всѣхъ и убиваютъ затѣмъ ту птицу, которая сидитъ дальше всѣхъ, потомъ слѣдующую и т. д. Небольшой шумъ, производимый въ кустарникѣ охотникомъ при его приближеніи,

несколько не мѣшает дѣлу, нельзя только при этомъ громко разговаривать, и каждую птицу, попадающуюся подъ выстрѣлъ, слѣдуетъ убивать наповалъ, чтобы она не билась и не пугала этимъ остальныхъ. Сколько-нибудь опытный охотникъ всегда можетъ этимъ способомъ въ весьма короткое время настрѣлять нѣсколько штукъ съ одного дерева, прежде чѣмъ остальные придуть въ безпокойство, или улетятъ, и хорошему стрѣлку уже нерѣдко случалось добывать по 6, 8 и 10 штукъ заразъ. Доджъ самъ убилъ разъ 12 штукъ; одинъ солдатъ, по словамъ Доджа, перестрѣлялъ даже 26 штукъ съ одного дерева, а 4 или 5 другихъ солдатъ, по словамъ того же очевидца, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ добыли 82 штуки на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Индюкъ былъ перевезенъ къ намъ очень скоро послѣ открытія Америки. Изъ писателей Овiedo первый упоминаетъ о немъ. «Въ Новой Испаніи,» говоритъ онъ, «существуетъ порода большихъ и очень вкусныхъ павлиновъ, изъ которыхъ многіе были переправлены на острова и въ провинцію Кастилію-дель-Оро, гдѣ ихъ и кормятъ въ своихъ домахъ христіане. Самки выглядятъ невзрачно, самцы же красивы и часто также распускаютъ вѣромъ свой хвостъ, хотя послѣдній у нихъ и не такъ красивъ, какъ у павлиновъ въ Испаніи.» Затѣмъ слѣдуетъ вѣрное описаніе индюка, которое заключается замѣчаніемъ, что мясо этихъ «павлиновъ» очень вкусно и несомнѣнно лучше и нѣжнѣе мяса испанскихъ павлиновъ. Гиллиусъ говоритъ объ индюкѣ, какъ о домашней птицѣ европейцевъ. Въ 1557 году, однако, онъ былъ еще настолько рѣдкой и цѣнной птицей, что верховный совѣтъ въ Венеціи опредѣлялъ, на чей столъ имѣютъ право подаваться «индѣйскія куры». Въ Англіи, говорятъ, онъ былъ введенъ на 15 году царствованія Генриха VIII, или въ 1524 году, въ Германіи — около 1534 года, а во Франціи — еще нѣсколько позже. Въ настоящее время онъ всюду распространенъ въ качествѣ домашней птицы. Чаще всего, можетъ быть, его можно встрѣтить въ Испаніи и главнымъ образомъ на тѣхъ дворахъ, которые построены поотдалѣ отъ селеній, среди пустынныхъ равнинъ. Здѣсь я видѣлъ стада въ нѣсколько сотъ штукъ, находившіяся подъ наблюденіемъ особыхъ пастуховъ, которые утромъ гнали ихъ на пастбище, днемъ не давали имъ расходиться въ разныя стороны, а вечеромъ снова пригоняли домой. Въ Германіи ихъ держатъ довольно рѣдко, хотя разведеніемъ ихъ даже очень стоитъ заниматься, когда оно достигаетъ большихъ размѣровъ. Владѣльцы нѣкоторыхъ фермъ цѣнятъ ихъ высоко; большинство людей, однако, не могутъ терпѣть ихъ за ихъ шумный, вспыльчивый и сварливый нравъ. Глупость ихъ на самомъ дѣлѣ поразительна; непривычныя явленія лишаютъ ихъ всякаго самообладанія. «Жалко просто смотрѣть на нихъ», говоритъ Ленцъ, «когда они лѣтомъ, въ особенности же, если имѣютъ при себѣ цыплятъ, часто цѣлый день смотрятъ на небо, не переставая издавать жалобные крики «йауб йауб», точно принимаютъ солнце за орла и облака за коршуна». Смѣшно видѣть, прибавлю я, какъ они въ страхѣ бѣгутъ отъ маленькой пустельги, словно нечистая сила гонится за ними по пятамъ. Они, однако, обладаютъ также весьма хорошими качествами, изъ которыхъ полнѣйшей похвалы заслуживаетъ материнская заботливость самки, остающаяся неизмѣнной при всякихъ обстоятельствахъ.

Въ повѣйшее время индюковъ стали разводить также въ Германіи, именно въ Помераніи, восточной Пруссіи, Ганноверѣ и т. д., а также въ Австріи, и притомъ вообще съ хорошимъ успѣхомъ. Можно утверждать, что разведеніе этихъ цѣнныхъ птицъ пойдетъ успѣшно вездѣ, гдѣ соблюдены естественныя условія для ихъ размноженія. Такъ, напримѣръ, въ лѣсномъ округѣ графа фонъ-Брейнера въ нижней Австріи, какъ сообщаетъ одинъ охотничій журналъ, количество индюковъ возросло въ 1888 году до 580 штукъ.

Сестры Мелеагра, неутѣшно оплакивавшія смерть своего брата, превращены были въ птицъ, опереніе которыхъ выглядитъ какъ бы окрапленнымъ слезами. Такъ гласятъ преданіе, доказывающее намъ такимъ образомъ, что уже древніе знали тѣхъ птицъ, которыхъ мы называемъ цесарками. Различные писатели древности описываютъ ихъ съ такою точностью, что мы, по крайней мѣрѣ приближительно, можемъ опредѣлить тѣ два вида, которые они знали. Въмѣстѣ съ этимъ мы узнаемъ, что цесарки въ большомъ количествѣ разводились въ Греціи, такъ что бѣдный людъ могъ приносить ихъ въ жертву. Послѣ паденія Римской имперіи на нихъ, кажется, обращали мало вниманія, и онѣ, повидимому, даже совершенно исчезли изъ Европы; только въ XIV столѣтіи о нихъ начинаютъ говорить снова. Вскорѣ послѣ открытія Америки мореплаватели перевезли съ собою въ Новый Свѣтъ самый обыкновенный видъ этихъ птицъ, и климатъ тамъ оказался для нихъ до такой степени подходящимъ, что птицы эти скоро одичали.

Отличительными признаками **Цесарокъ** (*Numidinae. Perlhühner. Pintades*), образующихъ послѣднее подсемейство фазановыхъ, служатъ: плотное туловище, короткія крылья, средней длины хвостъ, сильно удлиненныя верхнія кроющія перья хвоста, вообще обильное опереніе, средней вышины ноги съ короткими пальцами и обыкновенно лишенный шпоръ, и крѣпкій клювъ; голова и верхняя часть шеи болѣе или менѣе голыя и украшены пучками перьевъ, большими и маленькими хохлами, шлемовидными наростами и висячими кожистыми наростами; окраска оперенія весьма однообразна, а рисунокъ состоитъ изъ свѣтлыхъ жемчужныхъ пятенъ на темномъ фонѣ и, подобно головному украшенію, свойственъ какъ самцамъ, такъ и самкамъ.

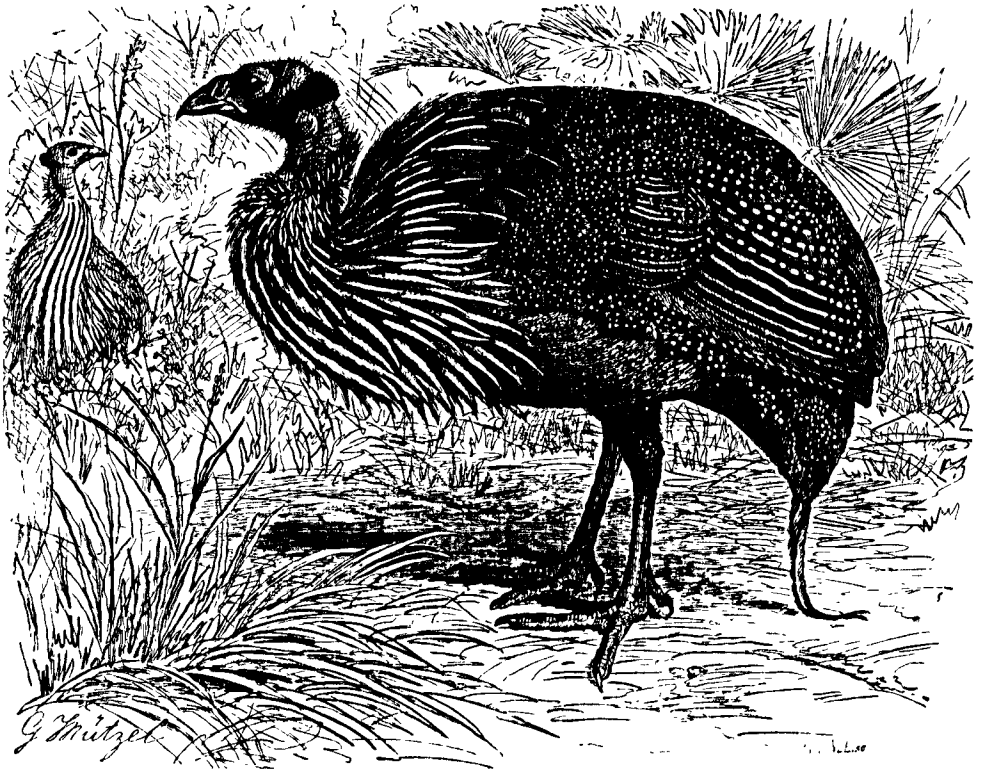
* * *

Самымъ замѣчательнымъ видомъ этого подсемейства я считаю **Грифовую цесарку** (*Numida vulturina, Acryllium vulturinum. Geierperlhuhn. Pintade vautour*), живущую въ восточной Африкѣ. Туловище у нея вытянуто въ длину, шея длинная и тонкая, маленькая голова обнажена и украшена однимъ только воротникомъ, который тянется на затылкѣ отъ одного уха къ другому и состоитъ изъ очень короткихъ, бархатистыхъ перьевъ; шейныя перья имѣютъ ланцетовидную форму, малыя маховыя перья значительно длиннѣе большихъ, среднія рулевыя перья длиннѣе боковыхъ; клювъ крѣпкій, короткій, очень сильно согнутъ, и верхняя часть его ясно загнута крючкомъ надъ нижней; ноги съ высокими плюснами и бородавчатыми отростками вмѣсто шпоръ.

Опереніе отличается въ своемъ родѣ такимъ-же великолѣпнымъ окраски, какъ и опереніе самаго красиваго фазана. Воротникъ на шеѣ темнаго, красно-бураго, шея синяго, ультрамариноваго цвѣта, съ черными и серебристо-бѣлыми полосами, такъ какъ у cadaго изъ узкихъ и длинныхъ перьевъ посреди чернаго, покрытаго мелкими сѣрыми пятнышками поля, проходитъ бѣлая полоса, шириною въ 4 мм., а по краямъ она имѣютъ широкую кайму синяго, ультрамариноваго цвѣта; на короткихъ перьяхъ середины груди рисунокъ этотъ исчезаетъ и замѣняется чистымъ, черно-бархатнымъ цвѣтомъ, тогда какъ на обѣихъ сторонахъ груди онъ переходитъ въ великолѣпный, синій, ультрамариновый цвѣтъ; на перьяхъ заныейка еще видны свѣтлыя, срединныя полосы, но нѣтъ уже синей каймы; вмѣсто нея выступаютъ въ высшей степени красивый рисунокъ, состоящій изъ черновато и бѣловато-сѣрыхъ волнистыхъ линій и пятнышекъ; остальное опереніе покрыто по темно-или черно-сѣрому полю необыкновенно тонкимъ рисункомъ, состоящимъ изъ свѣтлыхъ жилокъ и крапенокъ; каждое изъ этихъ жемчужныхъ пятнышекъ окружено черной полоскою; на перьяхъ паховой области и брюшка жемчужныя пятна

*

увеличиваются, у тѣхъ-же пзъ нихъ, которыя расположены надъ чисто-голубыми обѣихъ сторонъ груди, каждый темный ободокъ окруженъ еще кромѣ того полосками лиловаго цвѣта, имѣющими видъ рѣшетки; на наружной бородкѣ большихъ и малыхъ маховыхъ перьевъ жемчужныя пятна сливаются въ узкія, бѣлыя полосы; наружныя-же бородки первыхъ 4 или 5 малыхъ маховыхъ перьевъ украшены еще кромѣ того широкими каймами лиловаго цвѣта, которыя, соединяясь между собою, образуютъ узкое зеркальце. Длина достигаетъ около 60, длина крыла 29, длина хвоста 24 см.

Грифовая цесарка. *Numida vulturina*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

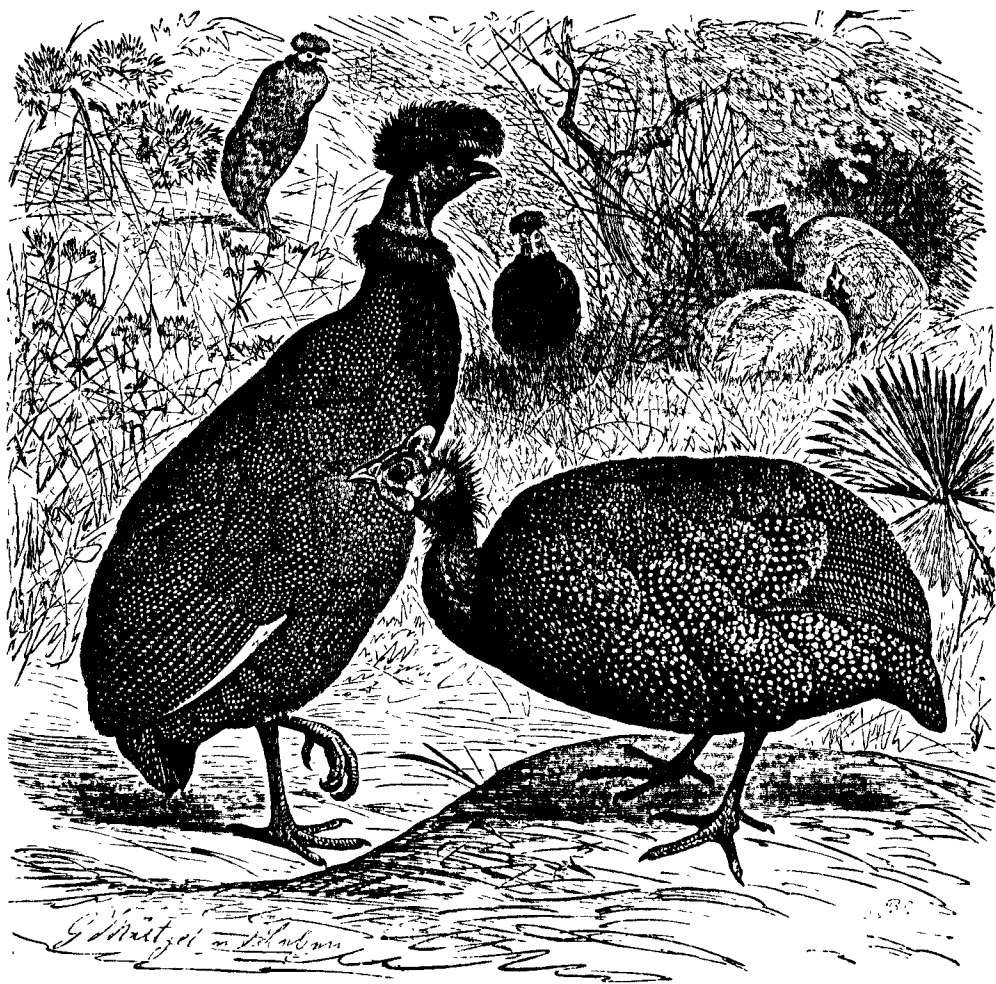
Канга (*Numida pucherani*. Pucheranperlhuhn. Pintade khanga) отличается своимъ головнымъ украшеніемъ, состоящимъ изъ густого пучка перьевъ; у нея на горлѣ также нѣтъ висячей кожи; на голой кожѣ шеи однако образуются внизу такія глубокія складки, что кажется, будто кожа здѣсь свѣшивается. Клювъ очень сильный, ноги средней высоты, хвостъ короткій и сильно загнутый внутрь.

Опереніе канга, какъ зовутъ ее жители Занзибара, наверху и внизу черно-вато-синяго цвѣта и гораздо темнѣе, чѣмъ у другихъ цесарокъ; жемчужный рисунокъ состоитъ изъ очень маленькихъ пятенъ круглой или яйцевидной формы, которыя равномерно распредѣлены по всему оперенію, но на верхнихъ кроющихъ, плечевыхъ перьяхъ крыла, расплываясь, принимаютъ форму полосъ; большія маховыя перья буро-сѣраго цвѣта, почти безъ пятенъ, малыя маховыя перья имѣютъ широкую бѣлую кайму на своей наружной бородкѣ, такъ что на нихъ образуется ясное блестящее пятно; перья, образующія хохоль на головѣ, матоваго, бархатно-чернаго

цвѣта, темя и голая передняя часть шеи ярко-краснаго, покрытая складками задняя часть шеи темнаго сѣро-фіолетоваго цвѣта, глаза темно-каріе, клювъ рогового желтаго, у корня же синеватаго цвѣта, ноги темнаго, пепельно-сѣраго, почти чернаго цвѣта. Длина достигаетъ около 50 см.

Канга живетъ также въ восточной Африкѣ.

Обыкновенная цесарка (*Numida meleagris*. Gemeiner Perlhuhn. Pintade com-mune), имѣетъ болѣе или менѣе длинный рогъ на срединѣ темени, и двѣ кожистыя

Хохлатая цесарка. *Numida cristata* и Обыкновенная цесарка. *Numida meleagris*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

или мясистыя лопасти на задней части нижней челюсти. У этой родоначальницы нашей домашней цесарки верхняя часть груди и затылок лиловаго цвѣта безъ пятенъ, спина и надхвостье, покрытое по сѣрому фону маленькими бисерообразными пятнами, окаймленными болѣе темнымъ, и которыя на верхнихъ покровныхъ перьяхъ крыльевъ увеличиваются, частью-же сливаются, и на наружномъ краѣ опахала малыхъ маховыхъ перьевъ превращаются въ узкія поперечныя полосы. Нижнія части тѣла довольно равномерно украшены по сѣровато-черному полю боль-

шими круглыми пятнами; маховые перья буроватые; на наружномъ краѣ опахала видны бѣлыя полоски, внутренней-же неправильно покрыты полосками и крапивками; темно-сѣрыя рулевья перья красиво покрыты пятнами и только боковыя частью испещрены полосками, такъ какъ и тутъ пятна сливаются; лопасти около клюва широкія и довольно длинныя. Глаза темно-бурые, область щекъ голубовато-бѣлая, гребень красный, шлемъ рогового цвѣта, клювъ красно-желтоватаго рогового цвѣта; кожистый наростъ у основанія клюва, похожій на восковицу, красный; ноги грязно-шиферно-сѣрыя, надъ сочлененіемъ пальцевъ мясного цвѣта. Цесарки, происходящія отъ разведенныхъ въ неволѣ и съ ранняго возраста прирученныхъ, отличаются главнымъ образомъ значительнымъ ростомъ. Разновидности встрѣчаются часто.

Всѣ цесарки водились первоначально въ Африкѣ; наиболѣе извѣстный видъ, обыкновенная цесарка, живущая въ западной Африкѣ, была сдѣлана домашнимъ животнымъ и одичала, какъ уже выше сказано, въ Вестъ-Индіи, а также, по мнѣнію Гартлауба, и на Зондскихъ островахъ. Область распространенія различныхъ видовъ, повидимому, ограничивается извѣстными странами. Грифовая цесарка населяетъ лишь прибрежныя земли восточной Африки, а именно, насколько до сихъ поръ извѣстно, пространство, лежащее вокругъ Джуба, береговая часть котораго можетъ быть приблизительно ограничена городами Барава и Ламу. По словесному сообщенію фонъ-деръ Деккена, онъ видѣлъ наибольшее количество этихъ великолѣпныхъ птицъ между 2° и 4° южной широты и преимущественно въ долинахъ.

Хохлатая цесарка (*Numida cristata*. Нау' enper'huhn. Pintade huppée) распространена по всей средней Африкѣ. На островѣ Занзибарѣ она не встрѣчается, на лежащемъ противъ него материкѣ мѣстами она обыкновенна.

Киркъ наблюдалъ ее въ многочисленныхъ стаяхъ въ дельтѣ Замбези у Джубанги и внутри страны, приблизительно на 40 англійскихъ миль на востокъ отъ водопадовъ Викторіи, причемъ эта цесарка встрѣчается въ лѣсахъ чаще всѣхъ другихъ туземныхъ видовъ этого рода.

Кажется, что образъ жизни различныхъ видовъ, за исключеніемъ незначительныхъ привычекъ, въ высшей степени сходенъ. Цесаркѣ нужна, по моимъ наблюденіямъ, относящимся къ **Кистевой цесаркѣ** (*Numida pitlorhyncha*. Pinselper'huhn. Pintade à pinseaux), населяющей сѣверо-восточную Африку и очень тамъ обыкновенной, мѣстность, покрытая густымъ, мелкимъ лѣсомъ, между которымъ находятся открытыя прогалины. Богатыя кустарникомъ долины на равнинахъ, лѣса, въ которыхъ густые кусты покрываютъ землю, степи, гдѣ трава не составляетъ преобладающаго растенія, высокія горныя равнины до 3000 м., отлого спускающіяся и покрытыя скалистыми глыбами, но все-таки поросшія по склонамъ великолѣпнымъ растительнымъ ковромъ,—удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ этихъ птицъ. Въ остроконечныхъ и разрыванныхъ ущельями горахъ острововъ Зеленаго мыса находятся по словамъ Болле, мѣстность, настолько соответствующая ихъ потребностямъ, что онѣ встрѣчаются тамъ массами. Чѣмъ больше и чѣмъ глуше островъ, чѣмъ безлюднѣе его горная страна, тѣмъ чаще путешественникъ встрѣчаетъ цесарокъ. Онѣ населяютъ здѣсь многочисленными стаями всѣ возвышенныя проходы, преимущественно кустарниковыя лѣса, состоящіе изъ древообразныхъ молочайниковъ, которые доставляютъ имъ безопасныя и рѣдко посѣщаемыя убѣжища. Такъ какъ Вестиндскіе острова имѣютъ подобныя мѣстности, то цесарки скоро нашли возможность освободиться отъ неволи и жились тамъ на свободѣ. Уже почти за 200 лѣтъ

тому назадъ, какъ сообщаетъ Фальконетъ, онѣ часто встрѣчались на Ямайкѣ, въ настоящее-же время онѣ тамъ такъ обыкновенны, что иногда становятся бичемъ страны. На Кубѣ ихъ также находятъ въ различныхъ мѣстахъ, особенно въ восточной части острова, такъ какъ тамъ много кофейныхъ плантацій, покинутыхъ своими хозяевами, которые оставили ихъ съ намѣреніемъ развести новыя въ лучшихъ мѣстностяхъ. Прирученныя цесарки, какъ предполагаетъ Гундахъ, остались тамъ, размножились и вполнѣ одичали.

Цесарки осѣдлыя птицы, хотя и не въ строгомъ смыслѣ этого слова. Я помню, что находилъ ихъ въ извѣстныхъ времена въ лѣсахъ и степныхъ странахъ, гдѣ обыкновенно ихъ не встрѣчаешь, а Киркъ съ увѣренностью говоритъ, что въ восточной Африкѣ онѣ отправляются, когда наступаетъ періодъ дождей, внутрь страны, расходятся тамъ и приступаютъ къ размноженію. Тамъ, гдѣ онѣ часто встрѣчаются, объ этомъ скоро узнаешь. Онѣ умѣютъ дать знать о себѣ, хотя даже тѣмъ, что по утрамъ и вечерамъ бываетъ слышенъ ихъ трудно передаваемый, подобный звуку трубы, голосъ, сдѣлавшійся, благодаря нашимъ домашнимъ цесаркамъ, хорошо знакомымъ большей части нашихъ читателей. Я долженъ однако упомянуть, что только шлемоносныя цесарки (*Numida meleagris*, *ptilorhyncha* etc.) кричатъ такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ я не слышалъ никогда подобнаго звука ни у грифовой цесарки, ни у канги. Первая издаетъ, когда ей приходитъ охота кричать, странный звукъ, состоящій изъ трехъ частей, и который лучше всего можетъ быть сравненъ съ визгомъ движущагося, но худо смазаннаго точильнаго камня или маленькаго колеса. Этотъ звукъ можетъ быть переданъ слогами «тіэ ти тіэт». Первый слогъ протягивается голосомъ довольно долго, второй-же издается коротко, третій опять немного протяжно. Всѣ три слога слѣдуютъ непосредственно одинъ за другимъ и, повидимому, никогда не измѣняются. Вслѣдствіе этого этотъ голосъ нетрудно отличить отъ голоса всякой другой цесарки. Канга кричитъ мало; отъ пойманной мною я только иногда слышалъ тихое визгливое клохтанье.

Цесарки всегда улетаютъ при приближеніи человѣка. Онѣ не столько осторожны, какъ пугливы; стадо коровъ пугаетъ ихъ, собака наводитъ на нихъ безумный страхъ, человѣкъ-же всегда приводитъ ихъ въ большое возбужденіе. Вслѣдствіе этого нелегко наблюдать ихъ; по крайней мѣрѣ никогда не надо при приближеніи терять изъ вида извѣстныхъ мѣръ осторожности. Если скрыто подкрадываться къ стаѣ, крикъ которой былъ слышенъ, то можно увидѣть птицъ ходящихъ по прогалинѣ или шныряющихъ между скалистыми глыбами, или-же пролѣзающихъ сквозь кустарникъ. Подобно индѣйцамъ на военной тропѣ, эти птицы бѣгаютъ другъ за другомъ длинными вереницами и что дѣлаетъ одна, тому подражаютъ и другія. Одинокія пары встрѣчаются въ высшей степени рѣдко; семейства, состоящія изъ 15—20 штукъ—чаще, обыкновенно же бываютъ многочисленныя стаи, которыя иногда могутъ состоять изъ 6—8 семействъ. Семейства живутъ тѣсно вмѣстѣ, и даже общества часто остаются въ тѣсной связи. Если семейство, стая или общество какъ-нибудь вспугнуто, то оно раздѣляется такъ, что, строго разбирая, каждая птица отдѣльно сама избираетъ себѣ дорогу. Все мчится, бѣжитъ и несется или летитъ и перелетаетъ насколько можно поспѣшно къ какому-нибудь убѣжищу, но по прошествіи извѣстнаго времени, если все спокойно, самцы издаютъ свой крикъ, похожій на звукъ трубы, и быстро спова созываютъ все стадо вмѣстѣ. Онѣ пробуютъ, какъ только бываютъ вспугнуты, спастись посредствомъ полета лишь тогда, когда уже испытали преслѣдованіе; однако и тогда еще онѣ полагаются, пока возможно, на свои быстрыя ноги. Иногда, прежде чѣмъ податься, онѣ бѣгутъ въ теченія нѣсколькихъ минутъ передъ охотникомъ, причемъ,

впрочемъ, постоянно осторожно останавливаются, но на слишкомъ большомъ разстояніи для заряда дробью; онѣ умѣютъ также прекрасно воспользоваться каждымъ кустомъ и каждымъ обломкомъ скалы. Старый самецъ ведетъ все стадо; онѣ всегда впереди и постоянно указываетъ направленіе пути, даже тогда, когда птицы летятъ. Послѣ выстрѣла все стадо разсыпается на части, которыя сначала не стремятся по одному и тому-же направленію, но обыкновенно еще садятся по нѣсколько разъ, пока не соберутся около вожака. Онѣ всегда стремятся къ защищенному мѣсту, бываетъ-ли это непроницаемая чаща или скала на косогорѣ, тотчасъ послѣ нападенія начинаетъ громко трубить или кричать, причемъ садится на самую высокую точку, напримѣръ, на кусокъ скалы и совершенно открыто, чего обыкновенно онѣ никогда не дѣлаютъ, какъ-бы съ намѣреніемъ показаться разбѣжавшемуся стаду. Послѣднее по возможности сбѣгается и слетается и ведетъ себя затѣмъ, какъ обыкновенно.

Нѣкоторые виды цесарокъ ведутъ себя иначе, если ихъ преслѣдуетъ собака или другое четвероногое хищное животное. Онѣ знаютъ, что имѣютъ въ этомъ случаѣ дѣло съ врагомъ, отъ котораго не скроются ни бѣгствомъ, ни съ помощью своихъ скоро утомляющихся крыльевъ; поэтому онѣ, насколько можно скорѣе, взлетаютъ на деревья, и тогда ихъ едва можно принудить слетѣть оттуда. Кажется, что онѣ при этомъ одномъ врагѣ забываютъ всякаго другого, такъ какъ тогда съ глупою смѣлостью допускаютъ человѣка, отъ котораго обыкновенно боязливо удаляются, близко подойти къ себѣ, глядятъ, боязливо шевелясь, въ дуло ружья, не отваживаясь однако улетѣть, и поднимаются лишь тогда, когда трескъ выстрѣла еще болѣе увеличить ихъ ужасъ, но и тогда онѣ поступаютъ такъ-же безумно, какъ и до этого. Видя собаку, онѣ не отваживаются на болѣе продолжительный побѣгъ, но летятъ самое большее до ближайшихъ деревьевъ, снова садятся тамъ и позволяютъ охотнику второй, третій, десятый разъ приблизиться къ нимъ. Если ихъ испугнетъ безвредный для нихъ путешественникъ или охотникъ съ богатой добычей и не оглушитъ выстрѣломъ, то онѣ, какъ и тогда, летятъ недалеко, садятся на высокое мѣсто, съ любопытствомъ смотрятъ на преслѣдующаго, откидываютъ страннымъ образомъ голову то впередъ, то назадъ, раздражаются наконецъ звонкимъ крикомъ, а затѣмъ летятъ дальше.

Для сна всѣ виды выбираютъ возвышенныя мѣста, которыя представляютъ для нихъ наибольшую безопасность. Самымъ любимымъ мѣстомъ для сна бывають высокія деревья на берегахъ рѣкъ; также забираются онѣ съ наступленіемъ вечера въ горы, на скалистыя стѣны и отыскиваютъ здѣсь для сна нѣдоступныя другимъ животнымъ, по крайней мѣрѣ млекопитающимъ хищникамъ, хребты горъ и вершины скалъ. «Даже ночью», говоритъ Гейглинъ, «ничто необыкновенное не ускользаетъ отъ нихъ; если вокругъ ихъ мѣста отдохновенія не тихо, то онѣ шумятъ по цѣлымъ часамъ. Во время нашего пребыванія въ странѣ Богосовъ домашнія цесарки, которыя ночевали на помостѣ, похожемъ на голубятню, указывали намъ такимъ образомъ приближеніе леопардовъ, гіенъ, дикихъ кошекъ, гепетъ, большихъ филиновъ, и т. п., и мнѣ нѣсколько разъ посчастливилось по ихъ голосу убить этихъ хищниковъ на дворахъ, и даже на соломенныхъ крышахъ домовъ».

Цесарки, безъ сомнѣнія, великолѣпно украшаютъ собою поросшія низкой травой или совсѣмъ сухія лѣсныя прогалины. Темныя птицы теряются между камнями, окрашенными въ такой-же цвѣтъ, но рѣзко отличаются отъ зеленыхъ или сѣро-желтыхъ травяныхъ пространствъ. Не узнать ихъ нельзя; горизонтально стоящее туловище, рыхлыя и кажуціяся взъерошенными перья надхвостья и

кровлевидный хвостъ такъ характеризуютъ наружный ихъ видъ, что только неопытный можетъ смѣшать ихъ съ какими-нибудь другими куриными птицами. По быстротѣ бѣга съ ними сравниваются, конечно, франколины, но полетъ ихъ разнится отъ полета этихъ родичей и отличается частыми, почти шумными взмахами крыльевъ, за которыми слѣдуетъ короткое парящее движеніе.

Пища ихъ измѣняется, смотря по странѣ и мѣстности, а также по времени года. Весною, во время дождей, насѣкомыя, по всей вѣроятности, составляютъ главную пищу, такъ какъ я иногда находилъ зобъ ихъ совершенно наполненнымъ кузнечиками; позднѣе онѣ ѣдятъ ягоды, листья, почки, маковки травы и наконецъ всѣ виды сѣмянъ. На Ямайкѣ въ болѣе прохладные мѣсяца года онѣ выходятъ безчисленными обществами изъ своихъ лѣсовъ, распространяются по полямъ и причиняютъ тамъ значительный вредъ. Онѣ роютъ, какъ рассказываетъ Госсе, въ короткое время глубокія ямки на поляхъ, обнажаютъ проростающіе корни и тотчасъ же сѣбаютъ или по крайней мѣрѣ уничтожаютъ ихъ. Во время посѣва ямса онѣ еще болѣе вредны, такъ какъ въ это время онѣ вырываютъ посаженные корневища. Только что посѣянные зерна тотчасъ-же бывають снова вырыты и выклеваны. Поразительно, по сообщенію Госсе, то, что онѣ не трогаютъ картофеля на поляхъ.

Относительно размноженія я самъ не производилъ наблюденій, по крайней мѣрѣ никогда не находилъ гнѣздъ съ яйцами, не часто видѣлъ птенцовъ подъ руководствомъ родителей. Именно тѣ наблюденія, которыя я собиралъ о семействахъ, заставляютъ меня предположить, что цесарка живетъ въ единобрачій. Гнѣзда цесарки Гейглинъ находилъ въ продолженіи дождливаго времени года преимущественно подъ кустарникомъ и въ высокой травѣ. Они состоятъ изъ маленькаго естественнаго или искусственнаго углубленія въ землѣ, вокругъ котораго лежитъ немного сухой листвы или степной травы. Кладка состоитъ изъ 5—8, иногда и болѣе, грязныхъ желтовато-бѣлыхъ, довольно блестящихъ яицъ съ обыкновенно твердой скорлупой. Насиживаніе продолжается 25 дней. «Самецъ и самка никогда не удаляются отъ гнѣзда и стараются шумомъ и скорой бѣготней изъ стороны въ сторону привлечь на себя вниманіе человѣка». Цыплята, покрытые пухомъ, по виду и характеру похожи на молодыхъ фазановъ, скоро послѣ вылупленія уводятся старыми, быстро вырастаютъ и слѣдуютъ уже, когда достигнутъ половины величины родителей, за ними во всѣхъ поискахъ, а также постоянно взлетаютъ тогда по ночамъ вмѣстѣ съ ними на деревья.

Цесарки приручаются легче всякихъ другихъ дикихъ куриныхъ птицъ, но нелегко и едва-ли когда-нибудь дѣлаются вполне ручными и лишь тогда начинаютъ размножаться, когда имѣютъ обширное помѣщеніе. Напротивъ того, поманныхъ можно скоро настолько приучить, что онѣ будутъ ходить вокругъ дома и по двору или даже слѣдовать за походнымъ возомъ, причемъ на каждомъ привалѣ онѣ бѣгаютъ по окрестностямъ, а утромъ, при отъѣздѣ, непременно находятъ у телѣги и безъ труда позволяютъ заперать себя въ клѣтки. Онѣ драчливы, находятъ въ постоянной враждѣ съ домашними и индійскими гнѣтухами, дѣлаются до того злыми, что нападаютъ на дѣтей и взрослыхъ гнѣтуховъ, бродить далеко кругомъ, прячутъ, насколько возможно, свой гнѣзда, плохо насиживаютъ яйца и не могутъ выносить сильнаго холода. Зато онѣ восхищаютъ наблюдателя своею неутомимостью, красивымъ опереніемъ, странными позами и движеніями, которыя принимаютъ во время бѣга. Грифова цесарка отличается, если я могу заключить о поведеніи другихъ по своимъ собственнымъ наблюденіямъ, гораздо болѣе пріятнымъ нравомъ. Она держится красивѣе, выглядитъ стройнѣе, потому что

поднимает голову и рѣдко принимает угловатый видъ, который замѣтенъ у другихъ птицъ ея семейства. Достойными вниманія кажутся мнѣ ея большое добродушіе и кротость. Одна цесарка, за которою я ухаживалъ, черезъ короткое время сдѣлалась чрезвычайно ручною. Она была со сторожемъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, позволяла ему себя ловить, не взъерошивала перья, когда онъ ее носилъ, давала сажать себя на извѣстное мѣсто и держать тамъ до тѣхъ поръ, пока сторожъ находилъ нужнымъ. Теплоту любила она болѣе, чѣмъ всѣ другія цесарки. Она отморозила ноги въ одну холодную зиму, несмотря на всѣ предосторожности, въ хорошо натопленной комнатѣ, по всей вѣроятности вслѣдствіе того, что полъ для нея былъ все еще слишкомъ холоденъ. Лѣтомъ ее видѣли во время полуденной жары пріятно потягивающейся и выпрямляющейся на солнцѣ, между тѣмъ какъ другія цесарки въ это же время искали защиты подъ тѣнистыми кустами. Во время сильнаго вѣтра, она почти боязливо забиралась къ закрытыя мѣста и оставалась тамъ въ продолженіи цѣлаго дня или стояла у дверей своего хлѣва, сама прося пустить ее туда. Грифовая цесарка могла бы служить самымъ лучшимъ украшеніемъ нашихъ курятниковъ, хотя, кажется, она представляетъ больше затрудненій при размноженіи въ неволѣ, чѣмъ обыкновенная цесарка, яйца которой лишь въ исключительныхъ случаяхъ оставляютъ у насъ настоящей матери, обыкновенно же подкладываютъ ихъ для насиживания подъ индюшекъ или обыкновенныхъ куръ.

У цесарокъ много враговъ. Всѣ африканскія кошки, начиная съ леопардовъ и гепардовъ до рыси, всѣ шакалы и лисицы преслѣдуетъ старыхъ и молодыхъ, виверы пожираютъ только яйца и цыплятъ. Всѣ большія хищныя птицы ревностно охотятся за этой, такъ легко добываемой, дичью, и даже пресмыкающіяся нерѣдко хватаютъ ихъ. Мы нашли въ желудкѣ одного питона, который былъ длиною въ 2,5 м., вполне выросшую цесарку. Человѣкъ съ особеннымъ предпочтеніемъ охотится за ними всюду, такъ какъ ихъ можно добыть безъ особаго труда, хотя онѣ, почувявъ преслѣдованіе, скоро дѣлаются очень пугливыми. Притомъ однако ихъ густое опереніе дѣлаетъ недѣйствительными большинство выстрѣловъ, такъ что, повидимому, онѣ не боятся самыхъ лучшихъ ружей. Со всѣмъ другое дѣло, когда на охоту берутъ съ собою хорошую собаку и направляютъ ее по слѣдамъ цесарки. Страхъ передъ четвероногимъ бываетъ такъ силенъ, что она совсѣмъ пренебрегаетъ опаснымъ врагомъ и нерѣдко случается, что допускаетъ взять себя прямо руками или же, если она сидитъ на деревѣ, безпрепятственно застрѣлить. Въ Суданѣ употребляютъ обыкновенные пружинные силки, чтобы ихъ ловить; ставятъ имъ также поперекъ низкаго кустарника тента и въ обоихъ случаяхъ можно быть увѣреннымъ въ богатой добычѣ. Силки эти напоминаютъ наши западни для кротовъ; они состоятъ изъ длинной гибкой жерди, которая однимъ концомъ воткнута въ землю, другой-же придерживается внизу палкой, и съ помощью прутика такъ укрѣпленъ, что при самомъ легкомъ прикосновеніи стремится вверхъ, причѣмъ затягиваетъ петлю, въ которую попадаетъ застигнутая птица. Обитатели степей Кордофана употребляютъ для своей охоты преимущественно собакъ, тѣхъ превосходныхъ, вышеописанныхъ борзыхъ, которыя ловятъ бѣгущихъ цесарокъ, и даже прискакиваютъ за поднявшимися уже на воздухъ, и въ большинствѣ случаевъ схватываютъ одну изъ нихъ. На Ямайкѣ этимъ птицамъ ставятъ зерна, намоченныя въ ромъ и т. п. Онѣ ѣдятъ ихъ, пьянѣютъ, теряютъ сознаніе, начинаютъ кружиться, усаживаются наконецъ въ какое-нибудь мѣсто, которое, какъ имъ кажется, дастъ имъ защиту, и безъ всякаго сопротивленія позволяютъ охотнику взять себя; часто, впрочемъ, большую часть тѣхъ, которыя ѣли пьяныя сѣмена, находятъ мертвыми.

Гонко (Craidae. Nokkovogel. Alec'ors) образуютъ въ высшей степени своеобразное семейство куриныхъ, заключающее въ себѣ болѣе 50 видовъ. Они средняго или большого роста и стройнаго тѣлосложенія; клювъ обыкновенно длиннѣе, чѣмъ у большинства другихъ куриныхъ, кончикъ сверху выпуклый, оканчивается широкимъ крючкомъ, у основанія покрытъ кожицею, похожею на восковицу, которая простирается и по всему носовому углубленію, а также и по уздечкѣ и области глазъ, и покрываетъ часто встрѣчающійся у основанія клюва наростъ. Ноги средней толщины и высоты, съ узкими пальцами, вооруженными длинными, довольно узкими, сильно заостренными и слабо загнутыми когтями; крылья сильно закруглены, такъ какъ 4—5 переднихъ маховыхъ перьевъ ступенчато укорочены, а также иногда оканчиваются узкимъ остріемъ. Хвостъ состоитъ изъ 12 рулевыхъ перьевъ, очень длинный, широкій, крѣпкій, по сторонамъ немного укороченъ, или перья въ немъ почти одинаковой длины. Въ жесткомъ длинноперомъ, хотя негустомъ опереніи отдѣльныя перья широки и закруглены, стержни-же ихъ болѣею частью своеобразно расширены; отъ корня они сильно утолщены и только къ концу утончаются. У нѣкоторыхъ видовъ это своеобразное строеніе выступаетъ такъ ясно, что стержень посерединѣ бываетъ въ десять и двадцать разъ толще, чѣмъ на концѣ, и въ шесть и десять разъ толще, чѣмъ у основанія. Съ утолщеніемъ согласуются и бородки перьевъ: на утолщенномъ стволѣ замѣчаются пушистыя, на тонкомъ-же концѣ плотныя бородки; поразительнѣе всего выступаетъ утолщеніе на мелкомъ опереніи, особенно на перьяхъ надхвоста, менѣе-же всего на маховыхъ и рулевыхъ перьяхъ. Въ опереніи преобладаютъ темныя цвѣта, но встрѣчаются и свѣтлыя. Скелетъ имѣетъ нѣкоторое сходство со скелетомъ фазановъ. Позвоночный столбъ состоитъ изъ 14 шейныхъ, 7 спинныхъ и 6 хвостовыхъ позвонковъ; щитокъ грудной кости умѣренно вырѣзанъ по краямъ, гребень очень высокъ, плечевыя и бедренныя кости содержатъ въ себѣ воздушныя полости. У гонко есть зобъ; первый желудокъ—малъ, а настоящій желудокъ состоитъ изъ очень толстыхъ мускуловъ. Наибольшее вниманіе должно обратить на себя дыхательное горло, такъ какъ оно отличается не только своеобразнымъ видомъ, но и необыкновеннымъ направленіемъ, хотя послѣднее бываетъ еще замѣтнѣе у видовъ близко родственнаго семейства. Дыхательное горло выступаетъ на наружной сторонѣ грудной кѣтки, образуетъ здѣсь нѣсколько изворотовъ, а затѣмъ опускается въ глубину грудной полости. У нѣкоторыхъ видовъ оно расширяется и образуетъ полости и раздутія.

У Настоящихъ гонко (Crae. Nokkos. Puccos) клювъ высокій, на верхнемъ краѣ сильно изогнутъ, по сторонамъ сжатъ, лишь въ исключительныхъ случаяхъ на спинкѣ образуетъ острое ребро, у основанія покрытъ восковицей и украшенъ наростами, которые во время спариванья еще сильнѣе разбухаютъ, у одного-же вида они переходятъ въ твердый, очень большой грушевидный желвакъ, у другого вида замѣняются стоячимъ рогомъ, расположеннымъ болѣе къ серединѣ головы. Ноги сильныя, умѣренной высоты и съ довольно длинными пальцами, крылья коротки, седьмое и восьмое маховыя перья въ нихъ самыя длинныя; хвостъ довольно длиненъ и немного закругленъ. Опереніе на темени и затылкѣ удлинняется болѣею частью въ гребнеобразный хохолокъ, который состоитъ изъ узкихъ жесткихъ перьевъ, сначала загнутыхъ слабо назадъ, а на концахъ снова впередъ; на щекахъ, на верхней части шеи и въ области гузки замѣчается мягкое, почти пуховое опереніе; на нижней части шеи и туловищѣ оно твердое и жесткое; уздечка покрыта маленькими кистевидными перьями, область глазъ голая.

Гокко (*Craha alector*. Нокко. Носсо), название которого послужило для обозначения всей группы, имѣеть желтый мясистый наростъ у основанія клюва; все опереніе блестящаго голубовато-чернаго цвѣта, но брюшко, гузка и окончанія хвостовыхъ перьевъ бѣлыя. Глаза каріе, клювъ у основанія блѣднаго воскового желтаго, на остальныхъ-же частяхъ рогового цвѣта. Ноги мясного краснаго цвѣта. Длина около 95, длина крыльевъ 42, длина хвоста — 32 ст. У самки только шея, грудь и спина черныя, животь ржаво-красный, крылья и нижняя часть бедра ржаво-красныя съ желтыми волнистыми полосками.

Всѣ виды гокко населяютъ южную и среднюю Америку, включая и югъ Мексики; гокко распространяется по внутренней Бразиліи отъ Гвианы до Парагвая и встрѣчается тамъ во всѣхъ лѣсахъ. Изъ извѣстныхъ мнѣ сообщеній естествоиспытателей, которые ихъ наблюдали на самомъ мѣстѣ, и изъ опытовъ, которые мы могли сдѣлать надъ пойманными птицами, можно, повидимому, заключить, что образъ жизни обыкновенныхъ гокко сходенъ съ образомъ жизни другихъ видовъ; вслѣдствіе этого мы рѣшаемся дать общее жизнеописаніе ихъ.

Гокко чрезвычайно привязаны къ деревьямъ и покидаютъ лѣсъ лишь на короткое время. Ихъ, правда, часто встрѣчаешь и на землѣ, но которой они, если почва ровная, бѣгаютъ съ чрезвычайной быстротой; обыкновенно-же видишь ихъ на вѣтвяхъ деревьевъ, во время насиванія парами, а то по три, четыре штуки и болѣе. Въ вѣтвяхъ двигаются они медленно, хотя относительно ловко. Полетъ низокъ, производится въ горизонтальномъ направленіи и не продолжителенъ. Всѣ виды поражаютъ своимъ голосомъ, въ которомъ есть всегда что-то своеобразное, но крикъ, смотря по виду птицы, очень разнообразенъ. Нѣкоторые ворчатъ, другіе свистятъ, третьи бормочутъ; одни выкрикиваютъ изъ глубины груди «ху ху ху ху», у иныхъ слышатся звуки, которые можно передать слогами «ракка ракка»; ихъ голоса слышатся чаще всего въ продолженіи спариванья, и въ особенности въ ранніе часы утра, вскорѣ послѣ пробужденія отъ сна, и послѣ того, какъ птицы выйдутъ изъ середины лѣса на прогалины у береговъ рѣкъ. Индѣйцы-же рассказывали Шомбургку, что одинъ видъ (*Craha tomentosa*) всегда начинаетъ кричать, когда созвѣздіе Южнаго Креста достигаетъ своей наибольшей высоты, и Шомбургкъ нашелъ это поразительное сообщеніе вѣрнымъ. Долго онъ недовѣрчиво посмѣивался надъ этимъ рассказомъ, такъ какъ наблюдалъ, что Южный Крестъ достигаетъ своей наибольшей высоты въ четыре часа утра, именно тогда, когда птица и безъ того издаетъ свой глухой, жалобный зовъ. «4-го же апрѣля, начало Креста достигло меридіана въ 11 часовъ 25 минутъ, и въ это самое мгновеніе въ ночной тишинѣ раздался глухой голосъ гокко. Черезъ четверть часа глубокая тишина лежала на нашихъ окрестностяхъ. Такъ какъ мы въ продолженія этого времени никогда не слышали голоса этой птицы, то сообщеніе оказалось въ этомъ случаѣ настолько вѣрнымъ и поразительнымъ, что все сомнѣніе относительно замѣчательнаго явленія у насъ исчезло».

Пища гокко, живущаго на свободѣ, состоитъ преимущественно, и можетъ быть исключительно, изъ плодовъ. Азара, правда, говорить, что онъ питается тѣми же веществами, которыя ѣдятъ и куры, но ясно присовокупляетъ, что они не перевариваютъ зерно маиса, а снова выдѣляютъ ихъ въ своемъ пометѣ. Всѣ остальные наблюдатели, за исключеніемъ Марціуса, также согласны съ тѣмъ, что плоды составляютъ ихъ настоящую пищу. «Въ его желудкѣ», пишетъ принцъ фонъ-Видъ, «я нашелъ вполнѣ и полупереваренные плоды и орѣхи, которые частью были такъ крѣпки, что ихъ нельзя было оцарапать ногтемъ». Шомбургкъ подтверждаетъ это сообщеніе и прибавляетъ, что иногда мясо ихъ, несомнѣнно вслѣдствіе употребленія нѣкоторое время въ пищу преимущественно извѣстнаго растенія, принимаетъ рѣз-

кій запахъ лука, приче́мъ въ то же время и вкусъ его измѣняется и дѣлается болѣе пикантнымъ. «Когда индѣйцы», рассказываетъ онъ, «были заняты чисткою мѣста для того, чтобы повѣсить гамакъ, и срезали лѣсными ножами попадающіеся на пути кустарникъ и вьющіяся растенія, мое обоняніе поразило этотъ запахъ съ такой силой, будто люди работали на луковомъ полѣ. При изслѣдованіи

Гокко. *Ceryle alcyon*. 1/2 наст. вел.

я нашелъ, что онъ принадлежалъ стволу и листьямъ одного вьющагося растенія. Безъ сомнѣнія, въ то время, когда мясо гокко принимаетъ описанный луковый запахъ и вкусъ, птицы эти ѣдятъ плоды, сѣмена и цвѣты этого вьющагося растенія». Батсъ очень опредѣленно указываетъ, что гокко, живущіе въ лѣсахъ по берегамъ Амазонки, никогда не спускаются на землю съ вершинъ высокихъ деревьевъ, приче́мъ говоритъ, что они не только проводятъ большую часть жизни на макушкахъ деревьевъ, но и то, что тамъ они находятъ себѣ и кормъ. Это под-

тврждаетъ кромѣ того опытъ, пріобрѣтенный нами въ зоологическихъ садахъ. По способу отыскиванія пищи гокко и пелелопы отличаются отъ всѣхъ куриныхъ; они не разгребаютъ почвы, а только подбираютъ кормъ съ земли или срываютъ его со стебельковъ, какъ голуби.

Относительно размноженія, къ сожалѣнію, намъ извѣстно до сихъ поръ очень немного, однако все-таки мы знаемъ, что гокко высидиваетъ птенцовъ не на землѣ, а на деревьяхъ. «Они вьютъ свои плоскія гнѣзда», говоритъ Марціусъ, «изъ прутьевъ въ углу вѣтвей не высоко надъ землею и самка кладетъ, судя по нашимъ собственнымъ наблюденіямъ и по увѣреніямъ индѣйцевъ, всегда только два бѣлыхъ яйца, которыя больше и крѣиче нашихъ куриныхъ». Шомбургкъ и Бэтсъ соглашаются съ этимъ. Сообщение принца фонъ Видъ, будто *Мутунгъ* (*Craha sagunculata. Mutung. Носо à aigrette*) кладетъ 4 яйца въ свое гнѣздо, свитое на деревьяхъ изъ палокъ и прутьевъ, достаточно уже опровергнуто; онъ и не настаиваетъ на его непогрѣшимости, такъ какъ прямо замѣчаетъ, что самъ онъ никогда не находилъ такого гнѣзда. Относительно молодости гокко мнѣ неизвѣстно обстоятельныхъ сообщеній, воплѣ достойныхъ довѣрія путешественниковъ, хотя именно это то и имѣло бы наибольшую важность въ рѣшеніи вопроса о мѣстѣ въ системѣ этихъ птицъ.

Такъ какъ мясо гокко по вѣжности похоже на мясо голубя, а по вкусу на мясо индѣйскаго цѣтуха, то въ Южной Америкѣ на нихъ ревностно охотятся, особенно же во время спариванья, впродолженіи котораго эти птицы обнаруживаютъ свое присутствіе звучащимъ на далекое пространство голосомъ. Въ глубинахъ лѣса, далеко отъ жилищъ, они едва ли выказываютъ страхъ передъ людьми. Соинни рассказываетъ, что въ Гвианѣ онъ часто находилъ среди нихъ, причемъ своимъ появленіемъ не обращалъ ихъ въ бѣгство. Ихъ можно было безъ труда захватить и даже убить нѣсколькихъ одного за другимъ, причемъ другіе даже не удалялись. Остающіеся въ живыхъ, конечно, со страхомъ смотрятъ на убитыхъ товарищей, но перелетаютъ лишь съ одного дерева на другое. Около же человѣческихъ жилищъ гокко бываютъ очень осторожны и боязливы; каждый шорохъ пугаетъ ихъ, а появленіе человѣка обращаетъ въ самое поспѣшное бѣгство. Кромѣ мяса убитыхъ птицъ индѣйцы пользуются ихъ толстыми маховыми и хвостовыми перьями, которыя употребляютъ на вѣера, собираютъ потому и такія, которыя находятъ въ лѣсахъ, и сохраняютъ ихъ до употребленія въ засушеныхъ трубкообразныхъ влагалищахъ пальмовыхъ листьевъ. Мѣстами и болѣе мелкія перья употребляются для всевозможнаго рода украшеній.

Пойманные гокко, которыхъ находишь почти на всѣхъ индѣйскихъ поселеніяхъ, выводятся, по словамъ Марціуса, изъ яицъ, взятыхъ изъ лѣсу и высиденныхъ курами, такъ какъ размноженіе пойманныхъ гокко удается лишь при особенно благоприятныхъ условіяхъ. Индѣйцы сообщили Шомбургку, что гокко никогда не размножались въ неволѣ. Бэтсъ, кажется, испыталъ то же самое, такъ какъ замѣчаетъ, что трудно сказать, почему индѣйцы уже давно не сдѣлали этихъ великолѣпныхъ птицъ домашними, хотя онъ приручаются очень легко. «Препятствіе заключается въ томъ, что въ неволѣ онъ не выводитъ цыплятъ. Это, конечно, находится въ связи съ ихъ жизнью на деревьяхъ. Продолжительныя попытки должны-бы были имѣть слѣдствіемъ довольно благоприятные результаты; индѣйцы же не обладаютъ при такихъ попыткахъ ни достаточнымъ терпѣніемъ, ни надлежащимъ умѣньемъ. Ихъ однако нельзя назвать равнодушными къ подобнымъ птицамъ, такъ какъ обыкновенный индѣйскій цѣтухъ, ввезенный въ Южную Америку, имп очень высоко цѣнится». Вышеизложенныя сообщенія путешествен-

яковъ не вполне доказаны, но могутъ послужить къ тому, чтобы охладить рвеніе нѣкоторыхъ птицеводовъ, которые полагаютъ, что гокко разводить нетрудно.

Относительно легкаго прирученія этихъ птицъ все натуралисты и воспитатели животныхъ согласны между собою. Уже Азара рассказываетъ, что на поселеніяхъ гокко живутъ не только какъ домашія животныя, но дѣлаются вполне комнатными птицами. Сонини видѣлъ въ Гвіанѣ стада ручныхъ гокко, бѣгающія по улицамъ и безъ страха свободно двигающіяся между людьми. Они всегда посѣщаютъ дома, гдѣ имъ даютъ ѣду и научаются хорошо узнавать своего хозяина. Для сна они выбираютъ возвышенныя мѣста; поэтому въ той мѣстности они, какъ и павлины, пользуются крышами высокихъ домовъ. Бэтсъ сообщаетъ объ одномъ пойманномъ гокко, который былъ чрезвычайно довѣрчивъ къ своему хозяину и, казалось, считалъ себя членомъ семейства, присутствовалъ при каждой ѣдѣ, бѣгалъ вокругъ стола, переходя отъ одного къ другому, чтобы дать себя покормить, и иногда терся головой о щеку или плечо своего друга. На ночь онъ избиралъ для сна мѣсто около гамака маленькой дѣвочки, которой онъ былъ особенно преданъ и за которой слѣдовалъ во всѣхъ ея прогулкахъ. Такая милая привязанность должна была бы, какъ можно предполагать, сдѣлать гокко общимъ любимцемъ, однако не всякій охотно держитъ его въ неволѣ. Они постоянно скучны и кромѣ того имѣютъ нѣкоторыя дурныя привычки, напримѣръ, они любятъ также проглатывать все блестящее, золотыя пуговицы и тому подобное и портятъ ихъ вслѣдствіе твердыхъ мускуловъ желудка.

Теммингъ замѣчаетъ, что въ Голландіи въ концѣ прошлаго столѣтія разводили гокко, но это разведеніе было неудачно и прекратилось; но онъ вспоминаетъ объ этомъ обстоятельстве лишь изъ времени своей юности и, конечно, могъ ошибиться. Нынче можно болѣе положительно толковать о прирученіи гокко, вслѣдствіе тщательно произведенныхъ опытовъ. Гокко, насколько мы знаемъ, не способны къ размноженію въ прирученномъ состояніи. Само содержаніе ихъ очень трудно. Все они привыкаютъ очень легко къ искусственному корму и въ этомъ отношеніи мало требовательны; но зимою имъ необходимъ теплый хлѣвъ, такъ какъ иначе они самое меньшее отмораживаютъ пальцы, или же околѣваютъ; они вовсе не бываютъ такъ миролюбивы, какъ говорятъ, напротивъ того, сильно ссорятся съ другими птицами ихъ вида или съ курами, слѣдовательно едва ли могутъ содержаться вмѣстѣ съ обыкновенными домашними птицами. При томъ они лишь тогда бываютъ нѣсколько привлекательны, когда имъ предоставлено большое мѣсто для гулянья; въ болѣе же узкомъ пространствѣ они въ высшей степени скучны. Они сидятъ по цѣлымъ часамъ на одномъ мѣстѣ, почти не двигаясь, хотя, если ихъ гнать, они выказываютъ большую подвижность. Ихъ голосъ слышенъ, къ счастью, лишь во время спариванія и, если не это, они были бы вполне невыносимы, потому что не только ворчанье, но и звонкій свистъ, который они издаютъ, не особенно приятны. Когда они свистятъ или ворчатъ, то долгое время сидятъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, втягиваютъ, повидимому, съ усиленным количествомъ воздуха въ легкія и затѣмъ толчками снова выпускаютъ его, причѣмъ и образовывается особенный звукъ. Остается не разъясненнымъ, означаетъ ли ворчанье любовный призывъ или пѣть, потому что о токованьи у нихъ пѣть и рѣчи и, издающій это пѣніе самецъ, ничуть не заботится о самкѣ, а эта послѣдняя—о немъ.

Гокко, за которыми я долгое время ухаживалъ, по цѣлымъ недѣлямъ ворчали, бормотали и свистали, но никогда даже не пытались спариваться. Однако мы получили различныя сообщенія объ удавшемся разведеніи этихъ птицъ и

даже узнали, что самка гокко положила 15 яиц и насиживала их. Но всё подобныя сообщенія невѣрны. Достойнымъ вниманія кажется мнѣ лишь слѣдующее извѣстіе». «У меня было», такъ рассказываетъ Помме, «шесть самокъ гокко и только четыре самца. Эта несоотвѣтственность дала мнѣ то указаніе, что птицы эти живутъ парами. Одинокія самки, правда, все-таки кладутся и ищутъ ласкъ перваго встрѣчнаго самца, но онѣ въ дѣйствительности не спариваются, не устраиваютъ гнѣздъ, а кладутъ яйца куда придется и большею частью вечеромъ, когда уже сѣли на ночлегъ. Тѣ же, у которыхъ есть самцы, кладутъ яйца всегда въ гнѣзда и въ такія, которыя сдѣланы послѣдними, такъ какъ у этихъ птицъ гнѣзда дѣлаетъ самецъ. Я долженъ притомъ замѣтить, что гокко, по крайней мѣрѣ во Франціи, насиживаютъ очень рѣдко; изъ всѣхъ, которыхъ я могъ получить, только одна самка выказывала склонность къ этому. Пять изъ нихъ положили яйца, шестая нѣсколько дней жила съ самцомъ и потомъ отыскивала его, но не клалась. Вновь прибывшія самки оставались въ теченіи перваго года ихъ ввоза холодными и безчувственными, на второй годъ спарились, но онѣ или вовсе не клали яицъ, или клали ихъ безъ скорлупы; на третій годъ явилась скорлупа, однако она была хрупка и несовершенна и только на четвертый годъ исчезъ этотъ недостатокъ. Каждая самка, если не насиживаетъ, кладется только одинъ разъ, и именно въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая. Время насиживанія продолжается отъ 31—32 дней. У меня онѣ клали каждый разъ по два, иногда, но рѣдко, по 3 яйца. Почти всѣ яйца, которыя я получалъ, были оплодотворены, но почти у всѣхъ вполне развитый птенецъ умиралъ въ скорлупѣ, какъ будто ему не доставало силы для вылупленія. Въ нашихъ странахъ это часто случается у домашнихъ птицъ, если мать во время кладки бываетъ не совсѣмъ здорова. Между тѣмъ молодые гокко три раза преодолевали трудности вылупленія, но, хотя они и были вполне сильны, но жили только отъ 3—4 дней. Они ничего не ѣли и, безъ сомнѣнія, околѣли отъ голода. Къ индюшкѣ, которая ихъ высидѣла, выказывали они отвращеніе и держались отъ нея въ отдаленіи. Это наблюденіе навело меня на мысль, что мать, какъ это бываетъ и у голубей, приготовляетъ имъ первую пищу въ зобу, и пища эта въ первые дни необходима гокко. Чтобы мнѣ убѣдиться въ этомъ, я положилъ самкѣ гокко два яйца пенелоны. Она ихъ такъ ревностно насиживала, что черезъ 29 дней разгуливала по саду со своими приемышами. Самецъ не заботился о нихъ, но самка вела себя очень хорошо, и теперь птенцы вполне выросли».

«До разведенія гокко» говоритъ Бодинусъ, «я дошелъ очень горестнымъ образомъ. Долго я замѣчалъ, что сильно кусающійся самецъ жестоко преслѣдовалъ свою самку, и она, чтобы спастись, принуждена была прятаться. Самецъ взлетѣлъ на верхушку сухого дерева, сталъ на самомъ высокомъ суку; здѣсь онъ осматривалъ всю окрестность, издавая своеобразный звучащій свистъ, слетѣлъ черезъ нѣкоторое время внизъ, но всей вѣроятности, чтобы топтать самку, чего я однако не наблюдалъ, потому что она пугалась очень докучливаго приближенія самца въ неподходящее время. Такимъ образомъ я не удивился, когда однажды замѣтилъ, что самка сидѣла въ домикѣ, назначенномъ для китайскихъ утокъ, и только когда я нѣсколько дней подъ-рядъ находилъ животное въ томъ же самомъ положеніи, съ гузкой и хвостомъ наружу ящика, мнѣ пришла на мысль, что птица, забравшись туда, не могла снова вылѣзти. Мнѣ казалось почти невозможнымъ и по крайней мѣрѣ невѣроятнымъ, чтобы домикъ, вполне достаточный для того, чтобы помѣстить въ себѣ насиживающую китайскую утку, могъ быть добровольно избранъ большимъ гокко для той-же цѣли. Въ безпокойствѣ, что животное, забравшись туда, уже околѣло, я влѣзъ по лѣстницѣ до домика, схватилъ птицу, чтобы

вытащить, и когда она не хотѣла или не могла слѣдовать, я обрадовался, что въ надлежащее время поспѣшилъ къ ней на помощь. Вдругъ, при одномъ движеніи я услышалъ трескъ, и—о жалость! лишь теперь понялъ, что она насиживала очень большое яйцо. Моя досада была велика, и хотя на этотъ разъ разведеніе гокко не удалось, все-таки я получилъ важныя указанія для будущаго, которыми я и воспользуюсь. Можетъ быть я достигъ бы и въ это лѣто благоприятныхъ результатовъ, если-бы въ серединѣ іюля не наступила чрезвычайно холодная погода. Скоро послѣ того, какъ самка гокко лишилась своего яйца, самецъ, свистя, снова стоялъ на вершинѣ дерева, и въ одинъ прекрасный день я увидѣлъ, какъ онъ забрался въ одинъ изъ висящихъ на стѣнѣ утиныхъ домиковъ, издавъ совсѣмъ тихій протяжный свистъ и началъ вить гнѣздо изъ находящихся въ домикѣ матерьяловъ; между тѣмъ самка отыскала свой старый, рядомъ висящій домикъ, на моихъ глазахъ влѣзла туда, и я едва могъ вѣрить глазамъ, начала тамъ двигаться съ невыразимой поспѣшностью. Если бы я раньше не видалъ яйца, которое животное въ самомъ дѣлѣ должно было положить въ домикѣ, я никогда не считалъ бы это возможнымъ, такъ-какъ, по моему мнѣнію, птица не могла тамъ повернуться. Теперь мнѣ все стало ясно. Животное во время кладки повернулось головой къ отверстию, иначе яйцо непременно упало бы изъ домика, такъ какъ онъ значительно короче всей птицы. Изъ этого я заключаю, что гокко вьетъ свои гнѣзда не на деревьяхъ, а въ дуплахъ, потому-что онъ довольствуется чрезвычайно маленькимъ гнѣздомъ, не кладетъ большого количества яицъ, какъ видно по нашей самкѣ, которая также положила лишь одно. Я тѣмъ болѣе прихожу къ послѣдному заключенію, что яйцо, соответственно величинѣ животнаго, было безобразно велико, больше самаго огромнаго павлиньяго. Цвѣтомъ оно бѣлое и по виду правильное, округленное, только одинъ конецъ острѣе другого».

«Молодые гокко», замѣчаетъ Аквароне, который утверждаетъ, что тоже получилъ счастливые результаты отъ разведенія этихъ птицъ, «принимаютъ въ первые 14 дней мало пищи и имъ часто надо предлагать кормъ, чтобы побудить къ ѣдѣ. Они неохотно позволяютъ глядѣть на себя во время ѣды, такъ-какъ очень недоувѣрчивы и прячутся или за самку, или пристально глядятъ на зрителя. Когда они хотятъ сѣсть отдыхать, и замѣчаютъ присутствіе челоуѣка, то летятъ къ рѣшеткѣ и не слушаютъ зова самки. Рѣдко молодой гокко забирается подъ крыло матери, но съ первыхъ дней жизни взбирается на деревья. Если въ клѣткѣ нѣтъ приспособленія для того, чтобы онъ могъ сѣсть на возвышенное мѣсто, то онъ всю ночь беспокоенъ и бьется о рѣшетку. Поэтому птенцовъ нужно держать не больше 2—3 дней въ ящикѣ для насиживанья и сажать ихъ скорѣе въ клѣтку, въ метръ ширины, съ настѣтомъ, устроеннымъ на вышинѣ отъ 40—50 см., на которомъ птенцы тогда сидятъ всю ночь, и иногда даже днемъ. Имъ нужно съ самаго перваго дни жизни большое пространство для гулянья, чтобы они могли бѣгать и прыгать. Ихъ пальцы очень нѣжны; если ихъ оставить однимъ или двумя днями дольше въ ящикѣ для насиживанья, то пальцы сгибаются, а если имъ дать жердь для сидѣнія, то пальцы приходятъ въ естественное положеніе. Маленькая клѣтка, въ которой ихъ сначала держатъ, должна открываться на югъ и быть усыпанной мелкимъ пескомъ, потому-что они охотно лежатъ послѣ ѣды на солнцѣ и купаются въ пескѣ. Послѣ 8 дней ихъ можно выпускать вмѣстѣ съ самкой: они остаются около нея и ѣдятъ траву изъ стремленія къ раздраженію. Ихъ нужно только оберегать отъ собакъ и кошекъ, потому-что они такъ робки и такъ трудно привыкаютъ къ этимъ животнымъ, что отъ ужаса легко отдаляются отъ матери и терятся».

«Если ихъ забываютъ посадить въ клѣтку, они садятся, даже если очень малы, по возможности, выше на деревѣ, однако вблизи самки. Эти птицы очень

трудно привыкаютъ брать пищу изъ рукъ и даже черезъ 2—3 мѣсяца дѣлаютъ это съ величайшей осторожностью и съ явнымъ недовѣріемъ. Они никогда не позволяютъ взять себя на руки, какъ цыплята нашихъ куръ. Съ этими послѣдними и съ фазанами они живутъ дружно, и если когда и обижаютъ ихъ, то лишь играя. Къ своей пріемной матери они выказываютъ глубокую привязанность, и когда ихъ отдѣлять, летятъ черезъ стѣну, чтобы посѣтить ее. Они нечувствительны къ холоду, немного лишь къ сильному вѣтру, но очень чувствительны къ сырости, а болѣе всего къ снѣгу. Цѣлый день они бѣгаютъ по саду и даже, если погода холодная и сухая, къ вечеру не ищутъ крова, между тѣмъ, какъ въ сырую и вѣтренную погоду, часто цѣлый день сидятъ въ клѣткѣ и вечеромъ рано удаляются. Въ такіе дни они не слѣдуютъ за курицей, которую въ свѣтлую погоду не отпус- каютъ отъ себя ни на шагъ. Они получаютъ ту же пищу, какъ молодые фазаны: въ первые дни—яйца вкрутую, смѣшанныя съ салатомъ и хлѣбнымъ мякишемъ, позднѣе смѣсь конопля, риса, ячменя, рапса или другихъ сѣмянъ. Муравьиныя яйца для нихъ лакомство; но оно имъ не необходимо. Черезъ 4—5 дней они ѣдятъ всевозможныхъ маленькихъ животныхъ, кузнечиковъ, комаровъ, муравьевъ, мучныхъ червей, мучныхъ хрущей, преимущественно крѣпкихъ; такъ, они предпо- читаютъ желтыхъ мучныхъ червей бѣлымъ, на дождевыхъ червей они едва обра- щаютъ вниманіе. Четырнадцать дней спустя они ѣдятъ всѣхъ животныхъ, даже дождевыхъ червей, но послѣднихъ лишь въ то время, когда птицамъ исполнится мѣсяцъ, и когда онѣ сами ихъ отыщутъ. Въ позднѣйшемъ же возрастѣ они съ большой охотой подбираютъ этихъ животныхъ. Они любятъ также хлѣбъ, намоченный въ молокѣ, только если онъ не особенно размякъ; имъ нравятся остатки краббовъ и ра- ковъ, и эта пища имъ очень полезна. Они пожираютъ маленькихъ улитокъ, но предварительно разламываютъ ихъ раковину, между тѣмъ какъ утки и фазаны про- глатываютъ ихъ цѣликомъ. Въ первые 2—3 мѣсяца птенцы растутъ незамѣтно, но черезъ мѣсяцъ развиваются очень быстро. Послѣ перваго линянья, опереніе болѣе не мѣняется. Глаза у обоихъ половъ бываютъ готчасъ послѣ рожденія каштаново- бурными; эта окраска у самки остается, между тѣмъ, какъ у самца становится тем- нѣе, черезъ мѣсяцъ дѣлается бурюю, черезъ 4 мѣсяца темно-бурюю, а когда онъ вы- рстаетъ, почти чернаго цвѣта».

* * *

Пенелопы (*Penelope Schakuhühner*. Guans) отличаются отъ гокко вытянутымъ тѣломъ, стройнымъ низкимъ клювомъ, у основанія покрытымъ восковицею, низ- кими ногами, относительно длиннымъ, сильно закругленнымъ хвостомъ, голымъ мѣстомъ вокругъ глазъ, почти голымъ, т. е. рѣдко покрытымъ короткими щетинами или длинными волосяными перьями горломъ и свойствомъ оперенія, которое на головѣ также удлиняется въ хохолокъ, но никогда не въ хохловидный гребешекъ. Цвѣтъ оперенія въ томъ отношеніи однообразенъ, что на верхней части пре- обладаетъ тусклый металлическій зеленый, бурый и т. д., а на нижней сторонѣ, особенно на груди, многія перья окаймлены свѣтлымъ.

Скелеть пенелопъ похожъ на скелеть гокко. Между мягкими частями дыха- тельное горло, хотя не у всѣхъ, но все-таки у многихъ видовъ и преимуще- ственно у самцовъ, имѣетъ своеобразное строеніе. Когда дыхательное горло выхо- дитъ изъ шеи, то направляется на лѣвую сторону зоба, затѣмъ выступаетъ на- ружу, проходитъ надъ передней частью лѣвой ключицы, между обѣими вѣтвями дужки, затѣмъ направляется вдоль по гребню грудной кости, потомъ загибается, идетъ опять между вѣтвями дужки, обходитъ вокругъ лѣвой ключицы, и лишь тогда вступаетъ въ грудную полость. Къ груднымъ мускуламъ дыхательное горло

прикреплено клетчаткой; на верхнихъ концахъ изгибовъ находится толстый мускуль, который обхватываетъ нѣсколько колець дыхательнаго горла; этотъ мускуль подымается къ гребню грудной кости и на верхнемъ концѣ этой кости дѣлится на два пучка, которые соединены съ гребнемъ соединительною тканью, но съ брюшными мускулами не соединяются.

Шанупемба (*Penelope superciliaris, jacupemba. Schakupemba. Guan bronzé*) отличается относительно большой величиной, хвостомъ средней длины, на концѣ сильно суженными передними маховыми перьями, мягкимъ оперениемъ и головнымъ хохолкомъ средней длины; лобъ, стороны головы и горло—голые. Оперение на верхней части головы, затылкѣ, шеѣ и груди шиферно-черное съ сѣрымъ налетомъ. Каждое перо съ бѣловатой каймой; на спинѣ, крыльяхъ и хвостѣ перья металлически-зеленаго цвѣта, съ бѣло-сѣрыми и ржаво-красно-желтыми каймами; на животѣ и гузкѣ ржаво-желто-красныя съ бурыми поперечными волнами или окаймлены бурнымъ и ржаво-желто-краснымъ; у маховыхъ перьевъ тонкія сѣро-желтый край; бѣловато-бурая полоса проходитъ надъ глазами. Глаза каріе, окружающее ихъ голое мѣсто черное, голое горло темно-краснаго мяснаго цвѣта; клювъ сѣро-бурого рогового, ноги мяснаго сѣровато-бурого цвѣта. Длина 62 см., длина крыльевъ 26, длина хвоста 27 см. Самка отличается менѣе ясными бурыми полосками и полинялыми краями перьевъ, молодыя птицы — сѣро-бурой окраской, ржаво-красно-желтой глазной полосой и болѣе тонкимъ, волнистымъ рисункомъ на груди, гузкѣ и бедрахъ.

Средняя и Южная Америка отъ южнаго Техаса до Парагвая и Чили составляетъ родину пенелопъ, а лѣса изъ высокихъ деревьевъ — ихъ мѣстопробываніе. Отдѣльные виды живутъ обыкновенно около другихъ, иногда же и вмѣстѣ съ другими. одни на берегу, другіе въ гористыхъ мѣстностяхъ, иные также въ высокихъ горахъ, поднимающихся до 2000 м. надъ поверхностью моря. Шанупембы населяютъ лѣса восточнаго берега Бразиліи. Всѣ наиболѣе крупныя виды держатся отдѣльно, болѣе мелкіе обыкновенно вмѣстѣ и большими стаями, которыя возрастаютъ до 100 штукъ и болѣе. Такимъ обществомъ предводительствуетъ тогда самецъ, а вся стая слушается его. А. Гумбольдтъ видѣлъ на рѣкѣ Магдалинѣ стаю, состоящую по крайней мѣрѣ изъ 60—80 штукъ и сидящую на одномъ сухомъ деревѣ. Обыкновенно пенелопы прячутся въ густыхъ древесныхъ вершинахъ, осторожно наблюдаютъ за всѣмъ, что вокругъ нихъ происходитъ, и поэтому не всегда допускаютъ безпрепятственно наблюдать ихъ или ловить. Принцъ фонъ Видъ и Бурмейстеръ согласны между собою въ томъ, что эти птицы не поднимаются высоко на деревьяхъ и чаще сидятъ въ густомъ кустарникѣ низменнаго лѣса. Здѣсь онѣ двигаются довольно проворно, между тѣмъ, какъ онѣ летаютъ лишь посредственно, а бѣгаютъ по землѣ не особенно хорошо. Гумбольдтъ разсказываетъ, что одна стая собралась недалеко отъ его ночной стоянки, чтобы напиться въ ближайшей рѣкѣ. Когда птицы утолили свою жажду, онѣ попробовали взобраться на крутой берегъ, но это было для нихъ настолько трудно, что путешественники могли гнать ихъ, какъ овецъ, передъ собой. Шомбургкъ, напротивъ того, сообщаетъ, что когда пенелопы находятся на вершинахъ деревьевъ, и тамъ замѣчаютъ преслѣдованіе, то съ неимоверной быстротой перепархиваютъ съ сучка на сучекъ и свѣшать въ густую листву маковокъ, чтобы спрятаться тамъ или дальне перелетать съ вершины на вершину. Относительно обращенія птицъ одной стаи другъ съ другомъ, я не нахожу указаній въ извѣстныхъ сочи-

неніяхъ путешественниковъ; надъ пойманными же я наблюдалъ, что онѣ живутъ въ самой тѣсной дружбѣ и не думаютъ воевать по примѣру фазановъ.

Особенному строенію дыхательнаго горла соотвѣтствуетъ необычайный голосъ, о которомъ рассказываютъ всѣ путешественники. Шакумемба своимъ крикомъ раньше всѣхъ другихъ птицъ возвѣщаетъ о наступленіи дня; ихъ можно также довольно часто слышать и поздно вечеромъ. Крикъ звучитъ неприятно и не можетъ быть хорошо переданъ слогами, только можно сказать, что названія «Шаку», «Гуанъ», «Парраква», «Апети» и «Абурри» недурно подобраны для того, чтобы передать созвучіе голоса. Овентъ рассказываетъ, что нѣкоторые виды почти оглушаютъ путешественника своимъ крикомъ. Одна изъ птицъ стаи начинаетъ кричать нѣсколькими чирикающими звуками, другія мало по малу пристають къ ней; шумъ увеличивается все болѣе до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не достигнетъ невыносимой для человѣческаго уха силы, затѣмъ онъ снова уменьшается и, наконецъ, совсѣмъ прекращается, хотя и на короткое время. Голосъ шакумембы хриплый и короткій, но часто повторяемый. Пойманныя иногда кричатъ, безъ перерыва, около пяти минутъ, отвратительнымъ равномѣрнымъ образомъ, потому что вѣчно издають лишь два различныхъ звука, которые можно передать какъ слогами «гуанъ», такъ и «шаку». Оба слога раздаются силло и беззвучно и слышны лишь на близкомъ разстояніи. Такъ называемый парагвайскій фазанъ наполняетъ лѣсъ своимъ однообразнымъ крикомъ, который Гумбольдтъ старался передать слогами «катакрас катакрас». Родственные виды издають подобныя и одинаково неприятныя звуки.

Пища состоитъ преимущественно изъ древесныхъ плодовъ и ягодъ. Принцъ фонъ-Видъ находилъ въ желудкахъ убитыхъ имъ всегда также остатки насекомыхъ.

Относительно размноженія существуетъ много сообщеній, но подробнаго мы еще ничего не знаемъ. Всѣ пелелопы вьютъ свои гнѣзда въ вѣтвяхъ деревьевъ и лишь въ исключительныхъ случаяхъ на землѣ. Гнѣздо состоитъ изъ сухихъ или же покрытыхъ листьями вѣтвей и довольно неплотно построено. Кладка состоитъ изъ 2—3, а иногда 4—6 большихъ бѣлыхъ яицъ. Насиживаетъ ли самка одна или ей помогаетъ самецъ, еще не опредѣлено; наблюдатели и между ними Байонъ сообщаютъ лишь, что мать водить своихъ птенцовъ, а нѣкоторое время кормить ихъ въ гнѣздѣ. Какъ только они освободятся отъ скорлупы, то лазають по вѣтвямъ кустарника, мало по малу спускаются на землю и здѣсь слѣдуютъ за своей матерью, какъ цыплята за курицей. Позднѣе самка водить ихъ по утрамъ на лѣсныя прогалины, гдѣ растетъ молодая трава, но какъ только солнце начинаетъ сильнѣе грѣть, весь выводокъ возвращается въ лѣсъ. Нѣкоторые виды выползають изъ гнѣздъ лишь черезъ 10—12 дней. Птенцы покидаютъ мать, когда научаются летать, и тогда она, можетъ быть, насиживаетъ еще разъ.

Пелелопы, вынутыя молодыми изъ гнѣздъ, скоро дѣлаются ручными и безъ особеннаго труда приучаются къ извѣстной мѣстности. Тамъ, гдѣ ихъ воспитываютъ, онѣ бродятъ, какъ домашнія куры, а часто приходятъ черезъ продолжительное время снова обратно, потому рѣдко пропадаютъ изъ индѣйскихъ поселеній. Онѣ всюду принадлежать къ любимымъ домашнимъ птицамъ, такъ какъ менѣе всего доставляютъ безпокойства. Только въ одномъ отношеніи онѣ непослушны: ихъ трудно приучить почевать въ хлѣвахъ или вообще въ закрытыхъ помѣщеніяхъ; онѣ предпочитаютъ проводить ночь на крышахъ или на сосѣднихъ деревьяхъ. Если ими заниматься, то, какъ сообщаетъ Сонини и какъ я самъ испыталъ, ихъ можно сдѣлать вполне компаньями. Онѣ любятъ, когда ихъ ласкають, позволяютъ близко къ себѣ подходить, ихъ можно сажать на руку, а другою нѣжно гладить по спинѣ; онѣ требуютъ даже ласкъ и выражаютъ радость, если ихъ желаніе испол-

няютъ. Несмотря на эти милыя свойства, онѣ едва ли годятся для разведенія, такъ какъ въ неволѣ онѣ лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ кладутъ яйца, почему, насколько мнѣ извѣстно, въ клѣткахъ еще нигдѣ не размножались. Кромѣ того онѣ, такъ-же, какъ и гокко, не уживаются въ нашемъ климатѣ, тяжело переносятъ его суровость и часто околѣваютъ.

Мясо многихъ пенелопъ превосходно. Въ извѣстныхъ мѣстностяхъ вслѣдствіе этого нѣкоторые виды вполне истреблены, другіе же очень уменьшились въ числѣ. Продолжительное преслѣдованіе дѣлаетъ стаи очень пугливыми. Шомбургкъ рассказываетъ, что виды, живущіе въ Гвіанѣ, въ высшей степени осторожны и къ нимъ можно подкрасться лишь во время ѣды. Если индѣйскому охотнику удастся близко подойти къ стаѣ, то обыкновенно онъ причиняетъ въ ней жестокаго опустошенія, такъ какъ можетъ застрѣлить изъ сарбаканы отъ 3—4 штукъ раньше, чѣмъ остальные замѣтятъ это и обратятся въ бѣгство. Птица, убитая безвучной стрѣлой, падаетъ съ дерева, не прерывая занятія остальныхъ; онѣ только слѣдятъ, длинно вытянувъ шею, за исчезающимъ товарищемъ и испуганно смотрятъ по сторонамъ, отыскивая причину. Тотъ же самый натуралистъ сообщаетъ, впрочемъ, еще, что мясо старыхъ пенелопъ лишь тогда бываетъ удобоваримо и мягко, когда птицу убиваютъ ядомъ урари, потому что онъ, говорятъ, дѣлаетъ жесткое мясо болѣе нѣжнымъ.

Большеногими курами называютъ куриныхъ, живущихъ въ Полинезіи и въ особености въ Австраліи и отличающихся способомъ насиживанія не только отъ всѣхъ родичей, но и отъ всѣхъ птицъ вообще. Всѣ большеногія куры кладутъ свои необыкновенно большія яйца въ гнѣздовый холмикъ, сграбленный изъ земли и листьевъ, въ которомъ производятъ, посредствомъ гніенія растительныхъ веществъ, такую высокую температуру, что яйцо достигаетъ развитія. Изъ него вылупляется птенецъ, вполне оперившійся и настолько самостоятельный, что способенъ прокормить себя безъ помощи матери. По своему строенію **Большеногія куры** (*Megapodiidae*. Wallnister. *Megapodes*), изъ которыхъ намъ извѣстны 28 видовъ, родственны фазанамъ, между тѣмъ какъ онѣ, и, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ, по движенію и способу летать, напоминаютъ водяныхъ пастушковъ (*Rallus*). Онѣ средняго роста и особенно отличаются высокими, длиннопальными, вооруженными большими когтями, слѣдовательно, во всѣхъ отношеніяхъ развитыми ногами. Ихъ скелетъ лишь въ мелочахъ уклоняется отъ скелета прочихъ куриныхъ, и именно поражаетъ ширина таза, которая, повидимому, находится въ связи съ необыкновеннымъ объемомъ яицъ. Незначительное количество мозга, а также ихъ удивительное насиживаніе указываетъ на ихъ низкую степень развитія.

* * *

Большеноги (*Megapodius Grosfussshühner*) въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова имѣютъ нѣкоторое сходство съ водяными пастушками. Тѣло ихъ стройно, шея средней длины, голова велика, клювъ большею частью короче головы, прямой, передъ концомъ выпуклый, крылья широко округлены, въ нихъ третье и пятое маховыя перья одинаковы и самыя длинныя; хвостъ, состоящій изъ десяти перьевъ, коротокъ и закругленъ, плюсны очень толсты и еще немного больше длиннаго, сильнаго, средняго пальца, который, какъ и всѣ остальные, вооруженъ толстыми, длинными, но мало загнутыми когтями. Опереніе обильное, на затылкѣ удлинняется, окружность же глазъ, горла и шеи, а также и большая часть головы остаются совсѣмъ голыми.

«Здѣсь, на Филиппинскихъ островахъ,» сообщаетъ Пигафетта уже въ 1520 г.,

«находятъ черныхъ птицъ, величиною съ курицу, которыя кладутъ вкусныя яйца значительной величины. Намъ сказали, что самка кладетъ эти яйца въ песокъ, и что солнечная теплота достаточна для вылупленія птенцовъ». Каррери дополняетъ это первое сообщеніе, но рассматриваетъ наблюдаемую имъ и Пигафеттою большеногую курицу, какъ морскую птицу. Онъ рассказываетъ, что ея яйца, по величинѣ равняющіяся гусинымъ, кладутся въ песчаныхъ мѣстностяхъ въ выграбленную ямку и покрываются пескомъ. Это происходитъ въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ, въ то время, когда море наиболѣе покойно, волны не поднимаются на берегъ и не топятъ яицъ. Матросы съ жадностью разыскиваютъ гнѣзда на берегу моря и знаютъ, что тамъ, гдѣ земля взрыта, спрятаны яйца.

Большегогъ (*Megapodius tumulus* и *dupereyi*. Grossfussshuhn. *Megapode tumulus*) почти такой-же величины, какъ и самка фазана. Перья головы темно-красно-бурыя, на спинѣ и крыльяхъ коричнево-бурыя; верхнія и нижкія покровныя перья хвоста темно-каштаново-бурыя. Маховыя хвостовыя перья черновато-бурыя, задняя часть шеи и вся нижняя сторона сѣрыя. Глаза свѣтлыя, красновато-бурыя, клювъ немного темнѣе, ноги яркаго оранжеваго цвѣта.

Жильбертъ и Макъ Джилливрей познакомили насъ съ образомъ жизни этихъ птицъ. «При прибытіи моемъ въ портъ Эссингтонъ», такъ сообщаетъ Гульдъ первый изъ вышеназванныхъ натуралистовъ, «мое вниманіе привлекли на себя многія очень большія земляныя возвышенія. Мнѣ сказали, что это могилы туземцевъ; послѣдніе же, напротивъ того, увѣрили меня, что это большеногъ соорудилъ ихъ для высихиванія своихъ яицъ. Но это показаніе звучало такъ странно и, повидимому, такъ противорѣчило привычкамъ остальныхъ птицъ, что никто изъ поселенцевъ не вѣрилъ въ правдивость его, хотя никто также не выказывалъ настолько интереса, чтобы провѣрить это сообщеніе. Ктому же сомнѣнія увеличивались, вслѣдствіе величины яицъ, которыя туземцы принесли и выдавали за яйца большеноговъ. Такъ какъ я все-таки зналъ, что яйца другого вида большеноговъ высихиваются подобнымъ-же образомъ, то рѣшился сдѣлать все возможное, чтобы выяснитъ этотъ вопросъ. Заручившись помощью смышленнаго туземца, я отправился 16-го ноября на бухту Крокера, мало извѣстную часть порта Эссингтона, которая была населена этими птицами». Жильбертъ рассказываетъ затѣмъ, какъ онъ нашелъ въ чащѣ различныя кучи, изслѣдовалъ ихъ и дошелъ до того убѣжденія, что туземцы говорили правду.

Немного позже Макъ Джилливрей наблюдалъ большенога на островѣ Ного въ проливѣ Эндеавуръ. Въ продолженіи своего долгаго пребыванія онъ былъ настолько счастливъ, что убилъ самца и самку и нашелъ нѣсколько холмиковъ съ яйцами. «Большегоги очень пугливы», говоритъ онъ, «и ихъ трудно убить. Они населяютъ кустарникъ, покрывающій берега бухты и вообще береговую полосу; я, по крайней мѣрѣ, никогда не находилъ насыпей дальше 100 м. отъ берега моря. Когда большеногъ вснугнуть, то рѣдко сразу поднимается, чаще пробѣгаетъ нѣкоторое пространство по землѣ и лишь затѣмъ взлетаетъ. Его полетъ тяжелъ, но не сопровождается шумомъ, который замѣчается при полетѣ настоящихъ куръ. Эта птица рѣдко сразу пролетаетъ далекое пространство; она чаще садится по возможности скорѣе на дерево, сидитъ тамъ съжившись съ вытянутой шеей, наблюдая за каждымъ движеніемъ своего преслѣдователя, и летитъ дальше, когда охотникъ можетъ подойти къ нимъ на разстояніе выстрѣла. Чтобы показать, насколько эта птица боязлива, я расскажу, что общество охотниковъ, состоящее изъ трехъ человекъ, разбрелось по маленькой чащѣ на Ного, съ намѣреніемъ застрѣлить большенога,

но имъ не удалось убить ни одной птицы, несмотря на то, что они вспугивали многихъ изъ нихъ. Въ портѣ Эссингтонъ я убилъ одного въ манглевыхъ кустарникахъ, корни которыхъ во время прилива омываются волнами, а капитанъ Блэквудъ убилъ другого, когда тотъ бѣжалъ по илу. Въ обоихъ случаяхъ птицы находились вблизи своихъ холмовъ». Жильбертъ утверждаетъ также, что болышеногъ живетъ исключительно въ самыхъ густосплетенныхъ чащахъ на берегу моря и не углубляется далеко въ лѣсъ. Онъ живетъ парами или одиноко, пищу находитъ на землѣ. Она состоитъ изъ кореньевъ, которые онъ безъ труда выгребаетъ съ помощью своихъ сильныхъ когтей, а также изъ сѣмянъ и насѣкомыхъ, особенно изъ большихъ жуковъ. Голосъ звучитъ, какъ кудахтанье домашнихъ куръ, и оканчивается крикомъ, который напоминаетъ зовъ павлина.

Гнѣздовые холмы очень разнообразны по виду и величинѣ, а также по составнымъ частямъ. Большая часть изъ нихъ расположена близъ воды и состоитъ изъ песка и раковинъ. Нѣкоторыя заключаютъ въ себѣ илъ и перегнившее дерево. Гнѣздовые холмы болышенога въ Новой Гвинее состоятъ, по Гааке, исключительно изъ листы. Жильбертъ нашелъ одинъ, который былъ высотой почти въ 5 м., а въ окружности около 27 м.; другой покрывалъ пространство, окружность котораго равнялась около 50 м. Макъ Джилливрей говоритъ о такихъ же большихъ и высокихъ гнѣздовыхъ холмахъ. Воплѣ вѣроятно, что самыя значительныя изъ нихъ представляютъ изъ себя произведеніе нѣсколькихъ поколѣній; ими ежегодно пользуются и ихъ увеличиваютъ. Въ то время, когда устраиваются эти гнѣздовья, въ Новой Гвинее по рѣкамъ Флей и Стрикландъ, по наблюденіямъ Гааке, земля въ лѣсу на большое пространство очищена отъ сухихъ листьевъ. Собственно гнѣздовое углубленіе начинается или на наружномъ краѣ вершины и спускается косо внизъ къ середиямъ или на самой вершинѣ и идетъ тогда по наружному склону. Яйца лежатъ на 2 м. вглубь отъ вершины и на 60 — 90 см. отъ боковъ. Туземцы рассказывали Жильберту, что птицы кладутъ въ углубленіе лишь одно яйцо и, когда оно туда опущено, наполняютъ углубленіе землей, округляютъ и заглаживаютъ верхнее отверстіе. По свѣжимъ слѣдамъ сверху и по сторонамъ холма легко можно узнать, что болышеногъ недавно выкопалъ углубленіе. Земли, которая покрываетъ это послѣднее, бываетъ тогда настолько рыхла, что ее можно провертѣть тонкимъ прутомъ, и такимъ образомъ изслѣдовать величину углубленія. Чѣмъ легче пруть всовывается, тѣмъ меньше времени прошло отъ кладки яйца. Требуется известное упражненіе, а, главное, большая выдержка, чтобы самому добывать яйца. Туземцы разгребаютъ рукою и вырываютъ лишь столько песку, сколько безусловно необходимо, чтобы вмѣстить ихъ тѣло и имѣть возможность выкидывать вещества между ногами. Ихъ терпѣніе однако подвергается часто жестокому испытанію, такъ какъ они роютъ иногда до 2 м. глубины, не находя яицъ, между тѣмъ какъ ихъ ужасно мучитъ жара и миллионы кусающихся мухъ и мошекъ. Яйца стоятъ всегда отвѣсно, толстымъ концомъ наверхъ. По величинѣ они довольно различны, по виду же походятъ другъ на друга. Длина равняется 9 см., а ширина 6 см. Окраска измѣняется смотря по свойствамъ веществъ, которыя ихъ окружаютъ: тѣ, которыя лежатъ въ черной землѣ, бываютъ правильнаго, темнаго, красноватобураго цвѣта, а положенныя въ песчаный холмъ—грязно-желтовато-бѣлаго. Лишь кожица, тонко покрывающая яйцо, бываетъ окрашена; если же ее сорвать, то находишь, что настоящая скорлупа имѣетъ бѣлый цвѣтъ. По утврѣнію туземцевъ, яйца кладутся ночью и съ промежутками въ нѣсколько дней.

Вывлеченіе итенцовъ не наблюдали ни Жильбертъ, ни Макъ Джилливрей; но первый нашелъ въ ямѣ, глубиною въ 60 см., молодую птичку, которая лежала на

сухихъ листьяхъ и была не старше нѣсколькихъ дней. Жильбертъ приложилъ все старанье, чтобы ее вытащить оттуда, посадилъ въ довольно большой ящикъ, частью наполненный пескомъ. Птица шла безъ особенныхъ усилій раздавленнаго сѣмена, вслѣдствіе чего ея воспитатель ласкалъ себя самыми лучшими надеждами. Однако птица была такъ дика и необуздана, что не хотѣла выносить неволи, и ее принуждены были выпустить. Пока она сидѣла въ ящикѣ, то безостановочно сгребала песокъ въ кучу, кидая его изъ одного угла ящика въ другой. Это происходило съ поразительной быстротой и несоответственно большой силой, такъ какъ маленькое созданіе было величиной съ перепелку. Для разгребанія песка птенецъ употреблялъ лишь одну ногу; онъ схватывалъ ею известное количество песка и бросалъ его безъ видимаго усилія назадъ. Это стремленіе къ рытью, повидимому, основывается на природной безпокойности характера и выражаетъ скорѣе потребность дать занятіе сильнымъ ногамъ, чѣмъ имѣетъ связь съ отыскиваніемъ корма. Ночью птенецъ былъ такъ безпокоенъ и такъ старался улетѣть, что его воспитатель не могъ спать отъ производимаго имъ шума.

Я не знаю, держали-ли взрослыхъ большеноговъ въ неволѣ и наблюдали-ли ихъ болѣе продолжительное время, а также нигдѣ не слыхалъ и не читалъ, чтобы одна изъ этихъ замѣчательныхъ птицъ прибыла живою въ Европу.

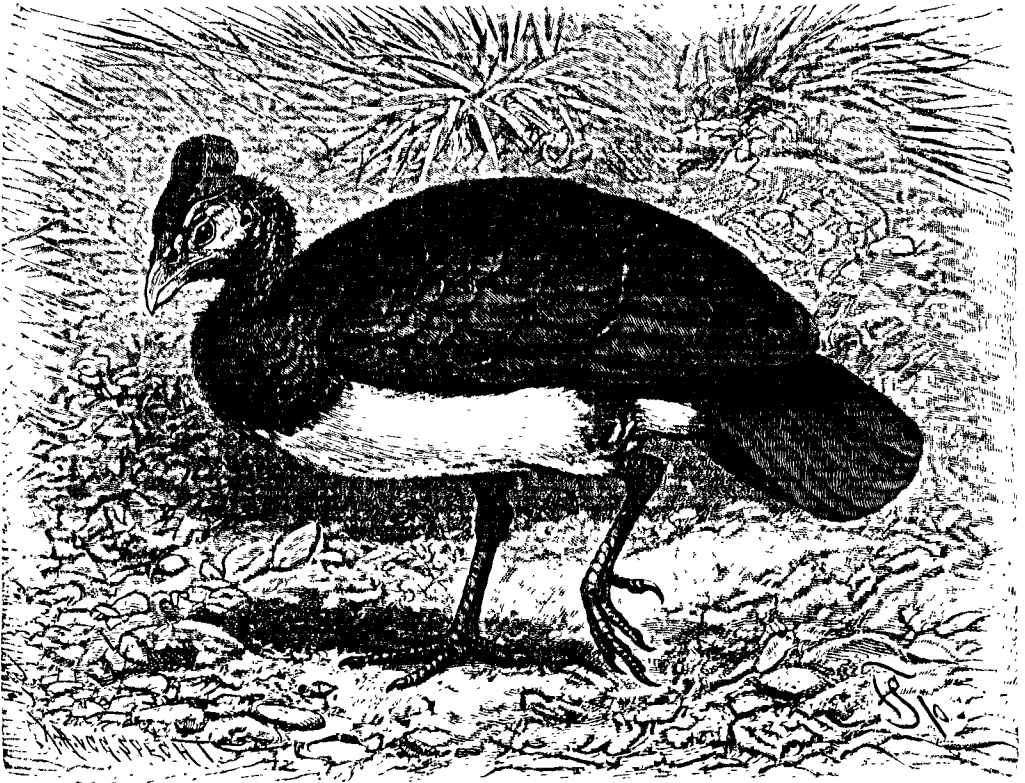
* *
*

Второй видъ семейства, **Молотковый большеногъ** (*Catheturus rubripes*, *Megacerhalon rubripes* и *maleo*. *Hammerhuhn*. *Megapode à marteau*) особенно отличается твердымъ кругловатымъ горбомъ, который начинается надъ ноздрями, покрываетъ весь лобъ и выступаетъ даже надъ затылкомъ. Толстый клювъ на спинкѣ имѣетъ ребро, въ расщепѣ нижней челюсти почти прямой и умѣренной длины; крылья вогнуты въ видѣ раковины, въ нихъ третье маховое перо самое длинное; хвостъ, состоящій изъ 18 перьевъ, закругленъ, ноги толсты и съ соответственно короткими пальцами. Опереніе верхней части и довольно широкая шейная или грудная полоса, область гузки и паха черно-бурые, грудь и животъ блѣдно-розово-красные. Глаза желтые, голая часть головы бѣловатая, горбъ голубой, клювъ и передняя часть ногъ рогового цвѣта. Длина 60, длина крыльевъ 29, длина хвоста 21 см.

Жизнь этой поразительной птицы на свободѣ, насколько мнѣ извѣстно, наблюдали лишь Уэллсъ и Розенбергъ. «Молотковый большеногъ», говоритъ первый, «насколько мнѣ извѣстно по сѣверному полуострову Целебеса, а здѣсь по прибрежной его части, особенно часто встрѣчается въ дѣсахъ, окружающихъ Калабитскія горы, и питается исключительно опавшими плодами». Что касается до его родины, Розенбергъ соглашается съ Уэллсомъ, но даетъ болѣе полныя указанія. Мѣстопробываніе молотковаго большенога очень ограничено и простирается лишь по береговой полосѣ и нѣкоторымъ островкамъ. Между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ встрѣчается въ большомъ количествѣ, въ другихъ его совершенно напрасно искать. Главное требованіе для пребыванія птицы заключается, повидимому, въ томъ, чтобы земля была покрыта низкимъ кустарникомъ, такъ какъ птица преимущественно живетъ на землѣ и ищетъ тамъ себѣ пищу, которая состоитъ изъ всевозможныхъ маленькихъ животныхъ и плодовъ: въ желудкахъ всѣхъ убитыхъ находили земляныхъ улитокъ, насѣкомыхъ и плоды, смѣшанные съ иломъ и камешками. «Въ августѣ и сентябрѣ, время, когда здѣсь меньше всего или совсѣмъ не идетъ дождя», сообщаетъ далѣе Уэллсъ, «молотковые большеноги идутъ къ морскому берегу, чтобы положить яйца. Съ этимъ намѣреніемъ они выбираютъ извѣстныя бухты, которыя возможно дальше отстоятъ отъ людскихъ жилищъ. Если

эти мѣста оказываются удобными, то служатъ для гнѣздованія всѣмъ птицамъ съ большого пространства вокругъ. Ихъ встрѣчаютъ тамъ дюжинами и сотнями. Я посѣтилъ самую извѣстную изъ этихъ бухтъ, но, къ сожалѣнiю, въ слишкомъ позднее время года, вслѣдствiе чего видѣлъ ихъ не въ такомъ большомъ количествѣ, какъ это бываетъ въ другое время; несмотря на то, я нашелъ случай собрать важныя наблюденiя.

«Это мѣсто состоитъ изъ крутой береговой полосы, длинной приблизительно въ англiйскую милю, и на очень глубокое пространство покрыто рыхлымъ вулканическимъ пескомъ и гравiемъ, по которому очень трудно ходить. По объѣмъ сто-

Молотковый божьеногъ. *Cathetus rubripes*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

ропамъ оно ограничено маленькими рѣчками, а сзади лѣсомъ. Тотчасъ за чертой прилива видно нѣкоторое количество углубленiй въ 1—1,5 м. въ поперечникѣ и въ нихъ, или вокругъ нихъ, на глубинѣ отъ 30—60 см., находятъ яйца нашихъ божьеноговъ, обыкновенно лишь по 1—2, иногда также по 5 или 7 въ одномъ углубленiи и всегда на разстоянiи отъ 15—20 см. другъ отъ друга. Птицы парами прилетаютъ изъ-за 10 и 15 англiйскихъ миль къ морскому берегу, выбираютъ себѣ или новое мѣсто, или старое углубленiе и попеременно сгребаютъ песокъ до тѣхъ поръ, пока не получаютъ достаточное его количество. Затѣмъ самка кладетъ яйцо, покрываетъ его пескомъ и пара возвращается обратно въ лѣсъ. Птицы, какъ увѣрилъ одинъ туземецъ, черезъ 13 дней снова прилетаютъ на морской берегъ, чтобы положить второе яйцо. Это сообщенiе, повидимому, основывается на наблюденiи, весьма вѣроятно на наблюденiи надъ искалѣченной или какъ-ни-

будь иначе замѣченной птицей, и я думаю, что оно отчасти согласуется съ дѣйствительностью, такъ какъ у всѣхъ самокъ, которыхъ я убилъ раньше, чѣмъ онѣ положили яйца, послѣднее такъ наполняло брюшную полость, что должно было препятствовать дѣятельности кишекъ. Яичникъ между тѣмъ заключалъ въ себѣ еще 8 или 10 яичекъ, величиною въ маленькій бобъ, изъ которыхъ самое большое до своего полного развитія требуетъ приблизительно вышеупомянутаго времени. Окраска яицъ блѣдная буро-красная; длина 12, ширина 6 см. Вполнѣ свѣжія яйца составляютъ чрезвычайно вкусное блюдо; вслѣдствіе этого туземцы приходятъ болѣе, чѣмъ за 50 миль, чтобы ихъ отыскивать. Послѣ кладки родители болѣе не заботятся объ яйцахъ и птенцы выкарабкиваются, вылупившись изъ яйца, безъ посторонней помощи изъ песка и бѣгутъ въ лѣсъ».

Розенбергъ особенно часто находилъ этихъ птицъ на маленькомъ островѣ рѣки Бона, который считается собственностью мѣстнаго раджи и охраняется особенно приставленными слугами; во время насиживанія птицъ здѣсь собираютъ яйца. Эти въ высшей степени вкусныя яйца такъ разыскиваются, что, благодаря имъ, и названіе птицы всѣмъ хорошо извѣстно; каждый богатый лакомка охотно платитъ за каждое яйцо 12—15 центовъ. Охота за этими птицами и ловля ихъ строго запрещены, такъ какъ невыгодно уничтожать производителей столь дорогаго товара; сторожъ, кромѣ того, обязанъ прогонять отъ яицъ лакомыхъ до нихъ ящерицъ вараповъ. Отъ одного такого сторожа нашъ естествоиспытатель узналъ слѣдующее.

«Самка выгребаетъ въ землѣ, болѣею частью у корня дерева или куста, норѣдко однако и на открытомъ мѣстѣ, яму въ 60 см. въ поперечникѣ и 1,5—2 м. глубины. Она идетъ нѣсколько вкось внизъ и затѣмъ сначала отлого, а потомъ круто спускается въ глубину на той сторонѣ, гдѣ птица, разгребая землю, бросаетъ ее назадъ отъ себя. Когда птица дошла до надлежащей глубины, то она еще немного разрыхляетъ дно ямы и опускаетъ яйцо на это мягкое ложе. Яйцо, по своей тяжести, погружается въ вертикальномъ направленіи и остается такъ стоять. Самка забрасываетъ яму вырытой землей и затѣмъ болѣе не заботится ни о гнѣздѣ, ни объ яйцѣ. Въ двухъ такихъ ямахъ, раскрытыхъ Розенбергомъ, термометръ показывалъ 44,4° Цельсія, между тѣмъ какъ температура воздуха была 27,8°. Каждое углубленіе заключаетъ въ себѣ лишь одно яйцо, созрѣваніе котораго продолжается отъ 26—28 дней. Дѣтеныши выходятъ наружу изъ ихъ земляного углубленія вполнѣ развитыми и съ первыхъ дней жизни сами заботятся о своей пищѣ.

«Молотковые большеноги», говоритъ Уэллсъ, «выглядятъ очень красивыми, когда бѣгаютъ по песку. Цвѣтъ оперенія, голова со шлемомъ и поднятый хвостъ придаютъ имъ своеобразный видъ; тихая и обдуманная походка дѣлаетъ ихъ еще болѣе достойными вниманія. Если къ нимъ приблизиться, то они быстро убѣгаютъ, если-же ихъ испугать, то они летятъ къ низкимъ вѣтвямъ ближайшаго дерева. Между полами различіе едва замѣтно, однако у самца наростъ немного больше и розово-красный цвѣтъ немного ярче, чѣмъ у самки. Но эти признаки, повидимому, вовсе не постоянны и не настолько поразительны, чтобы тотчасъ отличить самца отъ самки».

Пойманные ведутъ себя такъ-же, какъ и ихъ родичи, но не особенно привлекательны и, насколько мнѣ извѣстно, въ зоологическихъ садахъ они никогда не размножались.

Австралійская кустовая нурица (*Cathetus lathamii* и *australis*, *Alectura* или *Alectrorura* и *Tallegallus lathamii*, *Meleagris lindesayi*. Buschhuhn. Pintade d'Austra-

и) хорошо известна поселенцамъ въ Австрали, которые ее называютъ «кустовой курицей». Эта птица отличается сильнымъ сложениемъ, шею средней длины, большой головой, толстымъ, на спинкѣ круто-загнутымъ клювомъ, толстыми ногами, относительно короткими пальцами, короткими, закругленными крыльями, средней длины 18-ти-перымъ хвостомъ и обильнымъ оперениемъ, состоящимъ изъ большихъ перьевъ съ широкимъ опахаломъ и мягкаго шерстистаго пуха, который на головѣ и шеѣ замѣняется рѣдкими волосистыми щетинками, такъ что эти части выглядятъ голыми. Кромѣ того замѣчательна на передней сторонѣ шеи длинно-висящій внизъ кожистый наростъ. Оперение на верхней сторонѣ красиваго шоколадно-бурого цвѣта, на нижней сторонѣ свѣтло-бурое, окаймленное или покрытое серебристо-сѣрыми полосками. Кожа голой головы и шеи карминно-красная; спускающійся внизъ наростъ свѣтло-желтый, клювъ стального сѣраго цвѣта, ноги свѣтло-шоколадно-бурого цвѣта. Длина 80, длина крыльевъ 31, длина хвоста 25 см. Самка отличается отъ самца меньшимъ ростомъ и менѣе развитымъ шейнымъ украшеніемъ.

«Насколько простирается область распространенія этой птицы», говоритъ Гульдъ, «еще достаточно не опредѣлено. Эта курица известна въ разныхъ частяхъ Южнаго Южнаго Валлиса, отъ мыса Гове до залива Моретонъ. Макъ Джилливрей также увѣрялъ меня, что онъ убивалъ ее на восточномъ берегу порта Молле; частыя охоты въ лѣсахъ Илловара и Майтланда однако такъ уменьшили число этихъ птицъ, что, по всей вѣроятности, теперь онѣ уже тамъ вполне истреблены. Полагаю, что эта птица живетъ еще въ большомъ числѣ въ густыхъ и мало доступныхъ кустарникахъ около рѣкъ Мэннингъ и Кларенсъ. Я думалъ сначала, что мѣстность между горами и берегомъ составляетъ ея единственную родину, влѣдствие чего былъ немало удивленъ, встрѣтивъ ее въ ложбинахъ, поросшихъ кустарникомъ и на маленькихъ холмахъ, отходящихъ отъ большихъ горныхъ цѣпей внутрь страны.

«Замѣчательной чертой образа жизни австралийской кустовой курицы слѣдуетъ считать то, что она, въ противоположность прочимъ птицамъ, не насиживаетъ своихъ яицъ. Въ началѣ весны птица нагребаетъ себѣ очень большую кучу сухихъ растительныхъ веществъ для подстилки своимъ яйцамъ и предоставляетъ развитію итеновъ теплоту, которую производитъ разложеніе этихъ кучъ. Съ этою цѣлью настанная куча сооружается за нѣсколько недѣль до времени кладки, бываетъ широкой конусообразной формы, однако колеблется въ величинѣ такъ, что заключаетъ въ себѣ отъ двухъ до трехъ возовъ; эта же самая постройка, если можно заключить по величинѣ и по полному разложенію веществъ въ нижней части, кажется употребляется по нѣскольку лѣтъ подрядъ и только, благодаря прибавленію матеріаловъ, снова дѣлается годною къ употребленію.

«Бугоръ образовывается такъ: птица разгребаетъ ногами известное количество матеріаловъ для постройки и бросаетъ ихъ отъ себя назадъ въ одну среднюю точку. При этомъ курицы настолько хорошо очищаютъ землю вокругъ, что вридъ-ли остается гдѣ-нибудь листокъ или соломинка. Какъ только куча достигаетъ достаточной величины и въ ней разовьется надлежащая теплота, въ нее кладутся яйца, причемъ всегда въ видѣ кружка, на самой срединѣ, на разстояніи 25—30 см. другъ отъ друга, глубиною въ длину руки, но такъ, что они стоятъ широкимъ концомъ вверху; затѣмъ они бываютъ покрыты листьями и предоставлены естественной теплотѣ, развивающейся въ кучѣ. Меня увѣряли какъ туземцы, такъ и достойные довѣрія поселенцы, что изъ одной кучи иногда можно вынуть до двухъ четвериковъ яицъ, и я самъ видѣлъ женщину, которая несла домой половину этого количества, най-

денное въ сосѣдней чащѣ. Нѣкоторые изъ туземцевъ увѣряютъ, что самка постоянно находится недалеко отъ кучи, чтобы покрывать обнажившіяся яйца и присутствовать при вылупленіи птенцовъ, между тѣмъ какъ другіе показываютъ, что самка

Австралийская кустовая курица. *Cathetus lathami*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

только кладетъ яйца и птенцы развиваются безъ посторонней помощи. Одно обстоятельство вполне разъяснено, именно, что птенцы съ момента вылупленія покрыты перьями и обладаютъ достаточно развитыми крыльями, которыя позволяютъ имъ взлетать на вѣтви деревьевъ, и что они такъ могутъ пользоваться своими ногами, какъ только-что вылупившаяся изъ куколки и высохшая бабочка можетъ пользоваться своими крыльями».

«Самецъ кустовой курицы», говоритъ Склатеръ, «съ приближеніемъ времени насиживанія начинаетъ сгребать внутри своей роши всё встрѣчающіяся растительныя вещества, бросая ихъ назадъ и всегда захвативши какъ можно больше листьевъ одной ногой. Такъ какъ онъ всегда начинаетъ свою работу съ наружнаго края роши и бросаетъ всю массу внутрь, то куча все болѣе и болѣе увеличивается. Какъ только она достигнетъ высоты около 1,5 м., обѣ птицы начинаютъ ее равнять и, когда это окончится, вырываютъ на серединѣ углубленіе. Въ опредѣленное время въ него кладутся яйца, приблизительно на 40 см. глубины, подъ вершиной въ кружокъ. Самецъ слѣдитъ за ходомъ развитія, т. е. за теплотой естественной печки для насиживанія. Онъ покрываетъ обыкновенно яйца и оставляетъ лишь одно круглое отверстіе, черезъ которое доходитъ вѣзъ надлежащее количество воздуха, и чрезмѣрно возвышенная теплота находитъ выходъ; въ жаркую-же погоду онъ снимаетъ два или три раза въ день почти всю покрывку.

«Вылупившійся цыпленокъ пребываетъ не менѣе 12 часовъ внутри холма, не дѣлая ни малѣйшаго усилія, чтобы вылѣзти и въ продолженіи этого времени такъ-же глубоко зарывается самцомъ, какъ и остальные яйца. На второй день онъ выходитъ оттуда съ вполне развитыми перьями, которыя, при вылупленіи, еще заключаются въ скоро лопающихся оболочкахъ. Повидимому, однако, онъ вовсе не думаетъ употребить въ дѣло крылья, а двигается исключительно съ помощью своихъ сильныхъ ногъ. Послѣ полудня онъ возвращается назадъ къ холму и снова зарывается заботливымъ родителемъ, хотя на меньшую глубину, чѣмъ раньше. На третій день онъ вполне способенъ летать: одинъ изъ тѣхъ, которые выросли въ зоологическомъ саду, пробрался около этого времени сквозь петли сѣтки, окружающей загородку». Длина яйца равняется 95 мм., толщина—65 мм.; они чисто бѣлаго цвѣта.

Сообщенія Склатера вполне подтверждены частыми наблюденіями, произведенными въ различныхъ зоологическихъ садахъ; другихъ-же свѣдѣній пока не получено.

Въ своихъ родныхъ лѣсахъ кустовая курица живетъ обществами, обыкновенно маленькими стаями, на подобіе другихъ куринныхъ. Такія общества бываютъ пугливы и недовѣрчивы до тѣхъ поръ, пока бѣгаютъ по землѣ, но, какъ только находятся на деревьяхъ, тотчасъ выказываютъ чрезвычайную смѣлость. Во время бѣга черезъ лѣсъ птицы часто издають громкій кудахтающій звукъ. «Вспугнутая кустовая курица», продолжаетъ Гульдъ, «благодаря ловкости, съ которою она стремится сквозь перепутанный кустарникъ, дѣлаетъ напраснымъ всякое преслѣдованіе. Если она сильно стѣснена или на нее нападаетъ сильнѣйшій врагъ—динго, то она вскакиваетъ на самую низкую вѣтвь ближайшаго дерева, и съ вѣтки на вѣтку поднимается все выше до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ вершины, чтобы остаться тамъ сидѣть или перелетѣть оттуда на другое сосѣднее дерево. Она ищетъ также въ лѣсу защиты отъ полуденнаго солнца и поэтому часто дѣлается жертвой своей смѣлости, такъ какъ охотнику тутъ легко ее подкараулить. Если птицы соединились въ маленькія общества, то охотникъ можетъ перестрѣлять ихъ одну за другой и принести домой всю стаю. Довѣрчивость птицъ этихъ такъ велика, что онѣ будутъ навѣрно скоро истреблены, если не примутъ особыхъ мѣръ къ ихъ сохраненію, о чемъ слѣдуетъ сожалѣть, такъ какъ мясо ихъ очень вкусно.

«Мое вниманіе», рассказываетъ Шомбургкъ, «было возбуждено поразительно сильнымъ крикомъ и карканьемъ, которые раздавались съ покрытаго лѣсомъ берега. Когда я осторожно приблизился къ мѣсту, откуда раздавались крики, то я увидѣлъ

огромное стадо больших птиц. Это были хохлатые или «вопящие» курицы, как их называют поселенцы. Хотя название, данное вследствие длинных головных перьев, достаточно характеризует их, но все-таки название поселенцев выделяет еще с большею вѣрностью одну из самых выдающихся особенностей этой птицы, так как еще не видя ее, уже издали узнаешь об ее присутствии очень неприятным образом. Запах ея так неприятен, что сами индѣйцы, несмотря на обилие в ней мяса, ни за какія деньги не станут ѣсть хохлатую курицу. Их запах очень похож на запах свѣжаго лошаднаго навоза и так ѣдокъ, что даже чучело удерживает его в теченіи нѣскольких лѣтъ. Замѣченное мною стадо заключало в себя нѣсколько сотенъ птицъ, которыя частью грѣлись на солнцѣ, частью гонялись другъ за другомъ в кустарникъ, частью-же вспархивали съ земли. Повидимому, это было время спариванья. Выстрѣлъ въ стаю убилъ сразу нѣсколько штукъ. У старыхъ птицъ длинныя хвостовыя перья были стерты, доказательство, что онѣ часто бѣгаютъ по землѣ, чтобы разыскивать тамъ свою пищу, причемъ длинныя хвостовыя перья касаются земли.

Обманутые нѣкоторымъ сходствомъ съ бананоѣдами, нѣкоторые натуралисты, по примѣру Шитца, предположили, что должны причислить хохлатыхъ курицъ къ названному птицамъ, «но нужно было», пишетъ Демюръ», имѣть черезъ чуръ сильное воображеніе или полное отвращеніе къ простой, легко понятной системѣ, чтобы оправдать это заблужденіе». Конечно хохлатая курица стоитъ очень удивленно между куринными, однако похожа на нихъ, особенно на пепелопъ, очевидно больше, чѣмъ на бананоѣдовъ. Нѣкоторые орнитологи разсматриваютъ ее какъ представительницу особеннаго, лишь изъ нея одной состоящаго отряда, мы же считаемъ ее лишь представительницей особаго семейства (*Opisthocomidae*).

Хохлатая или цыганская курица (*Opisthocomus cristatus* и *hoazin*, *Phasianus*, и *Orthocois cristatus*. Schopfhuhn. Hoazin) стройно сложена, шея средней длины и тонкая, голова маленькая, клювъ, похожій на клювъ гокка и пепелопы, на концѣ слабо загнутъ внизъ, кончикъ нижней челюсти выступаетъ угломъ, задняя часть его покрыта восковицей, расщепъ мелко зазубренъ, ноги съ короткими плюснами и длинными пальцами, вооруженными также длинными, толстыми, довольно сильно загнутыми и заостренными когтями. Крылья довольно длинныя; когда сложены, то они достигаютъ до половины хвоста, въ нихъ 5-ое маховое перо самое длинное, а первое довольно короткое; хвостъ состоитъ изъ 10 длинныхъ, широкихъ перьевъ, которыя по сторонамъ нѣсколько окорочены, и наконецъ, все вмѣстѣ закруглены. Опереніе удлинняется на верхней сторонѣ головы и затылка въ хохолокъ, состоящій изъ узкихъ острокопечныхъ перьевъ; перья на шеѣ длинны, узки и острокопечны, на туловищѣ велики и закруглены, на животѣ мягки, почти какъ пухъ, на спинѣ же жестки. Затылокъ, спина, крылья, задняя половина малыхъ маховыхъ перьевъ и хвостъ буро-пѣтѣ; большія, заднія маховыя перья отливаютъ металлически-зеленымъ, хвостовыя перья верхней части спины имѣютъ желтовато-сѣрыя полосы на стержняхъ; на плечевыхъ перьяхъ желтовато-бѣлыя каемки, на медкихъ покровныхъ наружный край опахала бѣловатый; горло, передняя часть шеи и грудь бѣловатыя; животъ, нижнія части бедеръ, гузка, большія маховыя перья и передняя половина малыхъ маховыхъ перьевъ свѣтло-ржаво-красныя; перья головного хохолка желтовато-бѣлыя и самыя заднія окаймлены чернымъ. Глаза свѣтло-каріе, передняя голая часть головы мясного, краснаго цвѣта, клювъ рогового буро-сѣраго, на концѣ блѣднѣе, ноги мясного буро-краснаго цвѣта. Длина 62, длина крыла 34, длина хвоста 29 см.

Предполагаютъ, что Гернандецъ подь именемъ «Хоакцина» описалъ цыганскую курицу, вслѣдствіе чего часто и теперь упоминаютъ это названіе для ея обозначенія. Описаніе Гернандеца однако такъ неясно, что ему нельзя придать много значенія. Сонини, напротивъ того, описываетъ эту птицу подь названіемъ «Заза» и сообщеніе его до Шомбургка, Демюра и Бэтса было единственное, которое могло внушить довѣріе. Сонини никогда не находилъ этихъ курицъ въ большихъ лѣсахъ или на возвышенныхъ мѣстахъ, а всегда лишь на затопленныхъ саваннахъ, днемъ спокойно сидящихъ на вѣтвяхъ, на краю воды, утромъ и вечеромъ выходящихъ за пищу. Онѣ легко дозволяютъ къ себѣ подкрадываться и вообще вовсе не пугливы, по всей вѣроятности потому, что ихъ рѣдко беспокоятъ, благодаря ихъ дурному мясу, а кромѣ того потому, что онѣ живутъ въ такихъ странахъ, которыя рѣдко посѣщаются людьми. Онѣ, говорятъ, никогда не сходятъ на землю, а всегда лазаютъ по деревьямъ и кустарникамъ. Последнее показаніе противорѣчитъ сообщеніямъ Шомбургка, но подтверждается также и Бэтсомъ; по всей вѣроятности онѣ обыкновенно живутъ на деревьяхъ и лишь въ видѣ исключенія спускаются на землю. Въ верхнемъ теченіи Амазонской рѣки, цыганская курица встрѣчается въ высшей степени часто и извѣстна всѣмъ подь именемъ «цыгана». Она живетъ, по словамъ Бэтса, на низкихъ деревьяхъ или въ кустахъ, окаймляющихъ потоки и озера, и питается разными дикими плодами, въ особенности одной кислой гуявой.

Туземцы утверждаютъ, что она преимущественно отыскиваетъ плодъ древо-виднаго арума, который образуетъ на илестыхъ меляхъ небольшія чащи и что вслѣдствіе этого ихъ мясо получаетъ непріятный запахъ. Въ послѣднемъ Шомбургкѣ сомнѣвается, такъ какъ этотъ запахъ не имѣетъ никакого сходства съ запахомъ плода арума. Однако мнѣ кажется, что эта причина недостаточна, чтобы опровергнуть показаніе. Бэтсъ, впрочемъ, того мнѣнія, что непріятный запахъ служитъ лучшей защитой цыганскимъ курицамъ, потому что ни человекъ, ни хищное животное не охотится за этой вонючей и невкусной птицей. Сиплый, противный голосъ ея слышется особенно въ то время, когда хохлатая курица улетаетъ, вспугнутая мимо проѣзжающей лодкой или приближающимся человекомъ; тогда вся стая громко кричитъ и тяжело перелетаетъ съ дерева на дерево.

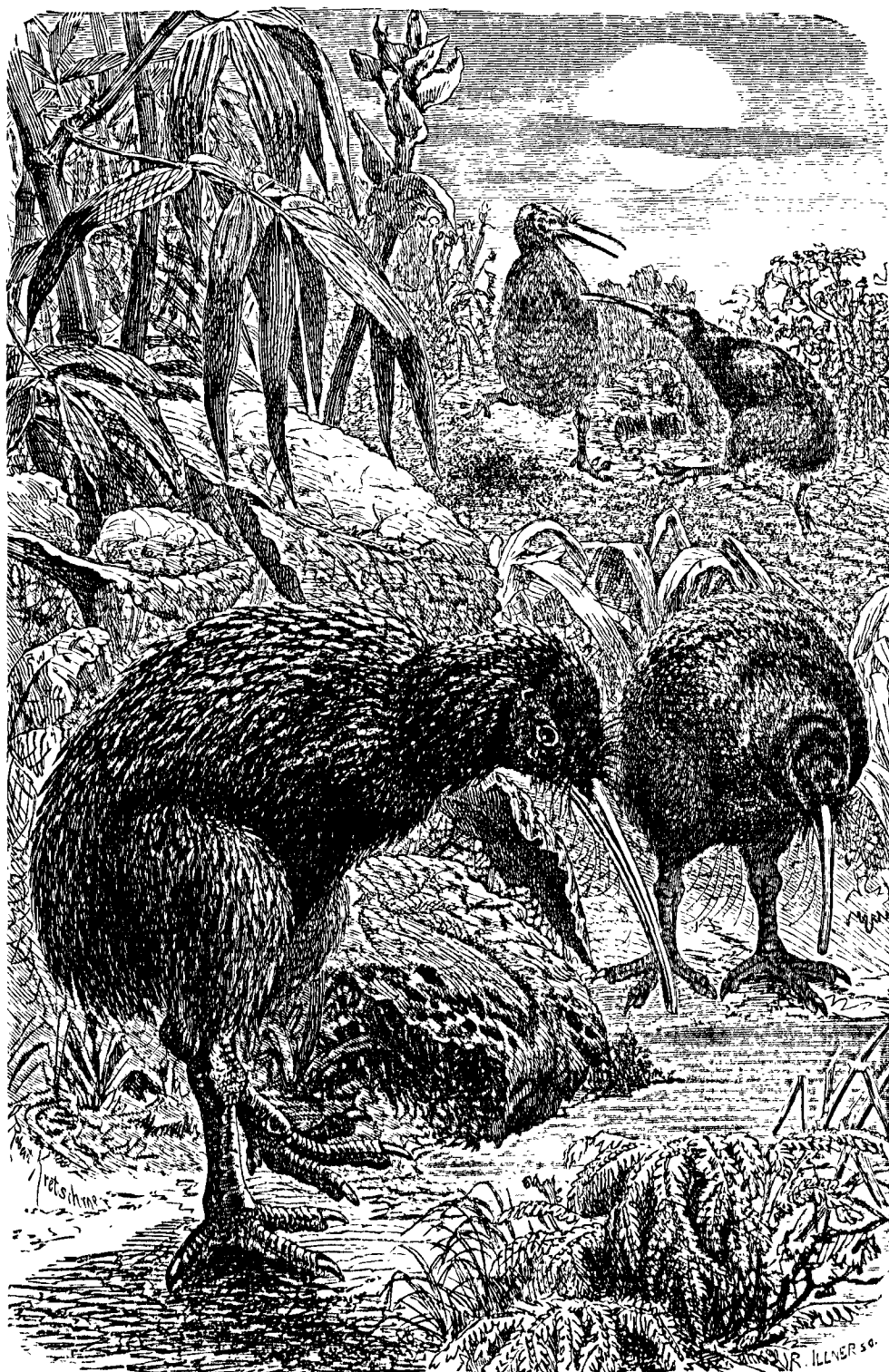
Бэтсъ считаетъ цыганскую курицу за птицу, живущую въ многобразіи, но ничѣмъ этого не доказываетъ. Уэллсъ сообщаетъ мнѣ слѣдующее: «Цыганская курица въетъ неискусное плоское гнѣздо, имѣющее 35 см. въ поперечномъ разрѣзѣ, изъ сухого хвороста, который кладется другъ на друга на-крестъ и поперекъ. Оно переплетено слабо и почти безъ подстилки. Такъ какъ эти гнѣзда болѣею частью находятся на низкихъ деревьяхъ и кустахъ, на берегахъ рѣки и стоятъ въ большомъ количествѣ одно около другого, то ихъ легко отыскивать, и стоять болѣе потому, что птицы при приближеніи лодки поднимаютъ оглушительный крикъ и такъ низко летаютъ надъ головой, что бываетъ трудно достигъ до гнѣзда, хотя болѣею частью можно заглянуть туда съ рѣки, вставши въ лодкѣ на ноги. Я нашелъ во всѣхъ гнѣздахъ лишь по одному яйцу, которое было покрыто шоколадными пятнами по ржаво-желтому фону. По увѣреніямъ моего проводника туземца, птица никогда не кладетъ болѣе одного яйца».

Второй подотрядъ куриныхъ составляютъ **Сырыхвостыя куры** (Cryoturiformes Steisshühner. Inambus). Тѣло ихъ, вслѣдствіе сильно развитыхъ грудныхъ мускуловъ, толсто. шея же, напротивъ того, тонка и длинна, голова маленькая и плоская, клювъ длинный, тонкій и загнутый, безъ когтеобразнаго рогового нароста

на концѣ, скорѣе весь обтянутъ роговою массою, которая мало по малу переходитъ въ остальную кожистую оболочку. Ноги у нихъ съ высокими плюснами и очень жесткими нижними частями пальцевъ; задній палецъ всегда маленькій, сидитъ высоко и иногда настолько недоразвитъ, что остается лишь коготь. Короткія, круглыя крылья достигаютъ лишь до задней части спины и ихъ большія маховыя перья, между которыми самое длинное четвертое или пятое, узки и остроконечны и какъ будто на концѣ обрѣзаны. Хвостъ состоитъ изъ 10—12 короткихъ узкихъ перьевъ, которыя совѣмъ скрываются подъ длинными кроющими перьями, но онъ можетъ быть также настолько недоразвитъ, что рулевыхъ перьевъ совѣмъ нѣтъ. Опереніе на головѣ и шеѣ состоитъ изъ небольшихъ гладкихъ перьевъ, почему эти части кажутся маленькими и узкими. На туловищѣ опереніе обильное, густое и состоитъ изъ большихъ перьевъ. У нѣкоторыхъ видовъ изъ одного корня выходятъ два стержня пера, у другихъ стержни широки, гладки и выпуклы, особенно на спинкѣ и надхвостѣ; къ концу пера они сразу суживаются и снизу снабжены глубокой бороздкой. У обоихъ половъ опереніе одинаково и по наружному виду они ничѣмъ другъ отъ друга не отличаются.

Скрытохвостыя куры распространены по большей части Южной Америки и населяютъ самыя разнородныя мѣстности; нѣкоторые виды живутъ всегда въ открытыхъ странахъ, другіе только въ чащѣ лѣса, иные на равнинахъ, иные въ горахъ; нѣкоторые встрѣчаются лишь на высотахъ въ 4000 м. Эти птицы привязаны къ землѣ, летаютъ рѣдко, чаще же быстро бѣгаютъ въ кустарникъ или въ высокой травѣ, на подобіе нашихъ перепеловъ, причѣмъ, однако, немного сгибаютъ плюсневой суставъ и болѣе или менѣе вытягиваютъ шею, такъ что уже, благодаря этой позѣ, ихъ легко можно узнать. Въ страхѣ онѣ прижимаются къ землѣ, или скрываются въ кустахъ травы, и только тѣ виды, которые выросли въ лѣсу, ищутъ тамъ защиты на ночь на нижнихъ толстыхъ вѣтвяхъ. Какъ тѣлесныя, такъ и душевныя способности ихъ незначительны. Онѣ бѣгаютъ необыкновенно скоро, летаютъ же тяжело и поэтому неохотно; при опасности совѣмъ теряютъ присутствіе духа; вообще, кажется, онѣ чрезвычайно ограничены. Ихъ голосъ состоитъ изъ многихъ слѣдующихъ одинъ за другимъ свистковъ, которые иногда идутъ правильной гаммой и вообще такъ отличаются отъ голоса другихъ птицъ, что тотчасъ возбуждаютъ вниманіе какъ чужеземцевъ, такъ и туземцевъ. Нѣкоторые виды кричатъ при наступленіи ночи, особенно послѣ того, какъ придутъ на извѣстное мѣсто отдохновенія, а также утромъ передъ тѣмъ, какъ удалиться оттуда. Другихъ слышишь и въ продолженіи дня. Сѣмена, плоды, кончики листьевъ и насѣкомыя составляютъ ихъ пищу. Нѣкоторыя сѣмена придаютъ иногда ихъ въ большинствѣ случаевъ превосходному мясу неприятный горькій вкусъ. Говорятъ, что нѣкоторые виды почти исключительно питаются плодами кофейнаго дерева и извѣстныхъ пальмъ. Что касается ихъ размноженія, то этотъ вопросъ для многихъ видовъ еще не выясненъ; большая часть, кажется, живетъ парами. Всѣ высидываютъ на землѣ, выгребаютъ для гнѣзда плоскую ямку и кладутъ значительное количество одноцвѣтныхъ, но прекрасно окрашенныхъ, сильно блестящихъ яицъ. Мать нѣкоторое время водитъ птенцовъ, но они скоро ее покидаютъ, расходятся и начинаютъ жить самостоятельно.

Какъ дичь для охоты, скрытохвостыя куры въ Америкѣ замѣняютъ нашихъ куропатокъ, поэтому европейцы называютъ ихъ «куропатками, и перепелками» и за ними ревностно охотятся. Всѣ хищники, какъ бѣгающіе такъ и летающіе, состязаются въ этомъ съ людьми; даже ягуаръ не пренебрегаетъ ими; нѣкоторыя насѣкомыя, напримѣръ муравьи, ползающія большими стаями, опасны

Б Е З К Р Ы Л Ь .

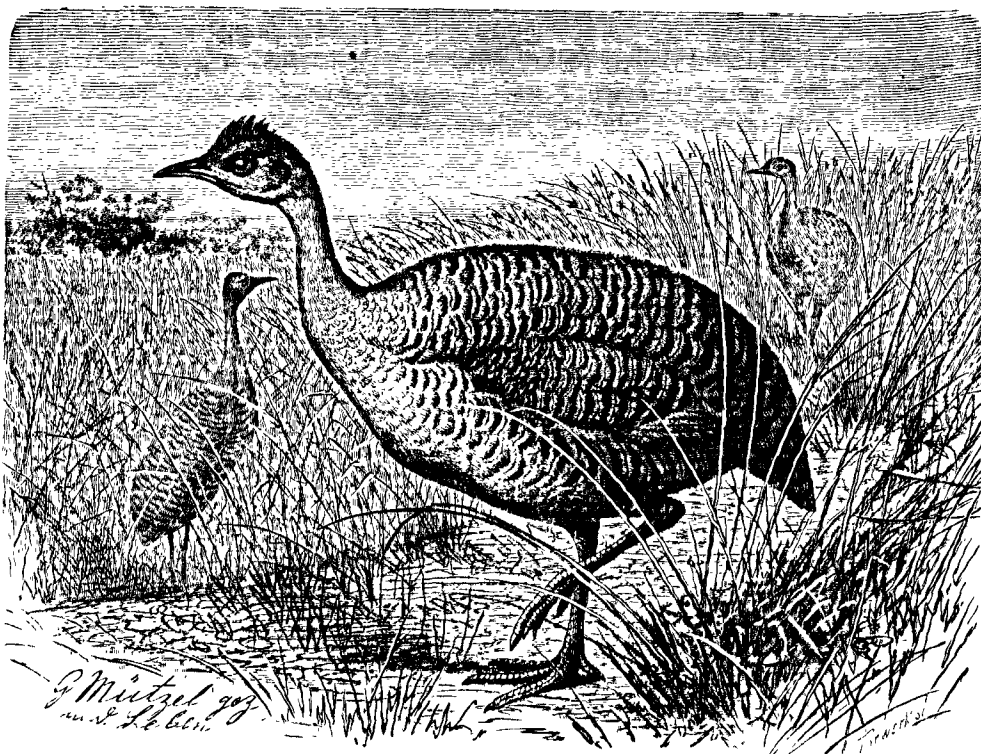
птцамъ. За скрытохвостыми курами охотятся съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, ставятъ имъ западни, гоняются за ними на лошадяхъ съ арканами или пускаютъ по ихъ слѣдамъ собакъ. Чуди рассказываетъ, что индѣйцы превосходно дрессируютъ своихъ собакъ для этой охоты. Когда скрытохвостая курица выслѣжена, то сначала она улетаетъ, но скоро снова садится на землю, собака стоняетъ ее второй разъ; на третій разъ она вскакиваетъ на птицу и закусываетъ ее. Съ помощью хорошо выдрессированныхъ европейскихъ собакъ, ее рѣдко можно поймать; напротивъ того, индѣйскія собаки, которыя гонятся за ними только для того, чтобы убить птицу, почти всегда достигаютъ этого. Пойманныхъ скрытохвостыхъ куръ часто встрѣчаютъ у индѣйцевъ, нѣкоторыя перевозятся и въ Европу. Онѣ не принадлежатъ къ тѣмъ животнымъ, которыя умѣютъ лѣзть собою, скорѣе можно ихъ назвать скучными созданіями.

* *
*

Одинъ изъ наиболѣе часто встрѣчающихся видовъ этого семейства—**Инамбу** (*Rhynchotus rufescens* и *fasciatus*, *Tinamus rufescens* и *guazu*, *Crypturus rufescens*, *Nothura maculosa*. *Inambu*) служить представителемъ рода **Страусовыхъ куръ** (*Rhynchotus*) и отличается значительной величиной, толстымъ тѣломъ, довольно длинной шеей, маленькой головой, клювомъ, величиною съ голову, и слабо загнутымъ, а на концѣ тупо закругленнымъ; ногами съ высокими толстыми плюснами, съ длинными передними и вполнѣ развитыми задними пальцами, коротко выпуклыми крыльями, заостренными большими маховыми перьями, изъ которыхъ первое очень укорочено, третье самое длинное, и опереніемъ щекъ и уздечки, состоящимъ изъ своеобразныхъ маленькихъ перышекъ. Опереніе ржаво-красно-желтое, въ области горла бѣловатое, на верхней сторонѣ головы съ черными полосками, на спинѣ, крыльяхъ и хвостовыхъ покровныхъ перьяхъ замѣтны широкія черныя полосы, причемъ каждое перо передъ узкой желтой каемкой на концѣ, имѣетъ двѣ широкихъ черныхъ полосы, изъ которыхъ на верхней по обѣимъ сторонамъ находятся еще свѣтло-ржаво-желтыя боковыя полосы. Большія маховыя перья одноцвѣтныя и ярко-ржаво-желто-красныя; малыя маховыя перья покрыты, по свинцово-сѣрому фону, черными и сѣрыми поперечными волнистыми полосками. Глаза ржаво-желто-бурые, клювъ бурый, у основанія нижней челюсти блѣдно-желто-бурый; ноги мясного бураго цвѣта. Длина 42, длина крыльевъ 21, длина хвоста 5 см.

Инамбу живетъ въ степной полосѣ средней Бразиліи, особенно въ провинціяхъ Минасъ-Герасъ и Гояцъ, но встрѣчается также и въ Аргентинскихъ штатахъ. Онъ сопровождаетъ здѣсь, по словамъ Деринга, путешественника по всей равнинѣ, какъ въ лѣсистыхъ ея частяхъ, такъ и на пампасахъ, и поднимается у него почти изъ подъ ногъ. Онъ никогда не живетъ стаями, но по одиночкѣ, однако въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчается въ большомъ числѣ; всѣ знаютъ эту птицу, какъ любимую дичь мѣстныхъ охотниковъ, поэтому она подвержена безпрестанному преслѣдованію и сдѣлалась очень осторожна и пуглива. При приближеніи чловѣка, она бѣжитъ отъ него въ высокой травѣ, но пользуется своими крыльями лишь въ крайнемъ случаѣ. Дарвинъ рассказываетъ, что онъ встрѣтилъ сотни этихъ птицъ на однообразной равнинѣ Валь-Донадо, которыя противъ своего обыкновенія соединились въ стаи при приближеніи многочисленнаго общества путешественниковъ; онѣ приходили въ полное смущеніе, если ихъ стоняли въ кучу, объѣзжая кругомъ на лошадяхъ. Преслѣдуемая птица, наконецъ, не рѣшалась болѣе бѣжать впередъ, а безпомощно лежала на землѣ. Эта без-

помощность инамбу хорошо известна туземцамъ: даже мальчики гоняются за ними и схватываютъ ихъ самымъ простымъ арканомъ. Мясо его принадлежитъ къ числу лучшихъ блюдъ, которыя подаютъ путешественникамъ въ Бразиліи и въ Аргентинской республикѣ. По словамъ Бурмейстера, инамбу отправляется искать пищу только въ сумерки. Гнѣздо устраивается на землѣ въ густомъ кустарникѣ; въ немъ находятъ 7—9 темно-сѣрыхъ яицъ съ фіолетовымъ отливомъ, скорлупа которыхъ замѣчательно гладкая, точно полированная. Инамбу привозятся иногда

Инамбу. *Rhynchotus rufescens*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

въ Европу, хорошо выдерживаютъ нашъ климатъ, очень не притязательны относительно пищи и при хорошемъ уходѣ даже размножаются въ клеткахъ.

Безкрылы (Apterygiformes. Schnepfenstrausse. Aptères), составляющія послѣдній подотрядъ куриныхъ, по наружности мало похожи на остальныхъ. Туловище у нихъ довольно толстое, шея короткая и толстая, голова не особенно велика, клювъ длинный и тонкій, ноги четырехпалыя и относительно короткія, крылья такъ мало развиты, что, собственно говоря, ихъ можно видѣть только на скелетѣ, а въ опереніи замѣтны лишь короткіе отростки, на которыхъ растутъ неразвитыя перья, состоящія изъ короткихъ, но толстыхъ стержней; хвоста совсѣмъ нѣтъ. Опереніе состоитъ изъ длинныхъ, ланцетовидныхъ, мягкихъ и вислячихъ перьевъ, которыя увеличиваются по длинѣ, начиная отъ шеи; они имѣютъ шелковистый блескъ и на нихъ кое-гдѣ замѣтны отдѣльныя бородки. Клювъ съ перваго взгляда похожъ на клювъ ибиса, но отличается отъ него какъ вообще отъ другихъ птичьихъ клювовъ тѣмъ, что ноздри расположены около конца. У основанія его находится восковица и отъ нея идутъ

бороздки до самаго кончика. Ноги коротки и очень сильны, передніе пальцы длинныя и крѣпкіе, съ большими когтями, устроенными для рытья земли; задній-же палецъ короткій и толстый, расположенъ почти отвѣсно и, при ходьбѣ, не касается земли; онъ вооруженъ еще большимъ когтемъ, такъ что скорѣе похожъ на шпору пѣтуха, чѣмъ на палецъ. Плюсна покрыта твердыми сѣтчатými щитками, верхняя сторона пальцевъ покрыта чешуйками, а стороны ихъ окаймлены узкой кожицей. Строеніе скелета похоже на скелетъ страусовъ: ключицъ нѣтъ, шейныхъ позвонковъ очень много, спинальные позвонки срослись вмѣстѣ, а кости крыла такъ мало развиты, что плечо имѣетъ лишь 3 см. длины, предплечье 2 см., а кисть менѣе 1 см., причемъ почти половину этой длины занимаетъ кривой, когтеобразный суставъ пальца. Этотъ подотрядъ заключаетъ въ себѣ лишь одинъ родъ (*Arterux*), состоящій изъ четырехъ видовъ, по величинѣ похожихъ на домашняго пѣтуха и живущихъ въ Новой Зеландіи.

* * *

Первый Безкрыль или Киви-киви, привезенный въ Европу, получилъ названіе *Arterux australis*. Эта птица была убита въ лѣсахъ около бухты Дески, на юго-западномъ берегу южнаго острова Новой Зеландіи. Почти всѣ экземпляры, которые нынѣ находятся въ коллекціяхъ, происходятъ изъ сѣвернаго острова и принадлежатъ другому виду (*Arterux mantelli*), который мы назовемъ туземнымъ именемъ «киви». Этотъ послѣдній видъ отличается отъ перваго тѣмъ, что меньше ростомъ, имѣетъ относительно болѣе длинныя плюсны, короткіе пальцы и когти, на головѣ замѣчаются длинныя, щетинистыя перья и цвѣтъ оперенія болѣе темный и красноватый.

Киви живетъ и до сихъ поръ въ безлюдныхъ, лѣсистыхъ мѣстностяхъ сѣвернаго острова, но въ обитаемыхъ мѣстахъ совсѣмъ истребленъ и добыть его вовсе не такъ легко, какъ думаютъ. Уже Дифенбахъ жалуется, что въ продолженіи своего пребыванія въ Новой Зеландіи въ теченіи 18 мѣсяцевъ, несмотря на обѣщанныя туземцамъ награды, онъ получилъ лишь одну шкуру киви. «То же случилось и со мной», говоритъ Гохштетеръ, «я много путешествовалъ по сѣверному острову, на которомъ, по словамъ туземцевъ, еще встрѣчается эта птица, но, несмотря на все стараніе, не могъ добыть ни одного экземпляра киви. Мнѣ указали, что киви еще довольно часто встрѣчается на маленькомъ, необитаемомъ и лѣсистомъ островѣ, въ заливѣ Гаураки, около Аукленда, а также въ малонаселенныхъ лѣсистыхъ горахъ, между мысомъ Паллизеръ и Восточнымъ, на юго-востокѣ сѣвернаго острова. Вышеупомянутый островъ, образующій гору въ 700 м. вышины, доступенъ лишь при полномъ тихомъ морѣ, и присутствіе тамъ этой безкрылой птицы доказываетъ, что когда-то этотъ островъ былъ соединенъ съ большимъ островомъ. Туземцы, которыхъ я засталъ въ Коллянгъ-вудѣ, около Золотой бухты, отправились на охоту, привлеченные обѣщаннымъ вознагражденіемъ пяти фунтовъ стерлинговъ, и черезъ три дня мнѣ принесли два живыхъ экземпляра безкрыловъ (*Arterux owenii*), самца и самку, которыхъ они поймали у истоковъ рѣки Рокки и Склатера, на высотѣ около 1000 м. надъ поверхностью моря. Когда Скитъ въ 1861 году изслѣдовалъ горы, между рѣками Такака и Буллеръ, въ провинціи Нельсонъ, то онъ встрѣтилъ, на покрытыхъ травой горахъ, на востокъ отъ рѣки Оуенъ такъ много безкрыловъ, что, съ помощью двухъ собакъ, могъ убивать ихъ каждую ночь 15—20 штукъ. Онъ и его слуги тогда питались мясомъ безкрыловъ.

«То, что извѣстно объ образѣ жизни киви, относится ко всѣмъ безкрыламъ. Это ночныя птицы, которыя день проводятъ въ порахъ, охотище всего подъ корнями большихъ лѣсныхъ деревьевъ, а ночью отправляются искать корма, который состоитъ изъ насѣкомыхъ, личинокъ, червей и сѣмянъ разныхъ растений.

*

Они живут парами и могут очень хорошо бѣгать и прыгать. Кромѣ человѣка самые опасные враги ихъ собаки и кошки. Туземцы ловятъ ихъ ночью, приманивая ихъ подражаніемъ призывного голоса и смущая ихъ горящими факелами, отчего птицы настолько теряются, что ихъ можно схватить рукой или убить палкою. Къ этой охотѣ приучаютъ также и собакъ. Вслѣдствіе подобныхъ преслѣдованій киви теперь совсѣмъ истребленъ въ населенныхъ мѣстахъ».

Еще болѣе подробными извѣстіями объ этой птицѣ мы обязаны Буллеру. Киви восполняетъ недостатокъ крыльевъ необыкновенною быстротою своихъ ногъ. На полномъ бѣгу онъ дѣлаетъ очень большіе шаги и держитъ при этомъ туловище въ наклонномъ положеніи, а шея вытянута впередъ. Въ ночномъ сумракѣ онъ движется очень осторожно, и также безшумно, какъ бѣгущая крыса, которую онъ очень напоминаетъ по своимъ движеніямъ. Когда онъ стоитъ спокойно на мѣстѣ, то втягиваетъ шею и тогда кажется совершенно шарообразнымъ, иногда онъ поддерживается въ этомъ положеніи, уткнувшись концомъ клюва въ землю. Если его потревожить днемъ, то онъ часто зѣваетъ и при этомъ очень страннымъ образомъ широко раздвигаетъ челюсти; если его дразнятъ, то онъ выпрямляетъ туловище, приподнимаетъ одну ногу къ груди и бьетъ ею противника быстро и ловко; это его единственное оружіе; но онъ умѣетъ наносить имъ очень чувствительные удары. Разсказъ о томъ, что онъ ударяетъ о землю ногами, чтобы выгнать на поверхность ея земляныхъ червяковъ, точно такъ-же мало вѣроятенъ, какъ сообщеніе одного наблюдателя, будто киви можетъ наносить опасныя раны человѣку и даже убить собаку. Во время отысканія корма онъ постоянно издаетъ сопѣніе, выходящее изъ ноздрей, такъ что кажется, будто онъ обнюхиваетъ почву; при этомъ трудно сказать, руководствуется-ли онъ для отысканія корма осязаніемъ или обонаніемъ: слѣдуетъ скорѣе всего предположить, что оба чувства дѣйствуютъ сообща. Можно съ увѣренностью сказать, что осязаніе у киви развито очень хорошо, такъ какъ онъ даже тогда, когда не обнюхиваетъ предметовъ, постоянно ихъ трогаетъ кончикомъ клюва; онъ дѣлаетъ это, когда ѣсть, а также, когда изслѣдуетъ подъ собою почву. Если его заперѣть въ клѣтку или комнату, то цѣлую ночь слышно, какъ онъ тихонько стучаетъ клювомъ по стѣнамъ, сопѣніе-же слышно только тогда, когда онъ ищетъ корма или ѣсть. Буллеръ, однако, иногда замѣчалъ, что пойманные киви очень долго и напрасно ищутъ червяка, который у нихъ выскользнулъ изъ клюва, а также наблюдалъ, что онъ можетъ схватить кусокъ говядины или червяка со дна сосуда, наполненнаго водой, но только въ томъ случаѣ, если тронетъ его концомъ клюва. Изъ этого Буллеръ заключаетъ, что киви, вѣроятно, помогаетъ своему хорошо развитому обонанію посредствомъ осязанія. Очень интересно наблюдать, какъ киви на свободѣ отыскиваетъ земляныхъ червяковъ, составляющихъ его главный кормъ. Птица при этомъ двигается очень медленно и постоянно засовываетъ почти до основанія свой длинный клювъ въ мягкую почву, причѣмъ или сейчасъ-же вытаскиваетъ его со схваченнымъ червемъ, или медленно ворочая головой и вовсе не двигая туловищемъ, осторожно вытягиваетъ клювъ изъ земли. Онъ никогда быстро не выдергиваетъ клюва съ червякомъ, но дѣлаетъ это всегда съ большою осторожностью, чтобы не разорвать добычу. Положивши червяка на землю, онъ его подбрасываетъ, ловитъ клювомъ и быстро проглатываетъ. Кромѣ того, онъ ѣсть различныхъ насѣкомыхъ, нѣкоторыя ягоды, а также глотаетъ небольшіе камешки.

О размноженіи безкрыловъ долгое время разсказывали удивительныя вещи и достовѣрныя свѣдѣнія были добыты лишь тогда, когда можно было наблюдать

плѣнныхъ птицъ. Повидимому вѣрнѣе всего о гнѣздованіи этой птицы сообщаетъ Вебстеръ. «Четырнадцать лѣтъ тому назадъ», пишетъ онъ Лайярдъ, «туземецъ нашелъ яйцо киви въ небольшой норкѣ, подъ корнями маленькаго дерева и, вынувши яйцо, вытащилъ изъ глубины норы и взрослую птицу. Этотъ туземецъ, хорошо знавшій, повидимому, киви, увѣрялъ, что эта птица всегда кладетъ только одно яйцо и что гнѣздо устраивается постоянно въ норѣ, которую птица выкапываетъ сама въ сухой почвѣ подъ корнями дерева. Яйцо, говорятъ, покрывается листьями и мхомъ и гніеніе этихъ веществъ доставляетъ необходимую теплоту. Для развитія яйца требуется шесть недѣль, и когда птенецъ вылупится, то мать спѣшитъ ему на помощь».

Къ счастью, мы можемъ подтвердить и дополнить эти свѣдѣнія наблюденіями надъ безкрылыми, собранными въ Лондонскомъ зоологическомъ саду, въ которомъ уже съ 1852 года постоянно воспитываются эти странныя птицы. Въ углу темной клѣтки, гдѣ живетъ безкрыль, всегда ставятъ нѣсколько сноповъ, между которыми онъ прячется въ теченіи дня. Если сторожъ его вытащить оттуда, то киви, какъ можно скорѣе, прячется въ уголь въ солому. Послѣ заката солнца движенія его дѣлаются быстрѣе, онъ проворно бѣгаетъ взадъ и впередъ, обыскиваетъ каждый уголокъ и своимъ длиннымъ клювомъ тычетъ въ мягкую почву, какъ это дѣлаютъ бекасы. Его кормятъ мелко изрубленной бараниной и червяками, и онъ съѣдаетъ ежедневно около 250 граммовъ мяса, а червяки ему служатъ лакомствомъ. Первая прибывшая туда птица была самка, которая нѣсколько разъ клала яйца въ промежуткахъ около 3 мѣсяцевъ; она нѣсколько разъ пробовала ихъ насиживать и ее трудно было согнать съ яйца. Въ 1865 году прибылъ и самецъ, но только въ 1867 птицы выказали стремленіе къ спариванью. Это замѣтили вслѣдствіи того, что самецъ сталъ громко кричать, а самка отвѣчала ему короткимъ и тихимъ звукомъ. Днемъ обѣ птицы сидѣли спокойно, а ночью иногда очень сильно шумѣли. Самка положила первое яйцо 2-го января и сидѣла на немъ одинъ день или нѣсколько долѣе; когда она оставила гнѣздо, то самецъ занялъ ея мѣсто, и съ этого времени насиживалъ постоянно. 7-го февраля самка положила второе яйцо и тотчасъ оставила гнѣздо. Тогда обѣ птицы заняли оба противоположныхъ угла своего помѣщенія: самецъ сидѣлъ на обоихъ яйцахъ подъ снопами, а самка, какъ и прежде, расположилась въ другомъ углу, выбранномъ ею для дневного отдыха. Какъ только началось насиживанье, обѣ птицы стали совсѣмъ молчаливы. Барглетъ, который сообщилъ намъ вышеизложенное, говоритъ, что яйца лежали очень близко одно къ другому въ небольшомъ углубленіи, сдѣланномъ въ соломѣ. Вышеупомянутый натуралистъ замѣтилъ, что самецъ сидѣлъ на яйцахъ такъ, что длинная ось ихъ приходилась вдоль его тѣла, а не поперекъ, иначе его узкое тѣло не было бы достаточно широко, чтобы покрыть собою очень крупныя яйца, острые концы которыхъ торчали наружу. Самецъ усердно насиживалъ яйца до 25-го апрѣля и наконецъ сошелъ съ гнѣзда, причѣмъ былъ очень обезсиленъ. Яйца были гнилыя. Они необыкновенно велики и вѣсъ ихъ примерно равняется четверти вѣса самки.

Отрядъ V°.

Водяныя курочки (Phalaridornithes).

Между журавлиными и куриными стоитъ въ системѣ Фюрбрингера отрядъ водяныхъ курочекъ, обѣ группы котораго съ двумя семействами въ каждой образуютъ одинъ только подотрядъ (Raliformes). Кромѣ богатаго видами семейства пастушковъ сюда относятся бѣдныя видами семейства выряющихъ курочекъ, голенастыхъ пастушковъ и триперстокъ. Два первыхъ семейства Фюрбрингеръ соединяетъ въ одну группу **Лысуховыхъ** (Fulicarinae. Rallenartige).

Патъ водяной пастушокъ можетъ служить представителемъ семейства **Пастушковыхъ** (Rallidae. Ral'en), распространеннаго по всей землѣ. Это красивыя болотныя птицы съ высокимъ, сильно сжатымъ съ боковъ тѣломъ, средней длины шеей, маленькой головой, сжатымъ съ боковъ клювомъ различной формы, рѣдко превышающимъ длину голову. Ноги у нихъ высокія, длиннопалыя, всегда съ сильно развитымъ заднимъ пальцемъ; крылья довольно короткія, округленныя, не достигающія до конца хвоста, когда сложены; хвостъ длинный, закругленный и состоитъ изъ 12 перьевъ; опереніе густое, но гладко прилегающее. Округлый черепъ имѣетъ хорошо сформированный сводъ, затылочное отверстіе значительныхъ размѣровъ, межглазничная перегородка продырявлена, слезная кость умѣренной величины, вообще голова похожа на журавлиную. Позвоночникъ состоитъ изъ 13 длинныхъ шейныхъ позвонковъ, 10 свободныхъ грудныхъ и 8 небольшихъ хвостовыхъ, изъ которыхъ послѣдній обыкновенно укороченъ, соотвѣтственно слабому развитію хвоста. Довольно длинная, но очень узкая грудная кость съ высокимъ гребнемъ имѣетъ на заднемъ концѣ своемъ съ каждой стороны по длинному, узкому отростку, который ограничиваетъ находящіяся съ каждой стороны выемки, затянутыя кожей. Почти всѣ кости выполнены костнымъ мозгомъ. Языкъ довольно длинный и заостренный, глотка широкая и складчатая, железистый желудокъ продолговатый, мускульный, хорошо развитъ и силенъ.

Пастушки водятся на всемъ земномъ шарѣ и населяютъ болотистыя или по крайней мѣрѣ сырыя мѣстности. Нѣкоторые изъ нихъ живутъ въ настоящихъ торфяникахъ или поросшихъ камышомъ прудахъ и озерахъ, другіе на лугахъ и хлѣбныхъ поляхъ, немногіе даже въ лѣсахъ. Они ведутъ скрытый образъ жизни, и кажутся какъ можно меньше, рѣшаются взлетать лишь въ случаѣ крайней

необходимости и мастерски умѣютъ прятаться среди растеній, находящихся въ ихъ мѣстахъ жительства. Они всѣ превосходно бѣгаютъ, немногіе порядочно плаваютъ, нѣкоторые даже ныряютъ; но всѣ виды пастушковыхъ принадлежатъ къ самымъ плохимъ легунамъ. Ихъ громкій, большею частью въ высшей степени своеобразный голосъ раздастся въ вечерніе и утренніе часы, иногда въ теченіи долгаго времени безъ перерыва. Чувства ихъ хорошо развиты, душевныя способности не слишкомъ слабыя и нравъ у нихъ пріятный. Очень немногіе виды живутъ обществами. За исключеніемъ періода спариванья пастушки соединяются иногда въ небольшія стаи, чтобы болѣе или менѣе долго прожить обществомъ на одномъ мѣстѣ или вмѣстѣ пуститься въ путь. Они вообще обращаютъ мало вниманія на другихъ птицъ и животныхъ, хотя, повидимому, находятся въ ихъ обществѣ довольно охотно. Они питаются какъ растительными, такъ и животными веществами, ѣдятъ сѣмена и также очень охотно, а по временамъ можетъ быть и исключительно, наѣкомыхъ, ихъ личинокъ, слизней, червей, яйца другихъ птицъ или даже маленькихъ гнѣздовыхъ птенцовъ. Болѣе крупныя виды этого семейства—настоящіе хищники, истребляющіе даже взрослыхъ мелкихъ позвоночныхъ. Гнѣздо строится по близости воды, часто надъ самой ея поверхностью въ ситникѣ, осоцѣ и камышѣ, и сплетено достаточно хорошо, чтобы въ него не могла проникать вода; оно заключаетъ весною 3—12 яицъ, усѣянныхъ темными пятнами и крапинками по блѣдному фону; яйца насиживаются обоими родителями. Одѣтые шерстистымъ пухомъ птенцы принадлежатъ къ выводковымъ и потому чрезвычайно трудно поддаются наблюденію. Извѣстно впрочемъ, что они очень рано становятся самостоятельными, и что родители въ теченіи лѣта пристунаютъ ко второй кладкѣ. За пастушками собственно не охотятся, потому что эта охота даже съ помощью хорошей легавой собаки обѣщаетъ мало; но при случаѣ ихъ убиваютъ, такъ какъ мясо ихъ очень вкусно. Содержаніе ихъ въ неволѣ доставляетъ гораздо больше удовольствія, чѣмъ охота за ними. Пастушки всѣ безъ исключенія принадлежатъ къ самымъ пріятнымъ птицамъ, какихъ только можно держать, но требуютъ большого помѣщенія и тщательнаго ухода.

Подсемейство **Лысухъ** (*Gallinulinae*. *Wasserhühner*. *Foulques*) отличается короткой плюсной и пальцами, прикрѣпленными къ плюснѣ на одинаковой вышинѣ. Представители его населяютъ заросшія камышомъ озера, большіе торфяники и болота, пруды и поросшіе берега рѣкъ, но всегда прѣсныя воды. Онѣ часто держатся въ камышахъ и еще чаще на покрытой растеніями поверхности воды и болѣе ловко плаваютъ и ныряютъ, нежели бѣгаютъ; полетъ ихъ тяжелый, неровный, и онѣ скоро устаютъ. Лысухи не принадлежатъ къ числу уживчивыхъ птицъ: онѣ ревниво оберегаютъ разъ избранное ими мѣсто, изгоняютъ изъ него всѣхъ другихъ птицъ своего же вида, а если могутъ, то и вообще всѣхъ другихъ птицъ, причѣмъ обнаруживаютъ мужество, вовсе не соответствующее ихъ небольшому росту. Онѣ разбойнически нападаютъ на мелкихъ птицъ и особенно вредны гнѣздамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ лысухи очень нѣжныя супруги и необыкновенно преданные своему потомству и самоотверженные родители. Онѣ строятъ свой безыскусственно сплетенный гнѣзда изъ листьевъ камыша и тростника, въ самомъ камышѣ или по близости отъ него, часто такъ, что гнѣздо плаваетъ на поверхности воды. Кладка состоитъ изъ 4—12 яицъ съ гладкой скорлупой, покрытой пятнами и крапинками. Птенцы вылупляются въ красивомъ темноокрашенномъ пухомъ нарядѣ. Послѣ птенцоваго періода старше и молодые вмѣстѣ покидаютъ рѣ-

дину и улетаютъ въ болѣе южныя или въ другомъ отношеніи болѣе благоприятныя имъ страны.

Такъ какъ пища лысухъ состоитъ преимущественно изъ растительныхъ веществъ, то легко приучить всѣ виды ихъ къ клѣточному корму и держать ихъ на немъ годами. Въ неволѣ онѣ чрезвычайно легко приручаются, привыкаютъ свободно вылетать и прилетать, идутъ за своимъ хозяиномъ и слѣдуютъ за нимъ по пятамъ во время его прогулокъ, но неприятны, по крайней мѣрѣ болѣе крупныя виды, тѣмъ, что нападаютъ какъ хищники на молодыхъ домашнихъ птицъ и убиваютъ ихъ.

Мясо лысухъ значительно уступаетъ по вкусу мясу другихъ болотныхъ и водныхъ птицъ, но, приготовленное должнымъ образомъ, представляетъ все-таки сносное блюдо. Помимо этого, дѣйствительный вредъ, наносимый ими тамъ, гдѣ онѣ появляются въ большихъ количествахъ, вызываетъ преслѣдованіе ихъ человекомъ. Кромѣ того лысухи много страдаютъ онѣ нападеніи хищниковъ, особенно соколовъ, хотя имъ и удается часто спастись, ловко вырва и спрячась въ камышѣ.

* * *

Водяныя нурочки (*Fulica. Wasserhuhn. Poule d'eau*) отличаются отъ другихъ пастушковыхъ лопастными перепонками на пальцахъ. Тѣло ихъ—сильное, нѣсколько сжатое съ боковъ, шея средней длины, голова довольно большая. Клювъ въ формѣ сплюснутаго конуса съ острыми, слегка озубренными краями. Характерный для всего семейства лобный щитъ значительныхъ размѣровъ. Довольно высокія, крѣпкія ноги сжаты съ боковъ и особенно отличаются лопастными перепонками на длинныхъ пальцахъ. Крылья средней длины, второе и третье маховыя перья длиннѣе прочихъ; очень короткій хвостъ, состоящій изъ 14—16 рулевыхъ перьевъ, скрытъ подъ кроющими перьями. Опереніе чрезвычайно густое.

Общезвѣстный представитель этого рода—**Лысуха** (*Fulica atra, aterrima, aethiops, major, pullata, nipalensis, leucogyx, cinereicollis, australis, platyura. Wasserhuhn. Foulque d'Europe*). Преобладающій цвѣтъ ея оперенія довольно равномерный аспидно-черный, на головѣ и шеѣ болѣе темный, на груди и брюхѣ болѣе свѣтлый, чѣмъ на спинѣ. Глаза ярко-красныя, клювъ вмѣстѣ съ лобнымъ щитомъ совершенно бѣлый, передняя сторона плюсны красно-желто-зеленая. Первое опереніе молодой птицы представляетъ смѣсь цвѣтовъ свѣтло-сѣраго и чернаго, благодаря широкимъ бѣловатымъ каймамъ на краяхъ перьевъ, а нижнія шейныя перья имѣютъ жирный отливъ. Длина 47 см., размахъ крыльевъ 78, длина крыла 23, а хвоста 8 см.

Лысуха распространена по всей Европѣ и Средней Азій; кромѣ того она встрѣчается зимою во всей Африкѣ, южной Азій и Австраліи.

Въ южной Европѣ, именно въ Испаніи и Португаліи, а также въ сѣверо-западной части Африки ее замѣняетъ **Испанская лысуха** (*Fulica cristata, mitrata, Lurha cristata. Kammblesshuhn. Foulque espagnol*). Похожая на лысуху по цвѣту своего оперенія, она отличается отъ послѣдней голымъ низкимъ двойнымъ гребнемъ на передней части темени; обѣ лопасти его сходятся спереди назадъ подъ острымъ угломъ и обрамляютъ лобный щитъ. Длина ея достигаетъ 43 см., размахъ крыльевъ 77, длина крыла 22, а хвоста 8 см.

Въ Германіи лысуха встрѣчается на всѣхъ подходящихъ для нея водныхъ

пространствахъ. Избѣгая рѣкъ и потоковъ, а также моря, она всего охотнѣе селится на озерахъ и прудахъ, берега которыхъ заросли камышомъ и высокими тростникомъ. На зимовку она переселается въ южную Европу и сѣверную и среднюю Африку на озера морского побережья и богатыя водою болота, безразлично—прѣсноводныя или соленыя. Въ Германіи она появляется весной, какъ только растаютъ снѣгъ и ледъ, т. е. то нѣсколько раньше, то нѣсколько позже, и проводитъ все лѣто на одномъ мѣстѣ; осенью она начинаетъ кочевать, собирается, въ противоположность своимъ родичамъ, въ большія стаи на болѣе обширныхъ водныхъ пространствахъ и въ октябрѣ и ноябрѣ перелетаетъ на югъ. На зимовку она располагается тамъ, гдѣ находятъ незамерзшія воды, при случаѣ даже въ Германіи.

Сообразно устройству своихъ плавательныхъ ногъ, лысуха держится больше на водѣ, чѣмъ на сушѣ; но часто выходитъ и на берегъ, особенно около полудня, чтобы отдохнуть и почистить перья. Она можетъ довольно хорошо бѣгать по ровному мѣсту, хотя ея неуклюжія ноги мало для этого пригодны, но чаще и дольше плаваетъ. Ноги ея—прекрасныя весла, такъ какъ длина пальцевъ вполне возмѣщаетъ недостаточную ширину плавательныхъ перепонокъ. Умнѣемъ нырять она соперничаетъ со многими плавающими птицами; она можетъ опускаться на значительную глубину и передвигаться подъ водой на большія разстоянія, работая своими крыльями какъ веслами. Летаеть она нѣсколько лучше камышницы, но все-таки довольно плохо; поэтому она рѣдко рѣшается подняться. Чтобы взлетѣть, ей нужно сильно разбѣжаться; при этомъ она несется по поверхности воды, хлопая крыльями и такъ сильно шлепая ногами, что плескъ слышится на далекое разстояніе. Крикъ ея—рѣзкое «кѣв» или «кюв», которое, быстро удваиваясь или утраиваясь, напоминаетъ лай собаченки; кромѣ того она издаетъ краткое, твердое «питц» и иногда глухое щелканье.

По нраву лысуха нѣсколько отличается отъ близкой ей камышницы. Она такъ же мало пуглива, какъ и та, но осторожна и, прежде чѣмъ довѣриться, долго испытываетъ, узнаеть и различаетъ людей, поселяется поэтому нерѣдко въ непосредственномъ сосѣдствѣ жилья, именно мельницъ, но вообще больше камышницы избѣгаетъ сосѣдства людей. Въ періодъ спариванія каждая пара оберегаетъ свои владѣнія и не терпитъ въ нихъ никакихъ сожителей. Тотчасъ послѣ вывода птенцовъ отдѣльныя семьи соединяются въ общества, которыя мало-по-малу разрастаются въ неисчислимыя стаи. На зимнихъ квартирахъ послѣднія иногда буквально покрываютъ необозримыя пространства на поверхности богатыхъ пищею озеръ; но и здѣсь эти общества неохотно терпятъ въ своей средѣ другихъ плавающихъ птицъ и въ особенности стараются прогнать утокъ.

Пища лысухи состоитъ изъ водныхъ насѣкомыхъ, ихъ личинокъ, червей, мелкихъ моллюсковъ и различныхъ растительныхъ веществъ, находимыхъ въ водѣ. Разоряетъ-ли она гнѣзда мелкихъ птицъ, подобно своимъ родичамъ, не доказано, хотя и не вѣроятно. Она отыскиваетъ пищу плавая и ныряя, т. е. собираетъ ее съ поверхности или достаетъ со дна. Говорятъ, что на югѣ она иногда выходитъ изъ воды въ сосѣднія хлѣбныя поля за кормомъ; наблюденія надъ плѣнными лысухами согласуются съ этимъ сообщеніемъ, такъ какъ онѣ долго живутъ въ неволѣ на одномъ зернѣ и считаютъ его основною пищею, даже если имъ давать и рыбу.

Тотчасъ послѣ прилета лысуха приступаетъ къ постройкѣ гнѣзда, если поселяется на небольшомъ прудѣ; на большихъ-же водныхъ пространствахъ, гдѣ селится много паръ, имъ приходится выдержать нѣсколько битвъ, чтобы завое-

вать известное место. По словам Наумана, там, где их соберется много, нить конца дракамъ, возгнѣ, плеску и крику. Сосѣди очень часто переступаютъ чужую границу, и законный хозяинъ стремительно и гнѣвно бросается прогонять пришельца. Согнувшись, щелкая клювомъ и плескаясь въ водѣ, противники наступаютъ другъ на друга, внезапно поднимаются и пускаютъ въ ходъ всѣ оружія, которыми располагаютъ: колютъ клювомъ, бьютъ крыльями, топчутъ ногами, пока одинъ изъ нихъ не отступитъ. Гнѣздо всегда расположено въ камышѣ или около него около самой воды, нерѣдко на перегнутыхъ стебляхъ камыша и т. п.; не менѣе часто оно плаваетъ на поверхности воды. Основа его состоитъ изъ кусковъ камыша и соломинъ, а внутренняя выстилка изъ болѣе отборныхъ матеріаловъ, какъ стебли ситника и мятлика, тонкія соломинки и травинки, иногда тщательно обработанные. Въ серединѣ мая въ гнѣздѣ находится 7—15 крупныхъ яицъ, въ среднемъ 53 мм. въ длину и 36 мм. въ толщину. Тонкая, но прочная матовая скорлупа ихъ очень изящно разрисована пепельно-сѣрыми, темно-бурыми и черно-бурыми пятнами и крапинками по блѣдному глинисто-желтому или желто-бурому фону. Черезъ 20 или 21 день послѣ кладки вылущаются изъ яицъ очень красивые птенцы, покрытые чернымъ пухомъ, за исключеніемъ ярко-красной головы. Едва они успѣютъ обсохнуть, какъ родители ведутъ ихъ въ воду; оба кормятъ ихъ, согрѣваютъ подъ крыльями, предупреждаютъ объ опасности, даже защищаютъ мужественно отъ менѣе сильныхъ враговъ, вообще заботливо ухаживаютъ за ними. Сначала птенцы держатся преимущественно въ камышахъ или на берегу въ безопасныхъ мѣстахъ; на ночь они обыкновенно возвращаются въ гнѣздо. Потомъ они постепенно отдаляются отъ родителей и становятся совершенно самостоятельными, еще раньше, чѣмъ научатся хорошо летать.

Несмотря на то, что мясо лысухи по вкусу еще хуже мяса ея родичей, тѣмъ не менѣе на нее кое-гдѣ усердно охотятся. «Когда въ концѣ сентября», рассказываетъ Науманъ, «тысячи этихъ птицъ собираются на большихъ прудахъ, свободныхъ отъ камыша и тростника, тогда группы охотниковъ на 12—20 лодкахъ медленно и въ порядкѣ подплываютъ къ черной стаѣ. Вначалѣ то здѣсь, то тамъ приходится спугнуть отдѣльныхъ птицъ и заставить ихъ перелетѣть на другое мѣсто; но вскорѣ, когда стая замѣтитъ, что ее тѣснятъ со всѣхъ сторонъ, она начинаетъ беспокоиться, движеніе становится болѣе общимъ; наконецъ она снимается вся и предшествующій взлету перекрестный плескъ напоминаетъ шумъ отдаленнаго водопада. Такъ какъ лысухи вообще неохотно летаютъ надъ сушей, то только часть ихъ рѣшается пролетѣть по-одиночкѣ надъ лодками по направленію къ берегу, а остальные опять опускаются на середину пруда шаговъ въ 300—400 отъ лодокъ. Подобравъ убитыхъ, лодки опять наступаютъ въ боевомъ порядкѣ, пока, наконецъ, испуганныя птицы не поднимутся высоко и не улетятъ совершенно. Эта охота представляетъ большое удовольствіе лишь для стрѣлковъ, которые любятъ много треска и жертвъ». На Мансфельдскомъ озерѣ рыбаки, набравъ въ лодку камней и вооружившись палками, медленно подплываютъ къ стаѣ лысухъ,—пока онѣ не придутъ въ безпокойство; тогда рыбаки наступаютъ на нихъ, испугиваютъ ихъ, бросая камнями, и заставляютъ постоянно пырять; наконецъ утомленные птицы подпускаютъ къ себѣ лодку такъ близко, что ихъ бьютъ палками. Въ Италіи, гдѣ продаютъ лысухъ на базарахъ, имъ разставляютъ подъ водою сѣти и ловятъ ихъ такимъ способомъ тысячами.

Лысуха только тогда выживаетъ въ неволѣ, если ей дать большой чашъ съ водой или отвести ей прудъ. Здѣсь она очень занимательна, такъ какъ постоянно чѣмъ-нибудь занята. Ея подвижность, задорность и мужество передъ болѣе круп-

ными птицами очень привлекательны. Въ хорошихъ условіяхъ она размножается въ неволѣ, и тогда можно имѣть удовольствіе наблюдать съ полнымъ удобствомъ красивыхъ птенцовъ.

* *

Водяная курица, Камышница зеленоногая (*Gallinula chloropus, orientalis, galeata, parvifrons, minor, ardesiaca, pyrrhohoa, Stagnicola chloropus, minor, parvifrons, brachyptera, meridionalis, septentrionalis, Fulica chloropus, albiventris, Crex galeata. Teichhuhn. Poule d'eau commune*), представитель рода того же имени (*Gallinula*), очень изящная птица, несмотря на простоту окраски своего оперенія. Главными признаками ея служатъ: конусовидный, сжатый съ боковъ клювъ съ лобнымъ щитомъ и острымъ мелко зубчатымъ краемъ; ноги большія и длинные пальцы съ широкой подошвой и лопастыми перепонками; тупыя крылья широкія, третье маховое перо у нихъ всего длиннѣе; хвостъ короткій изъ 12 перьевъ и богатое, густое опереніе въ общемъ темнаго аспидно-сѣраго цвѣта. Нижнія шейныя перья и спина оливково-бурая, въ пахахъ съ бѣлыми пятнами и гузка совсѣмъ бѣлая. Глаза окружены тройнымъ кольцомъ, внутри желтымъ, затѣмъ черновато-сѣрымъ и снаружы краснымъ. Клювъ при основаніи сургучно-красный, на концѣ желтый; ноги желто-зеленыя. Длина достигаетъ 31 см., размахъ крыльевъ 60, длина крыла 20, длина хвоста 20 см.

Зеленоногая камышница распространена по всѣмъ частямъ свѣта, хотя и отдѣльными устойчивыми разновидностями. Въ Европѣ, за исключеніемъ крайняго сѣвера, она встрѣчается повсюду. Въ Германіи, какъ перелетная птица, она появляется въ концѣ марта и улетаетъ въ октябрѣ, но иногда здѣсь и зимуетъ; она кочуетъ, вѣроятно, парами и большею частію пѣнкомъ. Весной самецъ и самка появляются на родномъ прудѣ обыкновенно въ ту же ночь, въ исключительныхъ случаяхъ одинъ вскорѣ послѣ другого. Науманъ, наблюдавшій въ своемъ саду за одной парочкой въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, замѣчалъ первымъ то самца, то самку. Однажды самка прилетѣла одна, тщетно пыталась приманить кого-нибудь изъ пролетающихъ самцовъ и послѣ двухъ недѣль ожиданія и страстныхъ призывовъ исчезла опять. Другой разъ самецъ прилетѣлъ одинъ; онъ сталъ звать безъ перерыва днемъ и ночью, примѣшая часто къ своему призыву такія жалобныя ноты, что его нельзя было слушать безъ состраданія, пока, наконецъ, на пятую ночь не явилась желанная подруга. Какъ только парочка завладѣетъ прудомъ, она уже не обращаетъ больше вниманія на зовъ пролетающихъ надъ нею камышницъ; но если явился только одинъ изъ супруговъ, то онъ отвѣчаетъ пролетающему подобными же звуками, приглашая его спуститься къ нему.

Любимымъ мѣстопробываніемъ камышницы служатъ маленькіе пруды, поросшіе по краямъ камышомъ и осокой или по крайней мѣрѣ закрытые тростникомъ и кустарниками и частью покрытые плавающими водяными растеніями. Каждая пара старается завладѣть цѣлымъ прудомъ и только на болѣе значительныхъ водныхъ пространствахъ селится ихъ нѣсколько, изъ которыхъ каждая строго придерживается тогда своихъ владѣній. Если нѣсколько прудовъ расположены не соседству, то задорные самцы посѣщаютъ другъ друга, чтобы затѣять драку; но ихъ всегда прогоняютъ, такъ какъ обѣ птицы одной пары соединяются вмѣстѣ, чтобы проучить дерзкаго пришельца.

«Если лебедь», говорятъ Либс, «служитъ эмблемой гордаго величія, то камышница является эмблемой граціозной подвижности. Одаренная какъ едва-ли какалнибудь другая птица, краснолобая курочка ныряетъ такъ же ловко, какъ, ныряетъ въ камышъ и тростникъ. Днемъ она плаваетъ между листьями кувшинки

и жабникомъ почти такъ-же легко и граціозно, какъ чайка, вылавливая кое-что то здѣсь, то тамъ; то нырнетъ и вытащитъ со дна пучекъ водяной крапивы (*Ceratophyllum*) или урути (*Myriophyllum*), чтобы отыскать на поверхности ихъ горюшниковыхъ раковинъ (*Pisidium*) и водяныхъ насѣкомыхъ. Вечеромъ и ночью она охотно взбирается на тростникъ, захватывая своими длинными пальцами сразу по 3—4 стебля, притомъ такъ осторожно, что почти не производитъ шума. Ко времени спариванія она охотно поднимается на вершины ивъ, окружающихъ прудъ, и возится здѣсь по цѣлымъ часамъ. Если спугнуть ее, она бѣжитъ, порхая по плавающимъ листьямъ водяныхъ растеній или, нырнувъ, какъ бы исчезаетъ изъ пруда». При опасности она плыветъ подъ водой, быстро загребая крыльями, на минуту поднимается къ поверхности, чтобы подышать, высунувъ изъ воды только клювъ, и плыветъ дальше. Она летаетъ вяло, тяжело порхая, медленно, почти по прямой линіи, обыкновенно низко надъ поверхностью воды; только поднявшись на извѣстную высоту, она летитъ легче; при этомъ она прямо вытягиваетъ шею и ноги.

«Она обладаетъ», говоритъ мой отецъ, «особымъ умѣньемъ прятаться. Тамъ, гдѣ есть хоть немного камыша, она скрывается такъ хорошо, что ее невозможно отыскать. Она погружается вѣсьмъ тѣломъ въ воду, а голову прячетъ за камышъ. Какъ только приблизится легавая собака, она ныряетъ и обезпечена отъ всякой опасности. Однажды мы преслѣдовали водяную курицу, какъ вдругъ она исчезла. Я совершенно точно зналъ мѣсто, гдѣ она спряталась, и послѣ тщательныхъ поисковъ замѣтилъ, что она такъ ловко прижалась къ берегу, что только красная окраска клюва выдавала ее. Другой разъ я выстрѣлилъ въ водяную курицу на небольшомъ прудкѣ, шаговъ 12 въ діаметрѣ, съ очень рѣдкими кустиками водяныхъ травъ. Послѣ выстрѣла она исчезла въ одно мгновеніе. Мы заставили хорошую охотничью собаку нѣсколько разъ обыскать маленькій прудъ—и все напрасно. Наконецъ одинъ изъ сопровождавшихъ меня охотниковъ раздѣлся, изслѣдовалъ руками и ногами весь небольшой и мелкій прудъ, но не могъ найти никакого слѣда нашей птицы. Другая также нырнула тотчасъ послѣ выстрѣла и не появлялась больше на поверхности. Одинъ изъ моихъ товарищей принесъ шесть и сталъ болтать имъ по дну въ томъ мѣстѣ, гдѣ скрылась птица. Она тогда всплыла и была убита. Еще другая, исчезнувшая такимъ же образомъ, была замѣчена нами послѣ долгихъ поисковъ на днѣ пруда, гдѣ она держалась, ухватившись ногами за траву. Мы поймали ее руками». На одну изъ самыхъ тонкихъ хитростей водяной курицы обратилъ мое вниманіе Либс. «Если замѣтить время», такъ рассказывалъ онъ мнѣ, «когда камышницы держатся на чистой поверхности воды, свободной отъ растеній, по близости высокой плотины, выслѣдить ихъ, осторожно взобраться на плотину и потомъ вдругъ выскочить на ея вершину, испуганные птицы тотчасъ ныряютъ и болѣе не показываются. Если теперь тщательно осмотрѣть поверхность воды, можно замѣтить, и часто на разстояніи всего нѣсколькихъ шаговъ, что какой-нибудь листъ кувшинки или шпажвика нѣсколько приподнять и подъ нимъ черный глазъ камышницы, которая сидитъ неподвижно, ухватившись за черешокъ листа и высунувши изъ воды только часть головы подъ защитой листа. Часто повторяя этотъ опытъ, можно увидѣть сначала легкое колебаніе листа, по черешку котораго взлѣзаетъ птица, и уловить затѣмъ моментъ, когда она осторожно приподнимаетъ его пластинку». Я послѣдовалъ совѣту Либса и видѣлъ то же, что и онъ. Голосъ камышницы громкій и сильный. Призывной крикъ ея вродѣ «терр терр», предупрежденіе объ опасности вродѣ «кертт тетт» или, если оно относится къ птенцамъ, тихое «гурр гурр». Она издаетъ кромѣ

того рѣзкое карканье или громкое «кюр», выражающее, кажется, страхъ, и на легу звонкое, далеко слышное «кекк кекк».

Водяная курица просыпается и начинаетъ свою дѣятельность раннимъ утромъ и засыпаетъ поздно. На прудахъ, отдаленныхъ отъ человѣческаго жилья, она прячется днемъ въ камышѣ и только утромъ и вечеромъ выходитъ на открытую поверхность воды, но при появленіи человѣка какъ можно скорѣе скрывается въ камыши; напротивъ, тамъ, гдѣ она привыкла къ человѣку и увѣрена въ его защитѣ, она становится очень ручной. Парочка, населявшая прудъ около сада Наумана, приручилась не менѣе домашней птицы и сразу отличала чужихъ людей отъ своихъ знакомыхъ, но не могла выносить, чтобы даже послѣдніе пристально на нее смотрѣли. Даже нанесенныя ей обиды она забывала скоро. Нѣсколько разъ ловили то одну изъ птицъ одной пары, то другую и отпускали опять на свободу и, уже черезъ нѣсколько дней онѣ прощали причиненное имъ безпокойство. Съ другими животными парочка водилась неохотно; она со страхомъ убѣгала отъ чужихъ собакъ; гуси и утки также были ей непріятны. Водяныя куры часто прогоняютъ утокъ и даже нападаютъ на гусей; но если послѣдніе приходятъ къ нимъ часто и въ большомъ числѣ, онѣ принуждены, по словамъ Наумана, «подавляя гвѣвъ, сохранять миръ; но эти усилія надъ собой имъ чрезвычайно непріятны».

Весной каждой парѣ приходится выдержать продолжительныя бои съ другими, отыскивающими себѣ мѣстожительство. Едва приблизится чужая камышница, самецъ бросается на пришельца, распусшивъ крылья и нагнувъ голову, полу-плавая, полу-бѣгая по водѣ; онъ рубитъ клювомъ и царапаетъ ногами, бьетъ крыльями и, если противникъ не отступаетъ, зоветъ на помощь самку, пока наконецъ не прогонитъ его. Такія драки случаются даже тогда, когда уже начата постройка гнѣзда. Послѣднее виситъ обыкновенно въ пучкѣ камыша на перегнутыхъ внизъ листьяхъ его или плаваетъ на поверхности воды между нѣсколькими пучками, рѣже лежитъ на сухомъ бугрѣ, въ камышѣ. Кусочки дерева, дощечки, домики для гнѣздъ утокъ и тому подобныя матеріалы, плавающие на водѣ, идутъ въ дѣло. Оба супруга строятъ сообщца, иногда тщательно, но обыкновенно—небрежно. Листья камыша, свѣжіе и сухіе, настилаются другъ на друга и заплетаются сверху въ видѣ корзины. Углубленіе гнѣзда глубокое, чашеобразное. По окончаніи постройки самка приступаетъ къ кладкѣ. Яйца, въ числѣ 7—12, сравнительно велики, около 47 мм. длиной и 29 мм. толщиной, имѣютъ плотную мелкозернистую скорлупу, гладки, безъ блеска и усѣяны по ржаво-желтому фону множествомъ фіолетово-сѣрыхъ и пепельно-синихъ точекъ, коричнево- и красно-бурыхъ крапинокъ и пятнышекъ. Родители насиживаютъ оба въ теченіи 20—21 дня, самецъ, впрочемъ, только въ то время, пока самка отыскиваетъ пищу. Отцу моему принесли гнѣздо съ 11 наклеванными яйцами, въ которыхъ уже слышался пискъ птенцовъ; изъ жалости онъ велѣлъ отнести гнѣздо на то-же мѣсто, откуда его взяли, и самка тотчасъ приняла яйца, несмотря на то, что болѣе трехъ часовъ не видала ихъ, и дѣйствительно высидѣла ихъ. Выдуившіеся птенцы остаются около 24 часовъ въ гнѣздѣ, а затѣмъ выводятся на воду, гдѣ самецъ ихъ радостно привѣтствуетъ.

«Семья этихъ птицъ», говоритъ мой отецъ, «доставляетъ пріятное развлеченіе. Птенцы илывутъ рядомъ съ родителями или за ними и зорко слѣдятъ за тѣмъ, когда родители поймаютъ для нихъ наѣкомое или червяка; птенцы бросаются тогда къ нимъ, чтобы какъ можно скорѣе получить добычу. Черезъ нѣсколько дней они научаются сами отыскивать себѣ пищу и родители только водить, предостерегаютъ и охраняютъ ихъ. Черезъ двѣ недѣли они могутъ уже прокормиться сами. Родители приступаютъ тогда ко второй кладкѣ». Если имъ

удается благополучно вывести и это новое поколѣніе, зрѣлище становится еще занимательнѣе. «Какъ только птенцы второго поколѣнія появятся на поверхности воды», рассказываетъ Науманъ, «къ нимъ подплываютъ полувзрослые птенцы перваго поколѣнія и дружески и предупредительныя относятся къ своимъ младшимъ братьямъ, раздѣляя заботы родителей. Взрослые и малыя, старыя и молодыя живутъ, такъ сказать, душа въ душу. Большіе птенцы раздѣляютъ съ родителями трудъ воспитанія своихъ младшихъ братьевъ, заботливо и съ любовью смотрятъ за ними, отыскиваютъ и приносятъ имъ въ клювъ пищу и предлагаютъ ее имъ точно такъ же, какъ родители дѣлали это въ свое время для нихъ самихъ и дѣлаютъ теперь для новорожденныхъ. Красивую картину представляетъ такая двойная семья, когда она, безстрашно разсыпавшись по поверхности прудка, находится въ полномъ разгарѣ дѣятельности. Каждый изъ взрослыхъ птенцовъ усердно предлагаетъ все, что ни найдетъ, своему маленькому брату, почему послѣдній плыветъ то за тѣмъ или другимъ, то за однимъ изъ родителей, пискомъ требуя пищи и одинаково довольный, кто-бы его ни удовлетворилъ первый. Такъ какъ обыкновенно во второмъ поколѣніи число птенцовъ меньше, чѣмъ въ первомъ и притомъ родители принимаютъ дѣятельное участіе въ заботахъ о маленькихъ птенцахъ, то на cadaго изъ нихъ приходится часто по два взрослыхъ птенца перваго поколѣнія, въ качествѣ пестуновъ. Птенчикъ плыветъ тогда обыкновенно между послѣдними, которые поочередно нѣжатъ и кормятъ его. Въ случаѣ опасности большіе птенцы очень умно предупреждаютъ маленькихъ, какъ и ихъ самихъ въ свое время предупреждали родители.»

Хотя камышица питается больше насчетъ животнаго, чѣмъ растительнаго царства и бѣтъ главнымъ образомъ жуковъ, стрекозъ, поденокъ, водяныхъ клоповъ и другихъ насѣкомыхъ, улитокъ и т. п., тѣмъ не менѣе она легко выживаетъ въ неволѣ и пріучается къ болѣе простой пищѣ. Она скоро покоряется своей участи, привязывается къ своему хозяину и ручается почти какъ султанская курочка. Мы держали ихъ нѣсколько штукъ на дворѣ вмѣстѣ съ курами; онѣ заходили иногда въ комнаты, слушались зова, однимъ словомъ вели себя какъ домашнія птицы. Одна изъ нихъ провела всю зиму на нашемъ дворѣ, отсюда она вылетала на сосѣдніе пруды, нашла себѣ, наконецъ, самку и переселилась съ ней на облюбованный прудъ, чтобы вывести потомство.

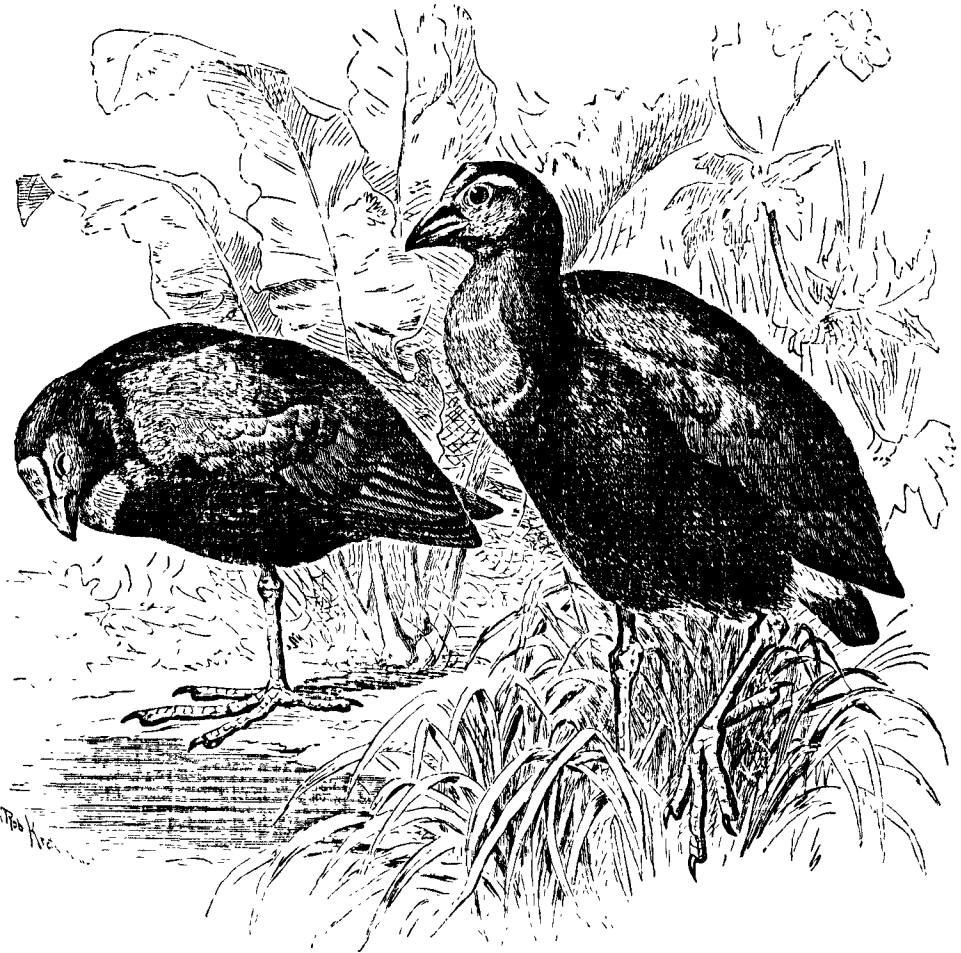
Въ Германіи за водяными курами не охотятся, такъ какъ онѣ умѣютъ расположить къ себѣ всякаго, и мясо ихъ такъ сильно отдастъ болотомъ, что вовсе не удовлетворяетъ избалованному вкусу; въ южной Европѣ, напротивъ, не щадятъ и ихъ.

* *
*

Очень большой лобный щитъ характеризуетъ **Порфиросцевъ** или **Султанскихъ нурицъ** (*Porphyrio Sultanshuhn. Talève*), европейскій представитель которыхъ содержался древними римлянами и греками въ близости храмовъ и считался подъ покровительствомъ боговъ. Разные виды этого рода—болшею частію плотно сложенные птицы средней величины; онѣ имѣютъ сильный, твердый, толстый клювъ, очень высокій и почти равный длиною головѣ, большой лобный щитъ, длинныя сильныя ноги съ большими вполнѣ раздѣльными пальцами, крылья умѣренной величины, четвертое маховое перо которыхъ всего длиннѣе, короткій, но для даннаго семейства сравнительно длинный хвостъ и гладко прилегающее, роскошно окрашенное опереніе.

Султанская курочка, **Синій Кашкадакъ**, (*Porphyrio hyacinthinus, antiquorum, caesius, Fulica coerulea. Purpurhuhn. Poule sultane commune*). Передняя часть го-

ловы и шея красиваго бирюзоваго цвѣта; задняя часть головы, затылокъ, брюхо и бедра темно-индиговаго цвѣта, который, переходя на нижнюю часть груди, спину и кроющія маховыя перья крыльевъ, становится ярче; гузка бѣлая. Глаза блѣдно-красныя; узкое кольцо вокругъ глазъ желтое, клювъ и лобный щитъ ярко-красныя; ноги красно-желтыя. У молодыхъ птицъ спина голубовато-сѣрая, а грудь и брюхо — съ бѣлыми пятнами. Длина достигаетъ 47, размахъ крыльевъ 83, длина крыла 24, длина хвоста 10 см.

Султанская курочка. *Porphyrus hyacinthinus*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

Султанская курочка живетъ въ болотистыхъ и богатыхъ водою мѣстностяхъ Италіи, Испаніи, Португаліи, юга Россіи, сѣверо-западной части Африки и Палестины; она залетаетъ нерѣдко на сѣверъ Италіи и въ южную Францію, нѣсколько разъ бывала замѣчена въ Великобританіи и разъ, въ 1788 году, была убита въ Мелхингенѣ, въ герцогствѣ Сигмарингенѣ. Суровыя зимы она проводитъ въ южной Испаніи и сѣверо-восточной Африкѣ; при болѣе умѣренной погодѣ она, изъ году въ годъ, остается на своей родинѣ.

Въ восточной Африкѣ ее замѣщаетъ одинаковая съ нею по величинѣ Египет-

ская порфириносна, Дикмэ арабовъ (*Porphyrio smaragdonotus, chloronotus, erythropus, aegyptiacus, madagascariensis, Fulica, Gallinula porphyrio, Sultanshuhn, Poule sultane (d'Egypte)*). Передняя часть шеи бурюзоваго цвѣта, задняя часть ея, основаніе крыльевъ и грудь—индиговаго, который постепенно переходитъ въ аспидно-черный цвѣтъ брюха; нижнія шейныя перья темно-зеленыя. Глаза желтовато-карие, клювъ кроваво-красный, ноги кирпично-красныя.

Въ противоположность вышеназванному виду, дикмэ періодически странствуетъ. Она появляется въ началѣ апрѣля на озерахъ нижняго Египта, выводитъ здѣсь птенцовъ и опять покидаетъ родину, чтобы перезимовать въ средней, восточной или южной Африкѣ. Говорятъ, что этотъ видъ залетаетъ и въ Европу, именно въ Сардинію и южную Францію.

Перечисляя птицъ, посѣщающихъ Европу, нельзя не упомянуть о **Маленькой порфириноскѣ** (*Porphyrio alleni, minutus, Gallinula alleni, mutabilis, Hydrornia porphyrio, Zwergpurpurhuhn, Talève naine*), которая живетъ въ средней, западной, восточной и южной Африкѣ и встрѣчается уже въ Марокко. Молодой экземпляръ ея былъ пойманъ, по словамъ Билле, около Лукки въ 1857 году, а за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ—другой у Албуферы близъ Валенціи, какъ насъ самихъ удостоверить въ этомъ Гираосъ. Голова, подбородокъ, бедра и гузка у нея черныя; нижнія шейныя перья, плечи и кроющія перья крыльевъ бурюватаго-оливково-зеленыя; надхвостье и верхнія кроющія перья хвоста темно-оливковаго цвѣта; шея, грудь и брюхо темнаго кобальтово-синяго цвѣта; маховыя перья оливково-буро-черныя съ зеленоватыми каемками; среднія перья хвоста бурюватаго-оливково-зеленыя, остальные черноватыя также съ каемками; нижнія кроющія перья хвоста бѣлыя. Глаза кирпично-красныя, клювъ кораллово-красный, лобный щитъ темнаго розово-краснаго цвѣта. У молодыхъ птицъ спина бурюватая, передняя часть крыльевъ зеленая, и здѣсь и тамъ перья имѣютъ желто-бурія каемки; грудь и брюхо бурюватаго-желтаго цвѣта, переходящаго на горлѣ въ болѣе свѣтлый оттѣнокъ; гузка кобальтово-синяго цвѣта; надхвостье черноватое. Длина достигаетъ 26, длина крыла 14, длина хвоста 6 см.

Порфириноски населяютъ преимущественно болота, лежація по близости хлѣбныхъ полей, а часто и рисовыя поля, которыя, находясь постоянно подъ водою, превращаются въ настояція болота. По своимъ нравамъ онѣ больше всего напоминаютъ нашу водяную курицу, но отличаются отъ нея болѣе гордой осанкой и исполненной достоинства, мѣрной и красивой походкой. Онѣ осмотрительно переставляютъ ноги, поднимая ихъ, складываютъ пальцы, опускаая—опять расправляютъ ихъ такъ, чтобы они занимали возможно большую поверхность, и сопровождаютъ каждый шагъ встряхиваніемъ хвоста. Порфириноски могутъ, впрочемъ, какъ водяная курица, нести по волнистой поверхности плавающихъ растений, полу-порхая, полу-бѣгая. Онѣ очень хорошо плаваютъ и идутъ въ воду, подобно водяной курицѣ, не только по необходимости, но очень охотно и часто сами,—легко держатся на волнахъ и плывутъ, граціозно кивая головой. На лету онѣ отличаются отъ своихъ родичей только красотой оперенія, но никакъ не ловкостью движеній. Онѣ неохотно поднимаются на воздухъ, неловко перепархиваютъ нѣкоторое пространство и снова опускаются на землю, всего охотнѣе въ камышъ, осоку или хлѣбъ, чтобы здѣсь спрятаться. Ихъ длинныя красныя ноги, свѣщенныя на лету, очень украшаютъ ихъ и позволяютъ отличить ихъ на далекомъ разстояніи. Голосъ ихъ напоминаетъ клохтанье и кудахтанье куръ, а также голосъ камышницы, только онъ сильнѣе и глубже. Относительно душевныхъ способностей этихъ птицъ мнѣнія наблюдателей расходятся. Собственно

пугливыми ихъ назвать нельзя; но онѣ очень осторожны и, испытавши преслѣдованія, становятся необычайно трусливыми. Темминкъ, передавая сообщеніе Кантрена, рассказываетъ, что, въ виду опасности, порфироски, спрятавъ голову въ болото, считаютъ себя достаточно скрытыми. Всѣ прочіе наблюдатели этого не замѣчали и арабы, отъ вниманія которыхъ не ускользнуло бы это обстоятельство, не сообщали мнѣ ничего подобнаго. Опираясь на собственныя наблюденія, я могу только сказать что дикмѣ по нравамъ своимъ похожи на водяную курицу, какъ и та держатся парами, избѣгаютъ общества себѣ подобныхъ и потому живутъ постоянно въ известной области, въ которой не терпятъ присутствія другой пары. Таковы-же, вѣроятно, нравы султанской курочки.

Порфироски питаются обыкновенно одними растительными веществами, какъ то: всходами хлѣбовъ и вообще травами, листьями и различными сѣменами, особенно рисомъ; но въ періодѣ вывода птенцовъ онѣ снуютъ по болотамъ, отыскиваютъ и разоряютъ гнѣзда не только слабыхъ, но и болѣе сильныхъ птицъ. Въ этомъ отношеніи онѣ очень вредны, и во всѣхъ болотахъ, населенныхъ султанскими курочками, можно найти массу разбитыхъ яичныхъ скорлупъ; въ плѣну порфироски также выказываютъ самыя разнообразныя хищническія склонности. Какъ хищныя птицы или какъ кошка передъ норой мыши подстерегаютъ онѣ воробьевъ, которые лакомятся остатками ихъ пищи. Одного удара сильнаго клюва достаточно, чтобы убить жертву; затѣмъ онѣ разрываютъ ее на части, придерживая одной ногой и ногой-же подносить куски ко рту. Рыбъ онѣ ѣдятъ съ жадностью.

До времени спариванія султанскія курочки держатся всего охотнѣе на рисовыхъ поляхъ, въ тростникѣ или камышѣ. Гнѣздо лежитъ вообще на самой поверхности воды, довольно тщательно скрыто, и состоитъ изъ травинковъ, рисовыхъ стебельковъ и листьевъ камыша и тростника, сложенныхъ нѣсколько небрежно; оно имѣетъ отдаленное сходство съ гнѣздами водяной курицы и заключаетъ въ маѣ 3—5 яицъ. Послѣднія въ среднемъ 55 мм. въ длину и 38 мм. въ толщину, красивой вытянуто-овальной формы, имѣютъ гладкую, но мало блестящую скорлупу серебрино-сѣраго, мясного или красно-сѣраго цвѣта, съ немногими большими буровато-красными пятнами, на которыхъ видны маленькія сѣровато-фіолетовыя пятнышки. Птенцы вылупляются въ синевато-черномъ пуховомъ опереніи и быстро начинаютъ плавать и нырять; оба родителя водятъ ихъ, оберегаютъ съ пѣжкою преданностью и предупреждаютъ объ опасности. Я наблюдалъ на египетскихъ порфироскахъ, которыхъ содержалъ, что оба родителя строятъ гнѣзда, поочередно насиживаютъ и вмѣстѣ водятъ птенцовъ; но самецъ сидитъ въ гнѣздѣ только то время, которое необходимо самкѣ, чтобы насытиться; когда-же насиживаетъ самка, онъ сторожитъ ее и нападаетъ на всѣхъ пернатыхъ пришельцевъ, особенно яростно — на себѣ подобныхъ. Послѣ 28-дневнаго насиживанія птенцы вылупляются изъ яицъ, но требуютъ еще много дной ухода, прежде, чѣмъ покинуть гнѣздо; до этого времени самка ходитъ ихъ и выкармливаетъ пищей, которую добываетъ самецъ для птенцовъ и для нея. Позже и самецъ принимаетъ участіе въ кормленіи птенцовъ: по примѣру самки, онъ беретъ кончикомъ клюва кусочекъ пищи такъ осторожно, что послѣдній какъ бы только прилипла къ нему и, наклонившись къ птенцамъ, до тѣхъ поръ держитъ передъ ними кормъ, пока они, наконецъ, не рѣшатся взять его у него съ клюва. Только на восьмой день жизни птенцы покидаютъ гнѣздо и начинаютъ бѣгать въ припрыжку и спотыкаясь; они мало по малу научаются ходить, затѣмъ бѣгать, но ихъ постоянно водитъ или одна самка, или то она, то самецъ и только очень поздно они рѣшаются сами подбирать пищу. Пуховое опереніе птенцовъ сплошь черное, какъ уголь, за исключеніемъ ярко-ржаво-красныхъ краевъ крыль-

евъ и нѣсколькихъ коричнево-красныхъ пятенъ на головѣ; оно становится сначала свѣтлѣе на брюхѣ и затѣмъ смѣняется постепенно опереніемъ молодой птицы; послѣднее на брюхѣ изжелта-сѣраго цвѣта, на спинѣ похожее на опереніе взрослой птицы и переходитъ въ него безъ линьки. Одновременно съ этимъ свѣтло-голубая окраска клюва и лобнаго щита и черно-синяя—ногъ, замѣняются постепенно красной. Въ декабрѣ наступаетъ первая линька, послѣ чего молодые ничѣмъ не отличаются отъ старыхъ.

Всѣ порфироски легко приручаются, приучаются скоро ко всякой пищѣ, привыкаютъ ко всѣмъ домашнимъ и мирно уживаются съ курами, если только у тѣхъ нѣтъ цыплятъ; если предоставить имъ больше свободы, онѣ ходятъ по двору и саду или же по улицѣ, приходятъ въ комнаты, во время обѣда выпрашиваютъ себѣ остатки и становятся настоящимъ украшеніемъ двора; онѣ долго выживаютъ въ неволѣ и при хорошемъ уходѣ даже размножаются.

Красивыя **Болотныя курочки** (*Ortygometra. Sumpfhühnchen*) характеризуются главнымъ образомъ короткимъ, сжатымъ съ боковъ клювомъ и длиннымъ заднимъ пальцемъ.

Изъ трехъ европейскихъ видовъ этого рода самый крупный—**Болотная курочка, Погонишъ** (*Ortygometra porzana, arabica, marueta, Gallinula porzana, maculata, punctata, leucothorax, Porzana marueta, Octogometra, Mametta, Rallus, Crex, Zapornia porzana. Tüpfelsumpfhühnchen. Marouette*). Длина ея достигаетъ 21, размахъ крыльевъ 40, длина крыла 12, длина хвоста 6 см. Лобъ и передняя часть темени, глотка, зобъ и верхняя часть груди голубоватаго аспидно-сѣраго цвѣта, послѣдніе три съ легкимъ оливковымъ буро-сѣрымъ отливомъ и бѣлыми пятнами; уздечка усѣяна пепельными буровато-бѣлыми точками по бѣлому фону и окаймлена сверху и снизу бѣлой и черной полосками; перья задней части темени и затылка оливково-бурья съ бѣлыми пятнами и черными стержнями; нижнія шейныя перья и плечи темнаго оливково-буряго цвѣта и разрисованы множествомъ бѣлыхъ угловатыхъ или полудлунныхъ крапенокъ, пятнышекъ и черточекъ, часто вполне или отчасти окаймленныхъ черною каймою и широкими черными пятнами, происходящими отъ чернаго цвѣта стержней; нижняя часть спины и надхвостье черныя съ оливково-бурими пятнами и рѣдкими бѣлыми крапинами. Перья въ пахахъ украшены широкими, прямыми и болѣе узкими волнообразно изогнутыми поперечными полосами оливково-буряго цвѣта съ чернымъ отливомъ; средняя часть груди и брюха бѣлаго, гузка и нижнія покровныя перья хвоста темнаго ржаво желтаго цвѣта, рулевья перья хвостовыя и маховыя, за исключеніемъ перваго большаго маховаго пера, снабженнаго бѣлой каймой на наружной сторонѣ, темнаго оливково-буряго цвѣта; нижнія кроющія перья крыльевъ съ поперечными черными и бѣлыми полосками. Глаза темнаго красно-буряго цвѣта, клювъ, при основаніи, оранжево-краснаго, въ остальной части своей, кромѣ грязно-желтоватаго кончика, лимонно-желтаго, ноги желтовато-зеленыя. Самка нѣсколько меньше самца и менѣе ярко окрашена. Осеннее опереніе отличается отъ весенняго преобладаніемъ оливково-буряго цвѣта и меньшей красотой бѣлыхъ крапинъ; опереніе молодыхъ отличается большимъ количествомъ бѣлыхъ крапинъ; опереніе птенцовъ черное.

Наша болотная курочка выводитъ птенцовъ во всей Европѣ, Средней и сѣверной Азіи, а зимуетъ въ южной Европѣ, сѣверной и средней Африкѣ и южной Англии. Въ богатыхъ водой равнинахъ сѣверной Германіи она встрѣчается во всѣхъ болотахъ и на всѣхъ сырыхъ лугахъ, рѣже попадаетъ она въ холмистыхъ мѣстностяхъ, а въ горахъ — только въ очень немногихъ подходящихъ

мѣстностяхъ. Она появляется на мѣстѣ своего гнѣздованія не ранѣе середины, болѣею частью въ послѣднихъ числахъ апрѣля и уже въ концѣ августа откочевываетъ постепенно къ югу, путешествуя днемъ и ночью, и по возможности пѣшкомъ; это даетъ возможность замѣтить ее въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ она совершенно не встрѣчается во время птенцового періода. Она выбираетъ себѣ лѣтнимъ мѣстопробываніемъ преимущественно дуга, прорѣзанные канавами и поросшіе осокой и почти такъ-же охотно настоящія болота и трясины, но свободную поверхность воды избѣгаетъ.

Болотная курочка ведетъ скрытый образъ жизни, прячась подъ защитой травы. Мало подвижная днемъ, она оживляется къ вечеру, и ночью находится въ полномъ разгарѣ дѣятельности. Если удастся подстеречь ее, можно замѣтить, что въ общемъ по своимъ движеніямъ она напоминаетъ коростеля, такъ-же, какъ онъ, держится стоя, такъ-же, какъ онъ, ходитъ, бѣгаетъ, мѣситъ грязь и летаетъ, при опасности дергаетъ хвостомъ и т. д. Только въ одномъ отношеніи она далеко превосходитъ своего родича: она отлично и столь-же охотно, какъ и часто ныряетъ и плаваетъ со вздернутымъ кверху хвостомъ, сопровождая каждое движеніе ногъ киваньемъ головы, и въ такомъ положеніи въ высшей степени красива. Призывной голосъ ея, хотя и звонкій, болѣе приближается къ чириканью, чѣмъ къ свисту; краткое «уйт», которое можно сравнить со звукомъ паденія капли въ наполненный жидкостью сосудъ, служить выраженіемъ нѣжности, кажется общимъ обоимъ поламъ, а квакающимъ звукомъ выражается страхъ. Полагаясь на свое несравненное умѣніе прятаться, она далеко не пуглива и часто подпускаетъ къ себѣ человѣка или собаку такъ близко, что они могутъ схватить ее; даже преслѣдованія почти не служатъ ей урокомъ, хотя нельзя не назвать ее довольно умной по ея способности запоминать полученные впечатлѣнія, и по тому, какъ она легко приручается и сильно привязывается къ своему хозяину. Съ виду мало обращающаго вниманія на другихъ безобидныхъ птицъ, она врядъ-ли сдерживаетъ общія всему семейству хищническія наклонности передъ гнѣздомъ маленькой болотной птицы, такъ какъ въ общемъ она питается тѣмъ-же, чѣмъ и коростель.

Гнѣздо болотной курочки сплетено грубо и рыхло изъ листьевъ камыша и осоки или изъ стеблей ситника и разныхъ травъ и выстлано внутри болѣе тонкимъ матеріаломъ. Оно всегда находится въ мало доступныхъ уголкахъ мѣста гнѣздованія, часто окруженныхъ со всѣхъ сторонъ водою и никогда не бросающихся въ глаза, и лежитъ на листьяхъ и стебляхъ осоки и между ними постоянно пригибая книзу и другъ къ другу окружающіе гнѣздо стебли; самка умѣетъ съ теченіемъ времени такъ хорошо скрыть его, что, насидывая яйца въ такого рода куполообразной бесѣдкѣ, остается совершенно недоступной даже для зоркаго глаза красного коршуна. Кладка оканчивается въ концѣ мая или въ первыхъ числахъ іюня и состоитъ изъ 9—12 яицъ вытянуто-овальной формы, около 33 мм. въ продольномъ діаметрѣ и 24 мм. въ поперечномъ. Гладкая, мелкозернистая и блестящая скорлупа ихъ свѣтлаго ржаво-желтаго цвѣта и разрисована множествомъ болѣе темныхъ мелкихъ точекъ, а также мелкими фіолетово-сѣрыми пятнышками на большихъ рѣзко, очерченныхъ красно-бурыхъ пятнахъ, особенно замѣтныхъ на тупомъ концѣ. Самецъ, повидному, принимаетъ мало участія въ насидываніи, не обращаетъ никакого вниманія на птенцовъ: всѣ заботы о нихъ представляетъ самкѣ. Послѣ трехъ недѣль усерднаго насидыванія вылупляются изъ яицъ птенцы въ черномъ шерстистомъ пуховомъ опереніи. Едва обсохнувъ, они бѣгутъ за самкой съ перваго дня жизни и во всемъ слѣдуютъ

примѣру родителей; съ ловкостью мыши шмыгаютъ они по травѣ, безъ колебанія идутъ въ воду, плаваютъ и ныряютъ и при опасности умѣютъ такъ хорошо спрятаться и прижаться, что только безошибочное чутье хищныхъ млекопитающихъ въ состояніи отыскать ихъ. Еще не оперившись, они покидаютъ самку, расходятся и вступаютъ на собственный страхъ въ борьбу за существованіе.

Эта беззащитная птица имѣетъ много враговъ, а еще больше — ея яйца, такъ что сильнаго размноженія ея только хватаетъ на покрытіе потерь. Ее рѣдко стрѣляютъ, еще рѣже ловятъ, къ сожалѣнію всѣхъ любителей, державшихъ или знающихъ ее, и то большею частію случайно при охотѣ за бекасами.

* * *

Еще красивѣе и привлекательнѣе болотной курочки оба ея родича, малая болотная курочка и курочка - крошка, въ существенныхъ чертахъ сходныя другъ съ другомъ. Длина **Малой болотной курочки** (*Ortygometra pusilla*. Bruchhühnchen. Petite marouette) достигаетъ 20, размахъ крыльевъ 32, длина крыла 11, длина хвоста 5 см. Темя, затылокъ, нижнія шейныя перья и крылья оливково-бурыя съ болѣе или менѣе ясно выступающими, совершенно черными пятнами, происходящими отъ такой окраски стержней, и немногими кругловатыми бѣлыми пятнами; передняя часть головы и вся нижняя сторона пепельнаго сѣроголубого цвѣта, паховая область и нижнія кроющія перья хвоста темнаго пепельно-сѣраго цвѣта съ широкими бѣлыми поперечными полосами; маховыя перья черно-сѣраго цвѣта съ оливково-бурой каймой, нижнія кроющія перья крыльевъ черно-сѣрыя, перья хвоста черныя съ жирно-бурой каймой. Глаза ярко-красныя; основаніе клюва пунцовое, середина его зеленая, конецъ желтый, ноги ярко-зеленыя. У самки вся верхняя сторона оливково-буро-сѣраго цвѣта, кромѣ средней части спины, которая черная съ бѣлыми пятнами; горло бѣлое, грудь ржаваго желтовато-сѣраго цвѣта. У молодыхъ верхняя сторона свѣтло-бурая съ продолговатыми бѣлыми пятнами, боковыя части брюшка бурія съ бѣлыми поперечными полосами, передняя сторона шеи и верхняя часть груди сѣровато-бѣлыя.

Курочка-крошка (*Ortygometra pusilla*. Zwergsumpfhühnchen, Zwergrohrhühnchen. Marouette paine) очень похожа на только что описанную малую болотную курочку и отличается отъ этого вида, помимо своихъ малыхъ размѣровъ, тѣмъ, что весной опереніе обоихъ половъ приблизительно одинаково; по крайней мѣрѣ горло, передняя сторона шеи и грудь у обоихъ того-же сѣро-голубого цвѣта. У самца черныя перья верхней стороны не только имѣютъ широкую оливково-бурую кайму, какъ у самки, но густо разрисованы на концахъ мелкими бѣлыми крапинками, а все перо—точками и черточками: перья боковыхъ частей нижней стороны, брюшныя и нижнія кроющія перья хвоста матово-черныя съ 2—3 бѣлыми поперечными полосами. Клювъ зеленый, ноги блѣдно-красныя. Длина достигаетъ 19 см., размахъ крыльевъ 30, длина крыла болѣе 8, длина хвоста 5 см.

Въ настоящее время трудно очертить съ нѣкоторой достовѣрностью область гнѣздованія и общую область распространенія этихъ двухъ видовъ, столь родственныхъ между собою по образу жизни, нравамъ и привычкамъ. Оба ведутъ такой скрытый образъ жизни, что вѣроятно распространены шире и въ предѣлахъ намъ извѣстныхъ границъ встрѣчаются чаще, нежели мы думаемъ. Малая болотная курочка живетъ во всей Европѣ, начиная съ южной Скандинавіи и во всей Средней Азии отъ Урала до Синда и посѣщаетъ при перелетѣ другія страны, въ

которыхъ не выводитъ птенцовъ. Въ Германіи она, безъ сомнѣнія, встрѣчается чаще, чѣмъ мы принимаемъ; въ Силезіи и въ Прирейнскихъ областяхъ, въ Шлезвигъ-Голштейнѣ и въ Баваріи она довольно обыкновенна, однимъ словомъ замѣчена вездѣ, гдѣ орнитологи тщательно изслѣдовали подходящія для ея гнѣзды мѣста. Курочка-крошка распространена по всѣмъ странамъ средней и южной Европы, начиная отъ Великобританіи, также по Средней Азіи отъ Урала до Китая и перелетаетъ черезъ южную Азію и всю Африку до Капской Земли; въ Германіи она, повидимому, встрѣчается рѣже своего родича, но такъ-же, какъ и онъ, была найдена какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, какъ на границахъ Германіи, такъ и въ ея центрѣ. Оба вида странствуютъ ночью и прилетаютъ по-одиночкѣ, въ Германіи—только въ маѣ и обыкновенно не раньше середины его; они поселяются на уединенныхъ, богатыхъ водою трясинахъ или спокойныхъ озерахъ, окруженныхъ зарослями камыша и осоки и поросшихъ кувшинками, также на рѣчныхъ рукавахъ съ почти стоячей водою, а также въ болотахъ и болотистыхъ лугахъ; они ведутъ тихій и скрытый образъ жизни почемъ ихъ очень трудно поднять; днемъ они показываются рѣже, чѣмъ вечеромъ и ночью, и поддаются наблюденію труднѣе всѣхъ остальныхъ видовъ того-же семейства; уже въ августѣ и сентябрѣ они начинаютъ свою зимнюю кочевку.

Всѣ наблюдатели, которымъ удавалось подстеречь на свободѣ тотъ или другой видъ, расточаютъ имъ похвалы. Оба они превосходятъ болотную курочку красотой и привлекательностью, при полномъ сходствѣ съ ней въ движеніяхъ, нравахъ и привычкахъ. Эти курочки такъ же проворно и ловко бѣгаютъ, плаваютъ и ныряютъ, такъ же плохо, висло, низко и недолго летаютъ, неловко порхая и свѣсивъ ноги внизъ, такъ же проворно умѣютъ прятаться, но чаще ея показываются, иногда прямо вызывающимъ образомъ. Последнее относится именно къ малой болотной курочкѣ, надъ которой Науманъ и Куттеръ сдѣлали интересныя наблюденія. «Иногда безпечная птица», рассказываетъ Науманъ, этотъ мастерской наблюдатель, «заслышавъ шумъ, производимый человѣкомъ на водѣ или по близости ея, смѣло выходитъ изъ своего убѣжища на чистое мѣсто, большею частью становится на плавающія по поверхности воды листья кувшинки или на другой плавающей предметъ и приветствуетъ васъ пронзительнымъ крикомъ.» Куттеръ, передавая свои наблюденія надъ одной парой, которую ему удалось выслѣдить, также указываетъ на смѣлость и поражающую довѣрчивость этого вида.

«Самка», говоритъ онъ, «то бѣгала, согнувшись съ быстротою стрѣлы по листьямъ кувшинки и зыбкому ковру растеній, покрывающихъ поверхность воды, тамъ и сямъ лова водяныхъ насѣкомыхъ, то проворно плавала между листьями граціозно кивая головой. Я видѣлъ часто и самца, и оба такъ близко подходили ко мнѣ играя и охотясь, что должны были замѣчать меня, но не смущались этимъ. Стоило мнѣ только сдѣлать рѣзкое движеніе, чтобы испугать ихъ, какъ они съ быстротою молніи ныряли въ родную стихію и скрывались уже на долгое время». Голосъ у обоихъ видовъ высокой и пронзительный, болѣе пискливый, нежели свистящій, и настолько сходный у обоихъ, что трудно уловить какую-нибудь разницу. Науманъ обозначаетъ призывной крикъ ихъ звонкимъ свистящимъ «кик», а вызывающій звукъ, издаваемый ими при приближеніи человѣка—краткимъ, перѣдко быстро повторяемымъ «кик кик кик», похожимъ на призывной голосъ вертялаго дитла.

Оба вида питаются насѣкомыми или личинками ихъ, живущими въ водѣ или около воды, какъ, на примѣръ, жукелицами, тростянками, коромыслами, мухами, комарами и водомѣрками, а также мелкими кузнечиками, пауками и слизнями.

Захватывая случайно вмѣстѣ съ насѣкомыми нѣжныя части растений, они проглатываютъ ихъ, но сѣменами питаются лишь въ крайности. У меня въ плѣну эти птицы, во всѣхъ отношеніяхъ прелестныя созданія, скоро привыкли къ клѣточному корму, обильно приправленному муравьиными яйцами и мучными червями.

Оба вида спариваются въ маѣ или началѣ юня. Мѣстомъ для гнѣзда они выбираютъ густую ольху, иву или кустикъ осоки, стоящей въ самой водѣ или, по крайней мѣрѣ, по близости ея, всего лучше окруженный ею со всѣхъ сторонъ; пригнувъ другъ къ другу нѣсколько стеблей осоки или выбравъ подходящую вѣтку куста, они строятъ на такомъ ненадежномъ фундаментѣ свое чашевидное гнѣздо, тщательно сплетенное изъ расщепленныхъ сухихъ листьевъ камыша. Кладка состоитъ у малой болотной курочки изъ 8 — 10, у курочки-кروشки изъ 7—8 яицъ съ гладкой мелкозернистой скорлупой безъ блеска. Яйца первой имѣютъ 32 мм. въ продольномъ диаметрѣ и 22 мм. въ поперечномъ и усѣяны множествомъ желто-сѣрыхъ или желтовато-бурыхъ точекъ по блѣдному и тусклому буро-или глинисто-желтому фону. У второй они имѣютъ 26 мм. въ продольномъ диаметрѣ и 20 мм. въ поперечномъ и разрисованы пепельно-сѣрыми мелкими пятнышками на красно-бурыхъ большихъ пятнахъ по желтовато-сѣрому фону. Самки очень усердно насиживаютъ и, едва птенцы успѣютъ обсохнуть, уводятъ ихъ изъ гнѣзда въ болото или трясицу, иногда далеко отъ него. Черный шерстистый пухъ птенцовъ черезъ три недѣли превращается въ опереніе молодой птицы, и вмѣстѣ съ тѣмъ для молодого поколѣнія наступаетъ время покинуть самку.

Враги болотной курочки угрожаютъ и ея маленькимъ родичамъ; водяныя крысы часто поѣдаютъ ихъ яйца, а пернатые и наземные хищники ловятъ молодежъ и насиживающихъ или водящихъ птенцовъ самокъ, которыя при опасности жертвуютъ собой изъ любви къ своему потомству.

* *
*

Въ прекрасные майскіе вечера съ луговъ и полей доносится странный трескучій звукъ, подобный тому, который получается, если проводить щепкой по зубьямъ гребешка. Этотъ звукъ раздается съ небольшими перерывами до поздней ночи и съ ранняго утра до восхода солнца, притомъ рѣдко съ одного мѣста, но большею частью то оттуда, то отсюда, хотя и въ предѣлахъ извѣстныхъ границъ. Птица, производящая этотъ трескъ—**Коростель, Дергачъ, Дергунъ, Кречекъ**, (*Crex pratensis*, *herbarum*, *alticeps*, *Rallus*, *Gallinula*, *Ortygometra crex*. *Wachtelkönig*. *Roi des saillies*), представитель рода **Коростелей** (*Crex*). Отличительными признаки его служатъ: высокое, сильно сжатое съ боковъ туловище, средней длины шея и довольно большая голова; короткій, крѣпкій, сжатый съ боковъ клювъ съ выпуклой спинкой; средней длины ноги, до плюсны покрытыя перьями; выпуклыя крылья, второе маховое перо которыхъ всего длиннѣе; небольшой, короткій хвостъ, почти скрытый въ кроющихъ перьяхъ, и гладкое, но не особенно густое опереніе. Сверху оно черно-бурого цвѣта съ оливково-сѣрыми пятнами, происходящими отъ широкихъ каемокъ на отдѣльныхъ перьяхъ; снизу—пепельно-сѣрое на горлѣ и передней сторонѣ шеи, буро-сѣрое съ буро-красными поперечными пятнами на бокахъ и буро-красное съ желтовато-бѣлыми пятнами на крыльяхъ. Глаза свѣтло-каріе, клювъ красноватаго буро-сѣраго цвѣта, ноги свинцово-сѣрыя. Длина достигаетъ 29, размахъ крыльевъ 47, длина крыла 14, длина хвоста 2 см. Окраска самки менѣе яркая.

Коростель распространенъ по сѣверной Европѣ и значительной части Сред-

ней Азии. Въ южной Европѣ онъ появляется правильно во время перелета, но, повидимому, гнѣздится тамъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, да и во время перелета встрѣчается тамъ по одиночкѣ. Къ моему большому удивленію, я нашелъ его разъ въ дѣйственныхъ лѣсахъ средней Африки, между 13 и 11 градусами сѣверной широты. Въ Германіи народъ думаетъ, что онъ предводительствуетъ перелетами и водить ихъ; греческіе охотники также утверждаютъ увѣренно, что во главѣ каждой стаи перелетовъ находится коростель. На чемъ основано такое мнѣніе народа, остается вопросомъ, такъ какъ коростель по образу жизни не имѣетъ ничего общаго съ перелетами и даже перелетаетъ не вполнѣ одновременно съ ними. Въ Германіи онъ появляется въ маѣ и обратный перелетъ его начинается въ августъ, по окончаніи линьки, но и въ серединѣ октября можно еще встрѣтить отдѣльные экземпляры. Они путешествуютъ ночью и большую часть пути совершаютъ, вѣроятно, пѣшкомъ.

Въ выборѣ себѣ мѣстопребыванія коростель сообразуется съ обстоятельствами. Онъ населяетъ плодородныя мѣстности, особенно равнины, не избѣгая однако и холмистыхъ областей. Всего охотнѣе онъ располагается на лугахъ, окруженныхъ хлѣбными полями или лежащихъ по близости ихъ, но одинаково не любитъ какъ слишкомъ сухихъ, такъ и слишкомъ сырыхъ и, повидимому, ему приходится долго искать, прежде чѣмъ найти себѣ вполнѣ подходящее мѣстожительство. Послѣ покоса онъ переселяется на хлѣбныя поля, а во время жатвы уходитъ отсюда въ кустарники, но не раньше, чѣмъ его выгонитъ коса.

Коростель тоже скорѣй ночная, нежели дневная птица; по-крайней мѣрѣ онъ умолкаетъ въ жаркіе часы дня и кричитъ всю ночь, за исключеніемъ полуночи. «Чтобы оставаться хорошо скрытымъ», говоритъ мой отецъ, «коростель устраиваетъ себѣ въ высокой травѣ особые ходы, въ которыхъ бѣгаетъ съ большимъ удобствомъ, не шевеля ни травинки. Этимъ объясняется, почему можно въ короткій промежутокъ времени услышать его крикъ то тамъ, то сямъ и почему его быстрое бѣганье не выдаетъ его движеніемъ травы. Онъ пользуется въ качествѣ такихъ ходовъ также канавами, прорѣзывающими луга и закрытыми сверху свѣшивающейся въ нихъ травой; здѣсь онъ находится въ полной безопасности отъ преслѣдованій хищныхъ птицъ и многихъ хищныхъ звѣрей. Онъ изумительно скоро бѣгаетъ; при этомъ онъ наклоняетъ голову внизъ, вытягиваетъ шею, придаетъ тѣлу горизонтальное положеніе и на каждомъ шагу киваетъ головой. Его очень узкое тѣло позволяетъ ему быстро бѣжать въ травѣ и хлѣбахъ даже тамъ, гдѣ у него нѣтъ ходовъ, такъ какъ онъ легко можетъ пробраться всюду. Онъ летаетъ быстро въ прямомъ направленіи и низко надъ землей, вилло свѣсивъ внизъ ноги, но пролетаетъ лишь небольшія разстоянія и его очень трудно поднять. Онъ хорошо понимаетъ, что въ густой травѣ онъ находится въ большей безопасности, чѣмъ на воздухѣ, и потому только легавая собака можетъ заставить его взлетѣть. Отъ человѣка онъ почти всегда убѣгаетъ. Онъ обладаетъ особымъ умѣньемъ прятаться не только въ травѣ, хлѣбахъ и кустахъ, но даже подъ осокой и въ валежникѣ, и обыкновенно его замѣчаютъ только тогда, когда онъ уже убѣгаетъ». Собаку онъ иногда подпускаетъ къ себѣ такъ близко, что ей удается схватить его при взлетѣ, а, поднявшись, онъ болѣе порхаетъ, нежели летитъ, какъ молодая птица, впервые пробующая свои крылья, и какъ можно скорѣе опять опускается на землю.

Насколько онъ выглядитъ наряднымъ и красивымъ, настолько-же онъ не миролюбивъ по отношенію къ себѣ подобнымъ и другимъ болѣе слабымъ животнымъ. Онъ также принадлежитъ къ хищнымъ птицамъ и, вѣроятно, одинъ изъ

самыхъ вредныхъ грабителей гнѣздъ. Уже Науманъ замѣтилъ у плѣнныхъ коростелей задорность и властолюбіе и наблюдалъ, что они убивали ударомъ или даже прикусывали маленькихъ пѣвчихъ птицъ и зябликовъ и затѣмъ выклеивали имъ мозгъ, и находилъ даже мышей, убитыхъ около чашки съ кормомъ. Графъ Водзницкій имѣлъ случай подробно изучить ихъ хищническія наклонности. Въ большой общей клѣткѣ жило весело и согласно множество мелкихъ птицъ, пока къ ямъ не посадили коростеля. Съ этого времени ежедневно находили убитыхъ и наполовину съѣденныхъ птицъ, притомъ не только мелкихъ пѣвчихъ, но даже величиною съ дрозда. Вокругъ клѣтки разставили западни и капканы и задѣлали всѣ ея отверстія; но ничто не могло защитить птицъ, такъ какъ никто не подозрѣвалъ, что ихъ врагомъ былъ коростель. Только счастливый случай показалъ, что убійца находится въ самой клѣткѣ: однажды забыли дать птицамъ воды. «Вернувшись домой, мы увидѣли, что бѣдныя животныя сидѣли, грустно нахохлившись; мы тотчасъ велѣли налить имъ въ чашку воды и съ удовольствіемъ смотрѣли, какъ они утоляли свою жажду, сначала большія, затѣмъ и маленькія. Коростель былъ первымъ у чашки; въ волю напившись, онъ весело забѣгалъ по клѣткѣ съ поднятымъ хвостомъ и опущенными крыльями, затѣмъ онъ замедлилъ шаги, наклонилъ туловище и въ такомъ положеніи, подкраившись осторожно къ чашкѣ, ударилъ клювомъ реполова. Когда птичка упала, онъ схватилъ ее своими длинными пальцами и тутъ же съѣлъ на нашихъ глазахъ свою, вѣроятно ежедневную жертву. Мы оставили разбойника въ общей клѣткѣ еще на нѣсколько дней, чтобы убѣдиться, сколько птицъ ему нужно ежедневно и на слѣдующее утро опять нашли на полу перья.» Это навело графа Водзницкаго на мысль, что именно коростель разоряетъ лежанціа на землѣ гнѣзда другихъ птицъ, обломки яицъ которыхъ такъ часто встрѣчаются на мокрыхъ лугахъ и болотахъ. Напротивъ, по словамъ Гааке, два коростеля, живущіе въ общей клѣткѣ Франкфуртскаго зоологическаго сада, очень мирныя и живчивыя птицы.

Несмотря на эти недостатки, коростель вполне пригоденъ для жизни въ неволѣ и оказывается одной изъ самыхъ забавныхъ и занимательныхъ птицъ, какихъ только можно держать. Отецъ мой превосходно описалъ его. «Сначала», говоритъ онъ, «коростель быстро и сердито бѣгаетъ взадъ и впередъ, но скоро ручнѣетъ и принимаетъ тогда самыя странныя позы. То онъ стоитъ, выпрямившись, какъ человѣкъ, съ широко разставленными ногами и вытянутой шеей; при этомъ онъ такъ прижимаетъ перья къ своему тѣлу, что кажется очень стройнымъ; иногда онъ ходитъ согнувшись и выгибая спину, какъ кошка. Одинъ коростель жилъ у меня въ клѣткѣ вмѣстѣ съ камышницей и внушалъ ей къ себѣ должное почтеніе. Когда она подходила къ нему, онъ, нахохливъ перья, угрожалъ ей клювомъ, и та въ страхѣ обращалась въ бѣгство; тогда онъ гордо расхаживалъ взадъ и впередъ, довольный своей побѣдой. Постоянно втягивая и вытягивая шею, онъ чрезвычайно разнообразитъ свои позы. Обыкновенно онъ бѣгаетъ по комнатѣ, кивая головой и придавъ хвосту горизонтальное положеніе. Часто онъ прячется куда-нибудь въ уголъ, но замѣченный, или подозрѣвая опасность, быстро выбѣгаетъ. Собаки и кошки внушаютъ ему безграничный ужасъ. При видѣ кошки, онъ взлетаетъ прямо вверхъ, но, не умѣя направить свой полетъ, особенно въ комнатѣ, онъ не можетъ сѣсть на недоступное для кошки мѣсто, какъ напримѣръ на печку, и въ первомъ углу опять падаетъ на полъ. Вечеромъ имъ овладѣваетъ безпокойство, онъ бьется въ окно и, повидимому, ему пріятно отсутствіе свѣта. Онъ очень любитъ тепло; зимой онъ часто залѣзаетъ за печку и какъ только въ комнату заглянетъ солнце, онъ выходитъ, опустивъ перья, грѣться его лучами. Ему необходима непремѣнно свѣжая вода для

купанья и питья; простоявшею нѣскольке часовъ онъ пренебрегаетъ. Онъ пьетъ—набирая въ клювъ воды и глотаетъ ее какъ твердое тѣло. Купаясь, онъ погружаетъ въ воду нижнюю половину туловища и клювомъ обрызгиваетъ спину, затѣмъ становится на солнце и встряхиваетъ перьями. Онъ до того приручился, что нѣсколько разъ выбѣгалъ на дворъ и самъ возвращался; онъ не только подбираетъ брошенный ему кормъ, но когда прислуга обѣдаетъ, идетъ въ людскую и, сѣвши горничной на колѣни, требуетъ своей части обѣда. Онъ часто бѣгаетъ у меня по столу и ѣстъ все, что ни бросишь ему и что онъ можетъ проглотить, а именно разныя сѣмена: конопля, рѣпы, сѣмена травъ и ивыя, просо, рисъ и т. п., кромѣ того хлѣбныя крошки, размоченную въ водѣ или молокѣ булку, вареныя макароны, вареный рисъ, просо и т. п. Особенно любитъ онъ вареное или жареное мясо, порѣзанное на мелкіе кусочки, сваренныя въ крутую яйца, кусочки жира, дождевыхъ червей, личинокъ и куколокъ мясной мухи, жучковъ, всякихъ мухъ, и т. д. Онъ охотнѣе подбираетъ кормъ съ сухого пола, чѣмъ изъ воды, откуда ясно видно, что онъ привыкъ искать себѣ пищу болѣе на сухихъ мѣстахъ, чѣмъ на мокрыхъ. Если куски настолько велики, что онъ не можетъ проглотить ихъ, онъ разрываетъ ихъ клювомъ на части и дѣлаетъ это очень быстро. Онъ много ѣстъ и съ небольшими перерывами въ теченіи цѣлаго дня. Во второй половинѣ марта настала линька и закончилась въ три недѣли; при этомъ онъ успѣлъ возобновить разомъ почти всѣ перья; во время линявія онъ выглядѣлъ опцпаннымъ, но чувствовалъ себя хорошо».

Тотчасъ послѣ прилета, коростель приступаетъ къ размноженію, оттого то именно раздается почти непрерывно его «эрри эрри эрри» или «кнерри кнерри». Нѣжнымъ «кью кю кэ» ласково зоветъ онъ самку, и та отвѣчаетъ на его любовный зовъ подобнымъ-же образомъ. Если другой самецъ переступитъ границы его владѣній, онъ бросается на него съ страшнымъ злобнымъ крикомъ и прогоняетъ его. Парочка только тогда приступаетъ къ постройкѣ гнѣзда, когда трава достигла уже значительной высоты, въ нѣкоторые годы не раньше конца іюня. Она выбираетъ сухое мѣсто въ предѣлахъ своихъ владѣній и, выкопавъ здѣсь углубленіе или ямку, безыскусственно выстилаетъ ее сухими листьями и стеблями травъ, мхомъ и тонкими корешками. Число яицъ колеблется между 7—9, но можетъ дойти и до 12. Яйца относительно велики, имѣютъ 37 мм. въ длину и 26 мм. въ толщину, красивой яйцевидной формы, съ плотной, мелко-зернистой, гладкой и блестящей скорлупой и усажены, то гуще, то рѣже, мелкими глинисто-красными, блѣдно-красными, красно-бурыми и пепельно-голубыми пятнами по желтоватому или зеленовато-бѣлому фону. Самка насиживаетъ въ теченіи трехъ недѣль и такъ усердно, что иногда ее можно снять съ гнѣзда руками; она не убѣгаетъ даже отъ косы и становится нерѣдко жертвой материнской преданности. Птенцы, покрытые чернымъ шерстистымъ пухомъ, вскорѣ выбѣгаютъ изъ гнѣзда, но мать собираетъ ихъ вмѣстѣ; они отвѣчаютъ на ея зовъ пискомъ и собираются часто подъ ея крылья; испугнутые, они разсыпаются во всѣ стороны, какъ мыши бѣгутъ по землѣ и въ одно мгновеніе такъ хорошо прячутся, что ихъ очень трудно найти. Нѣсколько подростковъ, они пробуютъ уже спасаться бѣгствомъ и выказываютъ при этомъ столько же проворства, какъ раньше въ умѣнныя прятаться.

Въ Германіи коростеля стрѣляютъ при случаѣ; въ Испаніи и Греціи его стрѣляютъ чаще и постоянно продаютъ на базарахъ, такъ какъ мясо его считается очень вкуснымъ блюдомъ.

* * *

Водяной пастушокъ, Колюхъ, (*Rallus aquaticus, sericeus, indicus, germanicus, minor, fuscilateralis, Scolopax obscura, Aramus aquaticus.* Wasserralle. Rale d'eau),

представитель рода **Пастушновъ** (*Rallus*), характеризуется слѣдующими признаками: прямой или слегка загнутый, сжатый съ боковъ клювъ превышаетъ длиною голову; ноги довольно длинныя; крылья выпуклыя, короткія, тупыя съ мягкими маховыми перьями, изъ которыхъ третье и четвертое всего длиннѣе; очень короткій и узкій хвостъ скрытъ подъ кроющими перьями и состоитъ изъ 12 небольшихъ, выгнутыхъ и остро закругленныхъ перьевъ; опереніе обильное и непроницаемое для воды. Верхняя часть туловища стараго самца кажется покрытой черными пятнами по желтому фону, такъ какъ всѣ перья имѣютъ маслянисто-бурые края; стороны головы и нижняя часть туловища пепельнаго сѣро-голубого цвѣта, паховая область съ черными и бѣлыми полосками, брюхо и гузка ржаво-сѣро-желтаго цвѣта, маховыя перья матоваго буро-чернаго съ маслянисто-бурой каемкой, рулевыя перья черныя съ такой же каймой. Глаза грязнаго свѣтло-краснаго цвѣта, спинка клюва буро-сѣрая, края его и вся нижняя челюсть сургучно-красныя, ноги буровато-зеленыя. Длина достигаетъ 29 см., размахъ крыльевъ 39, длина крыла 12, а хвоста 6 см. Самка меньше самца, но похожа на него по окраскѣ. Оперившіеся птенцы съ нижней стороны ржаваго желтовато-сѣраго цвѣта съ черно-сѣрыми и черно-бурыми остро-конечными пятнышками.

Сѣверная и средняя Европа и Средняя Азія вплоть до Амура на востокъ являются родиной водяного пастушка; южную Европу, сѣверную Африку и Индію онъ посѣщаетъ только при перелетѣ, но уже въ Египтѣ принадлежитъ къ числу рѣдкихъ зимнихъ гостей. Перелетъ совершается въ октябрѣ и въ мартѣ; но и среди зимы, въ то время, когда онъ встрѣчается часто въ южной Европѣ, отдѣльныя особи попадаютъ и въ Германію. Поразительно, что несмотря на плохой полетъ его, онъ правильно появляется на сѣверѣ на отдѣльныхъ островахъ, какъ напр., Ферерскихъ и Исландіи, или даже, вовсе не улетая оттуда, зимуетъ кое-какъ около горячихъ ключей, часто съ большими лишеніями. Страствованія свои, или во всякомъ случаѣ большую часть ихъ, онъ совершаетъ пѣшкомъ, слѣдуя теченію рѣкъ.

«Мѣстопробываніемъ водяному пастушку служатъ», какъ говоритъ Науманъ, «неприглядныя болота, въ которыя человѣкъ неохотно заходитъ, мокрыя пустоши, гдѣ подъ густымъ покровомъ растеній съ рѣдкими кустарниками стоитъ вода или топъ, часто-поросшіе камышомъ и ситникомъ водоемы, расположенные по близости лѣсовъ или въ самыхъ лѣсахъ, наконецъ ольховыя и ивовыя кустарники, которые чередуются съ камышомъ и высокой травой на болотистой, мокрой или прорѣзанной канавами почвѣ». Во время перекочевокъ онъ держится въ такихъ мѣстахъ, которыя скрываютъ его; онъ опускается въ лѣса, залѣзаетъ въ живыя изгороди, даже въ хлѣва и т. д.

Водяной пастушокъ также скорѣе почная, чѣмъ дневная птица и всего оживленнѣе въ сумерки. День онъ проводитъ безъ движенія и значительную часть его, вѣроятно, спитъ. По правамъ онъ имѣетъ много сходства съ мелкими болотными курочками и держится, какъ онѣ, придавъ туловищу горизонтальное положеніе, втянувъ шею и опустивъ хвостъ. Если что-нибудь привлечетъ его вниманіе, онъ вытягиваетъ нѣсколько шеи и складываетъ концы крыльевъ надъ хвостомъ, которымъ покачиваетъ. На ходу онъ наклоняетъ шею и голову, такъ что становится ниже ростомъ; онъ увеличиваетъ и ускоряетъ шаги и, вполне разбѣжавшись, въ нѣсколько мгновеній удаляется отъ наблюдателя на большое разстояніе и исчезаетъ совершенно. «Насколько проворно и граціозно онъ ходитъ», разсказываетъ Науманъ, «насколько быстро и легко онъ перебѣгаетъ черезъ препятствія, подѣ которыми не можетъ пролѣзть, будь то густыя стелющіяся по землѣ вѣтви, или

жидкій иль или поверхность воды съ плавающими на ней листьями и стеблями, настолько же ловко проскальзываетъ онъ въ узкихъ промежуткахъ и ходахъ между стеблями густыхъ зарослей болотныхъ растений. Въ этомъ отношеніи ему много помогаетъ узкое туловище; даже въ густомъ камышѣ онъ почти никогда не задѣваетъ за стебли, которые своимъ движеніемъ могли бы выдать направление его бѣга. Кому случалось наткнуться на него въ подобномъ мѣстѣ, тотъ вынесетъ убѣжденіе, что видѣлъ скорѣе убѣгающую крысу, нежели птицу. Если попасть случайно въ такое мѣсто, гдѣ онъ держится, и простоять довольно долго безъ движенія, то иногда удается подсмотрѣть вблизи его спокойную, дѣятельную возню. Намъ извѣстны даже случаи, что беспечная птица проходила безъ всякаго страха въ нѣсколькихъ шагахъ стъ ногъ неподвижно стоящаго или сидящаго наблюдателя, будто вовсе его не видя, или принимая его за всодушевленный предметъ. Въ это время можно видѣть самыя граціозныя его позы и движенія; когда, наконецъ, въ немъ зарождается подозрѣніе, онъ вытягивается, быстро помахиваетъ хвостомъ и спѣшитъ спрятаться въ чащу. Онъ плаваетъ легко, красиво и безъ принужденія и потому не избѣгаетъ болѣе глубокихъ частей болота, гдѣ ноги его не достигаютъ дна, но не любитъ переплывать большія открытыя пространства. Если его испугнуть, онъ быстро спасается въ ближайшую чащу, полу-летя, полу-бѣгая по поверхности воды. Въ случаѣ настойчиваго преслѣдованія и крайней необходимости на большихъ глубинахъ рѣшается даже нырять».

Полетъ водяного пастушка плохой, низкій, всегда непродолжительный и требуетъ усилій и сильныхъ взмаховъ крыльевъ. При этомъ онъ далеко отставляетъ крылья отъ туловища и производитъ ими короткіе невѣрные удары, наномывая въ этомъ отношеніи полетъ летучей мыши. Впрочемъ, лѣтомъ онъ прибѣгаетъ къ ихъ помощи только, когда ему грозитъ опасность, и тогда ему случается безразсудно опуститься среди открытаго поля или даже на дерево. Обыкновенный призывной голосъ его, который всего чаще слышится вечеромъ,—рѣзкій свистъ; отецъ мой сравниваетъ его со звукомъ, производимымъ взмахомъ хлыста по воздуху, и выражаетъ слогомъ «вуйтт». На лету, именно во время перекочевокъ, онъ издаетъ высокое, рѣжущее, но пріятное «крик» или «крип». Водяной пастушокъ не принадлежитъ къ числу одаренныхъ видовъ своего семейства, хотя въ немъ замѣчается извѣстная степень ума. Науманъ говоритъ, что онъ выказываетъ много хитрости и ловкости, повинувся непреодолимой потребности спрятаться отъ своего преслѣдователя человѣка; эта постоянная игра въ прятки стала его второй натурой и потому, вполне полагаясь на свое искусство, онъ не обращаетъ никакого вниманія на человѣка, стоящаго безъ движенія. Другіе наблюдатели замѣтили, что въ непривычныхъ для него обстоятельствахъ онъ теряетъ присутствіе духа и дѣлаетъ настоящія глупости. «Одинъ изъ моихъ знакомыхъ», рассказываетъ мой отецъ, «наткнулся на охотѣ въ небольшой заросли камыша на водяного пастушка и, обративъ его въ бѣгство, выстрѣлилъ ему въ догонку, но промахнулся. Птица взлетѣла и недалеко оттуда упала на поле. Охотникъ побѣждалъ за ней, настигъ и просто поймалъ руками. Впослѣдствіи, набивая изъ нея чучело, я не нашелъ на ней ни малѣйшаго поврежденія. Три другихъ экземпляра моей коллекціи были также пойманы руками. Водяной пастушокъ, ведущій такой скрытый образъ жизни, постоянно таясь въ камышахъ, повидимому дѣйствительно отдается безпредѣльному ужасу и теряетъ самообладаніе; если человѣкъ застигнетъ его въ открытой мѣстности, онъ совершенно забываетъ пользоваться своими крыльями. Въ большинствѣ случаевъ онъ могъ-бы спастись отъ преслѣдованія человѣка, но его нерѣшительность, что предпринять, губить его». Онъ мало сообщается съ себѣ подобными и принадлежитъ къ числу

самых необщительных птиц; даже во время перелета онъ не соединяется въ стаю.

Въ плѣну водяной пастушокъ скоро примирается съ лишеніемъ свободы и привыкаетъ къ клѣткѣ. Сначала онъ, конечно, постоянно пытается спрятаться; но вскорѣ онъ становится довѣрчивымъ и до того ручнымъ, что беретъ изъ рукъ кормъ и позволяетъ даже своему хозяину гладить себя. Одинъ врачъ въ Заальфельдѣ до такой степени приручилъ водяного пастушка, что тотъ бѣгалъ за нимъ по дому, какъ собака, наблюдалъ за всѣми его жестами и зимой спалъ вмѣстѣ съ нимъ т.-е. буквально залѣзалъ подъ одеяло, чтобы здѣсь согрѣться. Веселый нравъ, разнообразіе движеній и такая довѣрчивость располагаютъ къ этой птицѣ всѣхъ любителей.

На свободѣ водяной пастушокъ питается главнымъ образомъ насѣкомыми, ихъ личинками, червями, моллюсками; позднѣе также сѣменами, особенно камыша и травъ. Онъ не пренебрегаетъ, вѣроятно, и птичьими яйцами, какъ и ближайшіе родичи его.

Гнѣздо рыхло сплетено изъ сухихъ листьевъ камыша, соломинокъ, ситника, травяныхъ стеблей и имѣетъ форму глубокой чашки; оно скрыто въ густой травѣ или камышѣ и его очень трудно найти, хотя старики выдаютъ его мѣсто вечернимъ пѣніемъ. Обыкновенно его можно найти гдѣ-нибудь на краю канавы, то подъ ивовымъ кустомъ, то въ не слишкомъ густомъ камышѣ, рѣдко въ невысокой травѣ. Кладка состоитъ изъ 6—10, иногда болѣе, яицъ красивой формы 35 мм. въ длину и 25 мм. въ толщину, съ плотной, гладкой и мелко-зернистой скорлупой разрисованной по блѣдно-желтому или зеленовтому фону рѣдкими фіолетовыми и пепельно-сѣрыми малыми пятнами на красноватыхъ или коричнево-бурыхъ большихъ пятнахъ. Птенцы покрыты чернымъ пухомъ и тотчасъ по выдуплениіи покидаютъ гнѣздо; они, какъ мыши, бѣгаютъ въ травѣ и въ случаѣ нужды хорошо плаваютъ. Пока они не выростутъ, самка созываетъ ихъ нѣжнымъ звукомъ.

Въ Южной Америкѣ, въ восточной, западной и южной Африкѣ живутъ странныя маленькія птицы, относительно положенія которыхъ въ системѣ натуралисты до сихъ поръ несогласны между собой; внутреннее строеніе ихъ и особенное строеніе скелета доказываютъ близкое родство съ пастушками. *Ныряющія курочки* (*Heliornithidae. Saumfusse*), такъ зовутъ этихъ маленькихъ, стройно и сильно сложенныхъ птицъ, образуютъ одно семейство съ пятью только видами. Тонкій и невысокій клювъ имѣетъ длину головы; на спинкѣ онъ закругленъ; лобнаго щита нѣтъ; ноги очень коротки и покрыты перьями до плюсны; пальцы длиннѣе плюсны и имѣютъ широкія лопастныя перепонки, которыя образуютъ между передними пальцами короткую плавательную кожицу; только короткій задній палецъ не имѣетъ перепонки; второе и третье маховыя перья крыльевъ всего длиннѣе; сильный хвостъ состоитъ изъ 18 слегка закругленныхъ перьевъ.

* * *

У *Липопары* (*Heliornis fulica, fulicarius, surinamensis, Plotus, Podoa surinamensis, Taucherhuhnchen, Foulque picapare*) голова и верхняя часть шеи черныя; спина, крылья и хвостъ бурые; брови, горло и передняя сторона шеи бѣлыя; грудь и брюхо желтовато-бѣлыя. Глаза каріе, клювъ рогового блѣдно-желтаго цвѣта, въ старости—красный, при основаніи съ буроватой спинкой, на концѣ съ черными пятнами, ноги красновато-желтыя, плюсна съ внутренней и задней стороны черная; всѣ пальцы съ черной полоской на каждомъ сочлененіи. Длина достигаетъ 31, размахъ крыльевъ 82, длина крыла 14, длина хвоста 8 см.

Принцъ фонъ-Видъ далъ довольно подробное описаніе ея образа жизни. «Пикопара», говоритъ онъ, «живетъ въ Бразиліи и Парагваѣ и распространена по словамъ Азары, до 25 градусовъ южной широты, слѣдовательно водится въ значительной части Южной Америки. Она часто попадаетъ на всѣхъ рѣкахъ восточной Бразиліи, гдѣ держится въ густой тѣни кустарниковъ и водяныхъ растеній, покрывающихъ рѣчные берега. Во всѣхъ тихихъ, уединенныхъ мѣстахъ навѣрное можно найти ее. Нерѣдко она сидитъ на тонкой вѣткѣ въ водѣ и отвѣшиваетъ поклоны. Она питается сѣменами и водяными насекомыми, ловя которыхъ, иногда, правда рѣдко, погружаетъ въ воду переднюю часть туловища. Голосъ ея состоитъ изъ нѣсколькихъ сильныхъ растянутыхъ горловыхъ звуковъ, похожихъ издали на лай маленькой собачки.

«Двухъ птенцовъ своихъ пикопара выводитъ въ жаркое время года. Сначала они совершенно голы и прячутся подъ крылья родителей, удерживаясь тамъ клювомъ. Однажды въ декабрѣ я убилъ самца, который носилъ подъ крыломъ только что вылупившагося еще совсѣмъ голаго птенца. Когда птенцы подрастаютъ, можно видѣть ихъ сидящими на спинѣ у самки и ныряющими вмѣстѣ съ нею. Замѣтивъ опасность, или когда подойдутъ къ ней слишкомъ близко, птица взлетаетъ, когда не имѣетъ при себѣ птенцовъ, но скоро опять опускается въ тѣнь береговыхъ кустовъ. При настойчивомъ преслѣдованіи она прячется въ густыхъ кустарникахъ берега или спѣшитъ къ сушѣ, чтобы здѣсь скрыться до минованія опасности. Ныряетъ она только въ крайнихъ случаяхъ, особенно подстрѣленная; она долго остается тогда подъ водой, хотя и значительно уступаетъ въ умѣнью нырять анхивгамъ и гагаркамъ. Я находилъ пикопару на рѣкахъ даже въ дѣвственныхъ лѣсахъ».

Принцъ Люсьенъ Бонапарте и Грай видятъ въ описанномъ ниже семействѣ въ высшей степени красивыхъ и во многихъ отношеніяхъ замѣчательныхъ птицъ—близкихъ родичей рябчиковъ и перепеловъ; другіе натуралисты склонны соединять ихъ съ южно-американскими скрытохвостыми курами. Гюльдъ, наблюдавшій многихъ изъ нихъ, думаетъ, что, напоминая по внѣшнему виду перепеловъ и куропатокъ, онѣ не имѣютъ съ послѣдними дѣйствительнаго сходства, что между ними и скрытохвостыми курами также нѣтъ рѣшительно никакого родства, и что скорѣе ихъ слѣдуетъ считать промежуточными формами между куриными съ одной стороны и ржанками и песочниками съ другой. Фюрбрингеръ, которому мы слѣдуемъ, соединяетъ ихъ съ семействомъ *Mesitidae*, заключающимъ всего только одинъ мадагаскарскій видъ,—въ одну группу **Триперстовыхъ** (*Turpines*, *Laufhühnerartige*).

Триперстки (*Turnicidae*, *Laufhühner*, *Turnicidés*), небольшія птицы съ вытянутымъ туловищемъ, характеризуются слѣдующими признаками: средней длины, тонкій, прямой, сжатый съ боковъ клювъ съ выпуклой спинкой и слегка загнутымъ концомъ; ноздри имѣютъ боковое положеніе и отчасти прикрыты голыми кожистыми щитками; слабыя ноги съ длинной плюсной и тремя или, въ видѣ исключенія, четырьмя пальцами; закругленные крылья средней длины, въ которыхъ или первое маховое перо или три первыхъ, приблизительно равныхъ другъ другу, длиннѣе прочихъ; короткій хвостъ, изъ 10—12 рулевыхъ перьевъ, почти скрытъ подъ кроющими перьями.

Триперстки, которыхъ насчитываютъ до 24 видовъ, распространены по всему восточному полушарію и совершенно не встрѣчаются въ западномъ. Повидимому, Австралія является центромъ области распространенія семейства: здѣсь живетъ

больше видовъ, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ частяхъ свѣта, вмѣстѣ взятыхъ; они не только населяютъ всѣ извѣстные до сихъ поръ части материка, но распространены также по островамъ, прилежащимъ къ материка и даже къ Тасманіи. Немногіе виды встрѣчаются какъ на востокѣ, такъ и на западѣ материка, остальные обитаютъ въ очень ограниченныхъ областяхъ. Мѣстопробываніемъ служатъ имъ здѣсь, какъ и вездѣ, равнины и каменные обрывы и склоны горъ, густо поросшіе кустарниками и травой. Триперстки ведутъ настолько скрытый образъ жизни, что, кромѣ періода спариванья, ихъ можно встрѣтить очень рѣдко, если не предпринимать спеціальной охоты за ними. По движеніямъ, привычкамъ и нравамъ онѣ сильно отличаются отъ перепеловъ и скорѣе приближаются къ песочникамъ и ржанкамъ. Онѣ прячутся въ густой травѣ, пока только возможно и, наконецъ, вылетѣвъ изъ подъ самыхъ ногъ охотника, поднимаются невысоко, пролетаютъ съ быстротой стрѣлы и въ прямомъ направленіи около 100 метровъ и вдругъ опять опускаются на землю.

Въ періодъ спариванія они оживляются, но и тогда ихъ можно только слышать, а не видѣть. Половое чувство возбуждаетъ оба пола въ высшей степени и вызываетъ въ каждомъ изъ нихъ борьбу на жизнь и смерть; замѣчательно, что не только самцы, но и самки ожесточенно дерутся между собою, у нѣкоторыхъ видовъ борьба происходитъ, повидимому, даже между одними самками. На Явѣ, въ мѣстахъ, населенныхъ довольно обыкновенной тамъ Драчливой триперстной (*T. rugosa*), можно въ это время постоянно слышать трескучіе крики самокъ, вызывающихъ другъ друга на бой. По рассказамъ Жердона объ одномъ родственномъ видѣ, всѣ самки очень драчливы и этимъ пользуются въ южной Индіи имъ же во вредъ. Ручную самку сажаютъ въ западню, которую ставятъ въ подходящемъ мѣстѣ на землю. Всякая самка, заслышавъ призывной голосъ сидящей въ западнѣ птицы, стремительно подлетаетъ къ ней съ цѣлью сразиться съ назойливой соперницей, попадаетъ въ самую опасную часть западни, въ пылу драки сбиваетъ подпорку и оказывается вдругъ окруженной со всѣхъ сторонъ рѣшеткой. Захлопываясь, дверца задѣваетъ колокольчикъ, который извѣщаетъ ловца о добычѣ; онъ прибѣгаетъ, вынимаетъ изъ клѣтки пойманную птицу и снова устанавливаетъ западню; снова прилетаетъ самка, затѣмъ третья, и при удачѣ одинъ человекъ можетъ наловить въ теченіи дня до 20 штукъ этихъ ревнивыхъ птицъ. Такимъ способомъ ловятся исключительно самки триперстокъ и въ большинствѣ случаевъ такіа, которыя имѣютъ зрѣлое, готовое къ кладкѣ яйцо. «Мнѣ не разъ сообщали» говоритъ Жердонъ, «что 8 или 10 пойманныхъ такимъ образомъ птицъ неслись раньше, чѣмъ ихъ успѣвали принести домой».

Въ прежнее время думали, что триперстки живутъ въ многобрачїи; всѣ новѣйшіе наблюдатели указываютъ какъ разъ противоположное, а нѣкоторые изъ нихъ утверждаютъ, что самецъ и самка очень вѣрны другъ другу. Для постройки гнѣзда, состоящаго изъ простого слоя соломинокъ и травяныхъ листьевъ, самка отыскиваетъ небольшое, хорошо скрытое углубленіе почвы. Кладка состоитъ изъ 4—7 яицъ. Оба-ли родителя насиживаютъ, или эта забота лежитъ на одной самкѣ, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ достоверно, что и самецъ принимаетъ участіе въ воспитаніи птенцовъ. «14 мая», рассказываетъ Свинное, «я спугнулъ триперстку и, судя по ея страннымъ поступкамъ, заключилъ, что она покинула гнѣздо или своихъ птенцовъ. Осматриваясь внимательно кругомъ, я скоро замѣтилъ одного изъ нихъ, а затѣмъ и трехъ остальныхъ, которые цопрятались подъ сухими листьями. Я посадилъ одного птенца въ западню и поставилъ мальчика китайца караулить ее. Старая птица скоро нашла своего птенца, но не хотѣла войти въ западню.

Она отзывалась изъ сосѣдняго куста на каждый крикъ птенца сердитымъ ворчливымъ звукомъ и вскорѣ побѣжала къ нему, кудахтая какъ курица; она подошла къ самой западнѣ, но и теперь не вошла въ нее, а стала бѣгать взадъ и впередъ между кустомъ и клѣткой, безпрестанно призывая птенца. Когда мой помощникъ попытался накрыть ее шапкой, она буквально проползла подъ ней по землѣ; только рѣдко рѣшалась она взлетать. Наконецъ стемнѣло, и я былъ принужденъ подстрѣлить ее, чтобы не потерять совершенно. Къ моему величайшему изумленію, убитая мною птица оказалась при вскрытіи самцомъ. Такъ какъ другого родителя не было, то я могу только предположить, что самка или погибла, или была занята насиживаніемъ второй кладки; помянутые птенцы были уже вполне оперившись».

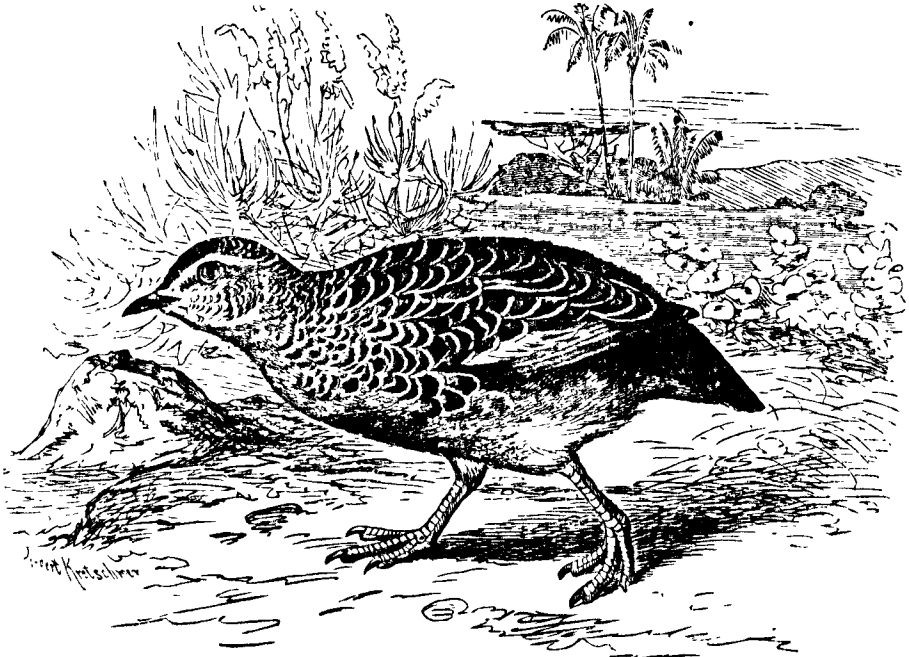
Благодаря необыкновенной драчливости триперстокъ, азіатскіе народы издавна держатъ ихъ въ клѣткахъ и пользуются ими для потѣшныхъ боевъ. Даже старыя птицы легко привыкаютъ къ неволѣ и не слишкомъ прихотливы въ пищѣ. Въ южной и восточной Азіи ихъ кормятъ главнымъ образомъ варенымъ рисомъ, хотя лучше не лишать ихъ совершенно животной пищи, такъ какъ на свободѣ онѣ столько-же питаются разными сѣменами, сколько насѣкомыми; жадность, съ которой они съѣдаютъ послѣднихъ, доказываетъ, насколько имъ необходима животная пища.

* *
*

Триперстка африканская, называемая **Торилью**—въ Испаніи, **Земмана**—у арабовъ и **Зеркиль**—у мавровъ (*Turnix sylvatica, africana, gibraltaria, andalusica, albigularis, Tetrao sylvaticus, gibraltarius, andalusicus, Perdix gibraltaria, andalusica, Ortygis gibraltaria, andalusica, Hemipodius tachydromus, lunatus. Laufhühchen. Turnix d'Afrique*), принадлежитъ къ наиболѣе крупнымъ видамъ семейства. Длина самца достигаетъ 15, длина крыла 8, длина хвоста 4 см.; самка замѣтно крупнѣе и тяжелѣе самца на $\frac{1}{3}$ его вѣса; длина ея 19, длина крыла 9, длина хвоста 4 см. Оба пола нисколько не различаются по окраскѣ. На верхней части головы перья темно-бурыя со свѣтло-красными краями и разрисованы широкими темными полосками, происходящими отъ темной окраски стержня; вдоль по серединѣ головы проходитъ блѣдная бѣловато-сѣрая полоска. Нижнія шейныя перья и плечевыя темно-бурыя съ очень тонкими волнообразными и зигзагообразными свѣтло-бурыми или буровато-желтыми поперечными полосками на средней своей части и съ широкими черными продольными полосами на боковыхъ частяхъ, большею частью также съ блѣдно-желтой каемкой; перья спины, надхвостья и верхнія кроющія перья хвоста такъ-же точно окрашены и разрисованы. На щекахъ и горлѣ перья желтовато-бѣлыя съ узкими черными полудунными пятнами на концѣ; на бокахъ туловища отъ шеи до паховъ они блѣднаго ржаво-желтоватаго цвѣта съ такими-же, но постепенно расширяющимися пятнами; окраска горла—подобная-же, чешуйчатая; середина зоба однороднаго ржаво-желтаго цвѣта. Остальныя перья нижней стороны туловища блѣднаго грязно-желтаго цвѣта, нижнія кроющія перья хвоста охряно-желтаго, маховыя и рулевыя бурыя съ узкой желтовато-бурой каемкой на наружной части опахала. Глаза свѣтлые желтовато-каріе, клювъ грязнаго мяско-краснаго цвѣта при основаніи и черноватый на концѣ; ноги свѣтло-бурыя.

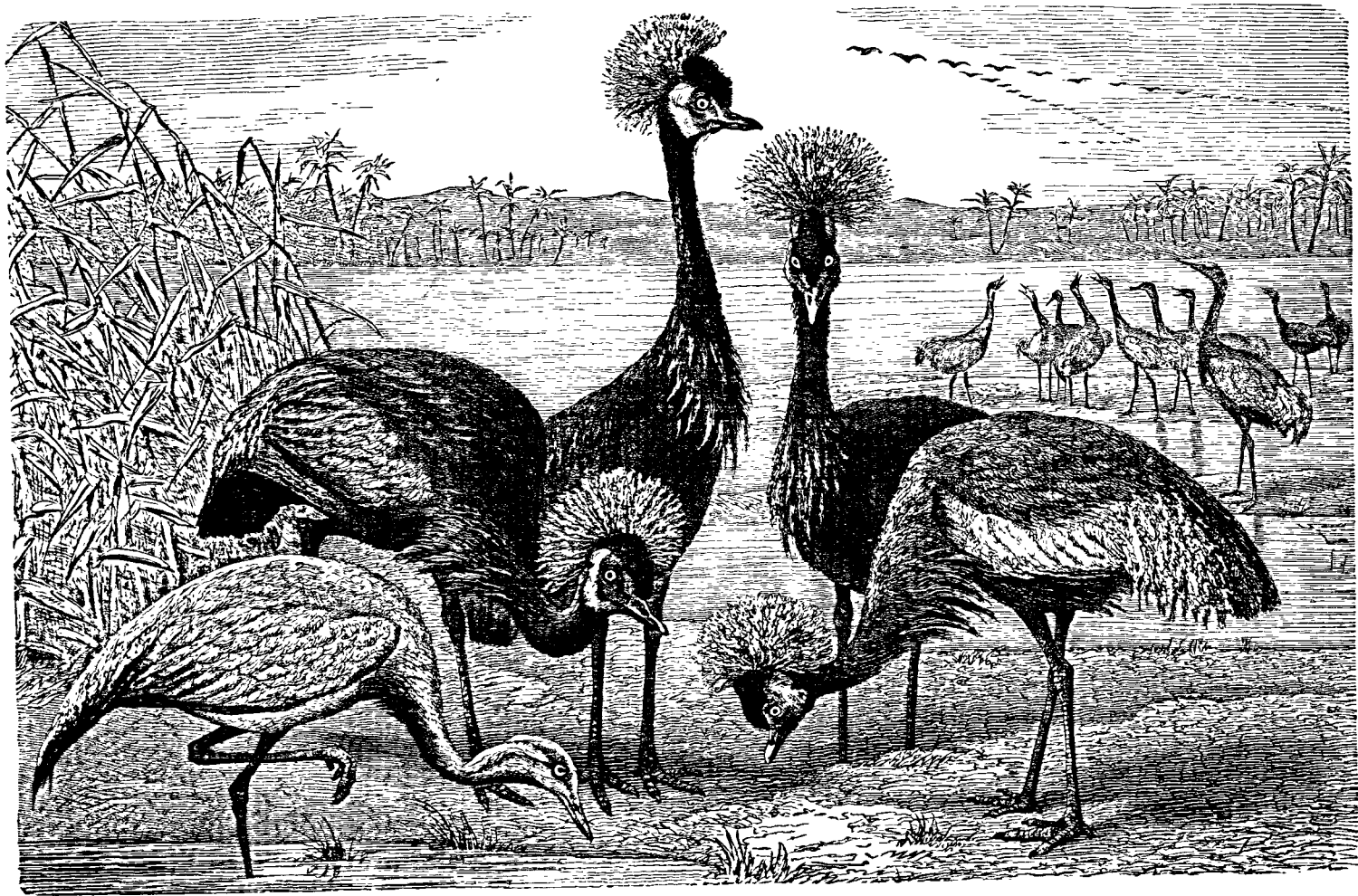
Эта птица, мало извѣстная и по-сейчасъ, распространена по всей сѣверо-восточной Африкѣ, отъ границы Египта до Адриатическаго моря и отъ Гибралтарскаго пролива до Сенегала, а можетъ быть и далѣе къ югу. Къ сѣверу область ея распространенія захватываетъ Испанію и Сицилію и, если она и была найдена еще дальше на сѣверѣ, то только въ качествѣ случайнаго гостя; говорятъ, что она рѣдко встрѣчается въ южной Франціи и будто-бы даже разъ была убита около

Оксфорда въ Англіи. Въ южной Испаніи и Португаліи она, можетъ быть, распространена гораздо шире, чѣмъ установлено до сихъ поръ; въ Сициліи, насколько теперь извѣстно, она встрѣчается тоже въ различныхъ мѣстностяхъ. Очень трудно судить о числѣ экземпляровъ, живущихъ въ данной мѣстности: она ведетъ до того скрытый образъ жизни и ее такъ трудно найти, что не такъ-то легко сказать, часто-ли она встрѣчается или рѣдко. Неизвѣстно даже, кочуетъ-ли она или нѣтъ. Въ пользу послѣдняго мнѣнія склоняются англійскіе изслѣдователи, производившіе наблюденія въ Испаніи; въ Андалузіи держатся противоположнаго мнѣнія, прибавляя конечно, что триперстка служить перепеламъ проводникомъ, ведетъ ихъ въ Африку и играетъ въ ихъ эмиграціяхъ такую важную роль что въ случаѣ ея смерти перепела уже не могутъ одни переправиться въ Африку. Понятно, что такого рода рассказы лишены всякаго основанія и показываютъ

Триперстка африканская. *Turnix sylvatica*. 2/3 наст. вел.

только, какъ мало знаютъ испанцы объ образѣ жизни нашей птицы. По наблюденіямъ Ирбиса, заслуживающимъ довѣрія, около Гибралтара африканская триперстка встрѣчается только мѣстами и нигдѣ не обыкновенна, но возможно, что она встрѣчается чаще, нежели думаютъ. Она всего охотнѣе населяетъ мѣстности, густо поросшія карликовой пальмой, будь то на самомъ морскомъ берегу или внутри страны или при возвышенностяхъ; такія мѣста вполне соотвѣтствуютъ тѣмъ ея привычкамъ и нравамъ, какіе были наблюдаемы у нея въ Африкѣ. Лордъ Лильфордъ думаетъ, что въ предѣлахъ Европы главнымъ мѣстопребываніемъ африканской триперстки является, вѣроятно, Сицилія, опираясь на сообщеніе Додерлейна, что ему удавалось убивать ихъ штукъ по 10—15 въ день въ окрестностяхъ Аликанты, Джирдженти и Шіакки. Самъ Додерлейнъ замѣчаетъ, что она встрѣчается преимущественно въ южной части острова, притомъ обществами въ теченіи сентября и октября, а въ остальное время года по-одиночкѣ и что и здѣсь она населяетъ

МАЛЫЙ И ПАВЛИНИЙ ЖУРАВЛЬ.

Отрядъ VI.

Журавлиныя (Geranornithes).

По Фюрбрингеру Журавлиныя (Gruiformes) образуютъ лишь подотрядъ, распадаясь сами на двѣ группы: Журавлей (Grues. Kranichartige) и Солнечныхъ цапель (Eurypygae. Sonnengallenartige). По изслѣдованіямъ того-же автора, журавлиныя занимаютъ середину между водяными курочками, полевскими и боевыми птицами и распространены по всему земному шару.

Благороднѣйшими представителями этого отряда мы считаемъ Журавлей (Gruidae. Kraniche. Grues) въ широкомъ смыслѣ этого слова. Признаки ихъ слѣдующіе: сравнительно длинное, почти цилиндрическое, но сильное и не сжатое съ боковъ тѣло, длинная, тонкая шея, маленькая голова красивой формы, довольно крѣпкій, прямой, нѣсколько сжатый съ боковъ, заостренный клювъ съ тупой спинкой, длиною равный головѣ или немного ее превосходящій, мягкій въ своей основной части и твердый на концѣ. Очень длинныя сильныя ноги, голыя далеко выше плюсны, съ четырьмя пальцами; короткій, маленькій задній палецъ сочленяется такъ высоко, что на ходу птицы не касается земли; наружный и средній передніе пальцы соединены толстой перепонкой, доходящей до перваго сочлененія ихъ; когти короткіе плоско-загнутые съ тупыми краями. Большія, длинныя крылья, въ которыхъ третье маховое перо всего длиннѣе, очень широки; изъ плечевыхъ перьевъ послѣднія превосходятъ длиною всѣ остальные, серповидно изогнуты и вообще имѣютъ своеобразную форму; довольно короткій или закругленный хвостъ состоитъ изъ 12 перьевъ, наконецъ, обильное, плотно прилегающее, жесткое опереніе, часто оставляющее голыя мѣста на головѣ и шеѣ, иногда видоизмѣняется здѣсь въ красивыя украшающія перья: у нѣкоторыхъ формъ перья удлинены на передней сторонѣ шеи, у другихъ они здѣсь совсѣмъ исчезаютъ. Оба пола не различаются замѣтно по окраскѣ, но бываютъ разной величины; послѣ первой линьки молодые получаютъ опереніе старыхъ птицъ, но лишь позже пріобрѣтаютъ украшающія перья въ полномъ ихъ составѣ.

Черепъ у журавлей округленный, сверху вышуклый, съ хорошо сформированнымъ сводомъ; надъ затылочнымъ отверстіемъ находится пара родничковъ; межглазничная перегородка продырявлена; нижнія крылья клиновидной кости не имѣютъ третьяго сочлененія. Позвоночникъ состоитъ изъ 17 шейныхъ позвонковъ, 9 спинныхъ и 7 хвостовыхъ. Грудная кость самая замѣчательная часть скелета; она длинна

я узка и лишена такъ называемыхъ верхнихъ рукоятокъ и нижнихъ отростковъ; сильно развитый гребень ея имѣетъ слабо выпуклое ребро и образуетъ полость для дыхательнаго горла. Обѣ вѣтви вилочки срослись съ переднимъ концомъ гребня, лопапки узки и сравнительно коротки; пневматичная плечевая кость почти равной длины съ костями предплечья; бедренная кость не пневматична. Языкъ похожъ на куриный, умѣренной длины и ширины; пищеводъ довольно широкій, безъ зоба, сравнительно съ сильнымъ, большимъ и крѣпкимъ мускульнымъ желудкомъ; железистый не великъ; пищеварительный каналъ въ девять разъ длиннѣе туловища. Въ высшей степени замѣчательно устройство и положеніе дыхательнаго горла, сходное, но не вполне одинаковое у обоихъ половъ. Оно состоитъ изъ 300 слишкомъ хрящевыхъ колець; прямо спускаясь вдоль шеи, оно прободаетъ около мѣста соединенія обѣихъ вѣтвей вилочки натянутую между ними плотную сухожильную перепонку и вступаетъ въ гребень грудной кости. У самки, дойдя приблизительно до середины грудной кости, оно загибается дугой кверху; образовавши восходящую петлю, оно опять спускается внизъ, даетъ вторую нисходящую петлю внутри первой, опять поднимается кверху позади перваго нисходящаго колѣна и между ключицами переходитъ въ грудную полость. Эти извивы составляютъ около половины его длины. У самца оно тянется подъ самымъ основаніемъ гребня до задняго конца его, гдѣ переходитъ подъ острымъ угломъ въ восходящее колѣно, лежащее въ углубленіи задней поверхности грудины. Несомнѣнно, что сила голоса журавлей связана съ такимъ устройствомъ дыхательнаго горла.

Каждая часть свѣта населена особыми видами журавлей и наибольшее число ихъ водится въ Азіи. Мѣстопробываніемъ имъ служатъ большія болота и трясины и предпочтительно такія, которыя граничатъ съ обработанными полями; журавли съ такимъ же успѣхомъ находятъ себѣ пищу на поляхъ, какъ и на болотѣ. Они мѣрно, но граціозно шагаютъ, иногда забавляются прыжками, похожими на танцы, но сохраняютъ всегда извѣстное достоинство въ движеніяхъ; довольно глубоко заходятъ въ воду, умѣютъ плавать, легко, красиво и большею частью высоко летаютъ, прямо вытянувъ шею и ноги, часто парятъ, описывая большіе круги. Голосъ ихъ громкій, пронзительный. Они умны и понятливы, обыкновенно рѣзвы и шаловливы, но храбры въ бою и даже кровожадны. Очень общительные съ себѣ подобными, они принимаютъ въ свои общества и близкихъ родичей; на другихъ животныхъ они не обращаютъ вниманія или стремятся господствовать надъ ними. Они дѣятельны съ ранняго утра до поздняго вечера, но отыскиванію пищи посвящаютъ всего лишь нѣсколько утреннихъ часовъ, а остальное время—своей общественной жизни. Свой далекій перелетъ въ тропическія страны они совершаютъ почти безъ перерыва днемъ и ночью, а потому и въ поразительно короткій срокъ.

Всѣ журавли ѣдятъ при случаѣ насѣкомыхъ и червей, мелкихъ рыбъ и амфибій, разоряютъ также иногда гнѣзда птицъ, но, повидимому, животная пища служить имъ только лакомствомъ. Кормъ ихъ состоитъ главнымъ образомъ изъ различнаго рода сѣмянъ, особенно зеренъ злаковъ, кромѣ того изъ почекъ, кончиковъ листьевъ, корешковъ и клубней. Тамъ, гдѣ ихъ много, набѣги ихъ на поля могутъ сдѣлаться чувствительными; въ Германіи они не приносятъ замѣтнаго вреда, такъ какъ количество ихъ годъ отъ году убываетъ.

Гнѣздо устраивается въ низменныхъ или болотистыхъ мѣстностяхъ; кладка состоитъ изъ двухъ яицъ, усаженныхъ бурными пятнами по зеленоватому фону. Оба родителя поочередно насиживаютъ и вначалѣ кормятъ птенцовъ, которые проводятъ, вѣроятно, въ гнѣздѣ первые дни жизни и только затѣмъ выводятся родителями.

Журавли имѣютъ мало враговъ. На мѣстѣ зимовки нѣкоторые попадаютъ крокодиламъ, что я знаю по опыту; другихъ животныхъ, которые были бы для нихъ опасны, я назвать не могу. Кое-гдѣ человѣкъ преслѣдуетъ ихъ ради мяса или ловить гнѣздовыхъ птенцовъ, чтобы воспитать ихъ. Они легко привыкаютъ къ неволѣ, вступаютъ со своимъ хозяиномъ въ тѣсную дружбу и радуютъ его изяществомъ движеній, привлекательностью нрава и поразительнымъ умомъ. Не трудно приучить ихъ свободно вылетать и прилетать и заставить размножаться въ неволѣ. Въ Японіи и Китаѣ одинъ изъ тамошнихъ журавлей считается священной или по крайней мѣрѣ очень уважаемой птицей, безъ сомнѣнія за свои хорошія качества.

Журавль стрый (*Grus communis, cinerea, vulgaris, longirostris, cineracea, Ardea grus. Kranich. Grue commune*) является въ Европѣ прототипомъ семейства и представителемъ своего рода (*Grus*). Опереніе его въ общемъ пепельно-сѣраго цвѣта; горло и передняя часть темени черныя, шея на бокахъ бѣловатая; маховыя перья черныя. Глаза буро-красныя, клювъ при основаніи красноватый, на концѣ черно-зеленый, ноги черноватые. Длина достигаетъ 140 см., размахъ крыльевъ 240, длина крыла 65, а хвоста 21 см.

Журавль этотъ живетъ въ широкомъ поясѣ Старога Свѣта между низменными тундрами сѣвера и средней Европой, и отъ восточной границы средней Сибири до Скандинавіи включительно; отсюда онъ перелетаетъ въ Сіамъ и Индію черезъ Китай или въ среднюю и западную Африку. Въ Германіи онъ гнѣздится только къ востоку отъ Эльбы.

Къ нему присоединяется въ восточной Азіи великолѣпный **Журавль бѣлый** или **Стерхъ** (*Grus leucogeranus, leucogerana, gigantea, Ardea gigantea, Antigone leucogeranos, Leucogeranos giganteus. Schneekranich. Grue blanche*), нѣсколько экземпляровъ котораго были убиты и въ Европѣ. За исключеніемъ черныхъ рулевыхъ перьевъ и кроваво-красной голы головы, онъ совершенно бѣлый. Глаза свѣтло-желтые, клювъ блѣдно-красный, ноги карминно-красныя. Длина достигаетъ 120 см., размахъ крыльевъ вдвое больше.

Журавль даурскій (*Grus leukochen, antigone. Antigonekranich. Grue antigone*), водящійся въ Забайкальѣ, также причисляется къ европейскимъ птицамъ, такъ какъ его встрѣчали въ южно-русскихъ степяхъ. Онъ отличается отъ сѣраго журавля большими размѣрами голаго поля на головѣ и закругленнымъ хвостомъ. Опереніе его почти равномернаго буроватаго пепельно-сѣраго цвѣта, за исключеніемъ перьевъ хвоста и маховыхъ, которыя темнаго аспиднаго цвѣта. Глаза оранжево-красныя, клювъ при основаніи зеленый и буровато-черный на концѣ, ноги блѣднаго розово-краснаго цвѣта. Длина достигаетъ 136 см., размахъ крыльевъ 240, длина крыла 66, длина хвоста 23 см.

Очень изящный **Степной** или **Малый журавль**, **Красавка** (*Grus virgo, numidica, Ardea, Anthropoides virgo. Jungfernkranich. Demoiselle de Numidie*) гнѣздится въ средне-азиатскихъ степяхъ, перелетаетъ въ южную Индію, среднюю и южную Африку, и чаще обихъ предыдущихъ видовъ посѣщаетъ Европу. Онъ отличается отъ своихъ описанныхъ выше родичей короткимъ округленнымъ клювомъ, вполне оперенной головой съ двумя пучками длинныхъ украшающихъ перьевъ позади, удлиненными перьями на нижней части шеи и тѣмъ, что верхній

кроющія перья крыльевъ только значительно удлинены и много больше остальныхъ, но не вздержены и не закручены, какъ у сѣраго журавля. Опереніе, отличающееся своею мягкостью, свѣтлаго свинцово-сѣраго цвѣта; передняя сторона шеи и ея украшающія перья, ниспадающія на грудь, темно-черныя, пучки украшающихъ перьевъ на головѣ чистаго бѣлаго цвѣта; маховыя перья сѣро-черныя. Глаза карминно-красныя, клювъ грязно-зеленый при основаніи, далѣе рогового цвѣта, на концѣ блѣдно-красный; ноги черныя. У молодыхъ птицъ нѣтъ украшающихъ перьевъ на головѣ и на шеѣ. Длина достигаетъ 85 см., размахъ крыльевъ 166, длина крыла 45, а хвоста 16 см.

Нашъ сѣрый журавль, описаніемъ образа жизни котораго я принужденъ ограничиться, появляется въ Суданѣ стаями въ октябрѣ и располагается здѣсь на большихъ песчаныхъ рѣчныхъ отмеляхъ, которыя возвышаются надъ поверхностью воды. Въ это же время и въ такомъ же количествѣ его встрѣчаютъ въ Индіи, гдѣ онъ поселяется въ подобныхъ-же мѣстностяхъ. Въ Германіи въ началѣ октября и концѣ марта правильно можно наблюдать перелетъ журавлей большими обществами; они летятъ высоко въ воздухѣ, строго сохраняя клиновидный строй и только иногда кружатъ или рассыпаются въ беспорядочную стаю. Возможно, что они кое-гдѣ опускаются на землю, но нигдѣ не останавливаются на долго. Они держатся изъ году въ годъ извѣстнаго направленія и прежде всего знакомыхъ намъ путей перелета птицъ и отклоняются отъ нихъ только въ силу необычайныхъ явленій: такъ, мой отецъ еще ребенкомъ наблюдалъ, что стая журавлей была привлечена пожаромъ въ деревнѣ Эрнстрода въ Тюрингіи и долго кружила надъ пламенемъ, покрывая своимъ громкимъ голосомъ крики рабочихъ, жалобы погорѣльцевъ, мычанье скота, трескъ пламени и грохотъ разрушающихся построекъ; эта картина произвела на него тогда такое впечатлѣніе, что сохранилась во всей неприкосновенности въ памяти старика. Передъ осеннимъ перелетомъ они собираются, подобно аистамъ, въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, откуда въ какой-нибудь день съ громкимъ крикомъ снимаются вмѣстѣ и летятъ затѣмъ безъ отдыха днемъ и ночью, пока не достигнутъ мѣста зимовки. Прибывши сюда, они летятъ низко и отскикиваютъ подходящій ихъ требованіямъ островъ, не занятый еще другою стаей. Все время своего пребыванія на чужбинѣ они держатся большими стаями и принимаютъ въ свою среду также родственные виды, въ Африкѣ—степного журавля, въ Индіи—даурскаго, въ южномъ Китаѣ и Сіамѣ, помимо послѣдняго, еще и стерха.

Вмѣстѣ вылетаютъ они по утрамъ на поля, чтобы добыть себѣ пищу, и вмѣстѣ возвращаются передъ полуднемъ. День и ночь они проводятъ на островахъ, забавляясь различными играми и постоянно очищая и приводя въ порядокъ перья; наступающая теперъ линька вызываетъ необходимость такихъ заботъ. Стаями-же они пускаются въ обратный путь и прилетаютъ на родину: здѣсь они разбиваются постепенно на меньшія группы, а эти на пары, которыя расселяются по удобнымъ для устройства гнѣздъ мѣстамъ, совершенно отличнымъ отъ мѣстъ зимовки. Въ Индіи или Суданѣ журавль береговая птица, на сѣверѣ Европы или Азіи онъ становится совсѣмъ болотной птицей. Онъ поселяется здѣсь на большихъ болотахъ и трясинахъ равнинъ и выбираетъ такія мѣста, которыя поросли невысокимъ тростникомъ и осокой и даютъ ему во всякомъ случаѣ широкій кругозоръ. Эти мѣста служатъ ему для вывода птенцовъ и отсюда онъ вылетаетъ на поля, гдѣ добываетъ себѣ пищу въ теченіи лѣта. Онъ избѣгаетъ болотъ, трясинъ и топей, заросшихъ высокимъ камышомъ или кустарниками, развѣ

что ихъ обширность затрудняетъ приближеніе человѣка и обезпечиваетъ достаточную безопасность.

Всѣ движенія журавля красивы, всѣ проявленія его высоко развитыхъ способностей приковываютъ къ себѣ вниманіе. Крупная, хорошо сложенная, подвижная, умная и понятливая птица отлично сознаетъ свои выдающіяся способности и выражаетъ это самыми разнообразными поступками. Онъ ходитъ мелкими, граціозными и мѣрными шагами, обыкновенно спокойно и съ сознаниемъ своего достоинства и только въ случаѣ опасности торопится и бѣжитъ. Послѣ одного, двухъ прыжковъ онъ безъ труда поднимается на воздухъ, нѣсколькими широкими взмахами сильныхъ крыльевъ достигаетъ желаемой высоты и летитъ, прямо вытянувъ шею и ноги, ровно и неторопливо, но быстро и рѣшительно стремясь къ намѣченной цѣли. Та же птица забавляется, когда придетъ ей охота, веселыми прыжками, шаловливыми движеніями, странными позами: она сгибаетъ шею, распускаетъ крылья и буквально танцуетъ или кружится долгое время надъ однимъ мѣстомъ, описывая красивыя линіи. Играя, журавль подбираетъ съ земли камешки и щепки, бросаетъ ихъ на воздухъ и ловитъ ихъ опять, быстро нагибается, расправляетъ крылья, танцуетъ, прыгаетъ, быстро бѣгаетъ взадъ и впередъ и выражаетъ самыми разнообразными движеніями безпредѣльную жизнерадость, оставаясь самъ всегда привлекательнымъ и красивымъ. Его умъ дѣйствительно достоинъ удивленія. Онъ умѣетъ замѣчательно быстро обсудить и оцѣнить обстоятельства и сообразовать съ ними свои поступки. Онъ не пугливъ, но въ высшей степени остороженъ и потому его очень трудно перехитрить. Когда онъ одинъ, онъ постоянно думаетъ объ опасности; стая постоянно выставляетъ сторожей, на которыхъ лежатъ заботы объ общей безопасности; разъ потревоженная стая высылаетъ *соглядатаевъ* и *лазутчиковъ*, прежде чѣмъ вернуться на мѣсто, откуда ее спугнули.

Съ истиннымъ удовольствіемъ наблюдалъ я въ Африкѣ, какъ осторожно дѣйствуютъ журавли, познакомившись съ коварствомъ человѣка: они высылаютъ сначала одного лазутчика, затѣмъ нѣсколькихъ; эти тщательно высматриваютъ и прислушиваются, нѣтъ-ли чего подозрительнаго и только послѣ внимательнаго осмотра успокаиваются и возвращаются, чтобы извѣстить всю стаю; но ихъ встрѣчаютъ еще съ неполнымъ довѣріемъ и, давши помощниковъ, опять отправляютъ на рекогносцировку и только тогда наконецъ вся стая слѣдуетъ за ними.

Журавли обыкновенно не садятся на деревья, но Пехуэль-Леше наблюдалъ ихъ не разъ по-одиночкѣ и по нѣсколько штукъ на сухихъ вершинахъ высокихъ лѣсныхъ деревьевъ. Въ случаѣ необходимости они ловко плаваютъ.

Собственно невозможно вполне изучить журавля на свободѣ. Чтобы судить о немъ, нужно сдѣлать его своимъ товарищемъ. Насколько старательно онъ избѣгаетъ человѣка на волѣ, настолько же сильно привязывается онъ къ нему, попавши въ его общество. За исключеніемъ умѣйшихъ попугаевъ, нѣтъ ни одной птицы, которая вступала бы въ такія тѣсныя отношенія къ человѣку, такъ научалась бы понимать всѣ его движенія и такъ умѣла бы по мѣрѣ силъ приносить ему пользу и удовольствіе. Онъ видитъ въ своемъ хозяинѣ не только кормильца, но и друга и старается выказать это. Легче всякой другой птицы онъ привыкаетъ ко двору и къ дому своего хозяина; знакомится съ каждой комнатою, съ каждымъ угломъ; сознаетъ время и умѣетъ опредѣлять отношенія, въ какихъ другіе люди или животныя находятся къ его хозяину. Онъ выказываетъ удивительное пониманіе порядка; не терпитъ ссоръ на птичьемъ дворѣ, безъ всякаго побужденія стерекетъ домашнихъ птицъ, какъ умная собака, наказываетъ сер-

дитымъ крикомъ или чувствительными ударами клюва и награждаетъ ласковыми движеніями, поклонами и пляской. Онъ привязывается къ человѣку за ласку, но помнитъ незаслуженныя обиды мѣсяцами, даже годами. Объ его умѣ имѣется столько наблюденій, что я никогда бы не кончилъ, если бы захотѣлъ привести здѣсь все.

Съ другими сочленами своего семейства и вообще съ родственными птицами журавль хорошо уживается; но въ дружескія отношенія вступаетъ только съ равными ему по силѣ существами. Общительность составляетъ для него, по видимому, потребность, но общество онъ выбираетъ себѣ съ разборомъ. Птицы одной пары вполне вѣрны другъ другу; къ своимъ дѣтенышамъ они выказываютъ самую теплую нѣжность; къ себѣ подобнымъ, или родичамъ по группѣ, или семейству они выражаютъ извѣстнаго рода уваженіе. Несмотря на это, въ періодъ спариванія, при перелетѣ и при другихъ обстоятельствахъ случается, что журавли ссорятся и вступаютъ въ ожесточенную драку. Наблюдали случаи, что нѣсколько журавлей нападали на одного и ударами клюва наносили ему такія раны, что онъ становился неспособнымъ продолжать путь; рассказываютъ даже, что они положительно казнятъ своихъ преступниковъ; кромѣ того мнѣ неразъ приходилось слышать изъ практики зоологическихъ садовъ, что разные виды журавлей питали другъ къ другу непримиримую ненависть и что одинъ убивалъ другого. По такіе случаи составляютъ исключеніе, такъ какъ журавли собственно только задорны и храбры, но не отличаются злобой, хитростью и коварствомъ. Голосъ у нихъ очень громкій и можетъ быть переданъ обыкновенно звучнымъ, то радостнымъ, то ворчащимъ звукомъ «гру», «курр», или «кюрр»; на болотахъ и лѣсныхъ прогалинахъ крики журавля могутъ иногда испугать неопытныхъ людей, благодаря своему обманчивому сходству съ отчаяннымъ крикомъ о помощи.

Сѣрый журавль ѣстъ хлѣба и посѣвы, обрываетъ кончики травы и полевыхъ растений, очень любитъ горохъ, подбираетъ нѣкоторые плоды, ловитъ червей и наѣжкомыхъ, особенно жуковъ, кузнечиковъ, сверчковъ и стрекозъ, и кое-когда глотаетъ лягушекъ или другихъ амфибій. Зимующія въ Суданѣ стаи журавлей вылетаютъ не задолго до восхода солнца въ степныя поля, засѣяныя дуррой, наполняютъ зернами желудокъ и пищеводе до самой глотки и возвращаются на рѣку; напившись воды, они затѣмъ перевариваютъ принятую пищу въ теченіи цѣлаго дня. По самому умѣренному расчету, журавли, зимующіе на Бѣломъ и Голубомъ Пѣлѣ, истребляютъ около 100,000 гектолитровъ хлѣбовъ. Но такая потеря здѣсь вовсе нечувствительна и никто не отказываетъ птицѣ въ пищѣ; другое дѣло въ густо населенной Индіи, гдѣ спѣлое зерно имѣетъ большую цѣну: здѣсь справедливо считаютъ зимующихъ журавлей вредными птицами и косо на нихъ смотрятъ, а потому всѣми мѣрами преслѣдуютъ и гонятъ ихъ. Въ неволѣ журавль привыкаетъ къ самой разнообразной пищѣ и живетъ годами, если кормить его самымъ обыкновеннымъ зерномъ. Горохъ и бобы онъ предпочитаетъ хлѣбнымъ злакамъ, снѣгаетъ печеный хлѣбъ лакомствомъ, охотно ѣстъ вареный картофель или мелко порѣзанные овощи, рѣпу, капусту и т. п., далеко не пренебрегаетъ кусочками свѣжаго мяса и не упускаетъ случая поймать мышъ или наѣжкомое.

Прибывши на родину, каждая пара поселяется на болотѣ, въ которомъ предполагаетъ вывести птенцовъ, и въ предѣлахъ извѣстныхъ границъ не терпитъ другой пары, хотя иривѣтствуетъ каждую пролетающую стаю громкимъ крикомъ. Только когда болота зазеленѣютъ и на кустарникахъ покажется листва, журавли принимаются за постройку гнѣзда; они сносятъ на островокъ, кустикъ осоки или поваленный кустъ, вообще на мѣсто, возвышающееся надъ уровнемъ почвы, сухія

хворостинки и наслаиваютъ на нихъ затѣмъ безъ особаго старанія болѣе или менѣе сухія соломинки и листья тростника, камыша, ситника и траву. Въ нѣсколько углубленную середину этой постройки самка кладетъ два крупныхъ, продолговатыхъ яйца, около 94 мм. въ длину и 61 мм. въ толщину; яйца имѣютъ плотную, крупно-зернистую скорлупу, почти лишенную блеска; основной цвѣтъ ея то сѣро-зеленый, то буроватый, то свѣтло-зеленый, и по этому фону она разрисована, впрочемъ очень измѣнчиво, сѣрыми и красно-сѣрыми маленькими пятнами, крапинами и черточками на крупныхъ красно-бурыхъ и темно-бурыхъ пятнахъ. Оба родителя насиживаютъ поочередно и вмѣстѣ защищаютъ гнѣздо отъ нападенія враговъ, если тотъ изъ нихъ, который не насиживаетъ и стоитъ на часахъ не можетъ съ ними справиться одинъ. На плѣнныхъ журавляхъ замѣтили, что стоящій на часахъ въ то время, когда другой насиживаетъ, яростно бросается на всѣхъ животныхъ, подходящихъ къ гнѣзду и, привыкши къ человеку, безстрашно нападаетъ и на него; на свободѣ, напротивъ, они боязливо убѣгаютъ отъ этого страшнаго врага, даже если насиживаютъ. Журавли никогда не выдаютъ положенія своего гнѣзда и выказываютъ, наоборотъ, удивительное умѣнье скрываться въ теченіи гнѣздового періода отъ глазъ наблюдателя.

«Эта крупная птица, легко бросающаяся въ глаза», говоритъ Науманъ, «позволяетъ наблюдателю только подозрѣвать, что гдѣ-нибудь въ болотѣ должно находиться ея гнѣздо; но она всегда умѣетъ скрыть самое мѣсто его тѣмъ, что уже издали приближается къ нему постоянно пѣшкомъ и, согнувшись, подъ прикрытіемъ высокихъ растений и кустовъ. Если она слышитъ шумъ, сидя на гнѣздѣ, то уходитъ, также крадучись тайкомъ, взлетаетъ далеко отъ гнѣзда на открытомъ мѣстѣ болота и только тогда становится видимой, или же, если шумъ кажется ей не слишкомъ близкимъ, она вовсе не сходитъ съ гнѣзда. Поэтому гнѣздо журавля также трудно найти, какъ и подойти къ нему, вслѣдствіе положенія его на топкомъ болотѣ, если бы и удалось отыскать его благодаря счастливой случайности». Вмѣстѣ съ тѣмъ журавль прибѣгаетъ къ другому еще средству, чтобы скрываться. «Однажды», рассказываетъ Гомейеръ, «я лежалъ, хорошо спрятавшись, около болота, гдѣ жила пара журавлей. Я наблюдалъ за граціозными движеніями умныхъ птицъ, когда самка, не замѣчая меня и отбросивъ двойную робость птицы и самки, приступила къ таинствамъ туалета. Она набрала себѣ въ клювъ грязи и стала мазать ею спину и кроющія перья крыльевъ, отчего эти части потеряли свой красивый пепельно-сѣрый цвѣтъ и приобрѣли замѣнъ землястый сѣро-бурый оттѣнокъ. Для пользы науки я убилъ красивую птицу и нашелъ, что перья всей верхней половины тѣла совершенно пропитались красящимъ веществомъ, такъ что я не могъ удалить его даже тщательнымъ отмываніемъ; оно такъ прочно пристало къ перьямъ можетъ быть благодаря дѣйствию слюны.»—«Это», прибавляетъ далѣе Гомейеръ, «сразу объяснило причину своеобразной окраски журавля въ гнѣздовый періодъ, что въ теченіи многихъ лѣтъ составляло для меня загадку. Только на это время онъ принимаетъ такую окраску, такъ какъ затѣмъ перья, вырастающія на смѣну выпадающихъ, сохраняютъ свой естественный цвѣтъ; поэтому понятно, отчего мы не замѣчаемъ такого ржаваго оттѣнка на всѣхъ сѣверныхъ журавляхъ, пролетающихъ черезъ Германію: они успѣли смѣнить мелкое опереніе». Это наблюденіе Гомейера было вполне подтверждено химическимъ изслѣдованіемъ Мевеса.

И не знаю, какъ долго продолжается гнѣздовый періодъ; зато мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія с жизни молодыхъ итенцовъ. На плѣнныхъ выводкахъ наблюдали, что они иногда цѣлуются, какъ голуби, откуда заключили, что итенцовъ, вѣроятно, сначала кормятъ родители. Но очень молодые журавли, которыхъ я дер-

жалъ, безъ колебаній клевали съ руки предлагаемую имъ пищу и обнаруживали такую ловкость и самостоятельность, что я принужденъ считать ихъ настоящими выводковыми. Несмотря на толстыя ноги, птенцы хорошо бѣгаютъ и прекрасно умѣютъ прятаться въ густомъ ситникѣ или камышѣ. Родители стараются не выдать присутствія птенцовъ и занимаются ими только тогда, когда увѣрены, что никто ихъ не видитъ; подсырвая опасность, они уводятъ птенцовъ часто очень далеко, напр. въ поля, чтобы здѣсь спрятать ихъ въ хлѣбахъ. Они постоянно слѣдятъ за ними и продолжаютъ наблюдать за плѣвными птенцами, если не уносятъ ихъ слишкомъ далеко отъ гнѣзда. Красивые птенцы неприятны постояннымъ повтореніемъ единственнаго звука «пип»; они теряютъ этотъ недостатокъ только вполнѣ выросли. Но кто хочетъ сдѣлать себѣ изъ журавля не только занимательную домашнюю птицу, но и настоящего друга, я желалъ бы сказать—воспитать опереннаго человѣка, тотъ долженъ волей-неволей примириться съ этимъ недостаткомъ, такъ какъ только та птица впоследствии выкажетъ вполнѣ свои способности, которая смолоду жила въ обществѣ человѣка.

Старыхъ журавлей можно навѣрняка убить только изъ заранѣе устроенной засады, которая не возбуждала бы ихъ подозрѣній, а иначе—только случайно, разумеется, не считая особыхъ обстоятельствъ, какъ напримѣръ крайняго голода, который можетъ заставить ихъ забыть привычную осторожность. Насколько они осторожны, я убѣдился на мѣстахъ ихъ зимовокъ, гдѣ всѣхъ птицъ вообще гораздо легче убивать, чѣмъ въ другое время. Чтобы рассчитывать на удачную охоту, мы должны были отправляться на песчаные острова ночью, залечь тамъ и, отправивъ лодку назадъ, заставить птицъ думать, что опасность миновала; иначе намъ приходилось подстрѣлить того или другого изъ стаи только благодаря дальнему бою нашихъ ружей и то только тогда, когда намъ удавалось подкрасться къ нимъ по лѣсистому берегу на разстояніе выстрѣла. Послѣ всякаго шума, а тѣмъ болѣе смерти товарища, они становятся совершенно недоступными для охотника. Мы съ удовольствіемъ ѣли ихъ мясо, но чаще варили изъ него прекрасный супъ. Въ прежнія времена оно цѣнилось выше и подавалось какъ жаркое на большихъ пирахъ за столомъ богатыхъ охотниковъ. Впрочемъ, мясо молодыхъ дѣйствительно имѣетъ недурной вкусъ; старыхъ же журавлей можно назвать несъѣдобными. Въ Азіи охотятся на всѣ тамошніе виды съ соколами и другими способами ради перьевъ ихъ.

Павлиній журавль (*Grus pavonina, balearica, Balearica pavonina, Ardea, Anthoroides, Geranarchus pavonina*. Pfauenkranich. Grue paon) характеризуется слѣдующими признаками: сильное тѣло, средней длины шея, большая голова, крѣпкій, конусовидный, средней длины клювъ съ выпуклою, округленною слегка сплюснutoю, ноги съ длинною плюсною, длинными пальцами и довольно сильными когтями; широко закругленные крылья, четвертое маховое перо которыхъ длиннѣе прочихъ; короткій, прямо обрѣзанный хвостъ и богатое опереніе. На передней части темени пучекъ перьевъ образуетъ бархатистый хохолокъ; на затылкѣ перья видоизмѣнены въ щетинистыя образованія, свернутыя спирально отъ основанія и разщепленные на концѣ въ пучекъ расходящихся лучей; на шеѣ и верхней части груди они удлинены; кроющія перья крыльевъ расушены; горло и сильно вздутыя щеки голы. Оба пола мало различаются по величинѣ. У молодыхъ окраска оперенія въ общемъ та же, но цвѣта ея менѣе чисты. Господствующій цвѣтъ оперенія—черный, хохолокъ окрашенъ въ смѣсь цвѣтовъ золотисто-желтаго и чернаго; кроющія перья крыльевъ чистаго бѣлаго цвѣта, малыя маховыя перья ржа-

во-бураго, крайнія изъ нихъ золотисто-желтаго. Глаза бѣлыя, щеки сверху мясо-красныя, снизу ярко-красныя; клювъ черный, на концѣ бѣловатый; ноги черно-сѣрыя. При жизни птицы опереніе имѣетъ годубоватый отливъ, почему кажется сѣроватымъ. Длина достигаетъ 99, размахъ крыльевъ 188, длина крыла 51, а длина хвоста 22 см.

Древніе называли павлиньяго журавля балеарской птицей или балеарскимъ журавлемъ; это дало новѣйшимъ изслѣдователямъ поводъ думать, что павлиній журавль водится на Балеарскихъ островахъ, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ Дегланъ, указываютъ на Сицилію и особенно на островъ Лампедозу, какъ на мѣста, гдѣ эта птица встрѣчается. Я сомнѣваюсь въ справедливости этого, хотя вовсе не теряю изъ виду сообщенія добросовѣстнаго Тристрама, что онъ видѣлъ однажды двухъ павлиньихъ журавлей въ сѣверной Сахарѣ. Родина этой птицы—средняя Африка, приблизительно отъ 16° сѣверной широты далѣе къ югу и отъ Атлантическаго океана до Индійскаго. Въ южной Африкѣ ее замѣщаетъ родственныи видъ. Павлиній журавль часто встрѣчается въ западной части этой области и довольно обыкновененъ въ восточной ея части, по крайней мѣрѣ, начиная съ 15° сѣв. шир. къ югу. По моимъ наблюденіямъ, онъ населяетъ здѣсь поросшіе кустарниками плоскіе берега рѣкъ и рѣдкіе лѣса—парами или обществами и прилетаетъ ежедневно на рѣчные острова, чтобы напиться и поплясать. Въ дождливое время года его встрѣчаютъ парами, въ остальное время обществами, состоящими иногда болѣе, чѣмъ изъ 100 штукъ. Такія стаи присоединяются къ зимующимъ въ Суданѣ стаямъ сѣрыхъ и степныхъ журавлей, не вступая однако съ ними никогда въ болѣе тѣсныя отношенія; эти родители павлиньяго журавля, по видимому, только терпятъ его присутствіе, но врядъ ли смотрятъ на него благо-склонно.

На ходу павлиній журавль держится прямо, мало сгибаетъ спину и поднимаетъ хохоль. Обыкновенно онъ ходитъ тихо; но если его испугать, онъ можетъ, какъ это мнѣ показали экземпляры съ перебитымъ крыломъ, бѣжать такъ быстро, что человѣку приходится дѣлать большія усилія, чтобы догнать его. Прежде чѣмъ взлетѣть, онъ пробѣгаетъ нѣкоторое пространство съ распущенными крыльями и только затѣмъ поднимается на воздухъ. Летитъ онъ медленно, мѣрно взмахивая крыльями, вытянувъ впередъ шею и опустивъ хохоль. По именно во время полета является онъ во всей своей красотѣ, такъ какъ оба его преобладающихъ цвѣта, черный и бѣлый, выступаютъ со всей рѣзкостью. Кто его хоть разъ видѣлъ, тотъ не смѣшаетъ его съ какой бы то ни было другой болотной птицей. Онъ очень красивъ также, когда бѣжитъ, особенно если движется по зеленой поверхности или среди зелени кустовъ. Очень своеобразны танцующія движенія, которыя онъ производитъ при всякомъ возбужденіи. Эти журавли, скучившись на ровномъ песчаномъ мѣстѣ, начинаютъ танцовать всякій разъ, когда необычное явленіе привлечетъ ихъ вниманіе, если въ кучѣ пролетитъ новый журавль и т. д. Танцоръ подпрыгиваетъ вверхъ иногда на метръ отъ земли, нѣсколько распускаетъ при этомъ крылья и иногда опускаетъ ноги неодновременно, а одну за другой. Я не знаю, танцуютъ ли оба пола, но предполагаю, что одни самцы развлекаются такимъ образомъ. Голосъ павлиньяго журавля представляетъ громкій звукъ, который довольно вѣрно передается арабскимъ названіемъ птицы «рарнукъ»,—звукоподражаніемъ ея крика; онъ слышенъ въ лѣсу почти за два километра. Пища его состоитъ почти исключительно изъ сѣмянъ; во время созрѣванія хлѣбовъ—изъ одной дурры или африканскаго ячменя, остальное время—изъ различнаго рода зеренъ, особенно изъ сѣмянъ нѣкоторыхъ злаковъ; помимо этого онъ питается древесными почками,

верхушками травъ, плодами и насѣкомыми, въ видѣ исключенія—пожалуй, моллюсками и мелкими рыбами, но не чувствуетъ лишенія при отсутствіи пищи этого рода.

Ежедневная жизнь павлиньяго журавля строго распредѣлена. Съ восходомъ солнца онъ вылетаетъ съ мѣста ночлега въ степь, гдѣ проводитъ часа два за отыскиваніемъ пищи; затѣмъ онъ появляется на песчаныхъ отмеляхъ рѣкъ; здѣсь онъ пьетъ, чиститъ перья и развлекается, какъ было описано выше. Иногда онъ предпринимаетъ послѣ полудня новую непродолжительную экскурсію, но обыкновенно довольствуется на цѣлый день утренней пищей. Къ вечеру стая раздѣляется на меньшіе отряды, которые отправляются на ночлегъ обществомъ. Я замѣтилъ на Голубомъ Пилѣ, что павлинья журавли ночуютъ только въ лѣсу. По направленію ихъ полета я нашелъ дорогу къ мѣсту ночлега и черезъ нѣсколько минутъ услышалъ трубные звуки, издаваемые крикливой стаей. На самомъ мѣстѣ шумъ былъ большой, но по слабости долетавшихъ до меня звуковъ я скоро догадался, что до этого мѣста еще далеко. Дѣйствительно мнѣ пришлось пройти еще добрыхъ четверть часа, чтобы дойти до него. Къ моему немалому удивленію я увидѣлъ 30—40 журавлей на деревьяхъ небольшой рощи, окруженной со всѣхъ сторонъ степью, и ни одного на землѣ. Это наблюденіе, которое я впослѣдствіи повторялъ неразъ, приводитъ меня къ предположенію, что павлиній журавль также гнѣздится на деревьяхъ, а не на землѣ. О самомъ размноженіи мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось собрать личныхъ наблюденій.

Жители западной Африки уже съ давнихъ поръ приручаютъ эту красивую и замѣтную птицу, а потому ее часто привозятъ и въ Европу. Мой братъ Рейнгольдъ видѣлъ ее въ Лиссабонѣ полудомашней птицей: она гуляла тамъ по бульварамъ и улицамъ, повидимому, безъ всякаго присмотра. Прохожіе бросали ей хлѣбъ и т. п., и она такъ привыкла къ этимъ подачкамъ, что положительно выпрашивала ихъ. Въ неволѣ павлиній журавль прекрасно уживается съ курами и голенастыми птицами и привѣтствуетъ своего хозяина веселыми танцами. Въ зоологическихъ садахъ онъ привлекаетъ вниманіе посѣтителей, такъ какъ тоже принимается танцовать, когда услышитъ музыку.

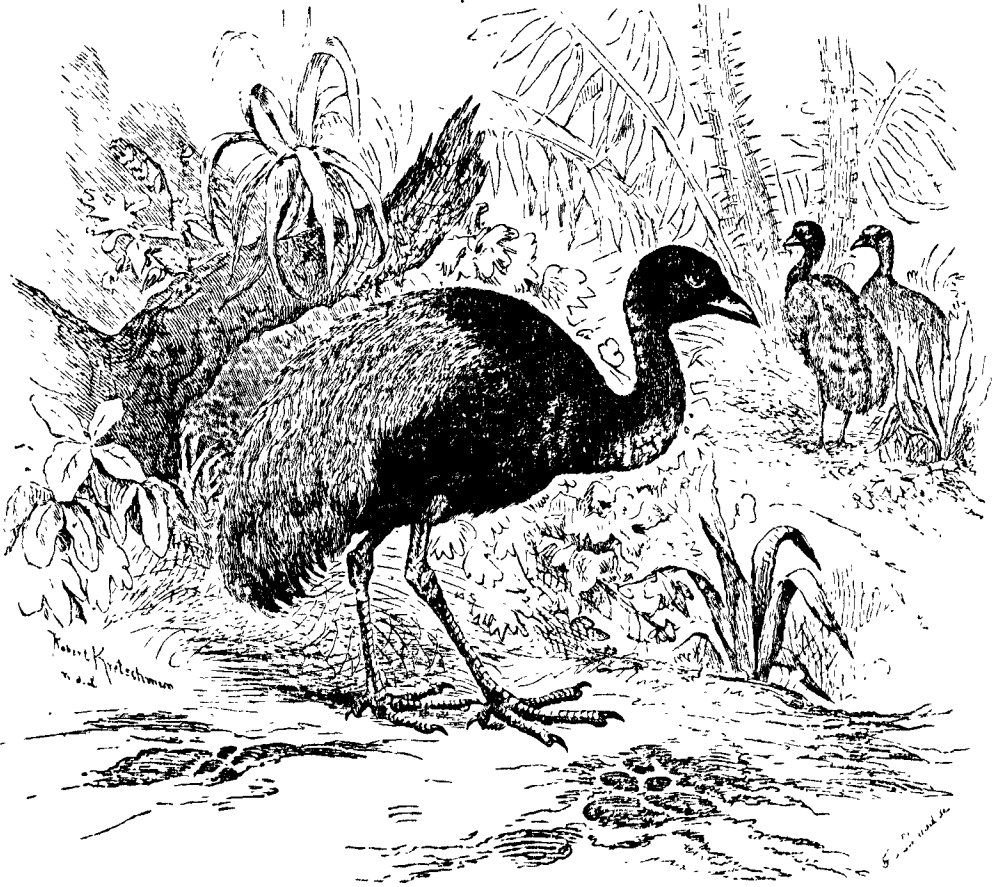
Всѣ плѣнные павлинья журавли, привозимые къ намъ, воспитаны въ неволѣ, хотя, вѣроятно, не слишкомъ трудно поймать и старыхъ на ихъ обычномъ мѣстѣ ночлега. Охота за ними довольно затруднительна, такъ какъ вездѣ они очень пугливы. Они предусмотрительно избѣгаютъ всадника или лодки и вообще видятъ опасность во всемъ необычномъ. Чтобы добыть себѣ ихъ, мы были принуждены строить землянки, но этимъ средствомъ мы могли пользоваться только нѣсколько дней, такъ какъ стая, изъ которой намъ удалось убить одну или двѣ штуки, тщательно избѣгала островъ съ землянками. Удачнѣе была засада въ самомъ мѣстѣ ночлега; но сидѣть въ засадѣ въ Африкѣ представляетъ такія неудобства, которыхъ нельзя себѣ представить, не испытавши ихъ лично.

Трубачи (Psophiidae. Trompetervögel. Psophiidés), второе семейство группы журавлиныхъ съ однимъ только родомъ того-же имени (Psophia), являются въ известной степени промежуточнымъ звеномъ между журавлями и серидами. Они имѣютъ сильное тѣло, шею средней длины, голову умѣренной величины; клювъ ихъ короткій и выпуклый, съ выгнутой спинкой и загнутымъ концомъ и нѣсколько сжатъ съ боковъ; ноги высокія съ длинной плюсной, короткими пальцами, изъ которыхъ наружный и средній соединены короткой перепонкой и вооружены за-

остренными когтями; крылья короткія и выпуклыя, четвертое маховое перо ихъ всего длиннѣе; короткій хвостъ состоитъ изъ небольшихъ перьевъ; остальное опереніе крупноперое, бархатистое на головѣ и шеѣ и пушистое на нижней сторонѣ тѣла.

* * *

У Агами (*Psophia crepitans*, *buccinator*, *leucoptera*, *viridis*. Agami) голова, шея, зашеекъ, крылья, нижняя часть груди, брюхо и гузка чернаго цвѣта; прибавочныя крылья пурпурово-черныя съ голубымъ или зеленоватымъ отливомъ; пле-

Агами. *Psophia crepitans*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

чевья перья у молодыхъ маслянисто-бурыя, у взрослыхъ свинцово—или серебрино-сѣрыя; нижняя и верхняя части шеи стального голубого цвѣта съ металлическимъ отливомъ. Глаза красно-каріе, голое кольцо вокругъ глазъ мяско-краснаго цвѣта, клювъ зеленовато-бѣлый; ноги желтоватаго мяско-краснаго цвѣта. Длина достигаетъ 52, длина крыла 29, длина хвоста 3 см.

Родина агами—въ Южной Америкѣ къ сѣверу отъ Амазонской рѣки; по ту сторону этого громаднаго потока его замѣщаетъ другой родичъ. Онъ живетъ только въ лѣсахъ и здѣсь встрѣчается повсюду и держится большими обществами, достигающими, по словамъ Шомбургка, до 100—200 штукъ. Эти стаи расхаживаютъ медленно и съ достоинствомъ, пока ихъ ничто не тревожитъ, развлекаются весе-

лыми и смѣшными прыжками, но умѣютъ очень быстро бѣгать и приспособились къ этому способу передвиженія. «Они такъ плохо летаютъ» говоритъ Шомбургкъ, «что когда стаѣ приходится перелетѣть сколько-нибудь широкую рѣку, многіе не достигаютъ противоположнаго берега, но падаютъ въ воду и спасаются вплавь». Завидѣвши охотника, стая пугливо снимается, но, конечно, никогда не улетаетъ сразу на далекое разстояніе; тяжелыя птицы вскорѣ опять опускаются на землю или взлетаютъ на невысокія вѣтки деревьевъ, откуда ихъ легко подстрѣлить. Испугавши ихъ, можно услышать ихъ странный голосъ: сначала они издаютъ рѣзкій дикій крикъ, затѣмъ глухой шумъ, напоминающій барабанный бой и производимый ими съ закрытымъ клювомъ; этотъ шумъ, вовсе не непріятный, длится съ минуту и постепенно слабѣетъ, какъ бы долетая все съ большаго и большаго разстоянія; потомъ наступаетъ на нѣсколько минутъ пауза и затѣмъ опять крикъ и вышеупомянутое чревошщаніе. По мнѣнію индѣйцевъ, послѣднее дѣйствительно исходитъ изъ брюха и источникъ этого мнѣнія повятевъ тому, кто видѣлъ кричащую птицу. По моимъ наблюденіямъ, громкіе, протяжные звуки могутъ быть переданы въ родѣ «цетеррет бурререт турррре» и издаются птицей при вдыханіи; непосредственно за этимъ слѣдуютъ необыкновенно низкіе ворчащіе звуки, которые трудно выразить буквами. Не безъ основанія ставятъ въ связь этотъ своеобразный голосъ съ особымъ устройствомъ дыхательнаго горла. Дыхательное горло», говоритъ Пеппигъ, «въ верхней половинѣ своей толщиною съ очинъ лебединаго пера, суживается, вступивъ въ грудную кѣтку и сообщается съ обѣихъ сторонъ съ двумя перепончатыми, полусферическими воздушными мѣшками, изъ которыхъ правый большій, повидимому, подраздѣленъ на 3 или 4 камеры. Дѣйствіемъ мышцъ грудной кѣтки воздухъ гонится въ эти сложные мѣшки черезъ узкія отверстія и, проходя черезъ нихъ, производитъ описанный выше странный шумъ». При всякомъ возбужденіи агами кромѣ того быстро раскрываетъ крылья и расправляетъ ихъ щитомъ, повторилъ это 5—6 разъ подрядъ.

Пища агами состоитъ изъ плодовъ, зеренъ и насѣкомыхъ. Молодые предпочитаютъ червей и жуковъ, старые легко привыкаютъ къ хлѣбнымъ зернамъ всякаго рода и печеному хлѣбу.

Агами гнѣздится на землѣ, выкапываетъ, какъ курица, мелкое углубленіе у основанія подножія дерева и кладетъ туда 10 или болѣе свѣтло-зеленыхъ яицъ; птенцы, какъ настоящія выводковыя птицы, только что обсохнувъ, покидаютъ гнѣздо вмѣстѣ съ родителями, но еще въ теченіи нѣсколькихъ недѣль сохраняютъ очень густой, длинный и мягкій гнѣздовый пухъ.

По словамъ Шомбургка, агами встрѣчается во всѣхъ индѣйскихъ поселеніяхъ на полной свободѣ и обыкновенно въ роли сторожа и повелителя всѣхъ остальныхъ домашнихъ птицъ. Онъ узнаетъ людей, которые занимаются имъ, и привязывается къ нимъ, слушается голоса своего хозяина, слѣдуетъ за нимъ какъ собака, расхаживаетъ передъ нимъ или пляшетъ кругомъ него веселыми прыжками, выражаетъ живую радость при возвращеніи хозяина послѣ продолжительной отлучки и выказываетъ ревность къ другимъ животнымъ, съ которыми ему приходится дѣлить расположеніе своего господина. Онъ очень чувствителенъ къ ласкамъ, позволяетъ, на примѣръ, чтобы ему чесали голову и шею, и прямо вызываетъ даже на такія ласки, которыя непріятны другимъ птицамъ. Онъ оказываетъ почтеніе знакомымъ дома, смотритъ недружелюбно на чужихъ и нѣкоторыхъ лицъ ненавидитъ. Властолюбіе свое онъ выказываетъ, впрочемъ, не только по отношенію къ домашнимъ птицамъ, но и по отношенію къ собакамъ и кошкамъ; онъ смѣло наступаетъ на нихъ, вѣроятно опасаясь за своихъ подданныхъ. Плѣнный агами въ Парижъ

скомъ акклиматизаціонномъ саду водилъ стадо куръ, какъ властелинъ сзывалъ ихъ и кудахталъ. Говорятъ, что иногда они, какъ журавли, охраняютъ стадо барановъ на пастбищахъ. По улицамъ деревень въ Гвіанѣ можно часто видѣть свободно бѣгающихъ агами; даже удалившись на значительное разстояніе отъ дому, они всегда возвращаются назадъ. По словамъ Шомбургка, они иногда размножаются въ неволѣ.

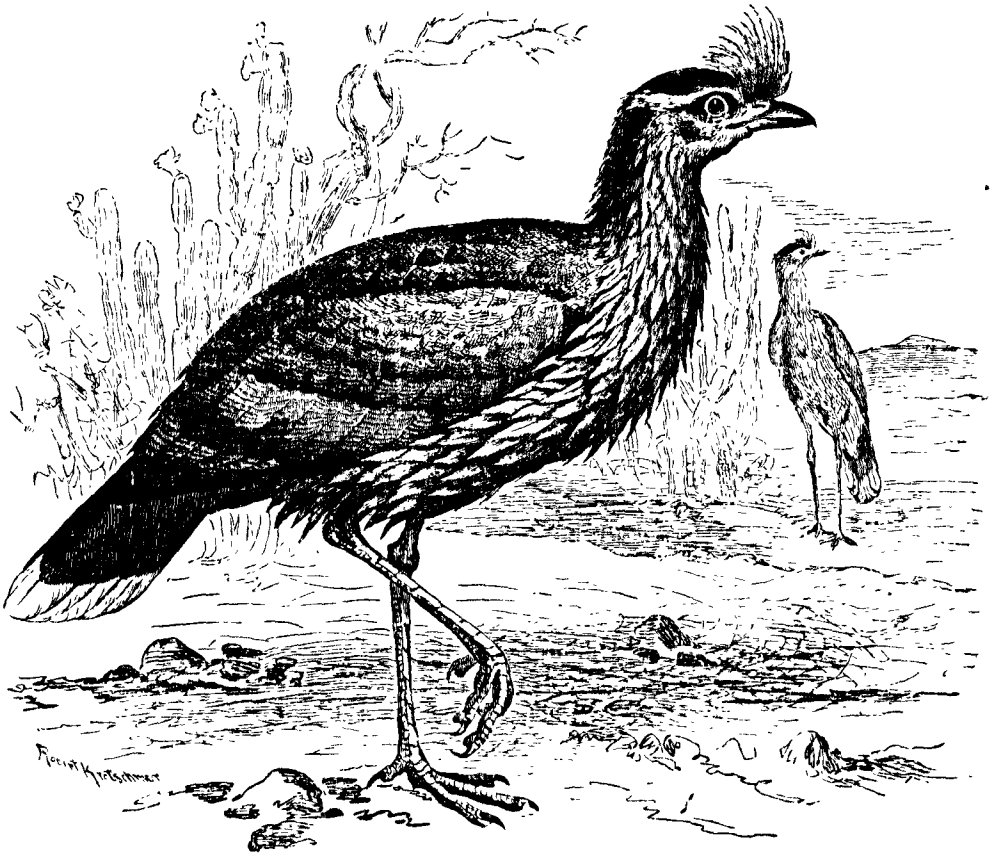
Къ третьему семейству (*Dicholophidae*) принадлежатъ **Серимы** (*Dicholophus*. *Schlangenstorch*. *Sariemas*), очень своеобразныя птицы, которыя напоминаютъ во многихъ отношеніяхъ секретаря и прежде соединялись съ нимъ въ одно семейство. Тѣло ихъ стройное, шея длинная, голова довольно большая; клювъ нѣсколько короче головы, тонкій, вытянутый, умѣренно сжатый съ боковъ, прямой при основаніи, согнутый и крючковатый въ своей передней половинѣ или на концѣ, напоминающій вытянутый клювъ хищной птицы. Очень высокія ноги, голыя далеко выше плюсны, съ длинной плюсной и короткими пальцами особенно отличаются толстыми, сильно загнутыми и заостренными когтями и напоминаютъ такимъ образомъ лапу хищной птицы. Крылья короткія, но жесткія и сильныя; изъ маховыхъ перьевъ четвертое и пятое всего длиннѣе, кроющія перья крыльевъ настолько удлинены, что прикрываютъ сверху сложенные крылья; хвостъ, состоящій изъ десяти перьевъ, длинный и сильно закругленный. На головѣ перья длинныя, узко-заостренныя и довольно мягкія; на лбу, начиная отъ основанія клюва, они удлинены въ торчащій кверху хохолъ; на грудя и гузкѣ они мягкія и пушисты, вокругъ ноздрей и по краямъ рта—щетинисты; голое пятно замѣняетъ уздечку. По внутреннему строенію серима сходна съ журавлемъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ также съ пастушками. Позвоночникъ состоитъ изъ 14 шейныхъ, 7 спинныхъ, 13 крестцовыхъ и 7 хвостовыхъ позвонковъ; грудная кость имѣетъ высокій гребень и не имѣетъ выемки на заднемъ краю; языкъ достигаетъ половины длины нижней челюсти; онъ плоскій, гладкій, съ цѣльнымъ краемъ и съ гладкой, тонкой роговой пластинкой на концѣ; толстостѣнный пищеводъ переходитъ черезъ небольшой передній желудокъ въ растяжимый кожистый мускульный желудокъ.

* *
*

Опереніе **Серимы** (*Dicholophus cristatus*, *saurrophagus*, *margravii*, *Cariama cristata*, *saurrophaga*, *Palamedea*, *Sariama cristata*, *Microdactylus*, *Lophorhynchus cristatus*, *Seriema*, *Sariemas*) сѣраго цвѣта. Каждое перо разрисовано тонкими, болѣе свѣтлыми и болѣе темными поперечными зигзагообразно-волнистыми линіями; на перьяхъ передней части груди эти линіи не доходятъ до стержня, благодаря чему получается продольная полоса вдоль стержня; перья нижней части брюха вовсе не имѣютъ рисунка. Удлиненныя перья головы и шеи черно-бурыя, маховыя перья черныя съ бѣловатыми поперечными полосками на внутренней части опахала, перья прибавочнаго крыла съ бѣлыми концами; оба среднихъ рулевыхъ пера хвоста однороднаго сѣро-бураго цвѣта, остальные черно-бурыя по срединѣ и бѣлыя при основаніи и на концѣ. Глаза свѣтло-желтаго цвѣта, уздечка сѣровато-мясного цвѣта, голое кольцо вокругъ глазъ голубоватое, клювъ кораллово-красный, ноги спереди красновато-бурыя, съ боковъ кирпично-красныя. Самка отличается отъ самца болѣе короткими перьями на затылкѣ и желто-сѣрымъ основнымъ тономъ окраски. Птенцы во всѣхъ существенныхъ чертахъ похожи на самку. Длина достигаетъ 82, длина крыла 37, длина хвоста 31 см.

Объ образѣ жизни серимы дали намъ подробныя свѣдѣнія принцъ фонъ Видъ

и Бурмейстеръ, п ихъ сообщенія существенно дополнены въ послѣднее время Гомейеромъ, которому удалось наблюдать плѣнкую птицу; такимъ образомъ мы можемъ въ настоящее время похвалиться достаточнымъ знакомствомъ съ этимъ страннымъ животнымъ, загадочнымъ для многихъ изслѣдователей. Серима распространена по значительной части Южной Америки и живетъ на обширныхъ, открытыхъ пастбищахъ внутренней Бразиліи, гдѣ небольшія возвышенности или равнины, поросшія травой, смѣняются рѣдкими кустарниками. Она встрѣчается парами или, послѣ гнѣздоваго періода, семействами штуки по 3—4, но видѣть ее удается только тамъ, гдѣ она не можетъ спрятаться въ травѣ.

Серима. *Dicholophus cristatus*. $\frac{1}{6}$ наст. вел.

Ея окраска, по словамъ Бурмейстера, очень ей выгодна въ сухихъ степяхъ. Она прижимается, слышавъ шумъ, и только время отъ времени нѣсколько приподнимаетъ голову; затѣмъ быстро бѣжитъ въ травѣ, совершенно не показываясь. «Хотя я слышалъ птицу ежедневно въ саваннахъ, говоритъ Бурмейстеръ, «именно на раннемъ разсвѣтѣ, лежа на своей постели, но никогда не видалъ ея лицомъ къ лицу. Я часто слышалъ звукъ рядомъ съ собой, но стоило мнѣ броситься по его направленію и все замирало, ничто не шевелилось — не только птица, но и ни одна травинка». Аргентинскій родичъ серимы, называемый тамъ «Чунья», также позволяетъ чаще слышать себя, нежели видѣть; тѣмъ не менѣе Бурмейстеру два раза удалось видѣть его. Принцъ фонъ Видъ говоритъ, что бѣгъ этой птицы,

похожъ на бѣгъ индюка; Бурмейстеръ прибавляетъ, что она бѣжитъ скорѣе лошади, бѣгущей рысью, и что послѣдняя можетъ догнать ее только галопомъ. Гомейеръ замѣчаетъ, что на бѣгу птица сильно наклоняется впередъ, придаетъ туловищу и сложенному хвосту горизонтальное положеніе и плотно прижимаетъ къ тѣлу крылья, нисколько не распуская ихъ. Въ спокойномъ состояніи шея втянута, передняя часть туловища приподнята и хвостъ опущенъ. Днемъ серима рѣдко держится спокойно; она стоитъ, неумоимо ходитъ и бѣгаетъ взадъ и впередъ и никогда не впадаетъ въ задумчивость, какъ это часто дѣлаетъ журавль. Бразильцы рассказывали принцу фонъ Видъ, что иногда можно видѣть ее сидящей на вершинѣ куста или невысокаго дерева, но что при приближеніи опасности она опускается тотчасъ на землю и ищетъ спасенія отъ преслѣдователя только бѣгомъ, не обращаясь къ помощи крыльевъ. Гомейеръ наблюдалъ, что серима проводитъ ночь всегда на деревьяхъ и никогда не на землѣ; поднимаясь, она выказываетъ большую неловкость, и ей нужно много времени, чтобы добраться до намѣченнаго мѣста. Здѣсь она втягиваетъ шею и подбираетъ ноги и проводитъ ночь, скорчившись такимъ образомъ. Бурмейстеръ также говоритъ, что она проводитъ ночь въ верхнихъ деревьяхъ умеренной высоты. На свободѣ, какъ и въ неволѣ, часто раздается ея громкій, далеко слышимый голосъ. По мнѣнію Бурмейстера, онъ звучитъ какъ лай и таяканье молодой собаки, а по словамъ Гомейера, напоминаетъ голосъ хищныхъ птицъ и необыкновенно пронзителенъ. Кричащая птица сидитъ большею частью на извѣстной вышинѣ; по крайней мѣрѣ, бѣгая по землѣ, она кричитъ менѣе громко и не такъ постоянно. «Когда серима вскочитъ на какой-нибудь пенъ, пусть слабонервные люди удаляются какъ можно дальше, такъ какъ тогда начинается крикливый концертъ въ полномъ смыслѣ слова. Во время первой части пѣсни музыкантъ приподнимаетъ туловище, смотритъ на небо и поразительно громко выкрикиваетъ чистымъ звонкимъ голосомъ: «ха, ха, ха, ха-хи, хи хи хи, хіель, хіель, хіель», потомъ слѣдуетъ краткая пауза въ 4—5 секундъ и затѣмъ короткій звукъ. Выкрикивая каждый отдѣльный слогъ, птица попеременно подтягиваетъ и приподнимаетъ голову, что вызываетъ своеобразное движеніе передней части тѣла; послѣ этого она совершенно закидываетъ голову назадъ и переходитъ ко второй части концерта. Она начинается еще гораздо громче первой и заканчивается, постепенно слабѣя; передать ее можно приблизительно слогами: «хахіель, хахіель, хіель, иль, илк, илк, илк, ак». Иногда птица кричитъ цѣлыхъ полчаса».

Пища серимы состоитъ преимущественно изъ насѣкомыхъ, водящихся въ пампасахъ; она уничтожаетъ также много змѣй, ящерицъ и т. п. Поэтому она пользуется въ Бразиліи общимъ уваженіемъ, и законъ запрещаетъ убивать ее. Принцъ фонъ Видъ, вскрывши желудокъ ея, нашелъ его совершенно набитымъ кузнечиками; Бурмейстеръ причисляетъ къ ея пицѣ и сочныя ягоды. Въ неволѣ она ѣстъ кусочки мяса, хлѣбъ, насѣкомыхъ и т. п. и выказываетъ, впрочемъ, при всякомъ удобномъ случаѣ хищническія наклонности. «Серима», говоритъ Гомейеръ, «чрезвычайно ловко ловитъ воробьевъ, молодыхъ крысъ и мышей, которые приближаются къ ея ящичку съ кормомъ, бросаясь на нихъ со всѣхъ ногъ. Она размягчаетъ ихъ затѣмъ въ водѣ и, приготовивъ такимъ образомъ, глотаетъ съ кожей и костями. Этому размачиванію подвергаются преимущественно болѣе крупныя животныя, какъ крысы и воробьи, рѣже болѣе мелкія, какъ напримѣръ мыши». Одна серима, которую наблюдалъ Бурмейстеръ, подбирала только мелкіе кусочки мяса, но не касалась большихъ кусковъ и внутренностей домашнихъ птицъ; напротивъ, она собирала кости или даже разныя кости-

ныя издѣлія и колотила ими о камень, пока они не разбивались, безъ сомнѣнія въ надеждѣ найти въ нихъ насѣкомыхъ, личинокъ или червей, живущихъ въ мозговыхъ полостяхъ, или даже полакомиться костнымъ мозгомъ. По наблюденіямъ Гааке въ Франкфуртѣ, серима убиваетъ змѣй, захватывая ихъ клювомъ и быстро бросая о землю, до тѣхъ поръ, пока онѣ не перестанутъ шевелиться.

Въ періодъ спариванія самцы ожесточенно дерутся изъ за самокъ. Принцъ фонъ Видъ непосредственно наблюдалъ эти драки въ февралѣ мѣсяцѣ. «Они преслѣдовали другъ друга въ густомъ утреннемъ туманѣ и подошли къ намъ случайно такъ близко, что мы видѣли, какъ они быстро бѣжали съ широко раскрытымъ клювомъ». Гомейеръ тоже упоминаетъ о драчливости серимы и описываетъ принимаемыя ею боевыя позы. «Во время драки», говоритъ онъ, «серима дѣлаетъ бѣшенныя прыжки, нахохливаетъ шейныя перья, надувается какъ хищная птица и при каждомъ прыжкѣ распускаетъ хвостъ вѣеромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ иногда, для удержанія равновѣсія, то одно, то другое крыло. То прыжками, то бѣгомъ наступаетъ она на противника и преслѣдуетъ его, сопровождая это смѣшными движеніями. Собственно оружіемъ ей служить клювъ, которымъ она, время отъ времени, наноситъ противнику мѣткій ударъ и вырываетъ клочъ перьевъ; ногами-же она только толкаетъ и топчетъ его, но никогда не царапаетъ. Впрочемъ эти ссоры серимъ между собой или съ другими птицами вообще никогда не продолжительны и никогда не принимаютъ злобнаго характера».

Гнѣздо устраивается на низкомъ или не слишкомъ высокомъ деревѣ. До одного изъ такихъ гнѣздъ, найденнаго принцемъ фонъ Видъ, можно было достать рукой. Оно состояло изъ сухихъ хворостинокъ, въ безпорядкѣ наложенныхъ на вѣтви; слой глины или коровьяго навоза служилъ подстилкою. Въ гнѣздѣ находились два яйца бѣлаго цвѣта съ рѣдкими ржаво-красными крапинами, приблизительно равныя по величинѣ павлиньимъ яйцамъ. Птенцы покрыты густымъ пухомъ ржаво-желтаго цвѣта съ волнистымъ сѣро-черно-бурымъ рисункомъ; они проводятъ нѣкоторое время въ гнѣздѣ, но потомъ, говорятъ, изгоняются оттуда родителями. Такъ какъ они очень легко приручаются, то ихъ берутъ молодыми изъ гнѣзда, чтобы выкормить на птичьемъ дворѣ. По словамъ Вурмейстера, уже послѣ двухдневнаго ухода они настолько привыкаютъ къ человѣку, что прибѣгаютъ на его зовъ, чтобы получить отъ него пищу. «Я видѣлъ двухъ такихъ птицъ, которыя по утрамъ стояли, скорчившись у огня и грѣлись, не обращая вниманія на скопленіе дѣтей и взрослыхъ, расположившихся около нихъ съ тою же цѣлью. Когда ихъ толкали или прогоняли съ мѣста, онѣ издавали короткій звукъ недовольства и становились въ той же позѣ по ту сторону костра». Подростки, молодые птицы разыгрываютъ на птичьемъ дворѣ роль главы всѣхъ остальныхъ домашнихъ птицъ, но уживаются съ ними довольно мирно. Ночью онѣ спятъ всегда на извѣстномъ возвышеніи, всего охотнѣе на слетенныхъ изъ хвороста крышахъ овинновъ. Имъ предоставляютъ полную свободу; онѣ очень далеко убѣгаютъ, но возвращаются всегда обратно и ведутъ себя совершенно какъ домашнія птицы.

«Хотя мясо этой птицы бѣло и такъ же вкусно, какъ и куриное», продолжаетъ принцъ фонъ Видъ, «тѣмъ не менѣе за ними рѣдко охотятся. Благодаря ихъ пугливости, трудно подойти къ нимъ на разстояніе выстрѣла; даже моимъ охотникамъ, за сѣвнымъ около гнѣзда, не удалось перехитрить стариковъ. Какъ только серима замѣтитъ что-нибудь необычайное, она сейчасъ-же умолкаетъ и черезъ нѣсколько мгновеній голосъ ея раздается уже издалика; иногда она также прячется въ кусты. Лучшій способъ охоты за этой птицей—преслѣдовать ее верхомъ, рысью, и не терять изъ виду. Отрѣзавъ ей далеко кругомъ путь къ кустамъ и ускоряя постоянно

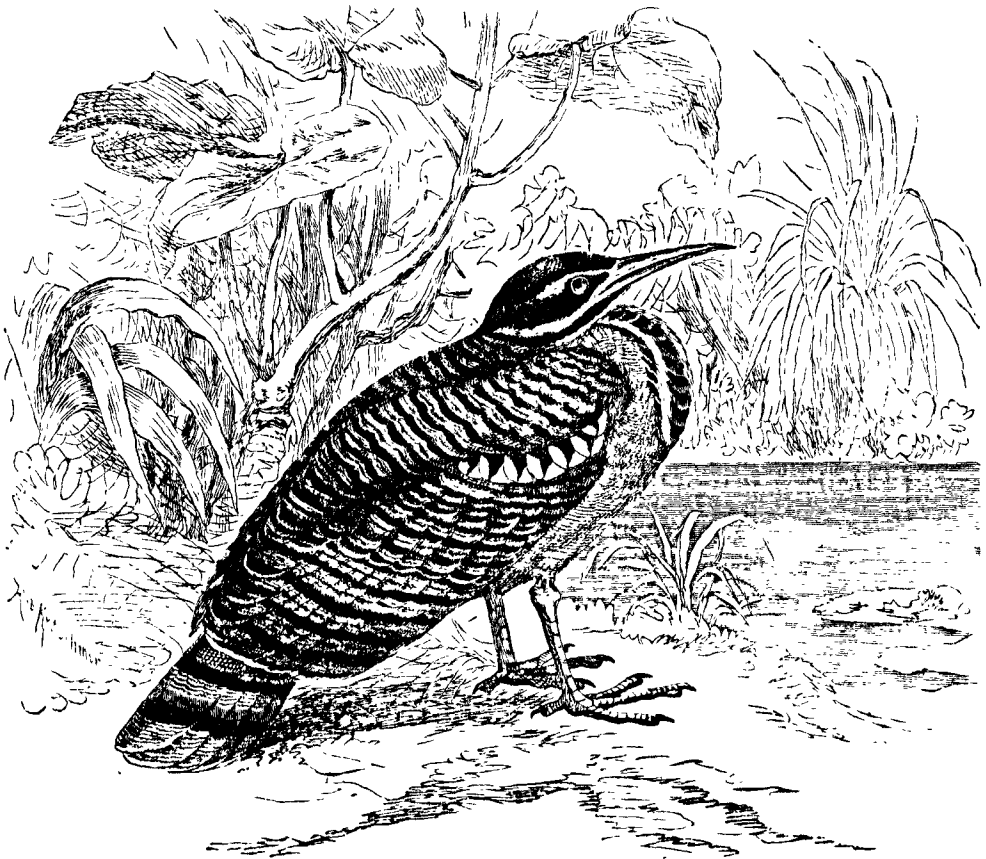
бѣгъ, наконецъ удастся утомить ее. Какъ только охотникъ замѣтитъ это, онъ быстро подбѣзжаетъ къ птицѣ, которая слегка мечется изъ стороны въ сторону, и набрасываетъ ей на шею петлю или убиваетъ ее выстрѣломъ, если она успѣла подняться на дерево, пролетѣвши недолго и низко надъ землею. Обыкновенно, впрочемъ, она прижимается къ землѣ и ее можно поймать руками живую. Я долго и тщетно ходилъ со своими охотниками по камню, разыскивая эту птицу, пока не встрѣтился мнѣ случайно отважный плантаторъ на быстромъ жеребцѣ. Онъ обѣщаль доставить мнѣ немедленно зрѣлище охоты за серимой и поскакалъ за птицей, крикъ которой раздавался вдругъ, и погналъ ее. Мы съ удовольствіемъ смотрѣли, какъ всадникъ скорой рысью неотступно преслѣдовалъ быструю птицу по пригоркамъ и холмамъ, черезъ тихія долины и равнины, какъ онъ въ высшей степени ловко перерѣзалъ ей путь къ кустамъ и наконецъ принесъ намъ красивую добычу живую».

Къ Солнечнымъ цаплямъ (*Eurypygae. Sonnenrallenartige. Cauralés*)—второй группѣ журавлиныхъ—относятся двѣ изъ самыхъ своеобразныхъ птицъ Южной Америки, образующія особое семейство. Онѣ отличаются небольшою величиною, худощавымъ туловищемъ и довольно длинною тонкою шеей. Голова такой-же формы, какъ у цапли; длинный, прямой, крѣпкій, твердый и заостренный клювъ сжатъ съ боковъ и имѣетъ слегка выпуклую спинку. Ноги длинныя, стройныя съ довольно развитымъ заднимъ пальцемъ; крылья очень широкія и большія, третье маховое перо ихъ всего длиннѣе; поразительно длинный хвостъ состоитъ изъ большихъ и широкихъ перьевъ, опереніе богатое, рыхло прилегающее и очень пестро окрашенное.

У Солнечной цапли (*Eurypyga helias, solaris, phalenoides, Helias, Heliornis solaris. Sonnenralle. Oiseau de soleil*) голова и затылокъ черныя, брови и другая полоска, идущая отъ нижнечелюстного угла къ задней сторонѣ шеи, подбородокъ и горло — бѣлаго цвѣта; перья спины и плечевыя черныя съ поперечными ржаво-красноватыми полосками; перья гузки и верхнія кроющія перья хвоста съ черными и бѣлыми полосками; шейныя перья съ бурыми и черными полосками; перья нижней стороны гѣла желтовато- или буровато-бѣлыя; маховыя свѣтло-сѣрыя съ бурыми полосками и разрисованы подъ мраморъ бѣлыми и черными пятнами и жилками; рулевыя имѣютъ сходный съ этимъ рисунокъ и кромѣ того украшены на концѣ своемъ широкою черною полоскою, окаймленною съ внутренней стороны бурнымъ бордюромъ. Болѣе точное описаніе оперенія невозможно, вслѣдствіе чрезвычайнаго разнообразія окраски и рисунковъ, и завело-бы слишкомъ далеко. Глаза красныя, клювъ желтаго воскового цвѣта, ноги соломенно-желтаго. Длина достигаетъ приблизительно 42 см.

Только благодаря новѣйшимъ путешественникамъ мы имѣемъ кое-какія свѣдѣнія о жизни солнечной цапли на свободѣ, а зоологическія сады Лондона и Амстердама дали намъ возможность ближе узнать ея жизнь въ неволѣ. Эта птица, которую не безъ основанія сравнивали съ большою оперенною бабочкою, живетъ въ сѣверной части Южной Америки отъ Гвіаны до Перу и отъ Эквадора до провинціи Гойасъ въ средней Бразиліи, на морскомъ побережьѣ и берегахъ рѣкъ, особенно Ориноко, Амазонской и въ Гвіанѣ. «Благодаря своему красивому оперенію, представляющему смѣсь цвѣтовъ сѣраго, желтаго, зеленаго, чернаго, бѣлаго и бураго», говоритъ Шомбургкъ, «солнечная цапля является однимъ изъ прекраснѣйшихъ представителей фауны этой страны, гдѣ птицы вообще такъ бо-

гаты роскошными цвѣтами, особенно когда она, какъ индюкъ, распушитъ хвостъ и крылья, которые блестятъ на солнцѣ и играютъ цвѣтами. Она встрѣчается по одиночкѣ, рѣже парами въ лѣсахъ, на мѣстахъ, освѣщенныхъ солнцемъ, но особенно на берегахъ рѣкъ. Она питается мухами и другими насѣкомыми, которыхъ она ловить настолько ловко, что тѣ рѣдко ускользаютъ отъ нея. Всегда подвижная, поворачивая постоянно голову во всѣ стороны, она разыскиваетъ добычу на землѣ и на листьяхъ низкихъ кустарниковъ. Когда ея зоркіе глаза замѣтятъ насѣкомое, она тотчасъ умѣряетъ шаги, осторожно подстуляетъ, быстро вытягиваетъ шею и

Солнечная цапля. *Euryura helias*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

притомъ такъ сильно, что въ одно мгновеніе успѣваетъ схватить и проглотить жертву, не подозрѣвающую даже близости врага». По словамъ Бэтса, она часто встрѣчается на Амазонской рѣкѣ, но ее рѣдко замѣчаютъ, такъ какъ ее скрываетъ пестрая листва и только ея призывной голосъ, тихій, протяжный свистъ—выдаетъ ея присутствіе. Веддель тоже говоритъ, что ему нечасто удавалось видѣть ее, но не потому, чтобы она была рѣдка, а благодаря ея пугливости. Умѣя подражать ея крику, можно заманить ее въ глубь лѣса. По словамъ Гудо, она чаще всего попадаетъ въ сумерки, такъ какъ именно въ эту пору она оживляется. Хотя это указаніе и противорѣчитъ сообщеннымъ выше наблюденіямъ, оно кажется мнѣ тѣмъ не менѣе имѣющимъ свое основаніе.

Кастельно называетъ солнечную цаплю дикою и злою, похожею по образу

жизни и правам на цапель. Если приблизиться, она расправляет крылья и готовится къ защитѣ; на врага своего она бросается иногда, прыгая какъ кошка. Несмотря на это, ее, вѣроятно, легко поймать и приручить, такъ какъ она встрѣчается въ ручномъ состояніи во всѣхъ поселеніяхъ индѣйцевъ и на дворахъ европейцевъ, живущихъ на ея родинѣ, и пользуется особымъ почетомъ въ качествѣ любимца. На Амазонкѣ ее называютъ «паваоне» или павлиномъ и пользуются этимъ именемъ какъ кличкой для плѣнныхъ птицъ, такъ какъ онѣ пріучаются слѣдовать за хозяиномъ, какъ собаки. Плаца видѣлъ въ Сарайку экземпляръ, прожившій въ неволѣ 22 года, а Шомбургкъ и Бэтсъ согласно подтверждаютъ, что эту птицу держать очень охотно, благодаря легкости приручить ее и ея долговѣчности. Въ неволѣ она большею частію бѣгаетъ на свободѣ, смѣшивается съ домашними птицами, безъ всякаго страха расхаживаетъ передъ собаками, но хорошо различаетъ чужихъ животныхъ и робко скрывается отъ незнакомыхъ людей. Пріятно наблюдать, какъ она охотится за насекомыми въ комнатахъ и въ полѣ, передъ домомъ и на крышѣ. Бэтсъ увѣряетъ, что она позволяетъ дѣтямъ играть съ нею, откликается на зовъ и прибѣгаетъ, чтобы взять изъ рукъ предлагаемую ей пищу.

Плѣнные солнечныя цапли, которыхъ я видѣлъ въ Лондонскомъ и Амстердамскомъ зоологическихъ садахъ, производятъ на наблюдателя совершенно своеобразное впечатлѣніе. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онѣ напоминаютъ цапель, но въ общемъ еще гораздо больше—папушковъ, хотя въ сущности не похожи ни на тѣхъ, ни на другихъ. Спокойно гуляя, онѣ придаютъ туловищу горизонтальное положеніе и нѣсколько опускаютъ крылья; быстро бѣгая, онѣ, какъ только могутъ гладко, прижимаютъ перья къ тѣлу. Походка ихъ крадущаяся и очень обдуманная; полетъ мягкій, странно порхающій, имѣетъ нѣкоторое сходство съ медленнымъ полетомъ бабочки или можетъ быть также сравненъ съ полетомъ всплугнутаго днемъ козодоя. Маховыя и рулевыя перья кажутся слишкомъ большими относительно вѣса тѣла, отсюда мягкость движеній. Ни одинъ изъ извѣстныхъ мнѣ путешественниковъ не даетъ точнаго описанія полета солнечной цапли; тѣмъ не менѣе, опираясь на собственные наблюденія, я прихожу къ рѣшительному заключенію, что она не въ состояніи летѣть на значительной вышинѣ и что всякій сильный порывъ вѣтра сбросилъ бы ее на землю.

Первыя свѣдѣнія объ ея размноженіи сообщилъ намъ Гудо. Гнѣздо всегда расположено надъ землей на деревьяхъ, на высотѣ 2 м.; кладка состоитъ изъ 2-хъ яицъ, усѣянныхъ болѣе или менѣе крупными пятнами и отдѣльными точками темно-бураго цвѣта по блѣдному суриково-красному фону. Птенцы покидаютъ гнѣздо въ августѣ. Къ всеобщей радости натуралистовъ плѣнники Лондонскаго зоологическаго сада дали въ 1865 году возможность собрать болѣе точныя наблюденія. Въ сентябрѣ 1862 года была куплена пара этихъ птицъ, которая скоро привыкла къ перемѣнѣ условій жизни. Въ маѣ 1865 года она выказала желаніе размножаться, собирая палки, корни, траву и другіе матеріалы. При этомъ наблюдали, что самецъ и самка все ходили вокругъ чашки съ водой, какъ бы ища здѣсь матеріаловъ для постройки гнѣзда или желая размягчить уже собранные. Это навело Бартлэта на мысль дать имъ глины и ила. Они немедленно воспользовались этимъ матеріаломъ, выбрали древесный стволъ около 3 м. вышиной, на которомъ было прикрѣплено старое искусственное гнѣздо изъ соломы, и стали сносить туда глину, смѣшанную съ соломой, травой и корешками; они выложили все гнѣздо внутри глиной и увеличили его боковыя стѣнки. Въ одно утро сторожъ принесъ обломки яичной скорлупы, которые онъ нашелъ подъ гнѣздомъ и считалъ принадлежащими солнечной цаплѣ. Бартлэтъ, къ своему удивленію, замѣтилъ въ нихъ сходство съ

яйцомъ камышницы или вальдишепа и усумнился въ вѣрности предположеній сторожа, такъ какъ въ той-же клѣткѣ находилась султанская курочка, но велѣлъ убрать послѣднюю, чтобы уединить солнечныхъ цапель. Въ началѣ юня сторожъ обратилъ вниманіе своего начальника на другое яйцо, лежавшее въ самомъ гнѣздѣ. Осмотрѣвъ его, Барглэтъ убѣдился въ его полномъ сходствѣ съ обломками перваго. Оба родителя очень заботились объ яйцѣ и поочередно насиживали его въ теченіи 27 дней. 9 юня вылупился птенецъ; на слѣдующій день его тщательно осмотрѣли и сняли съ него рисунокъ. Онъ продолжалъ сидѣть въ гнѣздѣ и родители поочередно кормили его насѣкомыми и живыми мелкими рыбками, какъ ибисы кормятъ своихъ птенцовъ. На второй день жизни птенецъ уже настолько умѣлъ летать, что спустился на землю и оставался здѣсь, не возвращаясь больше въ гнѣздо. Онъ росъ такъ быстро, что уже черезъ два мѣсяца его нельзя было ни по чему отличить отъ родителей. Въ августѣ старики снова принялись за устройство гнѣзда, выложивъ его свѣжимъ слоемъ ила и глины; въ концѣ августа самка опять снесла яйцо. На этотъ разъ самецъ занялся насиживаніемъ съ большимъ стараніемъ и усердіемъ, нежели самка, которая все еще была занята выкармливаніемъ перваго птенца. 28 сентября вылупился второй птенецъ. Но родители выказывали гораздо больше заботливости по отношенію къ своему первенцу, чѣмъ ко второму птенцу, такъ что сторожъ, опасаясь, чтобы маленькое животное не пострадало отъ такого пренебреженія, долженъ былъ придти къ нему на помощь. Птенецъ скоро привыкъ къ этому своему пріемному отцу—человѣку, и его также удалось воспитать. На сдѣланныхъ Барглэтомъ рисункахъ видно, что пуховой нарядъ птенца сверху ржаво-бурый съ желтовато-бѣлыми продольными и поперечными полосками и пятнами; снизу онъ, напротивъ, одноцвѣтенъ, если не считать немногочисленныхъ бѣлыхъ и бурыхъ полулунныхъ пятенъ.

Kary (*Rhinochetus jubatus*. Kagu. Sagou), гнѣздящійся въ Новой Каледоніи, является единственнымъ видомъ рода (*Rhinochetus*) и семейства того-же имени (*Rhinochetidae*). Тѣло ихъ сжатое, прямой клювъ—умѣренной длины. Съ обѣихъ сторонъ клюва находится, въ глубокой бороздѣ, по короткой, открытой спереди трубкѣ, въ которую открывається ноздря. Плюсна толстая и приблизительно вдвое длиннѣе средняго пальца; передніе пальцы совершенно свободны, короткій задній палецъ прикрѣпляется высоко. Мягкое опереніе сѣраго цвѣта; длинныя перья затылка разсучены; нижняя сторона тѣла свѣтлаго ржаво-бурого цвѣта. Хвостъ зеленый при основаніи и красно-бурый на концѣ; маховыя перья украшены поперечными полосками—черными, бѣлыми съ чернымъ рисункомъ подъ мраморъ и отчасти блѣдными ржаво-бурыми.

Kary ведетъ ночной образъ жизни и питается исключительно животными, особенно слизнями и червями.

